

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Harbard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,
OF BOSTON,

Widow of Col. James Warren Sever,
(Class of 1817),

Title Page

Тиниграфія М. М. Стасилавича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 1-а. — ЯНВАРЬ, 1903.	Gep.
1РИМЪ И РИМСКАЯ "РЕЛИГІЯ"Очери1-УІО. Ф. ЗБанискаго	- 6
П.—ЗАКОНЪ ЖИОНИ.—Повъсть1-Х.—И. Д. Воборывина	38
III.—ПО ВЕЛИКОЙ СВБПРСКОЙ ЖЕЛФЯНОЙ ДОРОРЬ. — Путевия веждеки. — І. Отъ Москви до Кургана. — II. Отъ Кургана до Омска. — III. Омскъ и Бараба. — IV. Красноврскъ. — Эд. Циммермана	107
IV.—МОЛ ЖИЗНЕ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЪЛТЕЛЬПОСТЬ.—1832-1884 гг.— Въспомиканія и закуктац.—І-ІІІ.—А. В. Романовича-Славатинскаго.	138
 У.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—І. При санті вепериені.—ІІ. " — А. М. Жемчум- пивова 	198
VI.—ЖИТЕЙСКІЕ ТОЛЧКИ.—Разскать.—Нат. Стахевичь	200
VII.—ЦАРИЦА АДРІАТИКИ,—Иль путеместеїв по спропейскому всу.—Е. Л. Мар-	210
VIII.—IEPH'S VAL.—Jornon.—Jorn Uhl, Rom, v. G. Frenssen.—I-VIII.—Ca ata— II.—usz C—noft	376
ТХ.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБООРЪНИК. — Истовий 1902-он году. — Интереск нь общестий из работами, укланизь комитетовы. — Первие маги тубераскихи, комитетовы. — Мари по походу недорода 1902-го года. — Понай ветеринарний шкомы. — Ориганальная промишенизм пидаа. — По вопросу о менной пемедой единик. — Могковское губериеное земское собраніе.	342
X.—HEROTETH COCTOBHMX'S RPOTPAMM'S,—C. C. Sexthers, Xonsicrosumuc strong mercannary coposarktin a school in Xonsicrosumony magnessy.— B. B.	359
КІ.—ВНОСТРАПНОЕ ОБОЗРЕНІЕ. — Мождувародная политика за Европе за петемній года. — Македовскій вопроса и Правительственное сообщеніе. — Нама динаоватів на области балкансцика кілть. — Впутреннія діла на Германіи, Австріи, Австріи, Австріи. — Венедуальскій комфликта.	877
ХП.—ЛИТЕРАТУРНОВ ОБОЗРЕНИЕ.—І. Меткая земеная скинина, Сбориних статей. — П. Изиченные банки и рость большихь городова Геркавіа, М. Н. Геркопитейна. — ПІ. Г. Гаунтмань, Собраніс сотивеній, св ибм. вер К. Бальмонта. — Г.—анв. — ІV. Альбова вистинки 1852—1902 г., на имакть Готода и Жуковскаго. —Готодь на родинь. — V. Правослание духовенство, отерки, повъсти и разекков, Н. Н. Соловаеха. — Д.—VI. Образовательная Библіотела, серія V, 2: Проф. Потодин. — Религія Зорологра; проф. Джадовит. — Жили Ворологра. — Z. — Новна кинти и брошори.	990
XIII.—HOBOCTE HHOCTPAHHON JUTEPATYPS.—Jakob Wassermann, Der Moloch,—3. B.	414
XIV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Чествованіе павати Непрасова. — Совеобранний килядь на свободу печати. —Закічательнік слова, сохраниз- вія свое обаденіе по промествін почта полупіка. — Преемственності: плев- янова нь русских упиверситетахь. — Сталітіе корьовивато (дерителато) университета. —Півольний вопрось нь римних пощахь Россіи. —Но поводу приемта Городового Полеженія для т. Петербурга	428
XV.—ИЗВЪНЦЕНИЯ.—Ота Общества пописожения учанивъв и учивнията ва парод- никъ училищата Свб. Учебнаго Опруга, памяти М. И. Капустина, бизшаго Попочителя Округа	439
XVI.—ВИВЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Шванобаль, ; П. Х., Наше податное діло, — Коннингскъ, В., Валадная цивилимація съ экономической тотки прічил. — Виримпанть, В., Справотния свідінія и діятельности зачетні по сельскому должіству. — Веселовскій, Юр., Друма и защитники минотних из соврем. франа. Селлетричтикъ. — Андресьскій, С. А., Литературний очерки.	
XVIIOFFBRJERIEI-IV; I-XVI urp.	

ВЪСТНИКЪ

ЕВРО II Ы

тридцать-восьмой годъ. — тонъ 1.

жуп. — томъ оосхон —1/14 января 1903

въстникъ В В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

двъсти-девятнадцатый томъ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

TOMB I

РЕДАВЦІЯ "ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, б-я линія, № 28. Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переуловъ,

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

المرسر. المالمرس

PSlow 176.25

Slaw 30-2

Sever fund

РИМЪ

H

РИМСКАЯ "РЕЛИГІЯ"

очеркъ.

I.

Современный Римъ представляетъ ввору наблюдателя любопытное и въ извёстныхъ отношенияхъ трагическое зредище: зрелище борьбы живого и жаждущаго жизни существа со своимъ чрезмірно веливимъ прошлымъ. Достаточно вдуматься въ значеніе происшедшей съ нимъ метаморфовы, вогда бывшая столица міра превратилась въ столицу второстепеннаго европейскаго государства, вначеніе этой-если можно такъ выразиться-девальвацін Вічнаго-Города, чтобы понять ту жгучую боль, которую нсконные обитатели испытывають отъ совнанія этой диспропорціональности между прошлымъ и настоящимъ, между символомъ и действительностью. Противъ этой боли есть только одно средство-мечта, утопія: "Римъ дважды продиктоваль міру свои завоны -- онъ продиктуеть ихъ ему и въ третій разъ"... Отсюда тъ порывы, тв бользненныя и изнуряющія потуги, о плачевныхъ носледствівкъ воторыхъ мы слышимъ иногда; это - не что иное, вавъ почти патологическія явленія въ сознаніи города, чувствующаго себя наследникомъ великаго имени и тяготящагося своимъ положеніемъ, какъ столицы средней руки и "космополиса" сомнительнаго достониства.

И нъть сомнънія, что эти потуги еще не разъ заставять говорить о себъ; все-же, пока онъ не увънчаются успъхомъ-а успъхъ въ предълахъ ближайшаго будущаго неправдоподобенъ-Римъ останется для цивилизованнаго міра тёмъ, чёмъ былъ до сихъ поръ: громаднымъ городомъ-рамятникомъ, свидътелемъ и символомъ культурныхъ стремленій европейскаго человічества. И можно свазать по истинъ: такимъ городомъ-памятникомъ онъ быль во всё времена, о которыхъ помнить исторія. Цёпь памяти растягивается, чёмъ болёе звеньевъ прибавляется въ прошлому; но мы не можемъ указать времени, когда бы взоры людей не были обращены въ прошлому, когда бы принадлежащія прошлому звенья не казались больше и лучше техъ, которыя наростали въ настоящемъ. Не только современные римляне любуются твореніями эпохъ Сикста Пятаго или Юлія Второго, не только Гибеллины папской эпохи мечтали о міровой власти цезарей, не только оппозиція императорскаго времени воздыхала, при видъ форума, о свободномъ словъ республиканскихъ ораторовъ — и они, эти республиканскіе ораторы, видёли въ прошломъ величіе своего Рима: какъ горы надъ холмами, такъ надъ Цицеронами и Помпеями возвышались Сципіоны и Павлы эпохи великихъ войнъ. А тамъ поднимались Регулы и Фабриціи, а за ними-Деціи и Папиріи, далее-Коріоланы и Камиллы, вплоть до исполиновъ свазочной старины, сыновей и собесъднивовъ безсмертныхъ боговъ, Ромуловъ и Нумъ. Всегда римлянинъ видълъ свое прошлое окруженнымъ ослепительной зарей, при свете которой всё лица и предметы выростали до пределовъ неземного и чудеснаго; причину этой иллюзік объясняеть намъ историкъ Рима, Ливій, который самъ ей подчинялся сознательно и охотносознательно какъ историкъ, охотно какъ римлянинъ — "miscendo humana divinis"... Всв или почти всв памятники древняго и новаго Рима прямо или косвенно-памятники религіозные. Римъ и религія издревле состоять въ таниственномъ родстві; недаромъ самое слово "религія", принятое всеми культурными народами и ни въ одномъ не замъненное словомъ самобытнаго происхожденія — совдано Римомъ. "Религія" — это не то, что вівра, или исповъданіе, или благочестіе; это-таниственная пъпь, "свявывающая" (religans) насъ съ чёмъ-то выше насъ, въ чемъ бы оно ни ваключалось. Мы можемъ превратить всв практики благочестія, можемъ отваваться оть всёхъ догматовъ, составляющихъ какое-нибудь исповеданіе, можемъ даже потерять всякую веруно мы остаемся религіозны до тёхъ поръ, пова отводимъ въ своемъ міросозерданіи нявъстную область великому Непознаваемому и совнаемъ всю нашу относимость къ нему.

Такъ понималь самъ Римъ свою религію; такъ отъ него научились понимать ее всв религіозные люди всего культурнаго міра.
Религія Рима, такимъ образомъ, не то же, что христіанство или
католицизмъ, хотя она и можетъ, конечно, заключаться и въ
томъ, и въ другомъ. И въ этомъ состоитъ всемірное значеніе
Рима также и въ нынѣшнія времена, далеко выходящее за предѣлы той области земного шара, которая объединена съ нимъ
единствомъ исповѣданія. Можно даже сказать: чѣмъ менѣе міросозерцаніе человѣка укладывается въ рамки опредѣленнаго исповѣданія, тѣмъ болѣе будеть онъ чувствовать притягательную силу
Рима, какъ мірового религіознаго центра. Примѣръ этому мы
видѣли и у насъ въ очень недавнемъ прошломъ: величіе Рима не
умаляется тѣмъ превратнымъ и низменнымъ толкованіемъ, которому онъ подвергся и подвергается, благодаря убожеству и узости
взглядовъ толкователей.

Въ виду этого, и исторія развитія римской религіи представляетъ особый интересъ: изследуя ее, мы изследуемъ исторію развитія религіи на ея родной почев. Это положеніе можеть показаться парадоксальнымъ: мы такъ свыклись, со словъ нёкоторыхъ филологовъ и историковъ последняго столетія, съ представленіемъ о Рим'є какъ о какой-то культурной Хариба'ь, которая поглотила Гредію и Востовъ и, украсивъ себя ихъ доспъхами, ничего своего цивилизованному міру не дала! И въ матеріальномъ отношеніи это представленіе съ нівкоторыми оговорками -- остается справедливымъ, какъ это мы увидимъ и въ настоящемъ очервъ. Но въ томъ-то и заключается ошибка упомянутыхъ ученыхъ, что они слишвомъ подчервиваютъ матеріальную сторону и забывають о томъ, что при всехъ неоспоримыхъ заимствованіяхъ составляеть исконное достояніе Рима. И нигдѣ важность этой ошибки не свазывается такъ сильно, какъ въ затронутомъ нами здёсь вопросё. Фавтъ греческихъ и восточныхъ заниствованій несомнівнень; ихъ объемь таковь, что никакое представленіе о нихъ нельзя будеть назвать преувеличеннымъ; въвсетави, если насъ спросять: "да что же останется отъ римской религіи, если устранить изъ нея всё греческіе и восточные элементы?" -- мы виравъ будемъ отвътить: "останется -- religio".

И всё эти заимствованія, не лишая римскую религію ся характера, какъ самобытнаго достоянія римской почвы, придаютъ въ то же время изученію ся развитія особую прелесть: значеніе Рима, какъ города-памятника, выступаетъ здёсь съ особенной

силой. Произведите, освоившись съ Римомъ и его музеями, хронологическій смотрь его археологическимь сокровищамь: грубые и безвнусные, но таинственные въ своей добровольной простотъ остатви первобытной эпохи сменяются грубыми же, но заносчивыми произведеніями этрусскаго искусства, наводнившими Римъ во времена Тарквиніевъ; за ними идуть, уже съ первыхъ годовъ республики, творенія греческих художниковь въ последовательномъ чередовании стилей --- отъ первоначальной строгости современниковъ Коріолана до пышности александрійской эпохи, за которой последовала реакція. Въ одно время съ ней состоялось вторжение восточныхъ мотивовъ, преимущественно египетскихъ; всворъ за нимъ послъдовалъ упадовъ, а затъмъ и перерождение подъ вліяніемъ христіанства. Всв эти метаморфовы римскаго искусства сопровождались соотвётственными метаморфозами римсвой религіи; мало того, они были ими вызываемы. И современный изследователь римской археологіи очень поверхностно отнесется въ своей задачъ, если онъ, изучая преемство и чередованіе художественныхъ стилей, обойдеть своимъ вниманіемъ внутреннюю сторону изучаемыхъ явленій — развитіе римской религіи.

Тавимъ образомъ, эта религія представляеть намъ совершенно своеобразное, нигдъ, вромъ Рима, не наблюдаемое връдние. Въ Индін старинная религія Ведъ порождаеть брахманизмъ, который въ дальнейшемъ органическомъ развитіи выделяеть изъ себя буддивиъ-именно выдъляеть, такъ какъ новая религія, будучи прямымъ отрицаніемъ старой, не могла ужиться съ ней и, вытвененная силой, должна была искать себв последователей вив предъловъ своей первоначальной родины. Въ Иранъ равнымъ образомъ новая религія—религія Заратустры—органически выростаетъ изъ стариннаго многобожія, но, продолжая жить и действовать на первоначальной почев, мало-по-малу опять подчиняется ея вліянію и принимаеть въ себя нікоторые ея элементы. На берегахъ Іордана чудесно зародившаяся религія любви, послъ вратвовременнаго бурнаго сожительства съ іуданзмомъ, окончательно выдёляется изъ него, оставляя іуданямъ въ его прежней самобытной чистоть. Въ Греціи религія Аполлона, будучи-быть можеть и даже въроятно - не-греческого происхожденія, тысячью нитей сростается съ первобытной религіей Зевса и становится, благодаря этому, самымъ ярвимъ показателемъ греческаго генія. Вездъ мы имъемъ органическое развитіе, процессъ естественной эволюціи и ассимиляцін; въ Римъ-не то. Эволюція римской религін состояла въ цёломъ рядё послёдовательныхъ наслоеній, воторыя не ассимилировались съ первоначальной почвой религіозныхъ представленій: чужое тавъ и оставалось чужимъ и повнавалось какъ таковое. Его вліяніе на сердца римлянъ объясняется только тёмъ, что они въ этомъ чужомъ узнавали элементь родственный тому, что было для нихъ роднымъ, и въ то же время совнавали, что тамъ онъ воплощенъ ярче, сильнъе, дъйствительнъе; имя этому элементу-religio. И вотъ причина, почему христіанство нашло вменно въ Рим'в такую благодарную почву: будучи отрицаніемъ всёхъ прочихъ религій тогдашняго цивилизованнаго міра, съ іуданзмомъ включительно, оно было только послёднимъ фазисомъ развитія римской религіи. Уже давно было замічено, что война, объявленная христіанствомъ Риму, васалась не того, что въ немъ было исконно римскаго, а повднъйшихъ греческихъ и восточныхъ наслоеній; достаточно было этимъ наслоеніямъ отпасть-и Римъ, и "христіанство" познали другь друга и другь съ другомъ слились. Треческій великій Панъ умеръ, когда надъ его міромъ возсіялъ Кресть; но римская геligio не только продолжала жить, --- она еще сильнъе воспылала подъ новымъ знаменемъ.

II.

Все-же должно признать, что не развитыя только-что соображенія были причиной изученія того, что мы нына называемъ римской религіей: когда оно началось, —ни своеобразный характеръ ея эволюція, ни ея гармонія съ христіанствомъ не сознавались. Объ эволюців и р'вчи не было; всі явленія изучаемаго предмета понимались вавъ сосуществующія, внъ ватегорій времени-въ чемъ, впрочемъ, завлючалась доли истивы. Равнымъ образомъ, и гармоніи съ христіанствомъ не находили и не искали; совершенно напротивъ: именно, антагонизмъ воскрешаемаго веливаго языческаго Рима съ папскимъ и послужилъ стимуломъ въ изучению "древностей" перваго, съ его религией включительно. Торжество Возрожденія при папскомъ дворъ не измѣнило этого положенія діль: гуманисты, дававшіе папамъ Николаю V и Юлію II языческій титуль "Pontifex maximus", даже не подозръвали, до какой степени они были правы-они просто угождали своему гуманистическому стремленію перенести, вмість съ чистой в звучной латынью Цицерона, также и всю обстановку древняго Рима въ новый.

Когда, затемъ, центромъ изученія и воспроизведенія античности стала Франція, римская религія пріобрела въ глазахъ ученихъ и общества новый интересъ, но все-же не тоть, о кото-

ромъ выше говорили мы. Древній Олимпъ окружаль образованнаго человъка повсюду: онъ глядъть на него съ перекрестковъчинныхъ аллей королевскихъ парковъ; онъ улыбался ему съразукрашенныхъ потолковъ золоченыхъ залъ; онъ разговаривалъсъ нимъ съ подмостковъ театровъ; онъ то-и-дъло мелькалъ передъ нимъ на страницахъ его любимыхъ внигъ. Олимпъ же этотъбезразлично обнималъ и греческихъ, и римскихъ боговъ; всъ они одинаково подходили подъ общее понятіе: "древняя минологія". И въ этомъ была доля правды: въ сущности, Горацій и Овидій понимали своихъ боговъ немного иначе.

Затёмъ, англо-германскій неогуманизмъ объявиль войну французскому влассицизму; но его побъда была въ значительной степени побъдой эллинизма надъ романизмомъ, интересъ въ воторому значительно понизился, пока его не воскресиль Нибуръ; воскресиль же онь его подъ знаменемъ критики. Критика была третьей пъстуньей римской религи; въ ея въдъни она пребываеть и понынъ. Нельзя сказать, чтобы она баловала свою питомицу; върная своему имени, означающему по-гречески "выдъленіе", она главнымъ образомъ старалась "выдёлить" изъ римсвой религіи все то, что принадлежало другимъ народамъ и спеціально Греціи. "Древняя минологія" была забракована; на ея мъсть появилась "греческая миоологія" и, рядомъ съ нею, гораздо болбе бледная и убогая "римская миоологія". Все миоы, до троянской войны ввлючительно, поступали въ первую; свитанія Энен на пути изъ Трои въ Италію образовали пограничную область; ну, а Латинъ съ Аматой, альбанскіе цари, сказаніе о Ромулъ и Ремъ — это уже "римская мисологія". Но, какъ ни была бъдна область этой послъдней-и ея не оставляли неприкосновенною; во имя той же критики, ее то-и-дело урезывали, довазывая, что тоть или другой римскій миоъ-не что иное, вавъ перелицовка такого-то греческаго, произведенная не то услужливымъ грекомъ, не то римскимъ поэтомъ, ради вящшей славы его родины. Подъ-конецъ, "римская миоологія" улетучилась.

Къ счастью, этотъ отрицательный результатъ былъ не единственнымъ плодомъ научной дъятельности въ "вритическую" эпоху: параллельно съ выдъленіемъ чужеземнаго шло пріобщеніе родного, оставившаго слъды какъ въ литературъ, такъ и въ непосредственныхъ памятникахъ жизни древняго Рима, произведеніяхъ искусства—преимущественно строительнаго—и особенно надписяхъ. Расширеніе и изученіе этого матеріала составляло вторую зиждительную сторону дъятельности новой науки: что теряла римская миноологія, то выигрывала римская религія. Всъмъ

извъстно имя геніальнаго ученаго, навсегда связанное съ исторіей этой дъятельности — имя Теодора Моммзена; его работы уже съ давнихъ поръ лежали въ основъ всъхъ изложеній римской религіи, поскольку эти послъднія претендовали на научность, но своего изложенія онъ, занятый другими капитальными трудами, не далъ и, конечно, уже не дастъ.

Зато мы знали, что одинъ изъ его талантливъйшихъ ученивовъ, Георгій Виссова, уже цілый рядь літь работаеть надъ твиъ, чтобы самостоятельно, хотя и въ духв своего учителя, восполнить этотъ пробълъ и дать намъ стоящее на высотъ науви изложеніе римской религіи. Доказательство своей вомпетентности онъ представилъ въ довольно почтенномъ числъ изслъдованій, изъ которыхъ нёкоторыя были настоящими шедёврами и озаряли совершенно новымъ свътомъ темную область первоначальной римской религін; въ нимъ принадлежить и рядъ статей, которыя этотъ неутомимый ученый обнародоваль въ издаваемой имъ же огромной "Реальной энциклопедіи классической древности". Теперь его труды, поскольку они касаются римской религін, завончены: весной настоящаго года появилась его книга о ней, озаглавленная: "Religion und Kultus der Römer" (Мюнхенъ, 1902). Это сочинение внаменуетъ собой новый этапъ въ развити нашей науки: данъ сводъ всему, что было сделано до сихъ поръ-притомъ сводъ до того солидный и полный, что даже въ терпъливой и усидчивой нъмецкой филологіи найдется немного равныхъ ему-и вивств съ твиъ положено основание дальнъйшимъ изысканіямъ. Автору настоящаго очерка, вложившему, въ свое время, и свою лепту въ науку о римской религін, прінтно было уб'єдиться, что и его работы приняты во вниманіе и вошли въ составъ научной системы німецваго филолога; но, разумъется, не это чисто личное побуждение, не то маловажное для науки обстоятельство, что несколько вирпичей въ обширномъ вданіи Виссовы обозначены его именемъ, заставило его взяться за перо. Нёть; вакъ человёкь, съ давнихъ поръ занимающійся римской религіей, но не ею исключительно, я съ особымъ интересомъ и, можно свазать, волненіемъ, прочель ученое и талантливое изложение автора и, при чтении, невольно пріобщаль въ нему элементы, совнательно устраненные авторомъ, какъ несоотвътствующіе строго-филологической физіономіи его вниги - элементы общерелигіознаго, историко-философскаго характера... Спъщу туть оговориться: словами "сознательно устраненные", я не хочу сказать, что авторъ не придаваль имъ значенія— въ этой узости ввглядовь, свойственной нѣкоторымъ филологамъ-ремесленникамъ, Виссову никакъ упрекнуть нельзи. Совершенно наоборотъ: именно потому, что онъ сознавалъ ихъ важность, онъ не желалъ допускать ихъ съ дилеттантскимъ про-изволомъ, полагая въ то же время, что для строго научнаго ихъ сліянія съ его матеріаломъ время еще не созрѣло. Но то, что еще неосуществимо для крупнаго руководства, скорѣе можетъ удаться въ предѣлахъ небольшого очерка, въ которомъ мы вправѣ ограничиться изображеніемъ руководящихъ идей и иллюстрацій къ нимъ и не обязаны освѣщать каждую частность въ духѣ теоріи и указывать мельчайшимъ фактамъ ихъ мѣсто въ общей системѣ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ шансы получить картину интересную и если не во всемъ тождественную съ истиной, то гораздо болѣе къ ней приближающуюся, чѣмъ ходячія представленія.

Эта картина и будеть содержаніемъ слёдующихъ главъ.

III.

На своей начальной ступени римская религія представляетъ намъ довольно туманный "полидемонизмъ", съ нѣкоторыми примъсями "анимизма" и "тотемизма"... Это положеніе вполиѣ справедливо—все-же оно, даже со всѣми иллюстраціями, которыя могутъ быть приведены, даетъ намъ не болѣе чѣмъ внѣшнюю рамку, въ которую была заключена римская религія на искомой ступени ея развитія. Если мы желаемъ проникнуть въ ея душу, мы должны выразиться такъ: въ началѣ была religio. И прежде, чѣмъ идти дальше, мы должны спросить себя, въ чемъ же состояла она, эта religio.

Для этого лучше всего будеть сравнить между собою два божества, позднёе отождествленныя одно съ другимъ—греческую Дэметру и римскую Цереру; здёсь, въ счастью, процессъ чувствованія и мышленія у обоихъ народовъ вполнё ясенъ. Что такое Дэметра? Это прежде всего, употребляя выраженіе д'Аннунціо, символъ "возрожденія хлёба"; въ этомъ отношеніи она отчасти совпадаєть съ римской Церерой, почему и была отождествлена съ нею. Но это далеко не все. Присущая греческому духу трансцендентность заставляеть его выдёлить силу, производящую это возрожденіе, въ особое божество, живущее особой, личной жизнью. Дэметра "изобрёла" хлёбопашество и земледёліе вообще; она въ древнія времена отправила къ людямъ своего посла и предтечу Триптолема— его прозрачное имя представляетъ

его символомъ трижды вспаханной нивы-для того, чтобы онъ научиль ихъ воздёлывать вемлю; художники любили изображать этогъ великій моменть, когда благодатная богиня съ лицомъ, дышащимъ добротой и любовью, вручила послушному юношъученику драгоцінные колосья и передала ему, для боліве быстраго передвиженія, свою колесницу, запряженную крылатыми дравонами. Но это только одна сторона деятельности и значенія Дэметры: ея дары положели конецъ кочевой жизни человъчества; она сдёлала его осёдлымъ, заставила его основать общину и повиноваться ен законамъ: эллинъ любилъ Дометру и поклонялся ей какъ "Дэметръ-законодательницъ" — Demeter thesmophoros. И это еще не все: погружаясь въ великое таинство возрожденія хлъба, эллинъ поражался чудесной идеей чередованія смерти и рожденія, бытія и небытія. Зерно, извлеченное изъ волоса и преданное вемлъ, благодаря ея силъ, вновь всходить на поверхность, вновь превращается въ волосъ. Значить, нъть гибели, нъть исчезновенія, есть только временное пріостановленіе жизни; такъ, върно, и насъ послъ смерти ждетъ новая жизнь, и послъ недолговременнаго пребыванія въ подземномъ мракв, мы снова увидимъ солнечный свътъ. Въ религію Дэметры вошелъ догматъ о продолженіи жизни за предълами смерти, выраженный въ мнев о Дэметръ и ея "дочери" (Korė), похищенной у нея богомъ смерти, и затёмъ возвращенной матери, которая здёсь только, на этой ступени своего развитія, явилась действительно "матерью " (Dê-mêtêr). Затъмъ, самый мноъ о потерявшей свое дътище матери ваняль фантазію эллиновъ: вся прелесть человъческой материнской любви была перелита въ образъ этой богини, ставшей настоящею Mater dolorosa древности. Все это сдълалось содержаніемъ элевсинскаго культа Дэметры-знаменитыхъ на всё времена "элевсинскихъ мистерій". Какъ видно изъ этой кратвой характеристики, греческая религія Дэметры имела въ своемъ ядръ чувство — религіозное чувство, вызываемое таинственнымъ событіемъ "возрожденія хліба" — но это ядро отовсюду обросло другими чувствами и представленіями, продуктами размышленія и фантазіи.

Если мы теперь желаемъ понять римскую Цереру, то мы должны отвинуть все то, что въ греческой Дэметръ было продуктомъ размышленія и фантазіи. Мало того: мы должны отрышиться отъ того трансцендентальнаго метода чувствованія, который повель въ Греціи къ представленію о Цереръ какъ о свътлоликой, ласковой богинъ: никакого антропоморфизма римская религія первоначально не знала. Мы должны воскресить

передъ собой по возможности конвретно и полно вартину волнующейся нивы, какою ее видъль римскій вемледьлець — человъвъ, живущій настоящимъ и совершенно забывшій о томъ, что его предви были вочующеми скотоводами или охотнивами. Пшеница уже выколосилась, но еще не зацебла; любо смотрёть, вавъ при важдомъ дуновеніи вътра навлоняются ея сочные, упругіе стебли, любо слушать таинственный рокотъ этихъ веленыхъ волнъ. И вотъ, то, что онъ видить, что онъ слышитъ-- это и есть Церера, или, върнъе, то, что ему любо въ томъ, что онъ видить и слышить; же представление, а чувство лежить въ основаніи религіи. Церера-это та сокровенная сила, которая объявляется въ ростъ хлъба; она сулить врестьянину богатый урожай и наполняеть его сердце сладвимь чувствомь обезпеченности, но она же можеть и обмануть навънныя ею надежды: рость можеть остановиться, волосья, не успъвъ налиться, станутъ блёднёть и сохнуть, веленая нива преждевременно зажелтёсть болъзненной желтизной-къ сладкому чувству надежды примъшивается страхъ... Это еще не все, religio складывается не только изъ этихъ двухъ чувствъ; впрочемъ, прежде чвиъ продолжать, остановимся на нихъ.

Туть прежде всего бросается въ глаза контрасть между греческой и римской религіей: насколько та трансцендентна, настолько эта имманентна. Върующій грекъ нисколько бы не удивился, если бы ему гдв-нибудь на дорогв встретилась его Дэметра въ видъ высокой и полной женщины, съ ласковой улыбкой на лицъ; римлянинъ никогда въ такой женщинъ не призналъ бы своей Цереры, -- она объявляется ему исключительно въ ростущемъ хабов. Затемъ, я нарочно свазалъ: въ ростущемо хабов: пока хлёбъ еще не взошелъ, а посвянный поконтся въ землъ, его въдаеть не Церера, а Сатурнъ; вогда онъ уже выросъ и цвътеть Флора; когда онъ готовъ къ жатев Консъ (Consus). Какъ видно отсюда, божество обитаетъ не въ предметъ, а въ актъ; чувство надежды и страха вездъ одинавово, но оно различно окрашивается, смотря по тому, въ какомъ фазисъ находится выражающій его предметь, и съ изміненіем этой окраски измъннется и соотвътствующее ей божество. Мы только-что назвали римскую религію имманентною; теперь мы можемъ прибавить еще одно опредъленіе: будучи имманентна, она не субстанціальна, а актуальна. Прошу читателя запомнить это определеніе и не смущаться мнимыми исключеніями, которыя ему подскажеть его эрудиція; действительно, встречаются примеры, въ которыхъ однообразіе и постоянство акта вывываеть иллювію субстанціальности. Мы ими еще займемся, и тогда призрачность этой субстанціальности станеть очевидною.

Нетрудно понять, что актуальность религи имбеть предположеніемъ ен имманентность; действительно, если представить себъ соединение принципа актуальности съ принципомъ трансцендентности, то получатся явныя нелёпости, постоянно нарождающіяся и исчезающія божества. Полезно будеть прибавить теперь же, что эти нелепости не замедлили явиться; мы увидимъ, какъ римской религи пришлось, въ своемъ дальнейшемъ развитів, принять въ себя принципъ трансцендентности; это повело въ двойственности и противоръчности, которая дала обильную пищу критикамъ. Первоначальной римской религи эти критики не насались; она была вполнъ цъльна и послъдовательна, опираясь на единство чувства, этого источника всякой религіи. Но необходимымъ послъдствіемъ автуальности римской религіи была, въ-третьихъ, расплывчатость ея религіозныхъ представленій; не было и не могло быть строгой разницы между Сатурномъ и Церерой, Церерой и Флорой, Флорой и Консомъ, какъ не было опредъленной грани между зародившимся и ростущимъ, ростущимъ и цвътущимъ, цвътущимъ и наливающимся хлебомъ. Кавъ сами акты переходили одинъ въ другой, такъ и сопровождающія нхъ чувства безсознательно претерпъвали соотвътствующія метаморфовы, а съ чувствами чередуются и божества. Римскія божества, такимъ образомъ, по самой своей природъ способны къ постоянной дифференціаціи и интеграціи: чэмъ ближе человъкъ стоить къ дълу, тъмъ болъе будеть онъ склоненъ къ первой, чёмъ далее -- ко второй. Земледелецъ съ замираниемъ сердца глядить на ростущій клібоь: акъ, кабы Церера была въ нему инлостива! - Внезапно на колосьяхъ появляется ржа. Логика велить думать, что Церера разгиввалась; но чувство вражды и отвращенія, вызываемое видомъ гибнущаго отъ ржи хлібов, до того различно отъ того, воторое ассоціировалось съ именемъ Цереры, что для него потребовался новый религіозный эквиваленть. Возникъ особый демонъ ржи, Robigus: для его умилостивленія праздновался особый праздникъ, Robigalia (25 априля), причемъ народъ толпами отправлялся въ рощъ Робига и завапываль въ его честь рыжую собаву... Впрочемъ, мы касаемся туть новой, составной части римской religio, о которой ръчь будеть потомъ... Мы дали только примъръ дифференціаціи религіозныхъ представленій; она естественно вызывалась близостью человъва къ дълу. Наоборотъ, его удаленіе отъ дъла поведеть къ интеграціи. Для живущаго въ пыльномъ и душномъ Рим'в ремеслен-

ника акты посъяннаго, цвътущаго, ростущаго и пожинаемаго хлъба не сопровождаются нивакими чувствами; для него существуеть только авть покупаемаго хлеба, т.-е. хлеба вообще, который онъ будеть ассоцінровать либо съ однимь изъ названныхъ земледъльческихъ божествъ-а именю, въ силу историческихъ условій, съ Церерой - либо съ божествомъ новымъ, ад hoc созданнымъ, Анноной ("дешевизной урожая"). При вольности какъ дифференціаціи, такъ и интеграціи, можно будеть свазать, что римская религія пребываеть въ неустойчивомъ равновіси между двумя полюсами, имъя въ обоимъ одинавовое стремленіе: дифференціація вела ее въ полюсу пандемонизма, интеграція-къ полюсу пантеняма. Оставниъ пока первый, займемся вторымъ. Согласно сказанному, мы должны будемъ признать, что пантеизмъ, заключавшійся потенціально въ римской религіи, быль пантенвмомъ актуальнымъ. Это сразу отличаетъ его отъ пантеизма Спиновы, который быль именно пантенвиомъ субстанціальнымъ, и сближаеть съ тъмъ міросоверцаніемъ, которое имъеть свое начало въ Гераклитъ, а свой вънецъ въ Шопенгауеръ. Дъйствительно, мы какъ нельзя лучше поймемъ и оценимъ римскую религію, говоря — языкомъ нёмецкаго философа, — что она была поклонениемъ міровой Воль въ ен различныхъ проявленіяхъ. Это не вначить, разумъется, что римляне были шопенгауеріанцами; это значить только, что въ основъ ихъ религіознаго міросозерцанія лежало то чувство, воторое названный геніальный философъ научилъ насъ понимать. Мы можемъ даже идти дальше, пользуясь темъ же языкомъ, и сказать: римскія божества были объективаціями міровой Воли; этимъ мы сразу выражаемъ то, что ихъ отличаетъ отъ всявихъ другихъ божествъ.

Міровая Воля, по ученію все того же философа, намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живеть въ насъ
самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта глубокая мысль объясняеть намъ двѣ другія сторовы римской религіи. Одна ивъ
нихъ—это та, которую мы затронули выше; аналогичность міровой Воли съ нашей личной должна была навести римлянина
на ту же мысль, которая для другихъ народовъ была послѣдствіемъ антропоморфическихъ или тэріоморфическихъ представленій объ ихъ божествахъ—на мысль о возможности вліять на
эту волю путемъ даровъ и убѣжденій. Конечно, одной этой возможности было мало: надобно было знать, какъ ее приводить въ
дѣйствительность, какъ молиться, какія и какъ приносить жертвы.
Къ счастью, люди обладали этимъ знаніемъ, пріобрѣвъ его двоякимъ путемъ. Первымъ было откровеніе; предполагалось, что бо-

жество во времена оны добровольно вступило въ общение съ людьми и указало имъ обряды его умилостивленія. Тавими людьми были исполины сказочной старины, Ромулъ и Нума, собесъдники боговъ. Ихъ завъты должны были быть соблюдаемы свято, ни одно слово не должно было быть пропущено въ молитвъ, ни одно движение въ обрядъ -- иначе весь акть быль недъйствителенъ или даже гибеленъ для справляющаго. Но это еще не все: если божество открылось темъ исполинамъ, то благодаря тому, что они были болве прочихъ ему родственны-о возможности такого родства скажу ниже. А отсюда слёдуеть, что продолженіе этого общенія возможно только подъ условіемъ продолженія самаго родства, т.-е., только для тахъ, кто происходилъ отъ избраннивовъ божества. Другими словами: обряды должны были передаваться по наследству; съ устранениемъ преемственности устраняется и возможность общенія съ божествомъ. Вотъ причина упорства, обнаруженнаго патриціатомъ въ борьбъ съ плебеями.

Вторымъ путемъ былъ случай или опытъ: о томъ, что однажды усмирило гнѣвъ божества, предполагали, что оно и впредь можетъ его усмирить. Конечно, и тутъ требовалось строгое соблюденіе разъ установленнаго ритуала, но наслѣдственности не требовалось, такъ какъ не было откровенія, а было только простое и общедоступное наблюденіе связи между причиной и слѣдствіемъ.

Какъ бы то ни было, но при природной богобоязненности римлянъ ритуалъ, добытый двумя только-что указанными путями, быль очень общирень и сложень, а при ихъ строгихъ требованіяхъ въ точности и полнотъ исполненія- и довольно труденъ; чистота его передачи изъ покольнія въ покольніе, отъ которой зависъло благосостояніе государства, была возможна только при существованіи жречества и особыхъ жреческихъ коллегій. Въ этомъ ничего особеннаго нътъ: жречества мы имъемъ и у другихъ народовъ; Римъ въ отношении ихъ только количественно отличается. Но это количественное различіе довольно разительно: вавъ бы то ни было, а понтифики, авгуры, весталки, значительно превосходять достоинствомъ и важностью греческихъ жрецовъ и жрицъ; мы можемъ это объяснить тъмъ, что греческие боги, нменно въ силу своего человъкоподобія, были много "гуманнъе" тъхъ отвлеченныхъ и страшныхъ въ своей отвлеченности объективацій всемірной Воли, которымъ поклонялись римлине.

IV.

Въ предъидущей главъ мы попытались охарактеризовать сущность первоначальной римской религіи, ея внутреннюю, душевную сторону; ея внъшняя сторона, непосредственно представляющаяся взору наблюдателя, состоить, какъ было сказано выше, въ туманномъ "полидемонизмъ", съ нъкоторыми элементами "анимизма" и "тотэмизма". Къ ней, къ этой внъшней сторонъ, мы переходимъ теперь.

Римскій полидемонизмъ, будучи основанъ на обоготвореніи знаменательных для человъческой жизни моментовъ, быль умножаемъ до беконечности. Умножается онъ, во-первыхъ, путемъ дифференціацін: такъ, въ молитвахъ Церерв упоминаются двънадцать различныхъ божествъ, имена которыхъ обозначаютъ различныя полевыя работы-отъ вспахиванья нивы до уборки хлъба; столько же приблизительно божествъ предполагалось действующими при вачатіи и рожденіи челов'ява; н'ясколько меньшее число-при совершеніи жертвоприношенія, воторое, какъ важный и ръшающій моменть, само обоготворялось и давало поводъ въ вознивновенію новаго божества, отдёльнаго отъ того, кому жертва приносилась. Все это были странные и непонятные для позднъйшаго времени факты. Но дифференціація шла только однимъ путемъ: были возможны и другіе. Когда галлы приближались въ Риму, послышался таниственный голосъ, возвёстившій о ихъ прибытін; почти два стольтія спустя, Аннибаль, придвинувъ свои рати въ Риму, внезапно отступилъ и освободилъ городъ отъ страха. Несомивню, туть сказалась божья сила; но вавая? въ вому обратиться съ благодарными молитвами? Гревъ. при своемъ трансцендентномъ образъ мышленія, призналь бы въ обоихъ благотворныхъ событіяхъ дъйствіе либо своего родного божества -- Аоины, если онъ былъ аоиняниномъ, Діоскуровъ, если спартанцемъ, — либо того, которое было "ближайшимъ" къ совершившемуся событію, Зевса Всемолвнаго (Zeus Panomphaios) и Аполлона Отвратителя; римлянинъ, согласно имманентному характеру своей религіи, преклоняется передъ самыми моментами, ставить алтари "богу Молвящему-Говорящему" (Ajus Locutius) и "богу Возвращающемуся" (deus Rediculus). Не мало насмъшекъ посыпалось со временемъ на эти эфемерныя божества:что же это, говорили, богъ Молвящій-Говорящій всего только разъ заговорилъ, и потомъ обрекъ себя на въчное молчаніе? Богъ Возвращающійся ни разу, ни до, ни посл'я Аннибала, не проявилъ

своей дъятельности? — Эти насмъшки, однако, основаны были на воренномъ непониманіи того, что составляло самую сущность первоначальной римской религіи—ея актуальной имманентности.

Въ приведенныхъ примърахъ она очевидна; а такъ какъ на нихъ мы непосредственно наблюдаемъ возникновеніе римскихъ божествъ, то для насъ они особенно драгоцънны, и мы должны, согласно методу новъйшей психологіи, взять ихъ за исходную точку въ нашемъ разсужденіи. Но было бы ошибкой думать, что весь римскій полидемонизмъ укладывается въ формулу, которую мы изъ нихъ извлекаемъ.

"Всемірная Воля"—сказаль я выше—намъ непосредственно понятна, благодаря тому, что она живеть въ насъ самихъ въ видѣ нашей личной воли; эта мысль объясняеть намъ двѣ стороны римской религіи... Объ одной уже была рѣчь; она состояла въ предположеніи возможности воздѣйствія на отдѣльныя объективаціи этой Воли путемъ даровъ и молитвъ. О другой сторонѣ мы должны поговорить здѣсь, такъ какъ она представила собой новый путь къ безконечному умноженію римскаго полидемонизма. Дѣло вотъ въ чемъ.

Если живущая во мит воля родственна всемірной Волт, то, допуская божественность этой последней, я долженъ признать такую же божественность, хотя и количественно меньшую, и за первой; и такъ, во мив живетъ божество, божество личное, индивидуальное. Римляне такъ и въровали; индивидуальное божество, пребывающее въ каждомъ человъкъ, они называли его "ченіемо". Слово это намъ знакомо и привычно: но именно поэтому оно можеть легко дать поводъ къ недоразумениямъ. Следуетъ твердо помнить, что римскій геній-нізто совершенно своеобразное, не встръчающееся въ другихъ религіяхъ и поэтому не поддающееся объясненію посредствомъ аналогичныхъ явленій у другихъ народовъ. Это, прежде всего, не то, что мы нынъ навываемъ геніемъ-своего рода духъ-хранитель, сопровождающій нась на нашемъ жизненномъ пути; последній-трансцендентное греческое представленіе, встрівчающееся уже у Гезіода и попавшее, чревъ народную въру, въ неоплатонизмъ, а отсюда въ христіанство, причемъ латинскій терминъ genius быль только переводомъ греческаго daimon. Это, затъмъ, и не душа - все равно, понимать ли это слово въ платонически-христіанскомъ, или въ матеріалистическомъ смыслъ: идея безсмертія, связанная съ первымъ, вовсе не была первоначально присуща римскому генію, который быль, по словамь Горація, "смертнымъ богомъ человівческой природы" — naturae deus humanae mortalis; отъ второго же

его отдёляла увость и опредёленность его значенія исключительно какъ волевого принципа нашей жизни. Геній— это то, что въ насъ хочетъ; кто живетъ, какъ ему хочется, тотъ "угождаетъ своему генію (indulget genio)"; кто силой размышленія заглушаетъ въ себъ естественные позывы воли, тотъ "обижаетъ генія (defrudat genium)". Передъ нами человъкъ капризный, сегодня хотящій одного, завтра другого; что значить эта измънчивость? "Это знаетъ его геній", говоритъ Горацій.

Итакъ, римская религія признавала геніевъ, какъ представителей или показателей волевого начала въ отдёльныхъ индивидуумахъ; были ли и эти божества подвержены дальнъйшей дифференціаціи и интеграціи? Дифференціаціи—нізть; дробленіе Воли не идеть дальше индивидуумовь, этихъ крайнихъ вътокъ великаго мірового дерева. Но интеграція была возможна; она естественно совершалась по ступенямъ соціальной организаціи человічества. Первой высшей единицей, связывающей людей, была семья, домъ; римляне поклонялись генію дома-Лару. Семьи связывались воедино сельской общиной (pagus); и онъ, эти сельскія общины, имъли своихъ Ларовъ. Другими единицами были родъ, курія, коллегія—всъмъ имъ покровительствовали ихъ геніи. Высшей единицей, навонецъ, было племя; племеннымъ геніемъ римлянъ быль Марсь. И туть мы находимь слёдь того тотэмизма, о которомъ ръчь была выше: Марсъ, геній римскаго племени, представлялся римлянамъ подъ видомъ волка. Представление это идетъ въ разръзъ съ той имманентностью, воторан во всемъ прочемъ является характернымъ признакомъ римской религіи; мы не ошибемся, признавъ въ немъ пережитокъ гораздо болъе древней в грубой эпохи, чёмъ та, которую мы, въ силу обстоятельствъ, назвали и называемъ первоначальною. Впрочемъ, психологическаго противоръчія могло и не быть: болье чемъ въроятно, что въ эпоху имманентнаго мышленія Марсъ подчинился общему теченію, и волкъ превратился въ простой, чисто-внівшній символь бога; знатоки ветхозавътной критики припомнять аналогичный примъръ изъ исторіи развитія ісговизма.

Шире по своему объему и важнъе другой вопросъ: согласуемо ли представление о генияхъ съ тъмъ принципомъ актуальности, въ которомъ мы признали характерную особенность римской религи? Несомнънно согласуемо; это доказывается уже этимологией слова "genius", коренное значение котораго — "рождающій, производящій". Геній относится къ живому человъку совершенно такъ же, какъ Церера къ ростущему хлъбу; и именно современная психологія—прошу вспомнить Вундта и его "принципъ

автуальности" въ примъненіи къ человъческой душт, какъ "связи явленій сознанія -- помогаеть намъ разобраться въ этихъ, быть можеть, не сразу понятныхъ явленіяхъ. Со всёмъ тёмъ, придется признать, что уже просто въ силу большей живучести человъка въ сравнени съ быстро ростущимъ и зръющимъ хлъбомъ, съ представлениемъ объ индивидуальномъ генів гораздо легче могла сочетаться иллюзія субстанціальности, а съ геніемъ высшихъ соціальныхъ группъ и подавно. Говорю: "могла"; действительно утверждать мы туть ничего не можемъ. Идея субстанціи вообще является абстравціей въ сравненіи съ непосредственно ощущаемымъ и воспринимаемымъ автомъ; нивто не поручится намъ за то, что римляне до самаго конца нашей эпохи не представляли себъ даже Ларовъ и прочихъ высшихъ геніевъ sub specie actus. Во всякомъ случать заслуживаеть вниманія то, что римская религія той эпохи не знала чисто субстанціальныхъ боговъ, играющихъ такую важную роль въ религіяхъ другихъ народовъ; не было у нихъ божества солнца, луны, моря; не было бы и божества земли, если бы не одно обстоятельство, о которомъ следуетъ поговорить особо, такъ вакъ оно заводитъ насъ въ совершенно иную область религіозныхъ представленій и этимъ довершаетъ картину римскаго полидемонизма.

Всемъ известно, что "земля" по-гречески называется де или gaia, по-латыни terra; Ge была у гревовъ древней почтенной богиней; Тегга, напротивъ, въ цивлъ древне-римскихъ божествъ не встръчается вовсе; ея культъ засвидътельствованъ лишь для позднихъ временъ и объясняется вліяніемъ греческихъ представленій. Итакъ, богиня Тегга не существуеть; зато есть богиля Tellus, а у насъ это слово тоже переводится черезъ "земля". Совершенно върно; но чтобы вникнуть въ его первоначальное значеніе, мы должны взять его въ древнъйшей молитвенной формуль, въ которой оно намъ сохранилось: понтифики, говоритъ намъ Варронъ, молятся Telluri, Tellumoni, Altori, Rusori. Итакъ, Tellus встръчается въ числъ божествъ, блюдущихъ зарожденіе хивоа; ихъ четыре, въ соответстви съ четырьмя актами, на воторые, согласно произволу жреческой дифференціаціи, распадается это зарожденіе. Если мы теперь вспомнимъ, что въ честь Tellus справлялся 15-го апрыля праздникъ Фордицидій, причемъ ей приносилась въ жертву стельная корова (forda bos), то правильность этого пониманія станеть очевидною; ясно, что Tellus не вообще земля, а спеціально "собирающаяся родить нива". Итакъ, можно будетъ сказать, что tellus относится въ terra, какъ автуальное понятіе въ субстанціальному, и что поклоненіе первой и непоклоненіе второй еще разъ доказываетъ актуальный характеръ римской религіи. И еслибы все дёло заключалось только въ этомъ—не стоило бы и затрогивать вопроса о поклоненіи Землъ.

Но нътъ; оно имъетъ и другую сторону. Когда оба Деція, герои латинскихъ и самнитскихъ войнъ, ръшили своей смертью добыть побъду для Рима-они торжественнымъ заклинаніемъ посвятили себя, вавъ повъствуетъ лътопись, Telluri et Manibus. Туть мы встрвчаемъ божество Земли въ обществъ страшныхъ душъ преисподней, а онъ заводять насъ въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой мы вращались до сихъ поръ. Анимизмъ-въ томъ тесномъ смысле слова, въ воторомъ его употребляетъ Тэйлоръ, -- присущъ всёмъ религіямъ древняго и новаго міра и во всёхъ вызываетъ аналогичныя чувствованія и представленія; насколько было неправильно выводить всю религію грековъ, римлянъ и др. изъ анимизма, т.-е. культа душъвавъ это пытались сдълать Фюстель де-Куланжъ и Липпертъ, -настолько же было бы превратно подводить римскій анимизмъ подъ общія понятія римской религія, извлеченныя и развитыя нами въ предъидущей главъ. Религія имъетъ не одинъ только ворень, а въсколько; пора примириться съ этой мыслью и отказаться отъ религіознаго монизма, ведущаго только къ произвольнымъ и насильственнымъ конструкціямъ. Культъ міровой Волиэто одинъ корень, создавшій спеціально римскую религію и для нея одной характерный; его объ отличительныя примъты-имманентность и актуальность. Анимизмъ-другой корень, общій для всъхъ религій; онъ не имманентенъ и не актуаленъ. Правда, нельзя также сказать, чтобы онъ быль трансцендентень, такъ какъ трансцендентность предполагаетъ какое-нибудь отношеніе между понятіями, между твиъ какъ духи умершихъ живутъ самобытной жизнью, вив всякаго отношенія къ темъ, которые были нъкогда ихъ носителями; но зато субстанціальность имъ присуща въ полномъ смыслѣ слова. Совершенная разнородность представленій о душахъ умершихъ — "добрыхъ богахъ" (di Manes), какъ ихъ изъ страха называли— сказывается и въ томъ, что нётъ никакой возможности поставить ихъ въ разумную связь съ геніями живыхъ; было бы неправильно полагать, следуя позднимъ источникамъ, что геніи, послѣ смерти, превращаются въ "Мановъ" — геній не существуєть послів разрушенія того, что было его носителемъ. Нътъ; оба эти понятія вознивли на почвъ различныхъ міросозерцаній. Между ними такъ же мало общаго, какъ и между чувствами, лежащими въ ихъ основъ — разумнымъ

страхомъ передъ волей живого существа и безотчетнымъ ужасомъ, который внушалъ загробный міръ.

О римскомъ анимизмѣ подробно распространяться нечего; онъ намъ непосредственно понятенъ; въ самыхъ просвѣщенныхъ среди насъ живетъ, по вѣковому наслѣдству, чувствительная струнка, вздрагивающая при мысли о томъ, что за предѣлами смерти. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить описаніе римскихъ Фералій, заупокойнаго праздника, справляемаго ежегодно въ февралѣ мѣсяцѣ въ честь умершихъ душъ—описаніе, принадлежащее перу Овидія и стоящее въ его поэтическомъ "Календарѣ" (Fasti, кн. II, стр. 533 и сл.).

Есть и могиламъ почеть; ублажайте родителей души,

Скромною данью любен чтите холодный ихъ прахъ!

Скромны желанія Мановь: мильй имъ роскошныхъ даяній—

Ласка; нежадныхъ боговъ мракъ преисподцей таитъ.

Имъ въ приношенье годна—съ отслужившимъ вънкомъ череница

(Много такого добра въ римскихъ канавахъ лежитъ),

Хлѣбъ, размягченный въ винъ, да фіалокъ пахучихъ немного,

Нѣсколько зеренъ пшена, соли щепотки двътри.

Хочешь пышивъй—твоя воля; душа же и этому рада;

Только, воздвигии очагъ, вспомни молитву прочесть.

Этоть обычай Эней, благочестья достойный учитель,

Нікогда въземли твои—ввель справедливый Латинъ:
Душу отца своего погребальными чтиль онъ дарами—
Такъ онъ народы твои—долгу любви научиль.
Все-же однажды средь долгой сумятицы войнъ непрерывныхъ
Память "родительскихъ дней" буйная брань унесла.
Быстро настигла насъ кара, и вызванный знаменьемъ лютымъ
Дымъ погребальныхъ костровъ долго глаза намъ сліппль
Есть и ужасніе слукъ: что могилы покинули "дізды"
И средь ночной тишины жалобный подняли плачъ...
Даі по латинскимъ полямъ, и по улицамъ Рима носилась
Съ воемъ туманной толной душъ безтілесная рать.
Туть позабытую честь оскорбленнымъ вернули курганамъ—
Мору конецъ, и конецъ грознымъ явленьямъ насталъ.

Чтите отцовь! А пока—потерпи, молодая вдовица:

Лучше пусть "чистаго" дня свадебный факель твой ждеть.
Да и тебь (хоть невыстой воветь тебя мать вы нетерпыны),

Дъва, кривое копье пусть не расчешеть волось.
Свыточь, Гимень, убери и отъ мрачнаго пламени дальше

Скрой! Не такіе огни скорбнымы могиламы горять.

Пусть и боговь вы ихь святыняхы закрытая дверь охраняеть,

Пусть ихь холодями алтарь безь енміама стоить;

Ныны прозрачныя души, тыла погребенныя бродять—

Ныны наль гробомы своимы яства вкущаеть упырь...

V.

Такова сущность первоначальной римской религіи какъ въ ея внутреннемъ естествъ, такъ и во внъшнихъ формахъ ея проявленія; дальнъйшее изложеніе будеть посвящено историческому развитію этого первоначальнаго ядра вплоть до того момента, когда оно слилось съ христіанствомъ. Прежде, однако, чъмъ перейти къ нему, мы должны отвътить на одинъ вопросъ, который, въроятно, уже съ первыхъ строкъ теоретическаго изложенія былъ поставленъ читателемъ—вопросъ о *щинности* очерченной нами религіи. Правда, вопросъ этотъ самъ по себъ не достаточно ясенъ; мы должны, для его выясненія, поставить дальнъйшій вопросъ: въ чемъ заключается мърило цънности религіи вообще?—и вполнъ увърены, что большинство читателей отвътитъ на него такъ: "въ ея нравственномъ вліяніи на человъка". Это, дъйствительно, самый естественный и, казалось бы, самый разумный отвътъ.

Интересно, однако, что самые передовые богословы протестантскаго лагеря его правильности не признають. Мораль и религія, — говорять они, — два различныя, обособленныя другь отъ друга проявленія духовной жизни человъка: тотъ роняеть достоинство религіи, кто дълаеть ее орудіемъ вравственности — ея чистота возможна только подъ условіемъ выдёленія изъ нея "морализма". Интересно это потому, что этотъ несостоятельный по ихъ мнёнію морализмъ они считають характерной особенностью католической, т.-е. римской религіи, чуждой первоначальному христіанству; а если онъ произошель не изъ христіанскаго корня, то болёе чёмъ вёроятно, что мы должны искать его зародышей именно въ исконно-римскомъ элементь. И дёйствительно, мы ихъ тамъ найдемъ; надо только умёть искать. Постараемся пояснить это на примъръ.

Церера хранитъ ростущій хлібоъ; ея благосклонность обезпечена тому, кто свято соблюдаетъ свои обязательства по отношенію въ ней, молится и приноситъ положенныя жертвы согласно ея волів, объявленной праотцамъ во времена оны. Хлібоъ, не успіввъ налиться, погибъ; это значитъ, что въ священнодійствіяхъ въ честь Цереры была допущена ошибка, которую и надлежитъ выяснить. Мысль, что гніввъ Цереры вызванъ, напр., нанесенной кліенту обидой, не могла и въ голову придти римлянину той эпохи: объ этой обидів Церера ничего не знаетъ, да она ея и не касается. Кавъ видно, изъ такого рода отношеній нравственность развиться не могла; но въ томъ-то и дёло, что эти отношенія не были единственными.

Изъ эпохи индо-европейскаго единства римляне унаслёдовали представление о древнъйшемъ богъ неба-Юпитеръ. Въ силу актуальнаго характера своей религи они ограничили его дъятельность свётовыми явленіями дневного неба (во мраке ночного неба, напротивъ, объявляется другое божество, Сумманъ, первоначально тожественное съ Юпитеромъ), особенно самымъ страшнымъ изъ нихъ-молніей; эта последняя такъ и называется Юпитеромъ (Jupiter fulgur). Здёсь сильнёе чёмъ гдё-либо свазывался волевой характеръ движущей силы: на глазахъ у всёхъ разгивванный богъ поражалъ свою жертву, непосредственно и неизбъжно, и притомъ со всеобозръвающей высоты; само собою должно было зародиться мевніе, что онъ сознательно вараетъ своего оскорбителя, будучи свидетелемъ всего, что происходитъ на вемль. Изъ этого мивнія развился обычай-тамь, гдь никакая людская сила не можеть быть блюстительницей обявательства, — призывать въ свидетели и блюстители Юпитера; такъ-то Юпитеръ сталъ богомъ клятвы, Jupiter Fidius. Обязательства между гражданами охраняются царемъ, который въ случав нарушенія караеть нарушителя; но кто будеть охранять обязательства царей и общинь? Одинъ Юпитеръ. Когда, поэтому, состоялось первое событіе въ римской исторіи, о которомъ мы узнаемъ -- слінніе племени Марса съ племенемъ Квирина, -- блюстителемъ договора и взаимныхъ обязательствъ былъ сделанъ Юпитеръ; какъ покровитель новой общины, онъ занялъ мъсто выше племенныхъ боговъ ся составныхъ частей. Воззрѣніе это нашло себъ конкретное выражение въ сакральной жизни новаго Рима: отнынъ въ немъ было три старшихъ жреца (фламина), причемъ фламинъ Юпитера былъ старше и почтениве и фламина Марса, и фламина Квирина.

Возвышеніе Юпитера—первый результать эволюціи римской религіи, который мы можемъ признать такимъ. Его значеніе очень велико; оно сказывается, насколько намъ дозволено судить, въ следующихъ трехъ пунктахъ.

Во-первыхъ, былъ сдёланъ важный шагъ впередъ на пути къ субстанціализаціи римской религіи: Юпитеръ, какъ хранитель создавшаго государство договора, не могъ не представляться постоянно обитающимъ тамъ, гдё рёютъ тучи и грохочутъ громы, тамъ, откуда нечестивцы должны были ждать быстрой кары за свои злодёянія. Характеръ имманентности римской религіи этимъ утраченъ не былъ: не было нужды представлять себё—а тёмъ

болье изображать — Юпитера въ видъ человъка или вообще живого существа. Онъ могъ оставаться таинственной силой, живущей въ поднебесьъ и объявляющейся въ его свътовыхъ феноменахъ. Важно было то, что богъ уже не отожествлялся со своимъ объявленіемъ; кто говорилъ: "такъ да погубитъ меня Юпитеръ"..., поднимая правую руку къ безоблачной лазури, тотъ несомнънно чаялъ въ ней постоянно присутствующаго бога, блюстителя его клятвы и карателя клятвопреступленія.

Карателя влятвопреступленія... Этимъ мы приблизились во второму пункту. Нравственность не составляеть элемента религій на ихъ первоначальной ступени; ея пріобщеніе бываеть результатомъ эволюцін, часто даже иновемныхъ вліяній. Такъ и римскія божества первоначально были безразличны въ нравственности-всъ, не исключая и Юпитера, такъ какъ наказаніе оскорбителя само по себъ есть только проявление силы въ дълъ личной мести, а не торжества правственнаго принципа. Такимъ оно стало лишь тогда, когда грозный властитель перуновъ былъ признанъ блюстителемъ договора; отнынъ онъ, навазывая, истилъ уже не за себя, а за попранную правду. Конечно, върность договору еще не составляеть всей нравственности; можно даже сказать, что она даже не входить въ составъ нравственности, относясь всецвло въ области права. Первое возражение справедливо, но не затрогиваетъ сущности дъла; пусть нравственность одною только своей частью врезалась въ религію-этимъ все-тави быль сдёлань важный починь, плодотворный для будущихъ временъ. Что касается второго возраженія, то мы должны придать ему болье общее значеніе: не одна только религіозная нравственность римлянъ, а вся ихъ религія и вся ихъ нравственность носить юридическій, договорный характерь. Риму выпало на долю, -- сильное, чомъ какому бы то ни было народу въ міръ, развить правовой элементь человъческой души; въ этомъ завлючается едва ли не наибольшая часть его мірового значенія. Необходимымъ условіемъ для этого было пронивновеніе правовыхъ понятій и правовой окраски во всѣ проявленія его индивидуальной и общественной жизни. Спеціально за религіей Рима. правовой характеръ остался надолго-вплоть до нашихъ дней. Но объ этомъ вдёсь говорить не приходится.

Третій пунктъ стоить въ связи со вторымъ и ему обязанъ своимъ значеніемъ; онъ состоитъ въ прикръпленіи, если можно такъ выразиться, Юпитера къ римской общинъ. Конечно, національные или общинвые боги существовали и раньше, но это ихъ существованіе, будучи вполнъ естественнымъ, не выдъляло

еще Рима изъ числа прочихъ общинъ и племенъ Италіи и вемного шара. Пусть Марсъ особенно печется о благополучін подданныхъ Ромула, Квиринъ-о преуспъяніи сосъдней сабинской общины; въ этомъ ни для вого обиды не было, пова Церера вськъ одинавово надъляла клъбомъ, Налесъ всъмъ одинавово ростила скоть, Юпитеръ надо всеми одинаково простираль свои грозовыя тучи. Теперь не то: повровитель и блюститель договора, создавшаго римскую общину, сталъ естественно покровителемъ и самого Рима; отдавая себя подъ личную опеку высшаго бога, Римъ присвоивалъ себъ значение его избраннаго народа. Ничего подобнаго не видимъ мы въ Греціи: какъ у Гомера вседержитель Зевсъ темъ же отеческимъ взоромъ смотритъ и на ахейцевъ, и на троянцевъ, взвъшивая залоги побъды обонхъ народовъ на техъ же неподкупныхъ весахъ, такъ и до поздивишихъ временъ Греція сохранила представленіе о справедливомъ для всвхъ народовъ высшемъ божествв, предоставляя ретивой дев Налладе осенть своей десницей свой излюбленный городъ Аенны и молиться за него своему державному отпу. Зато эволюція, подобная той, которую видёли берега Тибра, свершилась еще раньше на берегахъ Іордана; и здёсь, и тамъ, ея значение усугублялось тымь, что племенное божество, будучи признаваемо высшимъ божествомъ, было въ то же время представителемъ нравственности. Стоитъ вдуматься въ смыслъ этихъ синтезовъ; говоря: "нашъ племенной богъ есть высшій богъ", народъ-избраннивъ говорилъ: "наше торжество несомивнио"; говоря: "нашъ богъ есть справедливый богъ", онъ говорилъ: "наше торжество будеть торжествомъ правды". Въ этихъ двухъ въровавіяхъ-залогь безсмертія; и въ самомъ діль, идею вічности воплотили два образа въ исторіи человічества: на западів -- Візчный Римъ, на востокъ-Въчный жидъ.

Да, вдуматься во все это стоить, — въ сходства и еще болье въ различія. Іуден свое племенное божество объявила высшимъ; Римъ, напротивъ, свою судьбу поручилъ высшему изъ италійскихъ боговъ. Отсюда тамъ — запретъ народу-избраннику почитать какого бы то ни было бога: богъ Израиля — ревнивый богъ. Здъсь ничего подобнаго: ворота Рима гостепріимно открыты для боговъ-покровителей общинъ, граждане которыхъ нашли себъ пріютъ въ его стънахъ. Мыслимъ ли тамъ обычай, подобный римской "эвокаціи": "Богз ли, богиня ли, въ чьей опекъ состоить народъ и городъ карвагенскій, васъ я прошу, вамъ поклоняюсь, у васъ молю милости, чтобы вы оставили народъ и городъ карвагенскій, покинули ихъ урочища, ограды, святыни и городъ карвагенскій, покинули ихъ урочища, ограды, святыни и

стьны, отдълились от них и навели на этот городъ страхъ, ужасъ, забвение и, свободные, пришли въ Римъ ко мнъ и къ моимъ; чтобы наши урочища, ограды, святыни и стъны были вамъ пріятнъе и предпочтительнъе, чтобы вы стали покровителями мнъ, народу римскому и воинамъ моимъ такъ, чтобъ мы это знали и чувствовали; если вы это сдълаете, я даю обътъ построить вамъ храмъ и учредить игры въ честь васъ".

Израиль воевалъ прежде всего съ богами своихъ враговъ; горе какому-нибудь Дагону, если его храмомъ овладъетъ рать Іеговы! Римъ почтительно обращался съ богами побъжденныхъ общинъ, т.-е., говоря другими словами, съ самыми нъжными и священными чувствами самихъ побъжденныхъ. Отсюда дальнъйшее различіе. Послъдствіемъ побъдъ Рима были союзы съ поворенными общинами и ихъ принятіе въ составъ римскаго государства; послъдствіемъ побъдъ Израиля было бы уничтоженіе или порабощеніе побъжденныхъ, еслибы эти побъды состоялись. Но, къ счастью для человъчества, залоги безсмертія, дарованные его геніемъ обоимъ безсмертнымъ народамъ, были различны: Риму — безпредъльность власти, Израилю — несокрушимость страданія.

VI.

Тотъ фазисъ римской религіи, показателемъ вотораго была троица: Юпитеръ — Марсъ — Квиринъ, — оставилъ на все время существованія язычества память о себѣ въ верховномъ жречествѣ: до признанія христіанства государственною религіею, старшими жрецами Рима были фламины Юпитера, Марса и Квирина. Но живымъ былъ онъ лишь въ самый ранній періодъ римской исторіи, въ тотъ, который въ исторической легендѣ соотвѣтствуетъ правленію четырехъ первыхъ царей. При Тарквиніяхъ та старинная троица была смѣнена другой — капитолійскою троицею, состоящею изъ Юпитера "всеблагого и всевышняго" (Jupiter Optimus Махітив), Юноны и Минервы. Постараюсь выяснить причину и смыслъ этой перемѣны.

Римская община, созданная договоромъ между городами Марса и Квирина и опекаемая хранителемъ этого договора, Юпитеромъ, естественно льнула къ тому племени, къ которому принадлежали ея коренные граждане, къ племени латинскому; ея мъсто было въ союзъ городовъ этого племени, во главъ котораго стоялъ самый крупный изъ нихъ—полумиенческая Альба (ея имя живетъ и понынъ въ имени живописныхъ альбанскихъ

горъ и мъстечка Альбано на чудномъ Альбанскомъ озеръ). Богомъ-покровителемъ этого союза былъ, разумвется, опять Юпитеръ - Юпитеръ Вселатинскій; на самой высокой изъ окружающихъ Альбу горъ, гдъ близость грознаго метателя перуновъ ощущалась самымъ непосредственнымъ образомъ, происходило ежегодно "вселатинское празднество" въ честь его. Римъ былъ вначалъ лишь скромнымъ членомъ союза и участникомъ празднества, но уже при третьемь царъ-такъ повъствуетъ традиція-произошла рішительная война между нимъ и Альбой, посавдствіемъ которой были слівніе альбанской общины съ Риномъ и переходъ гегемонін къ этому последнему. Теперь надо помнить, что въ сакральномъ дёлё латинскихъ городовъ главную роль играла богиня, почитаемая подъ именемъ то Юноны, то Діаны (этимологически эти имена тожественны и означають "небесная"); въ смутахъ, последовавшихъ за римской победой, о ней естественно было вспомнить. Преданные Юпитеромъ, латины стали искать убъжища у своей родной богини, роща которой - nemus Dianae - дала имя второму, еще болье живописному озеру Альбанскихъ горъ (lacus Nemorensis, lago di Nemi). Римъ созналъ необходимость дать въ своихъ ствнахъ пріютъ этой богинъ, ставшей религіознымъ символомъ латинскаго единства. Мы не знаемъ, сколько съ этою цълью было сдълано "эвокацій", но, повидимому, онъ оказались безуспъшными; богинъ было хорошо на берегахъ ен прелестнаго озера, она не обнаруживала никакого желанія переселиться въ Римъ. Тогда было приступлено въ обману... Разсвазъ о немъ столь наивенъ и харавтерень для грубой старины, что было бы жаль не передать его словами върнаго пересказчика римской легенды-Тита Ливія.

"Путемъ частыхъ убъжденій, царь Сервій Туллій склониль представителей латинскихъ городовъ за-одно съ римскимъ народомъ выстроить Діанъ въ Римъ храмъ—это было равносильно признанію, что главенство, изъ-за котораго было ведено столько войнъ, принадлежитъ отнынъ Риму. Правда, латины, послъ столькихъ неудачъ, перестали даже мечтать о немъ; но тогда одному изъ сабинскихъ гражданъ представился случай частнымъ починомъ вернуть власть своей общинъ. Въ сабинской странъ, говорятъ, родилась у одного хозянна удивительная по росту и величинъ корова. Ея появленіе было признано знаменіемъ, каковымъ оно и было, и въщатели предсказывали, что какой общины гражданинъ принесетъ ее въ жертву Діанъ, той общинъ будетъ принадлежать власть. Въ первый же удобный

для жертвоприношенія день сабинянинъ приводить корову въ Римъ къ храму Діаны и ставить ее у алтаря. Тогда римскій настоятель храма, помня о предсказаніи, говорить ему: "Что ты дѣлаешь, гость? Хочешь нечестиво принести жертву Діанѣ? Омой сначала руки въ живой водѣ: ниже, въ долинѣ, течетъ Тибръ". Встревоженный гость, желавшій, ради исполненія знаменія, чтобы все было совершено по уставу, тотчасъ спустился къ Тибру: тѣмъ временемъ римлянинъ заклалъ корову Діанѣ". Теперь матка была поймана; рой послѣдовалъ за ней. Роща Діаны попрежнему продолжала зеленѣть на берегу lacus Nemorensis, но ея политическое значеніе пропало, священнодѣйствія мало-по-малу пришли въ упадокъ, настоятелями стали дѣлаться бѣглые рабы... Однимъ словомъ, завелись тѣ порядки, которые Э. Ренанъ такъ эффектно описалъ въ своей философской драмѣ: "Le prêtre de Némi".

Но династія Тарквиніевъ, обезпечившая Риму главенство среди латинскихъ городовъ, была сама этрусскаго происхожденія; благодаря ей, Римъ сталъ средоточіемъ и латинскаго, и этруссваго міра. Если религіозной представительницей латинства была латинская богиня Діана, или Юнона, то Этрурія видела свою повровительницу въ своей родной или, по врайней мъръ, уродненной богинъ Минервъ. И вотъ, могущественная династія рътается наконецъ создать религіозный символь, знаменующій новую политическую эру этрусско-латинского единства подъ эгидой Тарквиніевъ: въ противовъсъ культу вселатинскаго Юпитера на Альбанской горъ, Юпитеру сооружается храмъ на Капитоліи, и этотъ Юпитеръ нарежается "всеблагимъ и всевышнимъ", дабы всв знали, что покровительствуемый имъ союзъ превосходить своимъ величіемъ всѣ другіе; а въ сопрестольницы ему даются Юнона и Минерва, богини обоихъ соединенныхъ на берегахъ нейтральнаго Тибра племенъ. Новая тронца была, тавимъ образомъ, повтореніемъ старой, но на болже высокой, всеиталійской ступени; владыка молній и клятвъ опять быль признанъ покровителемъ и блюстителемъ договора, но уже не между крошечными общинами Марса и Квирина, расположившимися на двухъ прибрежныхъ холмахъ, а между двумя племенами, самыми способными и могущественными въ Италіи.

Этотъ разъ онъ обманулъ гордыя надежды своего гордаго почитателя: последній изъ Тарквинієвъ долженъ былъ покинуть городъ, который его роду былъ обязанъ своимъ кратковременнымъ величіемъ, а съ его изгнаніемъ распалось и то искусственное единство, символомъ котораго былъ капитолійскій храмъ.

Не мало времени прошло, не мало врови было пролито, пока оно не было возстановлено на болве прочной подкладкв, пока республиванскій Римъ не вернулъ себв въ его полномъ объемв паслвдія своихъ царей; кто освоился надлежащимъ образомъ съ римской душой, тотъ не будетъ сомивваться въ томъ, что именно существованіе Капитолія, этого нагляднаго изображенія отвлеченной формулы власти, поддерживало въ римлянахъ ввру въ неизбвжность его возстановленія. И это значеніе символа власти осталось за Капитоліемъ даже и тогда, когда всеиталійская роль Рима стушевалясь передъ его всемірной ролью, когда союзъ Юноны и Минервы показался его хранителямъ такимъ же незначительнымъ, какимъ въ эпоху его заключенія казался союзъ Марса и Квирина. Съ ростомъ Рима росло и величіе Капитолія; вскорв его невредимость стала залогомъ существованія Рима и его власти:

Пусть Капитолій стоить, и блистательный Римь побъжденными въ битвъ мидійцами Править со властію законодательной,

— гласить у Горація (Оды, III, 3, пер. Фета) ръшеніе боговъ, обезпечивающее въчность городу Ромула;

> ... и славный мой вънецъ Все будетъ зеленъть, доколъ въ Капитолій Съ безмольной дъвою верховный ходить жрецъ—

— такъ утвішаетъ себя самъ поэть въ своемъ знаменитомъ "Памятникъ", соединяя мечту о собственной славъ съ неоспоримой и несомнънной въчностью символа существованія и власти Рима.

Но, увеличивая до безконечности римскія надежды и римскія силы, твореніе чужеземныхъ этрусскихъ царей въ то же время внесло въ римскую религію такіе элементы, которые ее сначала въ значительной степени извратили, а затімъ — развратили и погубили. Къ изслідованію этихъ элементовъ мы обращаемся теперь; прошу читателя иміть въ виду, что ему придется ознакомиться съ самымъ важнымъ кризисомъ, который — вилоть до введенія христіанства — когда-либо переживала римская религія.

Мы видёли, что характернымъ признакомъ исконно-римской религіи была имманентность, и притомъ имманентность актуальная. Сознаніе аналогичности живущей въ природё божественной воли съ той, которую мы непосредственно ощущаемъ въ насъсамихъ, вело къ признанію возможности воздёйствія на эту волю—воздёйствія такого же, какому доступна и воля человёка;

отсюда—молитвы, объты, жертвоприношенія. Місто, гді проискодили священнодійствія въ честь бога, естественно считалось посвященнымъ ему; это была ограда, роща или горная вершина. Сооружать храмы не было нивавой надобности—и дійствительно древнійшій Римъ не зналъ храмовъ; если Веста почиталась въ крытой часовні, то потому только, что нужно было защитить священный огонь, въ которомъ она жила, отъ дійствій непогоды, вообще же святилища до-Тарквиніевской эпохи были открытыя. Еще меніе могла придти въ голову римлянину мысль наобразить Цереру или Юпитера въ человіческомъ образі; изваять женщину или мужчину, и затімъ сказать: "это—та таниственная сила, которая живеть въ волнующейся нивів или въ сверкающей молніи" —показалось бы ему чудовищной нелібпостью.

Въ совершенно иномъ положени находилась съверная сосъдка Рима, Этрурія. Мы не можемъ разобрать тв запутанныя нити, которыя соединяють ея обитателей, тусковъ или (по-гречески) тирренцевъ, съ до-историческими пелазгами на берегахъ Эгейсваго моря; знаемъ только, что въ эпоху, о которой идетъ ръчь, Этрурія въ отношеніи религіи и искусства была кореннымъ образомъ эллинизована. Конечно, ея даровитый и вдумчивый народъ очень несовершенно воспринялъ зародыши греческихъ художествъ -тогда тоже еще грубыхъ-и, сочетавъ ихъ со своей природной угловатостью, произвель нечто довольно дикое и уродливое; возсоздать на италійской почет свободу и естественность гречесваго искусства смогла лишь новъйшая Этрурія, наслъдница врови и имени той античной, Тоскана. Но при всемъ томъ, въ свверу отъ Тибра существовало все то, что было прямымъ отрицаніемъ римской религіи-существовали, вром'в религіозной архитектуры, еще и религіозныя ваяніе и живопись. Тарквиніи были этрусками по происхожденію; основывая культь Юпитеру и его сопрестольницамъ на Капитоліи, они выстроили ему настоящій храмъ по этрускому образцу и, что было важнъе всего, поставили въ немъ по глиняному изображению всёхъ трехъ божествъ. Это значить: Юпитеръ, Юнона, Минерва, живуть въ видъ исполинскихъ человъкоподобныхъ существъ, независимо отъ тъхъ явленій, въ которыхъ сказывается ихъ сила; это вначило ещевъ силу нелогичнаго, но неизбъжнаго отожествленія изображаемаго съ изображеніемъ-они живуть въ своемъ излюбленномъ храмъ на священной римской горь и оттуда охраняють целость Рима и его державы. Представленіе объ имманентности божества было оставлено; греческая трансцендентность была навязана рамской религін, вопреки ея исконному духу и характеру.

Разумвется, мы должны признать вполнв возможнымъ и даже въроятнымъ, что то, что намъ нынъ важется переломомъ, было въ дъйствительности постепеннымъ переходомъ, и что Тарквиніи, сооружая и украшая капитолійскій храмъ, не шли въ разріввь съ общественнымъ сознаніемъ. Тибръ не очень строго отдівляль латинскую Италію отъ этруской; этрускіе ремесленники и художники цёлыми артелями жили и работали въ Риме, распространяя тамъ вультъ своей Минервы, которая, кажется, именю потому была привнана богиней всякихъ ремеслъ и искусствъ и эввивалентомъ греческой Аоины. Это, однако, не умаляеть значенія самаго вривиса; въ душ'в каждаго в'врующаго переходъ отъ имманентности къ трансцендентности былъ свачкомъ; между обовин представленіями ... "Юпитеръ-Молнія" и "Юпитеръ-Громоверженъ" — нивакая постепенность невозможна. Постепенность невозможна; но возможно, по крайней мірь на долгій періодъ времени, совм'ястное существованіе. "Законъ совм'ястимости", установленный Липпертомъ для общерелигіозной эволюціи человъчества, долженъ быть примъненъ и здъсь; Юпитеръ-Громовержецъ и подобныя ему человъкообразныя божества были трансцендентными наслоеніями на имманентной подпочвів, которая, однаво, продолжала вліять на религіозныя представленія върующихъ и направлять ихъ чаянія и мысли. Результатомъ была флувтуація религіознаго мышленія, сдёлавшая римскую религію безоружной въ столкновени съ другими націями. Постараемся теперь же опредёлить въ главныхъ чертахъ характеръ этой флуктуаціи.

Прежде всего, религіозная реформа Тарквиніевъ коснулась лишь незначительной части римскаго политензма. Юпитеръ, Юнона, Минерва-это были отнынъ, если можно такъ выразиться, вристаллизованныя божественныя естества съ ярко очерченнымъ обликомъ и характеромъ; ихъ кругъ увеличился съ теченіемъ времени, но все-же онъ остался безконечно малымъ въ сравнени съ той огромной массой актуально-имманентныхъ божествъ, среди воторой безпрепятственно действовали обе зиждительныя силы реиской религіи — дифференціація и интеграція, — направляя ее поперемвино въ обовмъ ея полюсамъ: пандемонизму и пантеизму. По прежнему римскіе жрецы въ своихъ "индигитаментахъ" дълили божество возрожденія хлёба на дюжину частичныхъ божествъ, представителей божественныхъ актовъ; болъе чъмъ черезъ стольтие послы реформы быль учреждень культь богу "Молвящему-Говорящему", болже чемъ черезъ три столетія ... "богу Возвращающемуся", не говоря о массъ такихъ же учрежденій, о ко-

Digitized by Google

торыхъ, вслёдствіе ихъ преходящаго значенія, не сохранилось памяти въ традиціи. Правда, съ другой стороны мы не должны преувеличивать значенія этого численнаго превосходства: Юпитеръ "всеблагій и всевышній" былъ все-таки Юпитеръ и, какъ такой, несравненно бол'є д'єйствоваль на фантазію, ч'ємъ сотни боговъ "Молвящихъ-Говорящихъ". Посл'єдніе быстро нарождались и быстро исчезали въ сознаніи в'єрующихъ, точно листья въ л'єсу; даже изъ т'єхъ, которымъ были присвоены постоянные праздники, н'єкоторые потускн'єли до того, что ученые классической эпохи затруднялись сказать о нихъ что-либо опред'єленное.

Затъмъ, и представленія о вристаллизовавшихся божествахъ были подвержены, благодаря подпочвъ виманентности, постояннымъ колебаніямъ. Юпитеръ-Громовержецъ обиталъ съ одной стороны на небесахъ, съ другой — въ своемъ капитолійскомъ храмъ (не говоря уже о другихъ); но, при всемъ томъ, каждая отдъльная молнія была тоже Юпитеромъ, Jupiter Fulgur. Церера вристаллизовалась, какъ мы это увидимъ, въ первые же годы республики и, будучи отожествлена съ греческой Дэметрой, стала носительницей всего богатаго цикла миоовъ о ней; это не помъшало, однако, поэту Овидію, при всемъ греческомъ характеръ его образованія, слъдующимъ образомъ описать актъ милости со стороны благодатной богини ("Метаморфовы", VIII, 780):

…кивнула Церера Ласково—и отъ движенья прекраснаго лика богини Заколыхались густымъ урожаемъ покрытыя нивы.

Подражаніе Гомеру туть ясно (Иліада, І, 528, пер. Гибдича):

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями; Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многоходиный.

Но, помимо своей воли, подражатель внесъ въ свое описаніе исконно-римскую черту, которой нёть въ греческомъ подлинникъ: волненіе зръющей нивы—это и есть улыбка Цереры.

Навонецъ, — и это прямой выводъ изъ второго пункта, — дъйствіе объихъ враждующихъ силъ, дифференціаціи и интеграціи, не остановилось даже и передъ кругомъ кристаллизовавшихся трансцендентныхъ божествъ. Казалось, изображая Юпитера подъвидомъ исполина-громовержца, давая ему индивидуальныя черты, Римъ навсегда обезпечивалъ его отъ дальнъйшаго дробленія или сліянія; на дълъ вышло не такъ. Съ одной стороны, признаніе трансцендентности и человъкоподобія Юпитера повело къ тому, что ему былъ присвоенъ геній, аналогичный съ геніемъ людей

-genius Jovis; этимъ изъ представленія о богѣ была вновъ устранена та опредвленность, которая такъ претила римскому сознанію, и подготовлена почва для последовательной интеграціи съ геніями другихъ божествъ. Съ другой стороны, автуальность, не уживающаяся съ представленіемъ о трансцендентныхъ богахъ, могла быть спасена путемъ обоготворенія отдільныхъ ихъ качествъ или дъйствій. Это дълалось и раньше-внаменательнымъ примъромъ былъ культъ Юпитера-Остановителя (Stator), учреж-денный, по преданію, Ромуломъ, въ благодарность за то, что Юпитеръ, по его объту, "остановилъ" бъгство его разбитой рати. Это было настоящимъ обоготвореніемъ акта — почитаніемъ божественной силы, сказавшейся въ мгновенномъ прекращении страха бъгущихъ вонновъ, и по существу своему нъчто совершенно вное, чемъ схожія явленія греческой религія, въ роде культа Аполлона Boedromios (т.-е. "приходящаго на помощь въ бою"), или Геравла-Отвратителя. Тамъ автъ ясно сознавался вавъ автъ опредъленно представляемаго бога; здёсь обоготворялся самый акть. -- Повторяю: примъры такого обоготворенія встръчались и раньше, въ эпоху полной (или почти полной) имманентности римской религіи; теперь, вогда рядъ боговъ сталъ трансцендентнымъ, оно сдълалось естественной отдушиной для стремленія въ имманентности, этой неизгладимой особенности римской религіи. А съ ней была дана возможность безвонечной дифференціаціи: обоготворяя различныя вачества и авты божества, римлянинъ последовательно дробилъ его естество, создавая наъ одного бога целую группу новыхъ. Интересный образчивъ такого дробленія разсказываеть намъ Светоній изъ жизни императора Августа. Этотъ последній посвятиль Юпитеру на Капитоліи, гдв уже находился историческій храмъ бога, новое капище, назвавъ его именемъ "Юпитера - Громовержца" (Jupiter Tonans). Понятно, что онъ сталъ усерднымъ посётителемъ своего храма, и не менъе понятно, что примъръ государя заразительно подъйствоваль на подданныхъ. И воть однажды Юпитеръ Капитолійскій явился Августу во сий съ жалобой на Юпитера Громовержца, обвиняя его въ томъ, что онъ отвлекаетъ у него почитателей; Августъ, однаво, не растерялся и отвётилъ осворбленному богу, что онъ приставилъ въ нему Громовержца линь въ вачествъ привратника. Чтобы подчеркнуть это его качество, онъ, проснувшись, приказалъ украсить крышу новаго храма коловольчивами -- на подобіе трку воловольчивову, воторые им'влись у дверей римскихъ домовъ. Такъ точно и Людовикъ XI, если верить Вальтеръ-Скотту, извинялся передъ Клерійской Богородицей въ предпочтения, которое онъ овазывалъ ея "преблаженной сестръ", Богородицъ Эмбренской.

Существенная разница между греческимъ и римскимъ воззрѣніемъ на чествуемаго подъ своимъ эпитетомъ бога — между Jupiter Stator в Apollon Boedromios, чтобы взять тв же примёры — сказалась въ томъ дальнейшемъ развитіи, которое этоть обычай получиль у римлянь и не получиль у гревовъ; это развитіе заключалось въ томъ, что качество, за которое богу воздавалось почитаніе, мало-по-малу было отдівляемо отъ бога н обоготворяемо какъ такое. Стоитъ вдуматься въ психологію этого акта. Юпитеру, какъ покровителю върности договорамъ, быль воздвигнуть храмь на Квириналь, какъ Dio-Fidio; греки переводили имя бога по-своему черезъ Zeus Pistios-и были, въроятно, убъждены въ томъ, что понимаютъ его точно также. какъ и его непосредственные почитатели. И все-таки они ошибались. Грекъ, при мысли о Zeus-Pistios, думалъ прежде всего о своемъ Зевсв, образъ котораго онъ представлялъ себв вполнв точно, приписывая ему среди другихъ качествъ и то, о воторомъ идеть ръчь. Римлянинъ, напротивъ, говоря о Dius-Fidius, думалъ не столько о Юпитеръ, сколько о самомъ актъ соблюденія върности, въ которомъ онъ чувствовалъ божественную силу; въ его умв не Юпитеръ, а сама вврность была господствующимъ представленіемъ, и ему было бевразлично, воздавалъ ли онъ ей почитаніе какъ Dio-Fidio или просто какъ Fidei. И действительно, мы видимъ, какъ Fides отделяется отъ бога, который быль ея носителемъ, и обособляется въ отдъльное божество, связь котораго съ Юпитеромъ сказывается лишь въ томъ, что ему строится храмъ по сосъдству съ Капитолійскимъ. Такъ "счастливая" и "всепобъждающая" Венера сначала получила храмы подъ названіемъ Venus Felix и Venus Victrix, а затёмъ эти вачества были обоготворены, какъ Felicitas и Victoria, и имъ были выстроены ванища рядомъ съ храмомъ ихъ бывшей носительницы. Конечно, ео временемъ и эта послъдняя связь должна была исчезнутьчему содъйствовало также и то, что одно и то же качество могло принадлежать различнымъ богамъ. Была Venus Victrix, но быль и Jupiter Victor; положимь, побъда Венеры — не то же, что побъда Юпитера, но интеграція была возможна, и она дала -Викторію просто, независимо отъ того или другого божества. Благодаря этой легкости отдёленія эпитетовъ, получился новый источнивъ увеличенія римсваго пантеона; онъ былъ использованъ очень дъятельно, и въ Римъ появились храмы Надежды (Spes), Согласія (Concordia), Цъломудрія (Pudicitia), Благочестія (Pietas),

Благополучія (Salus) и многихъ другихъ родственныхъ божествъ. "Богами да почитаютъ также и тв вачества, благодаря которымъ человъку достается доступъ въ небеса, какъ Благоразуміе, Доблесть, Благочестіе, Върность; и этимъ добродътелямъ да воздвигаются храмы, но отнюдь не порокамъ", -- говорилъ позднъе Цицеронъ ("О законахъ", II, § 19), и его слова вполив совпадають съ практикой его предковъ. Такимъ образомъ, стремленію римлянъ въ интеграціи была дана новая пища, и можно теперь уже предвидъть, вавъ они ею воспользуюся. Прежде всего ясно, что присталлизовавшимся божествамъ придется, какъ несоответствующимъ народному сознанію, мало-по-малу стушеваться передъ этими олицетворенными добродътелями, которыя были по самому существу своему гораздо божественние. А затимь, посредствомъ простой логической работы мысли, эти добродетели должны были интегрироваться, причемъ было безразлично, сольются ли онъ въ одну высшую единицу-идею добра-или же сгруппируются вовругъ всеобъемлющаго божества, воторое будетъ сдълано носителемъ ихъ всёхъ. Который изъ этихъ двухъ путей былъ избранъ -- это поважеть наша следующая глава.

Еще разъ: трансцендентность капитолійской троицы была новымъ, очень важнымъ наслоеніемъ римской религіи, но она не уничтожила того характера имманентности и актуальности, который ей былъ присущъ съ самаго начала; объ теоріи—если это слово здёсь допустимо — существовали рядомъ и отлично уживались другъ съ другомъ, согласно закону совмъстимости. Не будь этой совмъстимости, капитолійскій храмъ не могъ бы статъ тъмъ, чъмъ онъ сталъ, —національной святыней Рима, символомъ его власти и залогомъ его существованія.

О. Зълинскій.

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ

повъсть.

T.

Швейцаръ остановилъ на лъстницъ жильца одной изъ квартиръ третьяго этажа.

- Барыня убхавши, Владиміръ Сергвичъ, и прикавали доложить, что къ объду могутъ и не попасть-съ...
  - Почему?
- У госпожи Штаркъ заболёла дочка. Сюда остальныхъ дётей неревезуть, чтобы, значить, не заразились...
  - Что же такое?
  - Слышно—дифтерить.

Ясоновъ слегва поморщился.

— Хорото!

Онъ сталъ подниматься выше, подбирая полы своей шинели съ бобровымъ воротникомъ. Въ шляпъ-цилиндръ, онъ смотрълъ мужчиной очень большого роста. Худощавое, интересное лицо, съ красивой русой бородой и тонкимъ продолговатымъ носомъ, выступало изъ-подъ стоячаго воротника.

Онъ и въ тѣлѣ былъ худощавъ и поднимался по ступенькамъ живо, походкой еще совсѣмъ молодого человѣка; а ему давно уже за тридцать.

У своей квартиры онъ еще разъ позвонилъ: на нижній звонокъ швейцара что-то не отпирали.

Отворила кухарка, а не горничная.

Онъ этого не любилъ.

— А гдв Паша? — спросиль онъ.

— Въ вомнатахъ убираетъ, — отвътила вухарва, солидная пожилая женщина, немного хмураго лица.

--- A-a!

Ясоновъ отдалъ ей шинель и, по бововому ворридорчику, прошелъ въ себе въ вабинетъ.

Ему сейчась же сділалось не по себі.

"Въдь это — цълая пертурбація!" — подумаль онъ именно этимъ словомъ.

"Пертурбація"!

Это выбьеть его изъ колеи—неизвъстно, на сколько времени... Полчаса назадъ онъ распрощался съ своей аудиторіей подъ

дружный взрывъ рукоплесканій.

Ръдко быль онъ въ такомъ ударъ. Все выливалось въ яркую, наящную форму. Никакой неловкости, никакого исканія словъ, что еще недавно съ нимъ бывало отъ неизбъжнаго волненія, какъ только поднимается на каседру.

Читаетъ онъ уже третій годъ, любимъ слушателями, а все еще не можетъ освободиться отъ нервности.

Но сегодня онъ, уже черезъ вавихъ-нибудь десять минутъ, вполить владълъ собою.

Особенно удалось ему изложение одной системы. Это была импровизація. По конспекту лекцін, онъ должень быль изложить эту систему гораздо кратче; но ему, во время самой лекцін, пришли новыя подробности, и онъ подцейтиль ими характеристику не только мыслителя, но и человіжа.

Нивогда онъ не возвращался домой, после левціи, въ такомъ молодомъ, бодрящемъ настроеніи, какъ сегодня.

И заранве смаковаль то, какъ онъ, передъ объдомъ, немножко отдохнеть въ кабинетв, такъ, минутъ двадцать—не больше; потомъ просмотритъ газеты — онъ утромъ ихъ не читалъ — и въ нять часовъ сядеть за столъ съ своей Лепой.

И вдругъ все это пойдетъ вверхъ дномъ!..

Ясоновъ, войдя въ кабинетъ, весь обставленный красивыми книжными шкафами, — окнами на дворъ, — аккуратно раздълся тутъ же; повъсилъ фрачную пару въ платяной шкафъ, въ маленькой угловой уборной, надълъ домашній костюмъ.

Прилечь на диванъ—какъ онъ всегда дёлалъ—ему что-то не котелось. Онъ несколько разъ прошелся по довольно просторному кабинету, потирая руки — жесть, являвшійся у него непроизвольно, всякій разъ, если что-нибудь выйдеть неожиданное, нарушающее его привычки или плавное теченіе мыслей.

Сумерки уже сгущались. Онъ привоснулся къ внопев. Надъ письменнымъ столомъ зажглись мгновенно три лампочки.

Къ столу онъ не присълъ, а продолжалъ ходить маленькими шагами, поглядывая на столъ, на шкафы, на всю обстановку.

Съ какой любовью, съ какими заботами все это было выбрано, куплено, разставлено и разложено, за последние три года, въ этой квартире, куда они—молодые—въехали после обязательной заграничной поездки.

Онъ не коллекціонеръ, не библіофиль, у него нѣтъ никакой маніи по этой части; но всегда, со студенческихъ годовъ, у него была заботливость о своихъ книгахъ, о письменномъ столѣ, всякихъ "принадлежностяхъ", объ уютномъ кабинетѣ и разныхъ видахъ холостого комфорта во всемъ, что его умственный режимъ и тѣ наслажденія, какія даетъ тихая, но спорая работа въ красиво и удобно обставленномъ кабинетъ.

Послѣ обѣда онъ не отдыхаеть. Почти важдый день жена садится за піанино, и подъ ея милую—хотя и не виртуозную—игру онъ ходить по гостиной и думаеть.

Думаеть—не зря, не отрывками, а по извъстной программъ. У него всегда есть готовый сюжеть: или завтрашняя лекція, или глава книги—его докторская диссертація,—а то такъ вопросъ, всилывающій по поводу чего нибудь, прочитаннаго наканунъ, или утромъ, въ тъ самые часы, которыми онъ всего сильнъе дорожитъ.

Но вакъ же теперь быть?

Вѣдь если швейцаръ не напуталъ, то сюда, въ ихъ квартиру, ввалятся цѣлыхъ двое дѣтей и, конечно, съ ихъ бонной, нѣмкой.

Если заболёла дёвочка, то это будуть двое мальчивовъ шести и четырехъ лётъ. Они очень балованные, шумные; кажется, меньшой—плакса?

И гдѣ же ихъ помѣститъ Лена?

Конечно, въ спальнъ! Больше некуда.

А сама должна будеть перейти спать въ свой тъсный, крохотный будуарчикъ. Ему придется ночевать здъсь, на турецкомъ диванъ.

Спальня—просторная, съ двумя вроватями. На одной будетъ спать бонна, на другой — оба врикуна.

И утромъ, когда онъ—въ поливищей тишинъ, работалъ здъсь, съ восьми часовъ утра—мальчишки будутъ болтать, куксить или ревъть, или бъгать и стучать чъмъ попало.

Дъти встаютъ рано, часовъ въ семь; поднимется и бонна.

А вабинеть его—черезь узкій корридорчикъ—дверь въ дверь, противъ спальной.

Владиміръ Сергвенить сталъ нервно щелкать пальцами, что съ нимъ бываетъ очень рёдко. Онъ привыкъ, съ отроческихъ лётъ, сдерживать себя, "презирать" всякую распущенность и, не считая себя нисколько "себялюбцемъ", также искренно презирать всякую излишнюю нервность, а еще болъе напускную чувствительность.

Какъ же это Лена такъ распорядилась, даже не дождавшись его возвращения?

Это ему ръшительно не понравилось.

Она—вполнъ самостоятельная личность—во всемъ—это такъ; но тутъ дъло идетъ не объ одной ея личности.

Ихъ двое-мужъ и жена-два равноправныхъ существа!

У важдаго — своя свобода и свои права на извъстныя условія разумнаго и "цълесообразнаго" существованія.

Развъ онъ — хоть и считается по закону главой семьи и хозяиномъ квартиры, собственникомъ двухъ третей всей обстановки — способенъ былъ бы въ чемъ-нибудь распорядиться и за нее, не получивъ ея согласія?

Тысячу разъ — нътъ!

У нея—свои внакомые; у него — свои, кромъ нъкоторыхъ общихъ.

Никогда и ни подъ какимъ видомъ не навяжетъ онъ ей новаго знакомаго, не то что уже противъ ея желанія; но и тогда, если это лицо не произвело на нее непріятнаго впечатлёнія.

Вотъ идетъ третій годъ, какъ они женаты; но онъ не помнитъ, чтобы когда-либо привелъ, не предупредивъ ее, объдать даже кого-нибудь изъ своихъ теперешнихъ коллегъ или школьныхъ товарищей.

Правда и то, что и Лена вела себя по той же программъ. Она даже педантична по этой части. Если ей случается, невзначай, или по разсъянности, вскрыть письмо, адресованное ему, — она приносить его съ извиненіемъ.

Не даромъ же она слыветъ "заядлой" поборницей полной взаимной свободы и независимости.

Владиміръ Сергвевичъ началъ чувствовать, что онъ полегонечку раздражается.

Ему захотелось узнать — въ чемъ туть дело. Горничная Паша, бойкая и смышлёная "интеллигентка" — такъ они ее звали съ Леной—все ему толково разъяснить.

Онъ заглянулъ сначала въ столовую - ввадратную вомнату,

небольшую, нарядную, увѣшанную блюдами, съ поставцомъ въ русскомъ стилѣ.

Столовая оказалась еще темной, а сейчасъ пробило половину пятаго.

Онъ освътилъ ее. Столъ не накрытъ.

Это его ущемило.

- Паша!—привнуль онь, пріотворня дверь въ спальню.— Вы здёсь?
  - Здёсь, баринъ.
  - Почему не накрыто къ объду?

Паша—вся красная, съ влажнымъ лбомъ—рослая, франтоватая дъвушка, въ чепчикъ и шолковомъ фартукъ—показалась на порогъ.

— Простите Христа-ради, Владиміръ Сергвичъ!—ваговорила она, часто сыпля слова и нъсколько отдуваясь.—Барыня кушать не будуть. Ждутъ гостей... Вотъ, надо было все приготовить въ спальнъ. Дъти Аделанды Өедоровны и съ мамвелью... прівдутъ сейчасъ. И для барыни надо было все уставить въ угловой. Простите! Я духомъ накрою вамъ. Елена Дмитріевна говорили—ихъ вамъ въ объду не ждать. Опоздаютъ.

Значить, все это — правда, и швейцаръ ничего не перевралъ. Надо было смириться передъ совершившимся фактомъ. Сейчасъ привезутъ тъхъ крикуновъ—и неизвъстно, на сколько недъль будетъ здъсь — "дымъ коромысломъ".

Онъ прошелъ въ гостиную, но свъта не пусвалъ, и въ полутемнотъ сталъ ходить по этой очень врасивой и модной комнатъ, отдъланной бълымъ, съ нъжно-палевой матеріей, по англійсвимъ рисунвамъ.

Лена не увлекается пов'ятріемъ того, что вовуть "modern style"; но она находить, что въ архитектурт и отділкі вомнать стиль этоть очень изященъ и леговъ.

Стало быть, Лена не могла иначе поступить, какъ согласиться на перевовъ тъхъ мальчишекъ-крикуновъ въ ихъ квартиру.

Можетъ быть, она сама предложила это своей вузинъ Штарвъ. Эта Аделаида Өедоровна—двоюродная сестра Лены по матери—всегда производила на нее "давленіе".

Такъ повелось еще съ дътства Лены. Онъ росли виъстъ. Адель на пять лътъ старше ея.

И еще гимнависткой Лена во всемъ подражала Адели. Та ей "импонировала" и своей рослой, теперь уже отяжелъвшей фигурой, и тономъ, и тъмъ, какъ она умъла себя поставить въ

семьй, въ класси, потомъ барышней-невистой, потомъ женой и хозяйкой своего салона и дамой-патронессой.

Мужъ ея — полунъмецъ по отцу — хотя и "вонтель" изъ "моментовъ", то-есть изъ ученыхъ офицеровъ, и въ подполвовничьемъ чинъ, но Аделанда Оедоровна вертитъ имъ и тавъ, и этавъ. Въ домъ она, безусловно, первый нумеръ.

Лена могла бы, по всему свладу своихъ идей, принциповъ и привычевъ — держать себя посамостоятельне. Но въ томъ-то и дело, что въ ней развито фамильное чувство.

Она дорожить своей умственной и соціальной эмансипаціей; а сама очень часто является "жертвой родового быта", какъ онъ давно уже прозваль ее.

Лена нашла это прозвище остроумнымъ и върнымъ: она сама способна подтрунивать надъ собою; но оно такъ! "Родовой бытъ" и то, что онъ же—по Спенсеру—назвалъ ел "обрядовымъ правительствомъ", владъютъ ею, если не во всъхъ мелочахъ жизни, то во всякій крупный моменть—вотъ въ родъ такого переселенія мальчишекъ Адели къ нимъ на неопредъленное время.

Со стороны Адели довольно-тави безцеремонно было: соглашаться на предложение Лены, даже если та первая стала просить объ этомъ.

Просить—врядъ-ли; но свазать сейчасъ же: "перевези ихъ въ намъ"—на это она весьма и весьма способна.

Штарви — далево не бъдные люди, вуда состоятельнъе ихъ обоихъ! Адель выходила замужъ съ порядочнымъ вапиталомъ. Мужъ — землевладълецъ, гдъ-то въ западномъ враъ, и по должности у него хоропій овладъ.

А въ довершение всего, они живуть въ казенной ввартиръ! Развъ нельзя было отдълить совсъмъ дъвочку?.. У нихъ тамъ чуть не двънадцать вомнатъ. Можно было бы изолировать больную.

Навонецъ—поселить мальчивовъ съ бонной въ отелѣ! Они могли бы позволить себъ такой расходъ. Какихъ-нибудь полтораста—двъсти рублей!..

Но онъ понимаетъ-почему такъ вышло.

Адель начала, конечно, причитать: "въ гостинницъ комнатъ никогда не провътриваютъ; можетъ быть, жилъ какой-нибудь грудной, если не тифовный"!

Сколько разъ они съ Леной возмущались этимъ жестовимъ этоизмомъ нынъшнихъ матерей и отцовъ, этими барскими страхами жизни и смерти, по поводу всякаго заболъванія.

Къ счастью, ни его, ни ее такъ не держали. Матери и отцы любили ихъ, — оба они съ Леной разомъ осиротели — но тогда еще не было такого повальнаго малодушія и жаднаго эгонзма охранительных в мірь.

А ихъ отцы и матери, вогда были дѣтьми, знали еще менѣе такіе порядки. Никогда ихъ не выселяли изъ дому, при первомъ подозрѣніи, что у Манечки или Петруши показалась въгорлѣ подозрительная краснота.

Съ какимъ сочувствіемъ читали они суровыя обличенія такого "баловства" у автора "Плодовъ просвъщенія", и какъ они заливались смъхомъ, когда смотръли ту сцену, гдъ барыня впадаетъ чуть не въ истерику, при видъ троихъ мужиковъ, изъ курской губерніи, гдъ появилась какая-то повальная бользнь.

И долго они говорили "макробы" витесто— "микробы", какъ называетъ, въ этой комедіи, буфетчикъ, объясняющій мужи-камъ, что это— "такія козявки".

Вотъ теперь и Лена, и онъ-жертвы барско-фамильнаго малодушія.

И это дёлается у завзятыхъ "интеллигентовъ". Адель и ея мужъ—ученый "моментъ" — довольно-таки кичатся своимъ "умственнымъ цензомъ", какъ выражается подполковникъ Штаркъ, говорящій не иначе, какъ книжнымъ языкомъ.

- Пожалуйте кушать! окликнула Паша, показываясь въ дверяхъ гостиной. —Простите... темень здъсь какая.
- Не надо освъщать, довольно сухо отозвался Владиміръ Сергъевичъ, переходя, съ горничной, въ столовую, гдъ, едва-ли не въ первый разъ, долженъ былъ объдать въ одиночествъ.

Борщовъ отзывался дымомъ, а ватрушва была сыровата.

Но онъ ничего не сказаль—у него было правило: не дълать никакихъ замъчаній прислугь по всему, что не касалось прямо его.

Онъ еще не вончилъ объда, когда раздался сильный звоновъ.

— Барыня! — крикнула Паша, пробъгая въ переднюю.

"Вавилонское плъненіе начинается", — подумаль онъ, всталь, винуль салфетку на столь и пошель въ переднюю, ожидая, что "вся орава" ввалится сейчась же.

— Лодя! Милый!.. Прости!

Съ этими словами бросилась къ нему жена, не снимая шубы. Лицо у нея было на небывалый ладъ возбуждено.

- Ты уже знаешь? спросила она, положивъ руки на его плечи.
  - Да... Ты всёхъ ихъ привезла?
- Нътъ, они сейчасъ будутъ... Надо ихъ повормить. Паша! Скажите сейчасъ же Натальъ. И три прибора... мальчивамъ и Fraulein, назвала она по-нъмецви бонну.

- И, отведя мужа въ уголъ, она въ полголоса поспѣшно заговорила:
- Ты понимаешь... я не могла отвазать. Адель адски перепугана! Докторъ сейчасъ же предписаль вспрыски сывороткой.
- Ты сама ей предложила? спросилъ Владиміръ Сергъевичъ, напирая на слово "ты".
- Такъ вышло, Лодя... Но больше двухъ недёль это не продлится! Захватили сейчасъ же. Дъвочка кръпкая... ты знаешь...
  - Знаю, -- выговориль онъ упавшимъ голосомъ.

Дѣлать ей упреки онъ счелъ бы совершенно непозволительнымъ.

Она и сама понимаетъ: каково ему придется... особенно по утрамъ.

"Ананкэ"!—выговорилъ онъ мысленно по-гречески фатальное слово: рокъ!!

II.

И только черезъ три недвли въ квартирѣ Ясоновыхъ водворилась тишина.

Кончилось "вавилонское плиненіе".

Елена Дмитріевна выдержала этотъ искусъ, снаружи, кротко и ласково, но съ глазу на глазъ съ мужемъ, — особенно когда стало уже заходить за поливсяца — то полушутливо, то серьезно выражала и свое недовольство.

Сегодня они, въ первый разъ, объдали одни, въ квартиръ, гдъ все налажено по прежнему.

Но нашествіе "юной орды"—такъ называль Владиміръ Сергъевичь—оставило-таки по себь и матеріальные слъды.

Въ будуаръ Елены Дмитріевны меньшой мальчивъ "раскокалъ" цънную фарфоровую статуэтку, въ спальнъ была порвана кружевная гардина и оказалось пятно на ковръ. А одинъ позолоченный стульчикъ и совсъмъ развалился: они играли въ поъздъ желъзной дороги и садились на тонкія ножки, поставивъ стуль спинкой книзу.

Сердиться на шалуновъ—безполезно. Елена Дмитріевна только разъ, когда старшій удариль чёмъ-то о колпавъ лампы, сдёлала легкое зам'ячаніе бонн'я.

Та—сейчасъ же—въ слевы, и послѣ того хозяйва уже ни во что не входила.

— Уфъ! — передохнулъ Ясоновъ, когда они, сидя одинъ противъ другого, начинали объдъ.

— Уфъ! — повторила Елена Дмитріевна и прищурила свои большіе каріе глаза.

Глаза эти-главная враса ея маленьваго, худого личива.

Ей пошель двадцать-седьмой годь, а она все еще смотрить дъвочкой-подросткомъ.

Такою полюбиль ее мужь, давно, когда она еще ходила въ темно-коричневомъ платьй выпускной гимназистки; а онъ уже прійхаль изъ Германіи, куда быль послань на казенный счеть—по своему предмету.

Она перестала рости по пятнадцатому году; такъ и осталась она маленькой, — съ чъмъ помирилась, когда начали ей шить длинныя платья.

Головка ея — въ темнорусыхъ волнистыхъ волосахъ—сохранила все тотъ же дъвическій складъ и вравычные повороты вправо и влъво, которые такъ нравились Ясонову, да и теперь нравятся.

Лицо — худое, но съ здоровымъ, ровнымъ, слегка розовымъ оттънвомъ вожи; родимое пятно надъ правой губой, густыя брови, придающія лицу что-то смълое и сильное; чудесные зубы, маленькій роть и круглый подбородокъ — и добрый, и настойчивый.

Для Ясонова Лена—ръдкій "экземпляръ", въ которомъ "женственное— "das Weibliche"—сложилось такъ карактерно, а взяло такъ мало матеріи.

Вся она—миніатюра; но всёмъ своимъ "я" изображаетъ собою "микровосмъ".

Уже въ первый годъ ихъ супружества, Лена любила шутить на ту тему, что вотъ онъ, такой длинный-длинный, съ "коломенскую версту", и полюбилъ такую "фитюлю", какъ она.

И сегодня, послё "нашествія иноплеменныхъ", они сидять и радостно смотрять другь на друга.

Она не любить, вогда вто-нибудь—въ томъ числъ и ея кузина Адель—намевнеть на то, что она влюблена, до сихъ норъ, въ своего "благовърнаго".

Самое это прибауточное слово: "благовърный" — ненавистно ей. Но она — несмотря на все "стедо" самостоятельной женщини — чувствуеть силу своей привязанности и считаеть это не рабствомъ, не оковами, а большимъ счастьемъ; только не находитъ нужнымъ объ этомъ распространяться.

Владиміръ Сергвевичь это знасть и щадить ся щепетиль-

"Маленькія всегда съ душкомъ", —повторяеть онъ про себя;

но этоть "душокъ" и всё ея "интересы" не мёшають ей быть преврасной женой, покладливой, дёятельной, отличной хозяйкой, заботиться не только о томъ, что сму нужно, но и о своихъ туалетахъ.

Будь у нея больше времени—она бы сама съумъла отдълать шляпку и скроить себъ кофточку, и даже пълое платье.

Опять она въ своей "похожалкъ", которая въ ней такъ идеть. "Похожалка" эта—капотъ-платье—въ видъ мъшка, съ кружевнымъ боркомъ, изъ мягкой шолковой матеріи, съ краснвымъ рисункомъ по съровато-голубоватому фону.

И раньше они оба не долюбливали возни съ дътьми, того особеннаго захватывающаго "обсахариванья" своихъ Манечевъ и Петрушъ потому только, что они—исс дъти, того новъйшаго баловства, которое дълаетъ всякаго "мальчишку" и "дъвчонку" домашними идолами, и готовитъ въ будущемъ "уродовъ".

Какъ общественный діятель, Елена Дмитріевна, конечно, стопла за все, что нужно діялать для діятей, но не въ этой домашней, буржуавно-барской формів.

Въ мужъ своемъ она нашла, по этой части, поливищаго сочувственника. Онъ въ дътямъ равнодушенъ, а съ ихъ инцидента еще строже относится въ нимъ.

— Знаешь, Лена, — заговориль Владиміръ Сергвевичь, принимансь за второе блюдо: — я какъ-то слышаль, за границей, возгласъ одного брюзги-француза, насчеть этихъ "ангеловъ". Вхалъ я изъ Парижа на море. И въ нашемъ отдёленіи ребенокъ, не русскій, у кормилицы, при очень франтоватой матери, все время задаваль концертъ. Когда его унесли на какой-то станців, старикъ-брюзга, съ красной ленточкой въ петлицъ, передернуль плечами и сказалъ вслухъ въ видъ афорнзма: "il faut parquer les malades, les aliénés, les chiens et les enfants"!

Оба разсивялись.

- Да, это великая обува и помъха всему! убъжденно и немного сдвинувъ брови, выговорила Лена.
  - И, сдержавъ себя, спокойнъе и мягче продолжала:
  - Адель... была замъчательная дъвушка...
  - Ты ею увлекалась, —подсказаль онъ.
- Можеть быть, Лодя. Мы не станемъ этого васаться! Но согласись... она прямо выдёлялась изъ всёхъ своихъ товарокъ. И вотъ, въ вавихъ-нибудь десять лёть—она только насёдва. Ничто для нея не существуетъ, кроме ея цыплятъ!
- Однако она могла же ихъ оставлять у насъ цёлыхъ три недёли? Заёвжала разъ въ три-четыре дня.

- Потому что Мися—ея главный идолъ... Красавица!
- Точно они ее, съ этихъ лётъ, готовятъ въ морганатическія супруги какому-нибудь владётельному герцогу!

Лена взглянула на мужа.

Если онъ такъ язвительно шутитъ, значитъ ему пришлось, въ эти три недёли, слишкомъ солоно.

Конечно! Другой бы, на его мъсть, подняль страшную бурю. Тъмъ болье, что онъ не долюбливаетъ ни Адели, ни, въ особенности, ея "момента", который, каждый день, жаловаль къ нимъ, и утромъ, и вечеромъ, и ни разу не извинился, какъ слъдуетъ, ни передъ нимъ, ни передъ Леной за такой несносный "постой" — точно будто такъ тому и быть слъдуетъ.

И виновата — она!

— Ну, Лодя, милый! — она протянула ему свою хорошенькую, совсёмы бёлую руку, безы колецы. — Прости меня еще разы. Ничего такого больше не случится.

Помолчавъ, она добавила:

- Какъ мать, Адель могла переполошиться. Но у Мися быль вовсе не дифтерить... какъ слёдуетъ; просто ангина съ бёлыми пятнышками, а не съ плёнками. Отъ впрыскивания сыворотки ее только ударило въ жаръ и усилило ея нервность... Со второй недёли ни малёйшей опасности не было!
- A послъ того Аделанда Өедоровна изволила продержать у насъ своихъ баши-бузувовъ еще ровно двънадцать дней.
  - Ты тайно считаль, Лодя?
  - Еще ,бы!

Они опять засм'ялись, и Владиміру Серг'евичу сд'ялалось немного сов'єстно за свое недоброе чувство... Лена не меньше была выбита изъ колеи, чёмъ онъ, а готова все забыть.

Правда, ему мѣшалъ шумъ, какой поднимали тѣ "башибузуки", раннимъ утромъ; но на ней лежали всѣ заботы по столу; она должна была присматривать и за бонной, и за дѣтьми. Однѣ ванны для меньшого — Ясоновъ прозвалъ его "Мамай" — какая возня! А своей прислуги Аделанда Өедоровна не соизволила отрядить — все изъ-за преувеличенныхъ страховъ.

— Это поучительно! — сказала Лена, сдёлавъ свой милый поворотъ головы—точно она смотритъ вверхъ изъ окна.

Мужъ ен и ей самой, и своимъ близвимъ знакомымъ, говаривалъ не разъ, что поворотъ головы и взглядъ Лены дёлаютъ ее похожей на того изъ херувимовъ, воторый у Рафаэля, въ Сивстинской Мадоннъ, смотритъ вверхъ, подперевъ голову рукой.

— Поучительно?—повторилъ Ясоновъ.

- Весьма! Во-первыхъ, Лодя, я должна, наконецъ, признать, что ты глубоко правъ... Во миѣ сидитъ пережитокъ родового быта. Никакого престижа Адель для меня не имѣетъ, какова она теперь... не прежняя Адель Поморцева, а подполковница Штаркъ, супруга тошиѣйшаго момента и мать трехъ идоловъ.
  - Распознала?
- Распознала... Что дёлать?! Это—какъ у муживовъ... Быть —сильнёе всего. Бывало, папа когда быль мировымъ судьей читаетъ имъ цёлое поученіе о безуміи: ухлопать на свадьбу сто рублей и больше, прямо разсердится. А они въ отвётъ: "Какъ же не сыграть свадьбы, батюшка Митрій Лексёнчъ... Помилосердствуй"!

Лена забавно подражала съверному мужицкому говору на онъ".

- Такъ и ты?
- Такъ и я!.. А во-вторыхъ, продолжала она такъ же весело: — я еще больше благословляю небо за то, что мы съ тобой, Лодя, — закоренълые холостяки.

Это была ихъ всегдашная шутка.

Оба чувствовали себя "холостяками", хотя и жили душа въ душу.

Но Владиміръ Сергъевичъ женился уже тридцатилътнимъ мужчиной, со всъми привычками молодого ученаго. И жизнь съ женой—въ сущности—мало измънила его. Про него уже никто бы не сказалъ: "Ясоновъ обабился".

Первая Елена Дмитріевна огорчилась бы этимъ страшно. Для нея мужчина долженъ оставаться личностью и въ бракъ, котя бы и въ тавомъ, гдъ все основано на взаимной любви.

— "Лодя любить меня, — говорить она обывновенно; но я для него—совсёмъ не божокъ, не кумиръ!.. Изъ-за любви во мев онъ не поступится тёмъ, что для него дороже всего: его убъжденіями, тёмъ, что онъ считаетъ правдой и нравственнымъ закономъ".

Почти то же если не говорилъ, то думалъ и Владиміръ Сергъевичъ.

Не любиль онъ избитыхъ цитатъ, но дёлалъ исключеніе для одной, хотя она—изъ самыхъ избитыхъ:

"Amicus Plato, sed magis amica—veritas".

И обоимъ стало по-дътски весело, что заживутъ они по прежнему, въ этой ввартиръ, гдъ все такъ отвъчаетъ ихъ внутренней жизни, идеямъ и вкусамъ, привычкамъ и настроеніямъ.

Томъ І.-Январь, 1903.

- Ахъ, жаль, что у насъ нътъ шампанскаго! подумалъ вслухъ Ясоновъ.
  - Можно послать... Лода?!
  - И, одумавшись, она прибавила:
- Не будемъ очень радоваться. Натерийлись... это правда; но въдь нивакой особенной бъды не вышло. Адель все-таки хорошая женщина... по своему. И страстная мать. То же самое со всякой можетъ случиться.

Про себя, она подумала:

"И со мною, будь у насъ дъти".

Мужъ точно догадался, и съ выразнтельнымъ жестомъ правой руки воскликнулъ:

— Да идеть мимо насъ съ тобой чаша сія!

Лена весело вивнула головой.

Въ этомъ они давно однъхъ мыслей и однихъ желаній.

И безъ шампанскаго они протянули другъ въ другу рюмви съ виномъ и човнулись.

Вспоминая годы житья въ Берлинъ и Гейдельбергъ, Владиміръ Сергъевичъ возгласилъ студепческое:

- "Prosit"!
- "Prosit"!—повторила Лена.

Имъ не хотвлось что-то говорить о разныхъ очередныхъ "сурьезностяхъ" – и стороннихъ, и своихъ.

Посл'в об'вда Лена раскрыла піанино—въ первый разъ посл'в нашествія малол'втнихъ и заиграла любимую мужемъ Рубинштейновскую: "Mélodie en fa".

Подъ красивое, мечтательно-бодрящее наростаніе звуковъ Ясонову особенно хорошо думалось.

Онъ походилъ сначала подъ музыку по гостиной, а потомъ перешелъ къ себъ и тамъ прилегъ немного на кушетку, въ темнотъ.

Ему надо было готовиться въ лекцін, и онъ съ наслажденіемъ подумалъ о томъ, что ни малъйшаго шуму въ ввартиръ не будетъ.

Тъ "ангелы" засыпали не раньше десятаго часа, и въ самые, для него, драгоцънные часы—отъ семи до девяти—вогда онъ приступалъ въ вечерней работъ, поднимали несносную бъготню по всъмъ комнатамъ, кромъ его кабинета, куда онъ ихъ не пускалъ.

Но не сразу сталь онъ обдумывать лекцію.

Его теплая, помолодевшая мысль витала вокругь той маленькой женщины, что играла въ гостиной уже другую мелодію

Рубинштейна-ту самую, которую онъ, еще гимназистомъ, слыхалъ-на большихъ вонцертахъ-въ исполнени Антона Григорьевича...

Когда яростныя "bis" не смолвали, а безумно-пылкія повлонницы взбирались на эстраду и, неистово жлопая, влекли геніальнаго мастера на эстраду-онъ двигался нетвердой походкой, весь въ испаринъ, съ неповорными, кудластыми прядями волосъ по всему Бетговенскому лбу, садился и начиналь-почти всегда --- эту мелодію.

Въ ея музыкальныхъ фразахъ есть что-то еще более бодрящее, сильное и убъжденное, то именно, что ему всегда нужно, передъ твиъ, какъ онъ сядетъ вплотную за работу.

Тогда мысли летять стройно, не перегоняя другь дружку, и ложатся раздёльными рядами, ведя въ обобщеніямъ, по строго логической нити, чтобы привести въ завлючительному синтезу.

Въдь и это своего рода музыва, и она даетъ высшую духовную радость.

Давно Ленъ такъ не удавалась экспрессія нъкоторыхъ оборотовъ этой Рубинштейновской мелодіи.

И вавъ мужественно она играетъ!

Потому что у нея душа не маленькой женщины, а сильнаго и большого мужчины.

Нужды нътъ, что ее называютъ "феминисткой". Онъ не любить этого слова и нивогда его не употребляеть. Но ея феминизмъ-прямое довазательство того, что она чужда всего мельоженсваго, всяваго вздора, всёхъ оховъ и аховъ огромнаго большинства женщинъ, даже самыхъ развитыхъ и природно выдаю-MHXCA.

У нея общественные интересы связаны со служениемъ выспинть задачамъ современной женщины; но насёдкой, такой воть, какъ чадолюбивая подполвовница, Аделанда Оедоровна Штаркъ, она не будеть-а главное, не желаеть быть.

Она не любить, когда вто-нибудь сважеть:

"Домъ безъ дътей - какъ это печально"!

Они этого не находить. Въдь тъ два "Мамая", которые бушевали здёсь -- могли бы быть ихъ мальчивами. А можеть, и еще шумиве, и еще несносиве?! И неужели потому только надо было бы считать ихъ "ангелами", дёлать изъ нихъ своихъ болванчиковъ, что они-их дети, а не чужін?

Владиміру Сергвевичу сдавалось, что въ эти минуты у его умненькой и чрезвычайно чуткой подруги въ головъ такія же MIICIH.

Елена Дмитріевна, играя, наслаждалась тімь, что она воть свободна, глубово и всесторонне свободна, а выше свободы—ничего ність въ живни, ничего!

Какъ бы мужъ и жена ни спълись, какія бы чувства ни свявывали ихъ—родись ребенокъ, и начнется рабство.

Оно неизбытно—это рабство! Тогда мать, изъ-за судьбы своихъ чадъ, способна все переносить.

Или наобороть... Мужъ впадеть въ постыдное рабство передъ матерью своихъ дътей и упадеть въ глазахъ жены—такой, какъ она.

И радость ен все возростала и свазывалась въ тѣхъ "ritar-dando" и "accelerando", воторыя выдѣлывали ен куденькіе пальцы, не настолько вороткіе, чтобы не сладить съ кватками Рубин-штейновской мелодіи.

"Не хочу!" — повторяла она про себя; и это "не хочу" относилось все въ тому же, о чемъ думалъ и мужъ ея.

Они женаты третій годъ. Это уже не малое ручательство за то, что и дальше домъ ихъ будутъ сентиментально называть любительницы готовыхъ французскихъ фразъ: "une maison sans enfants".

Полный мравъ обволавивалъ ее передъ пюпитромъ піанино. Но она знала наизусть то, что играла, и руки ея ув'вренно б'вгали по влавишамъ.

Еще побродила Лена, наигрывая что-то тихое, баккающее. И когда захлопнулась доска инструмента, Владиміръ Сергвевичь привсталь, потомъ совсемъ поднялся и сёль въ своему рабочему столу.

То же сделала и Елена Дмитріевна.

У обоихъ есть всегда что-нибудь на очереди.

Онъ началь готовить лекцію; она—писать реферать для очередного засъданія того общества, гдъ она секретаремъ.

Ш.

По дорогѣ на свою левцію, Ясоновъ, дня два-три спусти, вышелъ изъ вагона конки—онъ любилъ этотъ способъ передвиженія—на переврествъ, и черевъ минуту входилъ въ подъвздъ отеля.

Онъ зналъ, что застанетъ того, вто предупредилъ его наванунъ депешей о своемъ прівздъ изъ Москвы, съ сегодняшнимъ сворымъ поъздомъ. Прівхаль его дядя, меньшой брать матери, Павель Ильичь Вороновъ— изв'єстный писатель.

Ясонову досадно было, что нѣтъ у нихъ лишней комнаты поселить его у себя. А прівхаль тоть пожить съ недѣлю, "взять порцію Петербурга", какъ онъ обывновенно говорилъ.

Уступить ему совсёмъ свой вабинеть—на это Ясоновъ не рёшился.

Его утъщало то, что и дядя не пошелъ бы на это, ни за что, не желая кого-нибудь и въ чемъ-нибудь стъснять.

Даже будь у нихъ лишняя комната въ квартиръ—для друзей—онъ и тогда не согласился бы.

Кавъ подлинный закоренълый холостявъ (а не такіе фиктивные, кавъ они съ Леной), онъ проповъдываль неизмънно: безусловную необходимость жить всегда такъ, чтобы тратить ничтожный minimum времени и душевной энергіи на матеріальныя заботы, почему и прожиль весь въкъ въ отеляхъ и garnis, и заграницей, и въ Россіи.

Обзаводиться ввартирой, по его теоріи, это —поступать въ "крівпостное услуженіе", въ вещамъ и къ тысячі заботь обо всякомъ "вздорів". А что изъ этого вздора неизбіжно — то всякій порядочный отель или сносное garni могуть доставить за пять рублей въ Россіи, за десять франковъ въ Швейцаріи и Франціи и за восемь марокъ у німцевъ.

Швейцаръ повазалъ ему, въ съняхъ—по вавому ворридору подняться.

У него найдется еще полтора часа до лекцін. Если дядя предложить ему закусить—здёсь же, въ ресторанё отеля—онъ согласится. А тоть завтракаль неизмённо въ двёнадцать.

Постучавшись, онъ вошель въ тесноватый нумеръ, где кровать была отгорожена ширмами; а слева, у окна, стояло маленькое бюро.

Павелъ Ильичъ дописывалъ письмо.

— А!.. Володя! Милый! Сію минуту...

Вороновъ сдёлалъ росчервъ, приложилъ листовъ въ пропусвной бумагѣ и задёлалъ конвертъ—все это безъ торопливости, методически.

— Ну, здравствуй!

Они поцъловались.

Дядя быль порядочнаго роста, но на полголовы ниже племянника, съ съдой, коротко остриженной головой и бородкой, еще очень свъжій, плотный въ тълъ, одътый въ синій сьють.

- Кавинъ вы смотрите молодцомъ! не желая льстить, всиричалъ Ясоновъ.
- Не сглазь! Садись... Хочешь чего-нибудь? Стаканъ чаю? Или не останешься ли позавтракать? А?

Павелъ Ильнчъ говорилъ высовимъ, молодымъ голосомъ, немного отрывисто и очень своро, точно диктуя вслухъ.

Но произношеніе было не петербургское. Несмотря на свои частыя побіздки за границу, гдё онъ живаль подолгу—въ немъбывалый человікъ распозналь бы легко коренного москвича; сворый темпъ річн не отзывался, правда, московскимъ разговорнымъ масломъ; но интонаціи отдёльныхъ словъ были настоящія московскія.

Онъ и родился въ Старой-Конюшенной, и учился въ старой столицъ.

Нивогда и нигдъ Павелъ Ильичъ не служилъ и въ паспортной внижет значился "кандидатомъ правъ".

- Тавъ позавтраваеть со мной?
- Охотно, дядюшка.
- -- А объдать я бы успъль и съ вами, да твоя Лена переполошится.
  - Я ее предупредиль, на всякій случай.
  - Спасибо... Вы въ которомъ?

Ясоновъ зналъ, что дядя раньше шести не объдаетъ; но они и объ этомъ переговорили съ Леной.

- Въ тесть.
- Кажется... вы раньше об'вдаете? Пожалуйста, изъ-за меня не стъсняйтесь.
  - Да нътъ же, дядюшка!
  - А теперь идемъ.

Они спустились въ ресторанъ и съли въ буфетной комнатъ, у окна, выходящаго на улицу. Никого еще не было.

Павелъ Ильичъ— человъкъ строгихъ привычекъ во всемъ. Онъ не признавалъ русскихъ закусокъ, исключеніе дълалъ только для зернистой икры, которую тлъ даже съ рябчиками— поостзейски", какъ всегда пояснялъ онъ, — ненавидълъ куреніе, вообще — любилъ распространяться о томъ "варварствъ" и "возмутительномъ эгоизмъ", съ которыми курильщики, въ Россін, влоупотребляютъ своей "антисоціальной слабостью": не только вездъ отравляютъ воздухъ, но за объдомъ часто и самъ хозяинъ, въ присутствіи дамъ, начинаетъ курить со второго блюда.

"Со второго!"—съ ужасомъ повторяетъ онъ каждый разъ, поднимая вверхъ указательный палецъ.

И на этотъ разъ Павелъ Ильичъ съблъ одинъ маленькій сандвичъ съ икрой. Водки онъ не пьетъ, и у него есть цълая теорія, по которой въ Россіи три четверти мужчинъ образованнаго класса— птайные и явные алькоголики".

— Гораздо больше простого народа! — всегда прибавитъ онъ.
 Ясоновъ тоже не пилъ водки, что дидя особенно одобрялъ въ немъ.

Мягкій свёть изъ окна, отраженный на свёжемъ снёге, падаль на лицо Павла Ильича.

"Молодцомъ смотритъ дядя!—подумалъ Ясоновъ. — Интересный мужчина!"

Между ними, по годамъ, было не больше пятнадцати лѣтъ равстоянія. Дядъ врядъ ли перевалило за пятьдесятъ. Посъдълъ онъ рано; но на щекахъ и на лбу ни одной замътной морщины.

- Какой вы свъжій, дядюшка! Завидный женихъ!—прибавиль Ясоновъ вслухъ.
  - Не сглазь!.. А отчего?
  - Отъ колостого званія—скажете?
- Полагаю! Статистика противъ меня—я знаю. Но въ ней все не тотъ подборъ фактовъ.
- Въ какомъ же смыслѣ?—весело и заинтересованно спросилъ Ясоновъ.

Онъ любилъ "разносы" стараго холостява, всегда обоснованные смълыми парадовсами, и въ пріятной формъ.

Вообще, у Павла Ильича все, что онъ говорилъ и дълалъ, выходило отчетливо и мягко. Выше культурности онъ ничего не признавалъ въ жизни, находя, въ то же время, что "хорошій москвичъ" культурнъе петербуржца.

- Хотя у васъ и есть панель и прешпекть, прибавляль онъ обывновенно.
- Въ статистикъ, —продолжалъ Вороновъ, принимаясь за первое блюдо завтрака, обыкновенно все валятъ въ кучу, и критерій одинъ —продолжительность жизни. Холостяковъ умираєть больше, чъмъ женатыхъ. Егдо, холостая жизнь вредна. Но какихъ холостяковъ? спрошу я. Всякихъ неудачниковъ, которые женатыми еще менъе выдержали бы натискъ жизни. А возьми двонхъ мужчинъ одинаковой стойкости въ борьбъ за жизнь, одинаковаго здоровья и той же умственной силы сомнъваюсь, чтобы женатый прожилъ дольше холостого. Ужъ, конечно, не могъ бы онъ столько же надълать дъла, сколько свободный индивидъ. Одна треть энергіи ушла бы на жену и дътей!

Ясоновъ тихо улыбался. Доводы дяди были все тв же, что и прежде; но форма ихъ варьировалась.

— Когда я начиналъ свое университетское учение и ходилъ въ лабораторию, мой наставнивъ, — онъ назвалъ громвое имя ученаго, уже давно умершаго, — говаривалъ миъ, бывало: "Вороновъ, пожалуйста не женитесь, не сдавши на доктора". Онъ думалъ, что изъ меня выйдетъ ученый естествоиспытатель; а я очутился въ кандидатахъ правъ. "Не обвънчайся я мальчишкой, — продолжалъ мой наставнивъ, — я бы давно уже взялъ докторскую степень; а теперь, вотъ, долженъ подзубривать, какъ студентъ — отцомъ семейства!"

Ясоновъ давно зналъ, что Павелъ Ильичъ считается "мизогиномъ", и не особенно преклоняется передъ феминизмомъ. По второму пункту онъ всегда себя сдерживалъ въ присутстви Лены, съ которой, до сихъ поръ, видался мало и ръдко, раза два въ годъ, проъзжая Петербургомъ за границу и обратно.

Ему хотвлось, чтобы между дядей и племянницей, хотя только по мужу, установились болье родственныя отношенія. Лена на-ходила, что у него съ ней не тотъ "genre", что онъ говоритъ съ ней всегда въ снисходительно-шутливомъ тонъ.

Но сегодня, за объдомъ, они могутъ "пъть въ униссонъ", если ръчь зайдетъ о недавнемъ ихъ "вавилонскомъ плъненіи".

И онъ сейчасъ же разсвазалъ ему про ихъ "трагивомическій инцидентъ".

Вороновъ все время улыбался и поддавивалъ головой.

- А что если такая же кутерьма водворится у васъ самихъ?—спросилъ онъ, подмигнувъ.
  - Боже избави! -- искренней нотой вырвалось у Ясонова.
- Зарока нельзя давать! Славянское племя плодущее. Это не французы! И наконець, туть желаніе или нежеланіе супруга въ разсчеть не принимается...
  - И Лена не стремится...
  - Да-а?—протянулъ Вороновъ.
  - По врайней мъръ до сихъ поръ оно такъ.
- Твоя Лена—по прежнему—въ движеніи? Общества, рефераты, популярныя внижви?
- Отъ этого наша интимная жизнь не теряетъ... Увъряю васъ, дядя, дома у насъ все держится ею...
  - Не сомнъваюсь!
- И ни съ какой другой женщиной и не могь бы имъть столько духовнаго комфорта. Мнъ работается нисколько не хуже,

тъмъ бывало... даже и за границей, а гораздо лучше. Тогда слишкомъ многое развлекало и усерднаго магистранта.

И туть онь заговориль о своей докторской диссертаціи. Павель Ильичь очень заинтересовался и, положивь локти на столь и подавшись немного впередъ своей благообразной съдой головой, слушаль съ одобряющей усмёшкой.

- Въ добрый часъ, Володя!.. А все-таки ты раньше бы выдержалъ на доктора, еслибъ...
- Поспъшность для спеціалиста по исторіи мышленія никуда не годится, дядя!
  - Ну, будь по твоему.

Они встали изъ-за стола, очень довольные другъ другомъ. Вороновъ объщалъ быть ровно въ шесть.

— И скажи твоей женв, что прошлогодній завтравь оставить во мив пріятивищее воспоминаніе. Равовины съ рыбой подъ бешемелью были... удивительно приготовлены!..

Все тотъ же разговоръ и на ту же главную тему продолжался и въ столовой Ясоновыхъ.

Лена "притуалетилась" — надъла рововатое fichu Marie-Antoinette, отвуда ея шея выплыла—тавая бълая и тонкая.

Ясоновъ все еще немного побанвался, какъ бы жена его не вашла, что у дяди-резонера все еще не тотъ "genre" съ племяницей.

Но все, что онъ говорилъ сейчасъ—было ей по нутру. Она искренно смънлась, когда Павелъ Ильичъ съ юморомъ выражалъ изумленіе предъ ея "добродътелью"—все по поводу "нашествія молодой орды".

Къ концу объда, послъ очень тонкихъ похвалъ хозяйкъ особенно за два блюда, — Вороновъ, обратившись къ Ленъ, — она сидъла противъ него, — началъ:

- Вотъ вы скажете, что я— неисправимый брюзга... старая дъва мужского пола... а какъ же мит не находить, что для итвъюторыхъ мужчинъ бракъ— нъчто фатальное... и не тогда, когда они несчастны въ супружествъ; а тогда, если ихъ Клитемнестры онъ произносилъ: Клютаймиэстры прилипнутъ къ нимъ, какъ плющъ въ дубу?! Pardon за это сравненіе-гососо!..
- Я не стану съ вами спорить, mon oncle...—весело отозвалась Лена. — И я знаю такіе прим'яры...
- Поввольте... воть сейчась я быль у одного такого добровольнаго мученика. Я ъду за границу, а онъ возвращается оттуда во второму семестру.

Онъ назвалъ имя профессора одного изъ провинціальныхъ университетовъ.

- Большая умница!
- He правда ли?—отвливнулся Вороновъ на возгласъ племяннива.
- Отличная голова!.. Тонкій, изящный писатель. Хоть онъ и не по моей спеціальности, но въ его этюдахъ— такая глубина мысли и такіе пріемы психическаго анализа...
- Вотъ видишь!.. И что же? Онъ жалкій рабъ нівоторой "Клютаймностры", которая мнить себя махровымь цвіткомъ интеллигенціи. У этого человівка ність воли, онъ не можеть вамъ свазать сразу: будеть онъ съ вами завтравать или ність. Два года назадъ у нихъ было чадо. Тогда это составляло еще нівоторую диверсію, а теперь въ грудные младенцы окончательно произведенъ мужъ. Развіт такія матроны и множество другихъ не представляють собою антисоціальный элементь?
  - Еще бы!-вырвалось восклицание у Лены.

Она не хотёла задобривать "дяденьку"; но ей—въ эту минуту—представилась одна изъ ненавистныхъ ей свётскихъ dames-patronesses. Онъ въдь, въ сущности, ничего не знаютъ выше своего тщеславнаго "я", безумно рядятся, декольтируются, тратятъ на себя Богъ знаетъ какія деньги!

- Сюжеть—интересный, выговориль Ясоновъ въ тонъ женъ. Что бы вамъ, дядя, предложить его, въ видъ левціи, комитету женскаго собранія?
- Еслибы у меня было больше задора, я бы выступиль публично съ такой conférence. У насъ еще не такъ, какъ за границей, мечется въ глаза царство хищницъ... и не тъхъ только, которыя, выражаясь патетически "заклеймены поворомъ", а самыхъ законныхъ супругъ, всъхъ тъхъ безчисленныхъ пшюттокъ, на которыхъ мужчины, въ своемъ безуміи, работаютъ или, лучше, хапаютъ куши, на всякаго рода эксплуатаціи чужого труда.
  - Какъ это върно! вскрикнула Лена.
- Встаньте, въ Парижъ, на переврествъ въ Елисейскихъ-Поляхъ, когда изъ Булонскаго Лъса течетъ волна экипажей. Сосчитайте, сколько тутъ всажено милліоновъ въ кровныхъ лошадей, экипажи, ливрейную прислугу, туалеты, брилліанты! И—во всемъ этомъ—женщина цинически попираетъ основу всякой нравственности: коли не пориботаешь, то и не поъшь!
  - Именно цинически попираетъ! подхватила Лена.
- А свачки? Въдь вся эта вакханалія, снобизмъ и азартъ дълаются для нея же? Пронгрывають и выигрывають куши,

чтобы содержать ее... ее, и никого больше; чтобы раворяться на нее, дёлать себё рекламу въ лицё ея!

- Върно, върно! все возбуждениве поддавивала Лена.
- И, обернувшись въ мужу, быстро спросила:
- Развъ это не тавъ, Лодя?
- Конечно такъ, согласился онъ.
- И вст ее содержатт! брезгливо выговорила Лена. Она давно потеряла всякій стыдъ! добавила она еще сильнте.
- Стало... я вовсе не заявляю парадокса, что этакая женщина—а она царить вездё!—самый ядовитый, разъёдающій ингредіенть общественнаго организма? Она только безстыдно тратить и сорйть и ничего не вызываеть, кром'в соблазна, безпробуднаго тщеславія, чванства и всякихъ чувственныхъ поползновеній...
  - Но не всв же такія?—тихо спросиль Ясоновъ.
- Кто же тебѣ говорить это? остановила его Лена и даже взяла его за руку. Но для каждой личности, трудовой и мыслящей захвать, какой производять такія женщины вездѣ, и за границей, и у нась прямое оскорбленіе! Прежде... я бывала на субботахъ Михайловскаго театра... а теперь мнѣ прямо противно...
- Не слишкомъ ли это большой ригоризмъ? вставилъ Ясоновъ.
  - Вовсе нать, Лодя!
- И сдёлавъ жестъ своей маленькой рукой черевъ столъ, она разсмёнлась.
- Вотъ видите... mon oncle... вы выдаете себя ва... какъ, бишь, это?..
  - За мизогина, подскаваль ей мужъ.
- Да, т.-е. за ненавистника женщинъ; и возмущаетесь тавимъ царствомъ хищниковъ и трутней женскаго пола. Стало, вы должны сочувствовать темъ изъ насъ, кто хочетъ быть равноправной... съ мужчиной; а для этого главное средство — трудъ, заработокъ, матеріальная независимость.
  - Атеп, шутливо проговорилъ Вороновъ.
  - Мы въ этому и стремимся...
- И я вамъ препятствовать не буду. Я не охотникъ только до сектантскаго феминизма, по которому женщина желаетъ сама впасть во многіе виды мужскихъ дефектовъ. Это ей же невыгодно. А больше я ни въ какихъ ехидствахъ противъ вашей сестры не повиненъ!

Вст трое заситялись.

- И замётьте, закончиль "закоренёлый" холостявъ свою проповёдь: эти прожигательницы, всаживающія милліоны на украшеніе своего грёшнаго тёла— на половину матери, хоть частенько и противъ своей воли. Онё производять на свёть достойныхъ преемницъ. И такъ пойдеть изъ поколёнія въ поколёніе; все съ большими безсовёстностью и цинизмомъ...
- Зачёмъ? остановила Лена. Надо вёрить въ другое будущее.
  - Будь по вашему! согласился дядя.

· IV.

Выдался такой денёкъ!...

Съ девяти часовъ утра Елена Дмитріевна—по собственному выраженію—, рыщетъ" по городу. Врядъ ли удастся ей вернуться во-время въ объду. Это случается съ ней уже въ третій разъ, даже и послів "вавилонскаго плівненія".

А ея Лодя держится за пятичасовой объдъ. Онъ, бъдный, приходитъ голодный, а закусить—до ел возвращенія—значить, портить объдъ.

— Но вавъ же быть?

"Дѣло" не ждеть. И въ извѣстные дни наберется его столько, что и въ сутки не передѣлаешь.

До двънадцати она была на Острову, занималась текущимъ письмоводствомъ и разными хозяйственными распоряженіями по "общежитію". Потомъ надо было завхать въ редавцію, гдъ дожидались ее корректуры. За ними пришлось посидъть больше часа. Ошибокъ оказалось бездна. И какъ она себя ни сдерживала—все-таки очень волновалась, хотя и совершенно безполезно.

Только, въ началъ четвертаго, по счету третій извозчивъ везъ ее обратно, за Екатерининскій каналъ, въ мъстность около Садовой, гдъ — дома, набитые мастеровыми.

Сани подвезли ее, по набережной, къ воротамъ одного изътанихъ домовъ.

Здівсь она не была уже нівсколько дней, и это ее мозжило. Чтобы все хорошо шло, надо нав'ядываться непремінно черезъ день.

Но концы длинны; необходимо побывать, въ одинъ день, въ разныхъ мъстахъ.

"Лодя правъ, — думала Лена, еще по дорогѣ: — я занимаюсь

.совивстительствомъ". У меня, по крайней иврв, пять или песть учрежденій или обществъ, гдв я—самымъ усерднымъ членомъ".

А вавъ быть? Въдь это сдълалось не разомъ; навоплялось понемножву...

Но изъ всёхъ отдёловъ "совмёстительства" — какъ въ шутку называетъ ея мужъ — вотъ этотъ, куда она теперь пріёхала — едва ли не самый для нея дорогой.

Это—ея пріють для заброшенных дітей. Явились они на світь всів—и мальчики, и дівочки—среди того люда, что кишить въ самых ужасных ночлежных домах и углах втой містности. Многіе были брошены матерьми. Объ отцах и говорить нечего! Не мало и дітей профессіональных воровь и мазуривовь; почти у всіхь если не матери, то отцы—пьяницы.

Лена, своей легкой и сворой походкой, проникла на длинный дворъ, обставленный со всъхъ сторонъ старыми, облъзлыми каменными строеніями.

Посреднит шли не то саран, не то жилыя помъщенія, и вдоль нихъ навалены горы корзинокъ—самыхъ дешевыхъ, для всякаго сътстного товара.

Тутъ ютятся одни только корзинщики — низменный видъ заработка, гдъ всего больше самаго одичалаго и непутеваго народа, живущаго чуть не въ повалку.

Справа, въ двукъ-этажномъ корпусъ, съ закоптвлой штукатуркой, вдоль второго этажа, идетъ побуръвшая деревянная "галдарейка", до-нельзя грязная, съ обмерзлыми ступенями. Съ нея на дворъ выливаютъ помои и бросаютъ всякую нечисть.

Отъ всего этого идетъ отвратительный запахъ, даже и въ сильно морожные дни.

Но она привывла во всемъ этимъ благоуханіямъ.

Они ударили ей въ носъ и на лъстницъ, по которой она стала подниматься, войдя въ дверь, безъ навъса, слъва отъ воротъ, на задахъ пяти-этажнаго дома, выходящаго на набережную.

Что же дълать! Нътъ средствъ взять другую квартиру. Но когда онъ двъ, съ пріятельницей ея, Любой Петрининой, взялись за это дъло, по идев одного милъйшаго старичка-благо-творителя, — онъ не мечтали о томъ, чтобы "спасать" больше дюжины дътей. А теперь у нихъ уже цълыхъ три дюжины, и надо мириться съ большой тъснотой.

Но какъ же быть? Лучше тёснота, чёмъ тотъ "адъ", отвуда они добывали этихъ дётей.

Лѣстница—чугунная, довольно-таки скольккая; но Лена не бонтся упасть. Она такъ же легко и быстро поднялась въ третій этажъ.

Дверь до сихъ поръ еще не обита влеенвой. Онъ съ Любой разсчитывають на то, что одинъ лавочнивъ, съ Садовой, подаритъ имъ, въ празднивамъ, влеенви и на эту дверь, и на половики.

Она съ усиліемъ отворила дверь, отвуда сейчасъ же повалилъ паръ.

Кухня пом'єщается при вход'є, за перегородкой, и отъ нея также идуть неизб'єжные запахи.

Къ ней сейчасъ же высыпала детвора. Ученье кончилось, и дети играли въ самой большой комнать, гдъ приспособлено было кое-что и для гимнастики.

— Елена Дмитріевна! Здравствуйте! Барыня! Милая!

Ее облѣпили, какъ всегда.

— Тише, тише! — останавливала надзирательница, пожилая особа, въ темномъ, — строгая въ лицѣ, но добрѣйшая и очень разсѣянная.

Лепа знала, что дъти ее ни чуточки не боятся, зато любять. Они только-что пообъдали. Обыкновенно она попадала передъ объдомъ и пробовала кушанье. Съ кухаркой у нея скрытая борьба.

Готовить она умфеть; но умудряется—и при постоянномъ вонтролф— по малости воровать.

Лена хотъла-было ее протурить, но удержала практическая Люба, доказывая ей, что "всъ кухарки воруютъ"! По крайней мъръ, эта не пьяница и не грубіянка.

Но за ней водился и еще одинъ очень непріятный недочеть: она гразна—и сама, и по кухнъ. Взали ей поденщицу-судомойку, но чистоты все-таки не больше, чъмъ прежде.

Сейчасъ же Лена завернула за перегородку въ кухню, а надзирательница увела дътей въ большую комнату.

— Прасковья, здравствуйте! — окливнула Лена кухарку, которую онъ объ съ Любой долго упрашивали носить чепчикъ.

Фартувъ на ней-какъ всегда-грязный-прегрязный.

Лена не выдержала.

— Развѣ у васъ нѣтъ ничего почище, Прасковья? Она брезгливо дотронулась до края фартука.

— Убираемся, барыня.

Судомойка, у окна, съ чемъ-то возилась.

- Все равно!.. Я много разъ просила васъ, Прасковья... А теперь... какъ вамъ угодно—буду требовать.
  - Воля ваша!
  - Покажите мив, что вы сегодня забирали.

Кухарка была грамотная, но она лѣнилась приготовлять во-время—репортички, т.-е. утромъ, послѣ того, какъ придетъ съ базара.

Она должна была доставлять ихъ надвирательницъ.

Та стояла туть же въ дверяхъ.

- Елена Дмитріевна!—начала она нервно:—я каждый день говорю ей, чтобы она записывала сейчасъ же въ книжку или диктовала мив.
- Не справилась, барыня! Нынче постиру́шва была и много всявой всячины...
- Я прошу васъ! остановила ее Лена, сдерживая себя.— Нельзя же быть такой упорной!

Съ этими словами Лена прошла въ последнюю комнату, иннуя тесноватый дортуаръ для девочекъ и мальчиковъ, — въ ихъ ванцелярію", какъ оне, въ шутку, звали съ Любой.

Вся хозяйственная часть лежала на ея плечахъ. Надзирательница вела отчетность, но въ бухгалтеріи была не особенно искусна. Приходилось провърять ее, что стъсняло Лену. Та, какъ разъ, обидится. А другую—за тъ "гроши", какіе она получаеть—не своро найдешь.

А потомъ надо перетолковать и насчетъ детей.

Не мало набиралось, за два, за три дня, всякихъ шалушекъ и разбирательствъ:

Наказанія были самыя легкія, и надвирательница находила, что они недостаточны, при всей ея мягкости.

"Эвзекуцін" — безусловно не допускались.

Сотрудница Лены—Любовь Явовлевна Петринина— тоже разрывалась на части по нёсколькимъ обществамъ, — брала на себя внёшнія хлопоты: привлекать членовъ, отыскивать жертвователей, устроивать вечера, "клянчить" — какъ онё сами называли у кого только можно, а главное— "оббивать пороги" у разныхъ артистовъ и артистокъ, писателей и лекторовъ, — не говоря уже о тёхъ безконечныхъ мытарствахъ, чрезъ которыя надо проходить, чтобы добиться разрёшенія.

Въ женскомъ дортуаръ няня, чисто одътая, въ чепчикъ, остановила Лену.

- Матушка барыня... Кругливова Лиза вчерась заболъла.
- Какъ же мий Эмилія Степановна ничего не свазала? Надзирательница подошла какъ разъ въ эту минуту.
- Простите, Елена Дмитріевна, я не успала вамъ доложить.
- Что съ ней?

Нянька сказала въ полголоса:

- Горло захватило. Жаръ есть.
- Какъ же вы меж не дали знать вчера?

Дъвочка лътъ семи—черноглазенькая, полная—лежала въ кровати, вся въ бъломъ. Щеки разгорълись, горло обвязано.

- Здравствуй, Лиза... Что ты чувствуешь?
- Не знаю... уже съ трудомъ пролепетала дѣвочка, и на главахъ сейчасъ же показались слезы.
  - Дайте мив ложку!

Лена въ пріють пріучилась въ роли леварви. Къ довтору обращались ръдво. До сихъ поръ не было еще нивавой дътской эпидеміи.

Но они такъ обдим, что нътъ особой лазаретной комнаты, да и помъщение такое тъсное, что съ прилипчивыми болъзнями это было бы еще хуже.

Принесли ложву. Лена посадила дъвочку противъ свъта, придержала ея уже побълъвшій языкъ своимъ платкомъ, — не подумавъ о возможности заразиться, — заставила раскрыть широко ротъ и протянуть звукъ: "а-а".

Это не удалось съ перваго пріема—непроизвольныя движенія дівочки мізшали до трехъ разъ.

Одного быстраго и остраго взгляда внутрь зѣва достаточно было Ленъ, чтобы увидать уже замътныя пленки.

- Ахъ, Боже мой! вырвался у нея возгласъ.
- Неужели дифтерить? шопотомъ спросила надзирательница. Температуру я ставила всего только тридцать-восемь градусовъ.
- Нужды нътъ! Есть пленки! Надо послать въ Валерію Петровичу. Я напишу записку. Пошлите сейчасъ же! А я заъду въ Любови Яковлевиъ, Лизу надо сегодня же перевезти въ больницу.

Лиза не была ея любимицей. Вообще, она воздерживалась отъ какихъ бы то ни было пристрастій, и ее даже удивило то, что она, въ первую минуту, такъ испугалась.

Можетъ, это не настоящій смертельный дифтеритъ, а то, что называется у французовъ: "angine couenneuse". Но пленки несомивно есть.

Она распорядилась тотчась: купить лимонъ и сокомъ его, черезъ каждую четверть часа, смазывать гортань и зъвъ дъвочки.

Это средство рекомендуеть всегда и ихъ довторъ Перцовъ—ихъ пріятель съ мужемъ, безвозмездный врачъ пріюта, по спеціальности "гинекологъ", но искусный и по дітскимъ болівзнямъ.

Дорогой Лена, чувствуя, что у нея разгоралось лицо, торо-

пила все извозчика, боясь не захватить дома свою пріятельницу Петринину. Обывновенно, она въ пяти часамъ—дома; но вакоенибудь "экстренное дёло" могло погнать ее изъ дому; а у нея всегда "экстренныя дёла". Она еще более ея—"совмёстительница".

Этотъ пріютъ произвель поворотъ въ общественныхъ симпатіяхъ и взглядахъ Лены.

Она долго не выносила слова: "благотворительность", и всего сильне боялась, чтобы ее не считали одною изъ техъ безчисленныхъ "дамочевъ", которыя отъ скуви, изъ рисовки, ханжества, или глупой моды, занимаются "добрыми дёлами".

Только то, что могло служить дёлу "освобожденія" женщины, привлекало ее. Она желала поддерживать тёхъ, кто стремится къ высшему образованію или отвоевываеть себ'в права и только!

Остальное пусть будеть достояніемь тіхь, вто "играеть въ благотворительность".

Мужъ не противоръчилъ ей; находилъ, однако, что это "немножко односторонне".

Такихъ же взглядовъ держалась и ея alter ego, старшая по лѣтамъ подруга и сотрудница, Люба Петринина, еще болѣе ея энергичная и преданная "женской идеъ".

Но эта же Люба втянула ее въ пріютъ.

Заброшенность дътей — слишкомъ ужасная вещь! Туть ея феминистская доктрина не устояла. Она вошла въ это дъло всей душой; но все-таки не соглашалась считать его избитой формой благотворительности, надъ чъмъ ея Лодя слегка подтрунивалъ, повторяя:

"—У женщинъ логика—о двухъ концахъ, на каждую категорію разума".

Пріють же сблизиль ее съ дётскимъ царствомъ. Всё эти иальчишки и дёвчонки, грязные, въ болячкахъ, озорные и часто порочные, дёлались для нея все дороже, хотя она и въ этомъ не желала совнаваться, увёряя себя, что она: "только исполняетъ свой гражданскій долгь".

Воть сейчась ее просто въ сердце кольнуло и подъ колънями захолодъло, когда она на ярко-красной, напряженной сливистой оболочкъ схватила своими острыми глазами зловъщія бълесоватыя пятна.

А все-тави у нея, до сихъ поръ, нѣтъ никакого даже тайнаго желанія— "произвести на свѣтъ" такую вотъ дѣвочку даже такую хорошенькую, какъ эта "Лизунька".

Томъ І.—Январь, 1903.

И зачёмъ такое количество дётей, особенно у того люда, что кишитъ въ окрествостяхъ Садовой, во всёхъ этихъ пристанищахъ бёдноты, всяческой грязи, одичанія, звёроподобной чувственности, всёхъ видовъ матеріальнаго и нравственнаго паденія?

И тотъ же вопросъ она всегда поворачивала и въ сторону тъхъ сферъ, гдъ сытые преобладають, гдъ родители живуть въ безпробудномъ "жупрствъ".

Ихъ "проженитура" — Лена произносила съ проніей это передъланное слово — будетъ только наполнять ряды или трутней, вивёровъ и вивёровъ, или безпардонныхъ хищнивовъ. И половина изъ нихъ кишитъ немощами истыхъ дътей въка — неврастеніей, безуміемъ, постыдными бользнями, ракомъ и всъмъ сонмомъ наслъдственныхъ недуговъ, ведущихъ яко бы высококультурное человъчество къ жалкому вырожденію.

Черезъ часъ—было уже около шести—Лена спѣшила домой. Бѣдный Лодя, навѣрное, заждался ея. И она бранила себя за то, что впопыхахъ забыла о телефонѣ, въ ввартирѣ Петрининой: она могла бы предупредить мужа, чтобы онъ садился за столъ и не ждалъ ее.

У Любы она попала на пълое совъщаніе. Но та объщала ей—тотчасъ послъ объда—поъхать хлопотать о принятіи дъвочки въ больницу, а пока она протелефонируеть въ три мъста.

Петринина—необывновенно дъятельна, и ей до нея далеко. До сегодня Лена точно забывала, что та—мать семейства, что у нея цълыхъ три дъвочки—почти уже дъвицы, очень крупные подростви. Она ихъ почти-что никогда не видала. Ихъ свиданія съ Любой всегда въ засъданіяхъ, или—въ такіе часы—у нея, когда дъвочки въ гимназіи.

И вотъ сегодня онъ — въ полномъ сборъ; выотжали въ ней въ переднюю, и потомъ — когда совъщание кончилось — съ чъмъто приставали къ матери.

Въ первый разъ нашла Лена, что онъ слишкомъ были предоставлены самимъ себъ. У нихъ—странный видъ, ръзковатые голоса, манеры, походка.

"Если уже имъть дътей, — думала Лена, гораздо строже, чъмъ когда либо, — то нельзя же такъ забывать свои материнскія чувства и обязанности"?..

Но туть же она сдержала эти мысленные попреки.

"Не все ли равно, въ сущности, съ какими манерами выровняются эти будущія дъвужи"?

Она такъ и употребила про себя это петербургское жар-гонное слово: "дѣву́ли".

Лена говорить до сихъ поръ вакъ гимназистка, презирающая институтские порядки: "классуха", вмъсто классная дама, и "началки, виъсто начальница.

V.

Въ кабинетъ Владиміра Сергьевича стоялъ полусвътъ надвигающихся раннихъ сумерекъ.

На диванъ, противъ его вресла, сидитъ гость.

Они разговаривають уже больше получаса.

Гость навлониль голову, и весь горбится, положа руки на жолени.

— Да, другъ... вогда я попадаю въ господамъ, предающимси разнымъ утёхамъ жизни, я говорю про себя: — "Дайте срокъ!"...

Голосъ его звучалъ глухо. Онъ смотрълъ еще совсъмъ не старымъ человъвомъ, такихъ же почти лътъ, какъ Ясоновъ, но въ лицъ—и утомленіе, и растерянность: впалые глаза, то тревожный, то подавленный взглядъ, блъдность. Волосы серебрились на вискахъ и въ бородъ.

Одъть онъ-во все черное.

- Въдный ты мой Желтухинъ! тронутымъ голосомъ сказалъ Ясоновъ, и подавшись въ вреслъ, привоснулся рукой въ его колъну.
- Противно, брать, изображать изъ себя казанскую сироту. Надо нести ношу жизни и не плакать... А тяжко!..

Этотъ Желтухинъ былъ его университетскій товарищъ, всего годомъ старше и на другомъ факультетъ—не на словесномъ, а на юридическомъ.

Его хотвли оставить при университетв; но онъ слишкомъ рано женился, и на ученую дорогу не попаль; очутился въ провинціи на службв, бойко пошель по ней, быль всегда доволень своимъ положеніемъ, женой и двумя дівочками, считался "душою" общества, веселый и подвижный, гостепріимный и съ необыкновенной молодостью души.

Его всегда навывали, когда хотвли привести примвръ—на ръдкость—жизнерадостнаго человъка.

Воть уже съ годъ, какъ онъ лишился жены. Этотъ ударъ онъ вынесъ въроятно потому только, что въ немъ давно сказался страстный отецъ—какихъ Ясоновъ еще не видалъ никогда.

И вотъ теперь его дъвочки захватили его еще сильнъе. Онъ его заботятъ чрезвычайно. Изъ-за ихъ здоровья и ученья онъ перемвниль мвсто службы, взяль должность — съ меньшимъ жалованьемъ — на югв. Но и тамъ его начала преследовать неудача.

Старшая дівочка стала хворать, и тамъ, въ губернскомъ городі, никто не можеть опреділить хорошенько ен болізнь.

Меньшая — здоровенькая; но ее нельзя оставить безъ призора. Бонны тамъ порядочной не найти.

За этими двумя дълами и прівхаль онъ сюда.

Лена взялась отыскать бонну, и сейчась она разъйзжаеть къ своимъ пріятельницамъ по этому дёлу.

Старшую девочку придется оставить здесь, въ какой-нибудь лечебнице—и это сокрушаеть отца.

Вчера, за объдомъ, вогда Желтухинъ, со слезами на глазахъ, говорилъ про нее — Еленъ Дмитріевнъ стало его ужасно жалво, и она чуть-было не сказала:

— Да оставьте ее у насъ!

Но она взглянула на мужа и воздержалась.

Еслибъ и нашлось мъсто для больной дъвочки — а особой комнаты тоже въдь нътъ, —то какъ же обрекать Лодю риску — имъть такую постоялицу?

Но она не могла подавить въ себъ возгласъ:

- Ахъ, двти, двти!
- Сокрушили они тебя, Николай!— сказалъ Ясоновъ, заглянувъ въ глаза товарищу.

Про себя, онъ прибавилъ:

"Ужъ очень ты самъ соврушаешься! Нельзя такъ уничтожаться передъ дътьми—хотя бы и собственными".

Рѣшили обратиться сначала въ ихъ пріятелю, довтору Перцову. Онъ по спеціальности — гиневологъ; но лечить и дѣтей. Обѣ эти области связаны одна съ другою.

Если онъ самъ не возьметь на себя постановку рѣшительной діагнозы, то доставить консультацію у извѣстнаго спеціалиста и дасть хорошій совѣть—въ какой лечебницѣ оставить дѣвочку.

Ясоновъ посмотрёль ва часы и всталь.

- Теперь время отправляться. Мы доберемся къ Перцову минутъ въ тридцать и попадемъ какъ разъ къ его возвращенію домой.
- Ты его предупредиль?—все твиъ же тревожно перехваченнымъ голосомъ спросилъ Желтухинъ и также поднялся.
  - Разумъется... По телефону говорили.
- Вотъ и теперь сердце у меня не на мъстъ... Сидить она одна въ нумеръ...

- Что же съ ней сделается?
- Ахъ, другъ, какъ ты такъ можешь говорить?.. Сейчасъ тяжелыя мысли... Будь ты самъ свидётель того, что потеря матери можетъ вызывать въ душевной жизни такой дёвочки...

Онъ положилъ руку на плечо Ясонова.

- Ты счастивецъ!.. И такъ проживешь всю жизнь.
- Кто же за это можеть ручаться?
- И не желайте дътей!

Ясоновъ хотвлъ сказать:

"Глядя на тебя---- вто же пожелаеть"?

Онъ взялъ его за объ руки.

— Все уладится, Николай. Ты хоть немножно бы подумаль о себѣ самомъ.

Тотъ только махнуль рукой.

— Ну, ѣдемъ!

Изъ-за этого визита въ довтору объдъ у нихъ будетъ позднъе; хорошо, если они угодятъ въ шести. Да врядъ ли и Лена вернется въ этому часу.

- Такъ ты не отобъдаень съ нами? спросиль онъ, выходя съ нимъ въ прихожую.
- Нътъ... Прости, голубчивъ. Въдь и безъ того Маруся безъ меня съ двухъ часовъ... Когда же я въ ней попаду?..

У него сдълалось такое страдальческое лицо, что Ясоновъ больше не настаивалъ.

И дорогой Желтухинъ все время сокрушался о своихъ деночвахъ.

Ни единаго слова не сказаль онъ дорогой про себя, про то—какъ онъ устроился на новомъ мъстъ, какое общество нашелъ въ губернскомъ городъ, есть ли шансы быть переведеннымъ на другое, болъе видное, или въ Москву, въ Петербургъ.

Все сводилось только въ тому: что будетъ съ его дочерьми, вакъ пойдетъ вдоровье старшей и воспитание младшей?

Это было трогательно, и, въ то же время, дълалось какъ-то обидно за него.

Какъ будто онъ, своей особой, не существуетъ, потерялъ всявое собственное "обличье".

Самой страстной и тревожной матери впору быть такой! На то и созданы женщины. Это ихъ призваніе...

Ясоновъ перебилъ себя вопросомъ:

"А еслибъ Лена вдругъ стала такой же, какъ его товарищъ, —былъ ли бы и доволенъ"? Развъ они вдвоемъ — въ послъднее время — не вели разговоровъ о томъ: какъ такое обожание дътей имъ не по душъ?

Ну, а онъ самъ? Вдругъ у него родится сынъ или дочь. И онъ—изъ мужчины съ "холостымъ" складомъ идей, привычекъ и вкусовъ—превратится въ точно такого же отца, вакъ вотъ этотъ Желтухинъ.

Можеть, еще сильнъе!

Эта мысль прямо испугала его, и овъ, обернувнись лицомъкъ своему товарищу, выговорилъ съ особой интонаціей:

— Такъ нельзя, Желтухинъ! Чортъ возьми! У каждаго изънасъ есть своя физіономія, свой долгъ передъ собственной личностью и передъ обществомъ.

Желтухинъ ничего не отвътилъ.

Онъ, важется, и не разслышалъ этихъ словъ. Взглядъ его врасивыхъ голубыхъ глазъ уныло-тревожно былъ устремленъ вуда-то. Его наполняли только вопросы: что выйдетъ изъ визита къ доктору Перцову, какую діагнозу поставитъ онъ Марусъ в удастся ли хорошо помъстить ее въ лечебницъ?

Но чёмъ же онъ— Ясоновъ—боле вастрахованъ отъ такой же участи, какъ и этотъ бедный Желтухинъ?

Что же изъ того, что у нихъ съ Леной, вотъ уже третій годъ, какъ нётъ дётей и ничего не похоже на то, что они будуть?...

А вдругъ?

Ему стало немного стыдно, что этотъ вопросъ такъ смущаетъ его.

Неужели они оба—и его милая, чуткая Лена, и онъ самъ, считающій себя "альтруистомъ"—такъ малодушно и себялюбиво-боятся— чего? Жизни, ея неизбытныхъ и въчныхъ устоевъ.

Отвътить на этотъ вопросъ, поставленный ребромъ самому себъ—онъ затруднился и сдълалъ надъ собой внутреннее усиліе, чтобы мысль сейчасъ же пошла въ другую сторому.

Сани только-что перевхали ръку и стали подниматься на берегъ.

Довторъ Перцовъ жилъ все тамъ же, въ пяти минутахъ тады отъ набережной, въ большомъ врасивомъ домъ, съ монументальнымъ подътвиомъ.

Сегодня нътъ у него пріема. Онъ принимаеть четыре разавъ недълю: два—за плату; а два—всъхъ желающихъ—безплатно.

— Нашъ пріятель—докторъ Перцовъ, — ваговорилъ Ясоновъ, когда они взяли по улицъ, идущей параллельно съ набережной, — человъвъ съ ръдкой душой! Ты не смущайся тъмъ, что у него

такой воинственный видъ; у него только усы страшны, а самъ онъ незлобивъ, какъ младенецъ. Довольно забавно то, что онъ съ виду майоръ, въ своемъ сюртукъ съ погонами, а по спеціальности — гинекологъ.

- Значить, постояпно возится съ родильницами?
- Разумъется. И съ женскимъ поломъ вообще, и съ дътьми. Во Франціи онъ быль бы: "le major" какъ тамъ зовутъ военнихъ врачей.

Въ такомъ, болѣе веселомъ тонѣ они поднимались къ доктору, по широкой круглой лѣстницѣ, во второй этажъ.

Швейцаръ доложилъ имъ, что Перцовъ только-что вернулся домой.

Горничная сейчасъ же провела ихъ по узковатой пріемной, въ кабинетъ—общирный, съ окнами на два фронта, гдъ обстановка сейчасъ же указывала на его спеціальность.

Желтухинъ приготовился, входя въ этотъ вабинетъ, къ воинственному виду доктора.

Перцовъ оказался плотнымъ, средняго роста блондиномъ, дъйствительно съ такими усами, которые расходились въ разныя стороны, въ видъ ятагановъ. Но лицо полное, румяныя щеки, ласковые, игривые глаза.

Онъ смотрълъ военнымъ, и по усамъ, и по формъ, съ погонами и значкомъ, но никакъ не выражениемъ лица и манерами.

Въ общемъ-что-то мягкое и бодрящее.

— Вотъ, Валерій Петровичъ, товарищъ мой, Желтухинъ.

Рукопожатіе доктора было такое же мягкое— чувствовалась кожа и гибкость суставовъ гинеколога.

— Душевно радъ! Присядьте!

Онъ усаделъ Желтухина противъ себя, у письменнаго стола. Ясоновъ присълъ на уголъ кушетки, которая—какъ онъ сообразилъ—служила и паціенткамъ Перцова.

Онъ долженъ былъ подавить въ себъ нъкоторое брезгливое чувство.

Все тутъ говорило о женщинѣ, какъ матери, о ен чисто женскихъ недугахъ и "физіологическихъ" болѣзняхъ. И все это выставлялось, какъ рѣзкій контрастъ съ видомъ майора, съ его погонами, пуговицами, знакомъ и янычарскими усами.

Перцовъ уже зналъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вызвался уладить все: прівкать завтра осмотрёть дѣвочку, которая была бы напугана всей обстановкой его кабинета, пригласить спеціалиста по нервнымъ болѣвнямъ, если онъ найдетъ, что пужна еще дополнительная консультація, а потомъ разсудить—въ какой лечебницѣ оставить ее здѣсь и на какой срокъ.

И все это было сказано вругло, опредёленно, голосомъ пріятнаго тэмбра, и почти все время Перцовъ держаль его за руку и слегка нажималь—привычка акушера-хирурга.

Желтухинъ, тронутый всемъ этимъ, вдругъ расплавался сначала беззвучно, а потомъ громво, почти вавъ женщина.

Довторъ быстро всталъ и похлопалъ его по плечу.

- Полноте, голубчикъ! Вонъ у васъ какъ надерганы нервы! Все приведемъ въ порядокъ. Завтра же вы будете вполнъ фивсированы.
- Спасибо! —еле выговорилъ Желтухинъ и порывисто обнялъ Перцова.
- Подвинтите себя... Это необходимо вамъ, вавъ чадолюбивому отцу. А то вы и на вашу дъвочку будете дъйствовать совсъмъ не въ желательномъ направленіи. Тавъ ли?
- Такъ, такъ! растерянно выговорилъ Желтухинъ, отирая щеки, влажныя отъ слезъ.

За позднимъ объдомъ— Лена не ожидала его раньше половины седьмого— Ясоновъ разсказывалъ женъ сцену въ кабинетъ Перцова.

- Бъдний! Но какъ же такъ волноваться?—сказала она, немного выпятивъ нижнюю губу своего пышнаго и маленькаго рта.
  - Ты видишь... до чего доводить чадолюбіе.
- Есть на все мъра. Право, нынъшніе отцы во сто разъ хуже матерей!
  - Валерій Петровичь пристыдиль его немножью.

Помолчавъ, Владиміръ Сергвевичъ что-то вспомнилъ.

- Перцовъ спрашивалъ о тебъ, Лена. Хотълъ въ тебъ завернуть.
- Лично во миъ? У него есть какое-нибудь дъло? По пріюту? Или что-нибудь другое?
- Нѣтъ. Говорить: давно не производилъ нѣкоторой "анвэты".
- Это зачёмъ? Лена даже наморщила лобъ. Мнё не нужно его советовъ.

Она до сихъ поръ—большая неохотница до медицинскихъ консультацій. Здоровьемъ своимъ она постоянно довольна. Лечиться—терпъть не можетъ, и въ прошломъ году—только по настоянію мужа—послала за докторомъ, когда ея инфлюзеца

осложнилась воспаленіемъ уха, и нужно было сдёлать тотчасъ же проволъ.

За ней водилось даже своего рода коветство: никогда ни на что не жаловаться—до крайняго предёла, чёмъ и доказывать, что женщина гораздо выносливне мужчины.

- Развъ женщина можетъ быть когда-либо увърена, что она безусловно здорова? съ усмъшкой въ глазахъ спросилъ Ясоновъ.
- Полно, Лодя! Съ вакой стати ты это говоришь? Тебъ бы надо радоваться, что твоя жена презираеть всякую ипокондрію.
- Кто же виновать въ томъ, что у васъ такая сложная физіологія?
- Ну, по части нервности, неизвъстно—вто кого перещеголиеть!.. Помилуй, твой Желтухинъ—солидный мужчина, pater
  familias... И вдругъ разрыдался! Дъвочку полечатъ. Ничего у
  нея не окажется опаснаго. И знаешь, Лодя,—оживленно продолжала Лена, это поучительный примъръ... твой товарищъ!
  Если онъ пойдетъ по этому пути, то сведетъ себя совсъмъ на
  нътъ. Это куже аскетизма, куже всякой захватывающей страсти.

— Пожалуй!

И оба они, взглянувъ другъ на друга, почувствовали въ эту минуту особое довольство.

Они оба—за тысячу версть отъ всяваго такого фатальнаго чадолюбія. Если сегодня—дорогой—ему представился ехидный вопросъ: застрахованъ ли онъ самъ отъ того, что теперь гнететь его товарища Желтухина, то въ настоящую минуту имъ владъла полнъйшая увъренность въ томъ, что ничего подобнаго на съ нимъ, ни съ его Леной не будетъ.

Въ ней должно быть то же чувство, быть можетъ-еще въ усиленной степени.

И онъ не ошибался. Лена жалела Желтухина, но въ этой жалости применивался и внутренній протесть.

Тавая слабость и въ женщинъ недопустима, даже если она и молодая мать! А главное — "чаша сін" отъ нея отошла, н Боже избави мечтать о ней, особенно въ ближайшемъ будущемъ!

VI.

Въ спальнѣ ранній утренній свѣтъ пробивается сквозь опущенныя сторы.

Владиміръ Сергвевичъ крвпко спить. Его ровное дыханіе чуть слышится, съ ритмическими поднятіями и опущеніями.

Но Елена Дмитріевна давно проснулась, часами двумя раньше своего привычнаго вставанія.

Еще вчера, съ вечера—мужъ былъ на какомъ-то засъданіи и вернулся поздно—она почувствовала себя нехорошо.

Какая-то небывалая тяжесть въ головъ и во всемъ тълъ заставила ее лечь раньше обыкновеннаго.

Когда мужъ вошелъ вчера въ спальню, она не спала, но ничего ему не сказала про то, какъ себя чувствуетъ.

- Ты спишь, Лена? окливнуль онъ ее.
- Засыпаю, отвътила она.

Но заснула она далеко не сразу.

И сны были тревожные, съ очень тяжкими ощущеніями. Сначала ее какъ будто все подвішивали и растягивали ей тіло снизу, за ноги. А потомъ она виділа волото... много червонцевъ.

Ей вспомнилось, когда она проснулась, что няня ей говаривала:

"Золото видеть-къ слезамъ".

О чемъ же ей плакать? Не о себъ же?

Но она тотчасъ же пристыдила себя.

Въ первыя секунды она не распознавала хорошенью—какъ себя чувствуетъ.

Но какъ только подняла она голову—тотчасъ же ощутила родъ дурноты.

Это ее удивило, но не испугало. Пугаться "за себя" она считала слишкомъ малодушнымъ.

Она оставляла это другимъ: "представительницамъ превраснаго пола".

Но съ какой же стати такое катаральное состояніе головы? Она не ёла ничего на ночь. Об'ёдъ быль самый скромный. Желудокъ у нея образцовый, лучше, чёмъ у мужа. Никакихъ "бол'ёстей" въ такомъ вкус'ё за ней не водится.

Простуда?

Она вспомнила, что въ ночномъ столикъ долженъ оказаться термометръ, еще съ того времени, когда она болъла инфлюэнцой. Тогда температура поднималась до сорока градусовъ.

Тиховько, чтобы не разбудить мужа, она выдвинула ящикъ столика—онъ стоялъ между кроватями—и нащупала термометръ.

Трудно будетъ разглядъть градусъ; но она все-таки попробуетъ.

Такъ же беззвучно отвинтила она металлическую трубочку, вывула градусникъ, два-три раза сильно встряхнула его и поставила себъ.

Недомоганіе не проходило. Она начала бояться—какъ бы оно не усилилось.

"Вотъ удовольствіе!"—мысленно выговорила она, возмущаясь такой глупой неожиданностью.

Какъ разъ сегодня ей надо быть все время въ разъйздахъ, а дома, съ утра, приготовить цёлый отчетъ, который она не смогла кончить вчера вечеромъ — такъ ей было не по себъ.

Не дѣлая ни малѣйшаго движенія, пролежала она навзничь добрую четверть часа—сколько полагается для опредѣленія температуры.

Свъту немного прибавилось. Она могла бы и поднять сторы на эбоихъ окнахъ; но это разбудитъ мужа.

Зрвніе у нея хорошее, какъ и всв остальные органы чувствъ. Она чуточку бливорука; зато—на маленькомъ разстояніи—можеть найти бисеринку на темномъ коврв и читать "нонпарейль"—все равно, что крупный "цицеро".

Поставила она градуснивъ на тридцать—не больше. Безъ особеннаго усилія разглядить она—сколько теперь градусовъ.

Тридцать-пять съ десятыми—ниже врасной черты: значить меньше нормы, для многихъ. Ей помнится, что у нея обычная температура—около тридцати-шести.

Стало... отъ желудочнаго разстройства?

Ни о чемъ другомъ она не подумала.

"Пустякъ! — радостно выговорила она про себя. — Приму соды... или магнезіи—и все наладится"!..

Но самочувствіе не дълалось лучше.

Вотъ-вотъ, надо будетъ поднимать тревогу.

Еще съ полчаса она перемогалась; но выдержить ли до той минуты, вогда проснется мужъ?

Владиміръ Сергъевичъ повернулся на другую сторону и расврыль глава.

— Лена! -- окливнулъ онъ. -- Ты не спишь?

Обывновенно онъ раньше вставаль на цёлый часъ.

— Нътъ, милый.

Голосъ у нея былъ слабый.

- Что съ тобой?
- Ничего!

Но она тотчасъ же отвинула одбало и спустила ноги.

Ей сделалось совсемъ плохо.

Опять сумерки, и уже вечерніе.

Лена, въ пеньюаръ, ходить по комнатамъ, одна, въ небываломъ томительномъ настроеніи.

То, что случилось утромъ, само по себъ – вздоръ.

Ну, просто, разстройство отъ какой-нибудь неосторожности въ йдй или легкой простуды ногъ.

Но мужъ ужасно переполошился — мужчины въдь горавдо больше трусы! — сталъ ее опять укладывать въ постель и настаиваль на приглашении довтора. Но она не согласилась; въ угоду ему полежала еще съ часъ, потомъ ръшительно объявила, что встанетъ. Ничего нътъ: головъ полегчало, голововружения и ничего остального не является.

Настояла и на томъ, чтобы онъ отправился читать лекцію. Мужъ не сразу согласился и, уходя, взялъ съ нея слово, что она посидитъ дома. Она имъла слабость объщать, и вотъ теперь мается дома.

Принималась она работать; но какъ только присядеть къ столу и начнетъ — сейчасъ же голова глупан и снова тъ же утреннія противныя ощущенія.

Хотела телефонировать Любе — раздумала: все равно, той неть дома, съ утра; а заставлять ее заезжать попозднее — совестно: вонець большой. Лучше подождать обеденнаго часа, и тогда поговорить съ ней, по телефону, насчеть всёхъ текущихъ дель и попросить съездить, на другой день, въ ихъ пріють.

Какое-то неиспытанное чувство не хочеть отстать оть нея: неопредвленная тревога, ожиданіе чего-то, а нівть никаких признаковъ лихорадочнаго состоянія.

Еслибъ она не дала слово мужу посидъть дома—она непремънно бы поъхала въ пріютъ. У той дъвочки, у которой захватило горло, правда, не оказалось дифтерита; но все-таки она еще лежитъ. Кто знаетъ, — можетъ, ей хуже? Ее ждали туда, какъ всегда, послъ двухъ. Они—такіе бъдненькіе, что не могли еще завести телефона.

Все это начало ее мозжить гораздо сильнее, чемь бы следовало. Она не любить нервно волноваться; а теперь она поддается своей тревоге. Недовольство и тоска оттого, что не можеть заниматься, все ростуть.

Тутъ что-то подозрительное и за себя обидное.

Пробовала она присаживаться къ піанино, сыграть что-нибудь наизусть. Но, съ первыхъ звуковъ, ей стало пръсно, почти несносно. Ноты звенять въ ушахъ, поднимають внутри жуткое чувство.

Она захлопнула врышку и стала ходить по всёмъ тремъ комнатамъ въ надвигающихся сумеркахъ.

Звонокъ!

Лена сильно обрадовалась, сама выбъжала въ переднюю, раньше горничной, и сама отоминула задвижку входной двери.

- Лодя! окливнула она, растворяя дверь на площадку; швейцаръ еще не освъщалъ лъстницы.
- Нътъ, не Лодя, а Валя!—отвътиль ей гость пріятнымъ баритономъ.
  - Валерій Петровичъ!
  - Собственной особой.

И съ этими словами докторъ Перцовъ вошелъ въ прихожую.

- Васъ послалъ Лодя?
- Не сврою!
- Зачёмъ это? Изъ-за тавихъ пустявовъ!
- А вы зачёмъ изволите сами выходить въ передиюю? Докторъ взялъ ее за руку и подвинулъ назадъ изъ приложей.
  - Какой этотъ Лодя трусъ! Ничего у меня нътъ.
  - Позвольте... дайте снять пальто.

Съ нею Перцовъ держался всегда шутливаго тона. Она къ этому привывла; но ей иногда вазалось, что онъ "не беретъ ее въ серьевъ", и на ея важнъйшіе интересы смотрить по пословиць: "чэмъ бы дитя ни тэшилось".

- Ручки что-то холодны. Пожалуйте-ка, пожалуйте сюда! Перцовъ прошелъ впередъ, въ спальню.
- Да право же, Валерій Петровичь, у меня ничего нѣть!.. Ей сдѣлалось вдругь чрезвычайно непріятно. Зачѣмъ онъ такъ безцеремонно идетъ прямо въ спальню? Съ какой стати будеть она слушаться его, если вдругь онъ скажеть:

"Милая моя барынька, извольте лечь. Я долженъ васъ осмотръть".

А онъ, важется, собирается давать ей вонсультацію.

Перцовъ подвелъ ее къ креслу, сълъ напротивъ, на пуфикъ, валъ за объ руки и такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ дътьми, свазалъ:

— Вы, голубчикъ, не извольте брываться. То, что мий передаль Владиміръ Сергвенить, нуждается... въ ивкоторомъ обследования.

И онъ не выпускаль ел рукъ изъ своихъ. Въ спальнѣ уже свътило электричество. Кто его пустилъ—Лена не знала. Должно быть, горничная.

Глаза довтора—правда, добрые — пристально смотрели на нее, и ей делалось жутко отъ такого взгляда, точно онъ хотель проникнуть ей внутрь.

— Право же, это вздоръ! — повторяла она, чувствуя, что сильно конфузится.

Въ голосъ ен задрожали слеви.

— Насильно я васъ не стану обсявдовать, милая барынька; но въдь вы — Елена Дмитріевна Ясонова, то-есть особа безъ дамскихъ "цирлихъ-манирлихъ".

Нивогда еще тонъ Перцова не казался ей такимъ неподходящимъ.

Еслибъ она себя не сдерживала, она би способна была врикнуть ему:

"Оставьте всю эту ненужную болтовню"!

Мягвія его руки держали ее. И, какъ всегда, овъ слегка нажималь ими.

И это раздражало ее.

Она чуть-было не расплакалась.

Докторъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ, поднялъ ее съ кресла и самъ всталъ.

— Я пойду въ вабинеть покурить. Позовите меня... когда приготовитесь.

Это было выговорено такимъ же мягкимъ тономъ, но не допускавшимъ возраженій.

Слевы навернулись на ея глазахъ.

Она стояла по срединъ комнаты, съ опущенной головой, не зная, что ей дълать: "приготовиться" къ консультаціи доктора или выбъжать къ нему, въ кабинеть, и объявить, что она ничего такого не желаеть, что она здорова, что все это—вздоръ!

Но на это у нея не достало духу. Какое-то непонятное безволіе проникало въ нее.

Довторъ увхалъ. Прошло больше четверти часа; а она уже одътая—сидъла, забившись въ уголъ дивана, въ той же вомнатъ, въ полутемнотъ, точно пригвожденная въ одному мъсту.

Неужели это фактъ?

Перцовъ объявилъ ей, что она— "въ такомъ положеніи". И даже сталъ ей выговаривать—почему она такъ долго это скрывала, а потомъ подшучивать надъ ея наивностью, приличной какой-нибудь "Backfisch" — подростку, а не женщинъ на третьемъ году супружества.

— Этого быть не можетъ! — крикнула она, вскочивъ.

Онъ расхохотался.

— Чудесъ не бываетъ, Едена Дмитріевна. А не върите мнъ — обратитесь въ вому угодно!

Обидчиваго оттенва въ этомъ возгласт не было; онъ держался все такого же тона—точно съ маленькой девочкой.

— Это ужасно! — почти простонала она и тихо заплакала. Перцовъ подошелъ въ изголовью, взялъ ее за руку и, навлонивъ надъ ней свое круглое лицо, съ торчащими усами, свазалъ еще болъе дурачливымъ тономъ:

— Шэменг-зи зихг!

Онъ любилъ такія нѣмецкія словечки, которыя произносилъ нарочно съ усиленнымъ русскимъ выговоромъ.

Ей неудержимо захотьлось кривнуть ему:

"Ступайте вонъ! Я не могу васъ видъть"!

А онъ все придерживалъ ея руку и тихо говорилъ, глядя ва нее своими веселыми, круглыми глазами:

— Вы храбры. Чего же трусить? Отдайтесь тому, что матьприрода устроила, въ своей великой мудрости. Все равно, она заставитъ радоваться... хотя бы и вруго пришлось. Но вы у насъ образцовый эвземиляръ женской организации, въ сокращенныхъ размёрахъ...

Что-то еще онъ говорилъ въ томъ же родъ; но она не слихала.

Слезы больше не текли. Внутри точно все сжалось въ вомокъ. Еслибъ ей не было стыдно, она бы стала бить кулаками или бросила бы чёмъ попало, попадись ей въ руки какая-нибудь вещь.

Никогда, съ тъхъ поръ, какъ она вышла изъ дътскихъ лътъ
—ее не схватывало такое ъдкое чувство возмущения и гиъва съ
сознаниемъ безсилия передъ чъмъ-то роковымъ и безпощаднымъ.

А теперь, въ своемъ углу, какъ дёвчонка, оставленная безъ обёда, въ темной комнатё, она, вся сжавшись въ комокъ, — точно парализованная въ движеніяхъ, — сидитъ и "пережевываетъ" ударъ судьбы.

Чувство преврительной жалости въ самой себъ примъшивается ко всему этому.

Она—вакъ тысячи и милліоны другихъ "бабенокъ" — обречена все на ту же долю. И она также...

Ръзвое слово чуть не слетьло съ ея губъ—то самое, вавимъ она такъ любитъ влеймить женщинъ, которыя только и дълаютъ, что производять на свътъ, кормятъ, пеленаютъ и моютъ своихъ ребятъ.

И она-такая же!

Новый припадовъ душевной боли сталъ душить ее.

— Лена! Гдв ты? Что съ тобой?

Отъ голоса мужа она вздрогнула, вскочила, подбъжала кънему. Руви ея судорожно схватили его за плечи.

- Что такое? Валерій Петровичь быль? Что онъ сказаль?
- Что свазаль? повторяла она сдавленнымъ голосомъ.— Что свазаль? Объявиль, что я...

Она не могла довончить, и тутъ только разрыдалась.

Владиміръ Сергвевичъ посадилъ ее на диванъ и обнялъ.

Онъ сталъ тихо цъловать Лену въ голову. Свои собственныя душевныя перипетіи онъ перенесъ на бъдное существо, которое должно будеть подчиниться своей участи.

Дай онъ ходъ тому, что его пугало,—онъ долженъ былъ бы разрыдаться вмъстъ съ Леной...

VII.

Туманъ застилаетъ все. Мокрый сивтъ слепитъ глаза, врываясь подъ верхъ тряской и звенящей пролетки.

Извозчивъ попался Ясонову плохой, дрожки вонючія, съ моврымъ сид'яньемъ, безъ шинъ. Онъ взялъ его на набережной, не желая дожидаться прохода конки.

Вдеть онь домой объдать— какъ всегда, въ тъ дни, когда у него лекціи.

Но онъ-точно другой совсёмъ человёвъ...

Вдеть домой съ такимъ настроеніемъ—какъ будто тамъ ждеть его неминучая бъда.

Гдѣ то время, когда онъ возвращался къ себѣ всегда пріятно возбужденный, съ чувствомъ легкой усталости послѣ хорошо прочитанной лекціи?

И какъ онъ сталъ читать?

Изъ рукъ вонъ плохо! Онъ это самъ сознаетъ. Пропали его мягкая, отчетливая дикція, способность въ импровизаціи, цѣпкая память, позволявшая ему проговорить лекцію съ небольшим конспектомъ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ не чувствуетъ себя на каоедрѣ тѣмъ же человѣкомъ, какъ въ началѣ зимы.

И съ каждымъ разомъ все хуже. Пришлось приносить съ собою тетрадь и безпрестанно заглядывать въ нее.

А чуть онъ начнетъ говорить "отъ себя" — чувствуетъ без-

престанно какія-то внутреннія задержки, ищеть словъ. Или терветь нить изложенія, перескакиваеть черезь цёлые параграфы. Еслибь онь училь наизусть то, что прибавить въ лекціи—навірное, это было бы еще куже. Онъ способень быль бы останавливаться, забывать отдёльныя слова или начала періодовъ.

Нътъ ничего удивительнаго, что ряды слушателей ръдъютъ. Сегодня это особенно было замътно.

Лена начинаетъ сильно маяться. Перцовъ что-то отъ него скрываеть; но сквозь его шутливо-бодрящій тонъ пробивается что-то недоброе—и въ ближайшемъ будущемъ.

Никогда онъ не имълъ привычки считать дни и мъсяцы. Это было бы прилично институткъ, которая отрываетъ числа на календаръ и записываетъ, сколько еще остается дней до выхода.

И онъ это теперь дълаетъ! Каждый день, утромъ, подходя къ письменному столу, онъ срываетъ листокъ съ жирной черной или красной цифрой и мысленно считаетъ—сколько, приблизительно, осталось до... до "событія".

Событіе это надвигается.

Утромъ онъ, срывая листовъ, увидалъ, что сегодня—первое апръля. Вотъ уже около шести мъсяцевъ, какъ оно началось... и остается еще сто дней съ чъмъ-то.

"Сто дней!" — повторилъ онъ роковую цифру, получившую всемірную изв'єстность. Роковые сто дней — отъ высадки на южный берегь Франціи до отреченія въ Фонтэнбло.

Сталъ онъ ловить себя и на такомъ малодушии. Сорветь листокъ календаря, стоящаго на письменномъ столъ, противъ портрета Лены, прочтетъ, на оборотъ, пословицу или изречение и какъ бы ищетъ въ нихъ хорошей или дурной примъты.

Развъ онъ когда-либо считалъ себя способнымъ на такой атавизмъ суевърія?

Но жизнь всему научить и все передълаеть по своему.

Воть онъ, черезъ четверть часа, будетъ дома. Квартира та же, та же мебель, та же прислуга; но прежняя жизнь — отлетъла. Въ нее клиномъ вбивается ничто, и это ничто будетъ, съ каждымъ днемъ, все грознъе и безпощаднъе выступать передъ ними обоими, рости и рости. Прежде было чуть замътнымъ пятномъ, а теперь уже съ большое грозовое облако.

И весь порядовъ жизни—не тотъ. Лена долго връпилась, вывзжала, носила ворсеть, сврывала отъ всъхъ свое состояніе; но вдругъ слегла, и еслибъ не энергическая помощь Перцова—вышло бы что-нибудь неладное.

Было ли это коть немного умышленно—онъ боялся дотомъ І.—Январь, 1903. пытываться. Но послѣ того она какъ-то сразу ослабла, она такая крѣпкая и выносливая— сдѣлалась до-нельзя впечатлительной, потеряла аппетить, не можетъ ничѣмъ вплотную заняться.

Ихъ объды—почти-что въ тягость для нихъ обоихъ. Ей надо много лежать. Этого требуетъ докторъ и грозитъ рецидивомъ. Онъ и безъ того началъ съ нъкоторыхъ поръ говорить какими-то экивоками.

Объдать одному, коть и въ той же уютной и хорошо обставленной столовой— сиротливо. Чувствуешь себя скучающимъ холостякомъ, точно нанимаешь комнату "отъ жильцовъ", съ правомъ объдать одному въ хозяйской столовой.

Его вабинеть теперь—и спальня. Спить онь на турецкомъ диванъ. Проснувшись рано, бонтся произвести малъйшій шумъ. Лена засыпаеть поздно, потому что пълыми днями лежить и встаеть также поздно; и сонъ у нея сталь бользненно чуткій.

Піанино давно замоляло. Н'ять и помину о т'яхь милыхъ, творческихъ минутахъ, когда онъ ходилъ въ гостиной или у себя въ кабинетъ, слушая ея игру, и обдумывалъ свои лекціи и главы диссертаціи.

Диссертація идеть черепашьимъ ходомъ. Нѣтъ никакого подъема. Можно бы, по вечерамъ, работать въ библіотекахъ, гдѣ ничто не потревожитъ: но ему "неловко" — оставаться подолгу внѣ дома.

Воть это чувство *неловности*, котораго онъ не зналь въ теченіе двухъ слишкомъ лёть супружества, подкралось и подавляеть, поддерживаеть какое-то кисло-угнетенное душевное состояніе. Мозгъ действуеть туго. Охота къ перу, къ стройному и колоритному изложенію—совсёмъ почти пропала.

И это еще-продромы... А что предстоить дальше?

Такія вотъ мысли овладѣваютъ имъ, буквально, каждый разъ, когда онъ возвращается домой—все равно, передъ объдомъ или вечеромъ, изъ какого-нибудь засѣданія, на которомъ онъ обязанъ быть.

Ему дёлается почти стыдно, когда онъ попадеть на зарубку "событія". Если вести себя вполнъ честно и послёдовательно, то ему слёдовало всёмъ и каждому жаловаться на то нючто, которое, вопреки желанію его и жены, уже стало фактомъ и идетъ своимъ законнымъ и неотвратимымъ путемъ, — неотвратимымъ...

Но онъ ничего никому не говорить. Даже съ Леной у нихъ уже нътъ дуэтовъ съ жалобами и протестующими возгласами.

Имъ обоимъ дълается неловко, прямо совъстно; но онъ знаетъ — знаетъ навърное, что она не смирилась, что въ ней нътъ нивакого радостнаго предвкусія.

Стало быть, они скрывають, хитрять другь съ другомъ, боятся своихъ изліяній.

Да и какъ же иначе?! Въдь тотъ "родовой бытъ", которымъ онъ когда-то поддразнивалъ ее—насчетъ родственниковъ и родственницъ—въ чемъ же онъ торжествуетъ, какъ не въ этомъ? Въдь это — начало всякаго рода.

А принято радоваться, когда это случится. Избъгають говорить объ этомъ, потому что такъ "принято"; но предполагается, что сами родители—въ особенности будущая мать—въ восторгъ и давно уже поглощены заботами о томъ существъ, которое должно явиться черезъ столько-то мъсяцевъ.

У нихъ еще нътъ нивавихъ приготовленій. Будуаръ Лены превратится въ ея спальню; а спальня будетъ дътской. Нанимать другую квартиру—въ концъ сезона—немыслимо. Надо ее искать лътомъ, которое они, во всякомъ случав, проведутъ на дачъ или въ деревенской усадьбъ.

Никакихъ нътъ еще заказовъ и покуповъ—кроватки, бълья; не заходитъ и разговора о томъ, кто будетъ кормить... мать или мамка.

Угнетающія мысли сміняются въ немъ полосами апатіи. Онъ стидить себя тогда за малодушіе, начинаеть усиленно работать. Мужчина, съ своимъ особеннымъ складомъ души, съ сознаніемъ своего мужского "я"—просыпается въ немъ.

Что-то въ родъ не радости—нътъ! —но самодовольства ощущаетъ онъ иногда при мысли, что будетъ отцомъ.

"Я-отецъ! Я даю жизнь новому существу-развъ это пустявъ"?

И въ такія минуты ему дълается смъшна его подавленность. Чего же тугь хандрить? Все это такъ просто и обыденно!

Бояться за Лену — тоже преждевременно. Если будеть слушать доктора, то все обойдется прекрасно.

Мужчина вступаетъ въ свои права — въ такія минуты большаго самообладанія. Нельзя же мужу отождествлять себя съ матерью и, по меньшей мъръ, духовно проходить черезъ всъ страхи, недуги и ужасы ея положенія? Или продълывать то, что у первобытныхъ народовъ было обязательнымъ: символически представлять собою женщину въ теченіе цълыхъ недъль, установленныхъ обычаемъ? Этотъ вопросъ не такъ давно пришелъ ему, разсившилъ его, и ему стало гораздо легче.

А вёдь опять-таки, если быть послёдовательнымъ, то надо вернуться къ эпохё "матріархата".

Сегодня ему не пришло ни одной такой веселящей мысли, и онъ возвращался послѣ лекціи, которую самъ нашелъ неудачной, въ особенно хандрящемъ и тревожномъ настроеніи.

Какъ всегда, первый его вопросъ горничной:

— Какъ барыня? Отдыхаетъ?

И сегодня горничная отвътила ему:

— Изволять лежать.

Она и кухарка врядъ ли особенно радуются приближенію "событія".

Пообъдалъ Владиміръ Сергъевичъ спъшно и очень неаппетитно.

Съ тъхъ поръ какъ барыня ослабла, столомъ никто не занимается. Кухарка должна готовить Ленъ особо. И горничную она часто требуетъ; поэтому и служба гораздо небрежнъе во всемъ.

Но онъ молчить. И сегодня пичего не сказаль; а супъ пахнуль дымомъ и рябчикъ совствъ сухой, да и не очень свъжий.

Изъ кабинета, куда онъ зашелъ, чтобы взять внижку журнала — предложить ее Ленъ, — онъ приблизился къ дверямъ спальни, на цыпочкахъ.

Лена задремала, когда онъ пришелъ, и зволовъ, въ счастью, не разбудилъ ее.

— Это ты?-окликнуда она изъ-за двери.

Она лежала не на постели, а на кушеткъ, въ полусиднией позъ.

Дня настолько прибавилось, что пускать свёта не надо. Когда онъ вошель, Лена нервнымъ движеніемъ отбросила какуюто брошюрку на низенькій столь:

И онъ тотчасъ же увналъ, какая это брошюрка — по розовой обложев.

Онъ ее вупилъ, на дняхъ, на Невскомъ, принесъ, прочелъ и оставилъ у себя, не желая ее давать женъ; а она, бродя по комнатамъ, увидала ее на его письменномъ столъ.

— Какъ ты?—спросилъ онъ теперешнимъ тускловатымъ тономъ, пълуя ее въ лобъ.

Лена—въ пеньюарт изъ синяго фуляра съ бълымъ кружевнымъ воротникомъ. Лицомъ она скорте похорошта; но бледна, съ унылыми глазами. Фигура ея обезображена раньше, чёмъ бы можно было ожидать; но это—удёлъ слишномъ мелкихъ женщинъ. Даже и полулежачая поза не помогаетъ ей.

Она взила розовую брошюру со стола и, не отвъчая на его вопросъ, возбужденно воскликнула:

- Вотъ они, мужчины! Мудрецы! Геніальные пропов'ядники!...
- Что такое?

Но онъ тотчасъ же поняль въ чемъ дёло. И зачёмъ только онъ покупаль эту книжку? Носящій, на углу Невскаго и Владинірской, сталь усиленно приставать къ нему, и онъ даль ему цёлый гривенникъ вмёсто пятачка.

- Ты прочелъ? спросила Лена еще нервиће.
- Прочелъ.
- Какъ же это... послъ разноса самой идеи брака... и вдругъ женщина оказывается рабой, обреченной на рождение дътей... безпрерывное, фатальное?

Она бросила брошюру на столъ.

Ясоновъ присвлъ на край кушетки.

- Зачемъ ты только портишь глаза? Здёсь темно.
- Нътъ! Скажите пожалуйста! продолжала она, волнуясь. Развъ въ этомъ не сказывается жестокій эгоизмъ мужчины?
  - Въ чемъ же? тихо обронилъ Ясоновъ.
- Мудрять! Сегодня такъ, завтра иначе! Сегодня я проповъдую противъ всякаго общенія мужа съ женой. А прошло въсколько льтъ... полная переміна: по книгъ Бытія—производи на свыть въ страданіяхъ и будь счастлива, исполняя велініе свыше... Ха, ха!

Никогда еще не слыхаль онъ такихъ звуковъ въ голосъ Лены. И глаза ен блеснули недобрымъ блескомъ.

Ему захотелось что-то возразить; но онъ побоялся раздражать ее.

- Кавъ ты кушала?
- Кушала я, съ ироніей повторила Лена, очень неважно. Аппетить быль... Кажется, онъ будеть все усиливаться, продолжала она съ той же интонаціей, но наша кухарка неузнаваема! Все у нея или сырое, или сгорёло. И безъ соли! Хоть бы она влюбилась!

Раздался звоновъ.

- Кто бы это?—спросиль Ясоновь, поднимаясь.— Въ этотъ чась!
  - Иди! Прими! Тебъ будетъ менъе тоскливо. И это было сказано не просто.

Въ столовой онъ столкнулся съ Любой Петрининой.

Она двигалась — плечистая, виднаго роста, громко дышаотъ подъема по лъстницъ, пышащая здоровьемъ.

"Эта могла бы произвести на свътъ еще дюжину!"—вскричалъ онъ про себя.

Но его недобрый всягласъ смёнился другимъ чувствомъ почти благодарности за этотъ визитъ: Леве Петринина принесетъ съ собою другое настроеніе.

- Ну, какъ Лена?
- Ничего... Хандритъ.
- Трусить еще рано!—замѣтила Петринина своимъ зычнымъ голосомъ, проникая въ спальню.

Онъ не пошелъ за нею.

Петринина посидъла не больше получаса. По уходъ ея, Ленаопять забилась въ уголъ, вся сжавшись въ комокъ.

Разговоръ съ Любой разстроилъ ее; нервы натянулись какъструны; она не заплакала, но ея кулачки сжимались, и она судорожно вздыхала.

Сильнъйшія неудачи по пріюту и по другому обществу!

Ни вечеръ, ни чтеніе не состоятся. Для вечера нѣтъ никакого "гвоздя", и зала несвободна до Святой; чтеніе не разръшили по простой программъ, а требуютъ текста. Авторъ упрямится.

Пріюту грозитъ... прямо банкротство.

"И пускай! И пускай!" — беззвучно повторяла она.

Теперь-то и надо было бы усиленно дъйствовать; а она какъ какой-то мъшокъ—должна валяться, предаваться уходу засвоей особой, не существовать, какъ самостоятельное существо, уничтожаться передъ тъмъ, что будетъ!..

Такъ просидъла она еще съ четверть часа. Въ комнатъ совсъмъ стемнъло.

— Елена Дмитріевна! Голубчикъ! Гдѣ вы?

Жирный голосъ такъ и пролидся по комнатъ.

— А! Это вы, Въра Ивановна!

Какъ ей была невыносима эта пособница и блюстительница, которая всю свою жизнь будетъ практиковать все по той же спеціальности.

Ее прислалъ Перцовъ. Она—ученая... совсѣмъ круглая, какъ шаръ, съ такими же румяными щеками, какъ и у доктора.

— Голубчикъ... Что же это вы забились?.. И какъ неудобно сидите! Ай-ай! Извольте-ка прилечь, какъ слъдуетъ. А лучше бы на постельку.

И ея пухлыя руки беруть ее за плечи. Отъ нея пахнетъ противными духами, гдъ есть мускусъ. А отъ волосъ—такихъ же жирныхъ, какъ и она вся, и ея голосъ, и блескъ ея огромныхъ на выкатъ глазъ—отдаетъ слащавой помадой.

Ей нестерпимо захотьлось прикнуть ей:

"И вы не могли догадаться, что я не хочу этого, не хочу?! И вотъ до чего довели меня"!

А пухлыя губы Вёры Ивановны приговаривали, точно она малолётняя:

-- Недолго подождать... Ягоды поспъють. И мы поспъемъ!

VIII.

Въ ввартиръ стоитъ особеннаго рода тишина.

Ни одного возгласа, ни малъйшаго шума ни въ господскихъ комнатахъ, ни у прислуги; но постоянное движение изъ кухни въ спальню. Промелькиетъ бълый платокъ "сестры". Покачиваясь на короткихъ ногахъ, проплыветъ Въра Ивановна.

Она сегодня— главная распорядительница. Довторъ былъ вчера, а сегодня, къ разсвъту— Въра Ивановна ночевала здъсь— началось...

Безъ хирургической помощи дъло не обойдется. Въра Ивановна это знаетъ не со вчерашняго дня. Знаетъ—еще лучше ея—и Валерій Петровичъ. Но онъ не хочетъ пугать.

Въру Ивановну смущаетъ вопросъ: говорить ли Владиміру Сергьевичу, что все не можеть обойтись безъ механической помощи?

Изъ ея правтики она давно вывела то заключеніе, что мужья въ этот день—совершенно ненужная подробность. Только наводять уныніе, малодушничають, болтаются зря, а въ самую ръшительную минуту отъ нихъ меньше пользы, чъмъ отъ какойнибудь кухонной судомойки. Даже послать за чъмъ нибудь—и то напутають.

Она много разъ и выпроваживала мужей изъ ввартиры. Нъкоторые сейчасъ слушались, точно ждали сами, что ихъ вытурять; а другіе—упирались.

Ясоновъ для нея—"ни то, ни сё". Ничего не говорить особенно нервнаго, но смотрить узникомъ, котораго заперли—неизвъстно на сколько времени.

Но есть и такіе мужья, которыхъ она воветь "бодрилы". Тѣ рады, точно это ихъ именины или они выиграли двъсти тысячъ.

Тѣ часто мѣшаются не въ свое дѣло; но, по крайней мѣрѣ, хорошо дѣйствуютъ на больную, а иногда и на нее самое.

Владиміръ Сергъевичъ — вовсе не "бодрило". Онъ, должно быть, и труситъ, а главное, совсъмъ не радуется.

И то сказать: чего же особенно радоваться, если уже есть "осложненія" — положимъ, не Богъ знаетъ какія? Ей самой приходилось дъйствовать за врача, хотя, по закону, она и не имъетъ на это права, кромъ самыхъ крайнихъ случаевъ.

На это она всегда говоритъ словами изъ писанія, которыя она разъ подслушала у богатыхъ старообрядцевъ, гдъ принимала.

Тъ любятъ повторять: "По нуждъ, и закону премънение бываетъ"!

Но туть все происходить по правиламъ науки. Валерій Петровичь—великій мастеръ своего діла, и быть подъ его началомъ—большое удовольствіе и не малая честь.

Все пригоговлено. И мамку она сама привезетъ.

Ее берутъ, на всякій случай, и какъ кормилицу. Больная еще ничего не говорила, что хочетъ сама кормить и вообще никакихъ мечтапій насчетъ будущаго новорожденнаго себъ не позволяетъ.

Это скоръе нравится Въръ Ивановнъ. Ей уже пріълись обывновенныя сладости молодыхъ супруговъ, ихъ неумъренные восторги и безконечная болтовня.

А иные еще до самаго "событія" — перессорятся нъсколько разъ изъ-за того: кто будетъ — мальчикъ или дъвочка, и какое дать имя ребенку...

Въра Ивановна, подойдя къ двери, прислушалась. Стоновъ нътъ. Значитъ—пауза. Но такъ долго длиться не можетъ. Вотъ теперь и улучить минуту—заглянуть къ Владиміру Сергъевичу.

Онъ ходилъ съ понившей головой, по ту сторону письменнаго стола, и читалъ газету.

При самомъ легкомъ скрипъ двери, онъ поднялъ голову.

- Можно въ вамъ, Владиміръ Сергвевичъ?
- Пожалуйте! Ну что?
- Ничего еще. Лежитъ тихо.
- Доктору телефонировали?
- Нътъ еще. Ждемъ его.
- Вы бы напомнили... по телефону.
- Онъ не забудетъ. Да его, навърное, и пътъ дома. "Ясоновъ отложилъ газету и подощелъ въ ней.
- Извините... мы еще не поздоровались.

- Ничего!.. Развѣ я гостья. Ха, ха!
- Присядьте пожалуйста.

Они съли рядомъ на турецкій диванъ.

- Все ли тамъ идетъ, какъ надо? тихо выговорилъ онъ.
- · A то что же?

Она прищурилась на него.

- Вы, пожалуйста, Въра Ивановна, не скрывайте отъ меня ничего...
  - Чего скрывать?

"Лучше теперь сказать", — подумала она.

- Я не знаю... Но я вижу, по вашимъ глазамъ, что будетъ что-то особенное.
- Пожалуй и будетъ! проговорила она и усиленно улыбнулась.

Онъ вскочилъ.

- Что же именно?
- Я еще не знаю.
- Операція?
- Ну, ужъ и операція! Вы сейчась и жупела пускать. Этакую операцію я и сама дёлаю... вогда и закону премёненіе бываеть, —выговорила она съ подмигиваньемъ праваго глаза.
  - -- Однако..., чего же ждать?
- Мальчика или дъвочку, Владиміръ Сергьевичь, а предсказывать не берусь... до этого не дошла. Чу!.. Тамъ что-то не задно, пробъжала сидълка. До пріятнаго свиданія... И знаете что?
  - Что лакое?
  - Уъхали бы вы по добру, по здорову!
  - Куда?
- Xa, xa! Мало ли мъстъ? Мужья въ такой день—только лишняя обуза.

И она выбъжала изъ кабинета.

Ясоновъ сталъ усиленно прислушиваться. Какъ будто стоны за глухими стънами.

А докторъ не вдетъ.

Взаться за телефонъ? Онъ въ передней. Ему стало страшно выйти въ корридоръ. Еслибъ можно было, онъ забился бы... куданибудь въ темный чуланчикъ.

Одно его утёшало, что не увидить онъ сегодня подполковницы Штаркъ. Она бы здёсь командовала, какъ опытная мать семейства, прошедшая много разъ черезъ тё "мытарства", которыя грозять бёдной Ленё.

Ея нъть въ городъ. Она изволила отправиться въ Ригу, на

Штрандъ, нанимать дачу въ Маіоренгофъ, и просила его телеграфировать о приближеніи "событія"; но онъ этого не сдълалъ.

И Лена ему не напомнила. Она знаеть, что Адель стала бы ее муштровать, какъ дъвчонку.

"Утать?" — вдругь раздался въ головъ его соблазнительный вопросъ.

"Это подло! "—отвътилъ онъ; но ему вспомнились всъ интонаціи Въры Ивановны. Онъ слыхалъ отъ кого-то изъ знакомыхъ, что тотъ всегда скрывался.

А если выйдеть что-нибудь роковое? Гдѣ же его будутъ искать?

Оставить адресъ? Сидъть у вого-нибудь въ чужой квартиръ? У него, по близости, нътъ ни одного пріятельскаго дома. Въ ресторанъ? Въ читальнъ?

И вдругъ ему пришелъ на память разсказъ одного товарища, старше его года на три, учившагося въ Деритъ, когда еще тамъ былъ обязателенъ нъмецкій языкъ.

"— Спишь мертвымъ сномъ... Часъ второй ночи. На дворъ метель. Вдругъ сильный стукъ въ дверь. Чуконецъ-сторожъ, коверкая по-нъмецки, кричитъ благимъ матомъ: "Буртъ, буртъ!" Это онъ хочетъ сказать: "Geburt". Вскакиваешь, мечешься, какъ угорълый, бъжишь, по вьюгъ, на верхъ, на гору, гдъ клиника, запыхаешься, входишь въ переднюю—на-встръчу сидълка и съ масляной улыбкой объявляетъ: "ist schon aus".

Вотъ такъ бы и онъ скрылся на полдня, позвонилъ бы вечеромъ, и Въра Ивановна крикнула бы ему:

— Все благополучно вончено!

Стонъ прервалъ его мысли.

Онъ весь захолодълъ, пересталъ ходить и легъ на диванъ.

Но сейчасъ вернется сестра; сейчасъ влетитъ жизне-радостная и сладво-настойчивая Въра Ивановна.

Не то страшить Лену: что будеть дальше. Она не кочеть распускать себя. До последней крайности она станеть себя сдерживать.

Но она, вотъ сейчасъ, въ эту самую минуту, больше уже не принадлежитъ себъ.

Это возмущаетъ ее.

Она — какъ веще! Что природа хочеть, то съ ней и сделаеть.

Но и это—не самое обидное. Величайшая обида въ томъ, что она вещь и въ рукахъ всёхъ этихъ пособницъ, сестры, молчаливой и чопорной, и Вёры Ивановны—болтливой и всевёдущей.

Она должна имъ рабски повиноваться. Будь она просто больна, даже и очень серьезно—у нея все-таки было бы больше воли. А тутъ... Точно какое священнодъйствіе...

Природа не сломила ея протестующаго духа. Въ ея маленьвомъ твяв сидить большая душа. Нивто и ничто, до сихъ поръ, не властвовало надъ нею... И меньше весто мужъ!

Она его любитъ; но она не раба его, даже не подчиненная, ни въ чемъ.

А теперь, она—раба, она—вещь!

И сволько разъ, съ раннихъ часовъ сегодняшняго утра-ей хотелось крикнуть:

"Оставьте меня! Уйдите! Вы мей противны! Я хочу быть одна... что бы со мной ни случилось"!

Была такая минута, не сегодня, а много дней назадъ, когда она впервые почувствовала, что живое существо шевельнулось...

Eе мгновенно ударило въ враску, и тотчасъ затъмъ не то страхъ, не то изумление вызвали въ ней никогда не испытанный трепеть.

Была ли это радость? Она не знаеть. Но что-то трудно вы-развиое и... роковое.

А теперь... она чувствуетъ только обиду... почти нестерпимую. Кто-то вошелъ. Должно быть сестра, потому что Въра Ивановна навърное бы заговорила своимъ маслянымъ, подбадривающимъ тономъ.

. Гена сжала въки, чтобы никого и ничего не видъть.

И такъ пролежала съ минуту, довольная коть тъмъ, что не раздается голоса Въры Ивановны.

Она хотела-было повернуться на бокъ и вскрикнула.

И почувствовала, что нивакое усиліе воли не поможеть. Надо отдаться высшей волів—чего-то всесокрушающаго.

Все свое исчезало передъ чёмъ-то, въ чемъ уже началась жизнь, и эта жизнь идетъ отъ нея.

Она смирилась.

Въ кабинетъ Перцовъ, въ длинномъ балахонъ, держалъ за объ руки Владиміра Сергъевича и въ полголоса, ласково взглядывая на него, говорилъ:

— Ручаюсь вамъ за исходъ. Во всемъ, душа моя, лотерея, лото! Одной выпадетъ отличный нумеръ, другой—похуже, а третьей

- —и совсёмъ неважный. Но брендить не слёдуетъ; а то я обижусь. Сколько же приходится продёлать то же?.. По нёскольку разъ въ день.
  - Хорошо, хорошо, -- растерянно повторяль Ясоновъ.
  - А лучше бы вамъ удалиться совсемъ.
  - Я не могу.
  - Позвольте влючъ... Я бы васъ заперъ.
  - Зачёмъ же это?
  - Да вы ничего и не услышите.
  - Съ хлороформомъ?
  - Конечно.
    - Боже мой!
- Ха, ха! Что же вы думаете, что мы вашу Леву уморимъ раньше срока? Ну, довольно. Коли вы, милый человъкъ, не ручаетесь за себя—позвольте запереть васъ. А лучше—пожалуйте-ка отсюда вонъ!

Перцовъ взялъ его за плечи и, тихонько выпроводивъ изъ корридора въ столовую, захлопнулъ за нимъ дверь.

Ясоновъ, въ первыя минуты, прислушивался съ замираніемъ сердца.

Ничего не слышно.

"Она впала въ безпамятство", — подумалъ онъ, и ему сдълалось, въ первый разъ, страшно, по-дътски страшно.

Вотъ его Лена лежитъ, какъ живой покойникъ, мертвенноблъдная, послъ приступа возбужденности отъ хлороформа, когда она бредила, металась въ мучительной борьбъ съ потерей совнанія.

Самъ онъ никогда не проходилъ черезъ такое состояніе. Ему пикогда не дълали операціи. Онъ не соглашался и на гипнозъ. Его пугало такое таинствепное состояніе души, когда вы—рабъ въ рукахъ того, кто вамъ что-нибудь внушилъ.

А ему-то бы и следовало все это испытать! Какой же онъ психологь? Какъ можеть онъ распространяться, съ канедры, о разныхъ психологическихъ тонкостяхъ, если онъ самъ не испыталъ ничего вне самыхъ обычныхъ, банальныхъ ощущеній и "воспріятій"?

То—книжка; а туть—жизнь, съ своей въчной тайной и съ безсиліемъ человъка—освътить эту предвъчную тайну такъ, чтобы все въ ней было такъ же ясно, какъ въ математическихъ вы-кладкахъ.

Тишина все та же. Ему кажется, что она тянется, по крайней мъръ, четверть часа; а прошло всего четыре минуты.

Ояъ перешелъ, на цыпочкахъ, въ гостипую и сёлъ въ уголъ, у овна. Глаза его остановились на рисункъ спинки высоваго стула. Завитушки эти повторяются вездъ и на шитъъ портьеръ.

Въ нихъ и сидитъ "modern style". Эти завитушки и Ленъ, и ему нравились, какъ что-то очень изящное. Но теперь вся отдълка гостиной, всъ эти "затъи" вдругъ выставились передъниъ во всей своей убогой суетъ.

Что за дътство, что за жалкая потребность тъшить себя модными игрушками?.. Вонъ тамъ, за двумя дверьми, происходить послъдній актъ драмы...

Промахнись увъренный въ себъ врачъ—и актъ нарожденія новаго существа омрачится смертью.

И мать, и ребеновъ, могутъ оба погибнуть. А стильныя завитушки останутся на тъхъ же мъстахъ, и онъ будеть смотръть на нихъ, каждый разъ, переживая заново то, что теперь щемить его душу.

И то, что возмущало его Лепу, полчаса назадъ, всколыхнуло в его. Онъ почувствовалъ это, впервые, сълтавой обидной ясвостью: и онъ — рабъ; нипуда онъ не уйдетъ отъ того, что теперь всѣ они, тамъ, дълаютъ съ бъдной маленькой женщиной... съ его женой, съ его Леной.

— Владиміръ Сергъевичъ! Куда вы забились? — расватисто заявучалъ овливъ Въры Ивановны.

Ясоновъ вскочилъ.

- Что? что?
- Сына Богь даль! Пожалуйте!

IX.

Солнце заглянуло во дворъ, гдѣ — противъ овонъ спальни — продолговатый садикъ.

Лена проснулась и сейчасъ же поглядала влаво; въ простанва розоватва съ вружевнымъ пологомъ.

Тамъ спить онг... Сережа! Ему всего три недёли. Мать его уже выходить въ остальныя комнаты; а вчера, въ первый разъ, вздила кататься.

Послѣ вавтра она непремѣнно поѣдетъ, съ мужемъ, за городъ, брать дачу. Изъ-за нея они во-время не перебрались изъ города, и вотъ теперь сидять здѣсь въ духотѣ и шумѣ. Съ улицы довосится стукъ, пахнетъ известкой и горячимъ асфальтомъ. На дворѣ начнутся тоже какін-то работы. Надо бъжать! Надо брать дачу—чего бы она ни стоила. Идуть первые дни іюля. Жара становится, съ важдымъ

днемъ, все несносиве.

Сережа спить. Онъ быль тревожень вчера, съ вечера, и долго не засыпаль. Сильно кричаль.

Родился онъ худенькимъ и нервнымъ, съ прекраснымъ лбомъ и огромными глазами, какъ у нея.

Ему была приготовлена кормилица—вдоровенная *дъвища* и уже не "перворождающая".

Ее оставили въ нянькахъ, а не въ кормилицахъ.

Съ перваго же дня — Леной овладъло неудержимое стремленіе кормить самой.

Перцовъ согласился на это.

Протестовалъ мужъ; но она такъ огорчилась, что онъ притихъ.

Никогда она такъ не плавала... Прямо заревъла, какъ крестъянская баба.

И вогда ей уступили—она какъ бы съ удивленіемъ оглядъла самое себя.

Неужели это она-прежняя Елена Дмитріевна Ясонова?

Да, это она! Но съ первой же минуты, въ ней уже нътъ той убъжденной единомышленницы своего мужа, когда они оба чувствовали себя закоренълыми холостяками.

Въ первые дни она немного стыдилась... и притаила въ себъ радость, охватившую ея душу.

Не сврылось отъ нея то, что ея Лодя—вогда Въра Ивановна показала ему сына—ничего не сказалъ, даже не измънился въ лицъ, а сейчасъ же бросился къ ней.

Она не огорчилась, а только пожальла его. Туть только поняла она, какое мужчина—половинчатое существо.

Они лишены того, что дано въ удълъ только женщинъ.

Они и туть могуть дъйствовать только умомъ или *черезъ* привязанность къ женщинъ, къ матери своего ребенка.

Они достойны глубовой жалости!..

Упрековъ она ему не дълала.

И точно рувой сняли съ нея—съ того дня, вогда она начала сама вормить—всявую нервность. Ни слезъ, ни вапризовъ, ни хандры, ни раздраженія.

Что-то близвое въ психическому чуду.

Съ глазу-на-глазъ съ своей совъстью она не скрываетъ того, что ей такъ— "изумительно хорошо"! Зачъмъ ей требовать, чтобы вто-нибудь другой имълъ такое же чувство?

Не надо! Да и ни одинъ отецъ не въ силахъ его испытать. И никакихъ изліяній вслухъ не нужно — они только ослабять чувство. Или могутъ показаться слащавыми, смёшными.

Это — ея храмъ! Она одна въ немъ молится... Ен святая святихъ...

Лена тихо поднялась и подошла въ вроватив. Свътъ смягчали сторы. Въ спальнъ, за ночь, сдълалось душно. Но она боялась поднять и расврыть немного овно.

Беззвучно опустилась она передъ вроватвой, и пальцы ея маленькой бълой руки откинули пологъ.

На подушкъ, въ кружевцахъ, розовъла круглая головка съ темноватымъ пушкомъ, немного склоненная на бокъ.

— Сережа!.. Милый!..

Шопоть ея страстно ласкаль это маленькое созданіе.

Она не могла устоять. Ея губы тянулись въ щекв сына.

И она застыла въ соверцаніи младенца.

Чуть-чуть скрипнула дверь; но Лена, вся поглощенная любованіемъ, не разслышала.

Ясоновъ тихо вошелъ и остановился въ портьеръ. Не сразу понялъ онъ—что такое дълаетъ его жена.

Ребеновъ спитъ, а Лена, на волѣняхъ, нагнувшись въ головкъ, смотритъ, смотритъ и не можетъ оторваться.

Онъ хотвлъ-было уйти.

Но его вольнуло.

Неужели *оно* не тронуть этимъ зредищемъ? Кто же мешаетъ ему подойти, стать рядомъ съ женой и предаться тому же соверцанію?

Стало быть, въ немъ чего-то нътъ.

Но групна, сама по себъ, такъ красива...

Ему вспомнилась знаменитая картина Корреджіо.

"Въдь это также обожание младенца?" — подумалъ онъ.

Онъ сделалъ шагъ отъ двери.

Лена быстро повернула голову и тотчасъ же поднялась.

— Это ты?

Лена сразу покрасивла.

Мужъ точно поймалъ ее.

— Ты такъ рано проснулся? — выговорила она шопотомъ, подставляя ему лобъ.

Ясоновъ поцеловалъ и взялъ ее за руку.

— Хорошо спить?—такъ же шопотомъ спросилъ онъ ее и немного отвелъ въ сторону.

— Да! — радостно отвливнулась она. — А въ ночи долго маялся... Хочешь взглянуть?

Она подвела его въ кроваткъ.

Будь въ немъ такое же чувство, какъ и въ ней, онъ — еслибъ не опустился на колъни, то коть наклонилъ бы голову, чтобы полюбоваться ист первенцемъ. Даже и для отца такіе трехнедъльные младенцы... это нъчто неосмысленное и довольно безобразное... голая голова, комокъ краснаго тъла, искаженнаго гримасой, когда не спитъ и не питается.

Ясоновъ обнялъ жену и поцеловалъ ее въ голову.

Она вздрогнула. Этотъ тихій поцёлуй тронуль ее и пресёвъ ходъ ея обличительныхъ мыслей, направленныхъ на мужчину.

Она отвела его къ двери въ ен будуарчикъ, гдъ было свътлъе, чъмъ въ спальнъ.

Тамъ они присъли на короткій диванчикъ-для двоихъ.

- Ты совстви изведень себя...—началь онъ такъ же тихо и привлекая ее къ себт.—Въ которомъ часу могла ты заснуть?
  - Не смотръла на часы.
  - Будто?
  - Часа въ два.
  - А сегодня проснулась чёмъ свётъ?
  - Полчаса передъ твмъ, какъ ты вошелъ.
  - И засталь тебя... въ созерцания?...

Онъ не докончилъ и сдержалъ свою усмъшку.

- Ты находишь это смёшнымъ? спросила Лена неопредёленнымъ тономъ, въ которомъ не было, однако, прямого недовольства или стёсненія.
  - Почему же смѣшнымъ?
  - Скажи прямо... я не обижусь, Лодя.
  - Разъ въ тебъ такое чувство...
  - Это уклончиво... Такъ не надо!

Она прильнула въ нему головой. Ото всей ея пополнъвшей фигурки въяло теплотой. Маленькая рука — лъвая — повоилась на его кольнахъ.

- Такъ не надо!—вовторила Лена тронутымъ голосомъ.— Что жъ! Я не стану запираться.
  - Въ чемъ же, милая?
- Ты, какъ мой товарищъ, изъ того времени, когда мы были оба такіе холостики— имъешь право, Лоди, подтрунивать надо мною...
  - Съ какой стати?
  - Можетъ, ты, когда одинъ-на-одинъ съ собою, и думаешь

такъ: "И моя Лена не выдержала, и въ одно мгновеніе ока превратилась... въ насъдку, не лучше своей кузины, Адели Штаркъ"! А можеть, и хуже...

- Ну, ужъ и хуже! остановилъ онъ тономъ снисходительнаго друга.
- Я не знаю... поймаль ли ее мужъ въ такомъ созерцаніи... надъ крокаткой ся Миси... десять лътъ назадъ...

Лена мило покачала головой и, поднявъ ее, поглядёла на него глазами, полными тихой усмёшки... почти дётской.

- Я и не оправдываюсь, Лодя. Жизнь пересилила. Она... выше нашихъ взглядовъ и теорій.
  - Да, пересилила, повторилъ Ясоновъ.
- Вотъ видишь, Лодя... Мы женщины не можемъ застраховать себя отъ того, что будетъ. Мы сами себя не знаемъ... до того момента... пока... оно заговоритъ... Ты назовешь это нестинктомъ. Я не обижусь. Какіе мы съ тобой были холостяки!.. И я все время возмущалась. Ты самъ знаешь. А вотъ теперь у меня такая радость, такая радость! Несказанная!

Она опять припала головой въ его плечу и тихо заплавала. А въ немъ мужское чувство не сдавалось.

Что же послѣ того онг, какъ ея мужъ, какъ любимый человѣкъ, съ которымъ она—когда-то — такъ свободно и радостно соединила свою судьбу?

Значить, теперь все это отошло назадъ? Предметь обожанія—вонъ то неосмысленное маленькое созданіе, которое сейчась начиеть хныкать или пищать.

— Прости!.. — шептала Лена, не поднимая головы.—Тебъ обидно то, что я сейчасъ сказала?.. Но эта самая радость... отъ кого же она идетъ?..

"Не отъ меня", - подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

— Видишь, Лодя...—заговорила она, крипче прижимаясь къ нему:—только это даетъ чувство великой тайны. И сама ты уже не существуещь... Никакихъ счетовъ, никакихъ требованій! Ни ревности, ни самолюбія... ничего. Это знали только... подвижники, христіане первыхъ в'яковъ. Можетъ, и теперь это доступно особымъ в'ярующимъ натурамъ?

Онъ не хотёль возражать; но въ пемъ не смирялись мужскіе протесты.

При тавомъ идолоповлонствъ — до чего же можно дойти? До врайнихъ предъловъ того жестокаго родительскаго себялюбія, надъ воторымъ они тавъ долго смёнлись съ нею.

— И еслибъ во мнѣ, —продолжала Лена, — заговорило то... Токъ І.—Январь, 1908. прежнее... я была бы безсильна передъ мониъ теперешнинъ счастьемъ.

"Вотъ оно что!" -- воскливнулъ Ясоновъ про себя.

Прежде Лена не любила это слово "счастье", смвялась надъ непомврной погоней за этимъ миражемъ; нивогда онъ не слыхаль отъ нея—даже въ минуты самыхъ пылкихъ ласвъ—страстныхъ возгласовъ: "Кавъ я счастлива"!

Она не носила личины. Она жила съ нимъ полной жизнью прочной взаимной привизанности. А теперь выходить, что настоящаго счастья она все-таки не испытывала. Значить, чувство къ нему никогда не захватывало ее такъ, какъ теперь? А источникъ этихъ блаженныхъ состояній лежитъ вонъ тамъ, въ кроваткъ, и, когда проснется, будетъ требовать, чтобы его сейчасъ же накормили.

Эти быстрые и ядовитые вопросы не стыдили его, и ни разу они не смягчались тёмъ, что вёдь источнивъ высшаго счастья Лены—ихъ сынъ, что онъ—отецъ его.

Что изъ этого? Да, отецъ; да, Сережа — сынъ любимаго мужа.

Но эта любовь теперь только подробность, а не первенствующій моменть жизни.

"Вотъ оно—пресловутое "Ewig Weibliche", воторое начало гулять по свъту, послъ Гетевскаго Фауста!"—подумаль онъ этими именно словами.

Десятки, сотни мужей впали бы въ глупо-умиленное настроеніе. Ихъ отцовское тщеславіе подсказало бы имъ, прежде всего, то, что въ сынъ мать вдвойнъ обожаеть отца, т.-е. ихъ самихъ.

Но онъ не можеть впасть въ такой самообманъ.

— Лодя!—громче окливнула Лена, поднявъ голову:—ты можеть это понять? И зачъмъ я стала бы скрывать дольше?.. И во мнъ была борьба, всъ эти дни... послъ рожденія Сережи.

Звувъ ея голоса, съ внутренней вибраціей— касался его ука, но не проникаль ему въ душу, не вызываль въ немъ умиленія.

Изъ спальни донесся детскій плачъ.

Лена мгновенно всвочила и бросилась въ двери.

Раздался сильный звоновъ. Это она зоветь няньку. Тавъ продолжалось еще несколько секундъ; потомъ все смолкло. Сережу кормять.

Ясоновъ все еще сидълъ на диванчивъ, въ неопредъленной позъ.

Онъ думалъ:

"Она не хочеть скрывать своего блаженства. Зачёмь же и инв обманывать себя? Этого блаженства я не испытываю. Можеть быть, я — дурной отець, безсердечный эгоисть, неспособный на то, чтобы; забывая о себв, радоваться".

"Но чему радоваться? — продолжаль онь, и голова его — привычная въ діалектикъ — заиграла свободно. — Чему радоваться? Тому, что этотъ ребеновъ — мое чадо? Но въдь это тоже эгоизмъ, и одинъ изъ самыхъ упорныхъ и жестокихъ видовъ себялюбія. Радоваться за нее, за любимую женщину? Въ этомъ есть смыслъ. Но это все-тави не самое чувство въ ребенку, въ новому живому существу".

Одно онъ знаетъ: впервые, между нимъ и Леной, между душевнымъ міромъ важдаго—такой громадный пробълъ.

Четь его наполнить?

Ихъ прежняго, идеальнаго лада не будеть, даже если она заразила бы его, со временемъ, твмъ же обожаніемъ, той же неизреченной "радостью" о воторой сейчасъ говорила такъ проникновенно.

Пріотворивъ дверь въ спальню, онъ остановился.

Лена сидъла въ большомъ креслъ и кормила Сережу.

Нянька прибирала что-то, беззвучно переходя отъ кроватки къ большому зеркальному шкафу съ бъльемъ.

Лицо Лены говорило ему, въ эту минуту, вавъ она поглощена своимъ деломъ—такимъ обыденнымъ и "животненнымъ", прибавилъ онъ мысленно.

А въ глазахъ у нея — небывалое выражение высшаго довольства.

"Священнодъйствуеть", — выговориль онъ мысленно и двинулся тихонько къ выходной двери.

Она подняла голову.

Нѣжная краска проступила на ея щевахъ. Все еще стыдливое чувство сказалось въ ея взглядъ, которымъ она проводила его изъ комнаты.

Только у себя въ кабинетъ Ясоновъ вспомнилъ, что онъ еще не пилъ кофе и хорошенько не привелъ себя въ порядокъ.

Но о прежней пунктуальности въ обиходъ ихъ жизни теперь надо "отложить попеченіе".

Барыня вся поглощена тёмъ, что идеть въ спальнё. Съ "великихъ" дней пошло все по другому.

Онъ подошелъ въ окну, расврылъ его, и его потянуло изъ города, изъ этихъ каменныхъ ящиковъ. Лена хочетъ непременно вкать сама смотреть дачу.

Но и туда перевезуть тоть же кумиръ, и жизнь будетъ сведена къ нему...

X.

Давно Ясоновъ не попадаль въ эту часть веливолѣпнаго парка. Онъ шель съ той дачи, которую сейчасъ смотрѣлъ—по пути въ вовзалу.

Въ сухую, ясную погоду—вакъ здёсь хорошо! Не вёрится, что это въ трехъ четвертяхъ часа ёзды отъ Петербурга. Но перемёнится погода—и будетъ сырость на дачахъ.

Изъ двукъ дачъ, педходящихъ по цънъ и расположению, Лена, навърное, выбереть не эту, а другую, въ Царскомъ, которая ему совсъмъ не нравится. Правда, не очень далеко отъ Садовъ, но на дворъ.

Зато тамъ сухо. Въ прошломъ году она не испугалась бы сырости... а теперь?..

Есть третье существо. Оно-регуляторъ всего.

Спускаясь по дорожий из водй, онъ вспоиниль вдругь одну картинку изъ заграничныхъ экскурсій, тамъ, въ его любимомъ Шварцвальдів. Еще прошлой осенью онъ мечталь взять долгій отпускъ и очутиться тамъ съ Леной, къ половині русскаго мая.

Какъ тамъ дышется, что за прогулки, какое чудесное настроеніе, сколько идей и цѣлыхъ "концепцій" приходить во время прогулокъ, особенно подъ вечеръ!

Вотъ одинъ изъ тавихъ любимыхъ вонцовъ всплылъ передъ нимъ, въ цёломъ рядё вартинъ.

Онъ спускается въ лъсному озеру. Съ пригорка, гдъ онъ остановился, —во ста шагахъ отъ маленькаго Gasthof'а, гдъ толькочто выпилъ кружку темнаго пива, — открывается задумчивая, нъжно зеленъющая лощина и тамъ вдали —такія же въчно зеленыя горы, покрытыя хвойнымъ лъсомъ.

Онъ возьметъ сейчасъ, спустившись по боковой дорожев, въ густой боръ—туда, гдв "Волчье ущелье" — Wolfschlucht—напоминавшее ему всегда первыя дътскія впечатлівнія отъ второго акта Веберовскаго "Волшебнаго стрілка".

Вернешься въ отель къ девяти вечера, съ пріятной усталостью во всемъ тілі, и сядешь на террасі ужинать...

Какая молодость духа! Точно тебѣ восемнадцать лѣтъ, и ты студенть, носящій трехцвѣтную шапочку и ленту черезь плечо.

Но и тебя, профессора, потянеть въ оба университета,-

важдый изъ нихъ подъ бовомъ: до одного—два часа взды, до другого—всего часъ со скорымъ повздомъ.

Опять очутишься въ той аудиторіи, гдё старецъ—Несторъ философскихъ каседръ—такъ блистательно излагаетъ тё самыя системы, о которыхъ читалъ и десять лётъ назадъ, когда Ясоновъ попалъ впервые въ эту древнюю аудиторію, живя въ городке съ самой симпатичной "alma mater".

"И все это—*тото*!" — подумаль онь съ довольно-таки горькимъ юморомъ.

Вторая половина лъта пройдеть на петербургской дачъ. Съ двадцатыхъ чиселъ августа зачастять дожди; а можетъ быть и раньше подползутъ холодные дни. Надо будетъ топить. Молодая трепетная мать начнетъ волноваться изъ-за своего чада. Какъ легки простуды! Съ какой быстротой бываютъ поражены грудные младенцы острыми желудочными разстройствами или воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ,—не говоря уже объ остальныхъ смертныхъ опасностяхъ.

Ему туть сейчась же пришла на память тревога съ яко бы дифтеритомъ Миси, Аделиной дочери. Съ того "вавилонскаго навиненія" все відь и началось...

Но въ чему все это перебирать?...

Опять воспоминаніе. И такое же отчетливое, какъ и та шварцвальдская картина.

Это было несколько месяцевъ назадъ, когда Лена—и тайно, и явно—возмущалась, не котела помириться съ своимъ новымъ состояніемъ.

Какъ рельефно всплыло передъ нимъ все: комната, какой стоялъ въ ней сумрачный свътъ, какъ жена его сидъла вся въ комкъ, какъ она бросила на столикъ жиденькую брошюрку въ рововой обложев, какъ горько и язвительно заговорила о мудрствованіяхъ автора, который сначала проповъдывалъ мораль анахоретовъ, а потомъ приказываетъ женщинамъ нести свое бремя, повторяя то, что въ началъ "Книги Бытія" начертано такими грозными словами.

А теперь—вуда дъвались протесты маленьвой феминистви? Безплодно— и столько же безсмысленно—было бы и его фрондёрство! На оцънку громаднаго большинства — и безиравственно, сухо, бездушно, почти отвратительно...

Но развѣ не тотъ же мудрецъ, который такъ возмутилъ Лену — сравнилъ жену съ ношей за плечами? Идти можно, можно и работать; но ежесекундно чувствуешь ее. И такъ будетъ до гробовой доски котораго-нибудь изъ двухъ членовъ союза.

"И твой Сережа—первый вкладъ въ это бремя. Вкладъ еще маленькій— фунтовъ въ десять-двінадцать; а за нимъ пойдуть и другіе вклады, даже если и не будеть больше дітей".

На площадив, передъ віоскомъ, куда собиралась военная музыка, гуляло и бъгало много дътей. Кормилицы, бонны, гувернантки, матери—цълое царство феминизма, но не такого, которому Лена мечтала остаться върной всю жизнь.

Кто ее знаеть?! Можеть быть, она умудрится сочетать одно съ другимъ.

Болъе чъмъ въроятно, что оно такъ и будеть. И у нея явятся двъ цъли въ живни. Изъ нихъ одна—великая и несмолкаемая "радостъ" — ея теперешнее слово... А другая — какъ пріятный придатокъ, въ передышку между восторгами материнства.

Ясоновъ—почти со злобой—оглядёль всю эту дётвору, съ ихъ неизбёжнымъ конвоемъ. Все вёдь, въ сущности, дёлается для нихъ, для этихъ "ангеловъ", и до рожденія, и послё, когда они превратятся въ самыхъ противныхъ подроствовъ, въ родёвонъ тёхъ дёвочекъ, что расхаживаютъ па́вами, въ громадныхъ шляпахъ и бантахъ изъ лентъ, подъ вружевными зонтивами, и "флёртируютъ" съ питомцами разныхъ заведеній, изъ воторыхъ выйдутъ тоже...

Онъ поискалъ мысленно слова и выговорилъ вслухъ:

T) -	:-1:-	Cocò!
 1 10	ากกร	L'aco:
	10440	~~~~

Ясоновъ только-что переодълся по домашнему и не успълъ еще зайти къ женъ доложить ей о дачахъ въ Царскомъ и Павловскъ — какъ, послъ сильнаго звонка въ передней, къ нему ввалилась чета Штарковъ.

Первой показалась ожирълая фигура Адели, съ ужасающимъ бюстомъ, въ батистовомъ платъв и въ шляпъ, поднимавшейся въ видъ щита, покрытаго цвътами.

Толстыя руви были съ доктя полуотврыты.

За ней выступаль своимь кадетскимь шагомь супругь—въ бѣломъ кителѣ новаго образца.

— Не ждали?—крикнула Адель.—Мы сюрпризомъ! Надо было сказать имъ какую-нибудь банальность.

-- Поздравляю!

Подполвовнивъ стиснулъ ему руку и прибавилъ:

— Нашего полку прибыло!

Онъ на цёлую голову ниже жены, сухъ въ груди и очень бёлокуръ.

— Поймали голубчива? А?—ваговорила Адель своимъ при-

бауточнымъ тономъ и потрепала его по плечу. — Өедя! Онъ чтото не очень радуется! А Лена молодцомъ? Я ее еще не видала...

- Пожалуйте! полусконфуженно промолвиль Ясоновъ.
- Мы, вотъ, должны были бросить Штрандъ. Өеди получилъ экстренную вомандировку въ Финляндіи. И вотъ, со всей нашей командой перебираемся туда... искать дачу. Вы счастливецъ!.. У васъ больше вакаціонныхъ мёсяцевъ, чёмъ занятій. Ну, я пойду къ Ленъ. Өедя! покури, а потомъ придешь поздравить Лену.

Все это подполковница высыпала, точно опа у себя дома и распоряжается своей Мисей и обоими буянами.

Ясоновь остался съ глазу-на-глазъ съ подполковникомъ.

Тотъ тотчасъ же закурилъ, точно обрадовавшись, что ему дозволили затянуться.

Эта чета прилила еще яду во всему, что онъ, съ утра, перечувствовалъ. Передъ нимъ сидълъ не простой "моментъ", а возсъдало символическое лицо.

Штарвъ шелъ хорошо по службъ, быстро дълалъ свою карьеру; но при своей супругъ онъ только мотиез супружесвой жизни— "вавимъ буду и н",—добавилъ про себя Ясоновъ.

И при этомъ онъ самодоволенъ, влюбденъ въ свою интеллигенцію, воображаетъ себя образцовымъ военнымъ писателемъ.

— Еще разъ поздравляю! — заговорилъ Штарвъ, затянувшись. — Вижу, вы еще не освоились съ своимъ новымъ положеніемъ. Теперь ужъ—ау! Ничего не подълаеть!

Какъ всѣ полу-нѣмцы, подполковникъ любилъ словечки вуль-гарнаго жаргона.

— Но не правда ли, милъйшій Владиміръ Сергъевичъ, никто изъ насъ не можетъ считать свое существованіе полнымъ и закономърнымъ, прежде чъмъ не дастъ жизнь себъ подобнымъ и не испытаетъ того, что доставляетъ вамъ высокое чувство ролительства?

"Сколько онъ выпалить еще такихъ истинъ?" — спросилъ, про себя, Ясоновъ и слегка кивнулъ головой.

— Конечно, во всемъ этомъ нѣвоторое бремя. Но тутъ только познаете вы глубину евангельскаго реченія: "Бремя мое легко...есть", — прибавилъ онъ отъ себя.

Ясоновъ опять вивнулъ головой.

- Елена Дмитріевна сама кормить?
- Да.
- Признаюсь... мы этого съ Адель не ожидали. Это дёлаетъ ей честь!.. Даже въ Парижё происходить сильнёйшая пропаганда... по этому вопросу. Мы съ Адель, прошлой весной, по-

пали на представленіе пьесы: "Les remplaçantes". Она и у насъ шла. Но по-русски не понравилась. А вёдь и у насъ многія дамы воздерживаются отъ исполненія этой священнёйшей обязанности...

Ясоновъ чуть не выговорилъ:

— Аминь.

Раскатистый голось Адели вторгся въ кабинеть.

- Өедя! вривнула она мужу на ходу: Лена желаетъ тебя видъть. Иди! Попълуй и новорожденнаго... Владиміръ! окливнула она Ясонова. Онъ на васъ еще мало похожъ; но будетъ длинный это сейчасъ видно. Только Лена его слишкомъ кутаетъ. Это опасно! Какъ разъ простудится. И сейчасъ... сопgestion à la tête. И того и гляди воспаленіе мозговой оболочки!..
  - Полно, Адель... зачёмъ же пугать! -- остановилъ ее мужъ.
- Моей опытности она можеть върить. Ну, иди! Я подожду тебя... И долго намъ нельзя засиживаться, ты знаешь.

Помъстившись на вреслъ, гдъ только-что сидълъ ея мужъ, Адель пододвинулась въ Ясонову и положила объ мясистыя руви на его колъни.

— Ваша Лена теперь въ остромъ період'в обожанія... своего чада. Это пройдетъ. А что нужно — останется.

Засмѣявшись своимъ рѣзкимъ, самоувѣреннымъ смѣхомъ, она поглядѣла на него вбокъ.

— Вы, важется, не находитесь въ эмпиренхъ? Это можетъ придти послъ. И даже очень! Тогда мужъ дълается слюняемъ. Вотъ у Оеди большое дътолюбіе. И еслибъ я его сраву не дрессировала, по этой части, онъ бы портилъ мнъ всю механику дътосоподонія. Ха, ха! Это я его дразню, увъряю, что онъ нвобръть новый терминъ въ родъ отечествоот дънія и мясоот дънія, на вулинарныхъ курсахъ! Есть и такія слова!..

А ея узвіе, заплывшіе глазви добавляли:

"Нечего, нечего, милъйший филозофъ! Теперь ты не станешь кичиться своей умственной и всякой другой свободой. Ты теперь у насъ въ когтяхъ, какъ и тысячи другихъ умниковъ, съ чъмъ тебя и поздравляю".

Ho, по врайней мере, она не выпаливала истинъ подполвовника Штарка.

— Я дала Ленъ нъсколько совътовъ... насчетъ устройства спальни... на дачъ... Она сбирается сама. Вамъ нравится въ Павловскъ Это немыслимо! И она стойтъ за Царское. Я ее одобрила. Въ Павловскъ — ни подъ какимъ видомъ!

Она это замътила ему, точно онъ артельщикъ, котораго посылали искать дачу.

И его вольнуло предчувствіе.

Теперь у Лены такая вооружевная съ головы до пять союзница, не допускающая никакихъ "но". Ея "моменть"—тоже ученый, а какъ онъ образцово дрессированъ!..

— Я готовъ! — раздался изъ-за портьеры окливъ мужа. Владиміръ Сергъевить! Всего хорошаго!

Не сраву стряхнуль съ себя Ясоновь то, что принесли съ собою супруги Штаркъ—какую-то особенную обиду. Воть и онъ зачислень въ тоть же цехъ, какъ и этоть тошный "моментъ", начиненный благомысленными общими мъстами.

Онъ вспомнилъ, что еще не видаль Лены. Она ждетъ. Надо ей доложить о дачахъ.

Можеть быть, она въ эту минуту кормить? Зачёмъ ей мёшать? Да она и все еще немножно стёсилется, когда войдешь въ это время въ спальню.

Нѣсколько разъ прошелся онъ позади своего письменнаго стола.

Мысль перелетьла въ тому, что на этомъ письменномъ столъ должно бы быть доведено до вонца.

Его диссертація!

А гдѣ ея конецъ? На что ушли послѣдніе два мѣсяца? Даже больше.

И сейчасъ же выскочиль въ головъ ихъ разговоръ съ дядей, зимой, когда тотъ приводилъ слова своего наставника: "Вороновъ, не женитесь, прежде чъмъ не выдержите на доктора"!

Пророческія слова!

Машинально присвлъ онъ въ вресло и глубово задумался.

Кто же авторъ этого запоздавшаго теперь сочиненія?

Если не философъ, въ подлинномъ смыслъ, если не создатель своей системы, то мыслитель, оцънщивъ чужихъ системъ, считающій себя и психологомъ?

Почему же этотъ психологъ, этотъ мыслитель, не взялъ человъва въ руки—мужчину, мужа, не заставилъ его разобраться построже въ томъ, что въ немъ, до этой минуты, вопошится?

Щеки его стали блёднёть.

Онъ считаетъ себя мыслителемъ, а его ничтожное "я" такъ карабкается и ершится... передъ чёмъ? Передъ великой тайной битія! Это ничтожное "я" поднимаетъ бунтъ противъ предвёч-

ныхъ устоевъ вселенной, которыя нашли въ живыхъ существахъ высшую форму развитія и совнанія...

И онъ мнитъ себя психологомъ!

Точно онъ самъ—со всёми рессурсами и тонкостями своей интеллигенціи— свалился готовымъ съ неба или вышелъ изъ головы Зевса, какъ эллинская богиня Мудрости?!

Ему стало стыдно. И только другой стыдъ удерживалъ его отъ того, чтобы тотчасъ же побъжать къ Лене и повиниться.

Минута волебанія пролетіла. Онъ всталь и перешагнуль черезъ увкій ворридорчикь.

Лены не было въ спальнъ.

Кроватка стоить на обычномъ м'вст'в, въ прост'внив. Должно быть, Сережа спить.

Онъ прошелъ на пыпочкахъ мимо нея и заглянулъ въ будуаръ.

— А! Лодя! Ты вернулся! Ну, что сважешь?

Она сидъла у бюро. Онъ поднялъ ее и посадилъ на диванчивъ.

- Что съ тобою? спросила она. Ты чёмъ-то разстроенъ?..
- Нать! Я пришель... чтобы...

Онъ не договорилъ, обнялъ ее за талію и припалъ головой къ ен плечу.

"Такъ будеть лучше!" — приказаль онъ самому себъ.

П. Боворывинъ.

$\Pi 0$

ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ

жельзной дорогь

Путевыя замятки

І.—Отъ Москвы до Кургана.

Техоокеанскія желізныя дороги въ Америків и Сибири. — Административная граница Сибири. — Челябинскі и врачебно-питательный пункть. — Види по дорогів.

Находясь въ Санъ-Франциско, лътъ тридцать тому назадъ, я провожаль внакомаго мий купца, г. Пахолкова, собиравшагося тогда перевхать моремъ въ Сибирь: заказавъ въ Америкъ ръчвой пароходъ, онъ имълъ въ виду перевезти его на фрактовомъ судев, съ темъ, чтобы открыть на своемъ пароходе рейсы по Ануру и Шилев. Завупивъ въ Санъ-Франциско разные товары, нашъ предпримчивый землявъ задумалъ снабжать ими береговихъ поселенцевъ незадолго передъ твиъ присоединеннаго въ Сноври Амурскаго вран. Замётимъ встати, что это быль первый частный пароходъ, отврывшій непосредственные торговыя сношенія Соединенныхъ-Штатовъ съ сибирскими странами. Уважая, г. Пахолковъ приглашалъ меня отправиться вмёстё съ нимъ на Амуръ; но, провхавъ по только-что проложенной тогда изъ Нью-Іорка къ Тихому океану дорогъ, я намъревался затъмъ посътить южене штаты Союза, а возвращаться въ Америку съ Амура было бы довольно затруднительно; потому я и отвазался отъ радушнаго приглашенія нашего землява. Иное діло, если бы въ то время отврыто было движеніе по сибирской желізной дорогів: тогда я могь бы, добравшись на пароході по Амуру и Пилкі до города Срітенска, пробхать по рельсамъ до самой Москвы и совершить такимъ образомъ кругосвітное путешествіе. Когда рельсы по Манчжуріи будуть окончательно проложены до Владивостока, то такое путешествіе вокругь світа на самомъ ділів можно будеть легко совершить дней въ сорокъ, и даже въ боліве короткій срокъ.

Вообще, проложение рельсовых путей въ Америвъ и Сибири въ берегамъ Тихаго овеана само собой наводитъ на сравнение объихъ тихоовеанскихъ дорогъ, тъмъ болье, что лътъ тридцать тому назадъ Соединенные-Штаты были почти тавъ же ръдко населены, кавъ наши азіатскія владънія въ настоящее время. И вообще, Штаты во многихъ отношеніяхъ напоминали собою Россію.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что самыя условія, кавими сопровождались постройки желёзныхъ дорогъ, какъ въ Америкъ, такъ и въ Сибири, отчасти, можно свазать, представляють близвое сходство между собою. И действительно, въ Европъ, какъ извъстно, рельсовые пути проходять обывновенно по мъстамъ болъе или менъе густо заселеннымъ и составляютъ вавъ бы продувть высшаго развитія культуры; тогда какъ въ Америвъ и въ Сибири желъсныя дороги проводились по пустынямъ или мало населеннымъ мъстностямъ и служатъ камъ бы проводнивами высшей культуры въ девственные края. Благодаря отчасти этимъ условіямъ, ни въ Америкв, ни въ Сибири почти не приходелось прибъгать въ экспропрівціи земель подъ дорогу, такъ какъ последнія составляють государственную собственность; а потому самыя издержки производства значительно сокращались. Мало того, какъ тамъ, такъ и тутъ, открывалась возможность съ постройвой дороги связать волонизаціонную двятельность, а вийсти съ тимъ и продажу свободныхъ вемель переселенцамъ. Россія, однаво, въ этомъ случав пользуется невоторымъ преимуществомъ передъ Соединенными-Штатами въ томъ отношенія, что ея желёзная дорога, проходя отчасти по пустыннымъ мъстамъ, обоеми концами своихъ рельсовъ примываетъ въ густо населеннымъ культурнымъ странамъ: на западъ-въ Европъ съ ея 390-милліоннымъ, а на востокъ-къ Китаю, Корев и Японін съ ихъ 400-милліоннымъ населеніемъ. Для того, чтобы вполнъ воспользоваться этимъ преимуществомъ, оказывается необходимымъ населить все пространство между обоими концами

рельсовъ, а это и составляеть одну изъ главныхъ задачъ Великой сибирской желъзной дороги...

Замѣтимъ еще, что въ свое время не мало удивлялись огромному протяженію америванской тихоокеанской дороги. И дѣйствительно, тогда это было самое длинное разстояніе, какое приходилось пробъгать локомотиву. Точно также и въ настоящее время руссвій рельсовый путь по своей длинѣ превосходить не только всѣ существующія европейскія, но даже и американскія желѣзныя дороги. И въ самомъ дѣлѣ, отъ Нью-Іорка до Санъфранциско въ 1870 году мнѣ пришлось проѣхать около 5.000 верстъ; тогда какъ отъ исходнаго пункта сибирской дороги, отъ Челябинска до Владивостока насчитывается болѣе 6.000, а до Портъ-Артура наберется всего около 7.000 верстъ. Если же считать отъ береговъ Балтики, т.-е. отъ Петербурга до Тихаго океана, то все разстояніе, пробѣгаемое паровикомъ, будетъ доходить почти до 9.000 верстъ.

Не вдаваясь въ дальнейшія подробности по поводу сходства объихъ тихоокеанскихъ дорогъ, перехожу къ описанію моей покадки.

Вывхавъ изъ Москвы 16-го мая 1901 года, я въ тотъ же день вечеромъ долженъ былъ въ Тулв пересвсть въ другой вагонъ, а между твмъ тутъ же на вагонахъ третьяго власса стояла надпись: "Безъ пересадки до Челябинска". Мало того, пассажирамъ перваго и второго влассовъ пришлось еще разъ пересаживаться въ Батракахъ. Довольно обпирное селеніе Батраки составляеть узелъ желёзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ Тулы и Рязани; а потому здёсь въ 1885 году была открыта первая переселенческая контора: она обязана была снабжать переселенцевъ свёдёніми по отысканію свободныхъ земель въ Сибири. Здёсь же стала производиться первая правильная регистрація переселенцевъ. Въ настоящее время такая регистрація совершается въ Челябинскъ и въ другихъ городахъ по сибирской желёзной дорогь.

Прибывъ черезъ два дня въ Самару и переночевавъ въ ней, я утромъ, гулая по городу, завернулъ въ открытую здёсь столовую для переселенцевъ: подъ обширнымъ навёсомъ на столбахъ тянутся длинные столы со скамьями по объ стороны; на нихъ могутъ размъститься человъкъ триста. Возлъ навёса поиъщена кухня съ обширною печью; въ нее вставлены котлы, въ которыхъ варились щи съ говядиной. Довольно значительная порція этикъ щей съ кускомъ говядины и краюхой хлёба стоитъ нать контьеть. Эта столовая служитъ какъ бы первымъ этаномъ для переселенцевъ, если нъвоторымъ изъ нихъ случается пробыть иной день въ городъ.

Отъ Самары повздъ сначала шелъ, то по равнинамъ, то, по холмистой мъстности съ значительно развитымъ хлъбопаществомъ. Затъмъ потянулись лъса, а вслъдъ за ними показались обнаженныя скалы, представлявшія хотя невысокіе, но весьма живописные горные виды. Оволо двухъ часовъ пополудни повздъ достигь высшей точки Уральскаго хребта по рельсовому пути и перевалилъ на восточный скатъ горы. Тутъ на стоящей бливъ станціи пирамидъ съ одной стороны значится надпись: "Европа", а съ другой—" Азія".

- Вотъ мы и въ Азін!—воскликнулъ сидъвшій рядомъ со мной молодой человъкъ, повидимому купеческаго званія.
- Пока еще нътъ! возразилъ номъстившійся противъ насъ господинъ въ форменной фуражев.
- Какъ же? А на столбъ-то съ этой стороны показана Авія.
- Мало ли что! Это по ученымъ географіямъ Уралъ признается границей Европы; но мы пока находимся еще въ оренбургской губернін, а она, какъ изв'єстно, причисляется къ Европейской Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что Азія въ административномъ отношеніи начинается собственно съ тобольской губернів, такъ что даже Челябинскъ, этотъ, такъ сказать, исходный пунктъ сибирской желѣзной дороги, находясь въ оренбургской губернів, не признается авіатскимъ городомъ, по крайней мѣрѣ въ административномъ смыслѣ.

Проёхавъ по горной странё восточнаго Урала, поёздъ вскорё пронивъ въ область, изобилующую золотыми прінсками, а затёмъ вновь пошелъ по равнинной м'естности земледёльческаго характера и вечеромъ засвётло подкатился въ станціи Челябинскъ.

Самый городъ находится въ четырехъ верстахъ отъ станціи; но онъ меня не интересовалъ. Я имълъ въ виду познакомиться съ здъшнимъ врачебно-питательнымъ переселенческимъ пунктомъ, для чего и остановился въ одной изъ мелкихъ гостинницъ раскинутаго при станціи поселка, этого, такъ сказать, перваго созданія новой жельзной дороги. Дъло въ томъ, что на челябинскую станцію изъ внутреннихъ сибирскихъ областей за послъдніе года доставлялись значительным партіи хлъба въ зернъ для отправки въ Европейскую Россію. Благодаря этому, поселокъ, по имени Никольскій, и разросся въ теченіе послъдняго пятильтія

до степени м'ястечка, в'я котором'я насчитывается около четырехъ тысячъ жителей.

Здёшній переселенческій пункть считается наиболёе важнимъ, такъ какъ состоящій при немъ особо назначенный для того чиновникъ направляетъ прибывающихъ сюда переселенцевъ въ надлежащія м'єста внутрь Сибири. Отправившись наступившемъ утромъ-по увазанию хозянна гостиниищи по шировой улицъ поселка, я почти на концъ его вышелъ на площадку, овруженную со всёхъ сторонъ раскинутыми врозь срубными доневами, всего около двадцати-пяти числомъ. Въ нихъ могутъ удобно помъститься до полуторы тысячи человъвъ. Пройдя неиного дваже по той же улиць, я въ переулвъ увидваъ въ отдільномъ домі больницу съ семьюдесятью вроватями. Въ ніскольвихъ шагахъ отсюда, въ общирномъ ваменномъ строеніи пом'вщается вухня. Въ большихъ вотлахъ, вставленныхъ въ вытянутую вдоль громадную печь готовился харчъ. Изъ этой кухни отпусвается до двухъ тысячь дешевыхъ, но сытныхъ порцій: а вменно, за пятнадцать вопъевъ съ человъва, важдый изъ переселенцевъ получаетъ полфунта мяса, два фунта чернаго хлаба, ще, вашу и чай съ двумя вусками сахара. Сюда слёдуетъ еще прибавить бани въ особомъ помъщении и прачешную. Переселенцы пользуются всёмъ этимъ за весьма умеренную плату.

Между прочимъ, я разговорился здёсь съ молодымъ парнемъ, повинувшимъ свое село въ тверской губернів. По его словамъ, онъ былъ изъ села, принадлежавшаго во время оно графу Шереметеву; что меня отчасти удивило, -- тавъ вавъ бывшіе връпостные графа искони слыли если не богачами, то, большею частью, зажиточными врестьянами. Этотъ молодой переселенецъ отправлялся теперь въ томскую губернію не по нуждё, а скоре по соблавнительнымъ слухамъ, на поисви отводимаго вазною пятнадцати-десетиннаго надъла. Надо прибавить, что онъ принадлежаль въ числу тавъ-называемыхъ самовольныхъ переселенцевъ, т.-е. такихъ, которые повидають свое село, не заручившись разръшениемъ отъ мъстнаго начальства. Когда я замътилъ, что по правиламъ самовольнымъ переселенцамъ не даютъ вазенной земли, то, махнувъ рукой, онъ воскликнулъ: "Эхма! авось пристроюсь какъ-нибудь! Вёдь міръ не безъ добрыхъ людей! А дома-то отъ батьки житья не стало".

И воть онъ, убъгая отъ старика-отца, взялъ въ волости паспортъ и отправился какъ бы на заработки. Теперь же этотъ парень надъется примкнуть къ какой-нибудь партіи переселенцевъ, а не то пристать въ старожиламъ, воторне, какъ увъряли его, охотно примутъ въ свою общину холостого здороваго малаго.

Туть же, на переселенческомъ пунктъ мнъ пришлось встрътить нъсколько человъкъ, возвращавшихси назадъ въ Россію даже цъльми партіями. Многіе изъ нихъ уходили оттого, что не оказалось въ наличности подходящихъ свободныхъ участвовъ. По регистраціи, какъ мнъ сообщили, оказывается, что вообще обратныхъ переселенцевъ насчитывается около двадцати процентовъ въ годъ. Однако, въ 1901 году такое обратное движеніе чрезвычайно усилилось, что несомнънно состоитъ въ связи съ неурожаемъ, постигшимъ за прошлое лъто западныя области Сибири.

Сколько ни приходилось следить за колонизаціей въ разныхъ частяхъ свёта, нигдё не случалось встрёчаться съ такимъ значительнымъ воличествомъ воввращающихся домой переселенцевъ. А при всемъ томъ нельзя не обратить внимание на то, что ни одно правительство, ни въ Европъ, ни въ Америвъ, не оказывало столько пособій, не предоставляло столько льготъ своимъ колонистамъ, какъ администрація переселенческаго дъла въ Россіи. Выселяясь изъ Европы за море въ иныя части свъта, колонисть составляеть какъ бы отрезанный ломоть для своей родины. Хотя Англія, Германія и Франція высылають своихъ подданныхъ отчасти въ собственныя владенія, однако эти ихъ волоніи все-таки раскинуты за морями, въ другихъ частяхъ свёта. Напротивъ того, переселение врестьянъ въ России совершается въ одномъ и томъ же совместномъ государстве, составляющемъ неразрывное цёлое владёніе. Эту, такъ сказать, внутреннюю колонивацію русскихъ земледёльцевъ на Востокъ можно развъ сравнить съ подобнымъ, совершавшимся за последнія десятилетія нереселеніемъ американскихъ фермеровъ съ восточныхъ штатовъ на девственныя земли дальняго Запада. Но американское правительство, предоставляя фермерамъ отыскивать себъ болъе для нихъ прибыльные участки въ новыхъ обмежеванныхъ территоріяхъ, вовсе притомъ не заботится объ ихъ водвореніи на избранныхъ ими земляхъ, лишь бы последнія были въ свое время надлежащимъ порядкомъ заявлены у мъстнаго правительственнаго агента. Сами фермеры, какъ люди болъе или менъе достаточные, не пользуются притомъ даже удешевленными эмигрантскими повздами; а, перевхавъ въ избранному мъсту въ обычномъ пассажирскомъ повздв, устроивають тамъ новое хозяйство своими средствами, не прибъгая ни къ какимъ пособіямъ отъ прави-

Иное дёло въ Россіи: нашимъ крестьянамъ зачастую не-

инслимо было бы обойтись безъ административной помощи, и правительство въ широкихъ разиврахъ надвляеть ихъ разнаго рода пособіями. Однихь врачебно-питательных пунктовь, на воторихъ переселенци пользуются пріютомъ и дешевой горячей пещей, по всему протяжению железной дороги отъ Челябинска до Срвтенска насчитывается всего девятнадцать, вивств съ больвидами при нихъ. Въ случай врайней нужды, переселенцу даже безплатно отпускается харчь. Помимо вначительнаго пониженія жельно-дорожнаго тарифа, переселенческимъ управленіемъ пронзводится даже, въ случав нужды, выдача путевыхъ ссудъ, въ разизръ пятидесяти рублей на семью для колонистовъ въ Западную Спонрь. Если же они вдуть далве, то могуть получить до ста рублей. Сверкъ того, выдается также ссуда на козяйственное устройство не свише ста рублей. Потомъ разръшается ссуда, необходимая для посъва на двъ десятины и еще на продовольствіе. Для своихъ построекъ переселенцы могуть заимствовать лесь изъ казенныхъ дачъ. По истечения тремъ леть, колонисты обязуются уплачивать свой долгъ по ссудамъ ежегодными взносами въ теченіе десятилітняго срока. За послідніе года на такія ссуды израсходовано свыше милліона рублей. Такого же рода денежныя пособія выдаются еще на созиданіе общественныхъ мельницъ, для рытья володцевъ и тому подобныхъ устройствъ. Мъстами администрація устронла льсные склады, въ которыхъ лёсь продается гораздо дешевле риночных приз. Точно такъ же организованы вазенные склады вемледъльческихъ орудій и машинъ, отпускаемыхъ новоселамъ по крайне удешегленнымъ цвиамъ.

Помимо всёхъ этихъ административныхъ пособій, овазываемыхъ колонистамъ, даже мёстныя частныя общества принимаютъ участіе въ овазаніи помощи вуждающимся новоселамъ. Этими обществами на разныхъ пристаняхъ, тамъ, гдё случается значительное скопленіе переселенцевъ, устроены особые бараки, съ больницами при нихъ. Сверхъ того вдёсь и тамъ открыты на частныя средства безплатныя столовыя, а въ иныхъ мёстахъ организованы также врачебные пункты. Общество, сверхъ того, открыло свои склады лёсныхъ матеріаловъ и вемледёльческихъ орудій, выдаваемыхъ переселенцамъ въ ссуду. Администрація, кромѣ того, предоставляетъ льготы колонистамъ. Благодаря этому, послёдніе избавляются въ теченіе трехъ лётъ отъ взноса платежей въ казну и отъ военной повинности.

Для того, чтобы сельское население могло надлежащимъ порядкомъ воспользоваться всёми этими пособіями, переселенческимъ управлениемъ издаются ежегодно дешевыя брошюрки для

Томъ І.—Январь, 1903.

народа, подъ заглавіемъ: "Сибирское переселеніе". Эти внижечки, въ воличествъ 400.000 овземпляровъ, разсылаются вемскимъ управамъ и учрежденіямъ по врестьянскимъ дёламъ. Въ появившихся досель шести выпускахъ простымъ, но толковымъ языкомъ излагаются: краткое описаніе Сибири, правила для переселенія на вазенныя земли, тавже все, что нужно знать важдому ходову. Дъло въ томъ, что врестьяне, получившие разръ-шение переселиться, обязаны выслать впередъ ходова для пріисванія подходящаго участва. Въ своихъ справочныхъ изданіяхъ управление относится съ крайнею осторожностью къ сообщаемымъ народу полезнымъ свёдёніямъ и, давая благіе совёты эмигрантамъ, строго предостерегаетъ ихъ отъ разныхъ встрачающихся препятствій и затрудненій. Такъ, между прочив, въ последнемъ, шестомъ выпусве дается врестьянамъ советь отложить переселеніе до той поры, когда Сибирь поправится посл'в неурожая", постигшаго ее прошлымъ летомъ. Въ томъ же выпускъ, сверхъ того, упоминается, что изъ 51.999 ходо-вовъ, прошедшихъ въ 1900 году изъ Сибири домой, какъ значится по регистраціи въ Челябинскі, только 8.656 человікъ ваявили, что они, намътивъ подходящіе участки, намърены вернуться въ Сибирь съ обществомъ, снарядившимъ ихъ въ путь; а 43.343 человъка, осмотръвшись, пришли къ убъжденію, что на родинъ лучше-и вовсе не намърены переселяться. Итакъ, изъ ходововъ 71°/о не могли прінсвать надлежащихъ участвовъ для своихъ обществъ, а потому администрація совътуеть врестьянамъ быть, во всякомъ случай, врайне осторожными.

Ознавомившись, насколько успёль, съ главнымъ переселенческимъ пунктомъ, я, затёмъ, направился по желёзной дороге дале, на востокъ. Отъ Челябинска поёздъ все еще катилъ по равнинамъ оренбургской губерніи, и лишь на двухсотой версте оттуда подошелъ къ административной границе Сибири, въёхавъ въ территорію тобольской губерніи.

Сибирскіе вагоны первыхъ двухъ классовъ устроены подобно тѣмъ, что ходятъ по рязанской дорогѣ: они состоятъ обыкновенно изъ весьма удобныхъ купэ, въ которыхъ, на ночь, располагаются четыре постели. Благодаря удобному устройству вагоновъ, переѣзды, въ теченіе двухъ-трехъ сутокъ, по обширнымъ протяженіямъ Сибири меня нисколько не утомили. По пути, скоро заводились знакомства съ пассажирами—и время проходило безъ томительной скуки. Такъ какъ дорога проложена въ одну колею, то на станціяхъ устроены разъѣзды. Тутъ иногда приходилось по нѣскольку минуть поджидать встрѣчный поѣздъ.

Если онъ быль еще далево отъ станціи, то пассажиры зачастую выскаживали изъ вагоновъ и пускались по лугамъ, собирая разсынанные по нимъ врасивые цвёты.

По пути, я нёсколько разъ заходиль въ вагоны третьяго класса, съ тёмъ, чтобы побесёдовать съ ёхавшими въ нихъ переселенцами. Они сидёли на деревянныхъ скамьяхъ, по двое съ каждой стороны протянутаго посреди вагона прохода; а ночью укладывались спать на такихъ же нарахъ, расположенныхъ съ каждой стороны прохода попарно, одинъ—внизу, другой—вверху. По самой сибирской дороге, начиная отъ Челябинска, ходятъ еще вагоны удешевленнаго четвертаго класса съ такими же двухъ-ярусными нарами для спанья.

Вотъ, мы подъбзжаемъ въ станцін, гдё назначена остановка минутъ на десять или болбе. Тутъ обращають на себя вниманіе кирпичиме домики, въ сторонб отъ главнаго станціоннаго строенія, съ надписью надъ входомъ: "випятовъ—безплатно". Пассажиры, съ котелками и чайниками, устремляются въ этимъ домикамъ и, нацбдивъ кипятку изъ вставленнаго въ печь котла, заваривають въ своихъ вагонахъ чай; потомъ приглашають къ себб въ гости знакомыхъ, и когда побздъ вновь двинулся въ путь, то, за чайными приготовленіями, составляются компаніи съ веселыми бесбдами.

На большихъ станціяхъ, съ буфетами, стоятъ довольно долго, такъ что можно, не торопясь, напиться чаю, позавтравать или пообъдать. Судя по выставленной на столъ таксъ, порціи не дороже твхъ, что значатся вообще въ Россіи. Но для третьевлассныхъ пассажировъ имъются туть же еще особаго рода буфеты, которые одинъ изъ пассажировъ прозвалъ "бабьими". Эти буфеты помъщаются обывновенно возят станціи, но въ отврытомъ полъ: передъ длиннымъ столомъ располагается цълый рядъ врестьяновъ изъ сосъднихъ поселковъ съ разными продуктами. Тутъ, на столъ, предлагаются пассажирамъ бутылки съ молокомъ, врестьянскія печенья, даже горячіе блины, вареная баранина, рыба, печеныя яйца, вартофель и тому подобныя снёди, продаваемыя за весьма дешевыя цень. Торговля эта наносить, вонечно, не малый ущербъ буфету третьяго власса, но разръшается начальствомъ, тавъ какъ служитъ значительнымъ подспорьемъ для малодостаточныхъ переселенцевъ. Эти столы съ ихъ продажными продуктами окружены обывновенно густыми толиами третьевлассныхъ пассажировъ. Запасаясь здёсь въ дорогу разнаго рода провизіей, они затімь, не торопясь, събдають, по пути, свои покупки.

Замѣчу здёсь встати: на отдёльных станціях я видёль выставленныя наружу объявленія, касательно пріема и выдачи почтовой ворреспонденціи. На такое устройство правленіємъ отпущены особыя средства, съ цёлью облегчить поселенцамъ сношенія съ ихъ бывшими сообщинниками въ покинутой ими Россіи. Сверхъ того, на тёхъ же станціяхъ значатся "ссудосберегательныя кассы". Благодаря этому учрежденію, рабочій людъ можеть туть же внести въ кассу свой заработокъ и сохранить, такимъ образомъ, лишнюю копівику на черный день.

П.—Отъ Кургана до Омска.

Гостинница "Яръ". — Маслодъльное производство. — Ишинская степь. — Скотоводство. —Петропавловскъ. —Каргизи. —Старожили. — Желъзнодорожиме мости.

Отъбхавъ верстъ на сорокъ въ востоку отъ границы тобольской губернін, повздъ, въ часъ по-полуночи, остановился у станцін Курганъ. Покинувъ вагонъ, я сдаль багажъ носильщику, который и вынесь его въ извозчику. Экипажъ, въ родъ короткой долгуши на дрожинахъ, показался мив, правда, сомнительнаго свойства; зато лошаденка, небольшого роста, оказалась весьма шустрая и безъ кнута быстро примчала въ расположенному вблизи, на правомъ берегу реки Тобола, городу Кургану. Это - первый сибирскій городъ, какой приходится посётить проъзжающимъ по здъшней жельзной дорогь. Мой возница подвезъ меня въ гостивницъ, не очень-то приглядной съ виду, но носящей зато громкое прозвище "Яр»", въ память-какъ мет объясниль хозяинь - извъстной въ Москвъ ресторація, гдъ онъ нъкогда состояль, будто бы, метрдотэлемь. Номерь, въ который меня отвела служанка, оказался крайне непривлекательнымъ: но въ дорогв не следуетъ быть слишкомъ взыскательнымъ, особенно въ пустынномъ врав. Путешествуя по Америкв, я зачастую довольствовался по неволъ и не такими покоями. Взглянувъ, однако, на кровать въ отведенномъ мнё номерё, я заметиль, что туть не было ни простыни на тюфякъ, ни одъяла, ни подушки, н обратилъ на это внимание служанки.

— Дадимъ все, — сказала горничная, — но за это у насъ полагается особая плата.

Зная уже изъ Челябинска объ этой приплатъ, заведенной, какъ оказалось, во всъхъ гостиницахъ Сибири, я, разумъется, не возражалъ, памятуя, что въ чужой монастырь со своимъ уста-

вомъ не кодять. Въ такой приплате полагается по 10 копевкъ за простыню, по 15—за подушку, 15—за одеяло и еще за две свечи—20 коп. въ каждую ночь.

Выгланувъ, утромъ, со второго этажа въ окно, я увидълъ разсвянные въ разныя стороны домишви. Хотя Курганъ существуетъ, въ качествъ уъзднаго города, около ста-двадцати лътъ, но съ виду онъ до сихъ поръ скоръе похожъ на большую деревню. Выхода изъ гостинивцы и пробирансь по немощеной, грязной послъ дождя улицъ, я не безъ труда добрелъ до расположеннаго близъ станціи переселенческаго пункта. Отсюда переселенцы направляются по участкамъ, раскинутымъ большею частью къ юго востоку отъ города, преимущественно по плодороднымъ степнымъ мъстамъ на съверъ киргизской окраины. Тажинъ образомъ, каждому изъ переселенческихъ пунктовъ назначенъ извъстный районъ, куда переселенческіе чиновники и обязаны направлять прибывающихъ на мъсто колонистовъ.

Довольно густо населенная область, примывающая въ Кургану, славится въ Сибири своимъ вемледеліемъ и въ особенности свотоводствомъ. Этой мъстности приписывается главивище починъ широво развившемуся въ южныхъ областяхъ тобольской губернін производству сливочнаго масла. Здёсь, впрочемъ, издавна уже приготовлялось въ значительномъ количествъ топленое воровье, тавъ называемое русское масло. Но въ прежнее время не было ни мастеровъ, ни надлежащихъ средствъ для производства, а также для дальней перевозки чухонского масла. Лишь съ той поры, какъ проведена въ Сибирь желъзная дорога, открылась возможность развить такое маслоделіе въ более шировихъ разм'врахъ. Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ особенности потому, что даже компетентные знатоки Сибири нервдво пессимистически отвывались по поводу проводимой въ пустынный врай желевной дороги, утверждая, что следовало бы помедлить проложениемъ рельсовъ до техъ цоръ, пова въ врав не вознивнеть промышленное развитие. При этомъ какъ бы упускается неъ виду, что для всяваго промышленнаго производства необходимы мастера и орудія, а въ пустынномъ врав не обрвтается ни техъ, ни другахъ. Благодаря лишь паровому транспорту и овазывается возможнымъ ввести въ дъвственный край, виъстъ съ развивающейся колонизаціей, также и промышленное производство. Подтвержденіемъ могуть служить даже такія простыя, несложныя, но широко развившіяся вдоль по желівной дорогів сливочно-маслодельныя производства. И въ самомъ деле, лишь съ отврытіемъ парового движенія оказалось возможнымъ снабдить

маслодёльные заводы сепараторами и умёлыми мастерами. На заврытой недавно выставкё маслодёлія въ Кургані экспонировали слишкомъ триста фирмъ. На состоявшемся нослі того събеді маслодівловъ постановлено въ настоящее время устроивать такіе събеды ежегодно, расширить сіть народныхъ шволь въ Западной Сибири, основать спеціальныя училища маслодівлія, издавать "молочную" газету. Для перевозки сливочнаго масла при желівной дорогі устроены особые вагоны-ледники бізлаго, молочнаго цвіта. Въ нихъ льдомъ поддерживается низкая температува. Събедъ постановиль увеличить число этихъ вагоновъ, и вмісті съ тімъ ускорить въ нихъ перевозку. Сверхъ того, имівется въ виду учредить прямой скорый побездъ, который предполагается отправлять изъ Сибири въ Ригу разъ въ недівлю. Въ літнее же время, во избіжаніе порчи масла въ дорогі, побездъ этоть будеть составляться исключительно изъ вагоновъ-ледниковъ.

Даже въ настоящее время сливочное масло въ значительномъ количествъ препровождается черезъ Ревель въ Гамбургъ и Лондонъ. По этому поводу съвздъ ръшилъ также назначить отъ себя представителя для защиты интересовъ маслодъловъ въ Англіи. Въ истекшемъ году, какъ сообщаютъ мъстныя газеты, провезено черезъ сибирскую границу свыше пятисотъ пудовъ масла, и наибольшее количество его было доставлено изъ курганской области. Въ нъкоторыхъ мъстахъ помышляютъ даже объ открытіи сыроваренъ; но до сихъ поръ все еще великъ спросъ на знающихъ дъло мастеровъ. Послъдніе, конечно, не замедлятъ наъхать по желъзной дорогъ, точно такъ же, какъ съ переселенцами понаъхало уже не мало всякихъ другихъ опытныхъ мастеровъ въ родъ плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ; между ними появились тоже искусные строители водяныхъ и вътряныхъ мельницъ, также възлокъ и молотилокъ.

Однако, здёшнее маслодёліе не обошлось безъ нёкоторой борьбы съ препятствіями. Посётивъ одного изъ здёшних маслодёловъ, я узналъ отъ него, между прочимъ, что въ какомъ-то общирномъ поселкё въ прошломъ году община пріобрёла сепараторъ и завела у себя общественное производство сливочнаго масла. Но, вотъ, въ село явился одинъ изъ мёстныхъ комерсантовъ и предложилъ крестьянскому міру продать ему сепараторъ и поставлять ему же молоко по сорока коп'векъ за пудъ. Для достиженія своей цёли, сказанный комерсантъ подкупилъ главныхъ воротилъ сельскаго общества и старосту. Послёдніе уговорили крестьянъ согласиться на предложеніе купца, а онъ, сверхъ того, выставилъ нёсколько ведеръ вина, и въ концё кон-

цовъ вавладълъ "молоканкой", какъ крестьяне называють сепараторъ. Потомъ купецъ завелъ весьма доходную маслодъльную фирму, лишивъ, такимъ образомъ, крестьянъ поселка значительной прибыли. Это дъло, безъ сомивнія, мало говорить въ пользу господствующей въ Сибири сельской общины въ борьбъ ея съ капиталистическими покушеніями.

Мой знакомый маслодълъ сообщилъ мив еще другое извъстіе, изобличающее, между прочимъ, крайнее невъжество здъшнихъ поселянь. Въ южныхъ областяхъ тобольской губерніи за посл'ёднее время установилось полившиее бездождіе, такъ что враю грознав неурожай. А между тёмъ, въ этой мёстности за последніе четыре года широко развилось маслодельное производство. Благодаря выгодному сбыту этого продукта, всёхъ обуяла лихорадка маслоделія, и въ край обнаружилась небывалая дотоль въ Сибири випучая дъятельность. Однаво, мъстные врестьяне стали врайне подоврительно относиться въ этому непривычному для нихъ делу. Когда въ крае на телятъ напала большая смертность, то поселние приписали это маслодёлію и особенно заведению сепараторовъ. "Дело въ томъ, -- объяснилъ мой знавомый, -- что врестьяне, сбывая выгодно молово, лишали телять нормальнаго питанія, и последніе, вонечно, хилели". Сепараторъ туть, какъ видно, ни при чемъ. Но воть, среди лъта, вогда враю опять стала угрожать засуха, врестьяне мірскимъ приговоромъ постановили, чтобы запрещено было продавать молоко маслодъламъ, и, сверхъ того, потребовали уничтоженія "моловановъ", тавъ какъ онъ, будто бы, и причиняють бездождіе. Крестьяне грозили даже лишить жизни самихъ маслодъловъ, тавъ что последние спасались бегствомъ, и для воястановления сповойствія въ врай потребовалось даже вийшательство ийстной администраціи.

Выбхавъ изъ Кургана въ часъ по полуночи, я удобно проспаль въ вупо до самаго разсебта. Когда же проснулся и огладълся въ окно, то мий показалось, что передо мной разстилается новый край; для меня тутъ все было ново: по объ стороны рельсовъ словно волнами раскинулась Ишимская степь, съ разсыпанными по ней въ большомъ числъ свътлыми озерами. Вода въ нихъ большею частью горько-соленая и мало пригодная для питья. Здъшняя мъстность и носить даже назване "горькой линіи". Мий страннымъ казалось, что на озерахъ почти вовсе не было видно птицъ, тогда какъ бхавшій съ нами охотникъ увъралъ, что въ тростникахъ водится много всякой дичи. Кое-гдъ но степи попадаются перелъски. Мелеая трава успъла ужевъ вонцъ мая – пожелтъть отъ солнечныть лучей. А между тъмъ, воздухъ былъ довольно свёжій: на развёщанныхъ въ вагонахъ термометрахъ Реомюра оказалось даже среди дня не болье шести градусовъ тепла. Когда я заявилъ моему сосъду по купо, что, по моемъ вывздв изъ Москвы, почти двв недвли тому назадъ, тамъ было уже гораздо геплъе, то онъ возразилъ: "У насъ, въ Свбири, разв' въ ікіл' бываеть такъ тепло, какъ въ Москв'. И дъйствительно, въ іюль, какъ оказывается, въ Ишимской степи термометръ также поднимается иногда до тридцати градусовъ; вато, въ январъ, бываеть болъе сорова градусовъ морова; такъ что разность между наивысшей и наименьшей температурами превишаеть даже семьдесять градусовъ. Несмотря на то, Ишимская степь, по своему плодородію, считается одною изъ житницъ Сибири. А все-тави, попадавшіеся по пашнямъ всходы овса новазались мей весьма скудными. Мой сосёдъ удостовёрялъ меня, что съ самой весны въ степи не было дождей, и оттого трава и всходы такъ освудели.

Для меня, впрочемъ, было ново также то, что эти пашни не тянулись узвими полосами, какъ при русскихъ деревняхъ, а напротивъ, разстилались правильными шировими четыреугольниками, иногда въ цълую десятину и болъе величиною. Пашии здъшнихъ поселянъ могли на самомъ дълъ раскинуться такими шировими площадями, благодаря именно тому, что здъшнимъ врестьянамъ отводится на душу по пятнадцати десятинъ вемли.

Попадавшіеся по пути поселки представились мий тоже какъ бы въ новомъ видй. Это были уже не тй встричающіяся повсюду по Великоруссіи избы, съ растрепанными соломенными крышами, похожими издали на скирды прогинисй соломи. Здйсь, напротивъ, начиная съ самаго Челябинска, мий представлялись просторныя, тесомъ крытыя избы, зачастую въ шесть оконъ съ лицевой стороны.

Новую особенность являли для меня также видивиніяся по объ стороны рельсовь изгороди, прясла которыхь состоять изъ горизонтальныхъ жердей въ три ряда. Ими окружаются значительныя поляны, называемыя паскотинами; туть пасутся лошади и рогатый скоть, не въдая пастуха. Миъ показалось это новшествомъ, такъ какъ у насъ въ селахъ тверской и другихъ губерній такими же тынами огораживають обыкновенно хлъбныя поля, а скотина подъ присмотромъ пастуха ходить по пустошамъ и открытымъ выгонамъ.

Въ одномъ мъстъ такая изгородь напомиила мив всюду встръчающеся въ Америкъ такъ называемые фэнсы. Такая ограда

состоять изъ расколотыхъ вдоль бревенъ, сложенныхъ концами другь на дружей зигзагомъ, такъ что каждое звено съ другимъ составляетъ то входящій, то выходящій тупой уголъ. Вышиною въ рость челов'ява—такая ограда служить надежною охраною для паскотины.

Мъста, гдъ рельсы пересъкаются проселочными дорогами, также напоминали мнъ американскіе порядки. По такимъ перекресткамъ американцы выставляютъ обыкновенно на двухъ високихъ столбахъ продолговатую доску, предписывая на ней проъзжающимъ, чтобы они осматривались по объ стороны рельсовъ. Въ Сибири же у такого проъзда на столбикъ прибита квадратная доска съ лаконическою надписью: "Берегись поъзда". Такимъ обравомъ, и здъсь тоже сберегается лишній расходъ на сторожей; въ Сибири, впрочемъ, изръдка все-таки встръчаются при перекресткахъ и сторожа, проживающіе въ домикахъ возлѣ полотна желъзной дороги.

Миновавъ нъсколько разъвадовъ и станцій, съ ихъ безплатвими вмиятками и торгующими разною снъдью врестьянками, вобадъ подошелъ въ впадающей въ Иртышъ ръчев Ишимъ, давшей названіе общирной степи. Перевхавъ эту ръву по желъзвому мосту, локомотивъ поднялся съ вагонами на другой берегъ и подкатилъ въ большой станціи Петропавловскъ. Здъсь, на шатформъ показалось нъсколько человъкъ узкоглазыхъ киргизовъ, составляющихъ въ качествъ кочевниковъ главное населеніе киргизокой степной окраины.

Мѣстность, по веторой мы провыжали, служить поприщемь общирнаго екотоводства. Эта отрасль сельскаго хозяйства для Своири вообще имъеть весьма важное значеніе, и если върить показаніямъ сибирскихъ статистивовъ, то количество крупнаго и мелкаго скота доходить до 25 милліоновъ головъ. При всемъ томъ скотоводческое хозяйство, по небрежности кочевниковъ, неръдко подвергается разнымъ невзгодамъ и въ особенцости неизбълнымъ повальнымъ болъзнямъ, сильно разоряющимъ здъщнихъ поселянъ. Простой народъ, по невъжеству, не довъряетъ ветериварамъ, и потому зачастую скрываетъ извъстіе о появившейся зназоотіи. Опоздалыя мъры, принимаемыя врачами, оказываются большею частью тщетными. Обязательное страхованіе скота могло бы еще послужить болье надежною мърой, но такое средство было бы возможно только при существованіи вемства, а оно, къ сожальню, до сихъ поръ еще не введено въ Сибири.

Несмотря на эти невзгоды, въ Петропавловскъ и его окрестностих открыто много салгановъ, и вообще по всей мъстности.

расположенной бливъ съверной окраины далеко раскинувшейся къ югу Киргизской степи, переработываются въ значительныхъ размърахъ разные продукты скотоводства. Благодаря здъшнимъ заводамъ, изъ Петропавловска въ разные концы Россіи и Европы, помимо коровьяго масла, вывозится значительное количество мороженаго мяса, разныхъ невыдъланныхъ кожъ, овечьей и козьей шерсти, конскаго волоса, роговъ и копытъ. Сверхъ того, отправляются черезъ Ревель за границу овчины и козлины; а въ Берлинъ и Гамбургъ идетъ большое количество упакованныхъ въ бочонки кишекъ на колбасное производство. Напомнимъ также, что мороженое мясо поставляется даже въ Кропштадтъ, гдъ оно служитъ пищею морскимъ командамъ.

Заметимъ встати, что до проложенія железной дороги значительная часть этихъ продуктовъ забрасывалась и пропадала даромъ, за недостаткомъ средствъ сообщенія. Въ настоящее время, напротивъ того, промышленность степного скотоводства, благодаря паровому транспорту, станетъ, конечно, еще болве расшириться съ годами. Однако, для болве успвшнаго развитія свотоводства, необходимо прежде всего заселить виргизскія овранны русскими колонистами. А между тъмъ, по этому поводу русской администраціи предстоить преодольть немалыя затрудненія. И въ самомъ дёлё, правители виргизскихъ степей давно убёдились въ необходимости ввести туда русскій элементь: они поощряли переселеніе въ степи; но виргизы съ своей стороны, вакъ искоиные владетели этихъ общирныхъ пространствъ, недружелюбно принимали русскихъ переселенцевъ. Вторгаясь иъстами самовольно, последніе нередко силой захватывали виргизскія земли. Вследствіе этого происходили бурныя стольновенія, доходившія даже до убійства. Киргизы мстили за захваты своихъ пастбищъ повражами лошадей -- барантой, какъ это называется у нихъ; а русскіе поселяне въ тавихъ случаяхъ нередко прибегали въ самосуду, въ такъ называемому у американцевъ линчу, и отплачивали за баранту лишеніемъ жизни.

Для устраненія подобных неурядиць, областная администрація постановила правиломъ, чтобы поселенцы арендовали земли у виргизовъ, обращаясь притомъ непосредственно въ твиъ обществамъ или лицамъ, воторымъ принадлежитъ арендуемая земля. Поощряя аренду киргизскихъ земель, уъздные начальники всячески пытались уговорить туземцевъ, чтобы они допускали врестьянъ въ водворенію. Послъдніе иногда на арендуемыхъ участкахъ спъшили выстроить церкви, въ увъренности, что виргизская земля, на которой вооруженъ врестъ, окончательно останется за нами. А между тъмъ, не мъшаеть замътить, что сами переселенцы оказываются крайне неусидчивыми; порвавъ связь съ родемии мъстами, они не скоро пріурочиваются въ новому поселеню и все думають, какъ бы найти получше мъста. Выпакавъ до истощенія степную цълину и привыкнувъ къ такому ищническому козяйству, они не желають перейти къ другой, болье раціональной системъ земледълія, а потому только и поиншляють о томъ, какъ бы прінскать новый плодородный участокъ.

Желая, съ одной сторовы, удовлетворить переселенцевъ, а съ другой-не обездолить вочующихъ виргизовъ, администрадія за последнее время приступила навонець въ обстоятельному взученію вемлевладінія и хозяйства туземнаго населенія, имізя въ виду выяснить, какое пространство земли необходимо предоставить кочевникамъ для прокориленія ихъ семействъ. Сверхъ того, начальство пытается всячески побудить самихъ гизовъ перейти въ осваному образу жизни. На такой конецъ недавно быль даже предложень проекть ссудныхь кассь для туземцевъ. Эти кассы имъють цълью выдавать киргизамъ ссуды на удовлетвореніе хозяйственных и семейных нуждь, главиййше съ темъ, чтобы пріурочить кочевниковъ въ оседлости. Однако, привывнувъ искони въ кочевому свотоводству по общирнымъ луговымъ пространствамъ своихъ родныхъ областей, виргизы туго подваются такимъ приманкамъ и врайне негодують на новые порядки, вознившіе съ проведеніемъ желевной дороги.

Надо совнаться на самомъ дёлё, что этоть паровой двигатель, овладёвая дёвственнымъ враемъ и внося въ него несомеженыя блага цивилизаціи, составляеть для этихъ кочевниковъ грозную роковую силу, расшатывая до основанія сложившіеся испоконъ вёка устои ихъ быта.

Не одни кочевники терпять тяжкія невзгоды оть проведенія рельсовыхъ путей: сибирсвимъ старожиламъ они также пришлись не по нраву. Иначе оно и быть не могло: въ минувшее блаженное время они ни о какихъ надёлахъ не вёдали; всякій паканъ на полномъ раздольё, гдё ему приглянется, и, выпахавъ въ одномъ мёстё до того, что вемля истощалась и начинала давать скудные урожан, старожилъ переходилъ на другую новину. Прежде сибиряви, бывало, даже охотно принимали въ свою общину приходившихъ изрёдка изъ Россіи новыхъ поселенцевъ, такъ какъ, явившись безъ средствъ въ Сибирь, эти пришельцы на первыхъ порахъ зачастую поступали къ нимъ въ батраки и представляли такимъ образомъ для нихъ подспорье дешеваго

труда. Но, воть, по рельсамь внутрь страны нахлинуля стан голодных переселенцевь, и старожилы стали опасаться, какъ бы, съ водвореніемъ этихъ новыхъ пришельцевъ въ ихъ селевіяхъ, не стали вводиться новые, непригодные для нихъ россійскіе порядки; а потому старые сибиряки всячески стараются избавиться отъ этихъ новыхъ поселенцевъ. Тёмъ еще болёе, что вийстё съ этимъ завелись новые порядки землеустройства, въ свлу которыхъ старожиламъ начали отводить по 15 десятинъ удобной земли на душу, а затёмъ у нихъ отбирались лишнія земли для ожидаемыхъ изъ Россіи пришельцевъ. Если же старымъ поселеніямъ отводилось свыше 15 десятивъ на душу, то старожилы обязывались принимать до полнаго комплекта новыхъ членовъ въ свое общество.

Повинувъ Петропавловскъ, побадъ пошелъ вдоль южной границы тобольской губернін, потомъ врезался въ северную окранну Киргизской степи. По сторонамъ синвли здесь и тамъ горькосоленыя озера все той же Ишимской степи. Подойдя въ Иртышу, повздъ переватилъ черезъ рвку по превосходному длинному желівзному мосту. Замівтимъ здівсь истати, — сколько бы желівзная дорога ни страдала, до поры, до времени, отчасти отъ недостатвовъ постройки, отъ проложенія легковісныхъ рельсовъ, однако, что касается жельзных мостовь, перекинутыхь черезь широкія ръви, то они вообще по ихъ сооружению являють, можно свавать, последнее слово технического искусства. Такъ что со временемъ, когда легковъсные рельсы замънится болъе солидными и устранятся другіе недостатви дороги, эти мосты останутся нетронутыми въ своемъ настоящемъ видъ. Перевхавъ на другой, правый берегь Иртыша, повздъ въ девятомъ часу вечера подошель въ станція Омсвъ.

Ш.—Омскъ и Вараба.

Крѣпость — Мертвый Домъ. — Знамя Ермака. — Кадетскій корпусъ — Базаръ. — Переселенческій пункть. — Колонисты-нѣмцы. — Отдѣлъ Географическаго общества. — Барабинская степь. — Обь. — Ново-Николаевское. — Тайга. — Заники. — Грабежи. — Почтовый тракть.

Самый городъ расположенъ въ трехъ верстахъ отъ станціи, какъ разъ въ углу, при впаденіи р. Оми въ Иртышъ. Новая гостиница въ Омскъ оказалась весьма солидною: въ ней были опрятные и удобные номера, отопленіе водяное; но такъ какъ въ городъ не устроенъ еще водопроводъ, то приходится подвозить

въ домъ ежедневно по двадцати и болве бочевъ воды. Можно било воспользоваться и ванной, что вмёстё съ бёльемъ стоило рубль.

Когда я вышель на немощеную улицу, то меня врайне поразвла непролазная грязь: нельзя было спуститься съ дощатаго тротуара, не рискуя увязнуть въ крайне липвой почев. Несмотря на то, что въ Омскъ переведена была резиденція генераль-губернатора, что городъ служить средоточіемъ управленія степного края, что это -- самый населенный городъ тобольской губернін, весь онъ состоить большею частью изъ деревянныхъ домовь, и кое-гат лишь попадаются каменныя зданія общественнихь учрежденій, въ род'в мужской и женской гимназій, техническаго училища, фельдшерской школы, да сверхъ того еще нъсколько частныхъ ваменныхъ домовъ. А впрочемъ, за последніе года, этотъ служившій въ прежнее время пустымъ угломъ, съ преобладаниемъ чиновинчьяго люда, городъ, подъ вліяниемъ парового транспорта сталь видимо измёнять свой обликь. Въ немъ появились банки, конторы разныхъ торговыхъ фирмъ, заводы; сюда наважають комми-волжеры, купцы не только русскіе, но также иностранные. Образовавшійся въ трехъ верстахъ отъ Омска поселокъ Царскій-Хуторокъ разростается изо дня въ **ж**нь.

Добравшись по грави вое-какъ до доревяннаго моста, перевинутаго черезъ ръчку Омь и перейдя на другой берегъ ръки, я по раскинутому вблизи саду пробрался на прямую улицу и увидель передъ собою не очень высокія, ваменныя, желтоватаго цвъта ворота, похожія на тріумфальную арку. На нихъ подъ варнизомъ значится надпись: "Омская 1791 года". Я вошелъ въ бывшую омскую крепость, выстроенную на защиту русскихъ поселенцевъ отъ нападавшихъ на нихъ въ былое время туземцевъ. Пройдя съ сотню шаговъ по прямой улицъ, я направо увидель общирныя каменныя казармы. Далее, наискось противъ нихъ, стоитъ небольшой домъ дисциплинарной роты, передъ которымъ прохаживался солдать съ ружьемъ. Здёсь, навъ увёрнлъ мозяннъ гостинияты и какъ предполагаютъ мъстные жители вообще, и находилась, будто бы, тюрьма, въ которой протомились четыре года на каторгв нашъ славный романисть Достоевскій н поэтъ Дуровъ. Однако, такое предположение оказывается невърнымъ, въ чемъ легво убъдиться по описанію въ "Запискахъ въ Мертваго Дома" Достоевскаго. Тамъ именно сказано: "Острогъ нашъ стоялъ на враю (а не внутри) връпости, у санаго врепостного вала". Въ настоящее время на этомъ краю

врѣности, на мъстъ бывшаго Мертваго Дома, стоятъ новыя зданія.

Проходя далье, я внутри упраздненной крыпости, помимо казариъ, замытиль еще нысколько каменныхъ домовъ военнаго выдомства, а именно—военнаго суда, больницы, интендантства и пр. Такимъ образомъ, внутренній районъ лишенной прежнихъ стыть крыпости до сихъ поръ сохранитъ свой воинственный обливъ. А далье, на другомъ концы оказались еще другія, такія же, какъ видыныя мною прежде, каменныя ворота, съ надписью: "Тарскія 1791 г.". Эта арка фронтомъ обращена къ небольному, лежащему по направленію къ сыверу, на лывомъ берегу Иртыша, городу Тара.

Въ началъ своего существовавія Омскъ служиль казацкою станицею, и казаки выстроили здёсь свою церковь, а именно Никольскую. Постивъ эту казачью церковь во время совершавшагося въ ней молебна, я обратился къ пожилому дьячку съ вопросомъ, гдъ находится помъщенное здёсь казаками знамя
Ермака. Привътливо улыбнувшись, дьячокъ подвелъ меня къ лъвому краю алтаря и указалъ на стоявшую здёсь высокую хоругвь. На блестящемъ бронзовомъ древкъ насажена такая же
бронзовая красивая рама, въ которую и вставлено не очень
большое старое знамя, перевезенное усердными казаками изъ
Березова. На одной сторонъ красками изображено, какъ Архангелъ Михаилъ поражаетъ коньемъ дьявола, а на другой — какъ
святой Дмитрій низвергаетъ въ пропасть Кучума.

На другой сторонъ улицы, противъ храма вытинулось довольно длиниое ваменное, выбъленное зданіе съ шировой лъстницей, на платформъ которой высилось шесть бълыхъ волоннъ, а надъ ними значилась надпись: "Сибирскій вадетскій корпусъ".

Проходя берегомъ Иртыша внизъ по теченю, я набрелъ на базарные ряды, раскинувшеся на нъсколько возвышенной площади. Эти ряды своими лавчонками и шалашами напомнили миъ расположенные, по воскреснымъ днямъ, рынки въ Москвъ на Сухаревской площади. За чертой города, куда я вскоръ вышелъ, находился поселовъ, при которомъ въ разныхъ концахъ возвышалось около двадцати вътряныхъ мельницъ съ вертящимися крыльями. Эти мельницы, какъ мнъ говорили, воздвигнуты прибывшими изъ Россіи переселенцами.

Въ полуверстъ отъ желъзнодорожной станціи посътиль я переселенческій пунктъ, подобный челябинскому, но не въ такихъ общирныхъ размърахъ. Тутъ, на отгороженномъ довольно просторномъ дворъ стояло всего двъ большія срубныя избы, на-

значения для переселенцевъ; а сверхъ того, въ особенномъ домъ помъщалась скромная библіотека. Снаружи, за оградой, на площадкъ было раскинуто съ дюжнну виргивскихъ юртъ, врытыхъ темно-сърыми вошмами. Лътомъ онъ также служатъ пріютомъ въ случать чрезифрнаго накопленія переселенцевъ. Г'ядомъ съ этимъ пунктомъ расположенъ вазенный складъ земледъльческихъ машинъ и орудій.

Хозяннъ гостинницы сообщилъ мнѣ, что верстахъ въ сорова отъ Омска, къ югу, недавно возникло селеніе, въ которомъ водворились преимущественно нѣмцы, какъ надо полагать, выходды изъ нѣмецкихъ колоній по Волгѣ. У нихъ чистенькіе, выбѣленные дома и всѣ хозяйственныя постройки въ отличномъ видѣ. Они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, и производять значительное количество льна и сливочнаго масла.

Не добажая до Омска, на станцін у Петропавловска я уже узналъ, что недалево оттуда тавже появились нёмецвіе волонисты лютеранскаго въроисповъданія. Затэмъ въ газетахъ появыюсь извёстіе, что на свверо-востов отъ Омсва значится оволо полутораста тысячь десятинь частновладёльческой вемли, изъ которой половину уже пріобрёли себе немцы. Они, сверхъ того, делтельно разъисвивають новыя продажныя земли. Хотя, по общемъ правиламъ, вся земля въ Сибири, за исключениемъ Алтайской области, составляеть собственность государства и признается казенною, однаво, въ былые года правительство продавало въ тобольской губерніи земли частнымъ лицамъ. И воть въ Омскв, какъ говорять, появились уже агенты, съ твиъ чтобы скупать такіе участки. Во всякомъ случав, однако, если судить по всвиъ сообщаемымъ свёдёніямъ, трудолюбивые нёмецвіе волонисты пріобрътають земли не въ видахъ спекуляціи, а напротивъ, съ цвлью продувтивной земледвльческой двятельности, и въ этомъ отношении они, конечно, составляють весьма производительный для Сибири элементь колонизаціи.

Въ особомъ зданін города поміщается Западно-сибирскій Отділь Русскаго Географическаго Общества. Въ издаваемыхъ имъ запискахъ сообщаются интересныя свіддінія по изслідованіямъ Западной Сибири. Въ томъ же зданіи этого Отділа поміщаются музей, библіотека и метеорологическая станція. По поводу послідней замітимъ истати, что комитеть сибирской желізной дороги за посліднее время снабдиль значительными средствами метеорологическія станціи вдоль рельсоваго пути и вокругь Байкала, положивъ такимъ образомъ прочное начало организаціи правильной метеорологической службы въ Сибири. Такое цілесообразное распоряжение вомитета имъетъ главною цвлью снабжать желвянодорожное начальство заблаговременно предостережениями касательно угрожающихъ метелей вдоль рельсовъ и бурь на Байкалв.

Въ томъ же Отдълъ Географического Общества истевшею зимою производились научно-популярныя чтенія, сборъ съ воторыхъ назначался въ пользу потерпъвшихъ отъ прошлогодняго неурожая. Всего было прочитано около двадцати лекцій. Въ нихъ принимали участіе м'ястный врачь, учитель гимназіи, метеорологь, служащій при здішней станціи, и преподаватель кадетскаго ворпуса. Предметами для чтенія служили: "Пищевые продукты", "Атмосфера земли", "Жизнь Радищева", "Политическое деленіе Африки", "Дыхательные органы человека". Однаво, наиболее умъстною и полевною для Омска оказалась лекція подъ заглавіемъ: "Принципы оздоровленія городовъ вообще и въ частности по примъненію въ городу Омску". Левторъ весьма основательно выясниль при этомъ невозможныя санитарныя условія Омска съ его непролазною грязью и крайне испорченною водой. Выводы почтеннаго левтора могли бы, пожалуй, послужить полезнамъ увазаніемъ не только для Омска, но вообще для всёхъ немощеныхъ городовъ въ Сибири.

Пробывъ въ Омскъ два дня, я въ одиннадцатомъ часу вечера побхаль далбе по желбаной дорогь. Утромъ на разсвъть передъ нами во всъ стороны разстилалась Барабинская степь съ разсыпанными по ней во множествъ солеными озерами и молодыми березками. Барабу и называють здёсь поэтому "березовою степью". Ивъ озеръ самое большое, Чаны, раскинулось въ 45 верстахъ къ югу отъ рельсовъ. Березовыя рощицы или, какъ ихъ зовуть мъстные жители, колки, картинно разрослись мъстами по растянутымъ вдоль степи подъемамъ, словно по грядамъ, по такъ называемымъ здёсь гривамъ. На широкихъ верхнихъ площадяхъ последнихъ залегаетъ черноземная почва, поврытая местами веленъющими нивами. Благодаря этимъ гривамъ, съ подъемами по отлогому свлону съ одной стороны и спускомъ по такому же скату съ другой, степь напоминаетъ собою взволнованную поверхность американскихъ степей. Трава по Барабъ ростеть отчасти жествоватая; здёсь нигдё не видать мягкой муравы, какою покрываются обывновенно русскіе дуга. Зато по сибирскимъ степямъ попадаются цвъты, какихъ не приходится видъть у насъ въ Россіи. Изъ густой зелени мъстами ярко выглядываютъ цълыми купами оранжевыя головки тюльпановъ. Народъ мътко прозвалъ ихъ "огоньками". Въ иныхъ мъстахъ показывались нарциссы; здъсь и тамъ на кустикахъ росли одиновіе, крупные, но только не махровые піоны. По той же степи осенью, на возвратномъ пути, я видѣлъ также много прекрасныхъ лилій яркаго желтаго цвѣта. На станціяхъ мальчики и дѣвочки изъ сосѣднихъ поселковъ, бѣгая по платформѣ, предлагаютъ пассажирамъ за гроши большіе букеты красивыхъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Подъйхавъ рано утромъ въ станціи Карачи, я въ недавно раскинувшемся по сосёдству поселей, Новопокровскомъ, съ удивленіемъ замётилъ, что крыши новыхъ избъ покрыты не тесомъ, какъ вездё въ сибирскихъ деревняхъ, а дерновой землей. Дёло въ томъ, что въ степи крупныя деревья давно порублены, а ростетъ только мелкая береза; потому въ такихъ мёстахъ лёсъ вообще дорогъ, и тесъ на крышё замёняется дерномъ.

Въ иныхъ селахъ случалось видёть торчащія кверху надъглубокими володцами длинныя слеги очеповъ, изв'єстныхъ у народа подъ названіемъ журавъ. Дёло въ томъ, что вода въ состанихъ озерахъ зачастую бываетъ крайне дурного качества, а нотому поселянамъ приходится рыть колодцы на вначительную глубину. Однако, въ той же стени попадаются озера, прославивнинся своими целебными свойствами. Вхавшіе въ одномъ купо со мною двое пассажировъ, страдавшіе ревматизмомъ, на одной изъ станцій покинули вагонъ съ темъ, чтобы на лошадяхъ направиться къ такому целебному оверу на юге, по имени Инголъ.

На разсвете другого дня, поевда подошель въ Оби, и передъ нами, вдоль праваго холмистаго берега реки, на несколько версть въ длину вытянулось громадное село Ново-Николаевское. Издали, какъ казалось, оно было скоре похоже на городъ. Это за последнія пять-шесть лёть развившееся селеніе составляеть также продукть животворной силы парового двигателя. Пережавъ прекраснымъ железнымъ мостомъ черезъ широкую Обь, мы на другой стороне поднялись къ станціи того же имени. Туть у подъезда пассажировъ поджидали извозчики, экипажи которыхъ состояли большею частью изъ простыхъ плетенокъ. Немалое число экипажей служило уже свидетельствомъ значительнаго населенія въ местечев. По всему видно, что этотъ поселокъ въ не очень далекомъ будущемъ преобразуется въ настоящій городъ.

Повинувъ эту станцію, повздъ перенесъ насъ въ холмистую мъстность, поврытую отчасти перелъсками. Пересъвши нъсколько ръчекъ по деревяннымъ мостамъ и перевхавъ потомъ черезъ впадающую въ Обь ръву Томь по желъзному мосту, повздъ връ-

Томъ І.—Январь, 1903.

зался въ мъстность, покрытую дъвственнымъ лъсомъ, такъ называемою здёсь тайгою. Черневющіе обгоредые пни по об'є стороны рельсовъ, мрачный, непривътливый боръ, состоящій большею частью изъ хвойныхъ деревъ, плотно разросшихся по топкому грунту, представляли врайне неприглядную картину. А вогда, впоследствін, я вадумаль-было пронивнуть внутрь тайги, то убедился на дёлё, что это было труднёе исполнить, чёмъ пройти по первобытному гропическому лесу, съ его ліанами и ценвими растеніями, въ Америкъ. Вообще, мив нигдъ на свътъ не случалось попадать въ такую суровую, непривътливую лъсную глушь. Туть я поняль, отчего наши врестьяне, которымь въ настоящее время, ва недостатномъ иныхъ угодьевъ, предлагаютъ селиться въ тайгъ, безъ оглядки возвращаются назадъ, въ покинутые ими родные врая. Тъмъ еще болъе, что въ этомъ бору на людей и на скотину нападаеть цёлая туча комаровъ, оводовъ и тому подобныхъ жестовихъ насъкомыхъ, извъстныхъ въ Сибири подъ общимъ названіемъ "гнусъ". Встрівчавшіеся по пути рабочіе спасались отъ этого неумолимаго гнуса, поврывая голову черною волосяною съткой, а не то просто чернымъ тюлемъ.

Проважая тайгою, я въ одномъ месте заметиль, что на деревьяхъ въ лъсу содрана кора у самаго вомля. Это мъсто, какъ овазалось, было заселено, и поселенецъ, вакъ было видно, очертиль здёсь лёсь, по выраженію сибирявовь, т.-е. для того, чтобы ваявить свое право на владеніе занятымъ имъ участвомъ, онъ сняль вору у вомля деревьевъ. Последніе, тавимъ образомъ, въ теченіе нъскольвихъ лътъ высыхаютъ и падаютъ, а не то ихъ срубаютъ и жгуть на мёстё. Затёмъ, поселенецъ расчищаеть землю, распахиваетъ, засъваетъ ее и такимъ образомъ заводитъ вдали отъ вакого-нибудь поселка свой отдёльный хуторь, или "заимку", вавъ говорять сибиряви. Все это живо напоминаеть мив подобные же пріемы такъ-называемыхъ въ Америвъ скватторовъ. Они, подобно заимщикамъ, очерчиваютъ лъсъ, воздълываютъ въ немъ почву и становятся неотъемлемыми владетелями захваченнаго ими участва. Къ сожалънію, однаво, наши заимщиви неръдво лишались права на владение своей заимкой: когда, по меръ стущенія населенія, воличество свободных участвов сильно совращалось и заимочная форма становилась стёснительною для сосёднихъ поселенцевъ, то заимка, со всвми прилежащими къ ней землями, зачастую насильственными мърами вводилась въ составъ сосъдняго селенія съ его общиннымъ строемъ. Такимъ образомъ, несмотря на мнимое изобиліе земель въ Сибири, наши сибирскіе свваттэры, эти настоящіе піонеры вемледельческой культуры въ

крав, нервдко лишались своего права на владение участкомъ, тогда какъ они сами своими трудами успели обратить безприотную тайгу въ плодородныя пашни.

Однако, съ 1898 года, отъ министерства земледёлія послёдовало распоряженіе такого рода: заимки, хозяева которыхъ прочно водворились на нихъ, выдёлялись при разверстке участковъ въ отдёльные отрубы такъ, чтобы оставались въ пользованіи на заимщиками. Благодаря такому постановленію, послёдніе усвоивають себё отвоеванныя ими у лёса земли, если и не въ полную собственность, то все-таки въ безсрочное владёніе, какъ оно вообще установлено въ Сибири по части казенныхъ земель...

Оволо часу по полудни повядъ сталъ подходить въ станцін, прозванной Тайгою, такъ какъ она окружена таежною м'ястностью. Пообъдавъ на этой станціи, мы двинулись далье. Туть я случайно узналъ о совершившейся здёсь не такъ давно странной пропажв. Въ воквалв перваго власса между пассажирами сидъла дама, какъ бы въ ожиданіи отходящаго повзда, и повидимому безпечно оглядывала пассажировъ. Потомъ, поднявшись со стула, она подозвала носильщика и, указавъ на чемоданъ, велвла вынести последній на платформу. Чемодань, какъ оказалось, принадлежалъ вупцу, воторый твиъ временемъ, попивая пиво, былъ занять интереснымъ разговоромъ съ пріятелемъ. Когда послышался звоновъ, купецъ хватился своей влади, но ен уже не было на мъстъ. Поисви купца и прислуги овазались тщетными: дама исчезла вивств съ чемоданомъ. Его, правда, вноследстви нашли недалеко отъ цервви, но онъ быль уже пустъ. Купецъ подалъ жалобу въ правление желъзной дороги, какъ будто вто-нибудь, помимо него самого, быль виновать въ этомъ. Лля разбора этого дёла быль вызвань чиновникь, но, разументся, и онъ ничего не могъ тутъ подблать.

Эта станція, съ раскинувшимся при ней поселкомъ, съ самаго возникновенія ея вообще прослыла наиболье опаснымъ мыстомъ по желывной дорогы. При всемъ томъ рельсовый путь, несмотря даже на окружающую непривытливую, опасную мыстность, и вдысь послужиль поводомъ въ развитію поселка. Надо замытить, что отъ этой станціи проложена особая вытвь къ городу Томску. И воть, до настоящаго времени то и-дыло слышатся жалобы обитателей поселка па кражи и грабежи. По улицамъ ночью ходить опасно: нападенія и драки доходять зачастую до убійства. И неудивительно: выдь окружающія станцію, едва доступныя таежныя дебри исповонь выка служили излюбленнымъ при-

тономъ бёглыхъ каторжанъ и всяваго рода бродягъ. Выходя няъ своихъ берлогъ, эти варнаки и наводятъ ужасъ на жителей поселка. Грабежи, впрочемъ, нерёдко случаются также въ иныхъ мёстахъ; въ виду непрекращающихся нападеній на поёзда по линіи Средней сибирской дороги, управленіемъ выписано было для вооруженія станціонныхъ и линейныхъ агентовъ нёсколько сотенъ винтовокъ и значительное количество боевыхъ патроновъ.

Мий пришлось, по выйздй изъ Омска, третью ночь провести въ вагонй. Утромъ на зарй мы перейхали по желйзному мосту черезъ довольно широкую рйку Чулымъ, впадающую въ Обь. Вслйдъ затймъ пойздъ подкатилъ къ станціи Ачинска. Этотъ уйздный городъ енисейской губерніи расположенъ верстахъ въ двухъ отъ станціи, на пресловутомъ Сибирскомъ трактв. Начиная почти съ самой Тайги, рельсы все время пролегаютъ по близости этого тракта, а містами даже пересівкають его. Пойздъ несся по холмистой містности, гді все еще показывались таежные ліса. Вечеромъ, но еще засвітло, мы подъйхали къ станціи Красноярска, въ которомъ рельсы опять сошлись съ завервувшимъ также въ этотъ городъ старымъ Сибирскимъ трактомъ. Отсюда послідній тянется до Иркутска, и затімъ, послії переправы черезъ Байкалъ, онъ заворачиваеть на югь и доходить до Кяхты.

Въ былое время по этому тракту изъ Иркутска тянулись обозы съ цибиками чая, вывезеннаго изъ Кяхты, и съ другими товарами; также нагруженные волотомъ ящики, подъ конвоемъ вооруженнаго отряда. По немъ же проходили этапами отправленные изъ Москвы "по Владиміркъ" ссыльные въ Сибирь. Пассажиры, пользуясь подорожной, проъзжали по тракту на лихихъ тройкахъ. Вспоминая то блаженное время, ямщики до сихъ поръ сильно негодуютъ на огненнаго коня за то, что онъ лишилъ ихъ прежней утъхи — проскакать на своихъ тройкахъ.

Овазывается, впрочемъ, что желъзная дорога не совсъмъ еще убила извозный промыселъ, а только сократила его размъры и уменьшила стоимость провоза. Дъло въ томъ, что зимой, съ установленіемъ саннаго пути изъ Томска въ Иркутскъ, до сихъ поръ чуть ли не ежедневно отправляются на лошадяхъ цълые обозы. Благодаря чрезвычайно дешевой перевозкъ, несрочные товары въ особенности охотно препровождаются на коняхъ. Дешевизна фрахта объясняется тъмъ, что въ Иркутскъ постояный спросъ на лошадей, отправка которыхъ по желъзной дорогъ обходится довольно дорого; благодаря же перевозкъ владей на лошадяхъ, предназначаемыхъ для продажи, оплачиваются такимъ образомъ расходы по доставкъ ихъ въ вагонахъ. На лъто, однако,

прекращается извозный промысель, и въ замънъ его бывшіе ямщики въ настоящее время принялись за хлъбопашество.

IV.-Красноярскъ.

Продажи извозчиковъ. — Улици города. — Набережная и музей. — Развалини часовии. — Видъ съ гори. — Антикварно-книжная торговая. — Городской садъ. — Лъсние пожари. — Сибирскій трактъ.

Повинувъ вагонъ на станців, я взяль извозчива и сказаль ему, чтобы онъ везъ меня въ гостинницу "Россія". Однаво, онъ сталъ увѣрять, что тамъ нѣтъ свободныхъ номеровъ, и отвезъ меня въ какое-то старое подворье. На другой же день я случайно узналъ, что извозчивъ предпочелъ подворье оттого, что получаетъ тамъ извъстную мзду за каждаго доставляемаго имъ нассажира. Хозяева отелей на своихъ карточкахъ предупреждають, правда, нассажировъ, чтобы они не вѣрили извозчикамъ, разглашающимъ, будто въ отелей нѣтъ свободныхъ номеровъ; но такъ какъ изъ отелей не высылаютъ агентовъ на станцію, то такое предупрежденіе оказывается обыкновенно запоздалымъ.

Улицы Красноярска оказались, правда, немощеными; однаво, прямыя и шировія, он'в подъ прямымъ угломъ пересіваются правильными переулвами, и обстроены довольно значительными по величинъ домами, отчасти каменными. Вообще, Красноярсвъ уже больше походить на настоящій городь, чёмь Кургань. Близь вовзала стоить общирное каменное здание технического училища. Двъ гимназіи, мужская и женская, также помъщаются въ преврасныхъ каменныхъ зданіяхъ. Широкая главная улица въ сухую погоду поливается: при мий по ней проважаль водововь съ кадкой и, черпая оттуда ведромъ воду, разливалъ ее по сторонамъ. Эта процедура овазалась нелишнею, тавъ вавъ иначе по вдішнить немощенымъ улицамъ пыль поднимается густыми тучами. Остальныя улицы, однаво, все-таки не поливаются. Тротуары состоять изъ досовъ. Пріятно было прогуляться по тавому дондатому тротуару вдоль набережной Енисея. Туть же рядомъ тянется, сверхъ того, бульваръ, а на водъ бливъ берега стоятъ жупальни и нъсволько конторъ пароходныхъ пристаней.

Проходя по набережной, я увидёль надъ ваменнымъ домомъ вывёску съ надписью: "Музей". Однако, онъ, какъ оказалось, въ теченіе лёта закрыть. Объяснивъ сторожу, что я въ городё проёздомъ и посулявъ ему на чай, я все-таки успёлъ проникнуть въ музей и осмотрёть его. Въ немъ, впрочемъ, выставлена

не очень значительная коллекція предметовъ, касающихся большею частью изученія инородческаго племени. Выходя изъ одной залы, я надъ противоположною дверью увидёль надпись: "Третье народное училище". За этой дверью, внутри обширнаго пом'вщенія, разставлены столы со скамейками для учащихся. Было какъ разъ вакаціонное время, и ученики были распущены.

Проходя по улицамъ, я по временамъ заглядывался на бълую часовню, которая высилась на вершинъ такъ-называемой Караульной горы. Эта гора врутыми сватами, поврытыми врасноватымъ мергелемъ, спускается къ ръчкъ Качъ, протекающей по городу и впадающей въ Енисей. Отъ этого врасноватаго крутояра городъ и заимствовалъ свое названіе. Бѣлая часовня наверху манила меня на гору, которая съ виду, какъ показалось мив, поднималась немногимъ выше нашихъ Воробьевыхъ горъ со стороны Москвы-ръки. Я переъхалъ по мостику черезъ ръчку Качу и, поднявшись немного по скату, миноваль раскинутый по немъ поселовъ. Отсюда торная тропа легвимъ подъемомъ привела меня прямо къ часовев. Взглянувъ на нее вблизи, я былъ врайне разочарованъ, такъ какъ увидёлъ передъ собою нёчто въ родф развалинъ недостроеннаго храмика. Вышиной около пяти саженей, эта восьмиугольная, кирпичная и выштукатуренная постройка, съ заостренной черной крышей, была увънчана шарообразной верхушкой съ вызолоченнымъ на ней крестомъ. Въ постройкъ продъланы были три обширныхъ прохода для предполагаемыхъ дверей и четыре большихъ овна, но безъ рамъ. Кругомъ и внутри ничего не было, за исключениемъ крупныхъ камней и обвалившейся штукатурки. Началь строить эту часовию какой-то мъстный золотопромышленникъ и по неизвъстной причинъ, не достроивъ, повинулъ ее въ настоящемъ видъ.

Присъвъ на одинъ изъ валавшихся возять часовни дикихъ камней и оглядъвшись кругомъ, я былъ вполнъ вознагражденъ при видъ раскинувшейся передо мною широкой живописной картины: внику, у подножія горы пробиралась рѣчка; по другую сторону ея расположился правильными улицами городъ, вытинувшись вдоль берега по сю сторону Енисея, а вправо, не въ дальнемъ разстояніи, виднълся великольный жельзнодорожный мостъ, перекинутый черевъ широкую рѣку. На другой сторонъ Енисея вытянулся хребетъ Кунсумскихъ горъ, покрытыхъ отчасти остроконечными, отчасти куполовидными сопками. У подножія хребта здѣсь и тамъ раскинуты довольно крупныя селенія. Вдосталь налюбовавшись этой картиной, недосягаемой ни для фотографіи, ни даже для кисти художника, я прежнимъ путемъ спустился съ горы.

Проходя по улицамъ, я случайно набрелъ на здѣшній базаръ, расположившійся своими лавчонками противъ стоящаго среди площади Рождественскаго собора. Надъ входомъ въ одну изъ лавокъ значилась надпись: "Антикварно-книжная торговля". Меня, разумѣется, крайне заинтересовала эта антикварія, и, вступивъ въ лавку, я попросилъ хознина показать мнѣ, какими древними изданіями онъ торгуетъ. Къ моему крайнему изумленію, онъ указаль на сочиненія Боборыкина, не такъ давно изданныя редакціей "Нивы". Они были отнесены къ антикварнымъ, вѣроятно, потому что были крайне истрепаны и испачканы. Впрочемъ, хозяинъ предложилъ мнѣ еще томъ стихотвореній Пушкина, затѣмъ также сочиненія Лермонтова. Иныхъ антикварныхъ произведеній я такъ и не могъ добиться, съ чѣмъ и покинулъ лавку.

Проходя, на другой день, по Воскресенской улицъ, которая признается главною, и осматривая магазины, я по вывъскамъ замътилъ, между прочимъ, что въ городъ совмъстно съ кондитерскими помъщаются обыкновенно колбасные продукты. Какое отношеніе состоитъ между колбасой и конфектами,—это осталось для меня загадкой. Тутъ же, по привлеенному къ стънъ объявленію, мнъ пришлось узнать, что въ городскомъ саду въ этотъ день назначена музыка. Я и отправился въ садъ. Около него, на улицъ торговцы бакалеями на лоткахъ предлагали лакомства проходящей публикъ. Тутъ же продавалось мороженое и стоялъ также низенькій шкапчикъ съ разными холодными квасами, сельтерской и лимонной водой. Такіе шкапчики съ прохладительными напитками попадаются обыкновенно въ сибирскихъ городахъ по улицамъ и перекресткамъ.

При входѣ въ садъ, у стола сидѣлъ господинъ и собиралъ съ каждаго посѣтителя по десяти копѣекъ за входъ. Тутъ же вблизи разведена клумба, поросшая красивыми цвѣтами. Далѣе, усыпанная пескомъ дорожка вела къ открытому въ саду ресторану, а вовлѣ него на эстрадѣ помѣщалось съ дюжину музыкантовъ, игравшихъ на скрипкахъ, флейтахъ, фаготахъ и тому подобныхъ инструментахъ. Среди довольно многочислепной публики, гулявшей по саду и сидѣвшей на скамьяхъ вокругъ эстрады, насколько я могъ замѣтить, не попадалось ни фэшіонебльныхъ щеголей, ни даже сановитыхъ купцовъ; по наружному виду мнѣ казалось, что она состояла большею частью изъ класса людей, относящихся къ такъ называемымъ разночинцамъ, отчасти также изъ мелкихъ чиновниковъ. Да и по улицамъ города вообще не приходилось встрѣчать иной публики. Иначе оно и быть не

могло: аристовратія въ Сибири не водворилась, оттого уже, что вдёсь нивогда не существовало крёпостного права, а потому и не было пом'єщивовъ-дворянъ. А богатые золотопромышленники и именитые купцы большею частью разъ'єзжаются въ разныя стороны по своимъ д'єламъ, въ особенности л'єтомъ. При томъ, въ вастоящее время, пользуясь жел'єзными дорогами, многіе изъ нихъ подолгу проживають въ Москв'є или Петербург'є.

Проходя далѣе по дорожвамъ, я замѣтилъ, что въ глубинѣ садъ болѣе походитъ на парвъ: тамъ раскинулись густыя рощи, поросшія соснявомъ, пихтой и березой, между которыми пролегали, впрочемъ, чистыя, пескомъ посыпанныя дорожви.

После трехъ-дневнаго пребыванія въ Красноярсяв, я вечеромъ вновь ваняль мъсто въ вагонъ, и поъвдъ двинулся далье по колмистой мъстности, покрытой то березами, то соснами, а мъстами и тайгою. Вдали виднълись горныя возвышенности. Утромъ, на заръ, показался въ сторонъ густой, поднимавшийся влубомъ дымъ. Тамъ где-то горель лесъ. Проезжая по дороге, я давно уже обратилъ внимание на встръчавшияся по объ стороны рельсовъ гари въ тайгъ съ почернъвшими обгорълыми пнями на елани, какъ называють сибиряки вообще обнаженныя площади въ лъсу. Сперва мив казалось, что пожары причиняются выдетающими изъ трубы докомотива искрами. Но меня по этому поводу уверяли, что такіе пожары повторяются каждой весною совсёмъ отъ другихъ причинъ: большею частью отъ небрежности самихъ поселять, а также промышляющихъ въ тайгъ охотниковъ и инородцевъ. Лъсниче ръдко могутъ добиться толку, отчего загорёлось въ лёсу. Иной разъ поважется дымовъ, и его легко было бы захватить съ самаго начала. Но извъстное дъло. упустишь огонь, не потушишь. А загораются лъса большею частью раннею весной, какъ разъ въ такую пору, когда врестьяне выважають въ поле на посвы; такъ что лесниче не въ состояніи собрать изъ отдаленныхъ деревень народъ для тушенія огня. Тавимъ образомъ зачастую погораеть по нёскольку десятковъ тысячь десятинъ ценняго леса. Вообще, число лесничествъ въ Сибири крайне ограниченное, а при всемъ томъ лъса служать важнымь подспорьемь въ врестьянском козяйстей: во многихъ мъстахъ заготовляются для локомотивовъ и пароходовъ дрова, -- ихъ сплавляють также въ города. Сверхъ того, существують еще другіе промыслы: крестьяне изготовляють полозья для саней, приготовляють также лопаты, ведра, совки и проч. Но для всякаго такого промысла необходимо брать билеть у лъсничаго, который иногда живетъ верстъ за сто отъ поселка. А потому врестьяне нерѣдко жалуются, что имъ приходится тратить много времени, лишь бы получить разрѣшеніе на рубку лѣса. Въ настоящее время, сверхъ того, администрація, въ видахъ охраненія лѣсовъ, сочла необходимымъ оградить отъ включенія въ участки наиболѣе цѣныя лѣсныя площади, которыя такимъ образомъ и причисляются въ казеннымъ лѣснымъ дачамъ.

Нашъ повъдъ все время продолжалъ двигаться въ сосвдствъ упомянутато Сибирскаго тракта. Близъ станцій, гдъ приходилось намъ останавливаться, то-и-дъло показывались старыя селенія на самомъ трактъ, постройки которыхъ своимъ прекраснымъ внъшнимъ видомъ свидътельствовали о зажиточности проживавшихъ въ нихъ крестьянъ. Мъстами попадались также вызванныя желъзною дорогой новыя селенія, занятыя большею частью выходцами изъ среднихъ черноземныхъ губерній. Эти новоселы повидимому также пользовались уже значительнымъ довольствомъ.

Въ одномъ изъ селеній близъ станціи Тельмы на Сибирскомъ трактв находится извъстная въ Сибири тельминская сувонная фабрика, принадлежащая Бълоголовому. На фабрикъ, вавъ оказывается, изготовляется лишь русское простое сувно грубаго качества. Не стоило бы, пожалуй, упоминать объ этомъ, но въ Сибири вообще промышленное производство до сихъ поръ такъ мало развито, что всякая попытка въ этомъ родъ возбуждаеть въ сибирякахъ сильныя надежды на будущіе успѣхи ивстныхъ промышленныхъ производствъ. Этому, конечно, должны способствовать улучшенія путей сообщенія. До настоящаго времени, однаво, Сибирь, какъ всякая молодая колонія, по невол'в покупаеть втри-дорога привозныя мануфактурныя изделія, а свои вывозные продукты земледалія и свотоводства продаеть по крайне низкой цене. Нельзя, однако, сомневаться въ томъ, что железная дорога послужить не только для вывоза сибирскихъ продувтовъ, но привлечетъ также производительныя силы въ страну и такимъ путемъ вызоветь развитие промышленной двятельности въ болъе шировихъ размърахъ, вавъ уже и въ настоящее время она успъла даже на нашихъ глазахъ вызвать нъкоторые проинслы...

Пройдя еще нъсколько десятковъ верстъ лъвымъ берегомъ Ангары и пересъкци деревяннымъ мостомъ впадающую въ нее ръку Иркутскъ, поъздъ раннимъ утромъ подкатилъ къ станціи Иркутска.

Эд. Циммерманъ.

моя жизнь

H

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминания и замътки.

Настоящее уныло... Что прошло, то будеть мило. *Пушкинъ*.

Былое въ сердић воскреси, И въ неиъ сокрытаго глубоко Ты духа жизни допроси. Хомяковъ.

Когда впереди зіяетъ могила, а назади бьетъ ключомъ прошлая живнь, полная испытаній, приключеній и впечатлівній, — тянешься въ этому прошлому, былому. Вспоминается оно, разсказываль бы о немъ. Вотъ почему старость любить писать мемуары, которыми такъ наобилуютъ всё европейскія литературы, не исключая и нашей, русской. Въ этихъ мемуарахъ заключается иногда драгоцівный матеріаль для психологическаго изученія людей, для пониманія общественныхъ эволюцій. Но для этого необходимо, чтобы мемуары были правдивы и объективны, и чтобы личность ихъ автора не становилась на ходули, охорашиваясь, но скрывалась бы за пов'єствуемыми событіями, простая и чистосердечная. Я переживаю теперь моменть, когда меня тянеть къ себъ прошлое, былое; когда душа полна воспоминаній о немъ и хочется разсказать и другимъ о томъ, что было, да былью поросло. Я переживаю моменть, когда хочется писать мемуары. Съ Божьей помощью, я принимаюсь за нихъ, помышляя только о томъ, чтобы они были правдивы и объективны; чтобы они не увелячивали литературнаго балласта, но были бы назидательны для читателя, заключая въ себъ поучительный матеріалъ для изученія русскихъ людей и русской общественной жизни.

I.

Мое рожденіе. — Природа и люди: родное село, родители, родине и намятные знакомые.

Я родился 3-го іюля 1832 года въ селѣ Войтовѣ, полтавской губерніи, переяславскаго уѣвда. Это было чудное время малороссійской косовицы, на которую тавъ любила смотрѣть моя мать. Да и вавъ было не любоваться этимъ чуднымъ зрѣлищемъ: подъ дружными взмахами косъ пятидесяти-шестидесяти крѣпостныхъ восарей, съ высокимъ, широкоплечимъ атаманомъ во главѣ—Кондратіемъ Шевчекомъ, за которымъ шелъ есауломъ Алексъй, садовникъ, вылегала въ покосы душистая трава степи, изукрашенной цвѣтами, ягодами, букеты которыхъ собирались въ покосахъ, въ которыхъ нерѣдко попадались и перепелиныя гнъзда. Въ дѣтствѣ я самъ любилъ созерцать эту косовицу, лежа на копнѣ душистаго сѣца и глядя на безоблачное голубое небо.

Возвратясь съ восовицы домой, мать моя разрѣшилась отъ бремени сыномъ-первенцомъ, котораго наревли именемъ Александръ. Это имя было выбрано, вѣроятно, по желанію отца, въ память Благословеннаго императора, котораго такъ чтилъ мой отецъ и при которомъ проходила его гусарская молодость. Мальчикъ родился съ опухшимъ правымъ глазомъ. Тогдашній кіевскій операторъ Кауфманъ разрѣзалъ опухшія вѣки, но глаза подъ ними не оказалось. Мальчикъ остался съ однимъ лѣвымъ глазомъ. Говорили, что неумѣлая повитуха причинила такое горе семъѣ. Какъ бы тамъ ни было, этотъ физическій недостатокъ имѣлъ огромное психическое вліяніе на ребенка, предопредѣливъ, можно сказать, его судьбу. Отличавшійся отъ другихъ людей физическа

снить недостатномъ, думаль ребеновъ, онъ долженъ отличаться отъ нихъ заслугами и талантами: онъ долженъ быть поэтомъ, литераторомъ, ученымъ, профессоромъ. Меня въ дътствъ называли то поэтомъ, то профессоромъ и, можеть быть, не даромъ: чуть ли не съ десяти лътъ я началъ вести дневникъ и писать стихисначала малорусскіе, поддавшись вліянію Шевченка, котораго тавъ превосходно декламировала моя мать, полу-француженка, -а потомъ русскіе, очарованный Кольцовымъ. Мое родное село Войтово - чудесное село: большое, со многими прудами, окаймленное рощами. Какое-то свътлое, какое-то веселое. Въ районъ глубоваго чернозема оно стояло на песчаной почвъ, и поэтому я не помню, чтобы въ немъ вогда-нибудь бывала грязь. Густо населенное, оно имъло два прихода; посреди его красовалась каменная церковь прекрасной архитектуры, сооруженная графомъ Безбородко. Два приходскихъ священника, въчно враждовавшіе между собою, поочередно отправляли въ ней богослуженіе. На паперти ея-могилы именитыхъ обывателей, и между прочими могила моего дъда по матери, генералъ-лейтенанта французской службы, съ которымъ мы встрётимся ниже.

Это село Войтово было основано въ половинъ семнадцатаго въка выходцемъ изъ Сербін Думитрашко, по смерти котораго досталось его племяннику Марку. Прикосновенный къ заговору Мазепы, онъ былъ сосланъ Петромъ въ Сибирь, а Войтово было вонфисковано и передано переводчику кіевской губериской канделяріи Корбу. У меня и теперь сохраняется воспоминаніе о Корбиной греблё на реке Недре, подъ самымъ Войтовымъ. Генеральный судья Андрей Явовлевичъ Безбородво, отецъ знаменитаго ванциера, выпуталъ изъ Сибири Марка Думитрашко, воторому были возвращены его конфискованныя имвнія. Въ благодарность за такую услугу, Безбородко получилъ въ подаровъ село Войтово, часть котораго и понынъ принадлежить его потомкамъ. Другую часть онъ отделилъ своему родственнику Судовщикову, отъ котораго черевъ жену его, Анну Григорьевну Шоставъ, имъніе перешло въ дочерямъ послъдней -- моей тетвъ и матери.

Другими частями села и примыкавшими въ нему землями владъли другіе помѣщики, вѣроятно изъ простыхъ казаковъ. Болье крупными были по окраинамъ Подгаецкіе и Нестеровскіе, а въ центрѣ—множество мелкоты: Василенки, Филомы, Садковскіе, Пикуловскіе и др. владѣтели нѣсколькихъ душъ крѣпостныхъ, къ которымъ мы, "стодушевые", относились высокомѣрно и пренебрежительно, а отецъ не считалъ ихъ достойными даже зна-

комства, которое секретно поддерживала мать, женщина привътливая и общительная. Усадьба наша была на самой окраинъ села. Живо припоминается мив огромный дворъ, обнесенный вленами, поврытый зеленой травой; бълый, соломой врытый домивъ, окруженный чуднымъ садомъ, разведеннымъ искусной рукой просвищеннаго французскаго генерала. Съ ливой стороны быль садь фруктовый, ягодный, а съ правой-англійскій садъ съ длинной аллеей, на половину рябиновой, на половину осокоревой, воторая мев, дитяти, представлялась безконечно длинною; на вонцъ воторой, вазалось, живутъ вакіе-то темные духи, вуда мы такъ боялись забъгать. И теперь, въ старости, я живо помню эту чудную аллею и важдое ея деревцо. Но особеняю я помню густую, какъ темная ночь, липовую аллею, подходящую въ мостику, перекинутому черезъ сажалку, за которой шла густымъ явсомъ дорожна, приводящая въ огромному пруду, изъ котораго однажды выловили чуть не сто пудовъ карасей. Мив кажется, что и теперь я вдыхаю аромать воды и очерета, которымъ заросли берега. Я помню также превосходный кусть можжевельника, подъ которымъ я зубрилъ заданные гувернанткой уроки, а вругомъ дома-куртины, засаженныя превосходными вустарнивами, и цёлыя плантаціи цейтовъ-левкоевъ, анютиныхъ глазовъ, изъ воторыхъ моя мать умъла составлять такіе чудные бужеты. Какъ будто я вижу эти букеты, укращавшіе нашу гостиную, въ которой припоминается огромное старинное трюмо, пріобрътенное изъ мебели гетмана Разумовскаго, остатвами воторой украшались дома многихъ малороссійскихъ помішивовъ. Чудесно умела составлять букеты мон мать! Особенной врасотой отличались георгины, воторыя тогда начали появляться въ цевтникахъ Малороссін. Каждая изъ нихъ им'вла свое названіе. Общей любимицей была "Александрина" — темно-гранатная, почти черная цевтомъ. Георгины эти доставляль Христіани, единственный кіевскій садовникь въ то время—садовникь-эстетикь, не мало содбиствовавшій развитію садоводства въ Кіев'в и окрестныхъ губерніяхъ.

На лонъ чудной природы, такимъ образомъ, развивалось мое дътство, и я съ первыхъ дътскихъ лътъ сдълался обожателемъ этой чудной природы. Высокая, зеленая трава, бълокорая береза, роскошный кустъ красной бузины надъ сажалкой казались митъ живыми существами, а бабочки, мотыльки и божьи коровки—завътными Божьими созданіями, къ которымъ человъкъ обязанъ бережно относиться. Щебетанье птичекъ, которыми такъ изобиловалъ нашъ дремучій садъ, казалось митълучше всякой музыки,

а соловыная пѣсня доставляла моей дѣтской душѣ такое же наслажденіе, какъ пѣніе Патти дилеттанту.

Впечатленія этой чудной природы нензгладимо запечатленись на всю мою жизнь, сообщивь мий ту наклонность къ пантензму и романтизму, которые съ раннихъ детскихъ летъ составляли основную черту моей нравственной физіономіи. И теперь, въ старые годы, я отношусь къ природе съ детскою любовью: вырощенныя мною ели и другія деревья—мои истинные друзья, представляющіеся мий существами, чувствующими всякую боль, если только сломать хоть одну вёточку.

Близкое сродство съ великой природой—научилъ меня мой опытъ—должно быть основою всякой детской школы.

Моя мать, Клеопатра Генриховна, была младшей дочерью Анны Григорьевны Шостакъ, рожденной отъ ен второго брака съ генераломъ французской службы, Генрихомъ Осиповичемъ Тирингомъ. Когда и почему онъ эмигрировалъ въ Россію, я съ точностью не знаю. Имя его я встратиль въ "Полномъ собраніи законовъ", когда, по случаю войны съ Франціей въ 1805 году, предписывалось пребывавшихъ въ Малороссіи французовъ интернеровать въ Черниговъ. Знаю также, что императоръ Александръ I назначиль моему дёду пенсію. Человёвь высокаго европейскаго образованія, онъ превосходно зналъ медицину, и въ Малороссіи пріобрёль репутацію искуснаго врача, лечившаго многихь богатыхъ помъщиковъ, которые уплачивали иногда гонораръ натурою врвпостными душами обоего пола, преимущественно ремесленнивами. Я не знаю, когда онъ встретилъ вдову Судовщикову, урожденную Шоставъ, и вступилъ съ нею въ бравъ. Моя мать отъ этого брака, можно думать, родилась въ 1814 году, такъ вавъ въ годъ ея смерти, въ 1844 году, ей насчитывали 30 лътъ. Къ сожальнію, все это - даты приблизительныя: фамильныхъ бумагъ въ нашемъ семейномъ архивъ не сохраняли, и отъ моего дёда досталось миё только иёсколько разрозненныхъ рукописей, да подорожная отъ Страсбурга до Парижа, но и этихъ я не умълъ сберечь. Слышалъ я, что послъ смерти дъда всъ его бумаги были сожжены опекунами сиротъ-дъвочекъ, такъ какъ опекуны эти, люди необразованные, изъ мъстнаго мелкопомъстнаго дворянства, считали генерала Тиринга франкмасономъ, отъ котораго не должно было оставаться и духу въ ихъ родномъ православномъ селъ.

Женившись на вдов' Судовщивовой и осъвшись въ имъніи жены, мой дъдъ занялся устройствомъ имънія: онъ переселиль въ село Войтово доставшихся ему, въ видъ гонорара, кръ-

ностныхь—столяровь, кондитеровь, колбасниковь, садовниковь. Эти Тиринговскіе врестьяне отличались другимь типомь оть врестьянь туземныхь: большею частью это быль народъ рослый, врасивый, умёлый. Видно, что дарили не жалёя, а можеть быть, и по выбору самого генерала-врача.

Живо припоминается мев статный, хотя уже и пожилой столаръ Иванъ, въ огородъ котораго росъ занимавшій насъ очень виноградъ; припоминается также чудесная фигура садовника и банщива Семена Андреевича съ его детьми: садовнивомъ Алевсвемъ да булочницей Марусей, которую очень любила моя мать. Вообще, врестьяне, принадлежавшие моей матери, зам'ятно отличались видомъ отъ крестьянъ, выпадавшихъ на долю ея старшей сестры, Варвары, рожденной отъ перваго брака моей бабки. Я помию, какъ мы, детьми, рыдали, что несколько отборныхъ материнскихъ крестьянъ, и въ числъ ихъ нашъ любимецъ савожнить Северинь, заложенных закладною на упада, могли перейти въ помъщику Задорожному, у котораго была занята сумма подъ этотъ живой закладъ. Замъчательно, съ какою быстротою авклиматизировалось въ Малороссіи врѣпостное право, введенное Екатериною II въ концъ XVIII въка: въ началъ прошлаго стольтія оно составляло уже укоренившійся институть со всвин его прелестями.

Отдавшись устройству женина имфнія, генераль Тирингь развель чудесный садь, во фруктовой части котораго произрастали такіе фрукты, кавіе тогда різдео можно было найти въ садахъ сосъдинхъ помъщивовъ: что за бонвретьены, что за венгерви и шпанки, въ которымъ мы подкрадывались, несмотря на вриви Ивана Пупа, неизмѣннаго сторожа въ нашемъ фрувтовомъ саду! До того въ моей намяти врёзался вкусъ этихъ чудныхъ плодовъ, что, кажется, я и теперь ихъ вкушаю. И по смерти деда этотъ фруктовый садъ поддерживался стараніями отца, а особенно тетки, Варвары Александровны, подъ наблюденіемъ которыхъ вічно щепиль и окулироваль садовникъ Алевсьй, наученный этому хитрому дёлу престарёлымъ отцомъ своимъ, Семеномъ Андреевичемъ, великороссомъ. Въ селъ примитивной культуры Думитрашки и Корба пов'яло западно-европейской цивилизаціей: появилась суконная фабрика, больница, аптека; появились всяческіе ремесленники. Въ дътствъ я слышаль много разсказовъ о причудахъ генерала Тиринга, ужасно коверкавшаго русскій язывъ. Фигура его, действительно, не подъ стать была переяславльскому дворянству, изъ среды котораго она выдёлялась своимъ образованіемъ. Онъ, конечно, быль чужимъ. Онъ умеръ задолго до моего рожденія—прим'врно, въ 1818 году. Я его поэтому поменть не могь, но я полюбель его невъдомую личность, а чрезъ него и его отчивну-прекрасную Францію, которую всегда считаль вакь бы вторымь отечествомь. Эту франкоманію я сохраниль до старыхь дней. Меня въ детстве даже называли францувомъ и находили, что я во многомъ похожъ на своего деда генерала и наружностью, и темпераментомъ. Мать моя осталась малюткой посл'в смерти своихъ родителей. Мало заботились о ней и ен воспитаніи опекуны, сами люди грубые, необразованные. Вдоволь натерпилась она въ дитстви. Ен единоутробная сестра, Варвара Александровна, была гораздо старше ея годами. Она рано вышла замужъ за мъстнаго помъщика Гулава, но скоро разоплась съ нимъ. Между сестрами не было ничего общаго. Это были двъ натуры діаметрально противоположныя, между которыми не могло быть искренней симпатіи. Тетва была сдержанная и сосредоточенная, умная и начитавная; мать была экспансивна и сердечна, милаго французскаго нрава. Онъ прожили всю свою жизнь вмъстъ, но нивогда другъ друга не любили, да и во всей семь в тетк в не питали особой симпатіи, но, признавая ен достоинства, относились въ ней почтительно. Она очень любила музыку, чтеніе, цвёты и кофе.

Матери едва исполнилось четырнадцать лъть, и она не равставалась еще съ куклами, какъ къ ней присваталси сосъдній небогатый пом'вщивъ, отставной лубенскій гусаръ, Василій Семеновичъ Романовичъ-Славатинскій — мой отецъ. Бывалый и довольно образованный, пылкаго темперамента и съ чудесными гусарсвими усами, онъ, важется, влюбиль въ себя объихъ сестеръ, но могь жениться только на младшей, хотя она и была ребенкомъ. Отецъ мой родился въ 1800 году, на хуторъ Супоевкъ, переяславльскаго увзда, неподалеку отъ Репнинскаго имънія Яготинъ. Предокъ его, Романовичъ, воспитывался въ какой-то польской школь, гдв получиль фамилію: Славатинскій. Дъдь отца. Өеодоръ, служелъ при гетманъ Разумовскомъ въ войсковой старшинъ. Отепъ его, Семенъ Өедоровичъ, уже былъ россійскимъ дворяниномъ, родъ котораго внесли въ дворянскую родословную книгу полтавской губерніи-чуть ли не въ VI-ую часть. О немъ мев мало разсвазывали, и характерныя черты его личности мев неизвёстны. Знаю только, что онъ быль человёкь небогатый, владъвшій въ переяславльскомъ убзді имініемъ Супоевкой, едва ли болъе 50-60 душъ връпостныхъ. Знаю также, что онъ быль женать дважды, и что отъ перваго брака у него были сынъ Кириллъ и дочь Алена. Вторично онъ женился на моей

бабей, Агасьй Ивановий—нажинской гречаней. Отъ этого брака оставались въ живыхъ мой дядя—Яковъ и мой отецъ—Василій.

Лядя Кириллъ Семеновичь быль человъвъ лихого, отчаяннаго нрава, которому море было по колено. Я помню, что онъ служиль первымь по времени окружнымь начальникомъ государственных имуществъ въ переяславльскомъ убядъ, когда была учреждена эта должность въ 1837 году. Какъ во сив припоминается мий теперь, вакіе балы задаваль онь въ Переяславлі, гдв стонув тогда пехотный полкъ съ командиромъ, полковникомъ Носакинымъ, во главъ, котораго зналъ и полюбилъ государь Ниволай I за 14-е декабря. Вспоминаю, какъ, подъ звуки полкового хора, моя мать, искусная танцорка, носилась въ мазурвъ и вальсъ, а отецъ игралъ въ вистъ. Мы же, малютви, совсёмъ сонныя, ждали повдняго ужина, чтобы отвёдать врема н той пирамиды, которую такъ искусно приготовляль дядюшкинъ поваръ. Всъ эти картины давняго прошлаго рисуются въ моемъ воображеніи и теперь, несмотря на многіе протекшіе годы. Свою бъдовую жизненную авантюру, преисполненную отважныхъ эпиводовъ, дядя Кириллъ повончилъ въ Казани, гдъ онъ служилъ частнымъ приставомъ, и откуда, по смерти его, его супруга прівхала въ намъ въ то время, когда мы жили уже въ другомъ имъніи, въ сель Гольцахъ, лохвицваго увяда, которое досталось тетвъ и матери отъ ихъ двоюроднаго брата, Ивана Илларіоновича Шостака, умершаго въ юношескомъ возраств. Тетка моя Алена Семеновна вышла вамужъ за генерала Лобко. Это была суровая женщина, гордан своимъ генеральствомъ. Я помню ея деревянный домъ на Подолъ, преисполненный генеральскаго этикета. Какъ сквозь густую сътку припоминаю ея сыновей, гвардейцевъ, Павла и Льва, Алексви и Семена, изъ воторыхъ посавдній быль, помнится, студентомъ московскаго университета. Если не ошибаюсь, сынъ Льва Львовича, Павелъ Львовичъ Лобво, - теперешній государственный вонтролеръ. Лучше я помню кузину Марью Львовну, вышедшую замужъ за нашего родственника Кобелякскаго, но скоро овдов'ввшую. Бабка моя, Агаоыя Ивановна, вышла замужъ въ такіе годы, что играла въ куклы со своей падчерицей Алёной. Она была женщина малообразованная, съ трудомъ писавшая нужныя письма, и вмёстё женщина довольно добрая, но нрава тяжелаго и неуживчиваго, а понятіями своими едва ли превосходила Гоголевскую Коробочку. Мы, внучата, любили бывать у нея, въ ен старосветскомъ супоевскомъ домъ, въ каморкахъ котораго всегда находилось не мало лакомствъ для внучатъ. Я живо помню эту милую, но не-

уживчивую старушку; помню и ея стараго кучера Павлушку, дремлющаго на козлахъ оригинальной брички, какъ будто выръзанной изъ тыквы. Подъ-конецъ своей жизни она переселилась въ намъ, въ Гольцы, отдавъ свое имвнънце умному и дъловитому Якову Семеновичу. Она умерла, когда я уже быль въ высшихъ влассахъ гимнавін. Дядюшка Яковъ Семеновичъ-высокаго роста, стройный и врасивый — быль человывь тонкаго практическаго ума и вкрадчивыхъ, обольстительныхъ манеръ. Мало учившійся, но сведущій, онъ быль большой поклонникь науки и просвещенія. Служиль онь въ конной артиллерін и, выйди въ отставку, женился на Софь Данилови Сулим - изъ довольно изв стной малороссійской фамиліи. Поселившись въ Супоевкъ, онъ владълъ доставшейся ему частью отцовскаго именія. Состояніе небольшое; пошли дъти, а средства -- свудныя. Захотълось разбогатъть. Его постоянно поддерживали сосъдніе помъщики Бутовичи, люди довольно состоятельные, сыновья бывшаго витебского губернатора. Къ нимъ дядющва Яковъ Семеновичъ до вонца дней своихъ сохраняль дружескія и почтительныя отношенія. Переяславльское дворянство выбрало его капитанъ-исправникомъ, а долго спустя потомъ онъ былъ главноуправляющимъ сенатора Васильчивова. Я хорошо вспоминаю его, жившаго въ одномъ изъ этихъ имъній-Петровкі. Какое роскошное, высоко-культурное имініе и вакой стройный козяйственный режимы! Прекрасная суконная фабрика, образцовая овчарня съ овцеводами-нъмцами, громадный превосходный садъ, завъдываемый превосходнымъ садовникомъполякомъ; сельская школа, прекрасная больница... Куда все это делось? Что со всемъ этимъ сталось? Остались ли вакіе следы этого барскаго высоко-культурнаго пом'встья, которымъ такъ образдово управлялъ Яковъ Семеновичъ? И сколько было въ Малороссіи такихъ культурныхъ пунктовъ, которые мало-по-малу исчезали подъ напоромъ иной струи текущаго времени, переходя изъ рукъ бояръ въ руки цъловальниковъ, фальсифицировавшихъ вино, которымъ они опанвали русскій народъ!

Большая часть дётей Якова Семеновича умирала въ молодые годы. Изъ сыновей оставался въ живыхъ мой двоюродный брать Измаиль, учившійся въ нёжинскомъ лицей княза Безбородко въ то время, когда я быль въ тамошней гимназіи. Тупой и лёнивый, онъ учился очень плохо, дёлая школьную карьеру только благодаря протекціи помощника попечителя, Юзефовича, имъвшаго дёловыя отношенія съ его отцомъ. Эпикуреецъ и сластена, мой бёдный кузенъ надёлаль много долговъ въ нёжинскихъ кондитерскихъ Неминай и Стефанъева: его постигла гроз-

ная расправа суроваго отца, отправившаго студента-сына на вонюшню! По окончанів лицея, кузенъ Изманлъ служилъ въ драгунскомъ тверскомъ полку, и по выходъ въ отставку, поворный и почтительный, онъ исполниль волю отца-женился на дочери одного изъ Бутовичей, осуществивъ такимъ образомъ мечту старика породниться съ этой чтимой имъ дворянской фамиліей. Младшій брать Якова Семеновича, мой отецъ Василій Семеновичь, быль человівть совсімь иного типа. Если Явовъ Семеновичъ былъ человъвомъ дъла и правтической смевалин, то его брать быль челововь словь и фразы, а пожалуй и теоретических обобщеній. Учился онъ сначала въ какомъ-то ивжинскомъ пансіонъ, гат учились дети местныхъ дворянъ, какъ, напримъръ, Катериничъ. Здъсь онъ выучился говорить изрядно по-нъмеции, затъмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдъ промель суровую школу дворянского полка. Много разсказовъ слишаль я потомь оть него о режимь этой военной школы: о засвивніяхъ до смерти, о крысахъ, попадавшихся въ гречневой вашъ, которою вормили вадеть, о томъ, какъ однажды экономъ кориуса, раскланиваясь съ начальствомъ, попалъ въ котелъ, въ воторомъ варились вадетскія щи... Много слышаль я разсказовъ оть отца, да всего не припомню. Разсказываль онь мастерски. Онъ былъ, вообще, человъвъ даровитый и отмъннаго дара слова. Либераль и романтикъ, вольтерьянецъ до атеизма, поклонникъ девабристовъ и немножно сепаратистъ-украинофилъ, онъ былъ истинное дитя своего въва — сентиментально-романтическаго въ теорін и на словахъ, -- грубаго и врівпостническаго на ділів и въ правтивъ. По истинъ это быль Sturm-und Drangperiode въ эволюціи русскаго общества, наложившій характерную печать на всю эпоху Александра I, съумъвшаго сочетать Сперанскаго съ Аракчеевымъ, основание русскихъ университетовъ --- съ образованіемъ военныхъ поселеній. Такъ и отецъ мой уміль сочетать либерализмъ декабристовъ съ безжалостными истязаніями кріностныхъ. На его правственной физіономіи, какъ въ зеркалъ, отразилась Александровская эпоха. Не даромъ онъ такъ чтилъ намать Благословеннаго императора и такъ не уважалъ его преемнява, более прямого и последовательнаго. Къ памяти декабристовь онъ относился съ піэтетомъ, и въ его севретномъ бюро бережно хранились ихъ реликвін — "Войнаровскій", Рылбева, и посавдняя внижва "Полярной Звізды". Мудрійшимъ изъ смертныхъ онъ считалъ бориспольскаго помъщика Василія Лувича Аукашевича, прогулявшагося въ Петербургъ, чтобы погостить въ взенать Петропавловской крыпости, по подозрыню въ сепара-

тизић. Вообще, о декабристахъ и 14-иъ декабря, о всехъ герояхъ этой драмы, мив въ детстве приходилось слушать нередко. Въ нашей небольшой библіотекв, отъ которой мив достались только разрозненные томы Карамзина на ряду съ "Иванами Выжигиными", "Панами Подстоличами", "Черными женщинами" Греча. н "Амалатъ-Беками" Марлинскаго и др. подобнаго рода внигами. хранился докладъ Блудова, который и съ жадностью прочитываль еще гимназистомъ. Я живо помню, какъ перепугаль насъ однажды прівздъ голубого мундира изъ армін Бенкендорфа, чины которой рыскали тогда по городамъ и весямъ, прислушиваясь и присматриваясь. Не знаю, почему онъ забхаль въ наше Войтово, но помню, что онъ у насъ объдалъ. Остановлюсь еще на нравственной физіономіи моего отца: она очень сложна и разнообразна. При томъ онъ имвлъ огромное вліяніе на мое умственное развитіе. Отъ этого вліянія я сталь освобождаться толькокъ концу своего университетского курса, когда я позволилъсебъ и въ его личности отнестись вритически. А до того времени я подражаль ему во всемь: и его вольтерьянскому атензму, и его денабристскому либерализму, и его романтизму à la Марлинскій. Подлавшись его діалектиків и остроумію, я повторяльсебъ не только его мысли, но даже изречения. А между тъмъ примеръ едва ли стоилъ подражанія: такъ мало было въ егоміровозэртнін птостнаго и последовательнаго, такъ много эклектическаго и сброднаго. Но закравшееся въ молодую душу вліяніе не могло не оставить въ ней следа на всю жизнь. Это обнаруживалось особенно относительно житейскаго режима и аккуратности въ работъ: режимъ этотъ былъ своеволенъ и распущенъ: готовность въ работъ-неровная и лънивая.

Женившись еще въ молодые годы на женщинъ съ достатвомъ, отецъ тотчасъ же надълъ халатъ, завурилъ трубву своего Жувова, набитую връпостнымъ Ефимомъ, и этого параднаго востюма онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей жизни. Въ веденіи своего хозяйства онъ былъ фантазеръ и небреженъ. Ховяйничанью онъ предпочиталъ чтеніе романовъ. Гоголя онъ не признавалъ и, вонечно, считалъ его ниже Марлинскаго; вритиву Булгарина и барона Брамбеуса онъ считалъ выше вритиви Бълинскаго. Любя очень чтеніе, онъ почти нивогда не выписывалъ ни газетъ, ни журналовъ, а популярною тогда "Библіотекою для чтенія" большею частью снабжалъ его просвъщенный сосъдъ, Захарій Алексъевичъ Бутовичъ,—одинъ изъ немногихъ помъщивовъ, регулярновыписывавшій періодическія изданія. Книги брались на проватъ у Мусатова, развозившаго литературу вмъстъ съ балывомъ и

жонфектами по помъщичьимъ захолустьямъ. Прівздъ этого Мусатова быль нашимъ праздникомъ. Въйзжало во дворъ нъсколько русских вибитокъ, биткомъ набитыхъ разнымъ товаромъ. Подавался ихъ реестръ, въ которомъ значилось: икра астраханская, халва греческая, пастила коломенская, сельди копченыя, вниги московскія. Вносились лубочные ящики этихъ московсвихъ внигъ, изъ которыхъ выбирались для чтенія тетушкой Варварой Александровной, какъ болъе понимощей литературу. Тавъ, я помню, однажды быль выбранъ "Ввчный Жидъ", авторъ вотораго, "Эжень Сю, въ полтавской губерніи имель, жонечно, большую славу, чёмъ на своей родинв. Книги покупались очень редво, и маленькая разнокалиберная библіотева почти не пополнялась. Помню, что однажды были привезены изъ Кіева стихотворенія Подолинскаго; помню, какъ были пріобр'ятены наданные Смирдинымъ альманахи "Новоселье", въ которомъ была пом'вщена пов'єсть Гоголя "Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Нивифоровичемъ", и "Сто русскихъ литераторовъ", портретами воторыхъ мы любовались, спори, вто изъ нихъ будетъ поврасивъе: сестръ Сашенькъ нравился Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, вавутанный въ свой романтическій испанскій плащъ, а я отдаваль предпочтение Николаю Алексевнчу Полевому, и темъ более, что его очень уважаль мой отець, всегда утверждавшій, что "Мосвовскій Телеграфъ" — лучшій изъ руссвихъ журналовъ. А что любиль отець, то любиль я. Его герои были моими героями: я чтиль Александра I и не любиль императора Николая; я не могъ простить Паскевичу-Эриванскому, что онъ обощелъ Ермолова; я чтилъ внязя Ниволая Григорьевича Репнина и Граббе, а современные министры и генералъ-губернаторы вазались мев мелкотой; фигуры Рыльева и Пестеля, несмотря на то, что посивдній по-аракчеевски обращанся со своими солдатами вятскаго ивхотнаго полва, казались мив недосягаемо высови. Отепъ такъ умель вышутить и осменть, что не поздоровилось бы сановнижамъ, которые не соотвътствовали ни его политической программъ, ни элементамъ, входившимъ въ сложный умственный составъ моего отца; можно еще прибавить, что онъ быль склоненъ въ масонству и мистицизму, и въ его библіотекъ почетное мъсто занимали Юнгь, Эккартсгаузенъ и Штиллингъ, съ воторыми и я повнакомился въ детстве. Въ этой наклонности къ мистицизму отецъ мой, можеть быть, хотёль слёдовать примёру Наполеона I, наилюбимъйшаго имъ героя, который върилъ также въ гадальщицъ и амулеты. Еще одно слово: насколько отецъ мой быль неровень въ работв, можеть быть усмотрвно изъ того,

что онъ имълъ терпъніе своимъ чуднымъ почеркомъ переписать всю "Исторію руссовъ" Конясскаго, но лънился, когда дъло касалось хозяйства. Таковъ былъ оригинальный и сложный типъмоего покойнаго отца, котораго я чтилъ въ молодые годы, но который не выдержалъ критики въ мои годы, болъе зрълые. Это былъчеловъкъ несом нънно даровитый, умвый, необычайно красноръчивый и довольно образованный, но, дитя своего въка, онъ захирълъ въ своемъ халатъ, въ своемъ деревенскомъ захолустъъ, оставилъ массу долговъ, два разоренныхъ хорошихъ имънія и большую семью, почти не получившую никакого образованія. Умеръ онъ въ годъ смерти моей первой жены, въ 1864 году, и похороненъ на общемъ войтовскомъ кладбищъ, въ кръпкомъ дубовомъ гробу, заблаговременно приготовленномъ. Миръ праку твоему, и хорошій, и странный человъкъ!

Въ моихъ дътскихъ воспоминаніяхъ отчетливо обрисовываются фигуры ближайшихъ друзей нашей семьи, Судовщиковыхъ и Тансвихъ. Судовщиковы считались въ дальнемъ родствъ съ Бевбородвами: имънія ихъ были какъ бы частями Безбородкинскихъ. какъ. напримъръ, въ Войтовъ и Оржицкомъ куторъ, пирятинскаго уъзда. Ихъ было несколько братьевъ и две сестры: Татьяна Васильевна. Приходько-забавная и сустливая женщина, надъ которой повволяли себъ потъшаться ея племяннями, и Любовь Васильевна Кобыляксвая, многочисленные сыновья которой были близкими друзьями нашей семьи. Особенно памятенъ мив Степанъ Николаевичъ. въчно гостившій у насъ, и котораго мы, дёти, очень любили. Мижтакже памятны двъ его сестры, Варвара и Марья Николаевны, изъ которыхъ первая воспитывалась въ домъ какой-то графины Толстой, гдф она получила отифиное образованіе. Это была женщина умная и дёловитая, державшая въ рукахъ своего лёнивагомужа, Илью Ивановича Маркевича, заправлявшая всёми хозайственными делами и много заботившаяся о томъ, чтобы дать хорошее воспитаніе своимъ дітямъ. Она очень любила моюмать и взжала нередко въ намъ въ Войтово. Я живо помнюея старомодную зеленую карету и маленькаго форейтора; живо помню, какъ ея сынъ Николай, о воспитании котораго такъ много радёла мать, еще будучи ученикомъ 1-й кіевской гимвавін, пугаль нась ружьемь, гоняясь за нами по нашему войтовсвому саду. Отъ природы онъ надъленъ былъ талантами, успъшноокончиль курсь въ артиллерійскомъ училищь, но изъ него вышель эксцентричный неудачникъ. Мать моя также очень уважала Варвару Николаевну и важала къ ней на балы въ село Туровку, прилуцкаго убада. Съ Судовщивовыми и Кобылявскими насъ породниль Александръ Васильевичь, первый мужъ моей бабки Анны Григорьевны и отецъ Варвары Александровны, единоутробной сестры моей матери. Изъ этихъ Судовщивовыхъ я помню только Василья Васильевича и его чудную семью, но помню хорошо: это одно изъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Василій Васильевичъ Судовщиковъ былъ человъкъ довольно образованный: онъ служиль въ артиллеріи и порядочно владёль французскимь язывомъ. Участвуя въ вакой-то войнъ, онъ былъ контуженъ въ голову. Это, можеть быть, послужило причиной его душевной боавани, которая сначала носила буйный характеръ. Разсказывали, что вогда приносили върноподданническую присягу императору Николаю І-му въ сельскихъ церквахъ, больной, выдавая себя за фельдъегеря изъ Петербурга, останавливалъ присягавшихъ словами: "Остановитесь, клятвопреступники! Вы присягаете незавонному императору"! Много повозилась молодая жена со своимъ буйно-помъщаннымъ мужемъ. Не помогали никакія врачеванія, но мало-по-малу буйное пом'вшательство улеглось, и Василій Васильевичь сдёлался тихимъ и спокойнымъ, въ родъ техъ симпатичныхъ душевно-больныхъ, которыхъ мы встрвчаемъ въ романахъ Диккенса. И замъчательно: моральное вліяніе на него его умной супруги было такъ велико, что въ обществъ, среди людей, онъ вазался совсёмъ нормальнымъ человёвомъ. И только тогда, вогда оставался наединъ или съ нами, детьми, онъ даваль волю своей больной душь, то кохоча, то разговаривая самъ съ собою, то вомандуя деревьями въ саду, то разсказывая намъ, дътямъ, что онъ не поручикъ артиллерін, а архіерей, и на свътлый праздникъ мы увидимъ его въ митръ. Живо припоминаю я глубово симпатичную, высовую и тучную фигуру Василія Васильевича, въ застегнутомъ до верху сюртукъ, обсыпанномъ душистымъ нюхательнымъ табакомъ, бренчащимъ на своей гитаръ. Онъ страстно любилъ детей и по цельмъ днямъ готовъ былъ играть съ нами. Мы сами очень его любили, твить болве, что онъ былъ большой забавникъ: онъ обладалъ необывновеннымъ мастерствомъ копировать всёхъ, воспроизводя физіономію, ужимку и ръчь оригинала.

Вспоминается мив, вакъ онъ однажды, проживая у насъ въ Гольцахъ, осмвивалъ нашего репетитора, Александра Осиповича Мачтета, отца недавно умершаго литератора. Но одно слово и даже взглядъ супруги—и Василій Васильевичъ преображался, перемвняя разговоръ и придавая другое выраженіе своему лицу. Эта супруга—Александра Григорьевна, урожденная Волховская, моя крестная мать. Это была женщина недюжинная по своему

уму, граціи и такту. Пом'вщица средней руки, дочь незнатныхъ дворянъ нежинскаго уезда, она смотреда истинной, прирожденной аристовраткой. Ея небогатый домъ въ Оржицвомъ хуторъ и вся его обстановка съ неизмъннымъ этикетомъ были поставлены вполив на барскую ногу. Для насъ, вольныхъ детей вольнаго Войтова, бывать въ этомъ строго этикетномъ домъ было сущимъ наказаніемъ, а бывать въ немъ приходилось очень часто: между моими родителями и Александрой Григорьевной была тёсная дружба. Александра Григорьевна очень любила мою мать, обращаясь съ нею нередео какъ съ ребенкомъ: ея ласковыя слова: "ахъ, Клеопатра!" — и теперь раздаются въ ушахъ моихъ. Мать моя, выросшая безъ привора, среди врёпостныхъ сверстницъ и подругъ, не могла не уважать такую представительницу вкуса, приличій и comme il faut. Но для насъ, дътей, ея прівзды не могли быть пріятны: она насъ муштровала, дисциплинировала, всегда находя, что у насъ дътское дъло ведется не такъ, какъ бы следовало. Меня, своего врестнива, она особенно любила. Вспоминаю, что первая монета, которую я имёль въ рукахъ, серебраный рубль -- быль подарень мнв ею. Меня озадачило такое богатство, и я ломаль свою детскую голову, что бы пріобрёсть за него, и ръшилъ купить себъ новые панталоны.

У Александры Григорьевны было несколько детей, изъ которыхъ въ живыхъ оставались только двое: сынъ Евгеній да дочь Софья. Евгеній быль человіть блестящих способностей, замічательнаго литературнаго таланта, ръдкой діалектики, и онъ нъсвольво приближался въ типу Рудина. Онъ былъ значительно старше меня, но быль мий очень близовъ и имиль на мое умственное развитіе рѣшительное вліяніе: онъ вывель меня изъ міра "Амалатъ-Бевовъ" и "Черныхъ женщинъ" и ввелъ въ свётлую сферу Гоголя и Бълинскаго. Подъ ударами его сарказмовъ палъ мой сентиментальный романтизмъ, замънившійся свептическимъ реализмомъ. Онъ, конечно, былъ человъкомъ недюжинныхъ талантовъ. Съ нимъ мы встретимся еще ниже, съ большими подробностями. Съ его сестрой Софьей Васильевной я сблизился уже впоследствін, когда она вышла замужъ за моего брата Владиміра, который такъ безжалостно и такъ безтолково разбилъ ен жизнь. Я увидёль въ ней гордую и благородную женщину, мужественно переносившую несчастія, и не могъ не пронивнуться въ ней уваженіемъ и симпатіей. Я радуюсь, что она здравствуетъ и теперь и, избалованная достаткомъ въ прежнее время, весело примиряется со скромной долей вастелянши віевскаго института благородныхъ девицъ. Встречи съ ней мне всегда напоминаютъ лучшія времена милаго прошлаго.

Близво въ нашей семьй стоили также Танскіе: Николай Ивановичъ и его кузина Анна Васильевна. Во времена моего лътства они жили въ селъ Пилипчичахъ, въ такомъ близкомъ разстоянін отъ Войтова, что мы ходили туда пішвомъ, а оттуда къ намъ, въ цилиндръ и испанскомъ плащъ, приходилъ Николай Ивановичь. Онъ очень любилъ нашу семью и особенио чтилъ отца за его умъ и эрудицію. Какъ будто вчера и его виделъ, когда въ страшный для нашей семьи моменть смертельной болезни матери, после родовъ сына Ипполита, онъ составляль ея духоввое завъщаніе, которое въ присутствіи всей семьи она подписывала дрожащей рукою. На этотъ разъ Господь Богь спасъ ее, но она не выдержала последнихъ родовъ сына Платона и пала жертвой многоплодія и ранняго выхода замужъ. Ниволай Ивановичь Танскій быль оригинальный типъ, достойный висти Диквенса: по истинъ это быль малороссійскій Самуиль Пикквикь, со всёми его комичными и симпатичными чертами. Наивный и легвовърный, ребеновъ на правтикъ и энтувіастъ возвышенныхъ ндей, онъ страстно любилъ старину и въ особенности ту, которая васалась его знаменитаго рода Танскихъ. Я ръдко встръчалъ человъва, способнаго въ такимъ генеалогическимъ увлеченіямъ. По матери онъ считаль себя въ родстві съ Паліемъ, а по отцу онъ вель свой родь отъ графа Танскаго. Доказать право своей фамили на этотъ титулъ было его завътной мечтой, для осуществленія которой онъ не жальль ни денегь, ни хлопоть. Генеалогія его, богатаго пом'вщика, въ вонецъ разорила. Въ молодые годы, по окончанін, помнится мив, педагогическаго института, Ниволай Ивановичь предприняль путешествіе по Галиціи и Буковинъ, чтобы собрать возможно болье документовъ, касавшихся его знаменитаго рода. Изъ-за границы онь вывезь и странный акценть своей оригинальной рычи: его "або-то" слышится мив и теперь—такъ часто слышаль я его въ дэтствъ. Фамильными документами были набиты сундуви небольшого, крытаго соломой, дома Пилипчичей, и для перевода ихъ съ датинскаго на русскій постоянно занимался студенть віевской духовной академів. Домъ въ Пилипчичахъ, какъ сказалъ я, былъ небольшой и врытый соломой. Но гдв же родичу Палія и потомку графовъ Танскихъ удовлетворяться такимъ жильемъ? И воть, переяславльскій Пивквикъ затівяль постройку огромнаго деревяннаго дома, чуть ли не феодальнаго замка, въ своемъ преврасномъ саду. Деревянный остовъ этого оригинальнаго деревян-

наго палацио и теперь мерещится въ моей памяти; но этотъ палаццо такъ же не быль достроень, какъ не было доказано право Танскихъ на графскій титулъ. А между прочимъ высокоблагородный человывь, кроткій настолько, что боялся оскорбить грубымъ словомъ своего кръпостного, въ это время огульнаго свченія, онъ разорился въ конецъ. Ничего не въдая въ хозяйствъ и довъряясь совътнивамъ и дальнимъ родственнивамъ, постоянно вертъвшимся около него, Николай Ивановичъ потерялъ все свое состояніе, и оба его имънія, Пилипчичи и Мовіевка, нъжинскаго увзда, были проданы чуть ли не съ молотва. А вуда девались тв документы и другіе остатки старины, которые онъ такъ бережно собиралъ? Картину, изображающую молящуюся семью Палія, и на которую я глядель въ детстве въ Пилипчичахъ, я потомъ видъль въ волленціи памятниковъ малороссійской старины В. В. Тарновскаго. Потерявши состояніе, Ниволай Ивановичь пріютился въ маленькомъ хуторкъ Анновкъ, принадлежавшемъ его вузинъ. Здъсь я видълъ его послъдній разъ, вогда, въ іюль 1850 года, бхалъ поступать въ студенты университета св. Владиміра. Онъ благословиль меня рекомендательнымъ письмомъ къ тогдашнему декану юридическаго факультета Иванишеву, котораго по наивности своей считалъ своимъ другомъ, а тотъ, въроятно, осыпалъ сарказмами простодушнаго и дегковърнаго малороссійскаго Пикввика. Мит очень дорога память этого ръдкаго и превосходнаго человъка, который всегда съ особеннымъ расположениемъ относился во мив, провидя въ моихъ детсвихъ навлонностяхъ будущаго ученаго и профессора-вваніе, которое онъ считалъ превыше всёхъ другихъ. Душа освёжается, когда припоминаешь, что на Руси, на берегахъ Нъдры и Супоя. гаъ вишмя-вишъла ругань, сплетня и интрига, водились такія свътлыя, кристальныя души.

Полновъсная кузина Николая Ивановича, Анна Васильевна, не представляла своей особой ничего замъчательнаго. Малообразованияя, она чтила высшій тонъ и высшее образованіе нашей семьи. Она была присяжной кумой моей матери, разноцвътный шолковый гардеробъ которой составлялся изъ цълаго ряда ризокъ, преподнесенныхъ на крестинахъ Анной Васильевной. Въ картинахъ дътства, рисующихся въ моихъ воспоминаніяхъ, должна была занять мъсто и фигура Анны Васильевны, медоваго варенья которой я не могу забыть и теперь. Мъсто въ этихъ картинахъ должны занять также нашъ домашній врачъ, Гавріилъ Ивановичъ Баталинъ, служившій въ жандармскомъ дивизіонъ въ Борисполь. Онъ перелечилъ насъ всёхъ: отца, мать и

дътей. Мы его ужасно любили и всегда радовались его пріваду въ Войтово. Живо припоминаю его добрую трехгубую физіономію, вогда онъ въ ступет растираль порошовъ и развишваль его довы. Аптека была такъ далеко, что врачъ, прівзжавшій въ деревню, всегда долженъ былъ захватывать съ собой запасы лекарствъ. Сынъ его, Анатолій Гавриловичь, служившій при градоначальник Треповъ, сдълалъ въ Петербургъ блестящую врачебную карьеру. Вспоминаю также и другого врача, Шульца, который быль моимъ врестнымъ отцомъ; онъ служилъ домашнимъ врачомъ у вакого-то соседняго магната. Красный какъ ракъ и съдой вакъ лунь, онъ женился на нашей первой гувернантив, Юстинв Готфридовив Герисвальдъ, которую мы очень любили, и поэтому не могли простить старику Шульцу, что онъ аншиль насъ ел. Весь этотъ рядъ фигуръ, связанныхъ съ воспоминаніями о моемъ дітстві, завершу фигурой акушерки Антонины Карловны, привозимой изъ Переяславля. Пока мы жили въ Войтовъ, она принимала почти всъхъ насъ. Канъ живая стоить она предъ монии глазами, съ длиннымъ дымящимся чубукомъ въ зубахъ. Въ ен сундучкъ, обыкновенно, какъ говорила она, скрывается нашъ будущій брать или сестра, и мы ужасно хотьли ваглянуть въ этотъ сундучовъ, чтобы узнать этотъ севретъ... Среди такой природы и такихъ людей проходило мое детство. Впечатлительный и воспріничивый, съ пламеннымъ воображеніемъ и горячить сердцемъ, подчасъ преобладавшимъ надъ колоднымъ разсудномъ, я развивался подъ прямыми и восвенными вліяніями ивображенной мною среды: систематического и дисциплинированнаго воспитанія у насъ не водилось.

II.

Наше семейство.—Сестра Сашенька и дружба съ нею.—Привольное и безграмотное дътство.—Первия дътскія воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, первая смерть, голодъ, убійство фаворитки, первая заутреня.—Разділь наслідства.—Начало ученія.—
Гувернантки.—Учителя.—Приготовленіе въ гимназію въ Кієвъ.

Наша семья постепенно равросталась, и въ годъ смерти матери, въ 1844 году, состояла изъ четырехъ сестеръ и семи братьевъ. Все это были дъти разнаго возраста, разныхъ типовъ и характеровъ; старшія выдълялись въ отдъльную группу, которая состояла изъ двухъ сестеръ и меня. Мы учились вмёсть, между нами была общая связь. Въ эту группу входила и Сашенька, дочь Варвары Александровны, свыкшаяся съ нашей семьей.

Это было милое и светлое создание: резвая и хорошенькая, она пъла вавъ пъвчая птичва, надълена была музывальнымъ талантомъ; вст ее любили и встхъ любила она. Въ детствт она была истиннымь мониъ другомъ: всегда мы играли вивств; вивств мы сооружали винокурни, строили домики, разводили сады и цвётниви. Чудесное время! Завътное воспоминаніе! Подруга моего дътства, Сашенька была монмъ истиннымъ другомъ и утъщеніемъ всей моей жизни: къ ея любви и поддержив я обращался въ мои трудныя минуты, и всегда встрічаль въ ней любовь и участіе. Я и теперь пронивнуть въ ней исвренней братской любовью, и радостна была бы для меня встрівча съ нею. Съ другой ен сестрой, Варенькой, которан была самой старшей въ семъв, я сошелся уже впоследствін, въ студенческіе годы, но эта связь была иного рода—разсудочная, книжная. Изъ братьевъ я болве другихъ любилъ Евгенія—даровитаго и болье образованнаго, но жизнь не удалась ему. Ближе всёхъ лётами подходиль во мий Владиміръ, съ которымъ мы шли параллельно. Вивств мы готовились въ гимназію, вивств поступили въ нее, но ни дружбы, ни согласія между нами быть не могло. Красавецъ и любимецъ матери, Владиміръ быль человёкомъ дикаго, буйнаго нрава; онъ не могь справиться со своими страстями, которыя управляли ниъ. При нашей совивстной жизни онъ не давалъ мив повои: я учился и размышляль; онъ играль въ карты и всячески промышлаль, чтобы добыть деньгу. Черкесская папаха и борьба съ горцами какъ разъ были по немъ. Такъ онъ и сдёлалъ, отправившись служить на Кавказъ.

Привольно было наше дётское житье-бытье: играмъ и пъснямъ съ кръпостными дъвками не было и конца. Этихъ дъвовъ полонъ былъ домъ. Дъла нивавого онъ не дълали; у насъ не было того, что водилось въ другихъ помещичьихъ монажахъ: вязанья чуловъ и вружевъ, вышиванья въ пильцахъ и т. п. Праздныя тунеядки, онъ отдавались играмъ и развлеченьямъ съ панычами и барышнями, пъли намъ пъсни, разсвазывали свазви и сельскія сплетни. На барскихъ хліббахъ откориленныя и красивыя, онв постоянно состояли въ амурахъ. Какое собитіе я помню прежде всъхъ изъ моего отдаленнаго дътства? Прежде всего припоминается мив, вакъ мы, дети и горничныя, сидя на полу вокругъ ночника, вдругъ почувствовали колебаніе почвы. Полусонный, я жмусь къ обожвемой нянъ; но воть почва заколебалась, и я живо помню, вавъ нашъ войтовскій домъ зашатался, и полъ, на воторомъ мы сидели, то подимался, то понижался. Поздно, пора въ дътскую постель, но любопытство: "что это такое?" —превозмогаеть. "Это кить, —объясняють мей, — повернулся, и покачнулась вемля". А воть и другое воспониваніе. Въ гостиной, передъ сальной свічой, съ ея неизміннить спутникомъ, щипцами на лоткі, сидять родители, то бесьдуя, то читая. Мать благословила уже всіхъ дітей, что ділала она постоянно, и діти улеглись въ постельки. Лакей Ефимъ, встревоженный, вбігаеть съ крикомъ: "пожаръ"! Общая суета и паника. Діло, помнится, было поздней осенью или зимой. Насъ, дітей, наскоро повытаскивали изъ постелей, позакутывали и перенесли на кухню. Тамъ мы и ночь провели, и ночь превеселую. Утромъ разгляділи, что тревога была преувеличена, и насъ перенесли ломой.

Глубово врёзалось въ моей намяти впечатлёніе первой смерти. Это впечатавніе было такъ глубово и нитенсивно, что я какъ будто чувствую его и теперь. Была страшно сивжная вима. Дворъ былъ заваленъ высокими сугробами сиъга, въ которыхъ между кухней и домомъ былъ прорытъ узкій корридорь. На вухий мучится въ горячий любимый нами парень Иванъ, братъ тетушкиной Алёнки, нашей любимой горничной. Ежедневно мы справляемся о ходё его болёзни, молясь Богу о его выздоровленін. Но, воть, во дворъ въйзжають сани съ кавиль-то деревяннымъ ящивомъ. Сани подъёвжаютъ къ вухнё, и оттуда выносять и владуть въ этоть ящивъ нашего милаго Ивана, чтобы отвезти его на владбище, гдв уже приготовлена для него могила. Какая-то странная смёсь горя, тоски и укора наполняеть дётскую душу, а тёло дрожить, какъ въ лихорадкё. Вторую смерть мив довелось видеть ближе. Это была смерть нашей гувернантки Марьи Петровны. Я въ щелочку двери наблюдалъ надъ ен фигурой, и мев казалось, что она мало-по-малу претворяется въ вемлю... Помню ея похороны и ужасъ этой сцены, объявшій дітскую душу. Смерть производить боліваненныя и тяжкія впечатавнія на дітей. Жизнь молодой душів представляется безвонечною, и она не можеть примириться съ ея исчезновеніемъ. Всёми своими силами молодая душа протестуетъ противъ того, съ чёмъ миритъ насъ возрастъ, и чего мы даже желаемъ въ старости. А вотъ еще воспоминание изъ раннихъ детскихъ лётъ. Неурожай, а за нимъ голодъ; хлёба у крестьянъ совсемъ нетъ. Вдятъ съ лебедой, вдятъ съ жолудями. Отъ такой пищи пухнутъ и умирають. Но хлеба неть и по соседству. У одной Минички въ Круповъ непочатый уголъ, но она продаетъ слишкомъ дорого: четыре рубля ассигнаціями пудъ. Покупають, ето можеть; и въ заврома Миничви вместо проданнаго хлеба сыпались медяви, которымъ счета не было. Но вто можетъ платить тавія деньги? Отецъ отврыль амбары для своихъ врестьянъ, позволивъ имъ выбрать весь запасъ зерна и муки. Но его семья осталась сама безъ хлёба, и мы, воспитанные на булкахъ и папошнивахъ, давились почти такимъ хлъбомъ, вавимъ питались парижане во время нъмецвой осады и образцы котораго я видёль въ Musée Cluny. Прибавлю еще одно вровавое воспоминаніе. У сосъдняго помъщика, О. П., была фаворитка-ключница, игравшая роль Аракчеевской Настасьи Минькиной. Ее постигла судьба этой фаворитки всесильнаго временщика. Она грубо обращалась съ врестьянами, у которыхъ накопилась злоба противъ нея. Однажды, во время молотьбы кивба, она вошла въ клуню и, приставан къ работникамъ, стала имъ выговаривать, что они-де работають линиво, что ихъ-де нужно навазать. Тогда ее повалили на полъ и цъпами размолотили, будто снопъ клеба. Въ это время наказание обыкновенно совершалось на мъсть преступленія. Я гуляль съ отпомъ по двору. Мимо провзжалъ исправнивъ, сопутствовавшій палачу. Отецъ подошелъ въ нему, вступилъ въ разговоръ и попросилъ его показать орудіс наказанія, знаменитый кнугь, отміненный "Уложеніемъ о наказаніяхъ". Мив и теперь видится этоть внуть, котораго я долго не могъ забыть. Тавъ ужасно было впечатлъніе, имъ произведенное. Помню, что у повойнаго профессора Кистявовскаго, собиравшаго вриминальный музей, я увидъль тоть же внуть, напоминавшій мив страшное впечативніе дітства. Печальны мои первыя воспоминанія: землетрясеніе, пожаръ, смерть, голодъ, убійство фаворитки. Но на томъ вся жизнь наша стоить, что горькое перевышиваеть сладкое.

Вотъ, впрочемъ, и свътлое воспоминаніе: первая заутреня, видъть которую мы съ Сашенькой давно мечтали. Заутреню будетъ служитъ нашъ любимецъ отецъ Иванъ, а не отецъ Василій, котораго мы почему-то не любили. Можетъ быть, потому, что въ его приходъ были Подгаецкіе, которыхъ мы, не знаю почему, не жаловали. Въ столовой пахнетъ пасхальнымъ столомъ, заставленнымъ тюлевыми и сливочными бабами, печь которыя мать была большая мастерица; возлъ нихъ—поросеновъ съ кръномъ въ зубахъ; ягненовъ колючкомъ, уврашенный барвинкомъ; сало, толщиной котораго гордилась мать; крашенки и писанки. Ухъ, какъ это вкусно! А мы, въдь, почти весь постъ постились. Ахъ! какъ бы поскоръе разговляться! Но пора къ заутренъ. Раннее и свъжее весеннее утро, пріятный холодъ пронимаетъ молодое дътское тъло. Но вотъ мы въ церкви. Сквозь стекло купола я вижу го-

лубое безоблачное небо; слышится утренній врикъ пѣтуха. Маленькій и миленькій отецъ Иванъ служить, возглашая: "Христосъ воскресе!"—"Воистину воскресе!"—вторимъ мы ему, и дѣтскую душу наполняетъ какая-то радость, счастье, блаженство. Такъ въ нашей жизни свѣтлое переплетается съ темнымъ, воспоминаніе о голодѣ—съ воспоминаніями первой заутрени, которуко я до гробовой доски не забуду.

Еще эпизодъ изъ блаженнаго безграмотнаго дътства: раздълъ наследства после смерти юноши Шостака. Какъ живо я помню его желтое, какъ воскъ, лицо съ горячечными, черными главами, вогда онъ угасалъ отъ востобды въ Кіевъ, гдъ часто навъщали его мои родители, которыхъ онъ любилъ болве другихъ родныхъ. Юний, онъ угасъ, оставивъ дальнимъ роднымъ нъсколько именій въ полтавской губерніи. Събхались для раздъла кузены моей матери: Милорадовичи, изъ которыхъ и лучше запомниль Ниволая Ивановича, Корсунъ Явовъ Николаевичъ, панфиловскій Ильяшенко, Булюбашъ. Дълить нужно было крестьянъ пятьсоть. Сколько споровъ и разногласій запечатлівламоя дътская память! Какой сюжеть для комедін Гоголя! Мой отецъ, какъ человъкъ болъе развитой и образованный, взялъ перевъсъ надъ сонаслъднивами, подчинившимися его ръшенію раздёлиться по жребію. Кинули жребій: дрожащими руками вынимались бюллетени съ надписями имъній. Мать вынула село Гольцы, въ которымъ отецъ прикупилъ въ мъстечкъ Чернухахъ винокуренный заводъ, сдёлавшійся главнымъ источникомъ дохода и побудившій переселиться изъ чудеснаго Войтова въ неприглядные Гольцы, скоро сдълавшіеся второй нашей резиденціей. Раздёлъ овончили распредёленіемъ движимости: запасовъ меда, вива, построевъ. Два амбара съ оригинальной земляной вровлей, поросшей травой, перевезены были Корсуномъ изъ Голецъ въ доставшійся ему Старый хуторъ.

Этимъ эпизодомъ завершился періодъ моего безграмотнаго дѣтства, за которымъ послёдовало ученіе и періодъ дѣтства грамотнаго. Для помѣщиковъ, живущихъ по деревенскимъ захолустьямъ, вопросъ воспитанія дѣтей быль вопросомъ трудно разрѣшимымъ: педагоговъ тогда было мало въ городахъ, а въ деревняхъ можно было пріобрѣтать самыхъ сомнительныхъ. Родители поѣхали въ Кіевъ и привезли оттуда нашу первую гувернантву, Юстину Готфридовну Герисвальдъ, дочь фортепіаннаго мастера. Вмѣстѣ съ тѣмъ было пріобрѣтено тогдашняго фасона фортепіано, чтобы обучать старшихъ сестеръ музыкѣ. Я помню впечатлѣніе, вогда раздались первые звуки этого фортепіано,

подъ искусными пальцами гувернантки. Правда, у насъ и прежде быль флигель, принадлежавшій музыкальной теткі, но онь быль въ залогѣ у Подгаецкой, которая иногда ссужала деньги подъ залогь болье или менье пънныхъ вещей. Правда, это было не пососъдски, но Ольга Павловна Подгаецкая, набившая карманы культурой лука, въ денежныхъ делахъ была безпощадна. Вспоминаю, кстати, ея свадебный объдъ, на который взяли и насъ, дътей. Кушанье разносилось по чинамъ и значенью гостей. Но, вотъ, слуга подалъ прежде тостю низшаго ранга, и хозяйка, выругавъ во всеуслышаніе лакея, приказала прежде подать какомуто присутствовавшему мајору. Сволько помию, m-lle Герисвальдъ выучила меня грамотъ; - это было осенью. Я бъгалъ по саду, какъ бы прощаясь съ своей безграмотной волюшкой. Меня зовуть -- не дозовутся: страшно не хочется садиться за азбуку. Помнится, въ это время у насъ въ домв присутствовалъ Николай Ивановичь Танскій: онь удивлялся, какъ это внукъ генерала Тиринга, съ которымъ онъ былъ въ дружбъ, и будущій ученый профессорь-не хочеть учиться; но я съль за азбуку, и дело пошло на ладъ: я скоро сталъ читать. Инсать же я учился подъ наблюденіемъ отца, замізчательнаго каллиграфа. Чтобы не расходовать даромъ довольно цвиной тогда писчей бумаги, приготовлялась дома какая-то прозрачная бумага, которой писались разведеннымъ мёломъ палки, которыя потомъ стирались, и можно было писать вновь.

Наша первая гувернантка была честная нѣмка, добросовѣстно учившая, чему могла и какъ могда. Не запомнилъ я ни ея педагогическихъ пріемовъ, ни ихъ результатовъ. Сестры начали изрядно бренчать на фортепіано, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ музыку, стоя въ саду у открытаго окна. Юстину Готфридовну мы очень любили и познакомились съ ен семьей: къ намъ въ Войтово прівзжали ен отецъ, сестра и братъ, который насъ, дѣтей, ужасно пугалъ, внезапно вскрикивая: "я тебя съѣмъ"! И мы, вздрагивая, убѣгали отъ него, а онъ за нами гонялся. Намъ было жалко разстаться съ милой и доброй Юстиной, и мы не могли простить Шульцу, что онъ лишилъ ен насъ.

Нужна была новая гувернантва: вмёсто прежней некрасивой, но честной нёмки, появилась изящная и кокетливая полька— Паулина Осиповна Костецкая, бывшая прежде гувернанткой у кіевскаго богача Шіянова. Не помню, кто привезъ ее изъ Кіева, и чему и какъ она учила насъ. Помню только, что она превосходно пёла и превосходно кокетничала. Романтикъ и поклон-

никъ прекраснаго пола, отецъ не устоялъ, а мать приревновала: отправила Костецкую—въ Кіевъ, замѣнивъ новой гувернанткой. Эта третья наша гувернантка была Марья Петровна. Высокая, пожилая и, кажется, очень кроткая; но едва только начала она ученіе, какъ слегла въ постель и умерла, оставивъ намъ въ наслъдство свое выморочное имущество—огромный красный сундукъ, наполненный мелочами, который, какъ можно было думать, покойница очень берегла и цѣнила. Не знаю, почему появилась опять въ нашемъ домѣ Костецкая, но скоро замѣнили ее четвертой гувернанткой, Настасьей Герасимовной, если не ошибаюсь, изъ полтавскаго института. Мы вообще были склонны любить нашихъ гувернантокъ—полюбили и ее, рыжую и въ веснушкахъ. Чему она учила сестеръ, не знаю, но помню, что я главнымъ образомъ изучалъ по книгѣ Арсеньева географію Испаніи. Одинъ Богъ вѣдаетъ, почему именно Испаніи, а не другой какой страны.

Періодъ гувернантовъ кончился, и въ результатъ было то, что я выччился читать, кое-какъ писать, да зналь, что Испанія къ свверу граничить Пиринеями, а въ западу Португаліей. Эта обширная эрудиція стоила родителямъ большихъ хлопотъ и затратъ. Но что они сами, недоучившіеся, могли больше сдёлать при педагогической безпомощности не только деревенскаго, но и городского обитателя того времени? Къ этому времени относится смертельная бользнь моей матери посль рожденія брата Ипполита. Отъ жестовой родильной горячки ее спасло только усердіе и искусство незабвеннаго Гавріила Ивановича Баталина. Я обожалъ свою мать, хотя она любила меня меньше, чъмъ Владиміра. Моя дітская душа изнывала оть горя. Въ моей памяти неизгладимо запечатлълась торжественная сцена, когда мы всъ собрались вокругъ постели умирающей, когда она подписывала дрожащей рукой духовное завъщание въ пользу отца, написанное Николаемъ Ивановичемъ Танскимъ. Радость моя была безконечна, когда мать начала поправляться и, изнеможенная, исхудалая, съ бритой головой, начала оставлять свое ложе и выходить въ намъ. Кавъ красива казалась она мив тогда, и какъ и жадно цъловалъ ея руки — ея славныя, хорошо знакомыя мнъ руки, которыя столько разъ дълили лакомства между нами!

Опыть гувернантовъ не удался. Начался опыть гувернеровъ. Первымъ является баронъ Иванъ Петровичъ Дескотье, полковникъ швейцарской службы. Не знаю, имълъ ли онъ право называть себя барономъ и полковникомъ, но я корошо помню его оригинальную воинственную фигуру: лысую голову съ огромнымъ шрамомъ на лбу и неизмѣнный военный сюртукъ синяго

Томъ І.—Январь, 1903.

цвъта съ врасными лацканами. Онъ пробылъ у насъ года два и выучиль изрядно говорить по-французски, безжалостно надъвая марку, какъ называлъ онъ деревянную дощечку на шнуркъ, за всякое употребленіе русскаго языка. Наше ученіе состояло главнымъ образомъ въ переводъ Телемака и въ зубреніи французсвой граммативи Шапсаля. Мяв и теперь представляется фигура неутъшной Калинсо, а изъ грамматики Шапсаля я и теперь могъ бы цитировать нъвоторые вытверженные параграфы. Баронъ совершилъ съ нами одинъ перевздъ въ Гольцы, гдв перезимовавъ, мы опять возвратились въ Войтово; но обдими баронъ очень любилъ водочку, которая разгорячала его симпатичный нравъ. Его ссоры съ дворовыми, а особенно съ лакеемъ Ефимомъ и влючницей Дунькой надобли родителямь, и они заменили его другимь изъ дома помъщива Чучмарева, сослуживца моего отца по лубенскому гусарскому полку. Совершенно другого типа былъ этотъ Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Онъ называлъ себя питомпемъ вънскаго университета, но скоръе былъ бердичевскимъ евреемъ. Но прежде чёмъ онъ появился въ нашемъ домв, замънивъ барона Дескотье, быль у насъ недолго еще одинъ педагогъ: это быль Познявъ-типъ, харавтеризующій педагогію добраго стараго помещичьяго времени. Случилось такъ, что когда былъ разсчитанъ Дескотье - услышавъ, можетъ быть, объ этомъ, въ намъ во дворъ появился человъкъ, съ виду совершенный босякъ, но съ дипломомъ дерптскаго университета. Онъ предложилъ отцу занять вакансію нашего учителя. Поклонникъ деритскаго университета, съ которымъ онъ, можетъ быть, быль знакомъ по стихамъ Дельвига и Язывова, отецъ обрадовался такой дорогой находиъ. Общитый и обмытый, босявъ сълъ на предсъдательское мъсто за нашимъ учебнымъ столомъ. Но недолго просидълъ онъ на немъ. Величественная ключница Дунька давно къ нему присматривалась съ проніей, особенно когда онъ, какъ будто изнъженный и избалованный, закрывши платочкомъ голову, шествовалъ изъ своего пом'вщенія въ нашу учебную комнату: страсть педагога въ алкоголю была открыта, и, пробывши у насъ бевъ году недълю, онъ былъ разсчитанъ. Дерптскаго студента и смънилъ студенть вънскій-Иванъ Васильевичъ Гросманъ. Это быль маленькій, юркій челов'якъ, съум'явшій подділаться въ отповскимъ внусамъ. Онъ быль поэтому въ силъ и холъ. Съ нимъ вмъстъ явился и учитель музыви для дочерей, бёлокурый юноша Нарцисъ, служившій постоянно мишенью для насм'єшень отца и Гросмана. Скоро музыку сестрамъ сталъ преподавать полякъ Захаркевичъоригинальный амбулаторный маэстро. Онъ почти жилъ въ своей громадной вибиткъ, въ которой разъвзжаль по полтавскимъ помъщивамъ, обучая ихъ дочерей музывъ. Его считали учителемъ музыки несравненнымъ и дорого платили ему за уроки. Сестрой Сашенькой онъ гордился, какъ лучшей своей ученицей. Съ перевздомъ нашимъ въ Гольцы, онъ сталъ навзжать и туда, просиживая за уровани нъсколько дней. Его смънилъ Мартынъ Осиповичъ Черноцкій, тоже полякъ, игравшій замівчательно на скрипків. Я помню звуки его хорошей скрипки, когда, забравшись въ обрывъ, примывавшій къ сосъднему лъсу, онъ съ артистичесинкъ увлечениемъ отдавался ей. Неразлучнымъ его спутникомъ быль вышколенный имъ пътукъ, котораго онъ, кажется, выучиль подиввать его скринкв. Человвкъ талантливый, маэстро этотъ такъ же любилъ алкоголь и такъ же своро разстался съ нами. Гросманъ началъ свои занятія еще въ Войтовъ, но продолжаль вят и въ Гольцаят, въ которые мы переселились, если не ошибаюсь, въ 1842 году. Намъ жалко было Войтова, гдъ каждый вустивъ, важдое деревцо были намъ знакомы съ самаго начала нашей жизни; жалко было нашего бёлаго, привётливо выглядывавшаго дома, жалво было и чудеснаго фруктоваго сада. А ужъ вавъ жалво было разстаться съ нашей прекрасной церковью, въ воторой мы были у первой заутрени, и съ о. Иваномъ, нашимъ любимцемъ! А ужъ о моей старушев нянв, о нашихъ любимыхъ врестьянахъ и особенно Алексев садовнике - и говорить нечего. Мы обливались горьвими слезами, когда въ громадную зеленую варету - издёліе экипажных мастеровъ Николая Ивановича Тансваго - посадили насъ съ матерью и беременной тогда сестрой Върой. Нашъ громоздкій повздъ двинулся въ путь, и разстались мы съ Войтовымъ, воторое теперь, въ старые годы, представляется мив однимъ изъ лучшихъ пунктовъ земного шара. Въ самомъ дълъ я и теперь не могу понять, что побудило отца перемънить мъстопребывание семьи, промънявъ родной уъздъ и родное наше село на чужой увздъ и неприглядные Гольцы.

Гольцы въ самомъ дёлё были непригляднёе въ сравненіи съ нашимъ славнымъ Войтовымъ. Правда, гористый лохвицвій уёздъ далеко живописнёе ровнаго и степного переяславльскаго. Не даромъ первый иногда называли малороссійской Швейцаріей: лохвицкій уёздъ могъ соперничать пейзажами съ лубенскимъ. Не забылъ я до сихъ поръ такихъ чудныхъ видовъ, какъ Чернухи, Остаповка, Бёлоусовка и др.: горы да овраги, группы пирамидальныхъ дубовъ, изрёдка протекающіе источники чистой воды. Много было подобныхъ пунктовъ и въ нашемъ имёніи: ненаглядный окопъ со всёми своими урочищами,

въ которыхъ культивировались плантаціи табака и чудесные баштаны. Но наша усадьба въ Гольцахъ не представляла ничего привлекательнаго: она лежала въ центръ села; какъ разъ противъ нашего дома стоялъ въ развалинахъ домъ мелкопомъстнаго помъщива Долинскаго, имъніе вотораго, за лютое обхожденіе его жены съ крепостными, давно взято было въ опеку. Страхъ пронималь насъ, вогда въ этомъ опуствломъ домв намъ повазывались комнаты, гдё истязались крыпостныя дывки, которыхъ злая помъщица ревновала въ мужу. Кругомъ былъ хорошій фруктовый садь, плоды котораго делались жертвами ловкаго ползуна, брата Мити. За этимъ садомъ -- длинный, предлинный сельскій выгонъ; справа - сельское владбище, гдъ теперь повоится моя мать; слева - усадьба, другого мельопоместнаго, Долинскаго, где проживала пара, напоминавшая старосветских помещиковъ Гоголя. Дальше за усадьбой --- чудный березовый лёсь, въ которомъ мы неръдко устроивали пикники, а за нимъ извивается дорога въ Бевсалы, куда я впоследствін вздиль верхомъ къ своей невъстъ. Старая деревянная церковь, которая потомъ была замънена новой, была возл'в самаго дома, изъ котораго иногда можно было выслушать богослужение. Но богослужение совершаль чудной отецъ Романъ, а не нашъ милый войтовскій о. Иванъ. Фруктовый садъ, примыкавшій къ усадьбъ, быль очень печаленъ: сорта фруктовъ самые первобытные, да и фруктовыя деревья не держались на дурной почвъ и своро высыхали. Не было ни вуртинъ съ чудными кустарниками, ни такихъ цвътовъ, какъ въ Войтовъ. Словомъ, обмънъ Войтова на Гольцы легъ тяжелымъ камнемъ на дътскую душу, которая по временамъ изнывала отъ тоски по родному селу. Начатое въ Войтовъ ученіе Гросманъ продолжаль и въ Гольцахъ. Педагогическій методъ не измінился: та же неутільная Калипсо, то же зубреніе граммативи Шапсаля и географіи Арсеньева. Право, не помню, учился ли я ариометивъ? Единственною прибылью было, что я выучился читать по-нёмецки и Гросмань привезъ мнъ въ подаровъ изъ Кіева нъмецкую внигу. Недолго, впрочемъ, онъ продолжалъ насъ учить: онъ почему-то не поладиль съ отцомъ и быль разсчитанъ. Мы остались безъ учителя. Но каковы были результаты нашего ученія у четырехъ гувернантовъ и трехъ учителей? Я вое-кавъ читалъ и плохо писалъ, зналъ границы Испаніи и гроты Калипсо, но болье не въдаль ничего, даже четырехъ правилъ ариометиви! Время шло, и мев было уже одиннадцать лётъ. Тогда заговорило сердце моей дорогой матери, и она сдълала сцену отцу за то, что тотъ не радъль о нашемъ воспитаніи, и что насъ пора уже отдать въ гимназію.

Въ селъ Луговивахъ, лохвицкаго уъзда, владълъ небольшимъ нивніемъ Владиміръ Юрьевичъ Савицкій, съ которымъ отецъ завизалъ дружеския отношения еще въ то время, когда мы жили въ Войтовъ, и онъ по винокуреннымъ дъламъ ъздилъ въ село Гольцы. Отецъ воспринималь одного изъ сыповей Савицкаго, и вогда последній продаваль свое именіе и имущество, то купиль у него на сломъ домъ, коляску и семью крестьянина Табачника. Я помню, какъ этотъ сломанный домъ сначала перевозили въ Войтово, а потомъ — въ Гольцы, гдв любимый нами Михайло плотникъ сложилъ его въ новый домъ, который такъ и остался ве вполет оконченнымъ, такъ какъ тому же Михайлъ скоро пришлось сдёлать для усопшей матери дубовый гробъ, а по сверти матери всв двла остались неоконченными. Этотъ Савицкій, продавъ свое лохвицкое имъньице, переселился въ Кіевъ, гдь, по протекціи всесильнаго тогда Писарева, получиль місто помощнива инспевтора студентовъ. Отецъ затъялъ отвезти меня н брата Владиміра въ Кіевъ, помъстить насъ на квартиръ у Савицкаго и найти студента-репетитора, который бы приготовлать насъ въ гимназію: меня-во второй, а брата-въ первый ыассъ. Задумано—сделано. И вотъ, въ сентябре, въ нашей новой коляскъ, съ неизмъннымъ кучеромъ Оедькой, у котораго еще долго посяв освобожденія крестьянъ больла спина отъ щедрыхъ паловъ, миніатюрнымъ форейторомъ Петрушкой и вамердинеромъ отца, Иваномъ Оедоровичемъ, умъвшимъ сладво дремать на запяткахъ, пустились въ путь. Завхали въ моей врестной, въ Оржицу, гдв присоединился въ намъ ея сынъ, Евгеній, окончившій тогда курсь черниговской гимназіи и колебавшійся въ выборі университета — съ серебряными или золотыми пуговицами-въ Харьковъ или въ Кіевъ.

Не забыть мий до смерти то впечатливне, какое на меня произвели чудные пейзажи Кіева, и особенно видъ величественнаго зданія университета св. Владиміра, когда мы стали спускаться по Университетскому спуску. Это было въ 1843 году, а университеть быль окончень въ предъидущемъ, и поэтому сіяль своей новивной. Это было, дъйствительно, преврасное, грандіозное зданіе, достойное строительнаго генія императора Николая. Мы прямо подъйхали къ университету, и насъ высадили у квартиры Савицкаго. Она пом'ющалась тогда тамъ, гді теперь квартира экзекутора.

Жутво повазалось намъ въ этомъ вазенномъ помъщении, вогда родители насъ оставили. Репетиторъ былъ уже припасевъ. Это былъ казеннокоштный студентъ перваго семестра

юридическаго факультета, сынъ небогатаго помъщика въ селъ Харьковцахъ, пирятинскаго уъзда, Александръ Осиповичъ Мачтетъ. Дальній родственникъ нашихъ сосъдей по Гольцамъ, онъ навъстиль ихъ лътомъ, по окончаніи ку са 2-ой кіевской гимназіи, и познакомился съ моими родителями. Я помню, какъ онъ, подъвхавъ къ крыльцу, выпрыгнулъ изъ экипажа. Очень помню его длиннополый сърый сюртукъ и студенческую фуражку. Помню, какъ онъ басомъ декламировалъ Кольцова: "Моя юность цвъла подъ туманомъ густымъ, —и что ждало меня, я не видълъ за нимъ" — слышится мнъ и теперь. Коренастый и сутуловатый, съ ярко-краснымъ румянцемъ на лицъ, онъ имълъ чисто калмыцкій типъ. Отецъ такого развитого и талантливаго писателя, какимъ былъ его сынъ, покойный Мачтетъ, на студенческой скамьъ мечталъ только о томъ, какъ бы сдълаться когда-нибудь уъзднымъ стряпчимъ или судьей.

Въ первый разъ я разстался съ родительскимъ домомъ и своей семьей; тосковаль я по нимь ужасно; испытываль почти mal du pays. Въ Войтовъ я захватилъ въ саду комокъ родной земли и хранилъ его, какъ завътную святыню. Въ Кіевъ я часто бываль въ детскомъ возрасте, такъ какъ мать почти всегда брала съ собой меня и Владиміра. Гостинницъ тогда почти-что не было, а были постоялые дворы. Въ одномъ изъ нихъ, на Печерскъ, мы всегда и останавливались. Печерсвъ тогда былъ центромъ Кіева, а двъ его улицы - Никольская и Московская -были лучшими улицами въ Кіевъ. Здъсь были знаменитыя кондитерскія Финке, Бекерса. Въ Никольскихъ рядахъ были самые шикарные магазины, — напримъръ, лучшій мануфактурный магазинъ Быльцева, перешедшій потомъ на Крещатикъ, въ домъ Эйсмана. Дивпръ быль тогда полноводиве, и этихъ ужасныхъ мелей, предсказывающихъ его исчезновение, еще не было. Цепного моста не существовало, а большею частью была переправа на паромъ, на лъвомъ берегу пристававшая въ знаменитому трактиру Рязанова, славившагося своимъ чаемъ и маринадами. Сооруженіе вріности на Печерскі, столь озабочивавшее императора Ниволая, сдвинуло Кіевъ со стараго мъста и потянуло его внизъ. Университетъ сталъ его притягивать въ себъ: появилось Новое-Строеніе, воторое начало постепенно застроиваться. Въ 1843 году на немъ были разбросаны деревянные домики. Крещатикъ только-что началъ подниматься, но и на немъ стояли деревяшки. Единственное выдававшееся зданіе было зданіе, въ которомъ помѣщалась 2-ая гимназія, на углу Лютеранской улицы. Крещативъ оканчивался деревяннымъ балаганомъ, гдъ пом'вщался театръ, и гдъ теперь Европейская гостинница. Въ этомъ театръ я въ первый разъ видълъ сцену, и не могу забыть того впечатлънія, которое произвелъ на меня "Шельменко-деньщикъ" и балерина Адель, танцовавшая въ антрактахъ. На моихъ глазахъ засаживался Бибиковскій бульваръ тополями и осокорями, которые уже исчезаютъ. Онъ оканчивался у теперешней Владимірской улицы, за которою между университетомъ и Миниховымъ валомъ, тянувшимся вдоль Подвальной и Проръзной улицъ, шелъ длинный пустырь, на которомъ возвышались деревянные амбары, глъ хранились интендантскіе склады. Ботаническій садъ оканчивался тогда Траутфетеровской горкой, за которою, вплоть до Митрополичьей рощи, было пустое пространство, на которомъ стояли палатки какого-то лагеря.

Таковъ былъ нашъ Кіевъ-красавецъ въ 1843 году, когда мы съ братомъ Владиміромъ стали приготовляться въ гимназію подъ кровомъ университета св. Владиміра. Этотъ университетъ сталъ близовъ и родственъ моей отроческой душѣ съ первыхъ дней пребыванія въ немъ. Какъ будто я предчувствовалъ, что придется служить ему почти всю мою жизнь. Мечтой моей сдъламось быть студентомъ словеснаго факультета или, какъ тогда называли, перваго отдѣленія философскаго факультета. Мечту эту я лелѣялъ въ теченіе всего моего гимназическаго курса, и только случайныя обстоятельства сдѣлали изъ меня не словесника, а юриста. Въ моей отроческой памяти живо запечатлѣлась жизнь университета въ 1843 году.

Попробую свести въ порядовъ мои разсѣяныя воспоминанія. Еще не быда разорвана связь университета съ Кременцомъ и Вильной; но послѣ закрытія университета и дѣла Канарскаго полонизмъ въ немъ пріутихъ, такъ что опъ былъ замѣтнѣе въ пятидесятыхъ годахъ, когда я былъ студентомъ. Попечителемъ округа былъ тогда князь Давидовъ, котораго я много разъ видѣлъ въ университетской церкви, гдѣ я бывалъ каждое воскресенье. Мнѣ и теперь мерещится его камергерскій ключъ. Помощникомъ его былъ Юзефовичъ, но онъ не имѣлъ еще того значенія и той власти, какими пользовался впослѣдствіи. Вліяніе правителя канцеляріи, Лазова, преобладало.

Ректоромъ университета былъ чудесный человъкъ, Василій Оедоровичъ Оедоровъ. Студентами правилъ отставной гвардейскій полковникъ Сычуговъ, которому помогали пять субъ-инспекторовъ: трое изъ нихъ—Троцкій, Гудимъ-Левковичъ и Савицкій—жили въ зданіи университета, а двое—Леванда и Стешинскій—жили внѣ университета. Троцкій н Гудимъ-Левковичъ въдали

студентовъ вазенновоштныхъ, а своекоштными, разделенными на три участва, завъдывали остальные. Ежедневно педель являлся въ Савицкому съ рапортичкой о студентахъ его участва: кто изъ нихъ боленъ, вто - нашалилъ, вто - вуда то дъвался. На основаніи такихъ рапортичевъ, представлялся довладъ инспевтору. Всёхъ студентовъ было тогда отъ четырексотъ до патисотъ. Я постоянно изучалъ ихъ списокъ, изъ котораго я и понынъ помню фамиліи: Батезатъ, Думкель, Дьяченво, Чалый и др. Студенты дълились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Первые жили въ камерахъ четвертаго этажа, а для слабогрудыхъ отведено было помъщение во второмъ этажъ, гдъ теперь профессорская лекторія. Меня и брата очень баловали казеннокоштные студенты; мы часто хаживали въ ихъ камеры за бумагой и карандашами. Всегда я видёлъ ихъ въ халатахъ и фуражвахъ, съ длиенымъ чубукомъ въ рукахъ. Они должны были держать семестровки, и поэтому-заниматься более своекоштныхъ. Большинство своекоштныхъ были сыновья помъщивовъ западныхъ и малороссійскихъ губерній, и большею частью - люди достатва. Между ними встръчалось не мало титулованныхъ: графы Тышвевичъ и Нелинъ, князья Дабижа, Яблоновскій и др. Помню я слухъ о дуэли графа Тышкевича съ графомъ Нелинымъ. Болъе достаточные студенты ввартировали у профессоровъ, чтобы пройти университетскій курсь безъ работы. За это они платили большія деньги. Сколько помню, квартирантовъ держали профессора: Новицкій. Дьяченко, Оедотовъ-Чеховскій и, помнится, Ставровскій. Вообще, студенчество въ то время было зацечатлъно дворянсвимъ аристократическимъ характеромъ: демовратические элементы едва проступали. Меня особенно интересовали профессора словеснаго факультета, и въ моей памяти хорошо запечатлълись фигуры некоторых изъ нихъ. Помню я, напримеръ, прекрасную фигуру Максимовича, который читаль тогда лекціи по найму, - когда въ университетской церкви онъ внимательно вслушивался въ бледную проповедь о. Скворцова. Помню франтоватую фигуру Ореста Марковича Новицваго, о которомъ, вогда онъ еще быль преподавателемъ переяславльской семинаріи, сложили пъсню:

> "Неподражаемая штанность, И баки черныя до плеть".

Помпю, какъ онъ катилъ со своей красивой женой въ колискъ à la Юзефовичъ. Помню я элегантную фигуру Костыря, когда онъ, на своей паръ въ оглобли, пріъзжалъ на лекціи. Вспо-

минаю я и серьезную фигуру Авсенева, который читаль "Исторію души" 1). Изъ профессоровъ другихъ факультетовъ я помню Вальтера, Дьяченко и Оедотова: мальчикомъ я бъгаль въ университетскую церковь, чтобы видъть, какъ всё они трое вънчались. Какъ живая, предо мною стоитъ и фигура молодого Караваева, когда онъ заходилъ въ анатомическій театръ, который тогда поміщался въ сіверной части университетскаго зданія. Трупарня была на сіверномъ дворъ. Я однажды забъжаль въ нее, но и до сихъ поръ не могу забыть того ужаса, который произведенъ былъ смрадомъ и видомъ синихъ труповъ. Таковы мои воспоминанія объ университеть въ 1843 году, въ которомъ, черезъ тринадцать літъ, мніть пришлось сівсть на каеверу, которую имітю честь занимать сорокъ-шестой годъ и съ которой до гробовой доски не хотівлось бы разстаться.

Занятія съ Мачтетомъ шли довольно успѣшно. Въ промежутки между уроками я зачитывался "Паномъ Подстоличемъ", котораго захватилъ изъ нашей домашней библіотеки. Ужасно я полюбилъ этого литовскаго пана, любуясь его образцовымъ хозяйствомъ...

Подходило Рождество 1843 года. За нами прівхала тетушка, чтобы увезти насъ на святки домой. Нашей радости и конца не было. На прощанье съ Кіевомъ я, одиннадцатильтній стихоплеть, написаль стихи:

"Прощай, Кіевъ, Съ крутыми горами, Съ зымии врагами... Швідко я побачу рідну Украіну: Тамъ и дюди пріятвійши, Земля зеленійша"...

Подъ вліяніемъ Шевченка многіе тогда стали писать малорусскіе стихи, и я, ребенокъ, потянулся за взрослыми поэтами. Выла безснъжная зима, безъ саннаго пути. Мы всъ вмъстъ съ нашимъ репетиторомъ Мачтетомъ усълись въ бричкъ и покатили по броваровскому шоссе. Здъсь случилось съ нами маленькое происшествіе. Посреди шоссейной дороги виденъ былъ какой-то черный предметъ, надъ которымъ крестилась какая-то баба, прося насъ избавить ее отъ него. Кучеръ Өедька подхватилъ его на

¹⁾ Авсеневъ взяль, какъ-то, изъ университетской библіотеки книгу Strauss'a: "Das Leben Jesu", но читать ее не могь равнодушно, и кончиль тёмъ, что бросиль ее въ топившуюся печь и сжегь, чтобы она не подала кому-либо другому повода къ соблани ("Біографич. Словарь профессоровъ и препод. универс. св. Владиміра").

козлы. Оказалось, что это изящная шкатулка изъ краснаго дерева. Остановились мы въ Броварахъ, чтобы вормить лошадей: запыхавшійся верховой объёзжаль постоялые дворы, допытываясь, не подняль ли вто изъ провзжихъ оброненную шватулку. Кучеръ объясниль, что она была поднята нами. Когда тоть получиль ее, то свазаль, что она принадлежить внязю Голицыну и что въ ней хранится пятьсоть тысячь денегь. Въчно нуждавшійся въ деньгахъ отецъ никогда не могъ простить теткъ и ен спутнику. студенту-юристу, что они не съумъли воспользоваться законнымъ правомъ находки. Прібхали, наконецъ, домой. Что за счастье и блаженство обнять мать, перецеловать сестеръ и братьевъ! Воть и святки со всёми своими развлеченіями. Особенно часто мы вздили въ ближайшую Белоусовку, где проживали лучшіе наши знакомые помъщики, Петровскіе, и жена одного изъ нихъ-интересная Катерина Ивановна-моя первая любовь, мои первыя любовныя записочки. Мев и теперь слышатся пётые ею слабымъ голосомъ романсы, и особенно:

> "Нѣть, докторь, нѣть, не приходи! — Твоя наука не поможеть"...

Но веселое время своро проходить. Прошли праздниви, и въ половинъ января, когда въ тогдашнее время начинались контравты, мы возвращены были опять въ Кіевъ, къ тому же Савицкому, чтобы продолжать учение подъ руководствомъ того же Мачтета. Установился санный путь, и мы славно катили въ герметически заврытомъ возкъ, обитомъ внутри зеленымъ войловомъ. Прівхали въ Кіевъ въ разгаръ контрактовъ, и отецъ нашелъ вакого-то не то управляющаго, не то арендатора, Ивана Григорьевича Вавиловскаго, который съ техъ поръ вавъ бы приросъ въ нашей семью, котя совсюмъ намъ былъ ненуженъ; но у отца была слабость довъряться первому встръчному, за что неръдко онъ и бывалъ наказанъ. Да и вообще въ дворянскихъ нравахъ того времени не было охраны неприступности домашняго очага отъ всяваго лишняго посторонняго человъва. Тогда почти во всякой дворянской семь в можно было найти лишняго человъка, сдълавшагося не то другомъ, не то совътникомъ. А въ нашей семьъ не мало было такихъ друзей и совътниковъ, о которыхъ и вспоминать тошно. Возобновленныя занятія пошли изрядно: студентъ Мачтетъ, конечно, лучше понималъ педагогію, чъмъ доморощенные педагоги Войтова. Вспоминаю свътлый праздникъ -- объдню и заутреню въ университетской церкви въ 1844

юду. Торжественеве богослуженія я нивогда не видёль: въ первы чуть не всв профессора университета — въ полной парадной формъ; представители кіевскаго beau monde'a; попечитель вазь Давидовъ съ Юзефовичемъ; многолюдная группа студентовъ въ мундирахъ съ треуголками. Ни души изъ простонародья: ревностный въ своему делу церковный староста, профессоръ Оедотовъ-Чеховскій, не допустиль бы этого. Пошла чудесная весна, а съ нею прогуден въ Ботаническомъ саду, который тогда разбивался и засаживался, или какая-то сложная игра въ мячъ сь Шустерусами, дътьми университетскаго чучельника. Въ мав ивсяцв наша мать, побывавъ на свадьбе у Ниволая Ивановича Танскаго, выдававшаго свою племянницу Марью Кирилловну занужь за лохвицкаго пом'вщика Сукова, прівхала въ Кієвъ, чтобы забрать насъ домой, гдв бы мы продолжали наше приготовление вы гимназію съ тамъ же Мачтетомъ, который провель цалое льто въ Гольцамъ. Выборъ гимназіи сделанъ былъ отцомъ -- это была нъжинская гимназін. Нъжинъ считался малороссійскими Авивами. Университета въ Кіевъ еще не было, а гимназія высших наукъ замёнила для местнаго дворянства Кіево-Братскую аваденію, въ которой когда-то воспитывались Безбородки, Завадовскіе и др. По всей Малороссіи гремъла слава заведенія, въ ствихъ вотораго учились Гоголь, Кукольникъ, Гребенка и др.

Понятно, что выборъ отца остановился на Нѣжинъ, и онъ началъ собираться туда. Захарій Алексвевичъ Бутовичъ посовътоваль ему устроить насъ у старшаго учителя гимназіи, Явова Калинивовича Дубницваго. Цфна за содержаніе назначалась весьма приличная, а денегь въ запасъ не было. Прежде всего нужно было достать ихъ. Отецъ поъхаль со мной въ Лохвицу в въ моемъ присутствіи молиль еврея—отвущика Дунаецваго, который не мало поживился отъ нашей виновурни, молиль ссудить ему нужную сумму. Послъдоваль ватегорическій отказъ. Послъдовали новыя мольбы, адресованныя въ мъстному авантюристу Сурнну, который вняль этимъ мольбамъ и даль нужную сумму. Но дорого обощелся семьъ этотъ заемъ: образовался долгъ, отъ котораго нельзя было никакъ освободиться, несмотря на всяческія погашенія. Деньги положили въ карманъ, съли въ коляску шестерней и покатили въ Нѣжинъ, въ сентябръ 1844 года.

III.

Пріемные экзамены и поступленіе въ гимназію.—Житье-бытье у учителя гимназів, Дубницкаго.—Смерть матери.—Нажинъ.—Лицей и его директорь.—Гимназія, ел ученики и преподаватели. - Прохожденіе гимназіи.—Общая квартира Шапошникова.—
Окончаніе курса гимназіи.

Сомнъваюсь, чтобы мы были хорошо приготовлены въ пріемному экзамену, и если выдержали его удовлетворительно-я во второй, а брать въ первый классъ, -- то благодаря протекціи старшаго учителя, Дубницкаго, у котораго на квартиръ мы были устроены. Хорошо помню, какъ насъ, щегольски одътыхъ матерью, привезли въ гимназію и ввели въ конференцъ-залу, въ воторой производились эвзамены. Забилось сердце и стало жутко и страшно. Законоучитель Мерцаловъ спросилъ меня о рожденін Монсея: я бойко началь: "Во время вышеупомянутаю притвененія израильтянъ въ Египтв родился Монсей". — "Но вы же объ этомъ не упоминали", -- свазалъ Мерцаловъ. Я сбилси и не могь продолжать. Отъ меня онъ перешель въ Владиміру, предложивши ему вопросы, и спросиль его: "Какая будеть тринадцатая ваповъдь"? Братъ смъщался и не могь отвътить. Когда мы объ этомъ передавали матери, то она сказала: "Было бъ тебъ, Володя, отвётить, что тринадцатая заповёдь запрещаеть спрашивать о томъ, чего нътъ въ внигъ". Не помпю, какъ я отвъчалъ изъ другихъ предметовъ. Я въ особенности боялся ариометики, въ которой быль совсёмъ слабъ. Но экзаменъ признали удовлетворительнымъ: меня приняли во второй классъ, а брата-въ первый. Возвращаясь изъ гимназіи, какъ радостно и торжественно подкатили мы въ знаменитому въ Нъжинъ магазину Куликовыхъ, въ которомъ родители покупали нужное и лишнее. Дорогая мать не нарадовалась нашему успъху. Портному Ицев были заказаны гимназические сюртуки, которыми мы не могли вдоволь налюбоваться. Насъ сдали Дубницвому, и на прощанье мать кръпко обняла насъ и перекрестила, какъ бы предчувствуя, что видитъ насъ въ последній разъ и что уже близовъ ея последній часъ.

Семья Дубницкаго состояла изъ него и его молодой, прехорошенькой жены, Лизаветы Людвиговны, на которой онъ недавно женился. Это была дочь Піотровскаго, содержателя пансіона и учителя танцевъ. Молодая и хорошенькая, она едва ли была довольна своимъ мужемъ, некрасивымъ и чахоточнымъ. Поклонница Жоржъ-Зандъ, всё романы которой она перечитала, она жаждала любви и приключеній. Къ семьё принадлежали и два брата: Николай, ученикъ седьмого класса, и Иванъ-пятаго. Оба они не были наделены особыми талантами, но учились прилежно, весьма аккуратно исполняя всё обязанности гимназиста. Николай все говориль о своемь поступлении въ московский университеть, гдь онь хотьль слушать въ особенности Морошкина: имена другихъ тогдашнихъ профессоровъ едва ли ему были извъстны. Квартира наша была въ домъ Науменка съ высовимъ врыльцомъ, съ котораго открывались виды на печальные пейзажи въчно-гразнаго Нъжина. Жилось намъ кое-какъ. Лизавета Людвиговна была скуповата, и мы часто бывали впроголодь: мягвая булва, которая стоила тогда 5 копрекъ ассигнаціями, събдалась съ жадностью. Мы скоро начали ходить въ гимназію, иногда по-вольно въ грязи. Меня томила какая-то тоска, какое-то тяжелое предчувствіе. Мысль о томъ, что моя дорогая мать умреть, не давала мит покоя. Эта мысль лишала меня сна. Я думаль, не переживу я ее и совершу самоубійство, проглочу кусовъ зеленаго стекла разбитой бутылки и подавлюсь имъ. Во сив и на яву представлялся мив ен возлюбленный обликъ. Надъ моей постелью висели врахмальныя юбки г-жи Дубницкой, и я однажды увидъть лицо матери, глядъвшее на меня изъ-за этихъ юбокъ. Такъ чутка юная душа къ ожидаемому горю. Все это испытывалось мною въ октябръ, а 20-го числа этого мъсяца моя мать истевла вровью, и ея не стало. Смерть ея долго сврывали отъ насъ, и она стала извъстна намъ только въ декабръ, когда привезли насъ на святки домой. Братъ Владиміръ, котя и былъ любимцемъ матери, меньше чуяль и чувствоваль ея болёзнь и смерть. Хорошо я помню первое впечатление гимназів. Когда я увидълъ роскошныя ветлы въ гимназическомъ саду, я подумалъ: не изъ нихъ ли выръжутъ розги, которыми меня такъ больно висвкуть? Первыя впечатавнія вообще были горькія и тяжелыя. Первый день въ влассъ не порадовалъ меня: учитель ариометиви, съ урока котораго я началъ ученіе, Францъ Антоновичъ Куливовскій, съ которымъ я не ладиль и впоследствін, повазался мнъ весьма непріятнымъ; шумъвшіе въ перемъну товарищи показались мить грубыми, неблаговоспитанными шалунами. Съ тяжелой тоской въ сердцъ я окончилъ свой первый день въ гимназіи, о воторой, однакожъ, осталось у меня самое свётлое и симпатичное воспоминаніе.

Городъ Нѣжинъ еще сохранялъ въ это время слѣды своей греческой національности: встрѣчались дома необычной въ русскомъ городѣ архитектуры, принадлежавшіе владѣльцамъ съ греческими фамиліями. Встрѣчались физіономіи греческаго типа, а

иногда и греческіе костюмы. Настоятелемъ греческой церкви быль архимандрить, истый грекь, совершавшій богослуженіе на греческомъ язывъ; а въ греческомъ алевсандровскомъ училищъ, въ которомъ учились греки-мальчики, директоромъ быль Манцевъ, съ самой греческой физіономіей и съ самымъ не-русскимъ язывомъ. Тъмъ не менъе, малороссійскіе элементы преобладали, и малорусскій Нажинъ быль однимъ изъ самыхъ малороссійскихъ городовъ: едва ли где можно было встретить столько Наливаекъ, Дорошеновъ, Полуботовъ, Самусей и Паливодъ, какъ въ списвахъ ученивовъ нъжинскихъ учебныхъ заведеній. Едва ли гдъ были болъе малороссійскіе нравы и обычаи, вакъ въ окрестностяхъ этого эксъ-греческаго города. Гимназія высшихъ наукъ, а потомъ лицей, несомнънно имъли животворное, культурное вліяніе на край и его интеллигенцію: дворянское общество нажинскаго увзда было гораздо просвещенные, чемъ въ лохвицкомъ или переяславльскомъ убядахъ. Троципы, Раковичи, Макаровы, Почеви и др. были бы подъ стать хоть столичному дворянству. Лицей имълъ еще одно важное значеніе — онъ былъ школой, въ которой подготовлялись профессора для университета св. Владиміра: изъ него въ намъ перешли Бунге, Незабитовскій, Лашнюковъ, Яснопольскій. Заміна лицея историко-филологическимъ институтомъ была медвъжьей услугой просвъщенію врая. Посвященный спеціальности, въ которой край нуждался такъ мало, институть не могь имъть съ нимъ органической связи и сдълался мъстомъ воспитанія не сыновей мъстнаго дворянства, а семинаристовъ, интересовавшихся интернатомъ и вазеннымъ иждивеніемъ. Даже такіе талантливые профессора института, вавъ Аристовъ по русской исторіи, Гроть по философіи и Зенгеръ, плънявшій аудиторію своими лекціями по римской исторіи, не могли возбудить въ мъстномъ обществъ такихъ симпатій въ институту, какія оно им'єло къ лицею. Преобразованіе института въ такое учебное заведение, въ какомъ болбе нуждается край, было бы хоть нёкоторымъ искупленіемъ вины насадителей классической филологіи въ отечествъ, которому она такъ мало нужна.

Во главъ нъжинскихъ учебныхъ заведеній стоялъ директоръ лицея, Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ. Личность его заслуживаетъ, чтобы мы на немъ остановились. Онъ былъ профессоромъ харьковскаго ветеринарнаго института, когда на немъ остановился выборъ перваго попечителя вновь образованнаго кіевскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, умѣвшаго цѣнить и выбирать людей. Піведъ по происхожденію, онъ былъ преисполненъ русскаго патріотизма и цивизма. Провозглашенная графомъ Ува-

ровымъ формула - православіе, самодержавіе и народность, - исповъдывалась имъ, какъ святая, непререкаемая истина. Мягкій и гуманный, онъ глубоко чтиль величественную фигуру императора Ниволая и его внутреннюю политику считаль выпромъ политической мудрости. Въ его лойяльной душв не было мъста сомнівнію, что государь, лучше котораго Россія нивогда не имівла, ведеть ее по правильному пути. Ввусы и симпатіи чтимаго императора были его вкусами и симпатіями: онъ очень не любилъ полнковъ, и къ учившимся въ его заведенияхъ лицамъ польскаго происхождения онъ относился съ недовъріемъ и подовръніемъ. живо припоминаю его ультра-форменную фигуру въ однобортномъ форменномъ сюртувъ и фуражевъ съ огромнымъ возырыкомъ, когда онъ размъреннымъ шагомъ прогуливался по живымъ мостовымъ богоспасаемаго града Нъжина, какъ выражался поэтъ Гербель. Мъстное общество чтило его, можеть быть, болье, чъмъ мъстныя власти— полиціймейстера и приставовъ: онъ не бралъ вичего, но поддерживалъ дисциплину и порядовъ болъе тъхъ, которые не влали охулки на свою руку. Христіанъ Адольфовичъ, несомивно, былъ первымъ человвкомъ въ Нежине; можно сказать, онъ быль его властелиномъ-такъ внушительно онъ умълъ изображать своей особой принципъ власти. Торжественнъйшими ивнутами въ его жизни были тъ, когда, по случаю предстоящаго провзда государя черезъ Нъжинъ, онъ надъялся, что обожаемый ниператоръ удостоитъ посътить лицей. Насъ, гимназистовъ, на насколько дней собираль онъ тогда въ зданіи гимназіи, чтобы научить, какъ стоять передъ монархомъ, выкрикивая: "ура!" и "здравія желаемъ!". Насъ вормили въ это время казенной пищей, и еслибы вто-нибудь изъ ученивовъ гимназіи гуляль по городу въ ожиданіи дня прівода государя, онъ подвергался строгому навазанію-иногда даже исключенію. Особенно курьезны были наши военныя построенія и церемоніальные марши по гимназическому двору подъ предводительствомъ надзирателя, Силы Ивановича Шишкина, отставного драгунскаго маіора, въ отставномъ мундиръ и треуголив съ развъвающимся султаномъ. Я помню, какъ хохоталь Герценъ, когда я ему разсказываль объ этихъ сценахъ изъ дальнихъ лътъ-изъ жизни прежней. Конечно, все это были странности нашего директора, но онъ иску-пались его благородной душой, его добрымъ сердцемъ и педагогическимъ тактомъ. Онъ искренно любилъ насъ, своихъ вышколенныхъ и дисциплинированныхъ питомпевъ. Я вспоминаю нъжвый, любящій взглядъ его косыхъ глазъ, когда мы попарно проходили мимо него въ сборную залу ежедневно утромъ передъ

урокомъ слушать евангеліе. Во главѣ каждаго класса шелъ его старшій. Эти старшіе были особенно любимы Экебладомъ: они умѣли воплощать въ своихъ особахъ его воззрѣнія на соблюденіе формы и уваженіе въ предержащей власти. Христіанъ Адольфовичъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ директоромъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ, а руководимыя имъ учебныя заведенія не уступали учебнымъ заведеніямъ самаго Кіева, строемъ и порядкомъ которыхъ такъ гордился г. Юзефовичъ.

По выходъ въ отставку, Экебладъ переселился въ Петербургъ и скоро потерялъ зръніе; но и потерявъ его, онъ продолжалъ интересоваться науками, и даже издалъ изслъдованіе, помнится, по психологіи, которое мнѣ показывалъ его любимый ученикъ, библіотекарь университета св. Владиміра, покойный Кириллъ Алексъевичъ Царевскій. Въ Петербургъ Христіанъ Адольфовичъ и умеръ.

Къ сожальнію, объ инспекторь лицея и гимназіи, Павль Николаевичъ Іеропесъ, у меня не сохранилось такихъ свътлыхъ воспоминаній. Грекъ изъ Смирны-я не знаю, какимъ образомъ онь попаль въ Россію и дослужился до чина коллежскаго совътника. Онъ былъ человъкъ совершенно необразованный и вруглый невъжда... Разсказывали, что однажды, предсъдательствуя на экзаменъ изъ географіи, вызванному къ отвъту ученику онъ сказалъ: "Начерти Африку и поставь всъ города Испаніи". И это весьма могло быть. Онъ въчно молчаль, только сопъль, да жевалъ жвачку: человъческаго слова, бывало, отъ него не услышишь. Съванцію онъ очень чтиль и по обычнымь субботамь, и въ другіе дни. Я только удивлялся, какъ такой гуманный директоръ, какъ Экебладъ, могъ терпъть такое зло. Палачи Іеропеса-Кузьма и Гаврило-работали чуть не каждый день. Особенно часто подвергался этой кар'в мой брать Владиміръ, плохой ученикъ и большой шалунъ. Припоминаю такой случай: мы жили у монастырской ограды, въ домъ Бълянкина. Мимо насъ ежедневно проходили на службу такъ называемые панычи, канцелярскіе служители ніжинских присутственных мість. Владиміръ постоянно дразнилъ ихъ словомъ: "крючокъ"! "Панычи" терпъли, терпъли, да и подали жалобу инспектору. Позвали виноватаго Владиміра, но не знаю, почему позвали и невиннаго меня. Я долженъ быль быть свидетелемъ страшной сцены, когда Кузьма и Гаврило жестово истазали брата. Ну, быль ли толкъ у инспектора подвергнуть такой нравственной пыткъ юношу ня въ чемъ неповиннаго! Таковъ ужъ былъ нашъ Іеропесъ. Помощникомъ его былъ Сила Ивановичъ Шишкинъ, отставной драгунскій маіоръ. Его военный сюртукъ съ бёлымъ воротникомъ мерещится мнё и теперь. Онъ былъ старикъ простоватый и почти-что глуповатый. Мы его не любили, хотя онъ этого и не заслуживалъ. Ему особенно досаждали пансіонеры, не подлежавшіе его компетенціи. Почти-что ему въ лицо они нап'євали п'єсенку:

"Силой онъ, "Говорить, "Нареченъ, "Говоритъ. "А жена "Говоритъ: "Сатана, "Говоритъ. "Силу жметъ, "Говорить, "Силу бьетт, . Говоритъ, "По усамъ, "Говоритъ, "По щекамъ, "Говоритъ".

Іеропеса сміниль Марачевскій, а Шишкина—Лихошерстовь, но едва ли отъ этой перемвны мы что-нибудь выиграли. Преемнивомъ гимназін высшихъ наувъ, прославленной славнымъ именемъ Гоголя, былъ физико-математическій лицей внязя Безбородко, скоро преобразованный въ юридическій. Это преобразованіе и первый составъ преподавателей преобразованнаго лицеядело рукъ незабвеннаго Неволина. Живи на квартире у учителя Дубницваго, воторый водиль тесное знакомство съ профессорами лицея, я часто видёль ихъ и о каждомъ изъ нихъ сохраниль отчетливое представление. Лицей состояль изъ трекъ вурсовъ, между воторыми распредёлялись тогдашніе лиценсты, число воторыхъ тогда доходило до 60-70 человъвъ. Немногіе изъ нихъ, человъкъ 10-15, жили въ лецейскомъ интернать на нждивенін графа Безбородко. Большинство же принадлежало въ людямъ достаточнымъ, а нъвоторые изъ нихъ, сыновыя харьковскихъ богатыхъ купцовъ и малороссійскихъ пом'вщиковъ, располагали очень хорошими средствами и могли прокучивать въ Нъжинъ большія деньги. Притономъ ихъ была вондитерская "Неминай". Вели они себя весьма прилично, и скандальныя студенческія исторіи-въ род' разбитія часового еврейскаго магазина ва главной улицъ-бывали довольно редко. Неопрятные зама-

Digitized by Google

рашки попадались какъ исключеніе; большею частью лиценсты имъли весьма пристойный видь. Я засталь у нихъ серебряныя пуговицы, вавъ у харьковцевъ и вазанцевъ, но своро онъ быль замънены золотыми, ванъ у кіевлянъ. Изъ среды ихъ выдълялась небольшая группа аристовратовъ, носившихъ фуражвиконфедератки и студенческія шинели особаго покроя. Особенноя помню изъ этой группы стройнаго, врасиваго блондина Гербеля, который жилъ у профессора Тулова. Онъ имълъ прирожденный литературный таланть, и еще на лицейской скамы писаль прекрасные стихи, воспъвавшіе геройскія похожденія студентовъ. Служа потомъ въ военной службъ, онъ не оставлилъ своихъ литературныхъ занятій, и обогатиль русскую литературу цёлымъ рядомъ изданій, ознавомившихъ русское общество съ выдающимися поэтами западной Европы. Некоторые изъ лицеистовъ были люди высокообразованные и развитые: студенты Троцина, Данельскій, Захаровъ, Лашнюковъ, Ланге и др. могли бы быть украшениемъ любого университета.

Составъ преподавателей, можетъ быть, быль подобранъ Неволинымъ изъ его лучшихъ ученивовъ-порука, что онъ былъ вполнъ удовлетворителенъ. Самымъ талантливымъ считался Миханлъ Андреевить Туловъ, читавшій на первомъ курсі теоріюсловесности, а на второмъ-исторію русской литературы. Съ лицомъ, напоминающимъ Пушвина, онъ слылъ за лениваго сибарита, но надъленъ былъ эстетическимъ вкусомъ и даромъ изицнаго слова. Его лекцін о прекрасномъ производили фуроръ, и о нихъ говорили даже въ увздв. Акимъ Константиновичъ Циммерманъ былъ крестникомъ ректора Неволина. На первомъ курсъ онъ читалъ общую часть юридической энциклопедіи съ исторіей иностранныхъ законодательствъ и государственные законы, а на второмъ-исторію философіи права. Его левціями студенты восхищались. Можно думать, что воспріемнивъ хорошо выучиль внигу своего крестнаго и декламировалъ ее съ каоедры. Левціями по государственнымъ законамъ, компилировавшими статьи соотвътствующихъ томовъ свода, были менъе довольны, но и Неволинъ читалъ подобнымъ же образомъ, мало разработавъ свой курсь по государственнымъ законамъ.

Русскую исторію на первомъ курст и статистику на второмъ преподавалъ Гаевскій, который нертако исполнялъ должность отсутствующаго или больного Іеропеса. Эта должность, можетъ быть, болте была по немъ, чти должность профессора. Изъ учителей гимназіи, онъ не отличался талантомъ, а эрудиція его едва ли шла далте краткаго учебника Устрялова. Статистика же,

въроятно, шла еще хуже. Его замънилъ И. В. Лашнюковъ, человъкъ большихъ дарованій. Ученикъ Павлова, онъ преподавалъ не повъствовательную фактическую исторію, а прагматическую, философскую. Слава о его лекціяхъ ходила по нъжинскому уъзду, въ которомъ онъ игралъ выдающуюся роль, такъ какъ помъщики счетали за особую честь вести съ нимъ знакомство.

Гражданское право общее и особенное, какъ тогда называли ваконы государственнаго благоустройства, читалъ на второмъ курсъ Пій Никодимовичъ Даневскій. Онъ былъ женатъ на дочери Экеблада, умной и образованной Софъй Христіановнів, которая была очень дружна съ нашей хозяйкой. Она часто съ мужемъ бывала у Дубницкихъ, и поэтому я такъ хорошо запомниль этого профессора. Его бритое лицо и низко остриженная черная шевелюра, его густой басъ—какъ будто и теперь передо мною. Можно думать, что онъ мало былъ склоненъ къ научной и профессорской діятельности, и что его боліве тянула служба государственняя, на которую онъ скоро и перешелъ, сділавъ на ней изрядную карьеру, достигнувъ званія сенатора...

Впрочемъ, двъ работы его: "О мъстныхъ законахъ" и "Исторін государственнаго совъта", имъютъ и теперь нъкоторое значеніе. Преподаваніе его, можно думать, состояло въ чтеніи и толкованіи статей свода законовъ: Даневскій обладаль юридическимъ смысломъ, и такое толкованіе могло быть очень назидательнымъ. Я былъ свидътелемъ, какъ одинъ изъ весьма развитыхъ студентовъ приготовлялъ къ экзамену гражданское право: онъ заучивалъ статью за статьею X тома.

Отставной сенаторъ Пій Ниводимовичь поселился съ своей супругой въ лохвицкомъ увядъ, гдъ онъ пріобръль усадьбу и въ ней своро умеръ. Сынъ его, Всеволодъ Піевичъ, защитившій у насъ диссертацію на степень доктора международнаго права, быль человъкъ болье авадемическаго призванія и болье блестящихъ профессорскихъ дарованій. Своимъ басомъ и отчасти наружностью онъ мит напоминаль отца. Въ харьковскомъ университеть онъ занималь ваеедру сначала международнаго, а потомъ уголовнаго права. Пылкій буршъ неукротимаго нрава, онъ растратиль свое здоровье и умеръ въ молодыхъ лётахъ, оставивъ вдову съ четырьмя дётьми.

Уголовное право съ законами благочинія на третьемъ курствиреподавалъ Максимовичъ. Прилежный ученикъ Богородскаго, онъ старался возможно полнте и обстоятельнте излагать свой предметь. Но, не надъленный лекторскимъ талантомъ, онъ излагалъ скучно и вяло.

Мы начали характеристиви преподавателей лицея съ Тулова, который считался самымъ талантливымъ изъ нихъ. Закончимъ характеристикой Николая Христіановича Бунге, который могъ бы быть звёздою первой величины не только въ нёжинскомъ лицей, но и въ любомъ европейскомъ университетъ. Въ 1845 году онъ быль назначень на мёсто Глушановскаго, занимавшаго ваоедру законовъ казеннаго управленія и перешедшаго на службу въ Кіевъ синдикомъ въ университетъ св. Владиміра. Я помню, какъ юный и едва брившійся Бунге, по прівадь въ Нажинь, двлаль обычные визиты и въ томъ числъ Дубницкому, у котораго и тогда жилъ. Съ техъ поръ и до перехода его на службу въ Петербургъ товарищемъ министра финансовъ и наблюдалъ надъ его дъятельностью и могу считать себя хорошо освъдомленнымъ о его личности. Николай Христіановичь быль человікь різдкаго по своей привлекательности и симпатичности нрава. Брезгливо относившійся во всему непросв'ященному и грубому, онъ быль очень склоненъ въ сарвазму и насмъщвъ.

Но въ немъ живой и находчивый умъ сочетался съ мягкимъ, благороднымъ сердцемъ. Онъ привлевалъ людей своими магкими, изящными манерами, своей обходительностью и привътливостью. Это была не аффектація, но натура, пронивнутая европеизмомъ до мовга костей; онъ страстно любилъ науку и върилъ въ силу знанія. Просвещенный, онъ жаждаль, чтобы просвещение распространялось по русской земль, къ которой онъ относился съ исвреннимъ, горячимъ патріотизмомъ. Молодой, онъ сходился и дружилъ съ молодыми лиценстами, если только находилъ въ нихъ людей способныхъ и съ жаждой знанія. И вакъ же онъ заботился объ этихъ друзьяхъ-студентахъ! Онъ училъ ихъ иностраннымъ язывамъ, вводя въ совровищницу европейской литературы. Я помню, какъ отъ него приносились Байронъ, Шиллеръ, Гёте: Захаровъ, Данельскій, Рененвамифъ, пользовавшіеся вняманіемъ и симпатіей Бунге, могли бы подтвердить это. Въ Нёжинв, какъ потомъ въ Кіевъ, онъ былъ центромъ вружва, въ воторому применули лучшіе люди. Таковъ быль человъвъ, которому поручили преподаваніе на третьемъ курсь такого сухого предмета, вавъ законы вазеннаго управленія. Но онъ съумблъ оживить этотъ предметъ, введя въ него въ широкихъ размърахъ свой возлюбленный предметь-политическую экономію, которая тогда не преподавалась на юридическомъ факультеть, на которомъ учился Бунге, но на который ему указывала дружба съ профессоромъ Вернадскимъ. Въ Нъжинъ онъ обработывалъ свою теорію вредита, сущность которой, въ виде академической речи, была взложена на лицейскомъ актъ. Я помню докторскій диспуть Бунге въ 1851 году, когда онъ свой трактать о кредить защищаль на степень доктора политической экономіи. Въ томъ же году опъ перешелъ на службу въ университеть св. Владиміра, которому послужилъ долго, честно и на кафедръ—сначала по историко-филологическому, а потомъ по юридическому факультету, сначала политической экономіи и статистики, а потомъ полицейскаго права—и по администраціи, какъ деканъ и какъ ректоръ коронный и дважды выбранный. Миръ праху твоему, даровитый и честный груженикъ! Будь побольше на Руси такиъ людей, не было бы Некрасовскаго вопроса: "Кому на Руси жить хорошо?"

Кром'в харавтеризованныхъ нами преподавателей, въ лице'в преподавали протојерей Мерцаловъ и лектора: францувскаго языка Лельевръ, Нессонье и Ганотъ, и нъмецваго — Клернеръ. Но такъ какъ они преподавали и въ гимназін, то о них я скажу ниже, когда буду припоминать составь ея преподавателей. Живо вспоминается мнъ бълое зданіе лицея, окаймленное густымъ лицейскимъ садомъ, по которому когда-то прогуливался Гоголь. Въ этомъ же зданіи пом'ящалась и наша гимназія. Оно было воздвигнуто графомъ Безбородко и предестной архитектуры, къ сожальнію обезображенной пристройвами, приспособляемыми въ помъщению института. Я вавъ будто вижу и теперь у длинной колоннады главнаго фронтона столь памятную мив фигуру нашего директора, въ неизмвиномъ однобортномъ форменномъ кафтанъ. Щуря свои восые глаза, онъ присматривается къ собирающимся изъ различныхъ закоулковъ Нъжина гимназистамъ, торопящимся въ классы. Уже Гаврило позвонить второй звоновъ, — нужно поситть въ евангелію, которое неизминно читалось каждый день, и чтеніе котораго предшествовало урокамъ. По колъно въ классической нъжинской грязи бредуть и малютки, и великовозрастные, въ вътромъ подбитыхъ шинельвать, съ внигами и тетрадями подъ мышкой, такъ вакъ ранцевъ тогда не существовало. Наша гимназія, руководимая тавимъ педагогомъ, какъ Христіанъ Адольфовичъ, была одною изъ лучшихъ въ кіевскомъ учебномъ округъ. Съ нею могла соперничать развъ черниговская, на долю которой выпаль такой директорь, вавъ Невъровъ, другъ Грановскаго, и такой учитель исторів, какъ Стиславскій, —да разві полтавская, славная такими учителями, какъ Александръ Стронинъ и Палевичъ, и такими воспитанниками, какъ Котляревскій, Захаровъ, Бекманъ, Португаловъ и др. Сравнительно же съ гимназіями правобережными,

задибпровскими, въ воторыхъ еще не угасла польщизна, наша лъвобережная гимназія была вначительно лучше. Не то чтобы въ ней было много выдающихся учителей, -- большая часть изъ нихъ были если не плохими, то посредственными, --- но ею управляль такой директорь, какъ Экебладь, назначенный такимъ попечителемъ, какъ фонъ-Брадке. Сторонникъ средней школы единаго типа, дающей общее образованіе, а не подготовку къ спеціальной профессіи, незабвенный министръ Уваровъ не допускаль въ гимназіи нивавого раздвоенія. Бифуркація явилась только въ 1849 году, вогда на мъстъ высокопросвъщеннаго Уварова сидёль обскурантный внязь Ширинскій-Шихматовь. Съ четвертаго власса онъ ввелъ преподавание греческаго языка и законовъдъния, предоставивъ ученикамъ выборъ того или другого предмета; но, если только память не измёняеть мнъ, поступление въ университетъ не обусловливалось такимъ выборомъ: въ него могли поступать и греки, и законов'яды, если только они им'вли аттестать и успёшно выдержали вступительный въ университеть экваменъ, которому не подвергались только одни медалисты. До вышеозначенной бифуркаціи въ гимназіи въ такомъ полугречесвомъ городъ, какимъ былъ Нъжинъ, греческій языкъ вовсе не преподавался, а ограничивались однимъ латинскимъ, начиная съ перваго власса, но преподавание последняго было такъ основательно, что учениви седьмого власса могли свободно читать Горація и Цицерона; — такъ было, по крайней мере, у насъ, когда учителемъ латинскаго языка былъ даровитый Валерьянъ Станиславовичь Коперницкій. По моему врайнему разуменію, эта гимназін уваровскаго типа была истинно гуманной школой. Основными ея предметами были: исторія, словесность и математика. Я придаю особенное значение правильно поставленному преподаванію исторіи въ средней школь. Едва ли какая-нибудь друган наука такъ способна развивать юный умъ, выработывая широкое, правильное міровозар'вніе. Опыть и испытанія, пережитыя народомъ и человъчествомъ, -- великое назидание. Напомню мой личный опыть. Нашъ учитель исторіи, Григорій Өедоровичь Яковенко, недоучившійся, быль учитель весьма посредственный. Нашъ учебнивъ-трехтомный курсъ Смарагдова-учебнивъ достоинства сомнительнаго. Но когда въ овончательному экзамену и изучилъ всѣ три тома—древнюю, среднюю и новую исторію - какая картина общечеловѣческаго мірового развитія нарисовалась въ моемъ молодомъ умѣ; вакія перспективы и вакія мысли заровлись, вогда я обняль весь ходъ міровой эволюціи человічества! Не могу забыть, вакъ умственно былъ развить девятнадцатильтній Рененкамифъ, когда изъ черниговской гимнавіи, гдъ исторію преподаваль Стиславскій, онъ поступиль въ лицей. Я тогда очень сдружился съ нимъ: насъ сближало одинавовое стремленіе къ знанію и развитію, одинавовое поклоненіе идеъ, а не факту. И можно ли было тогда думать, что изъ этого свътлаго юноши, блестищаго ученика блестищаго учителя исторіи, выйдетъ такой недоброй памяти товарищъ, ректоръ, городской голова? Талантливие уроки исторіи поставили его на правильный путь, съ котораго сбили его искушенія жизни, столь опасныя для эгоистической натуры. Въ годъ моего поступленія въ гимнавію еще преподавались психологія въ пятомъ, логика въ пестомъ и статистика въ седьмомъ классъ; сколько помню, въ нослёднемъ классъ преподавалась еще аналитика, но министерской программой 1845 года всъ эти предметы были управдиены.

Въ первые годы моего поступленія урови бывали до объда и послѣ объда. Эти послѣобъденные урови были и для приходящихъ ученвковъ врайне неудобны: на-своро пообъдавъ, мы бъжали въ гимназію, гдѣ ждали насъ раннія сумерви и мрачные влассы, а это на молодую душу наводило меланхолическое, угнетающее настроеніе. Мы были очень довольны, когда, съ моимъ переходомъ въ четвертый влассъ, эти послѣобъденныя занятія были управднены.

Помню я также ревизін гимназін, производимыя окружнымъ начальствомъ. Ревивін внязи Давидова и не засталь, такъ вакъ она была до моего поступленія въ гемназію. Я хорошо помню ревизію помощника попечителя, Юзефовича, и попечителя Траскина. Первая производилась, вогда я быль въ третьемъ классъ, а вторая, не помвю, -- въ четвертомъ или пятомъ. Помнится, была еще ревизія инспектора казенных учебных заведеній, Могилянскаго. Юзефовичь, отставной уданскій ротмистрь, сохраныть и въ званій попечителя пріемы военнаго человъка, эскадроннаго вомандира. Питомецъ мосвовскаго благороднаго пансіона, онъ быль человъкъ не безъ образованія, человъкъ салона—превраснаго французскаго явыка. Въ двадцатыхъ годахъ онъ велъ внакомство съ Пушкинымъ и другими литераторами того времени, и самъ былъ человъвъ не безъ литературныхъ навлонностей. Его стихотворенія печатались въ альманахахъ того времени и переписывались деревенскими барышнями въ ихъ альбомы. Вращаясь въ университетскомъ профессорскомъ кругу, овъ на лету кваталъ всякія внанія, которыхъ въ дійствительности не вивлъ, въ чемъ иногда и попадался. Разсказывають, что однажды быль диспуть на степень магистра руссвой словесности: защищалась диссертація о Батюшковъ. Когда окончились возраженія оппонентовъ, сидъвшій около Юзефовича профессоръ Костырь, неръдко подтрунивавшій надъ нимъ, сказалъ: "А дефендентъ не упомянулъ о драмахъ Батюшкова"! Юзефовичъ, услышавъ и желая порисоваться своими глубовими свъдъніями, смъло и громко сказалъ: "Отчего же вы, г. дефендентъ, не разобрали драмъ Батюшкова, которыхъ онъ такъ много написалъ"? Se non è vero, è ben trovato: во всякомъ случаъ, это—эпизодъ, характеризующій смълость эксъ-улана и его эрудицію.

Но важнъйшая ошибка Юзефовича состояла въ томъ, что онъ воображалъ, будто бы авторитетъ власти, устанавливающей порядовъ и дисциплину, поддерживается громенмъ басомъ и грубымъ, неделикатнымъ обращеніемъ съ учителями и подчиненными чиновнивами, какъ будто эти лица имъютъ такое же отношеніе въ нему, какое имъли вахмистры еѓо эскадрона. Эта прелестная манера вполиъ сказалась на ревизіи. Въ третьемъ классъ я учился хорошо: былъ аудиторомъ изъ геометріи и географіи, сидъть на скамьъ прилежнъйшикъ", какъ гласила прибитая на ней табличка. Другая скамья была для "отличнъйшихъ", и ежемъсячно, сообразно отмъткамъ, происходило разсаживаніе на этихъ скамьяхъ, сидъть на которыхъ было гордостью учениковъ.

Изъ географіи у меня стоядо пять, и преподававшій ее учитель, Монсей Григорьевичъ Левдикъ, надъялся, что я поддержу его на ревизіи. Но вышло совствъ иначе—и я быль причнною грознаго выговора, полученнаго имъ отъ грознаго ревизора. Дъло было такъ: я поздно возвратился съ каникулъ и пропустилъ уроки, въ которыхъ трактовалось о ръкахъ Сибири. Ревизоръ вызывалъ лучшихъ учениковъ, вызвалъ и меня, предложивъ вопросъ о сибирскихъ ръкахъ—единственный вопросъ, на который я не могъ отвъчать. Ну, да и расходился же Юзефовичъ! Ну, да и наругался же онъ надъ перепуганнымъ Левдикомъ, къ чести котораго скажу, что онъ не перемънилъ своихъ прежнихъ отношеній ко миъ.

Другая ревизія прошла иначе. Толстый-претолстый Траскинъ, которому едва ли приставало быть попечителемъ, ввалился въ классъ. Съ трудомъ взобравшись на канедру, онъ предложилъ нъсколькимъ ученикамъ нъсколько вопросовъ по разнымъ предметамъ, остался доволенъ ихъ отвътами—и ревизія кончилась.

Такова была провёрка хода гимназических занятій въ то доброе старое время. Нерёдко вспоминали тогда и о предшествовавшихъ ревизіяхъ профессоровъ Ставровскаго и Оедотова, ревизовавшаго ихъ. Вспоминали, какъ много пироговъ и другихъ събстныхъ припасовъ положила въ тарантасы отъважающихъ въ Кіевъ ревизоровъ Анна Ермолаевна, супруга дирекгора.

Въ то врепостное, дворянское время въ русской школе не было ивста русскому человеку, если только онъ принадлежаль въ податному состоянію. Вольшинство приходящихъ были діти недостаточныхъ родителей --- мъщанъ, вупцовъ, мелкихъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ, которые употребляли последнія средства, чтобы дать детямъ приличное воспитаніе. Правда, въ это доброе старое время это воспитание стоило дешевле -- за право ученія мы платили, напримірь, пять рублей, да шестойна врача, но все-таки нужны были деньги. Въ этой толпъ полуобутыхъ, полуодътыхъ и голодныхъ ребятишевъ выделялись немногіе, болье достаточные, пребывавшіе то въ общей квартирь, содержимой Шапошниковымъ, то на квартирахъ учителей и другихъ именитыхъ обывателей. Большинство же приходящихъ ютилось въ домишкахъ грязныхъ нажинскихъ закоулковъ. Вокругъ репетитора, ученика изъ высшихъ классовъ, собиралась группа въ нъсколько человъкъ и жила вмъсть. Нанималась дешевая ввартира, провивія и връпостная кухарка доставлялись изъ деревни-и вое-какъ жилось-поживалось. Евреевъ, въ мое время, въ нѣжинской гимназіи не было ни одного. Отъ этого учащагося продетаріата рёзно отдёлялись пансіонеры, жившіе въ интервать. Немногіе изъ нихъ были люди небогатые, воспитывавшіеся на счеть графа Безбородко, а большинство платило хорошія деньги и принадлежало въ довольно богатымъ детямъ преимущественно мъстныхъ дворянъ. Эти пансіонеры были излюбленвими чадами Экеблада. Они ръзко отдълялись отъ приходящихъ товарищей: сидели на отдёльной скамье, носили отличавшее ихъ платье-куртку, тогда какъ у насъ быль сюртувъ; воротникъ ихъ мундира украшенъ былъ двумя петлицами, тогда какъ у насъ была только одна. Это было неподходящее въ условіямъ школы примънение того сословнаго обособления, которое привито было въ русскому обществу законодательствомъ Еватеривы II.

Эти пансіонеры, выхоленные и откормленные маменькины синки, говорящіе на иностранных явыках, большею частью были учениками тупыми и нерадивыми. Недурно учились только тв изъ нихъ, которые были на иждивеніи графа Безбородко,— напримъръ, Курдюмовъ, Айгустовъ, Царевскій и др., а у платящихъ иногда существовалъ принципъ, которому они твердо слъдовали,—не только не учить уроковъ, но даже ничего, абсо-

лютно-таки ничего не читать. Самодовольная тупость и нев'яжество н'якоторыхъ изъ нихъ были изумительны. Кое-какъ ихъ перетаскивали изъ класса въ классъ, благодаря протекціи и заступничеству, а иногда и за уроки, которые брали н'якоторые изъ нихъ у податливыхъ учителей. Теперь заговорили о возстановленіи интернатовъ въ гимназіяхъ для дворянскихъ д'ятей. Но если только эти интернаты будутъ напоминать собою прежніе благородные пансіоны, такъ ужъ лучше ихъ не возстановлять.

Учителя гимназін, въ мое время, раздълялись на старшихъ и младшихъ. Первые имълн право засъдать въ педагогическомъ совъть, получать нъсколько повышенные оклады и быть по должности однимъ классомъ выше, что давало право на галуны на общлагахъ рукавовъ мундировъ. Другіе этихъ важныхъ правъ не имъли. Къ старшимъ учителямъ принадлежали учителя, преподававшіе въ четырехъ высшихъ влассахъ и, помнится, законоучитель; въ младшимъ принадлежали всв прочіе. Старшими учителями въ мое время были: Коперинцкій, Бончъ-Осмоловскій, Дубницкій, а потомъ-Симоновъ и Яковенко. О каждомъ изъ нихъ песколько словъ. Валерьянъ Станиславовичъ Коперницкій преподаваль латинскій язывь, зам'внивь собою Корсава, оть вотораго уже слишкомъ ввало Вильной или Кременцомъ. Коперницкій быль талантливый и высокообразованный человёкъ, съ обширными познаніями и правильными пріемами преподаванів. Онъ училъ не только синтаксису и просодін, но, увлекаясь одами Горація и річами Цицерона, онъ сообщаль это увлеченіе и своимъ ученивамъ, помогая имъ постигать духъ влассивовъ. Пламенный энтузіасть, онъ быль страстнымъ польсиниъ патріотомъ. Возстановленіе Річи Посполитой было для него, уроженца кіевсвой губернін, зав'ятной мечтой. Это сгубило его: скомпрометированный въ повстаніи 1863 года, онъ попаль въ ссылку. Возвратившись оттуда, быль учителемъ гимназін въ Варщавъ, гдъ н окончиль свой бурный въкъ. Для меня его память очень симпатична: до его польскихъ увлеченій мив не было двла, а его образованность и умъ имъли вліяніе и на мое образованіе, и въ моихъ гимвазическихъ воспоминаніяхъ онъ является одною наъ самыхъ рельефныхъ фигуръ.

Осипъ Осиповичъ Бончъ-Осмоловскій былъ старёйшимъ учителемъ гвинавіи. Онъ преподавалъ геометрію съ тригонометріей и физику съ космографіей. Онъ гордился тёмъ, что учился математикъ въ Харьковъ у профессора Осиповскаго и былъ товарищемъ знаменитаго Остроградскаго. Себя самого онъ считалъ не менъе знаменитымъ математикомъ, хотя мы этого не привна-

вали. Бывало, онъ разрёшить какую-нибудь геометрическую теорему и, самодовольно ухмыляясь, гордо посматриваеть на насъ, какъ бы говоря: "смотрите-де, какой и молодецъ"! Но мы находили его преподавание неудобопонятнымъ. Я же, враждовавший всегда съ математикой, откупался уроками, которые бралъ передъ экзаменомъ: это не мёшало ни моимъ переводамъ изъкласса въ классъ, ни моему окончанию гимнавии. Русскую словесность, церковно-славянскую грамматику, реторику, пінтику и исторію русской литературы преподавалъ сначала Яковъ Калиниковичъ Дубницкій, у котораго и жилъ на квартиръ. Онъ зналъсвое дъло, преподавалъ хорошо и отлично декламировалъ. До сихъ поръ мнъ помнится, какъ выравительно онъ читалъ:

"Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ, И ты не даромъ миѣ сіялъ... Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ, Не все я въ мірѣ презиралъ"!

Онъ превосходно читалъ это: его интонаціи запечатлівлись у меня въ памяти. Недостатвомъ его было то, что онъ не отръшился еще отъ фигуръ и троповъ Кошанскаго и задавалъ намъ учить: "Се Роска Флакка зракъ..." и т. д. Мив кажется, что онъ не признавалъ ни Гоголя, ни Бълинскаго, и склонялся въ школъ романтическо-реторической. Я его очень любилъ уже за одно то, что онъ-словесникъ. Онъ отвъчалъ миъ взаимностью уже за одно то, что я буду словеснивомъ. На моихъ глазахъ онь выдержаль экзамень на степень магистра русской словесности, представиль и защитиль диссертацію о Карамзинь-въ рувописи, вакъ тогда водилось до самаго Пирогова, потребовавнаго, чтобы диссертаціи были печатныя. Я помию его горе, вогда у него умерь маленькій сыновь, надь которымь вь лицейской цервви я всю ночь читалъ псалтирь, перемвиянсь со Стефаномъ Пономаревымъ, теперь извъстнымъ библіографомъ. Я помию преждевременную смерть Дубницкаго и торжественныя похороны, вогда гробъ несли гимназисты, и я въ ихъ числъ. Дубницваго замъналь Матвей Терентьевичь Симоновь, преподававшій тв же предметы, а меня учившій въ шестомъ классів пінтиків, а въ седьномъ-исторіи русской литературы. Это быль человівь совершенно другого типа. Онъ быль въ курсв новвишихъ литературныхъ понятій и понималь значеніе Гоголя и Бълинскаго. Кавачій сынъ, онъ горячо любиль Малороссію-ея чудную природу, ея прелестныя пъсни. Это быль человъвь въжнаго сердца, но производиль впечатленіе человека грубаго, характера стойваго и могучаго. Онъ не надвленъ быль даромъ слова и, кодя по влассу, медленно дивтоваль намъ уровъ на следующій разъ. Онъ любиль, чтобы мы писали сочиненія. Я помню, вавъ я подаль ему разборь повести Гоголя "Шинель", въ которомъ старался доказать, что это — не повесть, а драма. Въ другой разъ, я написаль о воспитаніи, стараясь повазать, кавъ должно воспитывать человека. Источнивомъ моихъ мыслей были, конечно, статьи Белинскаго, которыми я зачитывался на гимназической свамь В. Я, вообще, въ гимназіи имёлъ репутацію развитого и литературнаго малаго. Помню, кавой эффектъ на Экеблада произвело мое сочиненіе на окончательномъ эквамент. Мнт предложили тему: "Будущая жизнь". Сопоставивъ и сличивъ гадательные дары съвидимыми и осязаемыми, я заключилъ стихами:

А туть дары земные, Дыханіе цвётовь, Дня, ночн волотын, Разгульный шумь лёсовь. И сердца рёчь живая. И чувства огнь святой, И дёва молодая Блистаеть врасотой. А тамъ? Тамъ страшно!

Все это было прочтено съ такимъ юнымъ павосомъ, что увлеченный Экебладъ всиривнулъ: "Молодецъ! славно!", ---а Свионовъ одобрительно улыбнулся. Хорошо, что не слышалъ Мерцаловъ, а то бы онъ пробралъ меня за такія языческія возарівнія на загробную жизнь. Я Симонова очень любиль: насъ сближаль и общій физическій недостатокъ-у меня не было праваго глаза, а у него-лъваго. Оставивъ службу въ гимназіи, Симоновъ служилъ въ государственномъ контроль, потомъ онъ было директоромъ вемской лубенской гимназіи, превосходно ее поставившимъ. Землевладълецъ лубенскаго увяда, онъ былъ дважды избираемъ мировымъ судьей, но отвазался оть должности земсваго начальника, основной идей которой онъ не сочувствоваль. Къ сожальнію, я съ нимъ не встрычался ни разу послы выхода изъ гимназін, и увналь о его кончинь въ 1900 году отъ его дочери и внучки, съ которыми случайно пришлось встретиться. Григорій Өедоровичь Яковенко преподаваль всеобщую исторію по Смарагдову и русскую -- по пространному -- Устрялова. Онъ былъ недоучившимся студентомъ педагогическаго института и только благодаря протевціи своего отца, служившаго въ синоді, получиль место старшаго учителя въ Нежине. Ленивый и избалованный, онъ не вийлъ ни общирнаго образованія, ни большихъ повнаній. Сначала онъ совсёмъ не зналъ преподаваемаго предмета; но, обладая большою памятью, онъ такъ тонко и обстоятельно изучиль учебники, что замёчаль малёйшій промахъ при отвётё урока. Рёдко тогда онъ что-нибудь объясняль намъ, но, нахмурясь, шагалъ по классу, выслушивая наши уроки. Часто сносясь съ Петербургомъ, гдё служилъ его отецъ, онъ привозиль оттуда модное, изящное платье и всегда прекрасно былъ одёть. Любуясь его жилетами, мы считали его первёйшимъ нёжинскимъ щеголемъ и сердцеёдомъ. Онъ-таки и побёдалъ сердце хорошенькой вдовы Дубницкой и женился на ней.

Таковы были ваши старшіе учителя, а теперь я перейду къ каравтеристив'в младшихъ. Младшими учителями были: Терешвевичь, Левдикъ, Троцкій и Куликовскій. О важдомъ изъ нихъ-нвсволько словъ. Терешкевичъ преподавалъ латинскій языкъ въ трехъ низшихъ влассахъ. Это быль оригинальнёйшій и типичнёйшій человъвъ. Говорили, что въ университетъ онъ занимался философіей и написаль диссертацію на золотую медаль. Тогда этому последнему придавали большое значение. Преподаваль онъ сурово и грозно. Я помню, какъ мы ваучивали всв латинскіе неправильные глаголы и, не переводя духа, ему пересказывали. Онъ завель странную систему: вызывать охотнивовь получить пять. Если только такой охотника отвёчаль несоотвётственно этой отивтев, того Терешвевичь угощаль обильными щелчвами и ставиль на волёни. Этимъ щелчвамъ и "на волёни" онъ отдавался съ увлечения. Сидя на васедре, онъ быль окружень толпого учениковъ, наказанныхъ любимымъ его способомъ. Однажды быль такой случай. Стояль на кольняхь Сергый Риттерь. Это быль ученивь плохой, ленивый, но наблюдательный и остроумный. Зная мелочное самолюбіе учителя, онъ обратился въ своему сосъду съ вопросомъ: "Какъ ты думаешь, какая цъпочка у г. учителя, мъдная или золотая?" — "Конечно, мъдная", —отвъчаеть тоть. - "Можно ли, чтобъ такой учитель, какъ Терешкевичъ, носилъ цъпочку мъдную, а не золотую? Эта цъпочва, конечно, золотая". Это такъ польстило Терешкевичу, что онъ простилъ Риттера, а его собеседника продержалъ на коленяхъ до вонца власса. Мы его очень боялись, да и было чего. Съ въчной гримасой недовольства, курчавой головой, съ рукой, всегда готовой надавать щелчковъ. Такимъ онъ припоминается мив. Особенно онъ былъ сметонъ, когда въ своей "коясочке", какъ выговариваль онь слово "колясочка", на парв своихь "гошадокъ", вакъ выговариваль онъ слово "лошадокъ", въ старой бобровой

шапей и закутанный въ грязную енотовую шубёнку, медленнымъ шагомъ двигался изъ своей отдаленной квартиры на урокъ въ гимназію. Всё потёшались надъ нимъ, и разсказывалось о немъ много анекдотовъ. Говорили, напримёръ, что однажды на свои именины онъ пригласилъ директора и товарищей. Самъ же, раздівшись, улегся въ постель, приготовивъ угощеніе. Съйхались гости; онъ встрічаетъ и привітствуетъ ихъ, лежа въ постели, и, не двигаясь съ міста, приглашаетъ ихъ выпить и закусить. Таковъ быль этотъ самородокъ-учитель, и такихъ самородковъ тогдашнее время выдёлывало не мало.

Моисей Григорьевичь Левдикъ преподаваль русскую грамматику въ четырехъ—и географію въ трехъ классахъ. Въ университетв онъ былъ юристомъ и неожиданно сдёлался педагогомъ, и педагогомъ изряднымъ. Особенно удачно шло преподаваніе русской грамматики, которую мы хорошо знали, боясь его подзатыльниковъ. Щелчковъ онъ не любилъ, предпочитан драть за уши и за чубъ, что случалось нерёдко и въ довольно тяжеломъ видв. Къ преподаванію географіи онъ относился съ меньшимъ усердіемъ, но и здёсь дёло шло недурно. Онъ обращалъ особое вниманіе на черченіе географическихъ картъ.

Ученики къ экзамену должны были приготовить коллекцію картъ всъхъ пройденныхъ государствъ. Мнъ черчение не удавалось. Только одну Швецію я могь начертить; поэтому экзаменаціонная тетрадка карть заказывалась мною товарищамъ, --- какъ теперь помню, -- Шперку или Сенплинскому, промышлявшимъ этимъ дъломъ для добыванія денегь. Кромъ вышеозначенныхъ предметовъ, Левдивъ преподавалъ въ четвертомъ влассъ стихосложение. Я помню тоненькую внижку этого стихосложенія, по которой мы учили о ямбахъ, хореяхъ и гевзаметрахъ. Помню примъръ одного изъ этихъ размъровъ: "Мать Дарью, Дарью илинала домой:— Подь, Дарья, Дарья, Дарьюшка, домой"! Таковы были изучаемые нами образцы русской поэзін. Въ четвертомъ влассв географію Россів преподаваль Тропкій. Чему и гді онь учился-не знако, но внаю, что это было бъдное, запуганное созданіе, и достаточно было вскрикнуть: "Экебладъ идеть!" — чтобъ его, блъднаго вавъ смерть, забила лихорадва. Ненавистивищимъ для меня учителемъ быль Францъ Антоновичъ Куликовскій, наружность котораго вызывала во мив брезгливое чувство. Высокій и худой, съ желтовато-блёднымъ лицомъ, маленьвими насмещливыми глазёнками и огромными бакенбардами, - я просто переносить его не могъ. Онъ мнъ также платилъ взаимностью. Но свои предметы-ариометику и алгебру-онъ преподавалъ прекрасно, даже

съ въвоторымъ увлеченіемъ. Въ вавомъ восхищеніи онъ бывалъ, вогда кавой-нибудь Бенкевичъ, Дейкунъ-Мочиненко или Корачевскій-Волкъ сміло и находчиво разрішали предлагаемыя имъ головоломныя задачи. Зато съ вавой ироніей съуживались его глазки и сжимались его губы, вогда къ доскі онъ вызываль меня или подобнаго мий математика. Какъ дразниль онъ насъ поставленной плохой отміткой, показывая свой маленькій, аккуратненькій журнальчикъ: "Воть тебі ноль, кругленькій, хорошенькій, какъ бубликъ!" Или: "Воть тебі единичка, прямая, какъ палочка!" и т. д. Но скажу къ чести злопамятно вспоминаемаго мною педагога, что онъ не любиль ни щелчковъ, какъ Терешевнить, ни подватыльниковъ, какъ Левдикъ, и на коліни почти никогда не ставиль.

Французскій языкъ преподаваль старый баккалавръ Сорбонны Лельевръ, доставшійся еще отъ гимназіи высшихъ наукъ. Преподаваль онъ невозможно. Онъ быль совершенно глухой. Иногда вивсто Лафонтена или Шапсаля ученивъ говорилъ ему "Отче нашъ", а онъ его похваливалъ и ставилъ удовлетворительную отм'ятку. По временамъ его зам'янялъ надзиратель пансіона Ганоть - типическій гальскій пётухь по хвастливости и фразерству. Потомъ онъ быль навначенъ лекторомъ, а пока Лельевра замънилъ Мессонье, преподававшій отлично, но, въ сожальнію, очень недолго; на мъсто его былъ назначенъ какой-то молодой францувъ, фамилію и личность котораго я не припомню. Нъмецкій языкъ преподаваль Иванъ Оедоровичь Клернеръ, учившійся въ дерптскомъ университеть. Это быль вполив образованный человыкь и превосходный преподаватель. Законоучителемъ въ лицев и гимнавіи быль о. Иванъ Мерцаловъ, человъвь всёми уважаемый, съ большими познаніями, но прайне болівненный и раздражительный. Типическій великороссь, онъ быль человікь могучаго характера. Мы его боялись и уважали. Бывало, накинется онъ на кого-нибудь въ классъ за какой-нибудь пустякъ и, раздражаясь, постепенно доходить до сильнейшаго гивва, превращая пустявъ въ вакой-нибудь серьезный проступовъ, подлежащій самымъ строгимъ варамъ. Въ этихъ выговорахъ и нравоученіяхъ пройдеть иногда весь урокъ. Говорили, что прежде онъ не быль такъ раздражителенъ и что эта раздражительность вывывалась его болёзнью и семейными обстоятельствами. Семью онъ нивлъ большую, состоявшую наъ многочисленныхъ сыновей, въ чеслъ которыхъ были и два Ивана. Заботился онъ много о нихъ, но изъ нихъ вышли авантюристы и неудачники. Не могу припомнить пріемовъ его преподаванія, но помню, что ватехизисъ и священную исторію мы знали прекрасно. Литургику же въ наше время вовсе не преподавали. Мое лучшее воспоминаніе о Мерцаловъ—это его священнослуженіе въ лицейской церкви. Онъ по иствив быль вдохновенный художникь, способный расположить въ молитвъ самаго небогомольнаго человъка. Припоминаю то религіовное настроеніе, въ которомъ я бываль въ лицейской церкви, когда слушаль и созерцаль служеніе о. Мерцалова. Къ тому же и хоръ изъ гимназическихъ пъвчикъ, подърегентствомъ студента Пршибисова, быль превосходенъ: дивное соло гимназистика Трубницкаго въ "Господи помилуй" митъ слышится и теперь. Я встръчаль потомъ только одного священника, вдохновенное и художественное служеніе котораго напоминало митъ о. Мерцалова. Это быль незабвенный Назарій Антоновичь Оаворовъ, покойный профессоръ богословія въ нашемъ университетъ, незамънимый и оплакиваемый нами до сихъ поръ.

Таковъ быль составъ преподавателей, которые учили меня въ гимназіи, пройденной мною въ шесть лёть. Я быль хорошимъ ученикомъ только во второмъ в третьемъ классахъ, изъ воторыхъ я переходилъ съ похвальными листами, а съ четвертаго власса сталъ учиться плохо, свысова посматривая на учителей и ихъ преподаваніе. Изъ пятаго въ местой я перемель съ передержкой изъ алгебры, а изъ шестого въ седьмой-изъ нъмецкаго языка. Да и до ученія ли миъ было? Я постоянно влюблялся: то въ бальзавовскихъ дамъ, бывая дома на ваникулахъ, то въ роменскихъ актрисъ, посъщая ежегодно съ семьей ильнескую ярмарку, соблазны и прелести которой мев памятны до сихъ поръ. Эта пресловутая ильинская ярмарка порядочно разстроивала дъла отца: занимались деньги на тажелыхъ условіяхъ, продавались на-скоро продукты, на-скоро и по дешевой цвив. Нельзя сказать, чтобы въ это время я особенно любилъ чтеніе и чтобы я вниги предпочиталь преферансу, въ воторомъ мы упражнялись частенько.

Проживъ два года у учителя Дубницкаго, мы стали жить подъ управленіемъ репетитора моего брата, Ивана Павловича Скрипцова, на другихъ квартирахъ, и между прочимъ въ домикъ милой старушки Бълянкиной, у монастырской ограды, гдъ потомъ жили студенты Рененкамифъ и Остроградскій. Но этотъ способъ скоро показался отцу неудобнымъ, и насъ помъстили въ общей квартиръ Шапошникова. Квартира эта была поставлена преврасно. Дисциплина была довольно строгая; порядокъ—строгій и правильный; для занятій съ квартирантами и для надвора за ними содержались три репетитора, имена которыхъ я помию:

студенть Савченво-Бъльскій — для математиви, и учениви седьмого власса, Сфриковъ и Вотчевъ-для всехъ другихъ предметовъ. Они предсъдательствовали за нашимъ объденнымъ столомъ, и за нашу малейшую провинность жаловались хозянну, человеку вспыльчивому и сердитому. Я помню, какъ я, однажды, но не знаю уже, за что и про что, вытащень быль Савченкомъ изъ-за объденнаго стола и отведенъ въ Шапошнивову, который, потузивши меня, поставиль на волжни въ присутствін своей супруги. Это было для меня тёмъ более обидно и больно, что навануне я говориль съ нею о разныхъ стихотвореніяхъ и "Фаустъ" Гёте, съ которымъ и тогда познакомился по переводу Губера. Господствующая роль въ этой квартиръ принадлежала великовозрастнымъ силачамъ, передъ физической силой которыхъ все преклонялось и съ которой считался самъ хозяинт. Эти великовозрастные силачи, въ воторымъ мы относились съ подобострастіемъо, вавъ помню я ихъ имена! -- были: Мартосъ, Ракочій, Акинъ, Костенецкій и Парохомскій. Они жили въ отдільной комнаті, въ которой мы подходили на цыпочкахъ. Возможное примъненіе ихъ кулака, который они нередко хвастливо показывали, устрашало насъ ужасно.

Въ моихъ воспоминаніяхъ пребываніе въ квартир'в Шапошнивова-одинъ изъ самыхъ пріятныхъ гимназическихъ эпизодовъ. Домъ стоялъ въ огромномъ графскомъ саду---частью англійскомъ, частью фруктовомъ. Посреди сада быль преврасный прудъ, изъ вотораго мы почти не вылъзали, то купаясь, то занимаясь навигаціей во время гимназических уроковъ, за что однажды и были оштрафованы. Особенно хорошо я помню прогулки по этому саду въ лунныя осеннія ночи, світлыя вавъ день. Въ саду на ночное выпускались лошади арендатора. Мы ихъ ловили и устроивали веселыя вавальвады; считая себя въ то время ноэтомъ, я все это описывалъ не-безупречными стихами. Въ гимназін я ръдво дружиль и близко сходился съ въмъ-нибудь изъ товарищей, особенно избъгалъ бывать на "ты". Товарищи, въ свою очередь, не могли питать расположения во мив, гордому, недоступному, считавшему себя болбе развитымъ и воспитаннымъ-чуть не аристовратомъ среди плебеевъ. Отъ гимназіи сохранилось у меня двъ-три привязанности, и только одна истинная любовь--- во Льву Ивановичу Ждановичу. Вместе съ нимъ я быль и въ университеть, пока онъ его не бросиль и не затерялся для меня. Онъ потомъ появился въ Кіевъ, чтобы держать экзаменъ на степень кандидата правъ, и я своего однокашника экзаменоваль по своему предмету. Это быль чрезвычайно симпатичный,

Digitized by Google

чрезвычайно способный, но страшно распущенный человывы н неутомимый вартежнивъ. Тъмъ не менъе, до вонца дней его я сохраниль въ нему самыя нъжныя и дружескія отношенія, и миж было очень жаль милаго Левочки, когда я узналь изъ газеть о его смерти. Изъ моихъ сожителей по квартиръ Шапошнивова ближе всвхъ во мев были Затыркевичъ и Соллогубъ. Съ первымъ сближала меня наша общая любовь къ Лермонтову, всё стихотворенія котораго были имъ переписаны его изящнымъ и четкимъ почеркомъ. Имъніе родителей Затыркевича находилось въ селъ Блотницъ, прилукского уъзда, гдъ жилъ и знаменитый генераль Граббе, о которомъ я слышаль отъ него много разсказовъ. Онъ и самъ имель наклонность къ военной служов, въ воторую и поступилъ по овончаніи лицея. А до того онъ составляль потёшныя роты и наслаждался ихъ муштрованіемъ. Вообще, онъ былъ славный и честный человъвъ и считался у насъ въ классъ первымъ юмористомъ и анекдотистомъ. Онъ преврасно писалъ сочиненія и, въ особенности, описанія природы, и я удивляюсь, какъ изъ него не вышелъ писатель въ родъ, напримъръ, Гребенки, котораго и онъ очень уважалъ. Другой мой сожитель, Самсонъ Петровичъ Соллогубъ, быль человъвъ иного типа, не особенно надъленный дарами. Маленькій, аккуратненькій, онъ быль человівь теплой, доброй души, и его приходилось мив потомъ экзаменовать, когда, найдя для себя непосильнымъ медицинскій факультеть, онь задумаль выдержать эвзаменъ на кандидата факультета юридическаго. Припоминаю, что вивств съ нимъ мы приготовляли некоторые предметы: яна магистра, онъ-на вандидата. Съ благодарностью я вспоминаю его товарищеское участіе и искреннюю радость, когда онъ присутствоваль и на моей вступительной лекців, и на монхъ диспутахъ-магистерскомъ и докторскомъ. Небольшой и слабосильный, онъ считалъ своимъ призваніемъ бороться за правду съ большими и сильными міра. Онъ палъ жертвой этой неравной борьбы: его несправедливо заключили въ конотопскую тюрьму, въ воторой онъ и умеръ. Миръ праху твоему, хорошій, добрый товарищъ!

Мы тешились кавалькадами въ графскомъ саду въ чудесныя осеннія ночи 1847 года. А между темъ къ Нежину подбиралась холера и стала уносить свои жертвы. Гимназія была закрыта и ученики распущены по домамъ. Я съ братомъ и двумя лохвичанами наняли подводу и, усевшись съ горемъ пополамъ на узкой телете, пустились въ путь. Живо припоминаю это путешествіе въ прохладное осеннее время. По пріёздё домой, я

самъ скоро заболёлъ холерой, навинувшись съ жадностью на осеннія груши.

Эта холерная осень 1847 года — эпоха въ исторів моего умственнаго развитія. Къ намъ прівхалъ Евгеній Васильевичь Судовщивовъ, который тогда перешель изъ харьковскаго университета въ віевскій. Начались мои "приватиссимы", полуночныя бесъды или, лучше сказать, монологи, которые и жадно слушалъ. Судовщивовъ отлично говорилъ, а я отлично его слушалъ. Судовщивовъ былъ прирожденный мыслитель и литераторъ. Слушатель Новицкаго, онъ поклонялся тогда Гегелю, съ которымъ познакомилъ меня, засадивъ за его эстетику въ русскомъ переводъ. Другими его вумирами были Гоголь и Бълинскій. Все это было воспринято и мною, и мои прежнія литературныя понятія. и мои прежнія увлеченія Марлинскимъ и Кукольникомъ разбиты были въ прахъ. Какъ рылся я въ портфель Судовщикова, выбирая разныя его выписки на лоскуткахъ бумаги, которыя я перечитывалъ и переписывалъ! Для меня на свътъ не было человъка умиве Судовщивова, курточки котораго я донашивалъ въ дътствъ, а въ отроческие годы усвоивалъ его вкусы и понятія. Я сталь даже подражать его манерамь, которыя были не безъ аффектаціи и жеманства, — сталъ, подобно ему, другимъ говорить волкости, а барышнямъ — каламбуры. Несомнънно, благодаря его "приватиссимамъ", я перешагнулъ и переросъ гимназію. Послъ полуночныхъ бесъдъ по философіи, -- какими мнъ могли показаться объясненія монхъ учителей? Послів эстетики Гегеля и трактата о волъ Судовщикова, отвергавшаго волю, -- какими могли показаться мев мои учебники? Въ январъ 1848 года я возвратился въ квартиру Шапошникова, преисполненный высокомърія и презрънія въ гимназіи. Стоитъ ли учить урови? Стоитъ ли слушать учителей? И я почти-что до окончанія гимназіи не училь этихь уроковь, не слушаль этихь учителей, а распываль пъсню, которая была въ большомъ ходу у насъ и сочинение которой мы приписывали Пестелю. Эту залихватскую пъсню я помню и теперь:

"Друзья, неужто станемъ
Надъ книгой цёлый вёкъ поптёть?
Всё книги въ печку! Пересганемъ
Надъ ними сгорбившись сидёть!
Зарядимъ ружья, пистолеты,
И ну прохожихъ всёхъ стрёляты!
Себё ихъ звонкія монеты
По праву сильныхъ отбирать!"

Такія-то п'єсни п'євали мін полъ блительнымъ окомъ Экеблада. Я совершенно преобравился: язвилъ критикой учителей, говорилъ колкости товарищамъ, считая ихъ людьми неразвитыми; гимназію считаль недостойной гегельница. Переставь совсьмь учить урови, я удивляюсь, какъ я могъ, котя и съ передержвой, перейти въ шестой влассъ. Для ученива такого высоваго ранга дисциплина квартиры Шапошникова казалась уже неподходящей, и мы съ братомъ переселились на ввартиру, которую содержала на главной улицъ прилувская помъщица Маркевичъ, съ сыномъ которой — прилукскимъ панычомъ со всёми его нравами и распущенностью-я еще прежде сошелся. Это быль ученикъ четвертаго власса, но казался уже вполнъ установившимся эпикурейцемъ-крвпостникомъ. Я могь выдержать едва полгода жизни въ обществъ прилукскихъ панычей, съ въчными картами и болтовней. Затьмъ, обзаведясь крыпостнымъ слугой Дмитріемъ, набивавшимъ мою трубку вакштафомъ, подобно тому, какъ Ефимъ набиваль трубку отцу, я переселился въ сосъдній домъ Манцева, въ которомъ и прожелъ послъдніе полтора гимназическихъ года, сначала вийсти съ братомъ Владиміромъ, а по увольненіи его изъ гимназін и переходъ моемъ въ седьмой влассь я жиль одинъ со своимъ Дмитріемъ. Припоминаю прівадъ въ это время почетнаго попечителя лицея, графа Кушелева-Безбородко, который быль тогда государственнымъ контролеромъ. Съ нимъ были два сына. Въ моей памяти запечатлълся старшій, который быль тогда въ последнемъ влассе Александровского лицея. Впоследствін онъ издаваль "Русское Слово" и разорился на меценатствъ. Помъстившись въ графскихъ покояхъ, графъ пробылъ въ Нъжинъ нъсколько дней, устроивая развлеченія для учащихся. Его темно-синіе очки, ласковое, прив'ятливое лицо и теперь носится предо мною. Въ седьмомъ влассъ я уже совершенно пересталь заниматься тёмь, чёмь должень быль. Я сталь заниматься преимущественно исторіей русской литературы и исторіей живописи: все, что касалось Пушкина или Грибовдова, Мурильо или Рубенса, записывалось и бережно вносилось въ тетрадь. Учебниковъ у меня совствить не было. Я промънялъ ихъ на собраніе критикъ и рецензій "Отечественныхъ Записокъ". Мечты объ университеть и словесномъ факультеть не повидали меня, и я считаль дни, воторые отдёляли меня отъ университета. Приближалось уже время окончательныхъ экзаменовъ. Я заселъ за приготовление въ нимъ, что мет было очень трудно, такъ какъ прежде я не училъ уроковъ, а нужно было выдержать по всёмъ предметамъ по всёмъ влассамъ. Но молодая энергія преодолівла трудности: я подготовился изрядно, а урови у Бончъ-Осмоловскаго обезпечили мит экзаменъ по математивъ. Эвзамены начались передъ святой и производилесь очень торжественно. За столомъ, поврытымъ враснымъ сувномъ, председательствовалъ самъ директоръ въ обществе ассистента и экзаменатора. Мы были въ мундирахъ; взявъ билеть, мы его обдумывали въ глубовой амбразуръ окна. Это обдуинванье иногда выручало насъ изъ бъды: пансіонеры на шнуркъ съ третьяго этажа спусвали внигу, и мы по ней просматривали винутый билеть. Случалось взять билеть застрахованный, такъ вавъ страхованье это правтиковалось нами въ широкихъ размърать; нёкоторые даже хвастались числомъ застрахованныхъ билетовъ. Тогда спущенная на шнуркъ книга спасала отъ дурной отивтки. Экзаменъ прошелъ для меня благополучно, и только не выручин въ совъть Симоновъ и Коперинцкій, и я получиль аттестатъ. Изъ гимназін я вынесъ немного; однаво въ этомъ виновата была не гимназія, но я самъ. Кто лучше въ ней учился, винесъ варядный запасъ сведеній. Воспоминаніе объ этой гимвазін и всёхъ монхъ учителяхъ для меня всегда было симпатично, а городъ Нъжинъ, гдъ протекли мои отроческие годы, и до сихъ поръ милъ моему сердцу. Однажды меня спросили: "Какіе города мив больше нравятся"? Я отвытиль: "Нъжинь, Rieвъ и Гейдельбергъ" — города моей молодости, города моего ученья.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРИ СВЪТЪ ВЕЧЕРНЕМЪ.

Какъ на землю вёстникъ ночи Сходитъ тихій свётъ вечерній И потомъ, съ прощальной лаской, Онъ ее на сонъ грядущій, Уходя, благословляетъ, — Такъ желалъ бы я предъ смертью, Мирной думой усповоенъ, Оглянуть духовнымъ взоромъ Долгой жизни путь пройденный И проститься съ нимъ любовно.

Помню дётство, помню юность И всё жизни переходы Черезъ мужественный возрастъ Вплоть до старости глубокой. Впечатлительной душою Какъ любилъ я жизнь земную! Какъ предъ ней бывалъ я веселъ И порой какъ илакалъ горько!.. Еслибъ жизнь уму и сердцу Ничего не даровала Кромъ слезъ и кромъ смъха, — И тогда бъ воскликнуть можно: Стоитъ жить на этомъ свътъ!

А меня она, благая,
Награждала свыше мёры.
Не богатствомъ, не почетомъ,
И не тёмъ повазнымъ блескомъ,
Что вёковъ сёдая мудрость
Называетъ суетою,—
Нётъ, она мнё указала,
Въ сферахъ духа, непрерывный
Наслажденія источникъ;
И я радости земвыя
Ивъ него обильно черпалъ...

II.

Жалко старцу видёть, какъ толпа людская, Случая слёпого и страстей игралище, Гонится за счастьемъ, силы напрягая, Словно призовые кони на ристалищъ.

Самъ въ душѣ онъ чуетъ строй необычайный: Будто бы загробный зовъ порою слышится; Будто бы тажелый занавѣсъ предъ тайной Хоть еще не поднять, но уже волышется.

И о всемъ житейскомъ мысля не тревожно, Не стыдясь ошибки, не гордясь побъдою,— Онъ лишь полонъ думой: "о, коль было бъ можно-"Воспринять мив върой то, чего не въдаю!"

Алексый Жемчужниковъ-

1901. Ильиновка

житейскіе толчки

РАЗСКАЗЪ.

У Чертвовыхъ объдали гости.

Былъ пятый часъ зимняго вечера, когда въ столовой засуетилась и вазвенъла посудой прислуга.

Въ вабинетъ въ это время донгрывали послъдній роберъ; партнеры перевидывались отрывистыми:

— Три пиви! — пассъ, пассъ! — Четыре бубны! — Пассъ!...

Въ залъ велись серьезные разговоры. Говорили о политивъ, о будущемъ Россіи, о народныхъ театрахъ и воскресныхъ чтеніяхъ; — порицали ошибки и бездъятельность попечительствъ о народной трезвости.

Кто-то разсказалъ, что мъстное попечительство затъвало когдато устроивать танцовальные вечера въ чайной, да ничего не вышло: выписали откуда-то органъ за восемьсотъ рублей, а онъ оказался порченый; стали чинить, выписали мастера, струнъ, —все это стало еще около ста рублей, —и опять ничего не вышло; такъ теперь и стоитъ безголосая машина, вызывая насмъшки посътителей чайной.

— Не только насмёшки, но и досаду! Вёдь даромъ брошена почти тысяча рублей, а на эти деньги много чего можно бы сдёлать!..

Хозяйка озабоченно посмотрѣла на свои золотые часики в пошла въ кабинетъ. Подойдя къ игрокамъ, она спросила въ полголоса у мужа:

- Скоро кончите?
- Безъ козырей! Три бубны! перекидывались винтёры, не обращая на нее вниманія.

- Слышншь, Поль: скоро вончите?—повторила она громче,
   съ легвимъ раздраженіемъ.
- Сейчасъ, Сонечва, сейчасъ!.. Четыре трефы!—провозгласилъ Павелъ Ильичъ, внимательно разобравъ варты.

Софья Львовна, съ досадливой гримасой, направилась въ столовую.

- Къ барину опять валюжинскіе муживи пришли!— тревожнымъ шопотомъ доложила ей горничная: второй разъ пришли сегодня!.. утромъ сволько часовъ дожидались...
  - Скажи, чтобы завтра...
  - И то ужъ который день ходять!..
  - Ну, такъ ношии ихъ въ канцелярію, къ письмоводителю.
  - Просять, нельзя ли самого барина увидать?
  - Ахъ, Боже мой!.. Если же нельзя!

Софья Львовна снова заглянула въ кабинетъ; тамъ одинъ изъ партнёровъ сдавалъ карты: игра, значитъ, затянется по крайней мъръ минутъ на десять, и въ это время она успъетъ повидаться съ сыномъ.

- Жорживу подавали объдать? обратилась Софья Львовна въ горничной, встретивъ ее въ корридоре, ведущемъ въ детскую.
- Баричъ откушали въ половинъ третьяго, какъ только пришли изъ гимназіи.

Свёженькій, десятильтній Жорживъ давно уже сидыль у стола, освёщеннаго небольшой лампой, передъ раскрытой книжьой. Онъ поминутно заглядываль въ учебникъ и, откинувшись на спинку стула, твердиль скороговоркой:

— Не пожелай жены исвренняго твоего, не пожелай дому бижняго твоего, ни села его, ни свота его...

Сбившись, онъ опять смотрель въ внижку и начиналь снова:

— Не пожелай жены... и т. д.

Онъ усердно зубритъ, а въ то же время думаетъ, почему это ему такъ не везетъ съ этими заповъдями? На экзаменъ на нихъ же сръзался... Зналъ отлично и по порядку, и въ разбивку, но священникъ не просто спросилъ, а вдругъ: "разскажите, говоритъ, что вы знаете о синайскомъ законодательствъ"? А кто его зналъ, что это такое? Ну, конечно, и стопъ! Теперь вотъ никакъ не удается осилить эту противную десятую!..

Жорживъ шумно вздохнулъ.

— Не пожелай жены...—еще разъ началъ онъ и, сбившись на томъ же словъ, стукнулся лбомъ въ книжку и громко заплакалъ.

- Жоржинька, дорогой мой! О чемъ это? вскривнула Софья Львовна, подбътая къ сыну.
- Я... я, мама, не могу!.. десятую за-а-повъдь не могу-у!.. все на скотъ сбиваюсь!..
- Дорогой мой! Ты върно перезубрилъ! Отложи на послъ, а теперь займись чъмъ-нибудь другимъ.
- Я, мама, задачу стану ръшать... Я уже начиналь, да бросиль: очень трудная, воть посмотри...
- Нътъ, голубчикъ, сейчасъ мив некогда, меня тамъ гости ждутъ... Надо ихъ звать объдать...
  - А что у васъ ныньче сладвое?.. Ты мив...
  - Пришлю, пришлю! Пломбиръ и фрукты...
- А ты, мама, любишь гостей? они веселые?.. Разскажи, мама, о чемъ вы тамъ разговариваете и какъ вамъ тамъ весело?...

Его хорошенькіе глазки еще не высохли отъ слезъ, а на губахъ уже блуждала улыбка.

- Мы разсуждаемъ о многомъ, о корошемъ, но теперь ты этого не поймешь; вотъ когда выростешь...
- Нътъ, нътъ, мамочка!.. Я все—все пойму!.. Ей-ей, пойму!.. Я постараюсь понять, только разскажи!..

Онъ весь дрожаль, тормошиль мать за рукавь, впиваясь въ ея глаза своимь молящимь и горфвшимь отъ любопытства взоромъ.

- Ну, хорошо, хорошо! Я разскажу, только потомъ. Сейчась я уйду, а ты учи уроки. Будешь учить?..
  - Буду, буду. Честное слово!.. А ты разскажены?
  - Непремънно! Сегодня же, когда гости уъдутъ!

Она наскоро поцеловала Жоржика, отстранила его протянутыя къ ней ручонки и быстро, почти бёгомъ, вышла. Мальчуганъ проводилъ ее затуманеннымъ взоромъ и задумался. Онъ думалъ о томъ, какъ корошо быть взрослымъ. Не нужно учить скучные уроки, не нужно вставать утромъ рано, когда въ комнатъ колодно и такъ крепко кочется спать!.. Взрослые постоянно веселятся, едятъ сколько угодно сладкаго и, главное, все понимаютъ! Хотъ бы ужъ поскорей вырости!.. Вырости бы, какъ въ сказке, въ одну ночь! Легъ маленькимъ, а всталъ— большой!.. Проснулся, а на стуле, возле вровати, уже не блуза съ кожанымъ поясомъ, а черный сюртувъ, брюки, жилетъ съ золотыми часами!.. На лице уси, какъ у папы, борода!..

Жоржикъ самодовольно усмъхнулся.

...Сейчасъ одёлся бы—да къ гостямъ!.. Сидёлъ бы тамъ за столомъ и слушалъ, какъ они говоритъ... И было бы весело, а теперь, вотъ, сиди здъсь и скучай!.. Одна надежда, что мама разскажетъ обо всемъ...

Мальчуганъ вздохнулъ, вспомнивъ, что далъ мамѣ честное слово выучить за то уроки.

...Не случилось бы опять такъ, какъ было недавно: онъ сдержалъ слово и выучилъ, а мама своего не сдержала, не взяла его на репетицію, некогда ей было... Теперь ей постоянно все некогда... съ тъхъ поръ, какъ переъхали сюда, въ городъ...

Онъ вспомнилъ, какъ хорошо было въ деревнъ: тамъ мама очень ръдко ъздила въ гости, а гувернантка, Августа Карловна, никогда не бывала въ гостихъ и постоянно разговаривала съ никь, читала ему такія славныя внижки. А раньше, когда еще не было Августы Карловны, няня разсказывали ему такія чудныя сказви!... Зимой на лежанив такъ тепло и хорошо... Слушаешьслушаешь про "Ивана-царевича" или про "Жаръ-птицу" да и задремлешь... А если большой морозъ, то стоитъ, бывало, насчитать двънадцать лысыхъ и громко крикнуть: --- "Тресни ихъ лысина, переломися моровъ! "-и на другой день непремънно потепльеть... А льтомъ?.. Боже, какъ хорошо льтомъ въ саду!.. Особенно, когда зацвётуть яблони, груши... Все кругомъ такъ быо, душисто!.. Лежишь, бывало, на травъ и глядишь на голубое небо, на ласточекъ, стрълами летающихъ въ вышинъ... А тутъ. въ этомъ гадкомъ городъ, онъ постоянно одинъ... И ему все противно: и гимназія, и гости, изъ-за которыхъ мамѣ все невогда, и папина служба да влубъ, изъ-за воторыхъ тоже и папъ все некогда. Тутъ всемъ некогда, и о чемъ ни спросишь-сейчасъ: "ты еще малъ, не поймешь"!... А въдь это скучно, ужасно

Горничная принесла Жорживу ставанъ чаю и тарелву съ пирожнымъ и фруктами.

- Вотъ, сколько вамъ мамаша прислали, заговорила она, ставя все на столъ; вы бы и мнъ удълили хоть немножко, а то, за гостями, никогда и не попробуешь: сколько ни подай, все учистять!
- Бери, Маша, бери, да не ужасъ сколько, а такъ, чтобы в инъ осталось коть половину...

Въ кухнъ калюжинскіе мужики все еще ждали: они надъя-

— Что, милая дъвушка, — обратился къ горничной съдой какъ лунь Харитонъ: — можетъ, таперь-отъ барину бы доложить? Наобъдались, слышь, господа?..

— Какое тамъ! Къ нему и не подступишься: то въ карты ръзался, а сейчасъ—съ гостями гогочетъ! А барыни только шипитъ: нельзя да нельзя!..

Муживи переглянулись между собой.

- Какъ же таперя намъ быть, сватъ Егоръ?
- Буде ужъ по домамъ доведется вхать!—глухо отозвался Егоръ, угрюмо насупившись.
- Ахъ-ти, горе какое! Горе наше горькое!—вядыхая и разводя руками, повторяль старикъ.
- Какое у тебя, дъдушка, горе?.. Какое?—присталъ къ нему вбъжавшій въ кухню Жоржикъ..—Какое горе?
  - А такое, паренёкъ...- началъ-было Харитонъ.
- Ну, чего тамъ безъ дѣла болтать съ дитёй!—сурово оборваль старика Егоръ.—Айда на хватеру!

Мужики ушли, а Жоржикъ присталь въ кухаркъ.

- Скажи, Василиса, какое у старика горе?
- Свое у нихъ горе, хрестьянское, сухо отозвалась кухарка.
  - Василисушка, милая, скажи!...
- Да, какъ же! Тебъ скажи, а ты сейчасъ мамашъ донесешь, али папашъ...
  - Вотъ тебъ врестъ, не сважу! Ей-ей, не сважу!.. Василиса упорно молчала.
  - Хочешь, я тебъ дамъ апельсинъ и пирожнаго?
- Что пирожное?—нѣсколько мягче заговорила Василиса: я тебѣ и такъ скажу; только вотъ малъ еще ты, не поймешь, пожалуй...

Жоржикъ вскипълъ.

- Да что же это, точно сговорились всв: малъ да не поймешь, только и слышу! Это неправда! Я все понимаю!.. Все хочу знать!—кричалъ онъ, топая ногами и гивно сжимая кулаки.
- Полно-ка, полно тебѣ! ласково улыбнулась Василиса. Вишь, какъ расхорохорился! Ладно ужъ, пожалуй разскажу, только ты никому ни словечка!

Мальчивъ снова забожился; Василиса начала:

- Хрестьяне эти изъ деревни Калюжи, ходоки они мірскіе... Міръ, значить, обчество выбрало ихъ охлопотывать одно дёло...
  - Какое дело?
- Такое, вишь, дёло, что денегъ своихъ они доискиваютъ съ казны. Хотятъ, чтобы казна платила имъ за винную лавку, какъ допрежъ купцы за кабаки платили... А ежели, молъ, казна не хочетъ платить, пусть лавку изничтожитъ! Намъ, молъ, ее

не надобно... Вотъ они, ходови эти самые, и ходять все въ панашѣ твоему, чтобы, значить, охлопоталь имъ это дѣло, — а панашѣ все недосужно... увидать его никакъ не могутъ...

- Это вотъ и есть ихъ горе?
- А то какъ же? Знамо, дёло мужицкое, бёдное, кажный грошъ дорогъ, кажная денежка горбомъ-потомъ добыта, а тутъ даромъ въ городу прохарчились да ни съ чёмъ и домой убрались...
  - А на что имъ деньги? Можетъ быть, на церковь?
- Да ужъ тамъ это ихнее дёло. На то ли, на другое ли, а только важдому свое дорого; кому же денежки надоёли, али не милы?..
- Я завтра пап'в сважу, чтобъ онъ поговориль съ этими мужиками... сдёлаль бы имъ все, проговориль задумчиво Жоржись, посл'в долгой паузы.
  - А меня выдащь? На вотъ! А сейчасъ что объщаль?...

Жорживъ сконфузился: онъ совсёмъ забылъ, что далъ слово молчать. Но вавъ же быть: и муживовъ жалво, и Василису нельзя выдавать.

- А ты лучше воть что: скажи, будто подслушаль все это самь. Слышаль, моль, какь мужики промежь собой сказывали. А папашъ-то обсказать пожалуй-что и не лишнее, потому какь мужики, не только эти, а и всъ другіе шибко на него злобятся да обижаются...
- За что? Вѣдь папа не знаеть?.. Ему никто, вѣрно, не говорилъ, а вотъ, какъ я ему скажу...
- Какъ, поди, не знаетъ! Начальникъ въдь онъ и должонъ понимать... Послушалъ бы ты, какъ про него хрестьяне судачатъ! Что, молъ, это и за начальникъ такой, что добыть его никакъ невозможно...
- Какъ же они смъють за глаза осуждать папу? Какъ они смъють?.. Развъ это хорошо?
- На воть! Кавъ же и не осуждать? Поставленъ на службу, в жалованье ему идеть изъ крестьянскаго трудового капиталу, а онъ все только свои господскія дѣла править, а въ мужицкія нисколько не вникаеть. Когда мужикъ ни пришель—все ему недосугь: то въ клубъ, то въ гости уѣхалъ, то почиваеть, то объдаеть, то въ карты, какъ воть нонѣ, играетъ. Ну, вотъ, хрестьяне и влобятся!.. Собираются, слышь, жалобу подавать губернатору. Намъ, молъ, такого начальства не надо. Задаромъ, молъ, только жалованье получаетъ!.. Али наша, молъ, мужицкая копѣйка щербата?.. Шибко ругаютъ мужики папашу! Сидятъ тутъ, въ куфнѣ, и чего-чего только не наслушаешься!..

Жоржикъ постоялъ-постоялъ въ раздумьи и тихо повернулся въ выходу. Онъ даже забылъ, что прибъгалъ въ кухню, чтобы напиться квасу.

- Смотри же, меня, чуръ, не выдавать! вривнула ему вслъдъ Василиса.
  - Не бойсь, не выдамъ!

Въ сосъдней комнатъ часы пробили десять, а Жорживъ все обдумывалъ, какъ и кому разсказать про мужиковъ: папъ или мамъ? И потомъ его смущала боязнь, какъ бы не попасться во лжи и не выдать Василису.

Онъ хорошо знаетъ, что лгать гръшно и стыдно, а если сказать правду—значитъ, не сдержать даннаго Василисъ слова, что опять-таки не хорошо, не честно... А что если все такъ оставить? Никому ничего не говорить? Но въдь жаль мужиковъ, хотя они и гадкіе за то, что папу за-глаза осуждаютъ; сказали бы ему честно и прямо въ глаза, что онъ нехорошо служитъ, и, вообще, чъмъ они недовольны... А можетъ, они и сказали бы, можетъ, для того и ходитъ, чтобы все это папъ высказать?.. Тогда надо непремънно, чтобъ папа выслушалъ ихъ, — иначе это будетъ несправедливо...

Жоржикъ остановился, наконецъ, на томъ, что скажетъ мамъ, но постарается не смотръть ей прямо въ зрачки, когда будетъ выгораживать Василису, потому что ужъ онъ знаеть: вавъ только онъ скажеть неправду и встретится съ мамиными глазами, то непременно повраснеть, смутится и все выболгаеть... Тогда опять повторится то, что было, важется, два года тому назадъ: онъ, какъ-то, нечаянно проговорился насчетъ прислуги -- и въ дом'в вышелъ настоящій переполохъ; Василиса и Маша на него восились и шипъли; папа и мама ссорились и было такъ тяжело! Папа на маму вричалъ, говорилъ, что она во всемъ виновата, что она не умъетъ избавить его отъ разныхъ непріятностей и дрязгъ, что онъ размъняется... Онъ хотълъ тогда спросить у мамы, что значить разменяться, но она все плавала, а потомъ онъ самъ забылъ. Такъ и до сихъ поръ онъ не знаетъ, что это значить, но тогда это слово показалось ему такимъ страшнымъ, что у него мурашки по спинъ забъгали. Жоржину повазалось, что напа, вотъ-вотъ, распадется на части, вавъ полънья, горящія въ печкъ... или, можеть быть, папа разсыплется по полу въ разныя стороны мѣдявами и серебромъ--и папы уже не будеть!.. Какъ онъ быль тогда глупъ! Теперь ужъ онъ понимаеть, что размёняться—это что-то относительно ума или честности, а вовсе не значить, что, воть, буквально, какъ рубль, размёнять на мелочь... А воть и мама идеть...

- Господи! Дай, Господи, чтобы я все хорошо ей разсказалъ! — въ сильномъ волнении прошепталъ онъ.
- A ты еще не спишь? Голубчикъ мой, это же невозможно: въдь уже десять часовъ!..
  - Я, мама, сейчась лягу, только ты...
  - Если чего не выучиль, я велю разбудить пораньше.
- Ахъ, вътъ! Я, видишь ли, слышалъ въ вухиъ, что муживи папу бранятъ... ругаютъ...
- Какъ? Что?.. папу бранятъ?—всполошилась Софья Львовна, начего не понямая.
- Они, мужики, говорять, что папа—гадвій, что онъ нехорошо служить, что онъ льнивый и нехор-о-шій!.. Что онъ... онъ... Они... его нена-а-ви-и-дять!.. Какъ они смъють? Мнъ жа-алко папу!.

Миловидное лицо Жоржива исвазилось, слезы ручьемъ поли-

- Усповойся, дорогой мой! Перестань же, мой милый мальчивъ! Все это—пустави, вздоръ!—говорила Софья Львовна, вытирая Жоржику слезы.
  - Значить, мужики вруть, что папа нехорошій?
- А ты еще сомнъвался? строго проговорила Софья Львовна. Какъ же ты смъешь? Какъ ты смълъ? еще строже добавила она, озабоченно хмуря брови.
  - Я не вналъ... и не буду...
- Такъ знай же разъ навсегда, что папа твой корошій, и ты никогда не долженъ думать о немъ дурно... Слышишь, никогла!
- Я, мама, никогда больше не буду!.. А мужики еще за что-то на папу сердятся, я не помню, забыль (онъ чуть не сказаль: "не поняль", но во-время спохватился и замёниль это ненавистное слово другимь), но они хотять на папу жаловаться губернатору... Хотять писать жалобу.

Софья Львовна еще больше нахмурилась.

- Повторяю—все это вздоръ! съ оттънкомъ досады проговорила она, но сейчасъ же смягчилась и уже съ улыбкой продолжала:—пустяви все это; объ этомъ никому не надо говорить, и даже самъ ты выбрось изъ головы, забудь, какъ будто и не было...
  - Хорошо, я постараюсь забыть какъ можно скоръй.

- Вотъ и преврасно; а теперь ложись и спи сповойно.
- Жорживъ вздохнулъ съ облегчениемъ: острой боли обиди и безсильнаго гнѣва, вызвавшихъ слезы, вдругъ не стало, на душѣ стало легво и весело. Ему захотѣлось коть немного продлить веселье.
- Хорошо, мама, я сейчасъ ложусь, но пока буду раздъваться, ты разскажешь то, что объщала, про гостей и про то, какъ вы всъ веселитесь,—говорилъ онъ, ласкансь къ матери и жадно заглядывая ей въ глаза.
- Завтра, Жоржинька, завтра, дорогой мой; теперь нельзя: надо спішить на репетицію.
  - У васъ опять театръ?
- Да, мы даемъ спектавль въ пользу бъдныхъ дътовъ, чтобъ имъ было хорошо, чтобъ они были въ теплъ и хорошо бы учились...
  - Я, мама, тоже хочу хорошо учиться, но...
- Знаю, знаю—ты у меня умникъ! Ну, прощай же, Господь съ тобой! Ты любишь свою маму?
  - О, мамочка!...

Онъ быстро обхватиль руками и судорожно сжаль шею матери. На порогъ Софья Львовна обернулась и, осънивъ сына врестомъ, ласвово сказала:

- Не забудь, мой дорогой, Богу помолиться!
- Спаси, Господи, и помилуй папу, маму и меня, грѣшнаго!—закончилъ свои молитвы Жоржикъ, и вдругъ вспомнилъ, что сегодня онъ очень грѣшенъ, такъ какъ повърилъ глупымъ мужикамъ и усомнился въ правотѣ папы. Необычайная нѣжность къ отцу охватила мальчика, и ему страстно захотѣлось проститься съ отцомъ на ночь, поцѣловать его крѣпко-крѣпко! Папа не любитъ прощаться, когда играетъ въ карты, но теперь онъ въ столовой: оттуда слышенъ его голосъ.

Жоржикъ обернулся, поправилъ волосы и вышелъ.

Павелъ Ильичъ и человъкъ пять гостей, сидя за столомъ, курили и пили. Вино развязало всъмъ языки; полькуясь отсутствіемъ хозяйки дома, вели холостецкій разговоръ, густо приправляя его разными пикантными подробностями.

Чертковъ былъ въ ударъ и говорилъ больше всъхъ; лицо его горъло, глаза исврились, улыбка то-и-дъло смънялась гром-кимъ смъхомъ.

"Какой папа красивый!" — восхищался про себя Жоржикъ, стоя у косяка дверей.

Его не замъчали: собесъдники были слишкомъ заняты разговоромъ; прислугу Павелъ Ильичъ отпустилъ, такъ какъ не выносилъ присутствія слугъ, когда ему хотълось быть на-распашку.

"Папа лучше всёхъ!" — продолжалъ восхищаться Жоржикъ. Онъ забылъ, зачёмъ шелъ къ отцу, и стоялъ въ нёмомъ восторгъ. Не понимая, о чемъ говорятъ, и даже не стараясь понять, онъ глядёлъ на веселыя лица, слышалъ смёхъ, и ему было весело. Опомнившись, наконецъ, онъ было-шагнулъ къ столу, но какъ-разъ въ это время кто-то сказалъ:

— Пора, господа, пора въ влубъ.

Вст разомъ поднялись, шумно задвигали стульями, смъхомъ и восклицаниями заканчивая разговоръ. Въ ушахъ Жоржика тон-дъло проносились отрывистыя фразы въ такомъ родъ:

- Вотъ женщина! а? каково?..
- Н-да, женщина съ перцемъ!..
- Господа, за женщинъ! говорилъ Чертковъ, наполняя ставаны. Чокнемся въ последній разъ.

Всѣ човнулись, осушили ставаны и двинулись гурьбой въ ' противоположной двери.

Жорживъ тавъ и остался нивъмъ не замъченный.

— "Вино, веселье и любовь—воть жизни наслажденье!"— громко запёль Павель Ильичь, удаляясь вслёдь за гостями. Миннуты двё въ прихожей раздавались говорь и смёхь; но воть стукнула выходная дверь, щелкнуль замокь, топоть ногь польстницё затихь, и вся квартира Чертковыхь точно замерла.

Жорживъ постояль немного въ раздумьи, потомъ подошелъ въ столу, придвинулъ въ себъ вазу съ фруктами и сталъ ъсть; уничтоживъ остатки винограда и грушу, онъ опять съ минуту раздумывалъ. Спать ему не котълось: онъ разгулялъ совсъмъ сонъ; уроки можно доучить завтра, такъ какъ мама велитъ разбудить пораньше... Пойти развъ почитать?..

Вдругъ глаза мальчика загорълись, изъ-за полненькихъ алыхъ губовъ засверкали два ряда ровныхъ бълыхъ зубовъ. Онъ отыскалъ нъсколько недопитыхъ бутылокъ, поставилъ ихъ группой около отцовскаго стакана, туда же помъстилъ ящикъ съ сигарами, самъ взобрался на стулъ, гдъ сейчалъ сидълъ отецъ.

Все это дълалъ онъ не спѣша, внимательно и серьезно, съ такой миной, какъ будто онъ рѣшалъ трудную задачу. Но когда налилъ стаканъ вина, взялъ въ руку сигару, на его лицѣ снова заиграла радостная улыбка.

...Онъ большой, онъ взрослый, совсёмъ какъ папа!.. Онъ не Томъ I.—Январь, 1903.

рёшался закурить сигару: разъ, какъ-то, онъ было-попробоваль затянуться—и его стошнило; но онъ держалъ ее въ лёвой рукв, между указательнымъ и среднимъ пальцами, солидно подносилъ ее во рту и дёлалъ видъ, будто выпускаетъ дымъ; правой рукой онъ то крутилъ воображаемые усы, то поднималъ стаканъ и отпивалъ большими глотками вино. Вино было вкусное и не очень крёпкое, но послё стакана у Жоржика слегка закружилась голова. О, какъ хорошо быть большимъ!..

Онъ налиль еще, осущиль ставань залиомъ и отвинулся на спинку стула; его бросило въ жаръ, мысли въ головъ спутались и запрыгали, дъйствительность мъшалась съ вымысломъ. Ему казалось, что онъ и въ самомъ дълъ уже взрослый, такой же, кавъ недавно сидъвшіе туть гости. И вдругь въ мозгу его пронеслись послъднія фразы, сказанныя въмъ-то изъ гостей; Жорживъ захохоталъ и громво произнесъ:

— Вотъ женщина!.. Вотъ женщина съ перцемъ!..

Онъ поднялъ высоко стаканъ и визгливо прокричалъ каждый день почти напъваемое отцомъ:

- "Вино, веселье и любовь—вотъ жизни наслажденье"!..
- А я, вотъ, мамашѣ скажу, что вы полуночничаете!—заговорила пришедшая за посудой горничная.—Вамъ бы теперь спать, а утромъ пораньше встать да урки поучить...
- Урки!.. Ха-ха-ха!.. Мив, Маша, учиться уже не надо... потому не... не надо, что я уже большой!.. Какъ папа! бормоталъ Жорживъ, быстро пьянвя и завязая на каждомъ словъ.
- Господи, батюшка! воскликнула горничная, догадавшись, наконець, что мальчикъ пьянъ.
- Пойдемъ-ва, пойдемъ скоръй въ дътскую! Того и гляди господа вернутся!..
  - Не хочу... въ дътскую!..

Маша схватила его подъ мышки, чтобы стащить со стула, а Жоржикъ тянулся ручонкой въ ея щекъ и продолжалъ бормотать:

- Хочу... вавъ папа!.. Папа тебя щипалъ!..
- Скажите, пожалуйста! И онъ туда же! А ты прежде вырости съ папу, да тогда и разговаривай!..
- Я уже выросъ!.. я выросъ! бормоталъ мальчуганъ, всклипывая.

Развъ не обидно, что онъ и курилъ, и пилъ, и пъсню папину спълъ, а теперь ему оставалось только ущипнуть Машу, чтобы быть совсъмъ какъ папа,—и вдругъ противная Машка не позволяетъ! Съ трудомъ уложила его Маша и сейчасъ же пошла подълиться новостью съ Василисой.

- А Жоржинька-то нашъ напился!..
- Да что ты врешь?
- Вотъ-те крестъ! Насилу языкомъ ворочаетъ, а туда же: "хочу, говоритъ, щипать тебя, вакъ папа щиплетъ"!.. Xa-xa-xa!..
- Ну, дѣвка, ты не больно то выхохатывай! Лучше побереги мальчонку, какъ бы чего не случилось... Дитё холеное, нѣжное!.

Изъ влуба Чертвовы вернулись въ пятомъ часу. Послъ репетицін были тавцы, а Павелъ Ильичъ игралъ въ карты. Софья Львовна уснула сейчасъ же и спала какъ сурокъ; Павелъ Ильичъ, напротивъ, томился безсонницей: въ влубъ онъ продулся въ пухъ, да и нервы себъ измочалилъ, проигрывая роберъ за роберомъ. А тутъ еще жена подбавила: не могла оставить до завтра эту глупвищую исторію съ калюжинскими муживами! Жорживь, видите ли, впечатлителенъ и воспріимчивъ, дурной примъръ ему... Сважите, Америку открыла! Съ своимъ куринымъ умомъ, да еще и нотапіи читать вздумала: живешь праздно, не занимаєшься службой!.. А сама? Спектавли да танцы-вотъ и всв ен интересы... Даже внижва ей противна!.. Тольво и читаеть описаніе вартиновъ въ "Нивъ", да свои дурацвія роли зубритъ... И туда же еще: "запустилъ службу"! Развъ онъ самъ этого не понимаеть? Не страдаеть, не мучится? Отлично знаеть, что у него кругомъ безпорядки, все запущено... Онъ каждый день собирается приняться за работу, но все что-нибудь мъщаеть, а если и нъть никавой помъхи, то просто страшно приняться вакъ слъдуеть: только копни эту чертовщину - и всв его промахи всплывутъ, какъ сало на водъ... Писаря—доки, собаку съъли на канцелярщинъ и живо раскусять, что самъ онъ ничего въ ней не понимаеть. Хорошо еще, что предсъдатель—тупица, трусъ, держится вь съвядь только секретаремь, а самь тоже не знаеть службы я боится ревизовать волостныя правленія да канцелярію... Однако, не сегодня-завтра онъ долженъ же обревизовать, и ужъ, конечно, прикрасить и раздуеть въ своихъ донесеніяхъ!.. Тогда вонецъ, придется уходить, покуда не прогнали... Уходить - куда? Имъніе заложено-перезаложено, того и гляди — пойдетъ съ молотва... Да и вообще родная Украйна, эта бывшая житница Россіи, теперь ужъ сильно оскудъла... И ухитрились же родители прожить изрядное состояніе, а ему, единственному сыну, оставить только долги... Пришлось служить, —а вакой онъ службисть?

Ему и участокъ объвжать совъстно: старшины, писаря, старосты насквозь его видять, но теперь они, по крайней мъръ, молчать, а прижми-ка ихъ—самого, бестіи, подведуть!...

Павелъ Ильичъ повернулся на другой бокъ.

...Да и стоить ли очень-то хлопотать и заботиться о мужикахь? Что они ему? Онь охотно облагодьтельствоваль бы ихь,
еслибь могь это сдылать безь всякихь усилій, однимь своимь
словомь или взмахомь руки, да и то едва-ли бы это доставило
ему большое удовольствіе... Не вырить онь въ искренность борцовь за правду, не вырить въ ихъ скорбь за меньшую братію...
Все это—ложь, лицемыріе, пустое фразерство!.. Въ лучшемь
случаь—самообмань, соломинка утопающаго... Утопающаго въ
морь отчанія отъ сознанія, что, въ сущности, вся человыческая
жизнь—одна сплошная нельпость и безсмыслица...

— A, тоска, тоска! — шумно вздыхаетъ Чертковъ. Ему жаль себя до боли въ сердив, почти до слезъ.

...Онъ—умнѣе, честнѣе, лучше другихъ, и почему-то онъ закабаленъ, долженъ служить, тянуть лямку и жить этимъ чиновничьимъ двадцатымъ да, по-мѣщански, сводить концы съ концами. Жизнь запрягла его въ ярмо, изъ котораго нѣтъ возможности вырваться!..

Павелъ Ильичъ нервно сбросилъ одъяло, подошелъ къ жениной кровати и уставился злыми глазами на кръпко спавшую Софью Львовну.

— Бревно! — прошипълъ онъ, — такъ и въкъ свой проживетъ, не мучась, не сознавая своего тунеядства!..

Онъ съ шумомъ отдернулъ штору; блёдный зимній разсвётъ ворвался въ спальню.

- Поль, ты что это такъ рано? лёниво открывая корошенькіе глазки, спросила Софья Львовна:—опять безсонница?.. А, нервы!.. Выпей валеріанки, брому...
- Какъ она глупа! Какъ безнадежно глупа! говорилъ самъ себъ Павелъ Ильичъ, видая ненавистные взгляды на жену, успъвшую уже снова уснуть, свернувшись кошечкой и подложивъ подъголову пухленькія ручки.
- О, какъ она глупа, какъ безнадежно глупа! мысленно повторилъ Чертковъ. И какъ она могла ему понравиться?.. Эти завитки на лбу, эта мъщанская свъжесть, веселые глаза, звонкій смъхъ и румяныя щеки—все это вульгарно, пошло до тошноты!..

Павелъ Ильичъ съ гадливымъ отвращениемъ покосился на

жену и, еще разъ шумно вздохнувъ, бросился въ изнеможении на свою кровать.

Былъ второй часъ, когда онъ всталъ, кислый и мрачный, какъ мглистая осенняя ночь.

Софьи Львовны уже не было дома: она встала въ полдень, ва-скоро одблась и, въ полной увъренности, что Жоржикъ, по обыкновенію, въ гимназіи, убхала.

- А барыня? обратился Павелъ Ильичъ къ Машъ.
- Давно увхамии.

Маша налила барину чай и, подавая стаканъ, проговорила:

- Баричъ ныньче не пошли въ гимназію...
- Почему?
- Они захворали...

Павелъ Ильичъ всталъ и лѣниво побрелъ въ дѣтскую. Жоржевъ лежалъ пластомъ. Онъ нѣсколько разъ пытался встать, но нестерпимая головная боль и тошнота валили его снова.

- Что съ тобой? Простудился, что-ли?
- Не знаю... У меня гадко во рту и тошнить... и голова болить... а животь нъть... не болить...

Павелъ Ильичъ позвонилъ и сталъ-было распекать горничную за то, что не сказала барынъ о болъзни Жоржика; но Маша, настроенная Василисой, ръшилась разсказать все какъ было, всю правду. Павелъ Ильичъ кинулся къ Жоржику.

— Ты, говорять, вино пиль? Правда это? говори!..

Мальчивъ, молча, таращилъ глаза.

- Говори же, отвъчай скоръй-ты напился?
- Не знаю... Я много пилъ вина и... курилъ сигару... и пълъ, какъ ты... и веселился...
- A!.. Ты быль пьянь, каналья!—наступаль отець, закипая гивомъ.
- Я не зналъ... я котёлъ какъ большой, какъ ты самъ в какъ всё гости!..
  - Ахъ ты, щеновъ! Съ этихъ поръ курить и пить!..
  - Вёдь ты самъ...
  - Такъ вотъ же тебъ, вотъ!

Не помня себя отъ бъщенства, Павелъ Ильичъ схватилъ лежавшій на стулъ кожаный поясь и съ размаха хлестнулъ имъ сина.

Въ комнатѣ раздался громкій вопль; лицо мальчика исказилось на мигъ отъ ужаса и боли; еще мигъ—и онъ потералъ совнаніе. Онъ пришелъ въ себя—и взглядъ его упалъ на маму; она ласково успокоивала его, давала ему нюхать спиртъ, потомъ ему давали какія-то капли; подъ обаяніемъ материнской ласки, онъ живо успокоился и кръпко уснулъ.

Проснулся онъ поздно ночью и больше уже не могъ уснуть. Онъ чувствоваль себя совсёмъ здоровымъ, и въ первую минуту пробужденія подумаль, что видёль вакой-то непріятный сонъ; но черезъ мигъ явилось сознаніе дёйствительности; сердце мальчутана сжалось и тоскливо заныло. Мысли въ головѣ закружились, запрыгали.

...Теперь онъ навсегда потерянный человъвъ: Августа Карловна говорила, что побои страшно унижаютъ человъка, и если вто побитъ, тотъ уже навсегда потерялъ себя!.. Папа—недобрый, потому что не выслушалъ оправданія: въдь онъ, Жорживъ, не зналъ, что вино пить и курить нельзя, нехорошо. И почему же нехорошо, если самъ папа любитъ вино и сигары?.. Мама часто говоритъ, что папа—хорошій, а между тъмъ...

Голова мальчика усердно работала. Онъ вспомнилъ и мужиковъ, и все, что говорила про папу Василиса, и опять вспомнилъ съ болью въ сердцъ, что отецъ страшно обидълъ, оскорбилъ его, сдълалъ его навсегда потеряннымъ; онъ—не добрый, мама неправду говоритъ, что папа—хорошій, когда онъ—злой...

— Такъ ему и надо, такъ и надо: пускай его муживи ругають и Василиса осуждаеть!—шепталъ Жорживъ:—мнѣ его нискольво не жалко!.. И маму тоже—зачѣмъ она вретъ?..

Эти первые житейскіе толчки значительно повліяли на отношенія мальчика къ родителямъ.

Онъ охладель въ нимъ и замкнулся въ себе.

Его дътски-пытливый умъ сталъ зорво наблюдать, исвать разъясненій всему непонятному и дълать выводы не въ пользу отца и матери.

— Отчего ты такой вялый, скучный?—говоритъ иногда Павелъ Ильичъ, косясь съ раздраженіемъ на сына:—хоть бы ты поръзвился, пошалиль!..

Жоржикъ равнодушно отмалчивался.

Оставаясь одинъ, онъ часто задумывался, уставясь куда-то въ пространство не-дътски печальнымъ взоромъ. Въ душу ребенка уже запала первая искра скорби; онъ познакомился сътоской и сомнъніями, не понимая еще смысла этихъ словъ.

— Дорогой мой, милый мой мальчикъ! — обращается къ сыну Софья Львовна: — ты любишь свою маму?

Жорживъ холодно, безъ увлеченія, привладывается въ ея рукв и старается улизнуть куда-нибудь.

— Отчего онъ такой? — шепчетъ Софья Львовна, глядя на мальчика съ недоумъніемъ и грустью. — Скоро онъ совствиъ ко мнт охладветъ, а за что? Я ли не люблю его, не забочусь о немъ?...

На глаза ея набъгаютъ слезы и скатываются по щекамъ... Но вотъ вто-то подъехалъ... Звоновъ... Маша побъжала отворять. Софъя Львовна вытираетъ слезы, припудривается, обмахивается платьомъ и выходитъ въ гостямъ.

НАТ. СТАХЕВИЧЪ.

ЦАРИЦА АДРІАТИКИ

Изъ путешествия по европейскому югу.

Когда вто долго не заглядываль въ Европу, и притомъ видълъ мимоъздомъ только лицо ея, а не внутреннюю душу, — Европа чаруетъ такого человъка, даже пресытившагося впечатлъніями многихъ десятковъ лътъ, — какъ чаруетъ юношу давно не виданная имъ возлюбленная врасавица...

Европа — врасавица, этого нивто не отниметь отъ нея.

Послѣ нашей плоской, свучной, обдной и неустроенной равнины—вокругь васъ какія-то живописныя сновидѣнія, фантастическія декораціи, будто нарочно устроенныя для эффектной сцены, чтобы обворожить глаза и сердце ваши. Послѣ блѣдныхъ тусклыхъ и постныхъ тоновъ родного пейзажа, послѣ его расплывчатыхъ, неопредѣленныхъ очертаній, вдругъ сочная, вся растворенная солнечными лучами, блещущая яркость красокъ, вездѣ—и на землѣ, и на небѣ; радостное разнообразіе смѣлыхъ, ясныхъ и изящныхъ линій, повсюду обильно начертанныхъ рукою Всемогущаго Художника, въ зигзагахъ горныхъ силуэтовъ, въ чудно округленныхъ припухлостяхъ холмовъ, въ осгрыхъ шпицахъ готическихъ церквей, въ вубчатыхъ стѣнахъ и башняхъ полуразрушенныхъ замковъ и даже въ характерныхъ кровляхъ, лѣсенкахъ и фронтончикахъ домовитыхъ деревенскихъ жилищъ...

Мы несемся теперь съ неразлучною спутницею всёхъ моихъ многочисленныхъ странствованій—по землямъ, морямъ и по морю житейскому,—черезъ послёдніе отроги Тирольскихъ и Штирійскихъ Альпъ, въ блаженную солнечную Италію, въ голубой Адріативъ, еще всё полные впечатлѣній шумной и прекрасной Вѣны, давно намъ знакомой, но всегда одинаково привлекатель-

ной, изъ которой трудно скоро вырваться, за вхавъ разъ изъ на- чей россійской глуши.

Съ нами въ купо почтенный образованный вънецъ, который, однако, далеко не раздъляеть нашихъ слишкомъ розовыхъ взглядовъ на его родной городъ. Культурныя требованія европейца оказываются совствъ не того масштаба, какъ смиренное довольство вствъ, что даютъ, нашего брата, русскаго, не смъющаго ничего требовать ни отъ судьбы, ни отъ людей...

Вёдь, въ самомъ дёлё, мы въ этомъ отношеніи просто непостижимый народъ. Что ни дёлается съ нами, въ какой бёдё, въ какихъ лишеніяхъ ни приходится намъ сидёть, — мы все думаемъ, что это еще хорошо, что могло бы быть еще куда хуже!

Хватили человъка по физіономіи, носъ на бокъ своротили; онъ объ этомъ не горюеть, а доволенъ, что главъ ему не вышибли...

"Слава Богу, говорить, что въ глазъ не попаль, на волосовъ бы ближе — остался бы на въвъ вривымъ!.."

Спалили у человъка его домъ, — онъ опять благодарить Бога, опять хвалится:

"Хорошо еще, говорить, что гумна не сожгли, уберегь Богь, а то бы бъда! безъ хлъба вся семья бы осталась..."

Неурожай у него, рожь-кормилица совсымь не родилась, — русскій человыкь и туть утышаеть себя:

— Слава Богу, что хоть овсишко мало-мальски родился, хоть свотинку есть чёмъ кормить...—скажеть онъ вамъ.

Австріецъ увъряеть насъ, что его ведиколъпная, полная жизни Въна совсъмъ не похожа на столицу.

— Въ Вънъ слишкомъ мало движенія, мало настоящей городской жизни, — повъствуетъ онъ. — Ночной жизни, — Nachtleben, — какъ въ Парижъ и Берлинъ, у насъ совсъмъ не существуетъ, развлеченій чрезвычайно мало; оттого иностранци не задерживаются долго въ Вънъ... Заглядываютъ только мимоходомъ, — осмотрятъ кое-что въ два-три дня — и прочь. Берлинъ — совсъмъ другое дъло; Берлинъ теперь — истинный Weltstadt, міровой городъ; ростетъ страшно быстро, увеличивается и богатъетъ не по днямъ, а по часамъ. Это, дъйствительно, столица Германіи... А у насъ въ Вънъ даже новаго Нобригу вовсе не производится, и, въроятно, онъ такъ и останется неоконченнымъ... Милліоны тутъ нужны, а парламентъ денегъ не даетъ...

А мы, въ своей россійской наивности, были просто подавлены богатствомъ, роскошью и шумною жизнью старой австрійской столицы, налюбовавшись на тысячи щегольскихъ экипажей и упряжекъ ея роскошныхъ гуляній въ чудномъ паркъ Пратера, потолкавшись въ ея обильныхъ и изящныхъ магазинахъ, насмотръвшись на великолъпные дома, отели, дворцы, музеи, академіи, театры ея всевозможныхъ Ринговъ...

Зато повзда высокоцивилизованных австрійцевь — избави Богь какіе! Русскіе вагоны пріучили нась кь изрядной трясев, но все-таки, какъ говорится, въ мѣру, по-божьи. На здѣшнихъ же дорогахъ, изъ Вѣны черезъ Амстетенъ на Понтеббу, Удино и Венецію, — не только трясетъ немилосерднымъ образомъ, такъ что рискуеть проглотить собственный языкъ и зубы, но кромѣ того еще безбожно кидаетъ васъ изъ стороны въ сторону, и вагоны все время прыгаютъ словно по восогору, опускаясь то однимъ, то другимъ плечомъ и стуча своими желѣзными костяками будто подъ ударами огромнаго кузнечнаго молота, такъ что ежеминутно ожидаеть, что, вотъ-вотъ, эта отчаянная морская качка и эта оглушающая васъ зловѣщая стукотня вышвырнутъ безумно несущійся поѣздъ изъ рельсовъ, и вагоны ваши начнуть взлетать другъ на друга и равбиваться другъ о друга, какъ пасхальныя яйца.

Перенеслись черезъ Драву, пронеслись мимо живописныхъ городковъ Фразеха, Вилаха, Тарвиса, Понтафеля, и очутились наконецъ въ Понтеббъ, — уже на порогъ Италіи...

Эти государственные "пороги" такъ же досадны путешественнику, обремененному багажомъ, какъ должны быть досадны ръчные пороги плывущимъ на судахъ... Особенно когда на таможнъ ни одинъ носильщикъ, ни одинъ сторожъ, а часто и ни одинъ чиновникъ не говоритъ на тъхъ языкахъ, на которыхъ говорите вы, и вы съ вашими сундуками, чемоданами, коробками и мъшками очутитесь въ роли глухонъмого среди непонятно для васъгалдъющей, толкающейся и куда-то бъгущей толпы...

Впрочемъ, надо отдать справедливость иностранцамъ, и итальянцамъ въ особенности, что они на своихъ таможняхъ относятся къ багажу путешественниковъ самымъ великодушнымъ образомъ.

Теперь мы въ инзменныхъ долинахъ Тальяменто, Ливенцы, Пьяве, Силе, въ тъхъ природныхъ воротахъ, которыя издревле давали проходъ изъ средней Европы въ равнины Италіи наро-

дамъ и ихъ боевымъ ратямъ, и черезъ которыя такимъ образомъ протекало столько важныхъ, часто роковыхъ событій старой и новой итальянской исторіи...

Равнина туть такая ровная, что ея многочисленнымъ ръкамъ течь почти невозможно, и онъ то-и-дъло застаиваются болотами, озерами, лагунами, пока доберутся съ гръхомъ пополамъ въ морю. Но здёшній трудолюбець-итальянець, мало похожій по своей изумительной хозяйственности на итальянца-южанина, охотника полежать въ сладостномъ far-niente, носомъ вверху, на горячихъ голышахъ голубого моря, -- обратилъ эти болотистыя низины въ сплошные сады, огороды и поля. Тутовыя деревья разсажены у него въ прозаическоми ранжирѣ, аллеями, словно ряды выстроившихся солдать, а между ними-грядви травы, овощей, хлъбовъ. Деревья обчищены, всъ до послъдней въточки. такъ что торчатъ только стволы съ угловатыми основаніями сучьевъ. Это дълается не по прихоти, а по крайней нуждъ. Кавъ ни привътливъ итальянскій югъ, а все-таки приходится топить если и не домъ, то хотя кухню, а лъсовъ нътъ; нътъ другихъ дровъ, кромъ тутовыхъ сучьевъ, -- дерево равно неприхотливое, выносливое и гонкое; сколько его ни руби, -- оно ежегодно выгонить изъ себя цёлую густую крону длинныхъ молодыхъ вътвей... Къ тому же шелковичный червь только и ъстъ, что нъжные листья однолътнихъ побъговъ, а шелковичный червь туть важное самого человока, его хозяина. Въ хозяйство съвернаго итальянца все дълается въ угоду этой крошечной жадной гадинь, и пока съ нея не взяга драгоцыная дань въ видъ шолковыхъ нитей, всв помещения семьи, всв ся труды и заботы, все время ея-поглощены исключительно потребностями шелковичнаго червячка, приготовленіемъ ему его жилища, его пищи, уходомъ за нимъ, уходомъ за его кокономъ, и проч., и проч. Хорошо еще, что жизнь этого дарового работника, этого микроскопическаго фабриканта шолка, проходить такъ быстро, -- всего вакихъ-нибудь мъсяцъ, полтора, — а то онъ изводилъ бы бъдныхъ южанъ! Уже по миніатюрнымъ вліточкамъ тутовыхъ огорожей вы сразу видите, на какіе жалкіе атомы раздроблена тутъ земельная собственность. По неволъ обработаешь ее какъ цвътной горшовъ не только лопатою, но хоть и собственными пальцами. Тъмъ удивительнъе, что съ такихъ ничтожныхъ влочковъ люди могуть жить такъ хорошо, какъ они здёсь живуть: одёваются прилично, вздатъ прилично, орудія всв имбють, какія нужно, дома себв строять въ три и четыре этажа, съ мебелью, съ часами, съ внижвою и газетой, словомъ, вполнъ по-людски, а не по-скотски. И о недоимкахъ въ податяхъ при этомъ-никакого понятія. Тяжкая тіснота жизни не гонить этоть даровитый народъ въ безнадежное равнодушје къ своей участи, не принижаетъ его вкусовъ, потребностей и привычекъ до грязи и распущенности, а выковываетъ изъ него неутомимаго и настойчиваго борца съ судьбой и природой, успъвающаго даже и при такихъ трудныхъ условіяхъ отвоевать себѣ необходимую степень благосостоянія и житейских удобствъ. Правда, много помогаетъ ему и югь съ его ценьми продуктами земли, съ его свободою отъ шестимъсячныхъ снъговъ и морозовъ. Но все-таки главная его сила — въ немъ самомъ, въ сравнительной культурности его духа. выработанной долгими въками его исторіи и школою новаго времени. А югъ ежеминутно напоминаетъ себя. Теперь нашъ мартъ, у насъ еще чуть трогаются льды на ръкахъ, чуть протаиваютъ на поляхъ сибга, а тутъ уже озими въ полъ- и въ три четверти аршина ростомъ, вездъ цвъты, вездъ густая трава; миндаль, персики, груши осыпаны нъжнымъ снъгомъ своихъ душистыхъ буветовъ, какъ у насъ въ концъ мая. Рабочіе толпами отдыхають на этой травы въ одныхъ рубашкахъ. Добрыхъ два лишнихъ жь сяца тепла и суши выпадаеть, сравнительно съ нами, на долю счастивыхъ жителей юга!

Весело встръчаетъ насъ, съверныхъ гостей, преврасная Италія—такимъ радостно-свътлымъ и теплымъ утромъ, вся въ вънкахъ цвътовъ и зелени, разстилая передъ очарованными глазами нашими словно праздничныя ризы свои—эти полныя жизни и плодородія равнины... Зеленыя горы, усыпанныя живописными городками, деревеньками, замками, башнями колоколенъ, шпилями церквей, картинно выръзаются на фонъ другихъ, далекихъ горъ, на зубчатой бълоснъжной цъпи выглядывающихъ изъза нихъ Альпійскихъ великановъ, на глубокой синевъ весенняго неба,—и все дальше и дальше уходятъ вправо, въ глубины горизонта, словно одинъ сплошной громадный городъ, все шире и шире давая просторъ прибрежной равнинъ, все ближе подготовляя насъ къ сплошной низинъ венеціанскихъ окрестностей...

Горы врасивы, горы поэтичны, но горы и жестови, горы безконечно тяжелы для населенія, у вотораго они отнимають своими скалами и обрывами столько кормящаго его плодороднаго пространства... Чтобы жить съ горами, человъку нуженъ такой же желъзный характеръ, такіе же желъзные мускулы, какъ и ихъ каменное нутро...

Прошлые въка, какъ я уже сказалъ, оставили не одно воспоминаніе въ живописной равнинъ, черезъ которую мы проъзжаємъ. Этими природными воротами между Альпами и моремъ
Аттила, "бичъ Божій", прорвался нъкогда къ цвътущимъ городамъ Италіи изъ своихъ придунайскихъ степей. Вестъ-готскія
и лонгобардскія орды однъ за другими двигались на завоеваніе
Италіи черезъ эти же прибрежныя равнины; здъсь же заставилъ
подписать мирный договоръ, послужившій погребальнымъ благовъстомъ для царицы Адріатики, великій корсиканецъ, уничтожившій впервые тысячельтнюю независимость когда то могучей
венеціанской республики.

Когда поёздъ нашъ миновалъ городъ Удино, мы были почти въ виду селенія Кампоформіо печальной памяти, именемъ котораго окрещенъ былъ, въ 1797 году, этотъ злополучный для Италіи историческій актъ...

Здёсь же проходили, въ 1848 году, и войска суроваго Радецкаго, подавившаго уже на нашей памяти минутную вспышку венеціанской свободы...

Въ Удино мнѣ пришлось разыскивать начальника станціи и объясняться съ нимъ волею-неволею по-итальянски, чтобы поправить свое неумъстное упущеніе. По желъзнодорожнымъ правиламъ я долженъ былъ, при самомъ въъздъ въ Италію, еще въ Понтеббъ, предъявить наши билеты кругового путешествія, купленные нами въ Вѣнѣ у извъстной компаніи Кука, и проштемпелевать ихъ печатью станціи, безъ чего билеты эти не имъютъ силы. Но я, по русскому обычаю, прозъвалъ Понтеббу...

Холмъ, на которомъ высится старый замокъ и башни Удино, по преданію, былъ насыпанъ Аттилою, который котѣлъ полюбоваться съ его вершины на разрушеніе нѣкогда богатой и многолюдной Аквилеи, одной изъ важнѣйшихъ гаваней древняго Рима въ Адріатическомъ морѣ. Въ Удино же и памятникъ влосчастнаго кампоформійскаго мира, подаренный городу Наполеономъ, не знаю, по наивности или въ насмѣшку.

Въ Удино повздъ стоитъ недолго, въ буфетв завтравать рискованно, а между твмъ въ желудев моемъ давно пробилъ адмиральскій часъ; поэтому я отъ души былъ доволенъ, когда какой-то догадливый малый всунулъ намъ въ вагонъ, болтая что-то мив непонятное, два деревянныхъ подноса-поставца, въ гивздахъ которыхъ стояли аппетитно пахнувшія для голоднаго желудка тарелки съ разными яствами, закусками, дессертомъ, и даже стаканы и графины съ виномъ...

Я нахожу этоть обычай очень милымъ, когда вь поёздё нётъ вагона-столовой, а у путешественниковъ нётъ времени и охоты обгать на станціи, разыскивать что-нибудь поёсть. За тарелку супа, два мясныхъ блюда, пирожное, сыръ, обильный дессертъ и графинъ краснаго вина, не считая хлёба, взяли съ каждаго по четыре франка, что, конечно, было очень милостиво.

Провхали хорошенькій городовъ Порденоне, свётло-улыбающійся изъ зеленыхъ чащъ ваштановъ, туй, кипарисовъ; провхали чрезвычайно картинный Конельяно, откуда желёзная дорога круто загибаетъ на югъ и перебёгаетъ по длиннёйшему деревянному мосту черезъ разливы Пьяве...

Тутъ все тъснъе и чаще — городки, виллы, сады; важдый окрестный холмъ увънчанъ шпилями храмовъ, башнями замковъ. Это уже дачи венеціанцевъ. Невольно усомнишься, глядя на это обиліе церквей на каждомъ шагу и въ Австріи, и въ Италіи, — дъйствительно ли религіозное чувство такъ уже ослабъло въ народъ въ нашъ ученый въкъ? Судя по внъшнимъ проявленіямъ этого чувства — съ такимъ выводомъ трудно согласиться. По крайней мъръ, деревенскій народъ, — для котораго дождь и солнце, тепло и холодъ, урожай и недородъ далеко не то, что для промышленнаго скептическаго горожанива, — повидимому, еще сильно нуждается въ Богъ и не забываетъ Его.

За Конельяно-Тревизо, за Тревизо - Деместре, последній городовъ передъ Венецією, можно сказать, его сухопутный пригородъ. Равнина, разстилающаяся за Конельяно, начинаетъ малопо-малу переходить въ съть болотъ, озеръ, лагунъ, каналовъ, перемъщанныхъ съ островвами, земляными валами, ограждающими влочки стновосовъ и пастбищъ, и наконецъ словно проваливается въ громадной сплошной лагунъ, захватывающей отъ края до края все открывающееся передъ нами пространство. Это такъ-называемая венеціанцами Мертвая лагуна, Laguna morta, въ отличіе отъ другого такого же громаднаго бассейна водъ, окружающаго Венецію не со стороны вемли, а со стороны моря, отъ котораго отделяють ее природныя плотины узкихъ и длинныхъ острововъ, -- по-итальянски Lido... То уже будеть Живая лагуна, Laguna viva, не съ стоячими, какъ здъсь, а съ текущими и даже изрядно волнующимися водами, совствиъ напоминающими море.

Повздъ нашъ несется теперь тоже по морю своего рода. Изъ вагона мы не видимъ узкой каменной тесьмы, протянутой

на цёлыхъ три съ половиною версты прямо какъ струна черезъ Мертвую лагуну, а намъ видна справа и слёва только одна неохватная гладь неподвижно застывшихъ водъ. Это вызываетъ полную иллюзію зрёнія и смущаетъ воображеніе. Впрочемъ, каменная нить эта кажется узенькой только по сравненію съ просторомъ окружающихъ ее водъ; на самомъ же дёлё это—колоссальное сооруженіе во вкусё древняго Рима, цёлый безконечный рядъ дамбъ и мостовъ, съ многими сотнями арокъ для протока воды и проёзда судовъ. По обоимъ краямъ этой гигантской плотины—надежныя ограды и дорожки для пёшеходовъ.

Венеція плохо видна со стороны Местре; харавтерныя старинныя зданія ея загораживаются здівсь громоздвими новійшими постройвами навихъ-то казармъ или фабривъ, такъ что вы подъвзжаете въ вокзалу, если позволительно такъ выразиться, еще не чувствуя Венеціи.

И вдругъ вы сразу перенесены совсёмъ въ новый, незнакомый вамъ міръ... Улицъ нётъ, земли нётъ, экипажей нётъ; нётъ лошадей, нётъ пыли, нётъ шума и грохота колесъ... Вы очутились въ лодкё какого-то страннаго фасона, —лодкё-птицё, съ высоко задранною длинною шеею, съ поднятымъ вверхъ хвостомъ, —среди трепещущей пестрозеленой зыби, охваченные мягкимъ, влажнымъ дыханіемъ водъ, въ радостной нёге, пропитанной огнями солнца и вмёстё насыщенной здоровою свёжестью моря, —бодрящей атмосфере, которую знаетъ только одна Венеція.

Гондола-это такая же оригинальность, такая же красота Венеція, какъ и ся каналы, ся дворцы, ся колокольни... Венеція безъ гондолы и гондольера такъ же немыслима, какъ безъ палаццо Дожей и собора св. Марка. Гондолы придають Венеціи ся харавтерную физіономію и составляють исключительную прелесть ея жизни. Венеціанская гондола—сама грація, само изящество. Несмотря на свой обязательный трауръ, болбе подходящій своимъ сплошнымъ чернымъ цвътомъ въ гробовымъ колесницамъ, чъмъ въ этимъ легковрылымъ вибстилищамъ всякихъ земныхъ радостей и житейской суеты, — гондола производить впечатльніе чего-то въ высшей степени поэтическаго и жизненнаго. Она такъ гордо н высово несеть свою резную стальную голову, она такъ легко скользить своимъ круторебрымъ корпусомъ по глади водъ, почти не погружаясь въ нихъ, такъ быстро и стройно поворачивается оть мальйшаго движенія весла, съ ловкостью извиваясь между стаями другихъ такихъ же длинношенхъ черныхъ птипъ, --что

на нее невольно пріучаешься смотріть как на что-то живое. Міздныя и бронзовыя украшенія гондолы—по завіту старины тоже все въ образі тритоновъ, нереидъ, драконовъ,—такъ что жизнь проникаеть и общій видъ, и каждую отдільную подробность ея...

Гондольеръ, почти рождающійся на гондоль, вывъ живущій на ней и на ней умирающій, такъ и относится въ своей гондолъ какъ къ возлюбленной. Онъ до такой тонкости изучилъ ея характеръ и нравы, что не ошибется ни на полъ-вершка, налегая на весло, и не задънеть однимъ волоскомъ за край чужой посудины, когда ему приходится протискиваться сквозь тесноту столиившихся въ узкомъ ваналъ гондолъ, пароходовъ и лодокъ... Словно сама гондола его пронивается въ этихъ случаяхъ чувствительностью магнитной стралки и мгновенно отталкивается отъ соприкосновенія съ себѣ подобными... Это тѣмъ удивительнъе, что гондольеръ работаетъ весломъ всегда съ одной только стороны, умъя направлять свою гондолу то вправо, то влъво тавимъ или другимъ упоромъ весла въ массивную дубовую вривулю, придъланную въ борту гондолы. Еще болъе меня удивляло, какъ это ухитряется гондольеръ сохранять равновъсіе и не клю нуть носомъ въ воду, наваливаясь всею тяжестью своего корпуса на весло и стоя въ эту минуту почти на одной ногъ. А гресть имъ частенько приходится очень сильно и торопливо... Особымъ врикомъ какой-то хищной птицы предупреждають они при поворотахъ каналовъ идущія на встрічу лодки, и мит не случалось видеть, чтобы при самыхъ неожиданныхъ встречахъ быстро выплывающихъ изъ-за угла гондолъ онв хотя бы разъ столкнулись другь съ другомъ.

Гондольеры не мало придають граціозности движеніямь и всему облику гондолы. Хотя теперь, къ сожальнію, все болье исчезаеть прежній живописный нарядь гондольеровь, замынясь большею частью прозаическою войлочною шляпою съ полями и космополитическимь пиджакомь или блузой; но для парадныхъ случаевь и у гондольеровь богатыхъ частныхъ гондоль сохраняются еще, вмысть съ кокетливыми беретами набекрень, граціозныя разноцвытныя куртки съ широкими кушаками, короткіе панталоны и чулки стараго изящнаго фасона.

Въ этомъ нарядъ гондольеръ лововъ и статенъ, и вогда его рослая, сильная фигура, граціозно налегающая на весло, выръзается вмъстъ съ изящнымъ силуэтомъ змъеголовой гондолы на золотомъ фонъ завата гдъ-нибудь у Георгія Маджоре или на

Canale Grande, — то сердце художнива не можеть смотрёть безъ волненія на такую картину.

Мы на гондол'в высаделись въ свой Grand Hótel d'Italie на Canale Grande, и сейчасъ же, наскоро позавтракавъ, на гондол'в же отправились кататься по Венеціи.

Гондолы туть вездь, на каждомъ шагу. Въ другихъ большихъ городахъ вы имфете дело съ толпою, съ прохожими, съ проважими, --- здёсь только съ гондолами. Гондолы прими стаями, вать отдыхающія птицы, стоять на своихъ пристаняхъ, у волоссальныхъ дверей дворцовъ и отелей, у церквей, у базаровъ между пестро расписанными столбами. Эти столбы-своего рода конюшенныя стойла этихъ водяныхъ рысаковъ, удерживающія ихъ отъ проказъ волны, которая иначе угнала бы ихъ куда-нибудь далеко. Венеціанскія красавицы дізлають свои визиты въ разукрашенныхъ деревянною ръвьбою, бронзовыми фигурами, испанскою тисненою кожею, восточными коврами, но все-таки обязательно черныхъ врытыхъ гондолахъ, съ щегольски разодётыми молодыми гондольерами, которые терпвливо дремлють въ ожиданіи своихъ барынь у подъёздовъ аристократическихъ палапцо. Въ гондолахъ устроиваются по вечерамъ прогулки въ веселой компаніи: съ гондоль раздаются вонцерты пінія и музыви; изъ гондоль пусвають по ночамъ любезные итальянцу фейерверки; въ гондолахъ зарождаются, сплетаются и расплетаются всевозможные любовные романы. Словомъ, гондола-одинъ изъ самыхъ интимныхъ и необходимыхъ органовъ живни венеціанца.

Въ старое время, о которомъ столько разсказываютъ старые путешественники и старые хроникёры, эта роль гондолъ въ сердечной живни любвеобильныхъ венеціанцевъ была еще неизмѣримо важнѣе, чѣмъ въ нашъ сравнительно равнодушный и разсудительный вѣкъ, безжалостно вычеркивающій изъ жизни человъва всякіе слѣды былой поэзіи и былыхъ страстей...

Венеціанцы прежнихъ дней, правда, слишкомъ ужъ широко н совсёмъ ужъ безъ удержу предавались увлекательной поэзіи безпечнаго наслажденія и свободной любви, частенько кончавшейся зловёщимъ вмёшательствомъ кинжала и шпаги...

Теперь уже мало умъстна для современнаго венеціанца извъстная старая пъсня:

"Гондольеръ молодой, взоръ мой полоцъ огня, Я стройна, молода, ты свезещь ли меня..."

Но еще лордъ Байронъ, этотъ восторженный жрецъ и пъвецъ любви, упивался до сыта, до пресыщенія—любовью венетомъ I.—Январь, 1903.

ціанских врасавиць и дёлиль съ ними поэтическія тайны безмольных гондоль... Его "Чайльдъ Горольдъ" полонъ страстныхъ отзвуковъ этой безумно-восторженной жизни,—къ сожальнію, слишкомъ быстро сжигавшей своимъ сладостно-ядовитымъ огнемъ и духъ, и тёло геніальнаго поэта. Въ минуты своего мрачнаго расположенія духа, подавленный безнадежнымъ созерцаніемъ австрійской неволи, заковывавшей, въ его время, былую "дочь овеана и царицу земли"—по его живописному выраженію,—Байронъ утімалъ себя воспоминаньями прежней счастливой жизни Венеціи, "когда волны мелодично вздыхали при звукъ пісни, толпа гондолъ скользила подъ лучами луны, слышался говоръ милыхъ созданій, величайшимъ гріжомъ воторыхъ было развів только то, что слишкомъ сильно билось сердце ихъ отъ счастья"...

Ко времени Байрона, дъйствительно, жизнь венеціанцевъ и венеціановъ въ сферъ любви была уже далево не та, что какойнибудь въвъ назадъ.

Одинъ хорошо образованный францувскій путешественникъ первой половины XVIII-го віка, человікъ світа и світскихъ вкусовъ, сообщаєть въ своихъ остроумныхъ письмахъ къ пріятелямъ очень міткія и интересныя свідінія о нравахъ тогдашняго венеціанскаго общества и особенно венеціанскихъ дамъ, которыхъ онъ иміть случай узнать очень близко.

"Нѣтъ мѣста на свѣтѣ, гдѣ свобода и распущенность господствовали бы такъ всецѣло, кавъ здѣсь, говорить онъ о Венеціи. Только не вмѣшивайтесь въ дѣла правительства, и затѣмъ дѣлайте что угодно. Не говорю уже о томъ дѣлѣ, которое служитъ источникомъ происхожденія насъ самихъ и нашихъ наслажденій. Этимъ здѣсь также мало шокируются, какъ и всякимъ природнымъ отправленіемъ. Однако, здѣшняя кровь такъ спокойна, что, несмотря на удобство масокъ, ночныхъ встрѣчъ, узкихъ улицъ и мостовъ безъ перилъ, откуда можно столенуть человѣка въ море, прежде чѣмъ онъ это замѣтитъ,—въ теченіе цѣлаго года едва ли случается четыре подобныхъ исторіи,—да и то между иностранцами. Изъ этого вы видите, какъ неосновательны въ настоящее время ходячія мнѣнія о стилетахъ венеціанцевъ.

"Почти то же нужно сказать и о ихъ ревности въ своимъ женамъ. Но это обстоятельство требуетъ разъясненія. Среди здѣшнихъ нобилей, какъ только дѣвушка дѣлается невѣстою, она надѣваетъ маску, и никто уже не можетъ ее видѣть, кромѣ ен жениха и тѣхъ, кому онъ это позволитъ, что случается крайне рѣдко. Выйдя же замужъ, она дѣлается общественною собствен-

ностью целой семьи, --- вещь хорошо придумания, но устраняеть необходимость предосторожностей и обезпечиваеть наслёднявовъ врови. Часто младшій членъ семьи носить имя мужа; но, вром'в того, обычай требуеть им'вть любовнива. Считалось бы безчестіемъ для женщины, если бы она не имъла кого-нибудь публично своимъ кавалеромъ. Но политика играетъ въ этомъ вопросъ большую роль. Нельзя выбрать себъ любовника иначе какъ нобиля, и изъ числа ихъ такого, который бы ималь доступъ въ сенать и совъты, котораго фамилія была бы настолько могущественна, чтобы она могла приврыть грабежи, и воторому можно бы было сказать:--- милостивый государь, завтра мий необходимо стольво-то голосовъ для моего брата или мужа. Однако, вогда два человъва сговорятся, далеко не трудно воспольвоваться тайнами гондолы, куда дамы всегда входять безъ провожатыхъ. Этосвященное убъжище. Не слыхано, чтобы вогда-нибудь гондольеръ госпожи выдаль ее мужу. Его на другой же день утопили бы товарищи. Такая правтика дамъ немного сократила доходы монахинь, которыя нёкогда однё держали въ своихъ рукахъ эту статью. Впрочемъ, и до сихъ поръ изрядное число ихъ съ достоинствомъ и даже съ соревнованіемъ поддерживаетъ старую репутацію, ибо въ настоящую минуту, наприміврь, идеть жестовая ссора между тремя городскими монастырями за то, вому изъ инхъ удастся поставить любовницу новому папсвому нунцію, вотораго ждуть".

По словамъ этого наблюдателя, свётлёйшая республика арестовала во время его пребыванія около пятисоть человёкъ, прсмышлявшихъ сводничествомъ, которые доходили до такой откровенности, что предлагали каждому желающему на площади св. Марка г-жу прокуратессу такую-то, или г-жу сенаторшу такую-то, такъ что, случалось, мужу предлагали его собственную жену. Венеціанскіе нобили до того не стёснялись въ этихъ дёлахъ, что, выходя изъ зала совёта, на глазахъ всей публики, спокойно садились въ гондолы съ куртизанками, которыхъ содержали.

Я посётилъ Венецію въ такую эпоху моей жизни и въ такой прозаическій въкъ, когда отъ гондоль и гондольеровъ уже не требуется никакихъ таинственныхъ услугъ,—и когда не чувствуется поэтому никакой охоты забираться подъ гостепріимный кровъ со всёхъ сторонъ запертой черной кабины.

Эти черныя будки, слава Богу, очень ловко снимаются, и вы можете спокойно возлежать на длинныхъ мягкихъ тюфяч-

кахъ гондолы, не заслоняя отъ себя ничёмъ ни солнца, ни голубого неба, ни самой красавицы Венеціи, на которую пріёхалю полюбоваться.

Хотя и совсёмъ въ другомъ смыслё, я тоже, лежа въ гондолё, отъ души могъ повторить слова жизнерадостнаго франпузскаго путешественника: "c'est un doux séjour de jouissancequ'une gondole"!

И правда, нигдъ не отдохнутъ такъ нервы, не успоконтсь духъ вашъ, нигдъ не насытится вашъ глазъ такими утъшающим, тихо-радостными впечатлъніями, какъ въ долгой, несившной протулкъ по каналамъ Венеціи.

Здёсь какой-то особенный, бодрящій и вмёстё умиряющій воздухъ, здоровое дыханіе могучаго моря, безъ его ужасовъ и тревогъ. Граціозная птица-гондола беззвучно, чуть взрёзая темновенное стекло канала, скользить по немъ легко и плавно, безъмальйшихъ толчковъ и качанья, а вы себё покойно сидите или лежите въ сладостномъ душевномъ кейфів, молча наслаждаясь пробівгающими мимо васъ,—словно перемінныя картины какойнибудь восхитительной панорамы,—ни съ чіть несравнимыми, непохожими ни на что вамъ знакомое, берегами этой единственной въ своемъ родів, чудной ріти.

Упруго-жидкая дорога ваша, глубовая, прямая и шировая, какъ проливъ моря, все мигаетъ и трепещетъ весело расплесканными по ея хрустальной ряби горячими огнями солица, а изъ ея синезеленыхъ пучинъ прямо, какъ отвъсные утесы изъглубинъ моря, поднимаются съ объихъ сторонъ сплошными стънами необозримые ряды палатъ и дворцовъ...

Эти дома-дворцы вы увидите только въ Венеціи и нигдъбольше какъ въ ней. Они не громоздять цёлыми десятками
яруса на ярусъ, какъ дома-исполины Нью-Іорка и Чикаго; онвне сверкаютъ, какъ кидающійся въ глаза нарядъ богатаго выскочки, яркими красками, затъйливыми формами, обиліемъ пышныхъ и вычурныхъ украшеній; они не поражаютъ васъ вымученнымъ разнообразіемъ и базарною новомодностью своего архитектурнаго стиля.

Нътъ, это — истинные дома-аристократы, проникнутые глубокимъ и неподдъльнымъ изяществомъ, воспитаннымъ въками художественныхъ вкусовъ и привычекъ, недоступнымъ для хвастливаго подражанія вчера только разжившемуся мъщанину. Это — настоящія художественныя созданія, художественно обдуманныя, художественно выработанныя, полныя художественной простоты, величія и строгости... Тоны ихъ, правда, поблекли, мраморы ихъ-

потускивли и почеривли отъ копоти въковъ; въка эти даже провели кое-гав, словно морщины на лицв старика, глубокія треащины въ ствнахъ ихъ, стерли съ этихъ ствнъ и карнизовъ, жавъ румянецъ со щевъ, много одъвавшихъ ихъ въ юности мраморныхъ и иныхъ украшеній... Уже не одинъ изъ этихъ дворцовъ кажется теперь погруженнымъ въ какой-то черно-бълый трауръ-отъ освещей на немъ многовековой пыли и сырости. Но все-таки глазъ вашъ чувствуетъ, что вругомъ васъ-драгоцънныя произведенія искусства, всё проникнутыя одною художественною мыслыю, дающею характерный смысль каждой отдъльной подробности, каждой частной варіаціи общаго всімъ шиъ стиля. Мало того, вы чувствуете, что эти ряды дворцовъ съ вружевными мраморными балконами, съ изящными стрельчатыми арками мраморныхъ галерей, услаждающіе вашъ глазъ удивительной гармоніей своихъ линій и строгою пропорціональностью своихъ частей, — что это вибств съ твиъ одицетворившійся въ жамив былой характерный и интересный въкъ, что это самъ сомедшій теперь со сцены исторіи, вогда-то славный, могущественный и талантливый венеціанскій народъ...

Хотя нътъ теперь въ этихъ омертвъвшихъ представителяхъ славнаго прошлаго ни Бальби, ни Джустиніани, ни Морозини, ни Коньяро, котя въ знаменитомъ историческомъ палаццо Фоскари теперь пребываетъ высшее коммерческое училище, въ другихъ такихъ же знаменитыхъ сосъдяхъ его то стеклянный заводъ, то шолковая фабрика, то пожарное депо или торговля древностями, но цари все-же продолжаютъ смотръть царями, какъ Лиръ въодеждъ безумца.

"Но храмъ разрушенный—все храмъ, Кумиръ поверженный—все богъ..."

И когда окидываеть неподвупленнымъ взглядомъ, не задавансь скептицизмомъ и напускною требовательностью, — эти живописные ряды выростающихъ изъ воды жилищъ смълаго и даровитаго населенія, которое, въка тому назадъ, съумъло до такой степени смирить море и овладъть моремъ, что построило на его пучинахъ цълый громадный мраморный городъ, обратило его воды въ свои улицы и переулки, моремъ создало себъ могущественную власть, богатство, обширныя владънія, всесвътную торговлю и всесвътное уваженіе, то получаещь какое-то удивительно пъльное и характерное впечатлъніе отъ этой своеобразной и какъ бы внутренно обязательной архитектуры, наглядно выразившей стойкую, строго опредъленную и вмъстъ изящную

жизнь, прожитую когда-то здёсь властительною республикою счастливых торговцевъ и богачей...

Этоть рядь художественныхь дворцовь—не только своего рода музей удивительныхь архитектурныхь памятниковь старины, но вмёстё и настоящій музей венеціанской исторіи, ибо въ этой тринадцати-вёковой исторіи нёть такого славнаго имени, которое не было бы воплощено въ какой-нибудь изъ этихъ мраморныхъ палаццо...

Тутъ проходятъ по очереди передъ вами, какъ на смотру, давно знакомыя имена Дандоло, Бальби, Контарини, Джустиніани, Фоскари, Гримини, Барбаро, Корнаро, Бембо, Манина...

Въ одномъ изъ этихъ дворцовъ жилъ кипрскій король, гербы котораго до сихъ поръ укращають древнія стіны; въ другомъ, глубоко старинномъ, показывають окна, у которыхъ сиділа нівкогда Дездемона, обратившанся, въ устахъ містнаго преданія, въ историческое лицо; а вонъ тотъ дворецъ, на правой сторонівканала, недалеко отъ крутого поворота его у подножія великолібнаго Фоскари, тоже знаменитость своего рода палаццо Мочениго, гдіз юный лордъ Байронъ, въ своемъ страстномъ увлеченіи нівгою юга и красотою итальянокъ, предавался безумному разгулу, такъ губительно подточившему его духъ и его силы... Этотъ эпизодъ изъ жизни автора "Донъ-Жуана" стоитъ того, чтобы на немъ остановиться нівсколько минутъ.

Главною героинею его похожденій въ палаццо Мочениго была простая итальянская крестьянка, Маргарита Коньи, такая же булочница по ремеслу и такая же могучая красавица съ роскошными формами, какъ и Рафаэлева Форнарина. Байронъ обмѣнялъ на нее другую свою возлюбленную, Марьяну Сегати, тоже женщину не высокаго рода, жену венеціанскаго лавочника... Его поэтическая фантазія рисовала ему этихъ грубыхъ и изрядно глупыхъ итальянскихъ красавицъ въ ореолѣ несказаннаго изящества.

"Марьяна въ высшей степени обладаетъ ивиществомъ и элегантностью антилопы, — писалъ онъ. — У нея огромные черные восточные глаза съ тъмъ особеннымъ выражениемъ, которое такъ ръдко встръчается среди европейцевъ, даже среди итальянцевъ. Словомъ, я не могу описать впечатлънія этого рода главъ, производимаго по врайней мъръ на меня"...

Но эта "элегантность" не мѣшала, однаво, обладательницамъ губительныхъ черныхъ глазъ— обращаться съ поэтомъ-лордомъ, въ минуты ежечасныхъ ссоръ, съ грубостью взбеленившихся базарныхъ торгововъ и выражать ему свою ревность самымъ **осязательнымъ способомъ, выдирая волоса и глаза у с**оперницъ **и** поизвозчичьи ругая своего непостояннаго любовника.

Правда, и нравы молодого лорда, населившаго палаццо Мочениго цалымъ гаремомъ одалисовъ своего рода, слишкомъ часто давали законный поводъ его страстнымъ подругамъ приходить въ неистовство и устроивать жестокія домашнія баталіи, отъ которыхъ бёдный поэтъ частенько спасался ночью изъ своего роскошнаго дворца въ гондолы Canale Grande.

Къ счастью для великаго поэта, новая страсть его къ графинъ Гвиччіоли облагородила и смирила его буйные порывы; онъ почерпнулъ въ любви къ этой дъйствительно изящной женщинъ, — семнадцатилътней женъ шестидесятилътняго богача-аристократа, — новые мотивы для своей могучей лиры, и въ эту эпоху своей любви успълъ создать лучшія свои поэтическія произведенія — "Манфреда", "Кайна", "Небо и Землю", первыя пъсни "Чайльдъ-Гарольда" и "Донъ-Жуана", высоко поднявшія его безъ того уже могучій талантъ.

Трогательна была повъсть любви молодой Терезы Гвиччіоли. Она была сразу поглощена этою внезапно вспыхнувшею страстью, увидъвъ въ первый разъ знаменитаго поэта.

"Его благородное лицо, такое красивое, звукъ его голоса, его манеры, множество очарованій, окружавшихъ его, дёлали изъ него существо столь отличное отъ всёхъ тёхъ, кого я видёла до тёхъ поръ, столь высшее, что впечатлёніе, полученное мною, было очень глубоко. Съ самаго этого вечера мы видёлись съ нимъ ежедневно во все время моего пребыванія въ Венецін", — признавалась графиня въ своихъ запискахъ.

Трогательно было и увлечение ею Байрона.

"Въ этомъ словъ, прекрасномъ на всякомъ языкъ, но еще болъе прекрасномъ на твоемъ, атог то, заключено все мое существование въ этомъ и другомъ міръ,—написалъ онъ ей на листвахъ ея книги;—и я больше чъмъ люблю тебя, и не могу перестать любить".

Жизнь любви и поэтическаго творчества такъ тъсно сроднила Байрона съ Венеціей, что, говоря о Венеціи, созерцая Венецію,— невозможно не вспоминать о геніальномъ пъвцъ ея, который, во всякомъ случав, любилъ Венецію гораздо больше, чъмъ свой туманный Альбіонъ, и чувствовалъ, что истинною родиной его свободнаго поэтическаго духа былъ итальянскій художественный югъ, а не лицемърно-моральный строй педантической Англіи... "О, чёмъ безъ юности была бы любовь, и что бы сталось съ юностью безъ любви"!

Этотъ искренній крикъ сердца, вырвавшійся у Байрона въ его поэмъ "Беппо", конечно, могъ зародиться только подъ горячимъ небомъ Италіи.

"До сегодняшняго дня, прелестная Италія, ты остаешься садомъ міра, отчизною всего, чему поклоняется искусство, что можетъ создать природа!"—говоритъ Байронъ въ другой своей поэмъ.—"Италія, о Италія! ты одарена роковою красотою, и красота твоя стала для тебя наслъдіемъ настоящикъ и прошлыхъ бъдствій... О, Боже! еслибы ты могла быть менъе прекрасною, но болъе могущественною"!.. "Италія, время, которое разорвало на тысячу кусковъ твою королевскую мантію, откажетъ и откавало уже другимъ странамъ въ счасть быть родиною такихъ умовъ, которые возстають даже изъ развалинъ. Самое паденіе твое полно божественной силы, которое волотить и освъщаетъ его лучами"...

Такъ любовно обращаться къ Италіи могь только истинный сынъ Италіи, сынъ по духу, если не по крови...

Изъ скучныхъ же тумановъ Альбіона Байронъ могъ вынести только тѣ припадки душевнаго сплина, которыми полны почти всѣ его произведенія:

"Ты спрашиваешь, какую тайную скорбь ношу я, что грызеть и молодость, и радость? Скука въеть отъ всего, что я вижу или слышу на пути моемъ. Красота не приносить мит болже наслажденія... Куда уйти отъ самого себя? Въ самыхъ далекихъ странахъ ржавчина жизни, демонъ мысли повсюду преслъдуетъ меня..."—жалуется его Чайльдъ Гарольдъ своей Инесъ.

Катаясь по Canale Grande, не ограничивайтесь лицезрвніемъ его прославленныхъ палать, въ родъ Са d'Ого и Фоскари, но проъзжайте изъ него въ крайне любопытные узенькіе каналы, ведущіе къ кварталамъ рабочихъ и бъдноты. Мимо церкви св. Іереміи, мимо великолъпнаго бъломраморнаго фасада палацко Лабіа, поверните свою гондолу въ темныя воды канала Диместре или Канареджіо. Сърозеленые тоны этихъ водъ такъ гармонируютъ съ потускитвшими и замшившимися тонами старинныхъ облъзлыхъ домовъ, напичканныхъ, какъ пироги начинкою, миріадами полуголодной бъдноты, что подымаются надъ вами съ обоихъ береговъ вонючаго канала. Вы доъзжаете по немъ до Gheto Vechio, громаднаго дома-полипника, словно склееннаго изъ

нфсколькихъ домовъ, одинъ дряжафе, одинъ грязнфе другого. Это старинный вертепъ, историческое гивадо венеціанскаго еврейства, напоминающій Вяземскую лавру Петербурга. Титулъ этого дома написанъ большими буввами надъ черною пастью его вороть. Васъ настойчиво завывають войти туда, въ чаяніи ніскольвых сантимовъ на макароны, -- полюбоваться на этотъ людской влоповникъ, сохранившій до нашихъ научныхъ дней всю свою возмутительную антисанитарную и антигигісничную физіономію средневъкового вертепа, откуда зачинались обывновенно въ былия времена всякія чумныя и тифовныя заравы. Набережная, двориви, овна, балкончики, лесенки, чуть не самыя крыши усыпаны грязными, полуголыми еврейскими ребятишками и еврейских бабьемъ въ невообразимомъ тряпьв, гомозящими и вишащими среди безчисленныхъ грошевыхъ лавчонокъ, кабачковъ и харчевенъ. Впрочемъ, теперь тутъ не одно еврейство, а всявій сбродъ рабочей б'ёдноты. Везд'ё туть ножомъ прор'ёзанные узкіе переулочки, обращенные въ безконечный домашній корридоръ, надъ которымъ нищенское населеніе этихъ візно темныхъ траншей съ трогательною откровенностью развёшиваетъ самыя интимныя статьи своего тряшичнаго туалета, желтые штаны съ голубыми заплатками, Богъ знаеть въ чемъ испачканныя женскія юбки, и всякую разноцевтную рвань... Такіе же узкіе, такіе же темные канальчики проръзаны глубоко внизу высокихъ, почти безовонныхъ домовъ, точно подземныя штольни руднива, и вы нивавъ не можете понять, какими хитростями успъвають пробираться въ нихъ однъ мимо другихъ гондолы, лъпящіяся по ствикамъ. Въчная сырость должна царствовать въ этихъ глухихъ домахъ, внутрь воторыхъ нивогда не заглядываетъ солнце, и въ которыхъ печь до сихъ поръ считается слишкомъ недоступною роскошью. Я думаю, что кром'в широкаго Canale Grande и неиногихъ другихъ каналовъ поважнее-живется вообще холодновато, сыровато и темповато въ каменныхъ и мраморныхъ налатахъ этой солецемъ залитой Венеціи. Въ этомъ отношеніи мев важется любой одноэтажный домишко моихъ родныхъ Щигровъ, общитый дешевымъ тесомъ и раскрашенный убяднымъ маляромъ, на удивление мъстныхъ мъщановъ, въ ярко-лазоревый цвътъ,много удобиве и пріютиве иныхъ скульптурныхъ дворцовъ царицы Адріатики.

Вообще, Венеція им'ветъ съ одной стороны свои повазныя, парадныя вомнаты для пріема гостей—Canale Grande, площадь св. Марва, Piazzetta, набережную Свывоне и проч., а съ другой стороны—цілый неохватный лабиринтъ кварталовъ, каналь-

чиковъ, переулочковъ, площадокъ, мостиковъ, въ которыкъ кишить, такъ сказать, будничная домашняя жизнь Венеція, и въ воторыхъ вы гораздо ближе и върнъе познакомитесь съ подлиннымъ бытомъ и правами этого своеобразнаго города. Тутъ Венеція распахиваеть въ нівоторомъ смислів свое нутро, отвриваеть свои закулисы. Самый характерный очагь этого хозяйственнаго, торговаго и промышленнаго движенія-въ Ріальто. Ипостранцы думають обывновенно, что Ріальто - это знаменитый мраморный мость по серединъ Большого канала. Но этотъ историческій мость оттого и вовется мостомъ Ріальто, что соединяеть западные острова Венеціи съ главнымъ островомъ Ріальто, въ которомъ много въковъ сосредоточивались всъ правительственныя и торговыя учрежденія морской республики. Самый мость Ріальто-это граціозная біломраморная арка въ 12 саженъ ширины, смъло перевинутан, безъ участія одного вершка желъза, черезъ все русло восьмидесяти-аршиннаго ванала и, несмотря на свою кажущуюся воздушность, опирающаяся красивыми устоями на прлый лесь изъ 12.000 подводныхъ свай,-воть уже четыре стольтія остается центромъ торговыхъ вварталовъ Венеціи. Высадившись у него, вы можете выбирать любой берегъ Большого ванала-правый или левый. На набережной леваго берега вы попадете въ крайне интересные рынки велени и рыбы--- Erberia и Pescheria, а направитесь въ глубь острова Ріальто, на правый берегъ — очутитесь въ запутанномъ лабиринтъ темныхъ и узкихъ улицъ и переулочновъ такъ называемой Мегсегів, --- толкучемъ рынкъ своего рода, --- который тянется до самой площади св. Марка, киша бевчисленными лавками, лавчонками, балаганами, стольцами, захватывая прежде всего объ стороны мраморнаго моста, обращеннаго такимъ образомъ въ гостиный дворъ. Вы не пробъетесь сквовь въчно вдъсь движущуюся, галдящую, толкающуюся толпу празднолюбивыхъ горожанъ, которые очень мало покупають, но зато очень много ротозвиничають, горланять и толкутся безь всякаго дёла, встрёчая здёсь знавомыхъ и пріятелей, балагуря о городскихъ сплетняхъ, заходн съ хорошимъ человъкомъ въ кабачки и кофейни. Здёсь вы увидите самыя харавтерныя народныя сцены, самые оригинальные наряды и физіономіи, познакомитесь со всёми видами венеціансвихъ товаровъ, венеціанскихъ цируленъ, венеціанскихъ лавчоновъ и кабачковъ, гдв кишмя вишатъ свободные граждане и гражданки бывшей республики, а главное, вы ощутите собственными бовами всю живописную тесноту и безперемонную подвижность подлиннаго итальянскаго рынка.

Особенно любопытно прогуляться поравыше утромъ въ Эрберію и Пешерію, добхавъ для этого въ гондолъ до пристани илъ, немного дальше моста Ріальто.

Весь берегь опвиленъ особыми лодками, съ проръзами для воды, обваленъ огромными пузырями-плетушвами, -- своеобразными садками для живой рыбы. На берегу вездё-грязь и лужи. Водасочится и течеть отовсюду, изъ чановъ и лотковъ; воду выплесвивають, ни что же сумняся, вамъ подъ ноги; безчисленное множество столовъ, чановъ, громаднихъ железнихъ тавовъ, полныхъ свежею рыбою, разставлено на берегу. Неистощимыя пучины моря щедро кормять безпечнаго венеціанскаго пролетарія своими драгоцівными, природными дарами; рідко гді встрівтите ви такое изумительное обиліе и равнообразіе всевозможной морской твари, какъ въ венеціанской Pescheria въ базарные дни. Тутъ груды морскихъ угрей и миногъ, длинныхъ и вертлявыхъ вакъ виби; тугъ целия горы омаровъ, краббовъ, лангустъ, креветокъ, ракушекъ всявихъ видовъ; полные чаны свользвихъ синелиловыхъ каракатицъ съ огромными вылупленными глазами; рыбаки ловко и проворно обдирають съ нихъ кожу и швиряють въ лотки ихъ оголенныя тушки, словно куски какого-то бёлагостудня или молочнаго виселя. Тутъ и sole, и turbot, всякія отрадныя для гурмана породы камбалы, плоскія какъ блины, съ бълымъ, будто изъ бумаги выръзаннымъ брюхомъ; туть даже и наши осетры, и многое множество невъдомыхъ мив и невиданныхъ мною рыбъ, итальянсвихъ названій воторыхъ нивавъ не приспособишь къ русскимъ, --- рыбъ громадныхъ и врошечныхъ, рыбъ розовыхъ, красныхъ, сврыхъ, черпыхъ, пестрыхъ, рыбъ всявихъ фасоновъ и узоровъ, у которыхъ здёсь же, на вашихъ глазахъ, грязнейший лапы торговцевъ обрезывають кругомъ поплавки, сдирають кожу, выковыривають пальцами внутренности, раскладывають и разрезають на вуски для безчисленных, толвающихся вругомъ, повупателей и повупательницъ. Всв эти лакомыя штучки стоють гроши, ибо всего этого слишвомъ много у всвхъ. Море является истинною матерью-кормилицею венеціанца, истиннымъ благословеніемъ Божьимъ для здітняго балняка.

Пройдите изъ Пешеріи за каменные лавочные ряды, и вы въ Эрберіи. Здёсь изстари собирался овощный рыновъ, и здёсь же изстари читались публично народу распоряженія городскихъ правителей. До сихъ поръ уцёлёла среди Эрберіи мраморная колёнопреклоненная статуя съ мраморной колонной и ступеньками, откуда читались эти объявленія, какъ гласить старинная надиись на колонев. Въ Италіи, наследнице мраморнаго Рима, все и вездв изъ мрамора, -- дома, и мосты, и трибуны... Эрберія производить удивительно радостное, чисто весеннее впечатывные. У насъ-мартъ мъсяцъ, а счастливая Венеція уже завалена снопами свъжихъ цвътовъ, мънками зеленаго гороха и фасоли, цветною капустою, молодымъ картофелемъ, морковью, свеклою, артишовами и всевозможною, давно уже поспъвшею веленью. Все это выставлено такъ свёжо и красиво, что вы съ удовольствіемъ гуляете, словно по саду, среди этихъ роскошныхъ букетовъ и заманчиво пахнущей огородины. Свёжія овощи, повидимому, продаются вдёсь всю виму, не нуждаясь ни въ ледникахъ, ни въ соленін и моченін ихъ. Венеціанскія хозяйки безъ труда могутъ разнообразить свой столъ среди всегдашняго обилія своихъ Эрберій и Пешерій. Безчисленныя лавочки и столы со всевозможными събстными припасами теснятся отъ Эрберіи до самаго Ріальто, такъ что левый берегь Большого ванала по соседству съ мостомъ весь посвященъ обжорному базару, точно также вакъ правый - всякаго рода галантерев и мануфактурамъ... Толкаясь по этимъ базарчивамъ, мы убъдились, не безъ удивленія, что всю эту на водъ живущую Венецію можно отлично перейти пъшкомъ изъ конца въ конецъ, пробираясь по ея перепутаннымъ, всегда полнымъ народа переулочвамъ и безчисленнымъ мостикамъ, перевинутымъ черезъ такіе же многочисленные каналы. Мостивовъ этихъ считается въ Венеціи чуть не 400, а каналовъ-150; они дробять городъ на 117 островковъ, которыхъ тъсный архипелагь отделяеть такъ-называемую "Мертвую" лагуну, лежащую у материка, отъ лагуны "Живой", сосъдней съ моремъ. Но хотя море и прониваетъ своею могучею волною въ каналы Венеціи, поднимая, въ минуты прилива, ихъ уровень на цълыхъ полъ-аршина, однако Живая лагуна Венеціи, а тъмъ больше, конечно, ея ваналы обезпечены отъ сильныхъ морсвихъ волненій, словно природнымъ брекватеромъ, цівлою цівнью длинныхъ и низвихъ дюнъ, защищенныхъ высовими плотинами в оставляющихъ между собою только довольно узкіе проливы. Итальянцы называють этоть охранный авангардъ своихъ низменныхъ островковъ-lidi, и на каждомъ такомъ lido устроили прелестныя дачныя мъстечки, а вмъстъ съ тъмъ-укръпленные форты для защиты отъ непріятельскаго флота проходовъ въ Живую лагуну, -- вначить, и въ самую ихъ славную Венецію.

Цервовь Марія делла-Салюте у васъ постоянно на глазахъ, и оттого ее знають и помнять всё путешественники, едва даже заглянувшіе въ Венецію. Въ вакой бы изъ большихъ гостинницъ Большого ванала ни жили вы—Марія делла-Салюте непремённо торчить передъ вами, вырёзается въ вашемъ окнё, виднёется съ вашего балкона; вы въёзжаете въ Большой каналъ не иначе какъ мимо Маріи делла-Салюте; вы возвращаетесь мимо Большого канала опять-таки мимо нея. Нужно вамъ ёхать въ дворцу Дожей, на площадь св. Марка, на набережную Скывоне—ника-кимъ образомъ не минуете Маріи делла-Салюте; отправляетесь вы въ загородную прогулку къ Лидо или Мурано—непремённо ваша гондола, вашъ пароходъ должны проплыть въ виду ея.

Харавтерное бъломраморное изванніе этой прелестной церкви, похожей сворве на драгоцвиное скульптурное произведение, чвиъ на архитектурное зданіе, до такой степени тесно связано въ воспоминаніяхъ туриста со всею оригинальною панорамою Саnale Grande, -- который ею начинается и ею оканчивается, -- что достаточно увидать на гравюръ или фотографіи ея изящный круглый куполь, чтобы сразу отгадать, что передъ вами-Венеція. Она поднимается словно прямо изъ водъ лагуны своею ступенчатою мраморною террасою, на узвомъ мысу, которымъ заванчивается левый берегь Большого канала, -- какъ венчающее его знамя и какъ привратный стражь его... Эта чудная базилика чаруеть изумительною гармонією своихь архитектурныхь линій, наумительною стройностью всего своего корпуса и такою роскошью біломраморных фронтоновъ, колоннъ, карнизовъ и статуй, о которой нельзя составить себъ представленіе, не видавъ ее въ лицо.

Внутри—это уже не длинная галерея, столь обычная въ большихъ храмахъ Италіи, а великольпная ротонда, приврытая громаднымъ полушаріемъ вупола удивительной красоты. Въ ней нътъ такого историческаго интереса, какъ въ другихъ знаменитыхъ церквахъ Венеціи, но ствны ея сплошь покрыты драгоцівными разноцвітными мраморами да огромными полотнами и фресками великихъ венеціанскихъ мастеровъ лучшей эпохи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати, отъ которыхъ вы долго не оторвете своихъ глазъ...

Но вся красота, вся слава и богатство, вся оригинальность и вся многов'я вся исторія Венеціи сосредоточены въ чудномъ угольть, подобнаго которому н'этъ другого ни въ Италіи, ни въ Европ'є, ни на всемъ шар'є земномъ... Это—unicum, не знающій

повторенія, недоступный подражанію, любоваться воторымъ, изумляться воторому прівзжають, не жалвя денегь, десятки тысячь людей изъ Новаго Свъта, изъ Австраліи, Африки, Индіи... Уголовъ этотъ-площадь св. Марка и примывающая въ ней Piazzetta, съ дворцомъ Дожей. Это-своего рода святая-святыхъ внаменетой республиви, быющееся сердце ея, изъ вотораго исходили нъвогда всъ могучіе жизненные токи ен былой исторіи, достигавшіе до береговъ Азін и Африки, потрясавшіе и сокрушавшіе цълыя государства. Въ этомъ царственномъ уголев, гдв настоящіе цари нервдко преклоняли колвна передъ гордою торговою республивою, собрались не только всв главнъйшіе памятники венеціанскаго искусства и венеціанской старины, но и все то, что нъвогда повелъвало и передъ чъмъ вогда-то благоговъйно превлонялись-дворцы, судилища, алтари. Огромный правильный ввадрать чуть не въ сто саженъ длины этой единственной въ своемъ родъ площади, вымощенной неподражаемо-ровнымъ, гладвимъ, вавъ зервало, краморнымъ паркетомъ, охваченъ съ трехъ сторонъ роскошными мраморными галерелми и арками "старыхъ и новыхъ прокурацій", которыя превращены теперь, внизу, въ несвончаемый рядъ блестящихъ, богатвишихъ магазиновъ, модныхъ вафе, всегда полныхъ народа, а въ верхнихъ ярусахъ своихъ помінцають и громадный королевскій дворець, и разныя высшія учрежденія венеціанской области. Съ четвертой стороны эта Ріаzza, —вавъ ее запросто называють венеціанцы въ отличіе отъ всёхъ другихъ своихъ площадей, величаемыхъ ими Самро,ограждена громадою собора св. Марка и дворцомъ Дожей. Впрочемъ, дворецъ почти всёмъ своямъ фасадомъ выходитъ уже не на "Площадъ", а на "Площадъ"— "Пьяцетту", — воторую образуетъ вмёстё съ нимъ прелестный по своему стилю и особенно по изящному аттику, населенному цёлымъ полчищемъ мраморныхъ статуй, -- огромный ворпусъ старинной библіотеви, созданіе знаменитаго Сансовино, составляющей теперь часть королевскаго дворца; красота Пьяцетты—не въ однихъ художественныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ геніемъ человъка: ен берегъ омывають свётлыя волны лагуны, еще болёе прекрасныя, чёмъ мраморныя арки и колонны; въ ея распахнутую грудь свободно прониваеть свъжее дыханіе моря, и божественное солице Италіи заливаетъ своими радостными огнями устилающіе ее мраморы...

Стаи черныхъ гондолъ, какъ отдыхающія птицы, прильнули къ мраморнымъ ступенямъ ея набережной, а двъ гранитныя колонны, увънчанныя крылатымъ львомъ св. Марка и статуею св.

Осодора, попирающаго врокодила,—этими древними гербами воинственной республики,—высятся надъ ними, какъ два историческихъ стража у входа въ святыню... Одной изъ этихъ колоннъ давно уже пошелъ восьмой въкъ...

На рубежѣ между Piazzetta и Piazza, противъ угла библіотеки Сансовино-еще волонна своего рода, - высочайшая и стройнъвшая колокольня св. Марка, знаменитая Campanile, которою мы налюбовались въ последній разъ всего за кавихъ-нибудь три місяца до ея неожиданнаго разрушенія. Колокольня эта-исполинскій четырехъ-угольный столбъ самой какъ будто бы прозанческой формы, почти безъ овонъ, съ оригинальною сввозною колонвадою на половинъ высоты, съ высокою островерхою кровлею, напоминающею наши старыя кремлевскія баніни---тоже совданье итальянскихъ архитекторовъ. Сначала Campanile удивляеть своею простотою, но когда вглядишься въ нее подольше, начинаеть невольно ощущать необывновенную гармонію ея пропориій, и она кажется очень врасивою, утішающею вашь глазъ... Много помогаеть этому и прелестная Logetta изъ волониъ, статуй и барельефовъ, вся выточенная изъ тончайшихъ мраморовъ, украшающая ея основаніе со стороны дворца Дожей, -- одно изъ шедёвровъ того же Сансовино.

Въ болве молодые годы я всходилъ на верхъ этой своего рода сторожевой башни Венеціи по покатому каменному полу безъ ступенекъ, улиткою взвивавшемуся подъ самую крышу, и любовался оттуда ни съ чвмъ несравнимою панорамою Венеціи, съ ея безчисленными островками, каналами, лагунами, дворцами и церквами, видными сверху какъ съ крыльевъ птицы...

Ріаzza и Ріazzetta Венеціи можно скорве назвать громадными залами, чвит площадями—до того онв изящны, чисты, гладки, до того обставлены онв кругомъ сплошными ствнами роскошныхъ мраморовъ, скульптуры, рвзьбы, позолоты... Безконечныя аркады галерей и дворца Дожей укроютъ отъ дождя и непогоды цвлое населеніе, а въ этомъ счастливомъ климатв вечера и ночи такъ тихи и прекрасны, что мвстные жители проводятъ ихъ подъ кровомъ синяго неба такъ же уютно, какъ подъ любою крышею... Миріады голубей, гивздящихся въ карнизахъ и впадинахъ окружающихъ зданій, не уступаютъ человъку владвнія этими привольными покоями, и еще болбе многочисленными стаями, чвмъ люди, толпятся на мраморныхъ помостахъ площади, къ неописанному утвшенію двтишекъ, увлеченно предающихся ихъ кормежкв...

Вся Венеція собирается, передъ заходомъ солица, въ эту

свою излюбленную историческую гостиную, любоваться видомъ лагуны, побродить на свъжемъ воздухв или посидеть съ пріятелями за чашкой кофе, за стаканомъ вина. Здёсь узнаются всё новости, совершаются сдёлки, заводятся знакомства. Въ дни карнавала и большихъ праздниковъ пънцца и пъяцетта съ утра до вечера залиты толпами народа. Въ наше время пресловутый венеціанскій карнавалъ, столько разъ прославленный въ стихахъ, прозв и музыкв, потерялъ большую часть своего прежняго блеска и веселья. Съ современными сдержанными нравами уже стала несовмъстима былая разнузданность масляничныхъ затьй. Хотя венеціанцы и надъвають еще маски, хотя они еще танцуютъ и кутятъ, и ухаживають за женщинами, и гуляють въ гондолахъ съ пъвцами и музыкантами,—но все это дълается въ сравнительно скромныхъ и приличныхъ формахъ, далеко не съ прежнимъ увлеченіемъ и не въ прежнихъ баснословныхъ размърахъ...

Старые путешественники разсказывають едва вёроятныя вещи о томъ повальномъ безумствё, которое охватывало въ дни карнавала даже самыхъ чопорныхъ и суровыхъ жителей Венеціи, почтенныхъ старыхъ сановниковъ, монаховъ, епископовъ...
Итальянская пылкая фантазія и итальянская южная кровь

Итальянская пылкая фантазія и итальянская южная кровь не знала въ эти минуты всенароднаго delirium tremens никакого удержа, и всё правила приличія выбрасывались за борть даже наиболёе приличными людьми; а Венеція и въ обычное время никогда не отличалась особенною щепетильностью нравовъ.

Куртизановъ въ Венеціи, по словамъ одного французскаго писателя начала восемнадцатаго въва, было въ его время такое множество, что во время карнавала можно было видёть подъ аркадами прокурацій столько же женщинъ лежащихъ, сколько и на ногахъ.

Венеціанскій карнаваль начинался тогда уже съ 5-го октября (н. ст.) и продолжался до великаго поста, такъ что венеціанцамь приходилось ходить въ маскахъ чуть не цілыхъ полгода. А на Вознесеніе устраивался еще другой, коротенькій карнаваль, дней на пятнадцать. Маски были до того обязательны для всёхъ безъ исключенія, что даже папскій нунцій и настоятель капуциновъ не могли никуда явиться безъ маски.

Приходъ отвазался бы отъ своего священника, духовенство отъ своего епископа, еслибы они не носили въ это время маски, по крайней мъръ, въ рукахъ, если не на лицъ.

Впрочемъ, это и не удивительно, при нравахъ тогдашняго венеціанскаго духовенства, когда важные церковные сановники позволяли себъ въ театрахъ, въ присутствіи многотысячной пу-

блики, открыто пересмъиваться съ извъстными городскими куртизанками, получая отъ нихъ за свои игривыя шутки удары въеромъ, когда аббатиссы монастырей дрались кинжалами на дуэли съ дамами-соперницами за какого-нибудь красиваго аббата.

Сенаторы, верховные судьи и совътниви республики отправлялись въ свои засъданія, гдъ они неръдко обсуждали объявленіе войны какому-нибудь сосъднему государству или смертную казнь одному изъ провинившихся гражданъ своихъ, — также не иначе какъ въ маскахъ, которыя они съ важнымъ видомъ снимали и въшали въ прихожихъ своего совъта, чтобы опять надъть ихъ, выходя на площадь...

На Ріаzzetta была опредълена одна сторона, предназначенная исключительно для прогуловъ венеціанскихъ нобилей, которою уже не смълъ пользоваться простолюдинъ. Облеченные въсвои пышныя широкія мантіи пурцуроваго и лиловаго цвъта, поверхъ бархатныхъ и атласныхъ колетовъ, съ громовдкими париками на головъ, главные вершители судебъ морской республики, члены совъта десяти, сената или великаго совъта, величественно расхаживали по мраморному паркету площади, встръчаемые раболъпными поклонами просителей, почтительно пъловавшихъ у нихъ широкіе рукава ихъ мантій. Чъмъ важнѣе была должность, тъмъ полнѣе и шире дълались эти рукава. Это мъсто свиданій и переговоровъ венеціанскаго дворянства носило очень карактерное для него названіе "П Broglio", по-русски—путаница, потому что, дъйствительно, тутъ сплетались такія интриги и козни, въ которыхъ запутался бы самъ Маккіавелли.

Но всё эти картины былой венеціанской жизни, невольно встающія въ памяти на этой солнцемъ залитой мраморной площади, въ виду характерныхъ зданій стараго республиканскаго правительства, — стушевываются и блёднёютъ передъ тёмъ непосредственнымъ живымъ очарованіемъ, которымъ наполняетъ васъ неописуемая и неподражаемая красота собора св. Марка, дворца Дожей и всей этой обставленной драгоцёнными архитектурными изваяніями дивной площади...

Св. Маркъ нравится не сразу. Онъ поражаетъ сначала ръзкою пестротою и вычурностью своихъ украшеній, заслоняющихъ собою его архитектурныя линіи; онъ такъ широко вытянутъ по фасаду, что не кажется съ перваго взгляда достаточно высокимъ. Наконецъ, онъ такъ своеобразенъ своимъ стилемъ, что озадачиваеть васъ и не даеть нъкоторое время вашему впечатлънію

Томъ І.—Январь, 1903.

возможности оріентироваться и пом'єстить его въ ту или другую опред'єленную рамку, подвести его подъ тотъ или другой знакомый ярлывъ...

Въ молодые годы мои, въ пору моего увлеченія геометричесвою правильностью линій и установленными теорією строгими типами архитектуры, —св. Маркъ произвелъ на меня такое смущающее впечатлёніе дерзвимъ нарушеніемъ всёхъ правилъ кодевса правовёрной архитектуры, что я боялся признать его врасоту и готовъ былъ развёнчать его славу.

Но вогда я смотрълъ на него въ мое нынъшнее посъщение Венеціи, стоя по серединъ площади, составляющей съ нимъ, съ его вампанилой, съ палаццо Дожей, со всъми этими арвами и колоннами старыхъ и новыхъ прокурацій, съ львиными колоннами, сизыми голубями, черными гондолами и голубымъ зерваломъ моря, одно грандіозное нераздъльное цълое, одинъ высовохудожественный историческій портретъ нъкогда могучей и преврасной венеціанской республики,—я нечувствительно все глубже и искреннъе проникался сознаніемъ оригинальной прелести этого архитектурнаго созданія...

Св. Маркъ, дъйствительно, не похожъ ни на кого другого, и его, по совъсти, невозможно отнести ни къ какому стилю, ни къ готическому, ни къ романскому, ни къ византійскому. Въ этомъ—его великое достоинство, та характерная индивидуальность его, которая выдъляетъ этотъ древній соборъ изъ сонма всъхъ другихъ знаменитыхъ храмовъ Европы и не позволяетъ заслонить его оригинальный образъ въ памяти хотя бы разъ видъвшихъ его никакимъ римскимъ Петромъ, никакою цареградскою Софією или вёльнскимъ катэдралемъ. Хотя компетентные люди и причисляютъ св. Марка—въроятно, порядка ради—къ византійскому типу архитектуры, но безпристрастный наблюдатель сразу найдетъ въ немъ столько же византійскаго, сколько и римскаго, и готическаго, и рококо, и не знаю еще какого небывалаго стиля.

Въ этомъ лѣсѣ тонкихъ островерхихъ минаретиковъ, взбѣгающихъ вверхъ изъ каждой спайви многочисленныхъ круглыхъ арокъ его фасада, чуется вамъ слишкомъ наглядный откликъ мусульманскихъ мечетей Востока, съ которымъ такою тѣсною жизнью, боевою и торговою, жила въ старину предпріимчивая адріатическая республика, а общая картина этихъ вздутыхъ кубышчатыхъ куполовъ, вычурно вырѣзанныхъ верхушекъ, раззолоченныхъ букетовъ съ яблочками и цвѣтами, одѣвающихъ его кресты, нркая пестрота его колеровъ, придавленность его входныхъ арокъ и,

наконецъ, общая капризная смёсь острыхъ угловъ и дугообразныхъ линій,—все это гораздо болёе напоминаетъ вамъ фантастическую архитектуру кавой-нибудь индійской пагоды Дэли или Лагора, чёмъ строгій, правильный, нёсколько постный стиль Юстиніановыхъ храмовъ, въ родё св. Софіи, или характерныхъ церквей разрушеннаго греческаго города Мистры, въ Пелопоняезё.

Св. Маркъ поражаеть прежде всего наивною непосредственностью создавшаго его полу-явическаго религіознаго чувства.

Кавъ ребеновъ, желающій выразить возможно поливе и нагляднее свои детскія представленія о врасоте и великоленія, старается украсить свои неумвлыя изображенія всякою пестротою и яркостью, не зная имъ мёры, растрачивая безъ удержу обильные цвъты своей ребяческой фантазіи, такъ и наивные средневъковые художники, вдохновлявшіеся безъ разбора и архитектурной гармоніей византійских соборовь, и яркою прелестью ванрских мечетей, и таниственною поэзіею загадочно-вычурныхъ нидусскихъ храмовъ, -- съ тъмъ же дътскимъ увлечениемъ и дътсвого невоздержностью нагромоздили другь на друга въ своемъ знаменитомъ твореніи арки и колонны, золото и мраморы, шпили и купола, кресты и цвъты, мозанки и фрески, статун святыхъ н бронзовыхъ лошадей изъ языческихъ мавзолеевъ... И вся эта нъсколько дикая пестрота цвътовъ, линій я стилей-въ силу вменно этой детской искренности своей и этого своеобразія полуявыческой, полухристіанской фантазіи — вышла, въ концъ вонцовъ, такою по-своему гармоничною, такою оригинально прекрасною, что она безотчетно чаруеть васъ, вопреви всвиъ предвзятымъ мыслямъ и суевъріямъ вашего художественнаго восин-Tanis.

Св. Маркъ хорошъ, потому что хорошъ, потому что самъ собою, безъ вашего намъренія и даже противъ вашего намъренія, ласкаетъ и радуетъ вашъ глазъ и ваше сердце, и остается въ немъ навсегда, не вытъсняемый ни чъмъ другимъ, не похожій ни на что другое, какъ нъчто единственное, нигдъ не повторенное, — словно никогда неслышанная вами и никогда незабываемая врасивая, полнозвучная нота архитектурной мелодіи...

Нельзя не полюбоваться и вблизи на всё эти золотыя мованки, сохранившія почти д'ввственную св'єжесть свою въ теченіе семи — восьми стол'єтій, на всё эти многоцв'єтные мраморы историческихъ колониъ, добытыхъ мечомъ и кровью простодушныхъ ревнителей церковнаго благолёнія, —и изъ іерусалимскаго храма Соломона, и изъ капищъ Зевса и Артемиды, и изъ разрушенныхъ славныхъ мечетей Турціи и Египта, — колоннъ розовыхъ, желтыхъ, фіолетовыхъ, черныхъ, красныхъ, нестрыхъ, изъ которыхъ ни одна не похожа на другую, и каждая составляетъ уникумъ своего рода, — драгоцённость и въ историческомъ, и въ денежномъ смыслѣ, — которыя собраны подъ расписными аркадами этого своеобразнаго храма въ цѣлые пестрые букеты, словно пучки полевыхъ цвѣтовъ разнообразнаго колера и формъ...

Вы входите въ храмъ сквозь темныя аркады—и сразу теряетесь и останавливаетесь по срединъ... Вы—внутри золотого неба, золотыхъ стънъ. Подъ ногами вашими, кругомъ васъ—мраморы, яшмы, порфиры... Мраморный легіонъ святыхъ и ангеловъ встаетъ высоко передъ вами ва громадной мраморной ръшоткъ, заиъннющей нашъ иконостасъ...

Вмёсто престола—мраморная гробница св. Марка-евангелиста, похищенная его наивными поклонниками изъ Александріи, много въковъ тому назадъ, и ставшая съ тъхъ поръ патрономъ и государственною эмблемою венеціанской республики.

Золотая внутренность нашего прелестнаго храма св. Владиміра въ Кіевъ кажется внутренностью хорошенькаго золотого яйца въ сравненіи съ охватывающимъ васъ здъсь золотымъ и мраморнымъ грандіознымъ просторомъ.

И это золото, и волеръ этихъ яшиъ и мраморовъ, и живопись мозаивъ и фресковъ, одъвающая по-византійски стъны и своды,—все нъсколько поблекло, потускитло, стушевалось отъ дыханія въковъ, и оттого общій тонъ храма сталъ еще цъльнъе и гармоничнъе, напоминая собою мягкіе, нъжно сливающіеся другъ съ другомъ тоны дорогого персидскаго ковра...

Золото это—вмёстё и чудныя художественныя мозаиви. Въ однёхъ изъ нихъ—драгоцённыхъ памятникахъ старой до-Рафаэлевской эпохи—трогательная дётская наивность и дётская неумёлость благочестивыхъ изображеній, въ другихъ—великолённые образы и группы славнёйшихъ художниковъ Венеціи—Тиціана, Тинторетто, Сальвіати и разныхъ другихъ, полные смёлой мощя и яркой выразительности...

Чтобы охватить однимъ общимъ взглядомъ этотъ громадный музей мозаикъ и мраморовъ, — поднимитесь наверхъ и двигайтесь не спѣша и безшумно по пустыннымъ галереямъ хоръ, выощихся кругомъ всѣхъ стѣнъ... Галереи эти — безконечные ряды мраморныхъ рѣзныхъ оградъ, мраморныхъ ступеней, мраморныхъ

шоловъ и колоннъ, висящихъ высоко надъ глубокой пропастью **храма**, видимаго вамъ отсюда какъ съ крыльовъ птицы.

Съ внутренней галереи непремвно выйдите на балконъ, чтобы, полюбовавшись совсвиъ въ упоръ на знаменитыхъ бронвовыхъ коней соборнаго фронтона, приписываемыхъ самому Фидію,
обойти великій храмъ по его увенькой наружной галерейкъ и
ближе ознакомиться со всвии причудливыми архитектурными подробностями св. Марка, его куполами, вышками, статуями, горельефами, а вивств съ твмъ еще разъ насладиться ни съ
чтемъ несравнимымъ видомъ сверху на Piazza, Piazzetta и морскую лагуну...

Дворецъ Дожей такъ же поразительно своеобразенъ, какъ и соборъ св. Марка; такъ же, какъ онъ, не похожъ ни на какое другое зданіе во всемъ свёть; такъ же, какъ онъ, пренебрегаетъ всёми архитектурными шаблонами и съ такою же дервостью генія смішиваеть въ себъ безъ разбора вакіе угодно стили. Его хотя и приписали въ стилю готическому, потому что у него стрвавчатыя арки въ окнахъ и галереяхъ и готическія розетки надъ арками, но и общій видъ его, и характеръ всёхъ его украшеній, сразу переносять ваше воображение не въ тижелымъ замкамъ ивмецжихъ государей и рыцарей, а къ сквознымъ, полувоздушнымъ павильонамъ мавританскихъ дворцовъ Альгамбры и Канра. И въ самомъ дёлё, эта массивная каменная громада съ гигантскими зъвами малочисленныхъ оконъ-всего по семи съ каждаго фасада, - кажется висящею какимъ-то чудомъ въ воздухъ, -- до того легво, изящно и хрупко кажется тонкое мраморное кружево чудныхъ двухъ-ярусныхъ колоннадъ, на которыхъ покоится безопасно и прочно, словно на гранитномъ пьедесталъ, вся тяжесть огромнаго дворца...

Готика всегда начинается отъ земли сплошными, грузными массами, воторыя разръзаются, раздробляются, утончаются, дълаются все легче, сввознъе, воздушнъе по мъръ своего роста вверхъ, подобно маститому дубу, отдъляющему отъ своего могучаго цъльнаго ствола сначала болъе толстыя и тяжелыя плоти, потомъ все болъе тонкіе и легкіе, все болъе частые и многочисленные вътви и сучки, и наконецъ, вънчающему вершину свою затъйливымъ воздушнымъ кружевомъ своей зеленой листвы...

А здёсь все наобороть, все наперекоръ преданьямъ и теоріямъ архитектуры, — вся тяжесть наверху, а внизу, вмёсто опоры, — сотни тончайшихъ рёзныхъ колоновъ, стоящихъ стройными рядами на сотняхъ другихъ такихъ же, — точно онё под-

держивають не громадный ваменный палацио въ двъсти общирных залъ, а какую-нибудь хрустальную драгоцънную бездълушку... И несмотря на такое дерзкое извращеніе всъхъ нашихъ архитектурныхъ понятій и привычевъ, дворецъ этотъ восхищаетъ насъсвоею оригинальностью больше самыхъ знаменитыхъ дворцовъ, построенныхъ по строгимъ правиламъ искусства; дворецъ этотъ уносится въ нашей памяти на въки-въчные, не заслоняемый нивакими другими воспоминаніями, потому что во всемъ міръ онъ одинъ такой, потому что онъ явился искреннимъ и своеобразнымъ созданіемъ искренняго и своеобразнаго генія, творившаго по свободному внушенію своей художественной фантазіи, — явился самобытнымъ голосомъ, а не эхо въ общемъ хоръ архитектурныхъ произведеній...

Надо побродить въ тѣни дворцовыхъ галерей въ яркую лунную ночь, когда къ кружеву мраморныхъ колоннадъ, вырѣзывающихся своими темными силуэтами на фонѣ залитаго свѣтомънеба, прибавляется еще таинственно-трепещущее, перепалвывающее по мраморнымъ помостамъ, неосязаемое кружево лунныхълучей, пробивающихся сквозь арки и розетки колоннадъ...

Это — самый эффектный моменть и самый характерный видъдля дворца Дожей, который мъстные фотографы и живописцы обывновенно стараются изобразить на своихъ картинахъ и снимкахъ.

Во дворецъ входятъ по знаменитой "Scala dei Giganti"— "лъстницъ Исполиновъ", украшенной колоссальными статуями Нептуна и Марса, работы Сансовино...

На последней площадке этой исторической лестницы заставлями присягать некогда дожей гордой республики, чтобы не надмить ихъ излишествомъ почестей и не зародить въ нихъ властолюбивыхъ замысловъ, опасныхъ для всемогущей и ревнивой венеціанской олигархіи...

"Лъстница Золотан" — "Scala d'Oro", по которой въ старыя времена имъли право ходить только нобили, записанные въ "золотую книгу", и "лъстница Цензоровъ" — поднимають васъ въ верхніе этажи дворца.

Вы пробътаете ряды огромныхъ залъ, высокихъ и торжественныхъ какъ церкви, неописуемой роскоши. Роскошь эта не въ однихъ мраморахъ, позолотъ и лъпныхъ украшеніяхъ, — нътъ, здъсь каждая зала—своего рода галерея громадныхъ полотенъ и фресковъ. Здъсь вы живете и двигаетесь среди отовскоду окружающей васъ яркой толпы воиновъ, моряковъ, монаховъ, папъ,

сенаторовъ, дожей, полвоводцевъ, языческихъ боговъ и богинь, библейскихъ и евангельскихъ женъ и мужей, среди осадъ, битвъ, морскихъ и сухопутныхъ, торжественныхъ въвздовъ и процессій, во всемъ пеклв шумной, блестящей и богатой событіями былой исторіи венеціанской республики. Картины вмѣсто потолка, картины вмѣсто стѣнъ; сверху, съ боковъ, сзади и спереди—отовсюду вы охвачены обильною и сочною живописью знаменитыхъ венеціанскихъ мастеровъ, кишащею фигурами и красками, дышащею щедрою роскошью и смѣлымъ размахомъ старыхъ вѣковъ славы и богатства адріатической царицы.

Не останавливайтесь подробно на этихъ картинахъ, -- это невозможно и это безполезно. Тинторетто, Павелъ Веронезъ, Маркъ Вечелли, Пальма Младшій, Бассоно и другіе венеціанскіе художники шестнадцатаго столетія, расписавшіе эти залы после большого пожара, истребившаго прежнія украшенія дворца, стремиинсь возведичить родную республику, уваковачивь на этихъ ставахъ и сводахъ всв выдающіеся моменты ея исторіи, портреты всвхъ ен замъчательныхъ дъятелей, и эта оффиціальная живопесь ихъ, преследовавшая не столько художественныя, сколько патріотическія ціли, дорога главными образоми изслідователями былой венеціанской жизни и мало интересна въ своихъ подробностяхъ для любителей чистаго художества. Да, притомъ, этотъ потопъ более или менее однообразныхъ, безчисленныхъ фигуръ в группъ, сплощь наполняющій ряды залъ, поглотилъ бы и подавиль бы вась безследно, не оставляя въ вашемъ впечатлении ничего определеннаго и яснаго. Вы почувствуете, конечно, и строгость рисунка, и силу колера, и выразительность отдёльныхъ фигуръ и повъ, почувствуете присутствіе большаго искусства, знанія, таланта, -- но всё эти многосаженныя полотна, оживленныя кистью художниковъ, безъ конца чередуясь другъ съ другомъ и безъ перерыва нагромождая одинъ слой впечатленій на другой, взаимно стирають и перепутывають ихъ, до-нельзя утомляя духъ вашъ безплодными усиліями сохранить свъжесть и обособленность каждаго впечатленія. Гораздо разумнее смотрёть на эти расписанные потолеи и ствны, не внивая въ частности, свободнымъ общимъ взглядомъ, вавъ на роскошную художественную деворацію историческаго дворца, нераздільную съ его архитектурными линіями, съ его бронзами, позолотою и мраморами, -- и тогла вы дъйствительно вынесете полное и цъльное впечатлъніе оть этого характернаго мёста жительства старыхъ владывъ Венепін, еще вполив сохранившаго въ названіяхъ своихъ залъ воспоминанія о протекшей роди ихъ. Вамъ поважуть туть и

залу Сената и залу Трехъ инввизиторовъ, и залу нъкогда страшнаго Совъта Десяти, передъ которымъ трепетали самые популярные дожи, съ уцълъвшею до сихъ поръ мраморною пастью льва, въ которую граждане опускали доносы и обвиненія своихъ правителей на разборъ неумолимаго судилища. Громадная зала Большого Совета, куда собирались для обсужденія важнёйшихъ дёль всъ нобили Венеціи, достигшіе двадцатильтняго возраста, можно свазать, съ вершины до пять залить живописью; такова же и зала выборовъ — "sala delle Scrutinio". Въ этихъ двухъ главныхъ залахъ перваго этажа-полная галерея портретовъ всъхъ дожей республики, помъщенная въ фризахъ, надъ колоссальными фресками, посвященными прославленію самыхъ выдающихся подвиговъ венеціанцевъ и ихъ знаменитыхъ вождей. Тутъ въ живыхъ спенахъ и липахъ вся исторія борьбы Венепіи въ союзь съ папою Александромъ III-мъ противъ Фридриха Барбароссы при дожѣ Себастьянѣ Ціани, съ смиренно превлоненнымъ передъ папою побъжденнымъ императоромъ Германін; тутъ торжественное врученіе тімъ же папою венеціанскому дожу символическаго кольца, эмблемы власти надъ моремъ, которымъ съ тъхъ поръ въ теченіе семи въвовъ всь венеціанскіе дожи обручались съ возлюбленными имъ волнами Адріатики; туть вся живописная літопись побідоносных походовь Дандоло, Моровини, Контарини, Мочениго, вся исторія завоеванія Византін, Мореи, Авинъ, Далмаціи, дарданелльскій разгромъ туровъ, лепантская битва...

Безконечный рядъ портретовъ дожей, имена которыхъ, можно сказать, буквально повторяють серію старинных палаццо на Canale Grande, —въ одномъ только мъсть прерывается черною таблицею съ сурово-лаконическою латинскою надписью: "Здёсь мъсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленія" (Ніс est locus M. F., decapitati pro criminibus"). Марино Фальери быль дожемъ Венеціи въ тридцатыхъ годахъ четырнадцатаго стольтія. Оскорбленный однимъ изъ знативищихъ дворянъ Венеціи и ствсняемый на каждомъ шагу въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ ревнивымъ надзоромъ Совіта Десяти и разныхъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій республики, подозрительно следившихъ всегда другъ за другомъ, -- Марино задумаль опереться на свою популярность среди простого народа, уничтожить самовластіе аристократіи, усиливъ власть дожа, ввести въ правленіе республики вполив демократическій строй. Заговоръ его, однако, былъ открыть; онъ былъ осужденъ на смерть за государственную измёну и обезглавленъ на той самой площадев "Лестницы Исполиновъ", на воторой приносиль вогда-то присягу при избраніи его въ дожи...

Байронъ, ненавистнивъ всякаго деспотизма и несправедливости, избралъ Марино Фальери героемъ одной изъ своихъ страстнихъ драмъ, точно также какъ героемъ другой драмы изъ венеціанской жизни онъ сдёлалъ стоическаго страдальца дожа Фоскари, — тоже жертву своего рода подозрительной и жестокосердной венеціанской олигархіи.

Байроновскій Марино Фальери въ такихъ словахъ выливаетъ накипъвшую въ немъ ненависть къ ней; на вопросъ Бертуччіо: "котите быть коронованнымъ государемъ?" — Марино отвъчаетъ: — "Да, если народъ раздълитъ мою власть, чтобы ни онъ, ни я, мы не были рабами этой разросшейся аристократической гидры, ядовитыя головы которой изрыгаютъ на насъ отравленный воздухъ!

"Мы—илоты, изъ которыхъ я больше всёхъ рабъ, самый унеженный, хотя блистательно нараженный на показъ!"

Характерную иллюстрацію былыхъ нравовъ и былой политики этой жестокой и ревнивой республики путешественникъ можеть и теперь видёть, посётивь въ подвальных этажахъ дворца Дожей такъ-называемые Prigioni, - то-есть темницы. Какъ ни безправственно еще современное человъчество, какъ ни далеко оно отъ евангельскаго идеала любви и братства, -- но одно бъглое сравнение его теперешнихъ заботливыхъ и гуманныхъ отношеній въ завлюченнымъ — съ зверскимъ мучительствомъ преступнивовъ въ мелую старену, о которой такъ неумъстно часто вздыхають ея бливорукіе поклонники, показываеть съ убъдительною наглядностью, какой громадный шагь по пути христіанской правды совершило, даже въ теченіе посл'ядняго только стол'ятія, нравственное чувство человъчества. Эти ужасныя Prigioni съ свонии низенькими чердавами подъ свинцовою врышею, гдё въ знойное итальянское лъто осужденные задыхались, какъ въ горячо натопленной печи, отъ сухого металлического жара, не имън возможности ни днемъ, ни ночью разогнуть спину и отвести отъ навалившагося на солнце свинца свои тресвавшияся отъ боли головы, съ своими залитыми ледяною водою подвалами, гдв злополучные страдальцы, большею частью не преступники, а политические соперники господствующей въ ту минуту клики,--обречены были стынуть всё вимніе мёсяцы, подкладывая себё на ночь вамень подъ голову вмёсто постели, —не нуждаются въ воиментарінать. Пресловутые Piombi—свинцовые чердави—уничтожены еще въ восемнадцатомъ столътін, но въ сырыя могилы ниже уровня каналовъ, куда просачивается ихъ вонючая вода, мы спускались и лицевръли ихъ во очію... И всего больше, всего горше, —гораздо остръе, чъмъ это болото, служащее постелью, и камень, положенный вмъсто подушки, —возмутили меня тъ закопченныя дымомъ восковыхъ свъчекъ маленькія ниши въ амбразурахъ подвальныхъ оконъ, куда монахи-доминиканцы, —изобрътатели и ревностные слуги инквизиціи, —кощунственно ставили крестъ Распятаго за людей Праведника, напутствуя страдальцевъ своими лицемърными молитвами, исповъдуя и причащая ихъ черезъ продъланныя въ стънахъ оконца...

Необузданно разроставшееся господство надъ республивой несколькихъ знатижищихъ фамилій, постоянно боровшихся другъ съ другомъ за власть и наживу, въ жару своей корыстной борьбы совершенно забывавшихъ объ интересахъ народа, лишеннаго всякаго участія въ дёлахъ, мало-по-малу подточили силы нёкогда могучей республики, -- и былая царица всесв'ятной торговли, посылавшая свои военные и купеческіе корабли во всв доступныя тогда моря, обогащавшая свой родной городъ сокровищами цълаго міра, смирявшая папъ и императоровъ, громившая непобъдимыхъ турокъ, — теряеть одно за другимъ свои старыя завоеванія, лишается всёхъ своихъ богатыхъ владёній на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря, по берегамъ Эввсинскаго Понта и Адріативи, и въ вонцу семнадцатаго въва, а особенно въ восемнадцатомъ уже въвъ, обращается въ одно изъ незначительныхъ маленькихъ государствъ маленькой Италіи, съ которымъ совсемъ перестаютъ считаться крупныя европейскія державы...

Наполеонъ I безъ сопротивленія занимаетъ своими войсками Венецію и безъ церемоніи отдаетъ вольную республику, по кампоформійскому миру 1797 года, во владѣніе Австріи... Луиджи Манинъ былъ послѣднимъ вождемъ, похоронившимъ свободу своего славнаго отечества...

Въ этотъ-то періодъ глубоваго политическаго упадва Венеціи она и обратилась въ тотъ городъ въчныхъ маскарадовъ, любовныхъ похожденій и беззаботнаго кутежа, въ тотъ прославившійся на весь міръ очагъ развратнаго разгула, о которомъ я говорилъ раньше.

Но при суровомъ владычествъ австрійскихъ нъмцевъ униженной Венеціи было уже не до легкомысленнаго веселья. Лордъ

Байронъ, свидътель поворнаго нъмецваго плъненія царицы Адріативи, устами своего Чайльдъ-Гарольда оплавиваль потерю ея старыхъ вольностей въ тавихъ горячихъ строфахъ:

"Точно морская Сивилла выходить она изъ воды, еще свъжая отъ влаги, и величественнымъ движеніемъ царицы водъ и водныхъ силъ возносить свою тіару гордыхъ замковъ въ воздушное пространство.

"Да, она была царицей: дочери ея получали свое въно отъ грабежа сосъднихъ странъ, и неисчерпаемый Востовъ сыпалъ въ ея полы драгоцънные исврометные камни. Она была одъта въ пурпуръ, и въ пирахъ ея принимали участіе монархи, считая, что это поднимаетъ ихъ достоинство.

"Теперь не слышны болйе въ Венеціи пъсни Тассо, и безмольно гребеть веслами гондольеръ. На берегу рушатся дворцы, и музыка ръдко ласкаетъ слухъ. Тъ дни прошли, но красота осталась.

"Государства исчезають, увядаеть искусство,—не умираеть только природа. Она помнить, какъ мила была ей когда-то Венеція, этоть дивный чертогь празднествь, пиръ вселенной, маскированный балъ Италіи.

"Овдовъвшая Адріатива оплавиваеть своего супруга. Ежегоднаго обрученія не возобновляется болье... Все такъ же, какъ и прежде, стоить левъ св. Марка, —но это только насмышка надъ его поблекшимъ могуществомъ, надъ гордою площадью, гдв монархъ умолялъ о милости, между тымъ какъ другіе смотрыли и завидовали ему въ часъ, когда Венеція была самой богатой царственной невъстой міра".

Мы, современники Кавура, Гарибальди и Вивтора-Эммануила, дожили, къ счастью, до свётлыхъ дней освобождения и возрождения Венеции...

Около съверной стъны собора св. Марка, подъ покровомъ его многовъковыхъ священныхъ тъней, стоитъ скромный памятникъ—мраморный саркофагъ, поддерживаемый львами. Это—гробница Даніила Манина, смълаго трибуна, поднявшаго Венецію противъ ея поработителей и сломленнаго въ слишкомъ неравной борьбъ. Прахъ его былъ перенесенъ изъ Парижа, гдъ онъ умеръ изгнанникомъ въ 1857 году, въ родную ему, уже свободную Венецію, когда завершилась мечта его жизни, и царица Адріатики стала равноправнымъ членомъ единой свободной Италіи...

Глубово поучительна и трогательна эта быстро прогремъв-

шая драма отчаянной попытки венеціанцевъ вырвать свою свободу изъ желёзныхъ запъ нёмецкаго деспотизма...

Хотя на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. австрійское правительство обязалось дать конституціонное устройство присоединенному въ нему такъ называемому ломбардо-венеціанскому воролевству, но, по традиціонному обычаю Австрін, обязательства эти были очень своро забыты Меттернихомъ, -- тогдашнимъ вершителемъ европейскихъ судебъ; все сколько-нибудь значительныя должности бывшей республики, судебныя и административныя, были заняты нъмпами; по городамъ и деревнямъ съверной Италін поставлены нѣмецкіе, венгерскіе, кроатскіе солдаты. Тайная и явная полиція опутала вредоносною сётью шпіонства и преслівдованія важдый шагь, важдую исвреннюю мысль и слово венеціанской интеллигенціи; цензура свиропствовала надъ школою и печатью. Выборныя провинціальныя собранія, обезпеченныя торжественной хартіей 1815 года, подписанной императоромъ Францемъ, обратились на дълъ въ присутствія чиновниковъ, назначаемыхъ вънскимъ правительствомъ, а предоставленное имъ по закону право составленія бюджета - незамітно замінилось прямыми распоряженіями общаго государственнаго вазначейства австрійской имперіи, куда направлялись и всё доходы мнимаго воролевства... Словомъ, всъ мъры австрійскаго правительства съ упорною нъмецкою послъдовательностью и систематичностью стремились въ конецъ онвмечить Венецію съ Ломбардіей и насильственно претворить ихъ въ обще-австрійскій государственный организмъ.

Такъ шло дёло до 1848 года, когда подъ вліяніемъ либеральной, котя и мимолетной политики новаго папы Пія ІХ-го, преемника Григорія XVI-го, этого закоснёлаго сторонника идей священнаго союза и Меттерниховскаго ісзуитизма, по всей Италіи проснулась страстная жажда свободы и движенія впередъ...

Данінлъ Манинъ, мало кому изв'єстный адвовать, добывавшій кусовъ хліба себі и семьй своей поденнымъ трудомъ, но горячій другь правды и безкорыстный заступнивъ бідныхъ собратьевъ, — явился смілымъ выразителемъ этихъ стремленій венеціанскаго народа. Онъ выступилъ на опасный бой одинъ, безъ друзей, безъ партіи, одушевленный тімъ геройскимъ духомъ безраздумнаго самоотверженія и страстной любви въ родині, которымъ были такъ несокрушимо сильны великіе израильскіе патріоты Библіи, Гедеоны и Маккавен... Его первыя попытки добиться законнымъ путемъ отъ австрійскаго правительства возстановленія въ Венецін конституціоннаго устройства, дарованнаго ей вінскимъ конгрес-

сомъ, окончились для него заключеніемъ въ тюрьму. Но въ это время пришли въ Венецію глубово взволновавшія ее въсти о вспыхнувшей въ Парижъ февральской революціи, а скоро послъ того-н о революціи въ самой Вінів; австрійскій императоръ вынужденъ былъ дать своимъ народамъ свободу печати и собраній, ввести конституцію... Толпы народа, наэлектривованныя этимъ повенвшимъ отовсюду ветромъ свободы, собрались на площади св. Марка и требовали освобожденія Манина. Съ оглушительными криками: "да здравствуетъ Италія!" любимецъ народа былъ на рукахъ вынесенъ изъ темницы. Въ заточени своемъ Манинъ твердо ръшился не ждать больше ничего отъ въроломнаго австрійсваго правительства и стремиться въ одному -- вовстановленію свободной венеціанской республики. Вопреки противодійствію городского муниципалитета, не дерзавшаго еще открыто возстать противъ могущественной Австріи, Манинъ и его нъсколько друвей ръшились однимъ смълымъ ударомъ повончить дъло. Утромъ назначеннаго дня, обнявъ на прощанье жену и дочь и увъщевая ихъ не падать духомъ въ случав неудачи, Манинъ свомандовалъ своему шестнадцатильтнему сыну: Въ арсеналь, Джорджіо!

- Въдь ты идешь на смерть!—въ ужасъ останавливала его жена.
  - Что-жъ, если это нужно!..-отвъчалъ Манинъ.

Отряды національных гвардейцевъ были незам'ятно придвинуты въ арсеналу, и прежде чімъ военное начальство Венеціи успілю спохватиться, арсеналь очутился безъ боя въ рукахъ Манина. Австрійскія власти были арестованы и высланы изъ города, нізмецкіе и кроатскіе полки удалены.

— Мы свободны! и мы вдвойнъ можемъ этимъ гордиться, потому что пріобръли свободу, не проливъ ни капли крови, ни своей, ни нашихъ братьевъ!—говорилъ, вдохновленный успъхомъ, Манинъ ликовавшему венеціанскому народу, сбъжавшемуся на площадь св. Марка.

Освободившаяся такъ неожиданно Венеція должна была прежде всего подумать о формъ своего государственнаго существованія. Манинъ отвергалъ всякіе компромиссы съ Австріей и твердо стояль на возстановленіи республики.

"Только врикъ: "да здравствуетъ республика!" можетъ быть понятъ народомъ. Только лозунгъ св. Марка можетъ найти въ немъ отголосовъ!" —-горячо настанвалъ онъ въ совътахъ горожанъ.

"Это не вначить, чтобы мы хотёли отдёлиться отъ нашихъ братьевъ, другихъ итальянцевъ; напротивъ, мы образуемъ одинъ

изъ тъхъ центровъ, которые послужать въ постепенному соединению Италии въ одно пълое! "—пророчески объясняль онъ народу.

Венеціанская республика была провозглашена, и Манинъ объявленъ ея президентомъ. Успъхъ этой невъроятной революціи, произведенной ничтожною горстью самыхъ скромныхъ людей, чуждыхъ и политики, и военнаго дъла, — можетъ быть объясненъ только тою внутреннею нравственною гнилью, которою былъ въ корнъ подточенъ на видъ могущественный государственный организмъ тогдашней Австріи, весь построенный на принципахъ насилія, обмана, несправедливости и недовърія. Ісвуитская система Меттерниха, въ корнъ развращавшая людей и народы, блистательно проявила здъсь свои пагубные плодыв во-очію показала, что въ минуты серьезной опасности корыстные слуги деспотизма и лицемърія не въ силахъ одушевиться мужествомъ и самоотверженіемъ и выступить непоколебимыми рыцарями долга...

Однаво, одно провозглашение республики не обезпечнвало ничёмъ будущей судьбы Венеціи, которая должна была готовиться въ вооруженной борьбъ съ одною изъ сильнъйшихъ все же державъ Европы. У Венеціи не было ни войска, ни флота, ни казны. И вотъ въ этихъ-то страшно-критическихъ, можно сказатъ, безнадежныхъ обстоятельствахъ обнаружился по истинъ трогательный патріотизмъ венеціанскихъ гражданъ и героическая різшимость ихъ импровизированнаго вождя, который какъ нарочно носиль то же имя, какъ и последній дожь ен, и, казалось, быль призванъ самою судьбою возродить древнія доблести знаменитыхъ правителей Венеціи, возстановить ея древнія вольности и славу. Безпощадный врушитель уже не перваго народнаго движенія, суровый Радецкій двигался на Венецію съ сорока-тысячнымъ, въ бояхъ закаленнымъ войскомъ, переполняя ужасомъ растерявшихся венеціанцевъ... Ни одна великая держава, ни одно государство Италін, въ которымъ настойчиво и напрасно взываль Манинъ, не объщали ему ни малъйшей помощи. Венеція обречена была въ одиночку дать отпоръ надвигавшемуся могучему врагу. Тогда венеціанцы р'вшились провозгласить свое присоединеніе къ Піемонту. Король сардинскій Карлъ-Альберть двинулся съ своимъ войскомъ на австрійцевъ. Но послъ двухъ-дневнаго мужественнаго боя при Кустоппъ молодая армія Альберта была на голову разбита Радецкимъ, и влополучный король, которому съ роковою последовательностью не удавалось ни одно изъ его патріотичесвихъ предпріятій, вынуждень быль спасать поспівшнымь отступленіемъ жалкіе остатки своего войска, повинувъ на произволь побъдителя уже освобожденный-было Миланъ... Венеція была

совершенно повинута Піемонтомъ. Волнуемая отчаяніемъ, толпа провозгласила своего любимца Манина неограниченнымъ правителемъ возстановленной республики. Манинъ предписалъ перечеванить въ монеты всё волотыя и серебряныя вещи, принадлежавшія частнымъ лицамъ, объявилъ національный заемъ въ десять милліоновъ лиръ и потребоваль въ ряды народной арміи всвях гражданъ, способныхъ носить оружіе; на мундиры для солдать сдирали даже сувно съ билліардовъ; жители отдавали ниъ свои одежды. Семьдесять укрвиленій были построены съ суши для защиты города; всв подступы изъморя въ лагуны были заперты... Оволо 20.000 войска, хотя неопытнаго, но горввшаго жаждою боя и готоваго умереть за родной городъ, охраняли его овоны. Въ нъсколькихъ кровопролитныхъ вылазвахъ противъ обложившихъ Венецію австрійскихъ полковъ эти вонны-добровольцы своимъ патріотическимъ пыломъ успъвали одольть привичныхъ къ бою ветерановъ Радецкаго.

Піемонть, не покидавшій своей исторической мечты объеди нять сіверную Италію подъ скипетромъ сардинскихъ королей, еще разъ попробоваль выступить на спасеніе Венеціи, и еще разъ візно неудачливый Карлъ-Альбертъ былъ жестоко разбить австрійскимъ маршаломъ Гайнау при Новарів и въ отчаяніи отказался отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Эта новая катастрофа лишала Венецію всякой надежды на помощь родной ей Италіи.

Австрійцы, пользуясь поражающимъ впечатлівніемъ своей пообіды, разразившейся надъ Венеціей какъ ударъ грома, предлагали республиків покориться на самыхъ почетныхъ условіяхъ. Смятеніе умовъ въ Венеціи было неописуемое. Въ засіданіи учредительнаго собранія Манинъ коротко и просто спросиль депутатовъ и министровъ:

- Готовы ли вы сопротивляться?
- Готовы! —единодушно отвъчало собраніе.
- Хотите ли предоставить мив неограниченную власть руководить обороною?
  - Хотимъ! былъ такой же единодушный отвътъ.

Началась борьба на жизнь и смерть. Австрійскія ядра, бомбы, гранаты дождемъ осыпали наскоро возведенныя укрупленія венеціанцевъ; стуны рушились, баттареи взлетали на воздухъ, люди падали одинъ за другимъ; но молодые венеціанскіе волонтеры, въ первый разъ испытавшіе ужасы канонады, все-таки стойко и искусно отвучали на пальбу врага. Тогда фельдмаршалъ Радец-

кій адресоваль жителямъ Венецін возываніе, требовавшее полной и безусловной поворности.

"Я пришель сюда, чтобы въ последній разъ предупредить васъ, — писаль онъ, — и держу въ одной руке одивковую вётвь для васъ, если вы послушаетесь голоса разсудка, а въ другой — мечъ, готовый казнить васъ до совершеннаго истребленія, если вы будете упорствовать на пути, лишающемъ васъ права на милосердіе вашего законнаго государя".

Манинъ и Венеція съ презрівніемъ отвергли австрійское предложеніе и напрягали послёднія силы на защиту города. Хлёба въ немъ уже почти не оставалось, несмотря на большіе запасы, заранъе сдъланные Маниномъ; богатые люди вли конину, обдные-одни овощи. Голодъ начиналь все чаще заглядывать въ осажденный городъ, запертый австрійцами и съ суши, и съ моря. Холера развивалась тоже съ ужасающею быстротою. Уже все населеніе Венеціи отъ 18 до 55 лъть стояло подъ ружьемъ, и выбывающихъ некъмъ было вамънять. А австрійскія баттарев оцвиляли все твснве городь, вынуждая жителей быжать въ самые дальніе кварталы. Страшная многодневная бомбардировка разрушила цълыхъ двъ трети города. Мостъ Ріальто лежаль въ развалинахъ; многіе историческіе палаццо были прострівлеви ядрами какъ ръшето; драгоцънныя статуи, портики, барельефи разлетались въ куски отъ взрывовъ бомбъ; пожары пылали повсюду, цёлыя улицы обратились въ костры. Послёдніе пороховые магазины Венеціи на отдаленномъ островить были два раза взорваны рукою неведомаго измённика.

Взволнованныя народныя толпы свитались по улицамъ, не имъя пріюта. Среди образованнаго населенія Венеціи давно уже начиналось глухое броженіе, и несмотря на все довъріе народа въ мужеству и искусству Манина, все яснъе стала обрисовываться даже и ему самому безцъльность и невозможность дальнъйтаго сопротивленія безъ войска, безъ хлъба, безъ пороха и безъ всякой надежды на помощь Европы.

Собраніе облекло Манина неограниченными полномочіями для переговоровь о сдачь. Когда наступила минута объявить ръшеніе собранія народу, столько терпъвшему и не переставшему еще лельять розовыя мечты о побъдь и свободь, Манинъ, среди страстныхъ ръчей и рыданій, лишился чувствъ. Толпа тоже рыдала; вопли ея наполняли площадь.

— "И съ тавимъ-то народомъ—нужно сдаваться!" — съ горькимъ рыданіемъ восвликнулъ влосчастный народный трибунъ...

24-го августа 1848 года, сокрушенная Венеція сдалась на

волю побъдителя. Данінлъ Манинъ и другіе главные вожди мимолетной республики, въ числъ сорока человъкъ, должны были навсегда удалиться въ изгнаніе....

Многочисленная толиа народа въ безмолвномъ горъ проводила французскій фрегать, на палубъ котораго, обнаживъ головы на въчное прощаніе съ роднымъ городомъ, удалялись на чужбину невольные изгнанники...

Манинъ и умеръ изгнанникомъ, не доживъ до счастливыхъ дней, когда разгромленная пруссавами подъ Садовою Австрія вынуждена была возвратить Италіи ея освобожденную отъ чужеземнаго рабства съверную дочь...

На такъ называемой "Славянской набережной" — "Riva dei Schiavoni" — тутъ же недалево, за угломъ дворца Дожей, воздвигнуть монументь, художественныя фигуры котораго преврасно выразили всь фазы героической драмы, цвною которой Венеція добыла свою свободу... Это-памятникъ Виктору-Эммануилу скульптора Феррари. По сторонамъ мраморнаго пьедестала, у ногъ бронзоваго коня, на которомъ король-рыцарь—il Re galantuomo - лихо скачеть, высоко взмахнувь саблею, какь будто во главъ своей освободительной армін, - пом'вщены дв' волоссальныя и прекрасныя фигуры Италіи: одна-что позади-печальная, безсильно опустившая руку на закованнаго и прічнывшаго льва, другая - впереди - торжествующая, съ гордо поднятымъ лицомъ, в рядомъ съ ней-грозно рывающій девъ, разорвавшій ціпи 1815 года и прикрывшій своею могучею лапою скрижаль своего новаго независимаго политическаго существованія въ объединенной Италіи.

Насъ порядочно раздосадоваль, а вивств и насившиль своимъ не особенно хитрымъ плутовствомъ одинъ изъ праздношатающихся по площади св. Марка венеціанскихъ гражданъ. Подбъжаль онъ къ намъ передъ самыми воротами св. Марка съ предложеніемъ показать и объяснить подребно всв замвчательности собора, и хотя я вообще мало доввряю подобнымъ добровольцамъчичероне, но, чтобы не отвлекать своего вниманія постояными справками съ Бедэкеромъ, предоставилъ этому индивидууму вести насъ въ соборъ. Повертвышись немного въ одномъ изъ придъловъ, гражданинъ сей заявилъ намъ съ серьезнымъ видомъ, что сейчасъ начинается какая-то важная служба въ центральномъ алтаръ, почему неловко будетъ осматривать главный храмъ, а

Томь І.-Январь, 1903.

мы можемъ твиъ временемъ увидвть другія интересныя вещи, куда онъ насъ и поведетъ. Воображая, что онъ хочетъ показать намъ со всвяъ сторонъ наружность собора и какія-нибудь неизвъстныя миъ бововыя его капеллы и памятники, мы спокойно пошли за нимъ; но вогда увидъли, что онъ тащитъ насъ по кавимъ-то темнымъ проходпамъ и переулочвамъ черезъ ваналъ, что омываеть сзади соборь и дворець Дожей, и черезь который перевинуть знаменитый "Ponte dei Sospiri", "мость Вздоховъ", --- соединяющій упраздненныя старыя темницы дворца съ огромнымъ мрачнымъ зданіемъ современной тюрьмы, -- то я сообразиль, что туть ваван-то плутня, и сталь вричать бёжавшему впереди прытвому чичероне нашему-вернуться сейчасъ назадъ. Но лукавый итальянецъ удиралъ себъ торопливъе впередъ, притвориясь, что не слышить; и не успали мы переступить черезъ мостивъ ванала, какъ очутились въ распахнутыхъ дверяхъ большой фабрики венеціанских хрусталей и мозанкъ сеньора Паули. Агентъ фабрики стоялъ уже на порогъ и приглашалъ насъ самымъ радушнымъ образомъ осмотреть фабрику, всучиван намъ билетики на входъ; чичероне же нашъ, сдавъ такимъ ловкимъ образомъ свою добычу съ рукъ на руки агенту фабрики, которая его очевидно высылала для ловли иностранцевъ, -- стушевался во мгновеніе ова, даже не пытаясь получить съ насъ что-нибудь за свое путеводительство, несомивнио, оплаченное заранве фабрикою, такъ что мы нигдъ не могли найти его потомъ... Дълать было нечего, тъмъ болъе, что фабрикація венеціанскаго стекла во всякомъ случай была для насъ интересна, хотя я уже посъщаль въ прежнее свое путешествіе знаменитую венеціанскую фабрику мозаивъ въ Мурано...

На фабривъ Паули—одинъ изъ самыхъ громадныхъ свладовъ венеціанскаго хрусталя. Соровъ-восемь залъ сверху до низу заставлены и обвъщаны волшебно-изящными произведеніями этого спеціально итальянскаго искусства. Тонкіе кавъ папиросная бумага, прозрачные кавъ слеза, легкіе кавъ воздухъ, иные же массивные и тяжелые кавъ свинецъ, вазы, кубки, канделябры, люстры, сосуды всевозможныхъ цвътовъ и размъровъ, золоченные, розовые кавъ заря, голубые кавъ лазурь неба, неописуемаго вкуса и прелести, наполняютъ собою эти залы, наполняя въ то же время неодолимымъ соблазномъ слабонервныя сердца любителей изящной роскоши. Тутъ же и собраніе высоко-художественной мебели, цълыя мастерски подобранныя гостиныя, спальни, столовыя, уборныя, кабинеты... Цъны этихъ чудныхъ хрусталей и этой артистической мебели сравнительно много до-

ступнъе нашихъ русскихъ столичныхъ цънъ, не говоря уже о качествъ товара, и если бы не русская осторожная пословица: "за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ", — то заказы неостранцевъ такъ бы, должно быть, и посыпались. Въ нижнемъ этажъ фабрики намъ показали самый процессъ производства ислкихъ стеклянныхъ издълій и деревянной мозаики. Разумъется, пришлось расплатиться за непрошенную любезность покупкою нъсколькихъ мелочей...

На площади св. Марка, кром' его прославленных исторических реликвій, — собора, дворца, кампанилы, — интересно заслянуть и въ "Прокурацін", которых главная часть занята королевским дворцомъ. Это — рядъ двадцати-пяти громадных залъ, сверкающих безчисленными люстрами стараго венеціанскаго хрусталя неописанной красоты и ціны, драгоцінными венеціанскими зеркалами во всю стіну, фарфоровыми вазами въ рость человівка, статуями, картинами, коврами... Съ сожалівніем думаєщь, что все это богатство, просторъ и роскошь — никому въ сущности не нужны, потому что король Италіи едва ли въ три года разъ посітить на три дня свою красавицу Венецію и скользнеть бізглымъ взглядомъ по всімь этимъ драгоціннымъ чудесамъ.

Всего драгоцвинве и интерестве въ воролевскомъ дворцв примывающая къ нему такъ называемая "Старая библіотека", "Liberia vecchia", помъщенная въ знаменитомъ зданія Сансовию, этомъ шедёвръ итальянской архитектуры XVI-го въка... Туть, кромъ внижныхъ сокровищъ, сберегаются какъ святыня ръдвія рукописи Торквато Тассо, Данте, Петрарки, Галилея и другихъ великихъ людей Италіи, множество интерествищихъ древнихъ манускриптовъ съ раззолоченными и раскрашенными миніатюрами VIII, ІХ и Х въка, бревьеры и миссалы, украшенные акварелью, извъстнаго кардинала Бартоломео, основателя этой библіотеки, и между прочимъ первая миніатюрная рукопись "Божественной Комедіи". А на стънахъ и на великолъпныхъ плафонахъ библіотеки — художественные фрески П. Веронеза, Тинторетта, Молинари, изрядно пострадавшіе скоро послъ нашего визита при крушеніи колокольни св. Марка.

Превраснымъ тихимъ утромъ мы безшумно и плавно движемся на своей граціозной гондолів по перепутаннымъ воднымъ плетеницамъ каналовъ и канальчиковъ въ знаменитый храмъ "I Frari". Нервы въ какомъ-то радостномъ спокойствіи, на

душѣ-миръ и счастье; ни пыли, ни шума толпы, ни стука волесъ... Катишься, словно ребеновъ, убаювиваемый въ повойной волыбели, полулежа на подушкахъ гондолы, по ровной водной дорогъ, слегка гнущейся своею прозрачно-зеленою упругою влагою-прообразомъ чудныхъ венеціанскихъ зеркалъ и венеціансваго хрустальнаго искусства, лениво любуясь на пестрые двойные ряды домовъ и храмовъ, надвинувшихся надъ каналомъ и опровинутыхъ внизъ головою въ каналъ. Гондолы тутъ вездъ, куда ни глянешь. Въ узвихъ канальчикахъ онв сидятъ чисто вавъ въ засадъ, отовсюду вылъзають, пролъзають, снують, поджидають, отдыхають, какъ птицы въ речной заводи, после кормежки. Тщательная отдёлка гондоль, всегда украшенныхь, позавътнымъ преданіямъ старины, эмблемами промысла, ръзьбоюпо дереву, мъдными фигурами тритоновъ и водолеевъ, стальными пластинами вибиной или птичьей головы, -- указываеть на крипвоукоренившееся уваженіе народа къ себъ, къ своему промыслу, въ своему историческому прошлому...

— "Alio!"—то-и-дёло кричить какимъ-то особымъ, харавтернымъ напъвомъ нашъ гондольеръ, при каждомъ поворотъ за уголъ, ловко изворачиваясь незамътными нажимами весла между ръющими стаями этихъ черныхъ водяныхъ птицъ...

Старая цервовь францискансвихъ монаховъ Santa Maria dei Frari, — обывновенно называемая просто "И Фрари", — прямо на берегу одного изъ канальчиковъ. Это одинъ изъ самыхъ преврасныхъ, самыхъ общирныхъ и самыхъ замъчательныхъ историческихъ храмовъ въ числъ многаго множества замъчательныхъ, общирныхъ и прекрасныхъ храмовъ Венеціи. Фрари насчитываетъ уже едва не шесть въковъ своего существованія и все это время служилъ историческимъ мавзолеемъ своего рода для знаменитыхъ мужей Венеціи.

Гондола наша приблизилась въ берегу, и передъ нами тотчасъ выросла худая, небритая фигура въ характерной шляпъ в
плащъ итальянскаго пролетарія, съ багромъ въ рукъ, которымъ
онъ живо притянулъ насъ вплотную къ ступенямъ пристани.
Это тоже промыселъ своего рода, которымъ бъдняки набираютъ
себъ нъсколько десятковъ сантимовъ въ день на стаканъ вина
и кусокъ хлъба. Сеньоръ этотъ будетъ ждать насъ до выхода
изъ церкви, кликнетъ, когда нужно, гондольера, расположившагося,
въ ожиданіи своихъ пассажировъ, отдыхать или завтракать, н
опять поможетъ намъ състь въ гондолу, какъ помогалъ сейчасъ
выйти изъ нея. Мъдная монетка въ десять сантимовъ вполеть

удовлетвореть этого скромнаго гражданина за его добровольческія любезности...

Полураздътая дъвчонка отворяетъ передъ вами дверь въ цервовь—и тоже ждетъ пяти или десяти сантимовъ—рег buono мало. Босоногій, испачванный мальчишка катится передъ вами колесомъ черезъ голову, тоже съ твердымъ убъжденіемъ, что вы обязаны бросить ему за это непрошенное акробатическое представленіе если не десять, то хотя пять сантимовъ, такъ какъ ви—signori forestieri, созданные Богомъ единственно для того, чтобы подавать грошики бъднымъ итальянцамъ.

Внутри, Фрари—волоссальных размъровъ, колоссальнаго богатства. Вездъ—чудные мраморы, порфиры, яшмы, вездъ—росвошная позолота, дивная скульптура, дивная живопись...

Наши храмы, даже тв, которые мы считаемъ большими и босатыми, показались бы здёсь игрушками.

Высочайшія стіны храма всі поврыты, словно панелями, громадными сооруженіями волоннъ, арокъ, гробницъ, статуй, конныхъ и пітихъ, щитовъ, арматуръ, гербовъ, цілыхъ мраморныхъ группъ, цілыхъ мраморныхъ сценъ съ Мадоннами, святыми, ангелами, попами, дожами, рыцарями, а между этими архитектурно-скульптурными памятниками—такія же громадныя картины старинныхъ знаменитыхъ мастеровъ Венеціи: Джіованни Беллини, Тиціана, Сальвыята, Тинторетта, Порденоне...

Каждый такой мавзолей своего рода обезсмертиль и повазываеть потомству подлинный образь выкованныхь изъ мрамора ръзцомь и молотомъ какого-нибудь Сансовино или Бреньо былыхъ владыкъ, героевъ, архипастырей, ибо они спять туть же на своихъ саркофагахъ, строгіе и неподвижные, художественно выразительные, сидятъ верхомъ на своихъ коняхъ, молятся на колёняхъ, какъ при жизни...

Огромныхъ матеріальныхъ средствъ стоили эти горделивые мавзолеи; но зато они въ теченіе цёлыхъ вёковъ составляли гордость и утёшеніе цёлаго рода, ихъ воздвигшаго, составляютъ и до сихъ поръ гордость и утёшеніе народа, который обладаетъ такимъ богатствомъ, такимъ искусствомъ, такими сынами...

И какъ хорошо, что всё эти колоссальныя сооруженія не загромождають собою храма, а приросли къ стёнамъ его, какъ его незамёнимыя украшенія, никому и ничему не мёшая, отовсюду и всёмъ видныя для поученія и наслажденія потомства, сообщая самому храму глубоко историческій и патріотическій

смыслъ, вавъ хранилищу народныхъ преданій и праха предвовъ, кавъ наглядному олицетворенію связи древнихъ въвовъ и древнихъ поволъній съ новыми.

И подумать, что всё эти чудеса исвусства, вся смёлость в мощь замысла и исполненія—осуществлены въ какомъ-нибудь полутемномъ XIV или XV въкъ, а подавляють между тъмъсвоею грандіовностью современныя произведенія нашего высокопросвъщеннаго въка. Куда бы, напр., теперешнимъ венеціандамъ соорудить всё эти соборы св. Марка, Фрари, С.-Паоло, всё эти паланцо дожей, Фоскари, Ка-д'Оро, всё эти безчисленныя полчища чудныхъ статуй и картинъ...

Ни въ чемъ не проявило такъ своихъ силъ и своего генія талантливое и смёдое племя, счастливая помёсь славянина съ римляниномъ, уствинеся крёпче, чёмъ на скалё, на зыбкихъ меляхъ Адріатики, какъ въ своихъ грандіозныхъ архитектурныхъ сооруженіяхъ, гдё драгоцённые мраморы громоздились какъ простой кирпичъ или дикій вамень, гдё ими обростали отъ пяты до макушки, снаружи и снутри всё стёны, выстилались ими неохватныя площади половъ, складывались изъ нихъ гиганты-колонны, вырёзались алтари, гробницы, легіоны статуй и барельефовъ...

Въ Фрари, какъ и въ другихъ знаменитыхъ храмахъ Венеців, ніть строгой простоты стеля, ніть той гармонів линій и тоновъ, того единства мысли, которыми дышутъ готические соборы Германіи или византійскіе храмы. Ніть, всі здішніе храмы -- созданіе причудливаго и, такъ сказать, шумнаго художественнаго генія, требовавшаго пестроты, движенія, разнообразія, выливавшаго свою фантазію въ кудреватыхъ и пышныхъ формахъ, стремившагося поразить впечатавніе молящихся подавляющимъ обидіемъ подробностей, фантастическимъ нагроможденіемъ образовъ и группъ... Оттого туть на каждомъ шагу безчисленные алтари въ разноцейтныхъ мраморныхъ волоннадахъ, съ раззолоченными рамами громадныхъ полотенъ; оттого такое множество статуй и барельефовъ у каждой гробницы, такія толиы фигуръ на важдой картинъ... Это, очевидно, прирожденный вкусъ подвижного, предпримчиваго и веселаго народа, любящаго шумъ и внёшній блескъ; это вылилась въ враскахъ и мрамор'в саман душа его, увъковъчившись въ нихъ на память потомству.

Самый художественный изъ всёхъ памятнивовъ Фрари — это мавзолей Кановы. Хотя онъ исполненъ руками ученивовъ его, талантливыхъ скульпторовъ Мартини, Феррари и другихъ, но

въ сущности это собственная работа Кановы, потому что молодые художники взяли цёликомъ модели Кановы, изготовленныя имъ для памятника Тиціану. Впрочемъ, кто видѣлъ въ Augustiner Kirche въ Вънъ знаменитый мавзолей Марін-Христины, -- это, можеть быть, величайшее твореніе Кановы, — тоть ни на минуту не усомнится въ томъ, вто истинный авторъ его собственнаго надгробнаго памятника въ церкви Фрари. Тутъ тоже бъломраморная пирамида съ чернымъ гробовымъ входомъ, вуда, нагнувшись, готовится вступить исполненная глубовой горести величественная мраморная жена въ широкихъ свладвахъ влассическихъ одеждъ, съ похоронной урной въ рукахъ, ведя за собою такого же скорбнаго мраморнаго ребенка съ факеломъ; еще нъсколько бъломраморныхъ женскихъ фигуръ траурнаго вида слъдують за ними... Идеально прекрасный стройный юноша съ врылами генія лежить въ отчанній у дверей гроба, подножіе котораго охраняеть трогательно-плачущій могучій мраморный левъ св. Марка... Это - цълая трагедія въ быломраморныхъ статуяхъ, поразительнаго эффекта...

"Princeps sculptorum aetatis suae", "Князь свульпторовъ въка своего" — подписано коротко и выразительно на пьедесталъ памятника.

Капова быль венеціанець и прожиль въ Венеція большую часть жизни своей.

Мы видели, шатаясь по закоулкамъ Венеціи, мраморную доску съ золотыми строками на доме, въ которомъ жиль и умеръ Канова, и въ которомъ теперь помещается "Banca Veneta", недалеко отъ нашего "Hôtel d'Italie"...

Кавъ разт напротивъ памятника Кановы воздымается громоздкая масса мавзолея Тиціана, — этого аристократа-художника, — еques et comes Titianus, какъ написано на его гробницъ, — съумъвшаго прожить почти сто лътъ и воплотившаго въ свои чудные полотна столько здоровой и свътлой жизнерадостности былого венеціанскаго духа въ самый могучій расцвътъ его. Мавзолей Тиціана представляеть самое неудачное vis-à-vis высоко-художественному памятнику Кановы, классически простому и строгому, — своею искусственною вычурностью, пестротою и нагроможденностью. Тутъ цълыхъ два яруса массивныхъ мраморныхъ сооруженій, тутъ цълая толпа статуй, и самъ Тиціанъ, сидящій будто на тронъ, и эмблемы всякихъ искусствъ кругомъ него, и барельефы всъхъ его знаменитыхъ картинъ на подно-

жіяхъ его торжественнаго сёдалища,—но все это холодный, бездарный разсчеть, а не живое, горячее созданіе искренняго генія... Гораздо достойніве, по моему, памяти великаго художника картина Витторіо въ одномъ изъ алтарей Фрари, на которой въ образів св. Іеронима нарисованъ, какъ увітряють, портреть девяностовосьмилітняго Типіана...

Кавихъ только историческихъ именъ старой Венеціи ни встрѣтите вы среди стѣнныхъ мавзолеевъ Фрари! Тутъ и Марчелло, и Бернардо, и Фоскари, но чаще всѣхъ вы наталкиваетесь на фамиліи Пезаро, Пезаро адмирала, Пезаро епископа, Пезаро дожа... Его роскошный мавзолей, сверкающій золотомъ и дорогими мраморами, поддерживаемый огромными статуями волоченыхъ и мраморныхъ негровъ, тоже производитъ впечатлѣніе излишней нагроможденности, пестроты и безвкусія. Вообще, этотъ древній храмъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашней церкви семейства Пезаро.

Даже главная художественная знаменитость Фрари—запрестольный образъ Богоматери въ центральномъ алтарѣ, — шедёвръ Тиціана — носитъ названіе Мадонны Пезаро. Въ этой же церкви нѣвогда находилось и величайшее твореніе Тиціана — Успеніе Богородицы (Assomption), перенесенное впослѣдствіи въ академію искусствъ...

Къ церкви Фрари принадлежить и прилегающій къ ней упраздненный монастырь францисканскихъ монаховъ, во имя Антонія Падуанскаго, переведенный теперь въ Падую. Въ настоящее время этотъ громадный монастырь обращенъ въ хранилище государственныхъ архивовъ Венеціи. Я не видаль ничего болье грандіознаго въ этомъ родь, кромь развы знаменитыхъ архивовъ Вативана. Триста-шестьдесять огромныхъ залъ, большею частью шировихъ сводистыхъ ворридоровъ, отъ пола до потолка уставлены шкапами и витринами, наполненными толстыми, тяжелыми томами инфоліо въ несокрушимыхъ телячьей кожи переплетахъ, содержимыми въ поразительномъ порядкъ. Тутъ хранятся документы всевозможнаго рода: криностные, юридическіе, геральдическіе, политическіе, законодательные, дипломатическіе, судебные; множество витринъ съ подлинными папскими буллами, посланіями султановъ, эмировъ, императоровъ; множество другихъ съ автографными письмами и бумагами всевозможныхъ историческихъ дъятелей, государей всъхъ странъ и народовъ, великихъ политиковъ, воиновъ, ученыхъ, художниковъ... Всвхъ документовъ считается здёсь ни болёе, ни менёе какъ четирнадцать милліоновъ! Это—неоцівненный владь для историвовь, въ тому же всімь легко доступный. Туть же школа палеографіи и археологіи, туть же удобныя отдівльныя студіи для ученихь, желающихь заниматься въ архивахь. Не только разсиатривать подробно эти архивы, а только пробіжать мимолетно всів залы—и то устанешь Богь знаеть вакъ!

Дежурный чиновникъ съ необывновенною любезностью старался ознавомить насъ съ главными редеостями архивовъ, останавнивая насъ то передъ однимъ, то передъ другимъ швафомъ, витягивая оттуда замечательнейше документы и усиливансь объяснить намъ ихъ содержание и историческое значение на такой варварской смеси десятка изувеченныхъ французскихъ словъ съ целымъ потокомъ неподдельной итальянщины, что мы, безъ сомевнія, поняли бы его гораздо лучше, еслибы онъ говориль безъ всякихъ затей, просто по-итальянски...

Въ Венеціи слишвомъ много прекрасныхъ храмовъ, интересныхъ въ историческомъ и художественномъ отношеніи, чтобы была возможность говорить о нихъ о всёхъ. Но я не могу обойти молчаніемъ одной изъ нашихъ поёздокъ, тоже, конечно, на гондолё, и тоже, конечно, по цёлой сёти каналовъ и канальчиковъ, — отъ пристани Пьяцетты въ важнёйшему послё св. Марка и древнёйшему храму Венеціи — San Giovanni е Paolo. Пришлось прежде всего проёзжать какъ разъ между дворцомъ Дожей и Prigioni, подъ мостъ Вздоховъ, дальше между заднить фасадомъ св. Марка и хрустальной фабрикой Паули; а отсюда мы уже попали въ настоящій лабиринтъ внутреннихъ кварталовъ города, разлинованныхъ во всёхъ направленіяхъ водяными проулочками каналовъ.

Тутъ насмотришься до-сыта на самыя откровенныя мѣстныя сцены, на самыя типическія картины итальянскаго быта, наслушаешься и нанюжаешься чего угодно...

До San Giovanni порядочно далево, но ъзда въ гондолъ не тольво не утомляетъ, а еще даетъ вамъ отдохнуть и усповоиться отъ слишвомъ живыхъ впечатлъній.

Громаднъйшій храмъ стоитъ на небольшой открытой площади, на берегу канала. Около него высокохудожественный бронзовый памятникъ Коллеони, генералу-кондотьери венеціанской республики; храбрый воинъ XV-го въка, верхомъ на конъ, исполненъ удивительнаго выраженія мужества и отваги, невольно заражающаго зрителя. Съ другой стороны собора—огромное зданіе

бывшей Scuola di S.-Магсо, — шволы св. Марка, — обращенное теперь въ госпиталь, съ необывновенно изящнымъ и оригинальнымъ фасадомъ работы знаменитаго архитектора XV-го въка Ломбарди. Все это вмъстъ дълаетъ площадку San Giovanni е Paolo однимъ изъ привлекательныхъ уголковъ преврасной Венеціи.

San Giovanni e Paolo долгое время служиль оффиціальнымъ мѣстомъ для погребенія дожей. Войдешь въ него и потеряешься—тавъ онъ высовъ, тавъ онъ веливъ. Обиліе мраморовъ, золота, алтарей, гребницъ, статуй—еще болѣе подавляющее, чѣмъ во Фрари. Но своды и волонны его совсѣмъ голы, и грубые прозаическіе переметы, связывающіе высово вверху его волонны, видны нараспашку, кавъ вости ободраннаго отъ мяса скелета. Можетъ быть, это вызвано пожаромъ, который въ концѣ прошлаго столѣтія почти уничтожилъ драгоцѣнныя картины и скульптуру его сакристіи и, вѣроятно, повредилъ своды самаго собора. Во всякомъ случаѣ, этотъ чернорабочій, неопрятный видъ потольовъ храма рѣзво противорѣчитъ тому впечатлѣнію несчетнаго богатства, роскоши и изящества, какое производитъ на посѣтителя вся его остальная обстановка.

Старые владыки гордой республики, ся знаменитые дожи, спять здъсь многочисленной семьей въ своихъ великольшныхъ художественныхъ саркофагахъ, окруженные статуями и картинами еще болбе нихъ знаменитыхъ артистовъ. Они овладбли всти сттвами храма, они висять надъ его входами и выходами, поднимаются величественными массами другь надъ другомъ. Они обратили древній храмъ, ведущій свою родословную съ XIII-го въка, -- въ историческій пантеонъ своего рода, въ одинъ громадный художественный некрополь. Туть и дожь Мочениго, грозный побъдитель туровъ, соорудившій свою пышную гробницу изъ добычи, отнятой у врага, — "ex hostium manubiis", вакъ гласитъ ен надпись, и Морозини, и Корнаро, и Вендрамини, и десятви другихъ славныхъ именъ Венеціи. Надъ гробницею Брагадина художникъ изобразилъ на память потомству его геройскую мученическую смерть. Онъ такъ отчаянно и упорно защищаль отъ туровъ, въ эпоху лепантской битвы, крепость Фамагосту на принадлежавшемъ тогда Венеціи островъ Кипръ, — что, по взятін Фамагосты, посл'в вровопролитнаго боя, турки содрали съ него живого кожу.

Художественно хороша грандіозная гробница бол'є новаго времени—семьи Вальеръ, съ цілою толпою статуй, съ множествомъ чудныхъ барельефовъ и съ живописно ниспадающею тяжкими складками громадною мраморною порфирою.

Сволько бы вы ии видёли преврасных вартинъ и статуй въ дворцахъ и храмахъ Венеціи, все-таки вы еще не вполнё знаете венеціанскую шволу, пока не побываете въ "Асафетіа феlle belle Arti". Академія художествъ—на самомъ центральномъ мъстъ Canalè Grande, у перекинутаго черезъ него единственнаго жельзнаго моста. Конечно, и она помъщается въ бывшемъ монастыръ, потому что только въ старинныхъ монастыряхъ Венеція можно было найти достаточно мъста для учрежденій, требующихъ десятковъ и сотенъ большихъ залъ.

Описывать галерен картинъ и скульптуръ—трудъ совсёмъ неблагодарный; перо даже самое художественное безсильно замёнить краски, линій, выраженіе лицъ, теплоту тоновъ... Но, можетъ быть, не безполезно высказать нёсколько общихъ мыслей, возбужденныхъ во миё соверцаніемъ безчисленнаго множества произведеній венеціанской школы въ залахъ Академіи, въ дворцё Дожей, въ цёломъ рядё знаменитыхъ храмовъ Венеціи...

Я вовсе не спеціалисть въ этихъ вопросахъ, но искренно и давно, съ дътскихъ лътъ, люблю живопись и видълъ на сеоемъ въву, кажется, все, что стоить видъть въ этой области; а главное, я считаю каждаго просвъщеннаго человъка, въ томъ числъ, вонечно, и себя, вправъ имъть собственное митніе о картинахъ, статуяхъ, музыкъ, которыя въдь и предназначаются для непосредственнаго наслажденія публики, а не для остроумныхъ упражненій падъ ними ученыхъ изследователей. Венеціанская живопись поражаеть прежде всего нъкоторою бъдностью идеализаціи, несмотря на самые идеальные и мистическіе сюжеты множества ея картинъ, и несмотри на прочно утвердившуюся за всею вообще итальянскою живописью временъ Возрожденія репутацію ндеальности сравнительно съ реальнымъ и матеріальнымъ направленіемъ нашего современнаго художества. Выборъ мадоннъ, святыхъ и сценъ библейской или евангельской исторіи предметомъ своихъ картинъ еще далеко не ручается за идеальность настроенія художнива. Выборъ этоть въ тв времена быль неизбъжнымъ, можно свазать, обязательнымъ условіемъ для живописца, во-первыхъ, потому, что большею частью тогдашніе итальянскіе художники работали по заказамъ для богатыхъ храмовъ и монастырей, для кардиналовь и папъ, а во-вторыхъ, священное писаніе да влассическая миоологія съ примъсью анекдотической исторіи древнихъ народовъ были почти исключительными источнивами, изъ которыхъ въ тв полу-темные еще ввка, воспитываемые подъ зоркою эгидою церковниковъ, художники и поэты могли черпать свое вдохновеніе. Истинный идеализмъ не могъ бы совмѣститься уже съ одною заказанностью тогдашнихъ художественныхъ произведеній, а эта заказанность такъ и бьетъ въ глаза отъ громаднаго большинства полотенъ и фресковъ. Условные сюжеты, условныя формы, условныя позы, условныя выраженія лицъ—невольно сообщають однообразный и нѣсколько искусственный, своего рода академическій характеръ живописи того времени. Самая же обработка даже священныхъ сюжетовъ далеко не всегда пронивнута небесными идеалами, а чаще всего дышеть вполнѣ земнымъ, чувственнымъ настроеніемъ, стремящимся воспроизводить яркость красокъ, красоту формъ, тѣлесную силу и энергію.

Какъ ни великъ художественный талантъ мастеровъ того времени, ихъ удивительное знаніе анатомін человъка, ихъ необыкновенное умънье свободно распоряжаться позами, движеніями и группировкою фигуръ, ихъ тонкое чувство колера и свътовыхъ тоновъ, наконецъ ихъ сила экспрессіи, одухотворяющей всв эти врасочныя изображенія вистью по полотну до выразительности живого существа, --- все-таки человъку современныхъ вкусовъ и требованій они дають слишкомъ мало понятнаго ему и интереснаго для него содержанія; живущая въ нихъ идея слишкомъ скудна для современной мысли, слишкомъ тёсно связана съ полу-детскимъ міросозерцаніемъ, давно пережитымъ человъчествомъ и потерявшимъ теперь свое былое подавляющее вначеніе, — чтобы произведенія даже самыхь знаменнтыхь мастеровь XV-го и XVI-го въка могли овладъвать впечатлъніемъ вашимъ съ тою полнотою наслажденія, вакую доставляєть вамъ глубокосодержательная картина какого-нибудь великаго художника нашего времени, отвъчающая всъмъ сложнымъ и гонкимъ душевнымъ запросамъ человъва, просвъщеннаго современною наукою и установившаго опредъленный взглядъ на психологію и исторію человъчества...

Венеціанская школа мит кажется особенно земною и матеріальною изъ встат итальянскихъ школъ. Я не говорю о болте старинныхъ мастерахъ, подобныхъ Виварини, Карпаччіо, Кривелли, Жакопо Беллини и другихъ, которые еще не успта обособиться въ самостоятельную школу и всецта находились подъвліяніемъ падуанскихъ художниковъ, руководимыхъ знаменитымъ флорентинцемъ Джіотто, а поздите талантливымъ главою падуанцевъ—Андреемъ Мантенья.

Въ этихъ раннихъ представителяхъ венеціанскаго искусства и рисуновъ, и враски еще сильно связаны догматичностью худо-

жественных предписаній и довольно строгою еще церковностью втіядовь, такь что по ихь произведеніямь интересно только просліжнивать постепенно расширявшееся стремленіе въ художественной свободі и правді, постепенный переходь условныхь терть и выраженій средневівкового, почти еще монашескаго художественнаго міровоззрінія въ гораздо боліве жизненное и гораздо боліве мірское искусство эпсхи Возрожденія... Но другого зваченія, кромів чисто-историческаго, картины эти уже не иміноть, и доставляють такь же мало положительнаго наслажденія любителю художества, какь дітскія работы какого-нибудь знаменитаго живописца, которыя всегда глубоко поучительны, всегда интересны и даже иногда трогательны, но, конечно, никогда не могуть иміть притязанія удовлетворить художественному вкусу врослыхъ людей.

У Джоржіоне, Чима ди-Конельно и Пальмы Веккіо (старшаго) уже сильно сказываются тё характерныя черты венеціанской школы, воторыя нашли свое полное, блестящее выраженіе у главныхъ свётилъ этой школы, Тиціана, Джакопо Робусти (Тинторетто) и Паоло Веронеза, а также въ цёлой плеядёталантливыхъ подражателей Тиціана—Себастьянё дель-Піомбо, Маркони, Лотто, Порденоне и Парисъ Бордоне...

Достаточно охаравтеризовать однихъ вождей шволы, чтобы понять всёхъ остальныхъ. Достаточно видёть и знать даже одного Тиціана,—этого безспорнаго главы венеціанской живониси,—чтобы усвоить себ'я полное представленіе о типическихъ особенностяхъ венеціанской шволы.

Тиціанъ не только одицетвориль въ своихъ картинахъ все нскусство Венецін, но и въ своей жизни-всю современную ему венеціанскую жизнь. Тиціанъ быль самый типическій венеціанецъ, какіе когда-либо существовали. Проживъ безъ двухъ лѣтъ цілое столітіе, онъ отразиль въ себі, какъ въ зеркалі, всі богатын силы, всв достоинства и недостатки, всв вкусы и привички родного народа и родного города. Всю свою долгую жизнь онъ провелъ въ довольствъ и наслажденияхъ, не зная ни въ чемъ неудачи, полный здоровья и силы, врасивый, умный, окруженный общею либовью и міровою славою, среди безчисленныхъ друзей и почитателей, не переставая работать до гробовой доски вадь любимымъ своимъ искусствомъ, всегда заваленный щедрыми заказами современныхъ меценатовъ... Французскій и польскій короди были его гостями, Филиппъ II испанскій, германскій императоръ, римскій папа Павелъ III, венеціанскіе дожи-считали его своимъ другомъ; онъ былъ рыцаремъ и графомъ; заего роскошнымъ столомъ пировали красавицы-аристократки, кардиналы, сенаторы, знаменитые писатели и художники, и домъ его былъ полонъ изящныхъ и дорогихъ вещей, собранныхъ со всёхъ концовъ міра. Вся семья, вся родня его дёлается живописцами, и онъ живеть, охваченный кругомъ цёлымъ моремъ художества, работая съ спокойнымъ и свётлымъ чувствомъ вёчно счастливаго человъка, ни въ чемъ не нуждающагося, не мучимаго никакими роковыми внутренними вопросами, какіе терзали, напримъръ, сердце Микель-Анджело,—этого страстнаго страдальца за страданія своего отечества...

"Творчество Тиціана течеть величаво и спокойно, какъ большая, ничёмъ неволнуемая рёка", —мётко выразился о немъ одинъ изъ талантливыхъ художественныхъ критиковъ Франціи.

Эпическая гармонія духа Тиціана со всёмъ окружающимъ его міромъ, напоминающая великихъ художниковъ античной древности, дёлаетъ вполнё понятнымъ, почему онъ могъ прожить 98 лётъ, не бросая своей кисти. Да и въ 98 лётъ онъ умеръчисто случайно, заразившись чумою...

Эта душевная гармонія всецьло отразилась и на творчествъ Тиціана, насевозь пронивнутомъ свътлою радостью жизни, спокойнымъ наслажденіемъ врасотою природы и тъла человъка, его здоровьемъ и мощью, —блескомъ и пышностью его житейской обстановки...

Такъ же ярко отразилась на характеръ Тиціановской живописи и его возлюбленная родина — Венеція. Мягкіе, слегка расплывчатые тоны Тиціановской кисти такъ сродны нѣжно-затуманеннымъ теплыми парами горизонтамъ лагунъ, матовымъ переливамъ водъ въ каналахъ н потускившему блеску дворцовыхъ мраморовъ. Вазари, классическій историкъ итальянской живописи, недаромъ обвинялъ Тиціана, будто тотъ рисовалъ безъ карандаша, безъ строгихъ очертаній линій, прямо красками. Веселая жизнь властительныхъ и самодовольныхъ венеціанскихъ нобилей, знатоковъ искусства, любителей красивой роскоши и беззаботныхъ наслажденій, нашла въ картинахъ Тиціана, Паоло Веронеза и многихъ учениковъ и послёдователей ихъ свою художественную лётопись...

Въва суровыхъ гражданскихъ доблестей, въка смълой борьби за славу, власть и богатство, поднявшіе маленькую морскую республику на высоту большихъ имперій, прошли, и къ началу XVI-го въка, — когда сталъ распускаться самый пышный цвътъ венеціанскаго искусства, когда одинъ за другимъ выступали на ея сцену Тиціанъ, Тинторетто, Паоло Веронезе, — разбогатъвшая

н разбалованная своимъ богатствомъ Венеція съ такимъ же страстнымъ увлеченіемъ предалась проживанію накопленныхъ совровнщъ и накопленной славы, обратившись постепенно изъ вониственнаго и торговаго центра въ веселый городъ шумныхъ развлеченій и празднествъ, въ громадный "клубъ маскарадовъ и куртизанокъ", привлекавшій къ себъ досужихъ жуировъ цёлаго міра...

Хотя самымъ главнымъ произведеніемъ Тиціана справедливо считается его "Успеніе" въ академіи искусствъ, но, насмотрѣвшись вдоволь на его картины, вы не усомнитесь, что самыми характерными для него произведеніями служатъ тѣ его картины, гдѣ онъ могъ во всей широтѣ и свободѣ изобразить сквозящее сочнымъ румянцемъ юга хорошо разросшееся, полное молодого здоровья и силы, бѣлое, прекрасное тѣло, которое могло рождаться только на привольныхъ, влагою пропитанныхъ берегахъ венеціанской низины, прорѣзанной сѣтью рѣкъ, оплодотворяемой южнымъ солнцемъ.

Венеры, Данаи, Флоры Тиціана не им'вють себ'в равныхъ по очарованію. Даже изв'єстный "Христосъ" дрезденской галерен, посрамляющій фарисеевъ (такъ-называемый "Zinnsgroschen"), въ противоположность всёмъ другимъ итальянскимъ изображеніямъ Христа, смотритъ какимъ-то выхоленнымъ красавцемъ-аристократомъ, съ б'ёлыми, н'ёжными руками, такъ мало подходищими къ пріемному сыну плотника и другу босоногихъ рыбавовъ.

Въ другихъ своихъ мужскихъ типахъ Тиціанъ возсоздаетъ ширококостныхъ, могучихъ богатырей, съ мускулами атлета, съ мужественною энергіею въ глазахъ, тёхъ смёлыхъ воиновъ, моряковъ, лодочниковъ, обожженныхъ солнцемъ, которыхъ онъ видълъ вругомъ себя и которыхъ спокойная тёлесная мощь и здоровая красота восхищала его въ дъйствительной жизни...

Имъ онъ, конечно, придаетъ имена апостоловъ, святыхъ, миоологическихъ героевъ, но, въ сущности, это все портреты съ натуры его современниковъ-венеціанцевъ, — художественный культъ вдохновлявшей его телесной красоты...

Тинторетто далеко не такъ хорошъ, какъ Тиціанъ. Тинторетто писалъ такъ невозможно много, такъ невозможно спѣшно, что не имълъ времени строго относиться ни къ выбору, ни къ качеству своихъ работъ. Онъ заполнялъ безчисленными созданіями своей висти цълые дворцы, цълые храмы, ихъ стъны, ихъ

потолки и своды. Это была настоящая фабрика живописи, работавшая день и ночь, безъ раздумья бравшаяся за всякія темы, безстрашно населявшая свои полотна полчищами всевозможныхъ фигуръ, во всевозможныхъ позахъ и движеніяхъ, часто изумляющихъ своею смёлостью и оригинальностью. Но его картины лишены того чарующаго эпическаго спокойствія, той высокохудожественной простоты и того чуднаго колорита, которыми ми восхищаемся въ Тиціанъ. Кисть Тинторетто— сама буря, мятежный натискъ образовъ и красокъ. "Самый неистовый мозгъ, который когда-нибудь видёла живопись", — выразился о немъ Вазари. Зато никто не посвящалъ столько вниманія историческимъ событіямъ и славъ своего отечества, никто не сохранилъ столькихъ художественныхъ отпечатковъ его былой шумной жизни, какъ Тинторетто...

Паоло Кальяри, прозванный Веронезомъ, по имени своего родного города Вероны, — одинъ изъ характернвишихъ представителей венеціанской школы. Это — живописецъ многолюдныхъ процессій, шумныхъ движеній толпы, яркаго блеска и пестроты, пышныхъ одеждъ, богатаго вооруженія, драгоцінныхъ камней и парчей, атласовъ и бархатовъ, міховъ и ковровъ, страусовыхъ перьевъ, всего того, что ослішляло и увлекало современную ему народную массу и что составляло когда-то чутъ не ежедневное развлеченіе торговой Венеціи, къ пристанямъ которой стекались въ свое время люди, товары и сокровища изъ Европы, Азіи и Африки...

Хотя Веронезъ рисовалъ не сцены изъ венеціанской жизни, а библейскія и евангельскія исторіи, но онъ, въ своей патріотической наивности, ничто же сумняся, одіваль апостоловь и Христа, израильтянъ и римлянъ въ одежды современныхъ ему венеціанцевъ, въ береты, капюшоны, колеты и мантіи, уставляль ихъ столы посудою, которую отливали на фабрикахъ Мурано, устилалъ ихъ полы коврами, сотканными въ Персіи, и даже окружалъ ихъ пейзажами венеціанскихъ палаццо, кампанилъ и каналовъ...

Въ изображеніи блестящей внёшней жизни этихъ движеній разнородной толпы, пировъ и процессій Паоло Кальяри достигь великаго мастерства и правды, хотя картины его лишены болёе глубокаго содержанія. Онё смотрятся съ интересомъ, какъ прекрасная иллюстрація венеціанскаго быта прежнихъ віковъ в какъ высоко талантливый шагъ къ реальному изображенію жизненныхъ сценъ.

Венецію нельзя повинуть, не побывавь на ея дачныхъ островкахъ. Вся огромная "Живан" лагуна ея усвяна по серединъ островками и отдълена отъ моря, върнъе—отъ венеціанскаго залива, цълою цъпью островковъ, защищающихъ ее и самую Венецію отъ морскихъ волненій на подобіе каменной плотины, кое-гдъ только прорванной увкими проливчиками. Но эти островки для Венеціи въ то же время и кръпостная стъна своего рода со стороны моря, потому что самые небольшіе форты могутъ остановить непріятельскій флоть въ этихъ тъсныхъ проходахъ.

Лидо, Маломовко, Пелистрина и другіе островки почти всё вооружены маленькими крёпостцами, танутся версть на тридцать, будто раскинутая впереди стана сторожевая цёпь, отъ городка Бурано на сёверной оконечности лагуны до древняго города Кіоджія, когда-то соперника Венеціи, на южной оконечности лагуны. Поближе къ Венеціи—еще цёлый маленькій архипелагь островковь, въ ихъ числё и Мурано съ своими знаменитыми фабриками, работающими уже шесть вёковь, и островъ св. Лаваря, гдё пріютился извёстный армяно-католическій монастырь мехитаристовь, столько сдёлавшій для изученія армянской литературы, исторіи и древностей, и усёянный изящными могильными памятниками маленькій "Острововъ гробниць", гдё изстари хоронятся венеціанцы...

Въ Лидо пароходы бъгаютъ съ набережной Скыявоне каждые полчаса и добъгаютъ туда, за тридцать сантимовъ съ пассажира, въ пятнадцать минутъ. Любители отправляются въ Лидо и на гондолахъ, особенно въ тихую, ясную погоду, и при двухъ гребцахъ могутъ добраться туда тоже не болъе какъ въ полчаса. Пароходикъ нашъ обогналъ нъсколько такихъ гондолъ съ дамами и мужчинами, которыхъ, впрочемъ, изрядно покачивало довольно свъжимъ вътеркомъ. По всей лагунъ разбросаны во множествъ странные пучки толстъйшихъ свай, скованныхъ виъстъ кръпкими желъяными обручами. Я думалъ-было, что это привязи для кораблей, останавливающихся среди лагуны, но мнъ объяснили, что этими сваями обнесены частыя мели, которыми полна лагуна и которыя иначе служили бы опасными ловушками для входящихъ въ лагуну судовъ.

Отъ пристани Лидо вонва везетъ васъ прямо на противоположную сторону островва—лицезръть отврытое море. Тамъ цълый маленькій вурорть для морскихъ вупаній, удобные отели, вафе и рестораны, хорошенькія виллы, вупальни, садики, парки, лавочки съ фотографіями и венеціанскими спеціальностями.

Digitized by Google

Съ большой террасы ресторана, гдё мы завтравали, отврывается широкій и далекій видъ на море. Это уже совсёмъ не лагуна съ ея чуть замётною блёдновеленою зыбью; нёть, туть бёгуть, хлещуть и плещуть настоящія морскія волны, суровыя, темно-синія, съ бёлыми барашками на гребняхь, подвидывающія огромные суда и пароходы, какъ орёховыя скорлупки... Я не видаль моря со дня своего послёдняго злонолучнаго путеществія изъ Сухума въ Новороссійсеть, и, вспоминая съ жуткимъ чувствомъ пережитыя тогда опасности и мученія, искренно радовался въ душё, что намъ не предстоить въ настоящую минуту качаться на этихъ нестерпимыхъ морскихъ качеляхъ...

А внизу, у самаго подножія террасы, туристы и туристви бродили по галькамъ прибрежной отмели и покупали у босоногихъ измовшихъ рыбаковъ большія разноцейтныя раковины, морскихъ коньковъ и всякіе frutti di mare...

Венеція изумитедьно хороша в оригинальна, вогда вы смотрите на нее со стороны моря, возвращаясь изъ Лидо, и сразу можете охватить съ высоты палубы всю громадную перспективу ея набережныхъ, дворцовъ, соборовъ, колоколенъ, садовъ, островковъ... Въ розово-золотомъ сіянім наступающаго весенняго вечера она важется издали вакою-то невыразимо изящною драгоцвиною игрушкою, волшебною декоращею, выдвинутою изъ стихшихъ пучинъ моря невидимою рукою какой-нибудь всесильной фен... Это нивогда не забываемое впечативніе прелестнаго города, милаго, мирнаго, вливающаго въ душу тихую радость бытія, само собою уносится сердцемъ вашимъ. Но и голова ваша невольно усиливается дать себё отчеть въ глубовомъ смыслё того, что видять ваши глаза. Мысль невольно останавливается на изумительныхъ судьбахъ этого врошечнаго племени венетовъ, въ ворий своемъ, вакъ думаютъ очень солидные ученые, повидимому, той же славянской врови, вавъ и вяты, и венды, всё одинавово вышедшіе изъ малоазійской венде-линін, --- осъвшаго, подобно другимъ своимъ славянскимъ сосёдямъ Истріи и Далмаціи, на пустынныхъ берегахъ и островахъ Адріативи, и тамъ съумъвшаго создать могучую самобытную республику, тринадцать въковъ стоявшую въ передовихъ рядахъ европейскихъ державъ. смелую, сильную, богатую и роскошную...

И ничемъ больше нельзя объяснить себе этого поравительнаго историческаго явленія, какъ энергическою самод'ятельностью независимаго гражданскаго духа, который въ созданной

имъ тесной народной общине видель свои собственные вровные интересы, осязательно, какъ боли собственнаго тъла, чувствовалъ всякую общественную выгоду и невыгоду, боролся изъ-за нихъ со всею искренностью и увлеченіемъ, на которыя только способенъ человъкъ, защищающій себя и свое со всею доступною ему изобрътательностью и настойчивостью, которыхъ нивто не смълъ ственять въ свободной общинъ свободныхъ гражданъ... Напротивъ того, здёсь самый послёдній лодочникъ могъ надёнться на вее, требовать всего, всего достигнуть; эдёсь всякій привыкаль самъ все ръшать, самъ судить обо всемъ, выбирать и низлагать, изнутри себя почерпать всё силы свои. Такая тёсная община свободныхъ людей, несмотря на свое сравнительное малолюдство и важущееся безсиле, въ сущности была способна развивать громадную силу, потому что она жила всвии составляющими ее отдъльными единицами, всею своею народною массою, следовательно, всеми запасами ума, талантовъ, знанія и энергіи, какія соврыты въ тайнивахъ души народной, а не сдавала, такъ скавать, въ аренду небольшой горсточев наемныхъ или случайно выбранныхъ людей, думающихъ больше о своихъ выгодахъ, чёмъ общественныхъ, - всв интересы и судьбы своей страны...

Въ этомъ завлючалась тайна былого процвътанія всъхъ вообще мельнях итальянскихъ республивъ и отдъльныхъ городовъ, въ родъ Генуи, Милана, Пизы, Флоренціи, оставившихъ по себъ такой блестящій слъдъ и въ исторіи политической, и еще болье въ исторіи европейской культуры, въ наукахъ, искусствахъ, въ промышленности, торговлъ и общежитіи...

Евгеній Марковъ.

ІЁРНЪ УЛЬ

эскизъ

- Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

I.

Мы будемъ говорить въ этой книгѣ о горѣ и трудѣ. Не о томъ горѣ, какое было у пивовара Яна Торстена, который обѣщалъ угостить своихъ гостей какой-то особенно вкусной рыбой, не могъ сдержать слова, затосновалъ и долженъ былъ уѣхать въ Шлезвигъ. И не о томъ горѣ, какое испыталъ крестьянскій сынъ, съумѣвшій, несмотря на свою глупость, истратить въ четыре недѣли все отцовское состояніе, бросая цѣлыми днями монеты въ прудъ.

Нътъ, мы будемъ говорить о томъ горъ, которое разумъла старуха Вейсхаръ, говоря о восьмерыхъ своихъ дътяхъ: трое изъ нихъ лежали на кладбищъ, одинъ — въ глубинъ Съвернаго моря, а остальные четверо жили въ Америвъ, и двое изъ нихъ не писали ей уже много лътъ.

И еще о томъ страданіи будемъ мы говорить, на воторое жаловался Геертъ Дозе. Черезъ три дня послѣ Гравелотта онъ все еще никакъ не могъ умереть, несмотря на ужасную рану въспинъ.

Но хотя мы и собираемся теперь разсказывать въ этой книгъ о такихъ печальныхъ и грустныхъ — по мнънію многихъ—вещахъ, тъмъ не менъе, мы приступаемъ радостно, хотя и сжавъ плотно губы и съ серьезнымъ лицомъ, къ выполненію нашей задачи, ибо надъемся ясно и наглядно повазать, что трудъ и горе описываемыхъ нами людей не были напрасны.

Витенъ Пеннъ, старшая служанка въ Улъ, сказала, что въ эту звиу соберется въ домъ много гостей.

— Но удивительно, — прибавила она, — что всё пріёдуть вавъ на большой празднивь, а уёдуть вавъ съ похоронъ.

Такъ сказала Витенъ Пеннъ, извъстная всъмъ своимъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ видомъ.

Клаусъ Уль, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ врестьянъ деревни, расположенной въ низменной, болотистой мъстности, стоялъ въ жилетвъ и бълой рубахъ, съ лоснящимся благодушнымъ лицомъ, на порогъ своего дома, гладълъ на дорогу въ ожиданіи гостей и пріятно улыбался при мысли о друзьяхъ, горячей варточной игръ, доброй выпивкъ, шутвахъ и връпкихъ словцахъ.

Жена его, маленькая, блёдная женщина, усёлась на стуль возлё бёлой кафельной печки и осматривала издали парадныя, по праздничному убранныя, комнаты. Она ждала пятаго ребенка и очень устала оть хозяйственных хлопоть.

Трое старшихъ ея сыновей, уже собиравшіеся скоро конфирмоваться, длинные, нескладные мальчики, съ маленькими гордо посаженными головами и очень свётлыми волосами, стояли возл'є карточнаго стола.

Они взяли лежавшую на стол'в володу варть, спорили громво о томъ, какъ надо играть, употребляя иногда грубыя выраженія, вырывали карты изъ рукъ младшаго брата, Ганса, и называли его глупымъ мальчишкой.

Дверь отворилась, и маленькій трехлітній Юргенъ подбіжаль къ матери.

- Мама, ъдутъ! Уже повозви видны.
- — Мама, свазалъ Гансъ, желавшій выместить на вомънибудь свою обиду: — Гёрнъ совсёмъ на насъ не похожъ. Весь въ тебя, и лицо такое же длинное, и глаза внизъ.

Мать погладила ребенка по жесткимъ свётлымъ волосамъ и проговорила:

— Онъ и такъ для меня хорошъ.

Мальчикъ положилъ руки въ ней на колфии и сказалъ:

— Послушай, мама, — Гиннеркъ говорить, что у меня скоро будеть малюсенькій братецъ или сестрица. Я хочу сестрицу. А когда она придеть? Какъ только придеть, ты сейчась же миъ скажи.

Двое старшихъ продолжали играть, подталкивали другъ друга и смёнлись.

- Послушай, мама, свазаль Гансъ: рабочій говорить, что сегодня ночью лошади что-то очень безпокойны были. Онъдаже всталь и пошель въ конюшню посмотрёть, что такое, а онъ стоять, поднявъ головы, а въ углу что-то звенить, точно кто-нибудь цъпь по землъ волочить. Ну, конечно, глупая Витенъ объявила: "Это не спроста". Что бы это могло значить въ самомъ дълъ?
- Ужъ конечно что-нибудь да значить! сказалъ Гиннеркъ и засмъялся. Навърное, въ конюшнъ явится новый жеребенокъ, и остальнымъ овса-то поубавится. Понялъ? Вотъ что это вначитъ.

Они быстро взглянули на мать и вышли, толкая другь друга и стараясь удержаться отъ смъха.

Она осталась вдвоемъ съ маленькимъ Юргеномъ, усѣвшимся рядомъ съ нею.

— Нехорошо, — тихо проговорила она, — если это случается, когда дъти уже велики и все понимають. Они такіе же грубые, какъ отецъ, и такъ же грубо говорять. Не хотятъ пощадитъ даже и неродившагося еще ребенка.

Она оглядъла нарядную комнату, снова почувствовала себя совершенно чужою среди всего этого великольпія, въ этомъ большомъ шумномъ домѣ, и душа ея упорхнула прочь, перелетъла черезъ молоденькій лъсовъ и прилетъла въ старому дому среди торфяниковъ. Тамъ она чувствовала себя дома. Они жили вчетверомъ подъ длинной соломенной вровлей: отецъ, мать, братъ Тисъ и она.

Отецъ съ матерью были такіе удивительно смёшные люди. Они дурачились и шутили другъ съ другомъ до самой смерти, никогда грубаго слова другъ другу не сказали и жили, какъ пара ласточекъ весною. Оба они умерли, а братъ Тисъ жилъ одинъ колостякомъ, за лёсомъ въ Гезе. У него было такое же малейъкое лицо, какъ у отца, и такой же ласковый и смёшной видъ. А она еще совсёмъ молоденькой дёвушкой переселилась на эту болотистую низину съ тучной почвой и стала женой Клауса Уля.

А вотъ сегодня ночью въ конюшит слышали, какъ цтвив звентали...

Стали подъёзжать повозви: три, четыре, одна за другой. Крёпкія датскія лошади то поднимали, то опускали головы, в каждый разъ, какъ онё ихъ поднимали, отъ нихъ шелъ паръ, в каждый разъ, какъ онё ихъ опускали, на нихъ ярко блестёла въ прозрачномъ воздухё серебряная сбруя. Это прівзжала родня Улей, собиравшанся ежегодно у старшаго въ родв на родственный праздникъ.

Клаусъ Уль, съ смѣющимся лицомъ, уже собирался выйти во воръ, встрѣчать подъвъжавшихъ гостей, какъ вдругъ со стороны деревни въ ворота въѣхала старомодная гремучая повозка.

— Ахъ! —произнесъ Уль: —это ты, туринъ?

Тисъ Тиссенъ остановиль лошадей и засмънлся.

— Моя упряжка не подъ стать твиъ, что подъвжаютъ!— сказаль онъ; — да я и самъ имъ не подъ стать. Я, впрочемъ, сюро увду. Купилъ въ деревив пару телятъ, да и завхалъ взглянуть на сестру и маленькаго Ісрна.

Онъ соскочиль съ высокой повозки, осторожно отвель лошадей подъ нав'ясь и прошель къ сестр'я. Она сид'яла съ маленькить Іёрномъ въ задней комнат'я и очень обрадовалась брату.

— Поди-ка, сядь сюда къ намъ! — сказала она: — здёсь мы въ безопасности отъ этихъ Улей! — Она засмёнлась. — Какъ покнваютъ коровы? А вороного запрягалъ? Ну, разсказывай! Миѣ кажется, что ты привезъ съ собою весь Гезе!

Онъ сталь отвъчать ей и разсказывать, и у нихъ завязался тилій, мирный разговорь, а въ парадныхъ комнатахъ раздавался звовъ посуды, бъготня и громкіе голоса.

— Ну, пойду взгляну, что дёлается въ вухнё и конюшнё, — сказалъ онъ. — Витенъ дастъ мнё поёсть, а работникъ покажетъ телятъ и жеребятъ. Ты оставайся, а Гёрна я съ собой возьму.

Онъ взялъ ребенка за руку и вышелъ.

Въ дверяхъ вухни онъ столкнулся съ маленьвимъ плотнымъ мальчивомъ, ударившимся съ разбъга головой ему въ колъни.

- A въдь это Крей, свазалъ Тисъ. Это сейчасъ видно по широкой рыжей головъ.
- Это Фите Крей,—отвічаль Юргень;—онь всегда со мной играеть.
- Въ такомъ случав онъ долженъ и повсть съ нами, сказалъ Тисъ, и присвлъ въ кухонному столу, куда ему подали тарелку съ мясомъ. Двти свли по бокамъ его.
  - Это твой сынокъ, Трина Крей?—спросилъ Тисъ.

Работница повернула отъ очага свое разгоряченное лицо.

- Да, отвъчала она: это пятый. Всъхъ ихъ шесть у меня.
- Вполнъ достаточно, Трина, для рабочаго человъка, пробавляющагося зимой вязаньемъ метёлокъ и въниковъ.
- Да, проговорила женщина: еще спасибо твоей сестръ, Тисъ Тиссенъ, она не оставляеть насъ. А онъ у меня служить

будеть, —прибавила она, вивнувъ головой на сына, —будеть работникомъ, какъ отецъ, а по зимамъ будеть вязать метлы.

- Какъ знать? -- сказала Витенъ.
- А! Вотъ и Витенъ заговорила! воскликнулъ Тисъ Тиссенъ. — Смотри, Витенъ, не ошибись! Пророчествуй хорошенько! У него такіе ясные глаза и навърное очень сильное воображеніе.

Витенъ Пеннъ бывала обывновенно сдержанна и молчалива, но съ Тиссеномъ изъ Геве она любила поболтать, потому что онъ обнаруживалъ во всему серьезный и живой интересъ.

— Удивительная вещь можеть случиться съ человевомъ, начала она задумчиво. — Однажды ушелъ одинъ изъ венторфскихъ Креевъ, сынъ одного рабочаго, изъ отцовскаго дома и попалъ въ подземнымъ людямъ, живущимъ подъ соснами въ Гезе. Ови нагрузили его всего золотомъ, вывели опять наверхъ, и онъ вернулся въ Венторфъ. Ему казалось, что все это случилось день тому назадъ, но люди сказали ему, что онъ находился въ отсутствін сорокъ літь. Ему пришлось имъ повірить, потому что, взглянувъ въ зервало, онъ увидалъ, что весь посъдълъ. Онъ и умеръ вскоръ вослъ того. Теодоръ Штормъ, увърявшій всегда, что все лучше знаеть, чемь я, сваваль мив тогда: "Этоть разсвазъ вотъ что значитъ: человъвъ ушелъ на чужбину и среди заботъ весь предался добыванію денегь, а одумался, пришель въ себя и нашелъ новой только вогда ужъ вся жизнь прошла". Но я такъ не думаю. Это просто исторія, случившаяся въ действительности.

Витенъ замолчала, прислушалась въ чему-то и быстро вышла изъ вухни. Черезъ минуту она вернулась, подошла въ Тринъ Крей и что-то шепнула ей. Тисъ Тиссенъ испуганно всвочилъ.

- Что такое? спросиль онъ. Витенъ, что случилось?
- Началось... проговорила она.

Тисъ посморълъ на нее широво раскрытыми глазами и бросился въ вонюшню.

Черезъ двѣ минуты онъ появился снова въ кухнѣ, но уже въ своемъ старомъ коричневатомъ пальто и лисьей шапкѣ съ наушниками, плотно надвинутой на лобъ.

- Ужъ вы объ хорошенью позаботьтесь о сестръ! быстро проговорилъ онъ.
  - Развъ ты не подождешь до конца, 'Тисъ?
- Нътъ, нътъ... кланяйтесь ей! Я ужъ заложелъ лошадей, я... я не могу этого видъть. Всего хорошаго! Всего хорошаго!

Онъ покачалъ головой, — неизвъстно, къ кому это относилось: къ его сестръ, къ нему самому или къ цълому свъту, — и быстро

вишелъ. Онъ слышали, какъ онъ прошелъ, топая своими тяжелин сапогами и спотыкаясь, черезъ темныя съни.

Хованнъ и гости напились и найлись и сидёли теперь за карточнымъ столомъ. Три старшихъ сына ховянна стояли за спивами играющихъ и заглядывали въ карты. Къ нимъ иногда бытосклонно обращались ва совётомъ; они кивали съ видомъ пониманія, присоединались въ общему смёху и подавали гостямъ пунпъ. Общество становилось все шумнёв; пошли разсказы, и къ игрё стали относиться легкомысленно. Со смёхомъ и бранью передвигали они по столу значительныя кучки серебряныхъ денегъ. Только очень немногіе были трезвы и сохраняли полное спокойствіе. Это были настоящіе игроки, не хотёвшіе воввращаться домой съ пустыми руками. Они сидёли по разнымъ столямъ, по одному, потому что другъ у друга не могли ничего выпрать. Двое изъ нихъ даже заглядывали въ чужія карты, и остальные всё знали это, но были слишкомъ добродушны и легкомысленны, чтобы возмущаться.

Серьезныхъ и спокойныхъ разговоровъ нивто не велъ. Говорить рѣчи предоставлялось вообще пастору и учителю. Одинъ Клаусъ Уль, побывавшій въ молодости въ гимназіи, любилъ иногда сказать пару вѣскихъ словъ. И теперь онъ всталъ и произнесъ маленькую рѣчь. Началъ съ того, что извинился передъ гостями за жену, которая по болѣзни не могла присутствовать на семейномъ праздникъ, и закончилъ слъдующими словами:

— Вы объ этомъ не печальтесь, а старайтесь каждый побольше выиграть, хотя, собственно говоря, по справедливости долженъ былъ бы выиграть я, хозяннъ дома. Вы у меня ёдите и шьете, и хлёбосольство мое вамъ извёстно, а вёдь я жду пятаго ребенка.

Гости отвидывались на спинви стульевъ, хохотали и вричали:

— Хватить съ тебя! У тебя земли довольно! Да и денегь не мало въ шкафу припрятано! Младшему сыну ты долженъ дать образованіе, да, Іёрну... пусть Іёрнъ будеть ландфогтомъ! Клаусъ Уль смёзяся и чокался съ гостями.

Августу, старшему сыну, пуншъ бросился въ голову, и онъ безсимсленно ухмылялся. Второй сынъ, Гиннервъ, тоже охмезъвній, побъжаль, вытащилъ изъ кроватки маленькаго Юргена и, держа его высоко на рукахъ, возгласилъ:

— Воть онъ, ландфогтъ!

Ему хотелось посмёнться надъ младшимъ братомъ и насмё-

шить гостей, но всё они шумно поднялись и единогласно заявили:

— Какой славный мальчуганъ!

Ребеновъ, неожиданно разбуженный, проводилъ рувой по маленькому заспанному лицу и съ изумленіемъ оглядывался. Коротво остриженные бёлокурые жествіе волосы стояли у него щеточкой вокругь лба.

— Когда-нибудь онъ будеть нашинъ ландфогтомъ! — закричали гости. — Да здравствуетъ ландфогть!

Третій сынъ, Гансъ, съ заспаннымъ, надутымъ лицомъ, вошелъ въ комнату со двора и, подойдя въ отцу, сказалъ:

— Ты бы пошель къ матери.

Уль не обратилъ вниманія на эти слова, и мальчивъ вышелъ лівнивой походкой и съ равнодушнымъ видомъ.

— Мои гости правы, — сказаль Клаусь Уль и оглядёль всёхь умными, смёющимися глазами. — Конечно, я могу купить дворы всёмъ своимъ сыновыямъ и сдёлать ихъ хозяевами; но я настолько-то знакомъ съ образованіемъ и достаточно нанюхался латыни, чтобы понимать, что знаніе—выше всего. Мы, крестьяне, имёемъ право ждать и требовать, чтобы нами управлялъ одинъ изъ нашихъ; а если мы можемъ этого требовать, то изъ какого же другого рода, какъ не изъ рода Улей, слёдовало бы выбрать ландрата!

Дверь снова отворилась. Снова появился Гансъ. Онъ остановился на порогѣ и произнесъ громко, такъ, чтобы его могля разслышать сквозь стоявшій въ комнатѣ шумъ:

- Отецъ! Мать говоритъ, что ты долженъ въ ней придти.
- Оставь меня въ покоѣ!.. Потомъ!.. Молодость у него будеть легкая, денегъ всегда вволю: онъ будеть уменъ и красивъ, иначе онъ не былъ бы моимъ сыномъ. Къ жизни онъ будетъ относиться такъ же легко, какъ я. Заботъ знать не будетъ. Ну-ка, чокнемся за ландфогта! Да здравствуетъ Іёриъ Уль!
  - Да здравствуеть ландфогтъ!
- Отецъ! Женщина, которая матери помогаетъ, говоритъ, чтобы мы приготовили повозку.

Эти слова, наконецъ, подъйствовали.

- Лотадей?.. Зачёмъ?..
- Развъ неблагополучно?
- Въ такомъ случай бросимъ карты. Ужъ двинадиатий часъ.
  - Идемъ, я ухожу.
  - И я также.

- Останьтесь!—сказаль Клаусь Уль:—это все бабы страхи.
- Нътъ ужъ... Нътъ, ужъ мы пойдемъ.

Они стали уходить. Нёкоторые продолжали разговаривать объ игрё и жалёли, что она была такъ неожиданно прервана.

- Я еще зайду въ трактиръ немного.
- Я тоже. Знаете что! Пойдемте всё пёшкомъ, а лошади пусть за нами ёдутъ.
- Мев жаль, сказаль Клаусь Уль, что и не могу пойти съ вами.
- Если ты съ нами пойдень, то мы навърное раньше утра домой не вернемся.
  - Пойдемъ! У тебя довольно въ домъ народу.

Только одинъ изъ гостей подошелъ къ нему, пожалъ ему руку и сказалъ:

 Нътъ, не ходи съ нами, а оставайся-ка лучше со своею женой.

Онъ пошелъ въ своей женъ, и увидалъ, что она чувствовала себя недурно, что явилась надежда, что можно будетъ обойтись безъ довтора, и опять вернулся въ съни и сталъ прислушиваться, высунувъ голову въ еще незапертую дверь.

Въ тишинъ ночи донесся до него чей-то громкій окривъ и чей-то смъющійся отвътъ. Еще разъ медленно прошелъ онъ въ глубину обширныхъ съней, и опять вернулся къ двери. Потомъ снялъ шапку съ гвозди. Какъ будто какой-то сильный человъкъ схватилъ его за плечо и потащилъ.

Онъ вышелъ изъ дверей и пошелъ догонять гостей. Верхняго платья онъ нивогда не надъвалъ, когда ходилъ пъшкомъ; въ немъ было столько жизненной силы и собственнаго жара, что въ тепломъ платьъ онъ не нуждался.

Вскор'в после втого Августь и Гинрикъ прошли въ людскую съ большой чашкою пунша. Они обыкновенно разыгрывали изъ себя господъ и вёчно бранились и ссорились съ прислугой и рабочими, но въ этотъ день они были великодушно настроены.

Старшій рабочій вошель въ кухню, тяжело опустился на стуль и выпиль стакань пунша, предложенный ему мальчиками. Вслёдь за нимъ появилась младшая работница, молодая, обыкновенно очень веселая девушка, но въ эту минуту лицо у нея было разстроенное, а глаза расширены отъ непобедимаго, женскаго стража.

— Правда, Дитрикъ, что вчера ночью лошади безпокоились и стучали въ конюшиъ?—спросила она.

Старшій работникъ утвердительно кивнуль головой.

- Я туть ни при чемъ, Юля,—отвъчаль онъ.—Я слышаль стукъ, а что это значить—не знаю.
- Съ Витенъ просто ничего не подължень, снова заговорила дъвушва: въ лицъ у нен ни вровинии, словно покойница, и все твердитъ, что ныньче ночью случится несчастье. Я не хочу вдъсь больше оставаться, ни единаго часа не выживу въ домъ, если что недоброе привлючится.

Она всею тяжестью опустилась на скамейку, придерживаясь за край стола, чтобы не упасть—такъ дрожали у нея колъни.

— Эхъ, ты! — произнесъ Гинрихъ: — брось ты эти разговоры! Будемъ теть, пить и веселиться, — завтра пожалуй помремъ.

И онъ протянулъ ей ставанъ пунша.

— Поворно благодаримъ!—сказала дъвушва:—не надо мнъ ни васъ, ни вашего пунша.

Августъ поднялъ отяжелъвшую голову.

- Не смъть разговаривать! я-хозяннъ!
- Не хозяинъ ты, а глупый мальчишка.
- Я-глупый мальчишка! Погоди же, ты мив за это за-

Но Юля, не обращая вниманія на эту угрозу, обратилась въ старшему работнику:

— Что тебъ Витенъ еще разсказывала, Дитрихъ? Она какіе-то огни видъла? Правда это?

Она смотрёла на работника испуганными, широво раскрытыми глазами. Онъ нахмурился. Къ Витенъ онъ былъ неравнодушенъ и хотёлъ на ней жениться, и ему было обидно, когда говорили, что у нея есть способность предчувствовать заранъе близкое несчастье.

- Что такое она видъла?—второй разъ спросила дъвушка, чувствуя, что ей сдълается еще страшнъе, но что ее все-таки такъ и тянетъ къ этому ужасу.
- Когда она, неделю тому назадъ, шла вечеромъ сюда изъ деревни, то увидала, что въ главной комнате—светъ. Только огни стояли не какъ обыкновенно, когда они въ карты играютъ, а гораздо выше, какъ ставятъ свечи вокругъ гроба, и светъ былъ красноватый. Она не решилась заглянуть въ комнату...

Внезапно отворилась дверь. Юля вскочила и вскрикнула. Много лътъ спустя, уже бывши матерью многочисленнаго семейства, она увъряла, что обязана своей постоянной болью въ спинъ именно Тринъ Крей, такъ неожиданно отворившей дверь и явившейся, какъ привидъніе, во время страшнаго разсказа.

できたいというできた。 からない からない ないのか できない はない 事でしてなる できない

- Дитрихъ, быстро заговорила Трипа, запрягай скоръй! Поъзжай за докторомъ!
- Убирайся ты отъ насъ!—вривнулъ Гинрихъ.—И ты, и твой мальчишка—долой съ нашего двора!—И онъ толвнулъ маленькаго Фите, спавшаго положивъ голову на столъ.
- За самой бъдной женщиной въ округъ больше присмотра, чъмъ за вашей матерью, —съ горечью произнесла Трина.

Старшій работник уже вышель изълюдской. За нимъ, дрожа, последовала Юля.

По всему дому началась бъготня. Въ вухнъ опять развели огонь. Въ обширныхъ съняхъ свътъ фонаря двигался то туда, то сюда, точно большая врасная птица, въ дикомъ страхъ ищущая выхода. Лошади въ конюшнъ безпокойно погромыхивали цъпями. Наконецъ, распахнулись большія ворота, и повозка помчалась въ снъжную ночь.

Больная безповойно двигала головой изъ стороны въ сторону, прислушивалась и спрашивала, не пришель ли мужъ.

— Чужіе люди должны мий помогать!.. Что, діти спять?.. Они приносили туда, въ вомнату, маленькаго Юргена?.. Говорили, что онъ долженъ сділаться ландфогтомъ?.. Онъ долженъ сділаться дільнымъ, трезвымъ человіжомъ. Не все ли равно—ландфогтъ или рабочій...

Трое старшихъ дътей явились у нея, какъ нежеланные подарви отъ мужа, и изъ нихъ вышли мальчики по его образцу. Потомъ прошло десять леть, и за это время она успела отойти отъ него и стать самостоятельнее. Мало-по-малу она перестала смотръть на жизнь и на весь міръ глазами своего мужа, этого большого человъка, говорившаго такъ громко и такъ грубо. Сначала неувъренно и медленно, но потомъ все яснъе развивалось въ ней сознаніе, что ен собственный внутренній міръ и міровозвржніе были гораздо прекраснье, яснье и чище, чемъ внутренній міръ и міровоззрівніе ся мужа. Четверо людей, жившихъ вогда-то за Гезе, въ мирномъ домв на торфянивъ, были счастанвы, чисты и мудры; а люди, жившіе въ Уль, всь сбились съ пути и погибали. Помъщать этому она не могла. Она дала слишкомъ усилиться человеку, котораго судьба поставила рядомъ съ нею, -- онъ забралъ слишкомъ много власти. Она уже не въ состоянія была измінить своих собственных троих дітей, перероспихъ ее на голову. Но и ей была оказана справедливость. Она родила еще разъ маленькаго, бъленькаго мальчика и могла тихо, счастливо и съ гордостью улыбаться, когда ея мужъ,

глядя на ребенка, говорилъ: "Этотъ не похожъ на первыхъ трехъ, этотъ— въ тебя, это—Тиссенъ".

И то, что должно было сегодня явиться на свёть, она отлично знала, это тоже быль Тиссенъ. Но Тиссенамъ тяжело бываеть жить на свётв. Они—слишкомъ вдумчивый народъ. И поэтому она позвала къ себъ Витенъ.

Дъвушка подошла въ ней совсъмъ близко.

— Витенъ, я долго буду болѣть, а можетъ быть, и не встану бельше. Еслибы ты осталась въ домѣ... Миѣ кажется, и для тебя будетъ лучше, если ты не выйдешь замужъ. О старшихъ не заботься, — тебѣ, все равно, съ ними не справиться. Ты только побереги миѣ маленькихъ. Скажи моему мужу, что я тебя просила объ этомъ, и чтобъ онъ позволилъ тебѣ распоряжаться младшими по твоему усмотрѣнію.

Витенъ ожидала всего на свътъ, только не такой просьбы. Ни единый человъкъ, да и она сама не знаетъ, съ какимъ могучимъ усиліемъ воли она такъ быстро и не колеблясь отказалась отъ всего своего будущаго личнаго счастъя.

— Я позабочусь о дётяхъ, — сказала она: — это такъ же вёрно, какъ то, что я здёсь стою. Ужъ вы можете на меня положиться, фрау Уль.

Она вернулась въ кухню и остановилась безмолвно и неподвижно у печки.

Свади въ ней подошелъ Дитрихъ и произнесъ свойственнымъ ему прямодушнымъ и немного грубоватымъ тономъ:

— Не стоять же теб'в всю ночь у огня. Пойдемъ въ людскую.

Но она покачала головой.

— Все равно, Дитрихъ, у насъ съ тобою ничего не выйдетъ, — оставь меня лучше и дай миъ идти моей дорогой.

Тогда онъ на цыпочкахъ, какъ и вошелъ, вышелъ изъ кухни и еще долго покачивалъ головой. Онъ скоро утъщился, но всю жизнь оставался холостякомъ.

У подъёзда застучаль экипажь. Докторъ прошель черезъ сёни, осмотрёль больную и приготовиль все необходимое. Еще разъ вышель онь въ кухню и спросиль, гдё мужъ.

— Въ трактиръ, — отвъчала Трина Крей, — въ карты играетъ. Мы ужъ два раза за нимъ посылали, да онъ все не идетъ.

Довторъ посмотрълъ на нее выразительно и произнесъ по адресу отсутствующаго нъсколько словъ; все это были названія низменныхъ животныхъ. Клауса Уля, этого большого, гордаго и въчно веселаго человъка, еще никто никогда такъ не называлъ. Потомъ довторъ написалъ записку и послалъ съ нею младшую работницу въ трактиръ, прибавивъ:

— Бъги живъе!

Навидывая на-скоро платокъ на плечи, Юля въ полутемныхъ свияхъ разобрала на записвъ слово: "операція".

Тогда она бросилась бъжать со всъхъ ногъ, дрожа и плача, и все оглядывалась назадъ, вавъ будто за нею гнались влые духи.

Къ утру все было кончено.

Рабочіе, молча, съ блёдными лицами возились возлё взмыленных лошадей. Витенъ Пеннъ стояла у печки, держась рувой за голову, смотрёла въ самое пламя и видёла только расплывающіяся огненныя пятна, потому что глаза ея были полны слезь. Юля сидёла на скамейкё у колодца, не шелохнувшись, боллась Витенъ и каждаго темнаго угла въ домё, а всего больше боллась маленькой, тихой покойницы.

Довторъ свазалъ Улю:

— Еслибы меня позвали часомъ раньше, то я, въроятно, могъ бы помочь. Почему меня не позвали раньше?

Тогда Клаусъ Уль засережеталь зубами и закричаль какъ звърь. Потомъ упалъ на полъ передъ кроватью жены и завопилъ:

— Мать! Мать!

Какъ женщина, она всегда мало для него значила, и въ этомъ словъ "матъ" выразился весь его страхъ за дътей.

Въ сосвдней вомнатв стояла Витенъ съ новорожденной на рукахъ.

- Маленькая, но кръпенькая дъвочка, сказала Трина Крей, — и сейчасъ видно, что лицомъ она — вылитая мать. Даже и волосики у нея такіе же темные.
- Она что-то не плачетъ, замѣтила Витенъ: ужъ не умерла ли?
- Дай-ка мив ее сюда! и Трина Крей ввяла дввочку, повертвла ее въ рукахъ и дала ей два или три шлепка ладонью.

Ребеновъ завричалъ.

— Положимъ ее въ мою постель? — свазала Витенъ. — Я протопила вомнату. Гернъ тамъ спить уже.

И въ самомъ дълъ, мальчивъ спокойно спалъ, свернувшись клубочвомъ, какъ ужъ. Лица почти не было видно,—виднълась только голова съ вихрами свътлыхъ волосъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ, одътий, Фите Крей. Онъ отодвинулъ немного одъяло и устроился очень уютно.

- Соня-то мой!—сказала Трина Крей:—это онъ, вначить, вивсь остался!
- Оставь его, пусть лежить! возразила Витенъ. Я ноложу дъвочку съ другого врая.

Такимъ образомъ, дъти проспали эту ночь въ одной постели, мальчики— рядомъ, а дъвочка—у нихъ въ ногахъ.

II.

Маленькаго, вихрастаго мальчика звали Юргеномъ, а маленькую дъвочку — Эльзабе. Такъ они были записаны пасторомъ въ метрической книгъ; но книги пишутся, обывновенно, на южно-германскомъ наръчіи, а простой народъ въ общежитін пользуется нижне-саксонскимъ, — и всъ привыкли звать мальчика - Гёрномъ, а дъвочку — Эльзбе, и подъ этими именами ихъ знають и до сихъ поръ.

Родительскій домъ представляется маленькому Іёрну Улю безконечно большимъ. Когда онъ стоитъ въ обширныхъ свняхъ или неуввренно переступаетъ въ полумравв амбара, то ему повсюду представляются зіяющія темныя пространства, и онъ не вврить, что они гдв-то кончаются. Въ свняхъ заключается для мальчика цвлый міръ.

Кругомъ двигаются взрослые люди. Они то входять, то выходять изъ дверей. Руки ихъ въчно заняты какой-нибудь странной работой, видъ у нихъ всегда самый серьезный. Они не кричать, не бъгають и не плачуть. Все это удивительно, и Гёрнъ ясно видить, что никто не похожъ на него самого, кромъ бълаго шпица, повсюду сопровождающаго мальчика въ этомъ огромномъ пространствъ. Этотъ шпицъ—совстви какъ онъ. Они витетъ вдять, витетъ спять и даже, по субботамъ, вечеромъ, Витенъ ихъ тоже витетъ моетъ въ одной лоханкъ, погружая въ воду до самыхъ ушей.

Ръпительно, они оба совсъмъ другіе, чъмъ всъ остальные, и у нихъ все общее, и думаютъ они о лошадяхъ, о людяхъ и о коровахъ тоже одинаково. Они очень похожи другъ на друга.

Однажды имъ обоимъ представился великоленый случай повеселиться. На дворе жеребеновъ, возле своей матки, щипаль траву. Что кобылица принадлежала въ удивительнымъ, серьевнымъ и непонятнымъ существамъ, это было видно съ пер-

ваго взгляда, и въ жеребенеъ имъ сразу почувлось что-то родственное. Но вогда шпицъ подошелъ поближе въ жеребенку, то случилось что-то странное. Жеребеновъ вдругъ лягнулъ—и какъ еще лягнулъ! Мальчикъ и пяпицъ оба, съ воемъ, бросились въ амбаръ. Спритавшись ва дверью, они выглядывали оттуда и оба опасливо восились на жеребенка. Шпицъ при этомъ визжалъ, а Гёрнъ тоже издавалъ какіе-то звуки, очень похожіе на собачій визгъ.

Среди овружающихъ, у Іёрна не было человъка, способнаго объяснять ему различныя явленія. Витенъ была слишкомъ занята, а у другихъ не было никакой охоты заниматься мальчивомъ. И это, пожалуй, было даже въ лучшему.

Но, вотъ, случнлось событіе, неожиданнымъ образомъ повліявшее на отношенія Іёрна въ шпицу.

До этого знаменательнаго событія шпиць и мальчикь им'вли обывновеніе по ніскольку разь въ день заб'єгать въ заднюю комнату, гдів помінцалась маленькая дівочка. Дівочка лежала въ люльків или же сиділа на стулів. Мальчикъ и шпиць ходили вокругь нея, съ любопытствомъ разглядивали дівочку и опять уб'єгали, уже нисколько не заботясь о ея дальнівшемъ существованіи. Но въ одинъ прекрасний літній день, когда мальчикъ со шпицемъ возвращались изъ ліса, маленькая дівочка стояла уже на дворів, у кухонныхъ дверей, и смотріла большими боязнівыми глазами на окружающее. Никогда еще въ жизни Ібрнъ и шпиць не были поражены до такой степени. Вотъ удивительная-то вещь! Они взяли маленькое существо въ середину между собой и отправились всів вмістів на дорогу, изрытую колеями, наполненными чудесной глинистой водой. Тамъ они втроемъ стали копать канавки и строить плотины.

Съ этого дня шпицъ уже потерялъ свое значеніе. Іёрнъ цівлими днями игралъ съ маленькой дівочкой, и шпицъ изъ товарища обратился въ игрушку.

Маленьная дёвочка знакомилась съ окружающимъ быстрёе мальчика. Мальчикъ имёлъ руководителемъ шпица, и этотъ руководитель въ нёкоторыхъ случаяхъ оказывался довольно ненадежнымъ и несвёдущимъ; маленькая же дёвочка имёла руководителемъ брата. Онъ зналъ и умёлъ рёшительно все. Онъ водиль ее по всему дому, въ пекарию, и въ амбаръ, и на дорожку къ лёсу, гдё бёгали телята.

— Послушай, — свазала вакъ-то разъ дъвочка брату: — не знаешь ли ты, почему это у насъ нътъ мамы? Въдь у всъхъ

Томъ І.—Япварь, 1903.

дётей есть мамы, — у всёхъ, вромё насъ... Сважи-ва мнё, Іёрнъ, что дёлають мамы?

- Какъ это—"что делають"?
- Ну, да. Что делають оне со своими детьми?
- Да такъ, что придется... Ну, вотъ, напримъръ, возъметъ это мать ребенка на руки и укачиваетъ его, ласкаетъ и говоритъ:—"Ахъ, ты мой маленькій! Ахъ, ты мой глупенькій!"— И еще что-нибудь въ родъ этого. Еще вчера и видълъ такую маму, когда относилъ въ починку сапоги Геннерка.
  - Мамы нивогда не должны умирать, проговорила Эльзбе.
- Онъ и не умирають обывновенно. Это случается только тогда, когда за неми не досмотрять.
  - Кто же не досмотрълъ за нашей?
- Отецъ не досмотрѣлъ! Ну, и другіе тоже не досмотрѣль. Въ домъ тогда было много людей, но всъ они ъли и думали только объ одной ъдъ.
  - И отецъ тоже?
  - Да.
  - Ты все это навёрное знаешь?
  - Да, навърное. Мнъ свазалъ Фите Крей.

Эльзбе топнула ногой. Она была такъ взволнована, что съ трудомъ выговаривала слова.

- Зн... знаешь ты это навърное? Совсъмъ навърное? Ну, воть такъ же върно, какъ то, что я здёсь стою?
  - Да, знаю.
  - Но отчего же они за ней не досмотрѣли?

. Іёрнъ спрыгнуль съ вочки, на воторой стояль, и проговориль громко, но отвернувшись:

— Потому что всв они были тогда пьяны.

Они оба не совстви ясно понимали, что значить "быть пьянымъ", но, чувствуя инстинетивно, что за этимъ словомъ серывается что-то ужасное, не решились продолжать разговоръ.

- А знаешь что, началь, помодчавь, Іёрнь, знаешь что? Сегодня вечеромь, когда Витень придеть къ намъ въ комнату, мы оба въ одинъ голосъ скажемъ ей: "мама Пеннъ"!
- Отлично!.. А вогда придеть Фите Крей, мы скажемь: "папа Крей"!

И оба, весело разсмъявшись, пустились по дорожит въ лъсу.

Они подростали, и теперь по вечерамъ для нихъ начиналась новая жизнь. Послъ ужина ихъ уже не укладывали сразу спать, а они еще часа два сидъли въ комнатъ Витенъ. Обывновенно, съ одной стороны четыреугольнаго стола сиділа сама Витенъ, съ двухъ другихъ—помѣщались дѣти, а четвертая сторона предназначалась для Фите Крея. Но иногда его мѣсто долго оставалось пустымъ. Это бывало въ тѣ дни, вогда Фите ходилъ продавать вѣники, метлы и скребницы. Зиной онъ возвращался изъ этихъ странствованій сильно продрогшихъ, а лѣтомъ—очень усталымъ, но самъ мало обращалъ на это вниманія.

Обывновенно, Витенъ сидвла за столомъ передъ целымъ ворохомъ чулокъ и бёлья для штопви. По середине стола стояла мампа. На мёсте Фите Крей лежалъ большой ломоть хлёба съ кускомъ сала. Фите Крей съ жадностью набрасывался на ёду. Гернъ Уль запомнилъ на цёлую жизнь, съ какой стремительностью худыя, озябшія и не всегда чистыя руки мальчика хватались за приготовленный для него кусокъ.

Иногда дверь неожиданно отворялась, и въ комнату входилъ одинъ изъ старшихъ братьевъ.

- Фите, иди играть въ карты. Намъ не хватаетъ четвертаго.
- Нътъ, нътъ! начинали тогда вричать въ одинъ голосъ вернъ и Эльябе, и оба връпко держали Фите, чтобы онъ не ушелъ отъ нихъ.

Тогда Гансъ, подойдя въ столу, произносилъ угрожающимъ тономъ:—Если ты не пойдешь, я скажу отцу, что каждый вечеръ ты наёдаешься здёсь до отвала. Твое мёсто—въ людской!

- Убирайся-ка вонъ! раздавался тогда голосъ Витенъ. И строго глядя черезъ очки на долговязаго, нескладнаго и глуноватаго малаго, она указывала ему на дверь.
- Здёсь я хозяйка! прибавляла она. И запомни хорошенько вотъ что: если ты еще разъ заглянешь къ намъ, я скажу отцу, гдё пропадалъ ты прошлую ночь.

Онъ смъялся въ отвъть на ея слова и съ бранью уходилъ жет комнаты. Послъ его ухода, никто уже не нарушалъ ихъ ширнаго настроенія.

- А вотъ теперь Фите долженъ разсказать намъ все, что съ нимъ случилось, —говорилъ Іернъ.
- Нътъ, съ важностью возражала дъвочка: первая будетъ разскавывать Витенъ, потомъ я, а потомъ уже Фите.
  - Ну, пускай будеть такъ.

Витенъ рылась въ лоскуткахъ и клубкахъ, отрывала нитку, вдъвала ее въ иголку и принималась штопать дыру на чулкъ, разсказывая при этомъ какую-нибудь исторію. Чаще всего главнымъ дъйствующимъ лицомъ въ ен разсказахъ являлся чортъ. Фите Крей и маленькая Эльзбе сидъли тихо и неподвижно, и глаза ихъ ни на минуту не отрывались отъ Витенъ. Іёркъслушалъ довольно разсъянно. Онъ старался изо всъхъ силъ поставить одинъ на другой два влубва шерсти, и вздохнулъ громво съ видимымъ облегченіемъ, когда наконецъ ему удалось это сдълать.

- А вотъ вого бы мив очень хотвлось посмотрвть—это подземныхъ духовъ, —часто говорилъ Фите Крей. Они такіе добрые и ласковые, и благодаря имъ не мало людей сдвлались богачами. Удивительно, что до сихъ поръ мив ни разу еще не пришлось видеть ни одного такого духа. И сколько разъ я ходилъ совсёмъ одинъ и въ лесу, и по большой дороге, а ведьникогда не видалъ ни единаго.
  - Они живутъ въ горъ, отвъчала ему Эльзбе.
  - Я этому не върю, -- вставляль Іёрнъ.
  - Ты въдь ничему не въришь, --- замъчала Витенъ.
- Вотъ, кавъ-то разъ было очень жарко, —принимался разсказывать Фите Крей, —я и поставиль собавъ съ повозкой вътънь у самой горы, тамъ, гдъ дорога поворачиваетъ въ болоту, ну а самъ пошелъ въ лъсъ и прилегъ подъ оръшникомъ на сухихъ листьяхъ. Прилегъ это я, да и заснулъ, а проснулся потому, что въ листьяхъ что-то зашуршало. Открылъ я глаза в увидълъ трехъ или четырехъ человъчковъ, ростомъ немногимъ побольше бълки. Всъ они сразу попрятались въ оръшникъ в потомъ кавъ будто крикнули мнъ оттуда: "Ахъ, ты, соня"! Вскочилъ это я, оглядълся кругомъ, перешарилъ всю листву и ничего ровно не нашелъ, ни золота, ни денегъ.

Витенъ задумчиво посмотрела на разсказчика. Разсказы Фите дъйствовали на нее обыкновенно удручающимъ образомъ. Мальчикъ былъ слишкомъ практиченъ, какъ и вообще всъ Креи.

Іёрнъ посмотрёлъ на Фите съ ясно выраженнымъ сомевніемъ: — Ну, вотъ что придумалъ! Это навёрное были бълки. Бълки и мыши. Онъ пищали, а ты подумалъ, что это говорятъ духифите презрительно покачалъ головой.

- Вотъ только бы узнать, гдв они живуть, --- сказаль онъ.
- Хозяйка въ Шенефельдъ, у которой я служила, когда была совсъмъ молодой,—начала Витенъ,—говорила, что они всъ до одного выселились отсюда со всъми своими пожитками, съ женами и дътьми.
- Вотъ какъ! отозвался Фите. Но куда же это они выселились?
  - Вотъ вуда именно -- объ этомъ я ничего не знаю. Ду-

мается мив, что они ушли вуда нибудь въ болотамъ, а быть можетъ, даже перебрались и черезъ Эльбу. Вотъ Теодоръ Штормъ увърялъ, что они ушли въ болотамъ.

- Теодоръ Штормъ? Кто же это?
- Кто это? Да самъ онъ называлъ себя студентомъ. Онъ частенько-таки заглядываль въ Шенефельдъ. Онъ, да еще какойто Мюлленгофъ. Они оба любили бродить по деревнямъ и слушать разныя старыя исторіи. Моя хозяйка знала очень много такихъ исторій, но почему-то не хотёла ихъ разсказывать, и они приставали ко мнв. Каждый разъ вечеромъ, когда я шла въ хлъвъ доить коровъ, они уже поджидали меня тамъ. Я должна была имъ разсказывать, а они выпивали у меня чуть что не полведра молока.
  - И что же они говорили?
- Ужъ объ этомъ я тебъ много разъ разсвазывала. Имъ всегда вазалось, что все-то они знають лучше всъхъ. Каждую поговорку и каждую исторію Штормъ переворачиваль по-своему. Онъ говорилъ, что собирается писать про все это цълую книгу. И сколько разъ, бывало, я въ глаза называла его глупымъ малимъ и уходила отъ него съ моимъ ведромъ.
- Ну, а что же этотъ Штормъ еще говорилъ?—настойчио допрашивалъ Фите.
- Что онъ говорилъ? Видишь ли, правду говоря, я не обращала особеннаго вниманія на его слова, но моя хозяйва изъ Шенефельда разсказывала воть что. Однажды какъ-то ночью паромщикъ услыхалъ вакой-то крикъ. Онъ вскочилъ съ постели и вышелъ въ парому, чтобы посмотръть, вто это его воветь; но тамъ не было ни души, и онъ опять легь спать. Вдругъ въ его окно швырнули землей или пескомъ. Онъ опять всталь, опять вышель въ парому, н на этотъ разъ увидёлъ цёлую массу маленькихъ сёрыхъ человёчвовъ. И вотъ, одинъ изъ нихъ, съ длинной бородой, свазалъ ему, что они больше не могутъ выносить церковнаго благовъста и просять перевезти ихъ на другой берегь, гдв много болоть, но еще пътъ церквей. Паромщикъ отвязалъ паромъ, и вотъ, на этотъто паромъ одинъ за другимъ стали перебираться сврые человъчки, мужчины, женщины и дъти, со всъмъ ихъ домашнимъ скарбомъ, съ мъшками золота и серебра. Цълую ночь паромъ ходиль взадъ и впередъ, и каждый разъ онъ быль биткомъ набить маленькими человъчками. Когда же навонецъ были перевезены всё до одного и паромъ возвращался назадъ, то противоположный берегь сразу засверкаль множествомь огоньковь. Это сэрые человъчки засвътили свои фонарики и отправились съ

ними дальше на востовъ. Когда же на утро паромщивъ пришелъ въ парому, то весь берегъ оказался усвяннымъ золотыми монетами. Каждый изъ подземныхъ духовъ оставилъ паромщику плату за свой перевозъ.

- Ну, а гдв же теперь этотъ Шториъ? спросилъ Фите.
- А ужъ гдѣ онъ, я не знаю. Онъ говорилъ, что собирается въ ландфогты. Онъ—и вдругъ ландфогтъ! Я всегда была увърена, что изъ него ровно ничего не выйдетъ.
  - Значить, овъ и вниги не написаль?
- Онъ-то? Какъ же, написалъ! Лънтий онъ былъ отчаниный, вотъ что! И цълыми-то днями онъ валялся на лугу. Такъи лежалъ, съ мъста не трогался до того времени, пока я не шла доить воровъ. Все говорилъ, что лъсомъ любуется, что ужъочень красива первая зелень. Ужъ онъ-то навърное не написалъ книги, да и ландфогта изъ него тоже не вышло. Я въ этомъ вполив увърена.
- А Іёрнъ ничего не слушаеть,—проговорила маленькая Эльзбе и толкнула брата.—Да слушай же, Іёрнъ!
- Ты только взгляни!—отвътилъ Іёрнъ, указывая сестръна мостъ, устроенный имъ изъ трехъ паръ ножницъ и футляра отъ очковъ Витенъ.—Ты только взгляни!
- Ну, а что же говорилъ Штормъ о "Золотомъ родникъ" н его сокровищахъ? Говорилъ онъ то же, что и ты, или чтонибудь другое?
- Вижу я, сказала Витенъ, пристально взглянувъ на Фите Крея, что ты въришь Шторму больше, чъмъ миъ. Тебъ постоянно нужно что-нибудь новое... Ты спрашиваешь о сокровищахъ? О нихъ я услышала въ первый разъ, какъ прівхала-уже сюда и познакомилась со Штормомъ.

Фите Крей, подпершись рукой, прямо смотрёль въ лицо Витенъ. Въ его круглыхъ дётскихъ глазахъ, смёло и почти дервкосмотрёвшихъ на Божій міръ, появилось вдругъ совершенно несвойственное имъ выраженіе пытливаго раздумья. Сокровище
было спрятано въ котловинъ у песчанаго откоса, недалеко отъ
деревни. Онъ въ этомъ не сомнъвался, но ревниво оберегалъ
свою тайну отъ всёхъ окружающихъ.

- Разскажи еще что-нибудь, Витенъ! попросилъ онъ.
- А будешь ли ты върить мив больше, чъмъ долговявому болтуну?—спросила Витенъ.
- Буду върить тебъ!---отвътилъ Фите Rpeй и стукнулъ кулакомъ по столу.

И опять Витенъ начинала свои безконечные разсказы о ду-

—- Ну, однаво, на сегодняшній день довольно. Вамъ, дѣти, давно уже пора спать, —вдругь неожиданно обрывала разсвазъ Витенъ.

Іёриъ и Эльзбе послушно отправлялись въ уголъ, гдѣ стояла кровать, и начинали раздѣваться. Фите помогалъ дѣтямъ развязывать тесемки, стягивать чулки и пользовался случаемъ, чтобы разсказать имъ всѣ свои дневныя приключенія. Уложивъ дѣтей, Витенъ и сама легла спать.

Около полуночи или даже позднѣе возвращался домой отецъ со старшими сыновьями. Въ это время дѣти уже давно спали мирнымъ сномъ.

III.

Каждый разъ вавъ учитель Петерсъ обозрѣвалъ съ высоты своей каоедры ввѣренныхъ его попеченію дѣтей Маріендонна, ему становилось ясно, что населеніе мѣстечка принадлежить въ двумъ совершенно разнымъ породамъ людей. Дѣтей въ школѣ было около сотни, и они сидѣли на скамейкахъ, поставленныхъ въ два ряда: мальчики—на правой сторонѣ, а дѣвочки— на лѣвой. Соломенная врыша, точно утомденныя, отяжелѣвінія вѣки, инзко свѣшивалась надъ самыми окошками и мѣшала дневному свѣту свободно проходить въ комнату. Но и въ полусумракѣ среди остальныхъ дѣтей рѣзко выдѣлялись вруглыя рыжія головы съ такими огненными волосами и такимъ количествомъ веснушевъ на лицахъ, что, казалось, онѣ сами испускали изъ себя лучи. Это были Креи и ихъ многочисленная родня.

Среди этихъ красныхъ круглыхъ дётскихъ головъ выдёляются и другія, болёе тонкія лица, съ благородными чертами, спокойными, честными, гордыми главами и волосами цвёта спёлой ржи. Этихъ дётей въ школё значительно меньше, чёмъ Креевъ. Это Ули съ ихъ родственниками.

Фите Крей очень рѣдко ходилъ въ школу. У его отца, Яспера Крея, всегда были подъ рукой готовыя объясненія и извиненія неаккуратности сына: то говорилъ онъ, что Фите ему необходить, то объявлялъ, что у мальчика нѣтъ сапогъ. Кончалось тѣмъ, что Фите попадалъ въ школу только въ тѣ дни, когда Витенъ рано утромъ, еще до разсвѣта, прибѣгала въ домъ Крея и говорила:

— Выпало столько снъгу, что я не могу отпустить дътей однихъ. Сегодня ихъ долженъ проводить Фите.

При этихъ словахъ Фите моментально вскавивалъ съ постели и, накинувъ на плечи заплатанную куртку, принимался съ необывновеннымъ усердіемъ и неистовымъ топаньемъ натягивать на ноги огромные сапоги. Старикъ же въ это время ворчалъ себъ полъ носъ:

- Ужъ сегодня-то я никакъ не могу отпустить малаго...
- Не можеть?—ядовито переспративала Витенъ. Вотъ какъ разъ сегодня онъ тебъ и нуженъ? Что же, получай въ такомъ случай за него выкупъ.

Съ этими словами она клала на столъ уже заранве приготовленные три гроша. Изъ этихъ денегъ отецъ отсчитывалъ для себя два гроша, одинъ грошъ отдавалъ сыну, и послв этого уже Витенъ шла съ мальчикомъ къ Улямъ.

Ученье давалось довольно туго Фите Крею. Свёдёнія, пріобрётаемыя имъ во время его торговыхъ странствованій, носили опредёленную практическую окраску и пложо согласовались съ отвлеченностями школьнаго ученья. По вечерамъ онъ поучался у Витенъ старинной народной мудрости. Въ этой народной мудрости учитель Петерсъ, человёкъ въ высшей степени практичный и даже сколотившій себ'в небольшой капиталецъ, не понималъ ровно ничего.

Дети занимались. Старшіе что-то писали на своихъ восо положенныхъ грифельныхъ доскахъ. По временамъ они слегка ими постукивали и что-то шептали, но потомъ опять принимались писать.

— Третье отдёленіе! Мы будемъ составлять предложенія. Кто скажеть мав первое предложеніе?

Одинъ изъ маленькихъ Креевъ стремительно поднялся съ евоего мъста и произнесъ:

— Мы имфемъ ворову.

Всъ дъти въ одинъ голосъ громво, внятио и, отчеванивая каждый слогъ, повторили сказанную фразу. Тъ, у кого не было коровъ, произносили фразу въ отрицательновъ смыслъ.

Іёрнъ Уль уже давно замётиль, что ему приходилось говорить: "мы имёемъ", и никогда— "не имёемъ". Когда сынъ Петера Вика, тоже одного изъ Улей, составиль предложение: "Ми не имѣемъ жеребенка", и всё до одного въ школё повторили эту фразу безъ измѣненія, — только одинъ единственный Іёрвъ Уль сказалъ громко и внятно на цёлый классъ:

— Мы имбемъ жеребенва... и теленва.

Маленьвая дъвочка Лоренца Крея, отца многочисленнаго семейства, сейчасъ же вслъдъ за этимъ предложила фразу: "Мы не имъемъ муки въ кадкъ".

Тогда учитель Петерсъ нашелъ, что пора дать другое направление дътской мысли, и предложилъ слъдующій вопросъ:

— Изъ священной исторіи мы знаемъ о цар'в Давид'в. Кавъ зовуть нашего вороля, д'вти?

Тогда со скамейки медленно приподнялся флегматичный маленькій Крей, одинъ изъ сыновей Лоренца Крея, и объявиль:

— Нашего короля вовуть Клаусь Уль.

Старшіе засивнянсь, а маленькіе были озадачены, но, въ общемъ, некто не имвиъ ровно ничего и противъ этого новаго предложенія, и всв въ одинъ голосъ повторили сказанную фразу.

Учитель Петерсъ собирался продолжать урокъ, но вдругъ дъти закричали:

— Смотрите, ландфогтъ всталъ съ своего мъста!

И дъйствительно, Іёрнъ Уль стояль, выпрямившись, съ гитв-

- Что тебь нужно, Юргенъ?
- Мой отецъ совсвиъ не вороль!
- Тебв лучше это внать, ответиль ему учитель.

Когда ученье кончилось и дёти вышли изъ класса, учитель Петерсъ замётилъ, что на одной изъ скамеекъ осталась черноволосая маленькая дёвочка. Это была Эльзбе Уль. Дёвочка уроных голову на столъ и горько рыдала. Старикъ подошелъ къ ней и спросилъ:

- О чемъ ты плачешь, Эльзбе?
- Мой отецъ все-таки вороль, съ усиліемъ проговорила дівочка. И когда учитель Петерсъ, улыбнувшись, отвернулся отъ нея, то увидълъ Герна Уля. Лицо мальчика выражало гиввъ и горечь.
- Почему же ты сказаль, что твой отець не король?— спросиль учитель, проводя рукой по свётлымъ вихрамъ мальчика.
- A потому, что иногда бываеть такъ, что онъ едва держится на ногахъ.
- Что такое ты говоришь? Какъ это "едва держится на ногахъ"?
  - Ну, да, это когда онъ бываетъ пьянъ.

Старикъ закусилъ губы и съ состраданіемъ посмотрълъ на

— Такъ! Вотъ почему онъ не король. Только, видишь ли

что: ты не долженъ говорить объ этомъ другимъ дѣтямъ, — самъ же старайся быть всегда прилежнымъ и не пей вина.

Годовой дітскій праздникъ быль большимъ праздникомъ въ Маріендоннів, и праздновали его даже боліве торжественно, чімь Рождество.

Фите Крей просиль Анну Зеемань быть его дамой вы торжественной процессіи, но Трина Бистерфельдь изъ Сюдердонна узнала, что отець купиль Фите Крею въ празднику новое платье, и захотъла имъть его своимъ кавалеромъ. Съ этою цълью она предложила ему три гроша, подъ условіемъ, чтобы онъ отвазаль Аннъ. Фите Крей согласился на это, выговоривъ еще себъ въ придачу отъ Трины прекрасный перочинный ножъ и голубой шарфъ для праздника.

Когда же Фите Крей устроиль такъ блестище свои собственныя дёла, то, по свойственной ему привычкё совать нось повсюду, онъ захотёль пристроить надлежащимъ образомъ и своего ближайшаго сосёда и друга, Гёрна Уля. Но здёсь его постигла неудача. Маленькой толстой Дорё Дикъ онъ пообёщаль "хорошенькаго" Юргена Уля подъ условіемъ, если она согласна заплатить ему нёсколько грошей, когда дёло окончательно сладится. Но дёвочка отказалась. Она предпочитала купить лимонаду и совсёмъ не хотёла тратиться на поиски жениховъ.

Юргенъ Уль отвътилъ на предложение Фите Крея полнъйшимъ отвазомъ. Онъ объявилъ ему, что достанетъ себъ даму самъ.

Три вечера подъ рядъ простоялъ онъ подъ черепичной врышей швольнаго дома. Шелъ дождь, а онъ стоялъ и поджидалъ, не выйдетъ ли маленькая Лизбета Юнкеръ, внучка учителя Петерса. Онъ хотълъ предложить ей быть его дамой.

На третій вечеръ онъ наконецъ дождался ея. Дъвочка стрълой промчалась мимо него въ лавочку. Онъ видълъ, какъ развъвались ея льняные волосы, а изъ-подъ короткой юбки мелькнули голубыя подвязки. Возвращаясь назадъ, она уже издали узнала его и врикнула:

- Что это ты стоишь подъ дождемъ, Юргенъ?
- Я жду тебя. Мев нужно тебя вое о чемъ спросить, ответиль мальчивъ.

Однимъ прыжкомъ она очутилась рядомъ съ нимъ и, прижавшись къ нему, чтобы не вымокнуть на дождё, ждала, что онъ ей скажеть. Какой-то человёкъ ёхаль по улицё. Онъ за-

держалъ лошадь и шагомъ провхалъ мимо, чтобы подольше полюбоваться на двтей.

- Ну, о чемъ же ты котълъ меня спросить?
- Да, воть, все о праздникъ. Въдь это ужъ скоро. Правда?
- Ну, конечно, скоро.
- Вотъ и хорошо... И въдь миъ въ этому дию нужно выбрать какую-нибудь дъвочку, а вотъ я не знаю—какую. Положимъ, это все равно, какую ни выбрать. Ты какъ думаешь?
- Такъ вотъ ты о чемъ котълъ спросить меня! Что тебъ посовътовать—я совсъмъ не знаю. Въдь ты такой большой... Знаешь что: возьми Трину Симъ, или нътъ, вотъ что: возьми лучше Юлю Уль! Или возьми... Нътъ, эта слишкомъ ужъ мала для тебя.
- А ты все-таки скажи. Если даже она такая маленькая, какъ ты, все равно скажи. Ты о комъ думаешь?
- Ну, ужъ я не внаю! сказала девочва, и съ этими словами такъ отскочила отъ него, что попала подъ самый дождь. Затемъ, бросивъ беглый вопросительный взглядъ, она бегомъ пустилась домой.

Такъ въ этотъ разъ они ни до чего и не договорились, а потомъ Іёрнъ думалъ, что Лизбету уже выбралъ кто-нибудь другой, и у него не хватало мужества заговорить съ ней по этому поводу. За нъсколько дней до праздника, въ одну изъ рекреацій учитель Петерсъ обратился къ маленькому, застънчивому Дирку Диркзену со словами:

— Я хочу, чтобы Лизбета участвовала въ процессіи. Она пойдетъ съ тобой въ паръ.

Диркъ Дирзенъ получилъ нъсколько основательныхъ тумаковъ отъ Іёрна Уля, но поправить дъло уже было нельяя.

Такимъ образомъ Іёрнъ остался безъ пары, и ему пришлось идти рядомъ съ маленькой веснущатой Крей, которую никто не захотълъ взять. Отецъ, сопровождавшій процессію, насмішливо посматривалъ на сына, а старшіе братья злились на него. Іёрнъ шелъ молча, съ гордымъ выраженіемъ на лиці и съ плотно сжатыми губами.

Весело сіяло л'єтнее солнце. Его лучи проникали свюзь густую листву старых в лигь и дрожащими бликами разсыпались по улиців и по распущенным волосам д'євочек и липовый цв'єть осыпался на торжественную процессію.

Лизбета Юнкеръ шла впереди Юргена Уля. Иногда она оглядывалась на него и улыбалась, а онъ тогда говорилъ ей:

— Сколько липоваго цвета запуталось въ твоихъ волосахъ!

Эльзбе Уль шла впереди Фите Крея, рядомъ съ рослымъ весельчакомъ Гарро Гейнзеномъ, тоже однимъ изъ Улей. Эльзбе сіяла отъ счастья. Правда, сама она казалась черезчуръ маленькой, черезчуръ толстой, черезчуръ угловатой и черезчуръ шумной, но это не приходило ей въ голову. Съ ней въ паръ шелъ взрослый, четырнадцатильтній мальчикъ, и онъ старался занимать свою даму умными разговорами.

Процессія прошла по всей деревнів и дошла до самой нивины, как разь до того міста, гді ростуть дві крінкія молодын липы. Впереди всіх шли барабанщик и трубачь, и сбоку—высокій, худой и важный—выступаль школьный учитель Петерсь. По одному краю дороги, подъ самыми липами шли Ули съ раскраснівшимися и жизнерадостными лицами, а по другому краю шли Креи, и всі одинавово любовались и гордились своими дітьми. Процессія направилась къ трактиру.

Первыми вошли туда дъти, за ними Ули, а потомъ уже Креи.

Старыя стъны дрожали отъ неистоваго топота, во всъхъ углахъ слышался трескъ и валилась штукатурка.

- Послушай, Юргенъ, я боюсь, что это все обрушится, сказала Лизбета Юнверъ, перебъжавъ къ мальчику черезъ всю танцовальную залу.
- Ну, вотъ еще что придумала! Давай-ка лучте танцовать. И они танцовали, ничего не видя и не слыша вокругъ себя. Наконецъ имъ стало такъ жарко, что они принуждены были остановиться.
- Нътъ, какъ мнъ жарко! сказала дъвочка, обмахиваясь носовымъ платкомъ и поводя плечами. И она громко разсмъялась.
- Пойдемъ, я куплю тебъ чего-нибудь выпить, —предложилъ Іёрнъ.

И они, взявшись за руки, пробрались черезъ толпу въ столику, гдв продавался лимонадъ. Они купили себв стаканъ питья и роспили его вдвоемъ. При этомъ она сунула ему въ руку нъсколько имбирныхъ леденцовъ. Они грызли леденцы и все время вытирали разгоряченныя лица носовыми платками. Ихъ руки стали липкими.

- Ну, это не годится,—сказала Лизбета;—ты такъ запачкаешь мое платье.
- И, послюнивъ платовъ, она вытерла пальцы сначала ему, потомъ себъ. Затъмъ, показавъ, какъ нужно держать платовъ, чтобы не прикасаться рукой въ платью во время танцевъ, она объявила:

— Теперь пойдемъ опять танцовать.

И они опять принялись танцовать и танцовали до поднаго изнеможенія. Она, наконець, такъ устала, что не могла сдёлать больше ни шага, и, тяжело дыша, прислонилась къ мальчику.

Довольный и счастливый, смотрёль онъ на свою даму сповойными, умными глазами.

- Тебъ нравится танцовать со мной? вдругъ спросиль онъ.
- Да, отвётила она, и даже очень нравится. Вёдь ты самый лучшій и самый умный изъ всёхъ.

Онъ весь всимхнулъ. — И ты тоже всёхъ лучше! — проговориль онъ.

- Посмотри, сказала она, посмотри на Эльзбе! Ужъ очень она большая шалунья. Не нравится мит это.
- Вижу, отвътилъ онъ. Она съ Гарро Гейнзевомъ. И инъ тоже не особенно нравится, что она такая шалунья. Миъ, вотъ, нравится, что ты всегда такая спокойная и все у тебя въ порядкъ.

Дъти танцовали до тъхъ поръ, пока на смъну имъ не явилась молодежь. Около десяти часовъ, въ танцовальной залъ уже не оставалось почти ни одного мальчика и ни одной дъвочки. Лизбета упіла одна изъ первыхъ вмъстъ съ своимъ дъдушкой.

- Я хочу идти домой. Гдё же Эльзбе?—спросиль Іёрнъ Фите Крея.
- Ну, гдѣ же ей быть?—отвѣтилъ сердито Фите. Ужъ, навѣрное, она вуда-нибудь удрала съ Гарро Гейнзеномъ.

Они прошли черезъ кегельбанъ, вышли въ садъ и стали звать девочку; но никто не отзывался.

— Если ты не выйдешь сію минуту, то я разскажу всёмъ, что ты спряталась въ саду съ Гарро Гейнзеномъ,—не особенно громко, но очень отчетливо сказалъ Фите.

Тогда послышались чьи-то торопливые шаги, и передъ ними появилась Эльзбе.

- Ахъ, это вы!—небрежно произнесла она.—То-то миъ послышалось, что меня зовутъ.
- Да, это мы, и ты сейчасъ же пойдешь вивств съ нами домой.

Тогда изъ-за деревьевъ выступила угрожающая фигура Гарро Гейнвена.

— Ну, вы, тамъ, смотрите у меня!—грозно вривнулъ онъ.— А ты, Эльзбе, береги колечко!

И онъ направился назадъ, въ трактиру, а они втроемъ пошли домой.

- Онъ далъ тебѣ колечко?—спросилъ Фите Крей.—Покажика мнѣ его, голубушка. Что оно—серебряное?
  - А тебъ вавое дъло? гордо отозвалась дъвочва.
  - Покажи, Эльзбе!
  - Золотое оно! Воть что. Ну, что, посмотръль?
- Вотъ тавъ штука! Ну и волечко! А увърена ты, что оно изъ настоящаго золота? Я думаю, что оно все-таки не особенно дорого стоитъ, приблизительно—какихъ-нибудь пять грошей.
- Ну, ужъ нѣтъ. Горавдо дороже. Оно стоитъ цѣлыхъ десять марокъ.
- Ну, и осель же этоть малый! Слушай, подари-ка мив это колечко! Ну, что ты станешь съ нимъ двлать! Только подумай. Хочешь мвняться? Я дамъ тебв за него...

Но возмущенная дівочка быстро перебіжала на сторону Іёрна.

— Ничего не хочу!—отвътила она.—Какъ тебъ не стыдно, Фите! У тебя все одна торговля на умъ.

Начиная съ самаго полудня, все время пова дъти танцовали, взрослые Ули и Креи съ ихъ родственнивами, по старому обычаю, сидъли въ двухъ смежныхъ вомнатахъ, сообщавшихся между собою шировою дверью. Когда же дъти возвращались по домамъ, и пуншъ, выпитый Улями и въ изобили посылаемый ими въ сосъднюю вомнату, начиналъ оказывать свое дъйствіе, тогда одинъ изъ Креевъ, обыкновенно самый отважный между ними, взявъ свой стаканъ, отправлялся съ нимъ въ комнату рядомъ и садился между Улями.

Въ этомъ году этимъ смѣльчакомъ оказался Іогенъ Крей. Онъ явился съ лицомъ багроваго цвѣта, гордымъ взглядомъ смѣрилъ сидѣвшихъ Улей, ни слова не говоря, опустился рядомъ съ самимъ Клаусомъ Улемъ и со стукомъ поставилъ свой стаканъ на столъ.

— Мит захоттиось посидеть и здесь! - объявиль онъ.

Ули разсмънлись, и вто-то вривнулъ:

— Вотъ прилетъла и первая ворона!

И дъйствительно, всятать за первымъ Креемъ, явились и остальные, и вст они молча разстлись между Улями.

Только одинъ-единственный разъ въ цѣломъ году приходилось Улямъ и Креямъ сидѣть рядомъ. Въ этотъ знаменательный день они всѣ становились на "ты", называли другъ друга "дорогими сосъдушками", вмъстъ пъли старинныя пъсни и даже обнимались. Это продолжалось часа три или четыре.

Но, воть, одинъ изъ Креевъ начиналъ чувствовать неодолимую потребность свазать правду въ глаза одному изъ дорогихъ "сосъдушевъ". Желаніе это встръчало поливищее сочувствіе, въ нему быстро присоединялись остальные и выворачивали все раздраженіе, навопившееся у нихъ за цълый длинный годъ. И чего только не приходелось выслушивать Улямъ! Они слушали и дънались все больше и больше похожими на раздразненныхъ бывовъ. Но, въ вонцъ концовъ, терпънію ихъ наступалъ конецъ, и воть здъсь-то начиналась рукопашная.

На другой день, послё полудня, присмирёвшіе Креи, пристиженные и покорные, являлись просителями въ домъ тёхъ же Улей. Тотъ, кого отсылали, приходилъ еще разъ и еще разъ. И все потому, что положеніе Креевъ безъ помощи Улей было, по истинѣ, безвыходное. Они, рѣшительно, не знали, гҳѣ и кому сбывать всѣ свои метлы, вѣники, скребницы и щетки. Такимъ образомъ постепенно забывалась недавняя ссора, и все входило въ обычную колею.

IV.

Витенъ Пениъ крикнула громко черезъ весь дворъ:

— Дъти опять идуть нь Тису Тиссену!

Клаусь Уль, свиши въ повозку, чтобы вхать въ городъ, что онъ делаль ежедневно, засменися и сказаль:

- Пусть-себ'в б'вгають, куда хотять! Если имъ больше нравится на тощемъ торфяник, чвиъ на нашей тучной низин'в, то не удерживай ихъ, Витенъ!
- Подождите, дайте мив коть кайба-то вамъ собрать. Двти переступали съ ноги на ногу отъ нетерпвиія. Наконецъ явилась Витенъ съ кайбомъ.
- Фите, сказала она, подойди-ка сюда! И когда мальчикъ подощелъ, она проговорила тихо, поднявъ сжатую въ кулакъ руку: Смотри, не наври у меня чего-нибудь дѣтямъ! Потомъ засунула хлѣбъ въ карманъ Іёрну. Ты самый разумный, Іёрнъ. Какъ придете, такъ ты сейчасъ же скажи Тису, чтобы онъ не устроивалъ съ вами никакихъ глупостей и отослалъ бы васъ домой во-время.
- Ну, вотъ! произнесъ Фите. Навонецъ-то все готово! Онъ засунулъ два пальца въ ротъ и ръзко свистнулъ дъвочвать, уже спускавшимся съ пригорка. Одна изъ нихъ оберну-

лась и вивнула; это была Эльзбе Уль. А другая продолжала осторожно спускаться, стараясь не запачкать платья; это была Лизбета Юнверъ. Она ходила въ школу со всёми дётьми, но держалась немного въ сторонъ и говорила на верхне-германскомъ наръчіи. Фите Крей былъ недоволенъ, что она пошла съ ними.

— Ужъ слишкомъ она большая недотрога!—говорилъ онъ про нее:—чуть я скажу грубое слово, какъ она ужъ пищитъ: "Ахъ, Фите, что ты такое говоришъ"! Она все боится—то руки себв выпачкать, то платье разорвать.

Но Іёрнъ любилъ ее и хотълъ, чтобы она шла съ ними. Она была намного моложе Эльябе, и съ нею всегда что-нибудь случалось. Тогда она начинала вричать высовимъ, тонжимъ голоскомъ:—Іёрнъ, помоги миъ!—И за это именно онъ ее любилъ.

- Ну,—свазала Эльзбе, когда мальчики присоединились въ нимъ:—куда же теперь идти, Фите?
- A куда глаза глядять... вонъ, въ тому дереву.—И онъ указалъ на далекое дерево, темнъвшее на горизонтъ.

Они сами всегда были удивлены, что, проходя черезъ рощи и лъса, въ концъ концовъ, все-таки непремънно приходили къ Тису Тиссену, а не попадали къ людоъдамъ или въ одну изъ разбойничьихъ пещеръ, навърное еще существующихъ въ съверной части лъса. Фите равъ натоленулся на такую пещеру и увидалъ въ ней въдьму. Онъ такъ и окаменълъ на мъстъ, но, къ счастью, вспомнилъ заклинанье,—и это спасло его.

- Его надо три раза повторить, закончиль Фите свой разсказъ, и повторилъ его три раза. Заклинанье состояло изъ очень грубыхъ словъ.
- Aкъ, Фите!—воскликнула Лизбета:—что ты такое говоришь!

Фите только отмахнулся отъ нея рукой.

— Вѣдьма равсвирѣпѣла и бросилась за мною. Пойдемте, я покажу вамъ камни, которыми она въ меня кидала. Они еще тамъ лежатъ.

Но Лизбета не хотъла идти. Гернъ подошелъ въ ней и сталъ тащить ее за руку.

- Ну, чего ты распищалась, вакъ птичка-пищалка!
- Я тебя совсемъ не люблю, и хочу домой, -- объявила она.
- Мы скоро вернемся, постой здёсь.

Она усълась на низенькую насыпь; остальные же пошли

дальше и, въ самомъ дёлё, нашли кучу камней, полуприкрытую верескомъ и поблёднёвшую отъ солица, вётра и дождя.

- Однаво, Фите, сказалъ Іёрнъ, вакой же у нея, должно быть, здоровый кулачище, если она могла швырять эти камни!
- Да, съ доброе корыто! отвъчалъ Фите невозмутимо. Однако, бъжимъ!

И они бросились назадъ, въ тому мѣсту, гдѣ оставили Лизбету. Тамъ они улеглись всё рядомъ на насыпь, и Фите продолжалъ разсказывать о своихъ приключеніяхъ, и разсказы его были одинъфантастичные другого. Между прочимъ, онъ увёрялъ, что своими глазами видѣлъ, проходя поздно вечеромъ мимо большой Песочной-Ямы, таниственнаго пастора. Этотъ пасторъ шелъ съ дарами въ умирающему, но вдругъ увидѣлъ, что его домъ горитъ, а въ домѣ у него хранились очень дорогія рѣдкія книги. Онъ сначала не зналъ, что ему дѣлать, но, наконецъ, вернулся и спасъ книги, — а больной умеръ безъ причастія. Съ тѣхъ поръ пасторъ лишился сна и скоро самъ умеръ, и попалъ въ адъ, но черти не захотѣли его держать у себя и поставили его въ большую Песочную-Яму.

— Ну, довольно, однако, — сказаль Фите, докончивъ свой разсказъ; — пора намъ и идти, но только — куда мы пойдемъ?

Каждый разъ онъ заводиль ихъ въ лёсъ и, наравсказавъ имъ разныхъ ужасовъ, объявляль, что они заблудились. Дъвочки страшно трусили, и даже Гёрнъ чувствоваль себя не вполнё увъренно. Плотно прижавшись другъ въ другу, стали они пробираться между деревьями и кустами. Эльзбе держала Фите за руку и со страхомъ заглядывала ему въ глаза, а онъ озабоченно овирался по сторонамъ, точно боялся, что ихъ каждую иннуту можетъ вто-нибудь схватить. За ними шла Лизбета и то-и-дъло наступала имъ на пятки. Гёрнъ былъ склоненъ не довърять вполнё разсказамъ Фите, но не смёлъ возражать, такъ какъ Фите былъ гораздо опытнёе и краснорёчиве его. Однако, ему все-таки хотёлось показать свое презрительное отношеніе въ страшнымъ разсказамъ. Поэтому онъ демонстративно шелъ сзади всёхъ и только временами не могъ удержаться и оглядывался, когда ему ясно слышались сзади чьи то щаги.

Навонецъ, лъсъ сталъ ръдъть; Фите кривнулъ:

— Бъжимъ!

И они бросились бъжать, и бъжали до тъхъ поръ, пока не очутились возлъ торфяныхъ ямъ въ Гезе. Тамъ, возлъ наваленнаго въ кучу торфа, на травъ лежалъ Тисъ Тиссенъ, прикрывъ мио шапкой, и спалъ.

Томъ І.—Январь, 1908.

- Онъ пошелъ намъ на встръчу и заснулъ по дорогъ, сказала Эльзбе. Вотъ соня-то!
- Станемъ вокругь него и крикнемъ всѣ заразъ, предложилъ Іёрнъ.
  - Oro... ro!

Однимъ прыжкомъ, не сгибая колънъ, какъ палка, вскочнлъ съ земли Тисъ Тиссенъ.

- Что такое? закричаль онъ, ничего не понимая спросонья, но, увидавъ дътей, пришель въ себя, и къ нему вернулся даръ слова.
- Я въдь шелъ въ вамъ на встръчу, сказалъ онъ, но это мъстечко шепнуло миъ: "Тисъ! они еще далеко, прилягъ на минутку".

Его сухое, умное, маленькое лицо сіяло оть радости.

- Фите, дружище, какъ хорошо, что вы пришли!
- А лодка готова, Тисъ?
- Въ полной исправности... Ну, и врасивая же лодва!.. Я въдь когда-то хотълъ сдълаться морявомъ, дъти, но у меня начиналась морская бользиь, если я съ плотины смотрыль на Эльбу. Тогда я поступиль въ ученье въ ворабельныхъ двяъ мастеру, и все шло отлично, и я быль бы теперь самъ мастеромъ, и у меня была бы собственная верфь, еслибъ не провлятая сонливость. Нечего смъяться, Фите, ты слишкомъ глупъ и инчего не понимаешь, а я такъ отлично понимаю всъхъ тъхъ, которые въ "Спящей красавицъ въ лъсу" васнули на сто лъть. Тогда я решиль поступить въ латинскую школу, ибо для ученаго отврыть весь міръ. Въ школё тамъ быль одинъ старый профессоръ, который говорилъ намъ: "Въ васъ, жителяхъ Дитмарша, нъть нивавой жизни. Воть въ Тисе Тиссенъ есть жизнь, но онъ спитъ". Словомъ, и съ науками дело не выгорело. Объ наукахъ думають, что онв... это нвчто въ родв дороги, на которой становится все свътлъе, по мъръ того, какъ подвигаешься по ней. А на самомъ-то дълв выходить наобороть, это-чтогто въ родъ тунеля или лисьей норы: войти-то войдешь, а потомъ и не знаешь, куда идти и съумбешь ли выйти. Снова вернулся я домой, въ Гезе, и снова захотелось мет пуститься по бълу-свету, но отецъ мой решилъ, что съ него довольно. Онъ взялъ меня за шиворотъ, далъ мит въ руки цъпъ и поставилъ рядомъ съ нашимъ старымъ работнивомъ, Клаусомъ Сумомъ; а если я заговариваль о путешествін, то онь, молча, повазываль мев вулакь. Пришлось мив удовольствоваться твмъ, что купиль я себв атлась и описанія разныхь путешествій, а свои собственныя во-

ображаемыя путешествія нарисоваль на стінахь своей спальной. Вы відь это знаете, діти!

- Отлично знаемъ, отвътила Эльзбе. Теперь веди насъ въ лисьей норъ.
- Къ лисьей норъ такъ къ лисьей норъ, только живъе. У Трины ужъ навърное объдъ готовъ. У насъ сегодня будетъ свиная голова въ тъстъ.

Они отправились въ лисьей норф. Тисъ нашелъ ее за рощей, спританную въ желтоватомъ пескъ.

- Выстрвли въ нору! сказала Эльзбе.
- Это совершенно ни къ чему!
- Все равно! —И она гнѣвно взглянула на него. —Стрѣляй, я тебъ говорю!

Тисъ Тиссенъ всегда дълалъ все, что хотъла Эльзбе. Какъ двадцать лътъ тому назадъ онъ исполнялъ всъ капризы своей сестры, такъ теперь онъ подчинялся ен маленькой дочери.

Онъ вложилъ дуло ружья въ дыру, темиввшую въ пескв. Двти замерли въ ожиданіи.

Вдругъ на сосъднемъ деревъ громко и жалобно засвистала синица. Всъ невольно обернулись въ ен сторону и увидали подъ деревомъ, на которомъ она сидъла, среди свътлой, сухой травы что-то коричневато-желтое. Два горящіе глаза на узкой трехугольной мордочкъ смотръли необычайно умно на охотниковъ, стоявшихъ съ раскрытыми ртами. Тисъ, вытянувъ руки и сморщивъ все лицо, дико выстрълилъ въ нору. Фите Крей схватиль объими руками свой подбитый желъзомъ башмакъ, стащилъ его съ ноги и тяжело швырнулъ подъ дерево.

— Чортъ побери! — произнесъ Тисъ: — и здоровенный же хвостище у нея!

Эльзбе захлопала въ ладоши.

- Съ тобою всегда такъ! Что ты ни устроишь, никогда ничто не удается.
  - Ну, дълать нечего! Пойдемте объдать.

Въ домъ, въ которомъ Тисъ Тиссенъ провелъ почти всю свою жизнь, было несомнънное сходство съ головою самого Тиса Тиссена, и оставалось только невыясненнымъ, онъ ли съ годами сдълался похожъ на свой домъ, или домъ такъ приноровился въ своему хозяину. Домъ Тиса Тиссена былъ длинный и узкій. Высокая потемнъвшая соломенная крыша выступала впередъ и свъшивалась надъ маленькими блестящими окнами. Впереди нахо-

дился маленьній, довольно рисвованной формы фронтонъ. Головау Тиса Тиссена была длинная и узкая, и длинные темные волосы низко свёшивались надъ ушами, ниспадая до маленькихъ блестящихъ глазъ, а на маленькомъ сухомъ лицё выступалъ, если не рискованно, то, во всякомъ случав, очень смёло, тонвій подвижной носъ.

Эльзбе часто говорить ему:

- У тебя голова, ну, совствиъ какъ твой домъ.
- Дъти! свазалъ Тисъ, вогда они усълись за столъ: хорошенько прогуляться и потомъ поъсть свинини въ тъстъ — это лучше всего на свътъ.
- Воть какъ! сказала Эльзбе: лучше всего на свътъ? Ну, ужъ, мой милый, учитель Петерсъ лучше тебя зваетъ! "Лучше всего на свътъ, —говоритъ овъ, — это — любовъ"; и в такъ же думаю.

Тисъ такъ и замеръ съ вилкой въ рукъ. Онъ вытаращилъ глазки, а брови его совсъмъ исчезли подъ нависшими волосами.

"Именно это самое говорила твоя мать", — подумаль онъ, и произнесъ вслухъ:

— Любовь?.. въ кому?

Шустрая дівочка не иміла опреділенной мысли въ голові, но сейчась же нашлась:

- Любовь въ Богу, проговорила она съ увъренностью.
- Да-а! протянулъ онъ, совершенно побъжденный, и покачалъ головой. — Ну, Іёрнъ, теперь ты скажи. Фите Крей молчитъ, потому что для него всего интереснъе свяныя головы и въдьмы, швыряющія камни. Но въдь ты, Іёрнъ, у насъ—мыслитель.
- На свътъ всего лучше работа, отвъчалъ Іёрнъ: вотъ что!

Тисъ Тиссенъ опустиль вилку съ удрученнымъ видомъ.

- Іёрнъ Уль!—произнесъ онъ:—всего я ждалъ, только не этого. Что сказано въ Библіи, когда первые люди были изгнаны изъ рая? Въ потъ лица будешь зарабатывать хлъбъ свой! Что это: благословеніе или проклятіе? Конечно—проклятіе, а ты говоришь, что это лучше всего на свътъ! Я очень люблю, продолжалъ онъ, помолчавъ, читать о разныхъ изобрътеніяхъ в открытіяхъ, именно потому, что они сокращаютъ работу, а когданибудь и совствъ уничтожатъ ее.
- -- Ну, и что жъ? -- спросилъ Іёрнъ и перегнулся черезъ столъ:-- что же ты гогда станешь дълать?
  - Каждый выбереть по своему вкусу. Я, напримъръ, ни-

чего не имъю противъ продолжительной высыпки въ тъни торфиной горы.

— Воть вакъ! — произнесъ Іёрнъ. — Ну, а другіе... — Онъ смутился и запнулся: — другіе будуть пълыми днями сидъть въ травтиръ. — Онъ повачаль своей свътлой головой. — И Адамъ, и Ева еще до гръхопаденія обработывали райскій садъ и играли другь съ другомъ. И мы бы тоже работали, а потомъ играли бы. Такъ славно, не правда ли, Лизбета? Но многіе злы и нехорошо себя ведуть, и поэтому мы должны сначала ходить въ шволу, а вогда выростемъ — работать.

Маленькая Лизбета, ничего не понимавшая изъ разговора, все время тыкала Іёрна въ плечо маленькимъ, острымъ пальцемъ.

— Поглядите-ка на его глаза! — сказала она: — они точно лиски, выглядывающія изъ своихъ норокъ, а волосы у него встали, какъ у ежа.

Она вспрыгнула къ нему и прижалась головкой къ его головъ. Волосы у нихъ были одинаково свътлые.

- Ну, хорошо, сказала Эльзбе, только не шумите, а то мев не слышно, что говорять.
- Теперь,—сказаль Тись,—вы должны посмотръть, какое удивительное путешествіе я совершиль за эту недълю.

Они прошли за нимъ въ его спальную. Это была большая комната съ оштукатуренными ствнами. Въ ней стояли только вровать Тиса, сундукъ и два стула. На ствнахъ отъ потолка до пола были нарисованы синимъ карандашомъ пять частей свъта и оба полушарія. На стульяхъ лежали стопками книги. Тисъ разсказаль дътямъ, что за эту недълю провхалъ съ Ливингстономъ среднюю Африку, проводилъ съ нимъ ночи у костра и питался вяленымъ ковымъ мясомъ. Онъ взялъ книгу и прочелъ, какъ англійскій естествоиспытатель заключилъ миръ съ страшнымъ негритянскимъ царемъ. Онъ поднималъ руку и читалъ очень торжественно, но Эльзбе все-таки стало скучно.

— Если мы все здёсь будемъ вваситься, — свазала она, то не успёемъ посмотрёть лодку.

Всв съ нею согласились и отправились на берегъ.

Лодка, привязанная цёпью, стояла въ коричневатой, темной болотной водё и имёла нёкоторое отдаленное сходство съ телячьимъ корытомъ. За десять шаговъ отъ нея несло смолой, которой были обильно залиты всё щели. Посреди возвышалась мачта съ желтымъ шолковымъ вымпеломъ, сдёланнымъ изъ бабушкина циатка.

Въ общемъ, лодка производила величественное впечатлъніе. Всв засыпали Тиса похвалами и объявили, что на этотъ разъ онъ дъйствительно сдълалъ нъчто настоящее. Тисъ, чтобы еще увеличить свою славу, объявиль:

-- Первое плаваніе я совершу одинъ.

Онъ усвлея осторожно на середину лодки и вытянулъ ноги. Эльзбе влёзла на ивовый пень, свёсившійся надъ водою, и стала причитать:

- Ну, что, если ты перекувырнешься? Головой-то внизъ, а ноги-то застрянуть въ лодкв!
  - Я? Перекувырнусь?
- Дружище Тисъ! Она ужъ какъ-то криво идетъ.
   Тисъ! Въдь ты знаешь, съ тобой всегда случаются несчастія!
  - Ну, ужъ и всегда!

Онъ порылся въ карманъ и вытащилъ и положилъ передъ собою три спички.

- Дружище Тисъ! Брось ты все это! Именно когда ты хочешь показать себя во всемъ великольпін, тогда-то ты и ударяешь лицомъ въ грязь.
- Ужь оставьте его! онь и такъ, буквально, удариль лицомъ въ грязь.

Тисъ отпихнулся отъ берега въ темную воду, осторожно положиль весло и потянулся за спичками. Лодка закачалась. Онъ чиркнулъ по доскъ спичкой, но она не зажглась; тогда онъ подняль привычнымь движеніемь ногу, чтобы шаркнуть спичкой о подошву сапога. Лодка качнулась сильнее, огонь вспыхнулъ, смола загорёлась, повалиль дымъ, лодка перевернулась, и съ нею перевернулся Тисъ Тиссенъ.

Іёрнъ спрыгнуль съ берега и стояль по колени въ воды.

- Еще булькаетъ, тихо проговорилъ Фите Крей.
- Но смола! воскликнула Эльзбе: въдь онъ прилипъ! Лизбета съ плачемъ побъжала отъ берега.

Настала жуткая тишина. И дъти, и болото затанли дыханіе. Вдругъ вода начала шипъть и випъть, вокругъ стали расходиться волны, и что-то черное, похожее на губку или на спину темной рыбы, показалось изъ воды. Отплевываясь, охая, вахлебываясь и фыркая, вылёвло это чудовище на четверенькахъ на берегъ.

— Ну, вотъ! — произнесъ Тисъ Тиссенъ и плюнулъ: — это случается съ лучшими суднами. Лодка была новой конструкцін, Іёрнъ, и въроятно немного маловата. Во всякомъ случай мы

нѣчто видѣли, пережили и испытали. — Онъ еще разъ плюнулъ и пошелъ домой переодѣться, а Іёрнъ побѣжалъ за плачущею Лизбетой, схватилъ ее за руку и смѣшилъ ее до тѣхъ поръ, пока она не разсмѣялась. Но страхъ ея не вполиѣ прошелъ, и она просилась домой.

- Ну, вотъ видишь?—сказала Эльвбе:—опять начинается! въчно эта Ливбета хочетъ рано идти домой.
- И я повторяю, вившался Фите, что ее нечего съ собою брать; она слишкомъ мала и черезчуръ ужъ жеманится. А ты всегда настаиваешь, чтобы мы ее брали.

Лизбета, выслушавъ выговоръ, стала возлѣ Іёрна и расплавалась.

— Я нду съ нею домой, — объявиль Іёриъ.—Сейчасъ же! А вы можете дёлать, что хотите.

Но, конечно, всёмъ хотелось идти вмёстё.

Они подождали, пова Тисъ переодъвался и онъ проводилъ ихъ черезъ лъсъ до ихъ поля. Тамъ онъ долго смотрълъ имъ вслъдъ, приврывъ глава рукою, пова заходящее солице совсъмъ не ослъпило его.

٧.

При всявомъ удобномъ случав Клаусъ Уль заводилъ рвчь о томъ, что его младшій сынъ долженъ сдвлаться ученымъ человівомъ.

— Іёрнъ у меня будетъ учиться, — говорилъ онъ, — это разумъется само собою.

Когда же онъ бывалъ навеселъ и въ приноднятомъ настроеніи, то уже безъ всякаго стъсненія выражалъ свою завътную мысль словами:

— Онъ будеть у меня ландфогтомъ!

Крестьяне и торговцы, его обычные собутыльники, разражались смёхомъ при этомъ заявлени и начинали пить за здоровье Іёрна Уля, будущаго ландфогта.

Клаусъ Уль такъ часто говорилъ о будущей учености своего сыпа, что для него стало уже вопросомъ чести привести въ исполнение свою мысль. Съ этой цёлью онъ обратился къ швольному учителю Петерсу и попросилъ его заняться съ сыномъ, чтобы подготовить мальчика въ гимназию.

Старивъ согласился и засадилъ Іёрна за англійскую внигу. Онъ былъ того мивнія, что изученіе англійскаго языка служить первой ступенью для пріобретенія всевозможныхъ познаній, и что, вообще, англійскій языкъ им'веть огромное значеніе въ св'єть. Иногда, когда оставалось свободное время, они занимались слегка и латынью, но это случалось очень р'єдко, и въ конц'є концовъ латынь была окончательно заброшена.

Былъ чудный лётній день. На деревенской улиців, обсаженной деревьями и залитой солнцемъ, стояла тишина. В'єтви разросшейся старой липы заслоняли окно, и комната была осв'єщена какимъ-то таинственнымъ темно-краснымъ св'єтомъ.

Старый учитель Петерсъ сидълъ на диванъ рядомъ со своимъ ученикомъ Юргеномъ. Передъ мальчикомъ лежала развернутая англійская книга, источникъ премудрости и всевозможныхъ знаній.

— Юргенъ! — свазаль старивъ: — мив нужно посмотреть пчель. Переводи-ка себе потихоньку, а я сейчасъ вернусь.

Онъ ушелъ, а Юргенъ продолжалъ переводить. Въ отврытое окно влетъла пчела и принялась съ жужжаньемъ кружиться по комнатъ. Скоро разобрала она, что попала совсъмъ не туда, куда ей было нужно, и зажужжала уже озабоченно. Потомъ она вылетъла, но унесла съ собой всъ мысли мальчика, и Гернъ долго просидълъ, мечтая и глядя въ открытое окно.

Постепенно Юргенъ начиналъ смотръть на Божій мірь иными глазами, чъмъ прежде. Въ немъ развивалась любовь въ внигамъ, преимущественно въ тъмъ, воторыя давали точныя, опредъленныя свъдънія и изслъдованія, основанныя на опытъ.

— Мей хотилось бы постигнуть весь міръ! — какъ-то сказалъ онъ Фите Крею.

Фите Крей уже выфирмовался и считался въ числъ работниковъ въ домъ Уля. Фите мечталъ разбогатъть, а въ ожидани богатства — вырывалъ волосы изъ лошадиныхъ хвостовъ и сбывалъ ихъ довольно выгодно. Кромъ того, ему удалось еще завести маленькую самостоятельную торговлю скребницами и кнутами.

Между тъмъ, Юргенъ Уль все сидъль передъ раскрытой англійской книгой и удивлялся людямъ, придумавшимъ для себя такой странный языкъ.

Всё окна въ домё были открыты настежь, въ липахъ громко распевали птицы, и пчелы неистово жужжали въ золотистомъ сумраке, образовавшемся между окномъ и густою листвою.

Вдругъ послышались чьи-то осторожные шаги. Шаги приближались, и въ раскрытое окно заглянула бълокурая голова Лизбеты Юнкеръ.

— Ты все еще сидишь за книгой? — сказала дввочка. — Иди-ка поскорве сюда!

- А что ты двлаешь? Все удишь?
- Да, ужу. Я ужъ поймала цёлыхъ десять преогромныхъ колюшевъ, а сейчасъ какая-то рыба сорвала у меня съ удочки червяка. Выходи-ка поскоръе! Дъдушка навърное позабылъ о тебъ. Успъещь все доучить и потомъ. Въдь ужъ не такъ же трудно сдълаться ландфогтомъ!

Онъ оставилъ внигу и пошелъ за нею. Вообще, онъ нивогда и ни въ чемъ не могъ отказать ей,—такой милой и умной она всегда казалась ему.

Они перелъзли черевъ плетень и пробрались въ пруду. Тамъ они усълись на травъ рядомъ подъ ольхой и стали тихо разговаривать. Она спросила объ Эльзбе и Фите.

- Ну, скажи-ка мић, что собирается дълать Фите? Думаеть ли онъ тоже сдълаться торговцемъ, какъ его отецъ и другіе Креи?
  - Неть, онъ не хочеть быть торговцемъ.
  - А чёмъ же онъ собирается быть?
- Да, видишь ли, это еще не рѣшено. Иногда онъ говорить, что отправится въ Калифорнію искать волото; ну, а иногда говорить, что будеть кучеромъ... кажется, что у ландфогта.
- A, это, значить, у тебя! По-моему, это гораздо лучше, чёмъ ёхать за золотомъ... Ну, и жара же сегодня!

Она замодчала. Сіяло солнце и п'єли птицы. Удилище Лизбеты опускалось все глубже и глубже, а голова ея склонялась все ниже и ниже на плечо Іёрна. Она задремала.

Удилище лежало совствить въ водт, а Лизбета спала, положивъ голову на плечо мальчика. Онт чувствовалъ ея дыханіе, ея волосы касались его щеви. Онт сидтить неподвижно и задумчиво смотртить на разстилавшуюся передъ нимъ картину.

Откуда-то издали, все приближансь, доносилось дребезжаніе волесъ. Іёрнъ прислушался: По деревенской улицъ катилась какая-то повозка. Подъёхавъ къ школьному дому, она остановилась. Дѣвочка проснулась, а учитель Петерсъ посиъшно вышель изъ глубины сада и направился на встръчу къ сгорбленному, съдому господину, стоявшему уже у калитки сада.

- Милости прошу, войдите въ домъ, господинъ ландфогтъ! сказалъ онъ.
- Благодарю, но я предпочитаю остаться въ саду, отвътиль ландрать: Погуляемъ немного. Жена послала меня въ вамъ за зимними ябловами.

Нѣвоторое время они обсуждали порученіе, возложенное на ландрата его женой, но вдругъ совершенно неожиданно гость заговорилъ серьезнымъ тономъ: — Я прівхаль къ вамъ еще и съ другой цвлью,—сказаль онъ.—Мнв хотвлось узнать ваше мивніе о здвшнихъ обывателяхъ, именно объ Уляхъ. На ваши слова можно вполяв положиться, такъ какъ вы знаете жизнь и людей.

Старивъ, польщенный овазываемой ему честью и побуждаемый желаніемъ принести пользу, отв'єтилъ, слегва понизивъ голосъ, сл'єдующее:

— Клаусъ Уль — это самый худшій нать всёхъ, вто когдалибо пользовался большимъ вліяніемъ. Много людей имъ загублено. При кажущемся добродушін онъ на самомъ дёлё только высокомёренъ и глупъ. Даже дёти, и тё смёются надъ его заносчивостью. Онъ прижимаетъ рёшительно всёхъ, вто имёетъ въ нему какое-нибудь дёло.

Говорившіе повернули на дорогу къ дому, и нѣкоторое время разговоръ ихъ не былъ слышенъ, но потомъ они снова вернулись въ пруду.

- Чего же и требовать отъ остальныхъ, если сами хозяева такъ живутъ. Все идетъ спустя рукава. Народъ разлёнился, скотина заброшена, урожай плохъ. А самое худшее.—это то, что дёти у насъ не видятъ хорошихъ примёровъ.
  - Ну, а что скажете вы о вдешнихъ женщинахъ?
- Что вамъ сказать о нихъ, право, не знаю. Некоторыя изъ нихъ нисколько не лучше своихъ мужей, даже, пожалуй, и куже. Вёдь дурная женщина ужъ если плоха, то плоха до конца. Попадаются у насъ и хорошія хозяйки, разумныя жены и добрыя матери, но это въ видё исключенія, и, къ сожалёнію, ихъ очень и очень мало.
- Сважите мив воть еще что: я случайно слышаль, что среди врестьянь появились какіе-то подокрительные люди, завлекающіе ихъ въ разнаго рода сомнительныя денежныя спекуляціи.

Учитель Петерсъ не сразу ответиль на этоть вопросъ.

- Помнится мив, что Клаусь Уль вакъ-то говориль ири мив съ Карстеномъ Ривертомъ о какихъ-то бумагахъ. Слышалъ я тогда отъ нихъ и слово "ultimo". Что вначить это "ultimo", г-нъ ландфогтъ?
- А вотъ оно что... Въдь когда врестьянинъ начинаетъ заниматься денежными спекуляціями, то обыкновенно это пончается полнымъ разореніемъ. Не правда ли?
- Да, это обычный вонецъ. Вотъ Іогенъ Миль въ три недъли потерялъ цълыхъ сто-пятьдесятъ-тысячъ маровъ.
  - Ну, и увлеченіе "ultimo" ведеть обыкновенно тоже въ

поливитему банкротству. Однако, пойдемте въ садъ. После разговора о людяхъ, особенно хочется забыться и отдохнуть среди природы.

И они исчезли въ глубинъ сада.

— Вотъ что! — сказалъ мальчикъ и вытащилъ удочку изъ воды: — теперь ужъ мит пора приняться за вингу.

Вскоръ послышался стукъ отъвзжавшей коляски, и затъмъ въ комнату вошелъ старикъ Петерсъ.

- Ты все еще здёсь? спросиль онъ. И ты все время сядъть за книгой здёсь у открытаго окна?
  - Нътъ. Я быль съ Лизбетой.
  - Гдв же ты быль?
  - Внизу, у пруда. Мы ловили колюшекъ.
  - Такъ... такъ...

Старивъ прошелся взадъ и впередъ по вомнатъ, посмотрълъ въ отврытое овно и опять подошелъ въ мальчику.

- Такъ вотъ оно что! Знаешь, Юргенъ, мальчикъ долженъ умъть молчать. Только въ такомъ случат изъ него можеть выйти порядочный человъкъ.
- Я тоже могу модчать,—отвътиль Іёрнъ Уль, уставившись на учителя пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ.
- Вотъ и отлично. И вотъ что я еще скажу тебъ, Юргенъ. Старые люди много хорошаго разсказывали мнъ о твоемъ прадъдушкъ. Это былъ человъкъ съ головой и сердцемъ, и однажды самъ король прітужалъ къ нему въ гости. Наслъдникомъ его былъ твой дъдушка. Этого я зналъ уже самъ. Онъ былъ добродушный человъкъ и большой весельчакъ, и это ръшительно все, что о немъ можно сказать. Но въдь этого мало, и это плохо, когда о человъкъ нельзя сказать ничего больше. Когда онъ умеръ, твой отецъ наслъдовалъ все... Твой отецъ...

Мальчивъ, не опуская глазъ, вызывающе смотрѣлъ на старика. "Прекрасно знаю, что ты мнѣ скажешь, но ни за что на свътъ не поважу, что върю тебъ",—казалось, говорилъ онъ.

Старивъ учитель встрътилъ этотъ взглядъ и запнулся. Пригладивъ съдую бороду и немного помолчавъ, онъ заговорилъ уже своимъ обычнымъ, сухимъ и вразумительнымъ, учительскимъ тономъ:

— Знаешь, что сказаль великій поэть Гете, провозв'ястникь истины нашего стол'ятія?— "Чтобы овлад'ять насл'ядіемь отцовь, его трудомъ пріобр'ясти ты должень "!.. Ну, теперь можешь идти, Юргейъ! Мну нужно отправляться въ зас'яданіе сберегательной кассы.

На другой день, рано утромъ, едва исчезли звъзды на голубовато-съромъ небъ, мальчикъ уже вскочилъ съ постели. Посвистывая и что-то напъвая, онъ прошелъ черезъ домъ, громко хлопая дверями, и направился въ хлъвъ. Тамъ Витенъ уже доила коровъ.

— Что съ тобой? — удивленно спросила она. — Въдь еще нътъ четырехъ часовъ.

Въ отвътъ онъ только разсмъялся, и съ безпечнымъ видомъ объяснилъ, что ему было такъ жарко, что онъ не могъ дольше оставаться въ постели.

Онъ ушель отъ нея, громко посвистывая, но черезъ нтсколько минутъ опять вернулся въ Витенъ въ хлъвъ и спросилт, что же дълаютъ работницы, и почему ихъ нигдъ не видно.

- Вотъ съ ними мит очень трудно. Онт обт до сихъ поръ еще валяются въ постели.
- Но въдь хозяйка-то ты. Прикажи имъ, чтобы онъ вставали.
- Ну, это не такъ-то просто, отвътила Витенъ. Онъ объ ужъ очень дружатъ съ Августомъ и Гиннеркомъ.

Тогда онъ направился въ дому и, проходя по ворридору, швырнулъ мимоходомъ нъсколько полъньевъ въ дверь дъвичьей. И все время, точно ранняя птица, онъ пълъ и свисталъ, не умолкая ни на минуту. Потомъ онъ опять вышелъ изъ дома и сталъ прогуливаться подъ окнами. Его братъ Гансъ какъ разъ въ это время пробирался по выгону въ дому. Гернъ, улыбаясь, направился въ нему на встръчу.

- А я думалъ, что ты еще въ постели! привътливо сказалъ онъ. — Гдъ же это ты былъ? На мельницъ или на кузницъ? Тогда братъ, подойдя въ нему ближе, ударилъ его.
- Дуракъ! произнесъ онъ пьянымъ голосомъ, и новымъ ударомъ въ грудь втолкнулъ мальчика въ конюшню. Онъ собирался ударить его и еще разъ, но не устоялъ на ногахъ в схватился за лошадь. Та, испугавшись, стала бить копытами.

Въ эту минуту изъ глубины стойла повазался Фите Крей.

— Это еще что? Ты, кажется, собираешься бить Іёрна? Только попробуй! Мы вдвоемъ такъ тебя вздуемъ, что ты и не встанешь, — сказалъ онъ.

Послъ объда, когда отецъ, по обывновенію, собрался ъхать въ городъ, Гернъ попросилъ дать ему самому запречь лошадей.

Устроивъ все навъ слъдуетъ, онъ подватилъ въ дому, и здъсь, соскочивъ на землю, сталъ ждать отца, придерживая за поводъя

лошадь. Отъ времени до времени онъ слегва похлопываль ее по ноздрямъ, припъвая:

— Ultimo—это ведоръ! Ultimo—ведоръ!

Клаусъ Уль услышаль это и спросиль: — Что это съ нашимъ тихоней, Витенъ? — И онъ громко разсмёнлся.

- Не знаю, но онъ поетъ сегодня съ самаго утра, отвътна та.
- Что такое ты тамъ распъваешь? спросилъ сына Клаусъ Уль, выходя на крыльцо.
- Ничего особеннаго, равнодушнымъ тономъ отвътилъ мальчивъ. Вотъ ландратъ былъ вчера у учителя, и я случайно сышалъ, какъ онъ говорилъ ему: "Всъ, кто увлекается "ultimo", кончаютъ разореніемъ".
- Вотъ какъ!..—произнесъ, вскакивая въ повозку, Клаусъ Уль, и онъ разразился самымъ безпечнымъ кокотомъ.—Такъ смотри же, Іёрнъ, берегись "ultimo"!

Мальчикъ звонко равсмъялся, а отецъ стегнулъ лошадь, и повозка укатила, но даже съ дороги нъкоторое время все еще доносился до дома громкій, жизнерадостный хохотъ Клауса Уля.

Хотя Іёрнъ въ это время сильно рось и ему было трудно рано вставать, тёмъ не менѣе онъ заставлялъ Фите Крея наждое утро будить себя, и какъ бы нечаянно появлялся въ кухнѣ, въ хлѣву, обходилъ дворъ и поля. Для всѣхъ въ домѣ этотъ мальчивъ олицетворилъ собою упрекъ безпокойной, чуткой совъсти.

Между тъмъ Эльзбе и Лизбета съ осени стали ходить въ шволу шитья къ старушкъ, женъ учителя Петерса. Кромъ шитья, онъ учились у нея еще слегка и французскому языку.

Эльзбе Уль, рожденіе которой стоило жизни ея матери, была необыкновенно жизнерадостнымъ существомъ. Эта повышенная жизнерадостность встрёчается довольно часто у людей маленькаго роста, но родившихся отъ крёпкихъ и рослыхъ родителей. Для своихъ одиннадцати лётъ Эльзбе была очень мала, но при этомъ крёпка и гибка какъ молодой ясень. Старшіе братья относились къ дёвочкъ съ полнёйшимъ пренебреженіемъ, но зато съ Юргеномъ и съ Фите Креемъ у нихъ была одна душа и одно сердце. Часто, когда дёвочка, послё полудня, возвращалась изъ деревни домой, они оба поджидали ее у конюшни, а она, завидёвъ ихъ, поднимала высоко узелокъ съ книгами и размаливала имъ въ знакъ привётствія, повернувъ голову немного вбокъ. Это называлось у нея "показывать профиль". Фите увёряль, что у нея очень красивый профиль, особенно съ одного

бока. Вообще, Фите, не переставая, все время ухаживаль за дъвочкой, что нисколько не мъшало ему имъть настоящую возлюбленную въ лицъ одной изъ работницъ, Трины Кюль.

Какъ-то разъ, когда они всѣ трое были во дворѣ, къ никъ подощелъ старикъ съ бѣлыми какъ ленъ волосами, съ красивымъ умнымъ лицомъ, и спросилъ ихъ, дома ли хозяинъ. Эльзбе отвѣтила, что отецъ ушелъ въ деревню, но скоро вернется.

— Мев нужно съ нимъ поговорить, — сказалъ незнакомецъ. Они всв трое смотрвли на старика. Онъ показался ниъ очень утомленнымъ. — Пройдите въ комнату и тамъ подождите хозяина! — радушно предложилъ Фите.

Эльзбе и Гернъ пошли проводить старика въ домъ, но въ корридоръ встрътились съ выходившими изъ кухни старшими братьями.—Это кого вы еще притащили?—спросилъ Гансъ.

Дъти объяснили, что старивъ пришелъ по дълу въ отцу.

— Все это хорошо, — свазали братья, — но зачёмъ же вестн его сразу въ парадную вомнату? Проведите его въ комнату Фите Крея.

Старивъ прошелъ вийсти съ дитьми въ ваморву работнива. Усйвшись тамъ, онъ ласково спросилъ: — Видь вы младшія дити Клауса Уля?

- да, отвътила Эльзбе. Миъ двънадцать лъть, а Герну— четырнадцать.
- Вы славныя д'втви, свазаль старикъ, а воть ваши старшіе братья людей по платью встр'вчають. Очень ужъ они у васъ важные.
- A мы такъ совсёмъ простые, серьезно проговорилъ Іёрнъ, — и въ трактиръ никогда ходить не будемъ.
  - Ну, а какъ же, когда тамъ балъ! воскликнула Эльзбе.
- Я, все равно, не пойду, объявилъ Іёрнъ, и пошелъ посмотрёть, не идеть ли отецъ.

Завидъвъ его издали, онъ подбъжалъ къ нему и свазалъ:

- Тамъ, въ людской, тебя дожидается какой-то человъкъ. Ему нужно съ тобой поговорить.
- Какъ въ людской? переспросилъ Клаусъ Уль, и его лицо сразу омрачилось. Посившными шагами направился онъ въ комнату Фите Крея, отшвырнувъ рукою попавшагося ему на дорогв Ганса. Въ людской онъ засталъ старика, разсказывавшаго Эльзбе о Тисв Тиссенв, котораго онъ корошо зналъ. Девочва стояла около него совсемъ близво и слушала, не спуская съ гостя глазъ.
  - Идемъ-ва отсюда прочь! свазалъ Клаусъ Уль. Миф

очень жаль, что мои глупые сыновья засадили тебя сюда, Маргенсь.

Старивъ слегва отмахнулся рукой. — Я въдь не въ гости пришелъ, — свазалъ онъ: — мнъ нужно потолковать съ тобой о моихъ восьмидесяти тысячахъ марокъ. Дочва моя замужъ собралась.

Юргенъ опять выбъжаль изъ комнаты и очутился въ кухнъ у Витенъ. Въ эту минуту она стояла у корыта и стирала. Юргенъ ухватился за ея фартукъ, какъ это обыкновенно дълають маленькія дъти, и стояль до тъхъ поръ, пока она не спросила:—Что съ тобой, Іёрнъ? Уходи-ка поскоръе отсюда! Тебъ здъсь не мъсто.—Но въ эту минуту онъ такъ посмотрълъ на нее, что она сразу замолчата и стала гладить рукой его свътлие волосы.—Хорошо, что матери твоей нътъ въ живыхъ,—сказала она.

Эту фразу, или вообще что нибудь въ этомъ родъ, она повторяла при всякомъ удобномъ случат, и хотя ен слова не всегда были совствъ ясны и понятны мальчику, но у него все-таки постепенно составилось представленіе, что мать мало подходила къ ихъ дому. Въ домт не было ея портрета, но пылкое воображеніе Іёрна рисовало ему, что она съ убитымъ лицомъ бродитъ по дому. Только почему-то онъ представлялъ ее себт высокой и тонкой, — она же была маленькая и круглая. Эльзбе впоследствін очень походила на мать.

Въ этотъ день вечеромъ, когда отецъ, какъ всегда навесегъ, но почему-то раньше обыкновеннаго вернулся домой, къ нему на встръчу вышелъ Іёрнъ.

— Отецъ, въдъ если у насъ будетъ много долговъ, то намъ придется продать все хозяйство, —проговорилъ онъ прерывающимся голосомъ и расплакался. Отецъ ударилъ его и оттолинулъ отъ себя. Мальчикъ убъжалъ въ людскую и проспалъ ночь у Фите Крея.

Съ этого дня онъ всегда убъгалъ куда-нибудь подальше, вогда до него доносился безпечный и громкій смъхъ отца.

VI.

Возлів хлівва, недалеко отъ входной двери, стояль старый деревянный сундукъ, обращенный въ ящикъ для корма. Онъ быль дубовый и украшенъ різными изображеніями, кое-гдів стертими отъ времени. Слівва быль представлень блудный сынъ въ богатой одеждів и съ тяжелюмъ мізшкомъ съ деньгами, собираю-

щійся повинуть отцовскій домъ, а справа—тоть же блудный сынъ, возвращающійся въ рубищъ. Подъ изображеніемъ находилась надпись, раздѣленная замочною бляхою на двѣ части: "Благословеніе Божіе обогащаеть безъ труда". Внизу. стояло: "Клавесъ Уль 1624".

Триста лѣтъ тому назадъ, этотъ сундукъ составлялъ лучшую и самую дорогую вещь въ хозяйствъ Улей, но съ теченіемъ времени люди пріобрѣтали богатство и утрачивали вкусъ. Сундукъ нѣсколько разъ ярко выкрашивали, пока совершенно не исчезло тонкое выраженіе фигуръ, и наконецъ сдѣлали изъ него ящикъ для корма скота. Но именно потому, что о немъ больше не ваботились, краска стала облупляться и отваливаться кусками, и твердое сѣрое дерево опять выглянуло на свѣтъ Божій. Этотъ сундукъ, прожившій столько времени среди людей, могъ бы многое поравсказать, и несомнѣнно обладалъ сердцемъ, только языка у него не было. Усѣвшись на сундукъ, венторфскія дѣти любили поболтать и строили трудные и серьезные планы жизни вмѣстѣ съ Фите Креемъ, уже конфирмовавшимся и поступившимъ къ Улямъ, въ качествѣ младшаго работника.

— Фите, иди сворви! — завричали дети: — давай здёсь ужинать. — Гернъ сёль на сундукъ, положивъ рядомъ съ собою вниги и вусовъ хлёба. Эльзбе уже сидёла на ящике и болтала отъ нетерпенія погами. Фите поставилъ на место ведро и однимъ прыжкомъ вскочилъ на сундукъ, крикнувъ: — All right!

Онъ любилъ подхватить какое-нибудь слово или выраженіе и повторять его.

- Значитъ, ръщено, началъ Іёрнъ: если я уйду ивъ дому, то ты вдъсь останешься и за всъмъ присмотришь; а то нначе мнъ не сдълаться ландфогтомъ.
- Да, да! медленно и раздумчиво, мужскимъ груднымъ голосомъ произнесъ Фите. Трудно мнѣ было на это рѣшиться, ужъ очень прежде тянуло меня въ Калифорнію, но съ годами становишься разумнѣе. Рѣшено, я здѣсь остаюсь.
- Черезъ нъсколько лътъ ты женишься, продолжалъ Іёрнъ, и будешь у насъ старшимъ работникомъ. Ты уже присмотрълъ себъ жену?
- Тамъ видно будетъ, отвъчалъ Фите Крей: женщинъ довольно на свътъ!

Нъсколько времени они ъли молча, запивая клъбъ поочередно свъжимъ молокомъ изъ большой чашки. Наконецъ Фите вытеръ губы и, пристукнувъ пустой чашкой, поставилъ ее на сундукъ.

- Можеть спокойно делаться ландфогтомъ и положиться на меня: я обо всемъ здёсь позабочусь, свазалъ онъ. Гернъ забралъ свои вниги и ушелъ въ садъ, шагая медленно и задумиво. Эльзбе пододвинулась поближе въ Фите.
- Ну, вотъ мы и одни, сказала она. Знаешь, я видъла сегодня Гарро Гейнзена. Чего онъ мив только ни наразсказалъ! Какой онъ умный, я тебв скажу!
- Ты, знаешь, съ нимъ не очень-то...—сказалъ Фите. Въдь тебъ извъстно, въ какихъ мы находимся съ тобой отношеніяхъ.
  - Ахъ, мив все извъстно!
- Ну, то-то же. Іёрнъ будеть ландфогтомъ, и намъ не помъха. Августь скоро женится и получить другой дворъ. Гинрихъ—въ солдатахъ, и Ганса на слёдующій годъ заберуть. А всё говорять, что будеть война. Навёрное одного изъ нихъ убьють, а другой получитъ отдёльный дворъ. И останешься одна ты, крошечка! Отецъ твой состарится и скажетъ: "Дёти, благословляю васъ, женитесь и покойте меня на старости лётъ". Это навёрное такъ будетъ.

Она разсенно вивнула головой и опять заговорила о Гарро Гейнзенъ.

- Его сестръ восемнадцать лъть, и она уже невъста. Черезъ шесть лътъ и я могу быть невъстой. Если тебъ тогда нельзя будеть на миъ жениться, то я выйду за другого.
- Перестань, не говори ты мев больше про этого Гарро Гейнзена! Онъ—дуракъ.
- Ахъ! произнесла она, вытянулась и закинула назадъ голову. Теперь ты мит что-нибудь разскажи. Гарро Гейнзенъ всегда такъ много разсказываеть о разныхъ важныхъ господахъ, какъ у нихъ тамъ все... Знаешь, когда я буду большая, я все буду танцовать, все танцовать, танцовать, пока не упаду. Когда мы будемъ мужемъ и женой, ты долженъ будешь водить меня на всё танцы.
- Хорошо, согласнися Фите Крей. На всё танцы. Это— дёло рёшенное.
  - Сначала уложимъ дътей, а ужъ тогда и отправимся.
  - Отличво.

Она засмѣялась, забарабанила ногами по сундуку, раскачиваясь то въ ту, то въ другую сторону.

- Вотъ жизнь-то будетъ!
- Ну, а теперь уходи, врошва! свазалъ Фите Крей. Мев нужно здорово работать, чтобы сворве стать главнымъ работникомъ.

Но когда она ушла, онъ снова присълъ на сундукъ, тв-

"Она будетъ моею женой, — подумалъ онъ: — это тавъ же върно, кавъ то, что и здъсь сижу; но въ Улъ и дни не останусь. Съ ен денежвами и поселюсь гдъ-нибудь въ Гамбургъ или еще дальше и начну торговлю или отврою гостиницу. А и глупа же дъвчушва, — но все-тави не тавъ глупа, кавъ Іёрнъ: буду и весь свой въвъ работникомъ въ Улъ! Придумалъ, нечего свазатъ"!

Клаусъ Уль проводилъ почти все свое время въ трактирѣ или въ обществѣ односельчанъ за картами, политическими разговорами и шутками. Дома ему не сидѣлось и онъ чувствовалъ себя въ немъ неловко и неуютно. О воспитаніи и образованіи своего младшаго сына онъ не заботился и отгонялъ отъ себя непріятную мысль о предстоявшемъ Іёрну экзаменѣ, потому что терпѣть не могъ попадать въ смѣшное положеніе. Его просто испугало, когда Іёрнъ въ одинъ прекрасный день объявилъ ему:

— Учитель Петерсъ получилъ письмо, что мив послъ-завтра надо держать эвзаменъ. Значитъ, я повду съ тобою въ городъ? Клаусъ Уль сдвлалъ озабоченное лицо, но оно быстро про-

яснилось, и онъ свазаль:

— Знаешь, что я придумаль? Тебя отвезеть Тись Тиссенъ; это ему доставить большое удовольствіе.

И Тисъ Тиссенъ явился въ своей старой повозкъ за пле-

—. Какое безобразіе,—сказала Витенъ,—что Уль не самъ вдеть съ мальчикомъ. Я вёдь знаю, отчего онъ это дёлаеть.

Іёрну было тяжело и стыдно, и много лѣть спустя онь все еще краснѣлъ, вспоминая о поведеніи своего отца. Уныло и молча сидѣлъ онъ въ повозкѣ Тиса. Трина Кюль, возлюбленная Фите Крея, стояла въ дверяхъ кухни съ двумя другими работницами. Онѣ подсмѣивались надъ Тисомъ и желали успѣха Іёрну. Онѣ любили его, несмотря на его молчаливость и задумчивость, удивлялись его пристрастію къ книгамъ и считали ученымъ. Фите Крей съ порога хлѣва махнулъ вилами и крикнулъ:

— All right, Тисъ!

Эльзбе подтрунивала надъ высокимъ цилиндромъ Тиса и сказала:

- Тисъ, ты все всегда дълаешь шиворотъ-навывороть. Тавія шляны надъвають только на похороны.
  - Ну, ужъ трогайте! вривнула Витенъ. Всего хорошаго,

Іёрнъ! Мив важется, что сегодняшній день принесеть теб'в стастье... не знаю только, вакое именно... мив это не совсвиъ ясно.

Уже вывхавь изъ деревии, они вдругь увидали бъгущую съ пригорка Лизбету Юнкеръ.

- Тисъ, остановисъ, подожди!— вричала она и, граціозно вскочивъ на подножву, сунула въ руку уныло сидъвшему Іёрну большое, красивое яблоко.
- Это последнее яблово въ доме, всегда оно мне достается, но теперь ты его возьми.

Она быстро спрыгнула на землю и смущенно и задорно по-грозила пальцемъ.

— Когда сдълаешься ландфогтомъ!.. смотри тогда!.. Ну, тротай Тисъ!

Молча добхали они до города и, оставивъ лошадей на постояломъ дворф, пошли пъшкомъ по тихимъ улицамъ въ гимнавію. Такъ какъ Тисъ, по скромности своей, никогда никуда не входилъ черезъ парадное крыльцо, то и теперь они прошли боковой дверью въ подвальное помъщеніе педелей. Тамъ сидълъ служитель за столомъ; передъ нимъ стоялъ его утренній кофе, и утреннее солице играло и искрилось на блестящей посудъ.

— Я, вотъ, привевъ реврута, —заговорилъ привътливо Тисъ: —его готовилъ венторфскій учитель Петерсъ. Онъ внастъ поанглійски, ну и остальное все, что требуется. Собирается быть ландфогтомъ.

Служитель взглянуль на нихъ черезъ очки и произнесъ:

— Я его проведу; тамъ уже начали.

Онъ ушелъ съ Іёрномъ, а Тисъ усълся на солнышвъ, осторожно держа шляпу на колъняхъ, и приготовился въ пріятному разговору.

- Сважите, пожалуйста, почтеннъйшій,—началь онъ, когда служитель вернулся:—сколько времени требуется, чтобы пройти всю школу?
- Это зависить отъ того, начнеть ли мальчивъ сь начала, жим перешагнеть черезъ нъсколько влассовъ.
- Я думаю, нашъ перешагнеть. Первое—онъ учился уже два года у учителя Петерса, а второе—онъ сынъ Клауса Уля.
  - Клауса Уля изъ Венторфа?
- Того самаго. Учителя будуть знать, что за угощеньемъ ет не постоить.
  - Многіе начинають гимназію, да не многіе вончають.
  - Ну, ужъ нашъ-то кончитъ. Цълыми днями онъ за кни-

гами сидитъ и ничего не видитъ и не слышитъ. Забралъ себъ въ голову, что будетъ ландфогтомъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Іёрнъ, съ слегка поблёднъвшимъ, длиннымъ, тонкимъ лицомъ.

— Мит решительно все равно, Тисъ, что придется начинать съ самаго начала. Я хочу только выучиться чему-нибудь!—
и, видя недоумтніе Тиса, онъ прибавиль: — Все спутали. Требуютъ латынь, и мит придется проходить самый младшій классъ-Каждый день бываль онъ въ городт, и не могъ узнать, что требують: латынь или англійскій языкъ. Но все равно, я хочу быть ландфогтомъ, и сказаль имъ тамъ, наверху, что прітду еще разъ, послѣ Пасхи. Начну все съ начала, мит все равно... пойдемъ! Молча совершили они и обратный путь.

Когда они подъбхали въ дому, изъ вухни въ нимъ выбъжала Эльзбе, вся заплаванная. Она такъ сильно и часто всклипывала, что плечи у нея все время вздрагивали.

— Что случилось? Крошка, кто тебя обидёль?

Но она не была въ состояніи говорить. Вслёдъ ва нею-появилась Витенъ и объяснила:

- Подумайте только: Уль зашелъ случайно въ конюшню, а тамъ сидятъ Фите и Эльзбе рука въ руку и говорятъ о томъ, какъ поженятся и будутъ жить. Уль схватилъ Фите за шиворотъ и вышвырнулъ его изъ конюшни. Теперь мальчуганъ собираетъ свои пожитки у себя въ комнатъ, а дъвочка, вотъ, реветъ-
  - Въ эту минуту появился Фите Крей съ узелкомъ подъ мышкой.
- А все ты виновата! завопиль онь, обращаясь въ Витень. — Теперь мев приходится идти въ Гамбургъ, а я даже не внаю, гдв онъ. Ты мев все разсказывала про Ганса, какъ онъ свое счастье нашель, и про мешки съ золотомъ, и про метельщика, сдёлавшагося королемъ.

Тисъ слъзъ съ повозви.

— Слівай же, Іёрнъ, чего ты сидишь? Пойди сюда, Эльвбе! Да перестань же плавать!

Но она вырвалась у него изъ рукъ, подбъжала къ Фите Крею, схватила его за руку и закричала:

— Онъ не долженъ уходить, онъ не долженъ уходить! **Я** его такъ люблю, я его такъ люблю!

Но Фите Крей отвернулся отъ нея и опять завопиль двинмъ голосомъ:

— Вотъ увидите... я возвращусь и буду жить въ Улъ. Устрою здъсь большую метельную фабрику съ паровыми машинами.

Онъ подняль кулаки такъ, что узелокъ выскользнуль у него

ввъ-подъ руви и упалъ на землю. Онъ нагнулся, поднялъ его и пошелъ черезъ дорогу, въ домъ своего отца.

Витенъ прошла въ свою комнату и съла за работу. Сначала она чувствовала только гибвъ и стыдъ. Она таинственно, въ полголоса разсказывала объ этихъ вещахъ дётямъ, вакъ о мудрости иного міра, отъ другихъ скрытаго, но для нея немного видимаго. Она думала, что стоитъ объ нихъ разсказывать, чтобы наполнять душу слушающихъ ужасомъ и страхомъ, любовью и радостью. А этотъ мальчикъ отнесся къ нимъ грубо, какъ къ простымъ повседневнымъ предметамъ, и выкрикивалъ ихъ среди бъла дня на улицъ. Она уронила руки съ работой на колъни, и чья-то невидимая рука стала показывать ей одну за другой картины страданій, нужды и смерти когда-то внакомыхъ ей людей; и одна картина была печальнъе другой. Потомъ представился ей Фите Крей, уходящій далеко, безъ руководителя, одинъ съ своими пестрыми фантазіями. Она оглядълась и, увидавъ, что въ комнатъ никого нъть, закрыла лицо рукою и тихо заплакала.

Когда стемнило, Фите Крей вышель изъ отцовскаго дома, все съ тимъ же узелкомъ въ рукахъ. Мать его сидила за печкой и причитала:

— Фите, въдь тебъ только-что минуло семнадцать лътъ. Не уходи ты такъ далеко!

Она думала объ остальныхъ своихъ дътяхъ, уъхавшихъ въ Америку и еще Богъ въсть въ какія страны.

— Уйду подальше, куда глаза глядять, — отвъчаль Фите. — Онъ меня хлыстомъ удариль, живодёръ провлятый!

Онъ снова громво заплаваль и погрозиль вулавомъ большому старому дому и высовимъ амбарамъ, огромныя соломенния врыши которыхъ безмолвно темнѣли подъ высовими тополями и ясенями. Ясперъ Крей вышелъ вслѣдъ за сыномъ на порогъ дома.

- Куда ты пойдешь—это все равно,—сказаль онь,—а потому ты не можешь заблудиться. Старайся сдёлаться настоящить человёкомъ. Если негодяемъ сдёлаешься—не приходи въ намъ больше; а если добьешься чего-нибудь—понавёдайся.
- Можешь быть увъренъ, что я вернусь, раздалось изъ темноты.

Іёрнъ Уль вышелъ проводить Фите Крея, и они молча дошли до такъ-называемаго "Золотого родника". Вода въ немъ была свъжая и прозрачная, всегда пополнявшаяся невидимымъ под-

вемнымъ влючомъ. Избытовъ воды съ легвимъ журчаньемъ свривался среди заросли. Двв или три зввяды, загорввшіяся въ небв, какъ разъ надъ родникомъ, отразились ярвими точками въ неподвижной водв. Со стороны моря дулъ вътеровъ, и въ въткахъ съ сухими листьями слышался поспъшный, неумолкающій шопотъ. Фите остановился и задумчиво посмотрълъ на воду.

- Хотъль бы я знать, что тамъ на деъ, проговорваъ онъ, — и можно ли его достать и ощупать.
- А развѣ ты не пойдешь на Каменную гору возлѣ Гезе?— спросилъ Іёрнъ, думая утѣшить его.—Ты всегда говорилъ, что тамъ цѣлыя груды золота, слитки величиною въ дѣтскую голову.

Фите Крей энергично повачаль головой. Эти дётскія головы существовали только въ его головів. Въ этоть вечерь вымысель отділился для него отъ дійствительности. Слитки золота величиною въ дійствую голову — были вымысель, но Золотой родникь существоваль въ дійствительности. Они пошли по тропинків и поднялись на гору.

— Ну, теперь возвращайся домой, — проговориль Фите, — дальше я одинъ пойду.

И Іёрнъ, ничего не сказавъ на прощанье, пошелъ назадъчеревъ поле.

А Фите вернулся въ роднику, быстро раздълся и, схватившись за длинную толстую вътку, свъсившуюся съ берега, осторожно влъзъ въ воду. Она приходилась ему до плечъ. Онъ двигался по всъмъ направленіямъ въ холодной водъ, ощупывая дноногами, но ничего твердаго не попадалось. Чувствовался толькомягкій песовъ и истлъвшіе листья. Тогда онъ вылъзъ и простоялъ нъсколько мгновеній, не надъвая рубашки. Онъ не чувствовалъ ръжущаго холода, стегавшаго его тонкими желъзными розгами; онъ стоялъ и смотрълъ въ воду, отвъчавшую ему тихимъ, печальнымъ взглядомъ, какъ будто ей было больно и жальскрывать такъ глубоко свою тайну.

На переврестив Фите Крея поджидала Трина Кюль, съ такимъ же узелкомъ, какъ и у него, подъ мышкой и въ платъв, сшитомъ для конфирмованія, изъ котораго она уже успёла вырости.

- Гдѣ ты запропастился?— спросила она. Вмѣсто отвѣта, онъ тоже спросиль ее:
  - Ты въ самомъ дълъ хочешь со мною идти?
- Да, отвъчала она. Клаусъ Уль не додаеть мнъ платы, потому что я выросла въ бъдной семьъ, да еще требуетъ благодарности. Въ Гамбургъ я себъ тоже мъсто найду.

И они пошли рядомъ по горъ. На встръчу имъ дулъ вътеръ, летъли сухіе листья и врутился песовъ.

Послѣ Пасхи начались занятія въ школѣ, но Іёрнъ Уль въ школу не пошелъ и объявилъ, что останется дома и будетъ работать. Отецъ сталъ браниться и даже побилъ его, но Іёрнъ стоялъ на своемъ, не объясняя причинъ.

Вечеромъ, когда онъ уже легъ въ постель, къ нему пришла Витенъ, чтобы утёшить его, и спросила, почему онъ измёнилъ свое рёшеніе. Онъ такъ сильно и горячо плакалъ, что сначала не могъ отвёчать, но потомъ выговорилъ сквозь рыданья, что никто не заботится о скотинё, кромё него, что рабочіе быютъ лошадей ногами и портятъ ихъ, и у одной уже образовалась рана на колёнё. Фите Крей тоже не Богъ вёсть какъ хорошо смотрёлъ за лошадьми, а ужъ безъ него, да если еще и онъ, Іёрнъ, уйдеть, такъ совсёмъ ужасы начнутся.

— А ты думаешь, мит это легко и я радъ, что остался? закончиль онъ, всклипывая. —Но ужъ мит теперь никакая книга на умъ нейдетъ. И останусь я такимъ же глупымъ, какъ вст другіе!..

VII.

На другой день утромъ Іёрнъ надёлъ рабочую куртку, которую Фите Крей, уходя изъ дома Клауса Уля, со злобой швырнулъ объ стёну. Съ этого момента онъ какъ-то разомъ охладёлъ къ школё и весь ушелъ въ работу.

Ему пришлось переносить много непріятностей отъ прислуги и работниковъ. Они считали его за равнаго, и затрудненіе состояло въ томъ, что они все-таки были его подчиненными. Онъ слёдилъ за тёмъ, чтобы они работали добросоветно, и требоваль въ себё почтительнаго отношенія. Они относились въ нему дружелюбно, пока онъ работалъ наравнё съ ними, но какътолько выходилъ изъ роли простого работника и начиналъ слёдить за тёмъ, какъ они работають, онъ сразу становился имъ непріятенъ. Завидёвъ гдё-нибудь неподвижно стоящій среди поля плугъ или замётнвъ, что разболтавшіяся работницы позабыли доить коровъ, онъ, засунувъ руки въ карманы, спёшилъ большими шагами, чтобы возстановить порядокъ. Онъ всегда старался это дёлать съ улыбкой и такъ, чтобы никого не обидёть.

Рабочіе между собою называли его "ландфогтомъ" и подсмѣивались надъ нимъ.

Насмътви его не обижали. Вообще, съ самой юности онъ выработалъ въ себъ стремленіе въ главному и презръніе въ мелочамъ, и это было важное пріобрътеніе для всей его послъдующей жизни.

Въ этотъ періодъ своей жизни Іёрнъ выше всёхъ окружавшихъ его людей ставилъ старика Дрейера. Этотъ человёкъ началъ съ очень малаго или, вёрнёе, съ ничего, цёлыхъ сорокъ лётъ работалъ изо всёхъ силъ, жилъ крайне бережливо, и только къ семидесяти годамъ добился нёкотораго достатка.

Уже нёсколько лёть тому назадь, Дрейерь поссорился съ Клаусомъ Улемъ, и не вланялся, и не смотрёлъ никогда на его старшихъ дётей. Когда же его зоркіе глаза замёчали работающаго въ полё долговязаго Іёрна, то онъ, перепрыгивая черезъ канавы, пробирался къ нему, разспрашиваль его о дёлахъ и самъ сообщаль ему громкимъ, увёреннымъ голосомъ разныя свёдёнія, почерпнутыя изъ собственнаго многолётняго опыта. Этого старика, съ умнымъ безбородымъ лицомъ и едва тронутыми сёдиной, длинными до плечъ волосами, Іёрнъ слушаль такъ, какъ только слушають въ церкви. Слова старика были для Іёрна въ эти годы своего рода евангеліемъ. Трудиться, быть трезвымъ, бережливо и умно хозяйничать—вотъ къ чему стремился въ эти годы Іёрнъ Уль.

Съ каждымъ днемъ онъ становился все ненавистнѣе отцу и старшимъ братьямъ. Для нихъ онъ былъ ежедневнымъ и молчаливымъ укоромъ. Неувѣренность въ собственныхъ сужденіяхъ относительно другихъ, болѣе взрослыхъ членовъ семьи, свойственная шестнадцатилѣтнему юношѣ, мѣшала Іёрну открыто выражать свое порицаніе. Онъ имѣлъ обыкновеніе держаться отъ нихъ какъ можно дальше, ни однимъ словомъ не отвѣчалъ на ихъ насмѣшки, и только весь вспыхивалъ, когда они смотрѣли, какъ онъ исполняетъ ту работу, которую, въ сущности, должны были дѣлать они. Но именно этотъ его робкій, удрученный видъ больше всего и раздражалъ ихъ, такъ какъ въ немъ читали они безмолвное обвиненіе себѣ.

По вечерамъ Іёрнъ и Эльзбе имѣли обывновеніе сидѣть съ Витенъ въ комнатѣ, выходившей въ корридоръ. За послѣдніе годы Витенъ какъ-то притихла и видъ у нея былъ удрученный. Особенно рѣзко сказалась въ ней эта перемѣна послѣ того дня, когда Фите Крей выкрикнулъ ей на весь дворъ свои упреки. У этой женщины была такая изумительная память и такая сила вообра-

женія, что все, что она пережила или даже только услышала, не отходило въ область прошлаго, но стояло неотступно предъ нею никогда не блёднеющими образами. Когда она была моложе, то жизненная энергія помогала ей справляться съ этими картинами, вызывая на первый планъ свётлыя и радостныя, но надвигавшаяся старость ослабила ее, и тогда все темное въ ея воспоминаніяхъ властно выступило впередъ.

Іёрнъ по вечерамъ чувствовалъ себя смертельно уставшимъ отъ тяжелой работы. Онъ былъ глухъ и тупъ во всему окружающему, мало говорилъ и рано шелъ спать.

Витенъ и Іёрнъ были плохими товарищами для маленькой живой Эльзбе. Голова дівочки работала все сильніве и сильніве, и постепенно всів ен стремленія сосредоточились въ потребности любить.

Старшіе братья выбрали для себя лицевую вомнату. Тамъ собирались въ нимъ товарищи. Имъ удалось подобрать и подходящихъ въ нимъ, на все готовыхъ дъвушевъ. По временамъ, вогда чей-нибудь громкій голосъ или заглушенный дъвичій смъхъ долеталъ до молчаливыхъ и тихихъ Витенъ, Эльзбе и Іёрна, дъвочва поднимала врасивую черноволосую голову и безпокойно озвралась на дверь.

Замътивъ это, Іернъ сразу выходиль изъ своего оцъпенвнія и тотчасъ же начиналь о чемъ-нибудь говорить, чтобы отвлечь оть дверей вниманіе сестры. Но она не поддавалась на его хитрость и, вскочивъ съ своего мъста, безповойно переходила отъ овна въ дверямъ. Иногда она отворяла дверь и выглядывала въ ворридоръ. Тогда изъ-за стола раздавались два встревоженные голоса:

— Эльзбе! Ты куда? Запри двери!—И она покорно возвращалась опять къ столу, съ опущенной головой, и думала:

"Только бы мив вырости! Ахъ, только бы мив вырости"!

По воскреснымъ днямъ Іёрнъ до полудня обывновенно работалъ въ вонюшнъ, но, отъ времени до времени, навъдывался въ вомнаты посмотръть, что дълаетъ Эльзбе. По вечерамъ дъвочка отправлялась къ какой-нибудь изъ своихъ прежнихъ подругъ, а онъ въ это время отдыхалъ отъ своей тяжелой работы в сидълъ у себя въ комнатъ или шелъ поговорить съ Ясперомъ Креемъ, возлъ его дома.

Старый Дрейеръ быль наставникомъ Іёрна въ практической жизни; Ясперъ же Крей расширяль его міросозерцаніе и выводиль его на широкій путь общечеловіческой мудрости. У Яспера, какъ и у всіхъ Креевъ, было свое прошлое. Въ молодые годы

онъ побывалъ на сверв Германіи, какъ разъ въ то время, когда народъ настоятельно требовалъ признанія своихъ правъ и добивался принимать участіе въ управленіи. Ясперъ Крей изъ Венторфа не ограничился ролью безучастнаго зрителя. Черезъ нъсколько времени, однако, онъ вернулся домой, слегка возбужденный, слегка заныхавшійся и какъ будто растерянный, однимъ словомъ, приблизительно въ такомъ состояніи, въ какомъ бываетъ танцоръ, неожиданно вытольнутый изъ бальной залы, когда онъ, озираясь, идетъ дальше съ такимъ видомъ, точно съ нимъ не случилось ничего особеннаго. Такимъ именно вернулся Ясперъ въ Венторфъ.

Еслибы онъ не женился или, просто, повремениль бы съ женитьбой, то почти навърное повинуль бы опять родину, чтобы снова попробовать свои силы. Но, подъ первымъ тягостнымъ впечатлъніемъ, онъ сразу же по возвращеніи и, быть можеть, повинунсь смутному желанію наложить на себя узду, женился на очень ограниченной дъвушкъ, и притомъ до такой степени привязанной къ Маріендонну, что на нее нападала тоска по родинъ, когда изъ ея глазъ скрывалась труба родного дома. Потомъ пошли дъти, явились бользин, и забота о хлъбъ насущномъ захватила его цъликомъ. Онъ сдълался поденщикомъ Улей, и уже давно понялъ, что никогда не будетъ ничъмъ инымъ. Зимою, въ свободное время, онъ дълалъ въники, щетки и скребницы. Однимъ словомъ, по виду, онъ сталъ совсъмъ какъ другіе.

Но иногда его схватывала какая-то тревога, и когда наступало время выборовъ, онъ ходилъ изъ дома въ домъ, поучая и возбуждая равнодушныхъ или невъжественныхъ въ политикъ людей. Затъмъ его возбуждение проходило, и онъ опять становился такимъ, какъ другие, но по временамъ въ его головъ шевелились прежния пестрыя мысли.

Возлів старой, низвой домовой стівны онъ не разъ, въ восвресные вечера, разговариваль съ Іёрномъ о томъ, какъ все идетъ на біломъ світть. Жена Яспера сиділа, обывновенно, у открытаго окна. Потомъ возвращались домой утомленныя и набігавшіяся діти и тихо укладывались спать. Старшій сынъ, Августъ, говорилъ какъ-то плохо и дурно учился въ школів. Онъ былъ такой же ограниченный, какъ и его мать, и совсімъ не интересовался тімъ, что говорили между собой отецъ съ Іёрномъ.

— Іёрнъ, — сказалъ какъ-то разъ Ясперъ Крей: — знаешь ты, что говорится въ Старомъ Завътъ? Конечно, ты этого не знаешь. Тамъ говорится, что каждыя пятьдесятъ лътъ земля под-

лежить новому раздёлу. Вы, Ули, ужъ слишкомъ долго сидите на вашей землё! Пора и намъ, Креямъ, попользоваться вашимъ обширнымъ и богатымъ ховяйствомъ. Говорю я тебё: у насъ на вашихъ дворахъ дёло пойдетъ куда лучше, чёмъ у васъ на нашихъ пескахъ. Пора и вамъ поховяйничать на пескахъ, Іёрнъ. Ты только представь себё твоего отца: ёдетъ это онъ съ собачьимъ фургономъ, Іёрнъ, подъёзжаетъ, ну, къ моему, что-ли, двору и спрашиваетъ: "Дома ли господинъ Крей"?.. Вотъ такъ именно и спрашиваетъ: "господинъ Крей". А я, значитъ, оглядываю его съ головы до ногъ и говорю: "Времени у меня нётъ, чтобы заняться тобою, Уль. Обратись къ моей женё".

Въ это время жена Яспера вривнула изъ овна:

- Ты что-то, кажется, ужъ слишкомъ заврался!
- Молчи, Трина!... Видишь ли, въ чемъ дёло-то, Ісрнъ. Когда ты подставляеть лицо вётру и отврываеть роть, чтобы набрать побольте свёжаго воздуха, то ни единый человёвъ не вривнеть тебё: "Эй, ты, убирайся вонъ! Это—мой вётеръ"! Но когда ты вуда-нибудь притвнеться и начинаеть въ потё лица обработывать столько земли, сволько тебё требуется, чтобы напитать самого себя и своихъ дётей, тогда люди поднимаютъ вривъ: "Убирайся! моя земля"! Легкія и желудовъ—отъ самого Господа Бога, Іёрнъ, получили право быть сытыми. Но если ты имёеть уже пищу и платье, то уже довольствуйся этимъ. А по моему, Іёрнъ, если захочется человёку пріобрёсти и еще чтонибудь своимъ умомъ и прилежаніемъ, такъ и это тоже должно быть ему вполей разрёшено.
  - Ну, вотъ, это мив не совсвиъ ясно, сказалъ Іёриъ.
- Нѣтъ? Странно! А еще у тебя такой длинный и какъ будто умный носъ. Да развѣ мало земли и правительство не можетъ распоряжаться ею, какъ хочетъ? Ты мнѣ только скажи, мало ли плохо обработанной земли въ Шлезвигъ-Голштиніи? Въ хорошихъ рабочихъ рукахъ она приносила бы вдвое больше.
- Ну, не скажи! Въдь далево не всъ рабочіе прилежны, бережливы и трезвы, замътилъ Іёрнъ. Развъ ты забылъ, что случилось съ тобой, когда ты получилъ тысячу-двъсти маровъ?
  - Полно, малый, нечего старое-то вспоминать.
- Я, продолжалъ Іёрнъ и ударилъ по колёну своей длинной рукой, — я увёренъ, что достанься мнё сегодня же десять тысячъ марокъ, я не истрачу безполезно ни единой, хотя мнё всего шестнадцать лётъ. Какъ ты думаешь?
- Молчи!—остановилъ его Ясперъ Крей.—Давай говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Въ это время изъ комнаты, изъ того угла, гдъ помъщалась кровать, послышался негодующій ропоть, похожій на гуль надвигающейся къ вечеру грозы. Трина Крей, въ ночной кофточкъ, показалась въ окиъ.

- Я тебъ разсважу все подробно, Іёрнъ.
- Начинается! прошепталь Ясперь Крей и подмигнуль Іёрну.
- Получили это мы въ наследство отъ покойницы-тетки Стины тысячу-дейсти марокъ. Сестра ея, Трина, жива еще и посейчась. Получили это мы деньги въ цеховомъ судв. Выдали намъ цёлую кучу блестящихъ золотыхъ монетъ и талеровъ; завязали мы ихъ въ платовъ и унесли домой. Ну, первое время все шло хорошо; только вскоръ стала я вамъчать, что у Яспера точно начинаетъ пропадать аппетить. Случалось и такъ, что онъ бросаль работу и со всъхъ ногъ бъжаль домой, чтобы пересчитать деньги въ своемъ ящикъ. Ночью онъ совсъмъ не могь спать. Тавъ прошло восемь дней, и съ важдымъ днемъ у насъ все шло хуже и хуже. Стала я бояться, что онъ рехнется, н посовътовала ему снести деньги въ сберегательную кассу. Воть онъ и отнесъ ихъ туда, и получилъ взамънъ этакую маленькую желтую внижку. Съ этихъ поръ пошло у насъ ужъ совсемъ плохо. И чего только я не вынесла тогда съ этимъ человъкомъ, Іёрнъ! Разъ, ночью, вскочилъ онъ съ постели и сталъ искать свою внижву, не нашелъ ее сразу-то и на цёлый домъ принялся вричать, что это я ее украла. Тогда я посовътовала ему: "Возьми назадъ деньги"! Онъ такъ и едълалъ. А вотъ что ты думаешь, Іёрнъ, дальше-то было? Процилъ онъ ихъ, Іёрнъ! Ничего больше вавъ пропилъ. Въ карты игралъ онъ, кричалъ, ссорился со мной, съ Улемъ, съ детьми, съ учителемъ Петерсомъ. Въ домъ у насъ былъ постоянный врикъ и шумъ. Да, это былъ тяжелый у насъ годъ! Много горя и нужды приняла я тогда. Потомъ деньги пришли въ концу, а съ ними кончилась и его забота о нихъ. Увиделъ онъ, что ему опять нужно работать, и съ этихъ поръ все у насъ опять пошло хорошо: онъ опять, вавъ подобаетъ всявому доброму христіанину, сталъ заботиться о женъ и дътяхъ. Тогда Фите было пять лъть, Іёрнъ. Ахъ, Іёрвъ, и гдв это теперь мой Фите?

И она захлопнула овно.

— Трина не очень умна, но въ этомъ случав она права, — сказалъ Ясперъ Крей. — Деньги пришли ко мив неожиданно, и ихъ было черезчуръ ужъ много. Я не былъ подготовленъ къ

этому. Но, вотъ, когда умретъ другая тетка-я покажу тебъ, вать нужно распоряжаться деньгами!

- Съ деньгами явится и забота; а чтобы избавиться отъ нея, ты пропьешь ихъ.
- Какъ? спросилъ Исперъ Крей и посмотрелъ укоризненнымъ взглядомъ на своего собеседника. — Ведь каждый человыть должень же, въ концъ концовъ, образумиться!
- Да, это бываеть со многими, но далеко не со встии, отвётнять Іёрнъ, и съ тяжелымъ раздумьемъ посмотрёдъ на свой домъ, стоявшій по другую сторону дороги, подъ тінью ясеней в тополей.

Какъ-разъ въ этотъ самый вечеръ, въ книжной давкъ на одной изъ гамбургскихъ улицъ, около церкви св. Петра, сидълъ иолодой человъвъ, поджидан, не явится ли еще вавой-нибудь запоздавшій покупатель. И действительно, дверь вдругь отворилась н въ давку вошелъ молодой рабочій. Вошедшій былъ крізпкій, коренастый малый, въ сёрой рабочей курткв, съ круглымъ и свёжемъ лицомъ, быстрыми глазами и рыжими волосами. Остановившись у прилавка, онъ молча посмотрель на продавца, и когда тоть медленно поднялся съ своего м'еста, покупатель выложилъ на прилавовъ довольно основательную стопку серебра.

- Воть на это мит хочется купить книгь, --объявиль онъ.
- Книгъ?
- Ну, да, книгъ! Слыхали вы про то, что нъкій Теодоръ Штормъ написалъ внигу?
- Штормъ? Да, у насъ есть книга его разсказовъ.
   Разсказы? Я не совсъмъ исно понимаю, что это, но боюсь, что это не то, что мив нужно. Видите ли, я объясню вамъ все откровенно. Служу я разсыльнымъ въ торговомъ заведенін, здівсь, по Германштрассе, и я долго поджидаль, пока вы останетесь одинъ въ лавив. Двло вотъ въ чемъ: у меня, на родинь, живеть одна старая дввушка, Витенъ Пеннъ. Воть она-то н разсказала мнъ, что Теодоръ Штормъ собирался написать внигу вийсти съ какимъ-то Мюлленгофомъ. Именно эту книгу инъ и хотълось бы вупить. Вотъ вамъ и деньги за нее.

Продавецъ сълъ за свою конторку и нъкоторое время, молча, смотрѣлъ на страннаго покупателя большими, удивленными гла-

— Кавъ вы сказали? Штормъ и Мюлленгофъ? Но какую же это внигу они могли собираться вмёстё писать?

- Да вотъ... однимъ словомъ... собирались они писать о томъ, какъ сдёлаться умнымъ и богатымъ. Въ этомъ вся суть. При этихъ словахъ продавецъ даже приподнялся съ своего
- мъста.
- Долженъ я вамъ сказать, —проговориль онъ, что подобныхъ внигъ совсёмъ и не существуетъ. А если вы желаете знать, о чемъ писалъ Штормъ, то подождите минутву... Вотъ его внига... Это просто разсвавы о хорошихъ, мечтательныхъ людяхъ, одаренныхъ глубокой натурой. Штормъ—одинъ изъ нашихъ великихъ писателей.

Покупатель покачалъ головой и, закусивъ губы, повосился на прилавокъ.

- Значить, права была Витенъ, вогда говорила, что изъ него нивогда не выйдеть ничего путнаго.
- Мое мивніе воть какое, сказаль продавець, убирая съ прилавка разложенныя книги: вы можете прочитать съ начала до конца всё находящіяся здёсь книги, и оть этого не только не поумивете, а сдёлаетесь даже глупве, чёмь были. Нельзя набраться ума изъ книгь. Надо многое пережить, чтобы достигнуть мудрости. Позвольте мив дать вамь одинь совёть. Если вы хотите непремённо сдёлаться умнымь и богатымь, то поёзжайте туда, гдё совсёмь иёть книгь. Знаете ли что: еслибы только у меня не было отца и я не зналь бы навёрное, что мать выплачеть себё глаза, то я сейчась бы уёхаль въ Америку! Воть что сдёлаль бы я, и тогда пускай кто-нибудь попробоваль бы миё сунуть въ носъ книгу. Ужь я бы ему показаль!
- Вотъ вавъ! —произнесъ Фите Крей. —Тавъ, вотъ, значитъ, вакого вы мивнія. Такъ! —И, энергично вивнувъ головой, онъ забралъ съ прилавка деньги и засунулъ ихъ обратно въ карманъ. —Отецъ съ матерью не очень-то убиваются обо мив. А я хочу сдёлаться богачомъ во что бы то ни стало. Объ Америвъ много приходилось миъ слышать и очень хорошаго, и очень дурного, только середины я ни отъ кого ръшительно не слыхалъ. Я ръшилъ вхать туда!
- И поъзжайте, непремънно поъзжайте! Когда же вы тамъ устроитесь и будетъ у васъ время и охота, то напишите на имя старшаго ученива, въ внижную торговлю "Герольда". А какъ ваше имя?
  - Я Фите Крей изъ Венторфа.

VIII.

Одинъ разъ, лѣтомъ, когда начинала созрѣвать жатва и липы стояли увѣшанныя желтоватыми цвѣтами, Іёрнъ Уль проходилъ мимо школы, съ косаремъ на плечѣ, къ кузнецу. Вдругъ ягода крыжовника ударилась въ его шапку, и, быстро обернувшись, онъ увидалъ среди кустовъ бѣлокурую голову Лизбеты и услышалъ ея сдержанный голосъ:

— Послушай, Юргенъ, поди-ва сюда!

Онъ оглядълся, чтобы убъдиться, что ихъ нивто не видить, сняль шапку и подошель въ ней. Они за послъднее время ръдко видались и, встръчаясь, обмънивались только поклонами. Онъ съ угра до ночи былъ занятъ тяжелой деревенской работой, а она посъщала городскую школу. Онъ огрубълъ и отяжелълъ, а она становълась все красивъе и изящнъе. Онъ все это смутно совнавалъ, и держался въ сторонъ отъ нея.

Теперь, опершись о дощатый заборъ, она сообщила ему, что, окончивъ шволу, собирается сдълаться учительницей. Это его очень удивило, потому что онъ не зналъ, что существуютъ учительницы. Онъ робко спросилъ ее, не зайдетъ ли она какънибудь къ Эльзбе.

— Ахъ! — сказала она и привычнымъ движеніемъ отвинула назадъ голову: — Эльзбе старше меня, и я думаю, что ей со мною страшно скучно. Она еще недавно, какъ-то вечеромъ, когда было совсёмъ темно, подошла къ моему окну и говорила, что я ничего не понимаю, что я еще совсёмъ точно ребенокъ... — Она задумалась и опустила голову. — А ты придешь къ намъ? — спросила она, помолчавъ.

Онъ даже испугался.

- Нътъ, я не могу, быстро отвътилъ онъ, я все время работаю.
- Да ты въ домъ къ намъ можешь и не приходить, а вечеромъ... въ садъ.

Онъ быстро взглянулъ на нее. Его удивляло, что на свътъ могло существовать такое очаровательное существо; но свиданье съ нею смущало его. Однако, она такъ настойчиво его уговаривала, что онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться.

Цълый день онъ только и думалъ, что о предстоящемъ свиданьв и о томъ, какъ онъ будетъ съ нею разговаривать. Санымъ нодходящимъ для нея представлялся ему ученый разговоръ, и онъ старался припомнить, о чемъ въ его присутстви бесъдовалъ иногда учитель Петерсъ съ пасторомъ. Область его познаній была весьма ограниченна, но онъ все-таки придумаль нъсколько темъ, подходящихъ для разговора съ Лизбетой. Для начала можно было заговорить о пароходныхъ рейсахъ въ Данію, потомъ-о сельско-хозяйственныхъ школахъ, тогда толькочто открывавшихся; о машинъ для высиживанія цыплять, в еслибы этого овазалось недостаточно, то еще о сожженін вдовь въ Индіи. Объ этомъ онъ наканунѣ вычиталъ изъ газеты, въ которую были завернуты привезенныя изъ города покупки. Вечеромъ онъ вышелъ изъ дому за часъ до назначеннаго срока, и сталь медленно ходить, заглядывая во всё канавы и дёлая видь, что ищеть пропавшую овцу. Наконецъ, онъ подошель къ канавъ съ прозрачной проточной водой. Черезъ нее, вкось, протянулся вороткій стволь ивы, съ толстымъ, круглымъ вонцомъ, сплошь покрытымъ вътками, и напоминавшій голову съ вставшими дыбомъ волосами. За этими вътками, такъ, что ее почти не было видно, сидъла Ливбета и повачивала ногами налъ самой водой. Видъ у нея быль очень серьезный, и она меланхолично вивнула въ отвътъ на его въжливый поклонъ. Сердце у него сильно забилось, и вмъсто того, чтобы однимъ прыжвомъ легво пересвочить ванаву, какъ собирался, онъ тяжело перешагнуль ее и почти увязь въ глинистой землв. Ему показалось, что она при этомъ улыбнулась, но тотчасъ же ея лицо снова приняло печальное выраженіе, такъ что какъ бы само собой вышло, что онъ заговориль о сожжении индійскихъ вдовъ. Выборъ темы для разговора оказался удачнымъ. Она объявила, что сама только-что читала объ очень серьезныхъ вещахъ, и на его неувъренное замъчаніе, не дучше ли бы ей подходило веселое чтеніе, быстро возразила:

— Ахъ, нътъ, надо же знакомиться и съ печальными сторонами жизни! — Потомъ она освъдомилась о формъ костра и о томъ, надъвали ли вдовы всъ свои украшенія для такого случая. Обычай этотъ ей очень нравился, и она сама была готова послъдовать примъру индійскихъ вдовъ, потому что собиралась выйти замужъ не иначе, какъ по любви. При, этомъ ей пришлось сноба заговорить объ украшеніяхъ, и у нея въ карманъ оказались случайно брошка и пъпочка для часовъ. Часы были объщаны ей къ Рождеству. До сихъ поръ все шло очень хорошо, но дальше разговоръ не клеился. Она молчала и глядъла въ воду; онъ искалъ что-нибудь подходящее, чтобы сказать ей, не находилъ, и страстно желалъ очутиться за сто миль отъ нея. Она казалась ему совсъмъ чужой, какимъ-то существомъ изъ

другого міра. Наконецъ онъ заговорилъ удрученнымъ тономъ о двухъ жеребятахъ, родившихся на дняхъ въ Улѣ, но ее это не заинтересовало.

- Ахъ, вакое мнѣ до нихъ дѣло! воскликнула она, разсмѣявшись, и въ лицѣ ея появилось веселое и естественное дѣтское выраженіе. Она, смѣясь, показывала всѣ зубы, волосы у нея свѣсились на уши, и онъ сразу узналъ свою прежнюю "пищалочку".
- О чемъ же намъ говорить? спросиль онъ съ отчанніемъ. Тогда она ему разсказала, о чемъ онъ говорить въ школъ: сначала объ учителяхъ, потомъ объ отсутствующихъ подругахъ, а неогда и объ мальчикахъ. Только и не говорю, прибавила она, и нахожу это неприличнымъ... Посмотри-ка, перебила она самоё себи, у теби нога совсъмъ въ водъ виситъ.

Онъ быстро отдернулъ ногу, и видъ у него при этомъ былъ такой жалкій, что она предложила:

— Хочешь, пройдемся вмёстё?

Онъ вскочилъ и протянулъ руки, чтобы помочь ей, но она откакалась, встала, поправила складки платья, и опи пошли рядомъ по тропинкъ, между низкими яблонями.

- Помнишь, свазала она, вакъ ты не захотёлъ танцовать со мною на дётскомъ праздникё?
- Я ждаль, что мнв твой двдушка скажеть, чтобь я шель съ тобою, а самъ я не решился тебе предложить.
  - А теперь ты бы сталь со мною танцовать?
- Еще бы. Съ начала и до самаго вонца. Онъ погляделъ на нее, и въ этомъ взгляде выразилось все его исвреннее вослящение.
- Hy, а знаешь что?—проговорила она:—теперь бы я не стала съ тобой танцовать.

Онъ опустиль голову и молчаль. Онъ находиль вполнѣ естественнымъ, что она не стала бы съ нимъ танцовать. Тогда она вдругъ снова перемѣнилась, какъ апрѣльская погода, засмѣялась и промолвила ласково:

— Я вёдь пошутила, милый. Конечно, я стала бы съ тобою танцовать, но только ты долженъ быль бы меня такъ держать, какъ городскіе кавалеры: очень вёжливо и не слишкомъ прижимать къ себё... Однако, тебё пора домой. Я тебя провожу до ивы. Приходи опять сюда въ слёдующее воскресенье.

Тавимъ образомъ ему снова встрѣтилась на жизненномъ пути его маленькая подруга дѣтства, и съ ея помощью въ немъ долженъ былъ совершиться самымъ естественнымъ и милымъ обра-

Томъ І.—Январь, 1903.

зомъ переходъ отъ отрочества къ юности. Жизнь его, въ смысле любви, должна была пойти настоящимъ, прямымъ путемъ. Тавъ бы и случилось, еслибъ черезъ недёлю ему не пришлось тавъ за пескомъ. Если бы не эта потвядка, то Гернъ Уль подъ конецъ жизни могъ бы сказать:—Гртан юности? Я не знаю, что это такое. Въ моей юности я испыталъ трудъ и нужду, но гртаовъ не зналъ.

Однаво, должно быть, всёмъ людямъ суждено имёть эти грёхи, какъ пыль на обуви и пятна на одеждё. Ничего не подозрёвая, отправился Гёрнъ подъ вечеръ за пескомъ. Дулъ свёжій морской вётеръ и небо было пестрое: лазурныя пятна смѣнялись бёлыми и сёрыми облавами. Гёрнъ сидёлъ въ своей повозкё и, болтая ногами, тихо напёвалъ какую-то пёсенку подъ шумъ вётра. Никто бы не подумалъ, что этому длинному юношё съ тонкимъ лицомъ въ этотъ же вечеръ придется, дрожа всёмъ тёломъ, заглянуть въ прекрасные и страшные, бездонно глубокіе и темные глаза самой природы.

Завернувъ за пригородъ, онъ увидалъ Тэльзе Дирвъ, извъстную въ окрестности подъ именемъ "дъвушки изъ песковъ". Она стояла недалеко отъ своего дома, на краю песочной ямы.

— Здорово, Іёрнъ Уль! — сказала она. — Ты какъ разъ во время прівхаль, мев ужъ пора отдохнуть. — И она сверкнула на него своими умными главами. Видъ у нея быль такой свежій, какъ будто бы она только-что хорошо выспалась. Уже десять лётъ въ ея походкв и во всёхъ движеніяхъ чувствовалась все та же неустанная сила, тело ея было все такое же стройное, грудь высокая, глаза блестящіе.

Десять лёть тому назадь, у нея была подруга, которая сделалась невёстой одного сосёдняго крестьянина. Со стороны жениха любви не было, но онъ вообще еще не зналь, что такое любовь, и женился на богатой дёвушкё, чтобъ имёть возможность отдать все хозяйство и домъ нераздёльно своему любимому брату. Тэльзе Диркъ не видала жениха своей подруги и знала о немъ только изъ разсказовъ его невёсты.

- Жаль, что я его раньше не узнала,—сказала она какъ-то шутя:—мет кажется, что онъ очень ко мет подходить.
- Это удивительно! воскливнула подруга: я какъ-разъ то же самое думала. Онъ очень на тебя похожъ, и такіе же у него удивительные взгляды, какъ у тебя. Все-то онъ хочетъ понять, до всего додуматься, точь-въ-точь ты.

Передъ свадьбой подруги, Тэльве Дирвъ заболёла, и толью на девятый день пришла навёстить молодыхъ. Это была ихъ перван встръта. Оба они были высоки ростомъ. Онъ—смуглый, съ курчавыми черными волосами, она—свътлая блондинка. Они взглянули другъ на друга, и имъ стало другъ друга страшно, точно они увидали привидъніе. Подруга начала болтать, разскавиван о свадьбъ, они же оба молчали.

Стало смеркаться, нашли тучи, пошель дождь, и подруга сказала мужу, гордясь своею властью надъ нямъ, чтобы онъ проводилъ Тэльзе домой. Онъ молча взялъ шапку и пошелъ за нею. Дождь струнлся потоками, и, поднимансь по тропинкъ возлъ Золотого родника, она поскользнулась и чуть не упала навзничь. Онъ схватилъ ее и поддержалъ. Надъясь, что темнота его скрываетъ, взглянулъ онъ свободно и близко въ любимое лицо. Но бъжавшія облака разорвались, и прямо и нежданно засіяли звъзды и мъсяцъ, и каждый изъ нихъ увидалъ обнаженную душу другого. Они поняли, что должны были любить другъ друга, и нивого больше не любить до самой смерти. И они убъжали другъ отъ друга, потому что имъ было страшно. Проходили года. Велика была ихъ мука.

Она исполняла цёлый день самую тяжелую работу, чтобы только устать до изнеможенія, а вечеромъ садилась у окна, за горшками герани и гвоздики, и смотрёла въ ту сторону, гдё не было видно его дома. Онъ мучился не меньше ея. Жена его была избалованная, пустая женщина, и единственный ребенокъ ихъ умеръ.

Года проходили. Они всячески избъгали другъ друга, но въ глубинъ души каждаго жила надежда, что они будутъ когданибудь другъ другу принадлежать, и эта надежда помогала имъ смирять свою страсть. Отецъ и мать Тэльзе умерли, она осталась совсъмъ одна. Ей было уже за тридцать лътъ, и временами на нее нападало мучительное непонятное безпокойство. Когда головная боль становилась особенно невыносима, она всходила на пригорокъ и подолгу стояла на немъ, испытывая облегчение отъ сильнаго холоднаго вътра.

Яснымъ осеннимъ вътрянымъ днемъ, вскоръ послъ смерти ен матери, онъ пришелъ въ ней. Она встрътила его на порогъ дома ръзвимъ вопросомъ: что ему нужно? Онъ спросилъ, что съ ними теперь будеть? Она отвъчала, что все будеть, какъ было, что она не можетъ нарушитъ заповъдь Божью, какъ будто ен не существовало, и надъется, что и онъ не можетъ этого сдълать. Тогда онъ сказалъ, что Богъ не захочетъ своею заповъдью убить въ немъ все доброе и всю радость жизни. Онъ просилъ жену уъхать по крайней мъръ куда-нибудь, но она догадалась,

отчего ему такъ невыносимо оставаться, и отказалась уважать на зло ему. Тогда она взглянула на него такимъ мрачнымъ взглядомъ, что онъ не посмълъ ничего больше сказать, и ушелъ.

Черезъ нъсколько времени онъ опять пришелъ, вогда она подвязывала бобы на огородъ, и снова заговорилъ съ нею о томъ, что не можетъ больше тавъ жить, и тавъ вавъ ему недьзя увхать, то чтобы она уважала. Она горько заплакала, и ему удалось тогда убъдить ее, чтобъ она приходила важдый вечеръ на свидание съ нимъ въ Золотому родниву. Тамъ они встръчались, съ ведрами въ рукахъ, смотръли другъ на друга глубовимъ, серьезнымъ взглядомъ, перебрасывались обыденными словами, среди которыхъ иногда проскальзывало робкое горячее слово любви, и расходились, не привоснувшись другь въ другу. Онъ ошибался, когда думаль, что эти вечернія свиданія успокоють его; а она чувствовала, что онъ привлекалъ ее къ себъ все сильнъе важдымъ движеніемъ, важдымъ взглядомъ. Ей становилось страшно; работа не помогала больше; спать она не могла и дрожала отъ ужаса, какъ въ лихорадкъ. Тогда ей пришла въ голову удивительная и опасная мысль: обмануть свою душу и свои чувства съ другимъ человъкомъ, которому она могла бы принадлежать безъ гръха. За послъднее время она ни съ къмъ не видалась: съ молодыми людьми она всегда была очень сурова, и всь сторонились отъ нея, думая, что она находится въ связи съ мужемъ своей подруги. Она вела непосильную борьбу съ своею страстью, а люди съ непониманіемъ и грубостью уже осудили ее.

Какъ разъ въ это время въ ней нъсколько разъ прівзжаль за пескомъ Іёрнъ. Онъ понравился ей своимъ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ; она стала думать о немъ и наконецъ убъдила себя, что любитъ его. Ее радовало, что она освободилась
отъ своей мучительной страсти и можетъ найти сокровнще въ
этомъ молчаливомъ, странномъ юношъ. Въ этотъ вечеръ она
пригласила его зайти къ ней, съла противъ него, смъясь, болтая
и перегибаясь къ нему черезъ столъ. Платье у нея было съ
открытымъ воротомъ и рукава засучены выше локтя.

— Какой ты врасивый, Гернъ,—свазала она,—и глаза у тебя такіе умные, и лицо упрямое. Д'ввушки любять такихъ. Года черезъ три ты можешь выбирать себ'в любую: ни одна не откажеть.

Онъ смущенно молчалъ и всталъ, чтобы уходить.

Она подумала, что онъ обидълся.

— Что-жъ, со мной-то ужъ ты даже и говорить не хочель?

—промодвила она. — Такъ и уйдешь? Даже не захочешь и попъювать меня?

Онъ такъ испугался, что замеръ на мѣстѣ и дыханіе у него остановилось, но черезъ минуту бросился къ ней и привлекъ ее къ себѣ съ такой порывистой, безумной страстностью, что она съ трудомъ и страхомъ вырвалась отъ него. Ей хотѣлось важечь вѣжное, ласковое пламя, но вмѣсто него вспыхнулъ дикій огонь. Она оттоленула его отъ себя, и сказала, чтобы онъ уходилъ.

На следующій вечерь, къ полуночи, пришель онъ къ ней подъ овошко, постучался и сталь просить, чтобы она его впустила. Но она дёлала видь, что не слышить его. Она лежала тихо, заложивь руки за голову, и обильныя слезы текли у нея по щекань. Она считала себя несчастивищей женщиной на светь. Такъ приходиль онь къ ней три или четыре ночи подъ рядъ.

Съ вън. П-на С-ва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРВНІК

1 января 1903.

Истекшій 1902-ой годъ. — Интерест въ обществъ къ работамъ убздимът комитетовъ. — Первые маги губерискихъ комитетовъ. — Вопросъ о мѣстимът наръчіяхъ. — Мъры по поводу недорода 1902-го года. — Новый ветеринарный законъ. — Оригинальная промишленная школа. — По_вопросу о мелкой земской единицъ. — Московское губериское земское собраніе.

Годъ тому назадъ, говоря о только-что возникшей надеждв на реформу средней и высшей школы, мы указали на неопредёленность этой надежды, на отсутствіе увітренности въ томъ, что намівченный путь будеть пройдень до конца и приведеть къ желанной цъли. Подобное приходится повторить и теперь. Новая перемъна въ управленіи министерствомъ народнаго просвіщенія не пріостановила работы, предпринятой П. С. Ванновскимъ и его сотрудниками, но оставила открытымъ вопросъ о томъ, въ какой степени будетъ сохранено ея направленіе. Менве чвив когда-либо можно предвидеть, какія препятствія она можеть встрётить, что создасть и что разрушить; какое мъсто займуть ея результаты среди общихъ условій нашего времени. Мало измънилось положение дълъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни. Пересмотръ городового положенія, пріуроченный къ одному Петербургу, едва ли приведеть къ такой ломев, о которой мечтали газетные противники самоуправленія-но едва ли отъ него можно ожидать и устраненія всёхъ главныхъ недостатковъ действующаго порядка. Кругъ дъйствій земскихъ учрежденій подвергся новымъ ограниченіямъ: временнымъ-въ распоряженіяхъ, касающихся земской статистики; постояннымъ-- въ новомъ ветеринарномъ законъ. о которомъ мы подробнее говоримъ ниже. Закрыто совещание, учрежденное въ 1897 г. для выясненія нуждъ пом'встнаго дворянства---новследь затемь изданы законы объ усовершенствовании дворянскихъ учрежденій и о дворянских кассах взаимопомощи, а образованіе въ составъ министерства внутреннихъ дълъ особой канцелиріи по дъламъ дворянства заставляетъ предполагать, что проектируются новыя мъры на пользу этого сословія. Крупное пріобрѣтеніе въ сферѣ законодательства минувшій годъ принесъ только одно: законъ объ улучшенім положенія внѣбрачныхъ дѣтей, предвѣщающій пѣлую серію преобразованій въ нашемъ семейномъ правѣ. Въ виду медленности, съ которою подвигается впередъ общій пересмотръ нашего гражданскаго законодательства, нельзя не пожелать, чтобы важнѣйшія части вновь составляемаго гражданскаго уложенія получали силу закона по мѣрѣ ихъ окончательнаго изготовленія, не ожидая завершенія всей работы. Еще болѣе желательно скорѣйшее обнародованіе и введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. По отношенію къ пересмотрѣннымъ судебнымъ уставамъ мы такого пожеланія выразить не можемъ, не имѣя увѣренности, что они принесуть съ собою перемѣну къ лучшему въ сферѣ судоустройства и судопроизводства.

Самымъ врупнымъ событіемъ истекцаго года было учрежденіе особаго совъщанія о нуждахъ сольско-хозяйственной промышленности, призвавшее въ жизни увздные и губерискіе комитеты по тому же вопросу. Работа убадныхъ комитетовъ пришла или приходить къ концу. Подвести ей точные итоги теперь еще нельзя. Далеко не о всехъ вомитетахъ появлялись свёдёнія въ печати; далеко не всё засёдали при открытыхъ дверяхъ или оглашали свои постановленія. Преждевременны, поэтому, и общіе выводы, основанные на произвольно определяемых численных данныхь; преждевременна, напримёрь, радость "Гражданина", утверждающаго, что широво и вольнолюбиво взглянули на свою задачу какіе-нибудь сорокъ комитетовъ, а всѣ остальные, представляющие собою "русское общественное мижніе", благонаивренно ограничились скромными ответами на вопросы, прямо предложенные особымъ совъщаниемъ. Съ достовърностью можно сказать только одно: тв комитеты, труды которыхъ извъстны въ настоящее время, обнаружили, въ огромномъ большинствъ случаевъ, глубовое поняманіе условій, подъ гнетомъ которыхъ чахнеть наше сельское хозайство, и зам'вчательное единодушіе въ указаніи средствъ, съ помощью которыхъ оно могло бы окрвинуть и подняться. Число тавихъ комитетовъ было бы, безъ сомивнія, еще гораздо болве значительно, еслибы предсёдатели комитетовъ чаще пользовались своимъ правомъ привлекать въ участію въ работ' общирные круги лицъ, принадлежащихъ въ самымъ различнымъ группамъ населенія. Вообще говоря, предсёдателю комитета принадлежало рёшающее значеніе: онь могь раздвинуть или съузить не только личный составъ комитета, но и рамки его дъятельности, обратить его сужденія въ пустую формальность или въ плодотворное дѣло. Мы знаемъ комитеты, все заканчивавшіе въ нѣсколько часовъ—и знаемъ другіе, занятія которыхъ продолжались цѣлыя недѣли, цѣлые мѣсяцы. Въ какомъ изъ этихъ случаевъ создалась атмосфера, благопріятная для полнаго и яркаго освѣщенія мѣстныхъ нуждъ и пожеланій—это не требуетъ поясненій.

Харавтернымъ спутникомъ всякой серьезной работы всегда является оживленіе, вызываемое сознаніемъ исполненнаго долга. Въ большей или меньшей степени оно замечается во всехь уездахь, гав комитеты горячо и любовно отнеслись въ своей задачв. Проникнута имъ, напримъръ, ръчь предсъдателя елецкаго комитета, А. А. Стаховича. Упомянувъ о слухахъ, идущихъ изъ сосвдней губернін-слухахъ о какомъ-то "невъроятномъ инпидентъ", удручающимъ образомъ дъйствующихъ на настроеніе, --- предсёдатель просиль комитеть не поддаваться ихъ вліянію и не смущать свой разумъ и свою совъсть росказнями, "часто смахивающими на сплетни или запугиванія". "Все, что боится свъта" - продолжалъ А. А. Стаховичъ, - "недостойно уваженіи и вниманія цінящихь свое достоинство общественныхь дінтелей. Наше дъло сказать лишь полную искреннюю правду, не затуманенную, не искаженную никакими посторонними соображеніями, какого бы происхожденія и порядка они ни были". Такою же бодростью дышить завлючительная рёчь предсёдателя рузскаго убзднаго комитета, кн. П. Д. Долгорукова. Она свидетельствуеть о томъ, какъ велика притагательная сила труда, предпринятаго съ върою въ его плодотворность. Въ началь занятій рузскаго комитета одинь изь его членовь считаль достаточнымъ наметить несколько общихъ тезисовъ, не входя въ более детальную ихъ разработку; другой находиль, что тяжело и непроизводительно высказывать пожеланія безь увіренности въ ихъ осуществленіи. Постепенно, однако, живое дело одержало верхъ надъ сомевніями и недовъріемъ; свептицизмъ уступиль место энергіи, и члевъ комитета, прежде тяготившійся участіемь въ его трудахь, теперь, по выраженію предсёдателя, тяготится мыслыю о ихъ прекращенія. "Дружная общая работа" — воскликнулъ кн. Долгоруковъ, — "объединявшая нась въ теченіе нівскольких мівсяцевь, оставить въ нась свётлое, здоровое воспоминаніе, независимо даже отъ участи нашихъ ходатайствъ. Я лично придаю гораздо большее значение проявлению общественности, общественной жизни на мъстахъ, чъмъ удовлетворенію ходатайствъ отдёльныхъ комитотовъ... Надо надёяться, что это пробуждение общественности отразится и на производительности нашихъ обыденныхъ работъ надъ мелкими, сравнительно, вопросаме". Настроеніе, такъ ярко выразившееся въ ръчахъ А. А. Стаховича в вн. П. Д. Долгорукаго — новый, знаменательный факть въ нашей дъйствительности. Въ первый разъ послъ долгаго періода унынія и

апатін слышится надежда на будущее, чувствуется порывъ впередъ. охватившій широкія сферы. Никогда еще участниками движенія не являлись въ такой степени крестьяне; никогда не выступало на видъ сь такою ясностью сознаніе солидарности между образованнымь обществомъ и народной массой. Велика, поэтому, заслуга техъ председателей, которые не только привлекли крестьянь въ составъ комитетовъ, но и обезпечили за ними полную свободу ръчи... Одну только оговорку мы должны сделать къ вышеприведеннымъ словамъ кн. Долгорукова. Чтобы вызвать наружу энергію, существовавшую до тёхъ поръ лишь въ скрытомъ видъ, достаточно было объединяющей, ободряющей работы комитетовь; но поддержать эту энергію, предупредить ея безследное и безплодное исчезновение можеть только исполнение главивкшихъ пожеланій, выраженныхъ комитетами. Если все останется но старому, если не сбудутся даже самыя скромныя надежды, разочарованіе неизбіжно повлечеть за собою упадокъ духа, и въ містной жизни опять водворится застой. Переносить его будеть темъ тяжелье, чыть ярче блеснуль свыть, озарившій дорогу въ лучшему будуmeny.

Новъйшія постановленія утвідныхъ комитетовъ касаются, въ большинствъ случаевъ, тъхъ же вопросовъ, какъ и прежнія, и разръшаютъ ихь въ томъ же или аналогичномъ смыслъ. За перемъны къ лучшему въ правовомъ положении крестьянъ высказались, напримъръ, комитеты пирятинскій, стародубскій, петровскій, кирсановскій, семеновскій, орловскій, кіевскій, шавельскій (заключенія двухъ послёднихъ заслуживають темъ большаго вниманія, что губерніи ковенская и кіевская не принадлежать, какъ извъстно, къ числу земскихъ). За всеобщее обученіе подаль голось даже рославльскій комитеть, въ пожеланіяхь котораго играють большую роль разныя репрессивныя и карательныя ивры. Въ луцкомъ комитетв (волынской губерніи) голоса по этому предмету раздалились почти поровну: противники всеобщаго обученія одержали верхъ только благодаря голосу предсёдателя. Устройство мелкой земской единицы рекомендуется комитетами осодосійскимъ, тираспольскимъ, хотинскимъ, самарскимъ, ковровскимъ, костромскимъ, шавельскимъ, пятью комитетами смоленской губерніи. Комитеты шавельскій, кіевскій, липовецкій, староконстантиновскій, таганрогскій, ростовскій (на Дону), перновскій (лифляндской губерніи) примкнули въ числу твхъ, которые стоять за географическое распространеніе сферы действія земскихъ учрежденій. Въ земскихъ губерніяхъ многіе комитеты (напр. полтавскій, черниговскій, самарскій, нижегородсвій, гжатскій, духовщинскій, дорогобужскій, ельнинскій) сочувственно отнеслись въ предложеніямъ, имѣвшимъ цѣлью увеличеніе средствъ, улучшение состава и расширение компетенціи земства. Орловскій убад-

ный комитеть призналь желательнымъ полное отделение суда оть администраціи, упраздненіе волостных судовь и земскихь начальняковъ, возстановление института мировыхъ судей. Къ аналогичнымъ выводамъ пришелъ и кіевскій уёздный комитеть. Въ царицынскомъ комитеть выслушанъ и принять докладъ сельскаго священника Победоносцева, намівчавшій дефекты, внесенные въ деревню институтомъ вемскихъ начальниковъ, и категорически высказывавшійся за его упраздненіе 1). Тотъ же докладчикъ указалъ на тяжелыя условія жизни сельскаго духовенства, строй жизни котораго лишенъ всякой самодентельности. Полное отсутствіе выборнаго начала, безграничная зависимость бълаго духовенства отъ чернаго, отсутствіе гласности, необезпеченность матеріальнаго положенія-воть, по словамь о Побълоносцева, всімь извъстныя черты положенія сельскаго духовенства. Главный источникь народныхъ бъдствій о. Побъдоносцевъ видить въ продажь спиртныхъ напитковъ, которую онъ предлагаетъ вовсе уничтожить; бюджетные недочеты, которые отъ этого произойдуть, "скоро и съ лихвой будуть возмъщены отрезвленнымъ русскимъ народомъ".

Роль аналогичная съ тою, какую мало привлекательная женщина играеть рядомъ съ врасавицей-роль, враснорвчиво харавтеризуемая французскимъ словомъ repoussoir,-принадлежала до сихъ поръ, среди увздныхъ комитетовъ, одному только чернскому. Теперь въ нему можно присоединить еще одинъ-рыбинскій. По его мижнію, почти буквально совпадающему со взглядами гг. Сухотина и Бодиско, проступки противъ права собственности, какъ бы они ни были маловажны, должны караться возможно строже, "дабы такимъ образомъ привести крестьянь къ сознанію, что не такъ наказуется самый факть преступленія, какъ то основное начало, которымъ крестьяне руководствуются при вырубкъ чужого лъса". Рыбинскій комитеть, такимь образомь, раздъляеть съ чернскимъ честь изобрътенія "каръ, налагаемыхъ на принципъ". Несовершеннолътнихъ, уличенныхъ въ проступкахъ противъ собственности сосъда, рыбинскій комитеть предлагаеть наказывать розгами, а родителей ихъ привлекать къ отейтственности за неумънье воспитать въ дътяхъ чувство уваженія къ чужой собственности ²). Достойнымъ товарищемъ чернскихъ и рыбинскихъ Драконовъ является дворянинъ Н. А. Павловъ, въ мивніи, представленномъ аткарскому увадному комитету 3) и напечатанномъ въ жм 334-6

³⁾ Какъ отнесся аткарскій комитеть къ предложеніямъ г. Павлова - ми se знаємъ.

¹) См. № 337 "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

²) Увеличеніе наказаній за маловажные проступки противъ права собственности предлагають еще комитеты бѣльскій (смоленской губ.) и рославльскій, но не вдавалсь въ крайности комитетовъ чернскаго и рыбинскаго.

"Московскихъ Въдомостей". Изъ общирной, многословной аргументаців г. Павлова, напоминающей, по форм'ь, своеобразный языкъ "Гражданина" (сотрудникомъ котораго г. Павловъ, кажется, и состоитъ), им приведемъ лишь нёсколько отрывковъ, по которымъ легко судить: объ остальномъ. "Голодъ и аттестація оскуденія, дискредитирующія населеніе, созданы излишнею ретивостью, округленіемъ цифръ, стущенісить красокть въ 1891 г. убядными и губернскими земствами... Населеніе само себя уб'вдило, что голодаеть (!)... Покаватели оскуд'внія -голодъ и продажа земли-не могуть выдержать строгой критики.... Інтераторамъ (?) реформъ 1861-го года легко было благословить самоуправляться, не соразміряя впередь культурныхь силь и индивидуальных качествъ этихъ самихъ... Еще большая свобода – ученіе и надежды русскаго либерализма и коллекціц литературщиковь (1)-разрушить послёднія основы порядка". Этимь варіаціямь вполн'я соотв'ятствуеть и тема. Главной причиной оскудёнія г. Цавловъ считаеть "поливиший безпорядовъ, неурядицу въ самой деревив, объясняемую. неустройствомъ мъстнаго управленія". Власти въ деревит все еще слишемъ мало: нуженъ новый сильный порядокь, съ проектомъ котораго и выступаеть г. Павловъ. Во главе уезда ставится уездный начальникъ, изъ потомственныхъ дворянъ, окончившій курсъ въ высшемъ или спеціальномъ учебномъ заведеніи, имѣющій идп-либо земельный цензъ (предпочтительно - въ губерніи), а въ видъ исключенія—безъ ценза. Назначается онъ министромъ внутреннихъ діль, по представлению губернатора или непосредственно, и облекается обширными полномочіями, между прочимъ-правомъ надзора надъ земскими, начальниками, членами земской управы и всёми мёстными чиновниками, къ какому бы въдоиству они ни принадлежали. Въ увздъ и въ. губернін учреждаются совыты общихь діль, сь функціями не то земской управы, не то земскаго собранія. Назначеніе попечителей продовольственныхъ, церковныхъ, училищныхъ предоставляется убадному предводителю совивстно съ увзднымъ начальникомъ. Земству предлагается сознаться, что оно шло до сихъ поръ по ложному пути, и заизнить рознь "сильной корпоративной дисциплиной (?) и подчиненіемь правительству"... Очевидно, прожентеры извізстнаго рода ничему не научились и ничего не забыли; върные завътамъ своихъ предковь, изображенныхъ, тридцать леть тому назадъ, авторомъ "Дневника провинціала въ Петербургв", они по прежнему видять единственный исходь въ сильной власти "благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мъстныхъ землевлядъльцевъ".

Въ печати начинаютъ появляться свёденія о занятіяхъ губерискихъ комитетовъ. Весьма возможно, что они не получать, въ большинствъ случаевъ, твхъ широкихъ размвровъ, какими отличаются работы многихъ увздныхъ комитетовъ. Отъ губернаторовъ, предсвдательствующихъ въ губерискихъ комитетахъ, трудно ожидать такого отношенія къ свободъ мивній, какимъ руководились многіе увздные предводители. Въ бавинскомъ губернскомъ комитетъ, напримъръ, вопросъ о введени земскихъ учрежденій остался безъ обсужденія только потому, что онъ не ввлюченъ въ программу особаго совъщанія. Въ лифляндскомъ губерискомъ комитетъ поставлена на очередь только часть вопросовъ, предложенных однимъ изъ его членовъ-председателемъ юрьевскаго эстонскаго земледъльческаго общества (въ числъ этихъ вопросовъ было введеніе въ Лифляндіи всесословнаго земства). Это еще не значить, однаво, чтобы всё губернскіе комитеты заключали свою дёятельность въ систематически тёсныя рамки. Смоленскій губернскій комитеть высвазался за отмёну предёльности земскихъ смёть, за пониженіе земскаго избирательнаго ценза, за увеличеніе состава земскихъ собраній, за большую устойчивость земскихъ учрежденій, за расширеніе ихъ компетенціи и строгое отграниченіе ея отъ круга дъйствій администраціи, за предоставленіе земству всёхъ средствь, ассигнуемыхъ государствомъ на начальное образованіе, за облегченіе устройства частными лицами и учрежденіями школь, курсовь, бесьдь, библіотекъ я т. п. Разсматривались въ смоленскомъ губерискомъ комитеть и вопросы, касающіеся финансово-экономической политики (необходимость согласованія податного бремени съ доходностью крестьянскаго хозяйства, понижение выкупныхъ платежей, прекращение чрезмёрнаго покровительства обработывающей промышленности и друг.). Широкъ, повидимому, и кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ саратовскомъ губернскомъ комитетъ (уничтожение розни между школами различныхъ въдомствъ, объединение вародно-школьнаго дъла. необходимость всеобщаго обученія, облегченіе устройства учительскихъ съёздовъ, поднятіе личности и культурности земледёльца и т. п.). Владинавназскій областной комитеть подаль голось за введеніе въ терской области земскихъ учрежденій, за статистическое изслідованіе области, за расширеніе программы народныхъ училищъ. Нужно надъяться, что до всеобщаго свъдънія сущность постановленій губерискихъ комитетовъ будеть доходить не случайно, а постоянно и правильно. Совершенно правъ былъ кн. П. Д. Долгоруковъ, когда, закрывая засёданія рузскаго уёзднаго комитета, предложиль ходатайствовать передъ московскимъ губернаторомъ о гласности засъданій московскаго губерискаго комитета. Если къ увздамъ, вследствіе ихъ многочисленности, разбросанности и разнообразія вившнихъ условій,

нелегко было примънить, въ этомъ отношеніи, одно общее правило, то для губернскихъ комитетовъ оно можеть быть установлено безъ всякихъ затрудненій. Знакомство съ постановленіями губернскихъ комитетовъ бросить новый свъть и на дъятельность уъздныхъ комитетовъ, такъ какъ именно она служить, обыкновенно, исходной точкой для занятій губернскаго комитета.

Какое серьезное значеніе могуть имъть экскурсін увздныхъ комитетовъ въ сферы, лежащія, повидимому-но только повидимому,-въ сторонь оть задачи особаго совыщанія, объ этомъ даеть понятіе одно изъ постановленій шавельскаго убяднаго комитета. Комитеть призналь целесообразнымъ сделать литовскій языкъ предметомъ преподаванія въ школахъ и допустить печатаніе книгь на этомъ языкъ, съ цензурованіемъ ихъ на мѣстѣ. Что въ такомъ постановленіи нѣтъ ничего политически-тенденціознаго, что оно вызвано не литовскимъ сепаратизмомъ, -- объ этомъ свидетельствуеть, прежде всего, составъ комитета: предсёдательствоваль въ немъ мировой посредникъ Чепыжниковъ, членами состояли, между прочимъ, два графа Зубова, г. Олсуфьевь, мировой судья Чистяковь. Руководящимъ мотивовъ комитета было убъжденіе, что изгнаніе литовскаго языка изъ начальнаго обученія не можеть не тормазить развитіе м'істной народной школыа следовательно и поднитие местной сельско-хозяйственной промышленности, задерживаемое, сверкъ того, отсутствіемъ популярныхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ на литовскомъ языкъ.

Вопросъ о мъстномъ языкъ возникадъ и вълифляндскомъ губерискомъ комитетъ, но здъсь ему посчастливилось меньше, чъмъ въ Шавляхъ 1). Когда выражена была мысль, что въ сельско-хозяйственныхъ школахъ лифлиндской губерніи преподаваніе желательно вести на мъстныхъ наръчіяхъ, губернаторъ не допустилъ ея обсужденія, находя, что въ выборъ школьнаго языка нельзя руководствоваться только сельско-хозяйственною точкой арвнія. Устранено было также ходатайство одной изъ секцій комитета, направленное къ тому, чтобы полицейские и судебные чины непременно владели местными наречіями. "Низшіе чины полиціи" — зам'тиль по этому поводу предс'ядатель комитета -- "обизательно должны понимать местные языки; что же касается чиновъ судебнаго въдомства, то откуда министерство юстиціи возьметь кандидатовь, владівющих влатышским и эстонским в языками"? Знаніе обоихъ языковъ нельзя считать необходимымъ, такъ бакъ по-эстонски говорять преимущественно въ сѣверной, по-латышски -- въ южной части лифляндской губерніи, -- а изучить одина язывъ вовсе не такъ трудно. Еслибы условіемъ для занятія должности ми-

¹) См. № 9617 "Новаго Времени".

рового судьи въ оствейскихъ губерніяхъ было поставлено знакоиство съ однишь изъ мёстныхъ нарёчій, то въ самое короткое время несомнённо нашлись бы лица, удовлетворяющія этому условію—и правосудіє выиграло бы отъ того чрезвычайно много. То же самое можно сказать и о высшихъ полицейскихъ чинахъ, если они теперь, въ противоположность низшимъ, не знають нарёчія своей мёстности. Для начальника уёздной полиціи такое знаніе не менёе необходимо— и не менёе доступно, — чёмъ для младшихъ его подчиненныхъ. Ходатайство, проектированное секцією лифляндскаго губернскаго комитета, представляло удобный поводъ къ выясненію давно наболівшаго вопроса— и нельзя не пожалёть, что ему не было дано дальнёйшаго движенія.

Въ началъ декабря обнародовано оффиціальное сообщеніе о мърахъ къ обезпеченію народного продовольствія въ нъкоторыхъ мъстностяхъ имперіи, пострадавшихъ въ 1902 г. отъ неурожая. Сюда относятся губерніи вятская и саратовская, часть таврической, уфимской, самарской, казанской, оренбургской, тамбовской, новгородской, псковской, тобольской, томской, иркутской и области семипалатинской. Во многихъ изъ этихъ мъстностей (напр. въ губервіяхъ вятской, саратовской, уфимской, таврической) 1901-ый годъ быль также неурожайнымъ. Нетрудно понять, насколько этимъ затрудняется возвращеніе продовольственныхъ ссудъ и выяспяется необходимость коренныхъ перемънъ въ продовольственной системъ. Къ участію въ мъропріятіяхъ по оказанію помощи нуждающемуся населенію привлечены, наряду съ врестьянскими учрежденіями, и мъстныя земства.

Кромъ мъстностей, перечисленныхъ въ сообщения, есть, повидимому, и другія, значительно потерпівшія оть неурожая. Такова, напримъръ, тверская губернія, въ которой продовольственный вопрось быль недавно предметомъ оффиціального обсужденія. Губериское присутствіе пришло въ заключенію, что населеніе губерніи, кром'в осташковскаго увзда, можеть продовольствоваться до урожая будущаго года своими средствами, хотя и съ крайнимъ напряжениемъ силъ и нъкоторымь разстройствомь хозяйства. Невольно возникаеть вопросы, желательно ли предоставление населения собственнымъ его средствамъ, разъ что оно грозитъ такими печальными результатами? Везопасно ли "прайнее напряжение силь", влекущее за собою, сплошь и рядомъ. потерю здоровья и уменьшеніе работоспособности? Можно ли примириться съ "некоторымъ разстройствомъ хозяйства", отъ котораго во многихъ случаяхъ только одинъ шагъ до разоренія? "Сплошное ненастье лътомъ" — пишетъ тверской корреспонденть "Новаго Времени" (№ 9617) — "помѣшало сдѣлать запасъ корошаго корма для скота; сѣно

собрано повсюду попорченнымъ, а на низвихъ мъстахъ осталось даже совсемь неубраннымъ. Хлеба также не вызрели во время; уборка игла при дурной погодъ. Теперь (т.-е. въ началъ декабря) уже не ръдкость, если врестьяне покупають хлёбь, а цёна его на рынкё 90-95 коп. за пудъ. По недостатку корма скотъ продается населеніемъ, особенно б'ёднотой, задешево. На б'ёду зима выдалась сурован, съ 20-25-градусными морозами, и въ заботв о хлебе и кормв присоединилась забота о топливъ. Нелегко будетъ населению пережить ныевшній тяжелый неурожайный годъ"! Эта картина служить вркой иллюстраціей къ словамъ о "крайнемъ напряженіи силь и нъкоторомъ разстройстве хозяйства". Дополняется она отсутствіемъ твердой надежды на урожай будущаго года: озими мъстами пошли подъ сивгъ при неблагопріятныхъ условіяхъ... Нужно надвяться, что жь числу неблагополучныхъ по урожаю мёстностей слёдующее правительственное сообщеніе присоединить наиболье пострадавшіе увзды тверской губернін.

Въ таврической губерніи нуждающимся въ продовольственной помощи признанъ, между прочимъ, симферопольскій убздъ. Къ такому заключенію администрація пришла, повидимому, не сразу. По словамъ "Крымскаго Въстника" 1), земскіе начальники и волостные старшины отрицали недородъ; между тъмъ, свъдъніями, ежедневно поступавшими въ убздную земскую управу, фактъ недорода подтверждался въ полномъ объемъ. По иниціативъ сельско-хозяйственнаго совъта симферопольскаго земства было предпринято изслъдованіе на мъстъ, черезъ посредство мъстныхъ землевладъльцевъ. Нужно полагать, что оно не подтвердило оптимистическаго взгляда земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ старшинъ; иначе симферопольскій уъздъ едва-ли былъ бы включенъ въ число тъхъ, которые имъють право на продовольственную ссуду...

Въ 1893 г. быль обнародованъ новый уставъ лечебныхъ заведеній, тотчась же вызвавшій возраженія со стороны цілаго ряда губернскихъ земскихъ собраній и до сихъ поръ остающійся безъ прижененія, котя срокомъ для введенія его въ дійствіе быль назначень 1895-й годъ. Такія же возраженія слышатся теперь противъ Высочайне утвержденнаго 12-го іюня митнія государственнаго совіта о ветеринарно-полицейскихъ мітрахъ по предупрежденію и прекращенію заразныхъ и повальныхъ болізней на животныхъ. Одно земское собраніе за другимъ входить съ представленіемъ о неудобствахъ этого

¹) См. № 837 "С.-Петербургскихъ Вёдомостей".

закона, колеблющаго организацію, надъ которой, особенно въ посліднее время, такъ много потрудилось земство. Московское общество сельскаго хозяйства признало, съ своей стороны, что осуществление правилъ 12-го іюня угрожаеть серьезною опасностью нашему скотоводству и скотопромышленности, и постановило ходатайствовать о пересмотръ ихъ при участіи представителей общественныхъ учрежденій. Хотя непосредственное зав'ядывание ветеринарно-полицейскими м'ярами въ земскихъ губерніяхъ и возлагается новымъ закономъ (ст. 16) на губерискія земскія учрежденія, но при первомъже извістім о появленін заразной или повальной бользни въ ужудь образуется ветеринарная исполнительная коммиссія, играющая главную роль во всехъ дальныйшихъ мыропріятіяхъ. Составляется эта коммиссія, подъ предсёдательствомъ одного изъ членовъ уёвдной земской управы, изъ ветеринарнаго врача, полицейскаго чиновника, волостного старшины или сельскаго старосты и двухъ представителей отъ скотовладъльцевъ, заблаговременно избираемыхъ губернаторомъ (ст. 23). Изъ ст. 20-й видно, что земскіе ветеринарные врачи продолжають существовать и при дъйствіи новаго закона, но отношеніе ихъ къ ветеринарнымъ врачамъ, назначаемымъ администраціей, остается совершенно неопредъленнымъ; неизвъстно даже, долженъ ли ветеринарный врачъ, входящій въ составъ ветеринарной исполнительной коммиссіи, принадлежать къ земскому ветеринарному персоналу. Между тъмъ, на земскія средства относятся вакъ расходы по предупрежденію и прекращенію повальныхъ и заразныхъ болтвней, такъ и по содержанію ветеринарнаго надзора (ст. 87). Формальности, установляемыя закономь, чрезвычайно многочисленны и сложны. По разсчету московской губериской управы, лошадь, заболъвшая, напримъръ, сапомъ, можеть быть убита не прежде какъ по истечении 16 дней съ того времени, когда будеть замъчено заболъваніе, при чемъ потребуется написать до 35 бумагь. Особенно характерна статьи 60-я, по которой "ветеринарной исполнительной коммиссіи вміняется въ обязанность выяснить предёлы цодлежащей признанію неблагополучною по данной болъзни мъстности. Предположенія воммиссіи по сему предмету сообщаются ею уёздной земской управё и съ заключеніемъ последней представляются губернской земской управѣ и ветеринарному инслектору, а по разсмотрвній ими утверждаются начальникомъ губернів, который затымь дылаеть распоряжение объ объявления какъ преды ловъ неблагополучнаго раіона, такъ и о вступленіи въ действіе мерь, предпринимаемыхъ въ означенныхъ раіонахъ". Нетрудно понять, что переходъ дъла по всъмъ этимъ инстанціямъ не можеть отдичаться большою быстротою. Если земство во многихъ губерніяхъ-напр. въ московской — достигло крупных результатовы вы борьб в съ эпи отіями,

это следуеть приписать именно свободе действій, отсутствію точной, все предусматривающей регламентаціи. Повороть въ противоположную сторону, увеличивая интенсивность надзора и размеры переписки, неизбежно уменьшить сумму производительнаго, живого труда и нанесеть новый ударь земской идей.

Къ какимъ результатамъ можетъ привести совместное ведение дела зеиствомъ и администрацією, при подчиненномъ положеніи первагообъ этомъ даетъ понятіе исторія миргородской промышленной школы имени Н. В. Гоголя, разсказываемая полтавскимъ корреспондентомъ "Русскихъ Въдомостей" (№ 341). Основанная на средства, собранныя всероссійской подпиской, но съ субсидіями отъ полтавскаго губернскаго земства и отъ министерства финансовъ, школа находилась въ управленіи лица, номинально выбраннаго земствомъ, но рекомендованнаго и затёмъ утвержденнаго министерствомъ, отъ котораго зависить и его увольненіе. Сознаван безсиліе земства, директоръ школы не обращаль вниманія на его требованія, въ теченіе семи літь дійствоваль, de facto, безконтрольно и обратиль технически-образовательное учреждение въ верамическую мастерскую, для учениковъ которой оставалась тайной суть производимой ими работы: ученики, обращенные въ простыхъ рабочихъ, носили воду, месили глину и составы, изготовленные по секрету оть нихъ, красили вылёпленныя формы красками тоже неизвёстнаго имъ состава и затёмъ должны были удаляться, когда учителя школы приступали къ таинственнымъ процессамъ окончательнаго обжиганія. По остроумному замічанію корреспондента "Русскихъ Въдомостей", еслибы въ какой-нибудь медицинской школь профессора-врачи лечили на глазахъ у студентовъ секретными средствами, то получилось бы нечто подобное педагогическимъ пріемамъ, господствовавшимъ въ миргородской школъ. Ученики выходили изъ нея ничего не знающими и неспособными къ самостоятельной работь. Вина губернской земской управы (прежняго состава) завлючалась въ томъ, что она слишкомъ долго терпъла такіе порядки, ограничиваясь робкими зам'вчаніями; но когда ревизіонная коммиссія раскрыла настоящее положение дъла, губериское земское собрание единогласно постановило ходатайствовать о немедленномъ удаленіи директора школы, о предоставленіи земству права назначать на эту должность и увольнять отъ нея и вообще о расширеніи земской комцетенцін въ зав'ядыванін школой. Въ виду по истин'я необыкновенныхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ исключительно благодаря земству, трудно предположить, чтобы ходатайство его могло остаться безь последствій.

Интересь къ мелкой земской единиць, яркимъ доказательствомъ вотораго послужиль недавно выходь въ свёть общирнаго сборника, всецью посвященняго этому предмету, продолжаеть выражаться и въ преніяхъ земскихъ собраній 1). Въ началь минувшаго декабря за мелкую единицу, самоуправляющуюся и самооблагающуюся, высказалось единогласно московское губернское земское собраніе, возложивъ разработку главныхъ ея основаній на особую коммиссію. Единогласіе, однако, было только кажущееся: московская губериская земская управа--- не нашедшая поддержки ни въ одномъ изъ гласныхъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ, -- находила устройство мелкой земской единицы несвоевременнымъ, трудно осуществимымъ, и отдавала предпочтение экономическимъ попечительствамъ, деятельностью которыхъ руководило бы земство. Противъ передачи вопроса о мелюй земской единиць на обсуждение коммисси управа не возражала только потому, что видела въ этомъ лишь подготовку более или менее отдаленнаго будущаго. На ближайшую очередь она старалась поставить вопрось объ экономическихъ попечительствахъ, который, вследствіе повторенныхъ ея настояній, и рівшено разсмотрівть, если окажется возможнымь, еще во время настоящей сессін собранія. Судя по ходу преній, слідуеть ожидать, что большинство собранія согласится допустить экономическія попечительства развів какть своего рода різaller, ванъ падліативную міру, могущую нівскольно смягчить, но отнюдь не устранить неудобства, сопряженныя съ отсутствиемъ мелюй вемской единицы.

Отвуда исходить, большею частью, принципіальное противодыствіе мелкой земской единиць—объ этомъ можно судить по возраженіямъ, встрыченнымъ ею во владимірскомъ губернскомъ земскомъ собраніи ²). "Къ чему мелкая земская единица?"—вопрошаль гласный Куройдовъ (земскій начальникъ). "Этотъ вопрось возникъ у насъ не по заявленію населенія, а лишь по докладу гласнаго Булыгина. Этомийніе не населенія, а Булыгина ³). Никакой земской единицы не нужно: крестьяне могуть обсуждать свои нужды на волостныхъ сходахъ, потомъ писать приговоры и входить съ ними—комечно, съ надлежащаго разришенія, — въ земскія собранія". "Подчеркнутыя нами слова объясняють какъ нельзя лучше, почему о мелкой земской единиць не хотятъ и слышать сторонники "властной руки", проповід-

^{а)} Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что мивніе, враждебное мелкой земской единицѣ—мивніе г. Куровдова, а не населенія. Въ земскихъ собраніяхъ иниціатива населенія не можетъ проявляться иначе, какъ въ формѣ докладовъ управы, коммиссій или отдѣльныхъ гласимхъ.

¹⁾ См. ниже: Литерат. Обозрвије.

²⁾ См. № 339 "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

ники "ограниченности врестынского ума". Въ томъ же духв, какъ и г. Куройдовъ, говорилъ предсйдатель собранія. . "Прежде чёмъ навязывать народу реформы"--- воскликнуль онъ, --- "нужно спросить у него, желаеть ли онь ихъ? Хотять ли врестьяме эту единицу? Понимають ли они, что это вначить? Я говориль съ крестьянами и вынесь убъжденіе, что они видять въ ней только одно увеличеніе налоговъ". Любонытно было бы узнать, въ какой форм'в рисуется передъ вообра- : женіемъ оратора народний опросъ, который онъ котіль бы предпослать преобразовательной работё? Въ форм'я приговоровъ волостныхъ или сельских сходовь, состоявшихся по внушенію или подъ вліяніемъ начальства? Въ формъ заключенія земских начальниковъ, какъ попечителей надъ умственно несовершеннолетникъ крестьянствомъ? Въ формъ вердията избранныхъ ими "стариковъ" или ивлюбленныхъ людей деревни?.. Нетрудно понять, какую внутреннюю цанность могли бы имъть всъ подобныя "заявленія". Какъ смотрять на мелкую земскую единицу врестьяне, предоставленные саминь себь-объ этомъ можно судить хотя бы по тому факту, что за нее высказались въ прошломъ году всё уёздныя земскія собранія пермской губернін, въ которыхъ, какъ извёстно, преобладаеть крестьянскій элементь... О достовърности свъдъній, получаемыхъ врестьянами отъ противнивовъ мелкой земской единицы, дають понятіе заключительныя слова предсвдателя владимірскаго губернскаго земскаго собранія: "крестьяне видять въ мелкой земской единицъ только одно увеличение налоговъ". На самомъ дълъ мелкая земская единица, привлекая къ платежу мъстныхъ сборовъ свободные отъ нихъ до сихъ поръ источники, должна, по врайней мёрё на первое время, не увеличить, а уменьшить податное бремя, лежащее на врестьянахъ... Владимірскимъ губерискимъ земскимъ собраніемъ вопрось о мелкой земской единицъ оставленъ OTEDUTUES.

Тверское губериское земское собраніе высказалось въ прошломъ году, довольно значительнымъ большинствомъ голосовъ, за несвоевременность введенія мелкой земской единицы. Сообразно съ этимъ, тверская губериская земская управа въ нынёшнемъ году представила собранію докладъ объ устройствё земскихъ попечительствъ. На сколько можно заключить по не совсёмъ опредёленнымъ свёдёніямъ, сообщаемымъ тверскимъ корреспондентомъ "С.-Петербургскихъ Вёдомостей" (№ 340), эти попечительства очень мало похожи на проектированныя московскою губерискою земскою управою и весьма близко нодходять къ всесословному приходу, т.-е. къ одной изъ разновидностей мелкой земской единицы: рёчь идеть и о выборахъ, и о приходскомъ земскомъ собраніи, и о самообложеніи. Другая форма попечительствъ, "стоящихъ въ подчиненномъ отношеніи къ земству", па-

мѣчается, повидимому, только на случай непринятія первой. Мелкая земская единица, передъ которою въ Твери заперлась дверь, стучится, такимъ образомъ, въ окно, какъ назръвшая потребность, неотразимо напоминающая о своемъ существованім 1). Она проникаетьконечно, въ искаженномъ видъ, -- даже въ "Московскія Въдомости". Еще недавно онв находили, что мелкой единицы совствив не нужно. благо есть земскій начальникъ; теперь он'в пом'вщають у себя (№ 337), съ благосилоннымъ отзывомъ, статью, рекомендующую учреждение приходскихъ попечительствъ, тесно связанныхъ съ земствомъ. Правиа. еще тёснёе авторъ связываеть ихъ съ администраціей, вводя въ составъ попечительства земскаго начальника и предоставляя последнему контроль надъ выборомъ членовъ попечительства изъ среди врестьянъ (утверждение остальныхъ членовъ возлагается на губернатора). Редакція "Московскихъ Віздомостей" идеть еще дальше, требуя разобщенія попечительствь съ земствомъ и обращенія ихъ въ органы правительственной власти. Къ другому выводу систематическіе противники самоуправленія и не могли придти; но характернымь. во всякомъ случав, остается тотъ фактъ, что на страницахъ ихъ главнаго органа могла промелькнуть мысль объ установлении более близкой связи между вемствомъ и небольшими группами населенія.

До какой степени подготовлена къ реформъ врестъянская масса, объ этомъ свидетельствуетъ-вмёсте съ фактами, приведенными въ стать т. Воробьева 2), -- примъръ золотовской волости камышинскаго увзда (саратовской губерніи). По выраженію крестынина Гусева (въ докладь, представленномъ камышинскому увядному комитету), "золотовская волость, сама того не замічая, близко подошла къ осуществленію мелкой земской единицы". Она тратить отъ 3 до 31/2 тысячь рублей на содержаніе 16 школь, раздаеть пособія погорёльцамъ, строить образцовыя школьныя зданія (до сихъ поръ возведено ихъ шесть), пріобрітаеть, за счеть образованныхъ ею спеціальныхъ капиталовъ, земледъльческія машины и орудія, ткацкіе станки и пожарные насосы, продаваемые, затёмъ, по заготовительнымъ цёнамъ, на льготныхъ условіяхъ. По удостов'вренію вамышинскаго убяднаю предводителя дворинства, гр. Д. А. Олсуфьева, въ волотовской волости вовсе нъть ни дворянскаго, ни такъ называемаго интеллигентнаго элемента; все сдёлано самими врестьянами. По истинъ мудрыми, въ виду этихъ фактовъ, являются следующія слова престьянина Гусева: "говорять, что народъ не дозрѣль, не наступило еще то время, чтобы можно было отврывать мелкія народныя учрежденія. Да овъ

Подробное изложение доклада см. въ № 341 "С.-Петербургскихъ Въдомостей".

¹⁾ Судя по телеграмить, напечатанной въ "Русскихъ Въдомостяхъ", докладъ тверской губ. земской управы принять тверскимъ губ. земскимъ собраніемъ.

и не дозрѣеть и не посићеть никогда, такъ какъ все, чему нужно зрѣть и сиѣть, сперва необходимо посѣять, посадить и растить. Посадите маленькое деревцо—мелкую земскую единицу, порастите ее коть немного, а потомъ и ждите уже плода".

Намъ скажуть, быть можеть, что если крестьянская волость, какъ видно изъ только-что приведеннаго примъра, способна подняться собственными силами на высоту мелкой земской единицы, то незачёмъ усложнять вопросъ сліяніемъ сословій, привлеченіемъ къ общему ділу вски элементовъ мъстнаго населенія. Такое возраженіе было бы явнымъ софизмомъ. Предоставленная самой себъ, крестьянская волость только въ редвихъ случанхъ можеть отрешиться отъ рутины, вступить на новый путь, расширить свои задачи; обыкновенно ей недостаеть для того какъ средствъ, такъ и свободы действій. Опекой земскаго начальника и гнетомъ волостныхъ властей попытки самодъятельности заглушаются, большею частью, въ самомъ своемъ зародышь или не возникаеть даже мысль о возможности замьнить волостной ванцелиризмъ волостнымъ самоуправлениемъ. Съ другой стороны, въ волости, состоящей изъ разнообразныхъ элементовъ, всякое скольконибудь широкое общеполезное предпріятіе затрогиваеть не одни только врестьянскіе интересы. Въ золотовской волости, гдё нёть ни дворянъ, ни "интеллигенціи", вся преобразовательная работа могла быть произведена на счеть одникъ крестьянъ, однёми крестьянскиму руками; при другихъ условіяхъ для нея необходимы соединенныя силы и соединенныя средства. Общность цёлей требуеть общности труда-и отъ обязательнаго участія въ этомъ трудів нивто не долженъ быть свободенъ.

Въ виду не прекращающихся и даже усиливающихся стремленій посёять рознь между земствами и городами (въ особенности столицами), большого вниманія и сочувствія заслуживаєть недавнее постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, направленное къ соглашенію различныхь, но вовсе не противоположныхь интересовъ. Московскія городскія попечительства затрудняются помогать пришельцамь изъ московской и другихъ губерній, наводняющимъ Москву, остающимся безъ занятій, испытывающимъ всевозможныя лишенія и бъдствія—и вмёстё съ тёмъ тяжелымъ бременемъ ложащимся на городъ. Московское губернское земское собраніе, въ декабрьской своей сессін, рёшило облегчить городскому управленію и его органамъ исполненіе этой задачи. Послё преній, не обнаружившихъ никакого серьезнаго разногласія между гласными отъ столицы и гласными отъ уёздовъ, собраніе признало, что на губерискомъ земствё должна лежать вабота о призрёніи нуждающихся уроженцевъ московской и дру-

гихъ губерній, прожившихъ въ Москві при опреділеннихъ занятіяхъ -менве двухъ лётъ, безъ опредвленныхъ занятій-хотя бы и болве этого срока. За уроженцами московской губернін право на земскую помощь признано и тогда, когда они, проживъ въ Москвъ, при опредъленныхъ занятияхъ, болъе двухъ льтъ, не потеряли связи съ деревней, вследствие чего представляется возможнымъ и более целесообразнымъ оказывать имъ помощь на родинъ. Для разръшенія общихъ вопросовъ, которые могуть возникнуть при новомъ порядив, организованъ особый земскій совъть по дъламь общественнаго призрънія. Въ виду того, что помощью московскаго губерискаго земства будутъ пользоваться пришедшіе въ Москву уроженцы другихъ губерній, собраніе нашло необходимымъ войти по этому предмету въ соглашеніе съ сосъдними земствами, почему и постановило ходатайствовать о разрѣшеніи созвать при московской губернской земской управѣ земскій областной събздъ по вопросамъ общественнаго призрінія. Всіми этими постановленіями достойно поддерживается традиція московскагогуберискаго земства, такъ часто и такъ удачно бравшаго на себя иниціативу нововведеній въ земскомъ ділів. То же самое слідуеть сказать и о решеніи собранія организовать общеобразовательные курсы для учащихъ въ начальныхъ школахъ московской губерніи. Въ меньшинствъ по этому вопросу остались только двое гласныхъ, находившихъ нежелательнымъ, чтобы путемъ курсовъ распространились между учащими иден, и не успоконвшихся даже тогда, когда предсёдатель губ. зем. управы призналь назначениемъ курсовъ не проповёдь идей, а "сообщеніе научныхъ свідівній, необходимыхъ учителю на важдомъшагу его жизни". ,

Не отступая, когда нужно, передъ распиреніемъ круга дѣйствій губернскаго земства, московское губернское земское собраніе вовсе не расположено стѣснять, безъ достаточныхъ основаній, самостонтельность уѣздныхъ земствъ. Оно отклонило предложеніе губернской управы, направленное къ установленію большаго однообразія въ выборѣ учебниковъ и учебныхъ пособій, и признало желательнымъ только одно: чтобы губернское земство, въ случаю возбужденія о томъ ходатайства утодными управами, приняло въ свое вѣдѣніе дѣло закушки, за счеть уѣздныхъ земствъ, учебныхъ книгъ, пособій и классныхъ принадлежностей, съ цилью ихъ удешевленія.

НЕДОЧЕТЫ СОСЛОВНЫХЪ ПРОГРАММЪ.

— С. С. Бехтвевъ, Хозяйственные итоги истекшаго сорокалетія, и меры къ хозяйственному подъему. Спб. 1902.

Не безъизвъстный нашему обществу елецкій предводитель дворянства, С. С. Бехтвевъ, издаль для Особаго совещания о нуждахъ нашей сельсво-хозяйственной промышленности книгу, въ которой онъ излагаеть свои взгляды на современное положение Россіи и на средства уврачеванія недуговь, которыми она страдаеть. Въ книгь этой авторь высказываеть не одни экономические взгляды. "Какъ убъжденный сторонникъ --- говорить онъ--- государственной необходимости дворянства на мъстахъ для совершенія его культурно-политической миссіи, я, конечно, озабочень о возможно большемъ упроченіи положенія дворянства среди другихъ сословій" (стр. 289)... "Наблюдаемый абсентизмъ пом'єстнаго дворянства является пагубнымъ фавторомъ, задерживающимъ выполненіе культурнохозниственных обязанностей дворянства и развитіе м'Естнаго управленія; поэтому, въ ряду міръ, направленных въ хозяйственному подъемустраны, очень серьезное и видное м'єсто занимають м'єры къ уменьшению абсентизма" (стр. 277)... "Если во всѣ времена абсентизмъ дворянства признавался вреднымъ для культурныхъ и государственныхъ интересовь, то каковы же будуть последствія полнаго исчезновенія изъ деревни нашего культурнаго, твердаго въ своихъ политическихъ идеалахъ помъстнаго сословін, подъ предводительствомъ государей проведшаго русскій народъ черезъ многов'іковыя испытанія и создавшаго современную Россію" (стр. 127)... Настанвая на особенной важности въ Россіи дворянскаго вопроса и на необходимости разрѣшенія его въ смысль поднятія политическаго и экономическаго значенія дворянства, г. Бехтвевъ, однако, не можеть быть причисленъ къ той группъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ, представителемъ которой служить, напр., "Гражданинъ" кн. Мещерскаго.

Г-нъ Бехтвевъ, не только не скорбить о преждевременномъ, будто бы, упразднении крвностного права, но считаетъ, что установление послъдняго было пагубной исторической ошибкой, а "великій актъ 19-го февр. 1861 г. имъть значение возврата Россіи на историческій путь свободнаго развитія какъ въ духовной, такъ и въ матеріальной областихъ" (стр. 126). Не претендуетъ г. Бехтвевъ и на то, чтобы правительство поддерживало дворянъ раздачей имъ государственныхъ земель, издавало строжайшіе законы противъ неисправныхъ рабо-

чихъ; не сочувствуетъ ограниченію земскаго самоуправленія и т. д. Въ экономической части своихъ воззрѣній г. Бехтѣевъ является усерднымъ защитникомъ интересовъ крестьянъ (насколько они, впрочемъ, не сталкиваются съ интересами дворянъ-землевладѣльцевъ, какъ ихъ понимаетъ г. Бехтѣевъ) и высказываетъ много здравыхъ сужденій какъ о причинахъ разстройства крестьянскаго быта, такъ и о мѣрахъ устраненія этого разстройства.

Словомъ, если воззрѣнія кн. Мещерскаго можно квалифицировать, какъ программу реакціонно-дворянскаго направленія, то г-на Бехтѣева нужно назвать представителемъ направленія прогрессивно-консервативнаго, пытающагося примирить начало сословной организаціи съ требованіями прогресса.

Мы считаемъ не безъинтереснымъ познакомиться ближе съ программой этого направленія, тъмъ болье, что высказывается оно въ данномъ случат лицомъ, не только не безъизвъстнымъ русскому образованному обществу, но съигравшимъ нъкоторую роль въ свое время. Кто быль въ Петербургъ въ половинъ 80-хъ годовъ, когда были собраны сведущія лица для обсужденія проектовь различныхъ преобразованій, тоть, въроятно, помнить популярную въ городъ шутку: "Россія пережила московскій и петербургскій періоды своей исторіи и теперь вступаеть-въ елецкій". Шутка эта пронизировала по поводу того значенія, какое склонны были приписывать г. Бехтвеву и его землявамъ, приглашеннымъ, въ числъ прочихъ, для подачи своихъ метеній. Обсуждая проекть преобразованія містнаго управленія, составленный Кахановской коммиссіей и построенный на признаніи "достаточной подготовленности врестьянскаго населенія въ проведенію въ жизнь принципа безсословнаго самоуправленія до самой глубины народной жизни-до сельскаго схода" (тамъ же, стр. 279),-г. Бехтвевъ висказываль мивніе, что въ радикальномъ преобразованіи крестьянскаго управленія надобности не представляется, такъ какъ это управленіе страдаеть не оть недостатковь его организаціи, а оть "низкаго уровня развитія ближайшихъ къ крестьянамъ волостныхъ и сельскихъ властей". Нужно лишь парализовать дёйствіе этого недостатка, а средствомъ для того можетъ служить "приближение къ населению культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшеніемъ и упорядоченіемъ сельско-крестілискихъ учрежденій, безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго сословнаго самоуправленія, прежде всего нуждающагося въ развитік чувства законности"...

"Убъжденные въ томъ, что строгое разграничение властей по роду ихъ функци, т.-е. раздъление судебныхъ и административныхъ властей, доступно разумънию только народа, достаточно культурнаго, а

не русскаго врестьянскаго населенія, не могущаго въ этомъ разобраться, мы-говорить далье г. Бехтвевь-видьли ясно тогда, какъ ясно мев и теперь, что двойного комплекта людей для администраціи и суда провинціальная Россін дать не можеть. Кром'в того, им знали, вакить огромнымъ довъріемъ и авторитетомъ въ населеніи пользовался институть мировыхъ судей. Отправляясь отъ всего этого, мы признавали прессообразнымъ небольшое увеличение персонала участковыхъ мировыхъ судей и передачу ихъ въдънію надвора за крестьянскими учрежденіями, во всей ихъ полноть и совокупности. Вивсть съ этимъ мы полагали сдёлать мировыхъ судей отвётственными за полный порядовъ и благоустройство деревни въ предвлахъ всваъ предписаній различных уставовь, до сего относящихся"... "Основныя черты этого плана, -продолжаеть г. Бехтвевь свои воспоминанія, удостовлись Высочайшаго одобренія и легли въ основу закона 12-го іюня 1889 г., но осуществленіе получили они не въ той форм'в, какъ предлагали сторонники объединенной власти. Четыре губернатора и четыре губерискихъ предводителя, вырабатывавшіе законопроекть, совершенно исказили нашу мысль. Популярный въ населеніи, изъ населенія выходившій и населеніемъ же пополняемый, институть мировыхъ судей быль уничтожень и замінень часто чуждыми населенію земскими начальниками" (стр. 280-281). Четыре губернатора и четыре предводителя, составлявшіе законопроекть, не были, конечно, настолько могущественны, чтобы по личному побуждению "совершенно исказить" мысль, получившую Высочайшее одобреніе. Они, віроятно, составляли проекть по идей, преподанной свыше, и съ этимъ соглашается самъ г. Бехтвевъ, когда упразднение выборнаго начала въ инстетуть земсвихъ начальнивовъ приписываетъ тогдашнему министру внутреннихъ делъ, гр. Д. А. Толстому. С. С. Бехтеевъ, однако, въ указанномъ-- Положеніемъ 12-го іюля 1889 г.-- порядкі назначеній земскихъ начальниковъ готовъ видёть результатъ личнаго раздраженія гр. Толстого. "Много разъ какъ во время работь Кахановской воимиссін, такъ и повже, мнъ приходилось—сообщаеть г. Бехтьевъговорить съ гр. Толстымъ объ этомъ (выборномъ началь въ мъстномъ управленіи), и я знаю, какъ небогать быль его арсеналь доказательствь; всё возраженія его всегда имёли нёсколько страстный оттёновъ и, думается мив, проистекали, главнымъ образомъ, отъ неудачнаго образа действій одного изъ увздныхъ земскихъ собраній разванской губернік въ отношеніи его (гр. Толстого) въ періодъ внезапнаго его освобожденія отъ обязанности министра народнаго просвъщенія и оберъ-прокурора св. синода при императоръ Александръ И. Этотъ ошебочный поступовъ земцевъ, о которомъ я не равъ отъ него слышагь, оставиль, какь видно, въ графв неизгладимое впечатленіе, къ

прискорбію отразившееся и еще и теперь отражающееся на всей Россіи" (стр. 290). Такого рода воззрвнія г. Бехтвева на мотивы того или другого направленія внутренней политики проявляется еще яснве, когда онъ говорить объ отношеніи правительства къ земству. Съ легкой руки гр. Толстого "земство, въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, болюе и болюе становится пасынкомъ. Неблагожелательное отношеніе гр. Толстого, вполню объясилется впечатлительностью его натуры, не могшей освободиться отъ воспоминаній о неумюстной выходкю земства, къ которому онъ принадлежаль. Но позднійшее положеніе земства совершенно необъяснимо и непонятню. Съ разныхъ сторонь оно внезапно стало подвергаться опалю и осужденію, какъ будто бы за то, что въ сравнительно короткій промежутокъ времени оно такъ много хорошаго сділало для населенія, сравнительно съ губервіями, гді ніть земства" (стр. 196).

Итакъ, пожеланія г. Бехтвева объ усиленіи дворянскаго элемента въ мъстномъ управлении, повидимому, осуществились: ныившиее увздное земское собраніе "представляеть собою делегацію дворянскаго землевладенія, пополненную представительствомь крестьянсваго землевладёнія и городских имуществъ" (стр. 295); дворянство поставлено на стражв крестьянскаго самоуправленія. И однако, ни земское, ни крестьянское управленія не приведены въ тоть видь, какой они должны имъть, "и теперь деревенское дъло опять почти въ томъ же положеніи, въ какоми оно было до учрежденія убяднаго по крестьянскимъ дъламъ присутствія" (стр. 288). Заявляя претензію на особыя привилегіи, въ ущербъ правамъ другихъ классовъ, и поддерживая, такимъ образомъ, принципъ ограниченія самоуправленія, ревнители сословнаго начала упустили изъ виду, что есть и другіе элементы въ русской жизни, стремящіеся къ тому же, и что эти элементы, кавъ болъе могущественные, станутъ на мъсто, назначаемое г. Бехтвевымъ для дворянства. Дворянамъ дано преобладание надъ другими сословіями въ м'естномъ управленіи, но подъ условіємъ одновременнаго расширенія власти администраціи. "Влагожелательная к попечительная" для народа власть дворянъ въ лицъ земскихъ начальчиковъ выродилась въ чисто чиновническое учреждение съ неопредъленными полномочіями, отъ вотораго готовъ отречься самъ г. Бехтвевь; выборные представители дворянскаго земства обращены въ получиновниковъ же; самостоятельность этого земства ограничивается болбе и болбе, права его съуживаются, компетенція—также. Вивсто расширенія правъ дворянства, какъ сословія, дворянскія привилегіи принесли одно расширеніе административной власти съ преимуществомъ для дворянъ занимать чиновничьи и получиновничьи должности. Дворянство втягивается такимъ образомъ въ бюрократію

и обращается не въ управляющее, а въ служилое сословіе, безъ власти, но съ привилегіями за неосуществленное первенство. Г-ну Бехтвеву самому непріятно мириться съ мыслью о томъ, что проекты о преобладаніи дворянства могуть получить осуществленіе лишь путемъ съуженія самоуправленія въ пользу бюровратическаго начала; н онъ полагаетъ избёжать такого заключенія, несправедливо приписавъ данное направление правительственной политики одному личному раздражению гр. Д. А. Толстого. Но въдь авторъ института. земских начальниковъ и новаго земскаго положенія — уже давновъ могилъ, а данное имъ направление внутренней политивъ развивается, а не ограничивается. Предальность вемскаго обложенія введена послѣ гр. Толстого; продовольственное дѣло изъято изъ рукъ земства не гр. Толстымъ, и т. д., и т. д. Всякому, такимъ образомъ, ясно, что ограничение самоуправления есть принципъ, не по инерціи, а принципіально проводимый въ последнія 15 леть; тоть же самый періодъ времени можеть быть охарактеризовань и накъ сословная эра. Связь между этими двумя теченіями внутренней политики не случайна. Нельзя совершать крупныя преобразованія безъ сочувствія вакого-либо изъ общественныхъ классовъ. Ограничительныя преобразованія м'єстваго управленія (крестьянскаго и земскаго), поэтому, должны быть совнаваемы на м'астахъ, какъ отв'вчающія интересамъ вли желаніямъ какого-либо изъ местныхъ же элементовъ. Кто хлопоталь о сословныхъ привилегіяхъ, --- не можеть потому считаться участникомъ въ преобразованіяхъ, такъ или иначе осуществившихъ эти привилегіи.

Г-нъ Бехтвевъ настаиваеть на важиости культурно-политическаго значенія дворянства на м'єстахъ, и одной изъ функцій такого характера считаетъ надворъ за крестьянскимъ управленіемъ. Дворянство получило, наконецъ, право этого надзора, но осуществлениемъ его недоволень опить самъ г. Бехтвевъ, считающій, что престьянское управленіе находится теперь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно было до введенія института земскихъ начальниковъ. Ближайшую причину этого г. Бехтвевъ видить въ томъ, что лучшіе дворяне избівгають поступать на должность земскаго начальника. "Масса обязанностей, требующихъ огромной энергіи, отсутствіе служебныхъ перспективъ, личная служебная зависимость отъ губернаторовъ, сдёлали -- говорить онъ -то, что много талантливыхъ, идейныхъ, имущественно независимыхъ лодей, ставшихъ въ ряды земскихъ начальниковъ въ первое время по ихъ учрежденіи, скоро бросили эту службу, подобно тому, какъ поспъшили уйти лучшіе мировые посредники, какъ только ввели уставныя грамоты... Нынъ, за небольшими исключеніями, мъста вемскихъ начальниковъ занимають и будуть занимать до могилы-главнымъ образомъ, люди, для которыхъ важно имъть дополнительное къ сельскому козяйству денежное полученіе" (стр. 283)... За дъятельностью земскаго начальника нътъ никакого надвора: "губернатору, по горло занятому массою дълъ, надзоръ за дъятельностью сотни лицъ, на сотни верстъ отъ него дъйствующихъ, неосуществимъ". Предсъдатель уъзднаго съъзда—предводитель дворянства—не обязанъ за ними надзирать. Такимъ образомъ, земскому начальнику предоставлена полная свобода —работать или бездъйствовать "до могилы".

Причины неудовлетворительнаго выполненія дворянствомъ одной изъ его культурно-политическихъ задачъ заключаются, вирочемъ, не въ одной лишь современной постановев института земскихъ начальнивовъ. Для устраненія недостатковъ, порочащихъ, въ глазахъ г. Бехтвева, этоть институть, авторь предлагаеть обратить должность земскаго начальника въ выборную, поставить надъ ними общественный контроль и побудить ихъ быть более деятельными. Но ведь не одна только малодівятельность земских начальниковь огорчаеть, полагаемь, г. Бехтвева. Чтобы выполнить задачу осуществленія "культурной, благожелательной и попечительной власти, озабоченной улучшениемъ и упорядоченіемъ крестьянскихъ учрежденій безъ грубаго, насильственнаго вторженія въ область крестьянскаго самоуправленія", -- нужны, конечно, лучшіе люди, а не тв. для которых важно лишь "им'єть дополнительное въ сельскому хозяйству денежное получение". Лучшие же дворяне не пойдуть въ земскіе начальники и послів того, какъ ті стануть выбираться земскими собраніями. Совнанія, что они выполняють важную культурно-политическую миссію, оказывается, недостаточно для того, чтобы способные дворяне согласились занять соответствующія должности. Чтобы институть земскихъ начальниковъ "пополнялся действительно лучшими людьми-говорить г. Бехтевь,нужно, чтобы земскимъ начальникамъ открывались широкія *слижебныя* перспективы, чтобы они представляла собой основной первоначальный вадув для пополненія высшихь должностей по містной служов, а можеть быть, даже и центральной"... Оть человека, мечтающаго сделаться губернаторомъ и двигаться далье по служебной іврархін", нужно требовать-, пройти черезъ двое или трое земскихъ выборовъ въ земскіе начальники, не менъе какъ черезъ двое выборовъ дворянства въ увздине предводители, быть выбраннымъ и рекомендованнымъ губернаторомъ на должность вице-губернатора, и лишь пройдя черезъ весь этотъ искусъ и вездъ доказавъ свою способность и пригодность, уже сдёлаться кандидатомъ на должность губернатора « (стр. 287). Итакъ, чтобы упорядочить сословными руками крестьянсвое управленіе, недостаточно привлечь дворянъ къ этому ділу и назначить за него приличное матеріальное вознагражденіе. Мало будеть

и предоставленія имъ надлежащей самостоятельности, контролируемой выборнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Задача "приближенія къ населенію культурной, благожелательной и попечительной власти" сама по себ'в слишкомъ мало, какъ то очевидно, интересуетъ дворянъ для того, чтобы лица, способныя олицетворять такую власть, отвлеклись оть другихъ своихъ (должно полагать—служебныхъ) дѣлъ. Нужны еще исключительныя служебныя привилегіи, въ вид'в перспективы губернаторскаго м'вста, чтобы привлечь дворянство къ надлежащему выполненію естественной, будто бы, для него культурно-политической инссіи. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной будетъ куплена культурная и благожелательная для крестьинъ власть? да и можно ли осуществить такую власть насильственнымъ привлеченіемъ дворянскаго сословія къ дѣлу, которое оно, очевидно, не считаетъ входящимъ въ кругъ его гражданскихъ обязанностей?

Впрочемъ, служебныя привилегіи земскимъ начальнивамъ проевтируются г. Бехтвевымъ не только для побужденія дворянства къ надлежащему выполненію его культурно-политической миссіи. Они кажутся г. Бехтвеву двиствительнымъ средствомъ также для привлечевія дворянъ въ выполненію другой ихъ миссіи—культурно-ховийственной. Эту идею г. Бехтвевъ развиваетъ следующимъ образомъ. "Въ мду различныхъ явленій, пагубно вліяющихъ на имущественный и культурный уровень деревни, есть одно, которому обычно не придають того значенія, какое оно имбеть, между твиъ разносторовне пагубное мінніе его громадно. Я говорю объ абсентивить деревенской интелмгенціи, принявшемъ особенно грозные разміры въ истекшее десятилетіе"... "Бевжить все наиболее сильное, способное найти себ'в плодотворное дело вие насиженнаго угла. Остается все, наиболее слабое, ваниенъе энергичное"... "Наблюдаемый абсентивмъ помъстнаго дворянства является пагубнымъ факторомъ, задерживающимъ выполнение тультурно-козяйственныхъ обязанностей дворянства и развитія м'яст ваго управленія; поэтому, въ ряду міръ, направленныхъ въ хозяйственному подъему страны, очень серьезное и видное мъсто занинають мівры въ уменьшенію абсентизма" (стр. 277). Мівры, предлагаемыя для этого г. Бехтвевымъ, завлючаются въ той самой системъ постепеннаго прохожденія службы, начиная съ земскаго начальника, сь которымъ мы уже познакомились. "Требованіе постепеннаго прохожденія провинціальной службы-излагаеть свои надежды г. Бехтевъ-совершенно изменило бы картину деревни и привлекло бы на землю массу силъ. Не всё бы попали въ губернаторы, а много нцущихъ службы возвратились бы въ землъ и остались бы, застряли бы въ деревить" (стр. 287).

Когда г. Бехтвевъ первоначально заявляль о важномъ значеніи

дворянства, какъ благоустронтеля мъстнаго управленія и мъстнаго дозяйства, онъ исходиль, конечно, не изъ представленія о "білой кости" лицъ дворянскаго сословія, а основывался на выработанныхъ исторически связяхь и отношеніяхь, обусловливающихь то, что дворянство является не только желательнымь, но и естественнымь факторомъ культурно-политическаго и культурно-хозяйственнаго благоустройства. Когда же онъ болве или менве полно развиль свою мысль -- овазалось, что побудить дворянство къ выполненію его культурныхъ задачь можно лишь системой такихъ поощревій, въ вавимъ правительства отсталыхъ странъ прибъгаютъ для привлеченія иновеиныхъ культурныхъ элементовъ. -- по естественнымъ побужленіямъ, конечно, избътающихъ близкаго общенія съ невъжественными народами, и соглашающихся на это лишь изъ-за особенныхъ выгодъ и привилегій. Такъ привлекали нъкогда изъ-за границы въ Россію ученыхъ врачей, мастеровъ; такъ привлекали еще недавно иностранные капиталы, и такъ же предлагаеть г. Бехтвевь привлечь къ полезной мъстной деятельности русское дворянство. Факты эти не особенио благопріятствують мысли о томь, что дворянство является самымъ естественнымъ культурнымъ агентомъ въ провинціи; если же бъгство дворянъ изъ деревни, гдъ у нихъ есть близије интересы, сопоставить СЪ ТОЙ ГОТОВНОСТЬЮ, СЪ КАКОЮ ИДОТЪ ВЪ ТУ ЖО ДОРОВНЮ НА ЗОМСКУЮ службу "городская", "безпочвенная",—какъ ее именуеть г. Бехтвевъ. интеллигенція, не только не получающая какихъ-либо привилегій, но поставленная въ самое необезпеченное положеніе,---то врядъ ли не сявдуеть признать, что пожалуй этой интеллигенціи будеть принадлежать современемъ честь приведенія провинціи въ благоустроенное состояніе.

принципіально С. С. Бехтвевъ стоить за расширеніе Итакъ. мъстнаго вліянія дворянства на почвъ возможнаго сохраненія самоуправленія; въ отношеніи практическаго выполненія этой идем, на первый планъ уже выдвинуть имъ принципъ служебной привилегіи,а фактически дело свелось въ ограничению самоуправления, къ очиновниченью земствъ и обращению дворянства въ служилое сословіе. Результать этоть следуеть считать не отрицаніемь, а лишь более яснымъ развитіемъ основной мысли г. Бехтвева; и что эта мысльпри данныхъ условіяхъ-невольно тагответь къ обращенію сословнаго самоуправленія въ бюровратическое, видно также изъ слідующаго мивнія г. Вехтвева. Возставая противъ ограниченія земскаго самоуправленія, онъ, темъ не менее, совершенно въ тонъ политикъ очиновниченья земства, предлагаеть примёнить принципь выслуги лёть и къ замъщенію земскихъ должностей: "Тотъ же принцивъ постепенности прохожденія службы-говорить овъ-следовало бы прикладывать и къ предсъдателю губернской земской управы, для котораго слъдовало бы установить предварительную подготовку на должностяхъ предсъдателя уъздной земской управы или члена губернской управы, которымъ должна предшествовать служба членомъ уъздной земской управы" (стр. 287).

Таковы начала и таковы концы системы культурнаго благоустройства провинціи на принципъ сохраненія сословнаго самоуправленія. Концы эти находятся въ полномъ соотвътствіи съ историческими традиціями самого сословія, о которыхъ намъ разсказываеть С. С. Бехтвевъ, и съ тъмъ, констатируемымъ имъ же, фактомъ, что экономически дворянство совершенно оскудъваетъ, и безъ правительственной помощи не способно выйти изъ состоянія хозяйственнаго упадка. Слабое въ экономическомъ отношеніи и ищущее номощи на сторонъ оно не можеть имъть ни самостоятельнаго вліянія на мъстахъ, ни самостоятельнаго значенія въ глазахъ власти.

Г-нь Бехтвевь рисуеть "до стида" печальную картину хозяйственнаго положенін дворянства. Доходовъ съ имёнія оно не получаеть, лёса взводить, землю завладываеть или продаеть, и если отчуждение дворянскихъ земель "пойдеть въ пропорціи последняго пятилетія, то черегь семьдесять лёть все дворянство будеть обезвемелено" (стр. 12). Г-въ Бехтвевъ считаетъ такія перспективы весьма пагубными для государства. "Нарушая исторически сложившіяся аграрныя отношенія, служащія красугольнымь кампемь нашего національно-государственнаго бытія", "современныя условія грозять смести съ лица земли наше помъстное сословіе, съ корнемъ вырвать этоть устой царства россійскаго; поэтому, къ нему нельзя относиться спокойно, его нельзя предоставить собственному теченію, такъ какъ последствія онаго могуть быть небезопасными для нашего національнаго госуларственнаго бытія" (стр. 125). Причины указываемаго печальнаго жовомическаго положенія дворянства г. Бехтвевь видить, однако, не только въ новыхъ условіяхъ сельско-хозяйственной діятельности, но и въ наследін, полученномъ дворянствомъ отъ дореформенной эпохи: задолженности его землевладвнія и низкой производительности земли.

Историческая справка, приведенная во второй главѣ книги г. Бехтвева, имѣеть цѣлью показать, что задолженность дворянскаго земленадына въ дореформенныя времена, была слѣдствіемъ исполненія дворянами государственныхъ службъ, препятствовавшихъ имъ заниматься ховяйствомъ и требовавшихъ большихъ расходовъ на представительство. И это тяготѣніе къ службѣ дворяне проявляли какъ во время обязательнаго служенія государству, такъ и послѣ освобождени ихъ отъ этой обязанности. Такимъ образомъ, дворянство никогда не было свободнымъ мѣстнымъ хозяйственнымъ элементомъ; оно тяну-

лось на службу, къ блеску, ко двору; оно не заботилось о возвышения сельско-хозяйственной культуры, быстро проживало низкіе доходы оть земледелія, а излишки своихъ тратъ покрывало займами. Ростущая задолженность, конечно, скоро поставила бы дворянь въ крайне непріятное положеніе, если бы на выручку не приходило правительство, учреждавшее для своихъ слугъ спеціальныя кредитныя учрежденія и какъ бы бравшее на себя ответственность за долги помещивовъ. Неизвёстно, на что оказалось бы вынужденнымъ правительство, если би връпостное право сохранилось дольше, и въ казенныхъ учрежденіяхъ оказались бы заложенными не ²/з, какъ это было тогда, а всё дворянскія населенныя имѣнія. Очевидно, что дворянское землевладѣніе еще до реформы переживало вризисъ и шло по пути превращенія въ государственное землевладёніе, съ последующимь обращеніемь помещичьихъ врестьянъ въ казенные, и что "исторически-сложившимся аграрнымъ отношеніямъ", служащимъ, будто бы, "красугольнымъ камнемъ нашего національно-государственнаго бытія", грозило крушеніе. Дворянское землевладение было спасено крестьянской реформой. Неизбъжная по финансово-экономическимъ причинамъ ликвидація кріпостного права была произведена не путемъ обращенія пом'ящичьихъ крестьянъ въ государственные, а полнымъ ихъ освобождениемъ и воздоженіемъ на нихъ уплаты вазнъ помъщичьихъ долговъ. Оставщіяся въ дворянскихъ рукахъ 80 милл, десятинъ были такимъ образомъ освобождены оть долговыхъ обязательствь, и дворяне получили еще выкупныя свидетельства, которыя могли обратить въ деньги.

Освободивъ помъщиковъ отъ долговъ, правительство упразднило и вазенныя вредитныя для дворянъ учрежденія. Г. Бехтвевь считаеть этоть шагь крайне несправедливымь и нагубнымь для дворянскаго землевладенія, и находить, что правительству надлежало и впредь оберегать дворянь отъ необходимости "идти ва помощью къ людямъ свободныхъ состояній, накоплявшимъ богатства въ то время, когда дворянство, не щадя имущества и жизни, изнемогало на службъ государству". Что было причиной отказа правительства отъ первоначальнаго предположенія создать земскіе банки, --- спрашиваеть г. Бектвевь, -- какія теченія возобладали въ правящихъ сферахъ, какимъ воздійствіямъ подвергся и поддался самъ государь-я не знаю; но несомивненъ тоть факть, что были забыты священнъйшіе интересы дворянства, которые, по почину своихъ лучшихъ людей, поступились, во имя государственной пользы, частью своего имущества, то деньгами, то службою, то вровью добытаго" (стр. 135). Словами В. А. Кокорева г. Бехтвевъ приписываеть уничтожение опекунскихъ советовъ вліянію "шести двятелей", характеризованныхъ Кокоревымъ въ следующихъ выраженіяхъ: "они пропов'ядывали въ тарифныхъ коммиссіяхъ поняженіе пошлины на кофе, потому что кофе разовьеть мозговыя силы крестьянина, и требовали также пониженія на пикули и капорцы, какь приправы, могущія дать вкусь грубой крестьянской пищь" (стр. 136). Въ этомъ случав г. Бехтвевь проявляеть ту же склонность припнсывать крупныя событія вліяніямъ отдёльныхъ личностей, съ какой мы уже встрівчались. Какъ бы то ни было, но черезь пять лізть посліт реформы стали открываться коммерческія кредитныя учрежденя, куда дворяне и поспішили понести свои земли, и черезь двадцать лізть мосліт реформы дворянское землевладініе оказалось обремененнымъ такой же суммой долговь, оть какой оно было освобождено посліт реформы, а для спасенія этого землевладівнія понадобились опять кредитныя учрежденія государственнаго характера.

Факть этоть свидетельствуеть о томъ, что дворянство не имело успаха посла реформы въ своей ховайственной двятельности. Г. Бехтвевъ признаетъ это, но старается объяснить такимъ образомъ, чтобы избавить его отъ упрека въ неспособности выполнять на мъстахъ. культурно-хозяйственную миссію, которую онъ ему приписываеть. "При низкой урожайности нашей, хозяйство возможно только при высовихъ пънахъ на верно-говорить онъ;-при низкой же урожайности и низкихъ цвнахъ на верно хозяйство невозможно при покупномъ трудь" (стр. 149). Г. Бехтьевь утверждаеть, что не только дворяне, но и лица прочихъ сословій не успали въ попытвахъ заведенія коммерческаго хозяйства. Этоть общій неуспёхь повель, будто бы, къ тому, что земля перестаеть привлекать въ себв покупателей. Даже "крестьяне на свои деньги ръшительно перестали покупать землиутверждаеть г. Бехтвевь, - предпочитая обращать сбереженія на другіе промыслы; о покупкъ же земли, къ которой они еще такъ недавно относились съ ивжностью и алчностью, они не заводили ръчи, даже и тогда, когда, нъсколько лъть тому назадъ, пъна на землю понизилась" (стр. 141). Последнія утвержденія г. Бехтевва, конечно, совершенно противоречать действительности: если бы земля не находила пріобрітателей, и притомъ по очень высовимъ цінамъ, то нечего было бы опасаться за то, что черезъ семьдесять леть вся дворянская собственность перейдеть въ иносословныя руви. Изъ этого, однако, не следуеть, что г. Бехтевь неправъ, когда говорить о трудности вести въ настоящее время коммерческое сельское хозийство. Въ трудности этой, однако, много повинно само же дворянство. "Переходъ въ напиталистическому (основанному на наемномъ трудѣ) козяйству только обнаружиль бользнь, -- самая же бользнь очевидно существовама еще при кръпостномо правъ и не обнаруживалась, приврываясь даровымъ трудомъ. Несомивнио, -- уже очень давно причиной печальнаго хода діла была отжившая, устарівлая система хозяйства" (стр. 149). Не-

подвижность сельско-хозяйственной культуры во времена крыпостного права г. Бехтвевъ питается объяснить отсутствиемъ сбита произведеній хозяйства, кром'в зерна, и неим'вніемъ "учебныхъ заведеній, въ воторыхъ дворянство подготовлялось бы для хозяйственной деятельности". Это объяснение врядъ ли можеть вого-либо удовлетворить. Самъ г. Бехтвевъ напоминаетъ о томъ, что вопросъ о возвышени производительности сельскаго хозяйства поднимался у насъ очень давно, а при императоръ Ниволаъ I учрежденъ быль даже особый "Комитеть для усовершенствованія земледелія въ Россіи". Въ возбужденів этого вопроса не было бы надобности, если бы низкая производительность хозяйства не приводила въ ощутительнымъ и очевиднымъ матеріальнымъ последствіямъ. Отсутствіе соответствующихъ учебныхъ заведеній тоже не объясняеть сельско-хозяйственной безділтельности за дворянства: во главъ государственнаго управления стояли дворяне же, и при живомъ ихъ сознаніи пользы такихъ заводеній-последнія не замедлили бы основаться. Истиная причина отсталости сельскаго хозяйства въ кръпостную эпоху заключается въ томъ, что способные дворяне служили, а не занимались хозяйствомъ.

Сделанная г. Бехтевнить историческая справка повазала, что въ кръпостную эпоху лучшіе дворяне не жили въ своихъ имъніяхъ, не вели крестьянское население по пути сельско-козяйственнаго прогресса, и если исполнали некоторыя политическія функціи, то, главнымъ образомъ, въ вачествъ праветельственныхъ чиновниковъ. Историческія традиціи, поэтому, не въ пользу того, чтоби отъ дворявъ больше, чёмъ отъ другихъ сословій, можно было ожидать естественнаго участія въ прогрессивномъ развитім страны въ качествъ мъстныхъ культурныхъ элементовъ. По естественнымъ традиціоннымъ побужденіямъ дворяне и послі реформы должны были стремиться на службу въ правительственныя учрежденія и въ отарывавшіяся учрежденія и предпріятія общественнаго и частно-капиталистическаго зарактера. Совершенно, поэтому, согласно съ историческими традиціями г. Бехтеевъ ищеть средствь прикрепить дворянина къземле, открывая ему перспективы губернаторскаго маста. Но если г. Бехтвевь находится въ согласіи съ исторіей, когда избираеть средства для достиженія извістной ціли, то онъ поступаеть совершенно антиисторически, когда ставить эту цель, заключающуюся въ водворенія на земль дворянина и побужденіи его чуть не силкомъ выполнять здісь различныя культурныя задачи. Въ губернаторы відь попадуть далеко не всѣ, жаждущіе этого благополучія, -- разсуждаеть г. Бехтвевъ, --и тв, которые останутся за штатомъ, "застрянуть въ деревив". Въ деревив застрявають дворяне и теперь, но много ли выигрываеть отъ того культура-показаль намъ самъ авторъ. Натъ, не сидель на

земий способный дворянинь и во времена крыпостного права; быкаль обы изъ деревни въ истекпіее съ момента реформы сорокальтіє; тымъ белье не удержать его здась и не заставить предпринимать коренныя преобразованія хозяйства направленіемъ его вождельній на губернаторскія и всякія другія должности!

Мы уже говорили о томъ, что г. Бехтвевъ рисуетъ хозяйство женлевладъльцевъ-дворянъ, какъ находящееся въ упадкъ, и объясняеть такое состояніе тімь, что при низкой урожайности полей, унаслідсванной еще отъ крвпостной эпохи, и при низкихъ цвнахъ зерна, ведежіе хозяйства наемнымъ трудомъ невозможно. На это, однаво, слъдуеть заметить, что цены зерна въ Россіи определяются состоявість ихъ на вившнихъ рынкахъ; на эти же рынки поставляєть кижба не одна Россія, а и другія страны. Самъ г. Бехтвевъ приводить таблицу, показывающую, что Соединенные-Штаты, напримъръ, вывозять въ последніе годы въ 11/2-2 раза больше клебовъ, нежели Россія. Значительная часть этого хлеба добывается наемнымъ трудомъ, который ценится въ Америке, конечно, несравненно дороже, нежели въ Россіи. И несмотря на это, американскіе хозяева не изнемогають такъ подъ бременемъ низкихъ ценъ, какъ русскіе, а старантся парализовать влінніе этихъ последнихъ, заменяя ручной трудъ жашинами и развивая экспорть продуктовь переработки зерна. Такъ, стоимость работы низведена тамъ до 5-ти коп. на четверть пшеницы, а пиненичной муки изъ американскихъ штатовъ вывозится 80-90 мила. пуд. въ годъ, тогда какъ мы не отправляемъ въ западную Европу и одного милліона пудовъ, и если бы не качество нашей личеницы, благодаря которому финляндскіе хлібопеки вынуждены армившивать нашу дорогую муку къ дешевому товару американскаго происхожденія, то вывозъ пшеничной муки изъ Россіи прекратился бы совершенно. Г. Бехтвевъ ищетъ выхода изъ современнаго упадка хозяйства въ совращении производства зерна и въ развитии добычи другихъ продуктовъ, преимущественно въ распространеніи животноводства для вывоза за границу различныхъ его продуктовъ. Но гдъ же, справнивается, гарантія того, что мы отобьемъ мясные рынки у нашихъ заатлантическихъ соперниковъ, поставляющихъ теперь въ Европу почти все недостающее ей количество мяса? Въдь для того, чтобы преобразовать соответствующимъ образомъ хозяйство всёхъ губерній, таготящихся производствомъ зерна, необходимъ очень широкій внішмій рыновъ, и найдемъ ли мы таковой для нашего мяса-болве чвиъ сомнительно. Наши землевладъльцы, 15-20 лътъ назадъ, пробовали организовать вывозъ говядины и свинины въ Англію; они завели англійскія породы свиней, выписали иностранцевь - заготовителей **жиса, снарядили** пароходы... и въ концъ концовъ достигли того, что

вивсто ста тысячь пудовь мы вывозимь 300 тысячь пудовь мяса, т.-е. количество совершенно ничтожное. По мивнію г. Бехтвева, въ неуспъхъ этого дъла виновно правительство; равно какъ на правительство же возлагаются имъ надежды и въ отношеніи грядущаго преобразованія хозяйства. Правительство должно устроить сельскохозяйственныя заведенія, опытныя поля, станціи и тому подобное; всякаго рода поощрительными средствами, до безвозвратныхъ пособій включительно, и освобождениемъ отъ поземельныхъ налоговъ оно должно облегчать переходъ въ культурнымъ формамъ хозяйства; ему слёдуетъ принять на себя массовую выписку сельско-хозяйственныхъ машинъ или лаже учредить вазенные заводы для производства таковыхъ; правительство должно создать на желёзно-дорожной сёти, рёчныхъ пристаняхъ и въ вывозныхъ пунктахъ клебные склады и элеваторы съ житьбной инспекціей, съ классификаціей и обезличеніемъ зерна и вылачей варрантовъ. Спеціально по отношенію къ дворянамъ г. Бехтвевь возлагаеть на правительство обязанность "мерами мелліорапіонными и попечительными (особымъ видомъ опекъ) предотвращать обезземеленіе заемщиковъ дворянскаго банка, по несчастію или другимъ случайностимъ сделавшихся неисправными; увеличеннымъ размъромъ ссудъ содъйствовать дворянамъ покупать землю; организаціею при дворянскомъ банкъ краткосрочнаго кредита для уплаты срочныхъ платежей ограждать заемщиковь отъ продажи произведеній хозяйства по убыточно-низкимъ цвнамъ и проч. (стр. 351).

Помощью преимущественно дворянству же будуть и требуемыя г. Бехтвевымъ широкія правительственныя міропріятія по распространенію животноводства. "Полезно и необходимо -говорить г. Бехтвевъ-употребить всв усилія въ развитію и улучшенію, главнымъ образомъ, скотоводства и мясного овцеводства въ землевладъльческихъ дозяйствахъ; это необходимо именно для того, чтобы черезъ нихъ ускорить и удешевить улучшеніе крестьянскаго животноводства и для скоръйшаго измънения характера нашего заграничнаго вывоза произвеленій сельскаго хозяйства" (стр. 265). Вывозъ продуктовъ животноводства долженъ лежать преимущественно на правительствъ: ему предстоять особыя заботы по организаціи перевозки по русскимъ жельзнымъ дорогамъ къ экспортнымъ пунктамъ; въ нихъ устроить соответственные склады, бойни, агентуры; организовать срочную и быструю перевозку моремъ на заграничные рынки; на этихърынкахъ устроить холодные и другіе спеціальные склады, организовать агентуры и торговлю этими продуктами" (стр. 149).

Мы не приводимъ всей программы г. Бехтвева по экономической части, не касаемся вовсе пунктовъ ея, относящихся къ крестьянамъ, такъ какъ мы имъли въ виду обрисовать общій ея характерь въ отно-

товым правительства въ врупному хозяйству. И мы видимъ, что для поднятія этого хозяйства, вообще, дворянскаго въ частности, на правительство возлагаются такія надежды, для удовлетворенія которыхъ. ему пришлось бы брать на себя и производство, и перевозку, и торговлю различными товарами. Обращеніе съ такими широкими требованіями въ правительству равносильно признанію полнаго собственнаго безсилія не только въ ділі выполненія культурно-хозяйственной миссіи, но и въ простомъ поддержаніи своихъ хозяйственныхъ животовъ. А хозяйственно-безсильный классъ въ нашъ віжъ господства матеріальныхъ факторовъ, силъ и интересовъ—не можеть играть и самостоятельной государственной роди. Настоятельная у него потребность—прокормиться, и правительство по возможности удовлетворяєть этой потребности, обращая сословный классъ въ бюрократію.

Но можеть ли правительство-въ заботахъ о прокормленіи падающаго сосмовія — пойти такъ далеко, чтобы осуществить проекть г. Бехтвева о замъщенін дворянами главныйшихъ мыстныхъ и даже центральныхъ должностей? Будеть ли осуществление такого проекта совпадать съ интересами русскаго народа? Въдь пока не пройдуть тъ семьдесять леть, которыя назначены г. Бехтевымь для полнаго обезземленія дворянь,---дворянивь-чиновнивь будеть не только агентомъ правительства, но и членомъ сословія, им'вющаго на м'встахъ врупные нмущественные интересы. Кто же поручится въ томъ, что онъ не станеть злоупотреблять своей властью, и не станеть на защиту сословных в хозяйственных интересовы вы ущербы интересамы другихы лицъ? Г. Вехтвевъ, по врайней мърв, намъ въ этомъ не поручится, потому что и самъ онъ селоненъ ожидать, что дворянинъ-чиновникъ можеть руководствоваться въ служебной своей двятельности не обязанностями службы, но и соображеніями о дворянских интересах въ ущербъ интересамъ другого сословія. Г. Бехтвевъ жалуется, напр., на одного изъ управляющихъ дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ, отъ котораго, какъ назначеннаго изъ предводителей дворянства, въ особенности можно было ожидать, что онъ позаботится "о поддержании и утвержденіи дворянскаго землевладьнія"; но онъ не только не сдылаль этого, "но повель дёло въ направлении совершенно противоположномъ". Не будемъ останавливаться на всёхъ прегрёшеніяхъ этого управляющаго, но заметимъ лишь, что главной его виной въ глазахъ г. Бехтвева было то, что при немъ стала производиться въ широкихъ размъражь, будто бы, "скушка земель стъсненныхъ заемщиковъ (дворянскаго банка) какъ самимъ крестьянскимъ банкомъ, такъ равно, при его содъйствін, престьянами, съ выдачей имъ ссуды до 90°/о стоимости имънія, а иногда и полностью всёхъ 100%, когда крестьяне пріобратали землю, ранве купленную банкомъ". Слушая претензію

г. Бехтвева, можно подумать, что описываемыя имъ операціи совершались въ ущербъ владъльцамъ продаваемыхъ врестьивамъ земель. Но изъ дальнейшаго изложенія оказывается, что продажа при участія банка дворянскаго именія врестьянамь является очень выгодной операціей для его владельца, что эта продажа совершается по "вздутымь" ценамь, которыми "очевидно соблазнились владельци" (стр. 161). Выло бы понятно, еслибы г. Бехтвевъ вооружался противъ такой политики крестьянскаго банка во имя интересовъ врестьянъ-нокупщаковъ, которыхъ соблазняють пріобрёсти землю, не стоющую навначенвой за нее цвим. Но ивты! Крестьянамъ, по словамъ г. Вежтвева, "безразлично, по какой цене покупать, ибо они достаточно догадливы, чтобы понять, что рано или поздно платежи съ нихъ понизатъ тавъ же точно, какъ вынуждены были понизить более легкіе выкупные платежи". Г. Бехтвевъ обвиняеть управляющаго дворянскимъ банкомъ именно за расширеніе д'явтельности врестьянскаго банка котя бы и въ пользу реальныхъ личностей, но въ ущербъ сословному привципу. Но вакъ могь г. Бехтвевъ игнорировать то обстоятельство, чтоуправляющій дворянскимъ банкомъ відаеть въ то же время и банкъпрестыянскій, и обязанъ, по долгу службы и по обывновенныхъ нравственнымь понятіямъ, --- заботиться о вліентахъ врестьянскаго банка не менъе, чъмъ и банка дворянскаго. Вспоминая о принадлежность управляющаго обоими банками въ дворянскому сословію, какъ обстоятельствъ, въ чему-то его обязывающемъ или въ чему-то его располагающемъ-не произносить ли тъмъ самымъ г. Вехтьевъ приговорънадъ проповъдываемой имъ системой отдачи провинціи въ руки чиновниковъ изъ среды дворянства, не вакъ служилаго только сословія, но и накъ соціальнаго класса, имъющаго на мъстахъ важные хознйственные интересы, сталкивающіеся, конечно, съ интересами лиць, не принадлежащихъ въ привилегированному сословію?

Г. Бехтвевъ протестуетъ противъ расширенія двятельности врестьянъ по двумъ причинамъ: изъ опасенія быстраго обезземленія дворянъ, а также и потому, что такая политика, будто бы, "внесла и укрвпила въ крестьянахъ ложное убъжденіе въ желаніи и намівреніи самого правительства вытравить частное, особливо родовое, не покупное дворянское владініе. "Поэтому, дворянству ныні приходится съ этимъ очень считаться и, ділать нечего, уступать двойному давленію—банковъ и крестьянъ. Въ посліднее время эта увіренностьстала сильно распространяться между крестьянами, и нерідко проявляется въ формів настойчиваго требованія отъ землевладівльневъпродать имъ землю; не обходится, конечно, и безъ угрозъ изъ-за угла. Начальствующія лица центральныхъ управленій получають жалобы на землевладівльцевъ, отказывающихъ въ продажів (стр. 162).

Но мы находимъ, при этомъ, умёстнымъ высказатьси, что въ фактахъ, на которые ссылается г. Бехтвевъ, крестьинскому банку принадлежить, но нашему мивыю, не возбуждающая, а умвряющая роль. Напомвимъ читателю о слухахъ, ходившихъ въ обществв въ моментъ основанія крестьянскаго банка. Въ то время говорили, что отъ этого учрежденія ожидается, между прочимъ, разрушеніе въ народномъ сознаніи идем о безвозмездномъ переходв въ крестьянамъ помвщичьихъ земель, — идем, коренящейся въ понятіи о преимущественномъ правв на землю лично работающаго на ней человвка. Идея эта, какъ извёстно, мъстами проявилась въ последнее время очень ярко, и если гдв-либо среди престьянъ циркулируетъ мысль хотя бы объ обязательномъ отчужденія владвльческихъ земель, но уже за деньги, то это можетъ быть свидвтельствомъ того, что крестьянскій банкъ, двйствительно, съиграль роль, какан отъ него ожидалась.

Возвращаемся, однако, къ проекту г. Бехтвева. Если самъ С. С. Бехтвевъ, принадлежащій, конечно, къ числу "лучшихъ" дворянъ, вредъявляеть дворянамъ-чиновникамъ требование руководствоваться въ своей служебной деятельности не выгодами только порученнаго ниъ дъла, а и интересами сосмовія, къ которому они принадлежать, --то что же сказать о тахъ ожиданіяхъ и надеждахъ, съ какими должна взирать на своего брата-влінтельнаго чиновника-сърая масса дворянства? И всякій ли такой чиновникъ окажется на высоть положенія управляющаго дворянскимъ банкомъ, порицаемаго г. Бехтвевымъ, и будеть добросовъстно исполнять служебныя свои обязанности, не вревлоняясь въ обращеннымъ на него просящимъ взглядамъ дворянъ, заинтересованных въ дълахъ, подлежащихъ его въдению? Что такое давленіе на чиновника-дворянина со стороны его со-сословниковъ будеть существовать — доказывается сообщеніемъ г. Бехтвева о томъ вліянін, какое им'єють среди дворянь земскіе начальники. Хотя нывышній составь земскихь начальниковь образуется, какъ мы видёли. далеко не изъ лучшихъ дворянъ, а въ предводители дворянства, напротивъ того, избираются, нужно полагать, выдающіеся представители сословія, тімь не меніе судьба этихь предводителей "зависить оть зеискаго начальника, каждаго отдёльно и всёхъ виёстё. Какъ людивласть имуще, они, конечно, имбють и возможность, пользуясь своимъ вліяніемъ, сажать и спихивать предводителя на дворянскихъ выборахъ" (стр. 282). Но вакую же, спрашивается, "власть" имъеть земскій начальникь надъ дворянами, если можеть сажать на мёсто предводители такъ, какъ онъ сажаеть на должность старшины? Не потому ли дворяне-выборщиви угодничають передъ этимъ заброшеннымъ, по мивнію г. Бехтвева, чиновникомъ, что надвются побудить его дъйствовать по службъ въ ихъ интересахъ? Но въдь ихъ интересы

приходять въ сопривосновеніе съ дѣятельностью земскаго начальника, когда сталкиваются съ интересами иносословныхъ и преимущественно съ интересами мѣстныхъ крестьянъ. Не ожидають ли, поэтому, дворяне, что земскій начальникъ постановить въ подобныхъ случанхъ рѣшеніе въ ихъ пользу, даже если для того ему нужно будеть отступить отъ правды? И можно ли признать нормальной и желательной такую организацію правительственной службы, при которой въ какомъ-либо сословіи возбуждаются надежды на рѣшеніе спорныхъ дѣлъ преимущественно въ его пользу, а чиновникъ пользуется этими надеждами для устройства въ желательномъ дли него смислъ общественныхъ (и, конечно, также и своихъ личныхъ) дѣлъ?

Вмёстё съ этимъ естественно возникаеть и другой вопросъ: констатируемый г. Бехтёевымъ фактъ крупнаго вліянія въ дворянстве не "талантливыхъ, идейныхъ, имущественно - независимихъ людей",—избёгающихъ, какъ мы знаемъ, мёста земскаго начальника,—а чиновниковъ-дворянъ, зачимающихъ это мёсто, главнимъ образомъ, потому, что для нихъ "важно имёть дополнительное къ сельскому хозяйству полученіе",—не служитъ ли этотъ фактъ новымъ доказательствомъ недочетовъ въ сословныхъ программахъ вообще, и въ программъ г. Бехтёрва—въ частности?

Этимъ вопросомъ мы и закончимъ нашу замътку.

B. B.

MHOCTPAHHOE OFOSPBHIE

1 января 1903.

Международная политика въ Европъ за истекшій годъ.—Македонскій вопрось и "Правительственное сообщеніе". - Наша дипломатія въ области балканскихъ дёль.—
Внутреннія дёла въ Германіи, Австріи, Англіи и Франціи.—Венецуальскій конфликть.

Въ началъ истекшаго года все еще давали себя чувствовать въ Европъ непріятные отголоски китайскаго кризиса. Англо-японскій союзный договоръ, подписанный въ Лондонъ 30 января, и послъдовавшая затыть франко-русская декларація 16 (3) марта показывали наглядно, что инимое единодущіе державь по отношенію нь Китаю было только временного дипломатического фикціею. Англичано обнаруживали особенное безпокойство объ охранъ неприкосновенности китайской территорік и возбуждали общественное вниманіе въ судьбі Манчжурін, тавъ какъ сами имели въ виду утвердиться въ Шанхай и въ долинв Янь-тве-Кіана; въ свою очередь Германія, заключившая съ Англіею конвенцію 1900 года съ цілью совийстной защиты ційлости Китая, силью тынала англичанамъ въ осуществлении ихъ одностороннихъ влановь. Манчжурскій вопрось формально разрішился русско-китайскить соглашениеть 26 марта, определившимь условія и порядокъ очищенія нашими войсками занятыхъ китайскихъ земель и городовъ; вападки на Россію см'янились въ англійской печати р'язкою полемикою противъ Германіи, которая однако всего менёе смущается обличеніями н враждебными выходками такихъ соперниковъ, какъ англичане. Раздважение противъ нъмцевъ нашло себъ реальную почву въ англійской "Синей кинги", выяснившей безпеременность германской дипломати при недавнихъ переговорахъ объ удаленіи европейскихъ войскъ изъ Шанхая: недовъріе въ англичанамъ выскавывалось при этомъ въ формать настолько откровенныхъ, что само британское правительство било отчасти озадачено и не желало придавать серьезное значеніе происшедшему инциденту. Между тымь, въ то самое время, когда газеты горячо разсуждали о вознившемъ охлаждении между Англіей и Германіей, об'в эти державы предприняли совивстную кампанію въ выной Америкъ, чтобы заставить правительство Венецуэлы удовлетворить накія-то денежныя претензін нёмецкихъ и британскихъ подданнихь. Союзники объявили блокаду венецуальскихъ портовъ, потопили нескольно вененувльских в кораблей и уснёли вызвать своими крутими мърами неудовольствіе Съверо-Американскихъ Соединенныхъ

Штатовъ, послѣ чего предложили президенту Рузевельту разобрать спорное дѣло въ качествѣ третейскаго судьи. Венецуэльскій конфликтъ, достигшій своего крайняго напраженія въ декабрѣ, вновь подтверждаетъ практическую безплодность существенныхъ постановленій знаменитой Гаагской конференціи. Международные обычаи и способы дѣйствія остались такими же, какими были; общее положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, и орудія вооруженнаго мира по прежнему съ наибольшею готовностью обрушиваются на слабыхъ, избѣгая задѣвать сильныхъ.

Война въ южной Африкъ окончилась, въ мав, добровольнымъ подчиненіемъ бурскихъ вождей и ихъ отрядовъ британскому владычеству, подъ условіемъ изв'єстныхъ льготь, финансовыхъ и политическихъ; это подчинение состоялось после ряда блестящихь дель, связанныхь съ именами Девета и Деларея. Победа Деларея надъ лордомъ Метуэномъ, 7 марта, была последнимъ крупнымъ подвигомъ буровъ въ геройской войнъ ихъ противъ Англіи; а отпускъ плъннаго раненаго генерала на свободу, какъ трогательный примірь великодушія, не остался безъ вліянія на общее настроеніе англичань относительно буровь. Вь послёдній періодъ войны всё усилія британскихь войскъ были направлены къ тому, чтобы окружить главные бурскіе отряды и отнять у нихъ возможность дальнейшихъ свободныхъ движеній; Девета и Деларея долго ловили такимъ образомъ, и когда телеграммы сообщали уже о вёроятномъ скоромъ захватё ихъ, они вдругъ обнаруживали свое присутствіе гді-нибудь неожиданнымъ успітнымъ нападенісмъ на отдельные британскіе отряды и обозы. Эти характерныя черты завлючительных военных операцій буровь доставили ихъ вождянь необывновенную популярность во всемъ вультурномъ мірё и также въ самой Англіи. Генералы Бота, Деветь и Деларей думали воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы добиться оть англичань нёвоторыхъ дополнительныхъ уступокъ и добавочныхъ денежныхъ пособій для облегченія страшной нужды свонув разоренных соотечественнявовъ; но британскій министръ колоній Чемберлэнъ склоненъ быль скорве урвать данныя уже объщанія и перетолювать ихъ въ ограничительномъ смыслъ, чъмъ допускать еще дальнъйшім льготы; между прочимъ, по его мивнію, ассигнованные три милліона фунтовъ стерлинговъ на возстановление фермъ и ихъ хозяйственныхъ принадлежностей предстояло добыть путемъ мъстнаго займа, и изъ этой же суммы слёдовало еще удовлетворить и пострадавшихъ мёстныхъ "лойялистовъ", что уже было принято за прямое извращение мирныхъ условій. Бурскіе вожди обратились тогда съ воззваніемъ ко всёмъ культурнымъ націямъ и отправились лично въ континентальную Европу для сбора пожертвованій въ пользу вдовъ и сироть павшихъ буровь;

эта пойздва давала поводъ къ шумнымъ сочувственнымъ манифестаціямь, но не принесла ожидаемых плодовь въ матеріальномь отноненін, такъ какъ въ данномъ случай требовались милліоны, которыхъ нельзя было собрать путемъ частныхъ взносовъ. Британское правительство убъдилось, что сдёлало политическую ошибку, возстановивь противь себя недавних враговъ; оно видело, что возбудило сомнение въ своей добросовъстности одностороннимъ толкованіемъ письменныхъ условій мира и отрицаніемъ словесныхъ об'єщаній лорда Китченера, а такое начало не соответствовало бы интересамъ прочнаго умиротворенія бывшихъ южно-африканскихъ республикъ. Чемберленъ предвочеть отречься отъ своей первоначальной точки зрёнія и выказать великодушие по крайней мерт въ области финансовъ: решено было въ точности исполнить денежную программу именно такъ, какъ понимали ее буры, и сверхъ того увеличить сумму настолько, чтобы всф настоительные мъстные запросы могли быть удовлетворены въ полной жере. Объщанные три милліона фунтовъ оставались "свободнымъ даромъ" или пожертвованіемъ Англіи на возстановленіе жилищь и хозяйства пострадавшихъ буровъ; затемъ, три милліона фунтовъ выдаются съ тою же цёлью въ видё займа на льготныхъ условіяхъ, и наконецъ, два милліона назначены въ вознагражденіе тувемнымъ обывателямъ, державшимъ сторону англичамъ и потерпъвшихъ убытки отъ военныхъ дъйствій буровъ, такъ что всего пришлось британскому парламенту ассигновать восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на нужды населенія новыхъ южно-африканскихъ колоній. Въ томъ же парламентскомъ засёданіи 5 ноября, когда принять быль этоть щедрый быль, министръ колоній заявиль о своей предстоящей повздкі въ пакную Африку съ целью личнаго разсмотрения и обсуждения местнихъ условій и обстоятельствъ, могущихъ "способствовать сліянію родственных народностей въ одну великую африканскую націю подъ британскимъ флагомъ". Въ англійской политикъ относительно южной Африки вновь взяли верхъ широкіе разумные взгляды, вытекающіе, однако, не изъ какихъ-либо отвлеченныхъ принциповъ, а изъ побужденій разсчетливой и дальновидной политики. Еслибы эта дальновидная разсчетливость руководила британскимъ правительствомъ во время фереканій съ Трансваалемъ осенью 1899 года, то не было бы и раэфительной войны, последствія которой будуть еще долго чувствоваться въ Англіи и въ ея южно-африканскихъ владеніяхъ.

Тяжело ложится на общественную совъсть Европы и другой, ботье общій и жгучій международный вопросъ, постоянно напоминающій о себъ провавыми вспышками и тщетно ожидающій какого-либо подданныхъ Турців. Необходимыя гарантів законности и самоуправленія, предположенныя для оттоманской имперіи берлинскимъ трактатомъ 1878 года, не осуществились, и великія державы не съумѣли или не пожелали побудить турецкое правительство исполнить принятыя на себя обязательства и отказаться разъ навсегда отъ ужасной мусульманской системы періодическихъ избіеній инородцевъ, нодъ предлогомъ возможнаго ихъ возстанія. Избіенія армянъ прошли безнаказанно для Турціи, и дипломатическіе протесты не поколебали жестокихъ традицій турецкаго режима; такъ же точно остаются пока безплодными мирныя усилія дипломатіи повліять на улучшеніе судьби злосчастныхъ жителей Македоніи и Старой Сербіи. По этому печальному вопросу появилось въ "Пракительственномъ Въстникъ" отъ 30-го ноября слёдующее оффиціальное сообщеніе:

"Положеніе діль на Валканском полуострові, по доходящим съ турецкаго Востока извістіямь, не исключаеть возможности серьезных осложненій.

"Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ и вслѣдствіе наступленія зимняго періода, можно разсчитывать на то, что возникшее въ Македоніи броженіе нынѣ не будеть имѣть дальнѣйшаго распространенія,—однако многіе признаки указывають на возрастающее недовольство среди православнаго населенія Турціи, которое, подъ давленіемъ разныхъ комитетовъ, повидимому, готовится къ общему возстанію будущею весною.

"Тревожныя явленія эти не могли не привлечь вниманіе Россіи, искони и непрестанно заботящейся о судьб'в единоплеменныхъ ей народностей.

"Дабы положить предёль броженію, могущему повлечь за собор самыя серьезныя осложненія на всемъ Балканскомъ полуостровів, Императорскимъ правительствомъ сділаны были соотвітствующія представленія Портів, а россійскому послу въ Константинополів поручено, по обсужденіи містныхъ условій, представить соображенія о возможныхъ, не терпящихъ отлагательства преобразованіяхъ въ административномъ строї Македоніи и настойчиво совітовать турецкому правительству скорійшее приміненіе таковыхъ, въ ціляхъ улучшенія быта православнаго населенія.

"Не следуеть, однаво, терять изъ виду, что пока въ области этой существуеть настоящая смута, дающая турецкому правительству законное основание принимать меры противъ возставшихъ подданныхъ, какъ применене на практике какихъ-либо административныхъ улучшеній, такъ и полное огражденіе населенія отъ суровой расправы со стороны местныхъ властей представляются весьма затруднительными.

"Въ виду сего, первымъ и главнымъ условіемъ успёха въ этомъ направленім является прекращеніе агитаціи со стороны македонскихъ комитетовъ, которые, не достигая выставляемой ими патріотической щели, отвлекають лишь население оть мирныхъ ванятий и подвергають его всемъ тажелымъ последствиямъ пагубныхъ увлечений.

"Императорское правительство уже не разъ имъло случай высказывать взглядъ свой на македонскій вопросъ, осуждая всякія попытки славянскихъ народностей къ насильственному измѣненію существующаго на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, обезпеченнагомеждународными трактатами.

"Такового взгляда Императорское правительство придерживается и въ настоящее время. Въ виду сего оно сочло цёлесообразнымъ вновь подтвердить данные какъ сербскому, такъ и болгарскому правительствамъ благожелательные совёты, указавъ имъ на необходимость, въ ихъ собственныхъ интересахъ, препятствовать опасной агитаціи и всячески содействовать къ охраненію спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ.

"Императорское правительство въ правъ разсчитывать, что славянскія государства, обязанныя своею свободою и самостоятельностью безкорыстнымъ жертвамъ Россіи, послъдують преподаннымъ имъ указаніямъ, въ твердомъ упованіи, что сдъланныя по Высочайшей волъ Государя Императора представленія достигнуть намъченной цъли.

"Непоколебимое рашение России предотвратить возможныя осложнени на Балканскомъ полуострова встрачаетъ полное сочувствие другихъ державъ.

"Австро-венгерское правительство не замедлило поручить своему представителю въ Константинополъ, по обмънъ взглядовъ съ россійскить посломъ, присоединиться въ настоятельнымъ представленіямъ его Портъ, по поводу необходимости скоръйшаго введенія преобразованій въ Македоніи.

"Совм'єстния усилія сос'єдних имперій, наибол'єє заинтересованних въ поддержаніи мира на турецкомъ Востокъ, являются прямымъ сл'єдствіемъ состоявшагося между ними въ 1897 году соглашенія, благотворное вліяніе и самое существованіе коего возможны лишь при неукоснительномъ соблюденіи положенныхъ въ его основу началь, а именно: недопущенія произвольнаго изм'єненія установленнаго трактатами строя на Балканскомъ полуостровъ и поддержанія спокойствія, столь необходимаго для благоденствія христіанскихъ народностей и охраненія общаго мира.

"Въ заключеніе, Императорское правительство, явившее не мало доказательствъ постояннаго желанія своего поддерживать наилучшія отношенія съ Турцією, не можеть не высказать надежды, что правительство султана, принявъ необходимыя мёры къ прекращенію всякихъ насилій и жестокостей, оцінить значеніе дружественныхъ представленій Россіи въ пользу христіанскаго населенія Македоніи, скорійшее умиротвореніе коей является наилучшимъ способомъ предотвратить возникновеніе самыхъ опасныхъ для Оттоманской имперіи осложненій".

Въ этомъ дипломатическомъ сообщении увазывается, съ одной стороны, безусловная обязанность правительствъ Сербіи и Болгаріи превятствовать агитаціи македонскихъ комитетовъ и охранять спокойствіе на Балканскомъ полуостровъ, а съ другой стороны, выражается на-

дежда, что правительство турецкаго султана приметь настойчивые совъты Россіи относительно скоръйшаго введенія надлежащихъ административныхъ преобразованій въ Македоніи. Цівлесообразное успоконтельное воздёйствіе на Сербію и Болгарію обезпечивается австрорусскимъ соглашениемъ 1897 года, которое въ этомъ смысле представляется, конечно, полезнымъ и благотворнымъ для всехъ приверженцевъ неподвижнаго status quo на турецкомъ востокъ; но такъ какъ это соглашение вовсе не имъетъ въ виду способствовать какимълибо внутреннимъ преобразованіямъ Турцін, то оно едва ли облегчаетъ задачи дипломатіи, вынужденной настоятельно сов'ятовать Порт'в ввести необходимыя реформы и, следовательно, нарушить турецкій status quo. Въроятно, подъ вліяніемъ того же австро-русскаго соглашенія, вопрось о реформахь въ Македоніи не ставится на твердую почву международныхъ обязательствъ, установленныхъ для Турцін берлинскимъ трактатомъ, а обсуждается съ точки зрвнія дружественной заботливости о пользъ самой Турціи и о сохраненіи мира и спокойствія въ ея владініяхь. Но турецкіе государственные люди имівють свои особые взгляды на то, что полезно и желательно для правительства султана, и трудно надъяться, что они добровольно проникнутся вдругь чужими идеями и понятіями о пользахъ и нуждахъ своего государства. Разумбется, Порта находится не въ такомъ положеніи, чтобы отвергать настойчивыя дружественныя представленія Россіи, поддерживаемыя Австро-Венгріею, и потому турецкое правительство поспёшило обнародовать цёлую программу административныхъ улучшеній, способныхъ, будто бы, удовлетворить педовольныхъ обитателей Турціи. Коренной недостатокъ этихъ улучшеній заключается, однако, въ томъ, что они поставлены въ зависимость исключительно отъ доброй воли и честности исполнителей, и что въ предположенныхъ реформахъ не отведено нивакого участія містнымъ жителямъ, какъ того требуетъ 23-я статья берлинскаго трактата. Самый удачный составъ высшихъ чиновниковъ не обезпечить законности и порядка въ управленіи, когда низшіе органы администраціи могуть фактически распоряжаться населеніемь по произволу, подавляя всякія попытки жалобъ и неудовольствія, и когда эти же м'естные исполнители являются единственнымъ источникомъ оффиціальныхъ свідвий для доброжелательныхъ начальниковъ, которые по неволъ будутъ руководствоваться такого рода сомнительными и часто заведомо-ложными сведеніями, при отсутствіи законнаго публичнаго контроля. Подобныя турецкія преобразованія не разрішать, конечно, македонскаго вопроса, и они не могуть привести къ тъмъ желательнымъ результатамъ, о которыхъ говорится въ правительственномъ сообщении.

Положение балканскихъ государствъ оказывается чрезвычайно труд-

нымь при всякихь замёшательствахь вь пограничныхь мёстностяхь Турцін. Правительства Сербін и Болгарін могуть сохранять спокойствіе, согласно всегдашнимъ совътамъ вънскаго кабинета; но сербы и болгары, проживающіе близь турецкой границы, різдко остаются безучастными зрителями нападеній и стычекъ, которымь подвергаются родственные имъ поселяне въ ближайшемъ сосъдствъ. Преслъдуемые турками туземцы ищуть спасенія въ сербскихь или болгарскихь предълахъ, и неръдко образуются значительные отряды бъглецовъ съ ихъ семействами, о которыхъ надо позаботиться; пограничныя столкновенія съ турецении солдатами и башибузуками становятся вполнъ возможными, и мъстное население фактически вовлекается въ партизанския военныя действія, даже независимо оть кавихь бы то ни было комитетовъ и вопреки самымъ миролюбивымъ настояніямъ своихъ правительствъ. Эти трудности положенія совершенно не принимаются во внимание австрійскою дипломатисю, и для правильной оптинки ихъ можеть имъть болешое значение предпринятая недавно нашимъ министромъ иностранныхъ дълъ повздка въ Вълградъ и Софію, а оттуда въ Въну. Сербскія и болгарскія впечатлівнія, въ связи съ фактической обстановкою македонскихъ событій, дадуть, быть можеть, матеріаль для провёрки австрійскихъ дипломатическихъ формуль, положенныхъ въ основу соглашенія 1897 года; да и самое это соглашеніе должно нолучить иной смысль, если оно будеть истольовываться и примъвяться въ духв сочувствія въ бедствіямъ и нуждамъ христіанскаго васеленія Турціи. Вінскія газеты выражають удовольствіе по поводу повздки русскаго министра и предвидять хорошіе результаты его свиданія съ графомъ Голуховскимъ; но нёть основанія предполагать. что наша балканская политика должна непремённо сообразоваться съ австрійскою, при существованіи упомянутаго соглашенія, — какъ это часто высказывается въ австро-венгерской печати. Можно думать, что н австрійская дипломатія обязана съ своей стороны приспособляться отчасти къ русскимъ требованіямъ и воззрвніямъ, — ибо соглашеніе предполагаетъ компромиссъ, а не одностороннее усвоение спеціальноавстрійской традиціопной доктрины. Для насъ было бы несравненно вигодиће опираться на существующіе трактаты въ сношеніяхъ съ Турціею, чемь довольствоваться неопределенными дружественными совътами, какими обыкновенно ограничиваются вънскіе дипломаты; въ частности берлинскій трактать могь бы служить намъ во многихъ случаяхъ вполнъ надежнымъ орудіемъ для охраны дъйствительныхъ интересовъ мира на ближнемъ востокъ, и намъ нътъ надобности обходить постановленія этого договора, когда они соотв'ятствують потребностямъ и условіямъ даннаго момента. Какъ бы то ни было, личние переговоры нашего министра иностранныхъ дёлъ съ австро-венгерскимъ министромъ, после свиданій съ правителями Сербін и Болгаріи, должны несомненно способствовать выясненію ближайшей политической программы великихъ державъ въ области балканскихъ дёлъ.

Въ Германіи продолжалась въ теченіе привого года упорная борьба между защитниками и противниками проекта таможеннаго тарифа,между аристократами-аграріями, консервативными протекціонистами, сь одной стороны, и охранителями интересовъ низшихъ влассовъ, передовыми прогрессистами-сь другой. Требование высокихъ хлъбныхъ цветь во имя покровительства земледвлію служело лозунгомъ наиболье вліятельных общественных группъ и вызывало энергическіе протесты оппозиціонных партій, въ ряду которыхъ наибольшев настойчивостью отдичались соціаль-демократы. Можно свазать, что всю тяжесть борьбы противъ непомерныхъ притяваний сельско-хозяйственнаго протекціонизма несла на себ' соціально-демократическая партія, съ Бебелемъ во главъ. Борьба была безнадежна, потому что большинство въ имперскомъ сеймъ заранъе стоило за новый покровительственный тарифъ; но побъда досталась правительству и его союзникамъ только послё долгихъ парламентскихъ усилій, причемъ ни одинъ изъ спорныхъ пунктовъ не обощелся безъ всесторонняго публичнаго освъщенія и изследованія. Противники действовали неутомимо и даже самоотверженно; въ конпъ они старались уже просто задержать ходъ дёла, чтобы по врайней мёрё отдалить моменть окончательнаго решенія. Последнее заседаніе имперскаго сейма, 13-14 декабря, тянулось девятнадцать часовъ безъ перерыва; одинъ изъ депутатовъ, Антрикъ, говорилъ ръчь въ продолжение болъе восьми часовъ, и все-таки нельзя было избъгнуть голосованія. Большинство ръшилось дождаться окончанія преній, и весь проекть таможеннаго тарифа быль принять 202 голосами противъ ста голосовъ оппозици.

Германское правительство, впрочемъ, не считаетъ себя непогръшимымъ: оно отвровенно признаетъ пользу оппозиціи для заботливой и всесторонней охраны общихъ интересовъ государства, для предупрежденія всевозможныхъ ошибовъ и увлеченій. Оно ничего не навязывало странѣ, не проводило своихъ произвольныхъ проектовъ подъприкрытіемъ государственнаго авторитета, а только присоедивнюсь къ господствующему направленію, располагающему большинствомъ въ парламентѣ. Если, несмотря на непрерывную вѣскую критику, тарифный проектъ получилъ силу закона, то это достигнуто лишь могущественною коалицією практическихъ интересовъ, которымъ правительство дало только свою санкцію. Въ другихъ случанхъ канцлеръ, графъ Бюловъ, менѣе расходится съ передовыми либеральными

группами: такъ, превращеніе дъйствія исключительныхъ законовъ или "параграфа о диктатуръ" въ Эльзасъ было встръчено общимъ одобреніемъ всъхъ нартій.

Въ Австріи внутренніе политическіе споры ведутся съ неменьшимъ упорствомъ, чамъ въ Германіи, но безъ положительнаго результата,--такъ какъ по существу они не допускають вполнъ точнаго и опреділеннаго різшенія. Національное соперничество между различными злементами населенія въ австрійскихъ земляхъ, особенно въ Чехіи, не ослабляется, а скорве обостряется съ каждымъ годомъ: это соперничество все более вырождается въ безплодную племенную вражду, парализующую нормальный ходъ политической жизни. Могущественная нъкогда австро-нъмецкая либеральная партія, воплощавшая въ себъ спеціальный австрійскій патріотизмъ, все чаще обнаруживаеть патріотическія чувства совсёмъ другого рода, имінощія свой корень въ идей общаго германскаго отечества. Національныя стремленія беруть верхъ надъ государственными, и сама династія находится какъ будто на пути къ разложению. Императоръ Францъ-Іосифъ пережилъ не мало кризисовъ и неудачь, не только политическихъ, но и семейныхъ, династическихъ: сынъ и наследникъ его, кронпринцъ Рудольфъ, погибъ жертвою романической исторіи, оставшейся до сихъ поръ отчасти загадочною; нын вішній наследника, принць Фердинандь, вступиль въ неравный бракъ и этимъ лишилъ своихъ потомковъ правъ на австро-венгерскій престоль; близкіе родственники, арцгерцоги, одинь за другимь увлекаются стремленіемъ къ частной свободь, отрекаются отъ своихъ почетныхъ привилегій и удаляются въ чужія страны, скрываясь подъ видомъ заурядныхъ, скромныхъ обывателей; недавно еще убхали такимъ образомъ въ Швейцарію сразу двое лицъ, принадлежащихъ къ фамилін Габсбурговъ, — молодой эрцгерцогь, сынъ бывшаго герцога тосканскаго, съ своею сестрою, кронпринцессою саксонскою. Политическая жизнь въ Австріи, при всемъ своемъ просторъ, является какъ бы безпредметною, лишенною твердой почвы; отсутствие руководящихъ національных цілей и интересовъ составляеть наиболіве характерную черту австрійской аристократіи, которая въ былое время давала тонъ европейской политикъ. Правительственные дългели, конечно, добросовъстно исполняють свои обязанности; но врупныя и сложныя задачи, выдвигаемыя національнымь соперничествомь, остаются безъ движенія, и безконечный споръ о языкахъ въ Чехіи не могь разрівшиться при министерствъ фонъ-Кербера, точно также какъ и при его предмістникахъ. Чехи требують признанія историческихъ правъ чешсваго королевства, какъ національнаго цалаго, а намцы настанвають на подтвержденіи оффиціальнаго первенства своего языка и своей національности въ тахъ чешскихъ округахъ, где преобладаетъ намецкій языкъ. Одни стремятся къ возстановленію единой Чехіи, а другіе желаютъ раздробленія ея на намецкіе, чешскіе и смашанные округа. Соглашеніе на этой почва представляется едва ли возможнымъ, и австрійскій парламенть, при нынашнемъ его состава, обреченъ на безсиліе. Не подвигается впередъ и вопросъ о таможенномъ компромисса между обашми половинами имперіи: переговоры о возобновленіи торговаго договора между Австрією и Венгрією до сихъ поръ не привели ни къ чему, такъ какъ Венгрія, въ сущности, надается пріобрасти самостоятельность и свободу дайствій въ промышленномъ отношеніи. Внутренній политическій разладъ между различными частями имперіи не машаеть, однако, общему культурному ся процватанію, при безпрепятственномъ рость умственныхъ и экономическихъ силь населенія.

Въ Англіи отставва лорда Сольсбери, въ началв іюля, не произвела особеннаго впечатлёнія, темъ болёе, что она ожидалась и возвъщалась уже неоднократно, и фактически глава кабинета успупаль руководящую роль Чемберлэну и Бальфуру; назначение же последняго на постъ премьера объяснялось врайнею непопулярностью нынъшняго министра колоній среди либеральныхъ группъ парламента. Чемберлэнъ сдёлаль очень много для возбужденія и усиленія той жажды внёшняго могущества, которая придаеть такой непріятный оттёновъ британской политивъ; но этоть же оттёновъ въ высшей степени одобряется массою англійскихъ патріотовъ. Мысль о политическомъ сближеніи Англіи съ ея колоніями, въ видахъ образованія великой федераціи англо-саксонских земель, пущена въ ходъ Чемберлэномъ и нашла сочувственный отголосокъ въ разныхъ частяхъ свъта, новсюду, гдв англичане утвердили свое владычество,-въ Австраліи, въ Канадъ, въ южной Афривъ. Международные интересы кавъ будто оттъсняють на задній плань тъ внутреннія преобразовательныя задачи, которыя поглощали Гладстона.

Отдёльные вопросы законодательства, правда, волнують общественное мнёніе въ Англіи; ожесточенная полемика вызывалась общирнымъ законопроектомъ о школахъ, обсужденіе котораго въ парламентё тянулось почти цёлый годъ. По новому биллю, мёстное завёдываніе школами переходить отъ выборныхъ школьныхъ совётовъ въ другія выборныя учрежденія—въ общіе органы мёстнаго самоуправленія, причемъ вліятельная роль отводится учредителямъ и денежнымъ вкладчикамъ школъ; религіозное преподаваніе подчиняется контролю государственной церкви и ея духовенства, противъ чего горячо возстають сторонники свободнаго протестантства, "нонконформисты" и прочіе диссиденты, вдохновляемые неутомимымъ орато-

ромъ, Клиффордомъ. Въ палатв общинъ опнозиція обстоятельнівйшимъ образомъ разбирала и оспаривала каждое постановленіе проекта; предложены были сотни поправокъ къ различнымъ его параграфамъ,—но въ конців декабря школьная реформа удостоилась утвержденія парламента. Правительство довольно слабо защищало свой билль, допуская въ немъ разные недостатки, которые можно будеть исправить впослівдствій по указаніямъ опыта; съ своей стороны, либералы дають понять, что постараются отмінить "ретроградный" законъ тотчась же по полученій большинства въ парламенть. Такимъ образомъ объстороны придають этому закону только временное значеніе,—въ ожиданіи общей переміны во внутренней политикъ страны.

Во Франціи новое министерство Комба, смінившее Вальдека-Руссо въ началъ іюня, сразу заняло воинственную позицію по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ и приб'ягло къ раду крутыхъ м'яръ для принудительнаго закрытія монашескихъ школь, не разрішенныхъ правительствомъ или не исполнившихъ требуемыхъ для этого закономъ формальностей. Суровое применение закона объ ассоціаціяхъ сообщало кабинету передовой радикальный характеръ и обезпечивало ему популярность въ некоторой части французскаго общества; но въ то же время оно отталкивало и волновало върныхъ католиковъ, вызывая рознь и вражду между различными элементами населенія, безъ всякой въ тому надобности. Строгіе декреты о школахъ были, однако, повсемъстно приведены въ исполненіе; причемъ кое-гдъ приходилось нивть дело съ попытками вооруженнаго противодействія жителей: администрація, какъ и следовало ожидать, легко одержала победу по всей линіи, и шумные толки о конгрегаціяхъ превратились въ печати. Покончивъ съ своею главною задачею, кабинетъ Комба пока еще не выясниль своей дальнейшей положительной программы.

Если оставить въ сторонъ политическія и парламентскія дъла, то безъ сомньнія самымъ интересныкъ и значительнымъ фактомъ во Франціи за истекшій годъ было раскрытіе подвиговъ знаменитой отнынь Терезы Эмберъ, съ ея стомилліоннымъ наслъдствомъ и баснословно-довърчивыми многочисленными кліентами. Семья Эмберъ исчезла изъ Парижа тотчасъ послъ того, какъ разоблачились ея грандіозныя мощенничества, и усердные полицейскіе розыски, предпринятые чуть ли не по всему земному шару, оставались безплодными, несмотря на назначеніе врупной суммы вознагражденія за поимку. Только въ концъ года, помимо участія полиціи, обнаружилось пребываніе Эмберовъ въ Мадридъ, и удачный аресть бъглецовъ былъ, конечно, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ событій для министерства. Дъло Эмберь перейдеть

теперь въ стадію судебнаго процесса и надолго займеть общественное мнініе своими фантастическими и тімь не меніе достовірными подробностями.

Венецуэльскій конфликть представляеть безь сомнінія характерный образчивь того пониманія международных правь и обязанностей, которое поддерживается великими державами при одностороннемъ господствъ промышленныхъ взглядовъ и интересовъ, въ связи съ заботою о вившнемъ престижв. Венецурла долго разорялась внутренними междоусобіями, и президенть Кастро сравнительно недавно успъль упрочить свою власть, послё военныхъ побёдъ надъ своими соперняками-генералами Андраде и Гернандецомъ. Отъ происходившихъ военныхъ событій страдали, разум'вется, не только туземцы, но и иностранные поселенцы, торговцы и предприниматели; туземцы бъдствовали и молчали, или активно участвовали въ вооруженной борьбе, а иностранцы вели подробный счеть убытвамъ и стали добиваться полнаго вознагражденія при содъйствім посланнивовъ. Венецуэльское правительство утверждало, что оно не отвівчаеть передъ иностранцами за последствія внутреннихъ неурядицъ, одинаково тягостныхъ для всего населенія, — что требованія дійствительных в кредиторовь государства будуть разсмотрены и по мере возможности удовлетворены, и что во всякомъ случав иностранцы не имвють въ этомъ отношеніи больше правъ, чімъ туземцы. Само собою разумівется, что въ казначействъ Венецузлы нътъ никакихъ свободныхъ денегъ. Между тыть Германія зараные признала претензін своихъ подданныхъ безспорными и потребовала уплаты, въ размъръ около трехъ милліоновъ франковъ; такого же рода требованіе предъявила и Англія.

Когда вследь за объявленіемъ блокады начаты были насильственныя действія, президенть Кастро ответиль на нихъ арестованіемъ немецкихъ и британскихъ поселенцевъ, которыхъ, однако, выпустиль на свободу по первому требованію сёверо-американскаго посланника; затёмъ онъ предложилъ передать спорные вопросы на разсмотреніе третейскаго суда. Германія и Англія находили почему-то нужнымъ обойти существующее въ Гаагъ постоянное международное судебное учрежденіе и пожелали довёрить дёло президенту Рузевельту; но о третейскомъ судъ вспомнили лишь подъ вліяніемъ протестовъ и непріязненныхъ заявленій въ Соединенныхъ-Штатахъ. Очевидно, предпріимчивыя союзныя правительства разсчитывали занять нёкоторые пункты Венецуэлы для обезпеченія своихъ претензій, и вероятно водворились бы тамъ прочно, въ виду несостоятельности страны и ен правительства; этой благовидной комбинаціи помешали только американцы, съ ихъ безпокойною доктриною Монроэ, не допускающею

вившательства Европы въ двла Америки. Даже при отсутствіи завоевательныхъ плановъ было бы слишкомъ рискованно предпринимать грозныя военныя демонстраціи для доставленія денежныхъ выгодъ соотечественникамъ; это быль бы легкій способъ добывать милліоны съ чужихъ правительствъ, — способъ, давно отвергнутый международными обычаями, но практикуемый иногда въ замаскированной формъ промышленныхъ счетовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 января 1903.

I.

— Мелкая земская единица. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, В. Г. Бажаева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоляоса, М. М. Ковалевскаго, Н. И. Лазаревскаго, М. К. Лемке, барона А. Ф. Мейендорфа, М. Н. Покровскаго, В. Ю. Скалона, В. Д. Спасовича, И. М. Страховскаго и Г. И. Шрейдера. Спб. 1902 г.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ послѣднее время усиленно занимаетъ общественное мнѣніе. Горячія пренія вызываетъ онъ и на земскихъ собраніяхъ, подробно обсуждается въ комитетахъ о сельско-хозяйственной промышленности, дебатируется и въ печати. Въ чемъ источникъ оживленія интереса къ этому вопросу, поднятому еще въ шествдесятыхъ годахъ? Повѣтріе ли моды? Или признаніе безсилія земства справиться съ болѣе общими задачами и стремленіе размѣнять ихъ на мелкіе интересы "колокольни"? Или же это новая вспышка крѣпостническихъ притязаній, которыя когда-то въ всесословной волости должны были найти возмѣщеніе за безвозвратно утраченныя прерогативы помѣщичьей власти? Нѣкоторые въ проектахъ мелкой земской единицы видятъ еще затѣю теоретиковъ, которыхъ соблазняетъ красота и стройность юридической конструкціи этого института. Но вочему эта красота съ особой рельефностью выдвинулась именно теперь?

Намъ кажется, что всякій, вто ознакомится внимательно съ вопросомъ, согласится, что не въ модъ, не въ стремленіи съузить земскую дъятельность, не въ торжествъ теоріи нужно искать объяснени этого явленія: Жизнь требуеть внесенія принциповъ земскаго общественнаго управленія въ деревню, требуеть этого, какъ перваго шага къ освобожденію оть тяготъющей надъ крестьянствомъ зависимости, и то, что земство откликнулось на этотъ запросъ, что оно пытается сдълать все возможное для удовлетворенія его, свидътельствуеть, что

и въ теперешнихъ земскихъ учрежденіяхъ не угасъ старый земскій духъ. Върой въ творческую силу общественнаго управленія, въ необходимость сделать земство истинно-общественнымъ учреждениемъ. обнимающимъ все населеніе, захватывающимъ новыя потребности, которыя со времени паденія крѣпостного права народились въ деревев, -- звучать речи, раздающіяся въ земских собраніях въ защиту мелкой земской единицы 1). То, что вопросъ всплыль именно теперь, служить признакомъ общаго оживленія общественнаго настроенія, которое столь опредёленно высказывается въ работахъ мёстныхъ коинтетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Если "суминрованіе" общественныхъ функцій земства является, по справедливому замъчанію одного изъ земскихъ гласныхъ, настоятельной потребностью переживаемаго момента, вопросомъ первостепеннымъ, то не менъе важное значение въ общественномъ смыслъ имъетъ, по нашему мивнію, вивдреніе этихъ функцій въ самую среду народной жизни, въ деревию. Органическій рость иден расширенія самод'язтельности общества для всякаго несомивнень, и мы видимъ въ возбужденін вопроса о мельой земсьой единиць одно изъ наиболье заизтныхъ и нормальныхъ проявленій этой идеи. Это прекрасно чувствують противники общественнаго управленія, которые съ такой силою обрушиваются на всв проекты о мелкой земской единицв. Менве чуткими-въ смыслъ пониманія общественнаго значенія самой постановки вопроса — оказываются противники этого института изъ лагеря земскихъ людей. Говорить о подведеніи фундамента подъ земскія учрежденія теперь совершенно неумістно, разсуждають они:- віздь ндея о всесословной волости появлялась и развивалась у насъ въ моменты подъема законодательнаго творчества, когда общество имъло основаніе ожидать болёе рёшительнаго переустройства всего мёстнаго управленія на иныхъ началахъ; теперь не тв условія, такъ зачёмъ же и поднимать такіе вопросы!

Въ этихъ разсужденіяхъ вполнѣ правильно одно положеніе, а именно, что вопрось о мелкой земской единицѣ появлялся у насъ въ моменты общественнаго оживленія, когда ожидались со стороны власти крупныя и серьезныя реформы. Послѣдняго обстоятельства теперь на лицо, быть можеть, не имѣется, но развѣ понятіе общественнаго подъема должно непремѣнно совпадать съ опредѣленнымъ административнымъ теченіемъ? И если стремленія и чаянія общества и не находять опоры въ такомъ теченіи, то неужели уменьшается оть того ихъ значеніе? Этоть пессимизмъ относительно смысла пере-

¹⁾ Въ этомъ отношения интересны пренія на последнемъ губернскомъ московскомъ земскомъ собранін.

живаемаго нами момента кажется намъ чрезмърнымъ. Разъ земство ощутило теперь потребность ближе подойти въ народной жизни, оно должно стремиться въ тому всъми находящимися въ его распоряжении законными средствами, должно выработать наиболъе правильную организацію новаго учрежденія, ходатайствовать о немъ, дѣлать все отъ него зависящее. Это—обязанность земства, и въ самомъ осуществленіи этой обязанности мы видимъ крупный общественный фактъ. Да и земскіе проекты, вращающіеся на ночвѣ общихъ положеній, выработанныхъ московскимъ агрономическимъ съѣздомъ, не такъ уже утопичны даже при существующихъ общихъ условіяхъ, чтобы отказаться отъ попытки ихъ осуществленія...

Къ такому именно выводу и приходить тотъ сборнивъ, самое появленіе котораго мы считаемъ однимъ изъ симптомовъ пробужденія интереса общества къ вопросамъ правильнаго общественнаго управленія.

Иниціатива изданія сборника принадлежить группѣ видныхъ земскихъ дѣятелей, съ кн. П. Д. Долгорувовымъ и кн. Д. И. Шаховскимъ во главѣ. Люди земской практики поставили вопросъ, выдвинутый жизнью, и вотъ представители науки и публицистики объединились, чтобы всесторонне освѣтить вопросъ, дать научно разработанный матеріалъ для правильнаго разрѣшенія его. Этотъ рѣдкій примѣръ совмѣстной планомѣрной работы теоріи и практики и взаимодѣйствія ихъ—знаменательное общественное явленіе, дающее всегда весьма цѣнные результаты. Статьи разныхъ авторовъ сборника объединены планомъ и выдержаны въ тонѣ научнаго и фактическаго отношенія къ дѣлу, одинаково далекаго какъ отъ полемическаго задора, такъ и отъ безпричципной неопредѣленности. По содержанію своему сборникъ распадается на двѣ части.

Первая часть даеть на основаніи теоріи и разсмотрівніи опыта Запада и отчасти нашихъ окраинъ основоположенія правильной организаціи містнаго самоуправленія. Вторая часть представляєть всестороннее разсмотрівніе вопроса о мелкой земской единиців въ Россіи: послів историческаго изслідованія о развитіи всесословнаго містнаго самоуправленія въ московскій и послідующій періоды русской исторіи, мы находимъ здісь рядь статей, посвященныхъ детальному изученію вопроса о мелкой вемской единиців на основаніи литературы, земскихъ проектовь и правительственныхъ предположеній. Весь этотъ матеріаль резюмируется въ статьяхъ вводной и заключительной: въ нихъ дается общая программа того практическаго минимума идеи, который возможно и слідуеть провести въ жизнь даже при существующихъ условіяхъ діятельности земства.

Обращаемся къ болъе подробному изложению содержания сборника.

Первая часть его открывается статьей Н. И. Лазаревскаго о самоуправленіи. Послів подробнаго критическаго разбора разныхъ теорій самоуправленія, авторъ, въ согласіи съ наиболіве научными доктринами современныхъ німецкихъ государствовідовъ, опреділяеть самоуправленіе какъ своеобразно организованную систему децентрализованнаго посударственного управленія и доказываеть, что логически необходимо и изъ этой теоріи вытекають всі условія правильнаго дійствія органовь самоуправленія: независимость оть администраціи, организація земскихъ учрежденій не на сословномъ или предметномъ, а исключительно на территоріальномъ началі; строгое проведеніе выборнаго начала; право земскихъ учрежденій составлять постановленія; власть принудительно приводить ихъ въ исполненіе и иміть для того собственные містные исполнительные органы, необходимость организовать мелкую земскую единицу и т. д.

Значеніе всёхъ этихъ моментовь для правильнаго развитія м'встной жизни наглядно иллюстрируется очервами развитія и современнаго состоянія м'встнаго самоуправленія въ Англіи (статья П. Г. Виноградова) и С'вверо-Американскихъ Соед.-Штатахъ (статья М. М. Ковамевскаго), а также интереснымъ этюдомъ Г. В. Іоллоса ("Страница изъ исторіи земскихъ реформъ въ Пруссіи"), причемъ всё авторы останавливаются съ особымъ вниманіемъ на т'яхъ единицахъ самоуправленія, которыя по задачамъ приближаются въ проектируемому типу мелкой земской единицы.

Подробное разсмотрвніе двятельности общинъ-приходовъ въ Финляндін (статья В. Ю. Скалона), гминъ царства польскаго (статья В. Д. Спасовича), приходовъ и волостей губерній прибалтійскихъ (статья барона Мейендорфа) и сельскихъ коммунъ, унаслъдованныхъ Россіей въ бессарабской губерніи отъ Румыніи (статья І. В. Гессена) приводить къ убъжденію, что даже при неблагопріятныхъ условіяхъ всесословная самоуправляющаяся мелкая земская единеца — институть врайне жизнеспособный и необходимый. Въ статъв В. Д. Спасовича, содержащей критику современнаго положенія гмины, отмітимъ, между прочить, одинъ интересный факть: созидатели гминной реформы въ Польшев, стремясь построить местное общинное управление по тогдашнить политическимъ соображениямь исключительно на крестьянской нассв, весьма старательно устранили изъ мъстнаго управленія целый рядь интеллигентныхъ слоевъ сельского населенія: "опыть показаль, однаво, -- говоритъ В. Д. Спасовичъ, -- что, вопреки ожиданіямъ Н. А. Милютина (одного изъ творцовъ реформы), интеллигентный влассъ не быль подавлень въ гминъ численнымъ перевъсомъ большинства, состоящаго изъ простонародья. Этоть интеллигентный элементь всплыль наружу и взяль верхъ надъ большинствомъ крестьянскимъ". Любопытное указаніе для тёхъ противниковъ мелкой земской единицы, которые опасаются подавленія въ новомъ земскомъ органё интеллигенціи крестьянствомъ и пониженія вслёдствіе того общаго культурнаго уровня земской дёятельности!

Вторая часть вниги начинается статьей М. Н. Покровскаго о мёстномы самоуправленіи вы древней Руси. Вопреки установившемуся вы наукі взгляду, авторы видиты вы земскихы и губныхы учрежденіяхы Ивана Грознаго проявленіе и продолженіе того же общественнаго начала, которое характеризуеты удёльно-вічевое народоправство, и доказываеть, что земская реформа Грознаго была вызвана по иниціативі и силами самого общества, соотвітствовала вполні экономической эколюціи той эпохи, а отнюдь не была только продуктомы административной политики московскихы государей. Авторы весьма живо полемизируеты сы противоположными возгрініями и пытается подойти сы новой точки зрінія кы разрішенію общаго вопроса о самостоятельномы значеніи земщины вы процессі русской исторіи. Попытка, во всякомы случай, интересная!

Болье близкаго времени, но все-же требующаго уже историческаго освъщенія, касается И. М. Страховскій въ своемъ чрезвычайно содержательномъ очеркъ возникновенія и устройства учрежденій крестьянскаго самоуправленія. Авторъ весьма уб'ядительно доказываеть, что чисто врестьянскій характерь волостного управленія быль создань въ 1861 г., въ видахъ временныхъ пълей проведения реформы освобожденія. Сами коммиссіи и смотръли на создаваемыя ими положенія, какъ на нормы переходнаго времени, и не предполагали обособить крестьянство отъ другихъ сословій на вічныя времена. Но временныя нормы сдёлались, безъ всякаго соображенія съ измёнившимися условіями деревенской жизни, постоянными, и современное положеніе волостного управленія таково, что волость, и какъ общественно-хозяйственная единица, и вакъ органъ общеадминистративнаго управленія, пришла въ совершенный упадокъ. Разделение этихъ двухъ функцій волости и образование мелкой самоуправляющейся безсословной единицы для завъдыванія общественно-хозяйственными дълами является. по мнівнію г. Страховскаго, первымъ шагомъ на пути преобразованія нашихъ мъстныхъ учрежденій. "Если съ точки зрвнія идеаловъ мъстнаго самоуправленія, таковое 1) должно обнимать не только такъ-называемые хозяйственные интересы, но и охватывать сферу администраціи, то при нікоторыхь условіяхь предпочтительніве для успівшнаго хода мёстнаго самоуправленія отказаться оть осуществленія шиъ

¹⁾ Какъ это, напримъръ, существуетъ въ общинъ Съверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ.

административныхъ функцій"; по мивнію г. Страховского, мелкая земская единица является не только первымъ, но и единственнымъ способомъ освободить сельскую общественную жизнь отъ чрезиврнаго давленія новыхъ судебно-административныхъ учрежденій.

Очеркъ г. Страховскаго дополняется статьями В. Ю. Скалона ("Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ общественныхъ собраніяхъ до 1901 г.") и І. В. Гессена ("Вопросъ о мелкой земской единицѣ въ интературѣ до 1901 г."). В. Ю. Скалонъ слѣдитъ за всѣми проектами всесословной волости, начиная съ 60-хъ годовъ, подробно останавливается на крѣпостническихъ тенденціяхъ проектовъ 70-хъ годовъ, предложенныхъ петербургскимъ дворянствомъ, излагаетъ предположенія такъ-называемой Кахановской коммиссіи, разсматриваетъ земскіе проекты 80-хъ и 90-хъ годовъ, въ которыхъ выясняется все возрастающая реальная потребность сліянія сословій и приближенія земской дѣятельности къ народной массѣ. Отношеніе ко всему этому процессу литературы и повременной печати за весь этотъ періодъ выясняется статьей І. В. Гессена.

Статьи В. Ю. Скалона и І. В. Гессена доводять вопрось до посивдняго времени, но все же это—уже исторія. Живую дійствительность со всіми ел теченіями, партійными спорами, захватываеть работа В. Г. Бажаева: "Развитіе вопроса о мелкой земской единиців въ земской средів съ 1901 г.". Дійствительность пестра вообще. Внести систему въ мимо мелькающія явленія, уловить ихъ основныя теченія, самому не увлечься тіму или инымъ изъ нихъ—это трудная задача, особенно въ такомъ вопросів, какъ мелкая земская единиа, въ которомъ люди даже одного лагеря высказываются въ противоположныхъ направленіяхъ. Г-нъ Бажаевъ прекрасно справился со своей задачей—представить полную картину современнаго состоянія вопроса. За исходную точку своего изслідованія онъ взяль московскій агрономическій съйздъ.

Какъ извъстно, 1901 годъ былъ въ вопросъ о мелкой земской единицъ поворотнымъ пунктомъ. Потребность въ ней ощущалась многими земствами. Надо было найти возможность возбудить вопросъ о ней. На съёздё дёятелей агрономической помощи, происходившемъ въ этомъ году въ Москвъ, много говорили о томъ, какими средствами въ области поднятія экономическаго благосостоянія деревни располагаетъ земство, и вотъ многочисленные земскіе дѣятели, участвовавшіе въ съёздъ, указали на значеніе въ этомъ смыслѣ организаціи мелкой единицы. Особая коммиссія опредѣлила основныя черты будущей организаціи, вполнѣ соотвѣтствующія и духу земскихъ учрежденій, и условіямъ окружающей дѣйствительности. Именно, по предположеніямъ этой коммиссіи, мелкая земская единица должна носить характеръ

обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; у нея должна быть точно опредъленная территорія, она должна носить всесословный характеръ, должна пользоваться правомъ самообложенія, должна быть установлена связь между ней и губернскими и уёздными земскими учрежденіями; мелкая земская единица должна имъть выборные изполнительные органы и не должна обладать полицейскими и судебными функціями. Съёздъ принялъ всё положенія коммиссіи, сдёлавъ два добавленія: 1) о гласномъ веденіи дёлъ въ собраніяхъ мелкой земской единицы, и 2) объ исключеніи изъ состава исполнительнаго органа послёдней лицъ, исправляющихъ административныя и судебныя должности на территоріи данной единицы. По многимъ существеннымъ вопросамъ деталей организаціи съёздъ не призналь возможнымъ высказаться. Всё свои постановленія по вопросу о мелкой земской единицё съёздъ опредёлилъ передать на заключеніе уёздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній.

Толчовъ, данный съвздомъ, оказался довольно двиствительнымъ: отвъты объ отношеніи земства къ заключеніямъ съвзда получились отъ 33 губернскихъ и 288 увздныхъ земствъ, а изъ нихъ, уже въ 1901 году, въ 23 губернскихъ и 122 увздныхъ было дано движеніе вопросу о мелкой земской единицъ. Всъ результаты трудовъ земствъ за время отъ съвзда до настоящаго основательно разработаны и систематизированы В. Г. Бажаевымъ. Въ этой статьъ авторомъ сведены, въ связи съ дъятельностью агрономическаго съвзда, всъ подготовительныя работы земствъ до земскихъ собраній, изученъ матеріаль, данный земскими собраніями 1901 г. — и все это чрезвычайно тщательно и полно. Г-нъ Бажаевъ даль полный сводъ всёхъ доводовъ земскихъ практиковъ рго и сопта земской единицы, до настоящаго момента. — сводъ, имъющій громадную цънность. Было бы крайне желательно, чтобы и результаты земскихъ собраній 1902 г. по затронутому вопросу получили такую же цънную и серьезную обработку 1).

Тавово; въ общихъ чертахъ, богатое содержаніе сборнива, который серьезно освітилъ всі стороны вопроса. Введеніе К. К. Арсеньева и заключительная статья Г. И. Шрейдера дають выводы, которые въ общемъ совпадають съ резолюціей московскаго агрономическаго съізда и которые неоднократно и подробно развивались на страницахъ нашего журнала ("Вістн. Европы", "Внутр. Обозрівнія" за январь, марть и май 1902 г.).

Правтическая ценость "Сборника" была бы, кажется намъ, еще полнее, еслибы онъ заключаль въ себе, въ виде вывода изъ всего

¹⁾ Редакція "Права", въ открытомъ письмів, напечатанномъ въ газетахъ, висказиваетъ намівреніе заняться этой работой.

матеріала, проекть мелкой земской единицы, какою она представляется редакторамъ "Сборника". Впрочемъ, отсутствіе такого заключительнаго аккорда отнюдь не умаляеть глубокаго значенія этой истинно земской книги.

II.

М. Я. Герценштейнъ. Инотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи.
 Сиб. 1902 г.

Одною изъ отличительныхъ особенностей современной экономической организаціи является задолженность недвижимой собственности. Земельные банки играють все болье крупную роль въ общественномъ козяйстей; особенно велико ихъ значеніе для городской недвижимости, которая, вслыдствіе непрерывно продолжающагося роста городского населенія, превратилась въ товаръ, сдылалась предметомъ спекуляціи, конкурренціи и ажіотажа. Г-нъ Герценштейнъ, поэтому, и дылаеть центромъ своего изслыдованія дыятельность ипотечныхъ банковъ въ области городскихъ недвижимостей. Хотя матеріалъ, обработываемый авторомъ, относится къ Германіи, но выводы его имыють общее значеніе, тымь болье, что авторь часто проводить аналогію между изучаемыми имъ явленіями въ Германіи и однородными въ Россіи.

Исходнымъ пунктомъ изследованія г. Герценштейна послужили тѣ врупныя банкротства земельныхъ банковъ, которыя разразились года два тому назадъ въ Германіи. Одновременно съ этими банкротствами въ области промышленной жизни сталъ ощущаться кризисъ со всёми сопровождающими его специфическими признаками, съ крахами торговыхъ и промышленныхъ банковъ и пр. Авторъ прежде всего и выяснетъ вопросъ, въ какой мёрё упомянутыя банкротства земельныхъ банковъ зависёли отъ общаго промышленнаго кризиса. Путемъ тщательнаго и серьезнаго, основаннаго на изученіи первоисточниковъ знализа дёятельности лопнувшихъ банковъ, авторъ приходитъ къ выводу, что эти банкротства нужно объяснять недостатками общей организаціи банковъ, ихъ пріемами дёятельности, а не общими экономическими условіями, вызывающими кризисъ.

Ипотечные банки, оперирующіе въ городахъ, могуть испытать кризись только тогда, когда наступить перепроизводство объектовь залога, т.-е. когда постройка домовь не будеть соотвътствовать росту городского населенія, когда по экономическимъ условіямъ рость городовъ останавливается. Тогда цёны на дома падають, домовладівльцы отказываются оть взноса платежей въ банки и оставляють заложен-

нын имущества на произволъ судьбы, банки несуть большіе убытки при продаже этихъ имуществъ и не могутъ выполнять своихъ обязательствъ передъ владвльцами закладныхъ листовъ. Замвчаются ли теперь подобныя явленія и, прежде всего, наступила ди основная причина ихъ-пріостановка роста большихъ городовъ? Авторъ приходить въ отрицательному отвъту на основаніи изследованія о рость городовъ, которое онъ даеть въ Ш-ей главъ своего сочиненія. Городское населеніе увеличивается чудовищно: Берлинъ въ 1871 г. имъль 828 тысячь жителей, въ 1900-1.888 тысячь; пригородъ Берлина-Шарлоттенбургъ за последнія два десятилетія (1880-1900) по населенію увеличился болве чвиъ въ шесть разъ. То же явление наблюдается въ Лейпцигв, Мюнхенв, Дрезденв и другихъ городахъ и вызываеть цълый рядъ последствій въ области промышленности и вредита: основываются многочисленныя акціонерныя строительныя общества, покупаются дома, участки для немедленной перепродажи, развивается спекуляція, биржевая игра, дутые дивиденды. Факты, излагаемые авторомъ въ этой главъ, дають изображение одной изъ любопытнъйшихъ страницъ экономической жизни современности. Авторъ изследуеть при этомъ роль, которую играють и играли, и которой не должны играть земельные банки; для последнихъ более всего опасности представляется тогда, когда они, отказавшись отъ своей непосредственной задачи, вступають вь связь со спекулятивными, домовладёльческими, домостроительными и вообще промышленными обществами. Тогда даже при наличности главнаго условія процебтанія ипотечныхъ банковъ, т.-е. роста городовъ, они могутъ лопаться, хотя врахи ихъ не будутъ, конечно, вызваны общими экономическими условіями. Для подтвержденія своихъ положеній авторъ, не ограничиваясь фактами современности. сравнилъ нынъшнее положение земельнаго предита и ипотечныхъ банковъ съ твмъ, которое испытывалось въ Германіи въ концъ 60-хъ годовъ, вогда, действительно, на лицо быль кризись. Матеріаль для анализа причинъ вризиса 60-хъ годовъ авторъ черпаетъ въ анкетъ, произведенной въ 1868 г. Съверо-германскимъ Союзомъ, въ работакъ Родбертуса и Беккера, возврвнін которыхъ подробно изложены въ работв г. Герценштейна. Основной выводъ всей работы, что причина крушеній ипотечных банковь въ систем вихь организаціи, приводить автора въ вритическому анализу этой системы и указанію необходимыхъ преобразованій. Любопытно здёсь отметить, что основныя причины, приведшія въ банвротству германскіе земельные банки (смішеніе дізательности ипотечныхъ банковъ съ функціями торгово-промышленныхъ, совивстительство членовъ правленій въ разныхъ предпріятіяхъ, отсутствіе контроля и проч.), повторились и у насъ при столь нашумъвшемъ недавно крахъ харьковскаго земельнаго банка. Въ заключительных главах, резюмирующих результаты изследованія, авторъ васается ряда вопросовь, выдвинутых банковымь и авпіонернымь деломь и у нась. Это вопросы о государственном контроле за земельными банками, объ органахъ управленія въ банкахъ и авціонерныхъ обществахъ вообще, объ участіи въ этомъ управленіи органовъ правительственной власти и др. Всё эти вопросы освёщены и съ точки зрёнія условій, действующихъ въ Россіи. Вся работа свидётельствуеть о тщательномъ изученіи вопроса, произведенномъ знатовою дела, и иметь для нашей свудной финансовой литературы большую научную ценность. Да не только въ русской, но и въ европейской литературё вризисы ипотечнаго кредита далеко не изучены вполнё, что еще болёе увеличиваеть значеніе труда г. Герценштейна.

Ш.

— Г. Гаунтманъ. Собраніе сочиненій, т. І ж ІІ. Переводъ п. р. К. Бальмонта. Изд. Свирмунтъ. Москва, 1902 г.

Среди молодыхъ иностранныхъ писателей русская публика интересуется болье всего Гауптиановь. О каждомъ новомъ его произведенін пишуть, разговаривають, нікоторыя пьесы его вошли въ репертуаръ нашихъ театровъ, а между твиъ до сихъ поръ мы не ители собранія наиболье важныхъ произведеній Гауптмана въ переводъ, вполнъ соотвътствующемъ литературному значенію этого писателя. Г-нъ Бальмонть нынв восполниль этоть пробель: въ редактированномъ имъ собраніи пом'вщены почти всі произведенія Гауптчана въ переводъ, очень близкомъ къ оригиналу, съ явно выраженнымъ намъреніемъ сохранить духъ и настроеніе подлиннива. Это, верочемъ, по отношению въ Гауптману, не легво достижимо: язывъ многихъ его произведеній настолько носить містный колорить, что для передачи его на иностранный представляются непреодолимым затрудненія. Можеть быть, посліднее обстоятельство является причиной и того, что въ собраніи не хватаеть одного крупнаго произведенія Гауптмана, именно исторической драмы: "Флоріанъ Гейеръ", въ которой поэть, для достиженія большей исторической рельефности, заставляеть действующихъ лицъ (а ихъ весьма много) все время изъясыться на древнемъ мъстномъ наръчіи. Если переводчикамъ не легко далось справиться и съ современными діалектами, которыми такъ широво пользуется Гауптманъ, то, можеть быть, они остановились въ затрудненіи передъ арханческимъ языкомъ исторической драмы. А это жаль. По своимъ литературнымъ достоинствамъ эта драма несомнѣно заслуживаеть мѣста въ "Собраніи", особенно въ виду того, что она совершенно незнакома русской публикѣ (она, кажется, нигдѣ не была переведена) и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерна для литературной физіономіи знаменитаго драматурга ¹). Пріятную неожвданность за то представляеть появленіе въ "Собраніи" впервые на русскомъ языкѣ "Ткачей" (въ переводѣ Л. Гуревичъ), можеть быть, самаго важнаго произведенія Гауптмана, которое такъ долго было для нашикъ переводчиковъ и издателей строго запретнымъ плодомъ.

Задача представить русскимъ читателямъ литературную физіономію Гауптмана возможно ближе къ оригиналу выполнена въ общемъ съ большой любовью и стараніемь переводчиками и редакторомь. Г-нъ Бальмонтъ, какъ переводчикъ, прочно установилъ свою репутацію великолъпными стихотворными переводами Шелли, и мы, по правдъ сказать, съ большими ожиданіями приступили въ чтенію въ его переводъ "Потонувшаго колокола", этой чудной сказки-драмы, въ которой, повидимому, талантъ г. Бальмонта могъ развернуться свободно и легко. Однако, при всвиъ высокихъ качествахъ перевода, именно легкости мы не нашли въ немъ; мало осталось того свободнаго полета, который такъ очаровываетъ читателя въ оригиналъ. Не чувствуется творческаго перевоплощенія поэвін Гаунтмана въ родную намъ ръчь. Васъ давить духъ тижести только добросовъстно и близко передаваемаго текста, и этого ощущенія не въ силахъ уничтожить и тв неологизмы и вычурныя выраженія, которыми такъ злоупотребляеть во всёхъ своихъ поэтическихъ продуктахъ г. Бальмонть. "Почему бояться неологизмовь? Ихъ нужно желать, какъ всего, что расширяеть область слова", --пишеть г. Бальмонть въ предисловіи.--Да, ихъ нужно желать, -- только при одномъ условіи, чтобы неологизмы соответствовали духу языка; а безъ того многія выдуманныя словечки "гротескны" (по любимому выраженію г. Бальмонта)-и только...

Конечно, и въ переводъ г. Бальмонта есть великолъпныя мъста, но многія и пропали въ его передачъ. Особенно досадно за удивительный монологь Гейнриха, обращенный къ пастору, въ сценъ на горахъ: ("Кто мнъ за трудъ мой платитъ…" и далъе: "О, солнце! Древній праотецъ…"); мощь и красота восторженной ръци литейщика колоколовъ какъ-то у г. Бальмонта загромоздились словеснымъ балластомъ; гораздо большее впечатлъніе производить это мъсто въ передачъ г. Буренина, выкинувшаго, впрочемъ, почему-то послъдною строфу 2).

²⁾ Переводъ г. Буренина печатался въ "Новомъ Времени" и, кажется, отдъльнымъ печатнымъ изданіемъ не выходилъ. У насъ подъ руками этотъ переводъ въ литографированномъ изданіи для театровъ.

¹⁾ Въ "Собранін" не хватаеть еще позвявитейся въ прошломъ году комедін "Крас ный пётухъ", составляющей продолженіе "Бобровой шубы".

Проза переведена не только точно, но и красиво. Заключительные поэтические аккорды "Ганнеле" звучать въ стихотворной передачѣ г. Бальмонта прекрасно.

Повторяемъ, русскіе читатели получили возможность основательно ознакомиться съ нъмецкимъ драматургомъ, котораго фанатические поклонники (въ Германіи они составляють своего рода секту, Нацріmanngemeinde) ставять рядомъ съ Шевспиромъ и Гейне. Каково действительное значеніе этого несомивнно крупнаго таланта? Отмвтимъ прежде всего, какъ любопытную черту, то, что ни одна литературная партія въ Германіи не считаеть Гауптмана окончательно своимъ. Первыя его драмы содіальнаго характера, носившія на себ'в сильное вліяніе Ибсена, поставили его во главъ "молодыхъ" реалистовъ, боровшихся съ рутиной, и закрѣпили за нимъ славу натуралиста въ драматургін и реформатора ен. Въ "Ткачахъ", этой потрясающей трагедін жизни четвертаго сословія, увидёли не только реформатора драматургін, но и поэта, проводящаго въ своихъ произведеніяхъ опредёленную общественную идею этого сословія. Посыпались обвиненія въ тенденціозности, которыя, однако, должны были замоленуть посл'в появленія "Ганнеле". Эта поразительная драма дётской души съ ея свётлымъ инстицизмомъ, трогательнымъ и примиряющимъ, съ ея фантастическими образами, составляющими сущность ея душевнаго міра и такъ ръзко отличающимися отъ овружающей дёйствительности, скорее могла выйти изъ-подъ пера мистика-поэта, стремящагося въ надчувственной красоть, чымь принадлежать тому же драматургу, который вы "Твачахъ" далъ такую жестокую картину соціальныхъ условій. Посл'ь "Потонувшаго колокола", Гауптманъ былъ признанъ символистомъ и идеалистомъ и зачисленъ въ ряды "Moderne". Въ "Возчикъ Геншелъ" Гауптманъ снова реалистъ-психологъ; въ "Михаэлъ Крамеръ" онъ возвращается въ трагедіи одиновихъ людей; въ "Красномъ пѣтухѣ" онъ-созерцатель мелочей жизни мелкихъ людей, съ ихъ радостями и печалями, которыя Гауптманъ воспроизводить не безъ легкаго юмора. "Moderne" уже не считають его своимъ; въ появившейся на дняхъ бротюръ Ландсберга (она переведена на русскій языкъ московской фирмой "Скорпіонъ") съ крикливымъ названіемъ "Долой Гауптмана", воистатируется, что "духовная мощь Гауптмана" не удовлетворяеть больше молодое покольніе". "Мы считали, —пишеть этоть представитель самой молодой Германіи, --его великимъ; мы употребили всъ силы, чтобы доставить ему побъду. Теперь, когда онъ сталъ знамевитостью, мы чувствуемъ себя по ту сторону победы. Его искусство осталось земнымъ. Тамъ, гдъ онъ пытается взлетъть ввысь, ясно виступаеть его духовное безсиліе. Этому искусству не хватаеть откровенія"... Далее идуть обвиненія въ отсутствіи у Гауптмана на-

Digitized by Google

стоящаго идеализма, въ его общедоступности, свидътельствующей, что онъ не создалъ новыхъ цънностей и пр.

Конечно, върно то, что Гауптманъ—натуралисть, котя гораздо больше по пріемамъ, чъмъ по сущности; что въ его произведеніяхъ звучить мистическая и идеалистическая нота; что онъ—символисть въ смыслѣ необычайнаго проникновенія въ тайники природы и умѣны воплощать ихъ въ видѣ образовъ,—но прежде всего онъ настоящій поэть, поэтъ "милостью Божіей", который, при всемъ разнообразіи идейнаго своего міра и затрогиваемыхъ имъ сюжетовъ, всегда орнгиналенъ и самобытенъ. Въ этомъ—его сила и обаяніе!

Г-нъ Бальмонть (предисловіе) основнымъ настроеніемъ творчества Гауптмана считаеть то, что поэть влюблень вы жизнь, что онь "исполненъ какого-то религіознаго поклоненія передъ сказкой бытія"; отсюда -его пристрастіе къ самымъ простымъ темамъ... его любовь въ простымь, невиднымь существованіямь; отсюда-его искренній реализмь. Это вполив справедливо, но это не созерцательная любовь, не одно только любованье процессами жизни природы или людей; нътъ, Гауптманъ ищеть душу жизни, и та глубина человъческаго чувства, которымъ проникнута его любовь во всему, что въ жизни происходить, это и есть та врвивая связь, которая соединяеть Гауптиана съ его читателями и зрителями. Безъ этого немыслимо было бы создание ни "Ткачей", ни "Потонувшаго колокола", ни "Ганнеле" -- лучших пьесъ Гауптиана, которыя дають ему право на видное мъсто среди міровой литературы. Эта глубина чувства подсказала ему, что нужно быть борцомъ и въ жизни, и въ искусствъ. Въ юношеской своей драмь: "Das Promethidenloos", онъ восклицаеть:

> Ein Kämpfer sein war sein neues Streben, Das ihm des Elends Anschau eingegeben!

И онъ сталъ борцомъ.

Далеко не всѣ драмы Гауптмана одинаковаго достоинства; но то, что онъ создалъ, даетъ увѣренность, что отъ молодого драматурга можно ждать еще многаго.—Г-лнъ.

IV.

- Альбомъ виставки, 1852—1902, въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, устр. Общ. Любит. Россійск. Словесности въ залахъ Историческаго Музея 21-го февраля—апръля 12-го, 1902. Исполнено и издано худож. фототипіей К. А. Фишеръ. М. 1902.
- Гогодь на родинѣ. Адьбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ, относящихся въ памяти Н. В. Гогодя. Изданіе І. Ц. Хмедевскаго въ Полтавѣ. (1902).

Изданія подобнаго рода, альбомы юбилейныхъ выставокъ или коллекцій рисунковъ, въ первый разъ появляются у насъ, кажется, съ первой Пушкинской выставки 1880 года. Теперь это входить въ обычай,—и прекрасный обычай: для тѣхъ, кто видѣлъ выставку, альбомъ остается напоминаніемъ, сохраняющимъ личныя впечатлѣнія; кто не видѣлъ ен,—альбомъ представитъ собраніе любопытныхъ иллюстрацій, единственное въ своемъ родѣ и обыкновенно въ большинствѣ пьесъ совершенно новое, потому что для выставки матеріалъ собирается отовсюду изъ частныхъ рукъ, гдѣ до этого онъ оставался недоступнымъ. Альбомъ будетъ надолго желанной иллюстраціей къ біографіи писателя.

Таково изданіе г. Фишера, посвященное выставий въ память Гоголя и Жуковскаго. Художественная фототипія г. Фишера имбеть уже заслуженную репутацію прекраснаго исполненія рисунковъ. На выставий собралось много разнообразнаго матеріала—всего боліє портретовь писателей и другихъ лиць, такъ или иначе связанныхъ съ ихъ біографіей; изображеній скульптурныхъ; пейзажей и т. п. Не малое достоинство альбома составляеть и его доступность: 180 снимковъ, или въ большомъ 8°, или въ меньшемъ форматі (когда на страниці поміншено два снимка, изрідка—четыре), всего на 92 страницахъ, стоять 3 р. 50 к.

Можно пожалёть только о способѣ брошюровки—съ помощью того, что называлось, кажется, "американскимъ переплетчикомъ". Книга не сшивается нитками, а пробивается, точно гвоздями, такъ что ее нельзя разогнуть, не держа двухъ сторонъ книги обѣими руками. Эта манера "переплетатъ" книги гвоздями теперь очень распространяется, но если она можетъ быть пригодна для брошюръ, она только уродуетъ книги—и альбомы.

Изданіе г. Хмёлевскаго—другого рода. Это—не альбомъ выставки; издатель поставилъ себе цёлью собрать и закрёпить фотографіей "все, связанное съ именемъ Гоголя, освещенное его личностью и творчествомъ, преимущественно въ предёлахъ его родины". Издателю по-

счастливилось встретить сочувствие къ своему плану въ кругу ныне живущихъ родственниковъ Гоголя, которые предложили ему воспользоваться имеющимся у нихъ матеріаломъ. Въ результате получилось чрезвычайно интересное собраніе рисунковъ, относящихся къ жизни Гоголя "на родине".

Книга открывается статьей известнаго знатока малорусской старины, этнографа и историка В. П. Горленка "Родина Гоголя", гдв авторь даеть общую картину мёстности и разсказываеть, какъ многое измёнилось въ ней съ тёхъ поръ, когда здёсь живаль Гоголь. "Неумолимое время, бытовыя перемёны и недостаточное вниманіе къ памати поэта измёнили теперь многое въ его родномъ уголкв. Съ какой-то особой стремительностью совершалось все это въ послёдніе годы. Тё же мёста намъ пришлось видёть лёть двадцать назадъ, когда все это было ближе къ Гоголю, болёе напоминало тотъ видъ, въ какомъ было при немъ", — и авторъ указываетъ, какія перемёны произошли. "Аппарать фотографа, руководимый внимательной и любящей рукой, воспроизводить въ этомъ альбомё виды мёстностей, зданій, всякую вещественную память о Гоголё въ томъ видё, какъ она существуетъ теперь, или же по тёмъ прежнимъ снимкамъ, какіе уцёлёли".

Конечно, это—все, что можно было сдёлать, и г. Хмёлевскій видимо старался собрать все, что было возможно: его альбомъ остается самымъ богатымъ собраніемъ того, что можетъ дать теперь представленіе о "родинѣ Гоголя": уцёлёла та же природа, общій этнографическій и бытовой типъ, портреты и т. д.

Большое собраніе рисунковъ посвящено самой "Яновщинъ"; затемъ идутъ Миргородъ, Нежинъ, Сорочинцы, Кибинцы, Яреськи и другія м'істности, связанныя съ біографіей Гоголя; наконецъ, вні "родины" Гоголя—изображены домъ въ Римъ, гдъ жилъ Гоголь, домъ гр. А. П. Толстого въ Москвъ, гдъ жилъ и умеръ Гоголь; видъ его могилы въ Даниловомъ монастыръ. Во главъ альбома поставленъ портреть-съ изв'ястнаго портрета Моллера, о которомъ г. Хм'ялевскій дълаеть следующее замечание: "Этоть портреть написанъ Моллеромъ въ 1841 году и быль привезенъ Гоголемъ въ Яновшину. Съ техъ поръ онъ не выходилъ изъ семьи, и въ настоящее время принадлежить племяннику поэта Н. В. Быкову и находится въ Яновщинъ Огромная часть портретовъ Гоголя, распространенныхъ въ печати, сдёлана на основаніи этого портрета или, лучше сказать, граворы съ него Іордана, совершенно исказившей черты поэта. Въ нашемъ изданіи появляется въ первый разъ точная фотографическая его вопія, снятая съ оригинала въ Яновщинъ".

٧.

 Православное духовенство. Очерки, пов'ясти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Н. И. Соловьева. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб 1902.

Авторъ избралъ весьма важную и любопытную тему, и второе изданіе должно показывать, что книга возбудила интересь. Вопрось о нашемъ духовенствъ, въ его значеніи общественномъ, есть несомнънно вопросъ чрезвычайно важный: "Русь святая", "православная" имбеть въка исторіи, и до настоящей минуты это не только историческій, но политическій терминъ; понятно, что духовное сословіе занимало важное мъсто въ создании этого историческаго факта. Исторія русской церкви, хотя еще не вполнъ собранная и критически изслъдованная, много говорить о давнопрошедшихъ въкахъ; но въка последніе, и особенно недавнее прошедшее, изследованы очень мало, а періодъ современный - всего мене. Въ литературе есть только оффиціальные отчеты, пифровыя данныя,--но мы напрасно искали бы точнаго и правильнаго освъщенія вопроса въ современной общественности; можно сказать, что онъ почти совсёмъ не затрогивается-кроме отдельныхъ примъровъ, какъ бы случайно попадавшихъ въ печать, духовенство стояло какь будто вив литературы, -- хотя не вив общественнаго мивнія. Въ прежнее время, всякое упоминаніе о духовномъ сословін, какъ и всякихъ предметахъ, имфющихъ отношение въ церковности, шло просто въ духовную цензуру, и следовательно могло быть сказано только то, что понравилось бы представителямъ сословія. Но, какъ замъчено, вопросъ о сословіи не могь остаться внъ общественнаго мевнія устнаго, — и въ конців концовь оно такъ распространялось и пріобрівтало иногда столь різжую исключительность и односторонность, что вызывало неудовольствія и нареканія въ самомъ сословіи, которое считало себя несправедливо осуждаемымъ. Разобраться въ этомъ можно было бы, конечно, только однимъ путемъ-открытымъ. спокойнымъ, безпристрастнымъ обсуждениемъ въ печатномъ общественномъ инвніи, т.-е. въ литературв. Къ сожальнію, до сихъ поръ этого ньть,или это бывало только радко и случайно, какъ было, напр., въ шестидесятыхъ годахъ по поводу книжки "о сельскомъ духовенствъ" (изданной за границей). Касаться этого вопроса до сихъ поръ мудрено: вто захотвль бы поставить вопрось определенно и правдиво, рисковаль бы вызвать противъ себя весьма не безопасныя "анти-критики".

Книга г. Соловьева касается только одной части вопроса,—она говорить почти исключительно о быть сельскаго духовенства; быть городского духовенства затрогивается лишь отчасти, напр. когда де-

ревенскій батюшка переводится въ городъ. Книга написана вообще съ великими сочувствіями къ деревенскимъ батюшкамъ; авторъ знасть за ними кое-какіе недостатки, напр. не разъ онъ упоминаеть, что нъкоторые изъ нихъ отличаются завистливостью, охотой къ сутяжничеству; но большею частью въ его изображеніяхъ это-люди скромные, которые мужественно переносять свою малую матеріальную обезпеченность, даже прямо нищету, и успъвають воспитывать въ своихъ дътяхъ такое же мужество въ борьбъ съ нуждой и завалять ихъ характеры. Разсказы чаще относятся ко временамъ прошедшимъ, и такъ какъ въ этихъ случаяхъ авторъ видимо основывается на фактичесвихъ данныхъ, то между прочимъ получаются жестокія картины быта сельскаго духовенства за это прошедшее время-въ зависимости не то что у полудикихъ, но совершенно дикихъ самодуровъ-помъщиковъ. Одинъ изъ нихъ, напр., у себя въ домъ травилъ своего приходскаго священника обученными псами, которые буквально разорвали на немъ все одъяніе до-нага, и въ этомъ видъ священникъ вернулся по селу домой. По всей въроятности, переданъ здъсь историческій фактъ.

Авторъ, конечно, осуждаетъ пренебрежительное отношеніе въ духовенству со стороны такъ-называемаго высшаго круга,—но не даетъ
читателю достаточнаго объясненія, откуда такое отношеніе происходило. Нівкоторыя изъ описанныхъ авторомъ возмутительныхъ исторій,
въ родів вышеупомянутой травли священника псами, относились еще
ко временамъ крізпостного права, когда значеніе пом'ящика считалось
незыблемымъ; но во всякомъ случай можно было бы ожидать, что
власть епархіальная, которая также должна бы быть незыблемой и
которой эти безобразія были совершенно изв'єстны, вм'ящается въ это
положеніе вещей (пом'ящикъ разб'єсился на священника за то, что
послідній, придя въ домъ съ крестомъ, не хотіль, какъ тоть потребоваль, благословлять крестомъ его псовъ) и дасть защиту оскорбляемой святыні; но этого не бывало. Безобразія оставались безнаказанными, но и не возвышалось уваженіе къ духовному сословію.

Въ разсказахъ г. Соловьева, при всемъ ихъ благодушномъ, идилическомъ настроеніи, сказываются и разныя другія бытовыя черты, которыя даютъ видѣть упомянутый разладъ, существующій между сословіемъ и другими слоями общества. Одинъ сельскій батюшка, достойнѣйшій человѣкъ, за свои заслуги назначенъ былъ въ губерискій городъ: это было большое повышеніе, которое должно было порадовать батюшку, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно его огорчало, потому что городскія отношенія казались очень стѣснительными послѣ многолѣтней привычки къ деревенской простотѣ. Чувство батюшки было весьма естественное; но авторъ влагаетъ въ его уста цѣлую филиппику противъ городской жизни (между прочимъ, заставляя его говорить мало

естественнымъ полу-славянскимъ языкомъ): "грады великіе суть бездна грѣховная, и деревни малыя суть обители отъ соблазновъ огражденныя, хотя и сіи послёднія не всегда избавлены отъ духа злобы и прельщенія. Грады суть источники нечистоты грѣховной", и такъ далье, на три страницы (134—136). Но какъ же быть безъ великихъ градовъ? Всѣмъ нельзя жить въ малыхъ деревняхъ; — батюшка не усмотрѣлъ только, что грады—неизбѣжное созданіе государственной жизни, что они служатъ ей органомъ, а также органомъ общественности и просвѣщенія,—и не трудно представить себѣ, что этотъ достойнѣйшій батюшка, превышающій городскихъ батюшекъ непосредственностью своего благочестія; будеть мало понимать свою городскую наству.

Но и въ этомъ объемъ задачи, какую поставилъ себъ авторъ вниги, въ изображении сельскаго духовенства, онъ не даетъ ни полной картивы, ни полнаго объясненія сельских отношеній. Несмотря на указанное противоноложение жизни городской и сельской, исполненной соблазнами и свободной отъ нихъ, сельская жизнь, сколько извёстно, давно, да и въ настоящее время не отличается добродетелями; въ внигь г. Соловьева не видно, чтобы сельскіе батюшки, и самые наилучшіе, ставили себ'в долгомъ противод'в ствовать пьянству, обуревающему деревию, противодъйствовать "мірской" несправедливости, или кулаческому притёсненію, или иной деревенской неправдё; въ книгь невидно,--о чемъ, наконепъ, читаемъ неръдко въ газетахъ,-мить батюшки относится въ народной школь, какъ они вооружаются и интригують противъ школы земской, и т. п.; невидно вообще, насколько батюшки, кром'в оффиціальнаго исправленія требъ, воздів ствують на нравственный быть своей паствы, не говоря уже о младенческомъ состояніи ея умовъ.

Вопросъ, который косвенно затронуть въ книгѣ г. Соловьева, презвычайно важенъ, и надо сожалѣть, что онъ мало ставится въ нашей литературѣ, другими словами, что онъ считается, вѣроятно, окруженымъ слишкомъ большими препонами. Между тѣмъ, собираются гружки для собесѣдованій о предметахъ высшей религіозной философін...

Въ столидъ шушъ, гремять витін, Кипитъ словесная война...

I.

 Образовательная Библіотева, изд. О. Н. Поповою. Серія V. 2: Профессоръ Погодинъ, Религія Зороастра.—Профессоръ Джаксонъ, Жизнь Зороастра. Сиб., 1903.

Небольшая внижва, около полутораста страниць, составлена въ обратномъ порядкъ съ принятымъ, преимущественно во Франціи, способомъ начинать историво-критическія изслёдованія съ біографіи д'вятеля (l'homme) и затвиъ уже излагать то, что онъ сдвлаль (l'oeuvre). Отъ этого она очень выигрываеть ясностью изложенія и отсутствіемъ повтореній. Появленіе ся какъ нельзя болье своевременно. Пробудившійся въ последніе годы въ обществе заметный интересь къ исторіи религіозныхъ ученій, къ единству ихъ началь и къ историко-этнографическому разнообразію ихъ источниковъ вызваль уже рядъ произведеній, написанных по возможности общедоступпо и иногда даже въ беллетристической формъ, вакова, напр., "Душа одного народа", Фильдинга. Ученіе Зороастра, освобожденное отъ связанной съ нимъ запутанной и мрачной дэмонологіи, -- отличается большою шириною и гуманностыю взглядовы, не имбеть вы себь обрядовой окаменьлости и, ставя условіемъ праведной жизни нравственную чистоту слова и дъла, требуетъ дъятельной любви въ божеству и его высшему свойству -истинъ. Этой дъятельной, призывающею къ борьбъ со зломъ, стороною своею зороастриямъ существенно отличается отъ созерцательнопассивнаго буддивма. Русскіе читатели могли уже ознакомиться сь этимъ ученіемъ, между прочимъ, изъ перевода вниги Шантепи де-ла-Соссе и изъ статей Мильса и профессора Наороджи въ сборнивъ лекцій о религіозныхъ върованіяхъ, переведенныхъ В. А. Тимирязевымъ. Настоящая внижка, однако, уступая въ живости и блесев изложенія нъкоторымъ изъ этихъ сочиненій, даеть болье цънный и глубже обработанный матеріаль для изученія спорныхь вопросовь о личности и въроучени подлиннаго Заратустры, а не того, котораго хотълъ воскресить въ своеобразной формъ въ своемъ столь нашумъвшемъ произведеніи Ницше. Статья профессора Джаксона обилуеть нікоторыми мелочными и излишними подробностями; быть можеть, она была бы цвинве, еслибы содержала въ себв указанія на дальнвищую судьбу и современное положение парсовъ-огнепоклонниковъ. -- Z.

Въ теченіе декабря м'всяца, въ Редакцію были доставлены нижесгедующія новыя книги и брошюры:

Анненская, А. Н.—Зимніе вечера. Разсказы для дізгей. Изд. 5-е. Спб. 903. Ц. 2 р.

Бансель, А.-Кооператизмъ. Экономические очерки. М. 903. Ц. 60 к.

Бертенсовъ, В. А.—По югу Россін. Сельско-хозяйственные очерки, наблюденія и зам'ятки. Вып. IV. Од. 902. Ц. 60 в.

Бирноковичь, В. В.—Справочныя свёдёнія о дёятельности земствъ по сельскому хозяйству (по даннымъ на 1899, 900 и 901 гг.). Вып: V. Спб. 902. М. З. и Г. И. Департаменть Земледёнія.

Благовидов, О. В., проф.—Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императора Александра и Николая І. Каз. 902. П. 50 к.

Богородицкій, В. А.—Склоненіе въ аріо-европейских языкахъ. Каз. 902. Ц. 80 к.

Водлеръ, Шарль.—Маленькіе поэты въ прозів. Перев. и вступит. статья А. Александровскаго. М. 903. Ц. 80 к.

*Брандес*ь, Г.—Собраніе сочиненій. Съ датск., п. р. М. В. Лучицкой. Т. ІХ. Романтическая школа во Францін. Кіевъ. 903. Ц. за 12 т.—5 руб.

Брандтъ, А. Ө.—Оть матеріализма въ спиритуализму. Харьв. 902. Ц. 50 в. *Бутовскій*, А. Д.—Новые методы въ воснитаніи. Съ англ. Спб. 902.

Веселовскій, Юрій.—Друзья и защитники, животных въ современной французской беллетристикъ. Съ портретомъ Эм. Зола и избранными произведеніями Зола, Мирбо, Лоти, Рашильдъ, относящимися къ животнымъ—въ перев. М. В. Веселовской и Д. Царевской. М. 903. Ц. 75 к.

Волжскій.—Очерки о Чехов'ї: І. Конфликтъ идеала и д'йствительности. П. Власть обыденщины. III. Равнодушные люди. IV. Безпокойные и нудные. V. Параллели. VI. Мужики. Спб. 903. II. 80 к.

Волкова, М., женщина-врачь. Беседы о здоровьи женщины. Изд. 2-е. Спб., 902. Стр. 313. Ц. 2 р.

Гауппмана, Г.—Собраніе сочиненій. Т. І и ІІ. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 902. Ц. 1 р. 50 и 2 р.

Геймана, фонъ, Р. В.—Прогулка пѣшаго гусара. Повѣсти и разсказы автора "A cheval de Varsovie à Constantinople". Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Герменитейна, М. Н.—Ипотечные Банки и рость больших в городовь въ Германін. Спб. 902. П. 1 р. 50 к.

Гольнова, В. М.—Стихотворенія: "Ночныя Думы". М. 903. Ц. 1 р.

Гольма, Клементина.—Какъ я проведа свою юность. Приключенія подроства. Съ нём. М. 903.

Гафитентеръ.—Позвія вырожденія. Философскіе и психологическіе мотивы девадентства. Спб. 902.

Гранстремъ. Э.—Столетіе открытій въ біографіяхъ замечательныхъ мореплавателей и завоевателей XV—XVI в. Съ 70 рис. и картой путемествія. Сиб. 903.

*Гримм*э, братья.—Избранныя сказки. Перев. А. С. Фридеманъ. Съ иллюстрац. Спб. 903. Ц. 80 к.

Де-Фо, Даніель.—Радости и горести знаменитой Молль Флидерсъ. Начисано въ 1683 г. Съ англ. П. Канчаловскій. М. 903. Ц. 1 р. Джунковская, Е.—Средняя школа новаго типа въ западно-европейскихъ государствахъ. Съ 12 рис. Спб. 902. П. 75 к.

Доводчиковъ. К. К.--Развессиое пьяное житье. Тѣлу--вредъ, душѣ--пагуба. Книжка для народнаго чтенія. Съ рис. Романово-Борисога. 902. Ц. 15 к.

Евреиновъ, П. А.—Стихотворенія. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Зелинскій, В.—Сборнивъ вритическихъ статей о Н. А. Некрасовъ Ч. 2: 1864—1873. Изд. 2-е. М. 902.

К., Е.—Г. М. Герценитейнъ. Біограф. очеркъ, съ портретомъ. Спб. 902. (Медиц. журн. д-ра Окса, для помощниковъ—врачей).

Кеннингемъ, В.—Западная цивилизація съ экономической точки зріків. Средніе віка и новоє время. Съ англ. П. Канчеловскій, п. р. А. А. Манундова. М. 903. П. 1 р. 40 к.

Кнутъ-Гамсунъ.-Драна живни. М. 903. Ц. 50 к.

Комиция, А. Н., перев. съ англ.—Земледаліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность, и ремесло. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Коробка, Н.—Очерки литературных настроеній. І. Бальмонть. ІІ. Апухтинъ. ІІІ. М. Горькій. IV. Мережковскій о Достоевскомъ и Толстомъ. Сиб. 903.

Кругловъ, А. В.—Лъсные дюди. Очерви и впечатавнія. Изд. 3-е. М. 903. Ц. 1 р.

Купо Фишер».—Исторія новой философіи. Т. VIII: Гегель, его жизнь, сочиненія и ученія. Съ нём. Н. О. Лосскій. Съ портретомъ Гегеля. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 с.

Кузнецовъ, В. К.—Кустарные промыскы врестьянъ Каргопольскаго увяда Олонецкой губерніи. Петрозаводскъ, 902. Ц. 1 р. 25 к.

Л., А. Ф.—Въра. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дъвушки. Съ нъм. М. 903. Ц. 50 к.

Лазареев, М.—Изъ записокъ фармацевта. Очерки аптечной жизни. Соб. 903. Ц. 75 к.

*Лобанов*ъ, Д. И.—Что такое любовь? Опыть изученія половыхь отношеній. Спб. 902. Ц. 1 р.

Лугановскій, В. А.—Русскіе писатели въ польской литератур'в. Вып. І. Гоголь. Спб. 903. П. 40 к.

Луговой, А.—Швейцаръ. Спб. 903. Ц. 20 к.

—— За грозой—вёдро. Изъ жизни почтоваго тракта. Спб. 903. Ц. 25 к. Малимина, А. А.—Vera. Одна за многихъ. Изъ дневника молодой дъвушки. Перев. съ XIII нъм. изд. М. 902. Ц. 50 к.

Мамининъ. В.—Прогрессивная эволюція совнательнаго начала природы, какъ основа міровозарвнія. Н.-Новг. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мороховецъ, Левъ.—Исторія и соотношенія медицинскихъ знаній. Съ 527 рис. въ тексть и хромодитограф. таблицею. М. 908. П. 2 р. 50 к.

Мижуловъ, С. Р.—На заръ XVII въка. Исторический романъ. Изд. 2-е. Сиб. 902. Ц. 1 р.

Бътмецы, пов. Съ 14 рис. Спб. 903. Ц. 75 к.

Наживинь, Ив.—Предъ разсветомъ. М. 903. Ц. 1 р.

Некрасова, Е .-- Жизнь студентви. М. 903. Ц. 40 в.

Никольскій, И. А., горн. инж.—Дорожный вопросъ въ Кіевской губервій и Россіи. Кіевъ. 902. П. 50 в.

Никольскій, Н.—Бликайшія задачи изученія древне-русской письменності, Спб. 902. (Памятники древней письменности и искусства, вмн. 247). Никоновъ, С., и Е. Якушкинъ.—Гражданское право по рѣшеніямъ Крестобогородскаго волостного суда. Ярослав. губ. и уѣзда. Яросл. 902.

Ожимковъ, Н. Е.-Печорскія былины. Саб. 902.

П. А.—Изъ исторіи государства Аеннскаго. Харьк. 903. Ц. 7 к.

Памісико, Н. И.— Нормативный характерь права и его отличительные признами. Къ вопросу о позитивнямъ въ правъ. Яросі. 902.

Паркерь, Э.—Китай, его исторія, политика и торговля. Съ англ. полковникъ Грудовъ. Съ 6 карт. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Переферковичь, Н.—Таммудъ.—Авоть Рабби Навана, въ объихъ версіяхъ съ прибавленіемъ трактата Авоть. Критическій переводъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Петровъ, А. А., шт.-капитанъ.-, Мечты". Елисаветгр. 902. Ц. 20 к.

Пиленко, Ал.—Привилегіи на изобрівтенія. Правтическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднійшихъ дополненій, формъділовихъ бумагь и краткихъ свіддіній объ иностранныхъ законахъ. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 993. П. 85 к.

Попосъ, Серг.--Изъ царства правдности. Разскавы. М. 902. Ц. 1 р.

Иптуховъ, Е. В.—Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго: 1. Гоголь и Жуковскій. 2. В. А. Жуковскій въ Дерпть (1815—1817). 3. Приложенія. Юрьевъ. 903. Ц. 60 к.

Разозина, Е. И.—Желево и уголь на Урале. Съ политипажани, ведомостями и схематической картой. Спб. 903. Ц. 3 р.

Ренама, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц. перев. п. р. В. Н. Михай-10ва. Т. VIII: Аверроссь и аверронямъ. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—5 р.

Реформатскій, Н.—Больница св. Ниводая Чудотворца для душевно-больнихь, въ С.-Петербургъ. Спб. 903.

Роденбахъ, Ж.—Выше жизни (Le Carillonneur). Романъ, въ перев. М. Весемовской. Съ вступительной статьей: "Врюгге въ творчествъ Роденбаха", и съ 10 видами Брюгге (фототипіи работы К. А. Фишера). М. 903. П. 1 р. 50 к.

—— Царство молчанія. Избранныя стихотворенія. Перев. С. Головачевскаго. М. 903. Ц. 1 р.

С., Н. Н.—Разоказы изъ исторіи грековъ. Для школьнаго и семейнаго чтенія. Съ 35 или. Изд. 2-е. М. 902. Ц. 1 р.

Сенкесич», Г.— "Камо грядеши?" Ромап», въ сокращ. перев. О. Н. Поповой. Съ 12 рис. Спб. 903.

Соболее», М. Н.—Экономическое положение томскихъ студентовъ. Томскъ. 902. Ц. 30 к.

Организація и методы статистики труда. Томскъ. 903. Ц. 50 к.

Соколовъ, П.—Въра. Психологический этюдъ. М. 902. Ц. 60 к.

Степовича, А.—Къ стольтію рожденія славянскаго поэта Франца Ксаверія Прешерна. 1800—1849 г. Кієвъ. 902.

——— XII-ый Археологическій съёздь вь г. Харьковѣ. Кіевъ. 902.

Стоющих, В. Я.—Педагогическія сочиненія. Съ портретомъ автора. 2-е вад. Снб. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Стрижовъ, И. Н.—Образованіе коралювихъ рифовъ и происхожденіе взестняковъ. Т. І. Екатеринб. 903.

Сукачесь, В. П.—Первое столетіе Иркутска. Въ память 250-летія Иркутска. Спб. 902. П. 2 р.

Тардъ, Г.—Личность и толиа (L'opinion et la foule). Очерки по соціальной искологіи. Съ франц. Е. Предтеченскій. Сиб. 903. Ц. 1 р.

Тевоть, М.—Приключенія Тома. Съ англ. З. Журавская. Съ 94 рис. въ тексть. Спб. 902.

Тезянось, врачь, К. И.—Рынки найма сельско-хозяйств. рабочихъ на югь Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. Спб. 902.

Толстой, гр. А. К.—Драматическая Трилогія: І. Смерть Іоанна Грознаго. ІІ. Царь Өедоръ. III. Царь Борись. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Туганъ-Барановский, М.—Очерки изъ новъйшей исторіи политической экономіи. Съ приложеніемъ 10 портр. Спб. 903. Ц. 2 р.

Туркинъ, А. Г.—Уральскіе миніатюры. Разсказы и очерки. Екатеринб. 902. II. 80 к.

Тээи, А. Л., перев. съ нём.—Вёра. Одна за многихъ. Изъ дневника дѣвушки. Спб. 903. Ц. 50 к.

Федоровъ, А. М.—Стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Фино, Ж.—Философія долговѣчности. Съ 7-го франц. над. перев. О. Литинскаго. Спб. 903. Ц. 60 к.

Чарская, Л. А.—Проблемы любви. Разсказы о женскомъ сердив. Спб. 903. Ц. 1 р.

Шапиръ, Ольга. — Другъ дътства. Повъсть. Спб. 903. Ц. 1 р. Шванебажъ, П. А.—Наше податное дъло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Щемосъ, Ив. — Наивные вопросы: Можно ли русскому одъваться по-русске? Можно ли върить довторамъ? Хорошо ли жить въ Петербургъ? Нравится ли вамъ Москва? Знакомы ли вы съ Иваномъ Ивановичемъ? Любять ли нынъшнія жены своихъ мужей? Уважають ли у насъ искусство? Уважають ли у насъ книгу? Уважають ли у насъ литератора? Слъдуеть ли писателю жениться? Сиб. 903. Ц. 1 р.

Эльсперь-Каренскій, А. О.— "Желізный докторь". Романъ. Спб. 902. Ц. 1 р. Эмісльмейерь, А.—По русскому и скандинавскому сіверу. Путевыя воспоминанія. Въ 4-хъ частяхъ. М. 902. Ц. 1 р.

— Ausgewählte Dichtungen des Grossfürsten Konstantin von Russland. Verdeutscht von H. von Zur Mühlen. Berl. 902.

Dlers, Marie.-Karl Henning u. sein Haus. Roman. Berl. 902.

- Hundert Jahre der Esthländischen Credit-Casse. 1802—1902. Pesens. 902. Poretsky, Platon.—Quelques Lois ultérieures de la Théorie des Egalités logiques. Казань. 902.
- Recueil de Récits historiques. I: L'histoire ancienne. Снабдиль примъч. и словаремъ Н. Д'Оръ. М. 903. Ц. 75 к.
- Всеобщее образованіе въ Россіи. Собраніе статей Блинова, Богогівова, Бунакова, Бычкова, Ольденбурга, Шингарева и А. А. Штевенъ. Вып. 1, п. р. кв. Лм. Шаховского. М. 902. Ц. 1 р.
- Годичное торжественное засъданіе Юридическаго Общества при Имп.
   Харьковскомъ Университетъ. 1902 г. Харьк. 902.
- Городскіе водопроводы въ С.-Петербургі. Краткій историческій очеркь. Спб. 901.
- Изданія В. С. Спиридонова: 1) Страшный дядя, разск. А. В. Кругюва. М. 902. Ц. 15 к. 2) Изъ жизни одной девочки, разск. М. Юрьева: М. 902. Ц. 30 к. 3) Около хорошихъ людей, разск. его же. М. 902. Ц. 30 к. 4) Любов и истина. Изъ стихотвор. А. Кругюва. М. 902. Ц. 20 к.

- Медкая земская единица. Сборникъ статей: К. К. Арсеньева, П. Г. Виноградова, І. В. Гессена, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковадевскаго, В. Д. Спасовича и др. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.
- Народный домъ Кіевскаго Общества грамотности въ г. Кіевъ. 802. П. 20 в.
- Образовательная Библіотека. Серія V, № 2: 1) Проф. А. Л. Погодинъ, Религія Зороастра, 2) Проф. Джаксонъ, Жизнь Зороастра, перев. А. Погодина. Сиб. 908. П. 60 к.
- Прим'ярные планы школьных зданій на 40—60 и 60—100 учениковъ (9-ть лист. рисунк.). Составлены соотв'єтственно обязательнымъ правиламъ для постройки школъ съ пособіемъ и ссудою губерн. земства. Изд. 2-е. М. 902. П. 75 к.
- Проблемы ндеализма. Сборникъ статей, п. р. П. Новгородцева. М. 903. Ц. 3 р.
- Промышленность и Здоровье. Въстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства. Годъ І. П. р. А. В. Погожева. Сиб. 902. Кн. 3-я. Въ годъ 9 книгъ—6 руб.
- Результаты урожая 1902 года въ крестьянскихъ козяйствахъ Тверской губернів. Тв. 902.
- Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и поседянъ внутреннихъ губерній Россіи. По новому, 1902 года, изданію Положеній о сельскомъ состоянія и пр., съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правит. Сената и циркулярамъ Министерствъ. Составилъ Г. Г. Сасичъ. Спб. 903. Стр. XXI + 997. Ц. 4 р. 50 к.
- Свято Дѣло. Македонско списание. Годъ І. Ноембрий. Кн. 2. Редак. торъ Ив. Димитровъ. 902.
- Статистива производствъ, облагаемыхъ авцизомъ за 1900 годъ. Составлено въ Статистическомъ Отдъленіи Главнаго Управленія неовладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 902.
- Статистическій Сборникъ С.-Петербургской губернія (1901 годъ). Вып. І. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1900—901 г. (1899 годъ). Вып. ІІ. Начальное народное образованіе въ 1898—99 учебномъ году. Спб. 902.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Jakob Wassermann. Der Moloch. Crp. 500. Berlin, 1903 (S. Fischer. Verlag).

Яковъ Вассерманъ-молодой нъмецкій романисть, составившій себъ большую извёстность въ особенности своимъ романомъ "Die Geschichte der jungen Renate Fuchs", въ которомъ вопросъ о свобод в личности, о борьбѣ противъ тиранніи общественныхъ условій и, въ частности, о правахъ женщины на свободу трактуется весьма оригинально; романъ имълъ успъхъ главнымъ образомъ благодаря своимъ художественнымъ достоинствамъ, тонкой психологической разработкъ карактеровъ, поэтичности отдъльныхъ сценъ, красочности описаній и драматизму въ изображении душевныхъ страданій героини. Новый романъ Вассермана, "Молохъ", связанъ съ предъидущимъ одинаково пессимистичесвимъ отношениемъ къ современной действительности; въ "Моложе", какъ и въ "Ренатъ Фуксъ", нравы буржуваной и свътской среды описаны въ самомъ непривлекательномъ свътъ. Въ центръ романа стоитъ излюбленный въ нѣмецкой литературв типъ "Weltverbesserer"а, исправителя мірского зла, челов'єка, который считаеть своей священной миссіей искоренять неправду и несправедливость на земль. Такихъ типовъ много въ нѣмецкихъ общественныхъ романахъ; они ведуть свое начало отъ классическаго маркиза Позы, принимая въ произведеніяхъ каждаго новаго покольнія новую окраску, соотвыствующую запросамъ и идеаламъ каждой данной эпохи. Герой Вассермана, какъ и восхищавшій когда-то и німецкую, и русскую молодежь герой Шпильгагеновского романа "Одинъ въ полъ не воинъ", вступаеть въ жизнь съ дерзкимъ желаніемъ исправить всё несправедливости и защитить "униженных» и оскорбленных»". Какъ и Шпильгагеновскій Лео, онъ гибнеть, ничего не измінивь, но не потому, что "одинъ въ полъ не воинъ", не потому, что его благородство-исключительное явленіе въ окружающей его средь, и что онъ не находить товарищей, воодушевленныхъ такими же благородными побужденіями, какъ онъ, а потому, что онъ самъ недостоинъ своей миссіи, что при первомъ соприкосновении съ жизнью онъ оказывается неспособныть на активный подвигь воли. Въ этомъ-различіе между пониманіемъ одного и того же идейнаго типа двумя смёняющимися поколеніями. Прежде думали, что виновата среда, т.-е., что сила царящаго въ мірѣ зла парализуеть одиновихъ идеальныхъ мечтателей; -- теперь тоже продолжають винить общее безразличіе къ добру и правді, но не

Digitized by Google

выключають мечтателей изъобщей психологіи, и повазывають, что и они способны только на безплодныя терзанія и другихъ, и себя. Въ такомъ именно видъ выставляеть Вассерманъ своего героя, Арнольда Анзорге. Его стремленіе "водворить справедливость на землів" вытекаеть не изъ знанія людей и жизни, не изъ стремленія преподать новую истину, которая отерыла бы имъ глаза на суету и мракъ ихъ существованія, -- а просто изъ неопытности. Онъ не върить, что действительно люди равнодушны во всему, что не васается непосредственно ихъ собственныхъ интересовъ, и думаеть, что стоить только разсвазать про совершившееся зло, чтобы всё соединились въ общемъ стремленін защитить пострадавшихь. При ближайшемь стольновеніи съ жизнью онъ убъждается въ противоположномъ-и его душевный подъемъ сразу падаеть. Иден романа заключается такимъ образомъ въ развънчиваніи обычнаго типа идеалистовъ, сильныхъ только своимъ незнаніемъ жизни и сходящихъ на ніть при ближайшемъ знакомстев съ нею. Они становятся еще большими пессимистами, чамъ свептики, по своему мирящіеся съ жизнью, неистовствують въ своемъ безплодномъ отчаяніи, - и если они честны относительно самихъ себя, то ищуть единственнаго исхода въ самоубійствъ. Не таковы должны быть истинные учителя жизни. Они должны приступить къ своей мессін съ отврытыми глазами, понимать действительность и найти въ себъ нравственную силу для борьбы, для дъятельной проповъди добра.

Живнь Арнольда Анзорге, героя "Молоха", распадается на двъ ръзко разграниченныя половины: пока онъ ростеть и душевно зръеть въ деревнъ, онъ твердо върить, что всякое зло основано только на недоразумъни, на ослъпленіи людей, слишкомъ привыкшихъ къ нему, чтобы его видъть. Онъ думаеть, что стоить только раскрыть правду, чтобы она врсторжествовала. Но когда онъ попадаеть въ городъ вменно съ этой цълью, онъ самъ попадаеть въ пасть "Молоха", т.-е. погибаеть среди лжи, лицемърія и эгоизма культурной городской жизни. Въ этой идеализаціи деревни и ненависти къ городу чувствуется вліяніе Толстого на молодого нъмецкаго романиста; вліяніе это сказывается и въ широко эпическомъ тонъ первой половины, въ изображеніи благотворнаго вліянія жизни среди природы на пробуждающуюся душу, въ накопленіи подробностей, не столько характеризующихъ внъшнюю жизнь выводимыхъ въ романъ людей, какъ освъщающихъ ихъ психологію.

Арнольдъ Анзорге выростаеть въ своеобразной обстановкѣ. Отецъ его погибъ въ желѣзнодорожной катастрофѣ, и онъ самъ вмѣстѣ съ матерью уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ. Мать его, потрясенная горемъ, возненавидѣла культурную городскую жизнь съ ея безчисленными

опасностями и поселилась съ ребенкомъ въ своемъ тихомъ поместь. въ полномъ уединеніи, воспитывая сына для постоянной жизни въ деревнъ; она хочеть, чтобы онъ сдълался сельскимъ хозянномъ, управляль ихъ общирнымъ поместьемъ, и надеется, что такимъ образомъ онъ сохранить здоровье духа и тёла. Арнольдъ выростаеть здоровымъ и сильнымь юношей съ простыми желаніями и радостями, не знаеть никакихъ сердечныхъ и душевныхъ осложненій, инстинктивно чуждается всякой неправды и не понимаеть сложной психологіи въ другихъ. Когда ему въ первый разъ понравилась девушка, служанка его матери, онъ просто и властно говорить ей о своемъ чувстве и добивается ея взаимности. Потомъ увлеченіе проходить, и онъ, не задумываясь, разрываеть эту связь, такъ какъ всикая ложь въ отношеніяхъ органически чужда ему. Онъ любить сельскій трудъ, любить прогулки по лесу и полямъ и проводить долгіе часы въ одиночествъ, лежа на травъ, глядя на игру облаковъ и ощущая во всемъ своемъ существъ безпредъльную радость жизни, полноту силъ. Его мать счастлива-ей кажется что ея идеаль осуществится, что сынь проживеть всю жизнь въ мирномъ общеніи съ природой, среди полезнаго и здороваго труда. Но мечтамъ ел не суждено осуществиться. Полнота силь Арнольда требуеть исхода, и окружающая жизнь вскоръ пробуждаеть его къ активной деятельности. Какъ ни уединенно живуть мать съ сыномъ въ своемъ уютномъ домъ, у нихъ есть сосёди, и они входять также въжизнь и интересы населенія ближайшей деревни. Арнольдъ начинаеть знакомиться съ многими смущающими его явленіями. Н'якоторыя изънихъ ему просто непонятны и скучны. Такъ у него завязываются дружескія отношенія съ школьнымъ учителемъ Шпехтомъ, который дёлаеть его повёреннымъ своихъ сердечныхъ страданій. Онъ влюблень въ поселившуюся по бливости красивую дівушку, Беату, сироту, принятую на воспитаніе фригиналомь довторомъ Ганска и его сестрой. Беату считають свромной, идеальной дъвушкой, а на самомъ дълъ она китрая вокетка съ необузданными, чувственными инстинктами. Она кружить голову Шпехту, становится его возлюбленной, а потомъ обманываеть его съ полюбившимся ей деревенскимъ рабочимъ, причемъ ни докторъ, ни его сестра не подозрѣвають ничего о ея привлюченіяхъ. Арнольдъ, вивств съ Шпехтомъ, наблюдаетъ за Беатой во время танцевъ на ярмаркъ, и ему совершенно ясно, какова эта дъвушка; онъ не понимаеть, какъ Шпехтъ продолжаеть любить ее, зная объ ея измене, видя ея ложь, и все психологическія разглагольствованія Шпехта ему просто скучны. Ему странно, что можно вообще придавать такъ много значенія любви, и онъ спасается отъ изліяній учителя, уходя въ лісь, радуясь прасоть и тишинъ природы. Никакого состраданія къ любовнымъ мукамъ своего пріятеля онъ не чувствуєть, такъ какъ для него обманъ означаєть смерть привязанности.

Исторія Беаты и Шиехта не нарушаєть душевнаго покоя Арнольда, но вскоръ случается болье крупное событіе, которое сраву закватываеть его и міняеть всю его жизнь. Онъ узнаеть, что у знакомаго бъднаго еврея Эласера, коробейника, украли дочь и спратали въ монастырь, чтобы постричь въ монахини. Онъ знаетъ, что это сдівлано противъ воли дівочки, что обезумівшіе оть горя родители имеють полное право требовать возвращения дочери. Онъ сначала даже спокойно относится къ происшествію, волнующему всю деревню, потому что увъренъ, что после перваго требованія настоятельница вернеть девочку. Его только возмущаеть пассивность отца, который сраву отчанвается въ спасеніи дочери. Арнольдъ его всячески ободряеть и руководить его действіями, заставляеть его обратиться въ властямъ за помощью въ поискахъ. Но дело осложияетсядъвочка безследно исчезла, ее перевозять изъ монастыря въ монастырь, стараясь протянуть время, такъ какъ ей вскоръ должно исполниться четырнадцать лёть, и тогда превращаются права родителей на нее. Всв власти оффиціально на сторонъ Эласера, но ничто не дівлется, чтобы дівствительно вернуть ему дочь. Дівло получаеть широкую огласку, населеніе волнуется, образуются дві враждебныя партін; большинство настроено противь отца дівочки, и въ Арнольду, открыто и двятельно помогающему ему, относятся тоже враждебно. Происходить столиновеніи, которыя усиливають злобу Арнольда противъ людей и укрвиляють въ немъ пламенное стремление бороться за справедливость. Дело Эласера становится центромъ его жизни, и онь проявляеть больше энергіи въ немъ, чамъ малодушный и привыкшій въ постояннымъ униженіямъ коробейникъ, который заранве увъренъ, что ему не захотять вернуть дочь. По настоянію Арнольда онь доводить дело до высшей инстанціи, добивается аудіенціи у императора (дёло происходить въ Австріи), который обещаеть ему свою помощь. Когда Арнольдъ увнаеть о томъ, что Эласеръ быль ласково вринять императоромъ, онъ успоконвается, уверенный, что справедливость восторжествуеть и дочь будеть возвращена родителямъ. Его возмущаеть отношение окружающихъ къ дёлу о пропажё дёвушки, непонятное для него равнодушіе однихъ и пустыя фразы другихъ, какъ напр. Шпехта, который пользуется сенсанціоннымъ происшествіемъ для личныхъ цёлей, пишеть эффектныя статьи въ газетахъ по этому поводу и устроиваеть такимъ образомъ свою журнальную карьеру, получаеть приглашение въ большую столичную газету и перевзжаеть въ Въну. Для Арнольда всё личные интересы исчезають передъ важностью волнующаго его дела: его мать больна, пріважаеть

изъ Ваны ея брать, адвокать Боромео, въ домъ воцаряется тяжелая атмосфера надвигающагося несчастія, но Арнольдъ вавъ будто ничего не замъчаетъ, поглощенный мыслыю объ Эласеръ. Волненіе Арнольда достигаеть высшаго предъла, когда онъ узнаеть, что, несмотря на объщанія императора, дело Эласера ничуть не подвинулось, такъ какъ, по заявленю судебных властей, въ монастырскія стіны нівть доступа. Арнольдь никакъ не можеть примириться съ безнадежностью дъла Эласера. Для него все эло жизни, вся человъческая несправелливость воплотилась въ насиліи надъ ребенкомъ и его беззащитными родителями. Во время долгихъ одиновихъ блужданій по лёсу Арнольдъ выясняеть себ'є свой долгь. Ему становится яснымъ, что онъ неправъ въ своей злобе на людей: оне только слепы — нужно открыть имъ глаза, научить ихъ правде, показать, что жизнь сильна только справедливостью, добиться ея торжества хотя бы въ одномъ дёлё, и тогда все измёнится, люди перестанутъ обманывать другъ друга и творить насиліе. Въ немъ пробуждаются, какъ ему кажется, безпредвльныя силы, все его существо охвачено светлой радостью. Ему кажется, что все вокругь кричить ему: "спѣши"! Когда по пути домой онъ проходить черезъ деревню, видъ людей, которые прежде раздражали его своей тупостью и равнодушіемъ къ правді, теперь, напротивь того, усиливаеть его радость. Нужно спінить слідать ихъ всіхъ зрячими. Дома онъ застаеть катастрофу. Мать его умерла. Во все время долгой бользии она видыл, что происходить въ душт сына, и одобряла его поведение, поддерживала его въ борьбѣ за Эласера. Ей было только тажело видеть его душевное страданіе, тяжело было также сознавать, что она доставляеть ему горе своей бользныю, и что не можеть отвратить оть него печаль, которую причинить ему ея смерть. Но это страдане какъ-то странно минуетъ его. Онъ преисполненъ высокой радости, сознавъ свой долгъ, понявъ, что нужно спашить выполнить его, и смотрить съ улыбкой на мертвое лицо горячо любимой матери, читая въ немъ то же веленіе, которое слышится ему во всемъ окружающемъ, то же слово "спвши", только свазанное болбе таинственно, болбе властно. Старая служанка и всъ домашніе не понимають, что случелось съ Арнольдомъ; радость на его лицъ у постели умершей имъ кажется признакомъ безумія. Его понимаеть только прівхавшій гъ умирающей сестръ дядя Арнольда, Боромео: Арнольдъ открываеть ему свои мысли и планы. Онъ спрашиваеть у дяди, ставшаго поств смерти матери его опекуномъ, о суммъ своего наслъдства, узнаетъ, что ему осталось очень крупное состояніе, и заявляеть, что намерень употребить всв свои деньги и всв свои силы на исполнение своей миссін. Онъ хочеть повхать въ Вену и добиться, чтобы Эласеру вернули его дочь. Боромео соглашается и приглашаеть его жить въ Вънъ у него въ домъ. Послъ похоронъ они оба уъзжаютъ.

Въ Вънъ для Арнольда начинается новая жизнь. Онъ попадаеть въ пасть Молоха, и по мъръ того, какъ онъ свыкается съ окружающей жизнью, падають его силы, и бледнееть его радость. Онъ прівхаль съ твердымъ намъреніемъ посвятить себя всецьло дівлу Эласера, но его ошеломляетъ странный и шумный міръ, въ который онъ попадаеть. Жена Боромео-молодая, очень красивая светская женщина, ведущая шумную свётскую жизнь, и Арнольдъ въ первый же вечерь во прівздв попадаеть въ пеструю, легкомысленную и нарядную толиу гостей, которые смотрять на него какъ на страннаго, дикаго звёря. Аннъ Боромео кажется особенно интереснымъ ввести своего племянника въ изящное свётское общество, и она всячески покровительствуетъ чудаку, къ которому всь относятся съ любопытствомъ и съ жакимъ-то имъ самимъ непонятнымъ уваженіемъ. Арнольдъ даже не JOHHMACTS, O TOMO TOBODATS STR JIDJE; OHN EARYTCH CMY EARHMI-TO призравами изъ непонятнаго сна. Онъ упорно молчить въ отвътъ на жить вопросы и еще болве увеличиваеть впечатление чудачества, которое произвело его появление на вечеръ въ неуклюжемъ деревенсвомъ платъв. Но онъ и не думаеть о нихъ, уйдя изъ гостиной, весь отдавшись мыслямь о своемь деле. Пройдясь по улицамь, онь возвращается въ себъ въ комнату, ощеломленный городскимъ шумомъ, и задумывается о томъ, что ему предстоить делать. Къ нему въ комвату входить дадя, и то, что опъ говорить племяннику - первая вапла яда, отравляющаго Арнольда. Боромео объясняеть Арнольду, что напрасно онъ сосредоточиль всё свои мысли на деле Эласера, что есть много другого зла на свёть, что вся жизнь соткана изъ несправедливости, указываеть ему на безъисходныя страданія рабочихъ массъ, на нищету и горе въ низшихъ классахъ столичнаго населенія, на всическія притесненія, которымъ подвергаются слабые въ общественной жизни, и т. д. Онъ говорить, что нужно подготовиться къ борьбъ противъ всей этой суммы несправедливостей, что Арнольду нужны знанія, почерпнутыя изъ книгь и знакомства съ жизнью, совътуетъ ему не чуждаться людей, окружающихъ его въ новой свътсвой обстановив, а напротивъ того, войти въ ихъ интересы, принять ихъ привычки и обычаи, усердно занимаясь въ то же время науками, и такимъ образомъ подготовиться къ роли "исправителя мірского зла". Къ своему несчастию, Арнольдъ проникается истиной словъ дяди, -- и въ этомъ его погибель. Вивсто того, чтобы тотчасъ же завяться деломъ Эласера, онъ начинаеть применяться къ новой обстановкъ, и понемногу такъ захваченъ всъмъ, что видитъ, такъ пораженъ примърами лжи и несправедливости вокругъ себя, такъ полонъ желанія спасти всіхъ отъ нравственной гибели, что главная причина его прівзда въ городъ постепенно и незаметно отходить на задній

планъ. Онъ по прежнему волнуется дъломъ Эласера, получившимъ широкую огласку въ столицъ, и каждый разъ, когда заходить рѣчь о немъ въ обществъ, онъ убъжденно отстаиваеть интересы пострадавшихъ и склоняеть на свою сторону людей, державшихся до того иного митнія,--но самъ онъ ничего не предпринимаеть, занятый подготовкой къ своей будущей двятельности. Отъ времени до времени онъ мучительно вспоминаетъ о несчастномъ старикъ; прівхавъ на время къ себъ на родину, онъ заходить къ Эласеру съ мучительной тоской, чувствуя себя безконечно виноватымъ, такъ какъ онъ упустиль всв сроки, и дввушка, которой давно минуло 14 лъть, окончательно потеряна для родителей, и къ тому же очень несчастна, судя по письмамъ, которыя ей удалось послать роднымъ изъ монастыря. Но, придя въ Эласеру, Арнольдъ застаеть его и его жену въ ожесточенномъ споръ съ какимъ-то крестьяниномъ, который не хочеть заплатить требуемой суммы за полотно. Арнольдъ уходить съ тяжелымъ чувствомъ: онъ наглядно видить, что не только справедливость не восторжествовала, но что отсутствие ея ничего не измънило въ ходъ жизни, что забитый разносчикъ примирился съ своей судьбой и попрежнему унижается и борется изо всёхъ силъ, чтобы поддержать свое жалкое существованіе. Арнольдъ чувствуеть главнымъ образомъ свою вину-онъ не вняль голосу, кричавшему ему "спъши", и миссія его осталась неисполненною. Безплодны поэтому и всв его усилія внести светь въ жизнь окружающихъ его людей. Сначала онъ сознаеть одну только обизанность: говорить всёмъ правду и заставлять ихъ темъ самымъ менять свою жизнь. Но онъ дважды убъщается въ невозможности дать счастіе людямъ этимъ путемъ. Бывая на пышныхъ пріемахъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, самой мегкомысленной и самой веселой изъ подругь его тетки, онъ узнаеть, что роскошь, царящая въ ен домъ, дутан, что она и ен мужъ давно разорены и стараются только обмануть и другихъ, и себя вившнимъ блескомъ. Тогда онъ идетъ въ безразсудной молодой женщинъ и объясняеть ей, что онъ знаеть правду, и что она должна измёнить жизнь. отказаться отъ обмана. Она съ изумленіемъ и испугомъ глидить на неожиданнаго и непрошеннаго советчика, ей нравится его непривычная въ свътскомъ кругу откровенность, она согласиа сдълать Арнольда своимъ другомъ-но своей жизни она не мъняеть, такъ вакъ ей дорога только минута наслажденія, и она не думаеть о завтрашнемъ див. Проповедь Арнольда на этотъ разъ только безплодна, но въ другомъ случав она оказывается пагубной, разстроивающей жизнь двухъ людей. Арнольдъ узнаеть, что его бывшій деревенскій сосъдъ, докторъ Ганска, женился на Беатъ, ничего не подозръвая о ея прошломъ. Для Арнольда ясно, что Беата обманываетъ мужа, к

онъ еще болье убъядается въ этомъ, увидавъ нечалино Беату съ Шпехтомъ, ъдущими въ каретъ со снущенными занавъсками. Когда Ганска приглашаеть Арнольда въ себъ въ объду, Арнольдъ идеть въ нему, хотя ему собственно не хочется бывать въ его домъ, и, оставшись съ нимъ наединъ, просто и твердо открываетъ ему правду. Ганска хотя и благодарить его, но едва ли действительно признателенъ за эту отвровенность. Но дело сделано; Ганска расходится съ женой, она окончательно падаеть, онъ же одиновъ и несчастенъ на всю жизнь. Арнольдъ начинаеть сомнъваться въ спасительности правды, и все болве и болве теряеть почву подъ ногами. Онъ много работаеть, изучаеть юриспруденцю, думая, что знаніе законовъ поможеть ему бороться съ несправедливостью, тратить свое огромное состояніе на помощь людямъ, которыхъ считаеть способными въ плодотворной деятельности, но самъ, въ сущности, никакого настоящаго дёла не въ состояніи исполнить. Кром'є того, онъ заражается любовыю къ роскоши; его изощренный художественный вкусъ побуждаеть его заботиться о красотв во вившней жизни, -- онъ устроиваеть себъ великолепную обстановку, тратить огромныя суммы на пріобрітеніе статуй, картинъ и устроиваеть роскошные пріемы. Миссія его все болье отступаеть на задній плань, хотя онь самь этого не сознаеть и все еще върить въ свои силы, все еще презираеть малодушіе другихъ, думая, что стремленіемъ въ правдё внесеть счастье въ жизнь людей. Пробнымъ камнемъ служить для него его первая настоящая любовь. Онъ влюбляется въ странную русскую дъвушку, студентку медицины, гордую и независимую, и отдается этой любви со всей необузданностью своей натуры. Верена-такъ зовуть дввушку-тоже его любить, но она не думаеть, что весь смысль жизни можеть сосредоточиться въ любви. Она испытала много тяжелаго въ прошломъ и ищеть спасенія въ труді, готовится къ діятельной жизни на пользу людямъ. Пылкость чувствъ Аркольда пугаеть ее; она чувствуеть его безночвенность, чувствуеть, что вліяніе его можеть стать пагубнымь для нея, сломить ея душевныя силы, такъ вакъ онъ совершенно не понимаеть ся стремленій и хочеть только подчинить ее своей властной страсти. Она ему отдается почти противъ воли, такъ какъ ей дороже была дружба съ нимъ, чъмъ оскорбляющая ее физическая страсть Арнольда. Когда же онъ становится все болъе и болъе властнымъ и необузданнымъ въ проявленіи своихъ правъ на нее, въ ней возстаеть самобытная, не подчиняющаяси чужой воль натура; она уходить отъ него, безследно исчезаеть изъ Вены, объяснивъ ему въ письмѣ, что вліяніе его было пагубно, что онъ парализуетъ ея душевныя силы. Для Арнольда исчезновение любимой дъвушки - полная катастрофа. Онъ вдругъ понялъ свою собственную

расшатанность, свою неспособность дать счастье дюдамъ: даже дъвушка, которую онъ любиль всей душой, должна была искать спасенія въ б'ыств'я. Онъ тернеть в'ыру въ себя, ищеть не д'ыла, а развлеченій, сливается съ живнью свётскаго общества - и уже боится говорить правду. Когда ему кажется, что его тетка изменяеть мужу, онъ не открываеть ему истины. Напротивъ того, онъ самъ настолькозаражается окружающей его ложью и распущенностью, что поддается соблазнамъ, которые въ прежнее время не могли бы коснуться его. Его увлекаеть Анна Боромео, и онъ ничего не дълаеть, чтобы бороться противъ охватившей его страсти. Это-последняя ватастрофа. Боромео узнаетъ о связи жены съ Арнольдомъ, застаетъ ихъ вмёстё, неожиданно вернувшись домой, и это наносить последній ударь его расшатаннымъ еще до того нервамъ. Анна уговариваетъ его убхать въ деревию, не скрыван своей любви къ Арнольду. Боромео на все согласенъ; онъ поселяется въ домъ Арнольда въ деревиъ, но положеніе его ухудшается, и его увозять въ больницу для душевно-больныхъ. Страсть Арнольда въ Аннъ сразу охладъваетъ, когда онъ видить свершенное имъ зло. Убъдившись окончательно въ томъ, что подвигь его обратился противъ него же, онъ рышается навсегда вернуться въ деревню. Прівхавъ домой, узнавъ, что за нісколько часовъ до его прівзда врачи увезли Боромео, онъ впадаеть нь полное отчанніе и бродить цілье дни по лісамъ, обдумывая все случившееся. Онъ издали видить Эласера, напоминающаго ему его главный грёхъ, думаеть о загубленныхъ имъ людяхъ, о русской дёвушкё, о несчастномъ Ганска, о сомедшемъ съ ума Боромео и рѣшаетъ искупить свою вину безпощаднымъ судомъ надъ собою. Эта мысль одять на время наполняеть его радостью; онь твердо готовится къ смерти, пишеть завъщание, въ которомъ передаеть все свое состояніе единственному энергичному человівку, котораго онъ зналъ въ жизни-молодому человъку, котораго Верена рекомендовала ему въ качествъ учителя, -- покупаетъ револьверъ, отправляется въ лъсъ в спокойно застреливается.

Такъ заканчивается подвигъ Weltverbesserer'а, котораго поглотила пасть Молоха—городская жизнь, построенная на лжи и на лкорадочной погонъ за минутными наслажденіями. Идея романа очень ясно выражена; образъ Арнольда драматиченъ, хотя его психологія нъсколько дъланная, и въ его жаждъ "исправить зло міра" есть много романтичнаго. Омутъ городской жизни описанъ яркими красками, фигуры отдъльныхъ лицъ очень живы, и въ общемъ романъчитается съ большимъ интересомъ.—3. В.

изъ общественной хроники.

1 января 1903.

Чествованіе памяти Неврасова.—Своеобразний взглядь на свободу печати.—Замізчательния слова, сохраняющія свое значеніе по прошествін почти полувіка.—Преемственность идеализма въ русскихь университетахъ.—Столітіе юрьевскаго (дерптскаго) университета. — Школьний вопрось въ разнихъ концахъ Россіи.—По поводу проекта Городового Положенія для г. Петербурга.

Въ концъ минувшаго мъсяца исполнилось двадцать-пять лъть со времени смерти Некрасова. Громадное число экземпляровъ, въ которомъ продолжають расходиться его сочиненія, литературныя собравія въ его память, посъщаемыя многочисленною публикою, сочувственныя статьи въ газетахъ и журналахъ, торжественное чествование юбилейнаго дня въ Ярославлъ, на родинъ писателя-все это ясно свидетельствуеть о томъ, что Некрасовъ не забыть, что онь по прежнему-или еще больше прежняго - дорогь и близокъ русскому обществу. Его слава побъдоносно выдержала пробу времени. Сошли или сходять со сцены покольнія, для которыхь и среди которыхь опъ писаль; появились новыя, выросшія при другихь условіяхь; значительно расширился кругь читающей публики, измёнился во многомъ сквадъ общественной мысли-а звъзда Некрасова не только не закатилась, но поднимается все выше и выше. Его права на выдающееся место среди русскихъ поэтовъ оспариваются теперь меньше, чемъ при его жизни, меньше, чамъ въ первые годы после его смерти. Умолела партійная и личная вражда, мінавшая справедливой его опінкі; исчезло изъ намяти все то, что было въ его поззіи легковъснаго, случайнаго, вызваниаго мимолетною "злобою дня"; осталось только отмъченное печатью великаго, своеобразнаго таланта. И это наследство не только высоко по своему внутреннему достоинству: оно далеко не бъдно и по объему, далеко не однообразно по содержанию. Къ лучшиль произведеніямь Некрасова принадлежать не только тв, гдв онь является првиомь народнаго горя, народных мукъ; неувядаемою красотою блещеть многое, внушенное ему любовью въ матери, въ его иодругъ въ трудныя минуты жизни ("Я посътиль твое кладбище"), въ русской природъ, къ русскимъ дътямъ, къ "доброй крестьянской душтв". Источникомъ истиннаго вдохновенія часто служила для него и его личная жизнь: его порывы, сдержанные "привычкой и средой", его ошибки, оплаванныя кровавыми слезами, невознаградимыя потери,

понесенныя имъ на долгомъ и тернистомъ жизненномъ пути. Непревзойденной остается до сихъ поръ поэтическая характеристика Бѣлинскаго, данная Некрасовымъ въ "Медвѣжьей охотъ" и въ стихотвореніи: "Памяти пріятеля". Ювеналовской силой дышить монологъ Пальцова о русскомъ общественномъ мнѣніи ("Медвѣжья охота")...

"Нізть въ тебіз поэзін свободной, мой угрюмий, неуклюмій стихь"!

Это восклицаніе Некрасова, радостно подхваченное его врагами, повторялось безчисленное множество разъ, какъ собственное сознаніе, развѣнчивающее поэта въ глазахъ современниковъ и потомства. Отсутствіе свободы объяснялось тенденціозностью, заключившею Некрасова въ "спеціальный чуланчикь узкой литературной котерія"; "неуклюжесть" стиха приписывалась "холодной работь, кальчащей естественное теченіе річи". Теперь едва ли остается какое-нибудь сомивніе въ томъ, что тенденція, исходившая изъглубовой иден, проникнутая искреннимъ чувствомъ, была для Некрасова источникомъ не слабости, а силы. Въ его лучшихъ стихотвореніяхъ нътъ начего "неуклюжаго"; художественная прелесть формы соотивтствуеть въ нихъ законченности содержанія. Сколько отдільных стиховь Некрасова, сколько небольшихъ его пьесъ врезалось въ память, сделалось общимъ достояніемъ, наравнъ съ "крылатыми словами", съ жемчужинами русской и всемірной поэзін! Съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ онъ владъетъ своимъ излюбленнымъ размъромъ ("Рыцарь на часъ", "Морозъ красный носъ"); какъ важенъ и звученъ его патистопный ямбъ ("Умру я своро"; "Замолкии, муза мести и печали"), какъ близко онъ подходить иногда къ складу народной ръчи (въ "Дядюшев Явовв", въ поэмв "Кому на Руси жить хорошо")! Съ этой стороны Некрасова изучали, быть можеть, еще слишкомъ мало-а между темъ, и она представляеть чрезвычайно много интереснаго.

Если русская жизнь во многомъ быстро идетъ впередъ, если съ каждымъ годомъ расширяется, напримъръ, кругъ читателей, способныхъ понимать и цънить Некрасова, то немало найдется вокругъ насъ и неподвижныхъ точекъ, сохранившихъ всъ черты довольно уже отдаленнаго прошлаго. Отсюда живучесть даже такихъ стихотвореній Некрасова, которыя написаны "на случай" и, повидимому, давно должны были бы потерять свое значеніе. И теперь можно повторить свъзванное поэтомъ сорокъ лътъ тому назадъ: "на мъсто сътей кръпостныхъ—люди придумали много иныхъ" ("Свобода"). И теперь чувствуется что-то современное въ "Пъсняхъ о свободномъ словъ", написанныхъ въ 1865-мъ году. Далеко не вполнъ оправдалась надежав, выраженная наборщиками (въ стихотвореніи этого имени): "негаданно" пришедшая свобода слова пришла не для всъхъ и отчасти столь же

негаданно ушла. "Восторженныхъ" и "веселыхъ" ръчей о просторъ, предоставленномъ печати, теперь раздается мало; угадавнимъ будущее оказался тотъ "третій", который, въ противоположность увле-кающимся двумъ, "посмотраль лукаво и головою покачалъ" ("Литераторы"). Никто не скажетъ теперь, что "юное чадо прогресса" ("свободная пресса") рвется, брыкается, бъетъ, какъ забъжавшій изъстепи конь, незнакомый съ уздой"; — но сужденія и вождельнія въродъ выскавываемыхъ "публикой" (въ стихотвореміи этого имени) повторяются иногда и нонынъ. Точно вчера, наконецъ, написаны последнія двъ "пъсни о свободномъ словъ" ("Осторожность" и "Пронала книга")...

Какъ ни знакомы намъ обычные пріемы реакціонныхъ газеть, давно уже достигшихъ врайней степени безцеремонности въ обращени съ ндеями и фантами, мы все-таки не могли прочесть безъ удивленіяне говоря уже о другихъ чувствахъ,--статью, посвященную "Московскими Въдомостями" (№ 345) предстоящему двухсотлетію русской печати. Начинаясь съ догадокъ о томъ, чёмъ быль бы и что сделаль бы Петръ Великій, еслибы жиль нівсколькими деситилітіями позже (нприбавимъ отъ себя-смотрелъ на событія глазами "Московскихъ Ведомостей"), повторяя, затычь, давно избитый панегиривь Каткову, влевеща, мимоходомъ, на западно-европейскую печать ("всюду свободную и всюду поворно-продажную"), статья заканчивается словами: дечать не есть ни абсолютное благо, ни абсолютное зло; она станеть темь или другимь, смотря по тому, во чыхо рукахо ее оотавить правительство". Итакъ, по мивнію "Московскихъ Відомостей", недостаточно техь ограниченій, которымь подлежить наша печать: нужна генеральная переборка ся органовъ, генеральная повёрка ихъ направленій, результатомъ которой должно быть сохраненіе одной лишь небольшой групны изданій и полное, безвозвратное исчезновенів всёхъ остальныхъ! Понятно, что означала бы для московской газеты-и для нъсколькихъ другихъ періодическихъ изданій-гекатомба, рекомендуемая его съ такимъ легкимъ сердцемъ... Кто въритъ въ правоту своего дела, тому дорога возможность открытой и прямой борьбы, борьбы равнымъ оружіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ; онъ не можеть домогаться искусственнаго устраненія противниковь, не можеть желать дешевой, безславной побёды надъ связаннымъ или вовсе не существующимъ врагомъ.

Забудемъ, однако, отъ кого идетъ беззаствичивое предложеніе, и присмотримся поближе къ его мотивировкъ. "Важно не то"—говорятъ намъ,—"чтобы въ благоустроенномъ государствъ существовала одинавовая свобода печати какъ для честнаго человъка, такъ и для мошен-

ника, а важно то, чтобы честный человых могь свободно выражать свои мижнія въ печати". Съ подчеркнутыми нами словами можно было бы согласиться, еслибы понятіе о честности и честномъ человівкі не возбуждало никакихъ разногласій и не подавало повода къ недоразуивніямъ, вольнымъ и невольнымъ. Для насъ честность-въ примвненіи въ мивніямъ, выражаемимъ въ печати, -- равносильна убъжденности, отсутствію низменныхъ побужденій; для нашихъ противниковъ, это-синонить писанія по излюбленному ими шаблону. Мы называемъ честнымь писателя, служащаго не своимь личнымь интересамь, а тому, что онъ считаетъ истиной; по терминологіи нашихъ противниковъ, честень тоть, кто действуеть заодно съ ними. Съ нашей точки зренія мошенничество въ области печати, какъ н во всякой другой, предполагаеть сознательный и намеренный обмань, съ корыствою целью; съ точки эрвнія, которую Катковъ заввіщаль своимь эпигонамь, "мошенниками печати" (они же--, разбойники пера") являются всв "несогласно мыслящіе", осм'вливающіеся думать вслухъ на страницахъ газеты или журнала...

"Свобода" — продолжають "Московскія Відомости" — "придаеть печати исполинскую силу, а потому для государства не можеть быть безразлично, принадлежить ли эта сила людимъ, желающимъ сохраненія и украпленія государства, или людямъ, желающимъ его разрушенія". Здёсь упущена изъ виду сущая бездёлица: возможность различныхъ взглядовъ на сохраненіе и укранленіе государства. Чтобы достигнуть цели, чтобы добиться монополіи для себя и для своихъ союзниковь, московской газеть нужно провести мысль, что въ печати возможны только два лагеря---охранителей и разрушителей носударства. Игнорируются всв другіе оттенки, всв преобразовательныя стремленія, безконечно разнообразныя и по характеру, и по степени нитенсивности. Забывается тоть безспорный факть, что охранение-не только охраненіе государства, но и охраненіе существующаго порядка-можеть быть понимаемо весьма различно: сходясь въ конечномъ выводъ, охранители могутъ расходиться въ выборъ средствъ и способовъ дъйствія. Никогда, далье, та сила, которая создается своболой печати, не достается всецьло въ руки одного мивнія, одной группы: она раздробляется между различными теченіями и именно потому не можеть быть и не бываеть "исполинской". Вліяніе печати далеко не всегда, притомъ, прямо пропорціонально ея свободі: во Францін, наприміть, оно было чрезвычайно велико во время реставрацін; въ Германіи—въ тридцатыхъ годахъ XIX-го въка; у нась—въ началь эпохи великихъ реформъ.

Редавторъ русскаго органа печати, по мижнію "Московскихъ Въдомостей", "долженъ быть неустрашимымъ ратоборцемъ за славу, единство и цълость Россіи, отстаивая ее противъ вижшиихъ и внутренних враговъ ся, кто бы они ни были-подкапывающісся ли подъ нее анархисты, или явно ведущіе ее къ гибели либеральствующіе сановники". Но развъ есть одинъ обязательный для всъхъ взглядъ на то, что составляеть и должно составлять славу Россіи, что обезпечиваеть ен единство? Развъ можно опредълить съ математическою точностью, кто домжень быть признаваемь внутреннимь врагомъ Россія? Развѣ можно считать доказаннымъ, что "либеральствующіе сановники" — если разумьть подъ этимъ именемъ государственныхъ людей, вёрящихъ въ необходимость преобразованій, - ведутъ Россію въ гибели? Что принесли Россів-вредъ или пользу-плиберальствующіе сановники" конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхь годовь?.. Печати, оставленной въ благонадежныхъ рукахъ, "Мосвовскія В'йдомости" противопоставляють печать, пользующуюся полмою, т.-е. ничемъ не ограниченного свободого. И здесь оне не котять видъть средины, т.-е. свободы, основанной на законъ и регулируемой ответственностью нередъ судомъ.

Представимъ себъ, на минуту, что вождельнія "Московскихъ Въдомостей удовлетворены вполнъ: продолжають выходить только газеты и журналы, настроенные на одинь московскій камертонь, приведенные въ одному внаменателю. Водворится, безъ сомивнія, тишина--- но это будеть тишина мертвая и вивств съ твиъ обманчивая: мертвая-потому что прекратится стольновеніе мижній, отражающее въ себъ жизнь и постепенно раскрывающее истину; обманчивая-потому что не перестануть существовать взгляды и чувства, не находящіе міста вы печати. Вяло и скучно будеть повторяться сказанное много разъ, не встръчал возраженій, но именно потому не вызывая активной поддержки. Безспорнымь будеть казаться многое. на самомъ дълъ давно отвергнутое большинствомъ. Различныя сто-, роны действительности погрузятся въ глубокій мракъ, между темъ вавъ именно для нихъ былъ бы необходимъ лучъ света. За внёшнить, повазнымь благополучіемь будеть сирываться масса зла и неправды. Нечто подобное принесла съ собою для Россіи первая половина пятидесятыхъ годовъ, погрузившая государство словно въ глубокій сонъ--и всімъ изв'єстно, каково было пробужденіе. Мы не думаемъ, чтобы этому періоду нашей исторіи суждено было повториться; но далеко не безвреднымъ было бы даже частичное возвращение къ нему. За пятьдесять леть въ привычкахъ и настроеніи русскаго общества произошла большая перемёна — и, что еще важнёе, значительно уменьшилось разстояние между обществомъ и народомъ. Безжарно выросла потребность знать правду; увеличилась способность, а вивств съ нею и желаніе судить о фактахъ, видеть ихъ съ разныхъ сторонъ, оценять ихъ значеніе, предугадывать ихъ результаты. Если у насъ нътъ партій въ западно-европейскомъ смыслъ слова, то

давно уже существуеть группировка, въ основании которой лежить сходство митній. Ей соотвітствують, въ большей или меньшей мітрів. различние органы печати—но не печать создаеть ее, и ее не можеть разрушить исчезновеніе, даже массовое, газеть и журналовъ.

Поразительный вонтрасть съ пропов'ядью вынужденнаго единомыслія представляють слівдующія "забытыя слова", какъ нельзя болъе встати воспроизведенныя "С.-Иетербургскими Въдомостями" (№ 338): "Неужели еще не пришла пора быть искреннимь? Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмольствовать? Когда же. Боже мой! можно будеть, согласно съ требованіемъ совъсти, не хитрить, не выдумывать иносвазательныхъ оборотовъ, а говорить свое мивніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно-изолгались совсѣмъ. Было такое время, когда жизнь пританлась и смолкла, и въ пустынномъ мракв пировала и величалась оффиціальная ложь, одна-владыкою безмольнаго простора! Но въдь это время прошло! Или мы еще не убъдились, что постоянное лганье приводить общество въ безиравственности, къ безсилію и гибели? Или уроки исторіи пропали пля насъ даромъ? Развъ не выгоднъе для правительства знать испреннее мивніе каждаго и его отношеніе въ себв?.. Все въ движеніи, всевъ броженіи, все тронулось съ міста, возится, коношится, просится жить! И слава Богу! Что можеть быть выше, преврасиве, завониве этого требованія? Мы желаемъ и прогресса, и преобразованій; но мы хотимъ, чтобы сама жизнь пустила ростви, а для этого необходимо очищать и очищать ниву отъ сорныхъ травъ, густо на ней засевшихъ; необходимо давать ея росту просторъ, просторъ, какъ можно болъе простора, вопрошать ея тайны, прониваться ея внутреннимъ смысломъ. Иначе, что бы вы ни делали, все ваши усилія останутся тщетными: вы можете изуродовать, исказить жизнь, но не добьетесь отъ нея здороваго плода". Не правда ли, многое въ этихъ строкахъ звучить точно отвётомъ на рёчи современныхъ газетныхъ обскурантовъ? А между темъ онъ написаны Иваномъ Аксаковымъ и напечатаны въ газетв "Парусъ", основанной имъ въ 1859-мъ году и превратившейся послё выхода второго нумера. Замогильный свидетель говорить громче живыхъ-и его слова звучать твиъ сильнее. чъмъ меньше можеть быть заподозръно вызвавшее ихъ чувство. Въ вопрось о свободь печати Аксаковь всегда оставался въренъ самому себъ. Его статьи по этому вопросу (вошедшія въ составь четвертаго тома полнаго собранія его сочиненій) остаются до сихъ поръ тімъ, что мы видели въ нихъ шестнадцать леть тому назадъ 1): главною

¹) См. Общественную Хронику въ № 1 "Вѣстника Европи" за 1887 г.

авторскою его заслугой—и лучшимъ "противоздіємъ по отношенію къ тёмъ отравленнымъ и отравляющимъ софизмамъ московской газеты, которые выдаются за послёднее слово политической мудрости".

Что дъятели печати, теперь, какъ и во времена "Паруса", "Дня". и "Москвы", не принадлежать къ числу тёхъ, "кому на Руси жить хорошо" — доказательствомъ этому могуть служить неврологи Э. Г. Фалька, скоропостижно скончавшагося редактора-издателя "Съвернаго Кран". Тревоги, сопряженныя съ изданіемъ провинціальной газеты ("Сверный Край" выходить въ Ярославив) — тревоги, обостряемыя, нежду прочимъ, "благосклоннымъ" наблюденіемъ извёстныхъ органовъ печати, -- усилили болёзнь сердца, которою страдаль новойный, и ускорили его безвременную смерть. Похороны его носили общественный зарактерь; на его гробъ были возложены вънки отъ "вемцевъ", отъ городского управленія, оть ярославскаго просвітительнаго общества, отъ группы профессоровъ и студентовъ демидовскаго юридическаго лицея. Одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ на кладбищъ (В. М. Михеевъ), напомнилъ слова Г. З. Елисеева о скромныхъ могилахъ деятелей печати, во множестви разбросанных по всей Россіи. Смерть Э. Г. Фалька къ прежнимъ могиламъ прибавляеть еще одну, но вивств сь тыть укрыпляеть надежду на развитие общественной жизни. "Всакое важное дъло" — сказалъ другой ораторъ (кн. Д. И. Шаховской) — "для своего прочнаго усивка требуеть жертвъ. Жизнь, въ этомъ отношеніи, бываеть безжалостна, и ціною человіна приходится почти всегда оплачивать действительно важное дело. А дело, которое сделаль и на которомъ погибъ Э. Г. Фалькъ — дело важности особенной. Говоря это, я имбю въ виду не только самое созданіе газеты; тв полторы тысячи листовь, которые одинь за другимъ въ теченіе четырехъ літь разошлись по обширному краю, -только вившнее выражение дъла, смыслъ котораго гораздо глубже и выше. Своей газетой покойный пробуждаль сознательныя силы родного кран, объединяль ихъ, даваль имъ гласно проявиться въ борьбъ за идеалъ. И это-то дъло его не можеть умереть: оно въчно. такъ какъ, разъ совершенное, оно уже ничвиъ неискоренимо" і). Въ этихъ словахъ нътъ преувеличенія. Какъ ни скромно, по видимому, діло изданія містной газеты, оно можеть сослужить великую службу. Провинція жаждеть воздуха и свёта-и провинціальный органь, хоть сколько-нибудь поднимающій зав'єсу надъ ел жизнью, коть скольконибудь служащій отголоскомъ ен желаній, имбеть право на ен благодарность.

Въ "Русскихъ Въдомостяхъ" (№ 320) появилась недавно симпа-

¹) См. корреспонденцію наз Ярославля въ № 343 "Спб. Вѣдомостей".

тичная статья заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго о двухъ рано умершихъ русскихъ ученыхъ, Н. И. Зиберъ и А. Е. Назимовъ. Озаглавленная: "Элегія въ прозъ", эта статья вавъ бы наводить на мысль, что нёть теперь таких самоотверженных, безкорыстныхь, преданныхь служителей науки, какіе являлись въ нашихь университетахъ 30-40 лътъ тому назадъ. Съ такимъ пессимистичесвимъ взглядомъ действительность, однако, гармонируетъ не вполить. Идеалистомъ чистанией воды быль, по единогласному свидательству вствъ его знавшихъ, молодой профессоръ томскаго университета П. С. Климентовъ, скончавшійся совсимь молодымь только-что успівшій занять ванедру. "Въ его личности"-читаемъ мы въ "Сибирской Жизни"-"счастинво сочеталась сила теоретической мысли съ шировими идеалами правды и справедливости. Раздёлям основную точку эрвнія соціальнаго экономизма, проф. Климентовъ віриль въ творческую силу и практическую мощь человъческихъ идеаловъ и, рисуя передъ слушателями картины экономического развитія на почев реальныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ группъ, укрвиляль въру въ личность человека и двигающія ею идеи. На этой основе складывалось то научное міросозерцаніе ученаго, которое ставило его въ ряды піонеровь новаго плодотворнаго направленія финансовой науки-направленія, разрабатывающаго финансовые институты въ связи съ условіями дійствительности... Нельзя помириться съ утратою этой молодой силы. Еще чувствительные представляется намы потеря, когда мы вспомнимы объ обантельности личности покойнаго, о его нравственной красотв и чистотв. Такіе люди проходять яркой звіздой по темному небосклону обыденной жизни, оставляя неизгладимый слёдь во всёхъ, кто съ ними сталкивался". Къ счастію для сибирскаго университета, больше чёмъ какой-либо другой нуждающагося въ людяхъ того типа, къ которому принадлежалъ покойный Климентовъ, въ немъ и теперь есть профессора, способные не только поучать, но и воодушевлять слушателей. Таковъ, напримеръ, М. А. Рейснеръ, замечательныя статьи котораго: "Мораль, право и религія по дъйствующему русскому закону" печатались въ "Въстникъ Права" за 1900-ый годъ. Возвратись изъ заграничной командировки, онъ подблился съ студентами впечативніями, вынесенными имъ изъ знавомства съ западной Европой 1). Основную причину ея культурнаго превосходства онъ видить въ сліяніи общества и государства, у насъ разъединенныхъ. На Западъ обществу принадлежить автивная роль; у насъ оно всецью обречено пассивному служенію. Въ общественной организаціи запалноевропейскаго государства коренится удивительное развитіе правомър-

¹) Рѣчь проф. Рейснера напечатана in extenso въ "Восточномъ Обозрѣнія" и въ № 323 "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

ности и законности; раздаленіе общества и государства способствуеть, на обороть, развитію административнаго усмотранія, а съ нимъ вивств и административнаго произвола въ сферв подзаконнаго, по существу, управленія. Другое явленіе, поразившее г. Рейснера на Западв—это—свобода религіи, науки и искусства, благодаря которой создаются своеобразные центры культуры. "И этотъ порядокъ западно-европейской жизни"—замвтиль, въ заключеніе, профессорь—, не есть начто замкнутое и закостенвлое. Въ его предвлахъ совершается въ настоящее время общественный процессъ историческаго значенія", на которомъ выясняется все достоинство вападно-европейской общественной организаціи: она, благодаря своей гибкости и устойчивости, гарантируетъ общество отъ былыхъ ужасовъ насильственнаго переворота и обезпечиваеть мирный кодъ соціальной реформы".

Въ минувшемъ декабръ мъсяцъ исполнилось сто лъть со времени открытія деритскаго (нын' порывскаго) университета. Значеніе его лежить не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ. Было время, когда онъ, несмотря на господство въ немъ немецкаго языка, играль немаловажную роль въ исторіи русскаго просв'ященія. Сюда, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX-го въка, посылались изъ другихъ русскихъ университетовъ, для довершенія своего образованія, молодые люди, изъ воторыхъ многимъ было суждено пріобрести громкое имя въ русской наукъ: достаточно назвать Пирогова, Григоровича (слависта), Иноземцева, Крюкова, Ръдкина. Въ періодъ времени съ 1802 по 1892 г. изъ дерптскаго университета вышло двъсти-десять академиковъ и профессоровъ, въ томъ числъ Струве, Овсяннивовъ, Савичь, Миддендорфь, Энгельманъ, Эверсь, историкъ М. С. Куторга 1). Въ Дерить меньше чувствовался гнеть, которому подвергались, отъ времени до времени, всё другіе университеты; здёсь доучивались тё, которымъ, по той или иной причинъ, нельзя было окончить курсъ въ одномъ изь чисто-русскихъ университетскихъ городовъ. Въ Дерптв нервако начинали свою карьеру молодые профессора, впоследстви пріобретавшіе громную изв'єстность въ Германіи. По словамъ г. Дегена ("Воспоминанія дерптскаго студента", "Міръ Божій", 1902, № 3), случайно попавшаго въ Дерить за нъсколько лъть до преобразованія университета, тамъ царила тогда "атмосфера чистой науки". Студентъ заключаль съ университетомь двухсторонній договорь, въ которомь, какъ равная сторона, браль на себя извёстныя обязательства, но взамёнь получаль извъстныя права. Отношение профессоровь въ слушателямъ носило тотъ особенный характеръ взаимнаго уваженія и симпатіи,

¹⁾ См. № 346 "Русскихъ Вѣдомостей".

воторый такъ привлекаеть иностранцевъ въ германскіе университеты. Академическая свобода строжайше охранялась объими сторонами; никто изъ студентовъ не понуждался къ слушанію лекцій, и тъмъ не менъе лекціи всегда посъщались, при чемъ профессоръ имълъ не безличную толпу слушателей, а вступаль въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Въ Дерптъ издавна существовали студенческія корпораціи, въ жизни которыхъ, регламентированной заносными, устаръвшими правилами, несомнънно было много страннаго, но были и зачатки здороваго развитія. Въ то время, о которомъ говоритъ г. Дегенъ, рядомъ съ ними дъйствовали, пользуясь большой свободой и принося большую пользу, разныя общества, какъ научныя, такъ и взаимопомощи. Была и русская студенческая организація, насчитывавшая до трехсоть членовъ. Вся эта картина быстро измънилась, когда на Дерптъ, переименованный въ Юрьевъ, стали распространяться общерусскіе университетскіе порядки.

Главнымъ недостаткомъ до-реформеннаго дерптскаго университета следуеть признать, какъ намъ кажется, не то, что онъ существоваль преимущественно для своей окраины, а то, что интересы одного ея элемента черезчуръ заслоняли собою интересы массы населенія. Это была ошибка, общая университету съ привилегированными классами остзейскаго края--опибка, за которую онъ, вмёстё съ ними, и долженъ быль поплатиться. Исторія покажеть, что именю въ реформь 80-хъ и 90-хъ годовъ было вызвано необходимостью, что — крайностями націонализма. Что діло не обошлось безъ увлеченій, что образь дъйствій первыхъ насадителей новаго режима не оправдываеть восторга, съ воторымъ относится въ нимъ невкоторые органы печати 1)это видно уже изъ того, что въ юрьевскомъ университетв до сихъ поръ далеко не все обстоить благополучно: русскіе профессора все еще мъняются въ немъ очень быстро. Едва ли основательна догадка, приписывающая это бъгство тому, что въ Юрьевъ создались "аноржальныя условія для русской науки и русскихъ ученыхъ людей^{к 2}). Ближе въ истинъ, быть можеть, было бы предположение, что не совсёмъ нормальны въ Юрьеве условія для науки и для ученыхъ людей вообще.

Говоря, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ³), о проектируемомъ объединеніи—или, правильнѣе, сближеніи—различныхъ видовъ начальной школы, мы имѣли случай замѣтить, что активная роль въ

⁸⁾ См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 "Вѣстн. Европы" за 1902 г.

¹) См. въ № 343 "Московскихъ Въдомостей" статью: "Прошлое юрьевскаго университета".

²⁾ См. № 9618 "Новаго Времени".

борьбь между школами земской и церковно-приходской принадлежала, обывновенно, духовному въдомству. Необходимость соглашенія между въдоиствами, если рядомъ съ школой одного изъ нихъ предполагается отврыть школу другого, была признана еще въ 1884 г., при изданіи первыхъ правилъ о церковно-приходской школъ; законъ 1-го апръля 1902-го года не вводить, въ этомъ отношении, ничего новаго. Нътъ, следовательно, ручательства въ томъ, что не будуть более повторяться явленія, слишкомъ часто тормазившія правильное развитіе школьной съти. Для характеристики такихъ явленій послъдняя сессія увздныхъ земскихъ собраній дала новые матеріалы. Борисоглъбское (тамбовской губерніи) уёздное земское собраніе ассигновало, пять льть тому назадъ, 1.000 рублей на открытіе школь грамоты, т.-е. выразило готовность идти рука объ руку съ епархіальнымъ вѣдомствомъ. Въ другомъ направленіи, однако, дъйствовало мъстное духовенство. Въ селъ Нижнемъ Чуевъ, рядомъ съ многолюдной земской школой, помъщающейся въ ветхомъ тесномъ зданіи, существуеть церковно-приходская школа, располагающая обширнымъ, прекраснымъ помъщениемъ, но насчитывающая весьма небольшое, сравнительно, число ученивовъ (отъ 18 до 30, тогда какъ въ земской школъ ихъ до 70). И это не исключительный случай; въ Копыль, Власовкъ, Александровскомъ, гдъ потребность въ ученьи вполнъ удовлетворялась земскими школами, открыты церковно-приходскія школы-и въ результатв какъ тъ, такъ и другія на половину пусты, тогда какъ во многихъ селеніяхъ школъ нътъ вовсе. Иногда пустующею оказывается земская школа, но почему? Потому что-по отзыву инспектора народныхъ училищъ, съ которымъ согласилось земское собраніе,законоучители (особенно тамъ, гдъ законъ Божій въ объихъ школахъ преподаетъ не одно и тоже лицо) требують посъщенія дітьми не земской, а перковно-приходской школы. Иногда къ требованію присоединяются и другія міры: въ селі Николаевкі, напримірь, настоятель местной церкви ученикамъ земской школы не позволяетъ входить въ алтарь, а учениковъ церковно-приходской школы и въ алтарь пускаетъ, и въ стихарь облачаетъ, держась этой системы даже и послетого какъ она была осуждена епархіальным в начальствомъ. Неудивительно, что въ виду всехъ этихъ фактовъ земское собраніе, большинствомъ 27 голосовъ противъ 3, ръшило прекратить выдачу пособія школамъ духовнаго въдомства . Начто подобное мы видимъ и въ мелитопольскомъ ужадъ (таврической губерніи). Въ селъ Узкуяхъ, гдъ жители, по выражению мъстнаго священника, "томятся умственнымъ гладомъ", не можеть быть открыто земское училище, такъ какъ тамъ суще-

¹⁾ См. № 291 "С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

Томъ І.—Январь, 1903.

ствують три церковно-приходскія школы и одна школа грамоты. Въ с. Тамбовкъ приговоромъ сельскаго схода, состоявшимся въ присутствіи благочиннаго и настоятеля мъстной церкви, опредълено обратить зданіе земскаго училища въ молитвенный домъ, что должно повлечь за собою закрытіе училища и замъну его церковно-приходской школой. Членамъ земской управы и завъдующему дълопроизводствомъ ея по народному образованію не разръшено епархіальнымъ въдомствомъ посъщать школы грамоты, вслъдствіе чего земское собраніе, большинствомъ всъхъ голосовъ противъ одного, отказало въ пособів этимъ школамъ 1).

Что представляють собою, во многихъ случаяхъ, школы духовнаю въдомства, такъ настойчиво распространяемыя и оберегаемыя въ ущербъ шеоламъ министерскимъ и земскимъ-объ этомъ даетъ понятіе обстоятельный докладъ рузскаго убзднаго предводителя дворянства, кн. П. Д. Долгорукова, прочитанный въ рузскомъ увздномъ земскомъ собраніи и изложенный in extenso въ № 344 "С.-Петербургскихъ Въдомостей" (въ безпристрастіи докладчика нельзя сомнъваться уже потому, что онъ отметилъ постепенное улучшение церковно-приходскихъ школъ и предложилъ не исключать ихъ изъ проектируемой земскимъ собраніемъ школьной стти). Помъщенія школь, въ большинствъ случаевъ, по истинъ ужасны: въ вишенскомъ училищъ, напримъръ, боковой дождь проникаеть сквозь стъны, земля сыплется съ потолка, ретираднаго мъста нътъ вовсе; въ анцеринскомъ училищъ сквозь веткій поль просачивается вода, въ которой во время экзамена прыгала лягушка; въ козловскомъ училище такъ колодно, что ученим во кремя ученья сидять въ шубахъ. Не лучше и обстановка школь: въ боргещовскомъ училищъ, напримъръ, парты такъ ветхи, что при письм'в качаются во все стороны. Обучение иметь большею частью механическій характеръ; ученики читають монотовно, плохо передають прочитанное и совершенно не развиты. Учителя сменяются очень часто и относятся къ своимъ занятіямъ формально, видя въ нихъ только переходную ступень въ духовному сану. Даже законъ

¹⁾ Школьное дело въ мелитопольскомъ утадъ страдаеть не только отъ нерасположенія духовенства къ земской школъ: ему вредить также административное вмішательство. Изъ доклаловъ мелитопольской утадной земской управы и постановленій земскаго собранія видно, напримітръ, что въ с. Большой Бълозеркъ школьныя зданія были выстроены не по утвержденному земствомъ плану, а по плану мітстваго земскаго начальника. По удостовъренію какъ земской управы, такъ нубатнаго предводителя дворянства, они оказываются никуда негодными, всятаствіе чего не могло состояться и открытіе училищъ. Противодъйствіе со сторони мітствой власти начинанія земства въ Больше-Білозерской волости встрічають и въ области дорожнаго діла, о чемъ земское собраніе постановило довести до свідівнія губернатора.

Божій преподается въ земскихъ школахъ осмысленнѣе, чѣмъ въ церковно-приходскихъ, гдѣ требуется заучиванье священной исторіи наизусть, по учебнику... Нѣтъ основаній предполагать, что въ рузскомъ уѣздѣ церковно-приходскія школы поставлены хуже, чѣмъ въ другихъ; гораздо вѣроятнѣе, что одинаковыя причины вездѣ приводятъ къ болѣе или менѣе одинаковымъ результатамъ. Если въ начальныхъ училищахъ духовнаго вѣдомства замѣтна, мѣстами, перемѣна къ лучшему, то главной ея причиной несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе, рядомъ съ церковно-приходской школой, школы земской, служащей примѣромъ и возбуждающей соревнованіе. Механическое объединеніе начальныхъ школъ, съ подчиненіемъ ихъ духовенству, было бы, поэтому, тяжкимъ ударомъ для дѣла начальнаго обученія.

Въ последнее время, въ газетахъ начали появляться сообщенія о содержаніи проекта будущаго петербургскаго Городового Положенія, разосланнаго уже по подлежащимъ віздомствамъ; если послівнее върно, то надобно думать-новый законъ не заставить себи долго ждать, и шестой годъ четырехлетія (1898 — 1903) будеть, такимъ образомъ, вмёстё и послёдній. Возвращаясь мыслью въ началу истевающаго вскоръ (20 февраля 1903 г.) тридцатилътія со времени введенія Городового Положенія 1870 г., мы не можемъ не зам'ятить весьма существеннаго различія двухъ періодовъ: 1873—1892 г. и 1892 — 1902 г. Въ первомъ період'я въ основ'я городского общественнаго самоуправленія лежить, болве широкое въ своихъ основаваніяхъ, первое Городовое Положеніе 1870 года; второе Городовое Положеніе 1892 года им'й до въвиду не исправленіе недочетовъ своего предшественника, не расширеніе компетенцім городского общественнаго управленія, вслёдствіе увеличенія доверія къ его силамъ и опытности, — а потому оно явилось болве стеснительнымъ; число гласныхь было уменьшено, въ то время какъ число жителей значительно возросло; градоначальство уже не ограничивается тымъ, чтобы слыдить за законностью дёйствій думы, — оно уполномочено останавливать и законныя действія думы, если они, по его мітенію, несогласны съ "государственными" интересами или не соотвётствують, опять по его мевнію, пользамъ и нуждамъ города. Тв гласные, которымъ приходилось действовать при томъ и при другомъ "Городовомъ Положеніи", отзываются о второмъ періодъ, сравнительно съ его предшественникомъ, какъ о времени, когда начала обнаруживаться косность, навлонность городского общественнаго управленія къ паденію энергіи и сокращению иниціативы. Причина того, конечно, лежить въ новомъ Городовомъ Положеніи 1892 г., и доказательствомъ справедливости того служить уже то, что само правительство, повидимому, недовольно результатами этого Городового Положенія, а потому и рішилось, несмотря на чрезвычайную краткость его существованія (въ Пруссіи Городовое Положеніе остается неизміннымь съ 1853 года), подвергнуть его пересмотру. По историческому коду вещей слідовало бы ожидать, повидимому, возвращенія къ первому Городовому Положенію 1870 года, такъ какъ его 22-літній періодъ дійствія быль несравненно боліє благотворень, а исправленіе Городового Положенія 1892 г., въ смыслі дальнійшаго ограниченія городского общественнаго самоуправленія, могло бы только привести къ необходимости, въ самомъ непродолжительномъ вромени, опать взяться за пересмотрь новаго Городового Положенія 1903 года; столиці, все это время пришлось бы только завидовать своимъ коллегамъ по губерніи, Лугі, Ямбургу, Нарві, Шлиссельбургу, которые пользовались бы относительно лучшимъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года.

Конечно, простое возвращеніе къ Городовому Положенію 1870 года также нельзя было бы назвать желательнымъ; есть вопросы, которые съ успѣхомъ времени требуютъ уже теперь иного рѣшенія. Мы, съ своей стороны, находили бы особенно полезнымъ, прежде всего, значительное увеличеніе числа избирателей, въ большемъ соотвѣтствіи съ современнымъ населеніемъ столицы: если при 700 тысячахъ жителей, прежнее Городовое Положеніе находило тогда необходимымъ привлечь къ производству выборовъ свыше 20.000 избирателей, то теперь уменьшеніе этой цифры именно тогда, когда населеніе столицы увеличилось почти вдвое, мы затруднились бы оправдать. Затрудненія, какія могли бы при этомъ встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчались прежде, могутъ совершенно устраниться замѣною баллотировки шарами опусканіемъ въ избирательную урну бюллетеней; опасеніе вторичныхъ, дополнительныхъ выборовъ будетъ напрасно при избраніи гласныхъ относительнымъ, а не абсолютнымъ большинствомъ.

Если возвращаться къ избирательнымъ порядкамъ 1870 года, а именно по разрядамъ, то желательно, конечно, полное возвращене, а не одностороннее: по Городовому Положенію 1870 года на разряды дълились только избиратели, но не избираемые въ гласные думы, а потому во всёхъ разрядахъ избиратели имёли право выставлять кандидатовъ безъ разрядовъ, такъ что избранные являлись представителями города, а не той или другой полицейской части города. Противоположный порядокъ поставить въ необходимость избирателя ставить имена малоизвёстныхъ ему людей и отказывать въ своемъ голосё лицамъ хорошо ему извёстнымъ, или совсёмъ отказаться отъ участія въ выборахъ. Во всякомъ случай, отъ подобной двойной системы нельзя

ожидать *качественнаю* улучшения результатовь выбора,—а вёдь это одно собственно и желательно.

Другое, рашающее будущую судьбу петербургскаго городского общественнаго управленія дёло относится въ вопросу о предсёдательствъ въ думъ и въ управъ. Казалось бы, собственно говоря, что туть никакь не можеть быть двухъ мивній, если вспомнить, что дума есть распорядительная власть, а управа — ей подчиненный исполнительный органь; не можеть предсёдатель послёдней быть и предсёдателемъ думы, по причинамъ, не требующимъ никакого объясненія. Кромъ городского и общественнаго управленія, нельзя даже и пріискать примъра подобнаго порядка; въ акціонерныхъ компаніяхъ, и тамъ председатель исполнительнаго органа, правленія, обывновенно не предсъдательствуеть въ общихъ собраніяхъ. Городъ Петербургъ есть девятая уёздная земская единица; въ восьми остальныхъ уёздахъ вездъ мы видимъ вполнъ правильный порядовъ: въ управъ свой предсъдатель, въ убздномъ земскомъ собраніи — свой; то же ны видимъ и въ губернскомъ земствъ. Очень трудно угадать тъ основанія, на которыхъ предположено и нынішній разъ отступить оть правила, которое можно назвать всемірнымъ; но можно угадать причины, мъщающія отказаться оть порядка, неудобство котораго довазано 30-лътнимъ опытомъ петербургской городской думы. Эта причина, по нашему митенію, заключается въ устареломъ названіи: "городской голова" (въ земствъ нътъ земскаго головы); еслибы не это названіе, то діло шло бы только о предсідателі въ управі и въ думв, и затрудненіе, гдв должень предсвдательствовать городской голова, отпало бы само собою. Нигдф нельзя наблюдать съ большею очевидностью ненормальность нынёшняго порядка вещей, какъ въ особомъ присутствін по городскимъ діламъ, гді предсіздатель думы долженъ являться ся представителемъ, но твмъ не менве онъ не только не защищаеть думы, но часто присоединяется къ ея противникамъ, если того требуеть интересь управы, гдв онъ также предсъдатель. Можно даже положительно сказать, что городской голова въ особомъ присутствии по городскимъ дъламъ представляетъ прежде всего управу. То же самое происходить и при рашении даль въ дума, при разсмотранін докладовъ управы. Однимъ словомъ, уничтоженіе ненормальнаго порядка въ предсъдательствованін въ думів и въ управів имівло бы весьма выгодныя последствія для успешности хода городских дель и правильности ихъ ръшенія. Намъ очень ръдво приходится соглашаться съ газетою "Гражданинъ",—тъмъ болъе слъдуеть отмътить такое обстоятельство, если оно случится. "Одинъ только вопросъ, говорится "въ "Дневникъ" газеты ("Гражд., 19 дек. 1902 г.)—сколько инъ кажется, въ проектъ разръшенъ неудовлетворительно: это во-

просъ о городскомъ головъ. Оказывается, что въ проектъ сохраневъ старый гръхъ: возможность городскому головъ быть одновременно и предсёдателемъ думы, и предсёдателемъ городской управы, въ томъ случав, если предсвдателемъ думы не назначается Высочаншею властью отдёльное лицо. Я затрудняюсь понять, почему составители проекта полагають, что вступленіе городского головы въ предсёдатели думы есть единственный выходъ въ томъ случав, если не последовало назначенія особаго председателя, ибо полагаю, что въ этомъ случав гораздо было бы практичные передъ началомъ засъданін думі избрать своего председатели изь наличнаго состава гласныхь. Не Богъ въсть какой можеть быть вредъ на случай, если этоть избранный думою предсёдатель окажется неподходящимъ; но зато несомевнно огромный вредъ интересамъ городского управленія принесеть соединение въ одномъ лицъ городского головы предсъдательства управы съ предсъдательствомъ въ думъ, которой управа подчинена, не говоря уже о несуразности такого факта, какъ подчиненіе человіка самому себі въ своей общественной діятельности".

Есть еще одинъ не менъе существенный вопросъ въ дѣловой жизни города, это—исполнительныя коммиссіи; но мы о нихъ говорили не разъ: исполнительныя коммиссіи открывають возможность довъреннымъ лицамъ, городскимъ гласнымъ, принести городу личный и вполнѣ свободный трудъ по самымъ важнымъ отраслямъ; быть можетъ, было бы необходимо отличать между ними тѣ, которыя работають безвозмездно, и тѣ, которыя получають какое бы то ни было вознагражденіе за свой трудъ. Первыя должны быть подчинены непосредственно думѣ; вторыя— управѣ; предсъдатели тѣхъ и другихъ состоять членами управы, по дѣламъ своей коммиссіи. Такой порядокъ существуеть въ прусскихъ городажь, гдѣ, впрочемъ, безмездная работа обязательна для гласныхъ—или они платятъ высшіе налоги и лишаются на извѣстное время избирательныхъ правъ.

Если въ самомъ непродолжительномъ времени проектъ нетербургской городской реформы превратится въ законъ, то ко дню 20 февраля 1903 года, когда исполнится 30-лътіе городского общественнаго управленія, городское общественное управленіе столицы можеть быть преобразовано. Всего болье было бы желательно, чтобы новое Городовое положеніе Петербурга было счастливье своего предшественника и не потребовало бы черезъ десять льть новаго пересмотра, какъ то случилось нынь съ Положеніемъ 1892 года.

ИЗВЪЩЕНІЯ

Отъ Общества вспоможения учащимъ и учившимъ въ пародныхъ училищахъ Спб. Учебнаго Обруга, памяти М. Н. Капустина, бывшаго Попечителя Обруга.

Среди нъсколькихъ лицъ, обязанныхъ чувствомъ благодарности къ бывшему Попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, Профессору Михаилу Николаевичу Капустину, возникла мысль почтить память его вавимъ-либо добрымъ деломъ, которое соответствовало бы взглядамъ и убъжденимъ покойнаго. По ближайшемъ обсуждении вопроса, лица эти пришли къ заключенію, что организованіе помощи учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, въ дълъ воспитанія и образованія ихъ дётей, наиболее соотвётствовало бы означенной цели. Положение учителей и учительницъ народныхъ школъ всегда привлевало въ себъ заботы Михаила Николаевича и, въ частности, -- судьба ихъ детей, которыя, не получивъ, по имущественной недостаточности родителей, законченнаго образованія, почти всегда лишены возможности обратиться и въ простому физическому труду, какъ источнику добыванія средствъ къ жизни. Совершенно естественно, что всякій учитель мечтаетъ видъть въ своемъ сынъ образованнаго человъка и не допускаеть мысли о превращении его въ сельскаго рабочаго, или фабричнаго, или въ домашнюю прислугу-лакея и кучера. Онъ, конечно, держить своего ребенка при себь, въ школь, обучаеть въ предвлахъ возможности и намъревается отдать въ гимназію или реальное училище. Но приходить время, а средствъ не оказывается не только для того, чтобы устроить сына въ гимназію, но даже и для того, чтобы платить за него въ какую-нибудь низшую или среднюю сельско-хозяйственную школу... Оторванныя отъ сферы физическаго труда, и въ то же время не достаточно подготовленныя къ дъятельности умственной, дети учителей народныхъ школъ обречены оставаться какими-то межеумками и несчастными неудачниками въ жизни. Такъ или приблизительно такъ разсуждаль Михаилъ Николаевичъ. Осуществляя свое намърение и желая придать организуемой помощи возможно прочное основаніе, почитатели Михаила Николаевича рівшили образовать, съ указанными цёлями, "Общество вспомоществованія памяти Михаила Ниволаевича Капустина".

Уставъ сего Общество утвержденъ Министерствомъ Народнаю Просвъщенія 11 января 1902 г.

Заявленія о вступленіи въ Общество, а равно членскіе взноси в пожертвованія принимають: 1) Предсъдатель: *Навель Корнильевичь Покровскій*. Фонтанка, 6. 2) Казначей: *Георгій Михайловичь Петров*. Французская набережная, 8.

Издатель и ответственный редакторь: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Применбрада, П. Х. — Наше податите дало. Онб. 903, Ц. 1 р. 50 к.

Be augurmous gart, an mestante 25 abre, - сому наибучения значительный рость, гласвысь обрановъ, отв. новихъ оближений и отв. поминения прежималь малогова, в эти два обпоизыства вызнаднил веобхидижнетам воорув том в при, калентальним в соперинтеством в в косписания распиреність отправленій и пашть государства. Отпосительно Россіи, заторъ принцеть на прешинайний рость на ней позачий тимпети: на 1880 г. валичить поступнас 565 жил., ж-нь 1901 г. -милларга 40 жилловот рублей—въ 20 леть дохода от водатей зоти удвожите. Съеркъ гого, містиве сбери детики 162 милліоновъ; асменяль—55 мил., предись — 46 миль; городских » — 28 миль; кинима — 8 миль. Вы среднема, на жителя серя високовойя из 135 мизя.) приходится 8 р. ж а: в на плиото мужения, на работема возreact (1/s uners meez.), 44 p. 40 s. "Kassсправляется население съ такить обложениемъпринявлеть даторы: — справедлию да мибию, било роста податинал поступленій служить стоинования показателена роста обществентаго благосостоянія; за какой ибра у наса-рыта залисна зависнть, са одной сторони, ота итпетиченняма причина, а са другой —ота фисcarangra wapmopiaria "?- nors afteres para secama интересных нопросоиз, обстантильное и всесторонное выследование поторых в составляеть порядніє только-его полениватося на спіть

Бринкисски, В. — Западная планзирація съ заправической точки прімія. С. англ. II. Канчаловеній, п. р. А. А. Мануилова. М. 90%. Ц. 1 р. 40 к.

Ва автайскием оригиналь инстолија перевых соотвыметь, собственно, вторум часть об-вирано груда В. Кишиштеми, профессора вемтальныхо типперситети первыя посыщена вторів древоей циваннаціи до V-го в'яка по Р. Х.: втория, переводенная пил'є на русскій выга, служить компома ез и отприваются васпос парвил Западной имперія, когда римскія бра опалился песостоятельных для того, чтобы Орината и распространить вренною грено-пинзув вазванению, и уступнав свое место перков. оть потных авторы подробно объясняеть шатрастілиства для полой спроцейской ципричения даль необще, така и на частности, то повійственняго развити испять народинна датем, автора следить за пороустройпоих общественной жизих по поних зачавы Вхорой отдых княги энекициих процесст бражения національностей, съ чість сиптано валение на исторической сцена соверничих- торговихъ государства и виработка на-за изинопальной экономической политики. Съ пой эпохой сопявдаеть и рость значения ка-этака, могуществопное влінніе котораго скаseconds no active obspaces manne. He necessitта така с ображена провиначаний верепрота, подготовлений ростоих валитала; ил acciente, sowhigens ofmas rapastépactura порому вегорь нациест оптимисторы, что, the windown one years are a chiesten

сторони, силманныя съ господствоиъ далитала, и описности, сопраженния съ дальнъйнията додонъ опоножическати пригресса.

Оправочных сведания о давтильности именна по скльскому ховийству. Состава, и. р. В. В. Бируктовича. Вип. V. Себ. 902.

Новий випуска обнавляеть собол веріодь съ 1696 во 1900 г., со смітними расходими в поставовленіями земскихъ собраній на 1602, 1900 в 1001 гг. Первика источняюми, при этоми, служиля курнами венскихъ собраній в доржами в отчети къзничь, Навбольній патрудненія представили нечисленія бельомратнихъ пемскихъ расходова на восмисномення семскому холяйству или водсибнима къ всему примислами. Ва постіднее время, такіе бельомратнихе расходи возростамує съ больною бистрогой: такъ, въ 1805 г. они развились почти 9то тис. руб., а ях 1901 г. вещосля до 2°/з миля, в сверавтого, въ тожа же голу, предити для той же віми достиган 4°/з миля, рублей.

Юрій Веселовскій.—Друми и ващиливая животних за современной француской белдетристикі. М. 903. II, 75 к.

Настоящій очерка быль напечатить перконачильно на одномъ иза журналова, и темера неявляется отдальною брошерою ва значительно дополнениомъ и распространенновъ пиль Цель. анторы - соединия из различных произведе-ній современной французской литератури вселучшее, что быто высказано ел понайшани белдотристами для биройн съ жестовиях обращепісит, съ животними, - гімъ съмима содійствовать из смигчении правока, на чема наибеллануждаются у шасъ; несмотря на давнее пуществованіе общества покрокательства животична, сцены выбіснія зовкадей, обрежененних в притока вепосильною тяжествы, можно встратить перадко на уливата и мостата столици. Въ вощей очерев приложени побращия места или произведеній бола, Мирбо, Лоти, Развильнь, информа отношение да животимии; столий же отерка посващенъ важити Зоза, портретомъ которыто, в весьма удачнымъ, украшено надани.

С. А. Андросискій. Литературние очерки, Свб. 902.

Ва собраниях миса совских заможению русскаго "Литературнаго Общества" и нь публичника чтеніяка автора знаковняв слушателей со своими, подчасъ своенбразными и вызываниями вограженія (навр. "о вирожденія ривиц"), но всегда орагинальными и самостоятельными взгладыми на видающихся двателей литературы и на вопросы искусттва. Собраниво из одну вингу и облечениие из форму очервова, написапиная присивиям в сильничь изможь, отв отници основность съ повой точки прима или забытых воотога ("поскія Паративскаго"), или техь, из кому часто и исполно возпращатаех жисль читателя послідней четверги прошлаго въва (Тургенева, Гарапия, Некрасова, Лерион-тога, Талстой). Наибольній объека в наибольмій митерось представляють этиди о "Пратакха Карамизовиха в о Гот де-Монасств Сос С

объявление о подпискъ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемъсичний журналъ истории, политики, литературы,

виходить въ первыхъ числихъ каждиго мъсяця, 12 кинтъ въ пил оть 28 до 30 лястовъ обывновенняго журнальнаго формата.

Ha rozw	По полугодіниц:		По четвертама года:			
Бизь доогавии, въ Кон- тора журнала 15 р. 50 к.	7 p. 75 g.	7 p. 75 K.	3 p. 90 K	S p. 90 st.	3 p. 90 n.	7 p.80 s
Въ Петегорго, съ до- становр	8	8,-,	4	$\epsilon_{r} + \epsilon$	$V_{+} = \pi$	140
родахь, съ мерес 17 . — . За границий, въ госуд- почтов, союза 19 . — .						1

Отдаженая инига журнама, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к

II рим бланів. — Вибето разородии годовой подписко на журналь, подписка за выд діниь: въ ливарь и іюль, и по четвертинь года: пъ ливарь, апріль, ч и октябра, принимется-бель повышения годовой цаны подажень

Копильне выгазавы, при годовой подписку, пользуются обычном уступном.

HOLHHERA

принимаются на года, полгода и четверть года:

BE HETEPSYPPA:

ик Контора журнала, В. О., 5 л., 28; 3 — на внижнома магазива И. И. въ отділения Конторы; при книж- басшивова, на Моховой, и со В ныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. торів Н. Печковской, на Петр просп., 14; А. Ф. Цинаерлинга, Нев-

въ книжи, магаз. Н. Я. Оглоблина, - въ книжи, магаз, "Образовни

BL BAPHLARE.

 — въ кинжи, магаз. "С.-Петербургскій Кинжи, Силадъ", Н. П. Карбадину. Приначание.—1) Почтовий адресь дажень закажнах въ собt име, отвосия, репро съ готиния обозначением губерине, убяда и ийстоинтельства, и съ петавијето биле обог нем развителнительства, и съ петавијето биле прему почтовато упреждони, так (NB) допускастиск видаха муриалога, если или прему прему почтовато упреждони и самона изстоинтельства поминсчика —2) Исремина пороска должна биле Конторћ муриала съпекременни, съ указанием премунато адреса, при чемъ городски перехода из прогородние, допличнатата 1 руб., и иногородние, перехода из просостоинтельно из Региментации по Региментации и Региментации по почто по почто по почто по почто почто

вака, осли потопова бъта сабляна въ нашеловиченованиять ибстахь, и, согласно объектов с Horvosaro Accapitamenta, ac marge gant no mayrenin erigypenin punta gymnan - 11 Janes на получение журнала высыдаются Контором только таку, чть иногородних в ин се подинечинова, воторие призначать за подписной сумма 14 ноп. почтовичи марками.

Падатель и ответотвенный редакторы М. М. СТАСЮЛИВИЧЬ.

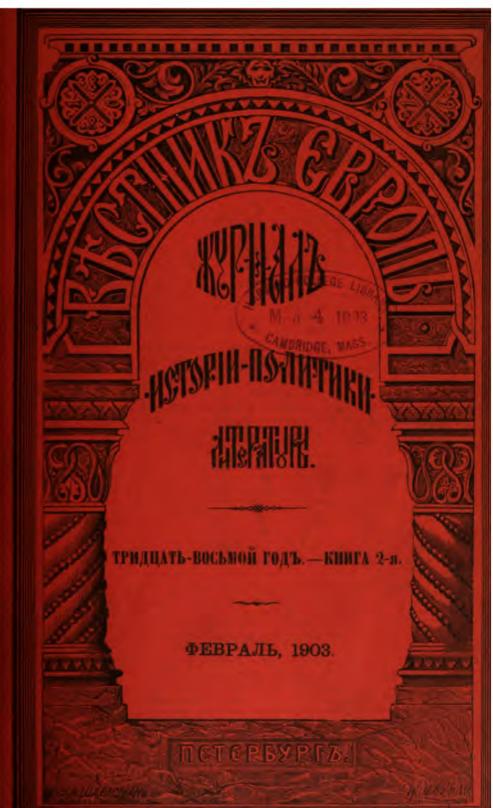
РЕДАКЦІЯ "ВЪСТИНКА ЕВРОПЫ":

PARHAR KORTOPA ZEPULAL

Сиб., Галериан, 20.

Bac. Octp., 5 r., 26. SKCHEANNIN XYPHAJA Digitized by CTOOGLO

Вас. Остр., Академич. пер., 7,

Digitized by Google

мии A 2-в. — ФЕВРАЛЬ, 1903.	Cry
L-PHM'S II PHMCKAR "PERHTHE". VII-XIL ORDERANCE O. Shannerare .	10
П.—по великой сиепрской железной дорога V-IX Овочные	
- III.—ИА РАЗВАЛИНАХЪ.—Рочина.—Часть перван: I-XIII.—Л. Осоленеция	
№ — МОЙ ЖИВИБ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ, 1832-1884 гг. — 17-V.—А. Романовича-Славатинскиго.	
VВЛАДИМІРЪ СЕРГЬЕВИТЬ СОЛОВЬЕВЪI-VA. 0. Конв.	
VI.—ПЕРПО У.П. —Зехнов по розвиту Г. Фронсоонк—IX-XV.—Ск. июн. П—иза С—иоп	600
VII.—НАУЧНЫЯ ИЛЛЮЗІИ. — Тугана-Варановскій, Очерки ила конійшей исторів- политической околовія. — А. З. Слоничекаго.	750
VIII.—СТИХОГНОРЕНИЯ.—I. Дуба.—II. Сона и вробуждение.—В. И. Марке на.	177
ІХХРОНИКАРоседарстаницая росицсь на 1908-об рохьЛ. В. Вуха	777
Х.—ВНУТРЕННЫЕ ОВОЗРЪНІЕ, — Стольтіе комитета министрова и министровать. — Ндел и са осуществленіе. — Министерства и сената. — Менистры первиха коськи десятальтій XIX-го віка — Средняя предоквительноста управлянія министерствова. — Річа жинистра кнутренника діта. — Нивие преакти реакліонной печати. — Возраженіе иза богородивлаго удале.	791
XL-HHOCTPAHHOE OEO3PAHIE - Bananagoria mante - Proposite Ho	
доденть съ депутатомъ Фоздмаромъ. Обиссивновных рети и отвёти графа Балова — Речь Неболе и президентскій принцев из пімерополь сейок— Навидкая "пірозая" визитика. — Посточно-турецкія діля: британская потв о продинать и манедонецій поприсъ	201
ХІІ.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ.—І. Н. Коробка, Очерке датературних вастровий.—Д.—П. В. Л. Столовинь, Педаголическія сочивнік—ПІ. С. Проковоних, Кооберативное данженіе за Россія.—ІV. Всеобнее образованіе на Россія, сборинка статей. — V. Возискій, Оторки о Чехов.—Г-пов.—УІ. В. Мойета, Россія за дорожном отноменія. — VІІ. О. Самаринь, О мірской мадкамой зекать — В. В. УІІІ. Н. Харудика, Этпотрафія.—ІХ. Новий и традиновинай духовине оратори, о.о. Петрона и Ізаних Сертівля. — Евг. Л. — Х. В. Дматрієть Мамоновь, Указатель акціонерниха предпріятій на Пяперія.—Z. —Новия парил и брозпара.	
XIIIО МЕТОДЬ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, - А. И. Импина	
XIV.—HOHOCTH HHOCTPARHOR ARTEPATYPM — I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich.—H. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky.— 3. B.	
XV.—Віть обществелию хроникії. — Мословскій свісда учительсних обществе взаключеских. — Веревица валенких обществе взаключеских агтого протиль самоградженія. — Процессь промиталюваго полиціймийстера. — Раза нехоратумній. — Поство, областа Войгка допского в печеними туберніе. — Губерневіє топитать при	
хул.—извъщента.—От: Императоревато Жевскаго Патріотическаго Общеска	
СУП.—ВИВЛЮГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. — "Віхолости" предени Петра Вол, дик. 1.—Иго вентивнику бумата Пушкина, над И. Иізандина.—Сочиненік ки. М. М. Щербатока, т. IV: 2. 2 и 0. — Учебная плита дрежней асторів. И. Карбера. —Виблютека педикиха писателей, пода регацијето С. А. Ветерома. Шехенира.	
VIII.—OUT-SHRIEHIR.—I-IV; I-XII crp.	

Из Подинева на года, полугодів и порную зегнорть 1903-го года № Си. деловів подинени на послідней страниції оберган.)

РИМЪ

H

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

VII *).

Водвореніе на римской гор'в Тарквиніевской троицы, помимо указаннаго въ предъидущей глав'в значенія, им'вло еще другое, о которомъ мы упомянули только вскользь: такъ какъ этруская религія эпохи Тарквиніевъ была эллинизирована, то и проникновеніе въ Римъ этрускаго культа было первымъ шагомъ къ эллинизаціи римской религіи. Все же эта эллинизація была косвенной и не ощущалась римлянами; въ Юпитер'в, Юнон'в, Минерв'в вид'вли италійскія, а не греческія божества. Но за первымъ шагомъ посл'ядовалъ второй, гораздо бол'ве р'вшительный; посл'ядовалъ повидимому вскор'в — по крайней м'вр'в, традиція приписываеть его тому же царю, который основалъ и ———олійскій храмъ, Тарквинію Гордому.

радиція эта гласить тавъ.

ъ царю Тарквинію Гордому пришла однажды нивому негная старука-странница съ девятью свертками, въ которыхъ,

См. выше: янв., стр. 5.

мъ I.-Фивраль, 1903.

Digitized by Google

по ея словамъ, заключались божественныя прорицанія, и предложила ему вупить ихъ. Тарквиній спросиль о ціні; старуха назвала чрезмёрно дорогую; царь, въ отвёть ей, только засмёялся, полагая, что она уже выжила изъ ума. Тогда она въ его присутствім поставила на полъ горящую жаровню, сожгла три свертка изъ числа девяти и спросила царя, не желаеть ли онъ купить оставшіяся шесть за туже ціну. Тарквиній, однако, еще сильнъе разсмъялся и свазалъ, что старуха вив всяваго сомивнія пом'єшалась. Женщина сожгла туть же еще три свертва и сповойно повторила свое приглашеніе, чтобы онъ вупиль последніе три, все за ту же ціну. Тогда Тарвиній сталь вдругь серьезенъ и вимателенъ: онъ понялъ, что ея настойчивость и самоувъренность что-нибудь да значать. Онъ вупиль три послъдних свертка, давъ за нихъ ту же цену, которую она потребовалабыло за весь сборнивъ. Женщина тогда оставила Тарквинія и послѣ этого, вавъ то было удостовърено, уже нигдъ болъе не появлялась; а тё три вниги были отданы на храненіе въ священное мъсто и названы Сивиллиными".

Тавъ разсказывалъ легенду о происхожени Сивиллиныхъ внигъ Авлъ Геллій со словъ "старинной лѣтописи" (I, 19); съ нимъ соглашаются, за немногими и неважными варіантами, и остальние наши свидѣтели. Ихъ довольно много: повидимому, легенда пользовалась популярностью—ее пересказывають съ самыхъ различныхъ точевъ зрѣнія, и съ религіозной, и съ антивварной, и съ исторической, и съ полемической. И надобно сказать, наша легенда заслуживала свою популярность даже помимо своей красивой эпиграмматической формы; конечно, таинственная старуха-Сивила принадлежить къ области миновъ, но Сивиллины вниги были фактомъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что ими была опредѣлена эволюція римской религіи за весь республиканскій періодъ.

Чтобы уразумёть это, мы отъ легенды должны перейти къ исторіи. Конечно, для этого требуется изслёдованіе — собраніе всёхъ относящихся сюда, очень разрозненныхъ и запутанныхъ свидётельствъ, вритика легендарныхъ и другихъ извращеній, комбинація достовёрныхъ элементовъ преданія; изслёдованіе это произведено многими, къ числу которыхъ авторъ им'ветъ право причислить и себя; но здёсь, попятно, не м'ёсто для его повторенія. Прошу позволенія ограничиться результатами.

Главнъйшій результать гласить тавъ: въ лицъ Сивиллиныхъ книгъ, религія Аполлона, восторжествовавшая въ Греціи надъ побъжденной религіей Зевса, налагаеть свою руку также и на Римъ, а съ нимъ и на весь Западъ. Въ пояснение этого основного положения я долженъ замътить нижеслъдующее:

Культь Аполлона, ведущій свое начало-для насъ по врайней мёрё — изъ троянской земли, различными струями распространался по области греческой культуры. На своей родинъ, у подножія Иды, онъ вренко держадся въ парстве потомковъ Энея, пережившемъ паденіе Трон. Туть съ нимъ были неразрывно связаны два образа: образъ легендарнаго царя-основателя династін, Энея, и образъ таннственной пророчицы, Кассандры или Сивиллы. Эту связь удерживаеть одна изъ упомянутыхъ струй; мы можемъ проследить ея вліяніе въ некоторыхъ пунктахъ Ораків, Крита, Иллирін и наконецъ-греческой Италін съ Сипаліей вилючительно. Странствованіе культа вибло последствіемъ превращение въ страннивовъ также и Энея съ Сивиллой; легенда о свитаніяхъ спасеннаго изъ пожара Трои Энея съ отпомъ Анхисомъ и сыномъ Асеаніемъ вознивла именно этимъ путемънадо было, чтобъ Эней самолично посётиль и освятиль тв мёста, гдь, вследствіе принятія культа Аполлона, сохранилась память о немъ. Предвльнымъ пунктомъ были долгое время италійскія Кумы, греческая волонія въ съверо-вападу отъ Неаполя; здёсь возвышался на морскомъ берегу храмъ Аполлона; вдёсь же и странница Сивилла предполагалась закончившей свое земное существованіе. Впрочемъ, по другому варіанту, она и не умирала вовсе: не даромъ она испросила себъ у Аполлона столько лътъ жизни, сколько песчиновъ на морскомъ берегу...

Другая струя перенесла культь Аполлона на Дэлосъ, ставшій отнынъ признанной родиной самого бога; третья-въ Дельфы. Зайсь, въ средоточін собственной Эллады, онъ достигь наибольшаго блеска и затмилъ всв прочія святилища и прорицалища бога; бевъ сомивнія этому содвиствовала тавже и искусная политика управлявшей Дельфами жреческой коллегіи. Торжествомъ этой политиви быль союзь со Спартой, доставившій Дельфамъ умственную гегемонію въ Элладь и руководящую роль въ колоназаціонномъ д'яль. Для упроченія своей власти Дельфы основали также своего рода колоніи или, если угодно, подворья въ разныхъ городахъ Грецін-храмы "Аполлона Пиоійскаго"; другимъ, не менъе дъйствительнымъ средствомъ было принятіе въ подланство, если можно такъ выразиться, первоначально самостоятельныхъ центровъ культа Аполлона. Эти попытки не всегда удавались-нечего дёлать, стремленіе въ "автономіи" было самой / выдающейся чертой эллиновъ, причиной ихъ силы и слабости. Легче всего он'в должны были удаваться на окраинахъ греческаго міра, гдѣ нравственная поддержка духовной метрополів была очень желательна и съ лихвой вознаграждала за утраченную самостоятельность. По отношенію къ храму куманскаго Аполлона она удалась: гербъ дельфійскаго святилища — "дельфинъ" и треножникъ — былъ присвоенъ и ему въ знакъ его тѣсныхъ сношеній со святой горой свѣтлокудраго бога.

Въ шестомъ въвъ гегемонія Дельфовъ была упрочена во всей Греціи, и собственной, и колоніальной; тогда ихъ правители возъимъли грандіозную мысль --- распространить ее на весь цивилизованный міръ той эпохи, превратить религію Аполлона изъ общезалинской во всемірную. Дельфы, средоточіе материковой Эллады, были объявлены средоточіемъ земли, что, при несовершенствъ тогдашнихъ космографическихъ и географическихъ представленій, вовсе не казалось такой нелішостью: была даже придумана довольно убъдительная легенда въ подтверждение ихъ центральнаго положенія. А затімъ нужно было завязать сношенія съ соседями на востове и на западе; это и было сделано, и притомъ, насколько мы можемъ проследить, почти одновременно здёсь и тамъ. Восточнымъ соседомъ былъ Крезъ лидійскій, западнымъ-Тарквиній Гордый, доставившій своему Риму, какъ мы видели, гегемонію надъ этрусками и латинами-и этипъ самымъ значение первой державы. Исторія съ Крезомъ извъстна. Потерпъвъ врушение вмъсть со своимъ избраннивомъ, побъжденнымъ въ войнъ съ Киромъ, Дельфы очень искусно спасли свое обанніе знаменитымъ толкованіемъ знаменитаго оракула:

"Крезь, чрезь Гались перейдя, величайшее царство разрушить"...

(Понимай: свое собственное) — а затыть заключили союзь съ побъдителемъ. То же самое выпло и на западъ. Тарквинів, союзникъ и орудіе Дельфовъ, былъ изгнанъ; его родственникъ, Брутъ, сталъ основателемъ республики. И что же происходитъ далье? Появляется, прежде всего, легенда слъдующаго содержанія. Тарквиній снаряжаетъ въ Дельфы посольство, состоящее изъ двухъ его сыновей и еще своего родственника, упомянутато только-что Брута. Покончивъ со своимъ порученіемъ, юноши обращаются къ богу также и по личному дълу — а именно съ вопросомъ, который изъ нихъ унаслъдуетъ власть царя. Оракуль отвъчаетъ: тотъ, "кто первый поцълуетъ мать". Оба Тарквинія толкуютъ эти слова въ прямомъ смыслъ и принимаютъ соотвътственныя мъры; одинъ только Брутъ догадывается объ ихъ со-кровенномъ значеніи: нарочно поскользнувшись, онъ падаетъ и незамътно цълуетъ землю. — Надо полагать, что Брутъ лучше

своихъ родственниковъ былъ посвященъ въ дельфійское ученіе о матери-Землъ, не находившее себъ почвы, какъ мы видъли, въ римской религіи; какъ это обстоятельство, такъ и вся тенденція легенды и ея сходство съ даннымъ Крезу оракуломъ доказываетъ ея дельфійское происхожденіе.

Сходство, впрочемъ, этимъ ограничивается; въ дальнъйшемъ исходъ предпріятій былъ неодинавовъ. На востокъ Дельфы постигло вторичное разочарованіе: ихъ союзъ съ персами, для которыхъ они придумали даже миническое происхожденіе отъ греческаго героя Персея, не далъ нивакихъ плодовъ. Персы были разбиты въ войнъ съ Греціей, и всъ попытви Дельфовъ запугать греческія общины грозными оракулами повели только къ уменьшенію и подрыву ихъ собственнаго обаянія. Но на западъ ихъ успъхъ былъ полный, и они не имъли причинъ раскаяваться въ томъ, что въ лицъ Брута они благословили молодой республиванскій Римъ.

Успъхъ же состоялъ въ следующемъ.

Во-первыхъ, Сивиллины вниги, переживъ паденіе царей, въ теченіе всего республиканскаго періода, да и дальше, остались внигой судебъ римскаго государства. Во-вторыхъ, въ нимъ была приставлена коммиссія толкователей, состоявшая сначала изъ двухъ, затімъ изъ десяти и напослідовъ изъ пятнадцати членовъ. Наконецъ, мноъ о странствованіяхъ Энея былъ перенесенъ и въ Гимъ, который сталь ихъ предільнымъ пунктомъ; Ромулу дали въ родоначальники троянскаго князя, а Римъ былъ признанъ продолженіемъ сожженной Трои.

Стоить остановиться на смысле этихъ трехъ новшествъ.

Во-первыхъ, Сивиллины вниги стали внигами судебъ римскаго народа. Въ тревожные дни въ нимъ обращались съ вопросомъ о томъ, вавъ умилостивить явный гиввъ небожителей; отвътъ вавлючался въ предписании такимъ-то образомъ почтить такихъ-то боговъ, а въ особо важныхъ случаяхъ— учредить новый вультъ такимъ-то, неизвъстнымъ дотолъ въ Римъ, богамъ. Благодаря первой мъръ, римскій народъ пріучался служить своимъ богамъ по чужому, греческому образцу; особенно поучительнымъ примъромъ былъ въ этомъ отношеніи такъ называемый "lectisternium", при которомъ слъдовало уложить кумиры боговъ на особо приготовленныхъ для этой цъли "ложахъ" и угостить ихъ пиршествомъ; можно себъ представить, насколько такой обрядъ подходилъ въ исконно-римской религіи съ ея имманентностью и актуальностью! Но еще важнъе была вторая мъра, благодаря воторой чужія и на этотъ разъ греческія божества получили храмы,

жрецовъ и культъ въ Римъ. Ихъ было не мало; не всъ случав намъ извъстны, но и того, что мы знаемъ, достаточно. Самыми ярвими примърами были двъ новыя троицы, введенныя въ Римъ, очевидно, въ противовесь капитолійской; то была, во-первыхъ, элевсинская троица (Ceres, Liber, Libera); во-вторыхъ, дэлоссвая (Аполлонъ, Діана, Латона). Тутъ насъ интересуетъ, прежде всего, сама троичность-она въ греческихъ культахъ опоры не имвла, въ ней мы должны признать вліяніе компромисса, приноровление въ римскимъ понятиямъ. Въ Гредин боговъ соединали большею частью попарно; такъ элевсинской тронцъ въ Греців соотвътствовала чета, --- мать и дочь (Деметра и Кора, знаменитыя въ клятвенныхъ формулахъ "объ богини", to theo); дэлосской тоже чета, брать и сестра (Аполлонъ и Артемида). Въ Римъ четы были превращены въ троицы путемъ присоединенія въ нимъ третьнго божества, тоже греческаго, но отступающаго въ греческомъ культъ совершенно на задній планъ-таково было обанніе вапитолійской тронцы. Но это не было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ Сивиллины вниги и ихъ мудрые толкователи шлв на встръчу народной традиціи: вторымъ, не менте важнымъ, было ихъ стремленіе по возможности романизировать боговь, культъ которыхъ они вводили. Сами боги были греческіе, и служба имъ оставалась греческой, но имена имъ давались по возможности латинскія, заимствованныя изъ неистощимаго арсевала римскаго полидэмонизма, а иногда и составленныя ad hoc. Дэметра была названа Церерой-что было вполив естественно; ея божественная "дочь" въ Элевсинъ такъ и называлась (Korė)это имя было просто переведено по-латыни (Libera), а восполнявшему троицу юному богу было по вналогіи дано соотв'я-ственное мужское имя "сына" (Liber). Въ Элевсинъ этотъ последній назывался Іакхомъ; по созвучію, а также по другимъ причинамъ, его отожествляли съ Вакхомъ-Діонисомъ; и воть въ Римъ Liber стало именемъ греческаго Діониса, который съ такиъ внакомъ римскаго гражданства уже не могъ чувствовать себя чужестранцемъ на семи холмахъ. Аполлонъ, по весьма понятной причинъ, предпочелъ сохранить свое исконное имя; почему его примъру последовала его мать Латона, мы догадаться не можем; но его сестра, охотница Артемида, была покладистве и дала себя безъ труда отожествить съ повровительницей святой "рощи" на lacus Nemorensis, Діаной. Эти уподобленія были, такъ сказать, оффиціальны; но разъ починъ былъ сдёланъ, подражанія не замедлили явиться, и Римъ охотно связаль блёдный сонмъ своихъ numina съ ярвимъ греческимъ Олимпомъ. Юпитеръ быль отожествленъ съ Зевсомъ, Юнона съ Герой, Венера съ Афродитой, и такъ далъе; отожествленія были подчасъ очень неудачны—такъ Венера, покровительница окощей, соксъмъ не покрывала греческой обогини любви, да и Нептунъ только съ большой натяжкой и за неимъніемъ у римлянъ настоящаго бога морей, могъ сойти за греческаго Посидона. Но мало-по-малу народъ къ нимъ привыкъ, образованные же люди до того освоились съ мыслью о тожествъ греческаго и римскаго политензма, что непопавшій въ греческій списокъ римскій богъ пересталь имъ быть понятнымъ. Характерно въ этомъ отношеніи признаніе Овидія относительно одного изъ древнъйщихъ римскихъ боговъ, двуликаго Яна—признаніе, въ которомъ мы имъемъ право видъть отввукъ мнѣній римскихъ богослововъ:

"Какъ же твое божество мив выяснить, Янъ двуобразный? "Бога такого, какъ ты, Греція намъ не дала".

А разъ римскіе боги получили греческія имена, то было очень нетрудно примънить въ нимъ и всв греческія свазанія объ обитателяхъ Олимпа: греческая минологія цівликомъ влилась въ римсвую религію. Римляне узнали, что тоть владыка перуновъ, котораго они, сврвия сердце, признали въ истуканъ капитолійскаго храма, быль супругомъ туть же возсёдающей Юноны и отцомъ другой своей сопрестольницы, Минервы; что онъ, однако, въ то же время состоить въ столь же близвихъ отношенияхъ въ двумъ другимъ веливимъ троицамъ, будучи супругомъ Цереры и Латены, и отцомъ Либера и Либеры, Аполлона и Діаны. Узнали они это сначала частнымъ путемъ, благодаря общенію съ греками, а затемъ и съ подмоствовъ театра на "сценическихъ играхъ": какъ Церера томилась, отъискиван свою похищенную дочь, вакъ свиталась роженица Латона, не находя мъста, гдъ бы она могла разрёшиться отъ своего двойного божественнаго бремени... Свазанія были преврасны, они благодатнымъ дождемъ оросили сухую ниву римской поэзін, но религіозный сумбуръ только увеличился отъ вторженія этого новаго міра, столь несогласнаго съ темъ, что до техъ поръ было преметомъ почитанія для благочестивыхъ римлянъ.

Во-вторыхъ, сказали мы, къ Сивиллинымъ книгамъ была приставлена коммиссія толкователей—duumviri (позднъе—decemviri и quindecimviri) застогит. Другими словами: онъ были изъяты изъвъдънія понтификовъ, высшаго авторитета въ дълахъ религіи, и переданы особой автономной власти. Надобно знать, что римляне,

относясь очень терпимо въ новымъ культамъ, питали темъ не менве наибольшее уважение въ твиъ богамъ, которые благословили варождающійся городъ и были свидітелями его постепеннаго роста. Это были "боги-старожили" (di indigetes-переводъ не совстви точенъ). Напротивъ, тт божества, культъ которыхъ пронивъ въ Римъ повже, навывались "богами-новосъдами" (di novensides); въ нимъ принадлежали и Діана, и Минерва, о которыхъ была різчь въ предъидущихъ главахъ, затімъ — Геркулесъ, заимствованный изъ Тибура, Касторъ и Поллуксъ, перешедшіе изъ Тускула и др. Особенно обычай "эвокацін", описанный нами выше, должень быль содействовать увеличеню этого круга "боговъ-новосъдовъ"; хотя, разумъется, могли быть и другіе причины. Ихъ культъ правили особые жрецы, но общее руководительство принадлежало понтифивамъ, темъ самымъ, которые заботились о правильности свищеннольйствій въ честь боговъ старожиловъ; страннаго въ этомъ совместительстве не было ничего-общая италійская вровь давала себя знать и здісь. Но дъло вореннымъ образомъ изменилось, когда въ Римъ были перенесены Сивиллины вниги и культь Аполлона: впервые божество заговорило съ Римомъ на чужомъ, греческомъ языкъ, и потребовало для себя священнод виствій, неизвістных дотолів его новымъ почитателямъ. Учреждение второй центральной коллегии стало необходимостью, и ея въдънію подпали всъ греческіе богиновосёды, которыхъ Римъ вводилъ въ теченіе слёдующихъ стольтій. Такимъ образомъ, со времени Тарквиніевъ въ Римъ было два савральныхъ центра и двъ строго разграниченныхъ группы боговъ; въ первой принадлежали старожилы и италійскіе новосёды, во второй-новосёды греческого происхожденія. Читатель согласится, что это-явление въ высшей степени оригинальное; не думаю, чтобы гдё-либо вив Рима встрвчалось ивчто подобное. Коллегія застогит — это вовсе не то, что какой-нибудь "департаменть иностранныхъ въроисповъданій": этоть последній не имъетъ касательства въ коренному населенію, -- здъсь же, напротивъ, имъются въ виду нужды именно этого коренного населенія, не удовлетворяемаго отеческими обрядами.

Я долженъ туть замѣтить, что правильный взглядь на боговъ старожиловь и новосѣдовъ былъ впервые развить Виссовой, который на этомъ дѣленіи построилъ свою систему римскаго "боговѣдѣнія" (Götterlehre) и, благодаря этому, внесъ въ нее много стройности и ясности: тотъ же ученый, ради иллюстраціи, сравниваетъ замкнутый кругъ боговъ-старожиловъ съ патриціатомъ, произвольно расширяемую группу новосѣдовъ—съ плебействомъ.

Соотвётствіе туть несомненно есть: отталкиваемые небесной аристократіей боговъ-старожиловъ такъ же пренебрежительно, какъ и вемной-патрицієвъ, плебен естественно льнули въ новосъдамъ, и спеціально въ новосъдамъ греческимъ (италійскіе вскоръ слились съ старожилами); и действительно, мы внаемъ, что храмъ элевсинской троицы сталь религіознымъ средоточіемъ плебеевъ н своего рода присутственнымъ мъстомъ для нихъ. Мало того: соотвётствіе до того поразительно, что мы можемъ поставить вопросъ, не входило ли оно съ самаго начала въ политику Дельфовъ и покровительствуемыхъ имя Тарквиніевъ, не было ли созданіе религіознаго центра для плебеевъ дальнъйшимъ звеномъ въ цёни мёръ, которыми Тарквиніевская династія подготовляла равноправіе плебеевъ съ патриціями? Во всякомъ случав мы моженъ свазать, что плебен врядъ ли обнаружили бы въ двухвъвовой борьб'в сословій то зам'вчательное упорство, воторое было необходимо для ихъ окончательнаго торжества, еслибы они не находили у ласковой Цереры ту нравственную поддержку, въ воторой имъ отказывала строгая капитолійская тронца. Но къ этому върному сравнению мы можемъ прибавить другое, не менъе убъдительное. Сакральное право было у римлянъ вполив аналогично съ гражданскимъ-и religio не одной только этимологіей напоминала гражданско-правовую obligatio; а въ гражданскомъ правъ у римлянъ тоже быль не одинъ, а два центра: "городскому" претору, въдавшему тяжбы гражданъ, былъ противопоставленъ "перегринскій", которому были подв'ядомственны д'яла не-гражданъ. Боги-новоседы были тоже своего рода перегринами среди боговъ Рима; назначая имъ особую сакральную коллегію, Римъ дъйствовалъ въ томъ же дукъ, какъ и въ тотъ моменть своей исторіи, когда онъ отділиль перегринскую юрисдивцію оть гражданской. Можно даже идти дальше и указать, здёсь и тамъ, на посредствующую между гражданами и не-гражданами группу: такъ-навываемымъ латинамъ, не обладавшимъ римскимъ гражданствомъ, но все-же подсуднымъ трибувалу городского претора, довольно точно соответствовали новосёды италійскаго происхожденія, о которыхъ пеклись тоже понтифики, а не вол-Jeria sacrorum.

Но илодотворность нашего сравненія завлючается не въ этомъ соотвътствін, какъ оно ни разительно, а въ другомъ. Какъ извъстно, у обоихъ преторовъ было два различныхъ водекса гражданскаго права и судопроизводства: городской преторъ творилъ судъ по jus Quiritium; перегринскій—по jus gentium. Квиритское право было направлено въ осуществленію формальной justitia; оно изо-

биловало всякаго рода вляувами, опасными для неопытнаго человъка, какъ бы ни была несомивниа правота его дъла. Напротивъ, jus gentium имъло въ виду реальную справедливость, асquitas, и было въ своихъ формахъ много вольнъе; прогрессъ ричскаго права възначительной степени заключался въ томъ, что иден juris gentium мало-по-малу просачивались черезъ жествую свордупу ввиритскаго права и одушевляли его первоначальную формалистику. Можемъ ли мы провести такую же параллель и въ области савральнаго дъла, пользунсь аналогіей обоихъ его центровъ, старо-римскаго понтификата и перегринской коллеги sacrorum? Про понтификальное право мы знаемъ, что оно по своей формалистикъ ничуть не уступало ввиритскому; молетви составлялись не съ цълью удовлетворенія религіозной потребности души, а съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ съ одной стороны не осворбляли божества, съ другой-не обязывали молящагося дальше его собственнаго желанія. Здёсь, такимъ образомъ, аналогія была полная; но что же сказать въ этомъ отношеніи о прав'є воллегіи sacrorum? Если судить по н'явоторымъ привнавамъ, то придется допустить вначительно большую его вольность и, стало быть, аналогію съ jus gentium. Въ противоположность въ магистратской молитей, обставленной всяваю рода "onackame" (cautiones), коллегія sacrorum часто объявляла всенародныя молебствія (supplicationes), при которыхъ соблюденіе молящимися строгихъ молитвенныхъ формулъ было невозможнымъ, и молитвенное настроение естественно, хотя и безъ начальственнаго предписанія, должно было занимать ихъ мъсто. Вообще, новые культы отличались церемоніаломъ, идущимъ въ разрёзь съ разсчетливой простотой старо-римской сакральной обстановки: видно было старательное нам'вреніе произвести впечатленіе на народныя массы и вызвать въ нихъ если не всегда благоговейныя, то, по врайней мёрё, правдинчныя чувства. Всё эти молебствія, часто съ гимнами дівъ и отрововъ, эти процессін, лектистернін, игры, эти подчасъ таниственные обряды, къ достойному справленію которых в посвященные готовились посредствомъ болве или менве продолжительнаго поста, --- все это двиствовало на фантазію и наглядніве говорило о присутствів божества и непосредственности его общенія съ челов'явомъ. Древняя religio хорошо себя чувствовала въ новыхъ формахъ; чёмъ дальше, тамъ больше греческіе боги-новосады возвышали све обаяніе на счеть старожиловь. А такъ какъ объ группы вербовали своихъ поклонниковъ среди одной и той же массы римскаго народа, то отношенія должны были обостриться. - Но объ этомъ

будеть сказано въ следующей главе; теперь же полезно будетъ перейти къ третьему успеху религи Аполлона въ римской общине.

Этоть третій усивив, какъ было свазано выше, состояль въ томъ, что Эней быль признань родоначальникомъ основателя города Рима, въ которомъ, такимъ образомъ, возродилась древняв Троя. Было бы очень неправильно видёть въ этомъ представленін плодъ поэтической фантазіи, годный только для напыщенныхъ панегиривовъ и торжественныхъ одъ: оно глубоко въйлось въ сердце римлянъ, мысль о происхождении ихъ отъ веливаго города-мученика сёдой старины наводила ихъ на тревожныя чаянія такой же гибели и такого же возрожденія ихъ собственнаго города. Стали размышлять и разсчитывать: предсказанія Сивиллы съ одной стороны, ученія философовь о періодических в "палингенесіяхъ" — съ другой, астрологія съ третьей — все это совдало душную, щемящую атмосферу, въ воторой всявое внёшнее зловлючение ощущалось вдвое болезнение, чемъ следовало. Ожидавшійся конецъ римскаго государства долженъ быль наступить, по инстическимъ разсчетамъ, въ теченіе перваго въка до нашей эры, и ожиданіе этого конца значительно способствовало возвышевію царя изъ рода Энея, Юлія Цезаря, и упроченію монархическаго строя на развалинахъ аристократической республики. --Но мы зашли слишкомъ далеко впередъ; эволюція римской религіи въ республиканскій періодъ еще потребуеть нашего вниманія.

VIII.

"Религія Тарквиніевъ въ своихъ основныхъ чертахъ осталась религіей республиканскаго Рима вилоть до войны съ Аннибаломъ", — говоритъ Виссова (стр. 38); съ этимъ замѣчаніемъ придется согласиться. Конечно, притягательная сила обоихъ центровъ, національнаго и греческаго, была неодинакова; въ началѣ коллегія застогит перевѣшивала, проявляя энергію, свойственную веществамъ и институтамъ іп statu nascendi: такъ было
до половины пятаго вѣка. Затѣмъ она отступастъ нѣсколько передъ
національными культами и коллегіей понтификовъ: съ одной стороны, постоянныя войны съ италійскими племенами естественно
направляли умы римлянъ къ почитанію обще-италійскихъ божествъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ битвъ и походовъ; съ
другой стороны, плебеи, главные ревнители чужеземныхъ культовъ, получивъ доступъ къ высшей магистратурѣ, уже не такъ

чувствовали себя пасынками Юпитера Капитолійского. Въ третьемъ въкъ картина опять мъняется: мы замъчаемъ усиленную дъятельность воллегіи sacrorum и новый наплывъ чужеземныхъ вультовъ и обрядовъ въ Римъ. Это - какъ разъ то время, когда Римъ, подчинивъ себъ окончательно собственно италійскую Италію, стальнвается съ эллинизмомъ на югъ Апеннинскаго полуострова (война съ Пирромъ) и въ Сициліи (первая пуническая война). Его отношенія въ эллинизму были то дружественныя, то враждебныя; по странному стеченію обстоятельствъ, и дружба, и вражда, одинаково благопріятно отвывались на обаяніи Сивиллиныхъ внигь. Дружба съ греческимъ элементомъ въ Италін естественно подвимала значение этихъ греческихъ и посвященныхъ греческихъ богамъ памятнивовъ; если же отношенія обострались, то римляне вспоминали, что они съ благословленія Сивиллы были троянцами и вели правую войну сь врагами своей старинной родины. Съ другой стороны, третій въвъ быль тавже временемь усиленнаго наплыва перегриновъ въ Римъ, поведшаго въ отдъленію перегринской прэтуры отъ городской и, стало быть, въ большей самобытности juris gentium, воторому соотвътствовало сакрамное право коллегін sacrorum. Наконецъ, можно указать и на соревнованіе двухъ знатнъйшихъ и славнъйшихъ родовъ въ Рим, Фабіевъ и Клавдіевъ, какъ на причину усиленія чужеземных культуръ. Оба рода были покровителями плебса, оба старались заручиться расположеніемъ Сивиллы для своихъ цёлей; разница состояла въ томъ, что Фабін, кажется, видъли въ Сивиллъ греческую, Клавдіи-троянскую и враждебную грекамъ силу. Въ тавихъ случаяхъ положение третьяго лица бываетъ очень удобнымъ: при сколько-нибудь искусной политикъ можно извлекать выгоду изъ обоихъ соперниковъ. Такъ случилось и здъсь. Фабів были главой сенатской партін; подъ ихъ вліяніемъ состоялось уже въ 217 г., второмъ году войны, постановленіе, посл'я ствіемъ вотораго было уничтоженіе границъ между богами-старожилами и новосъдами и ръшительная эллинизація римскаго культа. Поводомъ послужили, какъ это бывало обывновенно, такъназываемыя продигіи, т.-е. разныя, отчасти (якобы) чудесныя, отчасти просто замъчательныя происшествія, которыя указывали, повидимому, на гитвъ боговъ; но настоящей причиной была ненависть сената въ тогдашнему консулу, ставленнику демократовъ, воторый слишкомъ уже откровенно вывавывалъ непочтевіе въ роднымъ богамъ. Требовалась, на первомъ планъ, быть можеть, чистосердечная искупительная жертва; намъ уже этого не разобрать. Но, между прочимъ, и внушительная религіозная демон-

страція, — чтобы паралязировать въ глазахъ парода вольнодумство консула-полвоводца; а для этой цёли убогія домашнія церемонів не годились, нуженъ былъ весь блескъ иностранной обрядности, воторую в'ядала коллегія sacrorum. И воть мы присутствуемъ при замівчательном врізниці: исвонные боги, боги Ромула и Нумы, обращаются къ пришлой Сивилль, требуя обновления своихъ вультовъ. Сивилла охотно исполнила требуемое; особенно внаменательнымъ было обновление культа Сатурна, древне-римскаго домона "воврожденія хлібов", которому именно теперь быль учреждень веселый декабрьскій праздникь золотого въка, знаменитыя "Сатурналін". Съ этихъ поръ ежегодно Римъ въ эти дни оглашался ливующими вривами: "io Saturnalia!" и съ зимнимъ мракомъ боролся блескъ восковыхъ свёчей... тёхъ самыхъ, которыя въ эти самые дни и у насъ горять на томъ веселомъ праздникъ, который мы празднуемъ, въ конц'в декабря, въ честь Основателя нашей религіи.

Это было только начало; когда нечестивый консуль своей гибелью на Тразименскомъ озеръ искупилъ свое вольнодумство, была предпринята вторая, еще болъе въская демонстрація. Самъ глава партін, великій Фабій-Кунктаторъ, назначенный диктаторомъ на тревожное время после пораженія, выступиль въ сенать съ внушительной рычью объ убитомъ консуль, провинившемся, по его словамъ, болъе своимъ неуважениемъ къ религиознымъ обрядамъ, чёмъ своимъ полководческимъ легкомысліемъ и незнаніемъ военнаго дъла. По его настоянію децемвиры sacrorum обратились къ Сивиллъ: результатомъ было много молебствій н обътовъ, но между прочимъ вотъ что. Было выставлено, для торжественнаго лектистернія, шесть священныхъ ложь: одно ложе -Юпитеру и Юнонъ, другое - Нептуну и Минервъ, третье - Марсу и Венеръ, четвертое — Аполлону и Діанъ, пятое — Вулкану и Весть, шестое-Меркурію и Церерь. Кавъ видить читатель, греческая попариость восторжествовала надъ римской троичностью, но это еще не такъ важно. Важно то, что здёсь впервие, на развалинамъ римскаго полидомонизма, установляется культь греческихъ двинадцати боговъ. "Такъ, -- справедливо говорить Виссова (стр. 55), -- возникъ въ Римъ новый кругъ боговъ, составленный совершенно безотносительно въ древности и происхожденію культовъ и расчлененный на основаніи греческихъ преданій и обрядовъ. Этимъ было управднено старинное сакрально-правовое различіе между богами-старожилами и новосёдами; нован семья боговъ получила подъ именемъ "соединенныхъ боговъ" (di consentes) оффиціальное значеніе, ихъ позолоченние жумиры были публично выставлены на форумів".

Но настоящимъ торжествомъ Фабіевъ было ръшеніе Рима въ 216 г. отправить посольство въ Дельфы. Случилось это подъ одновременнымъ впечативніемъ двухъ страшныхъ несчастій: пораженія римсваго войска подъ Каннами и растлінія двухъ весталовъ; ужасъ тогдашняго положенія лучше всего передають простыя и внушительныя въ своей простоть слова Ливія (22, 57): "Помимо всёхъ этихъ бедствій, римляне были напуганы еще гровными знаменіями, а главнымъ образомъ тімъ, что въ этомъ году двъ весталви, Опимія и Флоронія, были уличены въ нарушенін об'ята чистоты; нят нихть одна, согласно обычаю, была умерщвлена зарытіемъ въ землю у Коллинскихъ вороть, другая сама съ собою повончила. Л. Кантилій, понтификальный писецътеперь такихъ называють младшими понтифивами, -- растлившій Флоронію, быль свчень розгами на комиціи верховнымь понтифивонъ такъ, что онъ подъ ударами испустилъ духъ. Такъ какъ такое нечестіе-что и естественно подъ гнетомъ подобныхъ быствій — было также признано знаменіемъ, то децемвиры (sacrorum) получили поручение обратиться въ (Сивиллинымъ) внигамъ, в Кв. Фабій Пивторъ быль отправлень въ Дельфы, чтобы вопросить оракуль, какими мольбами и службами можно умилостивиъ боговъ, и вогда наступить конецъ вловлючениямъ. Пока же, на основаніи внигь судебь, было совершено нівсколько чрезвичайныхъ жертвоприношеній: такъ, два галла, мужчина и женщина, и равнымъ образомъ два грева, были живыми опущены подъ вемлю на Скотномъ рынкв и заключены въ каменную темницу, которая уже раньше была сдёлана ивстомъ человёческихъ жертвоприношеній, идущихъ въ разрезъ съ римскимъ обычаемъ". Навванный здёсь Фабій Пивторъ-первый римскій лётописецъ; свою лътопись онъ написалъ на греческомъ языкъ, начиная съ перехода Энея въ Италію и кончая, насволько мы можемъ судить, ванисвимъ 'сраженіемъ и своей миссіей въ Дельфы. Этимъ вся ремская исторія была заключена въ рамки религін Аполлона.

Признаніе дельфійскаго храма высшимъ религіознымъ авторитетомъ со стороны Рима было, какъ мы видёли, тщеславной мечтой дельфійской политики еще въ шестомъ въкъ: теперь, однако, влінніе святой горы Аполлона было довольно скромно, объ ея умственной гегемоніи и ръчи быть не могло. Съ своей задачей дельфійскіе жрецы справились недурно—по крайней мъръ мы знаемъ, что Римъ! послалъ имъ почетный даръ послъ первой ръшительной побъды—но послъдствій ихъ успъхъ не имъль. Рав-

нымъ образомъ и Фабін въ дальнійшемъ ходів войны потеряли свой престижъ; съ несерываемой ревностью смотріль главный представитель ихъ рода, великій Кунктаторъ, на возвышеніе молодого героя Сципіона, все боліве и боліве затмевающее его славу. Недоброжелательство Фабіевъ сблизило Сципіоновъ съ Клавдіями; подъ вліяніемъ этихъ двухъ могущественныхъ родовъ состоялось одно изъ важнійшихъ событій въ исторіи римской религіи, озарившее своимъ блескомъ конецъ Аннибаловой войны и направившее римскую религіозную мысль на новые пути. Объ этомъ событіи слідуеть сказать нісколько подробніве.

Какъ уже было замъчено выше, Клавдін видъли въ Сивиллъ троянскую силу; помимо Дельфовъ, они исвали сближенія съ родной-вакъ думали всв-почвой Рима, съ Троадой; не дельфійскій Парнась, а троянская Ида правлекала ихъ вниманіе. Тамъ съ древнихъ поръ чествовалась великая Матерь боговъ, называвшаяся по-гречески Реей; когда троянскіе миом были перенесены въ Римъ, то и троянская "мать", идейская Рея, нашла себъ естественное мъсто на новой родинъ въ качествъ матери Ромула и Рема, Реи Сильвін (Silvia-латинскій переводъ греческаго Idaia, "лъсная"). Съ теченіемъ времени троянскій культь Реи подвергся значительнымъ изменениямъ подъ влияниемъ родственнаго фригійскаго вульта Кибеллы, жрецы воторой должны были быть вастратами, по примъру миенческаго любимца богини, пастуха Attys или Attes, впервые принесшаго ей такую неслыханную жертву. Такъ воть къ этой-то фригійской Матери боговъ Клавдін съ давнихъ поръ успѣли пристроиться; они даже производили свой родъ отъ названнаго только-что Аттиса (въ латинской транскрищии Attus или Atta), переселивъ его въ сабинсвую страну подъ именемъ Атта Клавза, и съумъли навязать Риму его статую съ пастушьимъ посохомъ и бритвой въ рукахъ. Правда, Римъ эту статую перетолковалъ по своему: на основанін своего вривого посоха Атть быль произведень въ авгуры, а бритва подала поводъ въ созданію о немъ милой легенды, воторой мы здёсь пересказывать не будемъ. Теперь, когда Аннибалова война близилась въ концу, Клавдіямъ представилась возможность въ союзъ со Сципіонами осуществить свою завътную мысль: на основаніи Сивиллиных внигь римскій сенать рёшиль перевезти кумиръ Матери боговъ изъ Малой Азін въ Римъ. Богня требовала, чтобы ее въ Римъ встрътили лучшій мужчина и лучшая женщина: были избраны, какъ этого и следовало ожидать, по представителю отъ обоихъ первенствующихъ родовъ,

Сципіонъ Назика и Клавдія Квинта. Противъ Назики никто не протестоваль, но насчеть нравственности Клавдіи ходили неблаго-пріятные слухи. Разскажемъ дальнъйшее словами уже нъсволью разъ приведеннаго Овидія, хотя онъ передаетъ нашу легенду и не въ самомъ раннемъ ея видъ:

Къ устію Мать принама, — гдё Тибръ, расширая теченье, На необъятный просторъ рёзвыя волны несетъ. Всадники всф, и степенный сенатъ, и плебен толпою — Къ устью этруской реки всф ей на встречу идутъ. Шествуютъ матери, взявъ дочерей и невестокъ съ собою, Шествуютъ тъ, что очагъ Весты священный хранятъ.

Мужи идуть бичевой, богатырскую грудь напрягая:
Судно чужое съ трудомъ встрвчную режеть струю.
Засуха долго томила страну, всв луга ножелтели:
Въ тиве завязши речной остановился корабль.
Тщетно въ тяжслой борьбе изъ силь выбиваются мужи,
Тщетно ихъ мощный напоръ гулкая песнь единить—
Судно стоить, точно мертвый утесь среди волнъ оксана;
Страхомъ объятый, народъ чуеть угрозу боговъ.

Клавдія Квинта свой родь возводила въ старинному Клавзу;
Ту-жъ благородства печать ликъ ея юный носиль.
Върность супруги напрасно блюла она; лживыя ръчи
Сердце ей жгли, безъ вины гръшной она прослыла.
Ей повредили наряды, причесовъ затъйливый пошибъ,
Да шаловливый азыкъ, старцевъ угрюмыхъ гроза.
Чувствуя чистой себя, она смъхомъ встръчала извъты...
Ахъ, кто намъ ближнихъ чернитъ, въримъ легко мы тому.

Воть она къ Тибру идеть, отдёлившись оть сонма замужнихь, Черпаеть трижды рукой чистой текучей воды, Трижды чело оросивь, длань трижды къ зеиру возносить... Смотрить, дивится народъ: ужъ не безумна ль она? Вдругь, преклонивши колёно, въ упоръ она смотрить богинё И съ расилетенной косой молвить такія слова:

"Внемли молитвів моєй, благодатная Матерь блаженныхъ,
"И подъ условьемъ однимъ милость яви мий свою.
"Грішной слыву. Покорюсь, если ты меля также отвергнешь;
"Вожьимъ судомъ сражена, смертью поворъ искуплю.
"Если-жъ чужда я вины, будь ты моей жизни порукой:
"Чистая, чистой руки прикосновенье уважь!"

Молвить, и легкой рукою хватаеть канать корабельный— (Чудень разсказь, но театрь будеть свидьтелемь мив)— Двинулось судно, во следь ей плыветь и ведущую славить! Крикомь восторга народь твердь оглашаеть небесь.

Я привель эту легенду не ради одной только ея поэтической красоты, о которой мой переводь можеть дать лишь несовершенное представление: пусть читатель ее сравнить хотя бы съ вышеприведенной легендой объ основании культа Діаны на Авентині (гл. VI)—и онъ убіднтся въ важности происшедшей съ тіхть поръ перемізны въ религіозных потребностях Рима. Великая Матерь боговъ не даеть себя перехитрить, подобно простоватой покровительниці ариційской рощи: она требуеть себі въ первопоклонники лучших граждань тогдашняго Рима, и ея первое чудо на ея новой родині—защита оскорбленной невинности. И это чудо не осталось достояніемъ одніжь только неудобочитаємых вітописей; читатель не оставиль безъ вниманія интереснаго стиха:

"Чуденъ разсказъ, но театръ будеть свидетелемъ мив"...

Оъ подмоствовъ сцены римлянамъ всёхъ сословій преподносилась легенда о Клавдіи Квинть и о чудь Матери-боговь, - этоть прототипъ стольвихъ христіансвихъ легендъ о такомъ же заступничествъ христіанской Богоматери за невинно обвиняемыхъ. Но подобное заступничество возможно только подъ условіемъ полнаго человъкоподобія божества; понятно, что сердце, вкусившее сладкой иллюзіи такого отношенія къ своему богу, уже не возвращалось въ темъ таинственнымъ и безстрастнымъ преломленіямъ міровой Воли, которыя почитала блёдная религія предвовъ. Мало того, и другіе элементы новаго культа глубже бороздили душу, чъмъ все испытанное до сихъ поръ. Нехотя касаемся мы затронутой выше черты въ службь великой Матери: она неприглядна въ самомъ принципъ и прямо отвратительна въ отдельныхъ своихъ проявленіяхъ. Все же и въ ней была сторона, способная поразить посторонняго зрителя: эти люди беззавётно пожертвовали своей личностью божеству, которому они повлонялись; это было нёчто болёе внушительное, чёмъ постъ Цереры, или запрещение фламиникъ причесываться въ траурные дни. Что этоть обычай значиль? Спрашивали, справлялись, вспоминали легенду о первосвященник Аттись, введшемъ этотъ неслыханный обычай самоистязанія... Странно; такъ въ Рим'в никто еще своего бога не любиль. Какъ ни была груба вившияя форма, но въ ядръ чувствовалась новая сила-сила суроваго, жестоваго аскеза. Форму Римъ отвинулъ съ теченьемъ въвовъ, но ядро сохранилъ-сохранилъ до нынъщнихъ дней.

Но и въ другомъ отношеніи введеніе культа великой Матери было началомъ новой эры въ римской религіи; и уже зам'тилъ

Томъ I.--Фивраль, 1903.

выше, что онъ былъ не столько греческимъ, сколько восточнымъ культомъ. Противъ своей воли, Сивилла внесла зародышъ разложенія въ тотъ греческій міръ, который съ ея благословенія такъ пышно расцвёлъ на благодарной римской почвё: подъ личной греческой богини восточный фетишъ былъ перенесенъ въ Римъ, и за нимъ не замедлили явиться другія грековосточныя и просто восточныя божества. Новое наслоеніе начинаетъ ложиться на римскую почву— неблаговонный, но плодородный перегной старинныхъ вёрованій и обрядовъ Востока, въ которомъ суждено было зародиться и вырости также и цвётку христіанства.

IX.

Все же древне-римская религія не дала себя заглушить безъ протеста. Правда, война съ Аннибаломъ была для нея тяжелымъ испытаніемъ, и кончилось оно далеко не блистательно: не у своихъ исконныхъ, а у чужихъ боговъ нашелъ Римъ помощь и заступничество въ минуту бъдствія. Но торжество греческаго Олимпа было слишкомъ явно и полно, чтобы не вызвать реакціи; реакція наступила во второмъ въкъ и нашла себъ онору въ личности суроваго патріота, Катона Старшаго.

Поводомъ въ его вмѣшательству послужило одно изъ самых интересныхъ явленій въ исторіи религіи древняго міра; мы можемъ его кратео назвать античнымъ масонствомъ. Тавъ вавъ этотъ терминъ, вѣроятно, возбудить недоумѣніе читателя, то я долженъ его объяснить; постараюсь сдѣлать это въ немногихъ словахъ, не пускаясь въ иллюстрирующія подробности и—въ силу необходимости—безъ обстоятельной мотивировки моихъ положеній.

Въ Греціи съ давнихъ поръ существовали тайныя братства, объединяемыя "оргіастическимъ" культомъ Діониса. Ихъ основателемъ считался Орфей; отъ посвященныхъ требовалось соблюденіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ; наградой была имъ увѣренность въ безсмертіи души. Центромъ этихъ братствъ—если не всѣхъ, то многихъ—съумѣли стать Дельфы; въ этомъ, повидимому, заключалась одна изъ причинъ ихъ успѣха. Но, оказывая покровительство "оргіямъ" Діониса, они потребовали взвѣстной ихъ реформы, главнымъ образомъ удѣленія подобающаго мѣста Аполлону. Самымъ вліятельнымъ иниціаторомъ этой реформы былъ Пиеагоръ; отъ него пошли такъ называемыя орфико-пиеагорическія мистеріи, главнымъ полемъ дѣйствія во-

торыхъ была южная Италія. Дельфы всегда искали опоры себ'в въ аристократіяхъ тёхъ городовъ, съ которыми имёли дёло; благодаря ихъ вліянію, орфиво-писагорическія братства получили різко аристократическій характеръ. Расцвіть демократическихъ идей въ V въкъ повелъ въ обостренію отношеній между ними и народными партіями; антагонизмъ неръдко переходиль въ отврытую кровопролитную войну. Въ одномъ изъ такихъ столкновеній была истреблена правящая ложа италійскаго масонства, вротонская; но и въ другихъ городахъ оно было поколеблено; только въ Тарентв оно продолжало держаться: -- въ теченіе третьяго въка тарентинская ложа была главной носительницей орфико-пиоагорическихъ традицій. Понятно, что она, при своемъ аристовратическомъ характеръ, съ особой симпатіей относилась въ аристократическому Риму; благодаря своимъ связямъ съ Дельфами и, стало быть, съ Сивиллой, ей удалось завлючить съ Римомъ извъстнаго рода сакральный союзъ, результатомъ котораго било перенесение въ Римъ такъ называемыхъ "тарентинскихъ" игръ. Это случилось еще въ эпоху первой пунической войны; последующія событія, о которыхъ было свазано въ предъидущей главъ, еще лучше подготовили почву. И вотъ, въ началъ второго выка братства получають въ Римы самое широкое распространеніе; число посвящаемыхъ-особенно женщинъ-росло и росло; Римъ былъ опутанъ сътью тайныхъ обществъ, политическій характеръ которыхъ-таковой былъ имъ присущъ вездё-былъ врупной опасностью для оффиціальной власти. Мы свазали уже, что они объединялись культомъ Діониса; римляне знали этого бога подъ другимъ его именемъ-Вакка, и посвященныя его культу общества назывались bacchanalia.

Мы соединяемъ со словомъ "вакханаліи" другое представленіе—то самое, которое съ нимъ стали соединять и непосвященные римляне послѣ страшной грозы, обрушившейся на тѣ тайныя общества въ 186 году. Судьба тайныхъ обществъ—тѣмъ болѣе чужеродныхъ—вездѣ одинакова: кто не можетъ проникнуть за таинственную завѣсу, поднимающуюся только для посвященнаго, тому за нею чудятся полныя соблазна и ужаса картины, среди которыхъ половой развратъ занимаетъ первое мѣсто. Не забудемъ, что и христіанскія общины не избѣгли общей участи; кто знаетъ, еслибы христіанство, въ концѣ концовъ, не побѣдило—не предстало ли бы оно передъ потомками въ томъ самомъ омерзительномъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ языческій ораторъ въ апологіи Минуція Феликса? Стоитъ сравнить его описаніе съ описаніемъ вакханалій у Ливія (39 кн.)—сход-

ство поразительно. Мы не желаемъ этимъ сказать, что эти вакханалін были вовсе лишены того порочнаго характера, который имъ тамъ приписывается; ночныя празднества, соединенныя съ оглушительной музыкой, одуряющей пляской, съ другими обрядами, имъющими цълью экставъ и ясновидъніе такія празднества естественно давали поводъ въ соблазну. Но мы отказываемся вёрить, чтобы ими систематически преслёдовались развратныя цели, отказываемся вёрить въ человеческія жертвоприношенія и весь прочій отвратительный аппарать, который имъ приписала молва-по той самой причинъ, по какой мы и въ масонахъ отказываемся видъть "фармазоновъ" народно-клерикальной легенды. Чёмъ были вакханаліи въ дёйствительности, это видно изъ оффиціальнаго наименованія, которое имъ было присвоено-наименованія заговора (conjuratio); дійствительно, різчь шла о заговоръ, въ которомъ принимало участие свыше семи тысячь лиць. А какого характера быль этоть заговорь, это видно изъ обличительной ръчи консула Постумія: "Съ важдымъ днемъ, — говорилъ онъ собравшемуся народу (Ливій, 39, гл. 11), ростеть и распространяется зло; оно уже превзошло предълы интересовъ частныхъ лицъ, оно угрожаетъ опасностью существованію нашего государства. Если вы не примете мірь, квириты, то эта наша законная сходка, созванная консуломъ при ясномъ свътъ дня, найдетъ себъ соперницу въ сходкъ ночной. Теперь они боятся васъ, такъ какъ они разъединены, а вы собрались вмѣстѣ; но когда вы разойдетесь по домамъ и деревнямъ, а они соберутся и будуть совъщаться о своихъ выгодахъ и о вашей гибели, тогда они, сплоченные, стануть вамь, разъединеннымь, очень опасны".

Рѣчь консула была сигналомъ страшныхъ репрессалій; повторились ужасы вротонскихъ дней. Но тогда, въ пятомъ вѣкѣ, тайныя братства сдѣлались жертвой ярости фанатизированной толиы: теперь высшая власть взяла въ свои руки дѣло возмездія. А впрочемъ, по своимъ результатамъ обѣ расправы стоили одна другой: общее число всѣхъ жертвъ консульскаго слѣдствія превысило 3.000. Такія же гоненія, по почину римскихъ властей, начались и въ прочей Италіи; ихъ послѣдствіемъ было полное почти исчезновеніе "вакханалій".

Боги отцовъ побъдили! Не даромъ только-что упомянутая обличительная ръчь консула, примыкая къ формулъ старинной молитвы, начиналась словами: "никогда еще, квириты, это торжественное обращение къ богамъ передъ началомъ магистратской ръчи не было такъ же умъстно—скажу болъе, такъ же не-

обходимо, какъ теперь; оно должно напомнить вамъ, что они и есть тв боги, которыхъ ваши предки оставили вамъ предметомъ вашего почитанія, вашихъ священнодійствій и молитвъ, а не тъ, воторые, овладъвъ умами людей съ помощью зловреднаго чужероднаго культа, направляють ихъ на всякія безчинства и преступленія"; чужеродные культы были теперь окончательно завлеймлены, девизъ: patrios ritus servanto-сталъ лозунгомъ римсваго правительства. Эти patrii ritus были по преданію установлены Нумой Помпиліемъ, царемъ-собесвіднивомъ боговъ; его считали римляне основателемъ своей религи, той религи, которая, за незначительными измъненіями, была сохранена до тъхъ поръ н должна была быть сохраняема и впредь. Мивніе это стало руководящимъ правиломъ религіозной политики римскаго сената вилоть до конца республики; даже Цицеронь, этоть восторженный ночитатель Греціи и греческой культуры, даеть своему идеальному государству (въ внигахъ De legibus) савральную вонституцію, почти-что совпадающую "съ законами Нумы" (II, § 23).

Да, пронивнуть въ мнимый вругъ Нумы было отнынъ загруднительно; но ревнители греческихъ культовъ могли сдёлать попытку обратить самого Нуму въ свою веру. Эта попытка была сделана въ 181 г., всего пять леть после начала расправы съ вавханаліями, и опять энергія партіи Катона была причиной ея врушенія. Это совпаденіе, а также самый характеръ попытки довволяеть намъ искать ея авторовь въ той же орфико-пиоагорической средь, отъ которой пошли и подавленныя вакханаліи. Двло состояло въ следующемъ. Однажды въ участве одного римлянина было найдено два гроба; изъ нихъ одинъ, согласно надписи, долженъ былъ содержать останки царя Нумы Помпилія, другой-его сочиненія. Когда гробы были вскрыты, первый оказался пустымъ, что было приписано вліянію времени на бренное тело царя; но во второмъ нашли две пачви внигъ, по семи каждан, "не только цёльныхъ, но и очень свёжихъ съ виду". Семь внигь были написаны на латинскомъ явывъ и содержали изложение понтификальнаго права; другія семь имвли своимъ предметомъ изложенную по-гречески "философію Пивагора", легендарнаго учителя Нумы. Понятно, что находка заинтересовала, вромъ непосредственно прикосновенныхъ въ ней лицъ, также и близвій, и дальній кругь ихъ знавомыхъ; вниги Нумы распространялись все больше и больше, и стали навонецъ извъстны претору Квинту Петилію, одному изъ главныхъ приверженцевъ Катона. "Тотъ выпросилъ себъ ихъ у хозяина; прочитавъ ихъ, онъ заметиль, что ихъ главная тенденція — ниспроверженіе существующей религіи. Тогда онъ объявиль владівльцу, что онъ намъренъ предать вниги огню, но раньше предоставилъ ему требовать ихъ обратно законнымъ путемъ, обязуясь не принимать этого за обиду. Владълецъ обратился въ трибунамъ; трибуны направили его въ сенатъ. Въ сенатъ преторъ заявилъ свою готовность дать клятву въ томъ, что книги не подлежать чтенію и сохраненію; сенать постановиль, что готовность претора служить достаточнымь доказательствомь справедливости его словь, и что вниги какъ можно скорбе должны быть сожжены на вомицін, при чемъ владёльцу должна быть выдана сумма, вавую опредвлить преторъ съ большинствомъ трибуновъ. Владълецъ отъ этой суммы отказался; вниги же были сожжены на комиція всенародно". Такъ разсказываеть Ливій (40 гл. 29). Роль "найденныхъ" внигъ въ исторіи религій достаточно изв'ястна: всегда въ подобнаго рода случаяхъ имъется болъе или менъе ловкая подтасовка съ цёлью реформировать существующую религію. Отсюда ясно, что мы въ разсказанномъ случав должны видеть неудачную попытку религіозной реформы—а именно реформу въ духъ орфико-пиоагорическихъ таниствъ.

Ея неудача сломила силу ревнителей эллинизма, но съ другой стороны и патріоты-націоналисты были не въ силахъ упразднить то, что было результатомъ трехвъковой эволюціи римсков религіи. Греческіе культы остались въ Рим'в, насколько они быль пріобщены до окончанія второй пунической войны; а съ ними остались и тв чуждые первоначальной римской религіи элементы, воторые своимъ сосуществованіемъ съ исконными ділали невозможнымъ всякое яснее и разумное представление о сущности того, что признавалось предметомъ въры. Мы внаемъ, чъмъ были первоначальныя римскія божества — преломленія міровой Воли, допускающія безконечную дифференціацію и интеграцію, шарики ртути, при важдомъ ударъ разсыпающіеся въ болье мелвіе, но и могущіе быть собраны въ одинъ крупный, въ смыслів мірового актуальнаго пантеизма. А что такое греческія божества?--ярко очерченныя личности, бронзовыя статуи, которыхъ нельзя ни дробить, не кальча ихъ, ни сплавлять съ другими, не разрушая ихъ формы. А чёмъ были римскін божества конца республиканскаго періода? И темъ, и другимъ; это нелогично, неправдоподобно, почти-что невозможно - и темъ не мене это такъ. Это совивщение несовивстимаго имвло ближайшимъ последствиемъ то, что римляне потеряли склонность вдумываться въ содержаніе своей въры, т.-е. въ сущность своихъ божествъ, и сосредоточнив свое внимание на свое собственное къ нимъ отношение; это-то отношеніе и стало преимущественнымъ содержаніемъ того, что въ Римѣ литературной эпохи называлось religio. Полезно теперь же отмѣтить этотъ пунктъ; онъ сталъ впослѣдствіи характернымъ признакомъ римскаго христіанства въ отличіе отъ греческаго. Ученіе Христа, распространяемое въ объихъ половинахъ имперіи, было одинаково, но его развитіе пошло по различнымъ путямъ: у грековъ оно превратилось въ theologia, у римлянъ—въ religio.

Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить объ общемъ характерѣ римсвой религіи послѣ Катоновой реавціи, мы должны завести рѣчь объ одной новой силѣ, которая именно тогда стала проявлять свое вліяніе на нее, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Эта сила—греческая философія.

X.

Редигія Нумы, вавъ себъ ее представляли римляне, по справедливости можетъ считаться одной изъ самыхъ чистыхъ религій, вавія тольво знаетъ міръ, понимая слово "чистый" въ смыслъ свободы отъ постороннихъ примъсей. Посторонними же религіи примъсями должны считаться, во-первыхъ, художественное, вовторыхъ, философсвое начало.

Художественное начало пронивло въ римскую религію при первомъ же сближени Рима съ Греціей при посредничествъ эллинизованной Этруріи; оно стало распространяться въ ней темъ сильные, чымь непосредственные было это сближение, причемы роль Этруріи перешла сначала въ кампанскимъ Кумамъ, затъмъ въ Таренту и наконецъ въ собственной Греціи. Проникало же оно въ Римъ въ обоихъ своихъ главныхъ видахъ: съ одной стороны, поэтическія сказанія греческой мисологіи стали приноровляться въ римскимъ богамъ, благодаря замънъ греческаго имени латинскимъ; съ другой стороны, произведенія греческихъ ваятелей и живописцевъ, представлявшія греческихъ боговъ, благодаря той же подтасовев, были выдаваемы за изображенія римсвихъ "новосъдовъ" и даже "старожиловъ". Эти двъ струи были, однако, неодинаково сильны: вторая значительно глубже проникла въ римскую душу, чемъ первая. Причина этого различія заключалась, повидимому, въ томъ, что каналы, черезъ которые онъ протекали, были далево не одинавоваго достоинства. Греческая мисологія сдёлалась изв'єстна въ Рим'є въ первыя времена не въ ен эпической или трагической обработкъ --- ее мы встръчаемъ не раньше конца III въка, — а черезъ комедію, которая очень рано, черезъ Тарентъ и Кампанію проложила себъ путь въ Римъ. Что это значитъ, не трудно угадать; представимъ себъ человъка, который своимъ знакомствомъ съ сокровищницей греческой саги обязанъ "Прекрасной Еленъ"! Позднъе, когда римская трагедія принялась за работу и Римъ имълъ своихъ Корнеля и Расина — т.-е. Пакувія и Авція — для греческой миоологіи на римской почвъ настали лучшія времена; но первоначальная закваска была слишкомъ сильна, и красивые поэтическіе разсказы о богахъ и герояхъ такъ и остались для римлянъ игрой фантазіи, къ которой не слъдовало относиться серьезно.

Другое дело — ваяніе и живопись. Туть действіе было чистымъ, благотворнымъ и глубокимъ. Къ тому же оно было постояннымъ; всякій разъ, когда римлянинъ обращался къ божеству, передъ нимъ являлся за синимъ туманомъ жертвеннаго дыма. въ таинственномъ полумравъ храма, его величественный кумиръ, съ печатью въчнаго спокойствія и блаженства на преврасномъ недвижномъ лицъ. Съ такими представлениями душа быстро и прочно роднится; нивакая реакція не была въ состояніи отъучить римлянъ отъ потребности видеть своихъ боговь въ человъческомъ образъ. Совершенно напротивъ: второй въкъ былъ для Рима эпохой постоянныхъ войнъ; совровища побъжденныхъ, среди воторыхъ первое мъсто занимали статуи боговъ, свозились въ Римъ, ставились на форумъ и въ святыняхъ римскихъ боговъ-именно теперь антропоморфизмъ сталъ неизгладимой особенностью римсваго религіовнаго имшленія. Оно осталось тавовымъ и по принятіи христіанства. Можно свазать даже больше: въ этомъ отношении Римъ даже превзощелъ свою всегдащиюю учительницу и вдохновительницу Грецію; ивоноборческое движеніе, грозившее уничтожить религіовное искусство на Востові, было невозможно на Западъ. Впрочемъ, не слъдуетъ увлекаться: если ивоноборство не нашло себъ почвы въ Римъ, то не потому, чтобы въ немъ художественныя потребности были сильнее, а потому, что въ немъ главная двигательная сила иконоборства была значительно слабъе-именно философія.

Пока Римъ подготовлялъ и осуществлялъ свою главную задачу, покореніе міра силою оружія, Греція стремилась къ той же цёли путемъ напряженной работы мысли. Ея пытливый взоръ старался пронивнуть черезъ "пылающія стёны вселенной" въ въчную обитель боговъ; "самыя высокія и самыя дерзкія мысли о божествъ, — говоритъ Роде, — были передуманы въ Грецін". Единаго, согласнаго ръшенія велькой задачи не было и быть

не могло; всякая швола имъла свои "догматы" — здъсь это слово встрвчается впервые въ довольно безобидномъ значеніи, - не всегда даже последовательные, такъ какъ здёсь болёе чёмъ гдёлябо разумъ испытываетъ постоянное, настойчивое давленіе чувства. Но, оставляя въ сторонъ безвредную философскую археологію, можно сказать, что три направленія им'яли вліяніе на Римъ-эпикурейское, стоическое, академическое. Изъ нихъ академическое стало достояніемъ немногихъ избранныхъ умовъ, эпикурейское не столько вліяло на віру, сколько давало пищу безвірію; философіей вірующей интеллигенціи быль стоицизмъ. Правда, религіозная система стоицивма была не лишена противорвчій, вызванных его компромиссами съ народной религіей; такъ, онъ предписывалъ поклоняться роднымъ богамъ, самъ не вная хорошенько почему, но его сущность заключалась въ идей одухотворенности природы и, следовательно, въ идей божества вакъ души міра, но души сознательной, устроивающей къ лучшему земныя дёла и особенно пекущейся о людяхъ. Будучи одухотворенъ въ целомъ, міръ одухотворенъ также и во всехъ своихъ частихъ; представление о единомъ божествъ -- душъ міра -не исключаеть представленія о низшихь, такъ сказать, частичныхъ божествахъ, а, напротивъ, предполагаетъ его.

Сравнимъ теперь это стоическое учение съ исконной идеей римской религіи, охарактеризованной въ первыхъ главахъ; сколько туть сходства! Какь легко, казалось, было этимь двумь умственнымъ величинамъ понять другъ друга и слиться во едино! Стоициямъ довершалъ то, что въ римской религіи было лишь подготовлено ея стремленіемъ въ интеграціи: признавая Цереру, Вулвана, Сильвана, Фонта, онъ въ то же время интегрировалъ ихъ въ высшей единицъ-душъ міра. И вто знастъ-еслибы не трехвыковое дыйствіе художественной струи, быть можеть, Римь, не жертвуя вившней стороной своей обрядности, приняль бы стоициямъ какъ внутреннее толкование своей религи, доступное всякому и ни для кого не обязательное. Но греческій антропоморфизмъ стоялъ непреодолимой преградой между религіей и философіей; Церера не могла раствориться въ душ'в міра, такъ какъ она успъла окоченъть въ томъ греческомъ изваянии, которое стовло въ храмѣ Cereris Liberi Liberae, и всѣ себѣ ее именно такъ представляли. Для борьбы съ этимъ представленіемъ требовалась сила боле внушительная, чемъ мягкій голось греческой философін; а пока результатомъ философскаго движенія было только увеличение всеобщей путаницы. Римская интеллигенція въ лицъ лучшихъ своихъ членовъ допускала троякую религію. Первой была религія гражданская, обнимавшая совокупность привнанныхъ и покровительствуемыхъ государствомъ культовъ; эта религін была обязательна для каждаго гражданина, поскольку онъ былъ гражданинъ. Вторан была религія поэтическая, обинмавшая совокупность греческихъ миноовъ о богахъ и герояхъ; эта религія ни для вого обязательна не была, зато всявому предоставлялось не только любоваться ея красотой на сцень или на барельефахъ и фрескахъ роскошныхъ римскихъ дворцовъ, но и подвергать ее аллегорическому толкованию и сблежать такимъ образомъ съ третьей. Этой третьей была религи философская; она была достояніемъ немногихъ и частнымъ діломъ каждаго изъ нихъ... мы сказали бы: дёломъ его совёсти.-Прежде чемъ поговорить о недостаткахъ этого воззрения, оттенимъ надлежащимъ образомъ его хорошую сторону; она обывновенно забывается, а между твиъ именно намъ надлежало бы о ней помнить.

Эта хорошая сторона ваключается въ глубокомъ религіозномъ миръ, который внушала эта эпоха и которому вскоръ суждено было оставить вемлю навсегда. Какъ видно изъ данной характеристиви, римское государство было объединено религіей, вавъ и всв государства древности, по это единство было поставлено внъ всякой зависимости отъ религіознаго исповъданія каждаго гражданина (таковое было его личнымъ дёломъ) и имёло своимъ символомъ внёшніе обряды, вполнё безобидные, которымъ можно было придавать вавой угодно смыслъ, а по желанію---и не придавать нивакого. Въ этомъ положении делъ не было ничего стеснительнаго даже для самой чуткой совести; было бы очевь странно соваться со своей совъстью туда, гдъ никто и ничто ся участія не требоваль. И дъйствительно, мы ничего не слышимь о религіозныхъ конфликтахъ въ эту эпоху, хотя во всемъ остальномъ умственная жизнь по своей оживленности не оставляла желать ничего лучшаго; римская гражданская религія многить не удовлетворяла, но зато никого не стъсняла.

Многихъ не удовлетворяла... Да, и это, конечно, не говоритъ въ ен пользу. Она предписывала гражданину исполнене внёшнихъ обрядовъ и въ замёнъ этого объщала ему — расем deогит... приблизительно такъ же, какъ римскіе союзники исполненіемъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Риму обезпечивали себъ — расем Romanam. Прекрасно; но въ чемъ же сказывалась эта рах deorum? Подумаемъ немного, что значитъ въ славословіи ангеловъ: "in terra рах hominibus bonae voluntatis"? Что значитъ привътъ Христовыхъ учениковъ: "рах huic domui"?

Повидимому - очень и очень многое, смотря по индивидуальности върующаго. Для возвышенныхъ натуръ рах deorum будетъ заключаться въ чувствъ мистического единенія съ божествомъ, томъ чувствъ, христіанскимъ выраженіемъ котораго быль бы знакомый намъ смиренно-гордый девизъ: "царствіе Божіе во мив". Удовлетворяли ли римскіе обряды этому требованію? До нікоторой степени -- да; но гораздо лучше имъ удовлетворяли греческія и иныя мистеріи, которыя и манили къ себъ, поэтому, жаждущія божьяго мира сердца. — Для менте идеальныхъ, но все же и не погразшихъ въ полномъ матеріализмъ натуръ, рах deorum сводилась въ обезпеченію себѣ лучшей участи въ загробной жизни. И вотъ тутъ-то сказывалась несостоятельность римсвой религіи: о загробной жизни она ничего не говорила; обряды родительской недёли знали только упырей, которыхъ надлежало кормить; участь всёхъ въ этомъ призрачномъ существованіи была одинаково безотрадна. Кто этимъ не довольствовался, тотъ долженъ быль исвать спасенія либо въ философской религін, либо въ греческихъ мистеріяхъ, особенно въ орфическихъ, этихъ главныхъ разсадникахъ идеи безсмертія души. — Навонецъ, низменныя натуры понимали расет deorum въ самомъ матеріальномъ смыслів внівшняго благополучія, ниспосылаемаго богами ихъ почитателямъ взамбиъ точнаго исполненія предписанныхъ церемоній; эта въра была самой распространенной и неопровержимой, такъ какъ самое въское возражение противъ нея-несчастье благочестивыхъ - всегда легко могло быть устранено предположениемъ какого-нибудь упущения со стороны потерпъвшаго, имъ самимъ незамъченнаго или позабытаго. Ратуя противъ чужеземныхъ обрядовъ и мистерій, римская реавція, сама того не сознаван, работала въ пользу этого третьяго, санаго низменнаго толкованія: естественнымъ результатомъ ея политиви было усиленіе религіознаго матеріализма въ последнемъ въвъ римской республики. Сосредоточение царства боговъ на землъ повело въ тому, что въ самой религи стала прилагаться иврка пригодности внутри предвловъ земной жизни человвка; это неутвшительное явленіе имвло двв стороны, изъ которыхъ одна давала себя знать въ отношеніяхъ въ богамъ народа, друган -правящихъ плассовъ.

Тамъ дёло обстояло очень просто: такъ какъ отъ боговъ требовалось почти одно вемное благополучіе, то и предметомъ почитанія были преимущественно ті, которые считались его дарователями. Ихъ было много для многихъ, смотря по роду дівтельности каждаго, но одинъ для всібхъ; это — тотъ, или,

върнъе, та, въ чьихъ рукахъ непредусмотримыя и непредотвратимыя случайности, способствующія или мізшающія дівствію другихъ боговъ, -- Фортуна. Фортуна была въ Римъ хотя и "новосъдкой", но все-же довольно древней богиней; ен превращеніе изъ первоначальной попровительницы плодородія нивъ и женсвой плодовитости въ богиню счастья принадлежить гораздо болъе позднему времени. Теперь то старинное значение было забыто, а въ новомъ она получила такое распространеніе, что грозила растворить въ себъ всъхъ прочихъ боговъ. Почитали Фортуну разныхъ моментовъ жизни, Фортуну частныхъ лицъ, Фортуну родовъ, Фортуну коллегій, Фортуну ремеслъ и другихъ видовъ двятельности, Фортуну городовъ, Фортуну римскаго народа; -- стремленія римской религін въ интеграціи, постоянно тормовимыя въ другихъ ихъ образахъ, вдёсь, казалось, могли себв наконецъ найти удовлетвореніе. Следовало только найти Фортуну еще болве общую, чвиъ последняя изъ названныхъ, Фортуну человъчества, или, еще лучше, Фортуну міра-и искомое всеобъемлющее божество было бы найдено, такое, какого требовалъ римскій духъ, единое во многомъ и многое во единомъ... Следуеть ли печалиться о томъ, что этого не случилось? Нетъ, върное своему происхожденію, всеобъемлющее божество сохранило бы нивменный, матеріалистическій духъ отдёльныхъ своихъ проявленій; спасти страждущій міръ религія Фортуны не могла.

Иная сторона этого низведенія парства боговъ на землю усматривается въ религіозности правящихъ влассовъ; ваваяэто видно будетъ изъ следующаго, высоко-интереснаго по содержанію и по откровенности отрывка, заимствованнаго нами изъ внигъ Цицерона "О завонахъ" (I, § 30). Не забудемъ, что въ этомъ сочинении Цицеронъ пытается дать Риму идеальную религіозную конституцію, одухотворяя "законы Нумы" стонческой философіей; утвердивъ на всв времена римскіе наституты повтификовъ, авгуровъ и др., онъ отвывается о нихъ такъ: "То, о чемъ я говорю, относится не въ одной только религіи, но и во всей государственной жизни; смыслъ сказаннаго въдь тотъ, что государство нивогда не можетъ обойтись безъ авторитетнаго н просвещеннаго руководительства знати". Развивъ это на отдельныхъ жречествахъ, онъ продолжаетъ: "Но самое высокое и выдающееся положение по предоставленнымъ имъ неразрывно связаннымъ съ ихъ дичнымъ авторитетомъ, занимають въ государствъ авгуры. Въ самомъ дълъ, - чтобъ остановиться на правахъ-можно ли представить себъ большее могущество, чёмъ то, въ силу котораго мы распускаемъ народныя собранія, созванныя облеченными высшей властью лицами, и объявляемъ ихъ постановленія недійствительными? въсну котораго начатое діло не можетъ быть продолжаемо, если одинъ только авгуръ скажетъ: "въ другой день!"? въ силу котораго мы постановляемъ чтобы консулы сложили съ себя магистратуру? въ силу котораго мы даемъ представителямъ власти право вносить свои предложенія въ народныя собранія—или не даемъ его, упраздняемъ законы, проведенныя неправильно, подчиняемъ своему авторитету все, что только творится магистратами и въ военной, и въ гражданской сферів ихъ власти?"—Какъ видно отсюда, вершители римской религіи еще тогда, когда писалъ Цицеронъ, присвоили себів, кромів духовнаго, еще и світскій мечъ; это стремленіе осталось характерной ел особенностью на всів времена. Было ли это хорошо, или дурно? Не знаемъ; знаемъ только, что это было послівдовательно.

XI.

Концу римской республики предшествовало то тревожное состояніе, которое мы вкратці охарактеризовали выше, въ конці VII главы — ожиданіе не то гибели, не то возрожденія города Рима, этой возрожденной Трои, этого наследника ен славы и ен несчастій. Въ эти годы б'ёдствій римская религія опять, какъ и въ эпоху второй пунической войны, оказалась неспособной утвшить горюющихъ и поднять малодушныхъ; а такъ какъ теперь, въ отличіе отъ только-что названной эпохи, ревнивые послёдователи Катона старательно оберегали ее отъ всяваго постороннаго воздействія, то она пришла въ упадокъ. Жречества, поскольку они не были политическаго характера, оставались вакантными, за неимъніемъ върующихъ лицъ, согласныхъ подвергаться сопряженнымъ съ ними тяготамъ и стесненіямъ; храмы, за неимъніемъ денегь для ихъ ремонта, обрушивались; даже боги вабывались до такой степени, что ученый Варронъ, въ своихъ "Сакральныхъ древностяхъ", долженъ былъ раздёлить римскій пантеонъ на "боговъ извёстныхъ" и "боговъ неизвёстныхъ" (di incerti), разумън подъ послъдними тъхъ, о воторыхъ онъ ничего опредъленнаго узнать не могъ. Послъднее твореніе римсвой религіозной мысли, Фортуна, отнимало воздухъ и влагу у остальныхъ, не исключая и почтенныхъ "старожиловъ", и они гложи, не находя повлоннивовъ олицетворяемымъ ими идеямъ.

Когда минуло ровно десять "въковъ" — согласно римскому

счисленію въ "въкъ" (saeculum) было сто-десять, годовъ-со времени разрушенія древней Трои, Риму угрожаль Сулла; съ этою самаго года, по странной прихоти судьбы, удары сыпались одинъ за другимъ, со строгимъ соблюденіемъ десятилътнихъ промежутковъ. Въ 83 г., сгоралъ капитолійскій храмъ, символь в залогъ римской державы; въ 73 г., Веста была оскорблена знаменіемъ такимъ же, какъ и то, противъ котораго въ Аннибалову войну искали помощи въ Дельфахъ; въ 63 г., заговоръ Катиливи грозилъ гибелью государству — ръчи Циперона, его страхъ в торжество только и понятны на мрачномъ фонъ этихъ чаяній близваго вонца державнаго города; въ 53 г., римскіе легіоны погибли въ сирійскихъ пустыняхъ подъ стрелами страшныхъ отнынъ пареянъ; въ 43 г., сама республика рушилась, и на ея развалинахъ возсталъ предтеча имперіи въ лицъ тріумвирата. Именно тогда были увърены въ неминуемой гибели; но она не наступила; следующій срокъ ничего страшнаго съ собой не принесъ, и вскоръ затъмъ самый умный и дальновидный изъ тріумвировъ, позднайшій императоръ Августъ, разбилъ посладняго своего врага и вновь обезпечиль своему государству миръ людей и боговъ на долгое время.

Итакъ, не было гибели, было воврожденіе; какова же была религія возрожденнаго Рима?

Она была во всёхъ трехъ опредёлившихся до сихъ поръ направленіяхъ—національномъ, греческомъ и восточномъ—прогрессомъ въ сравненіи съ республиканской; но такъ какъ эти три направленія были несогласуемы между собою, то и теперь ничего единаго не получилось, и запутанность религіозной проблемы только увеличилась. Винить въ происшедшемъ основателя новаго режима нельзя; путемъ своихъ религіозныхъ реформъ онъ непосредственно двинулъ римскую религію въ одномъ только направленіи, въ другомъ—лишь допустилъ ея движеніе, движенію же въ третьемъ оказался не въ силахъ сопротивляться.

Двинуль онъ ее впередъ въ томъ направленіи, которое мы вкратив называемъ греческимъ. Оно было въ загонъ со времени религіозной реакціи Катона Старшаго; а такъ какъ партія религіозной реакціи была въ то же время и республиканской партіей, то было ясно, что императору въ ея рядахъ мъста быть не могло. Его роль въ религіозномъ вопросъ была совершенно аналогична съ той, которую ему пришлось исполнять по отношенію къ литературному спору: тамъ онъ уже по политическимъ разсчетамъ долженъ былъ поддерживать новоклассическихъ поэтовъ, съ Виргиліемъ во главъ, противъ архаистовъ — поклонни-

вовь республиванской поэзіи: то же самое и здісь. Къ тому же домъ Юліевъ своимъ возвышеніемъ въ значительной степени быль обязань Сивиллы и легенды о его происхождении отъ троянца Энея; понятно, что троянскій богъ сталъ главнымъ богомъповровителемъ новой династін. Августъ выстроилъ Аполлону роскошный храмъ на Палатинскомъ холмъ, до того роскошный, то Палатинскій Аполлонъ сталь счастливымь соперникомъ Капетолійскаго Юпитера; мало того, онъ велёль перенести въ этотъ новый храмъ Сивиллины вниги, хранившіяся до тёхъ поръ въ Капитолів, и этимъ какъ бы уничтожилъ символическую зависимость греческого Пантеона оть главного національно-римсваго божества. Къ тому же, Августъ состояль членомъ воллегін sacrorum, этой высшей инстанціи по инороднымъ культамъ, значительно раньше, чъмъ приналъ санъ верховнаго понтифика, и этимъ самымъ долженъ былъ болъе сблизиться съ греческимъ, тыть съ національнымъ направленіемъ римской религіи.—Впрочемъ, нельзя не замътить, что это положение дълъ не пережило первой династіи императоровъ, т. е. Юліевъ и Клавдіевъ; съ воцареніемъ Флавіевъ, Палатинскій Аполлонъ тернетъ свое обанніе, вапитолійской тронцъ возвращается ея прежнее главенство въ оффиціальномъ богопочитаніи. Оно и понятно: тв императоры не были связаны узами родства съ троянсвими царями, для нихъ Эней и Сивилла ничего не сдълали. А съ ослабленіемъ греческаго направленія усиливается значеніе обоихъ другихъ — напіональнаго и восточнаго.

Конечно, и Августомъ много было сделано въ духв національной религи: онъ возстановиль развалившеся храмы національныхъ боговъ; онъ заботился о томъ, чтобы стеснительныя жречества, завъщанныя предками, опять имъли достойныхъ представителей. Но въ этомъ не было еще прогресса; прогрессъ завлючался не въ томъ, что Августъ сознательно вводилъ, а въ томъ, что онъ только допустилъ. Мы видели выше (гл. VI), кавъ старинная римская религія, посл'в того вавъ ея главныя божества подверглись процессу эллинизаціи, нашла себ'в возм'вщеніе въ обоготвореніи ихъ качествъ, по отношенію къ которымь она могла свободно примънять свои двъ творческія силы, дифференціацію и интеграцію; будеть умівстно привести вторично слова, которыми мы тогда закончили характеристику этого явленія: было безразлично, сольются ли обоготворенныя добродѣтели въ одну высшую единицу-идею добра или же сгруппируются вокругь всеобъемлющаго божества, которое будеть сделано носителемъ ихъ всёхъ. Первый путь не привелъ въ требуемой цёли: вмёсто идеи добра, религія римской республики создала идею Фортуны, которая могла затмить обоготворенныя добродётели, но не соединить ихъ въ себё. Религія римской имперів избрала второй путь; найти его помогла исконная особенность римской религіи, не забытая за все время ея существованія.

Читатель не забыль, что такое, согласно возвръніямь первоначальной эпохи, представляеть собою ченій. Это — живущая въ важдомъ изъ насъ и проявляющаяся въ нашей индивидуальной воль частица божества, тотъ богъ, котораго имвемъ въ виду иногда и мы, вогда говоримъ: "счастливъ твой богъ"! Будучи богомъ, этотъ геній требоваль себъ поклоненія; да, но отъ кого? Отъ того, на кого распространялась воля даннаго лица, оть людей ему подневольныхъ: такъ, въ римскихъ домахъ геній хозяина быль предметомь повлоненія для домочадцевь, особенно для рабовъ. Въ силу стремленія римлянъ въ интеграціи и всявая коллективная воля представлялась воплощенной въ особомъ воллективномъ геніи: были геніи родовъ, коллегій, наконецъ, высшая единица-геній римскаго народа. По этому пути прогрессъ быль возможенъ: геній римскаго народа — впредь до созданія генія человичества -- могь стать тымь всеобъемлющимь божествомь, вовругъ котораго могли группироваться обоготворенныя добродътели оставленныхъ и позабытыхъ старинныхъ боговъ. Конкурренція Фортуны испортила все: ставъ, какъ мы видъли выше, непосредственнымъ объектомъ интеграціи, она лишила ее того этическаго характера, который быль намачень въ началь; въ носительници добродътелей Фортуна не годилась. Нетъ, --- но можно было инымъ путемъ достигнуть той же цъли. Если индивидуальный геній, будучи богомъ, могъ требовать себъ поклоненія отъ тъхъ, на кого распространялась воля даннаго индивидуума, то было несомнвино, что чений императора должень быль быть предметомъ почитанія для всёхъ подданныхъ. Это не было обоготвореніемъ человъка на восточный манеръ; поклонялись въдь не императору, а его генію, совершенно согласно съ воззрѣніями республикансвой эпохи; Римъ настолько быль пронивнуть духомъ юриспруденціи съ ея тонкими опредъленіями и дистинкціями, что это различіе, при всей своей субтильности, было ему вполнъ понятно. Итавъ, геній царствующаго императора заняль мёсто генія римскаго народа, подобно тому, какъ его державная воля замънила собой коллективную волю собиравшихся на форумъ или на Марсовомъ полъ ввиритовъ. Смыслъ происшедшей перемъны хорошо уловили авторы реформы римскаго городского управленія, въ 7-омъ году до Р. Х.: по ихъ распоряжению, въ часовняхъ такъназываемых lares compitales (т.-е. участвовых геніевъ) между обоими ларами было поставлено изображеніе генія императора. "Этимъ, — справедливо замічаетъ Виссова (стр. 70), — было дано понять Риму, а вслідт затімъ и другимъ городамъ Италіи и имперіи, что оффиціальная религія гражданъ должна отныні иміть своимъ центромъ почитаніе генія Августа точно такъ же, вакъ домашній культъ иміть своимъ центромъ почитаніе генія домохозяина".

Да и это было преврасно понято; культь генія Августа-"Августомъ" же былъ каждый царствующій императоръ-оказался прекраснымъ центромъ для раздробленныхъ элементовъ римской религіи. Наиболье простымь и естественнымь образомь состоялась централизація обоготворенныхъ доброд'ятелей: тавъ какъ в'ярноподданническій долгь повельваль считать императора носителемь всьхъ добродътелей, то стали появляться алтари и храмы, посвященные Virtuti Augustae, Pietati Augustae, Clementiae Augustae и т. д. Коллективное божество последнихъ временъ республики -Фортуна-было этимъ совершенно затемнено: не будучи въ состояніи бороться съ новой силой, она предпочла сама въ ней присоединиться и стала предметомъ повлоненія подъ именемъ Fortuna Augusta. Кръпче держались эллинизованные боги; но и они вполнъ устоять не могли. Эпитеть Augustus или Augusta такъ удобно уживался съ именемъ любого бога или богини! Отчего не посвящать часовенъ и жертвенниковъ Mercurio Augusto, Junoni Augustae и другимъ? Конечно, еслибы спросить повлоннивовъ этихъ новыхъ божествъ, что собственно они разумёли подъ этими странными сочетаніями, то они бы затрудниянсь дать опредъленный отвёть. Кто такой Mercurius Augustus? Есть ли это геній императора, посвольку его вачества сближають его съ Меркуріемъ? Или это Меркурій, поскольку онъ покровительствуетъ императору? Или, согласно одной одъ Горація (І, 2), это Меркурій, воплотившійся въ земномъ образв императора? Ни то, ни другое, ни третье: ошибочно поступаетъ тотъ, вто въ объевты религіи вносить определенныя представленія, вийсто неопределенныхъ по своей природъ чувствъ. Нътъ, римляне просто хотъли совивстить традиціонное чувство привязанности въ поблевшимъ богамъ отцовъ со все возростающимъ и връпнущимъ чувствомъ благоговънія въ новому центральному божеству, генію императора; выразителемъ этого двойственнаго чувства и было двойственное имя Меркурія-Августа и подобныхъ ему. Здёсь важна ниенно сама потребность совмъщенія: послъ того вакъ качества боговъ, обособленныя и олицетворенныя, были перенесены на

Digitized by Google

императора, богамъ оставалось только слѣдовать ихъ примѣру. Такъ-то римская религія въ своемъ національномъ направленів вела къ признанію единаго коллективнаго божества, совмѣщающаго въ себѣ всѣхъ боговъ, которымъ поклонялись до тѣхъ поръ; такимъ божествомъ собирался стать геній императора.

Извёстно, что этого не случилось; мы знаемъ также и то, что помёшало осуществленю такой чудовищной идеи. Все же полезно будетъ отмётить то представленіе, которое было ядромъ новой религіи, и, поэтому, пережило ее, вошедши въ составъ ея побёдоносной религіи-наслёдницы. Это—представленіе о богочеловъкъ. "Тэоантропизмъ" свойственъ религіямъ индо-европейскихъ племенъ, въ отличіе отъ тэократическихъ религій семитовъ—это показалъ извёстный знатовъ религіозной исторіи, скончавшійся не такъ давно Тиле, — но въ противоположность къ яркому тэоантропизму грековъ съ ихъ основнымъ догматомъ.

Геній императора быль воллективнымь, всеобъемлющимь божествомь, и при всемь томь божествомь тэоантропическимь. Шировое распространеніе его культа пріучило всё слои населенія римской имперіи представлять себё своего высшаго бога какь богочеловівка; это представленіе и было удержано Римомь на всё времена, причемь онъ удовольствовался самимь фактомь богочеловічества, предоставляя своей старшей и ученой сестрів— Греціи— размышлять и спорить объ его философско-богословской концепціи.

• Культъ генія императора быль, однако, не единственнымъ плодомъ національнаго направленія римской религіи въ императорскую эпоху: вторымъ, хотя и менъе важнымъ, былъ культъ такъ-называемыхъ divorum, т.-е. обоготворенныхъ умершихъ императоровъ. Въ сущности, это обоготвореніе мертвыхъ не было исвонно-римской чертой: подобно Израилю, и Римъ представлялъ себъ обитель душъ послъ смерти какъ равный для всъхъ, безформенный и неутъщительный шеолъ. Его вдохновительницей явилась и туть смёлая, восторженная Греція въ лиців своей миоологін и своей философів; греческая миноологія навизала Риму чуждое ему первоначально представление объ обоготворении Ромула подъ именемъ Квирина - представление довольно двкое, если вспомнить, что Ромулъ и Квиринъ были первоначально геніями двухъ отдъльныхъ общинъ, латинской и сабинской, или (что одно и то же) палатинской и квиринальской; греческая же философія поставила ученіе о бевсмертін душъ и блаженствъ добрыхъ на прочную научную почву. Особенно ревностнымъ распространителемъ этого ученія быль Циперонь; мы можемь себь представить, съ вакимь

интересомъ многотысячная толпа его слушателей внимала его словамъ, когда онъ развивалъ ей мысли въ родъ слъдующихъ: "Или вы думаете, что, разбивая несмътныя полчища враговъ, освобождан государство отъ ихъ нашествія, Марій допусваль мысль, что все его существо погибнеть вывств съ его твломъ? Нътъ, ввириты; мы всъ, славно и доблестно подвизающіеся на опасномъ государственномъ поприщъ, радостно предвиушаемъ въ своей надеждь загробную жизнь" (Pro C. Rabirio p. r. § 29). Ее же онъ иллюстрироваль въ своемъ знаменитомъ "Снв Сципіона", которымъ вдохновлялся Данте, описывая блаженство добрыхъ въ заоблачныхъ сферахъ рая; ее, наконецъ, онъ, коротко и внушительно выразиль въ следующемъ афоризме своихъ, уже нъсколько разъ упомянутыхъ внигъ "О законахъ": Omnium animos immortales esse, sed fortium bonorumque divinos (II, § 27). Karb видно отсюда, да и изъ многихъ другихъ мъстъ, изъ числа всъхъ умершихъ, души коихъ одинаково безсмертны, выдъляется ограниченное число "добрыхъ", которымъ приписывается божественность. Кто же производить этоть выборь? Быть можеть-боги; быть можеть, сама природа вещей (т.е. души добрыхъ ipso jure, такъ сказать, вступають въ число боговъ); можно привести соображенія въ пользу объихъ возможностей. Но это касается самихъ боговъ и кандидатовъ въ таковые; помимо ихъ, однако, и смертнымъ важно было знать, кто именно изъ добрыхъ послъ своей смерти стадъ богомъ, чтобы воздавать ему соответственныя почести; гдт же источникъ этого знанія? Да тамъ же, гдт источникъ всякаго знанія о богахъ: въ нашемъ чувстві. Ваше сердце вамъ говоритъ, что вашъ умершій родственнивъ или другъ сталь богомъ-ну, и почитайте его какъ такового: никто вамъ не помѣшаеть. Такъ Цицеронъ воздавалъ божескія почести своей нъжно любимой дочери Тулліи послъ ея безвременной смерти; государство въ это не вмъшивалось. - Но вавъ быть, если умираль веливій въ государствів мужь, заслуги котораго касались не одной только его семьи, а всего Рима? По отношенію къ нему государство находилось въ такомъ же положении, какъ и по отношеню къ иностраннымъ богамъ: его признаніе или непризнаніе государственнымъ божествомъ завистло отъ куріи. На этомъ возэрвніи быль основань обычай "консекраціи" умершихъ ниператоровъ: новый правитель, бывшій въ то же время и верховнымъ понтификомъ, предлагалъ сенату признать своего предшественника "божественнымъ" (divus), сенатъ постановлялъ соотвътственное ръшеніе, и новопризнанный богъ получаль культь и жрецовъ. Это не значило, разумвется, что сенать производилъ

умершаго императора въ боги — богомъ онъ былъ независимо отъ него, ему опредёлялось только почитаніе. Но не трудно понять, что во мнёніи народа и то, и другое, совпадало: результатомъ консекраціи должно было явиться воззрёніе, что отъ рёшенія куріи зависить введеніе консекрируемаго въ число боговъ или оставленіе его въ числё прочихъ безсмертныхъ душъ. Это воззрёніе тоже пережило культъ умершихъ императоровъ и языческую вёру вообще.

Но съ почитаніемъ divorum было связано еще одно представленіе, сильно дъйствовавшее на чувство и способное породить въ фантазіи вёрующихъ много плёнительныхъ картинъ. Я разумбю тв случан, когда новый императоръ, благодаря консевраціи своего предшественника, получаль возможность называть себя divi filius, "сыномъ бога" — все равно, по врови или по усыновленію. Въ этихъ случаяхъ-а они не были різдкостьюбогъ-отецъ предполагался слёдящимъ съ заоблачныхъ высотъ за вемной жизнью своего сына и готовящимъ ему, по его уходъ ивъ числа смертныхъ, мъсто ридомъ съ собой въ небесахъ; богъотецъ наслаждается вёчнымъ блаженствомъ далеко въ голубомъ эопръ; его сынъ, въ ожидании такой же участи, продолжаетъ его дъло на подвластной ему вемлъ. Это представление о небесномъ богв-отцв и его ждущемъ обоготворенія сынв, правитель земли, воспресило другое, родственное представленіе, привадлежавшее въ самымъ древнимъ элементамъ греческой мисологів: давъ точно нъкогда Гераклъ, сынъ Зевса, умиротворялъ землю, между темъ какъ его божественный отецъ Зевсъ хранилъ его съ небесныхъ высотъ, готовя ему после его смерти место рядомъ съ собой за трапезой боговъ. Сравненіе царствующаю императора съ Геравломъ, вавъ сыномъ бога, стало поэтому довольно популярнымъ въ Римъ; особенно злоупотреблялъ ниъ, вавъ извъстно, сынъ "божественнаго Марка", императоръ Коммодъ... Стоитъ ли напоминать о томъ, что и это представленіепредставление о богв-отцв и его божественномъ, подвизающемся на землъ сынъ-пережило паденіе римской языческой религів и, очищенное отъ своихъ мірскихъ примъсей, перешло въ новую въру, возродившую Римъ?

А теперь, прежде чёмъ покончить съ развитіемъ римской религіи въ національномъ направленіи, намъ осталось упомянуть еще объ одной ея особенносты, важной для дальнёйшихъ временъ. Мы видёли, что уже къ концу республики обнаруживается стремленіе подчинить свётскую власть духовной, магистратуру—жречеству. Въ эпоху имперіи это стремленіе какъ бы прекра-

щается; но происходить это оттого, что высшая свётская и высшая духовная власть совмёщаются однимь и тёмъ же лицомъ, воторое было въ то же время и императоромъ, и верховнымъ понтификомъ. Передъ нами повтореніе того, что было уже разъ действительностью въ царскій періодъ. Тогда царь быль въ то же время и высшимъ жрепомъ своего народа, посреднивомъ между нимъ и богами. Съ изгнаніемъ царей духовная власть отдёлилась отъ свётской, но въ то же время, какъ только-что было свазано, -- въ лицъ понтификата и авгурата -- сохранила стремленіе вновь соединиться съ нею, подчиняя ее себъ своимъ духовнымъ оружіемъ, тэмъ благословеніемъ боговъ, хранительницей котораго она была и распоряжаться которымъ могла по своему произволу. Теперь, повторяю, происходить вторичное сліяніе объихъ властей, сліяніе, при воторомъ духовная власть вполнъ сживается съ мыслью, что свътская должна находиться въ ея распоряженіи; когда, поэтому, послів принятія христіанства, духовная власть снова отдёляется отъ свётской и сосредоточивается въ особъ римскаго епископа, между тъмъ какъ императоры принуждены пожертвовать наслёдственнымъ титуломъ верховныхъ понтификовъ - повторяется то же явленіе, что и при республикъ. Необходимый по римскимъ понятіямъ перевъсъ духовной власти надъ севтской находить себв выражение отчасти въ образованіи особаго, непосредственно подчиненнаго римскому еписвопу государства, отчасти же и главнымъ образомъ въ томъ подчинени, въ которомъ у него находятся-или, по крайней жъръ, должны находиться - представители свътской власти въ объединенномъ единствомъ религіи міръ. Мы не ставимъ здъсь вопроса, насколько такое воззрвніе было справедливо или несправедливо, хорошо или дурно; вто внимательно проследилъ развитіе римской религіи въ исторіи римскаго государства, тотъ долженъ будетъ согласиться съ твиъ, что оно было необходимо.

До сихъ поръ мы имъли въ виду, согласно сказанному много разъ, національное направленіе въ развитіи римской религіи; мы видъли, въ какимъ замъчательнымъ новообразованіямъ повело исконно-римское стремленіе въ интеграціи на почвъ императорскаго Рима, и въ то же время отмътили тъ пункты, въ которыхъ она пошла на встръчу требованіямъ будущей религіи міра. Остается сдълать то же самое для третьяго направленія, восточнаго, этого главнаго врага римскихъ націоналистовъ, съ которимъ они вели такую продолжительную и упорную, но при всемъ томъ безуспъшную борьбу.

Причина этой бевуспъшности заключается въ томъ, что вос-

точныя божества, нашедшія себ'в дорогу въ Римъ, какъ нельзя лучше удовлетворяли стремленіе римской религіи въ интеграція н въ то же время вносили въ нее много такого, чего она отъ себя дать не могла. Вспомнимъ Великую Матерь-боговъ, первое восточное божество, воторое, подъ личиной греческой богини, проскользнуло въ Римъ: уже самое ими "Матерь-боговъ" выставляеть ее коллективнымь божествомь, а ея культь, отчасти восторженный, отчасти отвратительный, но всегда живо действующій на воображеніе, привлекаль къ себъ толпу въ гораздо большей мёрё, чёмъ юридически щепетильный ритуалъ боговъ Нумы и даже ласковая красота греческихъ новоседовъ и новосъдокъ. Человъвъ былъ тогда уже не тотъ, что при Фабриціъ и Сципіонахъ: онъ обращался въ богамъ не за однимъ только земнымъ благополучіемъ и даже не за однимъ только обезпеченіемъ лучшей участи послів смерти. Этическое движеніе оставило свои слёды въ народной душе: чувство нравственной зависимости отъ божества, нравственнаго отношенія въ нему, брало верхъ, а его последствиемъ было сознание своей греховности, отъ котораго искали спасенія въ символическихъ обрядахъ, въ таниственныхъ очищеніяхъ, въ асвезѣ, доходившемъ иногда до самоистяванія и самоув'яченія. Вотъ этой-то потребности шли на встрічу восточные вульты; положимъ, страждущія души могль себъ находить усповоение и въ греческихъ мистерияхъ, но восточный символизмъ быль много ревче и грубе греческаго в поэтому болье привлеваль римскую толпу, не говоря уже о томъ, что греческіе боги, вследствіе своей яркой нидивидуализацін, шля въ разрёзъ, чемъ далее, темъ более, съ много разъ подчеркнутой интеграціонной силой римской религіи.

Великая Матерь-боговь была не единственнымъ даромъ востока римской религи: второй гостьей была египетская Изида, эллинизованная благодаря двухвѣковой греческой культурѣ Птолемеевъ въ Александріи. Тщетно съ нею боролись римскія власти въ послѣднее столѣтіе республики: притѣсненія и гоненія, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи религій, только увеличим ея обаяніе. Новый приливъ восточныхъ божествъ былъ послѣдствіемъ похода Помпея на Востокъ: римскій солдатъ любилъ молиться богамъ тѣхъ вемель, въ которыхъ онъ находился. Кътому же восточные люди, вступивъ въ сношенія съ римлинами, зачастую переселялись въ Римъ и переносили съ собой своихъ боговъ; а разъ очутившись на римской почвѣ, эти послѣдніе дѣятельно вербовали себѣ поклонниковъ. Такъ мы встрѣчаемъ въ Римѣ каппадовійскую богиню Ма, извѣстную тамъ подъ именемъ

Беллоны, сирійскую Атаргатиду, называемую просто "Сирійской богиней", персидскаго бога Солица, Непобъдимаго Митру (Deus Sol Invictus Mithras), и, оставляя въ сторонъ болье мельихъ, іудейсваго Ісгову. Особенно интересенъ для насъ, конечно, этотъ последній; интересень онь быль тавже для римлянь — они съ любопытствомъ и страхомъ присматривались, поскольку имъ это дозволялось, въ странной службъ ревнивому богу Израиля и невольно подчинялись вліянію безпримірной стойвости и непримиримости его повлонниковъ. Интересъ этотъ вдвойнъ понятенъ для насъ при общности возврвній между той и другой религіей; но, несмотря на эту общность, обращение Рима въ еврейскую въру было невозможно. Конечно, принципъ единобожія нашелъ себв на берегахъ Іордана самое чистое и совершенное выраженіе; но это единобожіе было не то, къ которому, въ силу своего интеграціоннаго характера, стремилась римская религія. Римскій богь должень быль быть-повторяю развитую выше формулу-единъ во многихъ и множественъ во единомъ; еврейскій Ісгова быль единь, и только. Тамъ многобожіе предполагалось, вавъ основание единобожия; адъсь оно исключалось, какъ его отрицаніе. Тамъ, наконецъ, стеченіе всёхъ національныхъ боговъ въ радушный Римъ считалось и последствиемъ, и залогомъ всемірной державы, въ сиду того же міровоззрінія, которое подсвазало римлянамъ оригинальный обрядъ эвокаціи; ядёсь поклоненіе вакому бы то ни было другому богу было знакомъ отступничества отъ родной религіи. Еврейскій провелитизмъ быль въ Римъ лишь вратковременнымъ явленіемъ; важность еврейскихъ и еврействующихъ общинъ состоить въ томъ, что онъ стали позднъе очагами гораздо болже близкой римской душт троантропической религін-христіанской.

Повторяю: еврейскій Іегова не могь быть искомымъ центральнымъ божествомъ, которое бы соединило въ себъ разрозненные элементы римскаго полидомонизма; гораздо болье пригодны для этой цели были другія восточныя божества, нашедшія себъ пріють въ Римъ. О Великой Матери-боговъ уже была рычь: въ качествъ таковой она была матерью и Юпитера, и Юноны, и Минервы, и нъкоторымъ образомъ совмёщала ихъ всъхъ; къ тому же, она легко могла быть отожествлена со свочим сосъдками, Беллоной и Сирійской богиней. Столь же пригодной была и "многоименная" Изида; это видно лучше всего изъ тъхъ словъ, которыя ей влагалъ въ уста ея восторженный поклонникъ Апулей (Превращ. XI, 5): "Я—мать природы, владычица всъхъ стихій, исконное начало въковъ, высшая изъ

божествъ, царица твней, первая среди небожителей, единый образъ боговъ и богинь, повелевающая светозарнымъ высотамъ небесъ, жизнероднымъ дуновеніямъ морей, безотрадной тишивъ преисподней; мое божество, единое подъ многими образами, въ разнородныхъ обрядахъ подъ многорфчивыми именами почитаетъ весь міръ. Первородные фригійцы нарекають меня Пессинунтской богиней-Матерью; землеродные аттиви-кекропійской Минервой, окруженные волнами випріяне-павійской Венерой, стрілоносные критяне-Діаной, триязычные сицилійцы-стигійской Прозерпиной, элевсинцы — древней богиней Церерой; тв — Юноной, эти — Беллоной, иные — Геватой, еще другіе — Немезидой; но ті, которые озаряются первыми дучами восходящаго содица, эсіопы, арійцы и просвътленные стариннымъ ученіемъ египтяне, почитая меня монми собственными обрядами, называють меня настоящимъ моимъ именемъ-парицей Изидой". Наконепъ, самый энергичный и опасный сопернивъ христіанства, богъ-Солице Непобъдимый Митра, обладаль не меньшей собирательной силой, чвмъ Изида, какъ это доказывають многочисленные, посвященные ему рельефы, съ изображеніями греческихъ и римскихъ боговъ; но онъ еще превосходилъ ее разнообразіемъ своихъ таннственныхъ церемоній и глубиной своего символизма, которую древніе христіанскіе апологеты могли объяснить только внушенісиъ дьявола. Непризнанная оффиціальной, религія Митры тёмъ не менъе распространилась по римской имперіи, покрывая ее целой сетью посвященных персидскому богу пещерь.

Такъ обстояли дъла къ началу четвертаго въка; немного спустя, Непобъдимаго Митру побъдила религія Христа.

XII.

Принятіе христіанства Римомъ—предъльный пунктъ нашего изложенія; дойдя до него, мы считаемъ необходимымъ оговориться объ отношеніи всего предъидущаго въ тому немногому, что намъ осталось добавить. Читатель, конечно, замѣтилъ, что мы намѣренно подчеркивали въ развитіи языческой римской религіи тѣ ея стороны, которыя ее сближаютъ съ христіанской; это не значило, однако, что мы въ указанныхъ пунктахъ допускаемъ зависимость христіанской религіи отъ явыческой. Было бы нелѣпо утверждать, что христіанскій догматъ о тріединомъ Богъ имѣетъ своимъ источникомъ культъ капитолійской троици; или, что почитаніе богочеловъка въ лицъ императора или его

генія нивло вліяніе на христіанскую христологію. Мы, равнымъ образомъ, не желаємъ утверждать, что язычество осталось безъ всякаго воздійствія на нарождающуюся религію; вообще, мы не предрівшаємъ результатовъ религіозно-историческаго анализа ни въ ту, ни въ другую сторону, — мы просто оставляемъ его въ сторонъ. Поставленный нами вопросъ таковъ: какіе элементы въ языческой религіи древняго Рима шли на встрічу христіанству, подготовляя умы римлянъ къ его воспріятію и ділая имъ менте враждебной предлагаємую имъ новую религію?

Окинемъ еще разъ взоромъ фазисы происшедшаго развитія. Изъ двухъ корней выросла первоначальная римская религія: полидэмонизма, основаннаго на повлонени міровой Вол'в въ ея безчисленных предомленіяхъ, и анимизма, состоявшаго въ почитанін душъ умершихъ. Міровая Воля, какъ мы установили выше, представлялась римлянамъ не извив, такъ сказать, руководящею міромъ, а живущею внутри его и проявляющеюся въ отдельных актахъ его жизни: она была имманентна и актуальна. Подобно тому, вакъ каждый актъ міровой жизни допускаль дроблевіе на болъе мелкіе акты и также сліяніе со смежными автами въ более врупную единицу, -- точно такъ же и актуальныя божества допускали дифференціацію и интеграцію вплоть до полнаго единства; божественная Воля была — прошу повволенія еще разъ повторить нашу формулу-едина во многомъ и множественна въ единомъ. При этомъ, однако, само собою разумъется, что и единство, и безконечность, а тъмъ болъе ихъ совмъщение, было только предёдомъ развитія римской иден о божестві; непосредственно сознавалась въ тв раннія времена лишь сама способность въ дифференціаціи и интеграціи, приміненная въ небольшому сравнительно району жизни. На первыхъ порахъ можетъ повазаться, что это свойство римской религіи должно было повести ее хотя и въ единобожію, но не въ христіанскому, а въ пантеистическому, понимая это слово въ смыслъ автуальности: въдь христіанское божество предполагается творцомъ вселенной, -- слёдовательно трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, и субстанціальнымъ, а не актуальнымъ. Это совершенно върно; и воть почему римская религіозная мысль, прежде чемь найти себе усповоение въ христіанстве, должна была перевоспитать себя въ духв трансцендентности и субстанціальности. Последнее она могла своими средствами въ силу своей интеграціонной способности: много разъ повторенная интеграція автовъ даетъ субстанцію или, выражаясь точнее, иллюзію субстанціальности. Но трансцендентность противорівчила рим-

скимъ возэръніямъ: для ея прививки требовалась посторонняя школа. Мы видъли уже, что этой школой была греческая; но видъли также, что, вибдряя въ римскую религіозную мысль понятія, которыя должны были со временемъ приблизить ее къ христіанству, она вийстй съ тимъ вводила въ нее элементы совершенно съ нимъ несогласуемые. Еслибы римская иден о божествъ подверглась превращенію въ духъ трансцендентноств уже послъ достижения своего предъльнаго единства, то это превращение несомнънно сблизило бы ее съ христіанской; но нъть, процессь этоть начался тогда, когда римскій полидэмонизмъ находился еще въ переходномъ состояніи, и трансцендентность обняла не высшую единицу божественности, а рядъ отдёльныхъ ея проявленій -- Юпитера, Юнону, Діану и т. д., въ которыхъ иден божества, такъ сказать, застыла: ртутные шарики замерын и стали неспособны въ дальнъйшему сліянію. Спасительнымъ явился туть законь совивстимости: римская религія въ эпоху эллинваціи была въ то же время и имманентна, и трансцендентна: въ силу своей трансцендентности она могла представлять себъ божество извив руководящимъ вселенной; въ силу своей имманентности опа продолжала применять свою способность въ интеграціи, причемъ опредёлившійся греческій пантеонъ ею не столью выдёлялся, сколько обходился. Все же ясно, что этотъ пантеонъ быль для римской религін пом'вхой къ достиженію ея предопределенной цели; заимствовавъ у него трансцендентность, ова отвинула его отдёльные обравы-и тогда только могла слиться съ христіанствомъ.

Христіанскій Богъ, подобно конечному предълу римской иден о божествъ, былъ единымъ; но былъ ли онъ единымъ во многихъ и многимъ во единомъ? Другими словами: удовлетворая потребность интеграціи, присущую римской религіозной мысли, удовлетворялъ ли онъ также не менъе живую и настоятельную ся потребность дифференціаціи? Да, удовлетворялъ... Я прошу позволенія не останавливаться на исторіи христіанскихъ догматовъ и разумъть подъ христіанствомъ ученіе римско-католической церкви, какимъ оно установилось въ предълахъ рисской имперіи и спеціально въ Римъ. Главнымъ же догматомъ этого ученія былъ догмать о тріединомъ божествъ—догмать не посредственно родственный Риму и столь же для него понятний, сколь непонятный для Іудеи. Но, конечно, потребность дифференціаціи онъ удовлетворялъ только отчасти; свое главное удовлетвореніе она нашла въ другомъ.

Мы до сихъ поръ говорили только о полидэмонизмъ, остав-

ляя въ сторонъ другой ворень римской религи — анимизмъ; между тыть, и онъ одновременно съ полидомонизмомъ подвергся важному преобразованію, такому, что послів него такиственно-варварскіе обряды "фералій" повазались уже пережиткомъ. Опять вдохновительницей была Греція, на этотъ разъ греческая философія, опиравшаяся, впрочемъ, на религію греческихъ мистерій. Упыры фералій требовали пищи у живущихъ и, въ случав отказа, выходили изъ своихъ могилъ, съ воемъ носились по Риму, распространяя заразу и смерть среди своихъ забывчивыхъ потомвовъ; вавъ далеко было отъ этихъ грубыхъ воззрвній - до знакомаго намъ изреченія Цицерона: "всѣ души безсмертны, души же добрыхъ божественны"! Требованіе философіи было принято въ релвгію при императорахъ: появился обрядъ "консекраціи". посредствомъ котораго изъ числа безсмертныхъ душъ выдвлялись "божественныя" души добрыхъ; и вотъ въ христіанствъ мы встрвчаемъ ту же консекрацію при техъ же внешнихъ условіяхъ и съ темъ же или почти темъ же результатомъ: изъ безсмертныхъ душъ выдъляется неопредъленное число, поручаемое церковью почитанію върующихъ подъ именемъ "святыхъ" или "блаженныхъ". Теперь стремленію въ безвонечной дифференціацін быль дань исходь; мало того, римское гостепріимство по отношенію въ культамъ другихъ народовъ опять нашло возможность проявляться — и проявляться въ единственной формв, допустимой подъ сънью креста.

Какъ раньше племена и народности, входившія въ составъримской имперіи, религіозно объединялись съ Римомъ тімъ, что посылали къ нему своихъ національныхъ боговъ и богинь, такъточно теперь религіозное объединеніе иміто послідствіемъ включеніе въ общій пантеонъ—національныхъ святыхъ. Народъ предоставляль богословамъ установленіе тонкихъ различій между божественностью и святостью; для его чувства и наивнаго пониманія святые принимали участіе въ идей божества, которое было, такимъ образомъ, согласно вітовой тенденціи римской религіи, единымъ во многихъ и многимъ во единомъ.

Это, разумъется, далеко не все, да мы не можемъ и мечтать о томъ, чтобы обнять все; но одно обстоятельство требуетъ оговорки. Я нарочно, говоря только-что о консекраціи, замътилъ, что она производилась при тъхъ же снюшнихъ условіяхъ, какъ и раньше; внутреннія условін были другія, но и они не могли казаться Риму такими чуждыми, какъ это бы можно подумать съ перваго раза. Консекрація divorum имъла основаніемъ убъжденіе (или фикцію), что они были fortes et boni; христіанство ставило

другія условія: его святые были праведниками. Разница громадная; но и тутъ можно сказать, что въ христіанскому воззрѣнію люди были подготовлены послёдними стадіями развитін римской религіозной этики. Мы знаемъ уже, что первоначально этическій элементь быль чуждь римской религи, въ отношенияхъ между человъвомъ и богомъ преобладали возврѣнія юридическія: do ut des! Малопо-малу религія получаеть нравственный характеръ, но нравственность остается юридической: за васлугу-награда! Въ эпоху имперіи рядомъ съ этой ясной и нъсколько холодной религіозной нравственностью даеть себя чувствовать другая, болве сердечная, имъющая основаніемъ сознаніе своей гръховности и жажду избавленія; формула еще не найдена, но ее уже ищуть. Такимъ образомъ, мы имъемъ въ этому времени двъ концепціи религіозной нравственности, правовую и, такъ сказать, сердечную; вторая сфера естественно повліяла на первую, видоизміняя понятіе заслуги, на которомъ она была основана. За заслугу-награда, конечно; но только заслуга требовалась не та, которая приносить наиболье пользы согражданамь, а та, которая ослабляеть или уничтожаеть нашу гръховность. Объ сферы перешли въ христіанство; со временемъ правовая мораль нашла себъ выраженіе въ пелагіанизм'в, другая — въ ученіи бл. Августина, воторый нашелъ наконецъ требуемую формулу для основы новой религіозной нравственности: понятіе благодати, gratia gratis data. Съ установленіемъ этого понятія быль прорвань юридическій вругъ, въ воторомъ вращалась древне-римская религіозная мораль; но можно ли сказать, что юридическій духъ древности Рима остался безъ вліянія на новое явленіе? Ніть; всегда возражающій находится подъ вліяніемъ того, вому онъ возражаеть; давая на его вопросъ противоположный отвътъ, онъ этимъ самымъ принимаетъ постановку вопроса. Уже одно то, что отношеніе челов'ява въ божеству стало главнымъ предметомъ заботы римской церкви, было последствіемъ юридическаго духа древнеримской религии и нравственности, точно такъ же, какъ и забота восточной церкви о развитіи догматовъ въры имъла своей причиной философски-спекулятивный духъ древней Греціи.

Впрочемъ, отмъчая это послъднее различе, мы уже нъсколько вышли за предълы поставленнаго нами въ началъ этой главы вопроса. Да; но вмъстъ съ тъмъ мы и не затронули того вопроса, котораго ръшили не касаться: мы говоримъ въдь о вліяніи "римской религіи" не на христіанство вообще, а въ частности на ту его форму, которая получилась въ Римъ. А что здъсь вліяніе должно было быть, въ этомъ никто сомнъваться не можеть: такъ какъ христіанское съмя здёсь и на Востокъ было одинавово, то различіе растеній, взошедшихъ здёсь и тамъ, можно объяснить только различіемъ почвы. И чёмъ разительнъе намъ покажется это различіе, чъмъ болье вліянія должны мы будемъ приписать этой почвъ, тъмъ болье интереса будетъ имъть въ нашихъ глазахъ изученіе "римской религіи"—не той только, которая имъетъ своимъ центромъ Ватиканъ и соборъ св. Петра, но и той, которая обращала взоры върующихъ къ старинному Тарквиніевскому храму капитолійской троицы. Мы этимъ не даемъ и не желаемъ дать никакой сравнительной оцънки объихъ религій; мы говоримъ только, что одни и тъ же соки питаютъ религію Рима отъ Нумы Помпилія, этого цари и верховнаго жреца, вплоть до Льва XIII, подобно тому какъ и въ облагороженномъ деревъ одни и тъ же соки изъ корня и ствола туземнаго дичка проходятъ въ экзотическій черенокъ.

Есть въ современномъ Римъ старинная церковь, богатая памятниками многихъ въковъ; называется она S. Магіа sopra Minerva. Ея имя объясняется тъмъ, что она выстроена на фундаментъ храма Минервы, воздвигнутаго императоромъ Домиціаномъ и впослъдствін развалившагося, а можетъ быть и разрушеннаго при введеніи христіанства. Мнъ кажется, что въ своей наивной откровенности оно имъетъ, помимо прямого, еще болъе общее символическое значеніе: кто прослъдилъ ростъ "римской религіи" отъ ея древнъйшихъ корней, таящихся во мракъ отдаленныхъ въковъ, и до нашихъ дней, тотъ не найдетъ для нея лучшаго имени, какъ—Магіа sopra Minerva.

Ө. Зълинскій.

$\Pi 0$

ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ жельзной дорогъ

Путевыя заматки.

Окончанів.

V.-Иркутскъ *).

Понтонный мостъ. — Большая улица. — Музей. — Разноплеменная публика. — Тріумфальныя ворота и арка. — Вайкалъ. — Переправа. — Мысовая станція и рыбопромышленность.

Въ самый городъ пришлось пробхать на извозчивъ по понтонному мосту, подъ которымъ бурлила ръка. Насколько надеженъ этотъ мостъ, можно судить по катастрофъ, случившейся прошлою зимой: громадная льдина, оторвавшись отъ берега, устремилась на мостъ. Къ счастію, ее во-время замътили и спустили шлагбаумы, прекративъ такимъ образомъ сообщеніе по чосту. Льдина ударила въ два понтона, и они понеслись внизъ по ръкъ. За ними послъдовало еще нъсколько понтоновъ; они были унесены теченіемъ довольно далеко за предмъстье города, и нъкоторые изъ нихъ затонули, а уцълъвшіе были приведены къ мосту на буксиръ пароходомъ. Отъ такихъ катастрофъ жители города носятъ немалые убытки, тъмъ болье что

^{*)} См. выше: янв., стр. 107,

цвим на продукты въ такихъ случаяхъ сразу поднимаются; а при всемъ томъ городская дума не въ состояніи навести болве устойчивый мость.

Вытекая недалеко отъ города изъ озера Байкала, Ангара, пробившись горами и образовавъ пороги, понесла озерныя воды въ Енисей, а съ нимъ и въ Ледовитый океанъ. При видъ бурливой ръки, я вспомнилъ недавно прочитанные мною стихи, въ которыхъ про Байкалъ говорится:

Въ море дальнее сердитое Захотъль онъ побывать.

Вдругъ утесъ-гора упорная
Преградниа путь ему
И какъ кръпость непокорная
Не пускаја вдаль волну...
Но напригъ онъ грудь свободную,
Съ трескомъ рушијась гора—
И по ней волной холодною
Зашумъда Ангара...

Остановившись въ гостинницъ, я прежде всего счелъ необходимымъ провърить свои часы: они до сихъ поръ, согласно съ станціонными, шли по петербургскому времени; по мъстному же они, какъ оказалось, отстали почти на цълыхъ пять часовъ.

Проходя затёмъ по главной, такъ называемой Большой улицё, я убёдился, что даже этотъ, существующій почти двёсти-пятьдесять лётъ, городъ, даже эта резиденція генераль-губернатора до сихъ поръ обходится безъ мостовыхъ: пыль тучей носилась вдоль по улицё. Здёсь, впрочемъ, мостовая замёнена посыпаннихъ по улицё щебнемъ, укатываемымъ колесами экипажей, такъ что въ мёстахъ, гдё они проёзжають, образовалось нёчто въ родё макадама. Въ настоящее время, однако, въ городской думё внесено предложеніе объ обязательномъ устройстве мостовыхъ на счетъ домовладёльцевъ. По всему видно, что мёстные золотопромышленники, расточая милліоны, мало заботятся о благоустройстве сибирскихъ городовъ.

По Большой улицъ настроено нъсколько значительныхъ каменнихъ домовъ. Спускаясь по направленію къ Ангаръ, по лъвой сторонъ невольно обращаешь вниманіе на замъчательное въ архитектурномъ отношенія зданіе городского театра. Оно обошлось довольно дорого и выстроено большею частью на суммы, пожертвованныя частными лицами. Тутъ же по близости прі-

ютилась убогая сфроватая лачужка; она своими двумя подсленоватыми окнами выглядываеть на стоящій на правой сторон'я улицы и обращенный фронтомъ съ кодоннами въ рвев домъ генераль-губернатора. Какъ разъ противъ этой резиденціи по лъвую сторону и также на берегу Ангары возвышается преврасное зданіе Восточно-Сибирскаго Отділа Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ принадлежащимъ ему мувеемъ. При мнъ въ послъднемъ производился ремонтъ; несмотря на то, я твиъ же путемъ, какъ въ Красноярскъ, упросивъ сторожа, успълъ пронивнуть въ залы, наполненныя весьма обильными воллевціями по части археологін, этнографіи, сябирсвой фауны и пр. Осмотръвъ въ нижнемъ этажъ кости и черепа мамонта, разныя орудія ваменнаго въка, скелеты мъстныхъ животныхъ и птицъ, гербаріи, минералы и воллевців, относящіяся въ золотопромышленности, я поднялся во второй этажъ, изобилующій интересными предметами по части этнографіи. Туть, между прочимъ, выставлены: сани, лодки, луки, ружья и вообще предметы, употребляемые сибирскими инородцами для ловли и охоты на звіря. Въ другой залів можно видіть образцы юрть, шаманскій костюмъ, разныя принадлежности буддизма, въ родъ обуви, чашечки для храненія священной воды; также предметы шаманскаго культа: хвосты, палочки, ленты и пр. Туть же стоятъ маневены бурятскаго ламы, явута, гольдви, одётой въ костюмь изъ рыбьей кожи съ берестяной широкой шляпой на голов'в, потомъ также тунгуса, ламута и юкагира. Къ этимъ манекенамъ въ полномъ ихъ облачени присоединены также ихъ орудія и снаряды, такъ что туть представляется въ невоторомъ родъ возможность наглядно ознакомиться съ бытомъ сибирскихъ инородцевъ. Къ сожаленію, я въ Иркутске, также какъ въ Красноярскъ, не могъ добиться надлежащаго каталога.

Выставленные въ музев типы инородцевъ довольно часто встръчаются живыми экземплярами по улицамъ Ирвутска. Онъ, вообще, больше другихъ городовъ въ Сибири наполненъ развоплеменнымъ людомъ: тутъ нервдко встрвчаются китайцы, съ ихъ длинными косами, и узкоглазые буряты, промышляющие между прочимъ плотничными работами. Помимо инородцевъ, попадаются также нвицы, французы, англичане, евреи.

На южномъ концѣ Амурской улицы, образующей перекрестокъ съ Большою, возвышаются страннаго вида Тріумфальныя ворота, сколоченныя изъ досокъ, окрашенныхъ снаружи въ сѣроватый цвѣтъ. Съ фронта наверху значится надпись: "Дорога къ Великому океану"; съ лѣвой стороны: "Построено 15 мая

1858"; а съ правой: "Возобновлено 1891-го г." Въ этотъ именно годъ по Сибири совершилъ путешествіе Насл'ядникъ-Цесаревичъ, нын'я царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Поднявшись отсюда по Амурской улиць въ съверномъ направленіи, я вышель на площадь, среди воторой возвышается величественный пятиглавый Казанскій соборъ. Миновавь его и подойдя въ берегу ръви, я увидъль невысовую каменную арку, похожую отчасти на кіосвъ. Въ этомъ именно мъстъ Государь Наслъдникъ, проъхавъ на пароходъ по Ангаръ, присталь въ Иркутску.

Повинувъ послъ двухдневнаго пребыванія Иркутскъ, я перевхаль по мосту черевъ Ангару и, прибывъ на станцію, свлъ въ вагонъ. Поведъ всворе двинулся въ юго-восточномъ направленін. Слева катила мимо насъ свои студеныя воды Ангара, а съ правой стороны, въ некоторомъ отдаленін, видевлись горы. Пересвиши по деревяннымъ мосткамъ несколько впадающихъ въ Ангару ръчевъ, поъздъ подкатилъ, наконецъ, въ самому берегу Байкала. Передъ нами раслинулась общирная гладь чиствишей студеной воды, окаймленная со всёхъ сторонъ живописными свалистыми горами, вдающимися здёсь и тамъ въ оверо крутыми мысами. На этихъ скалахъ мъстами приносятся по временамъ жертви шаманами; монголы и прозвали на своемъ нарвчін озеро Святымъ моремъ. Это названіе сохранилось за нимъ также на русскомъ языкъ. Растинувшись верстъ на шестьсотъ съ юго-запада легкимъ изгибомъ къ съверо-востоку, это море въ ширину имъетъ всего около восьмидесяти-пяти верстъ, а въ мъсть самаго перевзда отъ пристани при желъзнодорожной станцін на вападномъ берегу до станцін Мысовой на восточномъ, -считается немногимъ болве шестидесяти верстъ.

Привиаться, меня постигло сильное разочарованіе на этомъ перейздів. Дівло въ томъ, что я ожидаль переправы желівнодорожнаго поївда въ полномъ его составів на большомъ паромівледоволів. А вмісто того оказалось, что съ осени истекшаго года быль собрань пароходь-ледоколь гораздо міньшихъ размівровь, подъ именемъ "Ангара"; онъ-то и быль назначенъ для перевозки пассажировь. На большомъ паромів, какъ мнів говорили, перевозятся одни только товарные поїзда. Такимъ образомъ намъ, пассажирамъ, пришлось изъ вагоновъ перейти на пароходъ "Ангару". Къ крайнему сожалівнію, онъ двинулся въ путь линь позднимъ вечеромъ, когда совсімъ стемнівло, такъ что намъ не удалось даже во время переправы осмотрівть какъ слівдуетъ оверо со всіхъ сторонъ.

Тожь L.—Февраль, 1903.

Пассажиры разм'ястились по наютамъ и по невол'я предались сну. Мало того, — проспавъ въ каютахъ, мы и не зам'ятили, какъ пароходъ около полуночи отвезъ насъ назадъ къ западному берегу. Д'яло въ томъ, что среди озера затерялись какъ-то дв'я казенныя баржи, и капитанъ счелъ необходимымъ отвести ихъ на буксиръ къ западной пристани. Такимъ образомъ, нашъ переъздъ вм'ясто трехъ часовъ, какъ обыкновенно, продлился пълыхъ пять, — и когда мы прибыли къ пристани Мысовой, то солице поднялось уже довольно высоко надъ озеромъ.

Жители широво разросшагося за последніе года селенія Мысовой, также какъ и поселяне другихъ прибрежныхъ деревень, занимаются рыболовствомъ на озеръ. По произведеннымъ въ прошлое лъто изслъдованіямъ спеціалистовъ, озеро изобилуетъ бълою и врасною рыбою, и рыбопромышленность все шире развивается съ каждымъ годомъ. Изъ двадцати слишкомъ породъ, какія водятся въ чистыхъ, прозрачныхъ и холодныхъ водахъ Байкала, самымъ важнымъ значеніемъ, не только для Священнаго моря, но и для Сибири вообще, пользуется омуль. Эта рыба изъ семейства лососевыхъ водится въ Ледовитомъ овеанв и оттуда осенью несмётными массами проходить вверхъ по сибирскимъ ръкамъ, благодаря чему и служитъ прибыльнымъ промысломъ для прибрежныхъ поселянъ. Проходя точно также вверхъ по Енисею, странствующая омуль поднимается по Ангар'в и прониваеть въ самый Байваль, где и размножается въ громадномъ воличествъ. Уловъ этой рыбы составляетъ главную часть дохода, выручаемаго здёшними рыбопромышленивами. Однако, хищинческая система ловян угрожаеть уменьшениемь рыбы въ водахъ Байкала и сдёлаеть здёсь то же самое, что причинило хищиическое истребленіе рыбы на Волгь и Ураль. Потому министерство за последнее время стало применять более строгія меры для прекращенія такого пагубнаго хищничества.

VI.—За Вайкаломъ.

Сетеръ въ вагонъ.—Тѣснини Селенги.—Буряти.—Миниме туниси.—Вѣчная мерълота.—Станція Кайдалово. — Рѣка Ингода.—Склади цемента.—Переѣздъ на плашвоутъ.—Гостинница съ театромъ.—Срѣтенская станица.—Обмелѣніе рѣкъ.

Въ Мысовой, гдѣ мы высадились съ парохода, насъ поджидаль новый поъздъ. Въ купэ, въ которомъ я занялъ мѣсто, вошелъ пассажиръ, ведя на пѣпочкѣ довольно крупнаго рыжаго сетера. Изъ сидѣвшихъ тутъ же пассажировъ никто не протестоваль, и сетерь пресповойно растянулся у нашихь ногь. Въ сибирскихъ повздахъ, повидимому, въ этомъ отношении снисходительнъе относятся къ собакамъ, чъмъ въ Европъ; и дъйствительно, я и прежде еще обратилъ вниманіе, какъ ъхавшая съ нами дама на станціяхъ выводила изъ вагона для прогула большую черную собаку изъ породы простыхъ дворняжекъ.

Повздъ двинулся, и вскорт по обт стороны рельсовъ потянумась угрюмая тайга. Въ одномъ мъстъ, въ ней, подъ стиью
пихтъ и лиственницъ, пріютилось небольшое владбище. Потомъ
мы вытали къ берегамъ Селенги. По обт стороны ея высились
гранитныя горы, подступая мъстами къ самому краю берега.
Наконецъ, потздъ връзался въ тъснины Селенги: съ одной стороны ръви обнаженныя скалы спускались прямо въ воду, а съ
другой—оставался лишь узкій протядъ для одной пары рельсовъ;
слева отъ насъ круго поднимались вверхъ съ причудливыми
очертаніями горы, а справа струилась ръва, и еслибы потзду
случилось сойти съ рельсовъ, то онъ, пожалуй, слетъль бы въ воду.
Впоследствін, когда ръшено будеть проложить по дорогъ вторую
пару рельсовъ, въ этихъ мъстахъ по неволъ придется ограничиться одной колеей, а иначе здёсь не хватить мъста.

Бливъ дороги появлялись то казачьи станицы, то селенія бурять, такъ-называемые улусы. Водворившись по преимуществу въ этомъ краѣ, буряты ванимаются земледѣліемъ; они даже орошають свои поля, проводя въ нихъ воду при посредствѣ каналовъ или такъ-называемыхъ арыковъ, какіе мнѣ случалось видѣть также въ Закаспійскомъ краѣ. Буряты промышляють также скотоводствомъ, кочуя отчасти по своимъ излюбленнымъ тайгамъ.

На другой день, поднявшись по пустынной мѣстности на перевалъ Яблоноваго хребта, поѣздъ, вавъ мнѣ повазалось, прошелъ два раза туннелями. На самомъ дѣлѣ, однаво, это были, вавъ объяснилъ здѣшній инженеръ, тавъ свазать исвусственные туннели. Дѣло въ томъ, что здѣсь пробитъ былъ въ горѣ про-ѣздъ въ родѣ корридора; но впослѣдствіи сверху сталъ осыпаться камень и заваливать полотно дороги; потому и вынуждены были соединить вершины близко подступившихъ другъ въ другу свалъ каменнымъ навѣсомъ, лишь бы воспрепятствовать осыпаться камено.

Область за Байкаломъ вообще отличается гористымъ характеромъ. Отчасти вследствіе такого возвышеннаго положенія, климать здёсь еще суровёе, чёмъ на западё. Проёзжая лёсами, я замётилъ, что въ нихъ зачастую валяются упавшія какъ бы сами собой деревья. Когда я обратилъ на это вниманіе ёхав-

шаго съ нами сибирява, то онъ увъряль, что въ этихъ мъстахъ вемля на нъкоторой глубинъ вовсе не оттанваеть въ теченіе года, такъ что въ ней господствуеть въчная мералота. Потому деревья, достигнувъ высокаго роста и пустивъ корни въ мералую почву, неминуемо должны валиться.

Переваливъ, наконецъ, въ съдловинъ на другую сторону Яблоноваго хребта, поъздъ пошелъ отчасти степными мъстностями. Здъсь по паскотинамъ паслось много скота. Несмотра, однако, на обиліе послъдняго, ни въ бурятскихъ улусахъ, ни въ казачьихъ станицахъ, повидимому, не привилось еще маслодъльное производство, какъ въ западной Сибири.

Затъмъ повазались опять возвышенности, по восогорамъ воторыхъ тянулись рельсы. Ночью повздъ подощелъ въ станців Кайдалово. Отсюда черезъ Манчжурію проводится желъзная дорога до самаго Владивостова. Когда я прибылъ въ Кайдалово, то мнъ объявили, что нивавого сухопутнаго сообщенія съ Владивостокомъ вдъсь, пока, добиться немыслимо, и мнъ по неволъ пришлось продолжать путь по проложеннымъ до Срътенска рельсамъ. Съ утра повздъ сталъ извиваться по изгибамъ Ингоди. По объ стороны ръви высились причудливаго вида горы, сваты которыхъ покрыты большею частью тайгою. По ръкъ, внизъ потеченію, сплавлялось много плотовъ для доставви на Амуръ, гдъ въ безлъсныхъ мъстностяхъ съ выгодой сбываются бревна.

Пробхавъ то мъсто, где Ингода, слившись съ Онономъ, образуетъ ръку Шилку, и миновавъ Нерчинсвъ, мы вскорт вслъдъватъмъ подкатили въ станціи Баянъ. Тутъ по близости показались врытые цинковымъ листомъ общирные склады приготовляемаго на состеднемъ заводт портландъ-цемента. Устроенный лишь въ 1895 г., это—одинъ изъ немногихъ заводовъ подобнаго рода въ Сибири.

Проходя далье львымъ берегомъ Шилви, повздъ вскорь остановился при Срътенской станціи, составляющей до поры до времени крайній восточный пунктъ забайкальской жельзной дороги. Станица того же имени расположена на другомъ, правомъ берегу Шилки. Я на извовчикъ спустился со станціи по довольно крутому скату къ ръкъ, гдъ къ берегу присталь плашкоутъ, приводимый въ движеніе быстрымъ теченіемъ ръки, но управляемый при посредствъ каната, протянутаго наискось противъ теченія съ одного берега до другого. Занявъ мъсто на плашкоутъ между стоявшими тутъ же крестьянскими телъгами, мой извозчить, поднявшись послъ переправы на другой берегъ, повезъ меня по топкимъ улицамъ станицы, то-и-дъло увязая въ густой грязе.

Наконець, мы подъёхали въ лучшей гостиницё въ Срётенсев, подъ названіемъ "Вовзалъ". Оказалось, однаво, что здёсь всё номера заняты. Извозчивъ повезъ меня въ другую извёстную ему гостиницу. Когда мы подъёхали въ ней, то вышедшій на улицу слуга объявиль, что и здёсь тоже нёть свободныхъ номеровъ. Мы остановились въ недоумёніи: извозчивъ не зналъ болёе никакихъ другихъ гостинницъ. Но вотъ на крыльцо выбёжалъ другой слуга и воскликнулъ: "Пожалуйте, есть еще одинъ номеръ". Я поспёшилъ слёзть съ дрожевъ и пошелъ за слугами. Они провели меня сперва по общирной залъ, въ которой были разставлены ряды стульевъ, а вдоль стёнъ разбросаны декораціи. Какъ я узналъ впослёдствіи, въ этомъ театрё по временамъ давались представленія пріёзжими артистами, и мёстная публика охотно посёщала импровизованный храмъ Мельпомены.

Пройдя черезъ залъ, слуга подвелъ меня въ дверямъ небольшого помъщенія, откуда въ то же время вышли двое плотниковъ съ своими инструментами: они, кавъ оказалось, толькочто успъли настлать полъ въ комнаткъ, въ которую тотчасъ же
внесли столъ, стулья и вровать. Такъ-то вдъсь, на глазахъ самихъ пріъзжихъ, устроиваются номера въ переполненныхъ по
временамъ гостинницахъ. На этотъ разъ, какъ я убъдился впослъдствіи, онъ были переполнены по невозможности двинуться
лалъе.

Заручившись, тавимъ образомъ, хотъ какимъ-нибудь номеромъ, я пошелъ бродить по станицѣ, захвативъ на всякій случай въ буфетѣ карточку съ адресомъ гостинницы. Впрочемъ, въ такой карточкѣ не было особенной надобности: заблудиться въ Срѣтенскѣ было бы трудно. И въ самомъ дѣлѣ, вся станица состоитъ изъ набережной и еще изъ одной параллельной съ нею улицы по которой тянутся довольно порядочные, но сплошь деревяные дома. Они отчасти заняты магазинами. Судя по вывъскамъ, въ лавкахъ можно пріобрѣсть всякіе предметы; но чаще всего попадаются надписи: "Оптовый складъ вина и спирта". Этими благами пароходы снабжаютъ поселенцевъ по Амуру. Досихъ поръ здѣсь всюду строятся; но всему видно, что Срѣтенскъ расширяется изо дня въ день. О быстромъ ростѣ его можно судить уже потому, что до проведенія желѣзной дороги въ станицѣ насчитывалось около полуторы тысячи казаковъ и нѣсколько сотенъ поселенцевъ; а въ настоящее время населеніе ея возросло чуть ли не до десяти тысячь душъ обоего пола.

Составляя въ настоящее время врайнюю станцію забайвальсвой желівной дороги, Срітенсвъ въ то же время состоить исходнымъ пунктомъ амурскаго пароходства, а потому онъ также впоследствін, когда желевная дорога пройдеть черезъ Манчжурію, будеть играть важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ съ прибрежными амурскими областями.

Проходи по набережной, я видълъ нъсколько нагружавшихся пароходовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не могъ добиться ваюты, съ тъмъ, чтобы по Шилкъ проъхать на Амуръ. Наконецъ одневизъ вапитановъ вывелъ меня изъ недоумънія, объяснивъ, что въ это время, какъ извъщала телеграмма, на перекатъ обмелъвшей ръки стоятъ шесть пароходовъ, за невозможностью двинуться далье. А потому я сталъ опасаться, какъ бы не попасть въ такое же критическое положеніе, къ какомъ очутились въ минувшемъ году поселенцы, переъзжая по Шилкъ и простоявъ въ разныхъ мъстахъ по нъскольку дней на мели. Тъмъ еще болъе, что подобное обмелъніе ръки продолжается иногда недъли по три. Затъмъ я и отправился на станцію желъзной дороги съ цълью прежнимъ путемъ возвратиться вспять.

VII.—На обратномъ пути.

Чита.—Верхнеудинскъ.—Рынокъ и склады.—Отсутствіе грамотности.—Таможня въ Мысовой.—Образованіе въ Иркутскъ.—Вліяніе декабристовъ. — Скученность въ поселкахъ.—Новая гостиница въ Красноярскъ.—Вліяніе жельзной дороги на торговлю.

На этотъ разъ вагоны были переполнены, такъ какъ изъ Сретенска выважала многолюдная публика, застрявшая въ станицъ вслъдствіе невозможности двинуться далье на востовъ нв сухимъ путемъ, ни водою. Рано утромъ на заръ повядъ подватиль въ станціи Читы. Городовь живописно расположился средв поврытыхъ лъсами горъ. Не мъшаетъ, однако, замътить, что Читу, въ настоящемъ ея видъ, слъдуеть признать отчасти созданіемъ сосланныхъ сюда въ 1827 году декабристовъ и прибывшихъ въ нимъ впоследстви самоотверженныхъ женъ ихъ. Тогда, по свидетельству М. А. Бестужева, Чита была маленькая деревушка ваводскаго вёдомства, состоявшая изъ нёсколькихъ полуразрушенных хать. "Жители, по общему обычаю всёхъ сибиряковъ-старожиловъ, -- вакъ выражается Бестужевъ, -- были ленивы и бъдны. Наше почти трехлътнее пребывание обогатило жителей, продававшихъ дорогою ценою и свои скудные продукты, и свои тощія услуги, и вийстй съ тимъ украсило Читу десяткомъ хорошихъ домовъ, какъ чиновничьихъ, такъ и нашихъ дамъ.

Бъдная деревушка была переименована въ областной городъ". Въ той его части, гдъ жили ссыльные, раскинуть густой садъ, въ зедени котораго утопають сосъдніе дома.

Вскоръ послъ Читы, къ намъ на встръчу прошелъ арестантскій поъздъ. Этимъ арестантамъ, навърное, долго придется простоять въ Срътенскъ въ ожиданіи перевозки ихъ на баржахъ по Шилкъ и Амуру. На нашемъ поъздъ въ одномъ изъ вагоновъ сидъло семь человъкъ бурятъ съ своимъ священникомъ. Одътые въ свои національные костюмы, они направлялись въ свои улусы подъ Верхнеудинскомъ. На другой день мы и прибыли въ этотъ городъ.

Въ расвинутомъ при впаденіи Уды въ Селенгу, довольно пустынномъ Верхнеудинскъ меня заинтересовали только каменные ряды, расположенные обширнымъ правильнымъ четырехугольнивомъ среди города. Внутри, на ограниченной этимъ четырехугольнивомъ просторной площади раскинулся рыновъ съ отврытой на немъ торговлей преимущественно събстными припасами. Туть же, съ четырехъ сторонъ, по рядамъ подъ колоннадой помъщаются свлады здёшнихъ торговыхъ фирмъ. Судя по прозвищамъ, я невольно пришель нь заключенію, что въ містной коммерціи не малую роль нграють еврен. Гостинницей, въ которой я остановился, также завъдують евреи. Я, пожалуй, и не обратиль бы на это внимавія, если бы не проголодался. Дело въ томъ, что, спросивъ обедъ, я не могь добиться нивавого толка оть женской еврейской прислуги. Вследствіе чего именно въ этомъ городі пріурочился еврейскій элементь-это для меня осталось загадкой. Я, наконець, вынужденъ быль увхать на станцію, твиь болве, что въ городв не могь добиться даже газеть.

Однаво, на станціи ихъ также не оказалось, что меня врайне удивило; на западѣ отъ Байкала по всѣмъ большимъ станціямъ открыты книжные шкапы, въ воторыхъ предлагаются всякія газеты. Здѣсь же, въ Забайкальѣ, ничего этого нѣтъ, такъ что отъ Срѣтенска и до самаго Иркутска пришлось проѣхать по странѣ, какъ бы лишенной грамотности.

Въ Мысовой пристани, вуда мы прибыли на другой день, меня врайне поравило то обстоятельство, что мой чемоданъ подвергся осмотру таможенныхъ чиновниковъ. Такъ какъ по той же дорогъ наъзжаютъ пассажиры изъ Китая, то чиновники у всъхъ разысвиваютъ контрабандный, вывезенный оттуда шолкъ и чай. А впрочемъ, завзятые вонтрабандисты, обходя таможню, всетаки вое-какъ пробираются съ вапрещеннымъ товаромъ по горамъ и даже по самому Байкалу.

На этотъ разъ мы изъ Мысовой перевхали на пристань западнаго берега часа въ три, а вскоръ затъмъ подкатили по рельсамъ въ Иркутской станціи.

Когда я прибыль въ городъ, то мей казалось, будто я вернулся изъ первобытнаго края въ цивилизованную страну. И въ самомъ, дълъ, послъ видънныхъ мною по ту сторону Святого моря улусовъ бурять и станицъ съ ихъ лачужвами, даже Иркутскъ, несмотря на разлившіяся по улицамъ лужи послі дождя, повазался мев порядочнымъ городомъ, особенно въ виду его ваменныхъ зданій, раскинутыхъ по такъ называемой Большой улиць. Мало того, въ Иркутскъ я тотчасъ же на улиць купиль у газетчика свъжій нумеръ "Восточнаго Обозрънія". Туть же. близъ Преображенской церкви была впервые открыта площадка для детскихъ общественныхъ игръ. Сверхъ того, въ городе при мев попечительствомъ о народной трезвости организованы были народныя чтенія. Словомъ, всюду проявлялись следы широко развивавшагося образованія. Вообще, за последнія десятилетія въ Иркутскі открыто значительное число учебных заведеній: помимо мужской и женской гимнавій, духовной семинарів и другихъ школъ духовнаго въдомства, въ городъ имъется технологическое и горное училища, лъсная школа, школа фельдшериць, нъсколько прогимназій, четырежклассных и народных школь По этому поводу нельвя не помянуть добромъ декабристовъ, преимущественно техъ, которые съ своими женами способствовали, вакъ мы упоминали, благоустройству Читы. По смягчения въх участи въ 1838 г., декабристы разсъялись по разнымъ мъстностямъ Сибири. Многіе изъ нихъ водворились даже въ окрестностяхъ Иркутска и зачастую посъщали городъ.

Эти интеллигентныя личности оказали благотворное вліяніе на образованіе м'єстнаго общества и нер'єдко служили даже превосходными наставниками сыновей м'єстнаго купечества. Яржим свид'єтельствомъ можеть послужить, между прочимъ, не такъ давно скончавшійся изв'єстный докторъ Н. А. Б'єлоголовый. Урожевець Иркутска, онъ въ своихъ "Воспоминаніяхъ" съ чувствомъ признательности говорить о декабристахъ, у которыхъ воспитывался и обучался вм'єст'є съ другими купеческими сыновьями. Вообще, сибиряки до сихъ поръ съ уваженіемъ поминають интеллигентныхъ ссыльныхъ.

Выбхавъ на третій день рано утромъ изъ Иркутска, я замѣтилъ, что термометръ Реомюра въ вагонѣ показывалъ всего 6° тепла; это, надо замѣтить, было среди іюня. Днемъ, правда, температура поднялась опять до 20° . Для сравненія можно за-

мътить, что въ Красноярскъ, который лежить почти на одной широтъ съ Москвою, морозы неръдко держатся до половины мая; въ колодцахъ ледъ тамъ почти во все лъто не стаиваетъ.

При видё богатых селеній по старому почтовому тракту мнё особенно бросалась въ глава чрезвычайная скученность избъ въ поселкахъ. Простора, казалось бы, здёсь было довольно; а всетаки поселяне строятся такъ тёсно, что отъ одной вспыхнувшей въбы погораетъ иногда цёлая деревня. Они какъ будто вынесли съ собой это пристрастіе къ скученности изъ Россіи, гдё живутъ также тёсно. Когда я выразилъ сомиёніе, не крестьпнскіе ли начальники, отводя участки переселенцамъ, понуждають ихъ строиться такъ скученно, то мнё возразили, напротивъ: по уставу крестьянскіе начальники обязаны наблюдать за надлежащимъ проведеніемъ улицъ въ селеніи, за оставленіемъ достаточныхъ промежутковъ между строеніями, и еслибъ они не вмёшивались въ дёло, то крестьяне строились бы, пожалуй, еще тёснёе.

Миновавъ поля, пестръвшія цвътами, среди воторыхъ въ эту нору пришлось болье всего любоваться ярко-желтыми лиліями, и пробхавъ потомъ по сумрачной тайгъ, повядъ на третьи сутви подошелъ въ Красноярску. На этотъ разъ я, вопреки увъреніямъ извовчика, будто въ гостиницъ "Россія" всъ номера заняты, настойчиво потребовалъ, чтобы онъ свезъ меня именно въ этотъ отель. Въ новой гостиницъ все устроено на европейсвій ладъ: вода проведена во всъ номера, они освъщаются электричествомъ. При всемъ томъ цъны довольно умъренныя: просторный, удобно обставленный номеръ стоить въ сутки два рубля; объдъ изъ пяти корошо приготовленныхъ блюдъ—1 руб. 25 воп.; на всъ остальные предметы цънь—въ соотвътственномъ размъръ.

Надо вообще вамътить, что съ проведеніемъ жельвной дороги цъны на всъ предметы мануфактурной промышленности въ сибирскихъ городахъ значительно подешевъли противъ прежняго. И понятно: въ былое время здъшніе торговцы закупали товары по ярмаркамъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ; съ открытіемъ же ноъздовъ по рельсамъ, они вступили въ непосредственныя сношенія съ московскими фирмами. Вслъдствіе этого, покупан въ городахъ разные предметы и прицъниваясь къ нимъ, я убъдился, что мануфактурныя издълія здъсь, пожалуй, не дороже, чъмъ въ Москвъ.

Замётимъ также, что съ открытіемъ парового движенія сильно изм'єнняся карактеръ ярмарокъ вообще. Даже мелкія ярмарки, въ род'є Никольской въ город'є Ишим'є, по посл'єднимъ изв'єстіямъ, начали падать, привлекая лишь мелкихъ покупателей: д'єло въ

томъ, что одни товары съ мъстъ сбора отправляются въ мъстамъ назначенія, а другіе—выписываются прамо съ мъста ихъ обработки. Въ былое время европейскія издълія пріобрътались сибирявами на нижегородской и ирбитской ярмаркахъ, куда сбывались также добытые въ Сибири продукты. Въ настоящее же время картина крупнаго торговаго посредничества совершенно измънилась: мелкіе торговцы вступили въ непосредственныя сношенія съ производителями въ Европъ. Мало того, фабриканты и экспортеры стали посылать въ Сибирь комми-вояжеровъ, сбывающихъ товары по образцамъ. Вслъдствіе этого много оптовыхъ фирмъ въ большихъ городахъ Сибири прекратили свои коммерческія операціи.

Сверхъ того, для сибирскихъ торговцевъ въ настоящее время стали открываться новые способы для непосредственныхъ сиошеній съ заграничными фирмами, не только по желізнымъ дорогамъ, но даже по болве выгоднымъ воднымъ путамъ. И дъйствительно, навигація моремъ оказалась возможною, благодаря именно протекающему въ Красноярске Енисею. Кстати заметимъ здёсь, что направленіе главныхъ рёвъ въ Сибири, за исвлюченіемъ Амура съ его притовами, правда, мало благопріятствуєть развитію пароходства по пути съ запада на востовъ; зато теченіе ихъ овазывается выгоднымъ для населенія въ томъ отношеніи, что, протекая съ юга на съверъ, ръки снабжають суровые северные края продуктами изъ хлебородныхъ южныхъ областей. Мало того, такъ какъ сибирская магистраль пересъкаеть главныя ръки почти по среднев, то онь служать важными подъъздными путями, подвозя въ желъзной дорогъ ръчные грузы съ сввера и съ юга. Во всякомъ случав, однако, перевозка по рельсамъ грузнаго и малоценнаго товара оказывается крайне невыгодною, и воть въ этомъ-то случай хорошимъ подспорьемъ рельсовому пути можеть служить вавигація моремъ.

Имъя въ виду воспользоваться морскими сношеніями съ Сибирью чрезъ Ледовитый океанъ, въ семидесятыхъ годахъ уже нъсколько пароходовъ съ товарами изъ Петербурга успъли добраться до Енисейскаго залива, а оттуда даже до города Енисейска. Однако, главнымъ піонеромъ въ этомъ случат все-таки следуетъ признать англійскаго капитана Виггинса. Во время своихъ смёлыхъ плаваній по Ледовитому океану онъ убедился, что въ теченіе почти восьми недёль ежегодно, въ августт и сентябрт, Карское море освобождается отъ льдовъ; такъ что тогда открывается возможность проникнуть въ Обскую губу и Енисейскій заливъ. Послё нёсколькихъ болёе или менте удачныхъ по-

中心不知道是一种人,我不知道是一个一个人的人的人

пытокъ, настойчивому англійскому капитану удалось, наконець, въ 1896-мъ г., провести три парохода въ устье Енисея, а оттуда на баржахъ перевести грузный товаръ въ самый Красноярскъ. При этомъ, между прочимъ, доставлено было значительное количество рельсовъ для строившейся желъзной дороги, а сверхъ того нъсколько паровыхъ машинъ для золотопромышленниковъ. Тъ же суда возвратились вспять съ полнымъ грузомъ тяжеловъсныхъ продуктовъ, преимущественно хлъба въ зернъ.

Послё таких удачных предпріятій образовавшаяся англійская компанія торговли съ Сибирью открыла даже свою агентуру въ Красноярскі. Сверхь того, въ виду этихъ сношеній съ Англіей, въ настоящее время предполагается устроить въ Обской губі отпускной морской нортъ. На такой конецъ въ бухті будуть воздвигнуты портовыя сооруженія, какія необходимы для удобной стоянки, нагрузки и разгрузки судовъ.

Такимъ образомъ торговыя сношенія моремъ Сибири съ европейскими фирмами окончательно установились, и несмотря на весьма ограниченный сровъ, какимъ суждено пользоваться этимъ сношеніямъ, они, благодаря главнъйше проведенію желъзной дороги, должны оказать значительное вліяніе на торговое развитіе Сибири вообще и Красноярска въ особенности. И въ самомъ дълъ, расположенный на берегу Енисея при самомъ пересъченіи его желъзною дорогой, городъ служить какъ бы средоточіемъ, въ который будутъ стекаться товары со всъхъ четырехъ странъ свъта: съ съвера и съ юга по ръкъ, а съ востока и запада—по рельсамъ. Не даромъ Красноярскъ признается городомъ великаго будущаго.

VIII.—Минусинскъ.

Пароходъ "Минусинецъ". — Виды по берегамъ. — Характеръ золотопромышленности. — Вольная каторга. — Минусинскъ. — Сношенія съ Китаемъ. — Музей. — Мараловодство. — Инородцы.

Изъ Красноярска мет предстояло подняться на пароходъ вверхъ по Енисею до Минусинска. Однако, въ виду мелководія ръкъ, необходимо было изъ стоявшихъ на пристани пароходовъ выбрать такой, который сидить въ водт не глубже двухъ-трехъ футовъ. На такомъ пароходъ, по проввищу "Минусинецъ", я и занялъ каюту перваго класса, за что заплатилъ 7 руб. 30 коп. По прямой линіи отъ Красноярска до Минусинска наберется около 250 верстъ, а по извилинамъ ръки, надо полагать, еще

на одну треть болье. На все плаваніе противъ быстраго теченія ръки пошло около трехъ сутовъ. При этомъ пароходъ на буксиръ влекъ за собой баржу, на которой переправлялось около полутораста переселенцевъ.

Довольно чистая вода рёви съ зеленоватымъ оттенвомъ быстро неслась мимо парохода, унося внизъ по течению нъсколько плотовъ съ строевымъ лёсомъ. Ограниченная свалистыми берегами ръка мъстами расширилась до полуверсты, а мъстами съуживалась до ста съ небольшимъ саженъ. Вотъ на левомъ берегу у подножія горы показался монастырь: вдоль берега тянется продолговатое бълое зданіе, напоминающее по наружности вазармы; позади него стоить церковь съ позолоченнымъ куполомъ. На правомъ берегу вруго надъ поверхностью воды поднимается островонечная скала, такъ называемый здёсь "Внувовъ камень". Правый берегь вообще поражаль взоры своими изборожденными причудливой формы отвъсными свалами. Наслоенія разнородныхъ ваменныхъ породъ обнаруживались въ нихъ съ такою отчетливостью, что по нимъ, мив казалось, удобно было бы наглядно изучать геологическія формаціи. Вскор'в затімь пароходь причалилъ къ правому берегу, гдв расположенъ свить съ церковью и часовней. Высадивъ здёсь двухъ монаховъ, пароходъ двинулся далве вдоль берега подъ навъсомъ зубчатыхъ свалъ.

На ночь молодой парень, прислуживавшій пассажирамъ, отвель меня внизь, въ особую каюту въ междупалубномъ пространствѣ, гдѣ я предался спокойному сну подъ шумокъ машины в плеска воды о борта парохода. Насъ было всего двое пассажировъ перваго класса, и мы днемъ занимали общую, хотя небольшую, но уютную комнату на верхней палубѣ, проводя время въ интересной для меня бесѣдѣ. Мой спутникъ сообщаль любопытныя свѣдѣнія о золотыхъ прінскахъ въ долинѣ Абакана, одного изъ притоковъ на югѣ Енисея. Эти прінски состояли подъ его вѣдѣніемъ, и онъ предложилъ мнѣ вступить въ компанію въ этомъ предпріятіи. Хотя я и отказался отъ участія въ дѣлѣ, а все-таки успѣлъ въ бесѣдѣ съ моимъ спутникомъ довольно обстоятельно ознакомиться съ общимъ характеромъ волотопромышленности, имѣющей такое важное значеніе для Сибиръ.

Въ былое время золото въ Сибири добывалось большею частью въ розсыпяхъ. Добыча въ руднивахъ затрудняется вообще отсутствиемъ необходимыхъ для того машинъ и дороговизною техническихъ средствъ, безъ воторыхъ нельзя обойтись въ дъле; такъ что вообще руднаго золота добывается весьма ограниченное воличество. Что же касается розсыпей, то въ нихъ про-

мывка золотоносныхъ песковъ совершается до сихъ поръ чуть ли не примитивнымъ способомъ. Въ последнее время, какъ говориль мой собестдению, стали примънять въ дълу особыя машины, такъ называемыя драги, автоматически вычернывающія нзъ воды и промывающія золотоносные пески. Но на обзаведеніе этой новоизобретенной машины тавже требуются деньги. У самихъ золотопромышленнивовъ зачастую не хватаетъ средствъ; а компаньоновъ съ капиталами найти не легко: въ Сибири всякій вапиталисть пытается вести дело самостоятельно. Тавимъ образомъ случается, что въ вонцв вонцовъ прінсви поступають въ руки иностранныхъ капиталистовъ. И дъйствительно, въ Минусинскомъ округъ однимъ изъ богатыхъ пріисковъ завладъла уже бельгійская компанія. Русскіе капиталисты, вакъ видно, неохотно принимають участіе въ выгодныхъ предпріятіяхъ въ Сибири, и въ этомъ отношении нельзя не согласиться съ замъчаниемъ, что Россія дала Сибири одну только рабочую силу въ своихъ переселенцахъ, но отвазалась снабдить ее капиталами.

Такія же неутішительныя свідінія сообщаль мой спутнивь васательно отношеній золотопромышленниковь въ рабочимь. Хотя онъ самъ служилъ диревторомъ на прінсвѣ,—несмотря на то, онъ безпристрастно, безъ утайви говорилъ объ этомъ трудѣ вольной катории, какъ навывають его рабочіе. Это все тоть же рабочій вопросъ, что непрестанно повторяется на нашихъ фабри-кахъ. Лишенные возможности бороться противъ притвсненій и нуждъ, какимъ подвергаются пріисковые наемники вследствіе эвсплоатаціи алчныхъ золотопромышленнивовъ, рабочіе то-и-дѣло убъгаютъ съ пріисвовъ, захвативъ забранные впередъ задатки. Зло происходить отчасти отъ господствующей системы наемви людей на эту вольную каторгу. Стараясь набрать ихъ поболве, подешевле, наемщики, подобно вербовщикамъ, набирающимъ охотниковъ въ солдаты, прибъгають ко всякимъ незаконнымъ средствамъ, лишь бы закабалить къ прінсвамъ нуждающагося оборвыша. Спаивая его виномъ и пользуясь разгуломъ, развратомъ, воторымъ предаются охмельвшіе наемники, наниматель въ удобную минуту подсовываеть имъ для подписи вонтракть, и это мъстной администраціей признается добровольнымъ наймомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нанимается всякая шваль, н на тажвую прінсковую работу попадають хилые, неспособные въ такому труду субъекты, которые только и помышляють о томъ, какъ бы избавиться отъ непосильной каторги бъгствомъ въ глубь тайги. Мало того, даже здоровые рабочіе, которые, прельстясь высокою платою, действительно, по доброй воле идутъ

на эту каторгу, и тё даже, при плохой и тяжкой жизни въ тайгё на прінскё, разстронвають свое здоровье, такъ что въ концё концовь они также помышляють лишь о томъ, какъ би избавиться отъ прінска. А въ средё золотопромышленниковъ, сверхъ того, недавно возникла мысль устроить нёчто въ роде синдиката, съ тёмъ, чтобы окончательно закабалить прінсковыхъ рабочихъ и лишить ихъ возможности заявлять протесты: дёло въ томъ, что хозяева обязались другь передъ другомъ не принимать на работу въ прінскё протестующаго и разсчитаннаго кёмълибо изъ нихъ наемника.

По мірів того какъ пароходъ подвигался впередъ, берега ръки становились все низменеве и на нихъ зачастую стали появляться селенія. Мы изръдка приставали въ берегу, съ твиъ, чтобы забрать приготовленныя тамъ дрова. Въ такихъ мъстахъ на берегъ изъ сосёднихъ селъ выходили бабы съ моловомъ, хлёбомъ, вренделями и тому подобною снёдью, а между прочимъ тавже съ землянивой, и мы запасались ею для дессерта въ объду. Кстати вам'втимъ, что на пароход в пассажиры харчились на свой счеть. Тоть же услужливый парень снабжаль насъ часиъ, вофеемъ и объдомъ, приготовляемымъ по заказу кухаркой весьма порядочно и за довольно умеренную плату. Забравъ дрова, пароходъ шель далбе до следующей пристани. Русло реки съуживалось все более. Надъ нами съ врикомъ носились чайки, быстро спусваясь въ воду за рыбешкой. На встречу попадались изредка другіе пароходы; а въ одномъ місті съ ліваго берега на правый народъ съ возами переправлялся на особаго устройства паромъ. По немъ ходили четыре лошади на приводъ, которымъ приводились въ движение два колеса: такимъ образомъ эти лошади удачно замвняють собою паровой двигатель. Въ другомъ мъсть на правомъ берегу живописно раскинулась усадьба, а при ней стояла мельница для производства врупчатки. Навонецъ пароходъ присталь въ берегу, а верстахъ въ трехъ оттуда находился окружной городъ Минусинскъ. Я пробхалъ туда на извозчикв, а пароходъ, влача за собой баржу съ переселенцами, пошель еще далее въ югу версть на пятьдесять.

По наружному виду я нивавъ не могъ признать Минусинскъ городомъ и тъмъ еще менъе окружнымъ. Въ тридцатыхъ годахъ на этомъ мъстъ стояло село Минуса, и жители согласились сдълаться горожанами лишь съ тъмъ условіемъ, чтобы при нихъ оставили ихъ земельные надълы, такъ чтобы они могли продолжать заниматься хлъбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ 1837-мъ году въ городъ переведены были на житье изъ Читы декабристы,

а именно братья Бёляевы. Одинъ изъ нихъ, А. П., разсказываетъ между прочимъ въ статъв, напечатанной въ "Русской Старинъ" (1881-го г., іюль), что окружному начальнику прислано было предписаніе устроить на берегу Енисея овчарню на семьсотъ русскихъ овецъ. Къ этимъ овцамъ были затъмъ присланы мериносовые производители. Опытъ удался вполнъ, такъ что въ третьемъ колѣнъ уже овцы дали очень тонкую шерсть. Однако, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, компанія предпринимателей не могла сбыть собранную шерсть и по неволъ прекратила затъянное предпріятіе. По свидътельству знатоковъ овцеводства, нигдъ въ Европъ мъстная овца не обнаруживаетъ такого быстраго перерожденія въ породу мериносовъ, какъ въ Сибири. Въ настоящее время, пользуясь пароходствомъ и желъзною дорогой, можно бы съ выгодой заняться здъсь овцеводствомъ.

Въ числъ деревинныхъ, довольно ветхихъ строеній, изъ кажихъ состоить городъ, я засталь мало гакихъ, которыя походили бы сволько-нибудь на городской домъ. Въ добавокъ во всему, при мив на этотъ разъ шелъ сильный дождь, и, вынужденный просидеть въ номере, я спросиль у хозяина какую-нибудь гавету. Мив дали старый номерь, который я усивль уже прочесть въ Красноярскъ. Хозяинъ объяснилъ, что почта на лошадяхъ приходить весьма неакуратно, такъ что гаветы получаются иногда всего раза два въ недёлю. Пароходы, правда, пристають въ берегу почти ежедневно, но, въ сожалвнію, они не забирають съ собою почты. А между твиъ Минусинску со временемъ, повидимому, суждено занять весьма важный пость среди сибирскихъ городовъ, въ особенности, благодаря торговымъ сношеніямъ съ соседнимъ Китаемъ. Самымъ важнымъ продуктомъ въ этомъ отношении следуетъ привнать, вонечно, чай. Эта тортовля испоконъ въка, какъ извъстно, производится черезъ Кяхту, отвуда товары перевозятся на Иркутскъ. Однако, этоть путь н дорогъ и затруднителенъ, такъ что торговыя фирмы давно уже разъискиваютъ другія, болъе удобныя средства сообщенія. На тавой вопросъ отозвался даже комитетъ сибирской железной дороги, признавъ необходимымъ организовать новый, наиболже выгодный торговый путь въ сношенияхъ съ Китаемъ. Такимъ путемъ, по всемъ соображениямъ, не только по разстоянию, но и по другимъ условіямъ, долженъ быть признанъ путь на Минусинскъ, какъ на прибрежный городъ, стоящій при большой судоходной рвив, которая, береть свое начало въ областяхъ Китая. И двиствительно, образуясь въ предълахъ Монголіи изъ соединенія двукъ потоковъ, великая ръка Енисей вступаеть вскоръ затъмъ

въ Минусинскій округъ и представляеть такимъ образомъ выгодный водный путь. Преодолёть препятствія, представляемыя узкимъ ущельемъ, образуемымъ при пересёченіи ревою Самсскаго хребта, не составляетъ особенныхъ трудностей, такъ что часторговцы,—какъ сообщаютъ газеты, — недавно успели произвесть доставку чая изъ Китан по этому вовсе еще не организованному водному пути.

Такимъ образомъ Минусинскъ, какъ надъются мъстные вомерсанты, со временемъ преобразуется въ врупный торговый городъ. Надежды на будущее шировое развитіе его усиливаются еще тъмъ болъе, что Минусинскъ и въ настоящее время уже составляеть главное средоточіе весьма плодороднаго вран, воторый не даромъ издавна слыветь житницей Сибири. Но этимъ надеждамъ въроятно не своро суждено осуществиться, а между темъ Минусинскъ въ настоящее время привлекаетъ къ себе посътителей, единственио благодаря открытому въ немъ превосходному музею. Основанный по личной иниціатив' неутомимыми стараніями Н. М. Мартьянова, этоть музей заслужиль достодолжную изв'ястность не только въ Россіи, но даже за границей, такъ что посвщающіе Снбирь иностранцы считають долгомъ завхать въ Минусинскъ единственно съ цвлью осмотрвть его интересныя коллекціи. Наше правительство въ свою очередь также достойно оцвинло безкорыстные труды основателя, назначивь оть казны небольшую субсидію въ количеств'я выдаваемыхъ ежегодно полуторы тысячи рублей, что и послужило для дальнъйшаго расширенія этого полезнаго учрежденія.

Подходя въ ваменному двухъ-этажному зданію музея, я уведіль надъ порталомъ слідующую, составленную изъ барельефныхъ буквъ, надпись: Гмелинг, Вассершмидт, Палласт. Это, какъ извійстно, имена трехъ знаменитыхъ изслідователей сибирской флоры, фауны и этнографіи, посітившихъ край еще въ XVIII столітіи. У входа я засталь кучку собравшихся туть молодыхъ людей, занимающихся въ музей подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ.

Этнографическій отдёль особенно богать собраніемь типовъ инородческаго населенія въ видё манекеновь, жилищь, костюмовь, также иныхъ предметовь ихъ быта и проявленій дуковной жизни: туть, между прочимь, къ предметамь, относящимся въ шаманству, присоединена коллекція идоловь, чтимыхъ мёстными инородцами. Въ средё археологическихъ коллекцій находятся также каменная баба съ верховьевъ Енисея, каменный осколокъ, изображающій голову, каменное уродливое изображеніе

лица, шен и груди, гранитное изображение человъка съ жертвенной чашей въ рукахъ. Къ тъмъ же коллекціямъ относятся тавже: бронзовое зервальце, медные ножи и иные подобнаго рода мелкіе древніе предметы изъ бронзы. Такой же полнотой отличаются минералогическій и зоологическій отдёлы. Въ послъднемъ меня въ особенности заинтересовали рога сибирскаго оленя, такъ называемаго марала. Этотъ распространенный по Сибири дикій олень водится между прочимъ въ южной, пограничной съ Китаемъ области Минусинскаго округа. Тамъ крестьяне приручають этихъ животныхъ, устроивая для нихъ особые загоны. Въ нихъ промышленники воспитываютъ пойманныхъ молодыхъ мараловъ. Такое мараловодство господствуетъ во многихъ иныхъ мъстностяхъ Сибири. Промышленники около Петрова дня спиливають съ мараловъ рога, варять ихъ въ водъ съ солью и продають за дорогую цену китайцамъ. Китайцы извлекають изъ роговъ особое вещество, которое, какъ сильно возбуждающее средство, цънится у нихъ весьма дорого.

Богатое собраніе разныхъ гербаріевъ знакомитъ съ флорой южнаго Енисея, Минусинскаго округа и другихъ сосъднихъ мъстностей. Въ этомъ отношеніи важнѣе всего та польза, какую доставилъ музей сельскому хозяйству въ краѣ, а именно распространеніемъ лучшихъ сѣмянъ культурныхъ растеній, равно какъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій.

Кстати замътимъ здъсь, --- хотя по примъру Минусинскаго музен отврыты были подобные также и въ другихъ городахъ Сибири, однако ни одинъ изъ нихъ не проявилъ такого научнаго значенія и не оказалъ такого благотворнаго вліянія на мъстное населеніе, какъ Минусинскій. Это обстоятельство должно поражать твиъ болве, что самъ Минусинскъ, по своему наружному виду, какъ было упомянуто, едва заслуживаетъ названія города. Нельзя не обратить вниманія на то, что въ Сибири по городамъ вообще встръчается много музеевъ. И дъйствительно, последніе отврыты не только въ такихъ резиденціяхъ, какъ Иркутскъ, Томскъ и Красноярскъ, но основаны также въ Омскъ, даже въ Забайкальской Читъ и въ иныхъ, менъе значительныхъ ивстечкахъ. Такое пристрастіе сибиряковъ къ музеямъ можно объяснить развѣ тѣмъ, что во всякой мѣстности Сибири попа-даются, такъ сказать, подъ рукой разные интересные предметы, въ родъ сохранившихся въ землъ археологическихъ ръдкостей, раскопокъ, а также этнографическихъ особенностей, связанныхъ съ существованіемъ инородцевъ въ край. Наблюдая въ этихъ мувеяхъ собранія манекеновъ, облеченныхъ съ ногъ до головы

Томъ I.—Февраль, 1903.

въ національные востюмы, невольно приходишь въ тому выводу, что въ этихъ воллевціяхъ для потомства сохраняется какъ бы память о бытъ народа, которому, какъ всякому первобытному племени, при его столкновеніи съ высшей цивилизаціей, неминуемо суждено исчезнуть съ лица земли. А при всемъ томъ слъдуетъ обратить вниманіе на то, что русскіе поселенцы отнюдь не сурово относятся въ сибирскимъ инородцамъ; напротивъ, первые зачастую стараются сблизиться съ послъдними: вступан неръдко даже въ свойство съ инородцами, русскіе поселенцы обязательно преобразуютъ ихъ, пріурочивая ихъ отчасти въ своей національности. А потому, не уничтожая инородцевъ, русскіе, такъ сказать, смъщиваются съ ними и роковымъ образомъ искореняютъ какъ бы типичныя свойства инородческаго племени.

Въ дополнение въ свъдъниять о Минусинскомъ музев могу еще прибавить, что коллекции во всъхъ одиннадцати существующихъ тамъ отдълахъ состоятъ, въ общемъ, изъ 54.126 предметовъ. При музев имъется также общественная библютека, въ которой насчитывается около 15.800 названий книгъ и 20.000 томовъ.

Узнавъ на третій день по явившемуся на улицѣ печатному объявленію, что пароходъ "Минусинецъ" причалилъ къ пристани на возвратномъ пути въ Красноярскъ, я поспѣшилъ на извозчикѣ къ берегу и вновь занялъ каюту на пароходѣ. Плаваніе по теченію рѣки совершилось, конечно, гораздо быстрѣе, такъ что на вторыя сутки я поспѣлъ уже въ Красноярскъ съ тѣмъ, чтобы оттуда немедля двинуться далѣе на западъ. Прибывъ на слѣдующій затѣмъ день на станцію Тайгу, я пересѣлъ на другой поѣздъ, который по особой вѣтви направляется на сѣверъ къ городу Томску.

ІХ.-Томскъ.

Университеть и другія учебныя заведенія.—Биржа труда.— Ботаническій садь.— Театры въ Сибири.—Итоги.

Въ этомъ средоточіи сибирскаго просвіщенія меня прежде всего интересоваль, конечно, университеть. Пройдя мимо окруженнаго деревьями величественнаго Троицкаго собора и завернувъ вправо, между прекраснымъ домомъ архіерея и зданіемъ управленія сибирской желізной дороги, я миноваль ватімъ театръ, городскую больницу и вышелъ наконець на почти пустынную

жестность передъ просторною, обведенною оградой площадью, въ глубинъ воторой вытянулось обширное трехъ-этажное здание величавой строгой архитектуры. Необходимо заметить, что все упомянутыя выше зданія — каменныя, и такихъ въ Томскі насчитывается болье, чымь въ другихъ сибирскихъ городахъ, даже больше, чёмъ въ Иркутске. Университеть расположенъ вакъ бы во главъ березовой рощи, которая раскинулась за нимъ настоящимъ паркомъ. Такое мъстоположение составляетъ особенную прелесть научнаго зданія и выгодно обособляєть этоть храмъ просвёщенія, удаляя его оть городской суетни. Къ университету примываеть превосходная влинива. Состоящій при немь музей вивств съ библіотекой быль закрыть, и мив не удалось посвтить его, такъ какъ директоръ покинулъ на лъто городъ. Тутъ же по близости-ваменный въ три этажа домъ общежитія студентовъ. Прибавлю еще свъдънія, какія я успъль добыть изъ отчета за 1899 г., когда университетъ вступилъ въ двенадцатый годъ своего существованія. Тогда студентовъ въ медицинскомъ факультеть состояло 310, а въ юридическомъ-открытомъ лешь въ 1898 году-всего 137 человекъ. Въ 1900 году по октябрь мёсяць всёхъ студентовъ насчитывалось около 550 че-JOBŠKI.

Туть же, не въ дальнемъ разстояніи отъ университета, воздвигнуто еще новое зданіе техническаго института. Попавъ въ Томскъ какъ разъ во время наступившихъ вакацій, я въ сожаявнію не могь собрать болве подробных сведвній касательно этихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Сибири. Не только профессора, но чуть ли не всв студенты повинули городъ, тавъ что по улидамъ почти вовсе не приходилось встръчать вого-нибудь изъ нихъ. Замътимъ вообще, что за послъднее время въ средъ интеллигентныхъ сибирявовъ сильно развилось стремленіе всёми средствами способствовать научному образованію въ странв: самый университеть быль основань большею частью на суммы, пожертвованныя частными лицами. Одинъ изъ интеллигентныхъ купцовъ въ Томскъ, А. Ев. Кухтеринъ, недавно пожертвовалъ вемлю съ домомъ для помъщенія въ немъ коммерческаго училища, воторое имбеть быть вскорь открыто. Это будеть первое въ Сибири заведение подобнаго рода.

Мив удалось, однако, посвтить здвшній ботаническій садъ. Онъ весьма удобно расположень среди густого парка и вмістів съ своими оранжереями, изобилующими экзотическими растеніями, служить превосходнымь подспорьемь для нагляднаго изученія ботаники.

. ...

Впрочемъ, Томскъ не только по университету и техническому институту привнается средоточіемъ просвіщенія въ Сибири, -- онъ обладаеть также значительнымь числомь среднихь и низшихь учебныхъ заведеній. Сверхъ того, я узналь еще, что въ городь недавно состоялось отврытие "Общества содействия устройству сельских безплатных библіотекъ-читаленъ . Діятельность этого общества безъ сомивнія послужить въ пользу сельскаго населенія. Упомянемъ еще о томъ, что въ непродолжительномъ времени въ Томскъ имъется въ виду открыть учреждение совершенно новаго рода, а именно "Биржу труда". Иниціатива въ этомъ дёлё принадлежить желёзнодорожнымъ служащимъ: такъ какъ вследъ за постройкой Великой сибирской желёзной дороги будуть, конечно, проектированы побочные пути, а со временемъ въ враб разовьется также мануфактурная промышленность, то запросъ на трудъ безъ сомивнія усилится. Поэтому для заинтересованныхъ сторонъ оважется врайняя потребность въ такомъ центральномъ учрежденіи, которое по возможности регулярно распредъляло бы трудъ въ странъ. Въ настоящее время рабочіе собираются въ городъ на мосту, переквнутомъ черезъ ръчку Ушайку, впадающую въ болье широкій Томь. Здёсь они, подвергаясь ненастью, по цёлымъ днямъ безъ толку просиживають въ ожидании заработка. По этому поводу железнодорожные служащіе, преимущественно мелкіе, и подали на имя городского головы заявленіе, вследствіе котораго городская дума рѣшила ознаменовать сорокалѣтіе отмѣны крѣпостного права открытіемъ "Биржи труда". Для этого имбется въ виду постройва барака для защиты рабочихъ отъ ненастья, открытіе бюро для прінсканія м'єсть и работы, организація доступной для б'єднаго населенія юридической помощи, устройство дешевой столовой в чайной, и наконецъ открытіе народной читальни. При своемъ заявленіи рабочіе предлагали отъ себя въ пользу "Биржи" свой дневной заработовъ 19-го февраля истевшаго года. Гласные вы думъ съ единодушнымъ сочувствіемъ отнеслись въ устройству "Биржи", и назначили коммиссію для осуществленія благого предпріятія, ръшивъ ассигновать для этого изъ средствъ города 3.000 рублей и открыть подписку для сбора частныхъ пожертвованій. Зд'вшнее интеллигентное общество вообще всегда отвывчиво относилось въ такимъ вопросамъ, а потому и нельзя сомевваться въ полномъ успъхъ задуманнаго предпріятія.

Каменное зданіе театра въ Томскѣ не такъ велико, какъ въ Иркутскѣ, но съ виду оно весьма красиво. Въ здѣшнемъ театрѣ зимой даетъ спектакли довольно значительная драматическая

труппа. Впрочемъ, я засталъ здёсь летомъ другую группу, воторая давала свои представленія въ менте общирномъ театръ. Вообще, сибиряви, какъ мнъ показалось, одержимы пристрастіемъ къ подобнаго рода развлеченіямъ. Въ этомъ отношеніи меня заинтересовала попытва одного изъ извёстныхъ въ Сибири антрепренеровъ, г. Ярославцева-Сибирява, устроить плавучій театръ по ръвъ Ленъ до города Якутска. На такой конецъ предпріничнымъ антрепренеромъ сооруженъ быль паузовъ, родъ мелвоводнаго судна длиною въ 10 саженъ, шириною въ 10 аршинъ. Высота самаго театра была 41/2 аршина. Всъхъ мъстъ имълось 190. Театръ, какъ оповъщаетъ самъ Ярославцевъ, проплылъ съ 1-го мая по 23-е іюля отъ села Качуга на Ленъ до Якутскаразстояніе въ 2.553 версты. За это время, при остановкахъ въ разныхъ мъстахъ, дано было 43 спектакля. Сверхъ того давались еще спектакли во временныхъ театрахъ разныхъ городовъ но пути. Репертуаръ состоялъ изъ одноавтныхъ комедій, водевилей и дивертиссементовъ. Однако, этотъ первый опыть въ Россіи устройства плавучаго театра овазался не совсемъ удачнымъ, по жрайней мъръ въ отношения доходности. И дъйствительно, расходы превысили общій валовой сборъ на 2.000 рублей. Несмотря на то, путешествіе до Якутска по Ленъ производило впечатлъніе лътней пріятной прогулки, какъ выражается самъ Ярославцевъ въ своей статьв, помещенной въ "Сибирскомъ Наблюдателе". Это, — заметимъ встати, - весьма интересное по сообщаемымъ о Сибири свъдъніямъ періодическое изданіе выходить въ Томскъ внижвами двънадцать разъ въ годъ, подъ редавніей самого издателя, А. Долгорукова.

Гуляя по городу, я перебрался по мосту на другую сторону протевающей среди Томска рёчки Ушайки и вышель на раскинутый близь самаго устья потока базарь. На другомъ концё его я усмотрёль часовню, сооруженную по образцу московской Иверской Божіей Матери. На голубомъ, усёянномъ звёздами куполё стоить вызолоченное изображеніе архангела Михаила съ врестомъ; но здёшняя часовня пом'ящается не между двумя воротами, какъ въ Москве, а въ концё продольной, нёсколько возвышенной крытой эстрады. Между столбами, по об'в стороны этой галереи, разставлены деревянныя скамьи, постоянно занятыя нищими. Карета, въ которой развозится по городу скопированная съ московской икона Божіей Матери, своимъ наружнымъ видомъ и своею упряжью еще болёе напоминаетъ московскую Иверскую.

Повинувъ Томсвъ, я былъ въ состояніи подвести итоги тёмъ немногимъ свёдёніямъ, какія успёдъ собрать въ поёвдей по си-

бирской желізной дорогі. Прежде всего слідуеть замітить, что въ нашей публикі нерідко выражается сомнініе касательно цілесообразности постройки Великой сибирской желізной дороги. Въ этомъ отношеніи необходимо обратить вниманіе на то, что открытіе этого пути тісно связано съ вопросомъ о переселенія части крестьянъ изъ Европейской Россіи. Если такое переселеніе признать благотворнымъ и необходимымъ, то нельзя не согласиться съ тімъ, что проложеніе рельсовъ по лишеннымъ удобныхъ путей сообщенія пустынямъ Сибири окажется вполнів цілесообразнымъ.

На предлагаемые вопросы о причинахъ переселенія врестьяве ссылаются обывновенно на свои недостаточные, отведенные имъ, надълы, вообще на малоземелье. Правда, если сравнить упомянутые надёлы съ тёми участками земли, какими владёють земледвльцы, напримвръ, въ Бельгін, то окажется, пожалуй, что нашимъ крестьянамъ стоило бы только завести у себя такое же интенсивное сельское хозяйство, какое господствуеть въ Бельгів, н они, не прибъгая въ переселению, могли бы прокормиться на своихъ давно насиженныхъ надълахъ. Но, какъ извъстно, земледъльцы врайне цъпко держатся своихъ исвонныхъ хозяйственныхъ порядковъ, а русскіе крестьяне въ этомъ отношеніи еще болве ственены своимъ общимъ бъдственнымъ и безправнымъ положениемъ, такъ что они не въ состояни следовать примеру бельгійскихъ вемледъльцевъ. А потому наши крестьяне, для избъжанія повторявшихся за последнее время голодововъ, по неволе стремятся массами въ дальніе края, на поиски дівственных земель, благо въ нихъ пока еще нътъ недостатка въ Россіи.

Но массовыя переселенія на востокъ, какъ оказывается, стали возможны только благодаря открытію сибирскаго рельсоваго пути. Передавъ общинъ свой надълъ и облегчивъ такимъ образомъ коть сколько-нибуль тяжкое положеніе своихъ остающихся на родинъ односельчанъ, переселенцы въ свою очередь, водворившись на казенныхъ земляхъ въ Сибири, достигаютъ тамътакого довольства, какого никогда не были бы въ состояніи добиться на покинутыхъ ими пепелищахъ. Правительство, притомъ, получаетъ доходъ съ занятыхъ казенныхъ земель. И вотъ, въдикомъ крав, гдъ прежде господствовала пустынная природа, возникаютъ, какъ не разъ приходилось убъдиться во очію по нашему пути, земледъльческія селенія, развиваются начала гражданственности и культуры. Благодаря выгодному сбыту свочкъ продуктовъ, крестьяне расширяютъ свое хозяйство, обзаводятся лучшими орудіями, строятъ молотилки и въялки. По пути намъ не разъ приходилось убъдиться въ томъ, что желъзвая

дорога пробуждаеть въ странъ промышленную жизнь: стоить только вспомнить о широко развившемся въ край маслодильномъ проязводствъ, о выгодномъ сбытъ такихъ продуктовъ скотоводства и рыбнаго промысла, воторые не такъ еще давно пропадали массами вслёдствіе недостатва средствъ сообщенія и невозможности сбыта. Газеты извъщають, между прочимъ, о предполагаемой постройк въ енисейской губерніи перваго въ Россіи электролитейнаго завода. Вообще, нельзя не заметить, что желъзная дорога привлекаетъ уже въ край не одинъ только физическій трудь въ лиць переселенцевь, но также производительные вапиталы въ лицъ русскихъ и иностранныхъ предпринимателей. Такъ, между прочимъ, открывается золотопромышленное общество для разработки руднаго золота, потомъ еще рыбопроимшленная компанія съ капиталомъ въ три милліона рублей для производства рыбныхъ промысловъ и въ особенности для изготовленія консервовъ. Объ оживленіи коммерческихъ операцій въ Сибири можно уже судить по отдёленіямъ разныхъ банковъ, какія мы застали во всёхъ посёщенныхъ нами городахъ. Свидътельствомъ въ этомъ отношени можетъ служить также состоявшееся въ апрълъ 1901 года отврытіе торговой биржи въ TOMORTS.

Въ виду такихъ плодотворныхъ результатовъ, достигнутыхъ уже переселеніемъ и не вполив еще готовымъ рельсовымъ путемъ, мы едва ли въ правъ еще сомнъваться въ пълесообразности постройки сибирской жельзной дороги. Но еще болье важное значеніе этого пути для Россіи обнаружитси въ высокой степени, если обратимъ внимание на отношения цивилизованныхъ государствъ въ Китаю. Эта древняя культурная страна до последняго времени была открыта для сношеній съ цивилизованнымъ міромъ почти исвлючительно со стороны моря. А потому господствовавшія съ своими флотами на моряхъ націи и пользовались въ сношеніяхъ съ Китаемъ решительнымъ преимуществомъ, особенно въ воммерческомъ отношении. Но такія преимущества ограничивались лишь мъстами, доступными со стороны моря для пароходовъ. За последнее время, въ виду торговыхъ, промышленныхъ и горноваводческихъ интересовъ, стало сильно пробуждаться всенародное стремленіе пронивнуть во внутреннія, недоступныя со стороны моря области. А такое стремленіе скорте всего достижимо, конечно, при посредствъ пролагаемой до границъ Китая желізной дороги.

Въ заключение напомнимъ еще, что Тихій океанъ съ каждымъ годомъ пріобрътаетъ сильно возростающее значение въ

міровой торговлів: ему вообще суждено сділаться въ будущемъ чрезвычайно важнымъ поприщемъ для международныхъ сношеній. А когда въ скоромъ времени наша магистраль будетъ окончательно доведена по Манчжуріи до береговъ Тихаго океана, то сибирская дорога, замінивъ собой дальній и дорогой морской путь чрезъ Сурзскій каналь въ Дальнему востоку, послужитъ кратчайшимъ путемъ для перевозки туда изъ западной Европы и обратно пассажировъ, почтовой корреспонденціи и также негрузныхъ, но цінныхъ товаровъ. Обратимъ также вниманіе на то, что при такихъ путешествіяхъ изъ Европы на Дальній востокъ пассажиры большею частью не минуютъ Москви, такъ что ее въ такомъ случав по справедливости придется признать средоточіемъ не только Россіи, но также международныхъ сношеній вообще.

Эд. Циммерманъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Въ первыхъ числахъ февраля, лѣтъ пять тому назадъ, выдался одинъ изъ тѣхъ ясныхъ солнечныхъ дней, какими изрѣдка даритъ петербуржцевъ природа нашей сѣверной столицы. Въ такіе дни, Невскій смотритъ веселѣе: сѣрыя, мрачныя стѣны его однообразныхъ домовъ начинаютъ улыбаться своими зеркальными окнами и вывѣсками; улыбаются и подрумяненныя морозцемъ лица публики, снующей по тротуарамъ, лица обыкновенно пасмурныя, блѣдныя, съ явными слѣдами малокровія у женщинъ и "канцелярской немощи" у мужчинъ.

Было одиннадцать часовъ утра. Въ это время на Невскомъ нътъ еще той толпы, какая по обычаю затопляеть его въ предобъденное время, когда "весь Петербургъ" считаетъ своимъ долгомъ фланировать отъ Полицейскаго до Аничкова моста. Въ это раннее время по тротуарамъ спѣшатъ только дѣловые люди — всевозможные просители, мѣстные и пріѣзжіе, старающіеся попасть въ очередь на пріемъ; торопится въ банки торговый народъ— учесть "векселёкъ" или справиться о новостяхъ финансоваго міра. Не мало въ этотъ часъ и чиновниковъ средняго ранга, позволяющихъ себѣ являться въ канцелярію немного повднѣе "мелкой сошки". Они идутъ зато не торопясь, солидно держатъ подъ мышками свои портфели, смотрять важно и шар-

ваютъ калошами. Экипажей еще не много. Изръдка пронесется въ санкахъ-, эгоисткахъ" какой-нибудь модный врачъ или адво-катъ; остальная публика тащится на извозчикахъ. Ихъ измученныя клячи напрягаютъ всъ силы свои и отъ нихъ валитъ паръ. Съ грохотомъ катятся вагоны коновъ, усъянные на имперіалахъ, какъ галками, рабочимъ людомъ...

Въ эти часы фланируютъ по тротуарамъ только прівзжіе провинціалы обоего пола. Ихъ узнаешь сразу: мужчины сіяють блаженно-патріотически, любуясь дорогими модными бездвлушками въ окнахъ магазиновъ: "Вотъ, молъ, какова всероссійская столица! Чего въ ней только нётъ"! Дамъ-провинціалокъ узнаешь потому, что онъ суетливо бъгаютъ изъ магазина въ магазинъ, нагружаясь постепенно свертками и картонками.

Среди этой публики выдѣлялся своей высокой, широкоплечей фигурой и страннымъ костюмомъ плотный брюнетъ лѣтъ сорокапяти. На немъ была длинная сибирская "малица" шерстью наружу и мѣховая странная шапка съ ушами. Черные выощіеся волосы и борода серебрились сѣдиной, хотя лицо съ блестящими карими глазами и сильно выпуклыми губами было моложаво и почти безъ морщинъ. Особенно выдѣлялись почти юношескимъ выраженіемъ глаза: они улыбались, вглядываясь весело во все окружающее, хотя на губахъ бродила то грустная, то насмѣшливая улыбка. Шелъ онъ легкой, совсѣмъ юношеской походкой, не торопясь, и такъ разглядывалъ толпу, какъ будто надѣялся встрѣтить въ ней старыхъ знакомыхъ.

Онъ подходилъ въ шировимъ дверямъ одного изъ банвовъ, когда оттуда торопливо вышла молоденькан особа, плотная, невысоваго роста, въ собольей шубвъ и такой же шапочкъ. У нея было вруглое, румяное, вавъ яблово, лицо, на которомъ торчалъ маленькій носикъ, сжатый черепаховымъ пенснэ. Рыжеватые волосы, подстриженные по-мужски, вились барашкомъ. Она направилась-было въ небольшой кареткъ, стоявшей у подъъзда, подбирая шлейфъ своего длиннаго синяго суконнаго платья, вакъ вдругъ замътила человъка въ малицъ и съ радостнымъ крикомъ протянула ему объ руки...

- Петръ Григорьевичъ! Да васъ ли я вижу?! Кавими судбами вы въ Петербургъ?
- Надежда Николаевна! А въдь я думалъ, что вы гденибудь за границей, —весело отвътилъ брюнеть, сжимая ея рука въ своихъ огромныхъ лапищахъ.
  - Значить, ваши мытарства кончились? Разръшили прі-

вхать въ Петербургъ? — спросила Надежда Николаевна, сильно понижая голосъ.

- И этого мало: пригласили здёсь васёдать въ одну коммиссію!—смёясь, скавалъ брюнетъ.
- Ну, поздравляю!.. А какъ вы сильно измѣнились, Петръ Григорьевичъ! Вѣдь я васъ лѣтъ семь не видала... Да что же мы остановились? Ѣдемъ завтракать ко мнѣ. Кстати, у меня встрѣтите свою сосѣдку, Соню Лопатину: она у меня живетъ, учится живописи въ академіи, и мы съ нею васъ часто вспоминали.
- Очень быль бы радъ повхать сейчась въ вамъ и свою сосъдву повидать, хотя знаю ее только по слухамъ, что она очень интересна... Но сейчасъ, право, не могу: черезъ четвертъ часа долженъ быть у дяди и вхать съ нимъ въ министерство. Если позволите, завду въ вамъ сегодня попозднъе.
- Такъ пріважайте объдать. Только не обманите!—Надежда Николаевна подала ему карточку. Петръ Григорьевичъ, взглянувъ на увенькую полоску плотнаго голубого картона, гдъ было написано: "Надежда Николаевна Петренко", сказалъ шутливо:
- А вы все еще не замужемъ? я еще на-дняхъ спрашивалъ въ письмъ въ насынку: "Неужели, молъ, Надежда Николаевна еще не украсила себя какимъ-пибудь княжескимъ или графскимъ титуломъ?"
- Ужъ и не говорите! смѣясь отвѣтила Надежда Николаевна: — Жду-жду какого-нибудь захудаленькаго сіятельства, который прельстится на мои милліоны, а все нѣтъ! Такъ пріѣдете? Непремѣнно! И привезите съ собой пасынка: я къ нему неравнодушна.

Она опять громко засмъялась.

- Привезу, привеву. Но мей жаль сейчась съ вами разставаться, — проговориль Петръ Григорьевичъ, ласково смотря въ ея маленькіе глазки водянисто-сфраго цейта: — Пройдемте со мной до Надеждинской.
- Отлично! Она сдёлала знакъ кучеру, чтобы онъ **вхалъ** за ними.
- Ну-съ, разсказывайте мив, —начала она, —какъ же вы ноживали последние годы? Немножво я знаю о васъ отъ вашего насынка: просто не хотелось верить, что, вернувшись изъ Перми, вы три года жили безвыездно въ Рахмаровке и не хлопотали.
- Вотъ подите же! такой ужъ я глупый упрямецъ, улыбаясь, отвътилъ Петръ Григорьевичъ.

- Однаво не выдержали, попросили!
- Не попросилъ. Это добрые родственники позаботились.
- Знаю—кто. Кстати, о чемъ коммиссія, въ которую ви попали?
- Коммиссія о томъ, какъ няъ выпаханнаго чернозема дѣлать алмазы. Я прівхалъ спеціально для того, чтобы вѣжливо отказаться... по болёзни: надо обставить отказъ такъ, чтобы опять не разсердились... Видите, и и сталъ благоразумнымъ паинькой... Однако, что же мы все обо мнѣ! А вотъ какъ вы поживаете? Я вижу—цвѣтете. Значитъ, васъ не особенно сокрушаетъ, что никакія сіятельства еще не сіяютъ на вашихъ визитныхъ карточкахъ.
  - О, я чувствую себя отлично. Дъла по горло.
- Слыхаль, слыхаль, и очень за вась радовался. Все это преврасно, а воть личная-то жизнь—какь? Въдь навърное иногда сердечко щемить? "А годы уходять, все лучшіе годы"...
- Фи, какой вы гадкій стали! Воть ужь оть кого не ожидала! Вы что же, въ своей Рахмаровкъ да Перми дожились до того, что личную жизнь проповъдуете?
- Какъ вамъ сказать? Не проповъдую... Остался я тъмъ же прежнимъ Рахмаровымъ... Но... вогда жизнь почти изжита и впереди уже ничего не ждешь, —просыпается иногда нотка, плачущая о личномъ счастьъ... Однаво, оставимъ это! Я, въ самомъ дълъ, запълъ что-то похоронное... —И онъ шутливо продекламировалъ: "Впередъ, бевъ страха и сомиънъя! "... А вотъ и Надеждинская. Спасибо, что проводили...

Пова Рахмаровъ поднимается по лъстницъ, устланной вовромъ, во второй этажъ большого дома на Надеждинской, скажемъ два слова о немъ и о Надеждъ Николаевнъ Петренво.

У него было большое имѣніе. Предви настолько разорили это старое дворянское гнѣздо, что Петръ Григорьевичъ едва могъ сводить концы съ вонцами. А расходы были не малые: жена, съ воторой онъ давно разошелся, жила постоянно за границей съ двѣнадцатилѣтней дочерью, а въ Петербургѣ приходилось содержать ея сына отъ перваго брака, студента Бѣлоконскаго. Семь лѣтъ тому назадъ, Рахмаровъ, живя въ деревнѣ, работалъ какъ волъ, и въ своемъ имѣніи, и въ земствъ, гдѣ былъ руководителемъ съ самаго начала введенія земства. Но тутъ надъ нимъ стряслась бѣда: сказалъ онъ какую-то рѣчь въ дворянскомъ собраніи, а послѣ долженъ былъ провхаться на сѣверо-востокъ Россіи. Тамъ онъ прожилъ четыре года, и вернувшись въ свою разоренную Рахмаровку, засѣлъ тамъ без-

выжано. Среди его родственникова ва Петербурга, вскора по его возвращени, прошли слухи, что вернулся она не одина, а съ какой-то женщиной и двумя датьми, живета отшельникома, ни ка кому не аздита и никого не принимаета.

Что васается Надежды Ниволаевны Петренво, — она была дочь изв'ястнаго московскаго богача-фабриванта, сдёлавшагося милліонеромъ изъ простыхъ врестьянъ. Николай Ниволаевичъ Петренво съумълъ такъ "образовать" себя, что съ нимъ вели знажомство всё московскія ученыя, литературныя и художественныя знаменитости. Дочь онъ воспиталъ въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ, а впосл'ёдствіи предоставилъ ей полную свободу, снабжая врупными суммами на путешествія и благотворительныя дёла. Она жила то въ Москв'є, то въ Петербург'є, то за границей, и везд'ё участвовала въ десятвахъ филантропическихъ обществъ. Въ Петербург'е у нея была даже постоянная квартира.

II.

Швейцаръ сказалъ Рахмарову, что сенаторъ Бѣлоконскій только-что уѣхалъ по неожиданному дѣлу и проситъ его подождать.

- А Въра Павловна дома? спросилъ Петръ Григорьевичъ.
- Барышня у себя-съ. Дверь въ ихъ квартиру налѣво, на той же площадкъ. Прикажете дать звонокъ?
  - Пожалуйста.

Рахмаровъ раздёлся внизу и пошелъ по шировой лёстницё, уставленной цвётами и диванчиками на поворотахъ. Безъ своей сибирской малицы онъ вазался еще выше и мужественнёе въ черномъ фракё, сидёвшемъ мёшковато и дёлавшемъ складки на его шировой спинё. Черные вьющіеся волосы съ сильной просёдью образовывали цёлую копну надъ шировимъ, довольно низкимъ и угловатымъ лбомъ. Этотъ лобъ и могучая фигура говорили о желёзномъ характерё, но достаточно было взглянуть въ его добрые глаза, мягко улыбавшіеся изъ-подъ густыхъ рёсницъ, достаточно было всмотрёться въ его большія губы съ неуловимымъ выраженіемъ почти женственной ласковости, чтобы вамъ стало ясно, что въ Рахмаровё сидятъ два человёка, — одинъ мягкій, уступчивый, почти безвольный, и другой — упорный, горячій, страстный.

Съ площадки, на которую онъ поднялся, дверь направо вела въ квартиру сенатора Бълоконскаго, а налъво-въ небольшую

ввартирку его племянницы Въры Павловны Лядовой. На порогъ Рахмарова встрътила горничная.

- Барышня принимаетъ?
- А какъ о васъ доложить?

Когда Рахмаровъ назвалъ свою фамилію, изъ сосёдней комнати раздался радостный крикъ.

- Боже мой! Да неужели это вы, Петръ Григорьевичъ?! И въ прихожую почти вбъжала худенькая, стройная, бълокурая дъвушка въ черномъ простенькомъ платьъ.
- Ой, какъ вы однако похудели! воскликнулъ Рахмаровъ, целуя ен тонкін руки одну за другой.

Она ввела его въ слъдующую комнату, которан служила гостиной, и усадила на небольшой диванчикъ въ углу, а сама присъла въ мягкое низенькое кресло.

- Такъ вы находите, что я похудъла? И только изъ жалости не прибавили, что и постаръла. Еще бы! Въдь вы меня помните девятнадцатилътней, а теперь мнъ ужъ двадцать-шесть. Но вы почти совсъмъ не измънились... Я васъ уже нъсколько дней жду: отъ дяди знаю все. Ну, вы довольны?
- Представьте—не особенно. Я или очень облёнился въ деревнъ, или вообще состарился.
- Ну, возможно ли это! А коммиссія? Сколько вы можете сдёлать!
  - Я прівхаль, чтобы отказаться отъ участія въ воминссін.
- Избави васъ Богъ! Вы всёхъ противъ себя возстановите и ужасно огорчите дядю.

Завязался споръ. Рахмаровъ довазывалъ, что подобныя коммиссіи—одна декорація, и что онъ не хочетъ быть "бутафорской вещью". Въра Павловна горячо возражала, находя, что
исходъ коммиссіи будетъ зависъть отъ тъхъ лицъ, которыя въ
нее войдутъ.

Рахмаровъ слушалъ ее невнимательно, такъ какъ вопросъ этотъ былъ для него рёшенъ. Онъ больше всматривался въ ея лицо: въ первыя минуты, когда она выбъжала къ нему въ нереднюю, на ея щекахъ былъ румянецъ; затъмъ это красивое лицо, съ тонвими, изящными чертами, поблъднъло, точно поблекло; около уголковъ глазъ онъ примътилъ легкія морщинки; въ этихъ большихъ голубыхъ глазахъ, гдъ-то въ глубинъ ихъ чуялась усталость и тоска. И ему невсльно вспоминалась живая, румяная, бодрая дъвушка, какой она была лътъ восемь тому назадъ, когда прівзжала съ матерью въ свое имѣніе, верстахъ въ двухъ отъ помъстья Рахмарова. Какой молодой върой была пронив-

нута въ то время важдая черта ея лица! Какъ страстно слушала она все, что онъ развиваль тогда передъ нею! Какъ рвалась въ Петербургъ—учиться и дълать что-нибудь "важное, корошее"... Онъ въ то время не только просвёщалъ и развивалъ
ее, но и увлекался ею. Иногда даже у него мелькала мечта—
развестись съ женою, жившей тогда въ Италіи, и жениться на
Въръ Павловнъ (они были въ отдаленномъ родствъ). Тогда его
остановила мысль, что Лядова еще очень молода, онъ же приближался къ сорока годамъ, да и у него была дочь, которая
котя и жила съ матерью за границей, но его никогда не повидала омутная надежда, что дъвочка вогда-нибудь будетъ жить
съ нимъ: онъ безумно любилъ ее.

- Отъ пасынка, а отчасти и изъ газетъ, началъ Рахмаровъ, я зналъ, что вы много работаете для воскресныхъ школъ и сельскихъ библіотекъ... Значитъ, не скучали.
- Нътъ, Петръ Григорьевичъ, не скучала... до самаго послъдняго времени. Но вотъ уже года два начались такія измъненія въ окружающей атмосферъ, что руки стали опускаться. Цълый рядъ непріятностей—мелкихъ, глупыхъ, ничтожныхъ, но отъ которыхъ тъмъ больнъе становится.
  - Что же, очень стѣсняютъ?
- Еслибы одно это! А я не знаю, что сдёлалось съ нашими земствами! Просто узнать ихъ нельзя! Бывало, отъ нихъ шли больше всего заказы на книги... велась обширная переписка... теперь такіе земцы стали исключеніемъ. Куда же они дёвались? Неужели земская контръ-реформа такъ подёйствовала?
  - Еще бы!
  - Но въдь люди-то, люди? они же въдь остались!?
- Да, но одни изъ нихъ принуждены были уйти, другіе сами ушли отъ новыхъ порядковъ, третьи остались, но сложили руки, а иногда и того хуже: начали пъть въ унисонъ съ самыми дрянными элементами провинціи—съ кулаками, эксплуататорами и всякими обскурантами.
- Боже, какъ все это ужасно! воскликнула дъвушка, сжимая свои руки, лежавшія на кольняхъ. И здъсь не веселье, прибавила она со вздохомъ: появилось новое направленіе въ молодежи и литературь въ сущности очень симпатичное, бодрое, но къ несчастью выступило оно на сцену, какъ это часто бываеть съ піонерами новаго движенія, очень ужъ враждебно ко всему, что въ прошломъ было лучшаго... И вотъ теперь ожесточенная вражда съ объихъ сторонъ! Страшно опасное у насъ раздъленіе лучшихъ силъ интеллигенціи, которыхъ въдь

тавъ немного! Иногда отъ этого охватываетъ такое отчаяніе, что я не разъ думала все здёсь бросить и уёхать въ деревню, отдавшись какому-нибудь скромному дёлу въ родё школы, да на этомъ и остановиться.

- Нътъ, горячо возразилъ Рахмаровъ, вы должны оставаться здёсь: вы не можете себё представить, какъ въ провинціи теперь тяжело стало. Вашихъ силъ не хватить. А эти раздоры, я убёжденъ, временное явленіе.
- Не знаю, но это меня страшно волнуеть. Да и все въ Петербургъ раздражаеть: одни слухи, которые ежедневно приходять со всъхъ сторонъ, способны свести съ ума. Кажется, что впереди все охвачено мракомъ и холодомъ, и нътъ никакой надежды, никакого просвъта... Такъ жить невозможно!

Губы ен задрожали, тонкія ноздри напряглись, и на глазахъ показались слезы.

- Ого, да у васъ совсёмъ нервы плохи! —воскликнулъ Рахмаровъ. —Да, пожалуй вамъ необходимо бросить Петербургъ. Но только не вздите въ деревню; порзжайте за границу, подышите инымъ воздухомъ, воздухомъ независимой, бодрой жизни Запада... И все, какъ рукой, сниметъ...
- Объ этомъ надо подумать, сказала Въра Павловна. Кстати, вы, конечно, хотъли бы посмотръть на здъшнюю интеллигенцію, на молодежь? У меня кое-кто собирается по пятицамъ; бывають и изъ міра литературнаго. Въ эту не будуть, потому что она приходится на восьмое февраля... университетская годовщина. Я да и многіе будуть на студенческихъ вечеринкахъ... А въ слъдующую вы не забудьте.
  - Если не увду до твхъ поръ.
- Не смейте и думать уважать такъ скоро. Вы должны побыть въ Петербурге уже для того одного, чтобы сделать попытку примирить воюющіе лагери. Ваше прошлое придасть особый вёсь ващимъ словамъ. И вотъ вамъ случай вечеринка восьмого февраля. Туда собираются тысячи молодежи, говорятся рёчи... Пасынокъ дастъ вамъ билеть.

Въра Павловна стала говорить ему съ жаромъ и съ глубокой върой въ его силы, что онъ будетъ имъть успъхъ. Она со слезами на глазахъ сообщила ему, что молодое направленіе отрицаетъ дъятельность въ деревнъ и требуетъ—все вниманіе посвятить одному городскому пролетаріату.

— Вы должны говорить съ ними, какъ говорили когда-то со мной, и вы пробудите въ чуткихъ молодыхъ душахъ сознаніе долга передъ темнымъ народомъ, задавленнымъ нуждой. Мы по-

лучаемъ здёсь письма изъ деревии отъ учителей и учительницъ: какое невёроятное невёжество и варварство еще царятъ въ деревнё! Да вы сами это знаете.

— Ну, дёло не такъ ужъ мрачно, — сказалъ Рахмаровъ, — но приблизительно это вёрно.

Долго они говорили въ томъ же родъ, пока горничная не сообщила, что вернулся сенаторъ и проситъ къ себъ Рахмарова. Онъ ушелъ отъ Въры Павловны, очарованный ею даже больше, чъмъ это было семь лътъ тому назадъ: "Я никогда не встръчалъ дъвушки, — думалъ онъ, —которая такъ всецъло, забывъ свою личную жизнь, отдалась бы вся общественному дълу и общественнымъ интересамъ".

III.

Въ это время въ квартиръ Надежды Николаевны Петренко на Марсовомъ-Полъ происходила такая сцена.

- Соня, я тебъ скажу интересную новость, воскливнула Надежда Николаевна, входя въ угольную комнату и снимая свою соболью шапочку, которую бросила на вресло: у насъ сегодня объдаетъ Рахмаровъ, Петръ Григорьевичъ Рахмаровъ! Чувствуешь ли ты это? Ему позволили пріъхать въ Петербургъ, и сейчасъ я встрътила его на улицъ.
- А, очень рада, равнодушно отвътила стройная, молодая брюнетва, занятая до прихода подруги рисованіемъ авварелью. Это была Софья Петровна Лопатина, подруга Надежды Николаевны по пансіону. Она прітхала изъ глухой провинціи въ Петербургъ, чтобы поступить въ академію художествъ. Отецъ ея имълъ небольшое имъньице рядомъ съ помъстьемъ Рахмарова.
- Я думала, ты больше обрадуещься его прівзду, удивленно сказала Надежда Николаевна. — Ты такъ хотвла познакомиться съ нимъ.
- Сегодня мив не до Рахмарова, раздраженно отвътила Софья: мив не хотвлось сообщать тебъ, что я третьяго дня получила гадвое письмо отъ своихъ: мать пишеть, что отецъ превратить мив высылку денегь, если мое дъло съ вняземъ долго затянется. Тавъ и пишеть: "твое дъло съ вняземъ"! воскликнула она съ выраженіемъ негодованія въ своихъ большихъ черныхъ глазахъ: значить, совсёмъ отвровенно обнаружили свои карты. Господи, вакой цинизмъ, какая гадость!

Голосъ ен прерывался и дрожалъ, а на смугломълицъ разлилась матовая блъдность.

Томь I.--Февраль, 1903.

— Да, это ужасно возмутительно! — отвътила Надежда Николаевна. — А все оттого, что ты меня не слушаешь! Давно тебъ говорю: брось ты свою гордость, живи на мой счеть и наплюй на ихъ гроши... Однако, я страшно ъсть хочу. Будемъ завтракать.

Она надавила пуговку электрическаго звонка.

Разговоръ этотъ происходилъ въ комнатъ, выходившей окнами на Марсово-Поле. Квартира была небольшая, но убрана очень дорого, пестро, модно и безвкусно.

За завтракомъ Надежда Николаевна уплетала за объ щеви все, что подавали. Аппетить у нея быль замівчательный, и вла она неизящно, съ причмовиваньями, отчего ее не отъучилъ модный московскій пансіонъ. "Отшлифовка" ен въ благородную барышню, какъ разсчитывалъ отецъ, не удалась: Надежда Ниволаевна, и манерами, и лицомъ, и фигурой, напоминала здоровую, плотную врестьянскую дёвицу, которую нарядили въ дорогое платье. Но у нея было отличное свойство: она не стъснялась своими "демократическими" манерами, отлично знала, что неврасива и неловка, и если изредка жалела объ этомъ, то только тогда, когда кто-нибудь начиналъ задврать ея двичье сердце. Но и въ этомъ случав она поступала умно: зная, что светскія манеры ей не даются и могутъ только сдёлать ее смёшною, она даже несколько утрировала простонародную угловатость своихъ движеній, любила употреблять словечки изъ народнаго жаргона, а иногда вставляла въ разговоръ фразу о своемъ "мужицкомъ" происхожденіи. Это было кокетствомъ своего рода.

Усповоивъ свой голодъ и замѣтивъ, что Софья почти не ѣстъ, Надежда Николаевна вернулась къ прежнему разговору.

- Ну, чего ты пріуныла?! Богъ не выдасть, свинья не съвсть! Говорю тебъ, отважись ты отъ отповскихъ подачевъ. Объднъю я, что-ли, отъ этого! Другіе же беруть отъ меня стипендіи, и ничего унизительнаго въ этомъ не находять. И они—совсъмъ посторонніе, а ты, въдь, —подруга.
- Оставь, Надя! Этого не будеть. За предложение спасибо, но... это невозможно.
  - Да почему?
- Ты не можешь себъ представить этого неизящнаго, унизительнаго чувства, которое овладъваетъ мною, когда я подумаю, что буду жить у тебя на хлъбахъ изъ милости... Фи!
- "Неизящнаго! Неизящнаго"!—со смъхомъ передразниза Надежда Ниволаевна:—Схватила ты это глупое слово у князя и носишься съ нимъ, какъ съ писаной торбой! Неизящно брать у

меня, а у отца, который тебя оскорбляеть и унижаеть, — изящно?! Напуталь у тебя въ головъ этоть князь! Неужели ты не видишь, какъ нелъпо брать въ руководство для жизни такіе нелъпые принципы, какъ это ваше "изящное"! И что же ты будешь дълать? Неужели бросишь академію и вернешься къ отцу? Въдь они тамъ тебя съъдять, источать. А что же князь? Подаетъ надежду?

- Не выражайся ты съ такимъ цинизмомъ! воскликнула Софья дрогнувшимъ голосомъ; скажу тебъ вотъ что: если бы теперь онъ сдълалъ предложеніе, я ему откажу.
- Ты съ ума сошла! Въдь ты его любишь! У васъ чтонибудь произошло вчера въ вонцертъ?
- Не напоминай мит о немъ. Я не пойду за него уже потому, что отецъ и мать дълають изъ этого какой-то мерзкій гешефтъ: торопять, требують! Они грязнять все, что мит было дорого! Если онъ прівдеть,—скажи, чтобъ его не принимали!

Последнія слова Лопатина выврикнула сдавленнымъ голосомъ и, быстро вставъ, почти выбежала изъ столовой.

Надежда Николаевна съ изумленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ, широко раскрывъ свои маленькіе водянисто-сѣрые глаза, но не пошла за ней, а медленно доѣдала грушу, затѣмъ выпила вина, съѣла большой кусокъ сыра и только тогда съ озабоченнымъ лицомъ, но лѣнивой походкой плотно поѣвшаго человѣка, отправилась утѣшать подругу.

Она нашла ее въ угловой. Лопатина лежала на кушеткъ лицомъ внизъ.

— Не можеть быть, чтобы ты рёшилась порвать съ нимъ только изъ за этого письма. Какое тебё дёло, какъ смотрятъ на это твои старики! Я вижу, что у васъ съ нимъ что-нибудь вышло.

Она усѣлась съ ногами въ глубовое вресло рядомъ съ вушетвой, какъ человѣкъ, который собирается съ большимъ интересомъ слушать длинный разсказъ. Но Софья молчала. Надежда Николаевна предложила вопросъ въ другой формъ:

— Поссорились, что-ли? Такъ это не бъда: милые бранятся, только тъшатся. Чего вы не подълили?

Софья быстро подналась и свла на кушеткв. Лицо ея было очень блёдно.

- Онъ сообщилъ мнѣ вчера въ концертѣ, что уѣзжаетъ за границу... совсѣмъ.
  - Ну что-жъ, и отлично! Женится на тебъ, и уъдете виъстъ.
  - Онъ наменнулъ, сказала Софья и истерически засмѣя-

лась,—что у него дёла по имёнію равстроились. Онъ продаеть его, и останутся отъ уплаты долговъ такіе пустяки, которых едва хватить, чтобы онъ одинъ могъ просуществовать гдё-нибудь въ Швейцаріи или Италіи... Однить словомъ, я его отлично поняла. Онъ предупредилъ, чтобы я не имёла никакихъ безумныхъ мечтаній... Вотъ и вонецъ всей этой глупой исторіи.

Она врвиво стиснула свои руки, такъ что пальцы хрустнули, и съ мучительной тоской смотрела въ одну точку.

- Но въдь онъ просто негодяй! воскливнула Надежда Неколаевна. — Для чего же онъ тянулъ до сихъ поръ? Въдь въ деревнъ онъ въдилъ въ вамъ нъсколько мъсяцевъ каждый день; вначитъ, были же у него какія-нибудь намъренія. И сюда отпустить тебя убъдилъ онъ же; значитъ, ты имъла право считать себя его невъстой. И всъ это знаютъ. Фу, какое безобразіе, какой скандалъ! И что же ты? Я бы ему въ лицо плюнула!
- Какая ты странная! Что же я могла ему свазать? Развъ онъ когда-нибудь говорилъ мнъ, что думаетъ на мнъ жениться? —Софья нервно расхохоталась: —У него вчера вырвалась фраза, что бракъ онъ считаетъ дъломъ неизящнымъ.
- Вотъ животное! вскрикнула Надежда Николаевна, искренно волнуясь, и покраснъла такъ, что даже лобъ сталъ у нея пурпуровымъ.
- Я его ненавижу теперь, тихо проговорила Лопатина: я ни на что не разсчитывала, но я въ него върила. Я пошла бы за нимъ всюду, если бы онъ и совсъмъ разорился. О, какъ я ошиблась въ этомъ человъкъ!

Въ это время изъ передней послышался тресвъ электрическаго звонка. Въ дверяхъ показался лакей во фракъ и бъломъ галстухъ и доложилъ:

- Князь Терскій.
- Проведи въ гостиную! торопливо отв**ътила Надежда** Николаевна.

Лакей скрылся.

- Что ты сдълала?! восвливнула съ негодованіемъ Лопатина, быстро поднимаясь съ вушетки: Въдь я же просила тебя не принимать его.
- Ты не обдумала, Соня, когда просила. Его необходимо принять. Если мы ему откажемъ, онъ пойметь, что ты на него разсчитывала, какъ на жениха, и теперь сердита... А развъты желала бы этого? А по моему тебъ необходимо и самой, немного погодя, выйти къ нему, чтобы показать, что ты совер-

шенно равнодушна въ его отъвзду. Овладей собой и выйди, а пова и задержу его. Право, такъ лучше для твоей же гордости.

— Да, да! Ты права! Я такъ и сдълаю.

Объ подруги направились въ разныя двери, но вдругъ Надежда Николаевна вернулась, бросилась къ Софъъ, обняла ея плечи и, близко всматриваясь въ ея глаза, прошептала:

- Скажи мив, какъ лучшему другу своему, какъ родной сестрв: ты ему... ничего не позволила... лишняго?
- Кавія гадости ты говоришь! воскливнула Софья, блёднёя еще больше, вырвалась изъ ея рукъ и выбёжала въ боковую дверь.

Надеждъ Николаевнъ показалось, что она услышала звукъ, похожій на тихое рыданіе. Она покачала головой и тихо вышла въ внязю.

Это быль человые лыть тридцати-пяти, котя вь его волосакъ было много сыдины. Достаточно было взглянуть на его
кудощавое, нервное, матово блыдное лицо, на его тоньую фигуру, особенно когда онъ сидыль согнувшись, такъ, какъ будто
не имыль силы поддерживать туловище, чтобы сразу догадаться
о какомъ-то хроническомъ недугы, подточившемъ его тыло. Большіе темно каріе глаза почти всегда выражали страданіе, котя и
улыбались привытливо. Это же страданіе подергивало иногда
его тонкія блыдныя губы, прятавшіяся подъ изящными усами.
Бороду онъ бриль. Лицо правильное и красивое, съ высокимъ
лбомъ и тонкими бровнии, поражало дытской безпомощностью,
жалобой и ласковостью. Сегодня это выраженіе выступало особенно ярко. Надежда Николаевна замытила даже, что щеки его
покрасныли, когда она, приглашая его сысть, сказала, что Софья
сейчась выйдеть.

- Она сообщила мнѣ, что вы продаете имѣніе и уѣзжаете за границу, — добавила Надежда Николаевна.
- Да. И знаете, кто покупаетъ мое имъніе? Вашъ батюнна. Въдь ваша фабрика совсъмъ рядомъ.
- Онъ мнъ ничего не писалъ объ этомъ. Соня говоритъ, что вы навсегда уъзжаете за границу. Развъ въ Россіи вамъ ничего не жаль оставлять?

Глаза внязя выразили страданіе и губы слегва дернулись въ лівную сторону.

- Мий здёсь все чуждо, да и я всёмъ чужой, отвётилъ опъ холодно.
  - Всвиъ ли?
  - Ну, ужъ если вы котите говорить объ этомъ, такъ лучше

будемъ говорить безъ полусловъ и намевовъ. Вы, очевидно, все внаете.

Голосъ его дрогнулъ.

— Да, я здъсь не всъмъ чужой... Но та, вому я не чукой, не должна связать себя съ мертвецомъ, который ничего не можетъ ей дать, даже покоя. Ему нужна сидълка. Здоровье совсъмъ пошатнулось, нервы никуда не годны.

Онъ помолчалъ немного, какъ бы ожидая ен отвъта, но, не дождавшись, прибавилъ:

- На югѣ я еще проскриплю кое-какъ года два-три; здѣсь же все дѣлаетъ меня больнымъ—и климатъ, и люди, и эта мучительная общественная атмосфера—придавленности, грубости, вѣчной тревоги, гражданской скорби, гражданскихъ сплетенъ... Я задыхаюсь, я сошелъ бы съ ума, еслибъ остался въ Россів еще нѣсколько мѣсяцевъ.
- Но вы упустили изъ виду одно, свазала Надежда Неволаевна.
  - Что такое? Скажите ради Бога!
- Вы не знаете русской женщины. Не знаете, что она можетъ быть счастлива даже жертвой, даже ролью сиделки... если любитъ.

Губы Терскаго опять передернуло. Онъ согнулся еще больше и, какъ провинившійся ребенокъ, смотрёлъ внизъ, на коверъ, чуть не плача и не отвёчая ни слова.

- Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, сказала Надежда Николаевна. — Въ вашемъ имѣніи, кажется, прекрасный домъ и паркъ?
- Нѣтъ, Надежда Николаевна, околчимъ первый разговоръ. —Я знаю, меня можно упрекнуть въ томъ, что я далъ вародиться тому, что обрываю теперь, повидимому, такъ безсердечно, безжалостно, а по взгляду толпы —даже... подло. Да? И вы это думаете... я вижу по вашимъ глазамъ. И я виноватъ, страшно виноватъ, но виноватъ только тѣмъ, что не разсчиталъ своихъ силъ. Я былъ очарованъ, пораженъ этой дѣвушкой. Я не могъ удержаться, чтобы не видѣть ея! Я, какъ въ гипнозѣ, шелъ, чтобы говорить съ нею... А когда я понялъ, что изъ этого вышло, я увидѣлъ, что было бы безобравнымъ преступленіемъ связать навсегда еч молодую жизнь съ такимъ калѣкой, какъ я. Я нарочно пріѣхелъ сегодня, чтобы именно вамъ объяснить все это. Я всегда цѣнилъ ваше довѣріе къ себѣ; мнѣ казалось, что я имѣю право считаться вашимъ другомъ, и я былъ увѣренъ, что вы меня поймете лучше другихъ. Не разрушайте же моей

надежды. Поймите меня не однимъ умомъ, а и сердцемъ. Я не хотёлъ бы уёхать изъ Россіи, оставивъ дурное воспоминаніе въ васъ и въ Софье Петровне. До остальныхъ мит дела нетъ. Но мысль о томъ, что вы обе будете презирать меня, просто убиваетъ меня: этого я не вынесу.

Губы его подергивало, и опять взглядъ его темныхъ бархатныхъ глазъ принялъ выраженіе виноватаго ребенка. У Надежды Николаевны было очень жалостливое сердце, да и глаза Терскаго дъйствовали на нее гипнотизирующимъ образомъ; она все простила ему, на ея ръсницахъ даже сверкнули слезы. Но вдругъ она вспомнила:

- Вы въдь давно, конечно, задумали этотъ отъвздъ и продажу. Почему же вы ничего не говорили объ этомъ раньше?
  - Князь сильно смутился и заговорилъ безсвязно:
- Я... не могъ... я былъ не въ силахъ... и, наконецъ, такимъ безвольнымъ людямъ, какъ я, всегда кажется, что дъло устроится какъ-то само собою.

Въ дверяхъ показалась горинчная и съ встревоженнымъ лицомъ вызвала Надежду Николаевну. Князь остался одинъ. Прошло минуты три. Лицо его блъднъло больше и больше, губы начали передергиваться почти безпрестанно. Онъ поднялся и сталъ быстро ходить по комнатъ...

Наконецъ Надежда Николаевна вернулась. Она была очень взволнована и торопливо сказала:

— Соня захворала. Я послала за докторомъ.

Терскій вздрогнуль. Голова его низко опустилась. Черезъ нъсколько минуть онъ проговориль:

- Простите, выпросите для меня прощение и прощайте.... Это ужасно, что она такъ страдаетъ!...
- Теперь уже поздно жалъть, строго сказала Надежда Николаевна, избъгая его взгляда, и протянула ему руку.

Уже въ дверяхъ Терскій остановился и, обернувшись, сказалъ:

— Софья Петровна передала мив вчера содержаніе письма къ ней матери. Сдвлайте все, чтобы удержать ее здвсь: у нея крупный таланть! Онъ не долженъ погибнуть! Ради русскаго искусства вы должны сдвлать все.

Надежда Николаевна взглянула на него такъ, какъ будто котъла сказать: "Не хлоночи! И безъ тебя позаботится! Уходи только"!

IV.

Къ пяти часамъ прівхалъ Рахмаровъ и привезъ своего пасынка, студента Белоконскаго.

Когда Надежда Николаевна, при первой встръчъ съ Рахмаровымъ на улицъ, свазала ему шутя, что "влюблена" въ его пасынка, въ ея словахъ не все было шуткой: дъвушка-миллюнерка, близившаяся въ тридцатилетнему возрасту, дарила своимъ вниманіемъ молодого потомка разорившейся аристократической фамиліи больше, чімъ вого-либо другого изъ всіхъ безчисленныхъ знакомыхъ своихъ. Относительно его у нея не могло быть никакихъ серьезныхъ плановъ и даже грезъ: онъ былъ на пять лътъ моложе ея; его обращение съ нею было, правда, утрированно внимательно и любезно, но въ этой внимательности было столько юмора, а иногда просто дерзости, что она неръдко задавала себъ вопросъ: "возможно ли, чтобъ онъ когда-нибудь подумаль о ней серьезно и хотя бы съ нъкоторой микроскопической дозой уваженія"? И давно рішила этоть вопрось отрицательно. Онъ часто бываль у нея, но всегда выходило такъ, что его визитъ связывался съ какою-нибудь просьбой о пожертвованіи въ пользу какой-нибудь кассы или школы: Бёлоконскій зналь весь Петербургь и для всёхь что-нибудь устроиваль. Малопо-малу она къ этому привыкла и любила встречи съ нимъ за то, что онъ ее смъшилъ, еще чаще дразнилъ, и за то навонецъ, что она любовалась имъ, вавъ дорогой игрушвой, которую нельзя вупить, но воторая доставляеть удовольствіе уже тімь, что позволяеть любоваться собою.

Бѣловонскій быль выше средняго роста, очень строень; черные глаза, которые Надежда Николаевна называла бархатными, смотрѣли всегда съ насмѣшливой улыбкой. Одѣвался онъ съ тѣмъ щегольствомъ, которое пріобрѣло нѣкоторымъ студентамъ кличку "бѣлоподкладочниковъ".

Надежда Николаевна усадила гостей въ угловой и занимала ихъ тъмъ, что показывала этюды Софьи Петровны Лопатиной. Бълоконскій шутливо отыскивалъ въ нихъ промахи; Надежда Николаевна дълала видъ, что сердится за свою подругу, но это не мъшало ей весело хохотать надъ шутовствомъ Бълоконскаго.

Сама Софья Петровна еще не появлялась, котя объщала Надеждъ Ниволаевнъ выйти. Хозяйка сказала гостямъ, что Софья Петровна получила непріятное письмо изъ деревни, въ которомъ

ее зовуть домой, а потому немножко разстроена, и воть они должны употребить всё усилія, чтобы ее развлечь.

- Значить, за сегодняшній об'єдь мы должны заплатить натурой? — дурачился Б'єлоконскій: — развлекать печальную д'єву? Ну, ужь я предоставляю это "батьків" (такь Б'єлоконскій называль отчима). Кстати, онь страсть какь любить развивать всякихь печальныхь д'євь.
- Ахъ, ты, злоявычнивъ! улыбнулся Рахмаровъ, глядя любовно на пасынка, котораго онъ любилъ какъ родного сына: И когда же это ты могъ замътить во мнъ такую страсть?
- Для такого геніальнаго наблюдателя, какъ я, достаточно одинь разъ увидъть тебя возлъ такой дъвицы. Нътъ, въ самомъ дълъ, батька, займись этой барышней, а въ мое распоряжение отдай Надежду Николаевну: я ее хочу подогръть для одного грандіознаго дъла.... Слышите, Надежда Николаевна? Но этого плана вы не узнаете до нашей вечеринки восьмого февраля. Тогда я изложу вамъ его во всъхъ деталяхъ, а сегодня буду только подогръвать.
- Знаю, знаю, опять кавое-нибудь пожертвованіе! Вы со мной ви о чемъ другомъ и не говорите никогда, —со смёхомъ сказала Надежда Николаевна.

Въ это время вошла Софья Петровна. Въ тѣ нѣсколько часовъ, которые прошли съ момента, когда мы ее видѣли утромъ, она успѣла похудѣть и была еще блѣднѣе; большіе темные глаза еще болѣе увеличились. Однако она замѣчательно умѣла владѣть собой, и только очень проницательный взоръ могъ замѣтить сквозь ея привътливую, веселую улыбку, что ея душа измучена тоской, разочарованіемъ, а быть можетъ и настоящимъ отчанніемъ.

— Кавъ это страпно! — любезно говорила она Рахмарову, присъвъ невдалевъ отъ него: — сволько лътъ мы жили въ трехъ верстахъ другъ отъ друга, и никогда другъ друга не видъли. А пришлось встрътиться въ Петербургъ.

Бъловонскій и туть не могь не вставить своего шутовства.

- Да, другъ Гораціо, —воскливнулъ онъ: много есть на свътъ такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ!
- Произопло это просто, отвётилъ Рахмаровъ: мы давно не въ ладахъ съ вашимъ батюшкой, какъ это часто бываетъ въ деревняхъ между сосёдями.
- Знаю, знаю, и всегда ужасно жалёла объ этомъ.... Я такъ много слышала о вашей земской работё.... конечно, не отъ отца: вёдь онъ былъ противникомъ вашей партіи.

- Захолустное вемство и партін!—съ хохотомъ воскливную Бълоконскій, уловивъ это слово среди своей оживленной болтовни съ Надеждой Николаевной: — Батька, да неужели у вась тамъ были партіи? По поводу чего же? Партія о постройки моста въ деревнъ Горъловой или Невловой! Ха, ха, ха!
- Какъ же ты вончаешь курсъ юридических наукъ и не знаешь, что у земства не одни мосты? Задачи народнаго образованія, земской медицины и многія другія встрёчали озлобленныхъ, иногда сильныхъ противниковъ. Каждую школу, каждаю фельдшера, а особенно женщину-врача приходилось брать съ такой борьбой, которой ты и представить себё не можешь.
- Да, я объ этомъ слышала и нъсколько разъ просиза отца взять меня на земское собраніе, но... онъ большой врагъ всякой попытки женщинъ интересоваться чъмъ-нибудь кромъ домашнихъ дёлъ.
- Тра-ла-ла, тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла! Вотъ овъ, неземныя созданія! Кавъ онъ теперь отчитывають своихъ родителей!—вставиль со смъхомъ Бълоконскій.
- Я только передаю факть, сказала Софья Петровна строго и взглянула на Белоконскаго такимъ гневнымъ взглядомъ, который у всякаго другого отбилъ бы охоту шутить съ нею.

Лакей доложилъ свое обычное "кушать подано", и Надежда Николаевна пригласила гостей въ столовую.

За объдомъ Рахмаровъ сталъ разспрашивать Софью Петровну, какъ она проводила время въ деревнъ, какъ ей пришла мысль поступить въ академію. Ръчь перешла на искусство и его современное направленіе: Лопатина, подъ вліяніемъ внязя Терскаго, горячо защищала декадентство, символизмъ, импрессіонизмъ, а Рахмаровъ, наоборотъ, былъ страстнымъ врагомъ этихъ модныхъ направленій. Въ споръ его поразила огромная начитанность Софьи Петровны по вопросамъ объ искусствъ.

- Когда вы успѣли все это узнать? невольно вырвалось у него.
- А что же было дёлать въ деревнё? Я почти только в дёлала, что читала. Вы, конечно, знаете нашего сосёда, купца Севрюгина?
- Какъ же не знать! Немножко даже пріятель. Вы, конечно, пользовались его чудной библіотекой?
- Ну, да. Право я, кажется, перечитала все, что у него есть по искусству.
  - О, да съ вами страшно говорить!
  - Нътъ, Петръ Григорьевичъ, не страшно: прочла и много

но свести концы съ концами и все это переварить я была не въ силахъ... Въроятно, именно потому, что ужъ очень много читала сразу, вдругъ. Я просто устала... Теперь я ничего не читаю. Знаете ян, я даже дошла до мысли, что книги—страшная ложь и вло. Возьмите какой хотите вопросъ, и о каждомъ найдется двъ-три, а то и больше книгъ совершенно противоположнихъ. Я возненавидъла книги...

— Поввольте пожать вашу руку, коллега! — торжественно провозгласиль Бѣлоконскій. — Я тоже ненавижу книги, особенно теперь, когда собираюсь готовиться къ государственному экзамену.

Софья Петровна сдёлала видъ, что совершенно не слышитъ его словъ, даже не повернула глазъ въ его сторону, и Бъло-конскій замётно надулся. А она серьезно сказала Рахмарову:

- Кавъ хотвлось бы встрътить человъка, который помогь бы разобраться въ хаосъ, образовавшемся у меня въ умъ отъ этого адскаго чтенія въ теченіе пяти лъть! Если придется вновь вернуться въ деревню, я замучу васъ вопросами. Вы ничего противъ этого не имъете?
- Наоборотъ, буду счастливъ, если найдутся силы вамъ помочь.
- О, въ этомъ-то я увърена: я слышала отъ Севрюгина, что вы много работали, живя столько лътъ въ глуши. Онъ говорилъ, что у васъ библіотека замъчательная.
  - Да, она собиралась нъскольвими поколъніями.

Разговоръ перешелъ на предстоящія студенческія вечеринки восьмого февраля.

- Вотъ и здёсь два противоположныхъ мнёнія,—замётила Лопатина,—и онё раздёляють одинаково честныхъ и умныхъ людей на враждебные лагери!
  - А вы будете на вечеринкъ?
- Не собираюсь. Общественные вопросы меня не интересують.
- А меня Въра Павловна Лядова вы ее, вонечно, знаете уговорила сказать тамъ нъсколько словъ. Увъряетъ, что мон слова могутъ имъть извъстный въсъ.
- Смотри, батька, тебя ошикають, если возьмещься за роль примирителя! Въра Цавловна—милая, но неисправимая фантаверка. У нея передъ глазами какія-то цвътныя призмы, сквозь которыя весь міръ является вверхъ ногами. Охота тебъ путаться въ этотъ споръ! Объ стороны одинаково безтолковы. Мнъ онъ только смъшны.
  - Я больше бы порадовался, -- сказаль Рахмаровь ласково,

еслибы ты увлекался воторымъ-нибудь изъ этихъ направленій.
 Если нѣтъ увлеченія, нѣтъ и молодости. Увлеченія плодотворны.

- Почему ты знаешь, что я ничёмъ не увлекаюсь? Но у меня есть свои собственныя идеи, свои собственныя увлечения. Я ненавижу стадность, и никогда не буду принадлежать ни въ какому стаду.
  - -- Значить, ты индивидуалисть? Быть можеть, ницшеанець?
- Ахъ, батька, батька! Этакая привычка у людей твоего покольнія засовывать каждаго въ опредъленный ящикъ: на одномъ надпись идеализмъ, на другомъ реализмъ; меня сейчасъ запихнулъ въ ящикъ индивидуализма... А представь себъ, какъ душно въ такомъ ящикъ тому, кто его переросъ, кто думаетъ самъ по себъ и на свой страхъ.
- Значить, мы имъемъ передъ собой оригинальнаго мыслителя, быть можеть творца новой системы! трунила Надежда Николаевна, пользуясь случаемъ отомстить Бълоконскому за его шутки и насмъщки.
- Именно, вы угадали! Я творецъ новой системы! отвътилъ Бълоконскій, и въ его голосъ прозвучала нотка самолюбиваго раздраженія.

V.

Восьмого февраля, часовъ въ девять вечера, въ подъвзду небольшого каменнаго дома на Петербургской-Сторонв торопливо подходили, то въ одиночку, то группами, студенты и слушательницы разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и курсовъ. Подъвзжала и обыкновенная публика.

Дождь, смёшанный съ мокрымъ снёгомъ, падалъ съ чернаго, какъ уголь, неба; вётеръ метался по темнымъ, плохо освёщеннымъ улицамъ Петербургской-Стороны. Съ крёпости гремъли во мракъ пушечные выстрёлы, извъщавшіе о подъемъ воды въ Невъ; тротуары были покрыты смёсью грязи и снъга.

Но на эти прелести петербургской природы молодежь не обращала ни малъйшаго вниманія: веселый смъхъ и говоръ слышались среди подходившихъ; при свъть фонарей можно было разсмотръть милыя, радостно возбужденныя лица.

Къ подъвзду приплелся извозчикъ въ санкахъ. Онъ усиленно дергалъ возжами, плечами и всвиъ тъломъ, какъ бы надъясь помочь этимъ измученной лошади. Изъ санокъ выпрыгнула назенькая, полная дъвушка; за ней медленно послъдовалъ человъвъ гигантскаго роста въ сибирской малицъ.

- Ну, и извозчивъ попался! —ворчалъ онъ. —Да и далеко же!
- Дорога, господинъ, изволите видъть какая! оправдывался возница.
- Ну, вамъ-то, Петръ Григорьевичъ, стыдно жаловаться на даль послъ сибирскихъ разстояній,—вамътила дъвушка.
- Это вы правильно, барышня! А ворчать—это у меня привычва... отъ хорошей жизни,—смъясь, отвътиль онъ.

Молодежь, подходившая къ подъёзду, пріостановилась, пропуская эту пару. Нёкоторыя студентки здоровались съ подъёхавшей дёвушкой:

- Здравствуйте, Надежда Николаевна! Вотъ хорошо сдъзали, что собрались.
- Это вто? спросилъ молоденькій студенть у курсистки, когда гиганть съ своей дамой скрылись за дверью подъёзда.
- Надежда Ниволаевна Петренво, дочь извъстнаго милліонера. Върно, слыхали: на-дняхъ она дала на наши вурсы десять тысячъ. А вотъ вто съ ней - не знаю.

Къ подъёзду подкатили на извозчивъ два студента; одинъ, высовій, въ николаевской шинели и фуражив моднаго покроя, кричалъ на извозчика:

- Ну, такъ и есть! Упустилъ! Ну, чорть, лѣшій, ползеть, какъ черепаха!
- Здравствуйте, Бъловонскій!—врикнула ему дъвушка съ тротуара. Кого это вы упустили? Надежду Ниволаевну? Не знаете ли, вто это съ нею?
- Мой отчимъ Рахмаровъ, отвътилъ студентъ. Эй, Роговъ! Медвъдь Захарычъ! обратился онъ въ своему спутнику, сутуловатому студенту съ угреватымъ лицомъ и въ потертомъ колодномъ пальто. Расплачивайся же своръе!
- Надъ нами не каплетъ, отвътилъ тотъ флегматично, подойдя къ фонарю и разсматривая сквозь очки монеты въ своемъ портмоно такъ близко, что, казалось, онъ ихъ нюхаетъ.
- Оно, дъйствительно, не ваплеть, а только поливаеть, пошутиль Бълоконскій.—Да скоръе же, медвъдь ты этакій. Если я тебя потеряю въ толпъ, мнъ не съ чъмъ ъхать на Боровую: я портмонэ забыль. Слушай, Роговъ, ты не раздъвайся внизу это для плебса. Мы раздънемся въ распорядительской.

Войдя въ подъвздъ, они стали подниматься по лъстницъ. Но сдълать это было не легко: на широкихъ ступеняхъ ея тъснилась сплошная толпа молодежи обоего пола. Часть ея, отдавъ верхнее платье въ комнатъ подъ лъстницей, протискивалась на ступенъки, а остальные стояли не раздъваясь и упрашивали по-

являвшихся наверху распорядителей пропустить ихъ безъ билетовъ.

— Невозможно, господа, и безъ того набралось сверхъ-мъры! Да и рекомендацій у васъ нътъ! — кричали тъ, торопливо скриваясь отъ просителей.

Но просьбы, восклицанія и упреки раздавались кругомъ, какъ буря. Какая-то д'ввушка кричала: "Вызовите ко мит Петрова, — онъ меня знастъ!" — "Что это за ерунда — не пускать на студенческій вечеръ товарищей-студентовъ!" — горячился какой-то юный первокурсникъ.

Толпа подхватила Бѣлоконскаго и его невзрачнаго спутника и втолкнула ихъ въ общирный аванзалъ. Здѣсь стояло нѣсколько столиковъ; на одномъ усѣлись распорядители и весело болтан съ окружающими; на другихъ барышни разложили афиши и продавали билеты для входа на предстоявшіе литературно-музыкальные вечера въ пользу учащейся молодежи. Распорядители встрѣтили Бѣлоконскаго дружескими привѣтствіями. Онъ представиль имъ своего спутника.

- Роговъ, медикъ изъ Москвы, сказалъ онъ. Прівхалъ посмотръть на насъ, питерцевъ.
- Очень рады! Будьте гостемъ! отвътили тъ, пожимая руку Рогову, послъ чего одинъ изъ нихъ снова обратился къ Бълоконскому.
- А мы видъли твоего отчима. Вотъ такъ гигантъ! И, говорятъ, большой ораторъ. Мы его провели прямо на эстраду— онъ непременно долженъ говорить.
  - А Надежда Николаевна Петренко тамъ же?
    - Конечно.
- Я боюсь, не перехватиль бы ее кто. Надо съ нея ныньче ввять для кассы тысченку-другую... Она на такихъ вечерахъ особенно размякаетъ.
- Въ чувствіе приходить,— замітиль другой распорядитель шутливо.—Ну, да вы на этоть счеть ловкачь.

Изъ следующихъ вомнатъ доносился глухой гулъ тысячи голосовъ, напоминавшій шумъ моря. Чемъ дальше, темъ толша становилась гуще, воздухъ жарче и удушливе. Волна снова подхватила нашихъ знавомыхъ и втоленула ихъ въ огромный, высокій валъ въ два света, залитый электрическимъ блескомъ большой хрустальной люстры, висёвшей съ середины потолеа. Здёсь буквально пекуда было упасть яблоку. Пробирались только около стёны, противоположной эстрадё. На эту эстраду устремлялось все вниманіе тысячной толпы, сидёвшей и даже стоявшей

на стульях, чтобы лучше видёть. Въ обычные дни эта эстрада служила сценой для любительскихъ спектаклей; на ней оставались и теперь боковыя кулисы, а по срединё былъ поставленъ большой столъ съ графинами лимонада и морса; за нимъ—рядъ стульевъ для почетныхъ гостей. Отсюда-то должны были говориться рёчи. Вокругъ "знаменитостей" тёснились тё счастливцы изъ молодежи, которые успёли пробраться на эстраду. Внизу, въ публикё перечисляли по именамъ сидёвшихъ тамъ корифеевъ текущаго момента. Всёхъ особенно интересовали трое—публицисть Охроменко, Рахмаровъ и Зиновьевъ. О Рахмаровъ и Зиновьевъ ходили въ толпё легенды по поводу долгихъ скитаній перваго по Сибири, а второго по Европе, гдё онъ изучалъ бытъ и движеніе современныхъ рабочихъ. Отъ Охроменки же ожидали, что онъ будеть сегодня жестоко "разносить" народниковъ.

Бъловонскій устремился на эстраду, назначивъ Рогову мъсто, гдъ они встрътятся, чтобы ъхать вмъстъ на другую вечеринку, на Боровой улицъ, устроенную народниками. Здъсь была вечеринка ихъ противниковъ.

Роговъ замътался въ толпу.

- Народищу-то у насъ сволько!—говориль юный студенть другому такому же юнцу. У васъ на Боровой, говорять, и половины нёть.
- Сейчасъ оттуда прівхаль Захаровь и говорить, что тамъ вдвое больше, съ неудовольствіемь отвётиль второй, и оба сердито разошлись.

Роговъ кое-какъ протискался въ комнату, изъ которой дверь вела въ чайный буфетъ. Его некрасивое лицо сіяло необыкновеннымъ воодушевленіемъ: эта молодая толпа, которую онъ такъ любилъ, электризировала его. Ему все здёсь нравилось, даже это юношеское соревнованіе двухъ направленій, котя самъ онъ былъ убъжденнымъ народникомъ. Въ той проходной комнать, куда онъ вошелъ, стоялъ такой шумъ отъ говора сотни голосовъ, что разслышать что-нибудь было почти невозможно.

Около двери въ залу устроилась баррикада изъ стульевъ, на которыхъ стояло по два, иногда по три человъка, преимущественно барышни: всъ они старались заглянуть въ залъ на интересную эстраду. И это любопытство, этотъ интересъ къ идеъ и ея представителямъ, это отсутствіе внъшнихъ церемонностей приводило въ восторгъ Рогова; ему хотълось обнять всю эту голпу и кръпко ее прижать къ своему трепещущему сердцу.

— Петровъ! – вричала брюнетка съ южнымъ акцентомъ,

увидъвъ съ высоты стула знавомаго студента. — Достаньте мнъ чаю, я не могла добраться до буфета. Умираю отъ жажды.

Другая кричала:

- Абхазовъ, не знаете, будетъ говорить Охроменко?
- Громче, ничего не слышу!—отвъчалъ тотъ, приставивъ къ губамъ руку въ видъ рупора.

Наконецъ, Роговъ протискался въ буфетъ. Поть лилъ съ него градомъ. Здъсь, на длинныхъ столахъ, уставленныхъ стаканами, возвышалось нъсколько огромныхъ самоваровъ. Ни вина, ни даже пива на этихъ вечеринкахъ не полагалось. Вокругъ самоваровъ хлопотали барышни съ распорядительскими значвами изъ ленточекъ, приколотыхъ къ плечамъ: однъ наливали чай и подавали его желающимъ, другія—мыли посуду, и въ то же время всъ успъвали вести оживленный разговоръ съ подходившими значкомыми. Пока Рогову удалось достать себъ стаканъ чаю, онъ прислушивался къ этимъ разговорамъ и все продолжалъ восхищаться: "Сколько во всемъ этомъ чистоты, милой молодой мысле и самыхъ симпатичныхъ отношеній!"—восклицалъ онъ мысленно.

Вдругъ изъ залы донесся взрывъ рукоплесканій и крики: "Зиновьевъ будетъ говорить! Тише! Тсс"!

Роговъ бросилъ недопитый чай и рванулся къ залу. Онъ безъ церемоніи вскочилъ на первый попавшійся стулъ, на которомъ уже стояли двъ барышни, съ него переступилъ на другой, потомъ на третій, пока не очутился у дверей зала, откуда было виднъе.

На эстрадъ стоялъ высовій, худощавый, сутуловатый молодой человъвъ съ очень симпатичными и задумчивыми глазами. У него были длинные бълокурые волосы и узенькая небольшая бородка. Встрътили его бурей рукоплесканій, какъ лицо извъстное, но москвичъ Роговъ въ первый разъ слышаль его фамилю.

- Кто этотъ Зиновьевъ?—спросилъ онъ у девушки, стоявшей на одномъ стуле съ нимъ.
- Онъ технологъ, недавно вернулся изъ-за границы; писалъ по-и-вмецки въ тамошнихъ журналахъ; много изучалъ рабочихъ.

Апплодисменты смолкли, и Зиновьевъ заговорилъ тихниъ груднымъ голосомъ, свидътельствовавшимъ о слабости его легкихъ. Ръчь отличалась спокойствіемъ, ясностью и сжатостью. Чувствовалось, что человъкъ не только знаетъ дъло, но и привыкъ говорить. Ръчь его сводилась къ слъдующимъ положеніямъ:

— Въ то время, какъ въ Россіи идетъ борьба между народниками и марксистами, въ Германіи явился разладъ въ средъ самихъ марксистовъ. Раздъленіе группы всегда ослабляетъ ее. У насъ, гдѣ тавъ мало людей, это было бы еще вреднѣе, чѣмъ въ Германіи. А между тѣмъ нигдѣ не возникаетъ такихъ рѣзкихъ раздоровъ изъ-за теорій и даже словъ, какъ въ Россіи. Это потому, что мы много думаемъ и говоримъ, но почти ничего не дѣлаемъ. Дадимъ же себѣ слово разработывать теоретическіе вопросы и разногласія, не ссорясь изъ-за нихъ, а научно, академически, объективно, а на практикѣ будемъ работать дружно, всѣ сообща. Слова ссорятъ, дѣло объединяетъ,—поэтому меньше словъ и больше дѣла.

— Браво, браво! — кричалъ вследъ за другими Роговъ и скавалъ своей незнакомой соседке: — Вотъ такому марксисту всякий мыслящій народникъ съ наслажденіемъ пожметь руку.

На мъсто Зиновьева выступилъ публицистъ Охроменко. Это былъ маленькій человъкъ съ очень большой кудрявой головой... Началъ онъ заявленіемъ, что русское студенчество есть истинный русскій пролетаріатъ, а потому оно должно работать только та работа плодотворна, которая ведется изъ-за интересовъ своего класса, а кромъ того будущее принадлежитъ пролетаріату. Затъмъ онъ перешелъ къ ндовитой полемикъ: по адресу Зиновьева пустилъ шпильку, назвавъ его поклонникомъ "ренегата Бернштейна", а по адресу народниковъ замътилъ, что они утописты, не могущіе понять, какъ, отстаивая отжившую общину и кустарей и стремясь работать для деревни, они думаютъ только о набиваніи мужицкаго брюха...

Роговъ, настроенный до сихъ поръ такъ благодушно, тутъ закипълъ негодованіемъ: его собственной завътной мечтой было сдълаться деревенскихъ врачомъ, отдать всю свою жизнь на служеніе темной, обнищалой деревні и заботамъ о благосостояніи муживовъ и объ ихъ "оздоровленіи". На его бользненномъ съроватомъ лицъ выступили красныя пятна; сърые глаза, всегда кроткіе и задумчивые, теперь сверкали ненавистью; губы и жидкая бълесоватая бородва дрожали.

Охроменкѣ апплодировали долго, но когда на краю эстрады появился гигантъ Рахмаровъ, наступила мертвая тишина. Однако она продолжалась лишь нѣсколько мгновеній, а затѣмъ его имя загремѣло подъ бурю рукоплесканій. Уже самая фигура этого брюнета, съ копной черныхъ серебрящихся волосъ на могучей львиной головѣ, порождала ожиданія.

Онъ ласково, любовно смотрѣлъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей на молодую толпу, привътствовавшую его; большія, сильно выпуклыя губы радостно улыбались: вѣдь много лѣтъ онъ не

Томъ I.-Февраль, 1903.

видълъ этой молодежи, много лътъ онъ считалъ себя одиновниъ и забытымъ, и вдругъ эти горячія, страстныя привътствія тысячной дорогой и любимой молодежи!.. Онъ даже поблъднълъ отъ волненія и нъсколько разъ кланялся, пока не утихла буря.

Говориль онъ нъсволько французскимъ пріемомъ, т.-е. съ извъстной декламаціей: поблагодаривъ дрожавшимъ голосомъ за братскій пріемъ, онъ замітилъ, что, какъ старый ветеранъ, не принадлежить ни въ одной изъ расколовшихся группъ, во горячо сливаетъ въ своемъ сердцъ и ту, и другую. Онъ сталъ доказывать, что у объихъ есть общія вадачи, и эти задачи—самыя васущныя, самыя важныя, гораздо важнёе всяких философских и экономическихъ вопросовъ. Эти задачи таковы, что безъ ихъ ръшенія на практикъ шагу ступить нельзя, такъ какъ всь иден и теоріи будуть, при изв'єстномъ состояніи общества, оставаться въ области словъ и добрыхъ желаній, а добрыми желаніями вымощенъ адъ. Раздълиться на партін еще будеть время, вогда дойдеть до этого, а теперь следуеть поставить девизомь не вражду и раздъленіе силь нашей крохотной интеллигенціи, а только дружное раздёленіе въ ней труда. — "Да здравствуеть единеніе! "-завончиль онь съ пасосомь.

Едва стали смолкать рукоплесканія, какъ около двери неожиданно раздался р'язкій, задыхающійся, точно придавленный голосъ Рогова. Онъ кричалъ:

— Я-гость, москвичъ! Позвольте и мев, какъ гостю, свавать свое слово не въ очередь. Вижу, что я вдесь вдвойне въ лагеръ враговъ: потому, во-первыхъ, что по убъжденіямъ я-народнивъ, и потому, во-вторыхъ, что я — самъ муживъ, сывъ мужика, къ которому сейчасъ здёсь отнеслись съ такимъ презрізніемъ, а именно г-нъ Охроменко сказалъ, что для деревенскаго мужика не стоитъ работать, что работа для него есть забота о сытомъ брюхъ... Поворнъйше благодарю! Я послалъ бы такихъ господъ въ деревню, гдв имъ пришлось бы всть вместо хлеба мявину, смѣшанную съ глиной! Свазали ли бы они тогда, что заботиться о деревив значить мечтать о толстомъ мужицкомъ брюхв! Поэтому выражаю свое глубочайшее негодование не только противъ выходовъ г-на Охроменки, но и противъ ръчи госполь примирителей въ родъ почтеннъйшаго Петра Григорьевича Рахмарова: лучше я сжегь бы на костръ свою руку, чъмъ протянуть ее господамъ Охроменкамъ...

Онъ соскочилъ со стула, сопровождаемый рѣдкими апплодисментами, но зато почти всеобщимъ шиканъемъ. Онъ обернулся къ толпѣ и крикнулъ: — На мявину бы васъ всёхъ! Не то бы запёди! Теперь все здёсь было ему такъ непріятно, что онъ рёшилъ немедленно уёхать на Боровую, не ожидая Бёлоконскаго.

А тоть въ это время, стоя на эстрадъ, нашептывалъ что-то Надеждъ Николаевнъ Петренко, которая хохотала, закрываясь въеромъ. Между прочимъ онъ спросилъ ее:

— Я не вижу здёсь Софыи Петровны Лопатиной... Знаете ли, въ городъ ходатъ слухи, что князь Терскій собирается сбёжать отъ нея за границу?

Надежда Николаевна вспыхнула и отвътила довольно ръзко:

- Я знаю у васъ много недостатковъ, но не ждала, что вы способны передавать такія грубыя сплетни.
- Да въдь я передаю ихъ вамъ, а не вому-нибудь другому. Онъ видимо обидълся, но сдержалъ себя, такъ какъ впереди ему предстояла миссія добыть отъ нея пожертвованіе для кассы. Онъ обратилъ дъло въ шутку, замътивъ, что Терскій считается архіереемъ декадентовъ, и не было бы ничего удивительнаго, еслибы онъ совжалъ за границу отъ прелестной молодой дъвушки, такъ какъ архіереямъ жениться не полагается.
- Кстати, смѣясь, воскливнула Надежда Николаевна: при входѣ сюда ко мнѣ обратился одинъ студентъ изъ кружка символистовъ-декадентовъ. Онъ вручилъ мнѣ рекомендательную карточку отъ одного моднаго поэта и убѣждалъ дать имъ денегъ на изданіе "Сборника". По его словамъ, только ихъ направленіе имѣетъ будущность, только оно раскроетъ человѣчеству новые горизонты въ область таинственнаго существованія, недоступнаго человѣческимъ органамъ чувствъ и обыкновенному человѣческому мышленію.
- И вы, вонечно, объщали?! съ негодованіемъ спросилъ Въловонскій.
- Представьте: почти объщала. Кто знаетъ, быть можетъ, въ самомъ дълъ у нихъ есть будущность.

Бълоконскій громво расхохотался.

— О, институтское легковъріе! — воскликнулъ онъ трагически в сталь разсказывать смъшные анекдоты о декадентахъ, цитируя наиболъе нелъпые отрывки изъ ихъ стихотвореній.

Круглое, румяное, вакъ яблоко, лицо Надежды Николаевны, съ носикомъ пуговкой, раскраснълось и прыгало отъ смъха. Ел сърые глазки оживленно блестъли. А онъ насмъшливо смотрълъ въ упоръ въ эти глаза и то крутилъ свои небольшіе усики, то небрежно игралъ своимъ черепаховымъ пенсиэ, изръдка вскиды-

вая его на носъ, чтобы свысока и презрительно осмотр вть толпу, шум ввшую внизу.

Онъ нашелъ, что теперь Петренко достаточно подготовлена къ пожертвованію и что надо ковать желъзо, нова оно горячо. И онъ не ошибся: Надежда Николаевна безъ возраженій объщала дать для кассы двъ тысячи рублей. Какъ разъ въ этоть моментъ Охроменко кончалъ свою вышеупомянутую ръчь, и Бълсконскій прошепталъ, наклоняясь къ уху своей собесъдницы:

- Хотите, я скажу имъ пародію на его рѣчь, и меня винесуть на рукахъ? Стоить только сказать, что русское студенчество представляеть собою не одинъ лишь россійскій пролетаріать, но и всемірный.
- Какой вы злой н какъ мив это не нравится! отвётная она, и все таки расхохоталась.

Когда стали шивать Рогову, Надежда Николаевна спросыла:

- Не внаете ли, кто этотъ горячій ораторъ?
- Еще бы не знать: это мой товарищъ по гимназіи, толькочто окончившій московскій студенть-медикъ. Хотите, я васъ познакомлю съ этимъ фонтаномъ народолюбія?
- Даже очень хочу. Кстати, отцу нуженъ врачъ на фабрику. Онъ очень убъжденный; значить, и лечить будетъ хорошо. Да и вообще теперь убъжденныхъ людей немного: хотя бы васъ взять въ примъръ.
- Вы не върите, что у меня есть свои собственныя убъжденія?
  - Вы смёстесь надъ всёмъ безъ исключенія, отвётила она.
- Для этого-то и нужны сильныя убъжденія: я иду противъ всъхъ, потому что они—стадо, а я уже тысячу разъ говориль вамъ, что ненавижу стадность.
  - Ну, не сердитесь. Какой вы самолюбивый!
- Однако прощайте, отвётиль онъ, сохраняя обиженный видь. Сейчасъ пришлю вамъ этого убъжденнаго урода.
- Да не торопитесь, побудьте немножею со мной. Безъ васъ скучно.
- Ну, и преврасно; вы должны быть навазаны по заслугамъ.

Онъ повернулся и, сойдя съ эстрады, нашелъ Рогова въ распорядительской, гдв тотъ уже давно отыскивалъ свое пальто въ грудв платья, сваленнаго на полъ.

— Эй ты, Медевдь Захарычъ! Надежда Ниволаевна Петренво хочетъ съ тобой познакомиться. Милліонерка! И на фабрив

желаеть мъсто дать. Очень ужъ ты ее своей образиной очаровалъ. Идемъ на эстраду.

- Ты меня и вправду медвёдемъ считаешь, что хочешь бога чамъ показывать!
- Да развѣ богачамъ медвѣдей повазывають?— расхохотавшись, сказалъ Бѣловонскій.
  - Имъ все повазывають. Не пойду.
  - Да въдь говорю тебъ, что она мъсто объщаетъ.
- Ну, ты это самъ и устрой мив, а я не пойду влянчить. Да еще тамъ этотъ Охроменко, чортъ бы его побралъ, торчитъ! И я буду торчать на высотв передъ всей публикой.

Роговъ отыскаль наконецъ свое пальто. Въ это время изъ-за одного столика съ афишами и билетами раздался женскій голосъ:

— Бълоконскій, ужъ и вы стали не узнавать меня! Два раза пробъжаль мимо и не замътиль!

Это была Въра Павловна Лядова, съ которой читатель ужъ познакомился.

По той быстроть, съ какой Бълоконскій бросился къ дъвушкь, было видно, какъ онъ дорожить знакомствомъ съ нею. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ и заключилъ ихъ комплиментомъ:

- Какое самоотверженіе! Сидіть вдісь съ билетами и даже не слышать річей!
- Кое-что и сюда доносится. Кто это съ такимъ жаромъ защищалъ народниковъ?
- A вонъ тотъ студентъ-москвичъ! указалъ онъ глазами на Рогова: — онъ самъ изъ крестьянъ.

Лядова мелькомъ взглянула въ лорнетъ на московскаго Цицерона.

- Очень симпатичное лицо, тихо свазала она: мет хотелось бы съ нимъ познавомнъся.
- Вотъ счастливчивъ! воскливнулъ Бѣлоконскій. Этакая рожа, а сегодня уже вторая дѣвица имъ восхищается! Извольте, познакомию, если не упрется. Надежда Николаевна котѣла познакомиться, такъ уперся: "Я, говорить, не медвѣдь, чтобъ меня богачамъ показывать".
  - Это мив ужасно нравится; пововите его.

Она и здёсь была въ своемъ обычномъ черномъ шерстяномъ платъв. Ея свётлые, какъ ленъ, волосы, гладко причесанные спереди, съ проборомъ по срединв, падали на спину толстой длинной косой. Что-то монашеское, "не отъ міра сего", было въ этой дввушкв съ кроткими, грустными голубыми глазами, облеченной въ трауръ.

- Пойди сюда! Очень нужно! вривнулъ Рогову Бълоконскій, но, видя, что тотъ не двигается, самъ направился въ нему.
- Опять знакомить! ворчаль москвичь: на Боровой рѣчи пропустимъ. Но, всмотрѣвшись въ Вѣру Павловну, подумалъ: "Вотъ чистота! Святая Цецилія!" И его потянуло познакомиться съ нею.
- Рекомендую, свазалъ Бъловонскій: врачъ Роговъ, Медвъдь Захарычъ, то бишь, Иванъ Захарычъ, неистощимый вулкавъ народолюбія. Вотъ мадемуазель Лядова объщаетъ доставить тебъ случай видъть у нея всъхъ писателей твоего прихода, а ма этого желала съ тобой познакомиться. Кланяйся и благодари!

Когда Бълоконскій и Роговъ вхали послів на извозчик на Боровую, Роговъ сказалъ:—Славная барышня!

- Еще бы не славная: похвалила тебя и къ себъ позвала.
  - Ты цинивъ, съ досадой проворчалъ Роговъ.
- А ты хорошенько поухаживай за нею, медвёдь. Мять отчимъ говорилъ, что она собирается убхать въ деревню и отврыть тамъ школу. Если Петренко дастъ тебе место на фабриве, то ты будешь жить съ ней почти рядомъ... Въ глуши, на безлюдьи, будешь иметь успёхъ. А когда женишься, я пріёду на лёто къ отчиму и пріударю за ней: она еще ничего!
- Если ты будешь такъ говорить, я соскочу съ извовчика, и побажай одинъ...

Рахмарову пришлось возвращаться съ вечеринки на Петербургской съ Върой Павловной Лядовой. Она была такъ печальна и чъмъ-то разстроена, что онъ спросилъ ее:

— Съ вами что-нибудь случилось? Вы чёмъ-то ужасно огорчены.

Она пробовала отдёлаться невинной ложью, сказавъ, что вътолив у нея разболёлась голова. Но онъ возразилъ:

— Зачёмъ вы сврываете отъ меня? Вёдь это же не такъ! Посмотрите, вёдь у васъ голосъ дрожить, а еще минутка, и вы расилачетесь.

И вдругъ она въ самомъ дълъ расплакалась.

- Нѣтъ, милан барышня, вамъ надо серьевно лечиться: второй разъ я вдѣсь васъ вижу, и второй разъ вы плачете! Необходимо изъ Петербурга вонъ.
- Акъ, вовсе это не нервы! оправдывалась она, сдержавъ слевы: на моемъ мъстъ каждая, съ самыми кръпкими нервами, стала бы плакать.

- Да въ чемъ же дъло? Ну, разскажите мив, какъ старому другу.
- Ахъ, Петръ Григорьевичъ, я уже давно становлюсь здёсь все болёе и болёе одиновой, но никогда я такъ ясно не чувствовала этого, какъ сегодня!... И она опять начала плакать, и опять сдержала себя, продолжая прерывающимся голосомъ: Нётъ ничего мучительнёе, какъ чувствовать себя одиновой, забытой, въ молодой, милой, оживленной толиё недавнихъ друзей, которыхъ такъ сильно любишь, что жизнь бы свою отдала за нихъ...
- Но разсважите мив, ради Бога, отчего произошло это охлаждение въ вамъ молодежи?
- Очень просто, и я минута за минутой съ невыносимой гоской переживала ступеньку за ступенькой, которыя привели къ этому разрыву... И все это на моихъ глазахъ! Это была настоящая паника, хотя и замаскированная: стали бранить, стали вышучивать все, что еще недавно считалось самымъ нужнымъ и важнымъ... И это во всемъ,—даже въ поэвіи, въ живописи: если прежде тамъ требовалась общественная идея, теперь требовали полной безъидейности...

Она такъ волновалась при этихъ воспоминаніяхъ, что нѣсколько секундъ не могла продолжать разсказа. Петръ Григорьевичъ, боясь, что она снова заплачетъ, поторопился предложить ей вопросъ:

- Какъ вы удержались, спросиль онъ съ участіемъ, чтобы не примвнуть къ этому паническому настроенію? В'ёдь паника такъ заразительна.
- Не знаю какт! Мий въ новомъ движеніи многое даже очень симпатично, напримірть то, что у нихъ все-же осталась забота о труженикахъ и обездоленныхъ... Но я не могла и не могу примириться съ тімъ, что они хотятъ заботиться только о городскихъ пролетаріяхъ: я привыкла любить деревню, крестьянъ. И вотъ отсюда то началась моя біда: я надіялась уговорить, убідить, а вышло изъ этого то, что молодежь стала смотріть на меня свысока: "Ты, молъ, отстала и не можешь насъ понять". А монмъ старымъ друзьямъ показалось наоборотъ, что я, съ монми попытками примирить два лагеря, изміняю прежнему, сажусь между двухъ стульевъ и заискиваю у новой молодежи... Такимъ образомъ и случилось, что я потерела и тамъ, и здісь. Ко мяй охладіли люди самые дорогіе, т.-е. оставшіеся, какъ я, візрными прошлому... Да, вы правы, нужно уходить изъ Петербурга: иногда мий кажется, что я съ ума сойду.

- Ну, развъ не ясно, что это нервы? сказалъ Рахмаровъ. Еслибы вы не были больны, то вся эта исторія, конечно, подъйствовала бы на васъ иначе: ну, развъ стоитъ огорчаться изъ-за того, что толпа, которая все-таки толпа, какъ бы синпатична она ни была, стала къ вамъ относиться холодифе?
- . Вы не понимаете, воскликнула Въра Павловна, что въ этомъ общени была вся моя жизнь! Въдь у меня не было никогда никакой личной жизни...
- И неужели вы никогда не чувствовали въ ней потребности?
- Бевъ преувеличенія говорю вамъ: нивогда не чувствовала. И я даже не замічала этого отсутствія. Да и кавъ было замічать! Відь жизнь была тавъ полна! Сперва женскіе курси... Кавое милое это время было! А потомъ, до самыхъ послівднихъ літь—работа съ утра до вечера, почти безъ отдыха, и кавая живая, интересная, захватывающая работа: відь я вітрила, что приношу пользу, что, благодаря и моей лепть, народъ просвіщается... У меня собирались, читали, спорили, воодушевляли другихъ... Я не замітила, кавъ промелькнуло нітьсколько літь. Некогда было скучать и вадумываться о себъ самой.
- Да, я поннмаю, что вамъ очень тяжело. Убажайте на время за границу, отдохните... Мало-по-малу все забудется, и начнете новую жизнь.
- Нътъ, за границу я не повду, ръшительно сказала Въра Павловна: въ такое время уважать это немыслимо. Уъду въ деревню, буду жить недалеко отъ васъ, вы мит поможете устроить школу, будете мит помогать, и не буду я одинока. А быть можеть, тамъ найдутся и еще люди сочувствующе, тогда и начнется та новая жизнь, новый періодъ моей исторіи, прибавила она съ улыбкой, о которомъ вы говорили.

Рахмаровъ, видя, что эти планы успововвають ее настолько, что она даже развеселилась, не сталь ее разубъждать. Онъ ръшился серьезно поговорить съ ен дядей, котораго она очень уважала: онъ одинъ могъ бы убъдить ее поъхать за границу и полечиться. Рахмаровъ предвидълъ, что деревня можетъ окончательно разстроить ен здоровье, — такъ плохо живется тамъ въ послъднее время.

Остальную дорогу до Надеждинской Въра Павловна продолжала мечтать все въ томъ же направлении. Прощаясь съ намъ, она уже была совсъмъ весела и звала его пріъхать въ пятнящу на ея журфиксъ, чтобы подробно обсудить все дъло.

— Вамъ не будеть непріятно, что я пригласила Рогова?

- Почему мий это можеть быть непріятно?—съ изумленіемъ воскликнуль Петръ Григорьевичь: Наобороть, я буду очень радъ съ нимъ познакомиться. Кстати, въ нашемъ вемствй открылось мисто врача, и было бы очень хорошо устроить для него это мисто.
- Кавой вы славный! Не обидёлись за его рёзкую выходку противъ васъ! Впрочемъ, развё отъ васъ можно было ожидать иного отношенія!

VI.

Въ пятницу, въ девять часовъ вечера, въ четырехъ уютныхъ комнаткахъ Вёры Павловны Лядовой было освёщено. Посётители ея журфикса еще не являлись, если не считать двухъ курсистовъ—фребелички и бестужевки, которыя были у нея домашними людьми, помогая въ ея работё по книжному складу для народныхъ училищъ. Она сидёла съ дёвушками въ уголкё гостиной. Въ мягкомъ свётё большой лампы подъ кружевнымъ абажуромъ можно было разсмотрёть на стёнахъ хорошія картины русской школы, коверъ, устилавшій весь полъ, и простую, наящную мебель.

Бестужевка убъждала Въру Павловну не покидать Петербурга, такъ какъ безъ нея не пойдетъ ихъ воскресная школа и народныя чтенія за Нарвской заставой.

- Замъстителя себъ я уже подыскала, отвътила Въра Павловна, которая была сегодня очень оживлена и бодра. —Ты забываешь, что въ Петербургъ много работниковъ, а въ деревнъ —никого. Ну, а ты, Маня, —обратилась она къ фребеличкъ: не раздумаешь? Поъдешь со мной?
- Я сказала: окончу осенью экзамены, и твоя. Воть только разръшать ли тебъ школу.
- Дядя объщаль помочь, да и губернаторъ тамъ—нашъ родственникъ.

Послышался электрическій звонокъ, и черезъ нѣсколько минуть вошли два гостя. Одинъ быль навѣстный беллетристъ, Семенъ Ивановичъ Неволинъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, но такой моложавый и подвижной, что вы не дали бы ему и сорока. Его округлое тѣло обхватывалъ короткій пиджачокъ, застегнутый на всѣ пуговицы; изъ бокового вармана торчалъ цвѣтной фуляръ. Коротко подстриженная борода съ выбритыми усами была въ американскомъ стилѣ. Живость движеній напоминала француза, а маленькій круглый носъ выдавалъ россійское происхожденіе.

Онъ подпрыгивалъ на ходу, потиралъ руки, и, подойдя къ хозяйкъ, фамильярно поцъловалъ у нея руку.

— Ухъ, жавъ мы рано! Еще нивого нътъ. — Онъ захохоталъ воротво и тотчасъ же сталъ серьезенъ.

Его спутникъ, брюнетъ лътъ сорова-пяти, шировій въ кости, съ добродушнымъ лицомъ и густой черной бородой, состоялъ негласнымъ редавторомъ одного изъ толстыхъ журналовъ. Онъ видимо не привыкъ въ обществу, конфузился, старался не дать этого замътить, и началъ разговоръ прямо съ того, что сталъ жаловаться на цензуру, а затъмъ усълся на диванъ и занялся разсматриваніемъ альбома, спрятавшись за него, какъ за неприступную кръпость.

Зато беллетристь говориль безь умолку, разскавываль анекдоты, то садился, то вставаль и быстро шагаль изъ угла въ уголь; при этомъ онъ вздрагиваль бедрами, напоминая бодрыхъ пожилыхъ кавалеристовъ, хотя никогда не служиль не только въ кавалеріи, но и въ гражданской службъ.

Въра Павловна ничала разсказывать гостямъ біографію Рахмарова, и между прочимъ сообщила, что онъ сдёлалъ опыть—сдать свою землю крестьянамь на артельныхъ началахъ. Романисть отнесся къ этому равнодушно, а редакторъ очень заинтересовался, даже одушевился и сказалъ горячую ръчь о значеніи артели. Эта ръчь была прервана появленіемъ самого Рахмарова. Казалось, что отъ его огромной фигуры въ гостиной стало тъсно. Когда всъхъ перезнакомили, романистъ спросилъ у Петра Григорьевича, какое впечатлъніе онъ вынесъ отъ Петербурга, котораго не видълъ больше десяти лътъ.

— Кавъ вамъ сказать? — медленно заговорилъ Рахмаровь, усаживаясь въ вресло: — по внёшности общественная жизнь усилилась; вознивло довольно много новыхъ оффиціальныхъ обществь съ самыми различными цёлями, но я замётилъ поразительний фактъ: почти во всёхъ этихъ обществахъ зявляется постоянно одна и та же дюжина, много двё, однихъ и тёхъ же лицъ. Едва ли они не толкутся на одномъ мъстъ. Общества же, дъйствительно работавшія, какъ напримъръ, "Общество народнаю ховяйства", "Бюро просвёщенія" — закрыты. Кромъ того, я ве вижу совсёмъ общихъ руководящихъ началъ: разбились на спеціальности, возятся съ мелочами.

Явился Бълоконскій съ Роговымъ. Рахмаровъ, знакомясь съ послъднимъ, дружелюбно сказалъ:

— A, очень радъ познакомиться съ вами поближе, горачів челов'якъ!

Рогова, очень конфузливаго въ обществъ, обидъли эти слова.

- И я радъ познавомиться съ вами, очень холодный человъжъ!—отвътилъ онъ недовольнымъ тономъ.
- Простите, я не желалъ васъ обидъть, въжливо и мягкосвазалъ Рахмаровъ: — Я не считаю порокомъ молодую горячность, да и самъ едва ли могу быть названъ холоднымъ.
- Я въ этомъ увъренъ, отвътилъ Роговъ, но это вамъ шпилька за то, что проповъдывали единеніе съ разными Охроменками. Прошу ужъ и меня извинить за ръзвость: сами виноваты.
- А все же худой миръ лучше доброй ссоры, сказалъ Рахмаровъ, улыбаясь.
- Ну, это какъ кому. Да и не всегда это такъ. Иногда необходима борьба не на животъ, а на смерть.
- Однаво, не въ случаяхъ идейныхъ разногласій, свазалъ Рахмаровъ. — Идейная борьба всегда должна быть свободна, т.-е. чужда насилія. Развѣ вы съ этимъ не согласны?
- Теоретически согласенъ, но на практикъ не всегда выдержишь, — отвътилъ Роговъ.

Онъ пробрался затъмъ въ темний уголовъ и сталъ наблюдать публику, которая мало-по-малу наполняла гостиную: каждый сообщалъ какую-нибудь новость или слухъ, да все такіе печальные, что становилось жутко. Между прочимъ, явился модный адвокатъ, рослый и тучный, съ бритымъ лицомъ, напоминавшимъ провинціальнаго трагика. Онъ былъ во фракъ и бъломъ галстукъ и сообщилъ, что пріъхалъ прямо изъ васъданія, гдъ защищалъ кокотку, интересовавшую весь Петербургъ тъмъ, что она убила своего любовника. Адвокатъ принесъ съ собой струю, такъ сказать, фельетонно-уличную, разсказывая подробности объ этой модной новинкъ.

Всявдъ за нимъ, сгорбившись и вашляя, медленно вошелъ членъ окружного суда, причастный не къ литературв, но къ закрывшимся обществамъ— "Бюро Просвещенія" и "Народное Хозяйство", въ которыхъ онъ много и полезно работалъ долгіе годы. На видъ это былъ желчный, озлобленный человекъ, но всёмъ была извёстна его гуманная деятельность, посвященная делу народнаго образованія и благосостоянія. Онъ едва могъ откашляться, схватившись руками за свою впалую грудь, а на его желчномъ, покрытомъ морщинками лице выступилъ неестественный румянецъ...

Пришло еще изсколько писателей, и стало шумно. Рахмаровъ подъ шумовъ пробрался въ Рогову и тихо сказалъ:

- Бѣлоконскій передаль мнѣ, что вы были бы не прочь взять мѣсто земскаго врача. Предсѣдатель нашей земской управи—мой большой пріятель, и такъ какъ тамъ открылась вакансія, то, если хотите, я это дѣло устрою.
- Большое спасибо: земская работа мий по души, отвитиль Роговъ.

Въ это время почти вбъжала Надежда Николаевна Петренко въ какомъ-то необыкновенномъ, ярко-красномъ платъъ. Она путалась въ своемъ длинномъ шлейфъ и казалась среди темних костюмовъ гостей и хозяйки яркимъ снопомъ огня, влетъвшимъ въ гостиную. Поздоровавшись со всъми и вамътивъ Рогова, она попросила Бълоконскаго познакомить ихъ и, принявъ сразу дъловой видъ, предложила ему мъсто врача на фабрикъ.

- А воть ужъ я и не знаю, какъ съ этимъ быть, отвътилъ Роговъ грубовато: мит сейчасъ г-нъ Рахмаровъ предожилъ мъсто земскаго врача. Значитъ, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! И я предпочитаю земское мъсто фабричному.
- Да въдь земсвій врачебный пункть въ той же деревнь, гдъ наша фабрика: вы можете совмъстить объ должности.
  - Ну, въ такомъ случав, это --- можно.
- Значить, по рукамъ? сказала Надежда Николаевна, шутливо подражая купеческому тону: — жалованьемъ отецъ васъ не обидить. Это ужъ вы сговоритесь съ нимъ.

Затёмъ она обратилась въ Бёловонскому и сказала: — А знаете, я и съ Зиновьевымъ покончила, т.-е. не совсёмъ, а предложила ему мёсто химика, о чемъ мей на дняхъ писалъ отецъ.

- Ваша фабрика обратится въ Ноевъ ковчегъ, отвътваъ Бълоконскій: тамъ будутъ и чистыя, и нечистыя животныя, и марксисты и народники; недостаетъ только декадентовъ: пригласите какого-нибудь изъ нихъ, котя бы смотрителемъ штукатурки.
- Вы влой!—игриво сказала она.—Какое мив дело до направленій! Я вездё подбираю все выдающееся.
  - Капиталь—въ роли искусственнаго подбора? Предестно!
- Если вы будете надо мной смёнться, я разсержусь!— Она слегка ударила его въеромъ.

Роговъ, попавшій въ общество писателей и сливовъ интеллигенціи въ первый разъ въ жизни, негодоваль на этоть игривый тонъ и болтовню; не удовлетворяли его и остальные разговоры: беллетристъ разсказывалъ анекдоты о въмецкихъ профессорахъ тъхъ отдаленныхъ временъ, когда онъ слушалъ лекцік въ Германіи; редакторъ жаловался кому-то, что французи хотять заставить платить себь за переводы ихъ сочиненій на русскій языкь... Болье интересный разговорь вель желчный члень суда съ Рахмаровымь, передавая ему новьйшую исторію закрытія тыхь двухь обществь, съ которыми онъ сроднился въ теченіе многихь лыть. Событіе это страшно его волновало: его лицо наъ желтаго стало краснымь.

Въра Павловна замътила, что Роговъ скучаетъ, и, воспользовавшись тъмъ, что горничная разносила чай, взяла съ подноса чашку и понесла ему въ уголовъ.

- Вы, важется, ожидали большаго отъ сегодняшняго вечера? — спросила она въ полголоса, присаживаясь около него.
- Да, признаюсь! Неужели и всегда такъ: жалобы, остроты, анекдоты о высовопоставленныхъ особахъ, и ни слова о томъ, что нужно дълать?
- Да, теперь почти всегда такъ... Какая-то общая апатія... А еще недавно было время, когда въ этой же гостиной слышались другія рѣчи: отъ нихъ становилось теплѣе... теперь же такъ холодно, такъ одиноко!
- У васъ въ Петербургъ большое знавомство? спросилъ Роговъ.
- Да, довольно большое, но только исключительно средв молодежи, писателей, профессоровъ. Вы внаете, что я собираюсь вхать въ ту же мъстность, куда поъдете и вы?
- Какъ! Вы увзжаете изъ Петербурга! А я слышалъ, что у васъ вдёсь много дёла. Что же вы будете дёлать въ деревиё? Не успёла еще отвётнть Вёра Павловна, какъ Надежда

Николаевна крикнула ей изъ другого угла гостиной:— Правда ли, миъ болтаетъ Бълоконскій, что вы хотите бросить Петербургъ?

 Да, это правда: я думаю открыть шеолу въ своемъ имъньицъ, по сосъдству съ Рахмаровымъ.

Романисть вскочиль съ мъста, какъ резиновый мячь, и сталъ передъ нею, сдълавъ круглые глаза, что должно было выразить комическій ужасъ.

- Что-съ?! Какъ?! И вы это серьезно? Позвольте вашъ пульсъ.
- Я еще вчера колебалась, но сегодняшній случай переполниль чашу, и я почти рішилась.
  - А что же случилось сегодня? спросиль беллетристь.
- Я не въ силахъ объ этомъ разсказывать: это меня ужасно волнуетъ. Пусть вамъ разскажетъ Маня,—сказала она, показавъ глазами на фребеличку.

Та, поврасивые оты смущения, начала:

— Въра Павловна вмъстъ со мной составляетъ и разсилаетъ библіотечки для школъ по требованію земствъ и другизъ
учрежденій. Иногда мы вкладываемъ въ посылку хорошія книжки,
но на которыя еще не поступило требованіе, и всегда пишемъ,
что если такая книжка не нужна, ее могутъ возвратить. И всегда
бывало такъ, что книгъ не возвращали, а высылали за нихъ
деньги. Но съ средины прошлаго года стали частенько возвращать, а мъсяцъ тому назадъ получилось даже ръзкое письмо.
Мы не обратили на него особеннаго вниманія, подумавъ, что
въ семьъ не безъ урода, и между учителями не все люди интеллигентные. Но сегодня получилось новое письмо, уже изъ другой мъстности, и просто невъроятное!

Въра Павловна вышла въ сосъднюю комнату и вернулась оттуда съ небольшимъ портфелемъ. Волнуясь, она отыскала въ немъ письмо и сказала:

— Воть, прочтите.

Беллетристь сталь читать съ вомическимъ паеосомъ:

"Симъ честь имъю увъдомить фирму г-жи Лядовой, что высланная ею внига, вакъ "неодобренная", — подчервнулъ онъ, — представлена мною сего числа при рапортъ г-ну инспектору народныхъ училищъ, надворному совътнику и кавалеру Тарасу Александровичу Крестовоздвиженскому, для поступленія съ оной, вышереченной фирмой по всей строгости етатей законовъ. Послъ столь неблаговиднаго поступка обращусь въ другой фирмъ, не желая имъть съ вашей никакого касательства. Учитель Н—ской школы Аполлонъ Ландышевъ".

— Вотъ тавъ ландышъ! — воскливнулъ беллетристъ: — Да еще Аполлонъ! И какъ онъ точенъ, когда дъло идетъ о начальникъ: упомянулъ, что онъ надворный совътникъ и кавалеръ. Это одинъ восторгъ!

Онъ забъгалъ изъ угла-въ уголъ, восклицая:

- Этакая каналья! И хочеть упечь не просто по закону, а непремённо по всей строгости статей законовъ.
- A внижва была дъйствительно неодобренная? спросых у Въры Павловны членъ суда.
- Что вы, что вы, Иванъ Оедоровичь! Да развъ я ребеновъ! Мы всегда посылали вниги одобренныя, но дъло въ томъ, что ваталоги одобренныхъ внигъ попадаютъ въ провинцію очень поздно... Въ этомъ и весь севретъ.
  - Это... это чортъ знаетъ что! Это... я не понимаю: "по

всей строгости статей законовъ!" — продолжалъ выкрикивать романистъ, неожиданно останавливаясь передъ къмъ-нибудь.

- Не въ словахъ тутъ дъло, Семенъ Ивановичъ!..—сказала Въра Павловна. А вотъ и дядя! воскликнула она, увидъвъ въ двернхъ высовую, статную фигуру съдого старика съ длинными, совершенно бълыми волосами, развъвавшимися по бокамъ свъжаго, румянаго лица. Онъ входилъ съ привътливо-снисходительной улыбкой, отвинувъ по привычкъ голову назадъ.
- Спасибо, дядя, что исполниль объщание и зашель, свазала Въра Павловна, подбъгая въ нему.

Онъ поцеловаль ее въ лобь и, обнявъ за талію, пошель вийсте съ нею въ гостямъ. Когда она представила его темъ, съ воторыми онъ не быль знакомъ, онъ попросиль чаю и, от-хлебнувъ глотовъ, завелъ речь о предполагаемомъ отъйзде Веры Павловны.

- Не могу свазать, чтобы это было мив особенно пріятно. Твить не менве, боюсь убъждать ее остаться здівсь: ен нервы въ послівднее время такъ развинтились, что она не можеть сдерживаться, вездів высвазывается открыто. Это къ добру не поведеть. Авось, въ деревнів поправится.
- Да въдъ тамъ еще хуже! восвливнулъ членъ суда. Всъ сидятъ по угламъ, спиваются! А ужъ о крестьянахъ и говорить нечего.
- Бъда и здъсь, и въ деревнь, вмъшался Рахмаровъ, имъетъ одинъ корень нату русскую разрозненность. Мы еще настолько некультурны, что не выработали у себя никакой общественности, не умъемъ подчинять свои самолюбія общественному долгу. Посмотрите на европейцевъ въ общемъ дълъ они забываютъ все личное, дъйствуютъ какъ одинъ.

Редавторъ сталъ возражать, что бъда не въ этомъ, а въ тяжеломъ положении печати, которая должна высвазываться полусловами и намеками, а потому не въ силахъ создать солиднаго общественнаго мнёнія... Адвокатъ возразилъ на это, что положеніе печати не можетъ стать лучше безъ общихъ правовыхъ устоевъ... Членъ суда находилъ, что котя это и върно, но безъ просвъщенія народа интеллигенція лишена поддержки. Романистъ присоединился къ мнёнію Рахмарова и разсказаль про случай, который онъ лично наблюдалъ въ Германіи, когда по поводу какого-то законопроекта вси страна, какъ одинъ человъть, подписала петицію и дала внушительные милліоны подлисей.

Вившался старикъ Белоконскій.

- Господа! свазаль онъ съ любезной улыбвой, я въ моихъ засёданіяхъ привыкъ дёлать резюме. Позвольте подвести
  итогь и вашимъ мнёніямъ. Въ сущности, вы всё согласны, но
  берете дёло съ разныхъ сторонъ. Отчего же печать у насъ не
  можеть создать общественнаго мнёнія, а на Западё его создаеть?
  Отчего нётъ правовыхъ нормъ, о воторыхъ говорилъ многоуважаемый Петръ Николаевичъ? онъ съ любезной улыбкой взгиянуль на адвоката. Наконецъ, отчего нётъ образованія, котораго
  прежде всего требуеть многоуважаемый Иванъ Петровичъ? и
  онъ перевелъ свои глаза на судью. Я думаю, что правъ и
  Петръ Григорьевичъ, наклонился онъ въ сторону Рахмарова: —
  Нётъ единенія! Все это вёрно, но вёдь это сказка про бёлаго
  бычка! А отчего же всего этого нётъ? Отчего нётъ единенія в
  какъ его сдёлать?
- Въ наше время мы умъли его создавать, сказалъ Рахмаровъ, правда, въ маленькомъ видъ, въ нашихъ земствахъ. Но мы все-же работали.
- Забудемъ о вашемъ времени, многоуважаемый Петръ Григорьевичъ: тогда былъ иной духъ, иной подъемъ, была въра... А теперь во все извърились! Будемъ держаться нашего времени и его условій и въ такомъ видъ обсудимъ вопросъ.

Начались повые споры: одни вдко острили надъ современнымъ положениемъ двлъ, другие гиввно его громили, третьи разсказывали курьёзные анекдоты изъ разныхъ петербургскихъ сферъ... Были и такие, что доказывали необходимость зариться въ свою норку и ждать...

Бъловонскій, наклонившись въ Рахмарову, свазалъ шопотомъ:

- Я незамътно уйду. До свиданія. Жду васъ завтра. Не правда ли, настоящее вавилонское столпотвореніе и смъщеніе языковъ?
- A почему же не канунъ новыхъ дней?—отвѣтиль тогъ задумчиво.
- Вы неисправимый оптимисть! засм'ялася Б'яловонскій, уходя.

VII.

Въ вонцъ августа, на полустанкъ одной изъ желъзнихъ дорогъ быстрыми шагами ходилъ Петръ Григорьевичъ Рахиаровъ и замътно волновался. Нъсколько разъ онъ обращался въ начальнику станціи съ вопросомъ, не запоздалъ ли поъздъ. На-

конецъ послышался звонокъ, извъщавшій, что поъздъ вышелъ съ ближайшей станціи, и Петръ Григорьевичъ пересталъ ходить, застывъ въ выжидательной позъ, какъ будто поъздъ могъ перелетьть въ одно меновеніе пространство въ нъсколько верстъ. Однако онъ не выдержалъ долго этого положенія, снова началъ ходить и даже, приблизившись къ краю платформы и нъсколько наклонившись впередъ, всматривался по направленію ярко сверкавшихъ рельсовъ, исчезавшихъ вдали между двумя стънами сосноваго лъса,—не покажется ли тамъ дымокъ.

Наконецъ, этотъ дымовъ повазался. По платформъ забъгали, а черезъ нъсколько минутъ, пыхтя и издавая свистъ, тихо приблизился поъздъ.

Рахмаровъ сразу узналъ въ одномъ изъ оконъ перваго класса радостное и взволнованное лицо Вёры Павловны Лядовой. Она кивала ему головой и улыбалась. Онъ бросился въ вагонъ и, сжимая ея руки, заговорилъ:

- Я боялся, что въ последній моменть вы раздумаєте. Однаво, выходите скорей: здёсь поездъ стоить всего две минуты!—Онь захватиль ея ручныя вещи и, пропустивь ее впередъ, продолжаль говорить:—Право, вёдь это настоящій подвигь.
- Увъряю васъ—нътъ. Вы же знаете, что я не могла больше оставаться въ Петербургъ.

Въ это время въ ней подбъжала ея петербургская горничная Маша и радостно поздоровалась съ Петромъ Григорьевичемъ, вакъ съ старымъ знакомымъ.

- Вашъ багажъ получить мой работникъ. Оставимъ съ нимъ и Машу. У него телъжка рессорная, ее не растрясетъ. А мы поъдемъ впередъ... Да знаете что: поъдемте-ка прямо ко мнъ. Вашъ домикъ пришелъ въ сильную ветхость; жить въ немъ будетъ неудобно, да и очень одиноко. У меня же новый школьный домъ и приготовлено для васъ три комнатки—уютныя, свътлыя... Сплетенъ быть не можетъ: я почти старикъ, да и мы въ родствъ.
- Ну, что-жъ, сказала она бодро и весело. Я не вижу, почему бы не устроиться такъ.

Поўхали...

День выдался теплый, солнечный, хотя уже чувствовалось приближение осени. Серебряныя нити паутины носились въ чистомъ прозрачномъ воздухъ, сверкая иногда на синемъ небъ, на которомъ не было ни одного облачка. Справа и слъва дороги шли скошенныя поля, отливая золотомъ. Впереди и вездъ кругомъ открывались широкія дали съ деревеньками на пригоркахъ

Томъ І.-Фивраль, 1908.

36/8

и бълыми точками отдаленныхъ церквей. На синъющія рощи уже легь оранжевый оттънокъ поблекшихъ листьевъ; ихъ прянямъ запахомъ былъ пропитанъ легкій, свъжій вътерокъ.

- Кавъ хорошо здёсь послё Петербурга! восхищалась Лядова, втягивая въ себя съ кавою-то жадностью чистый деревенскій воздухъ. И какой просторъ!
  - Вы не раскаяваетесь?
- Господи, могу ли я раскаяваться! Мив отъ радости кочется заплакать! И все еще какъ-то не вврится, что я въ деревив.
- 'Только не разочаруйтесь, замётилъ Рахмаровъ, особенно въ врестьянахъ.
- Я подготовлена въ тому, что жизнь ихъ далева отъ ндилии. Нътъ, я убъждена, что жизнь здъсь отлично устроится: пріъдетъ моя фребеличка Маня, пріъдетъ Роговъ. Образуется тъсный дружескій вружовъ, и будетъ тепло, уютно, весело.
  - А когда же объщала прівхать фребеличка?
  - Не раньше, какъ черезъ мъсяцъ.
- Справитесь ли вы безъ нея въ школъ? Желающихъ учиться страшно много.
- А не найдется ли по близости какой-нибудь интеллигентной сосъдки, которая пока могла бы помочь?
- Увы, никого нътъ. Правда, на-днякъ вернулась дочь Лопатина, Софья Петровна, помните, та самая, что жила у Надежды Николаевны Петренко. Но мы во враждъ съ ея отцомъ. Этотъ Лопатинъ—такой субъектъ, что знакомиться съ нимъ не желательно.
- Я могу сама повхать съ визитомъ прямо-въ ней,—свазала Въра Павловна.
- Пожалуй, попробуйте, но, нажется, изъ этого ничего не выйдеть. У нея вакое-то странное направленіе: накая-то смёсь декадентства съ мизантропіей. Она очень неглупа, много читала, но ее точить какой-то червякъ... Впрочемъ, я съ ней говорыт только два раза... Быть можеть, отъ деревенской скуки и согласится посвятить себя дѣлу, которое въ ея глазахъ не можеть быть "изящнымъ". А она только и бредитъ, что красотой да изяществомъ.

Вдали на холмѣ повазалась его усадьба съ общирнымъ паркомъ, оваймленнымъ бѣлой лентой ваменной ограды. Надъ паркомъ возвышался большой, двухъ-этажный домъ съ колоннами, причудливой архитектуры, съ какими-то башнями невѣдомаго стиля.

- Какъ это врасиво! свазала Лядова.
- Да, издали, а вбливи разочаруетесь: теперь это почти развалина. Болъе десяти лътъ не ремонтировалъ—дорого. Самъ я занимаю въ немъ двъ комнаты внизу, остальное все заколочено.

Въвхали въ аллею изъ пирамидальныхъ тополей, которан начиналась за полверсты отъ дома и, прямая вакъ стрвла, кончалась вдали вакими-то монументальными каменными воротами. Когда наконецъ подъвхали къ этимъ воротамъ, онв оказались кое-гдв разрушившимися. Прямо противъ нихъ, въ глубинъ лужайки открывался фронтонъ дома съ рядомъ колоннъ. Свади и съ боковъ его обступали деревъя парка, между которыми налъво стоялъ новый деревянный флигель съ зеленой желъвной крышей.

Рахмаровъ указалъ на этотъ флигель и сказалъ:

- Вотъ ваше будущее жилище и храмъ просвъщенія.
- Какъ жаль стараго дома! отвътила Лядова, увидъвъ вблизи, что овна верхняго этажа зъбиты досками, штукатурка обвалилась, колонны рушатся.
- Мит его не жаль, скаваль Рахмаровъ. Я когда-нибудь разскажу вамъ, что туть творилось. Слава Богу, что все это прошло. Но... скоро ли мы дождемся лучшихъ временъ? Старое сломано или разрушается, а новаго итть... Впрочемъ, вскривнулъ онъ, перебивая самого себя: — что же это я говорю? Есть новое: вотъ этотъ флигель, и въ немъ новая школа, а въ школъ... кто же? Что сказали бы наши общіе предки, еслибы имъ, когда они были живы, кто-нибудь предрекъ, что ихъ правнучка явится сюда учить мужицкихъ дътей?! И развъ это не ново? И развъ это не удивительно хорошо?

Въ отвъть она только радостно улыбнулась. Ея глаза свътились такимъ счастьемъ, какое въ нихъ бывало развъ только въ самые лучніе моменты ея жизни.

Комнату Вёры Павловны, съ высовими свётлыми овнами и террасой въ паркъ, Рахмаровъ обставилъ съ такой заботливостью мебелью и вещами, взятыми изъ стараго дома, что она сразу почувствовала себя въ родномъ уголкѣ; она поняла, что это было не простою любезностью: онъ предусмотрѣлъ и обдумалъ все такъ, чтобы послѣ петербургскаго движенія и общества она не чувствовала себя здѣсь чужой и одинокой. Отъ такой заботливости Вѣра Павловна давно отвыкла и была ею тронута почти до слезъ. Цѣлый день Рахмаровъ не покидалъ ее. Они вмѣстѣ обѣдали, затѣмъ онъ повелъ ее показывать старый домъ и паркъ. Едва могли отпереть огромныя двери балкона, много лѣтъ не

отврывавшіяся. Изъ небольшой гостиной они прошли прямо въ обширный залъ въ два свёта, съ хорами. Подъ высовими потолеами пустыхъ огромныхъ вомнатъ ихъ голоса усиливались громвимъ резонансомъ, переходившимъ въ смутное эхо, и тогда вазалось, что вто-то незримый и гигантскій ходить и говорить вмёстё съ ними. Каждый шагъ заставляль трещать старый парветъ, какъ будто это дворянское гнёздо сердилось за то, что потревожили его повой, напоминающій владбище. Вёра Павловна испытывала въ первый разъ въ жизни чувство жутвости и мечтательнаго страха, воторое было совсёмъ незнакомо ей въ городѣ. Сходство съ владбищемъ увеличивалось массой портретовъ въ костюмахъ разныхъ эпохъ: ими были увёшаны всё стёни вала, откуда они смотрёли, какъ ожившіе мертвецы въ своихъ напудренныхъ парикахъ, раззолоченныхъ венгеркахъ и атласныхъ платьяхъ, отдѣланныхъ вружевами.

Въра Павловна почувствовала облегчение, когда они вышле изъ этой гигантской могилы, пахнувшей гніющимъ деревомъ и плъсенью, въ паркъ, залитый яркимъ свътомъ осенняго солнца. Эти длинныя аллеи съ запущенными дорожками, уходившія вдаль и какъ будто звавшія вуда-то, это мягкое, волнистое море деревьевъ съ ихъ осенней листвой, то ярко зеленой, то золотой и оранжевой, эти овраги, заросшіе кустами, съ полуразрушенными мостиками, съ развалинами бесъдокъ и гротовъ, обвитыхъ увядающимъ плющомъ, все это навъвало на нее тихую, мечтательную грусть.

Она сказала Рахмарову объ этомъ настроеніи и прибавила:
— Въ городъ я никогда не знала ничего подобнаго, это для меня совсъмъ новое чувство.

— Въ городъ все ясно и прямолинейно, — отвътилъ онъ съ улыбкой. — Люди овладъли тамъ природой и заковали ее въ камни... Здъсь же она живая, свободная, со всъми своими силами и невъдомыми еще тайнами. Въ городъ навъваетъ ноэзію не она, а человъческія массы и ихъ взаимныя отношенія. Здъсь же природа разсказываетъ сказку — смутную, неопредъленную, о чемъ-то такомъ же смутномъ, неопредъленномъ и таинственномъ.

Поздно вечеромъ они вернулись во флигель и приступили въ обсуждению плановъ занятий съ дътьми и образовательныхъ прогуловъ съ ними; обдумывали, какъ ближе сойтись съ материми, чтобы повліять на ихъ взгляды, касающіеся гигіены дътей и ихъ воспитанія. Было уже поздно, когда Рахмаровъ сталъ прощаться.

Она вышла проводить его на террасу, навинувъ на голову теплый платовъ. Была свъжал, ясная лунная ночь. Надъ уснувшимъ паркомъ сіялъ мъсяцъ. Было прохладно... Простились еще разъ, и онъ ушелъ.

Шаги его давно затихли на боковой дорожкъ, ведущей къ старому дому, а Въра Павловна все еще стояла на террасъ, любуясь темными группами деревьевъ съ ихъ серебрящимися въ лунномъ свътъ вершинами и глубовой, почти черной мглой внизу. Отъ террасы вела къ пруду широкая аллен, которая въ темнотъ казалась безконечною. Въ ея отдаленномъ концъ сверкала серебряная точка: это просвъчивалъ прудъ, освъщенный луною.

Въру Павловну потянуло туда, и она, спустившись съ террасы, тихо пошла вдоль аллен. Высовія старыя деревья вазались уснувшими великанами. Между ихъ стволами стояла непроглядная тыма. Было тавъ тихо, что паденіе важдаго листа слышалось и заставляло настораживаться: бевсознательно рождалась мысль, что тамъ, въ этой тьмъ, есть вто-то живой и почему-то страшный, и онъ следиль за ней невидимо. Когда она дошла до середины аллеи, ей вдругъ показалось, что кто-то идетъ сзади. Въра Павловна невольно оглянулась и почувствовала приливъ особой, непонятной жуткости, близкой къ страху, хотя отлично понимала, что бояться нечего. И тъмъ не менъе, пройдя еще нъсколько шаговъ, она уже не могла пересиливать дальше этого чувства: ей захотвлось поскорве вернуться въ жилью, гдв въ овнахъ видивлись огни, говоря о присутствіи человъва. Только тогда, когда изъ-за деревьевъ показалась освъщенная изнутри стевлянная дверь ен террасы, бросавшая врасноватый свёть на листву, она почувствовала, что стражь ен прошель и сердце бьется повойно.

Ей захотелось взглянуть на фасадъ большого дома при лунномъ освещении, и она свернула на боковую дорожку, ведущую къ нему...

Воть онь передъ нею съ его барельефами, варіатидами и волоннами, бълъвшими при лунномъ свътъ. Забитыя верхнія овна напоминали заврытые глаза мертвеца, но въ нижнихъ овнахъ, высовихъ и таинственно-черныхъ, исврились блъдныя отраженія лучей отъ неровной поверхности стеколъ. Казалось, что тамъ еще не угасли исвры жизни этого огромнаго каменнаго трупа. Воображеніе Лядовой начало рисовать былую жизнь, випъвшую здъсь: вотъ гремитъ музыка, граціовно несутся танцующія пары при ярвомъ свътъ люстръ, среди аромата духовъ и цвътовъ... Вотъ на лужайвъ толпа играющихъ разряженныхъ дътей...

Воображеніе подсказывало ей, что здісь цілыя поколінія

ея предвовъ любили, страдали, заставляли страдать другихъ, бить можетъ, мучительно думали и молча погибали. И неужели этв ствим не пропитались ихъ жизнью, не задержали въ себъ некавихъ силъ, исходившихъ отъ нея? Быть можетъ, изъ кавогонибудь окна въ такую же лунную ночь глядъла, мечтая, молодая дъвушка на эти самыя деревья и звъзды, и въ этотъ часъ ея душа вернулась сюда и опять смотритъ на нихъ, вспоминав прошлое...

Въра Павловна до того размечталась, что вдругъ ей представилось, будто свади, въ черной глубинъ парка, раздались чън-то легкіе шаги, донесся чуть слышный шопотъ... Да! она слышитъ ясно слова: "прощай, прощай!"... слышитъ чье-то тихое рыданіе... Она вздрогнула, поднялась со скамьи и стала прислушиваться съ сильно бьющимся сердцемъ... Но все тихо... Падаютъ листья гдъ-то и шелестять, напоминая тихій шопотъ.

Въ это время въ двухъ нежнихъ окнахъ дальняго угла дома зажегся свътъ. Она знала, что это комната Рахмарова.

"Что-то онъ дълаетъ? Пишетъ что-нибудь? Читаетъ"?

Ей захотелось подойти въ его окнамъ и вызвать его, но что-то удержало ее.

Огонь погасъ въ окнахъ. Она медленно пошла въ своей террасъ съ чувствомъ тихой, непонятной радости и сладкой грусти. Что-то новое зарождалось въ ней, трепетно-нъжное, какъ предчувствіе счастья.

Въ комнатъ ее охватила теплота, свътъ... Было такъ уютно. Ей стало по-дътски весело.

Маша, помогая ей раздіваться, спросила:

- Не будете бояться ночью? Мив что-то страшно. Туть, говорять, въ староми домв покойники ходять. Не лечь ли здесь у васъ?
- Я не боюсь, милая Маша; а если вамъ страшно, ложитесь здесь.

Въра Павловна заснула скоро и передъ сномъ подумала, что въ Петербургъ она даже не подозръвала въ себъ способностъ фантазировать, мечтать, бродить по ночамъ, любуясь луннымъ свътомъ и звъздами.

"Значить, для меня начинается новая жизнь! Жизнь? Кавъ это странно и какъ это удивительно!"—Заснула она, улибаясь.

Еслибы она дольше осталась въ паркъ, она увидъла бы, что послъ того, какъ огонь погасъ въ окнахъ Рахмарова, Петръ Григорьевичъ вышелъ въ паркъ и долго одинокій бродилъ по его аллеямъ.

Въ одномъ мъстъ стъна парка разрушилась и образовала проходъ. Рахмаровъ, свернувъ съ большой аллен, пошелъ въ этому проходу и, перешагнувъ его, очутился въ переулкъ, раздълявшемъ стъну парка отъ небольшого домика въ три окна, съ ръзнымъ врылечкомъ. Этотъ домикъ отличался отъ другихъ крестъянскихъ хатъ своей желъзной кровлей и чистотой.

Рахмаровъ, подойдя въ одному изъ оконъ дома, постучалъ въ него. Черезъ ивсколько времени окно открылось, и изъ него висунулась голова молодой женщины. Лицо ея въ темнотъ было трудно разсмотръть.

- Ну, что еще вамъ? грубо спросила она. И ночью заснуть не дають. Кажется, все переговорили. Я сказала, что этого не потерплю. Пусть убирается въ свое имънье.
- Хорошо, хорошо! Все это будеть сдёлано. Но надо же тамъ приготовить все, а на это уйдеть недёли три, если не мъсяцъ... Я объ одномъ еще разъ прошу тебя: не дёлай ты нова никакого скандала, не болтай въ деревиъ... Еще разъ прошу тебя! Ты меня Богъ знаетъ до чего доведешь. Вотъ я ужъ всю ночь заснуть не могу.
- Да и я не могу! Сами виноваты! Зачёмъ сюда тащили! Ну, и расхлебывайте! Говорю вамъ, чтобы духу ея не было здёсь, а не то скандалъ сдёлаю!

Женщина захлопнула окно у него подъ носомъ и заперла его на задвижку. Рахмаровъ постоялъ, вздохнулъ и пошелъ обратно въ парку.

VIII.

На другой день Вёра Павловна проснулась довольно рано и не сразу поняла, гдё она. Но золотые лучи солнца, врывавшіеся въ высокія окна ея спальни, деревья, подступавшія къ этимъ окнамъ въ своемъ пестромъ осеннемъ нарядё, сказали ей радостную вёсть, что она не въ своей петербургской квартирё, и восторженное чувство охватило ее снова.

Пока она умывалась и пила утренній кофе, изъ сосёднихъ комнать сталь доноситься гуль дётскихъ голосовъ и топоть маленькихъ ногъ: очевидно, ребятишки забрались спозаранку, оповіщенные наканунів Рахмаровымъ.

Богда она вошла въ помъщение школы, — большую, высокую комнату съ четырьмя окнами, въ которыя врывался яркій свъть, то увидъла между скамьями ряды косматыхъ дътскихъ голововъ съ бойкими, шаловливыми глазами. Отдъльно сидъли дъвочки въ

цвътныхъ платочкахъ. Въ движеніяхъ, съ какими онъ повернулись въ ея сторону, чувствовалась дътская жеманность и застънчивость. Она поздоровалась съ ними и спросила:

— Ну, что жъ, хотите учиться?

Дъти молчали. Она повторила вопросъ, прибавивъ:

— Да вы не бойтесь меня. Я васъ буду любить и стараться, чтобы вамъ было легко всему научиться поскорте. Будемъ картинки разсматривать, гулять вмёстё. Я вамъ буду разсказывать сказки и всякія хорошія исторіи. Ну, такъ теперь отвётьте: хотите учиться?

Раздалось нъсколько голосовъ, не особенно смълыхъ:

— Хотимъ! Оно что же?.. Отчего не хотъть? Поучи!

Въ это время вошелъ священникъ въ сопровождени Рахмарова. Петръ Григорьевичъ настаивалъ вчера вечеромъ, чтобъ ученье началось молебномъ и чтобы Въра Павловна условилась со священникомъ о его урокахъ въ школъ. Поговоривъ съ батюшкой, котораго звали отцомъ Василіемъ, она осталась имъ довольна: это былъ еще не старый человъкъ, интеллигентний, сочувствовавшій ея образовательнымъ планамъ, а отъ Рахмарова она уже знала, что онъ много читалъ и бралъ книги изъ его библіотеки.

Послѣ молебна Вѣра Павловна начала свои занятія съ того, что стала показывать дѣтямъ раскрашенныя картинки, изображавшія животныхъ. Ей хотѣлось прежде всего познакомиться съ дѣтьми, ихъ понятіями и знаніями о природѣ, данными деревенскимъ опытомъ. И вотъ, показывая картинки, она задавала имъ множество вопросовъ о животныхъ, о деревенской жизни и т. п. Ее поразила общирность ихъ знаній о природѣ, но всѣ эти знанія имѣли примѣсь фантастическаго элемента.

Черевъ вакихъ-нибудь полчаса дъти такъ освоились съ ней, что бойко отвъчали на вопросы, а иногда вступали даже въ споръ. Среди нихъ особенно выдавался своей бойкостью одинмальчикъ, Сеня. Онъ упорно возражалъ на всъ ея попытки опровергнуть какое-нибудь ихъ суевъріе относительно ухода за животными, леченія ихъ и т. п., гдъ огромную роль играль вездъ домовой. Среди дътей она замътила мальчика и дъвочку, выдававнихся своимъ костюмомъ и манерой держать себя. Оне были одъты по-господски; онъ—въ суконномъ пиджачкъ, а она—въ новомъ фланелевомъ платьицъ. Оба вели себя очень скромно, даже застънчиво. Когда Лядова, къ концу урока, стала записивать имена дътей, она спросила этого мальчика:

— А ты чей будешь?

— Я? Я — Марь-Семеновны.

Остальные мальчики засмінялись, а дівочки, пряча свои носы въ кулаки или въ концы головныхъ платковъ, жеманно опустили глажи, ийкоторыя же захихикали.

Въра Павловна подумала, что ребята смъются надъ формой отвъта, и свазала:

— Надо знать твою фамилію, то-есть вавъ тебя по уличному называють.

Но мальчикъ молчалъ, и Въра Павловна подумала, что онъ не понимаетъ вопроса. Она обратилась къ другимъ дътямъ, и тъ отвъчали:

- Да его по-уличному такъ и называють по матери Марь-Семеновны. Вонъ и ту дъвочку также, — и дъти указали на дъвочку въ фланелевомъ платъъ. — А то зовутъ и бариновы.
- Ну, такъ и запишемъ Бариновы, сказала Въра Павловна, предположивъ, что это ихъ фамилія. Такъ она и записада ихъ Машей и Васей Бариновыми.

Окончивъ запись дѣтей, она предложила имъ прогуляться вмѣстѣ по парку. Когда проходили мимо полуразрушенной каменной бесѣдки, стоявшей на искусственномъ холмивѣ надъ прудомъ, многія дѣти поглядывали на нее съ тревогой, а когда Вѣра Павловна предложила взбѣжать на холмъ, нѣкоторые отказались и испуганно жались другъ къ другу. На вопросъ Лядовой, чего они боятся, отвѣтилъ тотъ же бойкій Сеня, который въ школѣ велъ съ нею споръ:

- Да въ этой бесъдкъ по ночамъ огоньки бъгають, да и бармию тутъ видали, которая утопилась... Тутъ и днемъ ходить нехорошо.
  - Да отчего же нехорошо?
  - Да ужъ нехорошо. Мало ли что можеть отъ этого быть?
  - Да что же можеть быть?
- Да мало ли что! Можеть и бъда какая случиться: пройдешь, а тамъ смотришь, либо оступился и ногу сломаль, либо обокрадуть... Все можеть случиться.
  - A развъ съ въмъ-нибудь ужъ случалось?
- Нонъ не случалось, потому—никто не ходить. А въ старину, старики бають, —случалось.

Въра Павловна попробовала объяснить имъ, что барыня комунибудь померещилась, и разсказала, что такое блудящіе огни. Но Сеня опять вступиль съ ней въ споръ, доказывая, что это—души самоубійць или утопленныхъ дѣтей. Когда спустились отъ бесёдки къ пруду, онъ хвастиво свазалъ:

- Да я самъ, своими глазами, чертенятъ видълъ. И не одинъ я видълъ, вотъ мы были съ Петрушкой да съ Ванькой.— Онъ указалъ на двухъ другихъ ребятъ.
- Да гдѣ же вы ихъ видѣли?—спрашивала удивленно Вѣра Павловна.
- На ръчкъ видъли, увъренно сказалъ Сенька: Да я игъ не разъ видалъ.
  - Ну, и что жъ они делали?
- Что? Ничего не дълали. Сидять на берегу и смотрять. Я испужался и крикнуль: "да воскреснеть Богь"! А они—бултыхъ въ воду! А мы давай Богь ноги, ударились бъжать. Здорово испужались!
  - --- Ну, и вакіе же они?
- Изв'єстно, какіе—черные, съ волосами, съ рожвами, съ хвостивами.
- Да, можеть быть, это лягушки были большія?—разспрашивала она, стараясь объяснить себ'в источникъ этого необыкновеннаго разсказа.
- Hy воть, свазала! Лягушки?! Нешто мы лягушевъ не знаемъ! Спроси вотъ Петруху, если мив не върншь.
- Какія лягушви!—отв'ятиль Петруха:—настоящіе чертенята. Нешто мы слівные были!

Такъ Въра Павловна и не поняла, что такое они видъли.

— А вотъ еще муживи слыхали въ болотв на свновосв, заговорила одна осмвивнияя дввочка,— какъ подъ землей бывъ реветь.

На разспросы объ этомъ бывъ всѣ дѣти увѣрали, что подъ землей дѣйствительно живетъ бывъ, а иногда и реветъ; это вазалось имъ до такой степени безспорнымъ и общензвѣстнымъ, что на вопросъ Вѣры Павловны: "Да чѣмъ же онъ тамъ кормитса и чѣмъ дышетъ",—Сенька сказалъ, не смущаясь:

— Ужъ это его дъло! Значить, находить.

Въру Павловну такъ заинтересовали разскази о чертенятахъ и быкъ, на которые она не знала, что возразить дътямъ, что она ръшилась добиться смысла, скрытаго въ этихъ разсказахъ, разспросивъ кого-нибудь изъ взрослыхъ.

"Лучше всего разспросить женщинъ, — подумала она, — да встати же я познавомлюсь и съ ихъ матерями"...

Тавъ кавъ Семенъ былъ самый бойкій изъ дітей, то она рішила начать знакомство съ его матери, чтобы посмотрівть,

при вавнях условіях могла вознивнуть эта исключительная бойкость и смётливость. Когда они обошли прудъ и дошли до деревни, она спросила у Семена:

- А твой дворъ гдъ?
- А воть, на краю деревни. Лядащій нашъ дворъ: тятька все квораєть, ему лѣть шесть тому назадъ жерновомъ брюхо придавило... Мать одна съ хозяйствомъ управляется, а насъ-то у нея пятеро!.. Всѣ ѣсть хотимъ, пояснилъ онъ солидно, какъ взрослый.
- Я хочу зайти въ твоей матери, познакомиться, свазала-Въра Павловна. — Какъ ее зовутъ?
- Зовутъ Натальей. Что жъ, зайди. Она ничего, рада будеть.

Въ избъ Натальи, ветхой и невазистой снаружи, внутри было очень чисто. На овнахъ висъли даже вумачныя занавъсви—роскошь совершенно несуществующая у крестьянъ той мъстности, исключая разбогатъвшихъ кулаковъ; на полкъ стоялъ ярко вычищенный самоваръ. Все это удивило Въру Павловну, толькочто слышавшую отъ Семена, что ихъ дворъ плохой и что мать управляется одна. Наталья ей обрадовалась и не смутилась. Это была еще молодая, бойкая бабенка средняго роста, румяная, подвижная, живая и очень разговорчивая. Она заставила Въру Павловну състь въ передній уголь и непремънно желала напоить ее чаемъ, но та ръшительно отказалась.

- Ну, такъ чёмъ же мнё васъ угощать? Безъ угощенія нельзя. Можеть, стаканчикъ молочка выкушаете?
- Ничего не нужно, Наталья; лучше поговоримъ. Да вы присядьте, сказала Въра Павловна. Я вотъ васъ котъла спросить о чемъ: вотъ Сеня миъ сказалъ, что вашъ мужъ хворый. Трудно вамъ. Какъ вы перебиваетесь?
- Охъ, трудно, трудно, милая барышня, отвътила Наталья, но, въ удивленію Въры Павловны, не печальнымъ, а веселымъ голосомъ и даже съ улыбкой. А какъ перебиваюсь, Богу извъстно! Больше городомъ живу.
  - Какъ городомъ?
- Да тавъ: полотна тву, рубахи шью на базаръ, вожу въ городъ масло, творогъ, холсты тоже вожу... Потому у меня знавомые тамъ есть торговцы... Ну, и чиновники, приказные, значитъ...

Мало-по-малу Лядова перевела разговоръ на чертенятъ, о воторыхъ разсказывалъ Сеня, и спросила:

— И неужели вы во все это върите?

- Да какъ не върить-то, милан барышня, когда столью народу видало! Я знаю, въ городахъ этому мало върятъ, смъются надъ нами, муживами. Ну, а вотъ послушайте, что у насъ этой зимой случилось: самъ "дедушка", домовой, значить, сени вымель, да въдь какъ! Сидимъ мы это вечеромъ и спать собрансь ложиться... А была метель, милая барышня, такая, что свёту Божьяго не видать: въ трубъ воеть, снъгомъ въ стъпу бьеть, а то и морозъ такъ трахнетъ, словно изъ пушки... И вотъ, медал барышня, слышимъ мы, что у насъ въ свияхъ вто-то возится. Думаю я, кто же это забрался? Сти были заперты, даже воломъ я двери подперла съ вечера, чтобы вътромъ не сорвало и снъту въ съни не нанесло. Думаю такъ, соображаю - можетъ, собака вакая въ щель пролъзла. Вышла я въ съни съ лампочвой, посмотрёла: никого нётъ; двери заперты. Ну вотъ, дорогая моя барышня, только это я въ избу вернулась и хотвла огонь тушить, вавъ опять слышу-въ свняхъ и стучить, и скребеть, и мететъ, и такъ-то тяжело ступаетъ, словно лошадь забралась. Ну, тутъ я сменнула, что дъло нечисто; скоръй въ двери, да за скобу ременную возжу привязала, да вокругъ гвоздя ее, да опять сквозь ручку, да опять за гвоздь... А ребята испужались, заревъли... Только это я успъла дверь привязать, а "онъ" и начни ее дергать! Да вёдь какъ, милая барышня! Ажно вся изба затряслась! Ломится, да и дёлу вонецъ! Вотъ сейчасъ съ петель сорветъ!.. Стою ни жива, ни мертва середь избы да творю врестное знаменіе, а молитву ужъ и выговорить не могу: губы словно оледенъли, не шевелятся... Ребятенки — вто на печку, вто на палати спрятался, и ни гу-гу, голосу не подають. Возился "онъ" этта въ свияхъ, возился, а потомъ и затихъ... Я до самаго свету не спала, а дверь развязала ужъ тогда, какъ сосъдка Матрена стала въ намъ стучаться: ворыто ей нужно было, а свое треснуло. Такъ повърите ли, милая барышня, вышла я въ съни, а тамъ все выметено, выскребено, убрано... Такъ, вотъ, какъ тутъ не повёришь-то? Ужъ туть не люди сказывали, а сама видёла.
- Ну, а утромъ-то двери няъ свней оказались запертыми, какъ съ вечера?—спросила Ввра Павловна.
- Заперты, заперты! Кавъ были, тавъ и остались. Ну, да только это было не въ добру: вскоръ послъ этого коровушка у меня пала. Это "онъ", значитъ, "хозяинъ", то-исть, въсть подавалъ, что бъда случится. Мы послъ вспомнили... Вотъ ты м суди сама, какой-такой "хозяинъ" бываетъ во дворъ. Мы его хозяиномъ зовемъ. Онъ, милая моя, еще не всякую скотинку потерпитъ во дворъ: которую полюбитъ, тавъ она жирная, ве-

селая, а какую не взлюбить, — ну, ей и не жить! Потому мучаеть онъ ее по ночамъ. Утромъ она вся потная, корму не трогаетъ, исхудаетъ вся. Ну, такую сбывать надо.

Лядова простилась съ ней и звала ее заходить къ себъ въгости побесъдовать.

- Мив одной-то безъ привычки скучно, сказала она.
- Стерпится—слюбится!—отвётила Наталья.—Воть и мнё сначала съ хворымъ-то мужемъ ужъ такъ-то трудно было, а живу, привыкла!.. Ужъ шесть лёть.
  - Да гдв жь онь у вась?
- А вонъ на печев лежить. Онъ плохо даже шевелитьсяможеть. Изсохъ весь. Кормимъ его, вавъ малаго ребенва. И говоритъ-то мало, только стонетъ.

Когда Въра Павловна возвращалась домой, въ паркъ ей встрътился Рахмаровъ. Онъ былъ печаленъ и смущенъ, но она этого не замътила, увлеченная желаніемъ поскоръй подълиться съ нимъ своими новостями и знакомствомъ съ Натальей. Рахмаровъ странно улыбнулся и сказалъ:

- Да, она дъйствительно живетъ "городомъ", это слово онъ подчервнулъ. Впрочемъ, нельзя ее и осуждать за это не умирать же съ голоду съ дътьми. Все-же она уминца и большая труженица.
  - Кавъ осуждать? Развѣ она что-нибудь дурное дѣлаетъ?
- Не хочу васъ равочаровывать въ ней: быть можеть, это бабън сплетни, но... говорять, что въ городъ она держить себя не вполнъ хорошо. Помните "Хуторовъ" Кольцова?
- A она мит такъ понравилась! Быть можеть, нехорошо, что и позвала ее къ себъ?
- Нътъ, ничего. Крестьяне на это сквовь пальцы смотрять. Они замъчательно входять въ положение каждаго, и къ ней отлично относятся, несмотря на это.

Нъсколько мгновеній онъ шелъ модча и вдругь совершенно неожиданно сказаль:

— A мий нужно серьевно переговорить съ вами объ одномъ дълъ... Только лучше пойдемте въ комиату.

Она удивилась и быстро направилась въ своей террасъ. Когда они усълись въ ен гостиной, онъ началъ не сразу и смотрълъ все время въ полъ.

— Видите ли, въ чемъ дёло: былъ у меня сегодня становой в говоритъ, что я напрасно отврылъ вашу школу у себя въ имѣніи... Хотя прошлое мое забыто, но однаво не совсѣмъ, н вакъ бы это не повредило и вамъ, и шволѣ.

- Ну, за себя я ръшительно не боюсь, свазала Въра Павловна. А какъ же это можетъ повредить школъ: въдь я ничего такого не буду говорить дътямъ, что можетъ быть признано нежелательнымъ.
- Конечно, конечно! Но все-же, знаете, было бы покойнъе, еслибы школу перенести къ вамъ въ усадьбу.
- А мив вдвсь такъ понравилось, и просто жаль оставлять свой уютный уголокъ... Но если вы находите, что это лучше, рвшимъ такъ. Но ввдь тамъ придется сдвлать поправки. Вы говорили, что домъ обветшалъ.
- Поручите это мић. Я постараюсь устроить все такъ, что и тамъ вамъ будетъ хорошо и уютно.
- Отлично, устроивайте. Только объ этомъ важномъ дълв вы и хотвли говорить со мной?
- Нътъ... есть и еще одно дъло... но... впрочемъ... это вогда-нибудь въ другой разъ.
  - -- Почему же не теперь?
  - Дъло очень сложное, и о немъ придется говорить много.
- И своро вы думаете устроить мое новое жилье? спросила Въра Павловна.
  - Недвли двв понадобятся.

Лядова заговорила вновь о народныхъ предразсудвахъ, разсказала ему о суевъріяхъ дътей, и Рахмаровъ замътиль по поводу этого, что котя въ народныхъ предразсудвахъ и много поэзіи, но въ нихъ же для крестьянскаго хозяйства кроется одно изъ крупнъйшихъ несчастій.

- Вотъ, въ настоящую минуту, —говорилъ онъ, —въ нашей мъстности сибирская язва. Уже погибла почти треть всего скота. Ветеринары измучились, а сдълать ничего не могутъ: у крестьянъ сохранилось языческое повърье, что болъзнь, это —духъ, который кодитъ по дворамъ, а чтобы онъ не вошелъ, нужно закопать въ воротахъ трупъ павшаго животнаго. Всъ это дълаютъ, и, конечно, остальная скотина заражается. На дняхъ въ сосъдней деревиъ чуть не вышло бунта, когда ветеринаръ попробовалъ выкапывать эти трупы.
- Господи! Вёдь это ужасно! воскливнула Лядова, всплеснувъ руками. Нельзя ли хоть немножко помочь этой бёдё, начавъ въ школё какія-нибудь чтенія для взрослыхъ о скотскихъ болёзняхъ? У меня съ собой хорошій волшебный фонарь и много картиновъ къ нему по бактеріологіи.

- Очень трудно получить на это разрѣшеніе. А если и разрѣшать, то дѣло затянется на годь, на полтора: до тѣхъ поръ вся скотина перемреть.
- Зачёмъ же разрёшеніе? нанвно спросила Вёра Павловна. — Развё я не могу показывать картины или фонарь мониъ знакомымъ? А вёдь здёшніе крестьяне всё ваши знакомые.
- Такъ-то оно такъ, улыбнувшись, отвътилъ Рахмаровъ, но врестьяне на особомъ положении: они не считаются "знавомыми"... Однимъ словомъ, безъ разръшения невозможно.
- Пошлемъ просъбу губернатору, объяснимъ ему все, говорила Лядова. Я ему частное письмо напишу. А сами начнемъ, не ожидая отвъта, чтобы не терять времени. Въдь не съъднтъ же насъ за это!..
- Хорошо, попробуемъ. Если явится становой, я ему постараюсь объяснить — онъ у насъ здёсь человёвъ довольно толвовый.

Навонецъ, Въра Павловна замътила, что Рахмаровъ не такъ веселъ теперь, какъ былъ вчера. Онъ безпрестанно о чемъ то задумывался, какъ будто собирался что-то сказать, но не ръшался. Когда она безъ всякой задней мысли спросила его, чьи это дъти, фамилія которыхъ Бариновы,—онъ сильно смутился и отвътилъ:

- Это длинная исторія... Я вамъ со временемъ ее разскажу. Его расположеніе духа подъйствовало и на нее; такъ что она даже не ръшилась разсказать ему о своей вчерашней ночной прогулкъ по парку. Она подумала, что онъ занять чъмъ-то болъе важнымъ, такъ что ея вчерашнія ночныя фантазіи ему вовсе не интересны. Какъ только подали огонь, онъ собрался уходить, сказавъ на прощанье:
- Тавъ завтра съ утра я повду въ вашу усадьбу, соображу на мъсть, что нужно будетъ сдълать, и распоряжусь, чтобы немедленно начаты были работы.

Это напоминаніе о необходимости перевзда, о которомъ она успъла забыть, подвиствовало на нее бользненно. Въ ней зародились какін-то сомивнія: "Онъ точно гонить меня. И что такое случилось? Какъ онъ раньше этого не предвидълъ"?

Она почувствовала себя очень тоскливо и даже не вышла проводить его.

IX.

На другой день Рахмаровъ зашелъ въ ней, какъ только она окончила занятія въ школі, чтобы сообщить, что онъ все утро пробыль въ ея усадьбі, и оказалось, что работы тамъ понадобится много. Все пришло въ страшную ветхость — и полы, и рамы, и крыша. Едва ли кончатъ місяца черевъ полтора. Она напомнила ему объ ихъ вчерашнемъ разговорі относительно чтеній для крестьянъ, и онъ посовітоваль отправиться съ визнтомъ къ жені священника и пригласить ее съ дочерьмя, а также, конечно, и самого батюшку на свои бесіды. Ихъ можно назначить на воскресенья послів обідни.

Дня черезъ два былъ праздникъ, и Въра Павловна пошла къ объднъ, а оттуда направилась къ новому, довольно большому деревянному домику священника, стоявшему недалеко отъ церкви.

Въръ Павловнъ пришлось довольно долго ждать попадью, сидя въ ея гостиной, куда провела ее грязная и подтыванная баба-кухарка. Гостиная батюшки была убрана съ нъвоторыми претензіями: тутъ были и диванчики, и пуфы, и сносныя олеографіи на стънахъ. Жена его, окончившая курсъ въ епархіальномъ женскомъ училищъ, считала себя "свътской" женщиной; она говорила немножко по-французски и учила тому же двухъ дочерей. Она видимо переодъвалась для пріема гостьи и вышла въ сиреневомъ шолковомъ платьъ, съ кружевной наколкой на головъ. Почти одновременно съ нею пришелъ изъ церкви батюшка.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, кратваго разговора о погодѣ, о деревенской скувѣ и т. п., Вѣра Павловна приступила къ дѣлу.

- Кром'в желанія познавомиться съ вашей супругой,— сказала она батюшк'в, у меня есть и просьба въ вам'ь: вы, в'вроятно, не отважетесь посітить съ матушвой и съ дочерьми мою шволу въ воскресенье послі об'вдни.—И она подробно сообщила ему о своемъ план'в, съ жаромъ приведя ті мотивы, воторые заставили ее поторопиться съ этимъ д'вломъ, не ожидая разр'вшенія.—Просьба уже послана,—пояснила она.
- Начинаніе доброе, свазаль батюшка, хотя Лядова замітила, что лицо его выразило сильное безповойство, да и тонъ сталь меніве любезнымь. —Но буду и я вполнів откровенень съ вами... Конечно, вамъ нужна, насколько я понимаю, моя поддержка въ этомъ дізлів, и я охотно бы оказаль ее. Но не лучше ли

вамъ не торопиться и подождать разрёшенія? А если выйдутъ какія-нибудь непріятности?

- Да помилуйте, батюшва! Въдь вы же сами будете присутствовать на чтеніяхъ! За что же могутъ выйти непріятности? Въдь вы же согласны, что это необходимо устроить вавъ можно скоръе: важдый день промедленія—чистая потеря.
- Готовъ отчасти согласиться съ вами, но вполнѣ согласиться не могу. Правила о чтеніяхъ установлены, и нарушеніе ихъ карается. Такъ я, по крайней мѣрѣ, предполагаю, хотя по новости этого случая точныхъ данныхъ не имѣю.

Онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ, обдумывая, какъ ему поступить.

- Не могу я согласиться и съ тёмъ, что съ этимъ дёломъ надо такъ сильно торопиться: оно точно, что языческія суевёрія приносять много зла, однако, вёдь это уже тысячи лётъ тянется. Мъсяцемъ раньше или поздне вы начиете борьбу разница невелика.
- Батюшка, я не могу согласиться съ этимъ. Мит представляется такъ: идетъ сраженіе, падаютъ жертвы... допустимъ, что сраженіе тянется года. Но развт можно было бы сказать, что все равно, остановится ли сраженіе сейчасъ, или мтсяцемъ повдите?
- Такъ-то оно такъ... Ну, а если вамъ вовсе не разрѣшатъ? А вѣдь это возможно: что-то я не слыхалъ, чтобы въ деревняхъ такія чтенія разрѣшали.
  - Я надъюсь на то, что губернаторъ здъсь мой дядя.
- Ну-съ, это нъсколько измъняетъ положеніе... И все-же, многоуважаемая Въра Павловна, самъ я не ръшусь посътить вашихъ занятій. Господь знаетъ, какъ на это посмотрятъ сверху. Попадья пусть, если хочетъ, идетъ съ дочерьми, а я пока воздержусь.
- Батюшкъ не слъдуетъ идти, сказала попадъя, и вы его ужъ лучше не зовите, не соблазняйте! Она усиливалась любезно улыбнуться. Что дълать! Надо быть осторожными въ нашемъ вваніи. Злыхъ людей и недоброжелателей всегда много... А мы хотя люди и не старые, а семейка у насъ порядочная.

На прощанье она звала въ себъ Въру Павловну приходить запросто и сама объщалась бывать у нея.

Въ первое же воскресенье послѣ обѣдни классная вомната въ школѣ была биткомъ набита дѣтьми и взрослыми крестьянами. Пришла и матушка съ двумя старшими дочерьми, подростками

Томъ I.-Финраль, 1903.

літь двінадцати и четырнадцати. Для нихъ впереди оставлени были стулья.

Чтенія мы описывать не будемъ. Сважемъ только, что Вѣра Павловна старалась говорить какъ можно проще и понятвѣе. Но ея объясненія относительно микробовъ и бактерій, хотя к сопровождались туманными картинами, не встрѣтили, повидимому, довѣрія со стороны крестьянъ. Ужъ очень было непривычное дѣло, и толпа разошлась въ смутномъ, недоумѣвающемъ настроеніи...

А дня черезъ три, какъ бы случайно и по другому дълу, забхалъ становой и, между прочимъ, сказалъ:

— Ахъ, встати, Петръ Григорьевичъ: до свъдънія моего дошло, что Въра Павловна Лядова, проживающая въ вашей усадьбъ, объясняла въ воскресенье крестьянамъ причины сибирской язвы... Очень я этому посочувствовалъ! Превосходное дъло! Еслибы имъ все это хорошенько растолковать, отъ сколькихъ хлопотъ и непріятностей были бы и мы избавлены! Въдь вы, конечно, слышали, что на дняхъ въ Макарьевкъ чуть бунтъ не вышелъ... Только, по обязанностямъ службы, считаю нужнымъ освъдомиться, когда послъдовало разръшеніе на эти чтенія и отъ кого именно?

Рахмаровъ объяснилъ ему, что разръшенія еще нътъ, но что просьба уже послана губернатору, и что губернаторъ—дядя Въры Павловны, а потому никакихъ непріятностей ни ей, ни становому быть, конечно, не можетъ.

Становой нерѣшительно пробормоталь:

— Буду смотръть сввозь пальцы! Ужъ дъло-то очень полезное. А все-же лучше бы подождать: въдь при протекціи г-жи Лядовой разръшеніе, въроятно, пришло бы своро.

Послѣ этого онъ уѣхалъ.

Однако, со времени отправки Лядовой прошенія къ губернатору прошло болѣе мѣсяца, а отвѣта не получалось. Вѣра Павловна отправила письмо женѣ губернатора, которая ее очень любила, но и отъ той не было отвѣта. Все это раздражало Лядову, которая не привыкла, чтобы ей въ чемъ-нибудь отказывали, а тѣмъ болѣе не отвѣчали на ея письма: съ ранняго дѣтства, и отецъ, и петербургскіе знакомые, въ числѣ которыхъ было не мало людей, занимающихъ высокое положеніе, считали пріятной обязанностью—исполнять ея желанія.

Тревожило ее и то, что отъ фребелички не было отвъта на письма, въ которыхъ Въра Павловна просила ее прітхать...

Рахмаровъ каждый день уважаль въ ея усадьбу, торопя ра-

бочихъ. Но дёло затянулось: пришлось перемащивать полы, сдёлать новую крышу, заказать въ городё нёсколько новыхъ рамъ, м работа, казалось, никогда не кончится.

А между темъ Вера Павловна замечала, что онъ съ важдымъ днемъ становится задумчивће и тревожиће, не слышить иногда ея вопросовъ и отвъчаеть на нихъ невпопадъ. Вначалъ они объдали вивств, но въ последние дни онъ находилъ вавіянибудь причины отказываться. Вечерами, когда они сходились для обсужденія воскресныхъ чтеній и другихъ вопросовъ, касающихся школы, онъ сталь не всегда являться, а если и приходилъ, то на нъсколько минутъ, и постоянно торопился. Благодаря этому, изъ ея жизни было вычеркнуто то радостное сознаніе дружбы съ нимъ, воторое дълало ен пребываніе въ усадьбъ теплъе и уютнъе. Она почувствовала себя болъе одиновой и чужьой здісь, чімь въ первые дни. Все чаще и чаще ей стало приходить на мысль, что еслибы прівхала фребеличка или Роговъ, это чувство одиночества исчезло бы. О прівздв Рогова она стала задумываться все чаще и чаще: онъ произвель на нее самое хорошее впечатленіе. Подъ его грубоватой простотой и ръзвостью ей чуялось нъжное сердце, застънчивость, доброта, н всв эти качества говорили ей, что въ немъ она можетъ найти самаго преданнаго друга. Но о немъ не было нивавого слуха...

Наступившіе дожди и слявоть отняли возможность гулять съ дівтьми и заходить въ деревню въ Наталь и другимъ бабамъ, съ которыми она познакомилась. Это еще усилило чувство тоскливаго, жуткаго одиночества.

Однажды вечеромъ, когда она только-что отпустила дѣтей послѣ урока пѣнія, — къ ней пришелъ Рахмаровъ и принесъ письма, полученныя съ земской почтой: еще не разрывая конверта, она по почерку узнала, что письмо было отъ фребелички. Съ радостнымъ нетерпѣніемъ она быстро разорвала конвертъ, проговоривъ:

- Ну, если пишеть, значить, скоро прівдеть.
- Такъ какъ это письмо объщаетъ радость, то подождите его читать, а сначала выслушайте кое-что печальное... Впрочемъ, не пугайтесь заранъе: я увъренъ, что это не важно; временная отсрочка, необходимая въ виду нъкоторыхъ формальностей.
- Что такое? Намъ не разръшили чтеній?! восиликнула Лялова.
- Ну, вотъ, вавъ вы взволновались! А помните, что говорили раньше? Въдь этого надо было ожидать. Впрочемъ, дъло не такъ печально, какъ вы подумали: видите ли, мнъ пишеть

нсправникъ... очень мягко, очень любезно... Да, впрочемъ, в лучте прочту вамъ.

Распрывъ письмо, написанное на большомъ листъ бумага, онъ сталъ читать:

"До свъдънія моего дошло, что Въра Павловна Лядова устроила въ вашемъ имъніи воскресныя чтенія для крестьянъ. Сочувствуя этому прекрасному и симпатичному дълу, такъ какъ самъ состою предсъдателемъ мъстнаго попечительства о народной трезвости, я тъмъ не менъе имъю честь просить васъ укавать многоуважаемой г-жъ Лядовой нижеслъдующія постановленія закона"...

- Ну, дальше идуть эти постановленія, а въ вонцѣ покорнѣйшая просьба: "временно подождать съ чтеніями впредь до разрѣшенія ихъ въ установленномъ порядкѣ".
- Я этому не подчинюсь! всиривнула Въра Павловна, быстро вставая: Изъ-за трусости исправника врестьянскій скоть будеть гибнуть!... Не возражайте мив, это дико, и я слушать не хочу! Буду продолжать чтенія: въдь не повъсять же меня за нихъ... Посмотримъ, что пишетъ Маня.

Пробъжавъ письмо фребелички, Лядова нервно засмъялась в крикнула: —Значить, судьба меня бьетъ въ два кнута! —И Въра Павловна прочла вслухъ: "Я пришла въ убъжденію, что работа въ деревнъ и для деревни есть пустая трата времени. Необходимо работать для городскихъ труженнковъ... Совътую и тебъ образумиться"...—И какимъ это написано тономъ! "Образумиться"! Какъ будто я дълаю какое-то преступленіе, работая здъсь! Боже мой! да что же это такое?

Рахмаровъ молчаль, не зная, чёмъ ее утёшить. Только черезъ нёсколько секундъ онъ нашелся:

- Я завтра повду къ Севрюгину, и если не встрвчу тамъ дочери Лопатина, то попрошу его поскорве устроить мив свидание съ нею. Я уввренъ, что вы найдете въ ней и хорошую помощницу и, быть можеть, друга... Я вполив понимаю ваше горе: вы здёсь ужасно одиноки... Даже и я въ последнее время бываю у васъ реже.
- Кстати, вы сами объ этомъ заговорили: что это значитъ? У васъ какое-то горе? Вы сильно изменились. Отчего вы не разскажете мнъ? Въдь горе легче, когда имъ поделишься съ друзьями... А я, надъюсь, могу считать васъ своимъ другомъ?
- Можете ли вы сомнъваться въ этомъ! прочувствованно отвътилъ Рахмаровъ. Но... бывають въ жизни такія положенів,

что ничто, никавое участіе помочь не въ силахъ... О нихъ лучше не говорить, чтобы не было еще тяжелье...

Онъ такъ былъ взволнованъ, что просидълъ молча нъсколько минутъ, а затъмъ сталъ прощаться и, уходя, сказалъ:

— Прошу васъ объ одномъ: върьте, что во мив у васъ самый преданный братъ... больше чвмъ братъ... Я на дняхъ вамъ все разскажу.

Ее поразиль его странный тонь. Ей даже показалось, когда она подавала ему руку, что оть него пахнеть виномъ, и что вообще онъ какъ-то неестественно держаль себя. Ее даже испугаль его странный, прерывающійся голось, выраженіе глазь, въ которыхь, вмёстё съ нёжностью, было и еще что-то тревожащее, возбудившее въ ней жуткость.

Эту ночь она почти не спала, думая о Рахмаровъ и о фребеличкъ. Когда она засыпала на нъсколько мгновеній, они являлись оба въ ея сновидъніяхъ; она просыпалась и опять думала, думала безъ конца.

Встала она совсвиъ больная. Глаза ввалились, оваймленные темными вругами. Во всемъ твлв чувствовалась усталось и разбитость.

X.

Въ этотъ день Въра Павловна вышла въ школу позднъе обыкновеннаго. На минуту зашелъ Рахмаровъ сообщить, что онъ ъдеть въ Севрюгину, чтобы тамъ встрътиться съ Софьей Лопатиной и потолеовать съ нею о помощи Въръ Павловнъ.

Во время занятій съ д'ятьми, Лядова зам'ятила, что въ школ'я не было брата и сестры Бариновыхъ.

- Что съ ними? Не заболѣли ли они? спрашивала она у дътей.
- Нътъ, мы ихъ утромъ видъли, отвътило нъсколько голосовъ.

Смутное предчувствіе шевельнулось въ сердцѣ Лядовой, но она объяснила это себѣ тѣмъ, что послѣ безсонной ночи нервы ел были не въ порядвѣ.

Русскій народъ недаромъ сділаль наблюденіе, которое выразиль поговоркой: "Пришла біда — отворяй ворота". Наша русская жизнь странно сложилась: біду приходится ждать постоянно и притомъ совершенно не зная, откуда она придеть и за что постигнеть. И если эта жизнь даеть иногда передышку, т.-е. візкоторый спокойный промежутокъ, то можно навірное

предсказать, что послѣ него придеть не одна, а уже нѣсколько бѣдъ, потому что онѣ заранѣе успѣли накопиться въ минуту затишья.

Такъ было и съ Върой Павловной. Послъ занятій въ школь она воспользовалась моментомъ, когда дождь пересталъ идти в небо стало не такъ хмуро и мрачно, какъ въ предъидущіе дни: закутавшись въ теплый платокъ, она пошла въ паркъ. Теперь онъ былъ почти безъ листьевъ. Въ вътвяхъ мокрыхъ деревьевъ шумълъ вътеръ, налетсвшій порывами и сгибавшій обнаженныя вершины. Природа навъвала неопредъленную тоску, но Лядовой нравился этотъ тревожный шумъ вътвей, этотъ порывистый вътеръ, проносившійся въ вершинахъ... Сдълавъ нъсколько шаговъ по большой аллев, она услышала слъва, въ кустахъ, дътскіе голоса и топотъ дътскихъ ногъ: то были дъти Бариновы; оне шли по дорожкъ отъ каменной ограды парка къ большому дому. Лядова замътила въ первый разъ въ этой оградъ проломъ, черезъ который дъти могли проникнуть въ паркъ...

Ова обрадовалась, предположивъ, что они идутъ къ ней объяснить причину, почему не были въ школъ.

— Здравствуйте, милые!—крикнула она имъ издали.—Ну, бътите во мнъ, не бойтесь!

Но дъти остановились, испуганно переглядываясь другь съ другомъ.

— Да чего же вы боитесь?—ласково спрашивала Лядова, направляясь къ нимъ. — Я не сержусь, что не пришли. Васъ что-нибудь задержало?

Но вмѣсто отвѣта дѣти бросились бѣжать назадъ въ оградѣ. Они такъ торопились, что мальчикъ поскользнулся, упалъ, снова поднялся съ громкимъ плачемъ, и оба исчезли въ проломѣ стѣны.

"Что это значить?—думала Лядова, прислушиваясь въ быстрому топоту дътсвихъ ножекъ и въ плачу мальчика:—И вуда они шли, если не во меъ? Зачъмъ они очутились въ парвъ"?

Въ первый разъ у нея мелькнуло смутное подовржие относительно этихъ дътей. Ей вдругъ сразу припомнились загадочныя слова и смъхъ всъхъ остальныхъ ребятишевъ въ день открытія шволы; припомнилось и смущенье Рахмарова, собиравшагося въсколько разъ о чемъ-то разсказать ей; ей теперь показалось подозрительнымъ и ихъ прозвище—Бариновы.

Вихрь тревожных мыслей, закружившійся смутно въ ез душт, утомленной сегодняшней безсонницей, отозвался почти физической болью въ мозгу. Добравшись до своей любимой бестадки надъ прудомъ, она съла на скамейку и стала думать. "Да, это, въроятно, его дъти... Ну, что жъ? Не могъ же онъ оставаться совсъмъ одиновимъ?... Но отчего же онъ не свазалъ мнъ?.. И отчего дъти перестали ходить въ школу? Отчего они стали бояться меня"?

И вдругъ она припомнила, что Бариновы съ самаго начала относились въ ней странно, не такъ, какъ другія діти: они смотрівли на нее "буками", и никакими ласками ей не удавалось расположить ихъ къ себі.

Грусть и ожиданіе чего-то непріятнаго все болѣе овладѣвали ея душой, и она медленно вернулась въ свой флигель.

Петербургская горничная, замътивъ съ утра, что барышня "сама не своя", была очень удивлена тому, что, вернувшись съ прогулки, Въра Павловна усъдась въ креслъ, да такъ и пробыла безъ всякаго дъла, уставившись глазами въ одну точку. Бездълье и такая задумчивость были настолько необычайны для Въры Павловны, что горничная встревожилась за нее, нъсколько разъ входила подъ разными предлогами въ ея комнату и, наконецъ, ръшилась заговорить.

- Барышня, сказала она тихо, останавливалсь передъ нею.
- Что тебв, Маша?—встрепенулась та.
- Давно я хотела вамъ сказать, да только осмелиться не могла...
  - Что такое?—спросила Лядова, заранве пугаясь.
- Да вы не извольте тревожиться, ничего особеннаго нътъ... а дворня болтаетъ... вы только не извольте сердиться на меня...
- Какое мив двло, что болтаеть двория! Вы знаете, Маша, я не люблю, когда вы мив передаете сплетии.
  - Какъ вамъ угодно... а только мив за васъ боязно...
- За меня?! И даже боявно?! Да вы не съ ума ли сошли, Маша?
- Нътъ, милая барышня. Да ужъ хотите—сердитесь, хотите прогоните, а я все разскажу: у господина Рахмарова вдъсь есть "особа" и дъти отъ нея.
- Довольно, Маша! Какое мев двло, у кого и какія бывають особы! Оставьте меня въ поков!
- Нътъ, позвольте, барышня: это до васъ очень даже касается, потому, сказывають, она страсть злющая и ревнивая, и его теперь дни и ночи пилить, что школу устроилъ и много на васъ денегъ тратить, а ей мало даетъ... Да она еще и не то брешетъ, только говорить-то вамъ не хочется.

Въра Павловна почувствовала, что кровь горячей волною

хлынула въ ея голову, а затвиъ отлила въ сердцу. Этого она менве всего ожидала. И, точно стараясь защитить себя совершенно автоматически отъ ужасныхъ словъ, переданныхъ Машей, она совершенно безсознательно завричала, махая руками:

— Довольно, довольно, уходите, замолчите!

Маша вышла, испуганная ея вриками и блёдностью. Она долго стояла за дверью, притаившись и ожидая, не понадобится ли ея помощь барышнё. Но въ комнатё было тихо: ни шороха, ни вздоха. Такъ прошло минутъ десять. Вдругъ Вёра Павловна врикнула:

— Маша! Дайте мив пальто и ботики.

Одъвшись торопливо, Лядова быстро пошла въ парвъ.

"Куда это она торопится такъ? — думала Маша. — И лица на ней нътъ! Неужели жъ къ этой самой особъ? Охъ, Господи Боже мой, напрасно я ей сказала! Что-то теперь будетъ"!

Но Въра Павловна шла не въ "этой особъ", а въ деревно въ Натальъ. "Если правда то, что ей сказала Маша, то въ деревнъ должны знать, какія сплетни распускаются о ней. Конечно, она ничего не спросить у Натальи прямо, но по ея тону, по отдъльнымъ фразамъ она увидить, ходять ли въ деревнъ сплетни о ней, а главное—какъ къ нимъ относятся крестьяне.

Мысль, что они могутъ думать о ней дурно, могутъ даже презирать ее, сверлила ен мозгъ. Все остальное она перенесла бы, все остальное отодвинулось на задній планъ въ ен душъ, но отъ этой мысли сердце ен разрывалось.

Скользя, увязая въ грязи, чуть не падая, она кое-какъ добралась до избы Натальи и съ остановившимся дыханіемъ отворила дверь.

Наталья сидёла на лавкѣ съ большимъ деревяннымъ гребнемъ въ рукѣ, какимъ расчесываютъ кудель. Этимъ гребнемъ она разбирала волосы у Сеньки, который, протянувшись на лавкѣ, положилъ голову къ ней на колѣни.

— Акъ, это вы, милая барышня! — заговорила Наталья, быстро вставая. — А я воть туть съ ребятами... мыла икъ ныньче въ печев — ужъ очень запаршивъли... Чайку, милая барышня, не выкушаете ли? Я живо самоварчикъ поставлю.

Въра Павловна напрягала слукъ, чтобы уловить въ ея тонъ тотъ оттъновъ неуваженія, котораго она ожидала, но ничего особеннаго не замътила.

— Нътъ, нътъ, — сказала она: — я поговорить пришла. Давно не видала васъ. Недъли двъ.

Лядова усёлась на лавку и стала разспрашивать о деревенских новостяхь. Наталья знала всю "подноготную" не только въ своей деревне, но и у соседей. Она сообщила, между прочимъ, что въ Смирново пріёхаль новый докторъ и что его хвалять: ласковый такой, каждаго разспросить, ко всякому идеть.

— Давно онъ прівхаль? — радостно спросила В'єра Павловна.

Въдь Роговъ былъ теперь для нея самымъ необходимымъ человъкомъ. Только ему можно было разсказать все и посовътоваться, какъ поступить.

- Давно ли прі**ъ**халъ-то? Да, небось, неділи дві будеть,— сказала Наталья.
- Не ошибаешься ли ты? Сюда назначенъ нашъ знакомый докторъ, и онъ, конечно, прежде всего прівхаль бы къ Петру Григорьевичу.
- Ну, воть, милая барышня! Стану я зря говорить! Около Покрова я въ городъ была и на почтовую станцію заходила, потому смотритель Иванъ Дмитричъ—человъкъ знакомый и покупаетъ тоже кое-что у меня. Вотъ онъ и говоритъ: "А къ вамъ по сосъдству, говоритъ, въ Смирново, новый докторъ вчера поъхалъ". Ну, а теперъ сочти, милая, сколько отъ Покрова прошло.

Въра Павловна была такъ разстроена, что ее теперь все пугало и тревожило. Встревожила и эта новость. "Двъ недъли, какъ прівхаль,—думала она.—Живеть въ двухъ верстахъ, а у насъ не быль до сихъ поръ. Что бы это значило"?

Последовало молчаніе, и, не зная, чёмъ ванять гостью, Наталья опять стала просить ее откушать чайку. На новый отказъ баба ваговорила:

- Да и что жъ это я, правда, дура деревенская, хочу васъ своимъ чаемъ удивить! Нешто вы чаю не видали! Ужъ и живете же вы, милая барышня, какъ у Христа за пазушкой! И чан, и кофеи, и кушанье всикое съ господскаго стола! И платья у васъ какія!.. Вотъ только злые люди порчи бы на васъ не пустили!
  - Какая порча?.. Какіе злые люди?!—воскликнула Лядова.
- А вы не знаете, какая порча бываеть? смёясь, отвётна Наталья. Всякая порча бываеть: и по вётру пускають, и такь, заговоромъ, ежели какой человёкъ имёеть на другого вюбу... ну, и напускаеть на него порчу болёзнь али тоскуприсуху.

Въра Павловна готова была врикнуть Натальъ, какъ она

вривнула горничной, чтобы та замолчала, но сдёлала надъ собою усиліе и удержалась. Она перевела разговоръ на вакую-то другую тему, и черезъ нъсколько минутъ ушла.

"Сейчасъ же, сейчасъ бъжать отсюда! — раздавалось въ еа душъ. — Сейчасъ же, безъ всявихъ объясиеній съ Рахмаровить! Какъ она будетъ объясняться съ нимъ о такихъ вещахъ! И къ чему поведетъ такое объясненіе! Въдь оставаться ей здъсь все равно нельзя".

На плотинъ ей встрътилось нъсколько ребятишевъ и врестьянъ, и ей страшно было взглянуть имъ въ глаза: ей казалось, что она прочтетъ тамъ ужасную мысль о себъ, которая жгла ей мозгъ. Негодованіе противъ Петра Григорьевича за то, что онъ не предупредилъ ее и поставилъ въ такое положеніе, было безгранично.

Когда она дошла до парва и подходила въ той легендарной беставт, гдт видали тты утонувшей страдалицы, она почувствовала, что не въ силахъ идти дальше: ноги ея подкашивались, сердце такъ билось, что трудно было дышать. Едва-едва, держась за волеблющіяся перила л'всенви, воторая вела по холмиву въ вершинъ, гдъ помъщалась бесъдка, Лядова добралась до нея и почти упала на свамью. Ей казалось, что грудь ея разорвется отъ боли. Сперва она не чувствовала ничего, кромъ этой, почтв физической тяжести: это было такое отчание, которое еще не усивло вылиться ни въ какія опредвленныя формы. Она понкмала только, что все погибло и все разрушено, на что она надвялась. Но, вотъ, грудь стала дышать свободнее, и вдругъ полились слевы. Прижавъ платовъ въ лицу, она тихо рыдала, присловившись головой въ одной изъ колоннъ беседки... Мало-помалу явились и болье опредвленныя мысли: она думала, что впереди нътъ для нея ничего, что жизнь ея кончена. Изъ Петербурга она бъжала, потому что не могла жить тамъ. Вернуться туда... зачёмъ? Перебраться сейчасъ въ себё въ усадьбу и начать новый опыть тамъ? Одной? Она чувствовала, что это невозможно. Она поняла въ первый разъ, что мечты ея о работъ здёсь безсовнательно переплетались съ смутными, неясными ожиданіями еще чего-то, какого-то иного счастья, котораго въ последніе годы стало жаждать ея сердце, вогда вившнія условія съузили ен общественную работу, поглощавшую прежде всъ ся силы, всю ея душу.

Когда она сдълала въ себъ это отврытіе, оно возмутило въ ней уснувшую гордость и чувство человъческаго достоинства. Оно отрезвило ее. Въра Павловна выпрямилась, гордо подняла голову, кавъ будто передъ нею стоялъ вто-то, вто могъ читать ея унижающія мысли, ея паденіе.

"Довольно! До чего я дошла наконець!—почти прошептала она. — Ну, не будеть личнаго счастья, и пусть не будеть! И прекрасно! Буду жить надеждой на другое, общее счастье... Въдь жила же! И корошо тогда было! Да, буду жить этой надеждой... надеждой... И она снова заплакала, теперь уже безърыданій. Но эти слевы были мучительнье первыхъ: ей казалось, что она коронила себя и плакала надъ собою.

Мало-по-малу слевы все-же облегинли ее. Осталась только тупан боль въ сердив, но эта боль не мвшала обдумать свое положение болве покойно. Оставаться здёсь, конечно, нельзя. Даже перевести школу къ себв нельзя: Рахмаровъ будеть жить такъ близко, что встречи будуть неизбежны и сплетни не исчевнутъ. Да и не хочетъ она теперь видеть его: въ ней все завипаеть при мысли, какъ онъ ужасно поступиль съ нею...

И вдругъ рядъ воспоминаній охватиль ее. Въ воображенів выплыли день за днемъ, минута за минутой, мальйшія впечатлівнія, пережитыя здівсь: ея пріївдъ, встрівча на станціи, заботливость Рахмарова, поразняшая ее, та ночь, когда она одна бродила въ парків, и еще нібсколько дней, полныхъ счастья, неопредівленныхъ надеждъ и ожиданія... Но, вотъ, среди этихъ воспоминаній выплыло и то, что Рахмаровъ нібсколько разъ собирался разсказать ей что-то о своей неудавшейся жизни, о какомъ-то большомъ несчасть в, тягот вшемъ надъ нимъ. "Я сама виновата, что не разспросила его тогда! Я виновата даже вдвойнів: відь онъ долженъ быль невыносимо страдать, онъ хотівль подівлиться со мной своимъ горемъ, быть можеть, выслушать мой совіть, а я отнеслась въ его словамъ равнодушно и не заставила его высказаться до конца"...

Однимъ словомъ, эти размышленія кончились тѣмъ, что Рахмаровъ былъ не только оправданъ, но явились огромное сочувствіе и жалость къ нему. Въ концѣ концовъ мысль о томъ, какъ онъ долженъ былъ страдать отъ "этой особы", вытѣснила няъ ея сердца даже личное горе. Она мало-по-малу перестала думать о себѣ, стараясь отъискать, какъ бы помочь Рахмарову...

Увидъла она его только вечеромъ, когда сидъла при ламиъ за работой въ своей комнатъ, а Рахмаровъ вошелъ очень веселый и сейчасъ же началъ говорить:

— А я съ радостью въ вамъ, и даже съ двумя. Во-первыхъ, съ Лопатиной встрътился: чудесная, оригинальная дъвушка! Немножко у нея странные взгляды, но она очень развитая и

милая. Завтра она прібдеть къ вамъ, и, я увъренъ, вы сойдетесь. А другая радость: прібхалъ Роговъ и, представьте, уже около двукъ недёль тому назадъ.

- Я уже слышала объ этомъ въ деревиъ, сказала Лядова, и, признаюсь, встревожена тъмъ, что онъ въ намъ не показывается. Что бы это могло значить?
- Не тревожьтесь: въроятно, у него страшно много дъла. Онъ еще не былъ даже у Лопатиныхъ, а Лопатинъ въдь его начальство. Конечно, на дняхъ мы его увидимъ.
- Дай-то Богъ! сказала Въра Павловна. А то я ужъ немножко унывать начала: Маня измънила мнъ, а тутъ слышу— Роговъ пріъхалъ двъ недъли и не является. Невольно подумалось: "ужъ и онъ не измънился ли"?
- Не нужно, не нужно рисовать себ'в мрачныхъ картинъ. А знаете ли, в'то и у меня есть сегодня маленькая радость. Можно под'алиться ею съ вами?
  - --- Ну, воть, какой вопросъ! Развѣ мы не друзья?
- Я получилъ отъ дочери, изъ Швейцарін, письмо и ея фотографію...

Рахмаровъ вынулъ изъ бокового кармана кабинетный портретъ и подалъ его Лядовой. Она увидъла дъвочку лътъ двънадцати, съ умнымъ, не по-дътски задумчивымъ лицомъ.

- Не правда ли, какая прелесть? спрашиваль онъ. А еслибь вы знали, какъ она пишеть! У нея совсёмъ литературный языкъ! Можно мив прочесть вамъ ивсколько строкъ?
  - Ради Бога, пожалуйста!
- Ну, вотъ, хотя бы это мъстечко: "Милый папка, я кочу, чтобъ моя карточка стояла у тебя на письменномъ столъ. Тогда она будетъ всегда у тебя передъ глазами: слышишь? Исполни это непремънно. Въдь знаешь что: вогда я смотрю на твою карточку, я люблю тебя такъ, какъ будто ты около меня. И ты долженъ тоже... Я даже иногда съ тобой разговариваю. Если у меня есть какое-нибудь горе, я тебъ разсказываю, и метъ кажется, что ты ласково на меня смотришь и такъ жалъешь меня. Еще скажу, только ты не смъйся, иногда я тебя кръпко, кръпко цълую"...
- Но это ужасно! сказала Въра Павловна. Въдь она должна въчно жить воображениемъ! Это не можетъ повредить ей?
- Я думаль объ этомъ, отвътиль онъ, сразу опечаленний. Я даже не разъ думаль превратить переписку съ ней, чтобы она забыла меня и привязалась въ тому, вто бливовъ въ ея матери... Но поймите, развъ я въ силахъ быль это сдълать?

Оторвать ее отъ своего сердца, оттолкнуть ее съ ея наивной дътской любовью?..—Голосъ его дрогнулъ. — Но теперь, кажется, сама судьба хочеть, чтобъ это измънилось: у меня нътъ больше средствъ содержать ихъ не только за границей, но и въ Петербургъ или въ Москвъ; имъ, въроятно, придется вернуться сюда.

— Какъ?! Вернуться сюда?! — невольно вырвалось у Лядовой. — Но вамъ будетъ страшно тяжело!..

У Лядовой готовъ былъ сорваться вопросъ: "Ну, а какъ же эта особа? Другая?"—Но она, конечно, не спросила, а Рахмаровъ отвътилъ:

- Тяжело не будеть. Вёдь мы уже болёе десяти лёть—
чужіе. Такъ и останемся чужими. Будемъ только жить рядомъ,
какъ сосёди... Ну, а еслибы и было иногда тяжело, то вёдь дёвочка моя будеть близко, и буду видёть ее каждый день, буду
учить ее, буду говорить съ ней.

Лицо его было тавъ необычно радостно, что у Въры Павловны ясилась мысль: "Или онъ снова легкомысленно не обдумалъ всёхъ подробностей того, что можетъ случиться после прівзда жены и дочери, или же онъ ръшилъ какъ-нибудь раздълаться съ той особой... недаромъ же онъ сказалъ, что у него теперь нътъ средствъ содержать жену за границей. Не хочетъ ли онъ откупиться отъ этой отвратительной женщины?"—Ей захотълось какъ-нибудь, обходомъ, разувнать у него объ этомъ.

— У меня есть въ вамъ тоже очень большое дёло, — заговорила она: — Я давно думала, но не рёшалась предложить, боясь, что вы огорчитесь... Во-первыхъ, всё расходы по шволё я беру на себя. Сегодня я рёшила это овончательно, и если вы будете возражать, я вернусь въ Петербургъ. Но это не все: миё не слёдуетъ оставаться у васъ. Это — второе. И вотъ, я рёшила немедленно перебраться въ свою усадьбу. Пусть оканчиваютъ ея передёлку при миё. У меня есть очень вёскія причины поступить такъ, но объяснить ихъ вамъ я не могу.

Эти слова произвели на Рахмарова неожиданное дъйствіе: онъ побліднійль и съ минуту смотрійль на нее вопросительнымъ, смущеннымъ взглядомъ, а затімъ опустиль глаза. Онъ все поняль. Смущеніе его было такъ сильно, оно такъ не шло къ его гигантской фигурів и львиной головів, что ей стало еще боліве жаль его. Наконецъ, онъ поднялся и сказаль:

— Я прошу васъ подождать съ окончательнымъ решеніемъ несколько дней... У меня есть планъ, благодаря которому здёсь, вероятно, все измёнится... Переевжать вамъ сейчасъ въ вашу усадьбу решительно невозможно: тамъ все разрушено... Сейчасъ

я не могу говорить рамъ ничего о подробностяхъ моего плана. Многое нужно еще обдумать. Прівздъ жены входить также въ этоть планъ... Позвольте мив сейчась уйти... и простите меня,—онъ схватилъ ея руку и крвпко сжалъ,—простите, что я... невольно причинилъ вамъ... столько безпокойства... Я очень несчастенъ!.. Потомъ разскажу все. Сейчасъ—не въ силахъ.

Онъ повернулся и быстро вышель, а въ ея душт вновь восвресла какая-то смутная надежда.

XI.

На другой день Въра Павловна ждала съ нетеривніемъ прівзда Лопатиной. Но было уже двънадцать часовъ, а Софья Петровна не являлась. Сидя съ учениками въ школъ, Лядова безпрестанно взглядывала въ окна, не видно ли экипажа въ тополевой аллеъ...

Навонецъ, передъ самымъ овончаніемъ урова, Рахмаровъ прислалъ ей записку, въ которой была вложена другая, отъ Лопатиной, адресованная на его имя: Софья Петровна писала, что отецъ, узнавъ о ея намъреніи поъхать въ шволу въ Лядовой, подняль такую исторію, что она ръшила подождать до того времени, когда онъ уъдетъ въ городъ. Это случится недъли черезъ двъ. Мать не будетъ препятствовать, особенно если Въра Павловна сдълаетъ ей визитъ. Но визитъ лучше сдълать по отъъздъ отпа...

Отъ себя Рахмаровъ писалъ, что онъ простудился и нъскольво дней не будеть выходить изъ вомнаты.

Но прошла недёля, а Петръ Григорьевичъ не показывался, и Вёра Павловна начинала тревожиться, не захвораль ли онъ серьевно. Каждый день она посылала справляться о его здоровьё, и каждый разъ получался одинъ и тоть же отвёть, что ему лучше, но выходить онъ еще не рёшается.

Выдался особенно хмурый день. Тучи низко бёжали надъ вемлей, и казалось, что онё сейчасъ задёнуть за верхушки обнаженныхъ тополей. Лядова сидёла въ своей любимой бесёдкё надъ прудомъ, кутаясь въ теплый платокъ. Мрачная природа гармонировала съ тяжелыми мыслями и тоской, давившими въ послёднее время ея душу. Все чаще ей думалось, что и въ ея жизни наступила глубокая осень, предвёстница зимы, что молодость ея прошла безъ личнаго счастья, и вернуть этого уже невозможно. Вётеръ шумёлъ все сильнёе въ вершинахъ деревьевъ, крупныя капли дождя стали падать на полусгнившую, покрытую мохомъ крышу бесёдки, барабаня по ней.

Лядова собиралась уже уходить, какъ вдругь въ аллет послышались тяжелые шаги. Шуршанье листьевъ подъ ногами слышалось ближе и ближе. Въра Павловна узнала походку Рахмарова и была очень удивлена, такъ вакъ только сегодня утромъ получила его обычный отвъть, что ему еще нельяя выходить. Воть, она увидъла его невдалекъ отъ бесъдки, и была поражена тъмъ, какъ онъ измънился и похудълъ. Рахмаровъ шелъ медлено, глубово задумавшись, и не замъчалъ ея.

— Петръ Григорьевичъ! — тихо окливнула она его.

Рахмаровъ вздрогнулъ, сдълалъ-было движение назадъ, но затвиъ ръшительно пошелъ въ бесъдвъ.

— Здравствуйте! — проговориль онъ взволнованнымъ голосомъ:—а я, какъ видите, не выдержалъ добровольнаго ареста: очень потянуло на воздухъ...

Онъ вошелъ по ступенькамъ и протянулъ ей руку.

- Боже мой, какъ вы измѣнились! сказала она: —значить, вы были очень сильно больны! И ничего не сказали мнѣ! И за Роговымъ не послали! Ну, не грѣшно ли вамъ!
- У меня была такая бользнь, отъ воторой довтора не лечать, да и никто ей не поможеть, — сказаль Рахмаровь и тяжело опустился на скамью противь Въры Павловны. Онъ пристально всматривался въ ея лицо и замътиль, что она плакала.

Въра Павловна съ удивленіемъ спросила его:

— Можно увнать, что это за бользнь?

Рахмаровъ уныло махнулъ рукой и тихо отвётилъ:

- Лучше не спрашивайте. Помочь мий нельзя, а говорить объ этомъ—только бередить рану... Болизнь душевная: страшная тоска, безнадежность и... раскаяніе.
- Боже мой! да въ чемъ же вамъ раскаяваться?! Не смъю допустить, что вы раскаяваетесь въ томъ, что не повели свою жизнь такъ практично, какъ другіе.
- Да, вонечно, ужъ не въ этомъ я раскаяваюсь. Но въ моей жизни было многое, о чемъ теперь страшно жалью, да къ несчастью уже поздно... Да вотъ, напримъръ, я очень виноватъ передъ вами.
- Чёмъ же, Петръ Григорьевичъ? Вы просто отъ болёзни сами на себя выдумываете.
- Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ онъ горячо: не старайтесь оправдать меня! Я глубоко чувствую всю безпредъльность моей вины передъ вами.

- Если вы намекаете на то, что не предупредили меня о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ, дѣйствительно, слѣдовало бы предупредить, то я давно это обдумала, и не считаю васъ виноватыми: трудно и вамъ было говорить объ этомъ со мною.
- Да, да! И въ этомъ я виноватъ передъ вами. Но туть у меня есть еще маленькое оправданіе: я не предвидълъ послъдствій. Миъ въ голову не приходило, что случится такъ, какъ это вышло... Но это еще самая маленькая вина моя передъ вамь, а моя главная вина не въ этомъ.
  - Такъ въ чемъ же? Я, право, васъ не понимаю... Въра Павловна начала тревожиться.
- Это—вина очень старая... И вы даже не можете подозръвать, что она существуеть... Помните ли вы то время, когда, семь лъть тому назадъ, вы пріъзжали съ вашей матушкой въ свое имънье?..
- Помню, какъ вчера. Это было самое чудное время въ моей жизни. Вы тогда заставили меня понять многое, чего я не понимала. Но неужели вы считаете себя виноватымъ въ томъ, что дали мнъ тъ взгляды, которые потомъ уже не повидали меня никогда? Въдь это было бы ужасно! Въдь это значило бы, что сами вы отказались отъ своихъ прежнихъ взглядовъ?
- Нѣтъ, нѣтъ, не то, тихо проговорилъ Рахмаровъ и поблѣднѣлъ еще больше, собираясь сказать ей что-то, что сказать было ему очень трудно и неловко. — Не то, — повторилъ онъ, какъ бы подыскивая слова: — вина моя была въ тожъ, что именно тогда-то я и прошелъ мимо моей жизни... мимо моей и чукой жизни, — подчеркнулъ онъ, — да, мимо счастья, которое было возможно...

Теперь пришла очередь поблёднёть Вёрё Павловие: она поняла, на что онь намеваеть. Въ ея памяти воскресло вдругь съ поразительной ясностью то далекое время, тё безконечные разговоры и то чарующее состояніе восторга, которое она тогда переживала. Но это не быль только умственный восторгь оть того новаго, что она узнавала въ то время отъ Рахмарова. Нёть, самый образъ его, его горящіе глаза, его вдохновенный товы запали тогда въ ея душу на всю жизнь. И она уже никогда послё не могла изгнать этого образа изъ своего сердца. Быть можеть, даже тоть факть, что въ послёдующіе годы никто не вызваль къ себё ея вниманія, какъ женщины, зависёль отчасти и отъ того, что этоть яркій образъ затмёваль въ ея душё всё другіе, встрёчавшіеся на ея пути... Теперь, когда онъ напоменть

о томъ времени, она поняла, что любила его всей силой первой, дъвственной любви. Ей стало ясно и то, что въ то время и онъ любилъ ее также... Ее испугало теперь это запоздалое объясненіе. Съ быстро забившимся сердцемъ она свазала тихо:

- Не нужно вспоминать прошлое, не нужно! Въдь отъ того, что прошло, уже ничто не вернется... Зачъмъ же мучить себя?
- Почему же не вернется?— раздражительно свазаль онъ. —Развъ опибки не исправляются?
- Ничто не вернется! Да и не должно вернуться. Даже думать объ этомъ гръхъ,—сказала она, поникнувъ головой.
- Иного отвъта я и не ожидаль от вась, сказаль онъ тъмъ же раздраженнымъ тономъ: но... выслушайте меня... дайте мнъ высказать все, что я передумаль за эти дни, и о чемъ никогда не сказаль бы вамъ, еслибы эта встръча сегодня не закватила меня врасплохъ.
- Мит важется, сказала Втра Павловна, лучше намъ не говорить о прошломъ. Я боюсь, что это испортить наши дружескія отношенія, а втдь у меня ничего, ничего итть, вромт вашей дружбы...
- Нѣтъ, Вѣра Павловна, я долженъ говорить, перебилъ онъ рѣзко: у меня сердце порвется, если я не выскажусь наконецъ. Могу объщать только заранѣе, что не скажу ничего, что могло бы испортить наши отношенія... О васъ не будетъ даже рѣчи. Я разскажу только, какъ два раза въ жизни я погубилъ свое счастье... вотъ и все... Позволяете?
  - Хорошо, если это вамъ такъ нужно.
- Начну съ моей женитьбы... Когда вы прівзжали сюда, я уже разошелся съ женою; она жила за границей... Почему я разошелся съ ней? Любилъ ли я ее? Я былъ увъренъ, что любилъ... Это была свътская, милая барынька, овдовъвшая послъ недолгаго замужества съ старикомъ-генераломъ... Она была такая наивная, такая чистая, какъ дъвушка... Да и по виду она была дъвушка: въ ней было что-то такое, что напоминало ангеловъ, что-то не отъ міра сего, неземное... И какъ она умъла слушать меня и сочувствовать всему, что я говорилъ!.. Трудно было не увъровать, что въ ней я найду и друга, и товарища во всемъ, что любилъ и о чемъ мечталъ... Ну, а вышло иначе. Трудно разсказать, какъ это вышло: и папенька-генералъ, и маменька-генералъ, и сестрицы, и окружающее ихъ общество сдълали все, чтобъ она возненавидъла меня: въдь я не осуществиль мечты всёхъ этихъ людей о женихъ-богачъ, о женихъ-

Томъ І.-Февраль, 1908.

аристократь, который сдываеть блестящую карьеру и поможеть имъ всыхъ выбраться на гору... Я не виню ее: какія сцены прышлось ей самой, быдняжкы, переносить отъ нихъ изъ-за меня! Даже натура болые стойкая, душа болые убыжденная надломилась бы отъ этого натиска... Жить вмысты стало невозможно... Мы разошлись по обоюдному согласію и даже вполны прилично...

Онъ замолчалъ, силонивъ голову, а затемъ заговорилъ снова: — Ну, а "другая"... Вы теперь сами знаете, что такое въ глуши эти сумрачные осенніе дни, эти безконечныя ночи съ воемъ вътра и стукомъ дождя за окнами... И въ это время-полное, полное одиночество, больное, разбитое сердце и безпредъльная тоска о той, кого любиль и потеряль навсегда... А въ той глуши, гдв я жилъ, все это удесятерялось: въдь у меня не было нивавого дела, не было знавомыхъ, съ воторыми можно бы было отвести душу... одинъ, всё дни одинъ съ своими думами, и даже не дни, а мъсяцы, годы... И вотъ мелькнула надежда спасти себя привязанностью простой, чистой, наивной души изъ народа. Думалось: "вёдь она не испорчена, она -бёлый листь бумаги, на которомъ можно написать все, что захочешь. И кто же, какт не она, дитя народа, лучше пойметь мою любовь въ ея братьямъ и мои страданія, которыя, какъ мий тогда казалось, я несу за эту любовь въ нимъ"? И я ее училъ, посылалъ учиться въ Москву... Сколько я ей читалъ и сколько говорилъ съ ней! Какая огромная масса времени и лучшихъ душевныхъ силъ ушла на эту попытку создать себъ въ ней товарища и друга... И все это разсыпалось прахомъ... Ну, вотъ и все. Подробно говорить о нашихъ отношеніяхъ съ нею теперь я не въ состояніи. Сважу одно: они болъе чъмъ ужасны, и такъ дальше идти не можеть. Еще годъ, и я погибну, упаду такъ низко, что вы и вообразить себъ не можете...

Въра Павловна вдругъ припомнила, что однажды, вогда въ ней пришелъ Рахмаровъ, отъ него пахло водвой. Она поняла, что отъ овончанія этого разговора будетъ зависъть, пожалуй, или спасеніе Рахмарова, или полная его гибель. Въ ней завильта мучительная внутренняя борьба: "Если она можетъ сдълать его счастливымъ, то съ ея стороны будетъ отвратительнымъ преступленіемъ не дать ему этого счастья". Но вмъстъ съ тъмъ она чувствовала, что въ сердцт ея нътъ ничего, что бы могло объщать ему это счастье: тамъ все было сожжено, чувствовался тольво одинъ холодъ, и не радость давало ей это объясненіе, а какой-то ледяной ужасъ при мысли о будущемъ... Эта внутренняя борьба заняла въ ея душт лишь нъсвольво севундъ: всмо-

тръвшись въ свою душу, она ръшила и ръшила уже безповоротно, что ему отвъчать.

— Я совершенно, вполнъ понимаю васъ, — свазала она. — Еслибъ вы знали, кавъ я жалъю васъ! Чего бы я не сдълала, чтобы вы были счастливы!

Онъ быстро всталь, взяль ея руку и заговориль, волнуясь, не глядя ей въ глаза.

- Когда вы прівхали... явилась смутная надежда на счастье: я мечталь, что мы будемь вмёстё работать, вмёстё думать,— что въ васъ будеть у меня и другь, и сестра...
  - И все это есть, -- сказала она, освобождая руку.
- Нътъ, это было лишь нъсколько дней... Затъмъ все это было растоптано грязными, отвратительными ногами полусумасшедшей, ревнивой бабы!.. Простите, что я такъ говорю, но чаша въ моей душъ переполнилась... Но еслибы и этого не было, неужели вы не видите, что дружба еще не все, что нужно для полной жизни? Простите! Выслушайте ужъ меня до конца: вы, въдь, плакали передъ тъмъ, какъ я подошелъ? Значитъ, и вы также страдаете, и вы то же чувствуете.
- Вы меня не такъ поняли, сказала она мягко и совствъ спокойно: сядъте; нужно договориться до конца, чтобы уже никогда не могъ возобновиться этотъ разговоръ. Неужели вы не чувствуете, Петръ Григорьевичъ, что тъ планы, на которые вы намекнули сейчасъ, это совствъ не то, что вы въ нихъ видите: въдь это просто тоска, одиночество, и только. Поймите: еслибъ мы оба повърили тому, что вамъ шепчетъ это одиночество, о, какъ скоро мы раскаялись бы, что повърили ему!.. Не возражайте, я еще не кончила.

Она помолчала и затъмъ заговорила снова.

— Подумайте еще воть о чемъ. Мы съ вами не просто одинокіе, страдающіе люди; мы несемъ изв'ястное знамя. Неужели вы допустите, чтобы мал'яйшая т'янь упала на него! А в'ядь это будеть, будеть... И кто же, мы сами поможемъ т'ямъ, кто съ такимъ усердіемъ забрасываетъ его грязью... Н'ятъ, между нами можетъ остаться только дружба. Но для этого нужно, чтобы даже мысль о томъ, что вы сейчасъ сказали, не посивла явиться больше между нами. И разв'я дружбы мало? Какое это огромное счастье для такихъ одинокихъ, какъ мы!

Глаза Рахмарова стали холодны, почти влобны.

— Что могу я отвётить на это?—сказаль онь:—доказывать вамь, что это невёрно? Зачёмь? Вёдь если вы такь говорите, значить, вы такь чувствуете... Ну, и этимь исчерпань вопрось.

Въдь я не вдохну въ васъ другого чувства, если докажу, что никакого знамени мы не уронимъ, что съ женой возможенъ разводъ, а "вторан"?.. съ ней можно уладить иначе... Значить, на моемъ пути нътъ ничего кромъ вашего... нежеланія: ваше сердце остыло для жизни! Вотъ и все.

— Да, да, вы правы, такъ оно и есть! Я сейчасъ только думала, что въ моей жизни уже наступила глубовая осень... своро придетъ и зима... Вотъ здёсь, на этомъ мёстё, сейчасъ я похоронила свою личную жизнь, и мнё стало легко.

Но ен голосъ выдалъ ее: въ немъ зазвучали сдержанныя слевы.

И этоть голось пробудиль снова надежды Рахмарова.

— Въра Павловна, что вы это говорите! — нъжно зашенталь онъ: — Вы на себя влевещете! Взглините въ зервало, и оно вамъ сважетъ: "ты еще молода, ты еще тавъ преврасна, что можешь и должна быть счастлива, можешь и должна дать счастье другому".

Онъ всталъ и сдълалъ къ ней нъсколько шаговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — почти съ ужасомъ заговорила она: —вы ошибаетесь, вн'страшно ошибаетесь! Говорю вамъ: сердце у меня все умерло; его не радуютъ ваши слова, а леденятъ... Все прошло, все умерло, что нужно для личнаго счастъя.

Изъ глазъ ея, какъ частый дождь, полились слезы.

- A эти слезы?—вскрикнулъ онъ. Да въдь однъ онъ опровергаютъ васъ.
- На похоронахъ всегда плачутъ, отвътила она: всегда плачутъ о томъ, что невозвратимо... Я плачу на своихъ похоронахъ... но это позорная слабостъ!.. Довольно!

Въра Павловна гордо подняла голову и вспомнила, что въсколько дней передъ тъмъ пережила здъсь, наединъ съ собою, такую же точно сцену внутренней борьбы съ тоской по отжитой жизни.

— Довольно, — повторила она уже совсѣмъ твердо и встала, прибавивъ съ улыбкой: — Пора въ комнаты, и озибла... Какая ужасная погода...

Рахмаровъ посторонился, чтобы дать ей пройти въ выходу. Его угрюмые глаза погасли, лицо сразу осунулось и казалось постаръвшимъ...

Тихо побрель онъ за нею, и до самаго дома они не сказале другь другу ни слова.

Только прощаясь, она проговорила:

— Ну, что же? Остаемся мы друзьями? Можно мив будеть

еще нѣкоторое время побыть здѣсь у васъ, не думая, что я этимъ заставляю васъ страдать?

Онъ встрепенулся, лицо его прояснило.

- Въра Павловна, можете ли вы спрашивать объ этомъ!? И чтобъ усповоить васъ еще больше, скажу: вы почти убъдили меня; сейчасъ мнъ важется, что мои планы были дъйствительно только иллюзіей одиночества и тоски... Да, наша личная пъсенка спъта. Будемъ жить жизнью другихъ и работать для другихъ... А для личной жизни останется наша дружба. Да, вы правы, это огромное счастье для такихъ одиновихъ и несчастныхъ, какъ мы... Но не друзьями только будемъ мы, а братомъ и сестрой... Такъ въдь?
- Вотъ вамъ моя рука! сказала Лядова, и въ первый разъ за эти дни ея глаза блеснули радостно.

XII.

Иванъ Захаровичъ Роговъ прівхаль не прямо въ село Смирново, гдв была фабрива Петренко и земскій пріємный покой. Ему было необходимо завхать сперва въ увздный городъ, чтобы представиться тамъ предсвателю управы, который по рекомендаціи Рахмарова даль ему місто земскаго врача.

Городишко утопаль въ осенией грязи. На улицахъ—ни души; на базарной площади—нъсколько лавчонокъ, двухъ-этажный каменный домъ полицейскаго управленія, небольшой домъ земства, четырехъ-угольный балый соборъ, маленькіе деревянные домишки и съ десятовъ такихъ же домиковъ побольше. На нъвоторыхъ подъвздахъ Роговъ замътилъ съ улыбкой мъдныя дощечки съ именами обитателей, какъ въ столицъ. Это уъздная интеллигенція, очевидно, "наводила" у себя цивилизацію. Роговъ старался представить въ своемъ воображеніи эту мъстную интеллигенцію: "Какова-то она? Какъ живетъ здъсь? Есть ли симпатичные люди, развитыя женщины и дъвушки? Дълаютъ ли они что-нибудь для окружающаго темнаго люда"?

Остановившись на почтовой станціи и увнавъ, что предсъдатель Лунинъ живетъ въ помъщеніи земской управы, онъ отправился къ нему. Въ управъ его встрътилъ сторожъ, старый отставной солдатъ, съ желтыми нашивками на рукавахъ и щетинистыми бакенбардами. Онъ лъниво отправился доложить о Роговъ предсъдателю, а вернувшись, сказалъ сурово:

--- Идите, зоветъ!--и указалъ дверь.

Роговъ очутился въ небольшой комнаткъ съ двумя окнами. Здъсь стояла желъзная кровать и письменный столъ, за которымъ Роговъ увидълъ маленькаго красиваго сухощаваго и совершенно съдого человъка, который быстро поднялся и пошелъ къ нему на встръчу, протягивая объ руки.

--- Съ нетерпъніемъ ждалъ васъ, Иванъ Захаровичъ, — заговорилъ онъ, придвигая Рогову вресло: — мнъ много хорошаго сообщилъ о васъ мой другъ Рахмаровъ.

Лунивъ, несмотря на свои, совершенно серебряные волосы и бороду, двигался живо, какъ юноша, а его каріе проницательные глаза были совсёмъ молодые. Слова онъ выговаривалъ мягко, особенно букву "р". Хорошо сшитый костюмъ, изящный галстухъ, тщательно подстриженная бородка, золотое пенсия за бортомъ пиджака показывали, что съдой красавецъ обратилъ въ привычку заботу о своей наружности. Роговъ взглянулъ случайно на книгу въ желтой обложкъ, которую Лунинъ отложилъ въ сторону при его приходъ, и увидълъ, что это былъ французскій томикъ Зола.

Лунинъ замътилъ его взглядъ и свазалъ, вавъ бы оправдываясь въ томъ, что занимается въ управъ постороннимъ чтеніемъ:

— Здёсь и моя квартира. Семья въ Петербурге: тамъ две дочери на курсахъ, и жена живетъ съ нями. Отдёльной квартиры не держу, не стоитъ, да и всё дёла управы здёсь подърукой.

Отъ Лунина Роговъ узналъ, что въ селъ Смирновъ маленькая больничка есть только при фабривъ, а земство содержить пріемный покой лишь для приходящихъ. Иванъ Захаровичъ быль этимъ очень опечаленъ.

- Но какъ же я буду лечить крестьянъ! воскликнулъ онъ. Въдь многихъ болъзней совсъмъ нельзя лечить амбулаторно, особенно при крестьянской обстановкъ.
- Знаю, знаю, и еще въ запрошлое собраніе внесъ докладъ объ этомъ. Но, благодаря новъйшимъ реформамъ, большинство теперешнихъ собраній состоитъ изъ Ноздревыхъ, Собавевичей дъ Тяпкиныхъ... Ну, они, конечно, провалили мой докладъ: по ихъ мнёнію, когда не было земской медицины, в мужики лечились у знахарокъ; не было ни тифовъ, ни дифтерита, и вообще никавихъ современныхъ болёзней... И конечно, ихъ не было. Просто руки отпадаютъ теперь работатъ. Нужно очень любить земское дёло, чтобы не бросить его, какъ не бросаю я. Все-же я хоть немножко сдерживаю эту свору. Мнё страшно подумать, что будетъ, если земство отдать на полное

ея растерваніе: въдь я уже привывъ въ земству, какъ въ своему дътищу: я работаю въ немъ почти съ самаго его основанія. Не нужно отчанваться: будемъ сколько можно помогать другь другу. Вотъ, соберите-ка побольше фактовъ о необходимости постоянныхъ кроватей, напишите докладъ, и авось сообща проведемъ его-

Лунинъ перешелъ въ воспоминаніямъ о томъ времени, когда въ земствъ работалъ Рахмаровъ и въсколько выдающихся земскихъ дъятелей, которые теперь всъ ушли отъ новыхъ порядковъ.

— Какіе это были неоцівнимые земскіе работники! Особенно Петръ Григорьевичъ! — воскликнуль онъ: — Ну, а теперь у сокола врылья связаны и пути ему всё заказаны, а зато вмісто него ділами ворочають такіе геніальные господа, какъ вашъ будущій сосёдъ Лопатинъ. Не смійтесь: это дійствительно геніальный человівь. Когда-то онъ нищимъ поступиль въ интендантство, а когда его попросили оттуда удалиться за картонныя подошвы у солдать въ севастопольскую кампанію, онъ купиль себі здісь прекрасное имініе. Честное слово, геніальный человікъ! И пользуется здісь огромнымъ уваженіемъ, какъ идеальный хозяннъ...

Въ такомъ же тонъ, гдъ перемъщивались ядовитыя похвалы и глубокое внутреннее раздраженіе, онъ далъ совътъ Рогову сдёлать визитъ исправнику, о которомъ сказалъ, что это прекрасный человъкъ, бывшій морякъ и съ мъстной интеллигенціей настоящій джентльменъ, конечно, въ предълахъ "устава о предупрежденіи и пресъченіи"; съ крестьянами же держится одного съченія при помощи волостныхъ судовъ... Нельзя же: недоимки! А за нихъ онъ получаетъ выговоры отъ губернатора. Но принципально онъ—большой противникъ тълесныхъ наказаній. Визитъ ему слёдуетъ сдёлать непремънно: во первыхъ, и человъкъ-то онъ почтенный, да и нуженъ земству. Никогда не слъдуетъ задъвать самолюбія нужныхъ людей, особенно въ провинцін, гдъ каждый можетъ васъ "слопать".

Онъ похвалилъ и жену исправника:

— Бельфамъ! Когда-то училась въ вопсерваторіи; до сихъ поръ поетъ отлично... баритономъ, и вофей у нея хорошій...

Роговъ спросилъ между прочимъ о мъстномъ слъдователъ Морозовъ, съ которымъ былъ очень друженъ въ университетъ, коти тотъ окончилъ курсъ года на два раньше, и по юридическому факультету.

— Милый, милый человыкь, — свазаль Лунинь: — душа общества! Тоже отлично поеть... шансонетки. Навесель бываеть только вь ть дни, когда посыщаеть клубъ, а тамъ онъ не

бываеть только въ страстную субботу... очень, очень милый господинъ.

Говориль все это Лунинь безь малейшей улыбки и даже добродушнымь тономь, только по легкой игрё глазь Роговь догадывался, какь онь презираеть весь этоть людь. Его манера бранить подъ видомъ похваль заставила Рогова задать себе вопрось, что онь за человекь самь: вероятно, большой политикь? Недаромь же продержался предсёдателемъ нёсколько трехлетій. "Это онь со мной разговорился, какь съ свежимъ человекомъ, и радь, что можеть вылить накопившійся ядь. Но даже и со мной онь осторожень... Беднякъ, беднякъ"!

Прощаясь съ Роговымъ, Лунинъ пригласилъ его пообъдать вмъстъ въ влубъ.

— Тамъ еще поговоримъ, — прибавилъ онъ и, точно угадавъ мысль Рогова, сказалъ: — Вы и представить себъ не можете, какъ здъсь бываещь радъ каждому свъжему человъку!.. Это здъсь такъ ръдко. Иногда кажется, что языкъ отвыкъ говорить, и вмъсто человъческаго слова — вдругъ закричищь пътукомъ!

Отъ Лунина Роговъ направился въ исправниву, но, добравшись почти до самаго дома полиціи, гдё тотъ жилъ, онъ вдругъ передумалъ:

"Я, кажется, начинаю поддаваться сразу, въ первый же день прівзда, захолустнымъ вліяніямъ", — укорилъ онъ себя.

Отыскавъ на площади извозчика, онъ велълъ везти себя къ слъдователю Морозову.

Горничная, отворившая дверь, объявила сердито, что баринъ еще спитъ и будить себя не велёлъ. Роговъ, вручивъ ей свою карточку, поёхалъ къ доктору Протасову. Тотъ жилъ на краю города, почти въ полё. Когда извозчикъ остановился у подъёзда небольшого дома, за которымъ виднёлся обширный садъ,—за стекломъ одного изъ оконъ появилось женское лицо, разсматривавшее съ любопытствомъ пріёзжаго. Подъёздъ открылъ мальчикъ въ сёромъ казакинё съ красными нашивками на груда..

— Баринъ сейчасъ вернется, — крикнулъ онъ звонкимъ голоскомъ, — а барыня приказали вамъ зайти.

Черезъ длинную галерею съ разпоцвътными стеклами Роговь вошелъ въ переднюю, гдъ пахло масляной краской и стоялъ дамскій велосипедъ. За передней была гостиная съ кисейными занавъсками на окнахъ, съ кадвами хлъбнаго дерева и филодендрона; въ простънвъ стояло піанино, а около стънъ была чинно разставлена мягкая потертая мебель. На спинкахъ дивановъ и креселъ были тщательно развъшаны вязаныя салфеточки.

На столахъ и стульяхъ лежали альбомы и переплетенные экземпляры "Нивы", а преміи въ той же "Нивъ" красовались въ рамкахъ по стънамъ.

Рогову пришлось ждать довольно долго. Наконецъ изъ сосъдней комнаты выбъжала въ припрыжку, стараясь изобразить порхающую птичку, худощавая блондинка уже не первой молодости, подкрашенияя, съ сильно подрисованными глазами и бровями. Барыня бойко подала Рогову объ руки и заговорила разбитымъ, звенящимъ голосомъ:

— Нашего полку прибыло: еще одинъ интеллигенть! Вы, столичные жители, представить себъ не можете, какая радость въ глуши новый человъкъ!

Она усадила его на диванчивъ въ углу, а сама помъстилась рядомъ.

— Мы всё здёсь надойли другь другу до отвращенія! Еслибь вы внали, какая здёсь тоска! Никакихъ развлеченій! Мужчины устронли для себя клубъ, играютъ тамъ въ карты и напиваются, а мы, несчастныя, просто дурбемъ отъ скуки.

Она кокетничала своими большими сърыми глазами, въроятно когда-то красивыми, и часто поправляла волосы, чтобы показать свои руки, покрытыя браслетами и кольцами.

- Ну, у вого же вы успёли здёсь побывать? Были у исправницы? Неужели не были? Жаль! Она—такая бельфамъ! Вы любите женщинъ-бельфамъ? Впрочемъ исправница даже и для бельфамъ черезчуръ высока и толста. Однако, вкусы бывають разные. Вотъ слёдователю Морозову она очень нравится!—н барынька захохотала.
- Это мой старый знакомый и товарищь по университету, сказаль Роговь, пораженный ея развязными манерами и кокетствомъ, и, не зная, о чемъ говорить, прибавилъ: — Я быль у него сейчасъ, но онъ еще спить.
- И неудивительно, перебила его докторша: всё ночи въ клубъ дуетъ коньякъ: вы ему, ради Бога, не передайте, что я вамъ говорила! Въдь это я не ради сплетни, а быть можетъ, вамъ, какъ старому товарищу и другу, удастся повліять на него. Совствить онъ себя губитъ, а человтетъ съ большимъ талантомъ: какъ поетъ! Премило разсказываетъ сценки... Но съ тъхъ поръ, какъ поступилъ въ "кавалье серванъ" къ исправницъ, гибнетъ несчастный... Вы не удивляйтесь, что такая почтенная "матрона" имъетъ кавалье серванъ: у насъ здъсь всъ дамы такъ... Что дълатъ! Скука! Мужья заняты картами... службой... ну, жены и гръпатъ! "Судьба!" какъ говоритъ прекрасная Елена.

Довторша вызывающе посмотрёла въ глаза Рогову и опать захохотала дёланнымъ, искусственнымъ смёхомъ.

- Почему бы и дамамъ не придумать себъ какихъ-нибуд развлеченій сообща? сказалъ Роговъ. Устроить, напримъръ, кружовъ матерей, собираться, читать о воспитаніи... или устроиъ благотворительные спектакли.
- О, что вы говорите! Какія возможны чтенія среди нашихь дамъ! А воть спектакли—пожалуй! Я не разъ просыз мужа, чтобъ онъ позволиль мив устроить спектакль, но онъ здёсь сталь ужаснымъ консерваторомъ: онъ находить, что это кружить намъ головы и заставляетъ забывать о дётяхъ. А у меня есть большой талантъ. Когда я была дёвушкой и жила въ губернскомъ городѣ, я нёсколько разъ играла. Успѣхъ имѣла блестящій: обо мив даже писали въ газетахъ. Я мечтала о сценѣ, но вмёсто артистки пришлось сдѣлаться матерью пятерыхъ дѣтей! Такъ гибнутъ у насъ таланты!.. Вотъ помогите мив уговорить мужа. Пожалуйста! Я чувствую, что вы очень симпатичный, право! Надѣюсь, мы будемъ друзьями.—Она схватила его руку и долго пожимала.

Послышался звоновъ въ передней.

- Это мужъ! воскливнула докторша. Такъ вы не забудете? А въ гостиную уже входилъ мужчина высокаго роста, съ большимъ животомъ, одутловатымъ лицомъ и широкой лысиной.
- Коллега! Воть доставиль удовольствіе!—завричаль онъ сиповатымь голосомь и завлючиль его въ объятія.

Усадивъ Рогова на диванъ и грузно шлепнувшись рядомъ, такъ что ножки у дивана крякнули, онъ сказалъ женъ:

- Ну, мамочка, закусить, выпить.
- Я ужъ распорядилась. Иду поторопить.—И она опять выпорхнула" въ припрыжку, виляя своимъ длиннымъ плейфомъ.

Послѣ общихъ вопросовъ о профессорахъ и университеть, который Протасовъ называлъ не иначе, какъ "alma mater", онъ воскливнулъ:

— Ахъ, золотое было время! Даже и пили-то мы тогда не такъ, какъ теперь: съ компаніей, всё какъ братья родные! Торжественный "Gaudeamus" или "Дубинушка" знаменитая... А "Утесъ"? Поютъ ли его теперь? Сколько, бывало, чувствъ переживаешь, какъ кто-нибудь затянетъ:

И утесъ-великанъ Все, что думалъ Степанъ, Все тому см[‡]льчаку перескажетъ...

Теперь кажется, что все это во сит видиль.

Вошла жена:

— Пожалуйте, господа! Готово.

Завтраву предшествовала закуска, во время которой Протасовъ почти силой заставилъ Рогова выпить три рюмки водки. Последняя была вынита на "брудершафтъ" съ обявательствомъ говорить другь другу "ты". Роговъ почти никогда не пилъ и сраву охмелелъ, ударился въ меланхолію и началъ со словъ Лунина жаловаться на новые земскіе порядки.

- Вхалъ сюда, говорилъ онъ, и мечталъ приносить пользу, а оказывается, что теперь ничего и подёлать нельзя: у земства отняты всё права.
- Все это вадоръ, коллега, возразилъ Протасовъ: какое дъло намъ, врачамъ, больше ли правъ у какого-нибудь Лунина, или меньше? Намъ, братъ, даже покойнъе, если у нихъ всъ права отберутъ: не будешь зависътъ ни отъ чьего каприза. У насъ, братъ, свои права: лечи да получай жалованье или гонораръ. Этого у насъ никто не отниметъ. Выпьемъ за врачебное сословіе. Ура!
- Но помилуй, коллега, ты говоришь Богъ знаеть что!— горячился Роговъ. Отрицать самоуправленіе! Нѣтъ, я не такъ думаю! Даже и при теперешнемъ положеніи я не позволю себѣ ограничиться выдачей хинина, касторки да проръзываніемъ нарывовъ! Попробую послужить крестьянству, которое даетъ деньги на наше образованіе.
- Ого, брать, какъ ты высоко взлетаешь, да гдё-то сядешь! Это какъ же ты будешь служить крестьянству? Скажи, скажи! Это любопытно! Небось, все старая пёсня: кустари, артели, общинное травосёяніе? Слыхали мы, брать, эти пёсни!
- A хотя бы и это? Почему же не указать крестьянству на то, что можеть поднять его благосостояніе?
- Охъ, не смёши, братъ! Уморишь со смёху! Да кто же тебя слушать-то будетъ? Да и когда тебё будетъ объ этомъ разговаривать съ ними? Все это, братъ, литературныя мечтанія въ прозё, какъ говорилъ еще великій Бёлинскій.
- Акъ, папочка,—перебила его жена,—какъ ты отсталъ въ вопросахъ современности!
- Не отсталь, а дёло говорю. Наставляю юношу. Воть у меня пять человёкь ребять: двоихь въ губерніи содержу въ гимназіи, за дочь въ институть плачу, да еще для двоихь надо приготовить. Такъ воть и сообрази, коллега. Сколько туть надо презрённаго металла добыть и когда туть о кустаряхь да артеляхъ разговаривать! Правда, у тебя семьи еще нёть, но она бу-

детъ. Безъ этого, братъ, не проживешь, особенно въ глуши... Съ тоски умрешь!.. Какъ начнетъ осенью вътеръ выть, какъ примется дождь поливать, какъ превратятся дороги въ густой влейстеръ, изъ вотораго лошади ногъ не могутъ вытащить, а ты сиди себъ дома да смотри въ окно на пустырь, или поъзжай въ такую погоду верстъ за сорокъ... Я, братъ, все это испыталъ.

- Не слушайте его, мосье Роговъ: онъ самаго смълаго человъка напугаетъ. Совсъмъ въ деревит не такъ скучно: естъ и сосъди, и сосъдки интересныя... Ахъ, кстати: у васъ будутъ три дочери члена управы Лопатина. Только предупреждаю: будьте осторожны со старшей, "Софьей премудрой", какъ ее прозвалъ слъдователь Морозовъ. Она ужасная! У нея былъ такой романъ, такой скандальный романъ съ однимъ княземъ, да и съ нимъ ли однимъ! И бъдный нашъ слъдователь изъ-за нея же погибаетъ.
- Ну, матушка, пожалуйста безъ сплетенъ! Терпъть я этого не могу,—свазалъ сердито Протасовъ.
- Это вовсе не сплетни: весь утвядъ знаетъ. Я это говорю къ тому, что ты все преувеличиваеть. Вотъ Иванъ Захаровить, спросите у него, напримъръ, что онъ думаетъ объ участи женщинъ въ любительскихъ спектакляхъ. Ну-ка, ну-ка, скажи мо-лодому коллегъ! Небось, посовъстишься! Пристыдите его, Иванъ Захаровичъ.
- И нисколько не посов'ящусь! И нечего ему меня стидить! Потому что я правду говорю. Непристойно порядочной женщинт, особенно матери интерыхъ детей, публично обниматься и целоваться съ первымъ прохвостомъ, котораго на такую роль назначать... Тъфу, пакость!
- Но, коллега, заговорилъ Роговъ, вспомнивъ просьбу докторши, въдь не все же на сценъ обнимаются и цълуются... А потомъ: если женщина отъ тоски на стъну лъзетъ, то она начнетъ уже обниматься и цъловаться не на сценъ. А въдь это опаснъе.
- Если пол'взетъ на стѣну, я ей закачу бромистаго калія! Да отчего ей на стѣны л'взть, если у нея дѣти и мужъ?
- Ахъ, паночка! Но въдь дъти, въчно дъти, и одни только дъти—да въдь это съ ума можетъ свести! Когда въ жизни естъ какое-нибудь развлечение или отдыхъ, то и дъти кажутся милъе, и мужъ интересите... клянусь тебъ! Вы согласны, Иванъ Захаровичъ?
- Отстань, матушка! Я тебъ не мъшаю! Давно рукой на все махнулъ! Я высказалъ свое мивніе, а ты дъйствуй, какъ хочешь.

- Знаю я это "какъ хочешь"! А потомъ станешь пилить цёлые дии.
- И пилить не буду! Въ старину пилилъ, потому что ревновалъ. А теперь...

Протасовъ махнулъ рукой, какъ будто хотель сказать: "Все равно, ты свое возьмешь"!

— Браво, браво! Значить, ты согласень? Ура! Мосье Роговь, вы должны выпить со мной портвейну за его разръшеніе... и за ваше удачное ходатайство.

Роговъ почувствовалъ, что она подъ столомъ отънскала его ногу своей ногой и сильно ее нажимала. Ему стало и больно, в противно. Онъ отдернулъ ногу, взглянувъ на довторшу уворивненно, а она сильно покраснъла и накинулась на мужа:

— Не довольно ли теб'я наслаждаться мадамъ монополькой? Позволь ми'я ее пріютить въ шкапъ.

И она протянула руку къ графину.

— Постой, постой! — замычалъ Протасовъ съ набитымъ ртомъ: — одну, последнюю...

Она налила; онъ быстро выплеснуль водву въ свой огромный роть, вавъ будто боясь, что жена отниметь, и просительно свазаль:

- Эхъ, еще бы одву пташечку для комплекта!
- Ну, ты и такъ хорошъ: посмотри на себя въ зеркало! отвътила она, бросивъ на него свиръпый взглядъ. Картина семейнаго счастья! обратилась она къ Рогову, пряча графинъ въ шкапъ: что дълать, приходится поступать деспотически. Вы себъ представить не можете, какъ эти мужчины распускаютъ себя въ провинціи! Въдь вотъ онъ: пріъхалъ сюда такимъ же горячимъ и симпатичнымъ студентомъ, какъ вы! И о чемъ только не проповъдовалъ тогда, даже миъ... А теперь полюбуйтесь на него!
- Всё тамъ будемъ, мамочка, какъ сказалъ Щедринъ, отвётняъ Протасовъ, и выпняъ залномъ стаканъ портвейну. Да, да, всё тамъ будемъ. И Роговъ тамъ будетъ. Будемъ, коллега!.. Непремённо будемъ! Потому здёсь безъ этого нельзя... Эхъ, мамочка, мало ли что было, да быльемъ поросло! И ты прежде не такая была! Ты знаемъ ли, коллега, какая она прежде была? Мадонна Рафаэля—не меньше! Я не говорю: ты и теперь еще ничего. Ну, а все же до прежней далеко! И что же я такое сдёлалъ? Развё ты можемъ пожаловаться, что я плохой мужъ? Обыжаю тебя? Расточаю свои доходы? Не даю тебё свободы? Да кълай, дорогая, что хочемъ: играть хочемь на сценё—играй;

плясать? — пляши; на велосипедъ ъздить? — катай!.. А кто свопилъ малую толику для дътей и для тебя же на черный день? А выпить и Богъ велълъ: "Руси есть веселіе пити". Еслибы въ Россіи не пили, то давно бы всъ отъ скуки перемерли... А что сказалъ Шопенгауеръ?

- Ну-у, завелъ свою машину!—съ досадой замътила жена:
  —какъ напьется, такъ сейчасъ и пойдетъ Шопенгауера вспоминать. Надовлъ онъ миъ имъ хуже Богъ знаетъ чего!
- Потому, Шопенгауеръ не твоего ума дъло. Это—геній. Онъ объясниль, что живнь есть миражъ—Vorstellung!—неожиданно кривнуль онъ по-нъмецки заплетающимся явыкомъ.—И развъ онъ не правъ? Ты, вотъ, казалась мнъ мадонной, а на дълъ что вышло? Я казался себъ героемъ, а на дълъ что вышло? Вотъ коллега теперь тоже смотритъ героемъ, а что изъ него выйдетъ?—Увидимъ. Вотъ такъ и все! Всъ мы сгніемъ, и домъ этотъ сгніетъ. А ты, коллега, о мужикъ. Авіпиз ты, и больше ничего! И не обижайся! Авіпиз и stultus!! А ты старайся на все наплевать. Ну, конечно, семью, если будетъ, не забывай, потому что этотъ "форштеллунгъ" ты самъ на свътъ произвелъ. А на все прочее наплюй. Все равно, Нирвана слопаетъ... Она все слопаетъ.
- Довольно же тебъ! воскливнула жена визгливымъ голосомъ. — Вотъ извольте эту ахинею слушать каждый день, двънадцать лътъ подъ рядъ!.. Господи, вавъ я еще съ ума не сошла! Тутъ по неволъ Богъ знаетъ что въ голову полъветъ, чего бы и сама не желала!
- Тссъ! Женщина, молчи!—сказалъ Протасовъ, клюя носомъ въ столъ:—это великія идеи, не твоего ума дъло!

XIII.

Роговъ вхалъ отъ Протасова въ влубъ порядочно подъ хмелькомъ. Но вино дъйствовало на него не веселящимъ и бодрящимъ образомъ, а наоборотъ, бросало его въ меланхолію. Онъ вспоминалъ слова Протасова: "вев тамъ будемъ", и спрашивалъ себя съ замирающимъ сердцемъ: "Неужели и я вогда-нибудь дойду до этого? Въдь вотъ онъ же дошелъ, а былъ тавимъ же, вавъ я. И отчего это? Кавая-то ужасная дряблость и безсиліе у нашего брата, руссваго интеллигента! Или пошлая среда тавъ сильна?.. Но вавая же въ ней можетъ быть сила, если она пошлая, ничтожная? Нътъ, это мы сами очень ужъ ничтожны. На словахъ

города. беремъ, а на дълъ и соломинкой насъ перешибешь. И какъ же побороть въ себъ это ничтожество, эту дряблость? Одно средство — единеніе, общеніе, кружовъ, гдъ бы каждый поддерживаль другого и всъ всъхъ... Нъчто въ родъ "церкви" мыслящей интеллигенціи: "гдъ двое или трое во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ", — вспомнилъ онъ текстъ изъ Евангелія.

А по бокамъ смѣнялись все тѣ же деревянные домики; коегдѣ мелькалъ свѣтъ сквозь закрытыя ставни, гакъ какъ уже почти стемиѣло. За этими мокрыми, почернѣвшими отъ времени деревянными стѣнами ему грезились теперь невидимыя мелочныя драмы, но именно особенно страшныя этой своей мелочностью. Онъ видѣлъ за этими стѣнами задыхающихся и ошалѣвшихъ, развратившихся отъ безвыходной скуки молодыхъ женщинъ, спившихся мужчинъ, и эти образы давили его, какъ кошмаръ, и ему становилось страшно за себя, за свои любимыя идеи, за народъ и за Россію...

Извозчикъ подвевъ его къ клубу. Учрежденіе это помѣщалось въ большомъ старинномъ деревянномъ домѣ съ антресолями, бывшемъ когда-то обиталищемъ вѣсколькихъ поколѣній богатой дворянской семьи.

Въ передней съ Рогова снялъ пальто старичовъ лавей въ порыжевшемъ длиннополомъ сюртуве, разорванномъ подъ мышвами и на ловтяхъ. На вопросъ: здёсь ли председатель управы, онъ указалъ на шировій корридоръ.

--- Направо пожалуйте: какъ разъ будеть столовая; они тамъ кушають.

Пахло веросиномъ, табавомъ и пивомъ. Комнаты были низкія, съ дешевыми, вакоптёлыми обоями, вое-гдё отставшими отъ ствиъ въ виде пузырей...

Пройдя ворридоръ, Роговъ отворилъ дверь и очутился въ небольшой комнатѣ, но тотчасъ же понялъ, что попалъ не туда: въ вомнатѣ стояло три ломберныхъ стола, изъ которыхъ два были уже заняты игроками. Казалось, что въ волнахъ табачнаго дыма тутъ совершается вакое-то священнодъйствіе: сосредоточенныя лица, ръдкіе, порывистые возгласы, глаза, устремленные въ одну точку, и свиръпые взгляды на вошедшаго со стороны тъхъ, вто его замътилъ.

- Извините, гдъ тутъ столовая? спросилъ онъ.
- Не здъсь-съ! Направо изъ корридора!—крикнулъ ему изъ облавовъ дыма сердитый голосъ.

Наконецъ онъ попалъ въ довольно большую комнату, освъщенную лампой, висъвшей съ потолка. Посреди нея стоялъ длин-

ный столъ, поврытый скатертью, съ ридами стульевъ и приборовъ. Но за столомъ сидълъ одинъ только Лунинъ.

- A, Иванъ Захаровичъ! Запоздали! A я ужъ рѣшил, что вы не прівдете, и началь объдать одинъ.
- Задержалъ Протасовъ, объяснилъ Роговъ: заставить меня завтракать, и я теперь такъ сытъ, что объдать не могу.
- Ну, неволить не буду. Въ такомъ случав выпьемъ ради вашего прівзда, предложилъ Лунинъ и добавилъ: Я, признаться сказать, никогда ничего не пью, но сегодня сдълаю исключеніе: очень ужъ я радъ вашему прівзду; на моей улица сегодня праздникъ. Чего же бы намъ выпить? Шампанское здёсь гадость. Выпьемъ лафиту.
- Голубчикъ! Да въдь я и безъ того совсъмъ чуть не пьянъ, признался Роговъ. Въдь я тоже ничего не пью, а Протасовъ присталъ, какъ съ ножомъ въ горлу, и вотъ видите, въ какомъ я состояни.
- Ничего, ничего, сегодня день исвлючительный. Не обижайте меня, не отказывайтесь. Я хотя и не университетскій, но позволяю себ'в считать васъ товарищемъ.

Подали лафиту, човнулись, и непривычва Лунина въ вину свазалась очень быстро. Уже послѣ перваго стакана лицо его стало враснѣть, глаза сильнѣе заблестѣли, привычная сдержанность въ рѣчахъ постепенно исчезала. Онъ рисовалъ теперь портреты мѣстныхъ дѣятелей уже вполнѣ отвровенно, безъ ироническихъ похвалъ, и все съ больщей и большей озлобленностью. Все, что навипѣло въ сердцѣ за многіе годы, нивому не высвавываемое, тщательно сврываемое, вырывалось теперь, какъ полая вода въ прорванную плотину. Кончилъ онъ тѣмъ, что сталъ провлинать свое прежнее увлеченіе земскимъ дѣломъ и сельскимъ хозяйствомъ.

— Увлекся я въ то время статьями профессора Энгельгардта и книгой Васильчикова, бросиль службу въ Петербургв, а она объщала блестящіе горизонты. Были у меня хорошія связи, вліятельная родня. Я перессорился со всёми изъ-за этой тяги въ земству и деревнъ. Еслибы въ то время знать, что у насъ все такъ непрочно!

Еще черезъ минуту онъ ярвими врасками рисовалъ то хорошее время, которое пережилъ:

— Какіе были люди! Какіе работники! Дмитрій Петровичь Алексвевъ, напримъръ: какъ онъ поставилъ народную школу! Какіе учителя были у насъ! А знаете, чъмъ сталъ этотъ Дмитрій Петровичъ, когда понялъ, что исторія русскаго земства

вончена? Онъ убхалъ въ Швецію и тамъ считается теперь однимъ изъ дучшихъ сельскихъ хозяевъ и мъстныхъ дъятелей! Хорошіе и способные люди нужны вездъ; вездъ ихъ цънять, только не въ Россіи... Печально кончилъ другой нашъ вемецъ-Сомовъ, Василій Ивановичь. Онъ тоже быль замізчательный земскій работнивъ: какъ онъ организовалъ врачебную часть! Какъ повелъ улучшеніе врестьянсваго свотоводства! И этотъ-то человъкъ бросиль и вемство, и деревню, когда увидьль, что здысь нечего больше дёлать; продаль имініе и теперь въ Одессі состоить во главъ вакого-то промышленнаго общества! Изъ безкорыствъйшаго земсваго дънтеля сталъ финансовымъ дъльцомъ; а тавъ какъ никогда къ этой профессіи не имълъ склонности, то уже запутался въ аферахъ и кончить плохо... Да, это фатумъ какойто: наша жизнь выбрасываеть изъ себя все хорошее и способное. Что же мудренаго, что кругомъ не осталось ничего кромъ разоренія?

Послъ третьяго ставана Лунинъ говорилъ заплетающимся язывомъ:

— И какъ тогда жилось! Должно быть, мы другь отъ друга заражались подъемомъ духа. Даже совсёмъ дюжинные люди дълались очень порядочными. Дружно мы жили тогда. Съвзжались по очереди другъ въ другу, обсуждали передъ собраніями планы борьбы съ народнымъ невъжествомъ, болъзнями, съ мракобъсіемъ обскурантовъ... И жизнь была!.. Потому что было живое двло; чувствовалось, что не даромъ коптишь небо, что нуженъ н полезенъ. Даже прівзжавшіе только на лето въ свои вивнія изъ столяцъ увлекались нашимъ настроеніемъ и оставались здёсь, отдаваясь сельскому хозяйству и земской работв... И земля не пустовала, и усадьбы были полны... И вдругь все это измёнилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла! И за что? И ради чего? Слепое доктринерство петербургскихъ канцелярій, не знающее Россіи и вообразившее у насъ какую-то опасность. Это у насъ-то?! Въ чемъ?! Гдъ? Господи!.. И нътъ прежняго земства, нѣтъ моего дорогого дѣтища!

Рогову показалось, что Лунинъ сейчасъ расплачется. Онъ почувствовалъ, что и у него выступаютъ на глазахъ слезы.

— И всъ разбъжались! — продолжалъ предсъдатель. — Одинъ еще я остался, но нужно и мнъ уходить. Невыносимо. Но какътяжело!.. все не върится... кажется, что это сонъ, что проснешься, и все увидишь по прежнему.

Онъ быстро всталъ и, наливъ себъ стаканъ воды, выпилъ его залиомъ.

Томъ І.-Февраль, 1908.

Въ это время изъ сосъдней комнаты вышелъ, слегка покачиваясь, человъвъ лётъ тридцати на видъ. Высокій, сильно покатый лобъ, надъ нимъ бълокурые выющіеся волосы, сильно поръдъвшіе на вискахъ и темени, правильный носъ, нъсколько покраснъвшій, наполеоновская бородка, разсвянный, презрительно насмѣшливый и тусклый взглядъ сърыхъ глазъ; лицо сильно припуклое... Въ этой фигуръ Роговъ узналъ своего бывшаго друга Морозова и поднялся въ нему на встръчу. Тотъ прищурился, всматриваясь въ него, и вскрикнулъ:

— А, дружище! Сволько л'ять, сколько зимъ! Ну, обнимемся! Ты у меня карточку оставилъ. Спасибо! Эй, челов'якъ! Степанъ! Бутылку шампанскаго! Надо вспрыснуть твой пріфадъ!

Замътивъ предсъдателя Лунина, онъ насмъщливо обратился къ нему:

— Здравствуйте, господинъ Нытиковъ! А что, Роговъ, я думаю, онъ надоблъ тебъ своимъ нытьемъ о земствъ? Каждому новому человъку объ этомъ ноетъ. Онъ у насъ либералъ, чортъ побери!

Морозовъ хлопнулъ Лунина по плечу и, переходя съ нимъ на "ты", добавилъ:—Ты, нытикъ, не сердись.

У предсъдателя глава свервнули. Онъ поблъднълъ, но сдержался.

— Милъйшій нашъ юмористь ни на минуту не повидаєть своей роли, — сказаль онь. — Въдь господинъ Морововъ у насъединственное развлеченіе публики... Однаво мит пора домой. Прощайте, Иванъ Захаровичъ. Желаю вамъ успъха на новомъ мъстъ. Прітьжайте въ намъ: поговоримъ, отведемъ душу. Ви сейчасъ видъли, какъ здъсь теперь живется людямъ, не забившимъ "старыхъ словъ".

Голосъ у него зазвучалъ глубовой тоской. Роговъ крещо сжалъ его руку.

Морововъ врикнулъ вследъ Лунину:

— Отлично сдёлаль, что убрался! Терпёть его не могу, да и всёхъ этихъ дармоёдовъ: снаружи какъ будто человёки, а если ихъ понюхать, то отъ всёхъ лайковыми перчатками пахнеть. Когда я только-что пріёхаль сюда, онъ и со мной тоже миндальничаль, а теперь— фу ты, ну ты! На благородной дистанціи держится! Я ему ужъ не по плечу! Какъ же, какъ же! Вёдь онъ не забыль "старыхъ словъ"! Куда-жъ намъ съ свинымъ рыломъ въ калашный рядъ! Тьфу, либеральная ханжа! Да впрочемъ, наплевать мнё на него! Чего я-то волнуюсь!

Подали шампанское.

— Ну, разсказывай, у кого побываль. Исправницу видёль?... Не видёль? Жаль! Артистка, брать! Мы съ ней дуэты распёваемъ. Протасиху видёль! Что-жъ она, полёзла къ тебё на шею? Нётъ?! Удивительно! Вёрно, мужъ помёшаль, а то бы она себя показала. Для каждаго новоприбывшаго она въ первый же вивить разыгрываеть роль жены Пентефрія.

Когда Роговъ свазалъ, что будеть жить въ селъ Смирновъ, Морозовъ замътилъ:

- Тамъ жена станового—недурной бабецъ. Только ты ее не трогай: наживешь врага въ своемъ начальствъ, членъ управы Лопатинъ.
  - Да я и не думаю, помилуй!
- Ну, миляга, отъ свуки и не то придумаешь! Пожалуй, и жениться надумаешь. А тамъ подъ бокомъ три дочери у этого Лопатина. Только старшей остерегайся: она съ отмътиной.
- Я ужъ это второй разъ сегодня слышу, съ негодованіемъ сказалъ Роговъ: — и какъ тебъ не стыдно повторять бабьи сплетни!
- Скажите, пожалуйста, какой моралисть! А насчеть сплетни это ты правильно: на томъ стоимъ! Такъ обработаемъ человъка, что чистаго мъстечка не останется! Что подълаешь-то? Мъстной газеты нъть, такъ воть мы и репортерствуемъ другъ про друга. Впрочемъ, эту Соньку Лопатину мнъ вовсе не жаль. А! ты-молъ мечтала о внязьяхъ да графахъ?! На насъ, простыхъ смертныхъ, плевала? Ну, вотъ, князекъ тебя и научилъ, какъ поютъ: "Подъ вечеръ осенью ненастной"... Въдь тебъ, небось, Протасиха ужъ разсказала, что я имълъ непростительную глупость предложить этой Софъъ Прекрасной руку и сердце?
  - Нътъ, не слыхалъ.
- Xa, xa, xa! Какъ же! Влопался и получиль длинный носъ. Кажется, съ тъхъ поръ и пить выучился.—Онъ стукнулъ кула-комъ по столу.
- Что же, это недавно было, что ты до сихъ поръ такъ волнуешься?
- Было, братъ, шесть мъсяцевъ тому назадъ! Ужъ послъ этого внязька! Когда она изъ Петербурга вернулась опозоренная... Я, дуравъ этакій, думалъ тронуть ее благородствомъ своей души. Весь уъздъ вричалъ, что у нея былъ ребеновъ, а я разлетълся возстановлять ея честь своимъ именемъ... Бррръ! Отвратительное положеніе!
  - Что-жъ она тебъ отвътила?
  - А вотъ что: "Вы, говоритъ, конечно, не думаете, что

я васъ люблю; такъ почему же вы надвялись, что я выйду за васъ замужъ? Только потому, что обо мив ходять сплетии"?... Я ей на это говорю:—Отчасти, моль, и потому, такъ какъ надвялся, что вы оцфинте мой поступокъ. "А вы, говорить, мив его даромъ предлагаете, или требуете что-нибудь за него? Я должна выйти за васъ замужъ, т.-е. отдать вамъ всю мою жизнь, всю себя? Это такая, говорить, приа, что если не любишь человъка, то лучше сто разъ умереть". И стала она, братъ, хохотать мив прямо въ лицо, да какъ?! До истерики!

- И развѣ она, по твоему, не была права?—спросыть Роговъ.
- Пусть даже права. Но еслибы у нея было сердце, она поняла бы, что я быль виновать только тёмъ, что любиль ее и не сообразиль всего, что можно вывести изъ моего поступка. Намъреніе мое было чисто и свято. Любиль я ее, и стало инъ ее жаль, и желаль я принести ей себя въ жертву. А она подумала, что я ее купить хотъль. А ночему она это подумала? Потому что сердца у нея нъть. Дрянь она! Тамара проклятая!

Онъ оперся ловтями на столъ и сприталъ въ ладони свое лицо.

- Ненавижу ее и провлинаю!—крикнулъ онъ вдругъ.— Живнь мою она сгубила! Эхъ, бросимъ, братъ, шампанское и пойдемъ въ буфетъ: тамъ есть коньякъ для сердца цълительний и душекръпительный.
- Какъ тебъ не стыдно, Морозовъ!—заговорилъ Иванъ Захаровичъ.—Какое малодушіе! Я тебя просто не узнаю! Какой ты былъ энергичный въ Москвъ! Помнишь?
- Пустявами занимался, а теперь дёло дёлаю—пью. Рогову стало жаль гибнущаго товарища. Онъ старался объяснить ему, почему Лопатина не могла отвётить иначе.
- Страшно оскорбленная вакимъ-то негодяемъ, говорытонъ, она измучилась отъ сплетенъ вашей гнусной среды, бездушной и злоязычной отъ бездушлья и скуки. Подумай же, какъ она должна была страдать отъ малъйшаго намека на свое поруганіе! А ты такъ неосторожно воснулся ея раны! Тебъ не слъдовало торопиться; надо было подождать, пока у нея пройдеть острая боль. Не нужно было дать ей замътить, что ты считаешь свое предложеніе жертвой.

Морововъ молчалъ. Онъ опять спряталъ лицо въ ладони, в повидимому слова Рогова поравили его. Черевъ нъсколько секундъ онъ сказалъ почти отрезвъвшимъ голосомъ, груство в кротво:

- Быть можеть, ты и правъ. Въдь мит и до сихъ поръ жаль ее. Несчастье наше здъсь, въ глуши, въ томъ, что не съ къмъ по душъ поговорить въ такія минуты, посовътоваться. Будь тогда около меня такой человъкъ, какъ ты, и, быть можеть, дъло устроилось бы иначе... Ну, да теперь поздно жалъть! Такъ идемъ въ буфеть, что-ли?
- Я не пойду и ловлю тебя на словъ: ты, вотъ, сказалъ, что былъ тогда одинокъ. Ну, вотъ, теперь около тебя есть такой человъкъ, и онъ говоритъ тебъ: образумься! Неужели не унизительно упасть до такой степени, чтобы вся жизнь заключалась въ водкъ, бильярдъ, сплетняхъ, картахъ? Опомнись, встряхнись, ради университета, ради твоего хорошаго прошлаго!

Морозовъ взглянулъ на него злыми глазами, въ которыхъ блеснуло уязвленное самолюбіе. Онъ захохоталъ какъ-то цинично и заговорилъ язвительно:

— Во-первыхъ, я занимаюсь не однимъ только тѣмъ, что ты пересчиталъ. Я еще потѣшаю оголтѣлую публику шансонет-ками и скоромными анекдотами... Ты вообразилъ, что если я съ пьяна распустилъ передъ тобой нюни, такъ ты можешь по-учать меня съ высоты своего либеральнаго величія? Это ты-то?! Ошибаешься! Да, я пьянъ; я наболталъ вздору; но я не считаю себя ниже тебя и всѣхъ васъ, господа высоконравственные нытики и пошляки! Всѣ вы—глупые червяки и муравьи, которые горды тѣмъ, что тянете свою лямку. Я же ее сознательно бросилъ. Я—человѣкъ свободный: мнѣ нравится такъ жить, и больше ничего! А ваша жизнь, ваша мораль для меня—тьфу! Плюнуть и растереть! Мораль божьихъ коровокъ, червей ползучихъ, муравьевъ... А я—если не орелъ, то во всякомъ случаѣ ястребъ...

Онъ всталъ, гордо закинулъ голову и продолжалъ:

— Ты не вздумай обидъться, что я тавъ отвровенно вритивую ваши взгляды и образъ жизни. Я расплачиваюсь твоей же монетой. Надъюсь, мы останемся пріятелями... Кстати, прошу тебя, пусть этотъ разговоръ будетъ между нами.

Л. Оболенскій.

моя жизнь

И

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминания и замътки.

IV *).

Последній акть въ гимназіи.—Перевадь въ Кіевъ.—Впечатленіе первыхъ лекцій и первыхъ диспутовъ.—Характеристика профессоровъ.—Студенческое житье-бытье.—Встреча съ нежинцами.—Жизнь въ штрафгаузе и поступленіе на казенний счеть.—Выть вазеннокоштныхъ.—Кримская война и первое чтеніе газеть.—Третья камера и смерть императора Николая І-го.—Экзаменъ на кандидата.

Автъ въ нѣжинской гимнавіи, въ 1850 г., праздновался всегда очень торжественно, въ двадцатыхъ числахъ іюня. Нашъ Экебладъ любилъ повазать товаръ лицомъ, а на актѣ нерѣдко бывали весьма почетныя лица. Я помню, —однажды присутствовалъ на немъ черниговскій губернаторъ Гессе, когда онъ былъ еще статскимъ, и директоръ черниговской гимнавіи Невѣровъ. Зала торжественныхъ собраній сіяла чистотой и убранствомъ. Рѣчи говорились и отъ лицея, и отъ гимнавіи. Наканунѣ акта тѣ ученики, которымъ предстояло получить награды — медали, аттестаты, похвальные листы и книги, —собирались въ залу, гдѣ директоръ училъ

^{*)} См. выше: январь, 138 стр.

нхъ, какъ выходить за наградой, какъ кланяться и возвращаться вспять. Такимъ же экзерциціямъ подвергались и мы наканунѣ дня, когда намъ должны были вручить наши аттестаты. По нѣскольку разъ каждый изъ насъ выходилъ, кланялся и возвращался, пока, наконецъ, Экебладъ не удовольствовался данной имъ выправкой.

Воть и аттестаты въ нашихъ рукахъ! Какое-то радостное чувство охватило молодую душу, и какимъ козыремъ я проходилъ уже въ не-форменной бълой фуражив мимо инспектора Морачевскаго, котораго мы не долюбливали, хотя онъ и писалъ малороссійскіе стихи и не такъ часто приб'явль къ с'яванціи, которую такъ любиль его предшественникъ Іеропесъ. Скорве домой, въ Гольцы! Канивулы и всегда проводилъ превосходно, а въ 1850 году, въ годъ окончанія курса гимназін он'в были особенно пріятны. Усадьба наша въ Гольцахъ, какъ говорилъ я выше, была неприглядна, но зато ненаглядны были оврестности села. Вся наша заброшенная семья страстно любила природу в обожала малороссійскія п'всни, которыя п'влись отъ зари и до вечера. Прогулкамъ по горамъ и доламъ и конца не было! И какіе превосходные букеты полевыхъ цвётовъ, и вакія роскошные грозды полевницъ приносились домой Катенькой, которая особенно была певуча и съ особенной страстью любила природу. Героемъ дня, вонечно, былъ я, будущій студенть. Меня въ семьъ всегда любили и уважали, а на этотъ разъ-еще больше. Катенька по цёлымъ днямъ разыскивала для меня лучшія ягоды и готовила мон любимыя блюда-фасоль или картофель въ сметанъ, а милый энтувіасть Митя готовь быль для меня въ огонь и въ воду, выврадывая фрукты изъ сада Долинскаго. Онъ ужасно меня любиль и служиль мив всегда какъ вврный пажь своему рыпарю. Но какъ ни жаль было разстаться съ этимъ привольемъ, а пора было собираться въ Кіевъ, въ университеть. Воть ужъ конюхъ Оська запрегъ телегу, мы усёлись въ нее съ моимъ неравлучнымъ Дмитріемъ. Прощай, родное село! Прощай, дорогая семья! Мы вывхали, помнится, въ половине іюля, и замелькали передо мной выжатыя поля, выкошенные луга — милыя, знакомыя картины, которыя я всегда такъ любилъ и которыя тавъ хотвлъ бы соверцать и ныньче! Лошадки бъжали ръзво; въдь и кладь же была небольшая; почти пустой чемодань, въ которомъ главное мъсто принадлежало словарю Татищева. Франпузскій язывъ, на которомъ я изрядно говориль въ детстве, быль нъсколько позабыть въ гимназіи; я хотёль возстановить прежнее знакомство съ нимъ, считая себя обязаннымъ хорошо знать

явывъ моего милаго деда, генерала Тиринга. По пути я заёхаль въ нашему давнему другу Николаю Ивановичу Танскому, съ воторымъ проговорилъ чуть ли не всю ночь. Онъ, какъ упомянуль я выше, благословилъ меня письмомъ къ Иванишеву, очевидно конфузясь, что ничего не могь сделать более существеннаго. Оттуда я забхалъ въ Войтово, гдб переночевалъ въ нашемъ полуразрушенномъ домъ, прежней дътской и, кажется, на томъ мёсть, гдь стояла моя дътская кроватка. Воель меня легь спать Ефимъ, воторый въ это время былъ войтовскимъ привазчивомъ. Онъ всегда повазываль мив признави расположенія, можеть быть потому, что быль сынь моей обожаемой няни. Ночью онъ разсказаль мнъ страшный романь нашей семьи, со всеми его сценами и деталями, о которомъ я до техъ поръ ничего не вналь. Разсказь его произвель на меня потрясающее впечатавніе, отъ котораго я долго не могь придти въ себя. На другой день я обощель уже запущенный войтовскій садь, припоминая мъста дътскихъ забавъ съ сестрой Сашенькой. Съ особеннымъ вниманіемъ я осматриваль свой дётскій садивъ, гдё были посажены деревья моими детскими руками. Какъ высоко повыростали они, -- особенно дубовъ, выкопанный мною когда-то чуть ли не въ графскомъ лесу. Ефимъ предложилъ мне отвезти меня въ Кіевъ на своихъ лошадяхъ, а прежняго возницу, Оську, отправить обратно въ Гольцы. Я принялъ это предложение, о чемъ послъ очень сожальль. Какь живо вспоминается мив вонюхь Оська съ его женою Татьяной - прачкой. Миб ясно видится его фигура, когда онъ провзжалъ застоявшагося стараго "Красавца", караковаго жеребца, доставшагося намъ еще отъ Шостака. Оська жилъ съ лошадьми и ужасно ихъ любилъ. Онъ и умеръ оттого, что однажды его избиль одинь изъ его фаворитовъ, котораго онъ выважалъ. Оська былъ типомъ благороднаго мужика --- всегда поворнаго молчальника. Совершенно другой типъ представляль собою приказчикъ Ефимъ: довъренное лицо барина, секреты вотораго онъ отлично вналъ, это былъ мужикъ-развратникъ, пропойца и картежникъ. Вообще, сволько я помню времена кръпостного права, самыми дурными врестьянами были фавориты, пользовавичеся барскимъ вниманиемъ, и самыми лучшеми быле тв, воторые подальше стояли отъ двора и поменьше пользовались барскимъ вниманіемъ.

Итакъ, Оську я отправиль въ Гольцы, а меня повевъ Ефимъ по вакой-то новой для меня дорогв, гдв стоялъ извъстный ему трактиръ. Здёсь онъ напилси мертвецки-пьянымъ. Мы уложили его въ телету и сами съ Дмитріемъ кое-какъ доёхали до Бро-

варовъ. Вхать дальше съ мертвецки-пьянымъ кучеромъ показалось мей невозможными. Я зайхаль нь корошо знаномому становому приставу Дорошенкъ, который приняль мъры, чтобы привести въ чувство моего Ефима, окативъ его холодной водой. Ефимъ очнулся и довезъ меня до Кіева. Я хорошо зналъ Кіевъ въ дётстве, но после шестилетней разлуки съ нимъ забыль его, а послъ небольшого Нъжина онъ произвелъ на меня сильное виечативніе. Новое-Строеніе уже было застроено; на Фундувлеевсвой улицъ уже стояль цълый рядь домишевь, и въ одномъ изъ нихъ я пристроился со своимъ словаремъ Татищева и со своимъ врепостнымъ Дмитріемъ. На конце той же улицы квартировали и мои нъжинскіе товарищи Ждановичь и Бенкевичь, съ которыми я своро и свидълся. Я собирался подать прошеніе о пріемъ меня въ историво-филологическій факультеть, какъ быль тогда переименованъ словесный, поступить въ который составляло мечту монхъ детскихъ летъ. Мои нежинские товарищи посоветовали мив поступить на факультеть юридическій, такъ какъ пріемные экзамены на этотъ факультеть будуть легче, въ особенности изъ латинскаго языка, въ которомъ я не былъ большимъ докой. Я последоваль ихъ совету и подаль прошеніе правителю канцелярін попечителя, Лазову. Этоть Лазовь быль тогда крупной фигурой въ учебномъ округъ. Человъкъ дъловой и умный, онъ держаль въ рукахъ своихъ дъла. Попечителемъ округа быль тогда генераль-губернаторъ Дмитрій Гавриловичъ Бибивовъ-одинъ изъ выдающихся государственных людей въ царствование императора Николая І-го, который относился въ нему съ особеннымъ благоволеніемъ. Главной задачей его политиви въ врай было-ослабить шляхетскую польщизну, поднявъ значение демовратическаго русскаго элемента. Этой цели онъ думаль достигнуть, улучшивъ юридическое и экономическое положение крестьянъ, которыми владъли польскіе паны, посредствомъ инвентарей. Это была его главная забота, оставлявшая ему мало времени, мало досуга для занятій ділами округа. Онъ строго слідиль за соблюденіемъ студентами формы, увольняя иногда изъ университета за разстегнутую пуговицу или длинные волосы. Въ "ниверситетв", вавъ выражался онъ, -- онъ являлся очень ръдво, говоря студентамъ грозныя річи. Мы трепетали его, зная его рівшительный нравъ, его последовательную политику. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ быль замівчательными pendant нь фигурів императора Ниволая I-го: въ нему можно было примѣнить францувскую по-говорку: "quel maître, tel valet". Мнѣ и теперь представляется врасивая безрукая фигура Бибикова съ горящими черными глазами, когда онъ сопровождаль императора Николая І-го по Кіеву, сидя съ нимъ въ одной колясвъ. Чувствовалась какая-то дрожь при видъ этихъ двухъ грандіозныхъ историческихъ личностей. Имъ старался уподобиться Юзефовить, въ руки котораго передано было управленіе округомъ. Но Юзефовичъ напрасно считаль себя властелиномъ: въ дъйствительности округомъ правилъ Лазовъ. Ревторомъ университета въ это время быль Рудольфъ Эрнестовичь Траутфеттеръ — благородивншій человыть и одинь нзъ лучшихъ ректоровъ, какихъ только зналъ университетъ св. Владиміра. Онъ быль выбрань въ преемниви Оедорову, но съ отміной ректорскаго выбора переименовань вы ректора коронные. Въ его ректорство прошли и мои студенческие годы, и мои первые неумвлые и робкіе профессорскіе шаги. Я сохраниль о немъ самыя свътлыя, симпатичныя воспоменанія, и вакъ ни уважаль я профессора Бунге, я всегда считаль несправедливостью со стороны Пирогова, что онъ, въ 1859 году, заменилъ имъ Траутфеттера. Инспекторомъ студентовъ былъ Германъ Карловичь Тальбергь, женатый на сестр'в всесильнаго Лазова и, всл'адствіе этого, службу по таможенному в'вдомству пром'внявшій на должность инспектора студентовъ. Мы его очень не любили за его грубое обращение. Онъ, кажется, старался подражать Юзефовичу, и вышель такой замізчательный административный униссонъ: императору Ниволаю подражалъ Бибиковъ, Бибикову -Юзефовичъ, Юзефовичу-Тальбергь.

Не забылъ я своего пріемнаго экзамена: профессоръ Павловъ предложилъ несколько вопросовъ по исторіи, кто-то-по географіи, Дьяченко младшій по математикъ, не помню втопо латинскому языку, а лектора-по новымъ языкамъ, которые, овазалось, я лучше зналь, чёмь самь объ этомъ думаль. Особенно памятенъ мнъ экзаменъ изъ физики: человъкъ взбалмошный и вапризный, профессоръ Кнорръ, все время вричалъ и ругалъ меня за то, что я не сразу понималь его загадочные во-просы. Но главивйшимъ предметомъ испытанія быль русскій явывъ. Назначенный попечителемъ, Бибиковъ обратилъ вниманіе на то, что въ юго-западномъ край говорять не по-русски, а на какомъ-то польско-малороссійскомъ жаргонв. Онъ предписаль, чтобы при окончаніи гимназіи и при поступленіи въ университеть обращено было строгое вниманіе на знаніе русскаго языка. Христіанъ Адольфовичь порядочно помучиль насъ диктовкой въ Нъжинъ. Повторилось это и на пріемномъ эвзаменъ въ университетъ. Председательствовалъ ректоръ, экзаменовалъ профессоръ Яроцкій и диктоваль адъюнкть Страшкевичь. Онъ продиктоваль мив строфу изъ Державинскаго "Водопада", и при этомъ интонаціями и гримасами вакъ бы старался подсказывать, гдё поставить нужный знакъ препинанія, гдв написать п, а не е и т. п. Вообще, на этихъ пріемныхъ эвзаменахъ всё профессора старались дёлать всевозножныя облегченія, чтобъ не затруднять до-ступа въ университетъ. Теперь иногда поговаривають, что цёлесообразно было бы возстановить эти пріемные экзамены, чтобы отдёлить плевелы отъ зерна. Я очень въ этомъ сомневаюсь. Въ мое время въ университетъ поступали десятки молодыхъ людей, а теперь поступають ихъ сотни: проэвзаменовать такое множество было бы врайне затруднительно. Если въ мое время этотъпріемный экзамень быль одною изъ формальностей, то тімь болъе одною изъ формальностей сдълался бы онъ теперь; и если въ мое время, при большемъ педагогическомъ ригоризмъ, профессора старались дёлать всякія поблажви, чтобы облегчить доступъ въ университетъ, то тъмъ болье это имъло бы мъсто теперь-при педагогической распущенности. Возстановленіе пріемнаго экзамена въ университеть не привело бы ни въ чему.

Пріемный экзамень окончень. Я получиль студенческій билеть и матрикулу, уплативь установленные два рубля. Денегь привезено было очень мало. Къ тому же часть ихъя проиграль, увлеченный въ игру моимъ милымъ Ждановичемъ. Я ждалъ съ нетеривніємь прівада отца, который об'вщаль прівхать въ Кієвь послѣ Ильинской ярмарви, которая въ этомъ 1850 году была въ Ромнахъ въ последній разъ, а затемъ, по мысли генерала Кокошкина, была переведена въ Полтаву. Безденежные, мы съ Дмитріемъ страшно б'єдствовали, по временамъ питаясь одними огурцами, которые гдё-то добываль Дмитрій. Между прочимь, съ половины августа начались левціи, отъ которыхъ, признаюсь, я ждалъ гораздо больше и которыя приводили меня въ уныніе. Мисль о томъ, что я выбралъ факультеть не по-сердцу, не давала мив повоя, и юриспруденція повазалась мив наукой врайне скучной и непривлекательной. Между твиъ въ этому времени прибыль въ Кіевъ министръ народнаго просвъщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ побываль на многихъ левціяхъ. Я помню лекціи Митюкова и Вигуры, на которыхъ и я присутствоваль. Превосходный лекторь, Митюковь прочель безподобную лекцію-о юридических лицахъ. Не наделенный лекторскимъ талантомъ, Вигура прогнусилъ, если не съ боязнью, то съ робостью, о существъ самодержавной власти. Връзалась въ моей памяти громовдкая фигура министра-ханжи, на лицъ вотораго

нельзя было увнать, одобряеть ли онъ, или нътъ-выслушанную левцію.

Навонецъ я дождался отца, воторый прівхаль въ Кіевъ съ двумя старшими сестрами и съ маленькимъ братомъ Платономъ, который быль виновникомъ смерти матери. Мы всё обожаль этого Платошу. Смуглый какъ цыганенокъ, красавецъ-мальчикъ въ своемъ черкесскомъ костюмъ гулялъ со мной по Кіеву. Отепъ снабдилъ меня превраснымъ студенческимъ гардеробомъ, часть вотораго скоро очутилась въ студенческомъ ломбардъ Абрановичъ. Скоро пришлось мив впервые побывать на докторских диспутахъ: Митюкова, которому возражали Өедотовъ, Вигура и Пилянкевичь, и Гогоцваго, который защищаль диссертацію о харавтерѣ философіи Гегеля. Помню, что одинъ изъ его оппонентовъ на латинскомъ языкъ быль профессоръ Делленъ; на диспуть быль профессорь Новицкій, но не принималь въ немъ участія. Эти диспуты произвели на меня сильное впечатлъніе, а то я ужъ было-думалъ, что въ университетъ учиться нечему, и что на юридическомъ факультетъ слушать некого. На первомъ семестръ читались межевые завоны Оедотовымъ-Чеховскимъ, основные законы-Вигурой, энциклопедія права-Пилянкевичемъ и римсвое право - Митювовымъ. Кромъ того, мы слушали: богословіе у Свворцова, исторію русской литературы у Селина и русскую исторію у Павлова. Я сталъ посвщать болве лекцін другихъ факультетовъ; особенное удовольствіе доставляль миж своими блестящими левціями по всеобщей исторів профессоръ Шульгинъ. Это, можно свазать, быль прирожденный профессорь, природное назначение котораго-канедра или трибуна. Я много слушаль левцій на своемъ въку въ Россіи и за границей, но такихъ лекцій, вавія читалъ Шульгинъ, не приходилось слушать нигдъ. Ни Дройзенъ въ Берлинъ, въ аудиторіи котораго собиралось такъ много слушателей, ни Гейсеръ въ Гейдельбергъ, считавшійся въ мое время лучшимъ лекторомъ, ни изящный и врасноръчивый Лабуло въ Парижъ-не могли быть сравниваемы съ Шульгинымъ. Онъ умълъ живьемъ изобразить эпоху и ея людей: онъ переносиль нась въ изображаемое время, онъ коротко знакомиль нась съ психологіей историческихъ героевъ. Аудиторія его была всегла полна, а лекціи нер'ядко оканчивались рукоплесканіями, которыя считались тогда чуть не государственнымъ преступленіемъ. "Вотъ это такъ университетъ! -- думалъ я, чего не думалъ послъ своихъ юридических в левцій. — Воть для этого стоило Нъжинъ промънять на Кіевъ". Къ сожальнію, истинно русскій человыкь, Шульгинь не употребилъ своихъ дарованій на то, къ чему они были пред-

вазначены природой: отдавшись лиризму и публицистикъ, онъ скоро оставилъ канедру. Публицистомъ же онъ не могъ быть такимъ, какимъ былъ профессоромъ. Понятно, почему я манкировалъ лекцінми своего факультета, бъгая по чужимъ аудиторіямъ. Голова вружилась у недавняго гимназиста отъ разнообразія сюжетовъ, отъ права посъщать лекцін какого угодно факультета. Я заходиль даже на левців Цицурина, читавшаго симіотику, на акушерство Матвъева, на минералогію Өеофилактова н т. д. Но особенно я любиль посъщать лекцін Кесслера по зоологін, который чрезвычайно симпатично ихъ читаль, и левцін блестящаго и распущеннаго Вальтера, вотораго Селинъ называлъ Вальтеръ-Скоттъ по анатоміи. Въ этой б'йготив по разнымъ аудиторіямъ, въ этомъ незнаніи, что дѣлать и ва что взяться, у меня потерянъ быль цёлый годъ: восемнадцатилётній "фуксъ" никакъ не могь оріентироваться, юристь никакъ не хотвль быть юристомъ.

Что же представляли профессора-юристы въ мое студенчесвое время? Въ мое студенческое время курсъ избраннаго мною факультета раздёлялся полу-курсовымъ экзаменомъ на двё половины. Полу-курсовой экзамень, впрочемь, быль обязателень только для студентовъ казенновоштныхъ. Экзамены производились два раза въ годъ-въ декабръ и мав. Нъкоторые предметы читались два года, нъвоторые полтора, ниме подинъ годъ, а русская исторія слушалась даже четыре года, вследствіе принятаго советомъ предложенія профессора Павлова. Предметы слушались совивстно съ студентами несколькихъ семестровъ. На первой половинъ юридическаго факультета читали слъдующіе профессора: Александръ Алексвевичъ Оедотовъ-Чеховскій, переведенный изъ карьковскаго университета на мъсто Мицкевича, назначеннаго въ Харьковъ. Прежде онъ читалъ римское право и слылъ большимъ романистомъ и латинистомъ. Онъ былъ товарищемъ Крылова и Баршевыхъ-второй серін учениковъ Сперанскаго. Желая освободить ваоедру римскаго права для своего даровитаго ученика Митюкова, онъ перешелъ на гражданское право, воторое до этого читаль Ариадскій, перешедшій въ Москву, но въ гражданскомъ правъ Оедотовъ не былъ спеціалистомъ. Свой курсъ проходиль онь въ четыре семестра: межевые завоны, наследственное право, обязательство и гражданскій процессь. Семейственное право Өедотовъ выделиль для своего ученива Густава. Ивановича Эйсмана, который и читаль намь его вместе съ внъшней исторіей русскаго законодательства, такъ какъ отдёльной жаседры по исторіи русскаго права тогда не было. Эйсманъ

и читаль намъ эту часть своимъ непріятнымъ, пискливымъ голосомъ, но довольно содержательно. Что же васается самого его наставника Өедотова, то онъ читалъ свои лекціи очень развязно и игриво, но видно было, что онъ ихъ не приготовляетъ. Особенное значение онъ придаваль почему-то межевымъ законамъ, воторые и читаль съ особеннымь увлечениемь, особенно историю межеванія по академической річи Неволина. Другія части своего предмета онъ читалъ по внигъ Кранихфельда, которую клалъ передъ собой на канедръ и толковалъ какъ какую-нибудь Иліаду или Одиссею. Въ моей памяти съ особенною силою запечатлълась "эмбріологія договоровъ": вакъ они зарождаются и совръвають, какъ совершаются и прекращаются—какъ будто дело шло о какомъ-нибудь живомъ организмъ. Эти лекціи были тъмъ забавиве, что обставлялись вазусами и аневдотами. Гражданскій процессь читался по внигь де-Гая, къ которой присоединялась маленькая тетрадка неудобопонятной и запутанной теоріи. Вообще, я думаю, Өедотовъ уронилъ свою профессорскую репутацію, перемінивъ каседру римскаго права на каседру права гражданскаго. О немъ въ университетскомъ мірѣ ходило много аневдотовъ, но не всегда имъ заслуженныхъ. Правда, онъ быль циниченъ, слишкомъ уже чтилъ ранги, чины и ордена (съ Анной на шев онъ нивогда не разставался), обращался съ нами немного по-семинарски, держаль у себя на квартиръ богатых студентовъ. Правда, онъ не быль хорошо воспитанъ и развить, но быль не безъ способностей и сведений и хорошо прошель шволу петербургской духовной академіи, ІІ-го отділенія и берлинскаго университета, гдв онъ слушалъ Савиньи и Ганса.

Ученива Оедотова, Калинива Андреевича Митюкова, занявшаго каеедру римскаго права, я засталь еще адъюнктомъ. Помню
его юное, классической красоты лицо и лиловый шолковый желеть. При мито онъ докторизировался и скоро получиль званіе
ординарнаго профессора. Это быль человъвь глубокаго, сосредоточеннаго ума и ръдкихъ лекторскихъ дарованій. Его левція
были превосходны, и если я не увлекался ими такъ же, какъ
левціями Шульгина, то потому, что его предметь меня менте
интересоваль: по природъ своей я быль болье историкомъ, чти
юристомъ. Передъ профессоромъ лежала на каеедръ тетрадка,
но онъ ръдко къ ней прибъгалъ и, граціозно переворачивая ея
страницы, большею частью читаль наизусть. Его блюдныя щеки
разгорались яркимъ румянцемъ, когда онъ увлекался какимънибудь вопросомъ. Замкнутый и сосредоточенный, онъ быль
очень гордъ, глубоко проникнуть сознаніемъ личнаго достоинства.

Онасаясь, вакъ бы не уронить этого достоинства и на дёлё не новазаться менёе умнымъ, чёмъ онъ былъ въ дёйствительности, онъ избёгалъ всявихъ должностей; такъ, онъ очень скоро оставилъ должности: декана, ректора, проректора, городского головы, и засидёлся только на мёстё предсёдателя общества городского вваимнаго вредита, куда онъ былъ введенъ своимъ соученикомъ и другомъ Эйсманомъ. Въ основаніи лекцій Митюкова лежало сочиненіе Пухты. Читая предметъ четыре семестра, одинъ изъ семестровъ онъ посвящалъ римскому процессу. Вообще, постановка этого предмета въ мое студенческое время была удовлетворительнёе, чёмъ его тенденціозная растянутость по уставу 1884 года: это былъ одинъ изъ предметовъ юридическаго факультета, но не самый главный, какимъ его потомъ сдёлали и каковымъ онъ не долженъ быть.

Русскіе государственные законы, какъ тогда называлось государственное право, читалъ Иванъ Мартиньяновичъ Вигура и читаль плохо. Онь долгое время быль за границей, гдв въроятно хорошо ознакомился съ тамошнимъ порядкомъ. Но въ его курсв знакомство это не проглядывало. Говорили, что, свив на каседру по возвращени въ Россію, онъ заговорилъ-было о конституціяхъ и парламентахъ, но ему не дали разговориться, и онъ замолеъ. Ни о вакихъ конституціяхъ, ни о вакихъ парламентахъ мы отъ него нивогда не слыхивали, а слыхивали переставленныя и перефразированныя статьи свода. Отправляясь въ своемъ веленомъ вицъ-мундиръ въ кіевскій коммерческій банкъ, гать онъ служиль юрисконсультомъ, онъ наскоро забъгаль въ аудиторію и составляль лекцію какъ бы во время самаго чтенія, выбирая статьи изъ соответствующаго тома. Къ этому присоединялись маленькіе историческіе очерки въ духѣ Кавелина и Соловьева. Сколько помню, читаль онъ курсъ три семестра, следуя систематизаціи свода: основные законы, государственныя учрежденія, губерискія учрежденія, уставы о службъ гражданской, гдъ съ особенной подробностью трактовалось о мундирахъ и орденахъ, и завоны о состояніяхъ. Для меня, будущаго преемника адъюнета Вигуры, такая школа не могла быть удовлетворительной, и я редко бываль на его лекціяхь темь более, что онъ читаль ихъ едва внятнымъ голосомъ, такъ какъ начиналась у него горловая чахотка, отъ которой онъ и умеръ скоро по окончаніи мною университета. Онъ умеръ, не дождавшись степени магистра. Этой степени не дождался и Николай Ивановичь Пилянкевичь, преподававшій намъ энциклопедію права на І-мъ курсв и исторію философін-на ІІ-мъ. Онъ читаль не по внигв Неволина, вакъ нѣжинскій Циммерманъ, а по собственному вурсу, часть вотораго, исторія философіи права, была издана его преемникомъ профессоромъ Рененкампфомъ. Къ экзамену им, впрочемъ, готовились по книгѣ Неволина, такъ какъ Пилянкевичъ своего курса намъ не выдавалъ. Записыванія лекцій у насъ не водилось: обыкновенно профессора выдавали записки, которыя мы и переписывали, на что уходило много времени, но литографіи тогда и въ поминѣ не было. Свои лекцій Пилянкевичъ читалъ ужасно монотонно, очевидно скучая. Эту скуку онъ сообщалъ аудиторіи, которан посѣщалась нами неисправно, несмотря на то, что водились тогда переклички.

Говорили, впрочемъ, что Пилянвевичъ былъ человъкъ талантливый, но—

"Въ началъ поприща увядшій безъ борьбы".

Кромъ этихъ предметовъ, на первыхъ четырехъ семестрахъ юридическаго факультета мы слушали, сводно съ физико-математиками, Александра Ивановича Селина, читавшаго намъ исторію русской литературы. Это былъ выдающійся профессоръ и превосходный русскій человъкъ. Ученикъ Шевырева, онъ преклонялся предъ его авторитетомъ, а насмотръвшись въ молодие годы на Мочалова, онъ, говорили, иногда подражалъ его манеръ, жесту, интонаціи. Говорили, что въ немъ много аффектаціи и поддъльнаго жара; что его лекціи—высокопарная реторика. Говорили... но я, его слушатель, восхищался его лекціями, находя въ нихъ столько жизни, столько живыхъ очерковъ литературныхъ явленій. Узнавъ же его впослъдствія, когда я сдълался его сослуживцемъ, я извъдалъ его рыцарски-благородную душу, и съ особенной симпатіей вспоминаю его любвеобильныя отношенія къ студентамъ.

На второй половинѣ юридическаго факультета читаль еще Ниволай Дмитріевичъ Иванишевъ, нашъ милый деканъ, остроумный и привѣтливый. О немъ я написалъ цѣлую монографію, въ которой обстоятельно разсмотрѣлъ его личность и дѣятельность. Онъ очень любилъ исторію, особенно юго-западнаго края, для которой много сдѣлалъ. Любилъ также и славниское право, которымъ много занимался за границей. Менѣе душа его лежала въ оффиціальной наукѣ — въ законамъ государственнаго благоустройства, которые онъ и прочитывалъ въ три семестра. Въ его курсѣ преобладалъ юридическій элементъ, въ противоположность курсу Бунге, дававшему больше мѣста элементу экономи-

ческому. Полагаю, что постановка предмета Иванишевымъ была пригодиве для юридического факультета. Некоторые отделы были особенно хорошо разработаны, — напримёръ, законы народнаго просвещения, а другие совсемъ не прочитывались, — напримёръ, врачебный уставь, путей сообщеній, почты. Читаль онь свои лекцін по тетрадкі, переваливансь съ боку на бокъ. Видно было, что чтеніе левцій для него свучно и непріятно. Но если онъ отрывался отъ тетрадки и говорилъ наизусть, то проглядывало некоторое увлечение, - напримеръ, когда онъ оценивалъ и характеризоваль некоторыя экономическія доктрины. Вообще, это быль милый и даровитый человёвь, который сдёлаль большую ошибку, промънявъ свой ректорскій пость въ Кіевъ на гадательную варьеру въ Варшавъ по вызову Н. А. Милютина. Университеть простился съ нимъ вакъ-то холодно, можеть быть потому, что надъ важдымъ изъ членовъ онъ когда-нибудь да съострилъ. Но я сохранилъ о немъ самыя симпатичныя воспоминанія, и по моему почину онъ быль набрань почетнымь членомь университета. Мив также пришлось издать собрание его сочиненій-приный вкладь въ русскую науку. Мир такъ и мерещится его лысое чело, его врасивое, саркастическое лицо, когда на своемъ знаменитомъ вреслъ, воторое теперь принадлежитъ мив, онъ возседаль у окна своего маленькаго подольскаго домика.

Савва Осиповичъ Богородскій, товарищъ и другъ Неволина, принадлежалъ въ первой серін ученивовъ Сперансваго. Свою профессуру въ Кіевъ онъ началъ съ законовъ государственнаго благоустройства, но, за переходомъ профессора Даниловича въ Москву, онъ занялъ каоедру уголовнаго права, изученію и разработвъ вотораго отдался съ ръдвимъ увлеченіемъ. Едва ли въ какомъ-нибудь университеть читался такой общирный и строго научный курсъ такого предмета, какъ въ наше время въ университеть св. Владиміра. Изученіе его было очень трудно, но зато въ высокой степени назидательно. На экзаменахъ онъ бываль очень строгь. Курсь прочитывался въ два года и со стояль изъ следующихъ частей: философія уголовнаго права и его водифивація (детально были разсмотрѣны уголовные водевсы всявихь Брауншвейговъ, Мевленбурговъ, Баденовъ, Ганноверовъ и т. д.), общая часть, особенная часть съ прекрасными очервами исторіи русского законодательства, и уголовный процессъ, который ими быль менее разработань и воторый въ экзамену мы приготовляли по внигв Стояновскаго. Живой и сустливый, Савва Осиповичъ безъ тетрадви не могъ читать лекцій, такъ вавъ говорить онъ быль не мастеръ. Для насъ онъ быль гро-

Томъ I.—Февраль, 1903.

40/12

зой. О размъръ его эвзаменаціонныхъ требованій можно судить по тому, что вогда я его спросиль, какъ готовить къ магистерскому экзамену законы благочинія, то онъ отвътиль: по "полному собранію законовъ". Но зато его слушатели были криминалисты хоть куда, а самъ Богородскій быль однимъ изъ лучшихъ ученыхъ и профессоровъ.

Финансы намъ читалъ Григорій Алексвевичъ Цвётковъ, говарищъ Иванишева по педагогическому институту. Громадный его курсъ былъ очень плохо обработанъ и читался имъ прескучно по тетради, съ постоянными употребленіями словъ: "болье" ими "менъе". Видно было, что финансы мало занимали его. Въсамомъ дълъ, онъ съ жадностью читалъ беллетристику и Огюста Конта. Увлеченіе чтеніемъ не по своему предмету помъщало ему получить степень магистра: онъ такъ и умеръ исправляющимъ должность адъюнкта. Когда я оканчивалъ курсъ, Цвъткова постигла душевная бользнь, и насъ экваменовалъ по финансамъ Василій Андреевичъ Незабитовскій, одинъ изъ самобытнъйшихъ и даровитъйшихъ русскихъ людей.

Василій Андреевичь Незабитовскій преподаваль намь на IV-мъ курсъ международное право. Онъ тогда только-что учился этому предмету, перейдя изъ Нъжина въ Кіевъ. Читалъ онъ непривлекательно, и лекціи его посёщались нами по очереди. Онъ читаль намь исторію международныхь сношеній по Лорану, но выдаваль записки, листь за листомъ, своего вурса, которыя мы и переписывали. Записки эти показывали, какъ умълъ Незабитовскій въ короткихъ словахъ сказать много, какъ давалась ему сжатая форма рёчи. Его можно уподобить Флоберу-такъ онъ старался выработать точную и изящную форму для выраженія своихъ мыслей. Человъкъ подозрительный и будто запуганный, онъ ръдко кому довъряль, ръдко кому раскрываль свою душу. Но душа эта была глубова и содержательна, преисполненная самыхъ высовихъ стремленій. Онъ быль лучшимъ моимъ товарищемъ, и мев больно было хоронить его и произносить надъ его гробомъ слово, въ которомъ я старался схватить его характерныя черты. Мий пришлось быть рецензентомъ его докторской диссертацін, при защить которой я впервые въжизни быль оппонентомъ. Незабитовскій оставиль послів себя мало трудовь, но они проникнуты несомивнымъ талантомъ. Труды эти изданы мною на иждивеніе университета въ его пятидесятильтиему юбилею. Не разъ бываль онъ проректоромъ и деканомъ, и по всемъ этимъ должностямъ сохранилъ о себъ добрую память.--Кромъ всвхъ означенныхъ предметовъ, мы слушали еще судебную ме-

дицину и русскую исторію. Судебную медицину читалъ намъ Өедоръ Өедоровичъ Мерингъ-превосходный правтическій врачь, ловкій ділець, нажившій большое состояніе, что не мішало ему быть превосходнымъ профессоромъ. Судебную медицину онъ читаль намь, когда быль еще адъюнитомь, вскоры по переходы на службу въ университетъ изъ имънія Почетти-Тарновскаго, "Каченовки". Человъкъ большого ума, онъ думалъ, что выгоднъе и полезеве быть добрымъ и приветливымъ. Очень своро онъ овладёль Кіевомъ настолько, чтобы быть общимь любимцемь. Кого только не лечилъ онъ, кому только не помогало его ръдкое искусство! Несмотря на свой лейнцигскій русскій явыкъ, судебную медицину онъ читалъ намъ настолько интересно, что мы съ удовольствіемъ ходили въ анатомическій театръ, чтобы слушать его левцін. Уроженецъ маленькой Саксонін, онъ настолько обрусвять и свыеся съ нашимъ просторомъ, что когда бываль за границей, то жаловался, что ему тамъ тесно и душно. Онъ тамъ свучалъ по русскому квасу, который ему нравился болъе нъмецкаго пива.

Русскую исторію, тавже кавъ и исторію русской литературы, мы сначала слушали вмёстё съ физико-математиками. Но, понимая, какое значеніе можеть им'ять эта наука для юриста, профессоръ Павловъ вошелъ въ совътъ съ предложениемъ, чтобы мы, юристы, слушали русскую исторію вивств съ филологами въ теченіе четырехъ льтъ. Едва ли чьи-нибудь лекцій такъ содъйствовали умственному развитію, какъ лекціи этого профессора. Онъ тогда быль полонь юности, красоты и нравственной чистоты. Для Кіева онъ быль тімь, чімь Грановскій для Москвы, Каченовскій для Харькова—святелемь истины и добра. Я очень цъниль его лекціи, и, кажется, не пропустиль ни одной изъ вихъ за всв четыре года. Однавожъ справедливость требуетъ свазать, что онъ читаль намь не столько русскую исторію, сколько исторію всемірной цивилизаціи. Правда, въ русской исторіи относился его прекрасный курсъ, который онъ называль "исторіей науки русской исторіи", но большая часть его лекцій была посвящена выясненію закона взаимности услугь — основного завона, движущаго историческими событіями. Онъ обладаль ръдвимъ даромъ сжато и ясно выразить суть всякой доктрины, всявой философской системы. Если я, напримъръ, вынесъ ивъ университета пониманіе Гегеля, то быль обязань не Неволину или Пилянкевичу, а лекціямъ профессора Павлова. Натура робкая и теоретическая, онъ терялся и запутывался на практикъ. Онъ сделаль большую ошибку, что променяль Кіевь, въ которомь

опъ быль такъ популяренъ и вліятеленъ, на Петербургъ, въ которомъ онъ такъ сгинулъ, испытавши продолжительную ссылку, что когда большими монми стараніями онъ возвратился въ Кіевъ, на каоедру исторіи изящныхъ искусствъ, мы не узнавали въ немъ прежняго, чудеснаго Павлова-носителя высовихъ идей, святеля правды и добра. Не забыть мив прощальнаго обеда, который мы устроивали ему осенью 1859 года, и моей застольной ръчи, въ которой я чествовалъ Павлова за то, что во время всеобщей бользни молчанія онъ вивлъ гражданское мужество говорить свободное слово. Навловъ быль бливовъ въ Бунге и Шульгину; ихъ связывала общая любовь въ наувъ и просвъщенію, общія благія намеренія и одинавовые взгляды на существующій порядокъ вещей. Но натура его была совсёмъ иная, и мнъ было очень понятно, что этотъ тріумвиратъ распался, превратившись въ дуумвиратъ, или, лучше свавать, въ тріумвиратъ, въ которомъ Павлова замѣнилъ Рененкампфъ.

Политическая экономія намъ, юристамъ, въ то время не читалась, но послѣ того какъ, защитивши свою докторскую диссертацію въ апрѣлѣ 1851 года, Николай Христіановичъ Бунге заняль каоедру этой науки въ нашемъ университетѣ, я часто в охотно посѣщалъ его лекціи. Въ этихъ лекціяхъ свѣтилось такъ много любви къ наукѣ и вѣры въ нее, такъ много доброжелательства къ своей аудиторіи, что дли меня, послѣ казенныхъ в формальныхъ лекцій юридическаго факультета, онѣ были очень привлекательны.

Казенновоштные юристы слушали педагогію: на всякій случай, --- можетъ быть, и учительствовать придется, какъ, напримъръ, Левдику въ Нъжинъ, учившему насъ грамматикъ и географів. Эту педагогію читаль намь Сильвестрь Сильвестровичь Гогопкій, типъ семинариста-гелертера. Высокій и неповоротливый, скупо одътый, онъ былъ человъкъ большой эрудиціи и ръдкаго трудолюбія. Но изъ его дебелаго, деревяннаго ума выходила вакая-то мертвая, обезличенная наука: таковъ быль его знаменитый философскій левсиконъ; таковъ быль и курсь педагогіи, который мы обязаны были слушать, но слушали ръдко. Въ этомъ курсъ псвхологическаго не было ничего. Помню я, напримъръ, что, говоря объ обяванностяхъ домашняго наставника, онъ подчеркивалъ, что тотъ не долженъ бевпокоить своего хознина объ уплатв гонорара, но долженъ былъ терпъливо ждать, когда патрону заблагораз-судится уплатить его. Ну, и учили же мы эти великія истины вавъ-нибудь, въ родъ того, вавъ учили грязные скожеты судебной медицины. Впрочемъ, я помню, что Кистяковскій, за неудоватворительную отмътку по педагогіи на его первомъ окончательномъ эвзаменъ, не получилъ степени кандидата. Въ высшихъ сферахъ считали Гогоцкаго столбомъ, на которомъ держится въ университетъ зданіе православія, самодержавія и народности. Но въ сферахъ университетскихъ онъ былъ предметомъ потъшныхъ анекдотовъ, которыми знаменитый Ромеръ забавлялъ профессорскую лекторію.

Особенно зло смъялся надъ нимъ Шульгинъ; Рененкамифъ лакомилъ разсказами о скупости и странностяхъ почтеннаго философа, мало обращавшаго вниманіе на эти лекторско-шульгинскія забавы. Профессорской лекторіи онъ, впрочемъ, избъгалъ, уединяясь въ какой-нибудь отдаленной комнатъ.

Богословіе для православных студентовъ всёхъ факультетовъ (ватоливамъ читалъ Добщевичъ), психологію и логику для филологовъ-читалъ Иванъ Михайловичь Скворцовъ. Онъ имълъ чуть не всероссійскую репутацію знаменитаго богослова и философа, а кіевская духовная академія чтила его, какъ своего первенствующаго члена. Курсъ богословія у насъ быль очень общиренъ, состоя изъ священной и церковной исторіи, правственнаго и догматическаго богословія, и читался чуть ли не три года. Посвщеніе левцій было почти обязательно, такъ какъ были постоянныя переклички, а за отсутствіе — карцеръ. Особенно же торжественно производился экзаменъ изъ богословія, назначавшійся прежде вськъ другихъ. На экзамень этомъ нерыдко предсъдательствоваль самъ митрополить Филаретъ — низенькій и дряхлый старичовъ -- и присутствоваль всегда еписвопъ Антоній, авторъ догматического богословія, которое мы порядочно вызубривали. Кром'в того, назначались депутаты отъ всехъ факультетовъ, а иногда бывалъ и инспекторъ студентовъ. Мы иногда довольно высовоморно относились въ присутствующимъ чинамъ церкви, позволяя себъ давать пронические отвъты на ихъ ортодовсальные вопросы. Такъ, однажды, казенновоштный филологъ, - имени его не помню, но помню, что онъ прекрасно игралъ на сврипвъ, -- на вопросъ Антонія: "Что значить имя Ной?" -отвътиль: "Да я вашей халдейщины не знаю". Помнится, за это Тальбергь отправиль его въ карцерь. Соблюдение торжественнаго чина на экзаменъ изъ богословія тогдашніе политики считали государственною мёрою, охраняющею въ университетъ порядовъ и дисциплину.

То же значеніе придавали и строгому говінію, которое было обязательно для каждаго студента, подъ угрозою всюду поспів-

вающаго карцера. По поводу этого говинія припоминаю интересный инциденть со студентомъ Кистявовскимъ, впоследстви извъстнымъ криминалистомъ. Разставшись со своей черниговской семинаріей, онъ разстался и со своимъ правов'вріемъ и, наслушавшись г. Вальтера, сдълался въ университетъ крайнинъ атенстомъ, вавъ и подобало неофиту. Прямолинейный до наивности, онъ считалъ нечестным скрывать свои атенстическія убъжденія, воторыя онъ проповедываль при всякомъ удобномъ случае и воторыя считаль своимь нравственнымь долгомь сообщить на исповёди настоятелю университетской церкви, протојерею Крамареву — церковнику католическаго пошиба, нетерпимому фанатику. Прекративъ исповъдь, онъ сказаль, что не допустить тавого атеиста въ святому причастію. Въ цервви произошла сцена, въ которой действующимъ лицомъ быль проситель Кистяковскій, но въ камеръ онъ явился въ роли пострадавшаго за свои убъжденія.

Возвратимся, однавоже, въ Свворцову. Юристамъ онъ читалъ еще ваноническое право, такъ какъ отдельной каоедры церковнаго права тогда не существовало. Но какъ ни ведика была всероссійская репутація Скворцова, мы не считали его левців особенно интересными и талантливыми, какими были, напримёръ, лекцін его преемника Оаворова. Да и въ отправленіи богослуженія онъ также не быль такимъ художникомъ, какъ нъжинскій Мерцаловъ или покойный Өаворовъ, умівшій сообщить присутствующимъ глубовое религіозное настроеніе. Свворцову это не удавалось: его маленькая фигурка съ митрой на головъ, съ блёдной стереотипной проповёдью на устахъ, не производна особеннаго впечатавнія. Впрочемъ, онъ быль человінь достойный всяваго уваженія, державшійся въ университеть съ большимъ тактомъ. Я до сихъ поръ вспоминаю его ласковый пріемъ, вогда я пришелъ въ его домъ на Подолъ, чтобы проэвзаменоваться по богословію. Иванъ Михайловичь имель много дочерей, изъ которыхъ четыре вышли замужъ за профессоровъ-Гуляева, Пъвницваго, Сольсваго и Андрея Ивановича Линиченко. Послъдній быль доцентомь историво-филологическаго факультета. Вы дом'в его существовали историческія среды, которыя, благодаря хлёбосольству и привётливости его милой супруги, Людинан Ивановны, нивогда мною не забудутся.

Отъ профессоровъ перехожу въ студентамъ и въ изображенію ихъ житья-бытья полвъка тому назадъ. Студентовъ тогда не могло быть много, такъ какъ существовало ограничение ихъ числа. Полагаю, что большая ихъ часть принадлежала къ лицамъ поль-

сваго происхожденія. Въ аудиторіяхъ, по врайней мірв, преобладаль польскій языкь; студенты-поляки были большею частью сыновья зажиточныхъ западно-русскихъ помъщиковъ. Студенчесваго пролетаріата между ними почти не было. Попадались иногда люди очень богатые. Между ними замътить можно было тъсную солидарную связь и нъкоторое отчуждение отъ студентовъ руссваго происхожденія. Организація, віроятно, была уже врішкая: существовала васса, преврасная библіотева; бывали, віроятно, сходви; быль всеми чтимый вожакъ-студенть Козачинскій, овончившій историво-филологическій факультеть и потомъ поступившій на медицинскій. Студенты-поляви всегда старались перещеголять и затмить студентовъ русскихъ: если бывалъ русско-студенческій спектакль въ залъ торжественныхъ собраній, что случалось неръдко, то студенты-поляви выбивались изъ силъ, чтобы и выборомъ, и постановкой пьесъ, и количествомъ сбора, и избранной публивой затмить спектакль русскій. При ихъ единодушін и солидарности, при элегантности ихъ манеръ, это имъ и удавалось. Словомъ, эта часть студенчества была особенно эффектна и блистала въ віевскихъ салонахъ. Университеть же св. Владиміраэта твердыня русской народности по мысли создавшаго ее императора Николая -- быль какь будто въ Краковъ, а не въ Кіевъ. Мы уже видели, что въ аудиторіяхъ преобладаль польскій языкъ. Составъ должностныхъ лицъ университетской библіотеки — библіотекарь Красовскій и его помощники-быль польскій такъ же, какъ и казначей Княжинскій еще изъ Кременца; польскій говоръ слышался даже въ правленіи, несмотря на властнаго синдива Каломійцева, и въ канцеляріи совъта, несмотря на ея секретаря Барвинскаго. Мы же, русскіе либералы, профессора и студенты, оплавивали угнетеніе Польши, ненавидели ся угнетателя Бибивова, ополчившагося съ своей инвентарной политикой за права угнетенныхъ польскими панами хлоповъ, которымъ почти-что негдъ было и молиться, такъ какъ ихъ православные храмы, въ сравнении съ роскошными и богатыми костелами, уподоблялись катвамъ на вуриныхъ лапвахъ. Тавъ мало было тогда руссваго въ исконно-русскомъ юго-западномъ крав, обрусить который не удавалось ен могучему генералъ-губернатору.

Русское студенчество въ университетъ св. Владиміра не представляло собою такой сплоченной, солидарной группы, какъ студенчество польское. Состоя большею частью изъ сыновей лъвобережныхъ помъщиковъ, менъе хозяйственныхъ и достаточныхъ, чъмъ помъщики праваго берега, они проникнуты были атомизмомъ и распадались на маленькіе кружки—нъжинцевъ, полтав-

цевъ, новгородсѣверцевъ, черниговцевъ и т. д. Не было у насъ нивавихъ организацій: слова сходка въ студенческомъ лексиконѣ нашего времени совсѣмъ не было; не было ни вассы, ни библіотеки, ни общаго вожава. Выдѣлялась уже группа клопомановъ— Чернышъ, Мельникъ, Носъ, но съ программой еще не опредѣлившейся. Демократическіе элементы— напримѣръ, въ новгородсѣверской группѣ—уже были болѣе вамѣтны въ русскомъ студенчествѣ, чѣмъ въ студенчествѣ польскомъ. Замѣтнѣе проглядывалъ и студенческій пролетаріатъ.

Богачей было меньше, а такъ называемые студенты-аристократы еще болъе отличались отъ товарищей, для которыхъ они были недоступны. Я не засталъ уже въ университетъ племянника генералъ-губернатора, знаменитаго бурша и шалуна, Сипягина, о которомъ воспоминанія были еще такъ свъжи; не засталъ и знаменитаго Котюжинскаго, обыгравшаго до-чиста Листа, но засталъ много разсказовъ о немъ. Изъ аристократовъ я засталъ Судіенка и Ризнича, съ которыми былъ очень близокъ Лашнюковъ, но демократы имъли своихъ героевъ: поэта Рудольфа, силача Колесникова и др.

Экономическое положеніе студентовъ было сноснѣе нынѣшняго, хотя благотворительности и въ поминѣ не было. Но въ поминѣ не было и того огульнаго пролетаріата, отъ котораго такъ бѣдствуютъ студенты въ настоящее время. Да и живнь въ Кіевѣ была куда дешевле: за десять рублей въ мѣсяцъ студентъ могъ прожить недурно. Я, напримѣръ, за комнату съ обѣдомъ и содержаніемъ неразлучнаго со мной Дмитрія, пока былъ своекоштнымъ студентомъ, платилъ по семи-восьми рублей въ мѣсяцъ. Конечно, отъ такихъ обѣдовъ подводило животики, но за такіе самые обѣды теперь платятъ вдвое. Содержали студенческія квартиры большею частью престарѣлыя дѣвы и молодившіяся вдови польскаго происхожденія, — напримѣръ, моя незабвенная хозяйка Валерія Адамовна, за которой я порядочно ухаживалъ, чтобы получить только лучшую "легумину".

Казна и штрафгаузъ были также большимъ рессурсомъ для студенческой бъдвоты. Были два института казеннокоштныхъ студентовъ: медицинскій и словесный. Первый—въ южной, а второй—въ съверной части университетскаго зданія на четвертомъ этажъ. Каждый состоялъ изъ пъсколькихъ камеръ, въ которыхъ размъщались студенты. Жили они привольно, иногда, можетъ быть, привольнъе, чъмъ въ родной семьъ: прекрасное платье и бълье, учебныя пособія и книги (юристы даже спали на Полномъ собраніи законовъ), вентилированные дортуары съ отлич-

ными постелями, роскошная больница, баня черезъ двъ недъли. Тавъ заботилась вазна о своихъ питомцахъ. Катались они кавъ сыръ въ маслъ, хотя иногда и бунтовали противъ эконома Оомишкина за дурную, будто бы, пищу, вызывая темъ увъщанія и угрозы начальства, — Тальберга, Юзефовича, а иногда и чтимаго нами Траутфеттера. Даже при окончании курса казенновоштные студенты надвлялись бъльемъ, платьемъ, а медики инструментами. За казенное содержание они должны были отслуживать казив опредвленное время. Но это не касалось юристовъ, воторые не отслуживали, но даромъ вли вазенный хлъбъ, вавъ иногда говорилъ о нихъ профессоръ Богородскій. Казенновоштные студенты должны были непременно держать семестровки, по которымъ недопика строго взыскивалась. Вообще, казеннокоштные студенты учились гораздо лучше студентовъ своевоштныхъ. Послъдніе иногда набирались экзаменаціонной премудрости у первыхъ. Надзоръ надъ казеннокоптными былъ, можно свазать, номинальный. На четвертомъ этажъ жили два помощника инспектора съ педелями: при медикахъ маленькій Стръльбицкій, а при словесникахъ-сначала Дудниковъ, а по смерти его -- знаменитый Гриценко; но они сквозь пальцы смотръли на то, что дълается въ камерахъ этихъ, --- напримъръ, въ первой, словесной, бывало питіе веліе, картежъ жестовій, да и безъ барышенъ не обходилось.

Ппрафгаузъ, вавъ называли мы заведение для недостаточныхъ студентовъ, помъщался въ томъ домъ, гдъ потомъ была Лыбедская часть, а теперь—домъ Рахманинова. Тамъ же помъщалась и квартира инспектора. Для студенческой бъдноты это было благодътельное учреждение, къ сожалънию съ ограниченнымъ вомплектомъ: за шесть рублей въ мъсяцъ мы имъли прекрасное помъщение, столъ вмъстъ съ казеннокоштными студентами, вечерний и утренний чай въ самомъ штрафгаузъ. Для иныхъ это было вавъ бы чистилище, черезъ которое своекоштный студентъ переходилъ въ казеннокоштные.

Общій уровень умственнаго развитія студентовъ быль невысовъ. Научныя стремленія, любовь въ наувъ и увлеченіе ею составляли ръдвое исключеніе. Имена такихъ студентовъ были всъмъ извъстны: Ростовцевъ, Косовичъ, Цъхановецкій, Рененкампфъ; — большинство занималось, сволько это было нужно, чтобы сдать эвзамены и получить какую-нибудь степень. Правда, левціи посъщались авкуратнъе, и абсентизмъ не быль такой повальной бользнью, какъ ныньче. Но существовали переклички и за пропускъ лекціи полагался карцеръ. Профессоръ богословія

Свворцовъ начиналъ важдую левцію такой перевличкой. Но за отсутствующихъ отвъчали иногда присутствующіє; такъ же бывало и на репетиціяхъ: вывывался А., за него вставалъ и отвъчалъ Б. Я помию, какъ и однажды, въ чудный апръльскій день, лекціи профессора Митюкова предпочелъ прогулку въ Ботаническомъ саду. Не знаю, почему заблагоравсудилось ему сдълать перекличку, и и въ ближайшую субботу переночевалъ въ карцеръ.

Въ это Бибиковское время форма студенческая соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый врючовъ, за незастегнутую пуговицу иногда исключали изъ университета, вазеннокоштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ---въ учителя приходскихъ училищъ. Въ праздничные и табельные дни мы должны были быть въ мундиръ, при треуголеъ и шпагъ. Я помню, какъ однажды Григорій Матвъевичъ Цехановецкій въ храмовой празднивъ Михайловского монастыря пошелъ въ церковь въ студенческой шинели, подъ которою было статское платье. Зоркій глазъ Тальберга подмітиль это ужасное преступленіе, в нашего милаго Цъхановецваго педеля вывели изъ цервви, отвезля въ полицію, откуда, по увольненіи изъ университета, съ жандармомъ отправили въ Нъжинъ. Два случая со мной пополнять эту иллюстрацію. Въ началъ мая отецъ выслаль за мной лошадей, на которыхъ я собирался укатить въ Гольцы. Счастливый и довольный, въ студенческой фуражив на-бекрень и въ длинныхъ волосахъ, съ которыми не хотвлось разставаться ради лохвицкихъ барышенъ, я отправился на прогулку въ чудный городской садъ, по главнымъ аллеямъ котораго прогуливался съ віевсвими красавицами, до которыхъ былъ большой охотинвъ нашъ грозный попечитель. Педель донесь инспектору о моемъ непристойномъ поступкъ: меня на нъсколько сутовъ посадили въ карцеръ, гдъ привели мою шевелюру въ надлежащій видъ и снабдили форменной казенной фуражкой. Тщетно просиль я о помилованіи, указывая на то, что мои лошади стоять безь фуража, а кучеръ-безъ провизіи. Мив не внимали: pereat mundus, fiat justitia.

А вотъ и другой случай. Свётлый праздникъ—чудесное весеннее время: захотёлось посмотрёть на народное гулянье. Въ мундиръ и при шпагъ—неудобно. Дай-ка надъну одну треуголку, шинель прикроетъ студенческій сюртукъ. Такъ я и сдълалъ. Но своро попался, и нёсколько праздничныхъ дней просидълъ въ карцеръ. Таковы были нравы и обычаи добраго стараго студенческаго времени: свёжо преданіе, а върится съ трудомъ.

Надзоръ за своевоштными студентами быль очень строгь и прониваль въ ихъ жилище, наблюдая за образомъ жизни, зародомъ занятій. Одинъ Тальбергь чего стоилъ, а ему помогали въ надворъ за бытомъ своекоштныхъ студентовъ четыре помощника—Савицкій, внязь Баратовъ, Стишинскій, Герасимовъ и цълая компанія педелей, между которыми мы особенно боялись Семена Прилукскаго - правая рука Тальберга, -- отъ котораго ничто не могло уврыться, и онъ насквозь видёль все, что дёлаль студенты. Домивъ его былъ на Васильковской улицъ, недалекоотъ Тронцвой цервви; а мы однажды играли на билліардъ на пиво въ гостинницѣ "Франкфуртъ", въ отдаленной части Крещатика. Ну, какъ было видеть насъ отдаленному глазу Прилуксваго? Однавожъ, онъ видёлъ и на другой день донесъ Тальбергу, и мы съ головами, больными отъ пива, переселились въ карцеръ. Студенческія квартиры были распреділены на участки, отданные подъ опеку субъ-инспекторовъ, которые, на основания наблюденій надъ опекаемыми, составляли вондунтные списки, отъ времени до времени представляемые Юзефовичу. Моимъ опекуномъ быль Герасимовъ, отегавной драгунъ. Притворяясь лихимъ кавалеристомъ, сочувствующимъ студентамъ-буршамъ, овъвногда засиживался у меня, гдв, грешный человевь, бываль преферансивъ, съ выпивкой и закуской. Результатомъ этихъ посъщени было то, что въ кондунтномъ списвъ не было похвалено мое поведеніе.

Студенты вели себи по програмив Бибикова: забавлялись билліардомъ, картежничали, посъщали, а иногда и разбивали V веселые дома на Андреевской горь, но политикой явно не занимались. Поляви, конечно, занимались ею и занимались врёшко, но умели сирывать это отъ начальства. И Бибиковъ быль спокоенъ. Студенты же русскаго происхожденія такъ были далеки отъ политики, что даже газетъ не читали. Я упомянулъ о программъ Бибикова. Однажды онъ посътилъ илиники, которыя были тогда въ зданін университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъдержаль передъ ними ръчь такого содержанія: - вы-де, господа, плящите, вартежничайте, ухаживайте за чужими женами, посъщайте б..., бейте б... (его подлинныя слова), но политивой не ванимайтесь, не то выгоню изъ "ниверситета". Такова была его этическая программа. Правда, это была этика сомнительная и мундирная. Но за нее мы получили царское спасибо на смотру ныператора Николая I въ сентябръ 1850 года. Это царское спасибо, сообщенное студентамъ Бибиковымъ и оправленное въ волоченую рамку, висьло въ нашей сборной заль, пова не было

Digitized by Google

разорвано студентами-полявами во времи безпорядковъ 1861 года. Но эти безпорядки начались уже при преемникъ Бибикова, магкомъ и вроткомъ князъ Васильчиковъ. Правда, котя мягкій и вроткій, но за студенческіе безпорядки онъ расправлялся пониволаевски. Мы его менъе боялись, и безпорядки поэтому были возможнъе. Я помню, какъ осепью 1853 года въ одномъ наъ веселыхъ домовъ на Андреевской горъ осворбленъ былъ студенть. Составилось цёлое ополченіе, руководимое казеннокопітными первой словесной камеры: несколько веселых домовъ были разбиты вдребезги. Князь Васильчиковъ главныхъ виновниковъ исключить изъ университета, и мы разстались съ знаменитымъ Колесниковымъ и его поклонниками первой камеры. Въ этой исторіи принималь участіе и студенть медицинскаго факультета Бець, бывшій преемникомъ профессора Вальтера по каоедръ анатомін. Больше всёхъ меё было жаль Василія Андреевича Савича -- отличнаго товарища и симпатичнаго человъка, которому поэтому не удалось окончить курса. Бибиковъ бы вёрно не поступиль такъ жестово, такъ какъ событіе не нарушало его этической программы. Для меня же исторія эта тёмъ памятиве, что она предшествовала моему заключению въ каземать и отчасти обусловила его. Но объ этомъ я скажу ниже, а теперь припомню другую студенческую исторію, надълавшую много шума-расправу съ полковникомъ Брынкинымъ. Это было въ 1857 году, вогда я уже сидълъ на каоедръ. Эта знаменитая исторія состояла въ нижеследующемъ: если только память мив не изменяеть, полвовнивь Брынвинь, выйдя изъ театра, продолжаль путь со своей супругой по Фундувлеевской улиць въ сопровождения своей собачонки. Проходившій студенть толкнуль эту собачонку, за что Брынкинъ ударилъ его хлыстомъ. Все студенчество возстало и задумало проучить дерзкаго полковника. Действовали единодушно и солидарно -- все студенчество, какъ цёльная единица, и старъ, и младъ, и полявъ, и руссвій, и словеснивъ, и медивъ-все это слилось воедино и жестоко проучило Брынкина. На эту исторію обратили вниманіе въ Петербургъ: прислади флигель-адъютанта изследовать дело; виновные посажены были въ врвпость, но были прощены императоромъ Александромъ II, прибывшимъ въ Кіевъ после коронаців. Какъ я живо вспоминаю царственную чету, которую такъ върноподданнически встръчаль Кіевь осенью 1857 года. Помню чудный ликъ царяосвободителя, отуманенный въ это время думой о великомъ дълъ отміны вріпостного права. Помню симпатичный и вротвій образь его царственной супруги, о горячихъ молитвахъ которой говорили тогда въ Кіевѣ. Помню удивительную иллюминацію, которан продолжалась нѣсколько дней, подобной которой Кіевъ никогда не видѣлъ. Помню и дворянскій балъ въ гимназіи, на который я смотрѣлъ съ улицы и о которомъ на другой день я слышалъ критическія замѣчанія отъ профессора Деллена. Устроители-де, говорилъ онъ, не справлялись со вкусами и привычками императора: попросилъ онъ передъ обѣдомъ рюмку старки, но таковой не оказалось; привыкъ онъ въ чашкѣ желтаго чая послѣ обѣда, но и такового не было.—Кавъ всѣ эги мелочи запечатлѣлись въ молодой памяти!

Недовольный выборомъ факультета, первый годъ я почти-что не бываль на его лекціяхь, и все думаль о томь, не перемънить ли его на другой. Я даже поленился пойти на Подоль въ девану Иванишеву, для подписи листа, въ которомъ прописывались предметы левцій. Я и не знаю, зачёмъ существовали эти листы; мы прописывали предметы, указанные факультетомъ. Профессоръ каждаго такого предмета удостовъряль своею подписью, что онъ былъ выслушанъ. Кто не имълъ такого листа, тому семестръ не зачитывался. Но пока это случилось со мной на второмъ семестръ; по овончании перваго, въ Рождеству 1850 года, я побхаль въ отпускъ домой: какъ было не показать своего синяго студенческаго воротника? Какъ было не похвастать своимъ студенчествомъ и разсказами о студенческихъ похожденіяхъ? Дома я засталь дёла семейства въ большомъ запуствніи: пятидесятилетній человекь, отець более и более обленивался, не раден о семьй и хозяйстви. Подоспиль какой-то проходимець полявъ М., почему-то поселившійся въ Чернухахъ. Онъ обморочиль отца, воторый задумываль передать ему веденіе дёль для того, чтобы еще болье ихъ запутать. Но молодость жаждеть жизни и веселья -- и святки 50-го года для меня прошли шумно и пріятно. Значительную часть ихъ я провелъ со старшими сестрами въ сель Безсалахъ, въ семью предводителя дворянства, Григорія Михайловича Гамалея, одна изъ дочерей котораго, граціовная, остроумная и очень начитанная, Александра Григорьевна, начинала мив такъ нравиться, что потомъ сдвлалась моею желою. Я такъ увлекся предестями деревенскихъ святокъ, что и не думаль возвращаться въ Кіевъ, хотя срокъ отпуска давно уже прошель. Изъ округа предложено было мъстной полицін напомнить мив объ этомъ срокъ и препроводить меня въ Кіевъ, буде я стану упорствовать, оставаясь въ деревив. Нужно было взять свидътельство о болъзни. Это дало мив случай познакоинться съ лохвицкимъ убяднымъ врачомъ Власьевскимъ, ориги-

нальнымъ типомъ врача стараго времени. Интересный старивъ, прочтя мев длинное правоучение, медицинское свижьтельство выдаль. Я воротился въ Кіевъ въ концу контрактовъ. Когда и подъбажаль въ почтовой станціи, которая была тогда въ концъ Крещатика, противъ нынъшней Бессарабской площали, я встретилъ милаго Соллогуба. Съ нимъ мы отправились разысвивать ввартиру, воторую и нашли на Малой Васильковской, въ центръ студенческаго пролетаріата. Здёсь я прожиль почти цёляй семестръ, и опять ничего не дълалъ, и опять бъгалъ по разныть аудиторіямъ. Вырвавшись изъ карцера, въ которомъ я просидель нъсколько дней за непристойный видъ, какъ было уже свазано выше, я отправился на каникулы домой. Каникулы я проводиль отчасти въ Гольцахъ, отчасти въ Войтовъ, гдъ отецъ сталъ проживать подолгу: его теперь тянуло сюда точно такъ же, какъ прежде отсюда. Въ Кіевъ я не торопился. Припоминаю повздку съ отцомъ и сестрами въ Кременчугъ для продажи табаку последняго сбора. Отецъ надумался, нагрузивши несколько чумацвихъ возовъ табакомъ, продать его въ Кременчугъ по божье висовой цёнё, но онъ очень ошибся въ своемъ разсчеть. Мы прожили въ Кременчугв съ недвлю, а табаку не покупали. Всв деньги были издержаны, и табакъ нужно было продать во что би то ни стало. Покупщики это проведали и купили табакъ по болве нивкой цвнъ, чвиъ онъ могь быть проданъ на месть Случилось то, что нередко бывало съ мониъ отцовъ, фантазеромъ въ хозяйствъ.

Въ Кременчугъ я имътъ двъ встръчи, о которыхъ вспоминаю и теперь. На одномъ съ нами постоядомъ дворъ квартировалъ черноморскій полковникъ, прівхавшій въ Кременчугъ для покупки бабъ. Въ его оригинальномъ длинномъ фургонъ было сдълано особое мъсто для помъщенія этого живого товара. Покупалъ онъ преимущественно у вдовствующихъ помъщицъ, переговоры и сдълки съ которыми совершались иногда въ моемъ присутствіи. Это дълалось въ 1851 году, за десять лътъ до отмъны кръпостного права. — Развъ это была не Америка съ ея червыми рабами?

Другая встръча была болъе симпатична—съ мъстнымъ помъщивомъ вняземъ Мещерскимъ, воторый былъ засъдателемъ въ кременчугскомъ уъздномъ судъ. Это былъ человъвъ съ университетскимъ образованіемъ, напъвавшій французскіе романсы, которые я помню и теперь. Интересно было очень подъ одною вровлею встрътить и покупщика живыхъ душъ изъ демоврати-

ческаго Черноморья, и русскаго князя, пѣвшаго французскіе романсы на слова Виктора Гюго!

Въ Кіевъ я прібхаль поздней осенью уже къ концу семестра. Здёсь я засталь знакомых нёжинцевь, перешедшихь изъ лицея въ университетъ: Рененкампфа съ Конисскимъ, Борсука съ Дантичемъ и др. Повеселившись съ ними нъсколько дней, я на своей четверкъ повхаль въ обратный путь. Помню, что въ мъстечкъ Яготинъ, въ оранжерев внязя Репнина я накупилъ много комнатныхъ растеній -- гостинцевъ сестрамъ, съ воторыми было много воени и хлопоть. Въ январъ 1853 года я съ отцомъ повхалъ въ Кіевъ, въ самый разгаръ контравтовой ярмарки. Была чудная санная дорога. И теперь помню всв подробности этого прелестнаго пути, окончившагося ночлегомъ и многими пульками въ преферансъ въ Кучаковъ, у Василія Даниловича Сулимы, брата жены дядюшки Якова Семеновича. У отца, по обывновенію, не было денегь. Не наученный временчугскимъ опытомъ, онъ посладъ въ Кіевъ для продажи прекраснаго съраго жеребца изъ нашего завода. Повторилась кременчугская исторія: жеребца или возвратили домой, или дешево продали-не помню. Отецъ увхаль, а и остался въ Кіев'в безъ денегь, и безъ денегь коекакъ перебивался въ теченіе всего весенняго семестра. Изъ б'ёды неръдво выручаль Дмитрій, умъвшій находить вредиты въ разныхъ лавчонкахъ. Хозянну нечёмъ было заплатить за ввартиру и содержаніе въ теченіе ніскольких в місяцевь. У него была лошадка, на которой онъ взялся отвезти меня домой, чтобы получить тамъ мой долгъ. Каникулы провелъ, по обывновенію, привольно, нередво посещая Безсалы: исвра симпатін въ Александре Григорьевив Гамалій разгоралась. Разстроенныя діла отца, такъ неохотно и неаккуратно мив помогавшаго, побуждали меня прекратить своекоштное горемыванье, поступивъ на казенный

Для этого, прежде всего, нужно было выдержать семестровый экзамень, что я и сдёлаль: пришлось опять имёть дёло съ межевыми законами, и я отвёчаль Оедотову о межеваніи коштномь и спеціальномь. Затёмь я перешель въ штрафгаузь, какь въ чистилище, черевъ которое лежаль путь на четвертый этажь, гдё обитали казеннокоштные. Вспоминаю, что мнё пришлось жить въ одной комнатё со студентомъ-медикомъ Ковальскимъ, который превосходно играль на скрипке. Я заслушивался его чудесной игры, сидя въ лунныя ночи у открытаго окна. Мнё только было досадно, что полякъ Ковальскій, считая скрипача Контскаго польскимъ Паганини, нёсколько подражаль ему. Въ

нашей актовой залѣ тогда часто устроивались концерты значенитыхъ виртуозовъ. Я слушалъ тамъ по нѣскольку разъ Контскаго, Серве, Гензельта и др. Тамъ же концертировалъ и знаменитый Листъ, концертный сборъ котораго перешелъ въ карманы знаменитаго Котюжинскаго. Болѣе глубоваго виртуоза, какъ Серве, въ жизни моей мнѣ не приходилось слышать: это была дивная, небесная музыка, и его "Романеска" звучитъ у меня и теперь въ ушахъ. Контскій же своей игрой не производилъ на меня глубоваго впечатлѣнія. Типическій полякъ, онъ бралъ болѣе внѣшними эффектами. Но онъ былъ глубоко націоналенъ, былъ полякомъ раг ехсеllепсе, и я понимаю увлеченіе имъ его соотечественниковъ.

Приближалось время перейти на казну. Этому должно было предшествовать освидетельствование университетского врача, чтобы удостовъриться, станетъ ли организма, чтобы отслужить за вазенный клібов. Нашимъ врачомъ быль Иванъ Трофимовичь Щербина, товарищъ и другъ всесильнаго Цицурина. Въ это Ниволаевское время важдый норовиль, вакь бы быть начальникомъ: хорошій и добрый человікь, Ивань Трофимовичь считаль себя начальникомъ больницы и пребывающихъ въ ней больныхъ, -- в даже любиль, чтобы последние стояли передъ нимъ чуть не на вытажку. Мои развязныя манеры, можеть быть, ему не понравились: освидътельствовавъ мою сильную молодую грудь, онъ готовъ былъ найти ее ненадежной, но это такъ бы противорванло действительности, что она даль отзыва благопріятный. Весной 1853 года я поступилъ на казну-въ четвертую вамеру, гдъ встрътился съ нъжинцами Борсувомъ и Демченкомъ, съ воторыми потомъ пришлось вмёстё окончить курсъ, проживая тихо к уютно въ третьей камерв.

Припоминаю также типическаго сожителя Пестржецкаго, который по цёлымъ днямъ, съ трубкой въ зубахъ, лежалъ на столъ съ "Полнымъ собраніемъ" въ изголовьи и "Сорока книгами" Захаріе въ рукахъ.

Пребываніе въ четвертой камеръ мнь особенно памятно по следующему происшествію: окна этой камеры были какъ разъпротивъ второй гимназіи, которая тогда помъщалась въ зданія ныньшняго военно-окружного суда. Изъ этихъ оконъ, поэтому, хорошо можно было разглядьть, что совершалось во дворъ этой гимназіи, а разыгрывалась тамъ сцена, которой я и теперь не могу забыть. Ученикъ одного изъ среднихъ классовъ, Шварцъ, сынъ извъстнаго кіевскаго дантиста, оскорбилъ дъйствіемъ учителя нъмецкаго языка. Постановлено было подвергнуть его же-

стокой карѣ—чуть ли не сквозь строй прогнать. Въ гимназію явился Юзефовичъ; собраны были всѣ ученики, чуть ли не цѣлый взводъ солдать, и Шварца подвергнули жесточайшему тѣлесному наказанію, послѣ котораго онъ былъ отданъ въ солдаты. Такія сцены никогда не забываются: онѣ наносятъ молодой душѣтакую глубокую рану, что рубецъ ен остается на всю жизнь.

Приближался полукурсовой экзаменъ. Находя, что юридическій факультеть не по мнв, я мало занимался юридическими курсами, и вовсе не надъялся выдержать полукурсовой экзаменъ на кандидатскую степень. Однакожъ, дело пошло такъ хорошо, что я получалъ четверки-высшая отмътка въ то время. Особенно прославился я отвътомъ по исторіи философіи права. Билеть "Шеллингь и Гегель" всв обходили, — такъ запутанно и непонятно была изложена система въ внигъ Неводина. Моя рука не дрогнула, когда я вытянуль этоть билеть, а профессора, присутствовавшіе на экзамень, удивились, не услышавь обычнаго отваза отвъчать на такой трудный вопросъ. Благодаря проф. Павлову и "Письмамъ объ изученіи природы" Герцена, которыя я зналь почти наизусть, ясно и отчетливо я выясниль сущность объихъ философскихъ системъ. Этотъ маленькій случай имълъ большое значение въ моей студенческой карьеръ: профессора и товарищи стали смотръть на меня вавъ на выдающагося студента, котораго нужно имъть въ виду. Я самъ возъимълъ о себъ лучшее мивніе, и сталь думать, что я гожусь не на одинь преферансь да фланерство по Крещатику, но на что-нибудь болже путное. Экзаменъ шелъ на кандидата, и не захотълось портить его плохой отмъткой по римскому праву, въ которомъ я не былъ силенъ. Я задумалъ отложить этотъ предметъ на окончательный экзаменъ, но для этого нужно было заболъть. На приготовленіе такого труднаго предмета назначено было шесть дней: три дня я прогуляль, а на четвертый отправился въ студенческую больницу, прося принять меня, какъ больного лихорадкой. Докторъ Щербина, изследуя меня, нашель, что у меня действительно лихорадка, но экзаменаціонная, для которой особыхъ коекъ не полагается, и потому онъ не можетъ меня принять въ больницу. Ну, что было делать? Оставалось до экзамена еще три дня, и я прочель, что только можно было успёть, но цёлые отдёлы, какъ, напримівръ, обязательства, остались непросмотрівными. Счастье не измёнило мне: я взяль билеть о вліяніи христіанства на римское право, на который отвётиль вполнё удовлетворительно, тавъ вавъ такіе сюжеты всегда были мнё по вкусу. Девану особенно понравилось, что я правильно произнесь фамилію фран-

Digitized by Google

дузскаго юриста Troplong, которую товарищи обывновенно провзносили Троплонгъ. Экзаменъ такимъ образомъ овончился блистательно и произвелъ переломъ съ воззрѣніяхъ на избранный факультеть я юридическія науки. Я сразу полюбиль ихъ и сталь подумывать даже о профессурь, къ которой еще въ дътствъ меня предназначали. Полу-кандидать, каникулы я провель, какъ и всегда, прекрасно. Прогулки верхомъ по извилистой дорожки въ Безсалы участились. Моя молодая любовь получила более серьезный характеръ: мы дали объть другь другу въ жизни не разлучаться. У меня, еще студента, явилась, такимъ образомъ, невъста. Возвратясь въ Кіевъ, я перешелъ въ первую вамеру, о чемъ потомъ сожалълъ очень. Она была населена самыми гулящими и бездёльными товарищами, между которыми я, отдавшійся серьезнымъ занятіямъ наукой, торчаль какъ бревно въ ихъ глазъ. Имена этой печальной компаніи я хорошо помню в теперь. Они уже въ могиль, и я могу ихъ назвать: Мерцаловь, Лысенво, Андреевъ, Каменцевъ, —последній такъ плохо говориль по-русски, что его можно было принять за поляка, -- полу-полякъ Витковскій и смиренный Крушинскій. За исключеніемъ этого последняго, компанія пила, пела, фланировала по Кіеву, особенно по Андреевской горъ, а я сиднемъ сидълъ за чудесной внигой Гизо: "Histoire de la civilisation", которую далъ мив проф. Павловъ и съ которой я долго не разлучался, даже въ каземать, гдв она была моимъ единственнымъ утвшеніемъ. Кромв того, я зачитывался "Хижиной дяди Тома", воторая была тогда строго запрещена, и изящными экономическими этюдами Бастіа, которые считались тогда очень либеральными. Гулящая компанія исвоса посматривала на мое сиденье надъ внигами. Не по вкусу ей приходился такой сожитель, и я постоянно быль на чеку, чуя какую-нибудь каверзу, которая и не замедлила совершиться. Я сталь очень тосковать по дорогой невъстъ, и чтобы отвести душу въ заочной бесъдъ съ нею, началъ писать письмо, которое разрослось въ длинную исповедь, цёлый психологическій этюдъ. Товарищи по камеръ, какъ замъчалъ я, внимательно слъдили за моей работой, надъ которой я засиживался по долгимъ осеннимъ ночамъ. Наконецъ мое длинное посланіе было окончено, чтобы быть отправленнымъ той, которою было такъ полно мое сердце. Въ ожидании этого отправления, я заперъ письмо въ принадлежащій мит ящикъ. На другой день я увидель ящикъ взломаннымъ и письмо похищеннымъ. Мей сказали потомъ, что это было дёло Лысенви, съ которымъ я такъ дружилъ въ нёжинской гвиназін и въ началь университетскаго курса, и который не могь

примириться съ тъмъ, что изъ него вышель забулдыга, а изъ меня — серьезный студентъ, мечтающій о профессуръ. Мои лирическія изліянія читались по всъмъ камерамъ обоихъ институтовъ, съ цълью осмъять мои молодыя, святыя чувства. Печальнъе всего было то, что не нашлось протеста, который остановилъ бы это кощунство. Но такова уже была этика кръпостной эпохи и Бибиковскаго режима.

Изъ временъ пребыванія въ первой камеръ хорошо я помню другой эпизодъ — мое двухнедёльное пребываніе въ казематв віево-печерской вріпости. Діло было такъ: казенновоштные студенты часто не ночевали въ своихъ дортуарахъ, не подвергаясь за это взысканію. Было время буйное-борьба цивилизаціи съ проституціей и ежедневное разграбленіе веселыхъ домовъ Андреевской горы. Инспекторъ Тальбергъ предписалъ всёмъ казенновоштнымъ ночевать непремънно въ своихъ дортуарахъ. Предписаніе это мы приняли какъ посягательство на наши права и привилегіи. Въ видъ протеста, мы постановили въ ближайшую ночь всёмъ казеннокоштнымъ не ночевать въ университете. Не ломню, ночеваль ли вто изъ товарищей, но помню, что я всю ночь проиграль въ преферансь у студента-естественника Гамалея, впоследствіи женившагося на моей кузине Лизе. Въ университеть я возвратился только на заръ и заснуль въ своей камеръ. Инспекторъ Тальбергъ ръшилъ изъ всъхъ не почевавшихъ подвергнуть варцеру только невоторыхъ, чтобы въ лице ихъ наказать и остальныхъ. Выборъ его остановился на мив, Борсукв, Глушановскомъ и еще двукъ-трехъ студентахъ-медикахъ, имена воторыхъ я позабылъ. Субъ-инспекторъ Гриценко, передавшій намъ приказаніе Тальберга, получилъ ватегорическій отвъть, что мы-де въ карцеръ не пойдемъ. Объ этомъ тотчасъ же сообщено было вн. Васильчикову, который быль сердить на студентовъ за ихъ битвы на Андреевской горъ.

Потребовали, чтобы ночью, въ полной парадной формъ, мы явились въ генералъ-губернатору. Насъ конвоировалъ субъ-инспекторъ. Мы прибыли въ домъ генералъ-губернатора часовъ въ одиннадцать ночи, поджидая призыва въ кабинетъ. Наконецъ, насъ позвали. Кроткій и мягкій князь Васильчиковъ, отличавшійся деликатнымъ обращеніемъ со всёми, сказалъ намъ длинную и грозную рѣчь, въ которой столько разъ мы слышали "стало быть"—его любимое изреченіе. "Стало быть, вы должны быть наказаны", заключилъ онъ эту рѣчь, и отправилъ насъ къ коменданту крѣпости со своимъ адъютантомъ, обходительнымъ и вѣжливымъ Капнистомъ, который отнесся къ намъ съ товари-

щескимъ участіемъ. Сколько помню, довольно большое пространство отъ генералъ-губернаторскаго дома до врвпости мы прошли пъшкомъ, молодые и веселые, какъ будто это была пріятная прогулка. Денегъ не было ни у кого, но у меня подъ мышкой была внига Гизо, которую я такъ встати захватилъ съ собою. Было уже за полночь, когда мы явились къ коменданту, который и распредълиль насъ по казематамъ. Меня посадили вивств съ Глушановскимъ въ узенькую, тесную комнату, все пространство которой было занято деревянной кроватью безъ тюфяка. Изъ своихъ студенческихъ шинелей, мундировъ и треуголовъ мы сдълали кое-вакую постель и провели ночь болве въ бесъдъ, чёмъ во снё. На другой день, утромъ, явился плацъ-адъютантъ и увель моего милаго Глушановскаго въ другой каземать, оставивъ меня одного. По сосъдству побрякивали цъпи, въ которыхъ быль заковань какой-то горець, судившійся за убійство. Началось сидение въ крепости, томительно-скучное. Первые дни насъ держали на хлъбъ и водъ, а потомъ стали отпускать по пятнадцати копъекъ каждому на продовольствіе. Горячей пищи мы имъть не могли, а питались промерзшими яблоками да твердими колбасами. Отъ казематной тоски и скуки выручалъ меня мой Гизо, для вящшаго уразумёнія котораго я чертиль угольком на ствив историческія таблицы, выяснявшія систему феодализма. Ежедневно смѣнялись дежурные офицеры, и мы слышали, какъ насъ, именовавшихси нумерами, предшественникъ передаваль преемнику выбств со всвив крвпостным имуществомъ. Эти офицеры были большею частью неприступны и молчальники. Объ одномъ изъ нихъ, впрочемъ, я сохранилъ благодарное воспоминаніе. Это быль молодой малороссь, который вельль ночью поставить самоварь и, собравь насъ въ моемъ казематъ, напоиль горячимъ чаемъ. Какимъ нектаромъ показался намъ этотъ чай и какъ обогрълъ онъ наши прозябшіе желудки! Медленно тянулись короткіе осенніе дни и длинныя осеннія ночи, которыя частенько приходилось проводить безъ сна, подъ звуки заунчвнаго "слушай". На меня разъ напала такая тоска, что для того, чтобы разогнать ее, я имъль терпъніе испечь на свъчкъ картофель. $\hat{A}$ по опыту узналъ, что для живого человъка едва ли иожеть быть болье тяжелое наказаніе, какь лишеніе свободы.

Подошло 24 ноября: къ этому дню было пріурочено восшествіе на престолъ императора Николая. Ради этого дня кв. Васильчиковъ рёшилъ прекратить наше крѣпостное сидънье. Насъ всёхъ собрали на какой-то гауптвахтъ. Радостна была наша встръча. Блъдные, исхудалые, съ нечесанными волосами к отросшими бородами, но въ полной парадной формѣ, поплелись мы въ домъ генералъ-губернатора, подъ эскортомъ плацъ-адъютанта и жандармовъ. Я помню, какимъ чуднымъ ароматомъ кофе запахло въ кабинетѣ кн. Васильчикова, въ которомъ онъ, бодрый и веселый, встрѣтилъ насъ съ нравоучительной рѣчью. Опять посыпались "стало быть", изъ которыхъ мы хорошо разслышали: "стало быть, вы прощены ради такого торжественнаго дня и должны быть за это признательны императору". Почти бѣгомъ пустились мы въ университетъ, куда какъ-разъ поспѣли къ обѣду казеннокоштныхъ. Какимъ вкуснымъ показался намъ нашъ обычный казенный обѣдъ! Какимъ любезнымъ и обходительнымъ показался намъ нашъ суровый Тальбергъ, потрепавшій насъ по плечу со словами: "небось, проголодались"!

Событія эти совпали съ началомъ крымской войны. Но мы были глухи и нізмы во всему, что дівлалось внів стівнь университета. Съ полнымъ равподушіемъ мы слушали о синопской битвь, о возможныхь бъдствіяхь и несчастіяхь, грозящихь отечеству, но отечества мы не чувствовали; патріотизма въ пасъ не было ни капли: такъ мертва была Уваровская формула, начертанная имъ на знамени русской школи. Мы даже газетъ совсвиъ не читали, да и мало распространены онв были въ это Николаевское время. Но событія разыгрывались — война разгоралась; послышалась бомбардировка Одессы союзнымъ флотомъ наванунъ Свътлаго празднива 1854 г. Защемило молодое сердце. Мы готовы были послать адресъ герою Щеголеву. Я началъ съ интересомъ читать газеты: "Journal de Francfort" - то въ кондитерской Розмитальского, то въ кафе при "Англійской гостинниць", въ которомъ за конторкой царствовала граціозно прихрамывавшая, но чрезвычайно хорошенькая конторщица-полька, вывезенная содержателемъ Фридеривсомь изъ Варшавы, для увеличенія кліентели.

Когда я уже жилъ въ третьей камерѣ, въ которую я переселился изъ ненавистной первой, здѣсь я засталъ Борсука и Демченка, къ которымъ, не знаю почему, пристегнулся Иванъ Сѣдовъ, чуть ли не фуксъ. Между нами было полное единеніе, такъ какъ мы трое плотно занимались, а Сѣдовъ всегда былъ услужливъ и послушенъ. Вспоминаю семестральный экзаменъ за весенній семестръ 1854 г., который я долженъ былъ отложить послѣ каникулъ по случаю весенней сильной лихорадки. Послѣ обычныхъ каникулъ, я помню, какъ меня, въ амбразурѣ окиа библіотеки, строптиво экзаменовалъ Богородскій по недоимочной семестровкѣ изъ его предмета. Я никакъ не могъ удовлетворить

его отвътомъ на вопросъ: какан задача философіи уголовнаго права, хотя задачу эту я понималь очень отчетливо. Началось обычное теченіе нашей казеннокоштной жизни: то лекціи, то занятія въ камеръ. Хотя на казнъ мы получали все нужное, но безъ денегъ все-таки было трудно обойтись. Какъ ихъ достать? Писаньемъ семестровокъ для товарищей, которые сами не съумъли сдълать этого? Въ мое время каждый студентъ обязанъ былъ въ теченіе четырехлътняго курса представить шесть семестральныхъ сочиненій, а иначе не засчитывался семестръ. Я считался мастеромъ писать такія работы, и въ заказахъ недостатка не было,— зарабатывалась и деньга.

Живо я помню, какъ, 20 или 21 февраля, въ нашу камеру пронивъ слухъ о смерти императора Николая І. Его принесъ съ рынка нашъ поваръ. Насъ слукъ этотъ поразилъ твиъ болве, что мы ничего не знали о бользни императора, такъ какъ бюлетеней не читали. Особеннымъ піэтетомъ въ повойному императору мы пронивнуты не были. Мы судили о немъ только по твиъ строгимъ дисциплинарнымъ мврамъ, отъ которыхъ мы сами много терпъли. Это равнодушіе, конечно, не дълало намъ чести: жители Кіева, мы должны были чувствовать, что сдёлаль для этого города усопшій императоръ; питомцы университета св. Владиміра, мы должны были помнить, что онъ-созданіе покойнаю государя, и созданіе великое, государственное. Но мы всего этого не сознавали, и съ полнымъ индифферентизмомъ приносили въ нашей университетской церкви, въ присутствии Юзефовича, върноподданническую присягу новому монарху. Наканунъ нашего выхода изъ университета начиналось царствованіе, достославное своими реформами, одного изъ величайшихъ русскихъ государей. Начались и наши приготовленія въ окончательному экзамену, и преимущественно въ изученію курса уголовнаго права, котораго ми особенно боялись. Экзаменъ прошелъ для меня усившно, съ правомъ полученія степени кандидата по представленіи диссертаціи. Много ли изъ насъ, окончившихъ университетскій курсь въ этотъ памятный для Россіи 1855 годъ, еще въ живыхъ? Мы съ Демченкомъ еще сидимъ на каоедрахъ воспитавшаго насъ факультета, Скаржинскій еще предсёдательствуеть въ черниговскомъ окружномъ судъ... А другіе? Другихъ и слъдъ простыль: умеръ Заика, бывшій правой рукой министра внутреннихъ дълъ отъ Валуева и до Дурново; умеръ и Борсувъ, помогавшій Галагану въ работахъ редакціонныхъ коммиссій...

٧.

Кандидатская диссертація. — Нижегородское ополченіе. — Встрівча съ Судовщиковимъ. — Проф. Павловъ. — Встрівчи: Чижовъ, Галаганъ. — Прилукское дворянство. — Пойздва въ Гольцы. — Возвращеніе въ Сівперенци. — Прійздъ семейства. Галагана. Правдинкъ въ Лебединцахъ. — Письмо проф. Селина и его послідствія. — Пойздва въ сестрії въ хорольскій уйздъ.

Одно изъ моихъ семестральныхъ сочиненій было посвящено вопросу о государственныхъ долгахъ. Иванишевъ его похвалилъ, а сюжеть меня заинтересоваль. Я задумаль болве подробно разработать этотъ вопросъ, избравъ его сюжетомъ для моей кандидатсвой диссертаціи. Деканъ снабдилъ меня нужными книгами, и въ томъ числѣ сочиненіями графа Цѣшковскаго, хотя я польсвихъ внигъ и не читалъ. Уложивъ все это въ чемоданъ, я увхаль въ Гольцы, чтобы отдаться тамъ работв надъ диссертацією. Работа пошла споро; даже польскія страницы вниги Ц'вшвовскаго мной понимались. Вышла объемистая тетрадь, въ которой государственные долги были оценены со всевозможныхъ точевъ зрѣнія. Работой своей я быль доволень, и надъялся, что ею будеть доволень и Иванишевь. Онь, действительно, потомъ указываль на нее факультету, какъ на работу, достойную вниманія, и она послужила однимъ изъ мотивовъ для приглашенія меня въ Кіевъ приготовляться въ профессорскому званію. Утомленный работой, я отдыхаль въ обществъ моей невъсты, въ незабвенныхъ прогулкахъ съ нею то въ Гольцахъ, куда она часто прівзжала, то въ Безсалахъ, куда часто прівзжаль я. Къ концу лъта я собрадся въ Кіевъ, чтобы представить мою диссертацію. По дорогъ заъхалъ въ Войтово, гдъ услышалъ о страшномъ событін 27 августа 1855 г., —о паденін Севастополя. Въ Кіевъ я прибыль чуть ли не въ концъ сентября и тотчасъ же передаль девану мою диссертацію. Своро я услышаль о смерти Грановскаго, которая меня очень опечалила.

Стояла чудная віевская осень. Проходили черезъ городъ ополченія одно за другимъ. Прошло московское, съ графомъ Строгановымъ во главѣ, который воспользовался днёвкой, чтобы побывать въ университетѣ, осмотрѣть віевскія древности и видѣть нѣкоторыхъ профессоровъ. За московскимъ тянулось нижегородское, величественное шествіе котораго надъ Днѣпромъ запечатлѣлось въ моей памяти. Какъ ни плохо были мы воспитаны въ любви къ отечеству и патріотизмѣ, но чувствовалось что-то родное, русское при видѣ этихъ мужиковъ съ крестами на шап-

кахъ, этихъ дворянъ, оставившихъ семьи и именія, чтобы защищать родину отъ непріятеля. На меня эта картина нижегородскаго ополченія произвела глубокое впечатлівніе: она образумила, отрезвила мой взглядъ на текущія событія. Сколько помню, во главъ нижегородскаго ополченія стоялъ Козловъ-человъвъ, близкій нашему Павлову, у вотораго я и заставаль нижегородскихъ ополченцевъ. Я и самъ познавомился съ нъкоторыми изъ нихъ. Я остановился на Подолъ, въ гостинницъ "Малороссія", гдъ отведены были квартиры иъсколькимъ ополченцамъ. Мяв пріятно вспомнить то отрадное впечатлівніе, которое я выносиль изъ бесвдъ съ ними, достойными соотечественнивами Минина: сколько бодраго духа, горячаго патріотизма, отважной храбрости! Здёсь же я встрётился съ моимъ прежнимъ наставникомъ Судовщиковымъ, и мы провели въ беседе чуть ли не целую ночь. Но, кандидать правъ, я уже критически относился въ отрицателю воли. Тъмъ не менъе, встръча была очень пріятна.

Я окончилъ курсъ университета, я имъю степень кандидата правъ, --- но что же миъ дълать? На накую службу дъваться миъ? Мысль о профессуръ гвоздемъ засъла въ мою голову, но это дъло отдаленное, а заработывать нужно, такъ вавъ на подмогу отца надежды было мало. Выручиль меня изъ бъды проф. Павловъ, посовътовавшій миж заниматься съ сыномъ графа Комаровскаго. Предлагалось пятьсоть рублей въ годъ. Заниматься — всёми науками, кромъ новыхъ языковъ и математики, такъ какъ для последней предполагался другой наставникъ, оканчивающій математическій факультеть. Я съ радостью согласился. Соберу денегъ, -- думалъ я, -- и повду въ московскій университеть, чтобы выдержать магистерскій экзамень. Московскій университеть я особенно ціниль и уважаль, благодаря діятельности Грановскаго, преждевременная смерть котораго такъ меня опечалила. Проф. Навловъ списался съ графомъ Комаровскимъ-и моя повздва въ нему была решена. Навупивъ нужныхъ учебнивовъ (для русской исторіи, по сов'ту Павлова, --книгу Полевого), я отправился въ путь на Войтово, а оттуда до Прилуки довхаль на своихъ лошадяхъ. Въ Прилукъ дали миъ почтовыхъ лошадей до Съкирницъ, гдъ пребывала семья гр. Комаровскаго. Помию, что мой ямщикъ напился мертвецки-пьянымъ, и я долженъ былъ править самъ. Позднимъ вечеромъ я прівхаль въ свинренскую усадьбу, гдъ для меня была приготовлена комната рядомъ съ вомнатой домашняго врача, Александра Александровича Шеффера, съ которымъ потомъ долгое время пришлось быть товарищами по профессорству въ университетъ св. Владиміра, гдъ онъ занялъ канедру медицинской химіи. На другой день, въ своемъ студенческомъ сюртукъ, съ которымъ мнъ не хотълось разставаться, а представился графу Комаровскому. Онъ изъясниль мнв свою педагогическую программу, въ которой и увидёлъ клерикала, и показалъ дорогой кубокъ, поднесенный городомъ Мосввой его отцу, вогда тотъ привезъ манифестъ о восшествін на престолъ императора Николая. Не скажу, чтобы графъ Комаровскій произвель на меня впечатльніе развитого человыка, близкаго къ моему образу мыслей, но съ меня было довольно и того, что я нашелъ въ немъ человъка воспитаннаго, съ которымъ можно виёть дёло. Сёвиренское общество, за отсутствиемъ проживавшей въ г. Кіевъ семьи Григорія Павловича Галагана, состояло изъ его матери, Катерины Васильевны, урожденной гр. Гудовичъ, женщины очень умной и доброй, дочери ея, Маріи Павловны, граф. Комаровской, женщины довольно странной и съ виду болезненной, и детей этой последней: мальчика леть двенадцати, Грани, съ воторымъ и долженъ былъ заниматься, и дочурки лътъ ияти, прелестной Катеньки, теперь вдовствующей графини Ламздорфъ, которую я долженъ быль учить русской грамотъ и за которою ходила англичанка Саузи, смотръвшая прежде за ея матерью. Съ признательностью вспоминаю эту достойную англичанку, которая такъ много помогала мив усвоивать англійское произношеніе. Я должень быль ежедневно дватри часа заниматься со своимъ ученивомъ, а послѣ урока гулять съ нимъ по прекрасному съкиренскому саду. Принялся я за дело серьевно и не безъ некотораго педагогическаго увлеченія, хотя мой ученикъ быль далеко не симпатиченъ и не объщаль быть серьезнымъ и развитымъ человъкомъ. Онъ, какъ я вамътиль, позволяль себъ подшучивать падъ прежними учителями. Но я скоро внушилъ ему, что этого не позволю. Это тъмъ болве удалось мив, что всв въ домв относились ко мив съ большимъ уваженіемъ, какъ къ учителю-потомственному дворянину, помъщику той же полтавской губернін и дальнему родственнику уважаемыхъ Галаганами сосъдей Милорадовичъ. Положеніемъ своимъ вт домъ вообще я быль доволенъ: занятія то съ Граней, то съ Катей, оставляли достаточно времени и для моихъ собственныхъ занятій. Съ особеннымъ увлеченіемъ я изучаль англійскій языкь, оканчивая III-й томъ методы Робертсона, по которой я началь учиться еще въ Гольцахъ вмёсте съ сестрой Варенькой. Я такъ преуспълъ послъ шестидесяти уроковъ Робертсона, что могъ понимать книгу Теккерея. Жилось тихо и благородно въ этомъ уютномъ дворянскомъ гитадъ. Натвяжали иногда сосъдніе пом'вщики: я особенно помню Маркевичей, Миханла и Николая Андреевичей - кузеновъ Галагановъ. Последній быль историкомъ Малороссіи, поэтомъ, написавшимъ украинскія мелодіи, виртуозомъ на фортепьяно, которому училъ его знаменитый Фильдъ. Вообще, это была натура богато одаренная и очень симпатичная. Онъ имълъ одинъ поровъ-страстно любилъ варты. Но особенно любовался я его супругой, Ульяной Алевсандровной, урожденной Раковичь. Высокая, стройная, замёчательно врасивая, она смотрёла настоящей римской матроной, вельніямь которой все должно повиноваться. Помню также и ея сына, правовъда, Андрея Николаевича, котораго училъ играть на віолончели знаменитый Серве и воторый теперь увращаеть своимъ именемъ списки русскихъ сенаторовъ. Вспоминаю я и Чижова, котораго такъ чтила съвиренская семья; онъ заводилъ со мной річь о Петровскихъ реформахъ, изъ воторой я скоро узналъ, что онъ-не моего прихода: я былъ горячій западникъ а онъ-кръпкій восточникъ; споръ же съ такимъ умницей мев былъ не по силамъ. Семья Григорія Павловича Галагана проживала зимою въ Кіевъ, но онъ однажды понавъдался въ свое имъніе. Онъ произвель на меня самое лучшее впечатльніе: развитой, просвъщенный, онъ показался мнъ идеаломъ малороссійскаго помъщика, любящаго своихъ кръпостныхъ, какъ свою родную семью. Онъ силонялся въ воззрѣніямъ Самарина и Аксавовыхъ, и я помню его торжество, когда онъ показадъ намъ первую, только-что полученную кпигу "Русской Беседы" Кошелева. Меня умиляла его горячая любовь въ родной Малороссін-въ ен пъснъ, вишневому садику, живописной хать, къ ея нравамъ и обычаямъ. Въ этой любви не было никакой аффектаціи, не было ничего политическаго. Вообще, это была фигура благородная, ръзво выдълявшаяся своимъ чутьемъ въ общественному интересу на съромъ фонъ тогдашняго малороссійскаго дворянства. Представителей этого дворянства по прилукскому ужзду я много видълъ въ Съкиренцахъ. Это прилукское дворянство считалось самымъ просвъщеннымъ въ полтавской губерніи. Но въ моей памяти не сохранилось такого межнія о немъ. Уровень развитія быль средній; интересы — мельохозяйственные.

Была самая горячая пора крымской войны, но о ней я слышалъ мало ръчей; было время почти наканунъ отмъны кръпостного права, но объ этомъ не слышалось ни слова. Не потому ли это происходило, что въ Николаевское время, послъ декабрьскаго пароксизма, россійскіе граждане не дерзали смъть по общественнымъ вопросамъ свое сужденіе имъть? Не потому ли, что свъть

университетской науки еще мало озаряль русское общество, въ средъ котораго оказывалось мало членовъ, проникнутыхъ сознаніемъ важности общественнаго и государственнаго интереса? Привътливые и хлебосольные малороссійскіе помещиви были истыми эпикурейцами: халать да туфли, предобъденная чарка да хорошій поваръ, ералашъ да преферансъ, имали, конечно, дла нихъ большее значеніе, чёмъ врымская война или отмёна крёпостного права. Тъмъ не менъе, это милое прилукское дворянство было такъ привътливо и обходительно, такъ наивно и гостепрівмно, что у меня сохранились о немъ самыя теплыя воспоминанія. Изъ другихъ съвиренскихъ встръчъ вспоминаю еще Василіж Васильевича Тарновскаго — человъка умнаго и дълового, очень уважаемаго Галаганомъ, съ которымъ онъ работалъ въ редакціонных воминссіях въ дух Н.А. Милютина. Помню также эффектную фигуру внягини Кочубей, изъ Диваньви, ради воторой гр. Комаровскій вспомниль молодую эпоху преображенскаго полка. Живо помню также Василія Васильевича Кочубея, брата г-жи Галаганъ. Типическій правов'ядъ, но не бюрократь, а правовъдъ-помъщивъ, онъ былъ тогда женихомъ прехорошенькой Надежды Михайловны Маркевичь, на которой потомъ и женился, но своро ее потерялъ. Съ особенною силою запечативлась въ моей памяти сестра невъсты Кочубея, симпатичная и добрав Ольга Михайловна, съ воторою мив пришлось встрвчаться впосабдствін въ Кіевъ, когда она была уже г-жей Раковичъ. Живопредставляется мнв она съ внижвой Таухница въ рукахъ, игриво бесвдующею съ довторомъ Шефферомъ или запоемъ читающею англійскіе романы съ гр. Комаровской. Милыя и свётлыя картины прошлаго, какъ оживляете и освъщаете вы мрачные, старые дни!

Помнится, что на рождественскіе правдники 1855 года я вздилъ изъ Съвиринцъ въ Гольцы, такъ какъ разстояніе было небольшое. Но особенно я помню повздку съ разръшенія гр. Комаровскаго, на масляницъ 1856 г. Особенно помню потому, что засталъ въ Гольцахъ брата Владиміра, въ первый разъ прівхавшаго съ дальняго Кавказа. Нельзя сказать, чтобы встръча была особенно радостная. Я, напротивъ, замътилъ, что онъ съ отцомъвавъ бы составилъ коалицію военныхъ элементовъ противъ меня, пронивнутаго элементами статскими, учеными. Но я былъ утъшенъ привътливой встръчей старшихъ сестеръ, которыя собирались на балъ къ славному своими пирами помъщику Паульсону, и убъдили меня сопутствовать имъ. Я еще прежде, въ 1851 г., былъ на балъ этого мъстнаго Лукулла, вогда онъ былъ

почетнымъ смотрителемъ лохвицкаго уйзднаго училища и задавалъ въ г. Лохвицт пиръ на весь міръ, по случаю училищнаго акта. Я былъ тамъ тогда со своимъ пріятелемъ, нѣжинскимъ лиценстомъ Соколовымъ, котораго Рененкамифъ, въроятно, считая себя Печоринымъ, назвалъ Грушницкимъ. Я даже помню маленькій инцидентъ на этомъ балъ: меня томила жажда, и мнѣ показалось, что я могу обратиться къ одному изъ близко стоявшихъ съ просьбой: "человъкъ, дайте мнѣ воды!"—"Я не человъкъ, — послышалось въ отвътъ: — пускай вамъ человъкъ подастъ". Характерный жаргонъ кръпостной эпохи!

Я согласился сопутствовать сестрамъ на Паульсоновскій баль, который на этотъ разъ давался въ Городицъ, большомъ имъпія хозяина. Я встретиль, можеть быть, не мене сотни гостей, пировавшихъ нѣсколько дней сряду подъ ввуки прекраснаго Паульсоповскаго оркестра. Пили, вли, картежничали, плисали, лошадей кормили: у меня кружилась голова послъ тишины Съвиринецъ. Я понялъ, что отъ такихъ баловъ можно въ конецъ равориться, что и случилось съ нашимъ милымъ Паульсономъ. Этоть Василій Ивановичь Паульсонь — оригинальный типъ помъщика добраго стараго времени, не нашедшій себъ мъста въ галерев Гоголевскихъ портретовъ. Основная его страсть состояла въ томъ, чтобы кормить, поить да пиры задавать-такіе пиры, чтобы говорила о пихъ цълая губернія. Онъ быль очень богать и имълъ иъсколько роскошныхъ имъній; съ его оркестромъ могь соперничать только орвестръ дехтеревскаго Галагана, славный знаменитымъ скрипачомъ Артенкой, за обучение котораго въ Въвъ владелець заплатиль двадцать тысять рублей. О его серебряных сервизахъ, чайныхъ и столовыхъ, разсказывали чудеса. Дълами своими онъ абсолютно не занимался. Онъ только и зналь, что придумываль пиры да увеселенія. Вскор'в онь разошелся съ своей элегантной и просвъщенной супругой, Софьей Антоновной Фитингофъ, которая была впоследствии директрисой одесскаго института. Разставшись съ своей супругой, онъ еще больше отдался своей страсти задавать балы. Разореніе стало неизбіжно: продавались имънія одно за другимъ. Наконецъ, и Городище, въ которомъ я вкусно влъ и сладко пилъ, въ февралъ 1856 г., чуть не съ молотка было куплено Гинцбургомъ, знаменитымъ поставщивомъ продовольствія дунайской армін, при которомъ приказчиками и коммиссіонерами состояли нѣкоторые лохвицкіе помъщики, жаждавшіе наживы.

Нагулялся я вдоволь; пора было воротиться въ уютное дворянское гито, гдт меня ждали обычныя занятія. Пришелъ ве-

ливій пость, пов'яло слухами о предстоящемь мир'в. По прежнему-уроки съ Граней и съ Катей, по прежнему-упражнения въ англійскомъ произношеніи, для чего заучивались чудные стихи Байрона. Но у меня явился помощникъ: прівхалъ наъ Кіева овончившій математическій факультеть полякь, для занятій математивой съ монмъ питомпемъ. Гранъ онъ болъе пришелся по вкусу, чёмъ я, и охотно взялъ на себя мои гувернерскія обязанности — прогулки посл'в об'вда. Графу онъ также пришелся по душъ, но не по душъ приходился миъ, своему товарищу. Мы жили съ нимъ въ одной комнати, кровать съ кроватью, но между нами не было ничего общаго. Мы представляли собой два равличные типа домашняго учителя. Я быль домашнимь учителемъ, выдълявшимся изъ придворнаго штата Галагана и гр. Комаровскаго, гордымъ и независимымъ. Мой товарищъ вакъ-то слимся съ этимъ штатомъ, покорный и сговорчивый. Съвиренсвіе пом'вщиви были люди очень богомольные, чтущіе цервовь. Я, русскій и православный, въ своей православной церкви повазываль менъе усердія въ молитвъ и соблюденію церковныхъ уставовъ, чёмъ мой товарищъ, полякъ и католикъ, который въ чужой, православной церкви, своими кольнопреклоненіями, усердными молитвами и целованиемъ иконъ, умилялъ богомольную старушку, мать Галагана. Я даже ожидаль, что онь будеть говеть по нашему обряду. Зато, когда пришла Святая, и Екатерина Васильевна наделела наградными свой придворный штать, денежную награду получилъ и мой товарищъ. Старушка имъла тактъ не вносить меня въ списокъ награждаемыхъ, за что я быль ей признателенъ.

Совершенно другой типъ представлять собою домашній врачь Галагана, Александръ Александровичъ Шефферъ. Самостоятельный и независимый, онъ внушаль въ себъ общее уваженіе. Мы были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, часто бесъдовали, неръдко спорили. Онъ былъ тогда франкоманомъ, а я—англоманомъ. Живо припоминаю его, въчно лежавшаго на кушеткъ, съ въчнымъ англійскимъ романомъ въ рукахъ. Поклонникъ московскаго проф. Глъбова, онъ мечталъ занять ту же кафедру физіологіи. Онъ собиралъ депьги, чтобы поъхать за границу и подготовиться къ профессуръ. Настойчивый и энергичный, онъ достигь этой цъли, хотя и не вполеть: когда я возвратился изъ-за границы, то засталь его на кафедръ фармакологіи, которую онъ, послъ устава 1863 г., перемънилъ на медицинскую химію. Фармакологію же сталь читать сначала доцентъ Гейбель, а потомъ даровитый и просвъщенный Владиміръ Ивановичъ Дыбковскій, свътлую лич-

ность котораго я и теперь вспоминаю, и его преждевременную смерть, летомъ 1870 г., мы долго и долго оплакивали. Возвратись изъ-за границы, я засталъ Шеффера страстнымъ пруссофиломъ и горячимъ повлонникомъ Бисмарка. О прежней франкоманін не могло быть и ръчи: онъ ликоваль, читая телеграмии о немецвих тріумфахъ во Франціи. Я редко встречаль такою неутомимаго любителя газеть: съ ранняго утра и до объденнаго времени его можно было видеть въ профессорской лекторіи, переходящимъ отъ одной газеты въ другой. Кавой-нибудь шлезвигъ-голштинскій вопросъ казался ему міровымъ вопросомъ, о которомъ онъ былъ готовъ спорить до кроваваго пота. Но онъ усвоиль и смёлость Бисмарка: вогда графъ Толстой быль въ Кіевъ, ректоръ Бунге предложиль его въ почетные члены университета. Шефферъ возражалъ горячо, не щадя самолюбія графа, который въ тоть же вечеръ узналь объ этомъ. Въ совътских дебатахъ онъ бываль находчивъ и резовъ, импровизируя своя репливи и рѣчи. Студенты его не любили, такъ вакъ онъ быль очень строгъ и требователенъ на экзаменахъ. Объясняли его суровое отношение въ студентамъ засадой, которую сдёлали накоторые изъ обръзвишихся на его экзаменъ, съ намъреніемъ осворбить его дъйствіемъ: сильный Шефферъ отбился, но в до конца своей профессорской службы не могь забыть эту печальную исторію. Я уважаль Шеффера за его любознательность и просвъщенный умъ, за его гордый и независимый характеръ, но по университетскимъ дёламъ рёдко сходился съ нимъ. Миъ всегда вазалось, что по этимъ дёламъ онъ подчинался вліявію профессора Эргардта, никогда не возвышавшагося налъ личними выгодами и интересами, для котораго университеть со всеми его науками представлялся овцой, руно которой должно было перейти въ его карманъ. Но я нъсколько забъжалъ впередъ, а между твиъ я не могъ не остановиться на типичной фигурв Шеффера, которой принадлежало такое видное мъсто и на картинъ съкиренской жизни, и на картинъ жизни университетской.

Приближалась весна. Весна! Сколько сладкихъ воспоминаній заключается въ этомъ словъ! Сколько блаженныхъ, счастливихъ мгновеній доставляла она молодой душъ! Особенно весна въ Съкиренцахъ, въ этомъ чудномъ саду, на зеленыхъ лугахъ котораго разбросаны были очаровательныя группы разныхъ деревьевъ. И какія деревья! Какъ холилъ Григорій Павловичъ свои дубы в березы, то подпирая ихъ, то сковывая жельзными обручами, чтобы они не расщеплялись. Съ истинной любовью относился Галаганъ къ своему саду и парку, да и садъ же быль на славу,—

другого подобнаго я въ Малороссіи не встръчаль. Не забыть мнъ этой весны 1856 г.: молодой и здоровый, преисполненный жажды науки и просвъщенія, во всъхъ суставахъ своего организма я быль наполнень жизнерадостнымъ чувствомъ, что французы такъ хорошо называють "la joie de vivre". Прошла Святая—пришель май. Семейство Григорія Павловича перевхало на лъто въ Съвиренцы. Вспоминаю его супругу, Катерину Васильевну, урожденную Кочубей, добрую и привътливую. Какъ будто вижу предъ собой маленькаго хлопчика Павлуся, говорившаго только по-малороссійски, за которымъ ходила не швейцарка, не нъмка, но прехорошенькая съвиренская дівчіна, въ своемъ прелестномъ малороссійскомъ нарядъ, со стрічками, мережками и монистами.

Григорій Павловичь Галаганъ вадумаль устроить въ своемъ лохвицкомъ имъніи Лебединцахъ малороссійскій праздникъ, который долженъ быль воспроизвести полтавскую старину-быть богатаго малороссійскаго пана или полковника во времена гетманщины. Онъ "сбудовалъ" домъ, архитектура котораго напоминала дома малороссійских старшинь и вившнимь видомь, и расположеніемъ горницъ. Примыкавшій къ дому садъ быль также въ прежнемъ вкусъ: перпендикулярныя и параллельныя аллеи, куртины, засаженныя желтой гвоздикой, ноготками, чернобривцами: все — какъ было въ старину, не отличавшуюся эстетическимъ вкусомъ. Подъ развъсистой липой коръ кръпостныхъ пъвчихъ распъвалъ старинныя малороссійскія пъсни. Меню объда-гдъ только онъ его добыль? -- приспособленное къ сильнымъ, стариннымъ желудвамъ, не годилось для нашихъ, ватаральныхъ. Я помию, напр., коропа въ меду, начиненнаго черносливомъ, индюка въ меду, начиненнаго рисомъ съ изюмомъ. Все это реставрировало кухню прежнихъ временъ, но было не по нашему вкусу. Я кое что могь всть, но моя соседка по обеду, англичанка Саузи, гримасами встречала блюда, которыя уписывала козацкая старшина. Толпа врестьянъ, въ которую цанъ Галаганъ бросалъ пряники, оръхи, конфекты, шумъла во дворъ. Лирники и бандуристы распъвали свои былины. Шелъ пиръ на весь міръ: праздникъ, превосходно задуманный и прекрасно выполненный. Я помню умное лицо Василія Васильевича Тарновскаго, озиравшаго пиръ народа, воторому предстояла сворая свобода. Я помню Жемчужникова, усъвшагося на землъ, то рисовавшаго малороссійскіе типы, то записывавшаго былину или песню. Праздникъ длился до поздней ночи, и только къ разсвёту мы воротились въ Съкиренцы.

Помнится, это было въ началъ іюня, а въ концъ этого мъ-

сяца, въ день Петра и Павла, были именины сына Галагана. Ожидали много гостей—нужно было приготовить для нихъ
помъщеніе. Не предупредивши, переселили меня съ моимъ скарбомъ въ высокую готическую бесъдку, въ густой чащъ сада.
Григорій Павловичъ сконфуженно извинился передо мной за это
переселеніе. Но я ему былъ очень радъ; лучшаго лътняго помъщенія нельзя было и желать. Готическая бесъдка—высокаяпревысокая; наверху ея—комната, окна которой были въ уровень съ верхушками высокихъ деревьевъ, птичьи гнъзда которыхъ можно было рукой достать. Изъ оранжереи я досталъ душистыхъ цвътовъ, которыми я обставилъ свою комнату. Чудное
уединеніе! Никто не мъщалъ мнъ здъсь декламировать Байрона
во все мое горло, и раздавалась чудная музыка его дивныхъ
стиховъ:

O, my lonely, lonely, lonely pillow!
Where is my lover, where is my lover?
Is it his bark,
Which my drealy dream this cover
Far, far away along, along the billow.

Но это была моя лебединая пъсня въ незабвенныхъ для меня Съкиренцахъ.

Въ юридическомъ факультетъ университета св. Владиміра, за смертью адъюнитовъ Вигуры и Цвъткова, некому было преподавать государственные завоны в финансы. Не существовало тогда ни стипендіатовъ, ни привать-доцентовъ, а между тъмъ во всвхъ университетахъ чувствовалось оскудение профессорскаго состава. Министръ Норовъ придумалъ следующую меру: прикомандировывать къ гимназіямъ лучшихъ кандидатовъ, съ званіемъ сверхштатныхъ учителей, поручивъ имъ чтеніе левцій въ университетъ, подъ наблюдениемъ какого-нибудь профессора, и приготовленіе въ профессуръ, которое должно было завершиться командировкой за границу. Совъть университета св. Владиміра въ засъдания 7 іюня 1856 г. — дата моего послужного списвапо представленію юридическаго факультета остановился на мевдля государственных в законовъ-и на Эдуардъ Адамовичъ Шварцъ - для финансовъ. Въ этомъ же засъданіи, по предложенію историко-филологическаго факультета, Юрій Динтріевичь Сидореню быль оставлень для политической экономіи, которая тогда не входила въ составъ предметовъ юридическаго факультета. Я в Шварцъ были прикомандированы въ І-й гимназіи, и по утвержденін въ этомъ званін должны были читать лекцін, а получивъ степень магистра, отправиться после за границу. Профес-

соръ Селинъ написалъ объ этомъ графу Комаровскому, для сообщенія мив. Радость моя была безмірна: осуществлялась мечта, которую я лелвяль чуть ли не съ самаго детства, когда меня въ шутку называли профессоромъ. Но я слишкомъ поторопился оставить теплое дворянское гнъздо Съвиренецъ, о чемъ сожалью до сихъ поръ. Получивъ отъ гр. Комаровскаго заработанныя деньги, -- помнится, за семь мъсяцевъ, такъ какъ я прожиль жалованье только за одинъ мъсяцъ, -- и простившись съ съвиренскими панами, доброту и привътливость которыхъ я никогда не вабуду, я повхаль домой, въ Гольцы. По дорогв я навъстиль Софью Александровну Галаганъ, рожденную Козодаеву, которая пожизненно владъла имъніями своего мужа, Петра Григорьевича Галагана, родного дяди Григорія Павловича. Это была женщина очень просвъщенная, часто проживавшая за границей; она много разсказывала мив о Берлинв, о Гейдельбергв, о правахъ тамошнихъ студентовъ, благословляя меня на служение великому делу русской науки. Не забыль я и до сихъ поръ эту просвъщенную бесёду, въ которой принималь участіе домашній секретарь хозяйки, Фаленко, знакомый мей еще по нежинскому лицею, куда онъ перешелъ изъ университета св. Владиміра. Въ Гольцахъ засталь я брата Владиміра. Неугомонный картежникь, онъ льстился на мои сторублевки и очень желаль выиграть ихъ у меня. Но я слишкомъ берегъ свой заработокъ и не поддавался искушеніямъ игры, въ которой также чувствоваль маленькую слабость.

Моя любимая сестра Сашенька жила въ это время въ хорольскомъ увздв со своимъ мужемъ, Степаномъ Алексвевичемъ Слювомъ, за котораго она вышла замужъ два или три года тому назадъ. Этотъ мужъ моей дорогой сестры былъ моимъ товарищемъ по нъжинской гимназіи. Въ IV и V классахъ мы рядомъ сидъли, другъ другу подсказывали; онъ училъ меня вое-чему мнЪ еще невъдомому; онъ и тогда быль уже влюблень въ корошенькую Сашеньку, и потому заискиваль во мнъ, стараясь всячески угождать. Въ Нъжинъ онъ ввартировалъ у лицейского севретаря Выважаго, почти-что за городомъ. Помню, какъ я, бывало, пробираюсь въ нему черевъ нъжинскія табачныя плантаціи. Приду и всегда застану моего Слюза лежащимъ на вровати и дующимъ свой чевань. Онъ имълъ музывальныя способности, да и вообще быль человыть очень способный. Это быль типь даровитаго, но бездельнаго славянина и при томъ страшно безпечнаго и мотоватаго. Женихомъ онъ, бывало, продасть хлопца или девку изъ своего лохвицваго имънія и навупить въ знаменитомъ лохвицкомъ магазинъ Варды гостинцевъ своей невъстъ. Онъ кончилъ

Томъ I.--Фивраль, 1903.

тъмъ, что прожилъ всю свою худобу и долженъ былъ служив по судебному въдомству въ Полоцеъ, отвуда, по выходъ въ отставку, онъ переселился въ Екатеринодаръ, гдъ и умеръ недавно.

Съ сестрой Варенькой мы зателян повздку въ хорольскій увадъ. Живо припоминаю эту прогулку на парочев своихъ лошадовъ; припоминаю и живописные Лубны съ очаровательнымъ пейзажемъ монастыря, и огромное озеро возяв постоялаго двора, на воторомъ мы вормили лошадей, и безпредъльную хорольскую степь, съ вурганами и разбросанными хуторвами и съ отдаленными миражами въ ясный солнечный день. Нивогда я прежде не бываль въ такой степной мъстности, и нашель въ ней большую прелесть, особенно въ чудномъ степномъ воздухв, отъ вотораго врвинеть организмъ. Маленькій домикъ Слюва быль выстроенъ наскоро. Сестра убрала его всякими занавъсками, кругомъ посъяла резеду и цебточки, которые она такъ любила. Было миленько, но безлюдно и скучно. И я понимаю, почему они опять переселились въ лохвицкій убядъ, когда Степану Алевсвенчу, по смерти его дяди, Андрея Ивановича, въ с. Юсковцахъ достался огромный и прелестный грунть, который также своро быль промъненъ на деликатессы Варды. Мы прожили нъсволько дней въ хорольскомъ увздв и всв вместв отправились въ обратный путь, въ Гольцы. Я помню безпокойную и безсонную ночь на ночлегъ въ Лубнахъ, когда маленькій сыновъ сестры, мой крестникъ Вася, опасно заболёлъ. Едва живого мы довезли его до Голецъ, гдъ на другой день и похоронили. Проживъ нъсколько времени въ Гольцахъ, я собрался въ Кіевъ, чтобы приняться за свое главное дело. По дороге на Войтово я остановился въ м. Яготивъ, гдъ была тогда обычная ярмарка. Я расвошелился и вупиль воверь, который служиль главнымь украшеніемъ моей убогой квартиры, пока вслідъ за студенческимъ сюртукомъ не отправился онъ въ ломбардъ той же Абрамовичъ.

Навонецъ я— въ Кіевъ, по которому порядочно соскучился, — тавъ полюбилъ я его въ мои студенческіе годы.

А. Романовичъ-Славатинскій.

владиміръ сергъевичъ СОЛОВЬЕВЪ

Собраніе сочиненій Владиміра Сергвевича Соловьева. Т. І-V: Философія (1873—1880); Богословіє; Церковине вопроси; Публицистика. Спб. 1902.

T.

24-го ноября 1874 года, покойный историкъ, профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, вернувшись съ магистерскаго диспута Владиміра Сергѣевича Соловьева, писалъ вдовѣ московскаго профессора Ешевскаго: "Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ". Но, какъ извѣстно, не только геніальные, но и высокодаровитые люди на Руси недолговѣчны. Какая-то злая судьба завистливо смотритъ на ихъ шаги и задуваетъ пламя ихъ духовной жизни, едва оно успѣетъ, иногда послѣ ряда неблагопріятныхъ условій, разгорѣться какъ слѣдуетъ. Не сдѣлала она исключенія и для Соловьева. Прошло уже два съ половиною года съ тѣхъ поръ, какъ, въ бреду внезапнаго и изнурительнаго недуга, ушелъ онъ "за грань земного кругозора", сопровождаемый взрывомъ общаго и неподдѣльнаго сожалѣнія...

Можно бы сказать, что вышедшіе цять томовь его сочиненій воскрешають память о немъ. Но это было бы невърно. Вопреки обычной нашей склонности къ забвенію, память о немъ еще не нуждается въ воскрешеніи. Она жива, и впечатлъніе, произведенное его смертью, чувствуется и теперь. До сихъ поръ утрата его такъ свъжа, что подчась въ дъйствительность ея не хочется върить. Кажется, что еще вчера онъ былъ среди знавшихъ и любившихъ его, - и что сегодня опять удастся увидъть его удивительное, одухотворенное лицо, съ глубовимъ, то отръщеннымъ отъ земли, то пламеннымъ взоромъ,услышать задушевные звуки его голоса, прислушаться къ его всегда содержательному слову, прерываемому дътскимъ, заразительнымъ смёхомъ... Онъ чувствуется еще такимъ близвимъ, такимъ до боли живымъ въ памяти техъ, кому онъ былъ "сотрудникомъ жизни", что, сознавая тяжесть удара, нанесеннаго его смертью, еще и теперь, несмотря на протекшее время, едва ли возможно опфиить вполнъ размъръ и значение понесенной руссвимъ обществомъ въ лицъ его потери. Vivit sub pectore vulnus! И невозможно вполнъ объективно говорить о своеобразной и исключительной личности Соловьева, не отходя отъ ея яркихъ врасовъ на большее, чъмъ нынъ разстояніе. Еще, быть можеть, труднъе приступить въ полной и подробной опънкъ его трудовъ.

До сихъ поръ для этого не было и достаточнаго матеріала. Сочиненія его были разбросаны по самымъ разнообразнымъ изданіямъ, — часть изъ нихъ была вовсе недоступна русской публивъ, часть вышла изъ продажи. Предпринятое братомъ повойнаго, М. С. Соловьевымъ, изданіе "Собранія сочиненій Владиміра Сергъевича Соловьева" даеть возможность окинуть взоромь почти весь жизненный трудъ оригинальнаго и замъчательнаго мыслителя. Принятый издателемъ порядовъ распредвленія сочиненій, не строго хронологическій или исключительно систематическій, а соотв'ятствующій духовной эволюціи автора, значительно облегчаеть пользование этимъ пъннымъ матеріаломъ, сосредоточивая то въ одномъ, то въ двухъ томахъ всю совокупность взглядовъ автора изъ той или другой опредъленной области мысли. Но взданіе еще не овончено. Вышло всего пять томовъ-и отдъльно внижва стихотвореній, - а всъхъ должно быть восемь. Изъ нихъ особенно объщаетъ быть интереснымъ последній томъ, завлючающій въ себъ, по плану изданія, философскія сочиненія последнихъ летъ (1897-1900), подобно тому, какъ первый н второй томы содержать въ себъ философскія сочиненія перваго періода д'ятельности Вл. С. Соловьева (1873—1880). Сравнительное изучение работъ, помъщенныхъ въ этихъ томахъ, должно привести въ весьма интереснымъ выводамъ о путяхъ развитія и расширенія философской мысли покойнаго и дать психологическія данныя для выясненія не только его научнаго творчества, но и самой его духовной личности. Но это еще задача будущаго.

Надо заметить, что въ оставленномъ Соловьевымъ научномъ в

литературномъ наслъдіи довольно многое само по себъ не докончено или не высвазано съ окончательною опредълительностью. Онъ умеръ въ разгаръ новыхъ работъ, для которыхъ нъкоторыя изъ прежнихъ представляють лишь программы или собраніе матеріаловъ. Какъ всецьло отдавшійся любимому дълу зодчій, возводиль онъ одновременно нъсколько зданій, дополнявшихъ гармонически другъ друга, но не успълъ всѣ довести до окончательнаго завершенія. Въ нъкоторыхъ изъ своихъ трудовъ онъ намътилъ планы, оставиль чертежи будущей постройки, — и по нимъ лишь можно догадываться и предполагать, что именно должна бы представлять она, во всей ея цълости и соотвътствіи отдъльныхъ частей.

Когда всё его сочиненія будуть изданы въ одномъ собраніи, тогда лишь наступить время для глубовой, вдумчивой и подробной критики всёхъ особенностей его міросозерцанія и ученія, и для опредёленія пути и размёровъ вліянія его твореній на развитіе русской общественной и философской мысли. При этомъ, конечно, йеминуемо придется изслёдовать и всё разнообразные споры и возраженія, которые вызываль почти каждый шагь Соловьева въ печати или публичной рёчи. Нынё же, казалось бы, возможно говорить не столько о томъ, что соголом онъ, какъ о томъ, что онъ драмаль, къ чему стремился, въ чемъ выражаль свойства, присущія его исключительной личности.

Давно уже замівчена та поспівшная готовность, съ которою мы стремнися, по въсколькимъ, иногда чисто вившинмъ и поверхностнымъ признавамъ, навлеивать на людей тотъ или другой ярлывъ, по воторому и производится зачисленіе людей въ одинъ изъ лагерей и окраска ихъ въ опредъленный цвътъ. Ни подъ одинъ изъ такихъ ярлыковъ, часто наклеенный ошибочно и мъшающій разглядёть настоящаю человёка, Соловьевь не подходилъ. "Святое безповойство" въ исканіи и уясненіи себ'в правды побуждало его сопривасаться съ различными направленіями, заходить въ чуждые одинъ другому станы-и ни въ одному изъ нихъ не примывать всецъю, стоя всегда особнякомъ или "идя дорогою свободной", куда влекъ его "свободный умъ". Такимъ остался онъ до конца своей жизни, быстро протекшей, какъ ръка, отражающая на поверхности своихъ водъ то хмурое и сърое, то ясное и безоблачное небо, но настойчиво катящая свои струи по своему, ею прорываемому, дожу.

Выдающеся въ духовномъ отношении люди являются или выразителями общественнаго настроенія, которое они ум'єютъ сосредоточить и воплотить въ своей д'явтельности, —или вырази-

телями общественных потребностей, иногда еще не сознаваемыхъ большинствомъ ясно или же ложно имъ понимаемыхъ. Въ первомъ случай такихъ людей поднимаетъ и несетъ на своемъ хребтй волна общественнаго теченія,—во второмъ имъ нерідко приходится противополагать свою личность такому теченію и, идучи въ разрівзь съ настроеніемъ большинства, повторять слова Лютера: "hier stehe ich—ich kann nicht anders"... И чімъ многосторонніве въ своей діятельности эти выразители общественныхъ потребностей, тімъ выше и плодотворніве ихъ значеніе въ жизни. Такимъ именно человійкомъ быль Вл. С. Соловьевъ.

Богато одаренный отъ природы, обладавшій колоссальною памятью, настойчиво и самостоятельно учившійся всю жизнь и, поэтому, вооруженный массою разнообразныхъ и глубовихъ свёдёній-онъ быль слишкомъ силень само по себю, чтобы служить только выразителемъ, котя бы и въ самомъ возвышенномъ видъ, общественныхъ настроеній даннаго времени. Онъ не могъ не противопоставлять ему во многихъ случаяхъ свое душевное я съ безтрепетною самостоятельностью мысли, призванной руководить, а не быть руководимою. Отсюда тв горячія нападки, которымъ онъ подвергался съ разныхъ, иногда прямо противоположныхъ, сторовъ, - и то тревожное вниманіе, которое приковывала къ себъ его дъятельность, такъ что нельзя не согласиться съ Брандесомъ, что ръдко кто одновременно такъ сильно занималъ, удивлилъ, восхищаль и возмущаль общество, какъ Соловьевъ. Про него тоже можно сказать, что онъ прожиль свой путь "упорствуя, волнуясь и спѣша", точно предугадывая, что мѣра времени, данная ему судьбою, гораздо меньше ибры его силь и задачь. Этимъ объясняется и характеръ многихъ его произведеній, ихъ неръдкая схематичность и несоотвътствіе въ полнотъ разработки нкъ отдёльныхъ частей. Онъ торопился высвазаться, подчасъ оставляя въ сторонъ подробности и не думая о необходимости заранъе опровергнуть и оговорить неправильные выводы изъ своихъ взглядовъ. Это все, повидимому, отвладывалось до другого раза, для котораго уже не нашлось мъста въ его жизни. Этимъ карактеромъ запечатайны преимущественно произведенія его последнихъ летъ. То же самое замечается и у другого мыслителя. у "великаго писателя земли русской". И онъ, сознавая, какъ быстро уходять "судьбой отсчитанные дни", спешить заповедать свои общественныя и правственныя идеи, мало заботясь о формъ н вавъ будто пренебрегая своимъ высовимъ и неувядаемымъ жудожественнымъ даромъ. Таковъ, повидимому, удёлъ всёхъ большихъ дъятелей, на разныхъ притомъ поприщахъ. Некрасовъ прекрасно

подмѣтилъ это въ дѣятельности "Кузнеца-гражданина" Ниволая **Алекс**ѣевича Милютина.

Несмотря на глубовое содержаніе трудовъ Соловьева и на вложенную въ нихъ огромную подготовительную работу, -- онъ не быль кабинетнымь ученымь. Ему не давала возможности сделаться такимъ-прежде всего его личная жизнь, лишенная всявихъ, даже самыхъ скромныхъ удобствъ и той минимальной обевпеченности, которая необходима для спокойнаго изложенія своихъ думъ и соверцаній. Візчный странникъ, не знавшій подчасъ, гдъ главу приклонить, и въ прямомъ, и въ переносномъ смысль, -- не имъвшій "ни кола, ни двора", -- бъдно и скудно одётый, слабый физически, хрупкій, впечатлительный и болёвненно воспріимчивый -- онъ не быль, употребляя выраженіе Некрасова, "любящей рукой-ни охраненъ, ни обезпеченъ". А въ этомъ онъ нуждался, въ виду чрезмърности и истощающей физическія силы разбросанности его работы, — нуждался въ виду своей безграничной доброты и дътски-наивнаго отношенія въ практической жизни, которую проходиль съ выдержкою и терпъніемъ мудреца и незлобивою чистотою ребенка. "Будучи не отъ міра сего и выше міра сего, онъ представляль изъ себя", — свазаль о немъ извъстный датскій критикъ, — "полу-пророва, полу-ребенка". Не ученый, поднявшійся на колодныя альпійскія высоты отвлеченнаго знанія и оттуда лишь изр'єдва сповойно взирающій на прикованную въ отдаленной долинъ, въчно подвижную, мятущуюся и страждущую жизнь, -- а мыслитель, рядомъ съ яснымъ и строгимъ умомъ котораго бъется чуткое и отзывчивое въ этой жизни сердце, -- вотъ вто постоянно слышится въ Соловьевъ. Этимъ его отношениемъ въ жизни и объясняется страстность некоторых его выводовь и запальчивость его полемическихъ пріемовъ. Боецъ-или, вірніве, "труба, зовущая на бой -- онъ былъ гораздо болве публицистомъ, чвмъ это кажется, даже и тогда, когда являлся, повидимому, представителемъ отвлеченнаго умозрѣнія. Онъ самъ, въ разгарѣ одной полемиви, призналь себя публицистомъ по преимуществу, объясняя, что сталъ имъ вакъ разъ въ то время, когда въ нашей общественной жизни явились особые поводы вступаться за элементарные принципы. "Я боролся, — заявляль онъ, —во всю мъру монхъ возможностей и не безъ нъкоторыхъ пожертвованій". Тъ, кому знакома личная жизнь его, знаютъ, что онъ никогда не останавливался, въ раздумым или уныніи, ни предъ размерами такихъ пожертвованій, ни предъ ихъ возможными последствіями.

Онъ бросалъ свои мысли съ горделивою горячностью— вакъ вызовъ, какъ перчатку—и у него, вопреки несправедливымъ обвиненіямъ его въ "самодовольномъ квіетизмѣ", нельзя найти безмятежнаго любованія виртуознымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ своихъ идей и положеній. Боевой характеръ многихъ его произведеній отражается довольно часто и на способѣ его изложенія. Тамъ, гдѣ нить его посыловъ и выводовъ становится слишкомъ тонка,—гдѣ читателю приходится идти по краю логической, а иногда и психологической пропасти—Соловьевъ искусными діалектическими пріемами, остроумными выходками, полными юмора бытовыми разсказами или историческими справками строитъ легкую изгородь, заслоняющую отъ пугливаго взора опасность,—и, миновавъ ее, снова пускается, бодрый и какъ всегда блестящій, въ дальнѣйшій путь.

II.

Жизнь человъка, со своей нравственно-разумной стороны, слагается изъ троявихъ отношеній: къ высшему началу самой жизни, -- въ людямъ---и, наконецъ, въ самому себъ. Всъ эти отношенія тісно переплетены между собою взаниными вліннісми и необходимостью внутренней гармоніи. Отсутствіе связи между ними и наличность дисгармоніи тяжко отражаются и на последовательности дъйствій, и на душевномъ стров человька, вызывая невидимыя внутреннія драмы и отталкивающія видимыя картивы разлада между словомъ и деломъ, воторый тщетно старается приврыться гнилою тванью вомпромиссовъ и приспособленій. Разъясненію и опредъленію этихъ отношеній и была посвящена трудовая д'ятельность Соловьева, наполнившая всю его жезеь, властно и неувлонно, - разнородная по формъ и содержанію, единая по своему стремленію въ истинъ, всегда чистан и по цёли, и по источнику. Съ тёми или другими проявленіями этой дъятельности не всегда можно было соглашаться, въ нихъ можно было открывать ошибки, увлечения и односторонности, въ чемъ самъ Соловьевъ нередко прямодушно сознавался, но всегда къ этой двятельности, во всей ея совокупности, были безусловно приложимы слова пролога въ "Фаусту": "ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange ist sich des rechten Weges wohl bewusst*.

Нельзя сказать, чтобы при вступленіи Соловьева въ ученую и общественную жизнь указанныя выше троякія отношенія человъка понимались у насъ и складывались у большинства обра-

вованнаго общества съ достаточною продуманностью и глубиною. Ему пришлось начать свою двятельность съ осуществленія душевной необходимости высказать и поддерживать свой взглядъ на первое изъ этихъ отношеній—къ высшему началу жизни и вступить въ горячую, упорную и смёлую борьбу съ рядомъ ученій, воспринятыхъ съ Запада и быстро усвоенныхъ въ качествъ "послъдняго слова". Оно--- это слово--- не было особенно ободрительнымъ и оставляло въ душъ, не желавшей убаювивать себя обманчивою удовлетворенностью, большое місто для сомивній и не получавших разръшенія вопросовъ. Къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столетія, у насъ и на Западе, Канть и Гегель отошли въ область историческихъ воспоминаній и при томъ для большинства очень смутныхъ и ничего не говорящихъ. Весьма немногіе интересовались сущностью ихъ ученій, вогдато властно покорявшихъ себъ умы. Этому, конечно, особенно способствовало у насъ и закрытіе, съ 1850 года, самостоятельной васедры философіи въ университетахъ, такъ что, напримъръ, независимое слово о главнъйшихъ философскихъ теоріяхъ -- и то лишь по отношенію въ праву государства налагать уголовныя кары-слушатели петербургского университета услышали впервые послё многолётняго перерыва, въ начале шестидесятыхъ годовъ, отъ профессора уголовнаго права В. Д. Спасовича. Но и помимо этого-гегеліанство, распавшееся на три теченія, врайнія изъ которыхъ почти ничего общаго между собою не имъли, постепенно утратило стройную силу своего первоисточника, а ученіе Канта, этого Петра Великаго новъйшей философін, -- Канта, котораго профессоръ Котляревскій остроумно навваль "узловою станцією новой философіи", — съ его утвержденіемъ безсмертія души и свободы воли, съ начертаніемъ непререваемыхъ границь для опытнаго знанія и съ его категорическимъ императивомъ правтическаго разума, стало оказываться "бременемъ неудобоносимымъ". Это возвышенное и возвышающее духъ строгое ученіе представилось тяжелымъ и стеснительнымъ для многочисленных последователей культа несвободной и слабой воли, связанной и обусловленной множествомъ стоящихъ внв ея явленій; -- оно показалось слишкомъ отвлеченнымъ для тёхъ, кто, работая вакъ мыслитель, находиль, однако, занятіе вопросами о причинахъ, смыслъ и конечныхъ цъляхъ бытія праздною и безплодною гимнастикою ума. Задачи последняго стали сводиться исключительно къ всестороннему познанію и изученію неизмѣннаго и постояннаго соотношенія между реальными предметами, вытекающаго изъ сходства и последовательности явленій

живни. Только такимъ образомъ, —думали многіе, — сопоставляє и влассифицируя наши повнанія, можно открыть и выяснить законы жизни, вовсе не прибъгая къ лишеннымъ разумнаго основанія самоувъреннымъ въщаніямъ мистиковъ и произвольнымъ построеніямъ метафизиковъ. Такимъ путемъ должно возникнуть и восторжествовать то положительное знаніе, въ уста которому Флоберъ влагаетъ, въ "La tentation de St.-Antoine", горделивыя слова: "мое царство размърами равно вселенной, — моему желанію нътъ граннцъ, —я движусь, освобождая разумъ и въвъшивая міры безъ ненависти и жалости, безъ любви и Бога"!..

Широво разлившійся въ свое время на Запад'в позитивизмъ захватилъ своими волнами и мыслящее русское общество шестидесятыхъ и въ значительной мёрё семидесятыхъ годовъ. Съ легвой руки Огюста Конта и его последователей, подъ вліяніемъ заманчивой вившней стройности ихъ ученія, ненужный багажь устарълаго умоврвнія съ презрительнымъ сивхомъ быль выброшенъ за бортъ. Было признано, что настало время перейти въ третьему состоянію человіческого развитія, которое должно неминуемо и побъдоносно слъдовать за тъми заблужденіями ума, которыя носять названіе теологіи и метафивики. Это третье состояніе позитивное или научное пріучить, наконець, людей не саниматься пустыми попытками повять действительную сущность предметовъ и внушить имъ бросить навсегда праздные вопросы о цёляхъ бытія, о разумномъ и возвышенномъ значеціи существованія и т. п. Оно научить ихъ, устроясь подъ разв'ясистымъ древомъ влассифицированныхъ наукъ, взирать на жизнь, какъ она есть, не мудрствуя лукаво и изучая ея виминія проявленія. Такому направленію мысли, подъ влінніемъ общаго теченія, отдавалась, долгое время, наша молодежь. "Въ годы нашего студенчества, --пишеть въ своихъ богатыхъ содержаніемъ воспоминаніяхъ о В. П. Преображенскомъ профессоръ Котляревскій, — традиців 60-хъ и въ особенности 70-хъ годовъ были въ полной силъ. Изъ гимназін мы вышли съ корошимъ знаніемъ беллетристики и критики 60-хъ годовъ и съ кое-какимъ чтеніемъ переводовъ ученой лятературы, въ которой имена Дарвина, Спенсера, Льюиса, Милля и Конта попадались намъ очень часто. Читали мы эти книжки, вонечно, бъгло и не систематично, но все-тави у насъ образовался нівоторый вапась стереотипныхь философскихь понятій... Эта маленькая философская аптечка... была очень незамысловата; - всего какимъ-нибудь десяткомъ категорическихъ сужденій ограждали мы нашъ умъ отъ разныхъ искушеній мысли. Всв вопросы трансцендентные мы просто признавали правдными и

всявую метафизиву (слово, смыслъ котораго быль для насъ теменъ) мы какъ-то пассивно не любили"...

Вследь за повитивизмомъ-, властительницею думъ сделалась пессимистическая философія Шопенгауера и затімь Гартмана. Пессимизмъ, какъ міросозерцаніе и какъ житейская практика, ближе подошель вы потребностямь и запросамь человической души. Онъ попытался воснуться вопроса о томъ, что такое, по своему источнику, жизнь, — но онъ старался уяснить лишь происхожденіе жизни, а не ея смысль. Блестяще, какъ это дъласть Шопенгауеръ, объяснять различныя явленія жизни, еще не значить отвъчать на роковые вопросы-зачемъ и почему вознивло то, съ чёмъ связаны эти явленія. Если позитививиь, съ его механическою теорією прогресса, не давалъ законнаго міста и удовлетворенія развитію личности, то, съ другой стороны, и пессимизмъ съ его міровой волей, стремящійся проявить себя въ постоянномъ возобновлени жизня или съ выдвинутымъ Гартманомъ началомъ "безсознательнаго" — принижалъ эту личность, заставлян ее совнавать себя игрушкою и орудіемъ слішой силы, цізль которой, прикрываемая иллювіями несчастнаго людского сердца, есть исключительно поддержание рода путемъ твхъ отношений, которыя свойственны человъку какъ животному и наравиъ со всвии животными. Тутъ и проповъдь самаво широкаго состраданія мало даеть утвшительнаго. Съ мыслью о томъ, что природа, использовавъ человъка для безцъльнаго и близоруваго воспроизведенія имъ потомства, можеть затімь свазать ему: "der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen!" n что вз этом состоить смысль жизни-трудно примирить запросы человъческаго духа. Загадочный вопросъ вадачи бытія не разрѣшается такъ просто.

При тавихъ взглядахъ, очевидно, для религіознаго чувства не было мѣста. Понимаемая, вавъ дитя унаслѣдованныхъ суевѣрій и фантазіи, боящейся смѣло взглянуть въ лицо дѣйствительности, — вѣра могла возбуждать лишь презрительное недоумѣніе или высокомѣрное снисхожденіе. Но, однако, человѣкомъ чувствуется необходимость безусловнаго начала для своихъ высшихъ интересовъ, для своего разума и знанія, для своей воли и нравственной дѣятельности, для чувства и творчества. Эта необходимость создаетъ въ немъ и вѣру въ дѣйствительное существованіе этого начала. Какъ ни заглушать въ себѣ это чувство, какъ ни называть его, слѣдуя совѣту Фауста въ его разговорѣ съ Гретхенъ о вѣрѣ, оно, рано или поздно, въ той или другой формѣ подниметь свой голосъ и предъявить свое право на существованіе. Точная наука

не въ силахъ ни доказать, ни опровергнуть эту въру, такъ какъ опытъ, на которомъ она, главнымъ образомъ, зиждется, никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала имъть не можетъ.

Поэтому неминуемо долженъ былъ свершиться поворотъ къ тому, что, по мивнію позитивистовъ, было уже "längst überwunden" - въ религіи и къ метафизикъ. Нужно ли говорить о признавахъ этого поворота? Они слишкомъ многочисленны и разнообразны и стали появляться уже довольно давно. Стоитъ припомнить многія враснорѣчивыя страницы Лорана, въ ero "Etudes sur l'histoire de l'humanité", или вырвавшійся, еще въ 1876 г., у Гладстона, одного изъ благороднъйшихъ представителей XIX стольтія, упревъ: "Я удивляюсь, -- говорилъ онъ, -- манеръ, съ которою въ наши дни честными и талантливыми людьми отвергается самое понятіе о Богъ, какъ дъйствующемъ и правящемъ верховномъ существъ. Можно было бы думать, что въръ, которая умиротворяла сомивнія многихъ людей, уттшала и усповоивала массу повольній - не будуть откаваны, по крайней мфрф, приличія траура... Но на діль мы видимъ, что вадъ нею васмъхаются съ торжествомъ и энтузіазмомъ". И скептивовъ, въ лицъ самыхъ блестящихъ въ ихъ средъ поэтовъ и мыслителей, не удовлетворяло механическое и матеріалистическое міровоззрівніе. Уже Альфредъ Мюссе восклицаль: для меня невыносимы люди, со смехомъ оттялкивающе отъ себя все, что называется вфрою... Я тоже сомновался всю жизньи продолжаю сомивваться, -- но я двлаю это со сврежетомъ зубовъ, а не съ язвительною насмъшкою; -- я смотрю на мучающее меня сомнъніе въ отношеніи въры не какъ на привилегію, данную природою моему духу, а вакъ на страшную душевную вару; -- отъ этой страшной муни я старался освободиться встми средствами, и если это мет не удалось, то за мною все-таки остается заслуга, что я извлекъ изъ болота матеріализма свое лучшее я". Ренанъ, по всвиъ философскимъ твореніямъ котораго разлить благодушный свептицизмъ, въ концъ своей спокойносоверцательной жизни признаваль огромную роль, которую въ управленіи его жизнью играла уже потерянная имъ религія, имъющая, однаво, ту особенность, что продолжаетъ действовать даже и после того, какъ, повидимому, умерла въ душъ человъка. Онъ, еще въ 1866 г., называль такія разнородныя явленія, какъ солнце, зарожденіе человъка, совъсть - чудесами, ибо наука не въ силахъ объяснить ихъ происхожденіе, составляющее непроницаемую тайну, подобно всёмъ началамъ жизни, для разгаданія которыхъ у насъ нътъ данныхъ. Находя, что сверхчувственныя стремленія присущи природъ человъка, онъ признавалъ, что высшимъ выражениев

этихъ стремленій является понятіе о Богь, для признанія котораго нужны не выводы знанія, а великія поэмы. Такъ называлъ онъ религіозныя върованія. "Исторія обнаруживаеть, — писалъ онъ, — что человъческой природь присущъ трансцендентальный инстинкть, направляющій ее въ высшей цъли. Самое развитіе человъка было бы необъяснимо, если допустить гипотезу, что онъ обреченъ на конечное существованіе, что добродътель есть въощренный эгоизмъ, а религія—не болье какъ химера".

Въ защиту законности существованія въры стали выступать, затъмъ, и глубовіе ученые, и дъятельные политики. Пастеръ, - про котораго съ полнымъ правомъ, какъ и про Гете, можно бы сказать: "была ему внига природы ясна", —въ своей вступительной во Французскую Академію річи сказаль: "понятіе о безконечноми находить себь неизбъяное выражение вездъ и во всемъ міръ; благодаря ему, сверхчувственное лежить на днв важдой души,бытіе безконечнаго въ самомъ себѣ заключаетъ болѣе сверхъестественнаго, чёмъ сколько его во всёхъ чудесахъ всёхъ религій. Иден Бога-лишь форма иден о безконечномъ". -- "Я много нзучаль — и върую, поэтому, какъ бретонскій крестьянинъ; еслибы я сдёлался еще ученёе, то моя вёра стала бы такъ же глубока и пламенна, какъ въра простой бретонской женщины ",--писаль онь на склонь своихь дней. Пришель въ тому же выводу врасноръчный и безупречный испанскій политическій дъятель — Эмиль Кастеларъ. "Сомнъніе и вемныя блага всегда найдутъ себъ усердныхъ служителей, — говорилъ онъ, — но сомнъніе и эти блага никогда не будутъ имъть мученивовъ за себя. Чтобы достичь какой-либо цели, чтобы переплыть бурное море жизни, - необходимо ступить на корабль въры. На этомъ именно кораблъ пребывалъ Колумбъ, когда отврылъ Новый Свътъ! И еслибы посавдній вовсе не существоваль Вогь вызваль бы его изъ водной пустыни Атлантики, чтобы вознаградить этого человъва за его въру, за его върность этой върв! ... "Я хочу жить, -- восвлицаль онъ въ одной изъ своихъ ръчей, — чтобы во дни труда, назначенные мив Создателемъ, съять съмена доступнаго мив добра, - а затёмъ, буду спокойно ждать, съвъ на придорожные камни, того часа, съ котораго кончается смерть и начинается истинная, безвонечная жизнь"...

Эту необходимость вёры, разлитой вы человёчествё, независимо отъ отдёльныхъ случаевъ ея сознательнаго отрицанія отдёльными личностями, превосходно выразиль тоть же Ренанъ. "Человёкъ, — говорить онъ, — руководимъ исключительно идеей о будущемъ. Народъ, всецёло отрекшійся отъ всякой вёры въ то,

что должно существовать по ту сторону смерти, склонился би въ полному паденію. Отдёльное лицо можеть свершать великія дёла, не вёруя въ безсмертіе, но надо, чтобы въ послёднее вёрили за него и вокруга него".

Такимъ образомъ, возрождение потребности въ религизныхъ върованіяхъ, какъ утъшенін, поддержев и основаніи для стойваго преследованія идеальных пелей-съ одной стороны, и признание правъ личной воли, въ противоположность безсовнательной міровой волі, нашедшее себі впослідствін блестящее вираженіе въ ученіи Ниппе, съ другой — содействовали умаленію прежняго, почти безусловнаго, владычества позитивизма и выросшаго на ряду съ нимъ пессимняма. Повторилось даже обычное явленіе. Критнеа позитивнама и неудовлетворенность пессимистическимъ воззрѣніемъ на жизнь перешли въ крайность, почти въ отрицаніе ціности и значенія науки. "Воть скоро сто літь, - писаль въ 1894 году Брюнетьеръ въ произведшей большое внечататьніе статьв, — вакъ наука обвіщала обновить міръ, разсвять тайну, но ничего не саблала въ этомъ отношении. Она не въ силахъ рёшить единственно важные и существенные вопросыо происхождении человъка, о законахъ его духовной жизни, о его грядущей судьбв. Естественныя науки никогда ничего по этой части не откроють; поэтому, если наука еще не потеривла полнаго банкротства, то, во всякомъ случав, она оказалась несостоятельною". Это утверждение Брюнетьера было подхвачено целымъ коромъ писателей, поспешности мысли которыхъ не соотвътствовали ея продуманность и глубина. Несостоятельность есть первый и главный шагь въ банкротству, -- заявляли они, -и такъ какъ тъ иллюзін, которыми наука обманывала своихъ довърителей, разоблачены, то теперь же, не задумываясь долго, савдуеть провозгласить "банкротство науки"! И оно было провозглашено съ твиъ же непонятнымъ злорадствомъ, какъ прежде было объявлено о "банкротстве веры" —и тоже безъ всяких "приличій траура", о которыхъ говорилъ Гладстонъ. Къ счастію, это ливованіе продолжалось недолго. Серьезныя возраженія—я въ особенности преврасная статья Шарля Рише въ "Revue Scientifique"—заставили Брюнетьера, а затемъ и его ослъщиенныхъ последователей смягчить решительность своихъ приговоровъ. Если современная философія не должна и не можеть быть ancilla theologiae, то точно также и положительная наука не можеть быть ничьей ancilla. Идя самостоятельнымь путемъ, благотворно озареннымъ лучами отврытій, все болве и болве углубляясь въ подробности міровой жизни, наука съ каждымъ днемъ отодвигаетъ все дальше границу, за которою начинается область нев'вдомаго, гд'в вступаютъ въ свои права умовр'вніе и в'вра. Наука
и не призвана разр'єтать вопросы в'єры или объяснять правственныя начала жизни челов'єва. Опыть, на которомъ она строитъ
свои выводы, — способы и пріемы, которыми она вооружена, — не
могутъ им'єть прим'єненія для разр'єтенія этихъ вопросовъ. Не
надо, поэтому, и ставить такихъ вопросовъ положительной наукъ.
Но отсюда еще не сл'єдуетъ заключать о банкротств'є. Напротивъ, въ естественной сфер'є своей д'єнтельности никогда, быть
можеть, не стояла наука такъ высоко, какъ теперь, никогда не
открывала она бол'єє широкіє и заманчивые горизонты.

Жажда въры, столь поиятная у нъкоторыхъ въ наше время господства узваго себилюбія и приврытаго весьма прозрачными софизмами грубъйшаго эгоняма в произвола, пробудившись съ особою силою, не могла, какъ это всегда бываеть въ такихъ случаяхъ, не привести къ разнымъ врайностямъ, и вызвала, особенно во францувскомъ обществъ, расцвъть болъвненно-мистическихъ теорій, въ которыхъ возвышенная сторона христіанскаго ученія оказалась принесенною въ жертву бездушной формъ или разнымъ утонченностямъ и извращеніямъ чувственности. Теперь этотъ угаръ начинаетъ проходить или, по крайней мъръ, опъниваться по своему действительному достоинству, но стремление обресть настоящую въру и украпиться въ ней остается въ средъ францувской молодежи. Въ этомъ отношении очень интересно изследование (enquête), произведенное года три назадъ парижскимъ журна-момъ "Revue des Revues", обратившимся къ молодымъ францувскимъ писателямъ и представителямъ различныхъ союзовъ и ворпорацій молодежи съ приглашевіемъ высваваться по ряду вопросовъ, относящихся въ политикъ, общественному устройству ирелигін. При всемъ разнообразіи отвътовъ на первыя двъ ватегорім вопросовъ, оказалось вамічательное единодушіе въ отвітахъ о религіи. Большинство спрошенныхъ,—а спрошенъ былъ цевтъ французской молодежи,—не только не отрицаетъ необходимости религін для облегченія жизненнаго пути, но стремится въ ней, ищеть ее и въ ней часть найти не только свое личное обновленіе, но и испъленіе общественныхъ недуговъ.

III.

Вл. С. Соловьеву пришлось впервые выступить публично въ самый разгаръ повлоненія позитивизму въ нашемъ обществъ—повло-

ненія очень часто слібпого и заставлявшаго многихъ принимать истины новаго ученія, такъ сказать "въ кредить", и jurare in verba magistri. Были, конечно, и у насъ серьезные и ученые представители этого направленія, путемъ самостоятельнаго труда пришедшіе въ признанію его правильности и строгой научности, но едва-ли будетъ смелымъ сказать, что многіе изъ называвшихъ себя позитивистами были пленены возможностью покончить разъ навсегда съ метафизикою отчасти вслёдствіе того нашего свойства, которое К. Д. Кавелинъ называлъ "ленью ума". Быть позитивистомъ казалось легче, чёмъ заниматься умозрвніемъ, — выводы въ той ограниченной области, которую отмежеваль онъ себъ, были доступнъе и категоричнъе-и своръе, бевъ сложной работы вритической мысли, поддавались усвоению. Притомъ, это было "последнее слово", а мы вообще такъ любимъ это последнее слово, такъ стриме въ него, котя бы оно само и отрицало всякую въру. Вивств съ темъ, наше религозное развитіе давно уже мерцаеть очень слабо. Религіозныя начала въ теченіе десятвовъ лёть, за немногими исключеніями, являлись у насъ замвнутыми въ рамки формализма — и у многихъ живыя основы върованій систематически заслонены и даже упразднены мертвою обрядностью. Говорить о вопросать въры, совнаваться, что интересуепься ими и тревожищься ихъ разръщеніемъ въ ту или другую сторону, значило, по большей части, рисковать прослыть неразвитымъ, скудоумнымъ человевомъ и, быть можеть, услышать упрекъ героя одного изъ Тургеневсвихъ стихотвореній въ прозъ: "вакъ?! вы еще върите? -- помилуйте, да вы-отсталый человъвъ!" А мы не любимъ быть отсталыми отъ господствующого направленія, въ какую бы сторону оно ни вело; свитаніе нашей незралой мысли охотно завершается присоединеніемъ во "всімъ", потому что ей непривычна уединенная и трудная дорога, требующая пытливаго взгляда впередъ и опоры исключительно на свои собственныя силы.

Вотъ почему появление на кафедръ молодого ученаго (ему былъ всего 21 годъ) сначала въ качествъ защитника своей магистерской диссертации "Кризисъ западной философін", а потомъ, въ качествъ доцента, читающаго лекции "о богочеловъчествъ" — было цълымъ событіемъ въ умственной жизни нашего общества и вмъстъ своего рода духовнымъ подвигомъ со стороны Соловьева. Безтрепетно и чуждый малодушнаго исканія популярности пришелъ онъ къ воспріимчивой, державшейся противоноложныхъ взглядовъ, горячей въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ значительной степени враждебно настроенной, моло-

дой толп'в, — и предъ нею открыто и твердо, безъ уступокъ и оговорокъ, изложилъ свое испов'яданіе в'три, — да не только изложилъ, а настойчиво сталъ призывать къ нему!

Въ задачу нашей статьи не входить не только разбирать, но даже и излагать вкратцъ взгляды, высказанные имъ въ своей дессертаціи и на своихъ лекціяхъ, разныхъ по предмету, но пронивнутыхъ единствомъ убъжденія. Это должно составить предметь особаго и притомъ весьма сложнаго труда. Руководящія нден такого труда уже изложены въ замѣчательной статьѣ князя С. Н. Трубецкого: "Основное начало ученія Вл. С. Соловьева", помъщенной въ "Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Соловьева", составляющемъ 56-ю внигу московскаго журнала "Вопросы философіи и психологіи". Но вдёсь нельзя не припомнить словъ о "настоящей задачь философіи", предпосланныхъ Соловьевымъ своему диспуту въ петербургскомъ университетъ, въ 1874 году. Довазывая, что если разумъ, въ извъстный моменть своего развитія, становится необходимо въ отрицательное отношеніе въ содержанію религіозной віры, то въ дальнійшемъ ході этого развитія онъ съ такою же необходимостью приходить къ признанію началь, составляющих сущность истинной религіи, -и утверждая, что задача философской мысли есть достижение высшаго синтеза философскаго познанія и религіозной віры, Соловьевъ говориль: "съ исчезновеніемъ глубовихъ убъжденій, всеобщихъ безусловныхъ идей, долженъ опустеть міръ внутренній и потерять свою врасоту мірь вившній: каждый почти день приносить намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человъкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эфиръ міра духовнаго такъ же необходимъ для его жизни, какъ и воздухъ міра вещественнаго. Когда человъвъ, освободившись отъ всякихъ безусловныхъ началъ и стремленій, обращается исключительно въ непосредственнымъ практическимъ интересамъ, то скоро для него самого обнаруживается та парадовсальная истина, что всё эти наслажденія и радости обывновенной жизни, которыя важутся такими непосредственными и себъ довлъющими, въ дъйствительности имъютъ значение только при чемъ-нибудь другома, только какъ матеріальная подкладка, вившняя среда другой, высшей жизни, сами же по себъ, поставленныя какъ цъль, лишены всякаго положительнаго содержанія и радикально неспособны дать какое-нибудь удовлетвореніе... Сокровища непосредственной жизни имъють цъну лишь тогда, когда за ними тантся безусловное содержаніе, вогда нада ними стоить безусловная цёль ". — "Воззрізнія и убъжденія высшаго порядка дъятельной жизни необхо-

Томъ I.-Февраль, 1903.

димы, —дополняль онь въ другомъ мѣстѣ, — онѣ должны разрѣшать существенные вопросы ума, вопросы объ истинѣ сущаго, о смыслѣ или разумѣ явленій, — и вмѣстѣ съ тѣмъ должны удовлетворять и высшимъ требованіямъ воли, ставя бевусловную цѣль для хотѣнія и опредѣляя верховную норму дѣятельности. Этой задачѣ не находится разрѣшенія ни въ практической жизни, ни въ положительной наукѣ; воззрѣнія высшаго порядка проявляются лишь въ формахъ философіи и религіи".

Лекціи Соловьева им'тли большое вліяніе на аудиторію. "Пора стать равнодушными въ ограниченнымъ интересамъ этой жизни и свободно и разумно увъровать въ другую, высшую дъйствительность. Такъ опредълилъ онъ свою задачу - и первый началъ говорить живымъ, образнымъ, сильнымъ и общепонятнымъ языкомъ о томъ, что Пушкинъ называлъ "тайнами въчности и гроба". Нътъ сомивнія, что у многихъ слушателей его, а впоследствін, когда ему были надолго "заграждены уста", — у читателей его про-изведеній, посвященных религіознымъ вопросамъ, въ далевихъ уголкахъ души жило, быть можеть неясно совнаваемое, желаніе върить и чувствовалась щемящая тоска по "высшей дъйствительности". Но до начала деятельности Соловьева объ этомъ вругомъ почти все молчало в отвътовъ на робкіе, неясные и, подъ вліяніемъ господствующихъ настроеній, стыдливые вопросы, приходилось искать въ мало-понятныхъ догматическихъ разсужденіяхъ спеціальныхъ богословскихъ журналовъ. Соловьевъ сибло возвель это неудовлетворенное желаніе и эту тайную душевную жажду на степень нравственной потребности, громко о себъ заявляющей. Къ нему вполнъ примънимо то, что было сказано о Достоевскомъ. И онъ, "въ пылу нелицемърномъ", у своихъ слушателей "подымалъ вворы отъ земли", соединяя при томъ изящество формы съ глубиною содержанія. Во всеоружіи своихъ богословскихъ знаній, поражая своею начитанностью и действительнымъ знакомствомъ съ многообразными и трудно-доступными источнивами, Соловьевъ представляль, въ своемъ родъ, исключительное явленіе въ свътскомъ обществъ. Старые славянофилы, "твердые въ писаніи", сошли со сцены, и даже простое, но точное знакомство съ Евангеліемъ было, а пожалуй можеть считаться и теперь, довольно редвимь явленіемъ. Да и можно ли ожидать и требовать внимательнаго знакомства съ въчною книгою, воторая независимо отъ своего содержанія, даже и по сжатости и величавой простотъ своего изложенія, занимаетъ одно изъ первыхъ мъстъ, тамъ, гдъ возможно совершенно добросовъство ссылаться на тексть: "нъсть пророкь въ отечествъ своемъ", какъ

на изопстную французскую пословицу;—гдѣ слова: "мнѣ отмщенье и азъ воздамъ", въ ученой рѣчи влагаются въ кроткія уста Христа, и гдѣ о Фаустѣ пишется, что, раскрывая "Книгу бытія", онъ читаетъ въ ней: "въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу"?

Подъ вліяніемъ Соловьева, вопросы религіи и философіи стали переходить со страницъ мало изв'єстныхъ и не всегда доступныхъ спеціальныхъ изданій на страницы сборниковъ и журналовъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ. На слушателей н читателей д'яйствовалъ притомъ не только его талантъ, но и обаяніе его личности, ея правственная врасота, не позволявшая вид'єть въ немъ ни д'ялателя карьеры, ни узкаго догматика, ни искуснаго оппортуниста. "Wahrheit gegen Feind und Freund!"—слышалось во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ. И это покоряло ему сердца всёхъ еще ранве, чтыть подчинялись ему, посл'є борьбы и волебаній, умы многихъ.

Разработывая религіозные вопросы, Соловьевъ мечталъ о соединеніи церквей. Эти мечты послужили поводомъ къ обвиненіямъ его въ отступничествъ от въры отцовъ, въ желаніи подчинить русскую народную церковь авторитету папы и т. д. Не было, въ свое время, недостатва ни въ горячихъ филиппикахъ, ни въ ядовитыхъ намекахъ по его адресу. Но время — этотъ "galantuomo", по выраженію итальянцевъ, вызвало болье спокойное отношеніе въ "битью челомъ папів" и въ "искусному діалектику, прячущему за спиною папскую туфлю", а опубливованныя въ последніе годы письма Соловьева доказали, что онъ оставался всю жизнь върнымъ той церкви, священнослужителемъ которой быль глубовочтимый имъ дёдъ его. Желаніе соединенія церквей, хотя бы въ отделенномъ будущемъ, жило, однаво, въ душъ Соловьева до конца его дней. Это желаніе было присуще и Хомякову, и высказано было имъ, еще за двадцать льть до появленія Соловьева на общественной арень, въ извъстной перепискъ его съ Пальмеромъ. Оно и нынъ одушевляетъ многихъ искренно-върующихъ людей.

Церковь, говорилъ Соловьевъ, есть всемірная организація истинной жизни. Наша жизнь, однако, уклонилась отъ своихъ истинныхъ началъ. Она страждетъ умственными и нравственными немощами, влекущими къ разложенію общественныхъ силъ, —и начало этихъ недуговъ лежитъ, по его мнёнію, въ ослабленіи организма самой церкви. Причина последняго — раздёленіе видимой церкви на разобщенныя и враждебныя одна другой части. Но общій недугъ долженъ имъть и общее средство исцёленія. "Исторіей, — писалъ онъ, — обравована пропасть между восточною и западною церковью. Но какъ

ни глубока эта процасть, все-таки она вырыта не Божьими, а человъческими руками. Раздъленіе церквей-это Божье попущеніе, а не Божья воля. Божья воля неизмина: да будет ведино стадо и едина пастырь. Итакъ, должно прилагать старанія въ тому, чтобы быдъ васыпанъ этотъ пагубный ровъ, разделившій стадо Христово". Соловьевъ былъ твердо убъяденъ, что примиреніе церквей есть историческая задача Россіи, которая въ этомъ . отношеніи можеть и должна свазать міру новое слово, отревшись отъ своей церковной замкнутости и вступивъ на путь взаимнаго уваженія и практическаго знакомства съ духовными силами западной церкви. Это долженъ быть путь не безцъльнаго соединенія недостатвовъ и слабостей одной стороны съ темными сторонами другой, а путь христіанскаго отношенія другь жь другу въ виду великой цели — достижения церковнаго мира на землю. Воть что говориль онь, между прочимь, по этому поводу: "храмовое и домашнее христіанство существуеть въ действительности-оно есть факта. Христіанства вселенскаго еще нътъ въ дъйствительности, оно есть только задача — и какая огромная, превышающая, повидимому, силы человъческія, задача. Въ дъйствительности всё общечеловеческія дёла—политика, наука, искусство, общественное хозяйство, находясь виб-христіанскаго начала, вивсто того, чтобы объединять людей, раздвляють ихъ, нбо всё эти дёла управляются эгонзмомъ и частной выгодой, соперничествомъ и борьбою, — и порождаютъ угнетеніе и насиліе. Такова действительность, таковъ фактъ". -- Поэтому онъ и стремился, по собственнымъ словамъ, "оправдать въру отцовъ, возведя ее на новую ступень разумнаго сознанія и показавъ, какъ эта древняя въра, освобожденная отъ оковъ мъстнаго обособленія и національнаго самолюбія, совпадаеть съ вічною, вселенскою истиною "...

Въ краткомъ очеркъ невозможно не только разбирать, но даже и систематически изложить религіозно-богословскіе взгляды Соловьева со всти ихъ особенностими. Достаточно сказать, что вст они проникнуты самымъ широкимъ пониманіемъ христіанства какъ ученія, долженствующаго стоять внт и выше вста придуманныхъ человтчествомъ условій мъста и времени, — что по нимъ, какъ красная нить, проходитъ мистическій элементь, въ силу котораго существованіе Бога постигается не одною вперою, но открывается и знаніемъ; — что въ "Духовныхъ основахъ жизни" съ великою красотою изложены основанія его втры въ безсмертіе и въ ртштельное и неизбъжное торжество правды на землт, втры, основанной не на узко-оптимистическомъ тол-

вованіи внішних обстоятельствь, а на живомь и сознательномь душевномь ощущеніи, заставившемь его восыливнуть:

"Богь здёсь, теперь,—средь суеты случайной Въ потокахъ мутныхъ жизненныхъ тревогъ... Владеемъ мы всерадостною тайной,— Безсильно эло, мы вёчны, съ нами Богы"

Съ этой върою въ душъ шель онъ бодро въ жизни, несмотря на многое тяжелое, несмотря на осворбленія и вольное или невольное непониманіе его многими. Эта въра была для него не однимъ прибъжищемъ въ скорбяхъ, но и тайнымъ сознаніемъ торжества того, что онъ считалъ правдой... Съ нею же встрътиль онъ непостыдно и спокойно смерть.

Труденъ былъ и извилистъ его умственный путь. На утръ дней—туманы, а въ разгаръ дня—холодъ—окружали его, но въ своемъ стремленіи къ познанію и къ проповъди того, что казалось ему истиною, онъ былъ настойчивъ и неуклоненъ. Онъ самъ изобразилъ это въ прекрасныхъ стихахъ:

Въ туманъ утреннемъ невърными шагами Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ. Воролася заря съ послъдними звъздами, Еще летали сны—и схваченная снами Душа молилася невъдомымъ богамъ.

Въ холодный бълый день дорогой одиновой, Какъ прежде, я иду въ невъдомой странъ. Разсъялся туманъ, и ясно видить око, Какъ труденъ горній путь, и какъ еще далеко, Далеко все, что грепплося миъ.

И до полуночи неробкими шагами Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ, Туда, гдъ на горъ, подъ новыми звъздами, Весь пламенъющій побъдными огнями, Меня дождется мой завътный храмъ.

Мы свазади, что онъ стремился въ проповеди. Его, то насмешливо, то серьезно обзывали и называли пророкомъ или упрекали въ томъ, что онъ присвоиваетъ себе пророческую миссію. Такъ, конечно, не смотрелъ на себя Соловьевъ. Но онъ, по верному замечанію князя С. Н. Трубецкого, признавалъ свободное служеніе высшему идеалу за свое призваніе и самъ определялъ пророка какъ "общественнаго деятеля безусловно независимаго, ничего внёшняго не боящагося и ничему внёшнему не подчиняющагося". — "Всякому, конечно, желательна нравственная свобода, — говориль онь, — какъ всякому можеть быть также желателень верховный авторитеть и верховная власть, но одного желанія туть мало. Верховный авторитеть и власть даются милостью Божіей, а настоящую свободу самь человёкь должень заслужить внутреннимь подвигомь. Право свободы основано на самомь существь человёка и должно быть обезпечено извнё государствомь. Но степень осуществленія этого права есть именно ньчто такое, что всецьло зависить оть внутреннихь условій, оть степени достигнутаго нравственнаго сознанія. Действительнымы носителемь полной свободы, и внутренней, и внёшней, можеть быть только тоть, кто внутренно не связань никакою внёшностью, кто въ послёднемь основаніи не знаеть другого мёрила сужденій и действій, кромё доброй воли и чистой сов'єств".

Въ одной изъ своихъ замвчательныхъ рвчей въ память Достоевскаго, представляющихъ глубокую и тонкую характеристику сложныхъ мотивовъ творчества этого писателя, Соловьевъ въ враткихъ словахъ опредвлилъ практическое значение той въры въ торжество добра, которою быль одушевлень самъ. "Въ томъто и заслуга, въ томъ-то и значение такихъ людей, какъ Достоевскій, -- говорить онь, -- что они не превлоняются предъ силой факта и не служать ей; - противь грубой силы того, что существуеть, у нихъ есть духовная сила въры въ истину и добровъ то, что должно быть. Не искушаться видимымъ господствомъ вла и не отрекаться ради него отъ невидимаго добра-есть подвигъ въры. Въ немъ вся сила человъка! Кто не способенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сделаетъ и ничего не скажетъ человъчеству. Люди факта -- живутъ чужою жизнью, но не они творять жизнь. Творять жизнь-люди выры! Это тв, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми... они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человъчества".

IV.

Отношеніе человъва въ овружающему его міру людей, въ обществу выражается прежде всего его связью со своимъ народомъ. Принадлежность въ извъстной національности, признаніе ея своею составляетъ неотъемлемое и неизбъжное свойство человъва, въ какомъ бы союзъ—родовомъ, племенномъ или государственномъ онъ ни находился. Космополитизмъ не только почти

немыслимъ въ чистомъ видъ, но и совершенно безплоденъ. Онъ похожъ на губву, впитывающую въ себя все и при первомъ же давленів ничего въ себ'є не удерживающую. Сама природа создаеть физическія и этнографическія особенности, обусловливающія разницу въ племенахъ и народахъ, и служащія основаніемъ для представленія объ отдёльных національностяхь. Естественную и историческую законность существованія національностей признавалъ даже и такой борецъ за общечеловъческие идеалы, какъ Вольтеръ. И суровый въ осуждении "людскихъ предразсудковъ" Шерръ соглашается, однаво, съ положениемъ о томъ, что "до общечеловъческаго можно добраться лишь уцъпившись за національное". Невидимыя и нёжныя струны связывають человёка съ его землею в народомъ, не подлежа холодному разсудочному анализу; --- родная рвчь, въ которой слышатся первыя совнательно воспринятыя слова матери, -- образы и звуки, съ которыми связаны воспоминанія д'ятства-все это особенно близко сердцу человъка, все это составляеть для него дорогую и ничёмъ другимъ незамёнимую духовную и житейскую обстановку... "Только въ живомъ общеніи съ народомъ, по мнънію Хомявова, выходить человъвь изъ мертвеннаго одиночества эгоистического существованія и получаеть значеніе живого органа въ веливомъ организмъ; только при немъ всявая вдравая мысль и всякое теплое чувство, возникшія въ каждомъ отдъльномъ лицъ, могутъ сдълаться общимъ достояніемъ и получить вліяніе и значеніе..."

Но вийстй съ тимъ существують общіе для всйхъ народовъ идеалы и илли, коренящіеся въ глубинй единаго человическаго духа. Поэтому каждая національность, добившись практическаго выраженія своего права на самостоятельное существованіе въ области редигіи, явыка и бытовыхъ особенностей, должна затимъ примкнуть въ этимъ идеаламъ и стремиться къ этимъ цилямъ, лишь осуществляя ихъ согласно своимъ природнымъ свойствамъ. Такъ достигается единство въ разнообразіи, которое есть истинная задача культуры.

Нельзя не согласиться съ Соловьевымъ, что всё условія современной европейской культуры должны быть христіанскими. Этимъ и опредёляется, въ чемъ должно состоять единство не только идеаловъ и цёлей, но и способовъ въ ихъ достиженію.

Европейское общество переживаеть, однако, въ послъдніе годы, тяжелый нравственный вризись. Возвышенные идеалы меркнуть, цъли становятся все болье и болье обособленными и если могуть быть названы великими, то уже не по своему содержанію, а лишь по объему средствъ, необходимыхъ для ихъ

достиженія. Понятія, которыми двигалось нравственное развитіе и достиженіе лучшихъ отношеній общежитія-не то чтобы были упразднены, а незамётно и постепенно утрачивають свои ясныя очертанія и заміняются суррогатами, въ которыхъ есть все, исключая истинной сущности того, на мъсто чего ихъ стремятся поставить. Такъ, напримъръ, доброта замъняется суррогатомъ, называемымъ чувствительностью, причемъ последняя подчасъ бываеть весьма жестовою; — чувство чести замвняется самолюбіеми и тщеславіеми; - любовь и праведное негодованіе уступають мёсто симпатіи и увлончивому несоцивствію; на мъсто долга усаживаются польза и удобство и т. д. Точно такъ же происходить, почти по всюду, замена понятія о національности —понятіемъ о такъ называемомъ націонализмю. Переходъ отъ одного въ другому совершается, по мевнію Соловьева, путемъ всесторонняго возбужденія и воспитанія техъ чувствъ, которыя, при правильномъ взглядё на истинный смыслъ и значеніе національности, могутъ играть лишь второстепенную роль, не выдвигаясь на первый планъ и не будучи увладываемы "во главу угла . Задача національнаго развитія не можеть стоять въ противоръчіи съ воспріятіемъ народомъ общечеловъческихъ началъ, съ признаніемъ, что люди, будучи разными по происхождепію и по условіямъ своей исторической живни, все-таки, въ концъ концовъ, не чужіе другь другу и братья предъ лицомъ Госполнимъ.

Развитіе націонализма въ его крайней исключительности и его несомивниме усивки, являющиеся результатомъ смвшения понятий или ослепления временными и преходящими обстоятельствамиочень озабочивали и тревожили Соловьева. Онъ неодновратно брался за перо по этому поводу-и горячимъ словомъ выражаль свое осужденіе расцевту паціонализма въ живни и въ литературв. "Для всяваго народа, —писалъ онъ, —только два историческихъ путиязыческій (или ислама) — путь самодовольства, восности и смерти и христіанскій — самосознанія, самосовершенствованія и жизни". Съ ръзвою опредъленностью высказаль онъ свой взглядъ на условія и способы проявленія истинной любви въ своему народу. "Говорять, — писаль онь, — что нельзя на дили любить человечество или служить ему - это слишкомъ отвлеченно и неопределенно, а можно дъйствительно любить только свой народъ. Конечно - человъчество не можеть быть ощутительнымъ предметомъ любви, но этого и не требуется: довольно, если мы свой народъ (или хотя бы ближайшую соціальную среду) любимъ по человически и желаемъ ему тёхъ истинных блага, которыя не съуживають, а расширяють его собственную жизнь, поднимають его нравственный уровень и образують его положительную духовную свявь со всёмъ Божьимъ міромъ. При такомъ истинномъ патріотизмѣ служеніе своему народу есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и служеніе человѣчеству. Но когда, подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣчество есть лишь отвлеченное понятіе, мы начинаемъ поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать его инстинкты и укрѣплять въ немъ образъ звѣриный, то кого же и что мы туть любимъ, кому и чему этимъ служимъ?"

Определение пути, по воторому идеть развитие русскаго общественнаго сознанія, должно было неминуемо привести Соловьева въ опенке учения славянофиловъ, въ чемъ оно касается вопросовъ внутренней жизни и правственныхъ задачъ народа. Онъ относился съ глубовимъ уваженіемъ въ "отцамъ цервви" славянофильства, отдавая дань искренняго уваженія чистоть ихъ побужденій и ихъ возвышенному правственному облику, хотя и указываль на некоторыя слабыя стороны этого направленія. Онъ проводиль, напримъръ, мысль, что лучшіе люди до-Петровской Руси мечтали о тъхъ учрежденіяхъ и юридиво-бытовыхъ отношеніяхъ, которыя сдёлались возможными лишь какъ дальнёйшее развитіе реформы, произведенной великимъ "работникомъ на тронъ", обратившимъ еще смутное и практически безвыходное желаніе во властное хотвніе. Онъ обращаль вниманіе на то, что возмущавшія старыхъ славянофиловъ явленія въ современной имъ жизни — безсудье, поборы, ввяточничество — особенно процветали нменно въ томъ періодъ русской исторіи, въ воторому съ любовью обращали вворы хулителя и развънчиватели Петра, - и на то, что предметы ихъ справедливыхъ вождельній -- судъ общественныхъ представителей, свободу совъсти и слова-надо искать впереди, а не назади, не "по ту сторону" Петра, гдв объ этомъ, вполнъ или въ существенныхъ чертахъ, и помину не было. Онъ съ добродушной проніей указываль и на особые пріемы, которые были употребляемы некоторыми изъ славянофиловъ въ письменныхъ спорахъ религіознаго характера съ представителями иновёрія, причемъ сравнивалось, напримъръ, отвлеченное и строго догматическое ученіе одной церкви съ фактическимъ положеніемъ другой подъ вліяніемъ человічестих несовершенствь и въ рукахъ "рабовъ лънивыхъ и лукавыхъ" — и, конечно, сравненіе этихъ величинъ, взятыхъ, такъ сказать на разныхъ плоскостяхъ, выходило въ явную пользу идеальнаго порядка и во вредъ порядку, созданному жизнью.

Но въ общемъ, у Соловьева постоянно и въ тонъ, и въ

содержанін его статей сввозить признаніе светамих сторовь въ славянофильствъ первой стадии его развития. Нападения его на славянофиловъ въ этомъ періоде развитія ихъ ученія были твиъ, что митрополить Филареть, на своемъ образномъ и сильномъ язывъ, называлъ "язвами друга, наносимими по братолюбію, кои достовърнъе, чъмъ вольныя лобзанія врага"... Но вторая стадія, вогда славянофилы, по мевнію его, стали повлоняться народу уже не какъ "носителю вселенской правди", а какъ стихійной силь-помимо правды, и затымъ третья стадія, ознаменованная повлоненіемъ различнымъ историво-бытовымъ аномаліямъ въ народъ-вопреки правдъ-вызывали у него крайне суровыя, негодующія строви, звучащія полнымъ разрывомъ съ современными ему ученіями славянофиловъ. "Гръхъ славянофильства, конечно, не въ томъ, что оно приписало Россіи высшее призваніе, —писалъ онъ, —а въ томъ, что оно недостаточно настанвало на нравственных условіях такого призванія. Пускай бы славянофилы еще болве возвеличивали свою народность, лишь бы они не забывали, что величие обязываеть; пускай бы они еще ръшительнъе провозглашали русскій народъ собирательнымъ Мессіей, лишь бы они помнили, что Мессія долженъ и дъйствовать какъ Мессія, а не какъ Варавва. Но именно на дъл в овазалось, что глубочайшей основой славянофильства является не христіанская идея, а только зоологическій патріотизмъ, освобождающій націю отъ служенія высшему идеалу и ділающій изъ самей націи предметь идолослуженія. Провозгласили себя народомъ святымъ, богонзбраннымъ и богоноснымъ, а затъмъ во имя всего этого стали пропов'ядывать (въ счастью не вполн'я усп'яшно) такой образъ дъйствій, который не только святымъ и богоносцамъ, но и самымъ обывновеннымъ смертнымъ чести не дъласть".

Но, повторяемъ, старое славянофильское ученіе многими своимъ сторонами привлевало его и могло его во многомъ считать своимъ убъжденнымъ и пылкимъ единомышленникомъ. Такъ онъ раздълять и осуществлялъ въ мѣру своихъ силъ присущее этому ученію глубокое уваженіе къ двумъ главнымъ потребностямъ всякаго человъческаго союза, состоящимъ въ свободномъ проявленіи голоса совъсти и выраженія мысли въ словъ. Онъ считалъ осуществленіе свободы слова и свободы совъсти неотъемлемымъ правомъ каждаго носителя христіанской культуры, совершенно независимо отъ тъхъ политическихъ формъ, въ которыя укладывается общественный бытъ того или другого народа. Сходясь съ Аксаковымъ и Хомяковымъ во взглядъ на высокое историческое и органическое значеніе православія и царской власти, свободной отъ тъхъ усло-

вій и свойствъ, которыя искажали ся образъ въ восточной римсвой имперіи, Соловьевъ находиль, что этоть взглядь вполив совывстимъ и съ началами широкой ввротерпимости, и съ разумною свободою публичнаго и печатнаго слова. Многочисленныя статьи его по этимъ вопросамъ во всемъ, въ чемъ не васаются приведенныхъ выше разногласій его со славянофилами, совпадають съ целымъ рядомъ мивній, высказанныхъ Иваномъ Аксаковымъ (см. Сочиненія Аксакова, т. III, "Общественные вопросы по церковнымъ деламъ и свобода слова") въ "Див", "Руси" и "Москвв", пронивнутыхъ глубовимъ патріотизмомъ и, въ некоторыхъ случаяхъ, победительнымъ убеждевіемъ. Статьи Соловьева только более сжаты и, такъ свазать, болеве ваострены. Оне также и более догматичны, васаясь не отдёльных явленій практической жизни, приливавшей къ редакторскому столу Аксакова, не "злобы дня", — а более общихъ вопросовъ. Доказывая, что подъ свободою совъсти, тъсно связанною съ въротерпимостью, часто понвиаютъ терпимость не въ религіознымъ убъжденіямъ человъка, а лишь къ исповъдуемому имъ въроученію, терпимому государствомъ, Соловьевъ находилъ, что истинная въротерпимость должна состоять въ предоставленія каждому свободно и ненарушимо исповъдовать ученіе, считаемое имъ истинимъ, -- доколъ это не наносить общественнаго вреда, т.-е. не выражается въ действіяхъ, опасныхъ для общественной нравственности или порядка. Церковь, по его мивнію, должна быть свободнымъ союзомъ одинаково върующихъ людей, а не принудительнымъ состояніемь, выходь изъ котораго можеть грозить тяжвими карами, поражающими иногда самыя священныя увы. И въ этомъ онъ снова близокъ къ Аксакову, несмотря на неоднократно возникавшую у него съ последнимъ полемику. "Церковь немыслима, — писаль Аксаковь въ 1868 г., — вив свободной совести, свободно воспріявшей свёть вёры, свободно приведенной въ послушанію цервви, въ свободный плона истины и любви.... Поэтому церковь не должна заграждать уста тымь, кто, съ ея точки врвнія, заблуждается, но спокойно противопоставлять имъ свое учение объ истинъ, а привлекши къ нему - удерживать въ немъ любовію. Человъку свойственно блуждать мыслью и на ошибкахъ своихъ строить свои убъжденія. Но не давать людямъ высказаться, побуждая танть свои убъжденія про себя —значить лишь укоренять эти убъжденія во тым'я вынужденнаго молчанія... Знаменитый московскій митрополить Филареть, сказавшій, что "христіанинъ въ мірѣ бевъ церкви-мореплаватель въ морѣ безъ корабля", писаль однако въ 1821 г.: "свободы въ спорахъ о

въръ ни у кого безъ нужды отнимать не позволяетъ христіанское человъколюбіе, оставляющее и *плевелы*, если онъ не подавляють пшеницы расти до жатвы".

Въ сочиненіяхъ Соловьева по вопросу о свобод'в сов'всти встрвчаются блестящія отступленія въ область исторіи, чемъ, вооруженный данными богатаго историческаго опыта, онъ указываеть на опасный, а иногда и роковой (напр. по отношенію къ Испаніи) путь, на который вступали государство и цервовь, смъшивая свои роли и средства осуществленія своего назначенія. И онъ, подобно Аксакову и Хомякову, желалъ, чтобы орудія, которыми церковь исполняеть свою обязанность просвещать, убеждать и направлять людскую совесть -были лишь тъми орудіями, которыя соотвътствують ея природв, т.-е. чисто духовными. "Если цервовь въ деле веры прибъгаеть въ орудіямъ недуховнымъ, — писалъ Авсавовъ, если она обращается въ грубому вещественному насилію, то она отревается отъ собственной духовной стихіи и, отрицая сама себя, перестаеть быть "первовью", -- а становится государствомъ, т.-е. "царствомъ отъ міра сего"... "Крайне несправедливо думать, -- полагалъ Хомяковъ, -- что церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія, - напротивь, она гнушается того и другого: ибо въ дълахъ въры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание - есть смерть". Отсюда проходящее чрезъ всв труды Соловьева по вопросамъ въры-желаніе видъть церковь оживленною внутреннею самодентельностью и плодотворною работою въ области духа. Отсюда неоднократно высказываемая имъ мысль, что только тавая, чуждая матеріальных способовь воздійствія діятельность, а не охрана суроваго уголовнаго закона, способна обезпечиъ цервви ея высокое положение въ глазахъ върующихъ и ея сватое призвание.

Было бы, однако, совершенно превратнымъ думать, какъ это было разъ высказано въ печати, что за этими взглядами Соловьева таилось, въ сущности, равнодушіе къ въръ и холодное безразличіе къ церкви, въ правилахъ и обрядахъ которой онъ самъ былъ восштанъ. Суровый паладинъ строгаго православія—К. Леонтьевъ—признавалъ, что даже въ слабъйшемъ, по его мнѣнію, изъ ремгіозныхъ трудовъ Соловьева, въ сочиненіи "La Russie et l'Eglise Universelle"—для истинно религіознаго человъка есть "прекрасныя и потрясающія" страницы, а его критика "къ несчастію очень похожа на истину". Въ своей частной жизни Соловьевъ раздъялъ дътскую и трогательную въру простого народа:—онъ въ совер-

шенств вналь и любиль наше богослужение, — всегда и всюду, садясь за трапезу и вставая, освняль себя крестнымъ знамениемъ, и если про него нельзя сказать, что онъ соблюдаль посты, то лишь нотому, что онъ быль вегетаріанець.

И относительно свободы слова онъ быль соратнивомъ старыхъ славянофиловъ. Онъ могъ подписаться всецёло подъ неодновратно цитированными Аксаковымъ словами Хомякова: "общественная вритива необходима для самого общества, ибо безъ нея оно лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мивній, даже для своихъ честныхъ ошибовъ... Иначе, среди овружающихъ лести и лицемърія, — честное слово молчить, умственная жизнь изсякаеть въ своихъ благороднъйшихъ источнивахъ и мало-по-малу въ обществъ растеть отрава равнодушія въ правді и нравственному добру". Боець печатнаго слова, Соловьевъ получалъ подчасъ, въ разгаръ "словесной войны", не только тяжелые, но и безпощадные, жестокіе даже по форм'в, удары, и могъ свазать про себя словами Пушкина, что въ своей литературной дъятельности "убрался честно ранами". И тъмъ не менъеили, пожалуй, въ силу особаго свойства сильныхъ душъ — именно поэтому онъ горячо любилъ печатное слово и служилъ ему неутомимо и доблестно. Избранный, за полгода до своей кончины, въ почетные академики, --- онъ ознаменовалъ свои труды на новомъ поприще предложением о деятельных шагахь Академін Наукь въ огражденіе правъ русской мысли въ области віры и науки.

Онъ быль, вместе съ темъ, всегда настойчивымъ проповедникомъ необходимости распространенія широкаго образованія въ народъ. Неръдко высказываемое у насъ мивніе, что просвъщеніе народа представляется орудіемъ обоюдоострымъ и можетъ лишить народъ довольства и счастьи "первобытной простоты" — вызывало его на ръзвія отповъди темъ, кого онъ остроумно называль "спасателями русскаго народа отъ просвъщенія". Вообще, искусственное или лицемърное отношение къ народу вызывало въ немъ негодованіе. "Противъ нашихъ крыпостниковъ, — писаль онъ, съ одной стороны, противъ народоповлонниковъ и упростителейсъ другой, мы осмеливаемся утверждать, что задача образованнаго власса относительно народа состоить не въ томъ, чтобы его подтягивать и эксплуатировать, а также и не въ томъ, чтобы ему повлоияться и уподобляться, а въ томъ, чтобы приносить ему действительную и положительную пользу, заботясь не о его безгласности, а также и не о сохранении его первобытной простоты, а единственно только о томъ, чтобы онъ былъ лучше,

просвъщеннъе и счастливъе; а для этого трудиться надъ возможно полнымъ и шировимъ развитіемъ и распространеніемъ общечеловъческаго образованія, безъ котораго и самыя добрия качества народнаго духа оказываются непрочными и въ соціально-правственномъ смыслъ безплодными".

Силу и прасоту языва литературныхъ произведеній Соловьева отражало на себъ и его живое слово. Въ соединении съ впечатлвніемъ, которое производила наружность оратора и его голось, властно проникавшій въ душу, -- его красивыя сравненія и шировія обобщенія сильно вліяли на слушателей. Онъ самъ уваекался своею живою ръчью и, повидимому, не всегда слъдовать совъту Пушкина, находившаго, что "блаженъ, кто словомъ твердо править и держить мысль на привязи свою "... Столь обычные въ нашемъ быту вопросы житейской осторожности: -- "довко ди? удобно ли? своевременно ли? --- не возникали у него, разъ ему хотелось поделиться съ публикою теми возгрениями, въ нравственную цену и силу воторых онъ увероваль. Притомъ некоторыя его левцін, возбуждавшія общее вниманіе, подвергались, при распространеніи ихъ въ гектографической передачь, крайнимъ исваженіямъ, вследствіе чего подъ его флагомъ пускались, по свидътельству одного изъ его слушателей, г. Н. Н — ва (интересныя воспоминанія вотораго о Соловьевъ напечатаны въ "Варшавсвомъ Дневникъ за 1900 г.), въ ходъ такія выраженія, которыхъ онъ не только не употреблялъ, но, по складу своихъ убъжденій, и не могъ употреблять. Въ 1881 году чтеніе имъ левцій было прекращено на многіе годы.

Невовможность продолжать бесёдовать съ аудиторіею очень удручала Соловьева Оно и понятно, если припомнить, какое вліяніе им'влъ онъ на свою аудиторію. "Намъ пришлось вид'ять необычную вартину! -- пишеть профессорь Сикорскій, посётившій его левцію - то не была левція, и то не были слушатели: то быль пламенный проповъдникь, въщавшій новое слово, скоръйновую жизнь, а слушатели внимали ему, какъ пророку. Безмолвіе аудиторін, сила вниманія и глубина общаго настроенія едва ли могуть быть переданы словами... Главная роль въ этомъ свльномъ вліяній на слушателей принадлежала художественной личности Соловьева, полной возвышенныхъ идей, глубоваго настроенія и необывновенной чистоты, свътившейся сквозь тонкія, полупрозрачныя черты его хрупкаго тъла..." — Авторъ воспоминаній въ "Варшавскомъ Дневникъ" - г. Н. Н-въ-присутствовалъ при первой лекцін Соловьева "о богочеловічествів" въ петербургскомъ университететь. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій была

полна студентами всёхъ факультетовъ, привлеченными отнюдь не сочувствіемъ въ молодому профессору и въ предмету его чтеній; господствующимъ элементомъ среди слушателей были "естественники", --аудиторія волновалась и кипівла, и чувствовалось, что уже заранве зрветь протесть противь темы лектора во имя точной науки, "Но воть, - пов'яствуеть г. Н. Н-въ, - все равомъ стихло и сотни глазъ устремились на молодого еще человъка, одътаго въ скромный домашній пиджакъ и тихо, съ опущенными глазами, входившаго въ аудиторію. Это быль Соловьевъ. Прежде всего, что бросалось въ глаза, это - преврасное, одухотворенное его лицо. Оно было продолговато, съ бледными, немного впавшими щевами, съ небольшой раздвоенной бородкой и въ рамъ густыхъ червыхъ волосъ, кольцами спускавшихся на плечи. Онъ медленно взошель на каоедру и обвель глазами огромную аудиторію. Эти большіе темноголубые глаза, съ густыми черными бровями и ръсницами, были глубови, полны мысли и огня, и вавъ бы подернуты мистическимъ туманомъ. На губахъ играла милая, ласковая улыбка. Аудиторія, вопреки обычаю встръчать новаго профессора апплодисментами, хранила гробовое молчаніе. Среди "филологовъ" послышалось-было нъсколько шлепвовъ, но они тотчасъ были заглушены бурнымъ: шш — ш... Содовьевъ съ той же мягкой улыбкой началъ лекцію. Началъ онъ говорить тихо, но чёмъ далёе, тёмъ голосъ его болёе и болёе становился ввучнымъ, вдохновеннымъ; онъ говорилъ о христіансвихъ идеалахъ, о непобъдимости любви, переживающей смерть и время, о презранін въ міру, который "во вла лежить"; говориль о жизни какъ о подвигъ, пъль котораго въ возможной для смертнаго степени приблизиться въ той "полнотъ совершенства", которая явлена Христомъ, которая дѣлаетъ возможнымъ "обожествленіе человѣчества" и обѣщаетъ царство "міровой любви" и "вселенскаго братства"... Такова была тема этой вступительной левціи. Онъ кончиль и по прежнему опустиль голову на грудь. Нъсколько секундъ молчанія, и вдругь — бъщеный взрывъ рукоплесканій. Апплодировала вся аудиторія — и естественники, и юристы, и филологи, Навонецъ, вдохновенный лекторъ поднялъ руку, и разомъ все смольло. Очевидно, онъ уже овладелъ своей аудиторіей, онъ загипнотизироваль ее... "Я хочу сообщить вамъ, господа, — сказалъ Соловьевъ, — или, лучше, я прошу васъ, чтобы каждый, несогласный съ основными положеніями моей нистоящей и будущихъ лекцій, возражалъ мев по окончаніи лекціи". Снова верывъ рукоплесканій. Возраженія профессору по поводу прочитанной имъ левціи, -- это являлось совершеннымъ новшествомъ въ университетской жизни, —и новшествомъ, какъ оказалось потомъ, весьма благотворнымъ по последствіямъ «.

Можно себь представить, вакъ часто мысль объ утрать такой возможности входить въ духовное общение со слушателями и вести ихъ за собою къ своему "завътному храму", должна была угнетать Соловьева. Между его стихотворными твореніями есть одно, начинающееся словами: "Израиля ведя стезей чудесной, Господь заразъ два чуда совершилъ...", въ которомъ, съ особою болью, вырывается у него скорбь о томъ, что ему "заграждены уста". Онъ не могъ, при этомъ, не совнавать, что "годы уходять-все лучшіе годы" и что упадовъ силь и "жаръ души, растраченный въ пустынъ", кладуть на него свой неизбъжный, хотя незамътный сразу, но ощутительный отпечатокъ. Силы, необходимыя для проявленія духовныхъ дарованій, слабіноть иногда въ обратной пропорціи съ последними—и тяжкое сознаніе того, что житейскія испытанія не прошли безследно, действуєть иногда угнетающимъ образомъ "Душа, — говоритъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, авторъ "Былого и Думъ" — какъ корабль: что ни побъжденная буря, то ближе въ разрушенію. Матросы становятся лучше, а дерево все хуже..."

И когда, почти чрезъ восемнадцать лётъ, сначала въ частныхъ собраніяхъ — съ чтеніями о Пушкинів и Лермонтові, — потомъ въ публичныхъ засёданіяхъ "Философскаго Общества" и, наконецъ, на публичной лекціи, въ залів петербургской городской думы, "Объ антихристів" — Соловьевъ выступилъ предъмногочисленными слушателями — его великій словесный даръ былъ нівсколько ослабленъ нервностью изложенія, а крайняя, возбуждавшая недоумівніе во многихъ слушателяхъ, оригинальность содержанія уже не увлекала собою, а вызывала на противорічіє. Das Lied war aus...

٧.

Бывають въ исторіи человъчества эпохи, когда нравственное содержаніе жизни умаляется до крайности, до грозящихъ опасностью предъловъ. Рядомъ съ этимъ самый животный процессъ жизни начинаетъ пріобрътать особую стоимость, почти исключетельно какъ возможность испытать наибольшее воличество удобствы и наслажденій, какою бы цівною душевнаго паденія и сділокъ съ совъстью они ни были куплены. Узкое и "ділтельное" себялюбіе и вмість съ тівмъ полное равнодушіе въ чужимъ стрададаніямъ, — нежеланіе, а затівмъ уже и неумініе ставить себя на

мъсто другого и постыдная душевная неопрятность въ терпимости въ различнаго рода нивостямъ, особливо если онъ сопровождаются витшинит усптхомъ, -- достигають при этомъ особаго развитія. Наступаетъ нравственная бользнь, которую можно назвать утвержденіемъ своего я, какъ абсолютнаго, внъ и даже вопреки требованій нравственнаго чувства. Жизнь перестаеть разсматриваться вавъ долгь или задача, обусловленная осуществленіемъ, по мъръ силъ, того добра для окружающихъ, побужденіе въ воторому коренится въ глубинъ человъческой совъсти. Она становится или тяжелою и лишенною смысла обузою, или предпріятіемъ, въ которомъ изъ всёхъ, лицемёрно соблюдаемыхъ и тайно нарушаемыхъ, заповъдей наиболъе дъйствительною является знаменитая апокрифическая одиннадцатая заповёдь: "не зъван! "... Отсюда стали частые случан самоубійства при первыхъ же неудачахъ, всявдствіе того, что "не стонть жить" или "не для чего страдать", въ забвеніи того, что страданіе, выпадающее, въ той или другой формъ, на долю каждаго человъка, поднимаетъ и облагораживаеть его, тогда какъ непрерывное наслаждение и ненарушимыя удобства — принижають и опошляють. "Souffrir est la marque d'une supériorité. Le seul être qui pense et parle-est aussi le seul capable à pleurer"-говорить блестящій мыслитель Гюйо. Отсюда и то умаленіе совъсти въ правтической жизни, которое характеризуеть собою конецъ прошлаго и начало новаго въка. Она является стёснительнымъ бременемъ и съ нею, какъ со сварливою и опостылъвшею женою, стремятся разойтись безъ особаго колебанія и сожальнія, лишь бы только соблюсти вившнія приличія и избъжать, по возможности, излишней огласки. Между нашими современниками находятся—и въ немаломъ числълюди, могушіе повторить слова англичанина, приводимыя Шопенгауеромъ ... I can not afford to keep a conscience "-у меня нът средство содержать совъсть! Всвин чувствуется этоть отжиет совъсти, свазывающійся въ потеръ довърія другь въ другу и въ совершенно неожиданныхъ проявленіяхъ в роломства и предательства по пустымъ поводамъ, причемъ личная, суетная и хрупкая цёль этого не можетъ, даже и съ безиравственной ісвуитсвой точки арвнія, не только оправдать, но даже и объяснить употребленія таких средствъ. Многіе громво ропщуть и негодують на этоть отливь, а онь все продолжается... Когда же начнется и начнется ли приливъ?...

Надо върить, что это состояніе общества переходное,—что будущія покольнія увидять снова приливь. Безъ этой въры въ лучшее будущее было бы тяжело и жить, и сходить въ мо-

Томь I.-Фивраль, 1903.

44/16

гилу! Но "вёра бевъ дёль – мертва есть" — и дёла эти должны состоять въ личныхъ примърахъ, въ образцахъ для подражания и, главное, въ обращении въ молодому поколению съ руководительнымъ словомъ. Хомяковъ прекрасно выразилъ это, сказавъ, что внутренняя нравственность каждаго повольнія заключается по преимуществу въ той любви и въ гъхъ надеждахъ, которыя оно обращаеть на покольніе грядущее... Эта именно любовь и эти надежды обязывають учить молодое поколеніе не только внать, где пути правды, но и желать ходить по этимъ путямъ. Надо указывать не на одну окончательную и действительную пользу добра, то и на его правственную красоту. Насаждение твердыхъ началь добра-словомъ и деломъ-становится все более и более важною задачею въ виду необходимости вооружить человъка внутреннею силою, способною двигать имъ вопреви "равнодушію" вебшеей природы и жестокости практической жизни. Надо неустанно развивать и поддерживать мысль, что понятіе о добрж и о вытекающихъ изъ него нравственныхъ обязанностихъ есть самое высокое, самое удивительное и самое благородное создание человъческаго духа, воспарившаго надъ животными свойствами человъческой природы. Надо направлять мысль современнаго человъка, который стремится весь уйти въ одно внюшнее въ жизни, - внутрь самого себя, къ кореннымъ вопросамъ нравственнаго самоусовершенствованія. Надо вернуть его изъ области все усиливающагося господства видимых вещей въ область духовныхъ идей и побужденій, которыя могли бы служить противов'всомъ все усиливающимся похотямъ и стремленіямъ къ исключительно матеріальному благополучію. И движеніе въ этомъ отношенім началось. Достаточно увазать на ту роль, которую стали играть вопросы этики въ литературъ и наукъ, -- на рядъ появившихся въ последние годы на Западе изследований о нравственныхъ задачахъ, -- на плънительныя страницы Гюйо, на мысли и положенія Рескина, на будящую сов'єсть правственную пропов'я Льва Толстого.

Этимъ же вопросамъ, — объ отношеніи человѣка къ жизни и къ самому себѣ, — посвященъ обширный трудъ Вл. С. Соловьева "Оправданіе Добра", представляющій цѣльное и систематическое изложеніе его взглядовъ на содержаніе и задачи нравственной философіи. "Оправданіе Добра" должно занять собою весь седьмой томъ издаваемыхъ нынѣ сочиненій нашего автора. Это трудъ, въ которомъ сказались выдающіяся свойства его дарованій, его отзывчивость ко всѣмъ сторонамъ и проявленіямъ жизни и его глубокая, всегда самостоятельная, вдумчивость въ то, что

должно быть "единымъ на потребу". Трудъ этотъ вызвалъ въ свое время и безпристрастные разборы, и горячія опроверженія. Будущій обозрѣватель работъ Соловьева остановится, безъ сомивнія, на "Оправданіи Добра" съ особымъ вниманіемъ, хотя бы уже потому, что это былъ его послѣдній большой трудъ, завершившій его ученую дѣятельность и окончательно обрисовавшій его вравственный обливъ, ибо у Соловьева не было разлада между словомъ и дѣломъ, между житейскимъ поведеніемъ и продуманнымъ выраженіемъ мысли.

Признавая, что внутреннимъ основаниемъ разумно-правственной жизни какъ отдёльнаго человёка, такъ и цёлаго народа должно быть христіанство, Соловьевъ въ немъ искалъ устоевъ для этой жиени. Но онъ не раздёляль мысли, впервые высказанной Руссо, что природа создала человъка совершеннымъ, а лишь условія жизни-т.-е. діло рукъ человівческихъ-его испортили, такъ что стоитъ лишь отбросить эти ложныя, насильственныя условія --- и челов'якъ въ самомъ себ'я, въ голос'я своей совъсти почерпнетъ увазанія на върный путь, воторымъ надлежить ему следовать для достиженія личнаго нравственнаго совершенства. Последнее есть одинъ изъ видовъ счастія, а счастіе возможно лишь при отсутствіи страданій, т.-е. лишеній, которыя тъмъ сильнъе и чаще, чъмъ больше человъвъ развилъ въ себъ потребностей. Отсюда—необходимость совращения потребностей, доведеніе ихъ до ничтожныхъ разм'вровъ, возвращеніе въ простымъ отношеніямъ, чуждымъ формальной условности, и поставленіе своего внутренняго міра въ полную независимость отъ требованій міра вижшняго, отъ возбуждаемых вимъ страстей и борьбы. Личное совершенство человъка, по мнънію представителей этого взгляда, есть самодовлеющая сила, которая, безъ всяваго принужденія или наснлія, рано или поздно, но возьметь свое и преобразуеть жизнь на болве разумныхъ и достойныхъ началахъ.

Иначе смотрёлъ Соловьевъ. Уже въ сочиненіяхъ, предшествовавшихъ появленію "Оправданія Добра", онъ находилъ, что природа человёка двойственна: грёховныя побужденія и духовныя потребности живутъ въ ней рядомъ, въ вѣчномъ бореніи между собою. Поэтому и сбросивъ лживыя условія живни, человѣкъ самъ собою, безъ внутренней и внѣшней борьбы, не можетъ стать лучше. Онъ даже можетъ стать хуже, если, освободясь отъ сдерживающихъ началъ общественности, подпадетъ подъ власть грёховныхъ побужденій, могущихъ привести его въ состоянію совершеннаго нравственнаго одичанія. Притомъ,

по природъ своей человъкъ есть существо общественное. Окончательная цёль его усилій и высшая задача его жизни лежать въ судьбъ всего человъчества, а не въ одной его собственной, отдъленной отъ всвять, судьбв. Личнымъ усовершенствованиемъ, въ виду этой общей пъли, достигнуть можно очень немногаго, если не ваботиться объ улучшении, на началахъ нравственности и высшей справедливости, общественныхъ формъ и порядковъ. Человъчество не есть простое слагаемое изъ отдъльныхъ личностей, а "живое, одушевленное тъло". Поэтому, и дъйствительное развитіе человъческой нравственности для отдъльнаго лица возможно лишь въ непрестанномъ общении съ людьми, въ общественной средъ, при развити вультуры, которую оберегаеть государство. Безъ этой культуры невозможна общественная нравственность, а безъ нея личная добродётель, какъ бы высока она ни была, не нашла бы поприща для своего осуществленія. "Безформенная толиа праведниковъ" — какъ идеалъ личнаго самоусовершенствованія — не удовлетворяла Соловьева. Онъ находиль, что этотъ "моральный аморфизмъ" не есть истинное христіанство, требующее отъ важдаго совнательнаго и искренняго своего послёдователя упорной и активной работы по созиданию въ жизни христіанской культуры и политики. Этой работ'в каждый должень имъть возможность отдаваться безъ внъшнихъ помъхъ, свободно расширяя и осуществляя, совийстно съ другими, свои культурнохристіанскіе идеалы. Отсюда—главная задача государства, которое должно принимать мёры въ обезпечению этой возможности, защищая своихъ членовъ отъ вевшнихъ нападеній и отъ внутренняго нарушенія выработанныхъ христіанскою культурою правъ и обяванностей. Отсюда — карательная власть, имъющая задачею уголовное принудительное воспитание нарушителей необходимаго для общественнаго строя порядка; отсюда -- обязанность носить въ ващиту государства оружіе и противиться злу, ибо челов'явъ имъетъ обяванности не только по отношенію къ себъ, но и по отношенію въ сововупности людей въ ихъ реальномъ союзв; отсюда, наконецъ, война. Признавая законность существованія этой "травматической эпидемін", какъ называль войну Пироговъ, Соловьевъ находилъ, что если принять, что "die Weltgeschichte ist das Weltgericht", то въ понятіе этого суда должна входить и тяжба между добрыми и злыми историческими силами. Лишь тогда человъвъ и цълое общество могуть сложить оружіе борьбы, вогда проповёдь совершенства, подврёнияемая рядомъ примъровъ, обезвредить зло и сдълаеть ненужнымъ "противленіе" ему.

Къ нравственному совершенству, по мивнію Соловьева, ведуть два пути: избъжание гръха и слъдование положительнымъ правиламъ нравственности. Въ сочинении своемъ о "Духовныхъ основахъ жизни", составляющемъ органическое цълое съ "Оправданіемъ Добра", подробно увазываетъ онъ на ту борьбу, которую долженъ вести человъвъ, чтобы освободить себя отъ бремени и соблазна гръха. Онъ дълитъ гръхъ, вакъ сознательное нравственное паденіе челов'ява, на три вида: на гр'яхъ чувственной души, воторый выражается въ похоти; на гръхъ ума, состоящій въ самомивнін, и на грпах духа, проявляющійся во властолюбін, правтическое развитіе котораго состоить въ насилін. На блестящихъ, написанныхъ сильнымъ, мужественнымъ язывомъ страницахъ "Оправданін Добра", Соловьевъ разсматривалъ основныя начала нравственности, какъ добродетель, какъ правило действій и какъ условіе достиженія высшаго духовнаго блага. Пути жизни, согласной съ требованіями нравственности, вытекають изъ воренныхъ духовныхъ началь человъчесвой природы и определяють главивний отношения человека. Такъ, въ отношени къ своей низшей природъ человъкъ долженъ рувоводиться чувствомъ стыда, высшее развитие котораго состоить въ асветиямъ, проявляющемся борьбою съ тъмъ, что Соловьевъ называетъ помысломъ, воображениемъ и пленениемъ. Въ отношеніях въ людямъ — руководящимъ правственнымъ началомъ для человека должна быть жалость, высшая стенень развитія воторой есть альтрунзых, распадающійся на правду и справедливость. Наконецъ, руководящимъ отношениемъ къ высшему началу является благочестіе, окончательное развитіе котораго есть ре-BITHE.

Богатство содержанія нравственной философіи Соловьева, вложенная въ него громадная эрудиція и горячее убъжденіе, которымъ пронивнуть его трудь, дѣлають его взгляды заслуживающими особаго вниманія и изученія. Въ немъ сказывается не только глубовій мыслитель и блестящій діалектикъ, но, очень часто, и вдохновенный поэть. "Оправданіе Добра" есть, безъ сомнѣнія, одна изъ замѣчательнѣйшихъ внигъ послѣдняго времени, несмотря на то, что нѣкоторыя ея положенія весьма спорны. Конечно, и самъ авторъ не имѣлъ въ виду вѣщать въ ней непререкаемыя истины; но его заслуга въ томъ, что онъ изложилъ цѣлостное ученіе въ изящной и удобопонятной формъ, согрѣтой внутреннимъ огнемъ. Хотя и совершенно противоположная по исходной точкъ зрѣнія и основнымъ положеніямъ съ книгою Гюйо: "Езquise d'une morale sans obligation et sanction",—книга Соловьева сходна съ нею своимъ

возвышеннымъ тономъ и горячностью искренней мысли. Она наводить на рядъ размышленій высшаго порядка, поднимаеть читателя надъ обыденной житейской прозой и будить его мысль, вызывая ее на возраженіе или подчиняя ее себі и увлекая за собой.

Наиболе слабымъ местомъ "Оправданія Добра" надо привнать ученіе о привю, какъ о минимальной принудительной правственности. Оно вызвало сильную вритиву съ различныхъ, прв томъ, точевъ врѣнія. Соловьеву указывали на то, что его опредъленіе права не соотвътствуеть ни историческому происхожденію посл'єдняго, ни сущности его природы, и что онъ см'єшиваетъ понятіе о прав'в и о нравственности въ обоюдному вреду обоихъ. Особенно тщательному разбору подвергъ трудъ Соловьева Б. Н. Чичеринъ, отнесшись со строгой критикой и въ его теорів стыда, жалости и религіознаго чувства, и въ его правовымъ возэрвніямъ. Сознавая правственную и ученую силу своего строгаго противнива, Соловьевъ защищался съ чрезвычайной страстностью, подъ вліяніемъ которой даже переходиль, подчась, на почву ръзвихъ личныхъ нападеній. Проникнутый сповойнымъ достоинствомъ отвётъ Чичерина не заставилъ его признать себя побъжденнымъ по существу, но Соловьевъ-и это характеривуетъ его душевныя свойства - немедленно созналъ неправиьную ръзвость своего тона и шаткость почвы личныхъ намековъ, на которую онъ вступилъ. Онъ прямодушно и безъ мелочного самолюбія извинился передъ своимъ почтеннымъ оппонентомъ. Совнаніе своихъ ошибокъ, готовность искупить ихъ публичнымъ принесеніемъ "повинной"—есть признавъ высокаго душевнаго развитія. Только им'вющій мужество ошибаться можеть быть способенъ на дъятельность, могущую дать великіе результаты. Не ошибаются лишь холодные сердцемъ и узкіе умомъ. Одушевленіе правдой и добромъ неминуемо связано и съ заблужденіями, и со страстностью въ ихъ исваніи...

"Оправданіе Добра" должно было быть началомъ цёлаго ряда новыхъ трудовъ Соловьева въ области религіи и метафизики. Онъ началъ переводить творенія Платона, готовился въ новому переводу священнаго писанія съ комментаріями, приступилъ въ разработкъ "теоретической философіи" и собирался писать книгу подъ названіемъ "Оправданіе Истини". Ему хотълось высказать все то, что накопилось и окончательно созръло въ его умъ, достигшемъ своего высшаго развитія. Смерть положила предъль его начинаніямъ. Усиленная работа послъднихъ лътъ, ея разбросанность и срочность, не дававшая ему необходимаго спокойствія и отдыха,

н полное отсутствіе разумной и систематической заботы о своемъ здоровь стали гибельно отражаться на немъ. Добровольныя и случайныя лишенія, которыя ему приходилось переносить и налагать на себя, падали уже на ослабленный организмъ, въ воторомъ лишь голова, быстро покрывавшанся преждевременною съдиною, работала правильно, но вмёстё съ темъ безъ отдыха н срока, бевъ жалости въ самой себъ... Растрачивая свои слабыя силы и совершенно не заботясь о завтрашнемъ дет, онъ могъ по отношению къ себъ сказать, подобно Бълинскому: "безумія и гордости умереть съ голоду-у меня всегда хватить"... И чёмъ врче свётило пламя его ума, тёмъ безпощадне приносиль онъ себя въ жертву. Въ произведенияхъ последняго года его жизни видны, на ряду съ глубиною мысли и строгимъ изяществомъ формы, слёды торопливости, вызываемой утомленіемъ и нарушеніемъ нервнаго равнов'ясія. Насколько изложеніе его выигрывало въ блескъ и живости, доведенныхъ до совершенства, напримъръ въ "Трехъ разговорахъ", настолько же онъ начиналъ терять въ прежней спокойной объективности. Отсюда-полемическій тонъ, отсутствіе необходимой терпимости къ мижнію "несогласно мыслящихъ" и хотя и приврытыя, но твиъ не менъе ръзкія нападенія преимущественно на одного изъ нихъ въ выраженіяхъ, не соотвётствующихъ тому уваженію, которое, даже и при несогласіи съ его ученіемъ, не можетъ не вызывать его чистый и возвышенный нравственный обликъ.

Неспокойное настроеніе Соловьева, свизанное съ утратой въ его доводахъ и взглядахъ прежней правильности перспективы, подчасъ тревожило, въ последній годъ его жизни, техъ, кто любиль его и привыкъ ценить содержание и форму его трудовъ. Отдавая полную справедливость ряду его взглядовъ, пронивнутыхъ то добродушнымъ и ярвимъ юморомъ, то вдкой ироніей, нельзя, вавъ намъ важется, отрицать, что въ отголоскахъ на различныя событія европейской жизни последнихъ годовъ у Соловьева представленіе о вселенскомъ христіанствъ стало незамътно сливаться съ представленіемъ о европейской цивилизаціи. Последняя же, въ ея современномъ, столь неръдко чуждомъ христіанскимъ идеаламъ видъ въ его главахъ стала оправдывать "тажбу" и съ бурами, н съ далевимъ Китаемъ, готовымъ, вакъ ему вазалось, залить желтыми и безжалостными волнами то, что пріобрътено престома и должно быть защищаемо мечома. Вознося хвалу Зигфриду и выскавывансь противъ буровъ, Соловьевъ болезненно увлекался впечатлвніями минуты, забывая, что за мечомъ современнаго крестоносца следуеть алчный западный миссіонерь, неразборчивый на средства

и весьма забывчивый по части истиннаго христіанства, а истребительная борьба съ бурами была вызвана не только не потребностями христіанской культуры, но даже и не требованіями лучшей части народа, а разсчетомъ и желаніемъ сдёлать вровавую "пробу пера" со стороны новаго и, отнынё, повидимому, властнаго элемента международныхъ отношеній—предпринимателя-акціонера. Нётъ сомнёнія, что еслибы онъ дожилъ до того, что послёдовало послё его смерти, и увидёлъ, во что выродились и преобразились задачи и пріемы христіанской культуры на далекомъ востоків и въ южной Африків, его возмущенная душа отвернулась бы съ болью глубоваго разочарованія отъ такого пониманія задачи цивилизація и въ его поэтическихъ произведеніяхъ и публицистическихъ трудахъ снова и съ прежней силой зазвучали бы старыя ноты. Онъ снова сталъ бы на прежній путь, на которомъ такъ много и многое сдёлалъ.

"Бываютъ времена, -- говоритъ Чаннингъ, -- когда защита великихъ нравственныхъ началъ является лучшею заслугою предъ обществомъ. Проводить ихъ въ жизнь безъ страстныхъ увлеченій, но съ настойчивымъ желаніемъ общаго блага прочно и глубово закладывая ихъ въ душу людей, есть нёчто большее, чёмъ отврывать золотыя розсыпи или придумывать самыя удачныя политическія комбинацін". Этому и посвятиль свою діятельность Соловьевъ. Вотъ почему, хотя и среди неоконченныхъ во всей широть задуманнаго трудовъ — онъ могь все-таки со спокойною совъстью оглянуться на свою жизнь и на употребление въ ней твиъ блестящимъ духовнымъ даровъ, которыми такъ щедро былъ снабженъ. Онъ не зарылъ, изъ малодушныхъ или тщеславныхъ соображеній, даннаго ему таланта въ землю, не поступился ни одною его частицею-и если иногда и ошибался, то лишь потому, что прозанческій человівть легче и вірніве становится законченнымъ цълымъ, чъмъ человъкъ, имъющій въ себъ задатии геніальности. Воть почему онъ могь "небоязненнымъ сердцемъ и непреодольнымы умомы дерзнуть на смерть, иже естественно всвиъ бываеть страшна", какъ говорится въ одномъ изъ столь любимыхъ имъ "житій святыхъ".

Кончина Соловьева была тяжкимъ и неожиданнымъ ударомъ для всёхъ знавшихъ его и любившихъ,—а любили его всё, кто имёлъ возможность его узнать ближе. Но самъ онъ какъ будто предчувствовалъ свой скорый конецъ,—становился сосредоточенно-задумчивъ, когда говорилось о смерти,—былъ какъ-то особенно нѣженъ къ тёмъ, кого считалъ почему - либо недовольными собою, — часто съ большимъ юморомъ высказывалъ шуточныя

предположенія о томъ, во что онъ обратится, перейдя въ другой міръ... Въ январъ 1900 года, въ исполненномъ тихой грусти стихотвореніи своемъ: "Les revenants", какъ и всъ его стихи близкимъ къ музыкъ, къ этому "языку для передачи невыразимыхъ чувствъ" — онъ, взывая къ "образамъ незначущимъ, къ плачущимъ тънямъ", говорилъ:

Тайною тропинкою, скорбною и милою, Вы къ душ'в пробрадися—и спасибо вам'ь! Сладко мн'в приблизиться памятью унылою Къ смертью занав'вшеннымъ, тихимъ берегамъ...

Черезъ полгода ему пришлось и самому вступить на эти "тихіе берега". Въ оградъ Московскаго Новодъвичьяго монастыря, въ виду Воробьевыхъ горъ и близъ Москвы-ръки, — есть рядомъ двъ могилы. Въ нихъ лежитъ земной прахъ отца и сына—Соловьевыхъ, — знаменитаго русскаго историка и такъ рано ушедшаго отъ насъ его сына. Дъятельность ихъ была разная. Одинъ, вперяя духовный взоръ въ прошлое своей родины, выяснялъ внутренній смыслъ послъдняго и выводилъ изъ него историческіе завъты для будущаго; — другой старался указать тъ нравственные пути, на которыхъ нужно искать наиболье чистаго и высокаго развитія этого будущаго. Но ихъ обоихъ одинаково одушевляло одно и то же чувство, укръпляя и направляя ихъ благородный жизненный трудъ. Это была любовь, въ самомъ возвышенномъ смыслъ слова, — та, про которую покойный поэтъ сказалъ:

Смерть и время царять на землѣ, Ты владыками ихъ не зови... Все, кружась, исчезаеть во мглѣ— Неподвижно лишь солице любви!

И повуда въ лучшихъ сердцахъ земли русской будетъ продолжатъ свътить это солнце—смерть и время дъйствительно не страшны ни для нихъ, ни для грядущихъ поколъній! Соловьевъ умеръ, но не ушелъ... Его личность останется надолго въ воспоминаніяхъ, его трудъ никогда не забудется, привлекая къ себъ мыслителя и побуждая къ новымъ и дальнъйшимъ изслъдованіямъ. Останется и поучительный примъръ нравственнаго самовоспитанія, явленный Соловьевымъ. А эти примъры такъ нужны....

А. О. Кони.

ІЁРНЪ УЛЬ

эскизъ

- Jörn Uhl. Roman v. Gustav Frenssen. Berl. 902.

IX *).

Какъ-разъ въ это самое время молодежь устроила празднивъ, и Іёрнъ, какъ и прежде, получилъ приглашеніе. Двѣ недѣля тому назадъ, онъ имъ, конечно, не воспользовался бы. Что ему было дѣлать на празднивѣ? Но происшествія послѣднихъ дней перевернули все его существо, и душу, и тѣло. Спокойное, мирное настроеніе смѣнилось тоскою и мучительнымъ безпокойствомъ.

Братья, узнавъ, что онъ хочетъ идти на праздникъ, стали смънться и издъвались надъ нимъ, а Эльзбе была очень рада.

— Я такъ довольна, что ты немножко развеселишься, — говорила она; — ты сначала со мною попробуй потанцовать, чтобы разойтись, а потомъ ужъ можешь пригласить и Лизбету.

Онъ отправился на вечеръ одинъ и сталъ въ уголовъ. Многіе его не знали, потому что онъ никогда не появлялся въ травтирѣ, и спрашивали, кто это такой. Узнавъ, что это—младшій сынъ Клауса Уля, они выражали удивленіе и говорили:

— Онъ, должно быть, большой мечтатель.

А нѣкоторыя дѣвушки думали:

^{*)} См. выше: январь, 276 стр.

"Какой красивый малый и какіе у него серьезные глаза! Вотъ хорошо-то должно быть, когда они смёются"!

А онъ стояль, и мысли въ его головъ смънялись одна другою, и онъ испытываль чувство угнетенности, но потомъ снова подняль гордо голову.

"Еслибы вы знали всё, что меня цёловала эта красивая, рослая дёвушка!"—думалъ онъ.

Его братья и Эльзбе часто разбирали наружность знакомыхъ дъвушекъ, но онъ, до послъдней недъли, никогда не принималъ участія въ подобныхъ разговорахъ. Теперь же ему припомнилось все, что они говорили, и онъ разсматривалъ танцовавшихъ дъвушекъ, находя ихъ или красивыми, или безобразными. Потомъ онъ увидалъ Лизбету, идущую по залу, и ему показалось, что онъ видитъ ее въ первый разъ. Ему страстно захотълось привлечь ее къ себъ, но какое-то внутреннее чувство шепнуло ему, что онъ не смъетъ приглашать ее танцовать. Къ нему подбъжала Эльзбе, раскраснъвшанся и сінющая.

- Знаешь, Гарро-то Гейнвена нѣтъ, ему не дали отпуска. Я танцую съ Гансомъ Ярреномъ. Ояъ еще почти мальчикъ; ну, да все равно! Мы хотимъ выпить вина. Пригласи Лизбету и идите съ нами.
  - Я не желаю танцовать! —проговориль онъ упрямо.
- Просто трусишь, милый мой! Выпей-ка парочку стакановъ пунша, такъ дъло-то лучше пойдетъ! — И она убъжала.

Онъ, въ самомъ дълъ, спросилъ себъ пунша и, послъ четырехъ стакановъ тяжелаго напитка, почувствовалъ приливъ смълости и подошелъ къ Лизбетъ.

Она мало танцовала. Въ ней было столько чего-то граціознаго и нъжнаго, и при этомъ она говорила такъ мало и спокойно высокимъ, тонкимъ голосомъ, и глядъла на собесъдника такими удивительно-изумленными глазами, что большинство юношей избъгало ея, не зная, какъ и о чемъ съ нею говорить.

И Іёрнъ чувствоваль, что не подходить въ ней. Недѣлю тому назадъ, онъ въ ней подходиль, несмотря на свою неуклюжесть и неловкость, но теперь ему было не мѣсто рядомъ съ нею.

Они начали танцовать, но онъ никакъ не могъ попасть вътакть, и со смёхомъ смотрёлъ на нее, а когда она нерёшительно спросила: — Что съ тобою? — то онъ отвёчалъ вызывающимъ тономъ:

— Никакого смысла нътъ въ этихъ танцахъ. Что это за дикое верченье вдвоемъ! Пойдемъ-ка лучше къ остальнымъ и выпьемъ вина: ты должна и этому научиться.

Тогда ей стало страшно его; она отступила и сказала:

- Нивогда я этого не сдълаю!
- Ахъ, не жеманься, пожалуйста! Онъ попытался потащить ее съ собою за руку, но она вырвалась отъ него съ испуганнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Ну, тогда оставайся здёсь! проговорилъ онъ: Вотъ глупая-то дёвчонка!

Нѣвоторые изъ присутствовавшихъ видѣли эту сцену, слишали его слова и стали смѣяться. А онъ пошелъ и сталъ пить и дерзво оглядывался, принимая презрительный видъ.

Брать его Гансъ, уже пьяный, и только въ этомъ состоянія умѣвшій смотрѣть правдѣ въ лицо, подошелъ, посмотрѣлъ на него и громко заплакалъ.

— Я думалъ, что ты навсегда останешься трезвымъ, честнымъ человъкомъ, и гордился тобою, хоть и дълалъ видъ, что презираю тебя. А теперь вижу, что ты такой же негодяй, какъ я, какъ другіе братья и отецъ!

При словъ "негодяй" Іёрнъ совстиъ остервенился, сталъ стучать кулакомъ по столу и кричать:

— Всѣ Ули—негодяи! Всякая борьба безполезна. Сынъ Клауса Уля долженъ быть пьяницей! — Онъ хотѣлъ затянуть застольную пѣсню, по не могъ вспомнить ни словъ, ни мотива.

Онъ не помнилъ, какъ добрался, подъ-утро, домой и проспалъ до объда. Тогда въ его комнату пришла Витенъ, горество посмотръла на него и проговорила, покачивая головой:

— Ради тебя и Эльзбе осталась я въ этомъ домъ. За Эльзбе мнъ всегда было страшно, но на тебя я возлагала большія надежды. — Она съла на край кровати и стала плакать. — Во всемъто свъть нътъ для меня счастья, и уйду я съ этого свъта съ пустыми руками. Протяну Богу свои пустыя руки и скажу: "милосердый Боже, все, что я любила, все у меня пропало дорогой, все попало въ грязь"!

Онъ слушаль ее съ закрытыми глазами. Она поплакала и ушла, а онъ пролежаль въ постели до самаго вечера и все съ закрытыми глазами, — такъ стыдился онъ даже ствнъ собственной комнаты. Вечеромъ онъ всталь и началь бродить то сюда, то туда, а когда настала ночь, то пробрался тайкомъ изъ дома и побъжаль къ дому возлъ песочной ямы, сталъ подъ окномъ и кликнулъ ее по имени. Долго не было отвъта, и тогда вся его сердечная боль, сдерживаемая до той поры чувствомъ стыда и прикрываемая развязнымъ, дерзкимъ видомъ, вдругъ прорвалась наружу съ такою силой, что онъ заплакалъ, какъ мальчикъ, ко-

тораго побили. Тогда она встала, отворила окно и стала горько жаловаться:

- Я слышала ужъ, какъ ты велъ себя вчера вечеромъ. Что я за несчастная! Къ чему ни прикоснусь, всему приношу несчастье, а поэтому я ръшила уйти отсюда. Домъ и все добро я продала сегодня, и завтра рано утромъ ухожу за горы, чтобы больше сюда не возвращаться.
- О, тавъ возьми меня съ собою! Я не могу вернуться домой, я не могу показаться на глаза людямъ. Или я утоплюсь, или ты возьмешь меня съ собою!

Она стала его уговаривать съ большою добротою, но онъ все твердилъ, что не будетъ въ состояни перенести отцовскихъ насмъшекъ, издъвательства братьевъ, презръния Витенъ и остальныхъ, и лучше уйдетъ, какъ Фите Крей, куда глаза глядятъ. Тогда она стала говорить ему о собственныхъ страданияхъ и о томъ, какъ онъ усилитъ эти страдания, если сдълаетъ что-нибудъ надъ собою или броситъ родину. Это подъйствовало; онъ смирился, и она позволила ему на другой день, на разсвътъ, придти проводить ее.

Печальная это была ночь для дёвушки: она прибирала немногочисленныя вещи, которыя должны были послать вслёдъ за него, останавливалась, отъ времени до времени, и роняла тяжелыя слезы. Печальная это была ночь и для юноши. Неподвижно сидёлъ онъ до зари у темнаго окна и тщетно старался понять, что творится въ немъ самомъ и вокругъ него. Едва забрезжилъ свётъ, какъ онъ уже дожидался ее, сидя на придорожномъ камив.

Она подошла свойственной ей твердой, увъренной походкой, и въ ея ясныхъ глазахъ свътилась сдерживаемая радость.

— Ну, вотъ! — свавала она. — Я со всёмъ повончила, все это осталось позади, — и она увазала въ ту сторону, гдё находился домъ ея возлюбленнаго. — Теперь еще ты остался, но съ тобою мит будетъ легче справиться. Я тебя не стану сейчасъ же отсылать назадъ, я еще хочу немножко порадоваться, глядя на тебя.

Она проговорила это съ такой увъренностью и съ такимъ веселымъ спокойствіемъ, что онъ не посмълъ возразить, хотя въ душъ все еще хотълъ идти съ нею хоть на край свъта.

До сихъ поръ онъ ни въ чему не относился съ благоговъйнымъ обожаніемъ. Нивто не съумълъ зажечь въ немъ религіозное чувство. Люди затемнили и исказили ему жизненный, ласковый и гордый образъ Христа. Матери у него не было, и тавимъ образомъ для отзывчиваго, горячаго мальчива не было любви. Но, вотъ, явилась эта дъвушва и дала ему то особенное очарованіе, испытанное юношей отъ близости женщины въ полномъ расцейт силъ и красоты, то особенное чувство, въ которомъ обожаніе соединяется съ первымъ пробужденіемъ здоровой, молодой чувственности.

Она заговорила съ нимъ такъ же ласково, какъ наканунъ вечеромъ:

— Я рада, что ты пришель меня проводить, и я могу наглядёться на тебя. Повёрь, изъ тебя выйдеть дёльный человёкь, и красивымь ты будешь. Не бойся, ты нивогда не последуешь примёру своихь братьевь. У тебя такія крёпко очерченныя губы и такіе глубокіе и серьезные глаза, и ты ужъ и теперь строень и силень. Смотрю я на тебя—и ты представляещься мнё взрослымъ мужчиной. Жаль: еслибы ты быль пятью годами старше, я сказала бы тебё: "пойдемь со мною". Но теперь это невозможно. Когда ты выростешь, я уже буду старуха, и ты пожалёешь о своемь поступев, когда будеть уже поздно. Теперь ты не можешь вполнё понять этого ужаса, но должень вёрить мнё, потому что любишь меня и знаешь, что я говорю правду.

Все кругомъ было еще черно подъ темно-сврымъ, безсвътнымъ небомъ, но мало-по-малу облака начинали рдъть бледнымъ румянцемъ.

- Что обо мив люди говорять и будуть говорить, ты нивогда ничему не върь, - продолжала девушва. - Я такъ же чиста, вавъ ты. И тавъ кавъ и ухожу, и ты нивогда больше обо мив не услышишь, то сохранишь обо мив добрую память, будень ставить меня еще на большую высоту. Теб'в придасть гордости и силы совнаніе, что вогда ты быль еще совсёмь юнымъ, у тебя была такан красивая и чистан подруга. Ты не долженъ думать, что случившееся за последніе дни испортило тебя. Намъ не дано оставаться безъ вины. Быть виновнымъ и отказаться оть борьбы за добро---это смерть. Быть виновнымъ н бороться за добро---это истинно-человическая жизнь. Въ теби есть внутренняя сила, и за это я тебя люблю. Пережитое нами для тебя все равно, что буря для хорошаго молодого дерева. Она еще продлится нъсколько времени, ты будешь страдать в испытывать безпокойство, и люди будуть сивяться надъ тобою. Но все это пройдеть, и тогда ты замётишь, что сталь сильнее, връпе стоишь на ногахъ и взглядъ твой расширился.

Она говорила все это со спокойной увъренностью и шла рядомъ съ нимъ, казалось, беззаботно и весело. Они взгляды-

вали другъ на друга, и волосы ея, такіе же свѣтлые, какъ и у него, стали яркими отъ пожара, разгоравшагося въ небѣ. Ему казалось, что никогда больше не придется ему переживать такихъ высокихъ мгновеній, полныхъ такой радости и скорби.

Она указала ему на солнце, вступившее въ жаркій безмолвний бой съ сёрыми разорванными облаками.

— Видинь, точно большой сёрый домъ? — но внутри горить, и огонь вырывается изъ оконъ и дверей. Великій мастеръ плющить широкій и толстый пласть желівза, ударяя по наковальні... Мий не страшно за тебя. Быть можеть, и намъ еще уготовано гдівнибудь счастье... А теперь — иди! Уходи скоріве, не надо мучиться понапрасну!

Онъ стоялъ передъ нею съ дрожащими губами и глядълъ на нее.

— Да, не легко это, мой милый мальчикъ! Пойди сюда! — Она поцъловала его горячо и порывисто. — Будь настоящимъ человъкомъ! Я не боюсь за тебя!

Она окинула его радостнымъ взглядомъ съ головы до ногъ, и потомъ пошла быстро и весело, точно на празднивъ, и своро скрылась за поворотомъ лъсной тропинки. А онъ еще нъсколько времени простоялъ, не двигансь, затанвъ дыханіе, и съ влажными отъ слезъ глазами, потомъ медленно пошелъ назадъ, но, сдълавъ нъсколько шаговъ, бросился бъгомъ домой, запрегъ лошадей и проработалъ цълый день въ полъ.

Ему пришлось пережить много мучительнаго и тяжелаго. Братья сначала издівались надъ нимъ за его дикое поведеніе на балу, а узнавъ про исторію съ "дівушкой изъ Песковъ", совсіймъ пришли въ ярость, кричали, что онъ опозориль всю семью, что лучше бы убирался со своей любовницей, что вся деревня только о немъ и говоритъ, и они изъ-за него не могутъ никуда носа показать.

Въ продолжение многихъ лътъ Іёрнъ не могъ забыть того, что ему пришлось пережить въ этотъ день. Глубоко въ тайнивахъ души схоронилъ юноша всю красоту и печаль этого ранняго утра. Онъ замкнулся въ самомъ себъ и сдълался тихимъ и молчаливымъ. Многіе считали его недалекимъ, но люди болъе чуткіе, узнавъ его поближе и заглянувъ въ его глубокіе, серьезные и печальные глаза, испытывали такое впечатлъніе, точно они побывали въ старой деревенской церкви, когда ея сумракъ проръзанъ солнечными лучами, а въ глубинъ алтаря тихо теплятся высокія свъчи.

У Іёрна Уля не было ни друвей, ни внигъ, и душа его развивалась вполнъ своеобразно, не подчиняясь никакому постороннему вліянію.

Однажды въ Уль совершенно случайно явился горожанивъ, интересовавшійся древностями. Увидавъ сундувъ, стоявшій возгів конюшни, онъ выразилъ желаніе купить его. Предложеніе его не было принято, и онъ убхалъ ни съ чімъ, но послів его посіншенія Іёрнъ въ первый разъ въ жизни заинтересовался этинъ старымъ сундукомъ. Онъ ему очень понравился, и въ одинъ тихій воскресный день Іёрнъ, вычистивъ заброшенный ларь, поправилъ въ немъ замовъ, перенесъ его въ свою комнату и уложилъ туда праздничное платье, сборнивъ піссенъ и старую, истрепанную книжку съ заглавіемъ: "Литтровъ, Чудеса неба". Это была популярная астрономія, привезенная еще его покойной матерью изъ родительскаго дома.

Въ праздничные вечера и воскресные дни Гернъ имътъ обыкновеніе сидъть у себя въ комнать на старомъ соломенномъ стулъ, положивъ ноги на ларь. Покуривая хорошенькую трубочку, онъ скользилъ глазами по выбъленнымъ стънамъ, не имъвшимъ никакихъ украшеній, кромъ маленькаго зеркальца, и черезъ окно поглядывалъ на яблоновый садъ. Лицо его при этомъ было строгое и невеселое. Въ эти минуты онъ разбирался въ своей душъ.

Онъ не хотёлъ жениться. Съ женщинами у него было покончено разъ и навсегда, и въ этомъ отношеніи онъ быль опытнъе и благоразумнъе иныхъ старыхъ людей. Подруга его дътства стала ему теперь совсёмъ чужою. Она отнеслась къ нему свысока и съ испугомъ отшатнулась отъ него, когда прочла на его лицё то, что пробудила въ немъ та, другая. А эта другая, къ которой онъ стремился всёми силами необузданной пробудившейся страсти, стала для него святою. Жгучій стыдъ охватывалъ Іёрна, когда онъ вспоминалъ ихъ объихъ. Онъ ръшилъ не имъть ничего общаго съ этой стороной человъческаго существованія, полной злыхъ соблазновъ. Онъ хотёлъ остаться навсегла холостякомъ.

"Вѣдь Тисъ же—холостякъ, — думалъ онъ: — очевидно, это у насъ—семейное".

Но иногда его охватывало какое-то безпокойство; онъ уже не могъ управлять своими мыслями, и воспоминанія о прошломь обступали его. Онъ видёлъ передъ собой прекрасное, энергиное лицо съ гордыми глазами, слышалъ глубокій, милый голосъ. Кровь бросалась ему въ голову и тревога его все усиливалась.

Онъ не находилъ себъ мъста, вскакивалъ на лошадь и скакалъ по полямъ, потомъ опять возвращался домой и долго бродилъ по яблоновому саду. Онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, въ немъ поднимались неясныя желанія, онъ стыдился самого себя, и ему хотълось бъжать безъ оглядки куда-нибудь далеко-далеко, чтобы новой работой, новыми впечатлъніями заглушить и подавить свой душевный разладъ. По ночамъ ему снилась исе та же дъвушка, прекрасная и печальная; она тихо склонялась надъ нимъ и говорила, что страстно тоскуетъ по немъ. И онъ протягивалъ въ ней руки и пъловалъ ее, пъловалъ кръпко и горячо. Онъ просыпался, и ему становилось стыдно. Цълый день потомъ бродилъ онъ съ мрачнымъ лицомъ, не говорилъ ни слова и раздражался даже на Эльзбе.

Какъ-то разъ онъ повхалъ въ городъ продавать хлёбъ. Проходя по улиць, онъ увидьль на окив одного писчебумажнаго магазина картину, изображавшую двухъ молодыхъ женщинъ у мраморнаго фонтана. Это были высовія и вредкія женщины, и даже у той изъ нихъ, которая сидёла совсёмъ голая, было тонкое и милое лицо. Въ нихъ чувствовалось столько величія и благородства, что онъ не могъ понять, какъ это онъ могли допустить, чтобы ихъ изображали въ такомъ видъ. Внизу, подъ картиной, была надпись латинскими буквами: "Небесная и вемная любовь. Тиціанъ". Онъ долго стояль и смотрель на эту картину, потомъ, разомъ рѣшившись, быстро вошелъ въ лавку и остановнася въ смущени передъ молодой женщиной, стоявшей ва прилавкомъ. Сделавъ надменное и равнодушное лицо, онъ указалъ внутомъ на картину. Бережно, точно величайшее сокровище, запряталь онъ эту картину на грудь, а вернувшись домой, уложилъ ее на самое дно своего сундука. Съ этого дня, когда онъ, по воскресеньямъ, по обывновенію, сидълъ съ трубкой въ своей комнать, онъ ставиль эту картину передъ собой на сундукъ и долго, не отрываясь, смотрёль на нее, боясь, чтобы вто-нибудь не пронивъ въ его тайну.

Со всею окружавшей его жизнью ему было трудиве справиться, чёмъ съ женщинами.

Іёрнъ Уль поняль довольно скоро, что для него среди людей нѣтъ мѣста, и порѣшилъ окончательно разорвать съ ними. Онъ ограничилъ свои отношенія къ домашнимъ—отношеніемъ работника къ хозневамъ, и получалъ законную годовую плату за свой трудъ. Свой заработокъ онъ вкладывалъ въ сберегательную кассу и мечталъ о томъ, какъ впослѣдствіи купитъ себѣ собственный, совсѣмъ отдѣльный дворъ и будетъ тамъ жить вмѣстѣ

Томъ L.-Февраль, 1903.

съ Витенъ, вдали отъ всёхъ, до самой смерти. И такимъ образомъ, у Іёрна все сводилось къ тому, чтобы уйти отъ свёта, который онъ глубоко презиралъ.

Ни въ людяхъ, ни въ самой жизни Гернъ не находилъ ровно ничего, заслуживающаго уваженія. Онъ сталъ искать опоры въ небесномъ, и обратился къ церкви.

Уже полгода, какъ онъ принялся усердно ходить въ церковь. Онъ началъ дёлать это изъ подражанія бережливымъ и трезвымъ людямъ, жившимъ по старинъ, такъ какъ онъ хотълъ сдёлаться именно такимъ человъкомъ, какъ они.

Онъ ходилъ въ церковь и скучалъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ тъмъ, что теперешній проповёдникъ еще такъ недавно былъ отчаяннымъ пьяницей и первымъ игрокомъ.

Правда, Дрейеръ не разъ говорилъ ему, что дёло не въ человъкъ, а въ словъ Божіемъ. Но Іёрнъ не совсъмъ ясно понималъ, что хочетъ сказать Дрейеръ, да и слово Божіе въ устахъ пастора имъло такъ мало отношенія и практическаго примъненія къ окружающей жизни вообще и къ самому Іёрну въ частности. Иногда Іёрну казалось, что кромъ голоса пастора ему слышится другой, болъе сильный голосъ, говорившій иное, чъмъ пасторъ. Этотъ голосъ доносился до него точно журчанье далекаго ручья въ знойный день, среди щебетанія птицъ и жужжанія насъкомыхъ. Онъ старался уловить этотъ голосъ, пытался понять, что онъ говоритъ, и не могъ.

— А все-таки ты обязанъ сидъть на своемъ мъстъ, — училъ его старикъ Дрейеръ. — Вотъ, бери съ меня примъръ. Я шестъ-десятъ лътъ сижу все на той же скамейкъ.

И Іёрнъ Уль каждое воскресенье приходиль въ церковь и сидъль всегда на томъ же самомъ мъстъ. Единственное, что въ это время привязывало Іёрна къ церкви и даже къ Богу, было то, что во всемъ этомъ чувствовалась старина.

На другой годъ, осенью, случилось событіе, нарушившее однообразіе жизни Іёрна и заставившее его встряхнуться.

Въ этотъ годъ, когда хлёбъ уже убрали, на поляхъ поввились безпризорныя охотничьи собаки. Онё задирали овецъ, таскали куръ и пугали дётей рабочихъ, когда тё шли въ школу; но никто не принималъ противъ нихъ никакихъ мёръ, такъ какъ хозяева собакъ принадлежали къ самымъ богатымъ и вліятельнымъ людямъ въ деревнё. Но, вотъ, въ одно воскресное утро собаки напали на теленка работника Кампа. Дёти работника,

маленькій мальчикъ и дівочка, какъ разъ въ это время проходили мимо по дорожий въ церковь. Имъ стало жаль теленка, и они побъжван отгонять собавъ, но собави нисволько не испугались. Оставивъ теленка, они бросились на дътей и стали хватать ихъ за платье. Маленьван девочва упала, и собаки были готовы растервать ее, вавъ вдругъ изъ-за высоваго стога появился Іёрнъ Уль. "Такъ вотъ ужъ до чего дошло! Нашихъ дътей растерзывають собаки! "-мелькнуло у него въ головъ и, врвико стиснувъ зубы, съ гневнымъ лицомъ и горящими главами, онъ бросился впередъ и въ три прыжва былъ уже на мъстъ. Одна изъ собавъ сама попятилась назадъ, другую онъ оттоленулъ пинвомъ ноги и навлонился въ лежащему ребенву. Но вавъ разъ въ эту минуту одна изъ собавъ вцепилась ему зубами въ волвно. Сильной, мускулистой рукой схватиль онъ ее за горло и изо всёхъ силъ прижалъ животное къ своей груди. Потомъ выпрямился во весь рость и съ дивимъ врикомъ, весь бълый вакъ полотно, переломалъ собакъ кости.

Этотъ его поступовъ вызвалъ безчисленные толви. На другой день вся швола съ ужасомъ и восторгомъ толвовала объ этомъ знаменательномъ событіи. Когда же въ слъдующее воскресенье Іёрнъ шелъ черезъ поля въ церковь, то повстръчался съ дътьми Кампа, почтительно сошедшими съ дорожви въ траву, чтобы пропустить его. Самая же маленькая, воторую онъ спасъ, не говоря ни слова, взяла его за руку и молча, стараясь изо всъхъ силъ поспъть за его большими шагами, дошла съ нимъ до церкви. И опять онъ сидълъ на своемъ привычномъ мъстъ, и опять слушалъ привычныя слова пастора, и, какъ всегда, не совсъмъ ясно понималъ ихъ смыслъ.

Когда же онъ шелъ домой, его нагналъ портной Розе.

Нѣкоторое время старикъ ковылялъ рядомъ съ Іёрномъ, пробовалъ заговаривать о погодѣ, потомъ совсѣмъ замолчалъ, а затѣмъ говорилъ снова:

— Видишь ли что, Іёрнъ, принеси-ка мий твою куртку. Я почино ее теб'я даромъ, а то ей порядкомъ-таки досталось отъ собакъ. Но я котълъ теб'я и еще кое-что сказать, Іёрнъ. Только это ужъ не по поводу куртки, а по поводу сердца, которое бъется подъ курткой и которое ты долженъ отдать Богу.

Іёрнъ смутился. Нивто нивогда въ жизни съ нимъ тавъ не говорняъ. Разсуждать о Богъ и душъ было дъло пастора.

— Мив просто котвлось помочь двтямъ, — свазалъ онъ послв ивкотораго молчанія, — да и провлятыя собави разозлили меня.

— Нѣтъ, Іёрнъ, ты ошибаешься. Ты сдѣлалъ это, чтоби угодить Богу. И въ будущемъ, во всю твою жизнь, если хочешь имѣть настоящую радость, поступай не изъ ненависти въ собакамъ и не изъ жалости къ дѣтямъ, а изъ любви къ Богу. Смотри же, непремѣнно принеси мнѣ твою куртку завгра утромъ.

Когда на другое утро Витенъ пришла за курткой, чтобы, по обыкновенію, почистить ее, Іёрнъ разсказаль ей о портномъ.

— Воть еще выискался благодътель! — презрительно вырвалось у Витенъ. — Работаеть съ утра до ночи и не имъеть гроша за душой!

Гернъ вышель изъ вухни, захвативъ узеловъ съ вуртвой, в пошель по двору. "Человъвъ вполнъ разумный не можеть върить тому, что говоритъ пасторъ въ своихъ проповъдяхъ, — раздумываль онъ. — Въ томъ, что говоритъ старый портной, уже больше смысла, но въдь и въ словахъ Витенъ есть тоже смыслъ. Портной говоритъ: "Заботься о ближнихъ во имя Божіе". Витенъ же говоритъ: — "Заботься о себъ самомъ ради себя самого".

Онъ вдругъ остановился, круто повернулъ назадъ и вошелъ въ кухню. Витенъ стояла спиной къ дверямъ и что-то работала у стола.

— Ты говоришь, что портной болтаеть вздоръ, — сказаль онъ ей. — Въ такомъ случав объясни пожалуйста мив, изъ-за чего ты сама работаешь здвсь, въ этомъ ужасномъ домв?

Она выпрямилась и посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Никогда еще не говорилъ онъ съ нею такимъ тономъ и о такихъ вещахъ:

Помолчавъ немного, она свазала:

— Не болтай пустявовъ, мой милый! Отправляйся-ва своей дорогой и не старайся ужъ очень до всего довапываться.

И онъ ушелъ съ своимъ узелкомъ, но погруженный все въ то же глубовое раздумье.

Его собственная жизнь была полна работы и заботь. "Въ немъ слишкомъ много отъ Тиссеновъ, — говорилъ о Іёрнѣ его отецъ, — и онъ останется на всю жизнь поденщикомъ у своихъ братьевъ". Съ утра до ночи работалъ Іёрнъ. У него не было ни одного свободнаго вечера; даже по воскресеньямъ онъ бывалъ занятъ. За ужиномъ у него смыкались глаза отъ усталости; онъ торопился уйти въ свою комнату, и тамъ сразу засыпалъ глубокимъ сномъ безъ всякихъ сновидѣній.

Онъ былъ высокъ и худощавъ. Отъ ходьбы по бороздамъ за плугомъ его походка стала тяжелой и неуклюжей, а мускулы его развивались и крвпли отъ непрерывной работы. Въ церковь онъ ходилъ теперь уже рѣже, но черезъ два или три воскресенья его все-таки видъли на его привычномъ мъстъ въ синей щегольской курткъ и съ гордымъ лицомъ.

Событіе, случившееся съ нимъ осенью, благодітельно повліяло на него. Оно натолкнуло его на новыя мысли и нісколько расширило его кругозоръ, показавъ ему, что, кромі трудолюбія, трезвости и бережливости, на світі существуєть еще и другое. Онъ поняль, что все далеко не такъ просто, какъ это ему казалось. Съ этихъ поръ онъ сталъ меніе замкнутымь, боліве мигкимь и чуткимь.

Онъ полюбилъ дътей работника Кампа и теперь часто по воскресеньямъ сидълъ съ ними на берегу ръки, дълалъ имъ флейты изъ новыхъ прутьевъ, или помогалъ самой маленькой изъ нихъ мастерить цъпь изъ стебельковъ одуванчиковъ. Теперь зимой на днъ его сундука всегда лежали запрятанныя въ солому яблоки, и онъ улыбался, заслышавъ покашливанье дътей, проходившихъ мимо его дома въ школу. Онъ понималъ, чего они хотятъ. Просить его они не смъли. Онъ былъ такой большой и такой серьезный.

Иногда въ зимніе вечера онъ вынималь изъ сундука истрепанную книгу Литтрова, выходиль съ нею въ яблоновый садъ и старался отыскать на небъ указанныя на картъ звъзды. При этомъ онъ уклекался и горячился; его охватывала жажда знанія, стремленіе учиться. Все это ударяло ему въ голову точно вино, и онъ вдругъ пугался самого себя, захлопывалъ книгу, возвращался къ себъ въ комнату и пряталъ Литтрова на самый низъ сундука, подъ солому и яблоки.

Все пережитое и передуманное Іёрнъ складываль на дно своей души, и оно лежало тамъ, скрытое отъ чужихъ глазъ, точно грузъ въ глубинъ темнаго трюма, благодаря которому корабль глубоко сидитъ въ водъ и получаетъ правильный и увъренный ходъ.

X.

На следующую весну онъ решилъ, съ благоразумиемъ стараго человека, что ему самое умное было добровольно идти отбывать воинскую повинность. Это давало ему право выбирать полкъ, въ которомъ ему хотелось служить. Генералъ посмотрелъ съ удовольствиемъ и явной благосклонностью на высокаго, широко-

плечаго юношу, стоявшаго передъ нимъ безъ всякой одежди, в добродушно спросилъ:

- Кирасиромъ хочешь быть или ванонеромъ? Іёрнъ немного подумалъ и отвъчалъ:
- Канонеромъ.

Члены коммиссін были удивлены.

- Почему такъ? спросилъ генералъ.
- Это для меня болье подходящее дьло.
- Но почему? еще разъ спросилъ генералъ.

Іёрнъ сдёлаль глубовомысленное лицо и отвёчаль:

— Я думаю, что канонеръ проще и нужнее для страны. Генералъ значительно вивнулъ головою и отпустилъ его. Осенью, по окончаніи жатвы, Іёрнъ явился въ Рендсбургъ. Съ нимъ вмёстё пришелъ его односельчанинъ, Геертъ Дозе, назначеный въ одну съ нимъ батарею.

Рендсбургъ въ то время былъ очень тихимъ городомъ, но еслибъ онъ и былъ похожъ на Гамбургъ или на другой самый превраснъйшій городъ въ странъ, Іерну, все равно, было мало до него дъла. Онъ явился на три года, чтобъ учиться тому, чему его будутъ учить, и исполнять, что ему прикажутъ, но душа его осталась въ Улъ. Впрочемъ, лучшаго солдата для мирнаго времени нельзя было найти: закаленный, умный, послушный. Лейтенантъ Хаксъ, прозванный товарищами "долговявымъ Іоганомъ", обратилъ особое вниманіе на новаго солдата и однажды, встрътясь съ нимъ, спросиль:

— Уль, отчего вы такъ медленно и тяжело maraere? Некогда не видалъ такой походки у молодыхъ людей.

Іёрнъ Уль поставилъ на землю ведра съ водой, которыя несъ, и вытянулся, какъ шестъ.

- Я съ дътскихъ лътъ работалъ тажелую работу.
- Съ двухъ лътъ ходили за плугомъ?
- Да, а земля у насъ трудна для обработки.
- Я самъ изъ вашихъ краевъ, сказалъ лейтенантъ, бывалъ и въ Венторфъ. Кажется, у вашего отца большое хозяйство?
  - Точно такъ. Но мнъ, все-таки, приходится работать.
  - Ага, старикъ не работаетъ?
  - Никакъ нътъ.
  - И братья тоже не работають?
  - Никакъ нътъ.
- У васъ лицо такое... такое озабоченное. Не годится это для молодого человъка.

— Они эту осень плохо справятся съ пахотой, господинъ лейтенантъ.

Лейтенантъ Хаксъ сдвинулъ брови и ничего ие сказалъ, но съ тъхъ поръ сталъ относиться къ Іёрну Улю съ уваженіемъ. Доказательствомъ этого уваженія служило то, что онъ больше отъ него требовалъ, чъмъ отъ другихъ, и давалъ ему самыя трудныя порученія.

Товарищи вначалъ не любили Іёрна. Его сдержанность они принимали за гордость, да у него и дъйствительно была извъстнаго рода врестьянская гордость. Кром'в того, среди его товарищей по службе завелись два молодца, дававшие очень грубый тонъ всей компаніи, и Іёрнъ держался отъ нихъ въ сторонъ. Эти молодые люди разыгрывали изъ себя опытныхъ и знающихъ жизнь людей, хвастаясь своими удивительно смёлыми и циничными похожденіями. Для Іёрна, выросшаго въ деревнъ, эти разсказы не были новостью. До многаго онъ дошелъ своимъ умомъ и о многомъ догадывался, такъ вакъ въ немъ сильно была развита чувственность, но все это таилось въ глубочайшихъ тайнивахъ его души, и онъ испытываль невыносимую, почти физическую боль, когда товарищи со смёхомъ обнажали эти святыя тайны природы. Боль еще усиливалась отъ того, что грубые разсвазы напоминали ему о его братьяхъ, и ему становилась ясна вся глубина и безнадежность ихъ паденія. Когда онъ слушаль циничные разсказы, ему казалось, что онъ слушаеть своихъ братьевъ, и онъ не скрывалъ своего отвращения и презрѣнія. Однажды это повело къ стычкѣ между нимъ и разсказчиками, но на защиту Іёрна выступиль его землякь, Геерть Дозе, и противники его были побиты. После этого уже никто не решался вступать съ нимъ въ открытую ссору.

Товарищи не любили вначалѣ Іёрна и за то, что онъ былъ такой старательный и прилежный. Они думали, что онъ кочетъ выслужиться передъ начальствомъ, но скоро убъдились, что такова была его натура, а узнавъ отъ Геерта Дозе, какъ тяжелы были его дѣтство и юность, стали относиться къ нему съ уваженіемъ. Сужденія его всегда были кратки и опредѣленны.

- Ты не слыхаль, Уль, спрашиваль одинь изъ товарищей: молодчивъ-то этоть, что третій годь служить, дівушку білокуренькую, она еще у доктора въ прислугахь, совсімь несчастной сділаль. Ее съ міста прогнали, и она приходила въ машу квартиру, чтобы съ другомъ поговорить, а онъ сказался больнымъ... ты слышишь, Уль?
  - Подлецъ онъ, отвъчалъ Іернъ: если погубилъ дъвушку,

то долженъ и выручить ее. Мы его въ повов не оставимъ, пова онъ не женится.

Іёрнъ велъ самый скромный образъ жизни, и разъ только товарищамъ удалось затащить его на вечеринку. Онъ глядълъ, вакъ они съ увлеченіем в отплясывали, и любовался ловко танцовавшими молодыми девушками. Одна изъ нихъ, стройная, высовая и сильная, особенно понравилась ему, и онъ слъдилъ за нею глазами. Она это заметила и, взявъ подъ руку одну изъ подругъ, стала ходить мимо него; но такъ какъ онъ не приглашалъ ее на танцы, то она ушла и стала танцовать съ другими. А онъ отправился въ свою комнату, закурилъ трубку и сълъ въ окну, думая о томъ, какъ вернется домой и все тамъ устроить. Онъ удивлялся на товарищей, не имъвшихъ опредъленной заботы и цёли. Конечно, хорошо было, что онъ не велъ себя, какъ другіе, но смѣшно въ его годы считать свою молодость умершей и хоронить ее съ видомъ опытнаго старива и праведника. Иногда лучше быть грешникомъ, чемъ такимъ праведникомъ, и молодость тебъ отомстить за себя, Іёрнъ Уль!

Въ послъднія недъли отбыванія воинской повинности, Іёрвъ Уль особенно сильно стремился домой, къ своему хозяйству в полямъ, и страстно мечталъ о томъ времени, когда отецъ состарится и начнетъ серьезнѣе относиться къ дѣлу, а братья, наконецъ, образумятся и онъ самъ получитъ большее вліяніе въ семьѣ. Ему ясно представлялись счастливые вечера послѣ рабочаго дня, которые онъ будетъ проводить въ обществѣ Витенъ и Эльзбе. Но когда онъ, наконецъ, вернулся домой и весело в ласково сказалъ сестрѣ: — Ты все такая же маленькая, только округлилась и очень похорошѣла! — Эльзбе сдѣлала скучающее, почти скорбное лицо. На его разспросы о томъ, какъ она жнветъ и что дѣлаетъ, — она отвѣчала неохотно, и хотя внѣшностью была похожа на роскошное майское утро, но производила впечатлѣніе человѣка, долго страдавшаго отъ жестокой несправедливости.

Онъ приписалъ перемъну въ ней долгому одиночеству и высказалъ Витенъ надежду, что сестра повесельетъ въ его присутствіи. Витенъ молча кивнула головой, но когда онъ пошелъ изъ кухни, она проводила его долгимъ взглядомъ, не выражавшимъ особеннаго уваженія къ его проницательности.

Черезъ двѣ недѣли по возвращеніи Іёрна домой, Гиннеркь и Гансъ пригласили къ себѣ молодежь, и вдругъ въ задней ком-

нать, гдь за скучнымъ разговоромъ сидьли Витенъ, Іернъ и Эльзбе, появился Гарро Гейнзенъ. Онъ отбылъ воинскую повинность уланомъ и истратилъ за это время большую сумму денегъ. Онъ явился, по его словамъ, чтобы приветствовать возвратившагося Юргена, и спросидъ, не пойдеть ли онъ съ нимъ въ остальной компаніи. Іёрнъ отрицательно покачаль головой и продолжаль сидъть и попыхивать изъ трубки, исчезая въ облакажъ дыма. Гарро Гейнзенъ подсёлъ въ нему, сталъ болтать и разсказывать о своей службъ, а Гернъ, совершенно расходившійся во взглядахъ съ уланомъ, не отвъчалъ ему ни слова. Тогда уланъ, часто взглядывавшій своими врасивыми глазами на Эльзбе, сталъ просить ее выйти въ товарищамъ, собравшимся у ея старшихъ братьевъ, говоря, что тогда и всъ сосъдскія дъвушки присоединятся къ ихъ компаніи. Эльзбе сидёла точно каменная, потомъ посмотръла на брата, но онъ закусилъ губы и ясно повазаль, что еще слишкомъ юнъ, чтобы быть на высотв своего положенія. Молодая дівушка, тяжело дыша, скомкала свою работу и последовала за уланомъ. Имъ на встречу раздались шумные голоса уже пришедшихъ молодыхъ дъвушевъ. Было поздно, и черна и угрюма была ноябрьская ночь.

Іёрнъ большими шагами расхаживаль по комнать, взглядывая отъ времени до времени на Витенъ, но она низко опустила голову надъ работой и молчала. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ у окна, глядя въ мракъ. Онъ безмолвно ропталъ на Бога и на весь свътъ за то, что все, принадлежавшее къ его дому, падало въ грязь и гибло безвозвратно. А онъ, слабый и ничтожный, долженъ былъ оставаться въчнымъ безсловеснымъ работникомъ, какъ говорилъ про него отецъ.

Вдругъ задняя дверь дома распахнулась, въ нее ворвались пьяные голоса, дверь захлопнулась снова, и въ темныхъ свняхъ послышались торопливые шаги. Гернъ отворилъ дверь своей комнаты, и сестра его почти упала къ нему на грудь, задыхаясь.

- Я отъ него убъжала, —выговорила она.
- Если ты будень такъ продолжать, то добромъ это не кончится... съ твоимъ неистовымъ характеромъ, — сказалъ онъ.
- Да съ меня и такъ довольно, произнесла она и, подойдя къ окну, устлась на сундукт, совствъ какъ дълала это въ дътствъ.
- Послушай, Эльзбе, лёть черезъ десять отъ имущества Гейнзеновъ ничего не останется, и придется имъ ёхать въ Гамбургъ торговать сёномъ.

Она соскочила съ сундука и прильнула лицомъ къ окну.

- Мнъ интересно бы знать, ищеть ли онъ меня... Отчего ты не ложишься спать? Я сказала ему, что пойду къ тебъ, но я думала, что ты уже спишь и заперъ свою дверь. А то я побъжала бы въ амбаръ... а какъ страшно-то было!
- Я не могь лечь спать,—я все думаль, что ты тамъ дълаешь.
  - Что я могу делать?!..
- Прежде ты такъ хорошо относилась во мнѣ, всегда мною дорожила.

Она взглянула на него мелькомъ.

— Ахъ, милъйшій мой братецъ, ну, въ чему это все?!—Она засмъялась.—Странно, что онъ не идетъ... върно, думаетъ, что н побъжала въ саду... А ты ложись! Спи спокойно!—и она выбъжала изъ комнаты.

Дождь застучаль по черному стеклу овна, а за овномъ глухо шумъли тополя, и вдругъ, сквозь шумъ дождя и деревьевъ, послышался врикъ, точно мартовская птица смущенно попробовала впервые спъть свою пъсню. Іёрнъ ясно различилъ голосъ своей сестры, весь задрожалъ, сжалъ вулаки, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ комнаты и бросился изъ дома. Это не былъ больше робкій мальчикъ, привыкшій за долгіе годы въ покорности в приниженности въ домъ отца. Въ эту минуту въ немъ впервые проснулся мужчина. Въ темнотъ подъ ивами онъ нашелъ свою сестру. Она стояла тъсно обнявшись съ Гарро Гейнзеномъ.

Онъ положилъ руку ей на плечо и произнесъ ръзкимъ, самоувъреннымъ голосомъ:

— Иди домой! Я отвъчаю за тебя.

Она готова была вспылить, но сдержалась и пошла за нимъ. Гарро Гейнзенъ смущенно разсменлся имъ вслёдъ. Іёрнъ привель сестру въ свою комнату за руку, какъ дёлалъ это въ дётстве, посадилъ ее и сталъ ходить взадъ и впередъ. Проходя мимо, онъ взглядывалъ на нее и ясно видёлъ ен красоту, изящество и пропорціональность всей ен фигурки, дёлавшія ее выше, чёмъ она была на самомъ дёлё. Видёлъ онъ также въ ен темныхъ глазахъ и во всемъ ен существе нескрываемую страсть.

- Что все это значитъ? проговорилъ онъ наконецъ.
- Надо же мит кого-нибудь любить, отвъчала она вывывающе.
- Время терпитъ. Явится другой, который будетъ въ состояніи тебя прокормить.
  - Прокормить? А ты объ этомъ думалъ, когда сходился съ

"дъвушкой изъ Песковъ"? Ты за хлъбомъ въ ней шелъ?.. Скука вакая — цёлыми годами сидёть въ этомъ огромномъ, пустомъ домъ и въчно любоваться на зеленыя ивы и пьяныхъ братьевъ! Что же, по твоему, мий здёсь такъ и прокиснуть?

- Боже сохрани! восиливнуль онъ. Что это за несчастье
- тавое! И ты погибнешь, и я останусь совсёмъ одинъ.

   Если я сама хочу погибнуть? Воля человёка—его Божье право. Я не заставлю тебя отвёчать за меня.

Тогда онъ пришелъ въ ярость и завричалъ, сврежеща зубами:

- Я этого не потерплю! Завтра же отправлю тебя изъ этого дома, а потомъ найду тебъ мъсто въ какомъ-нибудь порядочномъ семействъ, подальше отсюда, чтобы ты и думать забыла о Гарро Гейнзенъ. Не хочу, чтобы ты стала женою одного изъ зайшнихъ пьяницъ! Ты должна выйти за человвка въ моемъ духв, умвющаго и желающаго работать.
- Не хочу! Я хочу его. Лучше одинъ день съ нимъ, чёмъ десять лёть съ такимъ человёкомъ, вакъ ты.

Она разрыдалась и, уронивъ голову на столъ, выговорила съ громвимъ плачемъ:

— Все это оттого, что у меня нътъ матери! Мама, мама! Куда инъ дъться? Что дълать? Не внаю, ничего не внаю!...

На другой день, рано утромъ Іёрнъ сълъ за письменный столъ отца, чего никогда не дълалъ, и, съ трудомъ двиган непривычными пальцами, написаль слёдующее:

"Милый-Тисъ!

"Сообщаю тебъ, что сегодня послъ объда привезу въ тебъ Эльзбе, такъ какъ не хочу, чтобы съ нею вдёсь случилось несчастье. Она должна выйти замужъ за порядочнаго парня, будь онъ коть простой работникъ. Я бы самъ ее караулилъ, какъ собава, да ночи такія темныя и длинныя, и у меня такой крівпкій сонъ. А ея время пришло. Ты самъ знаешь, что бываеть въ хозийствъ, когда близится май мъсяцъ: и въ конюшиъ, и въ хивьу все въ безпокойствв. Поэтому лучше перевести ее на другое пастбище. Ты можеть помъстить ее въ твоей вомнать. Кровать можно поставить подъ Африкой.

"Юргенъ Уль".

Когда старомодный экипажъ, возившій еще мать Іёрна, проъзжаль съ нимъ и Эльзбе мимо трактира, то Ули и Гейнзены бросили варты и стали подтрунивать и надъ Герномъ, и надъ экипажень. Клаусь Уль стояль весь красный и, чтобы выйти изъ глупаго положенія, не нашель ничего лучшаго, вавъ присоединиться въ остальнымъ и начать насмѣхаться надъ собственными дѣтьми. Іёрнъ слышаль все, но не взглянулъ на окна, и только вогда они уже проѣхали, сказалъ, обращаясь въ Эльзбе:

— Видъла? Слышала? Вотъ ваковъ нашъ отецъ!

И со злобой онъ выкрикнулъ проклятіе, клянясь—пальцемъ не пошевелить, если когда-нибудь отцу понадобится его помощь.

Это были слова; поступки его впоследстви оказались совсемъ другими.

Вскорѣ Іёрнъ сталъ замѣчать, что вокругъ него творилось что-то неладное. Среди Улей замѣчалось безпокойство и тревога, какъ бываетъ передъ надвигающейся грозой. Явился какой-то человѣкъ въ мундирѣ и обошелъ нѣсколько дворовъ. Никто никогда ни этого человѣка, ни такого мундира не видалъ. Нашелся только одинъ всезнайка, объявившій, что это не могъ быть никто другой, какъ судебный слѣдователь.

Въ это же время въ отцу явился старшій сынъ Августь, съ женою и тремя дітьми. Жена его получила образованіе въ пансіоні, въ Гамбургі, и на ней быль модный плащь, общитый міхомъ. Она съ высоты своего величія вивнула головой Іёрну и прослідовала въ домъ, а онъ пошелъ работать. Вернувшись съ поля, онъ увидалъ, что братъ стоитъ уже одітый въ главной вомнатів и кричить на отца:

— Чему ты насъ выучилъ? Говори! Франтить, сорить деньгами, бъгать за женщинами. Хорошо это все, да не по твоему карману. Все—одно надувательство: и въчный твой смъхъ, и твой толстый вошелекъ, и серебряная посуда, и торжественныя похороны матери, и ея гробъ съ бархатнымъ покровомъ. Ты и вся твоя пьяная компанія—негодяи и обманщиви, а мы, дъти, несемъ на себъ вашу вину.

Клаусъ Уль сидътъ въ углу дивана, неподвижно глядя передъ собою, и въ первый разъ въ жизни младшій сынъ увидаль, что отецъ умътъ дълать серьезное, даже испуганное лицо, что онъ былъ старикъ и видъ у него былъ нездоровый.

— Еслибы мать была жива, — продолжаль Августь, — то коть бы одинъ порядочный человёкъ быль въ дом'в. Но мы, глупые мальчишки, презирали мать, а она была ангелъ-хранитель всей семьи. Ты же погубилъ насъ и оставишь нищими.

Онъ повернулся, чтобы уходить, и увидаль младшаго брата.

— А ты, — произнесъ онъ, съ силой ударивъ его по илечу, — ты — лисица. Въ двадцать-одинъ годъ ты умнъе, чъмъ онъ въ шестъдесять и чъмъ мы всъ. Мы каждую вещь завертывали въ

такого смущеннаго лица и помяни меня, ландфогть, когда придешь въ царство твое!

И онъ ушелъ изъ отцовскаго дома.

XI.

Іернъ Уль былъ вдвойнъ одиновъ. Онъ былъ одиновъ, вошервыхъ, потому, что его отецъ, братья, всъ его близкіе и дальніе шли по совершенно иному пути, чъмъ онъ самъ. И еще одиновъ онъ былъ потому, что душа его представляла собой чертогъ, убранный въ празднеству, или церковъ. Пустынно и тихо было въ этомъ чертогъ и не совершалось еще богослуженія въ церкви, но онъ мечталъ, что когда-нибудь тамъ наступитъ время великаго праздника.

Однажды, въ послъобъденное время, всъ его домашніе уъхали на ярмарку. Въ домъ осталась одна только Витенъ. Она сидъла въ своей комнатъ и шила. Когда же стемнъло и наступилъ вечеръ, Іёрнъ прошелъ черезъ высокія и просторныя съни по половицамъ, точно прикрытымъ ковромъ, сотканнымъ луннымъ сіяніемъ, и вышелъ во дворъ. Почти полный мъсяцъ во всемъ своемъ царственномъ великолъпіи смотрълъ съ неба на землю, заливая свътомъ черныя поля и дубовый лъсокъ около Золотого Родника.

Іёрнъ Уль стоялъ и смотрѣлъ на мѣсяцъ; по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ, его вялыя мысли стали приподниматься, крѣпли и обострялись.

- Маге nubium, тихо произнесъ онъ, и въ его лицъ промельнуло что-то лукавое, точно онъ послъ долгой разлуки встрътился, навонецъ, съ другомъ и собирается поканться ему во всъхъ своихъ мношескихъ заблужденіяхъ. Потомъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, онъ опять черезъ съни прошелъ въ свою комнату и вытащилъ изъ сундука подворную трубу. Онъ случайно и очень дешево купилъ ее въ Рендсбургъ во время отбыванія воинской повинности, но еще ни разу не пользовался ею. Онъ опять вышелъ во дворъ и направилъ трубу на луну. Онъ стоялъ въ своей синей короткой курткъ и смотрълъ на мъсяцъ, и добрые духи дома Улей радовались, глядя на него, и шептали:
- Какое счастье! Воть опять его сердце открылось для любви!

Іёрнъ Уль вглядывался въ мъснцъ, различалъ на немъ моря

и горы, и радовался, что еще помнить ихъ названія. Онъ въ первый разъ разсматривалъ мъсяцъ въ подворную трубу, въ первый разъ удавалось ему видъть совсъмъ ясно очертанія кратеровъ, тъхъ самыхъ кратеровъ, о которыхъ-говорилось въ старой внигъ, лежавшей на днъ его сундува. Онъ стоялъ, смотрълъ на небо и думаль, между прочимь о томъ, до вакой степени онъ не похожъ на другихъ молодыхъ людей, которые теперь веселятся на ярмарив и бъгають за дввушками. Онъ гордился, что непричастенъ въ этой страстной, мятежной жизни, а между твиъ повсюду вовругъ него эта жизнь випъла и торжествовала, и въ воздухъ, и въ деревьяхъ, и на склонахъ полей, -- только онъ не видёль и не слышаль ея. Не зналь онь также, что въ эту самую ночь Гарро Гейнзенъ увезъ съ ярмарки Эльзбе Уль въ своей повозкъ, запряженной сытой и гладвой гиъдой лошадью. Они вхали полями по дорогв въ Золотому Роднику, и у самыхъ дубовъ Гарро Гейнзенъ сказалъ Эльзбе:

- He остановиться ли намъ и не поискать ли зарытый здёсь кладъ?
- Хорошо, если хочешь, отвътила дъвушка и соскочила съ повозки прямо въ его протянутыя руки.

И Гарро Гейнзенъ връпко обхватилъ маленькое поворное созданіе и понесъ его по тропинкъ внизъ въ ложбину, подъдубами. И здъсь около "Золотого Родника", среди зеленой трави, она отдалась ему.

Пришла зима, за зимой прошла весна и наступило лето. Іёрнъ Уль работаль по прежнему и поджидаль удара, который неминуемо долженъ быль разразиться надъ ихъ семьею. Но, прогивъ ожиданія, не случилось ничего особеннаго, и по виду въ семьв Улей все обстояло вполнв благополучно. Ударъ настигь одного Іёрна совершенно неожиданно и совсвиъ съ другой стороны, чвиъ онъ ждалъ.

Уже съ іюля въ нимъ въ деревню стали долетать вавіс-ю неясные, но тревожные слухи о близкой войнъ. Люди встрененулись, насторожились и стали жадно прислушиваться въ гулу надвигавшейся грозы.

Однажды, во время уборки сѣна, Іернъ проснулся еще раньше, чѣмъ обывновенно. Вся его комната была залита дуннымъ свѣтомъ.

"Будить другихъ еще рано, — подумалъ онъ, — но самъ я встану, чтобы посмотръть на мъсяцъ".

Онъ цълую зиму прилежно изучалъ Литтрова и даже про-

бовалъ самъ составить карту небесныхъ светилъ. Эти занятія нъсколько удовлетворяли его стремленіе къ наукт и наполняли радостью его душу.

Съ подзорной трубой въ рукахъ онъ прошелъ свии и хотвлъ уже выйти во дворъ, какъ въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ приказнымъ служителемъ въ синемъ сюртукъ, съ блестящими пуговицами.

- Не думаль я, Гернъ, что ты уже всталь, съ изумленіемъ сказаль старикъ. Воть туть у меня двъ бумаги. Тебъ одна, а другая Геерту. Оба вы завтра же къ десяти часамъ утра уже должны быть въ Рендсбургъ на мобилизаціи. Однако, мнъ нужно поторапливаться. Будь здоровъ, Гернъ!
- Такъ вотъ оно что! вырвалось невольное восклицание у Іерна. Онъ отправился къ себъ въ вомнату, уложилъ подзорную трубу въ сундукъ и самъ сълъ на него.

"Да, это должно было случиться, — думаль онъ. — У насъ съ этими французами давнишняя вражда... Своро со всёмъ этимъ не повончишь, и дёло навёрное затянется... Дома останется Гансъ, Гиннеркъ уйдетъ со мной. Кто изъ насъ вернется назадъ, и вернется ли – это неизвъстно. И какъ это все здъсь будеть? Гансь... отець... Эльзбе... Мий непремино нужно повидать Тиса. Нужно будеть взять Яспера Крея старшимъ надъ рабочими. Многаго отъ него ждать нечего, но зато у него ужъ ничего не пропадеть. А гдъ-то теперь Фите Крей?... Ежели эти французы не хотять насъ оставить въ поков, понятно, намъ следуеть побить ихъ. Побъемъ мы ихъ, и опять станемъ работать на своихъ поляхъ. А все-таки это можетъ затянуться на цвлый годь, пожалуй и дольше... Ясперъ Крей — это единственный человъкъ, которому я хоть сколько-нибудь върю. Вся бъда собственно въ томъ, что у меня есть и отецъ, и братья, а мев нужно просить чужихъ позаботиться о нашемъ же добрв".

Онъ всталь съ сундува, оглядель вомнату и затемъ отправился будить всёхъ въ доме:

— Вставайте! — говорилъ онъ. — На сегодня намъ много работы. Меня и Геерта требуютъ въ ополченіе.

Около шести часовъ вечера Іёрнъ и Геертъ, спускаясь по лъсной дорогъ въ дому Тиса Тиссена, увидъли его самого выходящимъ изъ дома съ тяжелымъ мъшкомъ за плечами. Тисъ Тиссенъ, выйдя изъ дома, направился въ противоположную отъ нихъ сторону по дорогъ въ деревню. Онъ шелъ и поминутно

оглядывался назадъ. Іёрнъ и Геертъ оба принялись вричать ему. Услышавъ ихъ, онъ остановился, узналъ Іёрна, безнадежно покачалъ головой и слезы выступили у него на глазахъ.

— Іёрнъ, Іёрнъ, я долженъ сообщить тебь ньчто ужасное! — вривнулъ онъ ему еще издали. — Въдь ужъ четырнадцать дней какъ Эльзбе здъсь нътъ. Она уъхала въ Гамбургъ съ Гарро Гейнзеномъ. Я не ръшился тебь написать объ этомъ. А теперь вотъ я получилъ еще отъ нея письмо. Она собирается ъхать съ нимъ въ Америку. Я знаю, что она боится Америки, Іёрнъ. Она прощается въ письмъ со всъми нами, — особенно съ тобой, Іёрнъ.

Іёрнъ смотрѣлъ широво расврытыми глазами на Тиса Тис-

— Дай мет письмо! — наконецъ произнесъ онъ.

Тисъ Тиссенъ сбросилъ на землю мѣшовъ, вытеръ свое разгоряченное лицо и сталъ искать письмо, постоянно оборачивансь на свой домъ.

- Куда это ты собрался со всей этой повлажей?
- Ахъ, и не спрашивай, Іёрнъ! простоналъ Тисъ: я ръшилъ пробраться въ Гамбургъ; ну, а если не застану ее такъ, то поъду въ Америку.

Геертъ Дозе ощупалъ мѣшокъ Тиса.

- Здёсь два хорошихъ свиныхъ окорока, два куска сала и свиная голова, объявилъ онъ.
- Да, это все для дороги,— жалобно проговорилъ Тисъ. Іёрнъ между тъмъ прочелъ письмо и, не говоря ни слова, смотрълъ на Тиса.
- Изъ ихъ письма видно, что они уже уёхали изъ Гамбурга,—наконецъ сказаль онъ.—Но вёдь даже если ты и застанешь ихъ въ Гамбургъ, тебъ незачъмъ ъхать съ ними въ Америку.
- Она должна его бросить, должна вернуться во мнѣ, и никто никогда не посмъетъ сказать о ней ни единаго дурного слова!
- Ты въдь еще ничего не знаешь, у насъ война съ французами, и насъ требують въ ополченіе.
- Царь Небесный!—воскликнуль Тись.—И это еще! Одно несчастие за другимъ.
- Да и намъ нужно спѣшить, у насъ совсѣмъ нѣтъ времени разговаривать, сказалъ Іёрнъ.

Онъ еще не вполнъ понималъ весь смыслъ случившагося. Ему вазалось такимъ страннымъ, что маленькая Эльзбе увхала куда-то далеко съ этимъ большимъ` и грубымъ Гарро Гейнзеномъ. И вдругъ ему въ голову пришла мысль:

- Весьма возможно, что корабль задержался, благодаря войнъ. Если ты застанешь ее, сдълай что кочешь, но вернись съ ней домой,—сказаль онъ Тису.
  - Ты думаеть, что это удастся? спросиль Тисъ.

Онъ смотрълъ на свой домъ и всханцывалъ. Слезы катились по его худымъ щекамъ.

- Не горюй такъ! сказалъ Іёрнъ. Вспомни, что ты всегда мечталъ о путешествіяхъ; вспомни, какъ тебъ хотвлось побывать въ Гамбургъ. Въдь не сидъть же тебъ цълую жизнь на своемъ болотъ.
- Да, да. Оно, конечно, такъ, отвётилъ Тисъ, не отрывая взгляда отъ своей соломенной крыши. И все-таки это очень горько.
- Да что же это съ тобой, Тисъ!—воскликнулъ Іёрнъ, чувствуя, что въ душу его закрадывается подоврвніе.

Въ это время они какъ разъ взобрались на холмъ, съ котораго въ послъдній разъ еще можно было видъть домъ Тиса Тиссена.

- Не знаю я, что со мной,—заливаясь слезами, сказаль Тись,—но мнъ такъ тяжело, такъ тяжело!
- Такъ вотъ ты каковъ, Тисъ! воскликнулъ Іёрнъ. Только теперь я вижу, чего стоятъ всѣ твои планы, всѣ мечты о далекихъ путешествіяхъ. И эта Японія, и Бразилія, и всѣ твои изобрѣтенія... У тебя просто тоска по родинъ.
- Нътъ, нътъ!.. Я иду съ вами. И онъ пошелъ, шатаясь, какъ пьяный.
  - Веринсь, Тисъ! Ты съ этимъ не справишься.
- Я потериль сонъ, —жаловался маленьвій человівть. Я виділь во снів, что она несчастна. Мнів необходимо идти за ней, но я не могу оставить свой домъ.
- Ну, это плохо, если Тисъ лишился сна, сказалъ Геертъ Дозе. Боюсь я, что онъ перестанетъ и Всть. Пропадетъ тогда его чудесная ветчина.
  - Мић нужно идти. Не мучьте меня больше. Я иду.
  - Ну, и отправляйся. Намъ въдь тоже некогда.

На перекрествъ они всъ остановились, и Гернъ съ Геертомъ попрощались съ Тисомъ.

— Ужъ очень тяжелый у него мёшовъ, — сказалъ Геертъ Іёрну, когда они оба остановились на дорогѣ, слёдя за удаляющимся Тисомъ. — Видишь, какъ его шатаетъ!

Томъ І .-- Февраль, 1908.

- Это онъ отъ горя шатается, свазаль Іёриъ.
- Смотри, смотри, онъ карабкается на пригорокъ. Это ему не по пути, но онъ хочетъ взглянуть оттуда еще разъ на свой домъ, закричалъ Геертъ. Подожди-ка меня, Гернъ. Я вернусь мигомъ. Ему тяжело съ мъщкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Геертъ дѣйствительно вернулся съ двумя кусками сала въ рукахъ.

— Не знаю, право, пойдеть ли Тись дальше, — сказаль опъ. — Что у насъ два славныхъ куска сала — это върно, ву а остальное все очень сомнительно.

XII.

Четыре дня тому назадъ, Франція объявила войну.

Ефрейторъ Ломанъ прискакалъ въ лагерь съ денешей къ командиру, и черезъ минуту всё батареи знали, что выступають на французовъ.

Тансь Ломань, брать ефрейтора, состоявшій при тяжеломь орудіи № 2, ходиль цёлыхь четыре недёли молчаливый и мрачный. Только на третій день послів Гравелотта на душі у него прояснилось. Его смущали и мучили три вопроса: во-первыхь, —почему сразу не приступали въ сраженію; во-вторыхь, почему сейчась же не повазались французы, и въ-третьихь, какь могло случиться, что міръ быль такъ страшно великъ. Къ недоразуміню географическому прибавилось еще недоумініе по поводу словь начальника, говорившаго солдатамъ о старомь правів, любви въ отечеству и большихъ надеждахъ. Гансь Ломанъ ничего не поняль. Изъ йедоумінія вывель его ефрейторь Линдеманъ, объяснившій ему, что французы осворбили стараго короля.

- Они вотъ что сдёлали, Ломанъ,—сказалъ ефрейторъ, в поднялъ руку, какъ бы для удара.
  - А сколько ему лътъ? спросилъ Ломанъ.
  - Да за семьдесять перевалило.

Тогда для Ломана все стало ясно.

— Ужъ если они старика по лицу быютъ, то, конечно, мы имъемъ право задать имъ потасовку.

Изъ этого видно, что у Ломана второго не все было приведено въ ясность; зато для капитана Глейзера все было ясно вполнъ. За послъднюю недълю онъ работалъ съ утра до ночи, муштруя людей и лошадей, и все ему было не довольно, и все

онъ увърялъ, что у него, капитана Глейзера, великолъпнъйшаго офицера его величества, какъ онъ самъ себя называлъ, батарея была хуже всъхъ. Во время ученья одна лошадь задурила, сорвалась съ привязи, взвилась на дыбы и стала вытанцовывать польку на заднихъ ногахъ.

— Да укротите же этого звіря! —закричаль капитань.

Объездчивъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на лошадь, но черезъ мгновение уже лежалъ сброшенный на землё.

— Провалиться теб'в на этомъ м'вст'в! Ефрейторъ Юргенсъ! Садись ты! И съ этими молодцами идти во Францію?!.. Это немыслимо! Я пойду одинъ!

Ефрейторъ Юргенсъ очутился въ ямъ, вырытой при паденіи объъздчивомъ. Капитанъ Глейзеръ осмотрълся, собирансь самъ вскочить на лошадь и показать этимъ тремъ стамъ ничтожествамъ, что въ состояніи сдълать капитанъ Глейзеръ. Въ числъ резервистовъ, стоявшихъ еще въ своемъ собственномъ платьъ, капитанъ увидалъ одного человъка въ старой синей одеждъ съ новой заплатой на колънъ. Въ его высокой, широкоплечей фигуръ и гордомъ тонкомъ лицъ чувствовалась породистость, которой могъ бы позавидовалъ любой аристократъ. Въ рукахъ онъ держалъ небольшой сундучокъ.

— Ефрейторъ Уль! — воскликнулъ капитанъ. Іёрнъ выступилъ впередъ.

— Походка у васъ не сдълалась легче за это время, но все равно, можеть быть, вы съумъете справиться съ этимъ чортомъ... Садитесь!

Ефрейторъ Уль осторожно поставиль сундучовъ на землю и вдругъ весь преобразился. Увъреннымъ движеніемъ положилъ онъ руву на шею лошади, глаза его засверкали, и черезъ мгновеніе онъ ужъ сидълъ верхомъ, а лошадь прыгала, становилась на дыбы, вся дрожала, встряхивала съдока, стараясь сбросить его, и наконецъ исчезла вмъстъ съ нимъ въ облавъ пыли. Черезъ нъсколько минутъ Іёрнъ вернулся въ ожидавшимъ его на усмиренной лошади.

— Уль! — воскликнулъ Глейзеръ: — вы на этой лошади и поъдете, и я назначаю васъ въ шестому орудію.

Такимъ образомъ Іёрнъ Уль отправился въ походъ унтеръофицеромъ.

Черезъ восемь дней они шли подъ преливнымъ дождемъ по тополевой аллев, гдв за шесть дней до нихъ прошли форсированнымъ маршемъ другіе отряды. Всв устали и были подавлены.

Провхаль старый генераль и увидаль, что нальво оть де-

ревьевъ хоронять при звукѣ трубъ офицера. Онъ подъѣхаль в спросилъ:

- Кого это вы хороните?
- Нашего вапитана.
- Дайте мий еще разъ взглянуть на него!—произнесъ старикъ:—въдь это мой сынъ.

Потомъ, въ сопровождени адъютанта, онъ проъхалъ мимо батарей, двигавшихся подъ дождемъ. Онъ не былъ интересенъ на лошади: слишкомъ коротовъ и толстъ. Всъ смотръли ему вслъдъ и шли дальше. Ужасная была погода.

- Поглиди-ка, малый, три мертвыхъ лошади! Вотъ раздулото ихъ!
- А сюда, глянь-ва, что это за длинныя грядви навопаны? И сабли вотвнуты въ нихъ... Чудно что-то!
  - Иль ты не видишь? Да это свёжія могилы.

Ужасная погода. Какъ дождь хлещеть по деревьямъ! Орудів стучать и гремять по мокрой земль. Могилы. Все могиль. Съ тополей содрана вора, и сломанныя вътви обнажають свов размозженныя кости.

— Мы никогда не доберемся до непріятеля... Мы, шлезвигъ-голштинцы? Насъ только для парада захватили съ собою.

Ночью они расположились бивуавомъ на возвышенностяхъ. Было сыро и пронизывалъ вътеръ. Тамъ стояло четырнадцать оставленныхъ французами повозовъ, и они побросали ихъ въвостры. Всъ были угнетены, хотя многіе громко смъялись и разговаривали. Утромъ двинулись дальше. Было утомительно это въчное: "дальше, дальше"! Всъ мечтали скоръе напасть на врага, побить его и вернуться домой.

— Кто станетъ, пахать и съять? Скоро осень. Отцу одному не справиться со всъмъ. А мать? А невъста? — Дальше, дальше!

Сначала ихъ батарея шла одна, потомъ къ ней начали присоединяться другія, образовался цёлый полкъ, цёлый корпусъ, цёлый народъ.

Они стояли на возвышенности. Капитанъ Глейверъ остановился возлѣ Іёрна Уля. Мимо нихъ проходили полки за полками, пушки, всадники, повозки, непрерывно, безконечно.

- Ну, что сважете? спросилъ Глейзеръ, оборачиваясь. Іёрнъ Уль пристально смотрълъ впередъ и ничего не отвътилъ.
- Эхъ, вы, мужичье! Отечество, Германія, освобождается отъ бъды! И онъ круго повернуль лошадь.

А Гернъ Уль посмотръль еще разъ на всъхъ этихъ прохо-

дившихъ и стремившихся къ одной цёли людей и почувствовалъ величіе того, что передъ нимъ совершалось.

На следующую ночь они переправлялись при свете факеловъ черезъ реку, и скоро услышали вдали пушечную пальбу. Всеми овладело безпокойство. Тревожное чувство все росло. Разсеело, и снова они увидали свежія могилы, на этотъ разъ при свете солнца.

— Какая хорошая погода... и хорошо также, что насъ оставляли въ резервъ. Мы въдь новобранцы, во фронтъ не годимся. И отлично... а все-таки жаль... Нътъ... все-таки хорошо. Я еще молодъ, хочется пожить, хоть десять лътъ, а тамъ пускай убиваютъ.

Солнечно и тихо, только вдали грохочуть пушки.

- Намъ и пороха не удастся понюхать, а толстомордые пруссави будутъ хвастать своимъ геройствомъ за вружкой пива, а намъ придется молчать... Что это, глянь-ва, огонь?
  - Огонь.
  - Такъ близко стрвляють?..

Капитанъ Глейзеръ стоитъ передъ своей батареей и видитъ важдаго солдата. Дъло становится серьезнымъ.

— Батарея, въ галопъ!..

Капитанъ Глейзеръ пропустилъ свои шесть орудій, пришпорилъ свою высокую, красивую лошадь, и снова очутился впереди всёхъ. На встрёчу имъ мчится маіоръ... должно быть, его послали отдать приказаніе... Онъ ловко сидить на лошади, даже безъ головы... Какъ страшно смотрёть на него... наконецъ онъ падаетъ на землю. Лошадь помчалась дальше. Передъ Гёрномъ Улемъ промелькнула фигура полковника. Весь бокъ у него мокрый и красный отъ крови.

- Впередъ! И они мчатся къ непріятельскому лагерю. Въ головъ нътъ больше мыслей. Мелькаютъ бълыя палатки.... Люди бъгутъ, бросаются то туда, то сюда, стоятъ въ дыму. Въ воздухъ шипятъ и свистятъ гранаты. Гернъ Уль поднимаетъ голову и глядитъ на лейтенанта Хакса, отдававшаго приказаніе, но понять ничего нельзя среди стука, гвалта, звона и грома. Впрочемъ онъ и такъ знаетъ свое дъло.
- Орудіе впередъ! Орудіе впередъ! Щелканье и трескъ сливаются въ мелодію. Лейтенантъ Хаксъ переходитъ отъ орудія къ орудію совсвиъ какъ на ученьв. Передъ нимъ останавливается на вытяжку солдатъ. Со спины его по ногв стекаетъ кровь, образуя широкую лампасу, какъ будто онъ генералъ.
  - Можешь уйти.

Солдатъ дълаетъ нъсколько шаговъ и кубаремъ натится на землю. Чей-то голосъ произносить:

— Погляди-ка, это Теертъ Дозе!

Лейтенантъ Хаксъ останавливается, какъ бы прислушиваясь къ командъ.

- Уль!
- Господинъ лейтенантъ!
- -- Посмотрите-ка, я раненъ въ спину? -- онъ оборачивается.
- Ничего не видно.
- Раны нътъ?
- Нѣтъ.
- Ну, такъ ничего еще...

Нумеръ второй при орудіи спотывается и падаеть навзниь, закрывъ лицо руками, какъ будто увидаль что-то ужасное. Однив прыжкомъ Гернъ становится на его мъсто. Возлъ него — Ломанъ второй. Нумеръ пятый раненъ въ ногу. Онъ стонетъ, прихрамывая, и кладетъ къ ногамъ Герна новый запасъ гранатъ. Осталось три лошади и три человъка у орудій; остальные убиты. Они заряжаютъ и стръляютъ, въ изнеможеніи, обливаясь потомъ, безъ мысли, безъ сознанія, а кругомъ—ревъ, свистъ, жужжанье, хлопанье, стоны.

- Гранатъ больше нътъ!..—Они останавливаются въ оцъпенъніи, не зная, что дълать. Съ трудомъ передвигая ноги, подходитъ въ Ломану лейтенантъ Хавсъ.
  - Все еще не видно раны?
  - Видно, господинъ лейтенантъ, и кровь течетъ.
- Стоять больше не могу, а уйти не хочу. Не хочу.—Онъ презрительно сплевываеть. Къ нимъ подлетаеть штабъ-офицеръ.
  - Почему вы не стрѣляете?
  - Гранатъ больше нътъ.
  - Провлятіе! Тогда стръляйте пушечными патронами!

И они снова стали заряжать и стрълять.

Молоденькій лейтенанть стоить сзади и ободряєть ихъ гром-кимъ голосомъ:

— Хорошо, унтеръ-офицеръ! Очень корошо!.. Товарищъ!— Онъ кланяется Хаксу, который сидитъ на землѣ, опершись спиной о колесо лафета. Но Хаксъ не видитъ его. Онъ глядитъ полузакрытыми глазами, презрительно выставивъ нижнюю губу, въ сторону непріятеля.

Налъво отъ нихъ орудія смолкають. Что это значить?

— Страляйте же, братцы!—Ряды людей радають. Остаются только отдальныя фигуры на большомъ разстояния другь отъ

друга. Лейтенантъ Хаксъ снова поднимается, хочетъ командовать, шатается и падаетъ плашмя на землю. Двое или трое человъвъ бъгуть отъ разбитой батареи. Одинъ на бъгу падаетъ, какъ падаютъ дъти, хватается за колесо и начинаетъ повторятъ прошенія молитвы Господней. Четвертое прошеніе онъ произноситъ дважды. Онъ—сынъ бъдныхъ родителей.

Изъ лъса повазывается нъмецвая пъхота. Иные стоять, другіе ложатся на вемлю и стръляють въ осаждающихъ, ревущихъ и воющихъ враговъ. Одинъ фузильёръ, ловкій и сильный малый, съ вруглой рыжей головой, подскочилъ въ Іёрну и сталъ стрълять, потомъ, доставая новый патронъ, поднялъ голову.

— Іёрнъ Уль! Старина!.. all right, Іёрнъ!

Іёрнъ продолжаль заряжать орудіе и даже не удивился. Почему же и не быть рядомъ съ нимъ Фите Крею?

— Твоя стръльба ни въ чему. Все равно сейчасъ все кончится! —И въ самомъ дълъ все было кончено. Вдали замолвали послъдніе выстрълы. Наступилъ вечеръ.

Тихо на опушкъ лъса, и среди этой тишины отъ времени до времени изъ ванавъ и изъ-за кустовъ раздаются стоны:

- Помогите... O!.. помогите же!
- А съ высотъ:
- Je prie... ma mère... pitié!—и снова все смолваетъ.
- У орудія сидёли люди изъ батарен, оставшіеся въ живыхъ.
- Охъ, дайте хоть глотовъ воды! произнесъ молоденьвій лейтенанть. Я даль свою фляжву долговязому Іоганну, и онъ все залпомъ выпраъ. Обывновенно онъ говориль при подчиненныхъ; "господинъ лейтенантъ Хавсъ", но въ эту минуту не могъ назвать его иначе, вавъ "долговязымъ Іоганномъ".
- Вы видите, господинъ лейтенантъ? сказалъ Фите Крей: вонъ, идетъ человъкъ изъ непріятельскаго лагеря! Къ нимъ подходилъ, прихрамывая, солдатъ въ широкихъ красныхъ панталонахъ и короткой синей курткъ. Онъ привязалъ къ своей раздробленной берцовой кости тесакъ, вмъсто лубка, затянувъ его портупеей, но нога соскользнула въ сторону, и онъ громко завричалъ отъ боли.

Фите Крей помогь ему състь на землю.

- Я французъ, —проговорилъ раненый. —О, о-о!...
- Сиди смирно и не квакай!—возразилъ Фите Крей и, вытащивъ изъ кармана кусокъ каната, выпрямилъ и перевязалъ раздробленную ногу.

Только туть Іёрнъ Уль пришелъ немного въ себя.

- Слушай-ка!—произнесъ и онъ:— какимъ образомъ ты попалъ сюда?
- Я прівхаль въ Гамбургь какъ разъ въ то время, какъ была объявлена война. О, моя ферма! Она недалеко отъ Чикаго, Іёрнъ! И жена моя... а какія двъ чудныя кобылы у меня, еслибъты видълъ!.. Замолчи, французъ, нечего стонать: больше я вичего не могу для тебя сдълать.

Они помолчали, и молоденькій лейтенантъ сталъ разсказивать о своемъ кузенъ, убитомъ сегодня, о своей сестръ, невъстъ убитаго, которой ему придется сообщать о смерти жениха, и о своей собственной невъстъ.

- Мы обручились передъ разлукой, сказалъ онъ, давно это било.
  - Да, —подтвердиль Іёрнъ, —давно это было.
- Недъли три тому назадъ, я думаю, не больше,—замътилъ Фите Крей.
  - Три недвли?.. Не можеть быть.
  - Мнъ кажется, по крайней мъръ, семь лътъ!

Длинный путь, трудный походъ и этоть ужасный день такъ расширили и увеличили все въ ихъ мозгу, что все, лежавшее внъ послъднихъ событій, отодвинулось въ туманную голубую даль.

На другое утро Іёрна послали справиться о раненыхъ. Онъ, послѣ долгаго исканія, нашелъ лейтенанта Хакса. Умирающій лежалъ на своемъ плащѣ въ сильномъ жару.

- Моя мать только-что была здёсь,—заговориль онь.— Она сказала, что я не должень такъ бёгать, чтобы не быть въ испаринё. "Ахъ, ты, неистовый мальчикъ!"—сказала она и слегва ударила меня по щекъ. Она всегда это дёлаеть, шутя, когда я слишкомъ много бёгаю... Ахъ, это вы, Уль... Тяжелый это быль день, и, кажется, со мною все покончено.
  - Господинъ лейтенантъ... вамъ совсемъ не такъ плохо...
- Такъ жарко, дышать нельзя, особенно когда приходится все бъжать. А вы почему не бъжите? Вы—такой неповоротливый и спокойный... Ахъ, знаю: это отъ привычки пахать. Когда вернусь домой, тоже стану пахать, чтобы сдълаться такимъ же неповоротливымъ, какъ унтеръ-офицеръ при шестомъ орудіи... какъ его зовутъ?
  - Уль.
  - Тогда все будетъ отлично, и я выстрою новый домъ для

житья... Къ орудію!.. Дозе, что вы стоите и усмёхаетесь?.. ничто не поможеть... Французы молодцы и добудуть себъ желёзный кресть, а мы добудемъ могильные кресты...

- Какой будеть приказъ по батарев, господинъ лейтенантъ?
- Прикажите, чтобы они не стрвляли мнв прямо въ глаза... Только на третій день удалось Іёрну отыскать среди тысячи раненыхъ Геерта Дозе.

Онъ лежалъ спокойно, и глазами привътствовалъ товарища.

- Не могу ли я чъмъ-нибудь помочь тебъ, Геертъ?
- Нѣтъ, Іёрнъ, все равно помирать. Еще удивительно, вавъ я до сихъ поръ живу.
- Можетъ быть, я могъ бы что-нибудь для тебя сдёлать?.. Очень больно?
- Спина ужъ не болить, ея нёть, а воть въ груди до самой шеи... ну, да все равно. Хотвлось бы мнё теперь быть у отца съ матерью... Мать всегда по субботамъ давала чистую рубаху, а туть въ грязной приходится лежать... ужъ больно воняеть, Іёрнъ.
- Моя рубашка не особенно тонкая, но все-таки лучше твоей.— Іёрнъ сбросиль мундиръ, снялъ съ себя рубаху и обхватилъ раненаго за плечи.

Геерть Дове громко вскрикнуль, голова его откачнулась. Онъ быль мертвъ. Іёрнъ Уль стояль по колёни въ окровавленной соломв. Онъ смотрёль на умершаго и на лежавшаго съ нимъ рядомъ раненаго, который задыхался, вытаращивъ глаза и откинувъ назадъ голову. И страшно стало Іёрну отъ человъческаго страданія.

Вернувшись въ себъ, онъ увналъ, что Вильгельмъ Ломанъ напился пьянъ и былъ на два часа привязанъ въ колесу орудія, но въ утъщеніе его обнадежили, что онъ получитъ врестъ за то, что во время битвы велъ себя спокойно, какъ на ученьъ.

Воть въ какомъ видъ представлялся день гравелоттскаго сраженія обитателямъ Венторфа.

Началась лагерная стоянка подъ Мецомъ. Мокрая солома, тяжелый воздухъ! Многіе солдаты забольвали и выписывались домой. Іёрнъ Уль былъ здоровъ, исполнялъ свое дъло и думалъ объ Уль, гдъ, въроятно, началась жатва.

Наступило самое тяжелое время войны: длинные переходы съ мъста на мъсто въ теченіе всей зимы, и при этомъ всевозможныя лишенія: сегодня вътъ воды, завтра хліба не хватило, дровъ нётъ, ночлега, рубахи. И важдый день раздавались приказанія по адресу французскихъ крестьянъ:

— Вонъ тамъ, подъ оръховымъ деревомъ! Вырой могилу, paysan! C'est mon bon camarade, cochon!

А Іёрнъ Уль думалъ:

"Когда подойдеть время пахать, я буду въ Улъ".

Въ началѣ феврали, дождливымъ вечеромъ, въ одномъ маленькомъ городишкѣ унтеръ-офицеръ Уль не явился на перекличку. На другое утро его нашли въ сосѣдней улицѣ въ канавѣ. Онъ былъ въ жару и бредилъ. Патруль подобралъ его и принесъ въ лазаретъ. У него сдѣлался тифъ.

XIII.

Благодаря счастливой случайности, Фите Крей уже въ мартъ былъ совершенно свободенъ. Какъ разъ въ это время Іёрнъ Уль поправился настолько, что выписался изъ лазарета, и они вмъстъ отправились въ Гамбургъ.

Іёрнъ Уль, высокій, худой и еще немного вядый послѣ ведавней болѣзни, и Фите Крей, подвижной и юркій, съ живыми, оѣгающими глазами, вдвоемъ бродили по улицамъ Гамбурга, отыскивая комнату для ночлега. Оба они были въ поношенной солдатской формѣ, которую имъ позволили взять на родину. И въ то время, какъ они шли по улицѣ, Іёрнъ—уставившись въ землю, а Фите Крей—глазѣя по сторонамъ, имъ на встрѣчу поналась высокая, румяная, бѣлокурая дѣвушка, съ книжкой върукахъ. Одѣта она была очень просто, но со вкусомъ. Фите Крей взглянулъ на нее сначала разсѣянно, потомъ уже внимательнѣе. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то полузабытымъ и далекимъ. Онъ всматривался въ дѣвушку, въ ея воздушную, свѣтлую фигуру, въ ея испуганные сѣрые, широко разставленные глаза, похожіе на крылья голубя, когда онъ собирается улетѣтъ.

Нѣсколько мгновеній Фите и дѣвушка неувѣренно приглядывались другь въ другу, и наконецъ смутились оба. Тогда поднялъ глаза Іёрнъ Уль.

— О, Іёрнъ, Іёрнъ!.. Какой у тебя больной видъ! О, Фите Крей! Я слышала отъ Тиса, что вы оба были на войнъ и что ты, Фите, женился... О, Іёрнъ! Что-то скажетъ Тисъ!.. Да знаете ли вы, что Тисъ опять въ Гамбургъ?

Такъ говорила Лизбета Юнкеръ. Она стояла передъ ними

н протягивала имъ обоимъ руки, но ея сіяющіе глаза смотрѣли на одного Іёрна Уля.

- Такъ Тисъ все еще здёсь?
- Да, здёсь. Онъ все ищеть Эльзбе. Она вёдь тогда не уёхала, какъ собиралась. Кто-то изъ знакомыхъ разсказывалъ, что видёлъ ее здёсь; ну, и другіе говорили, что Гарри Гейнзенъ сбёжалъ передъ самой войной въ Копенгагенъ.
- Не знаешь ли ты, что дёлается у насъ дома? Бываешь ты тамъ?
- Мои дъдушка и бабушка умерли, но я хорошо знакома съ женой новаго учителя. Я вздила туда на Рождество.
  - Здёсь-то ты что дёлаешь?
- Здъсь я живу у тетки. У нея маленькая книжная и бумажная торговля. Ну, я и пріучаюсь.
  - Знаешь ты, гдв живеть Тисъ?
  - Знаю. Я пойду вмъсть съ вами.

Имъ пришлось идти очень долго, пока они не дошли наконецъ до улицы съ высокими и непривътливыми домами. Взобравшись на четвертый этажъ, они прошли по длинному, узкому и темному корридору, въ самый его конецъ, и отворили дверь. Въ комнатъ, передъ маленькой желъзной переносной печкой, сидълъ Тисъ Тиссенъ. Между колънями у него стояла мельница, и онъ такъ усердно вертълъ ручку, что въ первую минуту не замътилъ вошедшихъ. Онъ казался такимъ маленькимъ, точно весь высохъ.

- О, Іёрнъ! воскливнуль онъ, вскочивъ съ своего мѣста. Неужели это ты!.. Фите! Дорогіе вы мои! О, Фите!.. Дѣти мои, я сейчасъ васъ напою кофеемъ. Пейте, милые мои, до сыта.
  - И онъ бросился отысвивать туфли.
- Не возражайте мив ни слова, ни единаго слова, двти! Мив кажется, что мы опять всв вмвств у себя дома. Ахъ, моя бъдная двочка, моя Эльзбе!.. Скажи, Іёрнъ, не видёль ты ея? Ивтъ, ты только подумай, она такая маленькая и одна среди чужихъ въ этомъ огромномъ ужасномъ городв! И мив почемуто кажется, Фите, что онъ бъетъ ее. Онъ собирается увезти ее въ Америку, но я стерегу ихъ и не пущу ее никуда. Заварика кофе, Лизбета. Вода здёсь бъжить прямо изъ ствики. Все здёсь идетъ шиворотъ навыворотъ, мои дорогіе.
- Да усповойся, ты!—сказаль Фите Крей, усаживая старика на стуль.—И не думай, что она позволить себя бить. Воть твоя туфля. Какъ только она увидить, что онъ ее разлюбиль, она сію же минуту уб'яжить отъ него. Думается мн'я, что

она уже ушла отъ него, только не смъеть вернуться домой. Воится она тебя и Іёрна. Боится, да и стыдно ей.

Лизбета и Іёрнъ подумали, что Фите, пожалуй, и правъ въ своихъ предположенияхъ относительно Эльзбе.

Кофе быль готовъ. Лизбета разлила его по чашкамъ и наръзала хлъба.

- Пей, пожалуйста. Вотъ твоя чашка, сказала она Тису.
- Отлично. Мы будемъ пить кофе, а ты, Тисъ, разскажешь намъ, наконецъ, какъ это все случилось съ Эльзбе, — сказалъ Фите Крей.
- Нечего миъ разсказывать, отвътилъ Тисъ, и тяжело вздохнулъ. Онъ часто пріъзжаль въ ней, а я все спаль в ровно ничего не замвчалъ. Правда, я иногда спрашивалъ ее: "Дитя мое, почему ты такая блёдная? Разве ты дурно спала ночью?" Но она всегда отвъчала миъ: "Я спала отлично, спала какъ принцесса, Тисъ". Я слушалъ ее и радовался. Правда, какъто разъ спросила она меня: "Какъ ты думаешь, Тисъ, есле двое людей поклялись другъ другу въ върности,—въдь они почти что повънчаны?" Но и на это я не обратилъ никакого вниманія. Я продолжаль думать о посторонних вещах и, как всегда, много спалъ. Иногда мнъ казалось, что она скучаеть, и тогда я совътоваль ей отправиться въ городъ или пойти въ лъсъ. Но она никуда не хотъла идти и увъряла меня, что ей совсъть не скучно. И все я ничего не замъчалъ. Но вотъ однажды пріъхалъ Гарро Гейнзенъ на своемъ гнъдомъ и объявилъ, что сватаетъ Эльзбе Уль. Онъ говорилъ это, а самъ сменлся. Ну, в потомъ, такъ черезъ пять или шесть дней, и стряслась быль. Опять прівхаль Гарро Гейнзень и сталь бранить своего отца и Клауса Уля. У нихъ обоихъ не было ровно пичего, и они не могли дать ему на обзаведение. Тогда Эльзбе присмиръла, стала тихой и серьезной. Тавой я ея еще нивогда не видаль. Вся ея веселость, вся радость пропали безследно. Я предложиль имъ остаться у меня; я сказаль имъ, что моя земля дастъ гораздо больше, если ею заняться какъ слёдуеть. Вёдь самъ я плохой работнивъ и сплю черезчуръ много. Но Гейнзенъ разсмъялся въ отвътъ на мои слова и объявилъ миъ, что не имъетъ ровно никакого желанія обработывать пески. И я видёль, что ей было горько и больно отъ его словъ.

Тисъ печально свлонилъ голову, на глазахъ у него был слезы, и онъ сталъ шарить ногами по полу, отыскивая свои туфли.

— Я все проспаль, —продолжаль онь громкимь голосомь, —

и за это достойно наказанъ: осужденъ сидеть въ этой ужасной дырв. А тамъ у меня дома сіяетъ солнце, всё милые торфяные пригорки стоятъ покрытые высокой травой, изъ канавъ выглядываютъ желтыя головки одуванчиковъ. Каждую ночь снится мив страшный сонъ. Я вижу, что ее вытаскиваютъ изъ воды. Я просыпаюсь въ ужасв, и уже не могу заснуть до утра. Да, кромъ тоски по родинъ, меня мучитъ еще предчувствіе чего-то тяжелаго.

Тисъ остановился, чтобы передохнуть, и посмотрълъ на своихъ гостей.

Фите Крей сидёль, обловотившись на столь. Разсказъ не произвель на него особенно удручающаго впечатлёнія. Глаза Лизбеты смотрёли печально и серьезно прямо на Тиса Тиссена. По временамь она бросала робкій и торопливый взглядь на Іёрна. Онь сидёль сь опущенными глазами, неподвижный и молчаливый. Къ только-что перенесенной имь болёзни прибавилась еще теперь новая тяжелая забота. И ни разу не посмотрёль онь на красивую, сидёвшую передъ нимь дёвушку, которую обожаль, когда она была ребенкомь, и любиль, когда сталь юношей. У него не было времени думать о любви.

- Вотъ, каждое утро я и брожу по улицамъ, —продолжалъ между тъмъ Тисъ, —а послъ объда отправляюсь опять на поиски. Хожу по улицамъ, гдъ живутъ бъдные люди, и дохожу до самой пристани. И пять разъ уже, —съ какимъ-то дътскимъ всхлишьваніемъ вырвалось у него, —при мнѣ вытаскивали изъ воды дъвушекъ. О, я увъренъ, что она утопится, если ей придется плохо!
- Нътъ, сказалъ Фите, никогда она не сдълаетъ этого. Она слишкомъ кръпко пъпляется за жизнь. Ужъ я-то ее знаю... А вотъ, скажи-ка мнъ, справлялся ты объ адресъ Гейнзена въ адресномъ столъ? Былъ ты въ полиція?
  - Да, и ровно ничего тамъ не узналъ.
  - У тебя вдъсь нътъ совствъ никакихъ знакомыхъ?
- Нътъ, есть, съ нъкоторымъ смущениемъ отвътилъ старивъ. — У насъ, видишь ди, здъсь устроилось что-то въ родъ клуба.
  - Какъ ты сказаль?
- Да, видишь ли, въ самомъ низу, въ подваль, у насъ живетъ одинъ сапожникъ. Онъ—изъ нашихъ мъстъ. Ну, а на самомъ верху... вотъ какъ разъ тамъ, Фите, гдъ проходитъ телеграфная проволока, живетъ плотникъ. Онъ тоже нашъ землявъ, и ты, въроятно, даже знаешь его родныхъ, Фите. У этого плотника есть жена и взрослыя дъти, но, мнъ кажется, жена-

то не очень хорошо съ нимъ обходится. Онъ самъ такой маленькій, тихій и незначительный человъкъ. Ну, вотъ, онъ всегда и радуется, когда представляется случай спуститься пониже, куда-нибудь, гдъ не видно телеграфной проволоки.

- И всв они собираются у тебя?
- Да, у меня. Такимъ-то образомъ и устроилось у насъ что-то въ родъ клуба. Сидимъ это мы вмъстъ и разговариваемъсебъ безъ всякой помъхи.
  - И всѣ постоянно собираются у тебя?
- Ну да, у меня. Мы всё страдаемъ тоской по родинё, Фите. Ахъ, еслибы вы только знали, сколькихъ людей въ этомъ огромномъ городё гложетъ тоска по родинё! Это ужъ въ крови, съ этимъ люди родятся, Фите.
- Такъ вотъ оно какъ! проговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Фите Крей.—Ну, а теперь намъ пора и на ночлегъ. Іёрнъ ужъ клюетъ носомъ. Проводи-ка ты насъ хоть немного, Тисъ.

И они отправились вчетверомъ. Наступилъ вечеръ. Цѣлый день шелъ сильный дождь; теперь онъ сталъ затихать. На улицахъ зажгли фонари, и они бросили желтоватый тусклый свътъ на мокрые тротуары и на сновавшихъ взадъ и впередъ людей.

- Ну и погода! сказалъ Тисъ. Въ такую погоду плохо приходится бъднякамъ и людямъ, у которыхъ не весело на душъ. Знаете что, въдь я не пойду съ вами. Миъ нужно еще обойти кое-какія улицы.
  - Возьми хоть зонтикъ! сказала Лизбета.
- Не стоитъ. Я живо высохну... Ну, а завтра непремвино вы вст трое зайдите ко мит.

Они распрощались со старикомъ и долго стояли и смотръли ему вслъдъ, пока его мокрая, блестъвшая подъ фонарями спина не сврылась совсъмъ изъ вида.

Потомъ они тихо и, не говоря ни слова, пошли дальше.

— Вотъ что, идите безъ меня! — сказалъ вдругъ Фите. — Я пойду спать, а ты, Іёрнъ, проводи Лизбету.

И Іёрнъ дошелъ съ Лизбетой до дома ен тетки. Дорогой они мало говорили другъ съ другомъ. Онъ довольно вяло разспращиваль ее о томъ, какъ ей живется у тетки. Она отвъчала, что ей хорошо, хотя немного скучно и тоскливо, но что жаловаться ей ръшительно не на что. Все это она говорила ему съ своимъ обычнымъ пугливымъ и сдержаннымъ видомъ. Потомъ она спросила Іёрна про его болъзнь, спросила, какъ долго онъ былъ боленъ, была ли большая опасность и хорошо ли за нимъ ухажи-

вали. Онъ отвъчаль ей кратко и сдержанно. О своихъ дътскихъ и коношескихъ воспоминаніяхъ они не обмолвились ни единымъ словомъ. У дверей, когда онъ на прощанье почтительно пожалъ ей руку, она вдругъ стала менъе сдержанной, болъе простой и ласковой. Кръпко сжавъ его руку, она сказала: — Лътомъ я поъду домой и зайду въ тебъ. — Но онъ ничего не отвътилъ ей и остался попрежнему разсъяннымъ и равнодушнымъ. Тогда она быстро отдернула руку и исчезла за безшумно закрывшейся дверью.

Фите еще не ложился, когда пришелъ Іёрнъ.

- Не думалъ я, что ты вернешься такъ своро, сказалъ онъ ему. Ну что-жъ, это, конечно, твое дъло. Поступай, какъ кочешь. Только вотъ что скажу я тебъ: не желаю я больше видъть ни Тиса, ни Лизбеты, ни Венторфа. Завтра же уъзжаю отсюда.
- Кавъ? Что ты говоришь? спросилъ Іёрнъ. Неужели тебъ не хочется повидать родителей?
- Родителей?—повториль Фите.—Ну, отъ нихъ я ужъ до-статочно натерпълся. Не дълай ты, ради Бога, такого дурацкаго лица, Гернъ. Если хочешь, я все тебъ разсважу. Когда прошлымъ лётомъ меня отпустили на побывку домой и я отправился въ отцу съ матерью, чтобы получить свою долю наслъдства, то овазалось, что тетка и не думала умирать. Кому-то захотелось подшутить надъ отцомъ, и написали ему, что она умерла, и что ему необходимо сейчасъ же прівхать. Ну, вотъ, мой старивъ облачился въ свой великолъпный черный сюртукъ и отправился въ городъ. На радостяхъ овъ купилъ пять или шесть дорогихъ вънвовъ съ длинными лентами и великолъпными надписями, и съ этими вънками направился прямёхонько къ дому тетки. А она сидить себъ пресповойно у окошка. Ну, остальное ты уже можень себь представить... Однимъ словомъ, Ясперъ Крей вернулся съ этими вънками въ себъ домой. Мать плакала, а онъ посвистываль. И, посвистывая, развёсиль онь вёнки по стенамь нашей комнаты. Вёдь ты знаешь, Іёрнъ, что у всёхъ Креевъ есть слабость во всему пестрому и врасивому. Вышло все это очень недурно, увъряю тебя, Іёрнъ. Длинныя бълыя ленты свъщивались до самыхъ спиновъ стульевъ, а подобающія въ случаю надписи такъ и лъзли въ глаза. Сидълъ это и въ комнатъ и слушалъ плаксивые разсказы матери. Посмотрю въ одну сторону, читаю: "До свиданія!" Взгляну въ другую, вижу: "Тебя мы больше не увидимъ, но память о тебъ живеть въ душъ у насъ". Отвернусь, а въ глаза мив такъ и леветь: "Люби, пока любить

ты можешь". Тавъ воть, думаю, зачёмъ я все бросиль и явился сюда. Затёмъ, значитъ, чтобы читать эти надписи по стёнкамъ. Ну ужъ нётъ! Кавъ разъ началась опять война,—я и удраль оттуда... Написаль я, уходя на войну, Тринё Кюль. Писаль, что надёюсь вернуться живымъ и здоровымъ, а только неизвёство, такъ ли оно будетъ. Думалось мий тогда, что я разстаюсь съ нею мёсяца на три, а пришлось мий пробыть безъ вёстей о ней больше года. Оставилъ я ее въ надежныхъ рукахъ, а только все-таки сердце мое не совсёмъ спокойно. Съ Венторфомъ меня ничто не связываетъ... дёлать мий тамъ положительно нечего. И вотъ что, Іёрнъ, посовётую я тебѣ на прощанье: если ужъ очень туго придется тебѣ на родинѣ, брось все и пріёзжай ко мий.

Но Іёрнъ опустиль на столь крёпко сжатый кулакь и свазаль:

— Съ двънадцати лътъ я не знаю покоя и работаю въ Улъ. Я кочу посмотръть, не удастся ли мев спасти его.

На другой день, утромъ, Фите Крей увхалъ въ Америку, а Іёрнъ Уль—въ Венторфъ. Тисъ Тиссенъ, проводивъ Іерна, опять отправился бродить по улицамъ.

Восемь лёть искаль Тись Тиссень пропавшую Эльзбе. Иногда его тоска по родинё обострялась; онь не выдерживаль и ёхаль въ себе, жиль въ своемъ старомъ домё, бродиль по лёсу и по любимымъ болотамъ. Заходиль онъ и къ Іёрну, и говориль ему, что больше не поёдеть въ городъ, но недёли черезъ четыре, а ужъ самое большее черезъ восемь, его охвативала знакомая тревога и онъ терялъ сонъ. Все съ той же жгучей болью разставался онъ съ родиной и ёхалъ снова въ большой городъ, въ свою маленькую комнату съ желёзной печкой, и опять у него собирались его друзья, и опять онъ бродилъ и искалъ пропавшую дёвушку по безконечнымъ улицамъ.

XIV.

Въ очень разнообразномъ настроеніи возвращались люди въ себѣ на родину: одни—вавъ побѣдители, другіе—кавъ побѣжденные.

Іёрнъ Уль не испытывалъ чувства побъды, и поэтому не былъ удивленъ, что родина не одълась въ зелень, лазурь и золото, по праздничному, а встрътила его мрачной погодой и по бовамъ дороги, на низменныхъ поляхъ, лежали длинные и тяжелые пласты тумана. Онъ разсмотрълъ сквозь сумерки, что безъ него было плохо вспахано, и пщеничное поле неумъло засъяно.

Стараясь не шумъть своими подбитыми жельзомъ башмаками, подошель онъ въ дому и удивился, увидавъ, что дверь отворена настежь. Это было такъ непохоже на Витенъ. Вытянувъ впередъ руку, чтобъ не наткнуться на что-нибудь, сталь онъ пробираться черезъ темныя съни. Подъ ноги ему попалась солома, и по сильному мягкому запаху онъ понялъ, что это снопы овса. Онъ нагнулся и ощупалъ колосья, созръвше и сжатые, пока онъ былъ во Франціи. Отъ прикосновенія зеренъ и усиковъ онъ впервые ясно почувствовалъ себя дома. Шатающійся свъть огня падалъ изъ отворенной кухонной двери въ съни, какъ бы указывая дорогу. Онъ подошелъ медленно и неръшительно, боясь, что въ кухнъ могутъ быть чужіе, но тамъ сидъла одна Витенъ, вязала что-то при невърномъ свъть огня и глядъла на него поверхъ очковъ.

— Ну воть, ты и пришель... Мой мальчикъ...—произнесла она сдержаннымъ, дрожащимъ голосомъ. — Я цёлый день тебя ждала. Воть и кофе заварила... Посмотри-ка, онъ ужъ скоро будеть готовъ.

Она встала и, стараясь владёть собой, какъ настоящая женщина изъ народа, протянула руку къ кофейнику, но волненіе ея и радость были такъ велики, что рука невольно сдёлала движеніе въ другую сторону и легла на его плечо.

— Витенъ, — произнесъ онъ, — моя милая старенькая Витенъ! — и онъ застънчиво взялъ ея руку: — ты такъ рада, что я вернулся? А ты все время была здорова, моя старушка?

Она вивнула головой. Говорить она не могла отъ слезъ. Потомъ положила свое вязанье на столъ и наконецъ проговорила:

— Пройди-ка въ комнату, посмотри, не нужно ли тамъ чего, Лена!

Только туть Іёрнъ замётиль дёвушку; она стояла въ сторонё и глядёла на него, а теперь подошла къ печей, и онъ могъ разглядёть ее. Она ему очень понравилась. Она была высока, стройна и сильна, бёлая, розовая, нёжная, съ бёлокурыми, немного волистыми волосами. Только возлё ушей образовались два локона, настолько большіе, что въ нихъ можно было продёть палецъ. Понравилось Іёрну и то, какъ она поздоровалась съ нимъ и оглядёла его съ головы до ногъ съ свободнымъ любонытствомъ и ласковою серьезностью.

Томъ І.-Фивраль, 1903.

- Отвуда ты ее достала, Витенъ? спросилъ онъ, вогда дъвушва вышла.
- Это Лена Тариъ, отвъчала Витенъ: она съ ноября у насъ работницей... Однаво пей кофе, а то остынетъ. Тамъ, въ переднихъ комнатахъ, опять попойка. Гиннеркъ купилъ лошадей, дорого заплатилъ, да еще и вино долженъ былъ выставить... Она получаетъ двадцать талеровъ жалованья... очень много, по моему.
  - Она въ самомъ дълъ такая, какъ кажется на видъ?
- Кавъ тебъ сказать... ужъ слишкомъ она большая пъвунья,—все поетъ, все поетъ. Съ перваго взгляда за святую можно привять,—ну, а на самомъ-то дълъ далеко ей до святой: горда, за словомъ въ карманъ не лъзетъ, и все поетъ... да ты послушай.

До вухни доносилось тихое пъніе Лены.

- Кому же и пъть, Витенъ, какъ не молодымъ дъвушвамъ? Она гдъ помъщается, — въ твоей вомнать?
- Да, это она себъ выговорила. Въдь она дочь почтенныхъ родителей и вполнъ честная дъвушка, въ этомъ я должна отдать ей справедливость... Однаво пей, Іёрнъ!

Онъ сталъ пить вофе и спросилъ, почему она ждала его именно сегодня.

— Неужели ты думаеть, что я не чувствовала твоего приближенія всёмъ существомъ своимъ?—сказала Витенъ.—Двери всю ночь простояли бы настежь, и я не двинулась бы съ этого мёста, не дождавшись тебя. Пора, самая пора тебё было вернуться, Іёрнъ. Что только творится у насъ въ домё! Отецъ проводитъ время въ трактирё съ безстыдной женой и дочерьми трактирщика, а братьямъ, я знаю, многіе грозятъ судомъ, если они не вернутъ забранныхъ повсюду денегъ. Стыдъ и срамъ! Эльзбе погибла, а съ тобою что будетъ? Вёдь я люблю васъ, какъ родныхъ дётей!

Іёрнъ въ ужасѣ молчалъ, живо чувствуя всю глубину ея горя. Онъ подошелъ въ окну, и она, все еще плача, послѣдовала за нимъ. Показались звѣзды и луна, хотя на землѣ лежалъ туманъ, а на небѣ облака. Витенъ стала жаловаться, что рабочій такъ напился, что не захотѣлъ даже убрать на ночь плуга. Гладкое желѣзо блестѣло при свѣтѣ мѣсяца.

- Отецъ твой прівдеть ночью домой, такъ какъ бы лошади не испугались, —прибавила Витенъ.
- Ничего, возразилъ Іёрнъ, онъ привычныя... Теперь пойдемъ спать.

- А ты не пойдешь поздороваться съ братьями?
- Нътъ, для нихъ, когда бы я ни вернулся, все будетъ слишвомъ своро. А новая работница уже легла? Позаботься, чтобы она не попала въ лапы къ этимъ негодямъ. Довольно ужъ и Эльзбе! – и они разошлись, не пожелавъ другь другу сповойной ночи. Гернъ прошелъ въ свою вомнату и легъ по привычий не раздіваясь, чтобы распречь лошадей, когда вернется отецъ. Но непонятное безповойство заставило его встать. Онъ подошель въ овну и долго вглядывался въ темноту. Въ это же время встала и Витенъ и выглянула изъ своего окошка на блествышій плугь, тяжело дыша и дрожа оть невыдомаго страха. Потомъ оба легли, и души ихъ, противъ воли, погрузились въ бездонный мракъ сновиденій. Въ темныхъ стойлахъ поднялся непонятный шумъ, въ общирныхъ свияхъ какъ будто что-то тащилось по полу, захлебываясь и задыхаясь, и двери, соединявшія главныя вомнаты, распахнулись съ глухимъ стукомъ. Но всв спали, и огромимя черныя руки удерживали ихъ въ бездонной глубинв.

Около шести часовъ утра, когда еще не разсвъло, въ кухню вошелъ Ясперъ Крей. Видъ Іёрна, сидъвшаго рядомъ съ Витенъ у печки, немного смутилъ его, но онъ тотчасъ же произнесъ спокойнымъ тономъ, какъ будто дъло шло о пустой опрокинутой телъгъ:

— Пойдемъ-ка, Іёрнъ. Хозяинъ опровинулся съ повозвой и угодилъ прямо на плугъ. Сдается мяй, что онъ себи здись что-то повредилъ.—Онъ указалъ на лобъ.

Витенъ громво вскривнула и закрыла лидо руками.

— Плугъ! — прорыдала она: — въдь я это предвидъла, и не была въ состояни пальцемъ пошевелить!

Іёрнъ вскочилъ и побъжалъ въ отцу. Старивъ лежалъ весь въ грязи среди лужъ и мокрой травы. Ръдкіе волосы его слиплись отъ крови. Онъ бормоталъ что-то несвязное заплетающимся языкомъ. Его внесли въ домъ и положили на кровать. Пригла-шенный врачъ объявилъ, что у него параличъ, давно готовившійся и теперь вызванный паденіемъ и испугомъ.

— Жить онъ можеть еще долго, — заключиль врачь, — но ходить, если и будеть, то съ большимь трудомъ, и ясное сознание вполив вернуться къ нему не можеть.

Черезъ три дня явился Вейскопфъ и, позвавъ Іёрна и его братьевъ, сказалъ имъ слъдующее:

- Я пришелъ въ вамъ въ вачествъ представителя отъ сберегательной кассы и кромъ того лично отъ себя. Вашь отецъ, много льтъ тому назадъ, сдълалъ у сберегательной кассы и у меня огромный заемъ, говоря, что хочетъ спекулировать на эти деньги. Но вмъсто всякихъ спекуляцій онъ сталъ транжирить деньгами, а вы, старшіе сыновья, ему въ этомъ усердно помогали. Мы своевременно старались его образумить, но безуспъшно, такъ что, нъсколько дней тому назадъ, намъ пришлось послать ему письмо съ извъщеніемъ, что должны будемъ описать его домъ и все хозяйство за долги. Въ этотъ же самый вечеръ съ нимъ случилось несчастье, и теперь онъ невмъняемъ.
- Такъ вотъ оно что! произнесъ Гиннеркъ. Лицо его сильно поблъднъло, а взглядъ сдълался острый.
- Мы дёлаемъ вамъ слёдующее предложеніе, —продолжать Вейскопфъ: —или мы продадимъ вашъ домъ съ публичнаго торга, и вы останетесь безъ единаго пфеннига, или же мы выплачнваемъ вамъ, старшимъ братьямъ, по 2.000 марокъ, съ тёмъ, чтоби вы отдали домъ и хозяйство Гёрну. Можетъ быть, ему и удастся такъ повести дёло, что онъ мало-по-малу выплатитъ намъ весь долгъ. Вотъ въ чемъ состоитъ наше предложеніе, —рёшайте!

Іёрнъ смотрёль въ одну точку и быль счастливъ.

— Мит домъ! Я хозяннъ! — и ему было стыдно передъ братьями.

Гиннервъ вивнулъ Гансу, — они вышли вмѣстѣ и пошли въ вомнату отца. Они стали обсуждать свое положеніе, упрекать другъ друга въ расточительности и чуть не подрались, но, вспомнивъ, что ихъ ожидаетъ, утихли. Гиннервъ повернулся въ постели, на воторой спалъ больной отецъ, и закричалъ, сжимая вулави:

— Что ты съ нами сдёлаль? Ты поплатишься за это! Придетъ праведный Судія, и ты отвётишь Ему за насъ!

Въ эту минуту онъ върилъ въ душу и въ загробную жизнь,—
до такой степени ему котълось, чтобы отцу было отомщено за
него. Гансъ стоялъ неподвижно и молча смотрълъ на испугано
вздрагивавшее лицо проснувшагося отъ крика отца. Гиннеркъ
схватилъ отцовское платье, сталъ рыться въ карманахъ, нашелъ
ключъ, отперъ имъ угловой шкафъ и обшарилъ всъ ящики, ища
денегъ. Но тамъ лежала только бумага со счетомъ и записью
долговъ и небольшая цъпь великолъпной старинной работы. На
цъпь была надъта печать и обручальное кольцо.

— Ну, теперь все ясно, — проговорилъ Гиннервъ, — намъ здъсь больше дълать нечего. Гернъ тоже долго не продержится. Онъ снялъ съ цъпи печать и вольцо, отдалъ ихъ брату, а цъпь взялъ себъ.

- Когда намъ выдадуть 2.000 маровъ? спросилъ онъ, вернувшись къ Іёрну и Вейскопфу.
- Да хоть сегодня же. Нашъ довъренный и сходить съ вами въ нотаріусу.

Старшіе братья вышли, уложили свои правдничныя платья и вельли запрягать лошадей. Ясперъ Крей должень быль ихъ отвезти. Іёрнъ пошель за нимъ въ конюшню.

— Упряжка моя, —произнесъ онъ гордо и жество, —вечеромъ она должна быть на мъстъ, въ Улъ; ты миъ за нее отвъчаешь.

Старшіе братья стояли у повозки и въ послёдній разъ глядели на отцовскій домъ и широкія поля сзади него. Гиннеркъ быль блёденъ и поскрипываль зубами. Гансь, обращаясь къ младшему брату, сказаль:

— Главная вина на отцъ, но и мы были не правы. Справедливо, что ты будеть хозянномъ здъсь. Постарайся, чтобы домъ не достался чужимъ людямъ.

Они влёзли въ повозку и уёхали, не оглядываясь.

Тисъ Тиссенъ, Вейскопфъ и Іёрнъ Уль сидёли въ комнатё. На сундукт передъ ними стояли чашки съ золотыми краями и голубыми цвътами. Старики покуривали трубочки и старались успокоить и утёшить удрученнаго юношу убъжденіями, почерпнутыми изъ личнаго опыта и собственной жизни.

- Прежде всего, мы заботимся о твоемъ же благополучів, говорилъ Вейскопфъ съ ласковымъ выраженіемъ на лицѣ,—ну, а потомъ, конечно, тоже и о нашихъ деньгахъ.
  - Особенно о последнихъ, —вставилъ Тисъ.
- Въ настоящее время твое хозяйство не представляетъ большой цённости. На немъ много долговъ, да и инвентарь не въ особенно хорошемъ состояніи. Дёло въ такомъ положеніи, что намъ невыгодно подавать ко взысканію, и потому мы предоставляемъ тебё хозяйничать по прежнему, Іёрнъ.
- Ты долженъ будешь выплачивать имъ долги, Іёрнъ, свазалъ Тисъ.
- Да, непремънно. Ты долженъ будещь очистить твое имущество отъ долговъ. Тебъ придется много работать, прежде чъмъ ты получишь право свазать: "эта земля моя".
  - Что ты скажешь на это, Іернъ? спросиль Тисъ.

- Что же мий остается сказать? переспросиль Іёрнъ, шероко разводя большими руками. Неужели я могу позволить, чтобы больного отца вынесли изъ его дома? Неужели я могу допустить, чтобы все здйсь пошло прахомъ? Я буду работать изовсйкъ силъ, буду работать, какъ только могу, Тисъ.
- Отлично, сказалъ Вейскопфъ. Ну, а теперь поговоримъ-ка о чемъ-нибудь другомъ.

Онъ сильно затянулся изъ трубки и доброжелательно посмотрълъ на Іёрна, сидъвшаго съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Тебъ слъдуетъ жениться, — сказалъ онъ. — Не хорошо человъку быть одному днемъ и ночью, въ радости и въ горъ. Знаю я одно гнъздышко съ золотыми яичками. Отъ тебя, Іёрвъ, зависитъ выручить и себя самого, и всъхъ насъ.

Но Іёрнъ отвътилъ:

- Витенъ останется у меня, не нужно мив никакой жены. Когда онъ это говорилъ, въ комнату, съ горшкомъ сметани, вошла рыжеватая дввушка. Услышавъ слова Іёрна, она презрительно и насмешливо улыбнулась.
- А знаешь ты, что я знавомъ съ твоей Витенъ ужъ сорокъ лътъ? — привътливо обратился къ Іёрну старикъ, — и меъ кочется разсказать тебъ, что я знаю объ ея молодости.

И такъ какъ Лена Тарнъ собиралась уйти, онъ прибавиль:

— Останься, если у тебя есть время. Это старая и очень длинная исторія, но я разскажу ее въ нъсколькихъ словахъ.

Старивъ затянулся изъ трубви, и потомъ положилъ ее оволо себя. Дѣвушва усѣлась рядомъ съ Тисомъ Тиссеномъ. Живые люди интересовали ее гораздо больше всявихъ исторій, и она не спусвала съ нихъ любопытныхъ, смышлёныхъ глазъ.

— Въ мое время, въ Шенефельдъ жилъ одинъ парень, — началъ старикъ. — Родители его были люди бъдные, а самъ онъ былъ врасивый и гордый малый. Онъ былъ вмъстъ со мной въ шволъ. Больше всего на свътъ парень этотъ любилъ лошадей, и потому поступилъ конюхомъ въ большой врестьянскій дворъ въ Шенефельдъ. Онъ былъ очень трудолюбивъ, но всегда сумраченъ и молчаливъ. Оживлялся онъ только, когда ему приходилось объвъжатъ жеребцовъ. Тогда въ немъ закипала жизнь, и онъ становился совсъмъ другимъ человъкомъ. Онъ объ-въжалъ жеребцовъ на дорогъ, огибавшей дворъ, а изъ окна дома на него смотръла единственная дочь его хозяина. Дъвушка слъдила за нимъ широко раскрытыми глазами, но онъ не замъчалъ ея, и думалъ, какъ всегда, только объ однъхъ лошадяхъ.

Однажды, когда онъ уже отвелъ жеребца въ конюшню и сс-

бирался его чистить скребницей, дѣвушка пришла къ нему и попробовала съ нимъ заговорить, но опъ отвѣчалъ очень неохотно. Люди мало интересовали его.

Совершенно непонятно, какимъ образомъ они въ концѣ концовъ поладили другъ съ другомъ, но только, въ одинъ прекрасный день, дѣвушка бросилась на шею своему отцу и объявила, что выйдетъ замужъ за конюха. Старивъ былъ слабаго характера, да, кромѣ того, она была единственной дочерью. Онъ далъ свое согласіе на бракъ, но кажется, что это ему не дешево стоило.

Дъвушка эта была совстви неподходящей женой для парня: нъжная, слабая и мечтательная. Ему же была нужна женщина крупная, кръпкая, спокойная и веселая.

Уже на другой день послъ свадьбы онъ принялся за свои привычныя занятія, чистиль и скребъ лошадей, а потомъ уъхаль на базаръ. Она же стояла у окна спальни и смотръла ему вслъдъ обиженными, полными слезъ глазами.

Потомъ у нихъ родилась дёвочка, а за дёвочкой—и мальчикъ, но это нисколько не сблизило ихъ. Опъ сталъ считать себя даже болёе свободнымъ, чёмъ когда-либо. Она оставалась съ дётьми, а онъ больше прежняго возился съ лошадьми, повупалъ и продавалъ ихъ. Дёла его шли успёшно, и онъ все болёе и болёе отдалялся отъ семьи.

Дъти оставались на попечени одной матери. Отецъ не вмъшивался въ ихъ воспитаніе. Они были ему такими же чужими, какъ и мать ихъ. Въ школу они не ходили. Мать сама учила ихъ, и дълала это безъ всякихъ книгъ, разсказывая то, что знала сама. Иногда мать и дъти забирались на чердакъ, гдъ стояли сундуки съ старинными нарядами, оставшимися еще отъ бабушекъ и дъдушекъ. Переодъвшись въ эти костюмы, и мать, и дъти разыгрывали всевозможныя, ими самими придуманныя, сцены. Случалось также, что, переодъвшись въ совсъмъ простое платье, они отправлялись въ лъсъ, забирались въ самую чащу, разводили тамъ костеръ и воображали себя пастухами, бъглецами или еще къмъ-нибудь въ этомъ родъ. Во всъхъ этихъ затъяхъ принимало участие еще одно существо. Это была сиротка, взятая изъ пріюта, и звали ее Витенъ Пеннъ.

Эти четыре существа жили, какъ живутъ только въ сказкахъ. Ихъ существованіе не им'вло ничего общаго съ настоящей, д'вйствительной жизнью. Покинутая женщина старалась забыться и давала полный просторъ своему уже теперь бол'взненному воображенію. Д'вти безусловно подчинялись ей. Отецъ только

качалъ головой и подсмъивался. Онъ не имълъ времени для дътей и жены.

Мать не замвчала, что мальчикъ, очень походившій на нее, постепенно всвиъ своимъ существомъ уходилъ въ таинственний и туманный міръ, что у него нівть нивакой воли и что ему, боліве чівмъ кому-либо, необходима твердая мужская рука. Она не замітила этого главнымъ образомъ потому, что сама въ это время была больна. Слишкомъ робкая и нерішительная, чтоби позвать доктора, она запустила свою болівнь и умерла. Дочери ея въ это время было лівть шестнадцать, а мальчику и Витенъ Пеннъ—около четырнадцати.

Съ той минуты, какъ мать закрыла глаза, дъти остались совершенно безпомощными. Безмолвные и растерянные, они долго стояли около трупа и ръшительно не понимали, что имъ дълать въ присутствіи чуждаго имъ отца.

Вечеромъ они вмёстё съ Витенъ Пеннъ пробрадись на чердакъ, разсматривали старыя платья и, вспоминая мать, вспоминали ихъ любимыя игры и затён. Мальчикъ до такой степени увлекся, что нарядился и хотёлъ непремённо идти внизъ, туда, гдё обыкновенно они играли съ матерью, — но дёвочки его удержали.

Въ день похоронъ въ домѣ осталась только сестра отца и дѣти. Тогда дѣти, переодѣвшись на чердакѣ, пришли въ залу, еще украшенную цвѣтами и вѣнками, и здѣсь, на любимомъ мѣстѣ матери, гдѣ только часъ тому назадъ она лежала мертвая, они въ полголоса принялись разыгрывать сцену, въ которой принимала участіе мать за нѣсколько дней до своей смерти. Имъ и въ голову не приходило, что они хоть чѣмъ-нибудь оскорбляють ея память.

Они увлеклись и забыли все на свътъ. Но, вотъ, вернулся отецъ. Онъ былъ въ дурномъ настроеніи, потому что пасторъ довольно ясно сказалъ, что покойница была несчастна, благодаря своему мужу. Въ съняхъ сестра разсказала брату, чъмъ занимаются дъти. Тогда, потерявъ всякое самообладаніе и думая только о томъ, что непріятная женщина оставила ему такихъ же непріятныхъ и къ тому же еще бездушныхъ дътей, онъ бросился въ залу, схватилъ за шиворотъ мальчика и всъхъ троихъ заперъ въ сарай.

Съ этого дня онъ сталъ обращаться съ дѣтьми очень строго. Дѣвочку онъ поручилъ теткѣ, и она, подъ ея наблюденіемъ, занималась разными домашними работами. Мальчикъ же работалъ въ полѣ и ходилъ за коровами. У него не было никакой прак-

тической смётки, работа у него не ладилась и всё кругомъ подсмёнвались надъ нимъ, а онъ все больше и больше чуждался людей и замыкался въ самомъ себъ.

Весною ему пришлось пахать далеко отъ деревни, на холмѣ, возлѣ пастбища. Кругомъ тянулась унылая равнина, поврытая вочками и кое-гдѣ поросшая бурьяномъ. Окрестные жители, особенно дѣти, избѣгали этой мѣстности. Она вызывала въ нихъ жуткое чувство, въ особенности своими огромными, зловѣщими ямами, наполненными темной, неподвижной водой.

Мальчивъ пахалъ цёлыхъ три дня. Онъ пахалъ съ утра до вечера, и съ каждымъ днемъ становился все печальнъе. Когда же, на третій день, детямъ удалось тайкомъ пробраться на чердакъ, мальчивъ разсказалъ, что, при заходъ солнца, когда онъ вончаль уже работу, ему послышался голось матери. Онъ увърялъ, что ясно слышалъ, какъ она звала его: "Иди ко миъ! Иди во мев! "Онъ испугался, холодный потъ выступилъ у него на лбу, и онъ бросился бъжать со всъхъ ногъ. Сестра, выслушавъ брата, въ первую минуту испугалась, но потомъ громво разсмънлась и свазала, что это все вздоръ. Послъ смерти матери она сильно измънилась. Работа и постоянное общение съ людьми пробудили и развили въ ней то, что она наслъдовала отъ отца. Она очнулась точно послъ превраснаго, но тяжелаго сна, увидела настоящую жизнь и обрадовалась ей. Кроме того, она влюбилась въ прівзжаго штурмана. Воть почему слова брата не произвели на нее глубоваго впечатленія, и она даже разсмеялась въ отвътъ на его разсказъ. Очень скоро послъ этого она и совсёмъ ушла изъ вомнаты и, пробравшись въ глубину яблоноваго сада, встрътилась тамъ съ поджидавшимъ ее штурманомъ.

Витенъ Пеннъ выслушала мальчива съ отврытымъ ртомъ и разгорфвшимися щевами. Его разсвазъ вызвалъ въ жизни то неясное, что таилось въ тайнивахъ души дъвочви. Она любила мальчива, любила за то, что онъ былъ умный и добрый, любила еще и за то, что у него были такіе врасивые, ясные глаза. Послъдніе дви ей почти не удавалось говорить съ нимъ, и это очень печалило ее. Онъ сидълъ передъ ней блъдный и грустный. Ей стало жаль его до слезъ. Когда же онъ спросилъ ее, что ему дълать, и долженъ ли онъ идти, если мать опять позоветъ его, она свазала, что рано утромъ прибъжитъ въ нему съ выгона, гдъ будетъ доить воровъ.

Въ тотъ же самый вечеръ онъ въ трогательныхъ выраженияхъ попросилъ отца поручить работу около выгона кому-ии-

будь другому. Онъ отказался объяснить причину своей просьби, и отецъ, считая, что уступка съ его стороны будетъ поблажкой, отослалъ отъ себя сына презрительнымъ вивкомъ головы.

Воть такимъ-то образомъ и случилось несчастіе.

Было холодное, темное и угрюмое весеннее утро. Еще едва свътало и по свлонамъ полей лежали мохнатые туманы, похожіе на вавихъ-то огромныхъ, лънивыхъ и тупыхъ животныхъ. Дулъ мягкій морской вътеръ и весь воздухъ былъ пропитанъ сыростью.

Витенъ доила воровъ. Замътивъ мальчика, она побъжала въ нему. Онъ пахалъ и не сразу увидълъ ее; но она, на бъгу, разсмотръла, что онъ неспокоенъ, постоянно то наклоняетъ, то поднимаетъ голову, въ чему-то прислушивается и ломаетъ руки. Витенъ побъжала скоръй, и когда она была уже почти возлъ него, онъ вдругъ поднялъ руки и съ громениъ возгласомъ: "иду!" — побъжалъ въ сторону отъ плуга и лошадей. "Я иду! иду!" — повторилъ онъ, и съ этими словами бросился съ холма внизъ и исчезъ за мелеими кустарниками. Она потеряла сознаніе. Взошло солнце. Ее такъ и нашли распростертой на землъ, съ раскинутыми руками, и съ трудомъ привели въ чувство. Очнувшись, она, вся дрожа, разсказала о случившемся. Послъ этого она очень долго болъла, а мальчика въ этотъ же день нашли захлебнувшимся въ одной изъ черныхъ ямъ.

Вейскопфъ замодчалъ, взялъ трубку и, не говоря ни слова, протянулъ руку Тису. Тотъ понялъ его, чиркнулъ спичкой и передалъ ее Вейскопфу.

— Дальше разсказывать, собственно говоря, и нечего. Отецъ въ этотъ день вернулся домой поздно и засталъ сына уже на столъ. Онъ навлонился надъ нимъ и пытливо заглянулъ въ лицо покойнива, но тотчасъ же откинулся назадъ и выпрямился. Когда сосъди на похоронахъ выражали ему сочувствіе, онъ говорилъ: "Къ чему? Моя жена и сынъ были людьми совершенно непригодными къ жизни. Теперь они оба—на своемъ мъстъ".

Черезъ недёлю послё похоронъ онъ узналъ, что дочь его любить штурмана, и потребовалъ, чтобы она отвазалась отъ своего возлюбленнаго. Но она была такъ же упорна, какъ онъ самъ, и сказала, что не послушаетъ его, потому что хочетъ быть счастливе своей матери. Тогда онъ выгналъ ее.

Послѣ этого онъ прожилъ очень недолго. Витенъ Пеннъ пробыла съ нимъ вдвоемъ оволо двухъ мѣсяцевъ, но онъ ни разу не сказалъ съ ней ни единаго слова. Онъ пробовалъ вести прежній образъ жизни, продавалъ я покупалъ, но торговля теперь

не шла ему на умъ. Его осаждали тяжелыя мысли. Онъ старался ихъ отогнать, но онъ овазались сильнъе его. И наконецъ онъ понялъ весь ужасъ и безобразіе своей жизни. Его охватилъ страхъ и отвращеніе къ себъ. Витенъ провела вдвоемъ съ нимъ четыре ужасныхъ дня и четыре ужасныхъ ночи, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ его бреду. На пятый день онъ умеръ.

Такъ вотъ какова была юность этой Витенъ Пеннъ, которая сидитъ теперь около твоего отца, Іёрнъ. Изъ Шенефельда она пришла въ Уль и поступила къ вамъ въ работницы. Ужасы, пережитые ею, надломили ея молодую силу. Разсудовъ ея затемнился, ее преслъдовали видънія и предчувствія. Люди смъялись надъ ней, и она избъгала ихъ. Но твоя мать, Іёрнъ, ласковая и довърчивая со всъми, позаботилась о бъдной дъвушкъ, и только благодаря ей Витенъ нъсколько поправилась, но все-таки на цълую жизнь осталась какой-то странной, сумрамной и угнетенной. Ты тоже не особенно веселаго нрава, Іёрнъ, и она для тебя не подходящій товарищъ.

Вейскопфъ умолкъ, взялъ свою палку и собрался уходить. Онъ велълъ запрягать, и черезъ нъсколько минутъ уъхалъ въ городъ виъстъ съ Тисомъ Тиссеномъ, а Гернъ Уль пошелъ къ отцу и отправилъ Витенъ спать. Когда она выходила изъ комнаты, онъ проводилъ ее глубокимъ и внимательнымъ взглядомъ.

Онъ сидъль около постели отца, на томъ самомъ стулѣ съ соломеннымъ сидъньемъ, на которомъ обыкновенно въ зимніе вечера сидъла его мать. Клаусъ Уль спаль безпокойно. Іёрнъ Уль сидълъ и думалъ о своемъ хозяйствъ, о томъ, какъ сложится его дальнъйшая жизнь, и объ ужасномъ разсказъ о юности Витенъ.

Шли часы. Сумравъ ночи сгущался и время бливилось въ полуночи. Вдругъ вътви тополя подъ овномъ завачались и зашумъли отъ налетъвшаго вътра и въ стевла забили тяжелыя вапли дождя. Больной проснулся, уставился безсмысленнымъ взглядомъ въ потоловъ, и Іёрну вспомнились слова довтора: "Онъ можетъ еще долго протянуть, но здоровымъ ужъ нивогда не будетъ". И въ первый разъ за всю жизнь Іёрна охватило чувство безпомощности и душевнаго одиночества. Мравъ и уныніе надвинулись на него и грозили раздавить, уничтожить его. Но въ этотъ тяжелый, мучительный часъ онъ вспомниль, что вогда-то въ школъ ему говорили о Богъ. Іёрнъ въ первый разъ съ тоской и надеждой обратился къ Нему, и въ душъ его совершился переломъ.

Страданіе привело его въ двери, за которой скрыта настоящая жизнь, и онъ впервые сталъ стучаться въ эту дверь. Стучащему отворятъ.

XV.

Въ это лѣто и осень ни на одномъ дворѣ такъ не кипѣла работа, какъ у Іёрна Уля. Онъ самъ поспѣвалъ всюду. На похудѣвшемъ лицѣ его значительнѣе выступалъ заострившійся нось, а взглядъ глубоко сидящихъ глазъ сталъ еще рѣзче. Что-то повелительное появилось во всемъ его существѣ, и къ нему опять стали примѣнять забытое за послѣдніе годы названіе "ландфогта". Иногда рабочіе возмущались его требовательностью, и дѣло доходило до рѣзкихъ словъ.

- Если удастся вамъ пропахать до полудня, такъ вы укъ воображаете, что и обёдъ заслужили,—сказалъ разъ Іёрнъ, на что старшій работникъ возравилъ ему:
- А еслибы мы по вашему дълали, такъ подохли бы отъ работы до полудня, и тогда, конечно, ужъ и въ объдъ не нувдались бы.

Въ вухив тоже было неладно. Витенъ принуждена била почти цёлый день проводить въ комнатѣ больного, -- иначе онъ становился безповоенъ и вричалъ, вакъ ребеновъ, а прислуга въ кухив не котвла слушаться Лены Тариъ. Іёриъ обсудняь съ Витенъ этотъ вопросъ, и они ръшили, что Витенъ передасть все домашнее хозяйство въ полное въдъніе Ленъ, а сама будеть неотлучно находиться при больномъ, шить, вязать и чинить платье и бълье въ его комнать. Когда Гернъ сообщиль свое ръшеніе Ленъ, она отнеслась въ нему очень спокойно, а младшая работница демонстративно вылетъла изъ кухни, хлопнувъ дверью, в въ тотъ же день потребовала разсчета. Іёрнъ вообще сократиль число рабочихъ, и когда пришло десятое мая, ръшиль безъ помощи пастуха выгнать свой скоть на пастбище. Сначала было выпущено сорокъ двухлътнихъ и трехлътнихъ бычковъ. Они попытались-было вести себя, какъ расшалившіеся школьники, но своро были усмирены. Громче всъхъ раздавались окриви Іёрна и громче всвять щелкаль его длинный бичь. Потомъ были випущены лошади съ жеребятами. Ихъ шествіе замывала старая вобыла, болбе двадцати леть тому назадь полученная въ приданое матерью Герна. Она уже не работала и жила на пенсіи. За лошадьми следовали коровы въ сопровождении работницъ съ

Леной Тарнъ во главъ. Солнечные лучи проникали сквозь вътви тополей, и ея бълокурые волосы становились огненно-рыжими.

Въ эту минуту большой трехлётній бычовъ, соскучившись въ опустѣвшемъ клѣву, неожиданно появился у выхода и сталъ осторожно подходить въ воровамъ. Хорошо, что въ рукахъ у предусмотрительной Лены Тарнъ оказалась скамеечка для доенія коровъ, изъ очень твердаго дерева. Лена, съ сверкающими глазами, встала на встрѣчу быку и, размахивая скамеечкой, закричала:

— Стой ты, негодяй!—Она недолюбливала бычка. Но бычокъ продолжаль подвигаться, весь увъренность, сила и задоръ. Лена бросила быстрый гиввный взглядь на работниковь и вривнувы: — Чего вы стали, пентюхи? - размахнулась скамеечкой и швырнула ее въ морду бычку. Онъ испугался и бросился въ сторону, гдъ и попалъ въ руки работниковъ. Лена Тарнъ долго еще после этого вся вспыхивала, вспоминая, какими глазами посмотрелъ на нее въ эту минуту молодой хозяинъ. Этотъ взглядъ и радоваль, и безповоиль ее. Последними были выпущены телята. Песть изъ нихъ, рожденные въ хлуву и не видавшіе нивогда ни воды, ни земли, ни неба, пришли въ восторгъ и ръшили полетъть. Они высово подпрыгивали всёми четырьмя ногами заразъ и останавливались въ остолбенвніи, вдругь очутившись снова на вемль. Едва ихъ стащили съ мъста; но тогда они выдумали прыгать въ ванаву и, неожиданно попавъ въ воду, испытывали то же продолжительное и тупое недоумъніе. Іёрнъ захотълъ положить этому конецъ и схватилъ самаго большого теленка за веревку, но тотъ увлевъ его за собою, и оба шлепнулись въ канаву при громвихъ врикахъ и смъхъ рабочихъ и служановъ.

Наконецъ порядокъ былъ водворенъ, и Лена Тарнъ вернулась въ кухню, все вспоминая лицо Іёрна въ ту минуту, когда она бросила въ бычка скамейкой.

Іёрнъ тоже не былъ спокоенъ. Весеннее солице и неожиданное купанье въ колодной водъ взволновали его кровь. Все вокругъ дышало юной жизнью, заставляло глубоко вдыхать въ себя весенній воздухъ, любоваться всъмъ Божьимъ міромъ и, запровидывая голову, отыскивать глазами жаворонка. Онъ едва видимой точкой стоялъ въ небъ, и такъ и не могъ придти въ себя отъ радости. На Іёрна нашло праздничное настроеніе, и онъ ръшилъ сдълать прогулку, а встати отнести въ деревню оброкъ. Онъ шелъ въ своемъ праздничномъ платъъ мимо пшеничнаго поля и думалъ о Ленъ Тарнъ, вспоминая ея смъхъ, ея серьезное лицо, когда она работала, ея густые бълокурые волосы. За полемъ онъ нагналъ старива Дрейера. Они пошли вмъсть. Старивъ разговорился о жизни Іёрна и сталъ давать ему разные совъты.

- Тебъ что, двадцать четыре года? Такъ вотъ, главное, не вздумай жениться! Боже сохрани! Въ твоемъ положеніи это погибель, да и успъется еще. Приданаго меньше пятидесяти тысячъ марокъ не бери.
- Ну, разумъется, отвъчалъ Іёрнъ. Еще годовъ десятовъ можно подождать. Витенъ еще кръпка и отлично справляется съ хозяйствомъ.

На поворотъ дороги они разстались, и Іёрнъ быстро пошель дальше.

"До чего старикъ глухъ становится, сегодня это особенно меня поразило...—думалъ онъ. — Какой чудный, мягкій воздухъ!... Гораздо пріятнъе идти одному... Мысли такъ и разбъгаются въ разныя стороны, такъ и прыгають, точно телята сегодня утромъ. Небось и они не шли рядомъ со старшими и не слушали разумныхъ совътовъ старости. Я самъ знаю, что умно и что глупо, и конечно не собираюсь жениться теперь... Успъется"!

А неразумные телята-мысли опять свавнули въ сторону, и онъ сталь вспоминать, какъ наканунъ Лена Тарнъ не имъла, какъ обыкновенно, яснаго, вдороваго вида и на вопросъ Витенъ отвъчала со смъхомъ:

— Ничего, что-то мив плохо спалось эту ночь. — Да, еслибъ люди не образумливали себя, такъ весною весь міръ шелъ би вверхъ дномъ.

Вотъ и деревня. Церковный причетникъ стоялъ на порогъ своего дома, и съ перваго взгляда было видно, что онъ въ дурномъ настроеніи духа.

— Уль, — свазаль онь, — шесть дътей родилось сегодня въ нашемъ приходъ, и всъхъ ихъ я долженъ записать, а время-то не стоитъ и работа не ждетъ. Кажется, можно было надъяться, что война все это пріостановить, — такъ куда тебъ!.. еще куже пошло. Четверть населенія убита во Франціи, а шесть тысять записано новорожденныхъ. Развъ напасешься клъба на столько ртовъ! Нътъ, слишкомъ много публики разводится!.. — заключиль онъ и провелъ Іёрна въ комнату.

Іёрнъ, какъ человъкъ разсудительный, подтвердилъ слова причетника, и прибавилъ:

— Я бы запретиль брави до двадцати пятильтняго возраста. — Онъ заплатиль обровъ и пошель домой съ гордымъ сознаниемъ своей солидарности въ тавихъ важныхъ вопросахъ съ тавимъ

равумнымъ и опытнымъ человъкомъ, какъ причетникъ. Онъ снялъ сюртукъ, перекинулъ его черезъ руку и шелъ полями, а бълые рукава его рубахи сверкали на солнцъ.

Подходя въ своему дому, онъ увидалъ на скамейвъ подъ липами старика въ праздничномъ костюмъ рабочаго, съ окладистой съдой бородой и густыми съдыми волосами, дълавшими его похожимъ на льва.

— Я пришелъ по одному дѣлу...—произнесъ старивъ, вставан и вланяясь.—Жена мнѣ повоя не даетъ... вѣдь Геертъ Дозе служилъ подъ твоей командой во время войны?... Это сынъ нашъ, —ну, старуха все и пристаетъ ко мнѣ... какъ онъ былъ раненъ, спрашиваетъ, ну и... хочетъ знатъ... долго ли онъ мучился. Говорятъ, девять дней... Молодой былъ, крѣпвій... умирать-то, знать, не легво было. Можетъ, онъ что передатъ наказывалъ. Ты мнѣ все разскажи, а я ей потомъ и передамъ... не все... чтобы не больно убивалась...

При этихъ словахъ старивъ весь точно сталъ меньше и глядълъ большими тихими глазами поверхъ сложенныхъ рувъ на землю. Іёрнъ разсказалъ ему все о послъднихъ минутахъ его сына, а на порогъ стояла Лена Тарнъ и слушала. Она нивогда не задумывалась до тъхъ поръ надъ тъмъ, что такое война. Это слово вызывало въ ней представленіе о чемъ-то огромномъ, очень пестромъ, шумномъ и огненномъ. Ничего не знала она о неописуемыхъ мученіяхъ и ужасъ отдъльныхъ людей, и теперь слушала съ лицомъ, сморщеннымъ отъ страданія. Но въ глубинъ ен души дрожало радостное сознаніе: "въдь ты вернулся съ войны цълъ и невредимъ, Іёрнъ Уль"!

Выслушавъ разсказъ, старикъ всталъ и собрался уходить. Іёрнъ проводилъ его до конца аллеи,—честь, которую онъ никогда никому не оказывалъ. Простившись, онъ долго смотрълъ вслъдъ удалявшемуся сгорбленному и тяжело шагавшему старику.

Ему предстояло четыре часа ходьбы. Трудный путь, но то, что его ожидало дома, было еще гораздо тяжелье. Возвращаясь по аллев, Іёрнъ снова поддался очарованію весенняго дня. Онъ взглянуль на молодую зелень деревьевъ, на домъ, проглядывавшій сквовь листву, на скамейку возлів стола и на Лену Тарнъ, какъ бы поджидавшую его и готовую къ борьбів. Онъ взглянуль та все это, и ему вспомнилось вычитанное гдів-то выраженіе: "діла мира".

"Пахать, сънть, жать, строить дома, жениться, воспитывать дътей—это и есть дъла мира",—подумаль онъ.

Лена сидъла на скамейкъ, низко опустивъ голову. Майское

солнце смѣялось, указывало лучистыми руками на эту свлоненную голову и говорило:

— Посмотри, Іёрнъ Уль, какъ она сверкаетъ... Не трогай, а то обожжешься, —въдь это настоящій огонь!..

Онъ котълъ пройти мимо, но Лена, не поднимая головы, увазала ему на синюю тетрадку, лежавшую передъ нею на столъ, и проговорила довольно надменнымъ тономъ:

— Надо сдълать разсчетъ масла.

Подобные разсчеты были ей противны, потому что въ нихъ подразумъвалось недовъріе, но обойтись безъ нихъ было нельзя. Онъ сълъ рядомъ съ нею и сталъ указывать ей на нъкоторыя цифры. Въроятно отъ отвращенія къ счетамъ онъ были такъ написаны, что невозможно было разобрать. Ей пришлось наклонить свою сверкающую голову надъ тетрадкой, и блескъ золотыхъ волосъ совстить ослепилъ его. Онъ поспъшилъ опустить глаза на ряды цифръ и сталъ усердно подсчитывать ихъ, проводя по каждой загрубълымъ, негнущимся указательнымъ пальцемъ, точно нанизывая ихъ на грабли. А она слъдила за его работой и при этомъ тихо напъвала что-то про себя, точно шмель, который жужжитъ полу-добродушно, полу-гнъвно, увидъвъ, что въ его цвъткъ уже сидитъ другой шмель. Гернъ сталъ невольно прислушиваться къ пънію, и весь счетъ спутался въ его головъ. Онъ разсердился и всталъ.

- Я сосчитаю у себя въ комнатъ, сказаль онъ.
- Вотъ и отлично! подтвердила она.

Поздно вечеромъ пошелъ дождь. Іёрнъ сидёлъ у откритаго овна, возлё стараго сундука, и курилъ трубку, чувствуя себя очень уютно. Въ домё было тихо. За овномъ струился и лепеталъ дождь. Въ вётвяхъ яблонь слышались тихіе и нёжные голоса птицъ и паденіе дождевыхъ капель. Іёрнъ выглядывалъ изъ овна, ждалъ, и ему казалось, что онъ слышить, какъ раскрываются молодые листочки.

Дверь отворилась, и Лена Тариъ замерла на порогъ.

- Войди же!—сказаль онь:—что тебь нужно?—онь быль такь взволновань, что говориль съ трудомь.
- Я хотъла взять тетрадку... я думала, вы еще не вернулись.

Она стала искать тетрадку на сундукъ.

— Ты что-то последніе дни въ дурномъ настроеніи, — заговориль онъ: — случилось что-нибудь съ тобою что-ли? Она откинула голову назадъ и отвъчала коротко:

- Мало ли что иногда случается, а потомъ скоро проходитъ.
- Ты довольна, что Витенъ спитъ теперь у больного и ты одна въ комнатъ?
- Мив все равно. У кого чистая совъсть, тотъ можеть спать и одинъ.
- -- Значить, у тебя нечистая совъсть, потому что я слышаль вчера ночью, вавь ты вричала во снъ.
  - Да... мив нездоровилось.
  - Это отъ луны. Она светила прямо въ твою комнату.
  - Нътъ, мит нездоровилось отъ другой причины.
  - А я говорю, что отъ луны.

Она гивно посмотрвла на него.

— Ужъ вакъ будто вы все знаете! И не спала я тогда вовсе,—я закричала, потому что телята выбъжали изъ хлѣва и прыгали по двору.

Онъ насмёшливо улыбнулся.

- Это въроятно были лунные телята.
- Нътъ, самые обывновенные. Еще сегодня утромъ дверь въ клъвъ .оказалась незапертой. Удивляюсь, какъ ты это просмотрълъ, кажется, всюду суешься!
  - Ты мив говоришь "ты"?
- Въдь и ты говоришь мит также "ты". Я почти такая же вврослая, какъ и ты, и не графъ ты какой-нибудь, да и не глуптве я тебя.

Она рванула тетрадку съ окна, и онъ увидёль, вакимъ гийвомъ сверкали ея красивые глаза.

- Берегись луны, сказаль онь, а то и сегодня ночью теб'в придется гонять телять. Онь всталь, но не см'яль привоснуться къ ней. Они посмотр'яли другь на друга, и каждый поняль, что творилось съ другимъ. Его взглядъ говорилъ:
- Я отлично знаю, что означаеть такой девическій гнёвъ.— А ен глаза отвечали:—Я слишкомъ горда, чтобы любить тебя. Ахъ, н такъ тебя люблю! Она пошла къ дверямъ, замедлян шаги, какъ бы для того, чтобы дать ему время сказать чтонибудь или пойти за нею, но онъ былъ слишкомъ неловокъ для этого и только смущенно разсмёнлся.

Настала удивительная, тихая ночь. Въ деревьяхъ еще слышалось паденіе посл'ёднихъ дождевыхъ капель, точно тихонько всилинывалъ ребенокъ, проснувшійся одинъ ночью и испугав-

Томъ І.-Февраль, 1903.

шійся темноты. На горизонть небо еще вспыхивало, какть будто мать входила со свычкой вт темную спальню, чтобы взглянуть, спять ли дыти. Взошла луна почти полная, ст едва замытно утончившимся лицомть, и все было такть таинственно и торжественно, что даже прохожіе на дорогы не рышались разговаривать громво. Іёрну не спалось, и онт рышиль посмотрыть на луну вт телескопть. Это не была его прежняя жалкая подзорная труба, а новый великолыпный телескопть, — единственная роскошь, которую онть себы позволиль.

Когда Іёрнъ шелъ мимо вомнаты Лены, то увидёлъ, что дверь отворена и она стоитъ на порогъ.

— Ты еще не спишь? — проговориль онъ смущенно. — Хочешь посмотръть на звъзды?

Она молча пошла за нимъ.

- Жаль, что тебя не было въ воскресенье днемъ, какія тогда звізды были видны въ мою трубу!
- Что ты такое говоришь! Днемъ? Развъ звъзды и днемъ на небъ?
  - Конечно, милая, а то гдъ же?
- Ахъ, вотъ ужъ не думала! Я думала, онъ какъ сторожа ночные: ночью караулять, а днемъ спять. Право такъ.

Но онъ не былъ увъренъ, что она не шутитъ, потому что лукавое выраженіе сохранялось въ уголкахъ ея глазъ, даже когда она говорила серьезно. Онъ наставилъ трубу и проговорилъ:

— Ну, теперь смотри.

Она неумъло нагнулась и стала смотръть въ трубу.

Онъ положилъ руку ей на плечо.

- Ну, что ты видишь?
- Ахъ, я вижу... я вижу горящій крестьянскій домъ... крыша соломенная... и все въ огиъ... Ахъ, какъ страшно!..
- Ну, ужъ это твое воображеніе! разсмѣялся онъ: это созвѣздіе Оріона, а теперь я поважу тебѣ луну.
  - Вижу... а что это за шишки?
- Это горы и долины. Слъва онъ ярко освъщены восходящимъ солицемъ, а справа падаетъ тънь.

Она покачала головой, потеряла луну въ телескопъ, выпрямилась и посмотръла простыми глазами на небо.

- Обо всемъ этомъ я слышала въ школъ, сказала она. Тогда я думала, что учитель вралъ, ну, а, видно, правду онъ разсказывалъ.
  - Ну, теперь ты довольно насмотрелась. Уходи, а то еще

простудишься, и опять теб' нив' сть что приснится. Ты сможешь заснуть?

— Попытаюсь.

Онъ опять хотълъ протянуть къ ней руку, но чувство уважения къ ней остановило его.

— Иди же скорви! — повториль онъ, и она ушла, а онъ остался.

Снова навелъ онъ телескопъ на луну и сталъ изучать очертанія морей и горъ, чтобы потомъ закончить начатую имъ карту луны. И снова молодая жизнь, такъ тяжело дышавшая возлѣ него еще часъ тому назадъ, стала стихать и отодвигаться, и ему вспомнились слова стараго Дрейера: "не дѣлай этой глупости, Іёрвъ!"

"А все-таки, — думалъ онъ, — она такая красивая и добрая. Счастливъ человъкъ, котораго впервые обниметъ такая дъвушка. Какое очаровательное выраженіе появится въ ея глазахъ, когда она близко и довърчиво заглянетъ въ глаза мужчины"!

Надъ дворомъ пролетъли дикіе гуси. Іёрнъ не обратилъ на нихъ вниманія, но скоро услыхалъ возлѣ дома легкій крикъ и слабый шелестъ крыльевъ. Взглянувъ по направленію шума, онъ увидалъ бѣлую фигуру съ протянутой рукой. Она ощупывала глухую стѣну, какъ бы ища двери, и быстро и возбужденно говорила:

- Телята въ саду! Встань же, Гёрнъ, и помоги мнъ! Въ три прыжва Гёрнъ очутился возлъ нея.
- Я здёсь, —проговориль онъ тихо, —воть я, успокойся... Кром'в меня, никого н'ётъ.

Она замодчала, стала протирать себъ глаза, какъ дълаютъ заспанныя дъти, и заговорила что-то жалобное, какъ испуганный ребенокъ. Онъ обнялъ ее и сталъ успоконвать.

— Ну, вотъ видишь, и дверь. Это ты во сив пропутешествовала черезъ весь хлъвъ. Должно быть, лунныхъ телятъ искала, фантазерка? Ахъ ты, глупенькій утенокъ этакій! Ну, вотъ сейчасъ и твоя комната.

Увидавъ свою постель, она вдругъ испугалась, заврыла лицо руками и жалобно повторяла:

— Ахъ, какъ страшно, какъ страшно!

Онъ сталъ ласкать ее, отвелъ ея руки отъ лица и тихо произнесъ:

- Перестань, перестань, разв'я не хорошо теб'я?!..

На другое утро, еще на заръ, рабочій, не ночевавшій дома,

вошель во дворъ, мурлывая пъсенву. Онъ увидаль, что хозянть ходить большими шагами возлъ дома, опустивъ глаза въ землю, точно ищетъ потерянный слъдъ. Рабочій подощелъ въ нему и свазаль:

— Надобла миб одиновая жизнь. Если въ осени найду себъ подходящую девушку, непременно женюсь.

Напившись кофе, Іёрнъ, какъ и наканунъ, надътъ свое праздничное платье и отправился въ деревню.

Причетникъ былъ въ лучшемъ настроеніи духа, и кромѣ того онъ привыкъ за свою долгую службу къ удивительнымъ и неожиданнымъ выходкамъ мѣстныхъ обывателей.

— Правильно, Уль, — сказалъ онъ. — Не добро человъку быть едину. Итакъ: Марія Магдалена Тарнъ, законная дочь Яспера Корнеліуса Тарна изъ Дотума. Девятнадцать лътъ! Молода, Іёрнъ. Но, впрочемъ, состариться всегда успъеть.

Вернувшись домой и проходя по яблоновому саду, Іёрнъ увидёлъ недалеко отъ калитки, на каменномъ мостике, дикаго гуся съ перешибленнымъ крыломъ, но еще живого. Онъ убилъ его и принесъ въ кухню, где Лена стояла передъ печкой съ пылающими щеками.

— Онъ сломаль себ'в крыло и лежаль умирающій на камев, — сказаль Іёрнь, протягивая ей птицу.

Она робко взглянула на гуся и ничего не сказала.

- Хотелось бы мет знать, что ты обо мет думаеть?— произнесь Іёрнъ смущенно и подошель поближе, но она молчала.
- Въдь ты всегда была такимъ героемъ, особенно со мною. Откинь же голову и побрани меня хорошенько, —я это заслужиль.

Она молча прижала руки къ вискамъ и молча и пристально смотръла на яркое пламя. Онъ нъжно взялъ ее за руку, обнять и повелъ въ комнату. Тамъ онъ усадилъ ее въ кресло, гдъ всегда сидъла его мать, а самъ сълъ на ручку кресла и сталъ ласкать и гладить ея волосы, и лицо, и упавшія на кольни руки.

— Ты печальна, Лена, и сердишься, моя милая дъвочка? Куда дъвался твой веселый смъхъ? А я, знаешь, былъ у причетника и все устроилъ. Въ іюнъ будетъ свадьба... Ты все еще молчишь?

Она обхватила его руки и прошептала:

- Ты думаешь: свадьба, такъ ужъ и все хорошо!—и она ваплакала.
- Дитя, перестань плакать!—повторяль онъ, страстно лаская и цёлуя ее. — Я никогда больше не буду, только улыбнись...

—и не находя новаго ласковаго названія, онъ прибавиль:— Краснушка ты моя!

Она засмѣнлась. Это было имя ихъ самой врасивой воровы. Ласковымъ взглядомъ заглянула она ему въ глаза, и Іёрнъ подумалъ, что достигъ наконецъ блаженства, заслуженнаго имъ вполнъ.

Съ нъм. П-на С-ва.

научныя иллюзіи

М. Тугано-Барановскій. Очерки взъ нов'яйшей исторів политической экономів. Спб., 1903.

Политическая экономія принадлежить въ числу тіхь наукь, въ которыхъ нътъ общепризнанныхъ истинъ; она представляеть собою обширное поле противоръчій и споровъ, не допускающихъ по существу никакого окончательнаго решенія. Касаясь самыхъ важныхъ интересовъ общежитія, она неотразимо привлеваеть въ себъ умы и служить однимь изъ обязательныхъ и наиболъе популярныхъ предметовъ общаго образованія: нельзя быть обравованнымъ человъкомъ, не имън свъдъній объ ученіяхъ Адама Смита, Мальтуса и Рикардо, о теоріяхъ ренты, прибыли и заработной платы. Но не всякій предметь изученія и преподаванія есть наука въ истинномъ смыслів этого слова, и напримірть спеціалисть по полицейскому или уголовному праву не можеть говорить о положеніяхъ и выводахъ своей науки въ такомъ категорическомъ тонъ, какой считается умъстнымъ относительно законовъ физики или химін. Между тімь ученые теоретиве слишкомъ часто склонны приписывать своимъ наукамъ авторитеть, котораго онъ вовсе не имъють, и этимъ особенно гръшать экономисты, почти ни въ чемъ не согласные между собою, но твиъ не менве упорно старающіеся поддерживать въ себв и въ другихъ иллюзію строгой научности политической экономія вообще.

Въ этомъ отношении весьма любопытна вышедшая недавно книга г. М. Туганъ-Барановскаго. Въ ней, какъ въ маленькомъ зеркалъ, отражается не только современная путаница понятів въ области основныхъ вопросовъ и задачъ политической экономін,

но и самый характеръ ея литературы, въ которой каждый авторъ можеть сочинять свою собственную науку или перестроивать ее по личнымъ симпатіямъ или случайнымъ впечатленіямъ, не справляясь съ требованіями логическаго единства и последовательности. Въ предисловін въ своей внигь г. Туганъ-Барановскій откровенно объясняеть, что она не есть "научное изследование обычнаго типа", но и не можеть быть отнесена въ "научно-популярной литературъ". Популяризаторъ, -- говоритъ онъ, -- "не самостоятельный изследователь: онъ послушно и скромно идеть за другими, за признанными авторитетами науки. Я же отнюдь не считаль себя обязаннымь согласовать свое изложение съ вавими бы то ни было авторитетами, и не боялся высказывать свое личное мивніе, какъ бы різко оно ни расходилось съ госпедствующими взглядами. На свой собственный страхъ и рискъ стремился я проложить свою особую дорогу въ извилистомъ и запутанномъ лабиринтъ соціальной мысли. Хороша или дурна эта дорога-судить не мив". Само собою разумвется, что авторъ руководствовался только интересами истины, и притомъ "объективной истины", такъ какъ "твердая и ввчная истина не можеть не быть единственнымь маякомь добросовъстнаго ученаго".

Въ каждой наукъ, занятой исканіемъ объективной истины, отдъльные изследователи непременно идуть за своими предшественнивами, и считають для себя обязательнымъ согласовать свои работы съ твиъ, что добыто и провърено раньше другими; только въ политической экономіи господствуетъ противоположный взглядъ, и оттого она не выходить изъ запутаннаго и извилистаго лабиринта личныхъ произвольныхъ мевній и разрозненныхъ отдъльныхъ попытовъ. Если всявій самостоятельный экономисть стремится проложить въ этомъ лабиринтв свою особую дорогу, то это значить одно изъ двухъ: или нътъ еще общей дороги, которой можно было бы держаться, и слёдовательно всё предшествующіе труды длиннаго ряда изследователей должны быть признаны безплодными, такъ какъ не проложили даже пути для дальнъйшихъ работъ; или же экономисты не имъютъ и не могутъ имъть въ виду стремление къ "твердой и въчной истинъ", потому что твердая и въчная истина-одна, и свътъ этого "единственнаго маява" не позволяль бы экономистамъ блуждать по разнымъ особымъ путямъ, независимо отъ какихъ бы то ни было признанных авторитетовъ, руководимых в вроятно темъ же единственнымъ маявомъ твердой и въчной истины. И въ томъ, и въ другомъ случав -- при отсутствіи общей научной дороги и при недостать точно установленных понятій о научной истинь, — политическая экономія не могла бы признаваться наукою.

Г. Туганъ-Барановскій не предполагаетъ, конечно, что его "особая дорога" върнъе ведетъ въ истинъ, чъмъ всъ другія, проторенныя экономистами-теоретивами; онъ самъ же предоставляетъ читателю судить, "хороша или дурна эта дорога", — вмъсто того, чтобы ставить вопросъ только объ ея правильности или неправильности; а оцънка избраннаго пути съ этой послъдней точки зрънія не имъетъ ничего общаго съ общедоступными сужденіями о дурномъ и хорошемъ. Въ дъйствительности, впрочемъ, нивакой особой дороги нътъ у г. Туганъ-Барановскаго: его способы разсужденія и доказательства ничъмъ не отличаются отъ общепринятыхъ въ экономической литературъ, и если онъ въ частностяхъ отступаетъ отъ чужихъ мнъній, хотя бы и авторитетныхъ, то эти отступленія онъ только по недоразумънію могъ принять за признакъ "особой дороги", будто бы прокладываемой въ лабиринтъ соціальной мысли. Ни своего особаго метода, ни новой оригинальной доктрины онъ пока еще не придумалъ, а въ качествъ независимаго писателя онъ вноситъ лишь свою посильную лепту въ общую массу разногласій и противоръчій, характеризующихъ современную политическую экономію.

Несмотря на извъстное всъмъ хаотическое состояние политикоэкономической литературы, г. Туганъ-Барановскій утверждаеть, что политическая экономія "рёзко выдёляется своимъ строгимъ научнымъ характеромъ среди всёхъ другихъ научныхъ дисциплинъ, изучающихъ общественную жизнь" (стр. 7). Непримиримий антагонизмъ интересовъ, идей и стремленій, наиболье ярко сказывающися въ существовани двухъ противоположныхъ научныхъ лагерей - буржуазнаго и соціалистическаго, не мізшаеть, будто бы, научному развитію и процевтанію единой политической экономіи. "Интересы различны, — замъчаетъ авторъ въ одномъ мъстъ, — но истина одна: интересы рабочаго власса могуть быть противоположны интересамъ вапиталистовъ, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны, и самый сильный интересъ не можеть не склониться предъ ними. Не существуеть двухъ политическихъ экономій — буржуваной и соціалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствъ,правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на нъсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеній этихъ направленій, различія между которыми хотя в велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому еди-

ной науки не оставалось мъста... Такимъ образомъ, не взирая на различіе влассовыхъ интересовъ, объективная и единая наука провладываеть себъ путь, слъдуя своимъ собственнымъ логичесвимъ законамъ развитія и повинуясь одному голосу-истины" (стр. 251). Въ сущности для науки, которую авторъ признаетъ "такою же чистою, не прикладною наукою, какъ и теоретичесвое естествознаніе" (стр. 6), были бы вполнъ безразличны взгляды капиталистовъ и рабочихъ на объективную истину,взгляды, основанные, быть можеть, на незнавомствъ съ научными пріемами мышленія и изследованія; но, въ несчастью, научные пріемы мышленія чрезвычайно рідко практикуются экономистами-теоретиками, и объективная истина, насколько она вообще доступна политической экономіи, не играеть зам'ятной роли въ распаденіи этой науки на различныя, враждебныя между собою школы и направленія. Отрицать безспорный факть этого распаденія было бы безполезно, а ув'вреніе, что все-таки существуеть и развивается единая экономическая наука, стоящая внъ и выше буржуваныхъ и соціалистическихъ доктринъ, —не только противоръчить дъйствительности, но и ръшительно опровергается всъмъ содержаніемъ "Очерковъ" г. Туганъ-Барановскаго.

Интересно проследить, вакъ г. Туганъ-Барановскій понимаєть "твердую и вёчную истину" въ примененіи къ принципіальнымъ спорамъ, раздъляющимъ современныхъ экономистовъ. Съ первыхъ же страницъ книги онъ ясно устанавливаетъ свою исходную точку зрънія. Политическая экономія, — говорить онъ, изучаеть народное хозяйство, а "народное хозяйство есть не что нное, какъ товарное хозяйство". Пока нътъ товарнаго обмъна, нътъ и народнаго хозяйства, и слъдовательно нътъ матеріала для экономической науки. При натуральномъ земледёльческомъ стров дореформенной Россіи весь нашъ врестьянскій быть находился въ сторонъ отъ товарнаго обмъна и потому не подлежаль действію законовь и выводовь политической экономіи, занятой лишь изученіемъ товарнаго хозяйства. "Товаръ, продуктъ, ивготовляемый для сбыта, и есть та вещественная связь, тоть цементь, который превращаеть множество разсыпанныхъ мелкихъ хозяйствъ въ одинъ цёлостный народно-хозяйственный организмъ". Собраніе отдільныхъ частныхъ хозяйствъ, не связанныхъ товарнымъ обращениемъ, "столь же мало образуетъ единое народное ховяйство, какъ куча безпорядочно наваленныхъ кирпичей не дъласть единаго зданія". Мало того: товарное хозяйство только потому можеть быть предметомъ науки, что оно развивается безсознательно, по своимъ стихійнымъ законамъ и условіямъ, безъ опредѣленнаго цѣльнаго плана и безъ регулирующаго вмѣшательства государства, — ибо "раскрытіе этихъ стихійныхъ законовъ образуетъ собою главнѣйшую задачу науки политической экономіи". По этой же причинѣ, политическая экономія "по строгости своихъ построеній приближается къ естествознанію"; она выше и научнѣе родственныхъ общественноюридическихъ наукъ, такъ какъ "изучаетъ точные, причиннонеобходимые соціальные законы—стихійную закономѣрностъ товарнаго обмѣна".

Для автора "не подлежить сомнъню, что центральнымъ и важнъйшимъ предметомъ изученія политической экономіи является именно товарное хозяйство. Если экономическая наука и останавливается на другихъ ховяйственныхъ типахъ, то лишь попутно и главнымъ образомъ для выясненія, при посредствъ сравненія ихъ съ товарнымъ хозяйствомъ, отличительныхъ чертъ и особенностей этого последняго". Можно "спорить, целесообразно ли такое ограничение поля изследования политической эвономів или ніть, но нельзя спорить относительно самаго факта. Несомнънно, политическая экономія, какъ она была и есть (а не какою мы желали бы ее видъть), изслъдуеть почти исключительно эвономическія отношенія, слагающіяся на базись товарнаго обмвна. Чтобы убъдиться въ этомъ, достаточно посмотръть на оглавление любого курса политической экономии". Объясняется это очень просто, какъ указано уже выше: "только въ товарномъ хозяйствъ проявилось дъйствіе стихійныхъ соціально-эвономическихъ силъ, независимыхъ отъ воли человъка и нуждающихся для того, чтобы быть понятыми нашимъ сознаніемъ, въ особой научной дисциплинъ-политической экономіи" (стр. 8). Вмёстё съ тёмъ "политическая экономія есть историческая наука, въ томъ смыслъ, что предметь ея изученія — товарное хозяйство-есть историческая форма общежитія". Экономическая наука изследуеть "общественныя отношенія людей, какь членовъ товарнаго хозяйства, въ процессъ его историческаго развитія" (стр. 10).

Итакъ, твердая и въчная истина, вдохновляющая ученых экономистовъ, касается исключительно явленій товарнаго обивна, и вся политическая экономія низводится на степень чисто-промышленной науки. Въ своемъ основномъ пониманіи задачъ и характера политической экономіи г. Туганъ-Барановскій настолько далекъ отъ гордаго намъренія идти своимъ особымъ путемъ, что считаетъ для себя обязательнымъ придерживаться даже шаблонныхъ рубрикъ, принятыхъ учебниками. Но и эта ссылка на

"дюбой курсъ политической экономіи" основана на явномъ недоразуменін, и самый факть, выдаваемый авторомь за бевспорный, представляется намъ плодомъ вакой-то странной логической оппибки. Можно привести цълый рядъ авторитетныхъ примъровъ въ довазательство того, что компетенція политической экономіи, по общему сознанию ея теоретиковъ, вовсе не ограничивается изученіемъ товарнаго обміна и хозяйства. По опреділенію Сисмонди, "предметомъ политической экономіи служить матеріальное благосостояніе человъка", и задача науки-, выясненіе правильныхъ способовъ управленія національнымъ богатствомъ". По словамъ Джона Стюарта Милля, политическая экономія есть наука о богатствъ, изучающая причины и условія, воторыя дълають положение людей въ обществъ благоприятнымъ или бъдственнымъ въ матеріальномъ отношенін; она "стремится, насволько возможно, раскрыть законы и начала, по которымъ эти причины действують". Эмиль де-Лавелей определяеть политическую экономію какъ науку о способахъ наиболює целесообразнаго, справедливаго и разумнаго удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человъческих обществъ и отдъльных лицъ. Стэнли. Джевонсъ говорить, что "политическая экономія трактуєть о богатствъ націй; она изслъдуеть причины, въ силу которыхъ одна . нація богаче и зажиточне другой, и старается выяснить, что должно быть сдълано для того, чтобы бъдныхъ людей было вакъ можно меньше и чтобы вообще важдый хорошо вознаграждался за свой трудъ". Въ краткомъ учебникъ Эдвина Кэннана ставится цёлью политической экономін-, разъясненіе общихъ причинъ, отъ которыхъ вависить богатство или матеріальное благосостояніе человъческих существъ". По опредъленію Конрада, "наукой о народномъ хозяйствъ или національной экономіей навывается наука, стремящаяся установить причины и следствія въ явленіяхъ хозяйственной жизни народа, разсматривая ихъ какъ цвлое, въ ихъ естественной органической связи, насколько двло идеть объ удовлетвореніи матеріальных в потребностей". Кажется, довольно. Гдв же г. Туганъ-Барановскій нашель матеріаль для категорического утвержденія, что задача политической экономів исчерпывается изследованиемъ законовъ товарнаго обмена?

Только немногіе узво-буржуваные экономисты откровенно провозглашали политическую экономію "наукою объ обмѣнъ", т.-е. наукою о торговлѣ и промышленности. "Обмѣнъ—это политическая экономія",—говорилъ Фредерикъ Бастій,— "это само общество въ его цѣломъ, такъ какъ невозможно представить себъ общество безъ обмѣна, ни обмѣна безъ общества". Безсозна-

тельно повторяя мижніе типичнёйшаго изъ буржуазныхъ экономистовь, г. Туганъ-Барановскій въ то же время придерживается взгляда тёхъ прогрессивныхъ теоретиковъ, которые смотрять на товарный обмінь какъ на преходящую историческую форму хозяйства. "Очень важно помнить, —говорить онъ, —что товарное козяйство-не только продуктъ историческаго развитія, но в само подлежить дальнейшему развитію. Товарное хозяйство также возникаетъ, ростетъ и наконецъ клонится къ унадку, вакъ и предшествовавшія формы хозяйства, которыя были, во которыхъ теперь нътъ". Тавимъ образомъ у автора получается довольно неожиданное сочетаніе двухъ противоположныхъ идей и точекъ зрвнія: съ одной стороны, предметомъ политической экономіи признается промышленно-товарное ховяйство въ его стихійныхъ, ничёмъ не стесненныхъ проявленіяхъ, и следовательно, существующій промышленный порядокъ вещей предполагается постояннымъ и долговъчнымъ, какъ смотръли на него всв буржуваные экономисты старой школы; съ другой стороны, это же товарное хозяйство объявляется лишь временною историческою формою, и въ такомъ случай оно не можетъ служить предметомъ особой постоянной науки. Недоумвніе вызывается еще крайне страннымъ толкованіемъ историческаго характера политической экономіи: последняя есть историческая наука будто бы въ томъ смыслъ, что предметъ ея имъетъ лишь преходищее историческое значеніе, а не потому, что она относится въ своему матеріалу съ исторической точки врвнія и прилагаеть къ его изследованію историческій методъ, историческіе пріемы изученія и анализа, вавъ думають всё вообще экономисты исторической школы.

Что же представляетъ собою политическая экономія, по мийнію г. Туганъ-Барановскаго? Неразрывно связанная съ системою стихійнаго товарнаго хозяйства, она вовсе не существуетъ тамъ, гдв господствуютъ другія хозяйственныя формы, и перестанетъ существовать или утратитъ свое научное значеніе послё того какъ свободный товарный обмінъ уступитъ місто новому промышленному строю, о которомъ мечтаютъ прогрессисты. Какъ наука о товарномъ хозяйстві, политическая экономія исчезнеть вмісті съ этой историческою промышленною формою. Другими словами, никакой политической экономіи, въ смыслі общей науки, не существуетъ, а та спеціальная область знанія, которая извістна подъ этимъ именемъ, касается преходящихъ хозяйственныхъ явленій, лишенныхъ общаго характера и интереса. Однако, г. Туганъ-Барановскій, очевидно, не думалъ упразднять полити-

ческую эвономію, какъ науку; онъ даже, какъ мы видъли, принисываеть ей особую научность на томъ основаніи, что она изучаеть "точные, причинно-необходимые соціальные законы" товарнаго обмѣна. Конечно, всякій механизмъ, имѣющій чистоприкладное значеніе, дъйствуеть по точнымъ, причинно-необходимымъ законамъ, и это обстоятельство не даеть еще матеріала для отнесенія данной науки къ "точнымъ, не прикладнымъ, теоретическимъ наукамъ". Извѣстные причинно-необходимые соціальные законы проявляются и въ биржевыхъ оборотахъ и спекуляціяхъ, и даже въ дъятельности какого-нибудь игорнаго дома, въ родъ Монте-Карло; но отсюда еще не слъдуетъ, что наука о биржевыхъ сдълкахъ или о рулеткъ можетъ быть отнесена къ точнымъ, не прикладнымъ, теоретическимъ наукамъ. Г. Туганъ-Барановскій просто не уяснилъ себъ нъкоторыхъ принципіальныхъ вопросовъ, одинаково важныхъ для всякой вообще науки, и если своими сужденіями о предметъ политической экономіи онъ какъ бы уничтожаетъ ее, то это онъ дълаетъ, разумѣется, безъ дурного умысла, по недоразумѣнію. Этимъ и отличается политическая экономія,—что въ ней можно быть и считаться спеціалистомъ, не имѣя яснаго представленія о требованіяхъ научной логики.

Нечего и говорить, что взглядь автора на сущность и задачу экономической науки безусловно ошибочень. Политическая экономія должна заниматься изученіемь условій матеріальнаго благосостоянія народовь, при различныхь формахь хозяйственнаго быта, оть самыхь первобытныхь до самыхь сложныхь и усовершенствованныхь. Чёмь шире и разнообразнёе охватываемый ею матеріаль, тёмь вёрнёе она избёгнеть односторонности въ обобщеніяхь и выводахь, и тёмь больше будеть у нея шансовь понасть на истинный научный путь. Изслёдованіе товарной промышленности составляеть только второстепенную прикладную часть содержанія политической экономіи, и если оно выступаеть на первый плань въ работахь многихь экономистовь, то единственно лишь вслёдствіе практической важности извёстныхь формъ современнаго хозяйства. Основы хозяйственной жизни народовъ заключаются не въ товарномъ обмёнё, а лежать гораздо глубже; онё связаны прежде всего съ поземельными отношеніями, которыя опредёляють экономическій быть страны и дають общій тонь народному хозяйству при всякой промышленной системів. Въ обычныхъ курсахъ и учебникахъ политической экономіи почти всецёло господствують торгово-промышленныя понятія и идеи, въ ущербъ другимъ интересамъ и традиціямъ, болёе близкимъ

земледёльческой народной массё, и въ этомъ отношенів наши ученые экономисты ни въ чемъ не отступають отъ иностранныхъ образцовъ, хотя имъли бы полное основаніе и возможность проложить свою особую дорогу, которая соответствовала бы действительному характеру и свойствамъ русскаго народнаго хозяйства. Наши экономисты-теоретики полагають, что сабдують за новыми научными довтринами, школами и направленіями, тогда какъ на самомъ дёлё идуть за чужими правтическими партіями и программами. И въ то время вакъ за границей мъняются программы и способы действія передовыхъ экономическихъ партій, въ зависимости отъ требованій общественной или парламентской тавтиви, — у насъ эти перемвны усвоиваются въ видв научныхъ усовершенствованій или нововведеній, характеризующихъ прогрессивную эволюцію даннаго міросозерцанія. Оттого у насъ происходять такія странныя явленія, какъ внезапная запоздалая вспышка марксизма и столь же внезапный упадокъ его подъ вліяніемъ партійныхъ разногласій и инцидентовъ, происходившихъ въ Германіи и имъвшихъ тамъ свой опредъленный правтическій смысль.

Г. Туганъ-Барановскій принималь діятельное участіе въ этомъ заимствованномъ у нъмцевъ "марксистскомъ" брожении, которое онъ связываеть, однако, съ какими-то перемънами въ своихъ собственныхъ теоретическихъ взглядахъ. "Я не стану утверждать, говорить онъ въ предисловіи, — что мое общее міросозерцаніе не испытало за последнее время никакой перемены. Я никогда не быль правовърнымъ ученикомъ Маркса, но еще очень недавно чувствоваль себя гораздо ближе къ марксистамъ, чъмъ теперь. Я избъгалъ навывать себя марксистомъ, но общественное мижніе признало меня таковымъ, — и я не протестовалъ противъ этого. Дальнейшее развитие моихъ взглядовъ привело меня, однако, малопо-малу въ полному разрыву съ ортодовсальнымъ марксизмомъ, который, по моему глубовому убъжденію, сділаль свое діло в никакой будущности не имъетъ. Величайшей задачей соціальной мысли нашего времени я считаю критическое преодоление марксизма, долженствующее повести въ созданію новой соціальной системы, въ которую войдеть много элементовъ марксизма, но въ переработанномъ, очищенномъ и преобразованномъ видъ. Такимъ образомъ, —заключаетъ авторъ въ меланхолическомъ тонъ я разошелся со своими прежними идейными товарищами и расхожусь съ ними все больше и больше. Мои прежніе теоретическіе друзья становятся врагами"... Такъ говорилъ и могъ говорить германскій правтическій д'ятель и публицисть, члень им-

перскаго сейма Эдуардъ Бериштейнъ, отрекшійся отъ марксистсвихъ догматовъ своей партін и возбудившій этимъ вражду ея руководителей, — ибо вызванный имъ расколъ грозиль ослабить партійную организацію и подорвать ея политическое вліяніе; но вому мъшала и вакіе интересы затрогивала перемъна въ чувствахъ г. Туганъ-Барановскаго по отношенію въ марксизму? Его "идейные товарищи", ставшіе врагами, кажутся намъ продуктами невольнаго подражанія, безсознательными отголосвами чужой партійной борьбы, для которой у насъ н'втъ и не было нивакой почвы. Ортодовсальный марксизмъ, вакъ теоретическое ученіе, ни въ чемъ не измънился за послъднее время, и если онъ еще "очень недавно" представляль собою для автора научную истину, то нельзя понять причины повдеййшаго отреченія или разрыва. Дальнъйшее развитие взглядовъ автора, приведшее его въ этому "полному разрыву", могло завлючаться или въ боле обдуманной вритической проверке того, что раньше было усвоено безъ вритики, или въ простой перемънъ настроенія подъ вліяніемъ случайныхъ вившнихъ причинъ; -- и въ томъ, и въ другомъ случав обнаруживалась бы крайняя ненадежность техъ логическихъ пріемовъ, которые считаются достаточными для ученаго экономиста. Г. Туганъ-Барановскій едва ли могъ бы объяснить, почему и въ вавомъ смысле следуетъ признать величайшей задачей нашего времени "вритическое преодолвніе марксизма". Неужели же научная вритива марксизма до сихъ поръ еще не исчерпала всъхъ своихъ доводовъ, и вритическое преодолъние этой доктрины предстоитъ еще въ будущемъ? Какъ согласить съ этниъ другое утверждение автора, — что ортодовсальный марвсизмъ "сдълалъ свое дъло и никакой будущности не имъетъ", и что следовательно преодолевать его неть более надобности? Съ другой стороны, если это преодоление остается еще деломъ будущаго, то авторъ напрасно заранве опредвляеть его результатьа именно "созданіе новой соціальной системы, въ которую войдетъ много элементовъ марксизма, но въ переработанномъ, очищенномъ и преобразованномъ видъ". Эти противоръчія и неясности происходять повидимому отъ смѣшенія двухъ разныхъ сторонъ предмета - теоретической и прикладной: къ первой примъндется то, что имъеть смыслъ только относительно второй, и наобороть. Говоря о марксизмв, авторъ не отличаеть значенія его, какъ научной теоріи, отъ роли его, какъ практической партійной программы, и оттого, несмотря на все многословіе г. Туганъ-Барановскаго, отношение его въ марксизму является весьма неопределеннымъ.

Излагая факты, служащіе обычнымъ матеріаломъ политической экономіи, авторъ почти исключительно имфеть въ виду англійскую промышленность, ея исторію и литературу, причемь руководствуется большею частью готовымъ освъщениемъ Маркса. Въ первыхъ четырехъ очеркахъ идетъ ръчь о "генезисъ англійскаго капитализма", объ Адамъ Смитъ, о промышленной революціи въ Англіи и о швол'в Смита, Мальтуса и Ривардо. Увазавъ на важное значение Рикардо для экономической науки, авторъ мимоходомъ замъчаетъ: "Единственнымъ врупнымъ шагомъ впередъ въ области теоріи политической экономіи после Ривардо можно считать новую теорію цінности, выдвинутую въ 70-хъ и 80-хъ годахъ рядомъ ученыхъ и пользующуюся теперь почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ, — мы имъемъ въ виду такъ называемую теорію предъльной полезности... Вообще можно думать, что мы находимся теперь наканунъ полной перестройки теоретического зданія политической экономіи. Но это дёло будущаго,—закончившійся же XIX вѣкъ въ области экономической науки можетъ быть названъ вѣкомъ Рикардо. Самый вліятельный экономическій теоретивъ второй половины истевшаго въка - Карлъ Марксъ - прибавилъ мало существенно новаго въ теоріи Ривардо и долженъ считаться върнымъ ученикомъ послъдняго" (стр. 77). Безплодные схоластическіе споры о цъпности представляются г. Туганъ-Барановскому фундаментомъ, на воторомъ держится все теоретическое зданіе политической экономіи, и въ этой фундаментальной области доктрина Маркса, имъвшая въ сущности правтическія соціальныя основы и цели, ставится ниже вульгарно-житейскихъ психологическихъ опредвленій и формуль такъ называемой австрійской шволы. Эта швола-говорить авторъ въ другомъ мъсть-лоперируя абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, пришла къ совершенно новымъ и чрезвычайно важнымъ теоретическимъ выводамъ. Она дала новую теорію цінности, которая иміветь всі шансы стать общепринятою въ наукі (стр. 208). "Великая заслуга австрійской школы" заключается въ томъ, что она "обіщаеть навсегда покончить споры о ценности, давъ полное и истерпывающее объяснение всёмъ явлениямъ процесса оцёнки, исходя изъ одного основного принципа" (стр. 211) и имъя своимъ отправнымъ пунктомъ "точное опредъленіе понятія полезности хозяйственнаго предмета" (тамъ же). Въра въ чудодъйственную силу словесныхъ опредвленій побуждаеть автора объявлять чуть ли не идіотами экономистовъ, отвергающихъ австрійскую теорію. Напримъръ, извъстный англійскій теоретикъ Кэрисъ не поняль этой теорія

потому, что "онъ страдаль весьма распространеннымъ недостаткомъ-отсутствиемъ оригинальности, творческой способности ума: для новыхъ идей у него не хватало органа пониманія". "Бѣдный Кэрисъ, какъ много онъ понялъ! -- восклицаетъ г. Туганъ-Барановскій, изложивъ его возраженія и не опровергнувъ ихъ ни однимъ словомъ. "Совершенно въ такомъ же родъ-говорится далье-вритивовали новую теорію и другіе экономисты. Ортодовсальные марксисты запада нашли теорію предёльной полезности "буржуазной", а у насъ въ ней усмотрели признаки "мелкобуржуваности"... Все это однаво нисколько не помъщало окончательному успъху новой теоріи. Теперь она является почти общепринятою не только среди буржуваныхъ ученыхъ, но и среди болъе свободныхъ отъ догматическихъ предразсудковъ представителей противоположнаго направленія". Новая теорія сама по себъ "столь же мало буржувзна, сволько и соціалистична: достаточно того, что она истинна" (стр. 216—217). Авторъ пытается даже примирить это "истинное" ученіе съ популярною трудовою теоріею ціности, но признается, что эта попытка непримънима къ теоріи цънности Маркса. Изъ словъ самого г. Туганъ-Барановскаго можно видёть, что теорію австрійской школы отвергають не только марксисты, но и экономисты другихъ направленій: "одни ее объявили вздоромъ, другіе — безсо-держательнымъ труизмомъ" (стр. 216). На чемъ же основано увъреніе, что эта теорія пользуется теперь "почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ" и "объщаетъ навсегда по-кончить споры о пънности"? Между прочимъ, въ нашей литературъ существують также спеціальные ученые трактаты о теоріяхъ цінности, — обстоятельное критическое изслідованіе В. Ф. Залісскаго въ двухъ выпускахъ (Казань, 1893) и диссертація г. А. Мануилова, появившаяся два года тому назадъ; и авторы обоихъ этихъ трактатовъ одинаково ръшительно высказываются противъ австрійской доктрины. Г. Зальсскій, посль подробнаго разбора спорной теоріи и вызванной ею полемики, приходить къ заключенію, что "теорія эта вся съ начала до конца построена на невърныхъ положеніяхъ и пеправильныхъ выводахъ". Точно тавъ же г. Мануиловъ утверждаетъ, что попытва австрійской школы "должна быть признана несостоятельною". Г. Туганъ-Барановскій поддерживаеть противоположный выводъ, ссылаясь на явно невърный фактъ "почти общаго признанія", — ибо въ политической экономіи можно смёло защищать самын противоположныя и произвольныя мевнія, не рискуя быть уличеннымъ въ невъжествъ. Діалектика, вдохновляемая полемическимъ задо-

Digitized by Google

ромъ, замъняетъ здъсь научный методъ и дълаетъ излишним всявіе логическіе вритеріи истины.

Въ главъ объ "утопистахъ" — Оуэнъ, Сенъ-Симонъ и Фурье -авторъ отступаетъ отъ шаблонной оцвнии ихъ, принятой въ марксистской литературь. По справедливому замычанію его, Оуэнь "оказался, передъ судомъ исторіи, величайшимъ практикомъ; онъ явился иниціаторомъ и творцомъ самаго трезваго, самаго разсудочнаго, самаго практическаго-слишкомъ практическаго-рабочаго движенія нашихъ дней, такъ называемаго кооперативнаю движенія". А Сенъ-Симонъ и Фурье "были величайшими изслъдователями соціальныхъ явленій, какихъ мы только знасиъ" (стр. 92). "Насколько творчество выше критики-говорить авторь далье, - настолько утописты выше своихъ продолжателей, критиковъ вапиталистического строя, - Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Марксъ заставилъ на долгое время забыть своихъ боле великихъ предшественниковъ и учителей, то это лишь потому, что условія исторической жизни выдвинули въ наше время ва первый планъ классовую политическую борьбу, значенія которой не понимали утописты" (стр. 226). Итакъ, Марксъ, какъ экономистъ-теоретивъ, не можетъ быть сравниваемъ ни съ Ривардо, ни съ Фурье, ни даже съ австрійскими сочинителями теоріи предъльной полезности, Менгеромъ и Визеромъ. Въ представленіи г. Туганъ-Барановскаго Марксъ постоянно міняется: онъ то великъ и геніаленъ, то совершенно незначителенъ; онъ гораздо выше Прудона, который въ свою очередь выше его. Забавно видёть, какъ авторъ путается въ своихъ противоречивыхъ сужденіяхъ о Марксъ; онъ просто не знаеть, какъ отнестись къ нему, и на всявій случай превозносить его научныя заслуги одновременно съ отрицаніемъ этихъ заслугъ. Разбирая изв'ястную книгу Прудона "Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère" и ръзкую критику ея въ брошюръ Маркса "Misère de la philosophie", г. Туганъ-Барановскій сначала отдаеть преимущество противнику Прудона, а затемъ переходить на сторону последняго. Съ одной стороны, небольшая полемическая внига Маркса "въ нъкоторыхъ отношеніяхъ болье замъчательна, чёмъ двухтомный трудъ Прудона, такъ какъ въ ней мы находимъ первый абрисъ соціальной и экономической системы Маркса, далеко превосходящей по силв мысли и по своему научному и общественному вначенію всѣ разсужденія Прудова (стр. 235). Съ другой стороны, сочинение Прудона - "одна изъ тъхъ работъ, которыя составляють въ исторіи науки эпоху". Безъ этого труда "былъ бы невозможенъ и "Капиталъ" Маркса.

И общій планъ работы и многія частности "Экономическихъ противорвчій оказали могущественное вліяніе на автора "Капитала", отрицавшаго достоинства сочиненія, которому очь самь быль обязань очень и очень многимъ" (стр. 236). "Весьма замѣчательное ученіе" Прудона о цѣнности "оказало огромное вліяніе на выработку взглядовъ Маркса, подвергнувшаго книгу Прудона такой суровой критикъ. О справедливости этой критики можно судить по следующему примеру. Марксъ высменваеть утвержденіе Прудона, что трудь, служащій изм'єрителемъ цінности, не можеть самъ имъть цвиности. Доводы Прудона, что трудь, въ вачествъ субстанціи ценности, самъ иметь ценности не можеть, вазались Марксу пустымъ филологическимъ упраж неніемъ. Прошло двадцать леть, и Марксъ объявиль въ "Капиталъ" свое собственное мивніе, выраженное въ цитированныхъ строкажь, "грубой ошибкой вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цвиность товара — труда, чтобы потомъ этой цвиностью определять ценность других товаровь". Виесте съ темъ, Марксъ вполнъ усвоилъ осмъннеую имъ теорію Прудона и доказываеть въ "Капиталъ", вслъдъ за Прудономъ, что трудъ не можеть имъть ценности. Но лучше всего то, что даже такіе выдающіеся марксисты, вавъ Кауцвій, считають возможнымъ игнорировать во всемъ этомъ роль Прудона, безтрепетно заявляя: "Марксъ впервые доказалъ, что трудъ не есть товаръ, и потому не обладаеть нивакой ценностью, хотя трудъ есть источнивъ и мърило всякой цънности", и называють теорію Прудона "основнымъ открытіемъ Маркса" (стр. 240-241).

Въ вонцъ концовъ выходить, что Марксъ беззастънчиво заимствоваль у Прудона свои главныя идеи и недобросовъстно нападаль на него съ цёлью серыть следы своихъ заимствованій, - какъ онъ дълалъ и относительно другихъ авторовъ, которымъ быль чёмь-нибудь обязань, напр. относительно фонь-Тюнена и Родбертуса. Полемика Маркса противъ Прудона оказывается замъчательною вовсе не по силъ мысли и не по научному и общественному значенію своихъ откровеній, а только по необыкновенному цинизму своей тенденціозной лживости. Г. Туганъ-Барановскій отмічаеть совпаденіе существенных взглядовь Прудона съ позднъйшими выводами Маркса. "Задачу экономической науки Марксъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ и Прудонъ. Открытіе завона развитія современнаго хозяйственнаго строя, въ этому стремился Прудонъ въ "Экономическихъ противоръчіяхъ" и Марксъ въ "Капиталъ". Подобно Прудону, Марксъ признаеть ценность врасугольнымъ вамнемъ экономическаго зда-

нія и начинаеть свой анализь экономических категорій сь анализа пънности. Учение о пънности Прудона явственно отразвлось въ "Капиталъ"... Дъйствительно, оно завлючаеть въ себъ глубовія мысли, недостаткомъ которыхъ является то, что онъ не доведены до конца" (стр. 241). Указанію Прудона на неравенство оплаты разныхъ видовъ труда, какъ на грубое нарушеніе принципа трудовой цівности, Марксь противопоставляеть "жалкую теорію, санкціонирующую существующую эксплуатацію и замъняющую произвольной фикціей объясненіе чрезвычайно важнаго соціальнаго факта". "Мы видимъ-продолжаеть г. Туганъ-Барановскій, — что иронія Маркса не попадаетъ въ цёль, и что понимание трудовой ценности Прудономъ... оказывается болбе глубокимъ, чемъ поверхностное понимание самого Маркса"... (стр. 244). Вообще "Экономическія противорычія" Прудона "содержать въ себъ такую глубокую критику капиталистическаго строя, что большинству последующихъ вритивовъ вапиталезна оставалось только развивать или модифицировать мысли Прудона". Куда же дввалось мевніе, что идеи Маркса "далеко превосходять по силь мысли и по своему научному и общественному значенію всв разсужденія Прудона"?

Въ такомъ же родъ приходится лавировать г. Туганъ-Барановскому при разборъ отношеній "гевіальнаго и веливаго" творца "Капитала" въ Родбертусу. "Дъло въ томъ, что... Карлъ Марксъ удивительно сошелся въ существенныхъ частяхъ своей экономической теоріи съ Родбертусомъ. А такъ какъ Родбертусь высказалъ свои взгляды значительно раньше Маркса-уже въ своей первой работь, вышедшей въ 1842 году, - то Родбертусъ счель себя въ правъ обвинить Маркса въ плагіатъ. Конечно, марксисты не остались въ долгу, и уже послъ смерти обоихъ великихъ мыслителей между ихъ приверженцами загорълся жаркій споръ о пріоритеть Родбертуса и Маркса. Върный другь Маркса, Энгельсъ, сдълалъ все возможное, чтобы скомпрометировать научное значение Родбертуса и уронить его авторитеть. Ядовитая, но врайне слабая и неубъдительная критива Энгельса не могла оказать вліяніе на людей съ самостоятельной мыслью; но такъ кавъ таковыхъ врайне мало, а огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищеть вождя и руководителя, на вотораго можно было бы опереться и за воторымъ можно было бы слёпо идти, и такъ какъ, далбе, такимъ вождемъ для большинства рабочей интеллигенців Запада является въ настоящее время Марксъ, то не удивительно, что Энгельсъ внолев достигь въ средъ рабочаго класса (?) своей цъли-умаленія Род-

бертуса, какъ теоретического мыслителя. Напротивъ, безпристрастный изследователь не можеть не признать безусловно справедливымъ утвержденія Родбертуса, что послёдній даль въ третьемъ "Соціальномъ письмъ" такое же объясненіе происхожденія прибавочной ценности вапиталиста, какъ и Марксъ, только "гораздо более вороткое и ясное"... И это дело Родбертусъ исполнилъ не только раньше Маркса (что большого вначенія не имъетъ), но и лучше Маркса (что уже очень важно). Родбертусу требуется нъсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаеть на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и враткость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора "Соціальныхъ писемъ" глубже и богаче содержаніемъ всего того, что написаль по тому же вопросу Марксъ" (стр. 290—291). Впрочемъ, вавъ поясняеть авторъ, "заслуга обоихъ веливихъ экономистовъ завлючалась не въ построеніи новой теоріи нетрудового дохода, а лишь въ усовершенствованіи старой теоріи, которой они придали болье ясную и логически законченную форму". Между тъмъ, самая эта теорія въ томъ видъ, какой получила она въ трудахъ Родбертуса и Маркса, "уже несомивнио окончательно опровергнута и отвергнута наукой" (стр. 265), коти скрываеть въ себв "какую-то глубокую истину". Авторъ вдается въ лиризмъ, говоря о важности теоретическихъ построеній, глубово истинныхъ и въ то же время ошибочныхъ. По его словамъ, "Родбертусъ сдёлалъ более всякаго другого для раскрытія глубочайшаго, до сихъ поръ еще не разъясненнаго, сокровеннаго смысла трудовой теоріи цінности, которая по истинъ играетъ роль загадки сфинкса въ новъйшей политической экономіи"; "есть же въ этой теоріи какая-то таинственная сила, какое-то непонятное очарованіе, если, несмотря на очевиднъйшія, какъ дважды два, опроверженія, она продолжаетъ жить и не теряетъ своей власти надъ умами"! Сокровенный смыслъ, таинственная сила, непонятное очарованіе, -- это, конечно, фразы совершенно излишнія и неосновательныя, въ виду того общензвёстнаго факта, что трудовая теорія цённости принималась за върнъйшее научное орудіе защиты правъ труда и рабочаго власса.

Значительный отдёль вниги г. Тугань-Барановскаго посвященъ вритик ученія Маркса (стр. 293—434). Повторяя многое изъ того, что излагалось уже другими 1) и что вызывало въ

¹⁾ Напр. въ нашихъ статьяхъ, изданныхъ отдъльной книжкой въ 1898 г. ("Экономическое ученіе Карла Маркса").

свое время ръзкія нападки нашихъ "марксистовъ" (въ томъ числь самого г. Туганъ-Барановскаго), авторъ старается какъ будто удовлетворить своихъ бывшихъ единомышленнивовъ обиліемъ восторженных эпитетовь въ отзывахь о личных талантахъ и заслугахъ Маркса. По существу признается справедливымъ отрицательное отношение къ теоріямъ "учителя", но труды его навываются не иначе какъ "геніальными", иногда—"въ полномъ смыслъ геніальными", а авторъ ихъ—"великимъ". Постоянное повтореніе этихъ эпитетовъ становится просто утомительнымъ для читателя, и оно кажется лишь какимъ-то ненужнымъ остаткомъ стараго наивнаго культа. Величіе Маркса подтверждается авторомъ на важдомъ шагу, кстати и некстати. "Великій экономисть быль вивств съ темь искуснымь дипломатомъ" (стр. 303); въ концу жизни "геніальный экономисть быль въ апогет своей славы: его мысли стали символомъ вёры милліоновъ рабочихъ всего міра (sic!); его практическая программа легла въ основаніе политической борьбы пролетаріата европейскаго вонтинента. Всв его былые соперники сошли со сцены или были забыты. И онъ оставался единственнымъ общепризнавнымъ верховнымъ авторитетомъ, творцомъ и главою самаго могущественнаго соціальнаго движенія, какое только знаеть исторія" (стр. 304). Здѣсь уже забывается, что "мысли" Маркса принадлежать не ему лично, а цёлому ряду писателей и общественныхъ дёятелей— Прудону, Луи Блану, Родбертусу, Лассалю; что изъ "рабочихъ всего міра" самые передовые французы и англичане почти не знали и не знають марксизма, а имъли своихъ собственныхъ національныхъ вдохновителей и вождей; и что въ самой Германін соціально-демовратическое рабочее движеніе было организовано не Марксомъ, а Лассалемъ, и фактически направлялось тавими даровитыми самобытными правтивами, какъ Бебель. Авторъ особенно превовносить Маркса, какъ соціолога и философа-историка: его "коммунистическій манифесть" представляеть собою "первую геніальную попытку приложить матеріалистическое пониманіе исторін" въ объясненію новъйшей соціальной исторів Европы; "въ трехъ томахъ "Капитала" иден соціальнаго матеріализма является центральнымъ фокусомъ, откуда исходять цалые снопы лучей, которыми Марксъ такъ ярко и своеобразно освётиль соціальный строй нашего времени". Въ работаль Маркса "мы находимъ геніальное примъненіе теоріи матеріальстическаго пониманія исторіи въ объясненію исторических фактовъ, но сама теорія остается выраженной въ рядь отрывочныхъ афоризмовъ, безъ всякой попытки дать что-либо похожее на

строго-логическое доказательство ея (стр. 305). Геніальность оказывается, въ сущности, весьма сомнительною, ибо серьезныхъ научныхъ результатовъ она не принесла: Марксъ въ своей знаменитой философско-исторической теоріи не пошелъ дальше отрывочныхъ и одностороннихъ афоризмовъ, и "даже самое содержаніе теоріи—не говоря уже объ ея обоснованіи—остается и по настоящее время не вполнъ яснымъ и опредъленнымъ" (стр. 306).

Чисто-экономическая часть доктрины, по митнію г. Туганъ-Барановскаго, не выдерживаетъ научной критики, и однако "марксизмъ представляетъ собою геніальній шую и, безъ сомнівнія, далево вліятельнъйшую изъ попытовъ соціальнаго изученія ховяйства" (стр. 379). Марксъ ошибочно смѣшалъ два различныя понятія цвиность и стоимость; неудачная терминологія "есть только последствіе непониманія (!) авторомъ "Капитала" глубоваго принципіальнаго различія двухъ основных экономических категорій-цінности и стоимости. Этимъ объясняются безчисленныя и всёмъ извъстныя противоръчія абстравтной теоріи "Капитала" (стр. 380). Не помогло делу и "геніальное ученіе о товарь-фетишь", построенное на вартинной игръ словъ. Знаменитая теорія прибавочной цънности, заимствованная Марксомъ изъ малоизвъстнаго сочиненія Вильяма Томпсона, покоится на "совершенно несостоятельной основъ". "Вся утомительная схоластика трехъ толстыхъ томовъ "Капитала", имъющая цълью привести теорію прибавочной цънности хотя бы въ отдаленное соотвътствіе съ реальными фактами вапиталистического хозяйства, не въ чему не нужна и должна быть выброшена наукой за бортъ, ибо сама теорія, въ самомъ своемъ основанін, не върна (стр. 388). Г. Туганъ-Барановскій сміло отвергаеть "измышленія Маркса", говорить объ его "безнадежныхъ попыткахъ" спасти свою теорію, о "нелъпости" его утвержденій и выводовъ. "Экономическія построенія "Капитала" относятся въ какому-то фантастическому міру, не ни вющему ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Категорически ваявляя, что цёны не тяготёють въ трудовымъ затратамъ, Марксъ съ неутомимымъ усердіемъ нанизываеть одну формулу на другую, вводить новыя и новыя усложненія въ свою систему, строить одну запутанную теорему на другой, дёлаеть все болёе темною свою хитроумную и врайне искусственную теоретическую вонструвцію, въ основъ которой лежить ватегорическое допущеніе, что цвны тяготвють къ трудовымъ затратамъ. Весь второй томъ "Капитала" (кромъ III отдъла) представляеть собою удивительнъйшій образчикъ экономической схоластики, въ которой чисто

словесныя построенія разростаются до чудовищныхъ размѣровъ; понятіе трудовой цѣнности переворачивается Марксомъ на всѣ лады, изъ него извлекаются самые замысловатые выводы, а изслѣдованіе объективныхъ фактовъ не подвигается ни на шагъ. Мысль вращается все время въ кругу понятій, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. И вся эта схоластика... покоится на тезисѣ, который опровергается самимъ авторомъ!" (стр. 394). Послѣ такой характеристики авторъ внезапно прерываетъ себя замѣчаніемъ: "Марксъ, конечно, геніаленъ, и многія его мысли войдутъ навсегда въ сокровищницу человѣческаго знанія; но, достигая предѣловъ глубины пониманія, онъ достигалъ и предѣловъ логической безвкусицы, отъ которой такъ пострадало его великое твореніе".

Недостатовъ ясной и опредъленной мысли приводитъ автора въ безсодержательной фразеологіи, въ которой восхваленіе марксизма чередуется съ его осуждениемъ. "Величественное теоретическое зданіе, воздвигнутое авторомъ "Капитала", — говорится въ вонцъ вниги, -- даетъ одну трещину за другою, обваливается, и если пока держится, то лишь потому, что еще не созръла новая соціальная система, долженствующая замёнить ветшающій марвсизмъ. Но уже ясно общее направление соціальной мысли ближайшаго будущаго. Гармоничное соединеніе, въ одной стройной концепціи, соціальной практики съ соціальной теоріей, практическаго идеализма съ теоретическимъ идеализмомъ — вотъ великая задача, которая поставлена временемъ. По своимъ философскимъ предпосылкамъ новая доктрина должна явиться прямой противоположностью соціальному матеріализму. Но старое всегда воскресаеть въ преобразованномъ видъ въ новомъ. И марксизиъ, если сойдеть со сцены, то лишь для того, чтобы войти въ составъ новыхъ ученій, которыя воспользуются неумирающими элементами марксизма, чтобы сдёлать еще одинъ шагъ впередъ на пути въ ръшенію веливихъ соціальныхъ проблемъ нашего времени, не решенныхъ закончившимся XIX векомъ и оставленныхъ имъ въ наследіе начинающемуся столетію". Речь идеть здёсь о перестройве или обновленіи "теоретическаго зданія",следовательно, о вопросахъ и задачахъ чисто-научнаго свойства; а между тъмъ предлагается какое-то соединение соціальной практиви съ соціальною теоріею для подготовки будущаго рашевія великихъ соціальныхъ проблемъ, глубово практическихъ, а вовсе пе научныхъ. Чтобы теорія подвигалась впередъ правтивою и стремилась въ гармоническому съ нею единенію, — это довольно трудно себъ представить; по здравому смыслу должно быть ваоборотъ: теорія стоитъ внѣ и выше практики, даетъ ей руководящія начала, но никакъ не сливается и не можетъ сливаться съ нею.

Политическая экономія не будеть подвигаться впередъ и не. сдълается настоящей наукою, пока не перестанетъ вдохновляться перемънчивыми интересами и идеями промышленной практики и пока не усвоить болве точныхъ и обдуманныхъ пріемовъ разсужденія и довазательства. Наука немыслима безъ какого-нибудь научнаго метода, а экономисты-теоретики, за ръдкими исключеніями, не считають для себя обязательнымь даже соблюденіе элементарныхъ правилъ научной логики. Политическая экономія не вышла еще изъ той стадіи развитін, когда задачей науки признается, съ одной стороны, установка словесныхъ опредёленій, а съ другой—нагроможденіе фактовъ, въ видъ безконечно-возростающей груды сырого матеріала. Определенія разныхъ промышленныхъ понятій — цінности, капитала, прибыли, ренты, производства и потребленія товаровъ-до сихъ поръ еще занимають экономистовъ, какъ нѣчто серьезное и нужное, — хотя давно уже можно было убъдиться въ безплодности этой схоластики, вращающейся около пустыхъ споровъ о словахъ. Г. Туганъ-Барановскій вірить еще въ важное значеніе опреділеній. "Къ сожальнію, - замьчаеть онь въ одномъ мьсть, - несмотря на многолътнее существование особой науки о народномъ хозяйствъ, самое понятіе хозяйства до настоящаго времени все еще не можеть считаться точно установленнымь. Экономическая наука точно такъ же не обладаетъ всёми признаваемымъ опредёленіемъ хозяйства, какъ наука о правъ-опредълениемъ права (стр. 319). Но никакія опредъленія не могуть быть "всеми признаваемы", и ничёмъ нельзя ограничить количество возможныхъ комбинацій словъ и понятій относительно того или другого предмета. Каждый ученый теоретивъ будетъ неизбъжно предлагать и отстаивать свои собственныя словесныя формулы и дефиниціи, и такъ будеть продолжаться безъ вонца, если экономисты не отважутся отъ безнадежной возни съ понятіями и словами, заміняющей для нихъ объективный анализъ реальныхъ явленій. Вивсто того, чтобы пережевывать разныя опредъленія цінности и отыскивать глубовій смысль въ "товарь-фетишь", теоретиви политической экономіи должны были бы заняться изученіемъ действительныхъ элементовъ и общихъ условій матеріальнаго благосостоянія народовъ, начиная съ фундамента экономического быта-основъ поземельнаго строя и поземельных отношеній. Г. Тугант-Барановскій не принадлежить въ тому типу изслідователей, оть вотораго можно ожидать обновленія установившейся мнимо-научной рутины; онъ весь пронивнуть иллюзією важности и даже веичія экономической науки въ современномъ ея промышленномъ видів, съ ея обветшалымъ, много разъ опровергнутымъ и, однако, моднымъ, "неумирающимъ" марксизмомъ...

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДУБЪ.

Все в в тъ раннею весною: Зеленый, бархатный лужовъ, Холмы, поросшіе сосною; Бурливый, быстрый ручеекъ, Что роетъ мутною волною И сносить съ берега песовъ;

Смолистый, свёжій запахь ели, Черемухь нёжный аромать... И стадь мычанье, звукь свирёли, Далекій громовой раскать И птичекь радостныя трели Весной-волшебницей звучать.

Одинъ лишь только дубъ столётній Отъ сна проснуться не спёшить; На немъ одномъ одежды лётней Покровъ веленый не шумитъ, Хотя все мягче и привётнёй Весна въ лицо ему глядитъ. Одинъ — угрюмый, обнаженный, Обезоруженный старикъ, Какъ гордый витязь побъжденный, Челомъ задумчивымъ поникъ. Что — міръ для старца возрожденный, И что — весны побъдный кликъ?

На немъ зеленые листочки
Не могутъ жизни проявить,
У нихъ нётъ силъ сквозь стёнки почки
Желанный путь себё пробить,
Тепла имъ нужно и помочки,
Чтобъ снова дубъ заставить жить.

Онъ вътви къ небу простираеть!

Пусть громъ гремитъ и льютъ дожди,

Пусть лучъ весенній пробуждаеть

Въ немъ силы, спящія въ груди...

И дубъ съ мольбою восклицаеть:

—Весна моя, весна, приди!

II.

сонъ и пробуждение.

Въ іюльскій жаръ, подъ солнцемъ знойнымъ, Какимъ-то сказочно-спокойнымъ Природа засыпаетъ сномъ: Нигдъ ни звука, И тишь, и скука Царятъ кругомъ.

Угрюмо дремлють лёсь и горы, Притихли птичекь пёвчихь хоры, Оть ульевь пчелы не летять, И даже волны, Покоя полны, Какъ будто спять.

Повоясь въ зелени лѣниво, Открыли чашечки стыдливо Лучу горячему цвѣты И въ волнахъ свѣта На зовъ привѣта Ихъ ждутъ мечты.

Надъ нивой ярко-золотистой, Поврытой рожью колосистой, Летаетъ тоже ангелъ сна; Ему внимаетъ И засыпаетъ, Какъ всъ, она.

Въ покосъ лишенные одежды, Одни лучи лишь безъ надежды На жаркій лучь бросають взглядь И молять слёзно Погоды грозной И ливней рядъ.

Они теперь не манять взора, Лишившись пестраго убора Подъ острымъ лезвіемъ косы; Имъ грустно, больно И жаль невольно Былой красы.

Но вотъ, — сводъ неба закрывая, Нависла туча громовая, Промчался вътеръ, грянулъ громъ Все встрепенулось И въ мигъ проснулось Отъ сна кругомъ.

Какъ живописны и красивы Грозой охваченныя нивы, Гдв хльба волосъ золотой, Какъ будто море Въ своемъ просторъ, Кипитъ волной.

Минутв радуясь свободы, Изъ береговъ выходятъ воды, . Деревья дрогнули, шумятъ И долу гнутся; Съ нихъ листья рвутся И въ даль летятъ.

Какъ хорошо и какъ прохладно...
Прохладу эту ловитъ жадно
Жарой измученная грудь!
Ты жаждешь рѣчи
И ищешь встрѣчи,
Хоть съ кѣмъ-нибудь,—

Чтобъ въ той картинѣ пробужденья Искать двойного наслажденья,
Чтобъ мощь ея и красоту
Понять сердечно
И помнить вѣчно
Картину ту!

Владиміръ Марковъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

H A

1903-ий голъ.

Если допустить, что сумма нашихъ государственныхъ доходовъ находится въ соответстви съ народнымъ благосостояниемъ, не превышая извъстный проценть чистаго дохода населенія,--напр., не болье 100/о, — то въ такомъ случав можно было бы признать, что русскій народъ относительно богать, такъ какъ чистый его доходъ пришлось бы считать въ 18.000.000.000 руб. въ годъ, что составляетъ, въ среднемъ, 700 руб. на каждое семейство въ пять человъкъ. Но такое предположеніе, будучи построено на голыхъ принципахъ финансовой науки, утверждающей, что налоги должны падать на чистый доходъ и не превышать указанной нормы, какъ максимальной, — можно встрётить пока только въ учебникахъ, въ действительности же оно далеко еще не прилагается къ жизни; по той же причинъ и сдъланное выше предположение о богатствъ русскаго народа представляется, съ нашей стороны, крайне рискованнымъ. По свёдёніямъ 1), собраннымъ главнымъ образомъ въ 80-хъ годахъ предшествующаго столътія, годовой валовой доходъ главной массы плательщиковъ-крестьянъ обрисовывается въ следующемъ виде, если принять во внимание какъ земледеліе, такъ и промысловые доходы (кустарное производство и фабрично-заводскіе и др. заработки):

^{1) &}quot;Крестьянскіе бюджеты" Ф. А. Щербини; статья напечатана въ оффиціальномъ изданіи министерства финансовъ: "Вліяніе урожаєвь и хлібныхъ цінъ", т. ІІ. (Изданіе 1897 года).

На 1 душу населенія обоего пола приходится, въ руб. и коп., въ среднемъ по Россін:

Bcero.					•	55	77	63	77
Отъ разныхъ статей		•	•		•	7	"	26	*
Промыслы								47	•••
Скотоводство			•		•	9	n	99	77
Огородничество, садоводство и проч.				•	•	2	77	63	77
Отъ соломы, мякины и сѣна	•	•				8	19	16	77
Отъ зерна съ арендуемыхъ земель.		•		•	•	1	17	92	15
Отъ зерна съ своихъ земель.			•	•		16	p.	20	K.
		٠.	• •						

На семейство въ 5 душъ валовой доходъ опредъляется, по этимъ вычисленіямъ, всего въ суммъ 278 р. 15 коп. Этотъ валовой доходъ очень невеликъ, онъ даетъ возможность тратить въ теченіе круглаго года не болъ 75 коп. въ день на всю продовольственныя и хозяйственныя нужды семьи; но крестьяне такъ мало расходують на прокормленіе и одежду, на содержаніе усадьбы, скота, инвентаря и проч., что у нихъ какъ-то еще хватаетъ силы и умѣнья выжимать изъ этого ничтожнаго валового дохода—чистый доходъ, необходимый для уплаты разнообразныхъ мірскихъ, земскихъ и государственныхъ повинностей; вотъ приблизительный счеть ихъ расходовъ:

На одну душу приходится, въ рубляхъ и копъйкахъ,

въ среднемъ	по	Pocc	1 H:
На зерно		18	р. 10 к.
На кормъ скота		8	, 47 n
На овощи и фрукты .		1	"30 "
На животную пищу		3	"90 "
На аренду земли		1	" O2 "
На остальные расходы.		20	" 10 "
Итого валовой расходъ		52	, 89 ,

Вычитая изъ валового дохода валовой расходъ, выходитъ, что на одного человъка остается чистаю дохода около трехъ рублей въ годъ или около 15 рублей на семью; они всѣ сполна, конечно, и идутъ на уплату повинностей и налоговъ. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ данныхъ видно, что у крестьянъ, т.-е. у большинства населенія, принимая въ разсчетъ среднія цифры, чистый доходъ, подлежащій обложенію, можетъ образоваться только посредствомъ сокращенія потребленія до тіпітита, доходящаго иногда до такъ называемаго "недоъданія", и уменьшенія до пес plus ultra всяческихъ домашнихъ и хозяйственныхъ расходовъ; и что, затъмъ, этотъ чистый доходъ облагается уже такимъ образомъ, что ничего не можетъ оставаться въ рукахъ населенія про черный день; поэтому, когда случается недо-

родъ, крестьянское козяйство приходить въ полное разстройство, и крестьяне, несмотря иногда на распродажу по дешевой цѣнѣ инвентаря, лошадей и коровъ 1), оказываются не въ силахъ прокормить себя, и правительство вынуждено заботиться объ ихъ продовольствіи. Превращеніе недорода въ голодъ не заставляетъ себя долго ждать.

Нельзя не упомянуть еще о другихъ попыткахъ въ исчисленію валового дохода Россіи-отъ земледълія и промышленности. По разсчетамъ, сделаннымъ въ департаменте мануфактуръ и торговли, оказалось, что "все годичное производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи по ценности не превышаеть полутора милліардовъ". тогда какъ "ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходить два милліарда". По свёдівніямь же министерства земледёлія и государственных имуществь исчислено, что ценность годового производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ надо считать не въ $1^{1}/2$, а въ 4 милліарда рублей. а ценность продуктовъ промышленности значительно менее 2 милліардовъ рублей, въ виду того, что въ департаментъ мануфактуръ и торговли, при исчисленіи послёдней суммы, въ цённость фабрикатовъ включили неправильно ценность и сырыхъ матеріаловъ. Изъ этого видно, что по оффиціальной статистиків ність никакой возможности составить хотя бы приблизительное представление о народныхъ доходахъ. Въ этомъ отношении земская статистика, на основании которой исчисленъ приведенный выше "престынскій бюджеть", заслуживаеть особеннаго вниманія; иначе, впрочемъ, и не можетъ быть: въ депар-🤁 таментахъ матеріалами для статистики служать исключительно рапорты служащихъ и отчеты волостныхъ писарей, а земская статистива собирается свъдущими лицами, на мъстахъ, подъ руководствомъ земскихъ управъ и такихъ выдающихся деятелей, какъ г. Щербина. Какъ ни скроменъ, по исчисленіямъ г. Щербины, валовой доходъ на душу крестьянского населенія (55 руб. 63 коп.), онъ все-таки значительно менње пессимистичень, чемъ приведенныя выше оффиціальныя данныя. И въ самомъ дёлё, если взять цённость годового производства по сведеніямъ министерства финансовъ (31/2 милліарда рублей), то, принимая населеніе имперіи въ 130 милліоновъ, окажется, что валовой доходъ на душу составлялъ всего 27 руб. въ годъ, а по свъденіямъ министерства государственныхъ имуществъ $(5^{1}/2)$ милліардовъ руб.)—42 р. на душу, по разсчету на вс $\dot{b}$ сословія.

¹⁾ Распродажа врестьянскаго скота и инвентаря особенно усиленно идеть, въ данную минуту, для добычи денегь на прокормъ и уплату повинностей, въ псковской и тгерской губерніяхъ, всивдствіе недорода живбовъ; о посивдней подробно сообщается въ "Сиб. Вёдом." отъ 8-го января настоящаго года.

Не в розтне ли допустить, что у врестьянъ на душу валового дохода приходится 56 р., а у другихъ сословій—значительно больше?

Въ дополнение къ сказанному, слёдуетъ присовокупить, что въ настоящее время, судя по фактамъ, сдёлавшимся достояниемъ печати, положение крестьянскаго хозяйства находится въ гораздо худшемъ положении, чёмъ въ 80-хъ годахъ XIX вёка, къ которымъ относятся изслёдования "крестьянскихъ бюджетовъ" і); а налоги и повинности, между тёмъ, значительно повысились, какъ видно изъ роста государственнаго бюджета; въ 80-хъ годахъ послёдний, въ среднемъ, не превышалъ 800 милліоновъ руб. по обыкновеннымъ доходамъ, а затёмъ быстро началъ возростать и, наконецъ, въ настоящемъ году достигъ 1.880 милл. руб. Сколько изъ этой суммы приходится на долю крестьянъ, составляющихъ болёе 4/5 всего населенія имперіи, трудно подсчитать, но едва ли менёе пяти рублей на наличную душу, или около 25 руб. на семью изъ 5 человёкъ, если принять въ разсчетъ, кромѣ прамыхъ налоговъ и платежей, всё косвенные налоги и таможенные сборы, перелагаемые на потребителей.

Наконецъ, если предположить, что приведенныя выше свъдына гръшать неполнотою и неточностью, въ чемъ мы и не сомивваемся, все-таки нельзя отрицать, что они заслуживають не менье довърю, чъмъ, напр., оффиціальныя данныя объ урожаяхъ, которыя, несмотря на это, принимаются въ разсчетъ при обсужденіи разныхъ государственныхъ вопросовъ. Во всякомъ случать, оставаясь въ предтахъ фактическаго матеріала, едва ли можно замътно измънить нарисованную картину; и поэтому, говоря о государственной росписи, надочить въ виду, что она ни въ какомъ случать не можетъ служить мъриломъ народнаго благосостоянія. Наше финансовое положеніе опредъляется просто безнедоимочнымъ поступленіемъ въ казну назначенныхъ доходовъ, и если съ увеличеніемъ налоговъ населеніе ущачиваетъ ихъ исправно, то, обыкновенно, мы умозаключаемъ, что будто и народное благосостояніе возростаетъ въ той же мъръ.

По росписи на 1903 годъ обывновенные доходы предположены въ

¹⁾ Напр., въ расходномъ "крестьянскомъ бюджетъ" принято въ разсчеть потреблене клѣба на душу населенія въ размѣрѣ 19 пуд. зерна; въ послѣднее же врема эта норма считается не болѣе какъ въ 12 пуд.; сокращеніе потребленія клѣба прямо указываеть на отсутствіе у населенія другихъ средствъ къ поддержанію нашего финансоваго благосостолнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне уже нѣсколько лѣтъ не клебаютъ щей, а, напр., въ псковской губерніи, какъ сообщаетъ корреспонденть "Нов. Времени" (№ 9562), крестьяне, вмѣсто щей, начали употреблять простую воду, подслащенную сахариномъ.

суммъ 1.897 милл. руб., а обыкновенные расходы—въ 1.880 милл. р.; первые, сравнительно съ 1902 г., увеличены на 97 милл. руб., а вторые—на 104 милл. рублей.

Увеличеніе доходовъ предполагается по слѣдующимъ статьямъ: 1) по прямымъ налогамъ—2 милл. руб.; 2) по косвеннымъ, не считая доходовъ отъ казеннаго вина (акцизъ и торговая прибыль), —19 милл. руб.; 3) отъ пошлинъ—6 милл. руб.; 4) отъ правительственныхъ регалій, въ томъ числѣ доходы отъ казеннаго вина (акцизъ и торговая прибыль),—41 милл. руб.; 5) отъ казеннаго имущества и каниталовъ—15 милл. руб.; 6) отъ выкупныхъ платежей—3 милл. руб.; и 7) отъ возмѣщенія расходовъ казны—12 милл. руб.

Расходы же увеличились главнымъ образомъ вследствіе добавочныхъ ассигнованій: по военному министерству-7 милл. руб. на перевооружение (назначено всего около 24,5 милл. руб.); по морскому министерству на постройку и ремонть судовъ-17 милл. руб. (всего около 42,5 милл. руб.); по министерству финансово на 34 милл. руб., въ томъ числъ: а) на мъстную администрацію 3 милл. руб. (всего 55,5 милл. руб.); б) на выдачу пенсій и пособій—1 милл. руб. (всего 43,5 милл. руб.); в) на выдачу пособій разнымъ в'ядомствамъ, обществамъ и учрежденіямъ—1 милл. руб. (всего 13 милл. руб.); г) на пособіе дворянскимъ обществамъ по устройству и содержанію пансіоновъ, пріютовъ для сыновей потомственныхъ дворянъ и дворянскимъ кассамъ взаимопомощи-2 милл. руб. (всего 3 милл. руб.); д) на разныя вознагражденія за отошедшіе въ казну доходы и проч.—2 милл. руб. (всего 6,5 милл. руб.); е) на расходы по казенной продажь питей н по распространенію казенной продажи питей-12 милл. руб. (всего 73 милл. руб.) и ж) на пособіе обществамъ желізныхъ дорогь по гарантін чистаго дохода—10 милл. руб. (всего 16 милл. руб., витьсто ассигнованныхъ въ прошломъ году 6 милл. руб.); по министерству внутренних доло: на 6 милл. руб., на увеличение мъстных расходовъ по администраціи; по министерству народнаго просвъщенія—на 2,5 милл. руб., въ томъ числъ на университеты 160 тысячъ руб. (всего 4,5 милл. руб.); на гимназіи, прогимназіи, реальныя и промышленныя училища и др. среднія учебныя заведенія—421 тыс. руб. (всего 10,8 милл. руб.); на городскія, приходскія, начальныя и народныя училища-1.596 тыс. руб. (всего 10,5 милл. руб.); на учительскіе институты, семинаріи и школы — 137 тыс. руб. (всего 1,5 милл. руб.); на особыя учебныя заведенія—107 тыс. руб. (всего 2 милл. руб.); на ученыя учрежденія 24 тыс. руб. (всего 1,4 милл. руб.); на пособія по ученой и учебной частямь, приготовленіе профессоровь и учителей минусъ 84 тыс. руб. (расходъ на 1903 г. назначенъ въ сумив 1.527.486 руб., вмёсто 1.612.903 р., которые были ассигнованы на 1902 годъ) и т. д.; по министерству путей сообщенія—на 23 милл. руб., въ томъ числѣ на водяныя сообщенія—1 милл. руб. (всего 13 милл. руб.); на торговые порта—1 милл. руб. (всего 7 милл. руб.) и на расходы во эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—22,5 милл. руб. (всего 319 милл. руб.); по министерству постиціи—на 2 милл. руб., въ томъ числѣ на усиленіе средствъ по содержанію судебныхъ учрежденій на 700 тыс. руб. (всего 24 милл. руб.) и на тюремную и арестантскую части—1 милл. руб. (всего 15,8 милл. руб.); и по государственному контролю на 750 тыс. руб. (всего 8,3 милл. руб.).

По отношенію же сміты обыкновенных доходовь надо нивть вь виду, что увеличение ихъ на 97 милл. руб. находится въ зависимости отчасти не отъ предполагаемаго роста доходовъ, а отъ включенія въ смъту нъкоторыхъ оборотныхъ суммъ. Такъ, напр., повышение дохода отъ правительственныхъ регалій показано въ 41 милл. руб.; въ ихъ счеть входить увеличение дохода отъ казенной продажи питей на 39 милл. руб.; но если принять во вниманіе, что въ 1902 г. общая сумма валового дохода отъ казенныхъ питей равнялась 462 милл. р. при валовомъ расходъ на текущія и подготовительныя затраты-въ 169 милл. руб., и, следовательно, чистый доходъ =293 милл. руб.; а въ 1903 г. валовой доходъ предполагается = 500 милл. руб. при рас-• ходъ-173 милл. руб., т.-е. чистый доходъ = 327 милл. руб.;--въ такомъ случав повышеніе дохода отъ казенныхъ питей слёдуеть считать не въ 39 милл. руб., а только въ 34 милл. руб.; вообще же увеличеніе дохода отъ регалій составить всего 36 милл. руб. Еще боліс серьезное замъчание приходится сдълать по рубрикъ "казенное имущество и капиталы". Въ 1902 г. по росписи, въ названной рубрикъ, доходъ отъ казенныхъ дорогъ исчисленъ въ 396 милл. руб., а расходъ на казенныя железныя дороги, по смете министерства путей сообщенія, показань въ следующихъ суммахъ: 1) по эксплуатацін-297,5 милл. руб.; 2) по усиленію и улучшенію желізныхъ дорогь-61 милл. руб.; и 3) по пріобретенію подвижного состава и железнодорожныхъ принадлежностей — 38 милл. руб.; вычитая изъ доходовъ расходы, оважется, что нивакого дохода отъ желёзныхъ дорогь въ 1902 г. не ожидалось, а былъ предвиденъ дефицить въ размере 1,5 милл. р. По смътъ на 1903 доходъ исчисленъ въ суммъ 412,5 милл. руб., а расходъ-въ 419 милл. руб.; ожидается дефицить въ 6,5 милл. руб. Между тъмъ, по рубривъ "казенное имущество и капиталы" оказывается приращение дохода на 15 милл., исключительно въ зависимости отъ увеличенія дохода отъ жельзныхъ казенныхъ дорогь; это просто бухгалтерскій счеть, не имбющій бюджетнаго значенія.

Переходимъ къ чрезвычайному бюджету. Онъ превышаеть по расходу бюджеть прошлаго года на 21 милл. руб. Расходы, какъ и въ 1902 г., предполагается покрыть за счеть вкладовъ въ государственный банкъ на въчное время (2,5 милл. руб.) и остатковъ свободной наличности (172 милл. руб.).

Изъ общаго итога чрезвычайныхъ расходовъ (191 милл. руб.) суммы желъзно-дорожныхъ расходовъ составляютъ слишкомъ 94°/о (181 милл. руб.).

По существу, обывновенные и чрезвычайные бюджеты составляють одно неразрывное цёлое, въ особенности когда расходы по чрезвычайному бюджету покрываются частью остатками оть обыкновенныхъ доходовъ за прошлые года (свободная наличность). Въ виду этого, мы соединимъ оба бюджета въ одинъ, при чемъ доходъ отъ казенныхъ питей мы покажемъ за вычетомъ изъ него расходовъ, а желёзнодорожный расходъ, по обыкновенному и чрезвычайному бюджетамъ, соединимъ въ одну общую сумму, вычтя изъ расходовъ доходы, и такимъ образомъ выяснимъ, какія средства предполагается затратить изъ государственныхъ средствъ въ 1903 году на желёзно-дорожное дёло.

доходы:

7 0 11 0 7 11	
	въ рубляхъ:
Прямые налоги	132.051.949
Пошлины	98.169.223
Сборъ съ питей не-казенныхъ . 29.549.000 \	010 010 100
Сборъ съ питей казенныхъ 326.810.402 ј	356.359.402
Прочіе косвенные налоги	376.445.300
Правительственныя регаліи	62.506.800
Казенное имущество и калитали	109.548.372
Отчужденіе государственных имуществъ	531.958
Выкупные платежи	89.162.600
Возмѣщеніе государственныхъ расходовъ	67.976.012
Случайные доходы	6.346.457
Вклады въ государственный банкъ-вічные	2.500.000
Итого государственных доходовъ	1.301.598.068
ходовъ предположено ассигновать изъ такъ назы-	
ваемой свободной наличности	172.134.794
Bcero	1.473.782.862
PACXOI III:	
	въ рубляхъ:
Платежи по займамъ	290.966.836
Выстія государственныя учрежденія	3.210.449
Въдомство святвишаго синода	28.388 049
Министерство императорскаго двора	15.808,652

Министерство иностранных дель	5.742.048
Военное министерство	329.923.806
Морское министерство	115.631.241
Министерство финансовъ	180.248.183 ¹)
Министерство землед. и государственныхъ имуществъ.	49.085.335
Министерство внутреннихъ дёлъ	99.717.098
Министерство путей сообщения	39.342.505
Министерство народнаго просвъщения	39.214,985
Министерство юстиціи	49.384.341
Главное управл. госуд. коннозаводства	2.070.294
Государственный контроль	8.382.592
Вознаграждение за отмену права пропинации	10.000.000
На непредвиденные расходы	15.000.000
Расходы по содержанію и устройству казенныхъ же-	
лёзныхъ дорогъ и выдачё пособій и гарантій част-	
нымь железнымь дорогамь, за вычетомь всехь до-	
ходовъ отъ желъзно-дорожныхъ предпріятій	191.616.948
Bcero	1.473.732.862

Общая сумма желѣзно-дорожнаго расхода, исчисленная нами въ 191.616.948 руб., на самомъ дѣлѣ значительно крупнѣе; надо принять въ разсчеть, что болѣе $40^{\circ}/_{\circ}$ платежей по государственнымъ займамъ обусловлены желѣзно-дорожными расходами; съ присоединеніемъ къ текущему расходу соотвѣтственной части платежей по займамъ (116 милл. руб.), желѣзно-дорожный расходъ по росписи на 1903 годъ опредѣлится въ суммѣ 307 милл. руб., или болѣе $20^{\circ}/_{\circ}$ всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Приведенная таблица государственныхъ доходовъ и расходовъ значительно отличается отъ цифръ обнародованной росписи, вслъдствіе объясненныхъ выше изміненій; она проще и боліве уясняеть финансовые итоги.

Въ росписи государственные доходы и расходы балансируются суммой въ 2.071.667.472 руб., по нашей же таблицъ—суммой въ 1.473.732.862 руб.; разница составляетъ 597.934.610 руб.; она образовалась, съ одной стороны, отъ уменьшенія по смютю доходою прибыли отъ казенныхъ питей на 172,9 милл. руб., составляющихъ расходъ по казеннымъ питіямъ, и отъ выключенія изъ той же смѣты сполна дохода отъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ суммѣ 412,9 милл. руб., какъ не покрывающаго собой расхода по ихъ эксплуатаціи (дефицить 6,5 милл. руб.), а также прибыли отъ участія

¹⁾ Изъ сметы расходовъ министерствомъ финансовъ исключенъ также расходъ по гарантіи чистаго дохода частныхъ железныхъ дорогь (16 милл. р.); онъ включенъ въ общую сумму железно-дорожныхъ расходовъ (191 милл. р.).

казны въ доходахъ частныхъ желёзныхъ дорогь—1.119.400 руб. и дохода отъ обязательныхъ платежей желёзныхъ дорогь на 11,1 милл. рублей, въ виду соотвётственнаго уменьшенія желёзно-дорожнаго расхода по смётё расходовъ; съ другой стороны,—отъ выключенія изъ расходоюй смюты—172,9 милл. руб. по казеннымъ питіямъ и изъ желёзно-дорожныхъ расходовъ 425,1 милл. руб. (412,9 + 1,1 + 11,1). Такимъ образомъ, всё оборотныя суммы выключены изъ таблицы и по всёмъ статьямъ смёты показаны доходы и расходы въ ихъ чистомъ видѣ, какъ окончательныя величины, имѣющія значеніе бюджетныхъ факторовъ.

Изъ таблицы видно, что на покрыте всъхъ государственныхъ расходовъ не хватаеть всъхъ обывновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ; получается дефицитъ въ суммъ 172.134.794 руб., которые и предполагается покрыть изъ суммъ свободной наличности.

Но эта сумма не можеть быть названа сполна "свободной наличностью", въ смыслё "остатковъ отъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обывновенными расходами". Не углубляясь въ разсчеты за прежніе года, мы знаемъ, что, по исчисленію государственнаго контроля, на 1 января 1902 г. свободная наличность числилась въ суммъ 268,4 милл. руб. (стр. 76 Объяснит. записки къ Огчету за 1901 г.) и что въ нее зачислено 127,2 милл. руб., поступившихъ въ 1901 г. изъ выручки отъ реализаціи $4^{0}/_{0}$ консолидированной ренты, по займу въ Парижъ. За исключениемъ этой послъдней суммы, собственно свободная наличность на 1 января 1902 г. не превышала 141,2 милл. руб. Затемъ въ теченіе 1902 г., по словамъ всеподданнъйшаго доклада г. министра финансовъ: 1) обыкновенные доходы за этотъ годъ превысили обывновенные расходы (за 11 мъсяцевъ) на 85 милл. руб.; 2) поступило неожиданно въ декабрв, въ счетъ долга, отъ болгарскаго княжества-4,1 милл. руб.; и 3) взыскано за обмънъ облигацій по железно-дорожнымъ займамъ--1,2 милл. руб.; затемъ, съ другой стороны: 1) въ 1902 г. истрачено 144 милл. руб. изъ свободной наличности на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ по росписи за этоть годъ; 2) точно также ассигновано на другіе разные расходы, непредвиденные сметами-36,8 милл. руб.; въ виду этого названная выше сумма свободной наличности-141,2 милл. руб. должна быть увеличена на 90,3 милл. руб. и уменьшена на 180,8 милл. руб.; такъ что къ 1 января 1903 г. свободная наличность представляеть собою сумму = 50,7 милл. рублей.

За отчисленіемъ этой наличности сполна на покрытіе дефицита, послѣдній выразится въ суммѣ 121,4 милл. руб. (172,1-50,7).

Поврыть дефицить предполагается изъ парижскаго займа, реализованнаго въ 1901 и 1902 гг. на сумму 148,5 милл. рублей. Если исключить въ приведенной таблицъ изъ рубрики доходовъ свободную наличность, то обыкновенные доходы, съ причисленіемъ къ нимъ 2,5 милл. руб. въчныхъ вкладовъ въ государственный банкъ, опредъляются суммой въ 1.302 милл. руб. Главный государственный доходъ составляють сборы съ питей и другіе косвенные налоги, достигающіе совмъстно 732 милл. руб. (56°/0 всъхъ доходовъ).

Изъ косвенныхъ налоговъ особенно тяжело ложится на народное хозяйство сборъ съ казенныхъ питей, темъ более, что потребители вина уплачивають не только акцизь и торговые расходы и прибыль, но также и стоимость производства вина. Въ таблицъ сборъ съ казенныхъ питей показанъ въ суммъ 327 милл. руб., а на самомъ дълъ народъ тратитъ на вино, считая годовое потребление въ 75 милл. ведеръ 400 вина (= 30 милл. безводнаго спирта) и цену въ 8 руб. за ведро, -- около 600 милл. руб. Несмотря на это, мы полагаемъ, что удешевленіе вина, въ форм'ь пониженія акциза, едва ли было бы разумно. Водка безусловно-ядъ. Извъстный физіологь Ландуа, между прочимъ, говоритъ: алькоголь-это "злой демонъ, который, въ союзъ съ сифилисомъ, стеръ съ лица земли пълыя націи" 1). Удешевляя вино, не будемъ ли мы косвенно покровительствовать распространенію яда? Не лучше ли принять непосредственныя мізры къ сокращенію потребленія вина? Объ этомъ, впрочемъ, мы уже имъли случай высказать свое мижніе.

Изъ остальныхъ косвенныхъ налоговъ заслуживаютъ особаго вниманія: сахарный—78,4 милл. руб.; нефтяной—29 милл. руб. и спичечный—7,9 милл. руб.; всѣ они падаютъ на предметы первой необходимости. Облагая вино крупнымъ налогомъ и устроивая, въ противовъсъ неумъренному его потребленію, общества трезвости и казенныя чайныя заведенія, надо, понятно, всѣми силами способствовать распространенію въ народѣ чаепитія, которое немыслимо безъ дешеваго сахара. Кромѣ того, извѣстно, что сахаръ, въ видѣ разныхъ сидостей, является полезнымъ продуктомъ для питанія, въ особенности для подростающихъ покольній, въ ихъ дѣтскомъ возрасть. Отмѣнить акцизъ на сахаръ и уничтожить сахарный синдикатъ— представляется положительно необходимымъ; объ этомъ было много говорено въ печати, котя и безъ видимаго результата. Нефтяной и спичечный налогъ, взимаемые съ предметовъ, одинаково потребляемыхъ въ богатыхъ коромахъ и бѣдныхъ хижинахъ, представляють собою обложеніе,

¹) "Учебникъ физіологіи человъка", д-ръ L. Landois, переводъ профессора Данилевскаго. Харьковъ. 1894 г. См. стр. 585.

напоминающее существовавшій прежде акцизь на соль; ихъ отивна будеть такъ же справедлива, какъ и отказъ отъ соляного налога. Отъ упраздненія трехъ названныхъ косвенныхъ налоговъ казна потеряеть около 115 малл. руб.; эта сравнительно незначительная сумма легко можетъ быть замінена подоходнымъ налогомъ.

Еще недавно, въ 1893 г., былъ внесенъ въ государственный совътъ проектъ о подоходномъ налогъ 1), но онъ не былъ утвержденъ и, вмъсто подоходнаго налога, въ 1894 г. введенъ квартирный налогъ, который даетъ государству настолько ничтожную сумму, что для него не существуетъ даже особой рубрики въ государственной росписи; его показываютъ въ общей суммъ съ другими прямыми налогами: поземельными и съ недвижимыхъ имуществъ. Отъ квартирнаго налога, судя по отчетамъ государственнаго контроля, получается не болъе 4 милл. руб.; а если принять въ разсчетъ расходы взиманія, то, право, можно сказать: къ чему учрежденъ этотъ налогъ?

Другое дело-подоходный налогь; онъ можеть дать, при умеренномъ обложени, не менъе 300 милл. руб., при условии, если въ его установленіи и организаціи будуть заинтересованы общество и его представители, въ лицъ городскихъ и земскихъ дъятелей. При обширности нашего государства и разнообразіи его провинцій по составу населенія, ихъ матеріальнымъ средствамъ, хозяйственно-экономичесвимъ порядкамъ, бытовымъ и другимъ условіямъ, нётъ никакой возможности установить для всёхъ мёстностей одинь общій порядовъ исчисленія и взиманія подоходнаго налога и предоставить его практическое осуществление финансовымъ агентамъ. Законъ можетъ только назначить изв'встный $^{0}/_{0}$ обложенія доходовь и установить основныя главныя правила по введенію налога, поручивъ все дёло организаціи и взиманія налога м'істнымъ, городскимъ и земскимъ учрежденіямъ. Конечно, при этомъ, послъднимъ необходимо предоставить болъе широкія права и сділать ихъ представителями болье широкаго круга избирателей; кром'в того, чтобы ближайшимъ образомъ заинтересовать мъстныхъ представителей въ успъшномъ поступлении подоходнаго налога, не менъе одной трети его слъдуетъ передать земствамъ и городамъ, для усиленія ихъ средствъ, въ которыхъ они такъ нуждаются въ настоящее время. Точно также и для выработки проекта подоход-

¹⁾ Проектъ о подоходномъ налогъ былъ возбужденъ не съ цълью преобразованія финансовой системи, а случайно, при изысканіи новыхъ источниковъ дохода для усиленія средствъ государственнаго казначейства. Въ началѣ предполагалось возстановить соляной налогъ; проектъ этотъ былъ отклоненъ, въ виду того, что соляной налогъ, какъ особенно тягостный для бъднаго населенія, былъ отміненъ по особому Всемилостивъйшему манифесту; тогда-то, взамінъ соляного налога, и былъ проектированъ подоходный налогъ.

наго налога полезно привлечь мѣстныхъ представителей, подобно тому, какъ это было въ 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда вопросъ объ уничтоженіи подушной подати по замѣнѣ ея всесословнымъ налогомъ переданъ былъ на обсужденіе земскихъ собраній. Привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ обсужденію этого важнаго государственнаго вопроса и къ участію ихъ въ мѣстныхъ трудахъ, въ данномъ случаѣ по организаціи и взиманію подоходнаго налога, было бы въ полномъ соотвѣтствіи съ принципами, изложенными министромъ внутреннихъ дѣлъ, В. К. Плеве, въ рѣчи, сказанной въ день празднованія столѣтняго юбилея министерства внутреннихъ дѣлъ 1).

Переходя въ существующимъ сборамъ, взимаемымъ исключительно съ врестьянскаго населенія и представляющимъ собою разсчеты, вызванные отменой крепостного права, именно къ выкупнымъ платежамъ, нельзя не признать, что прекращение взимания этихъ сборовъ желательно по двумъ государственнымъ соображеніямъ. Прежде всего по справедливости чисто юридическаго характера; извёстно, что выкупнан операція совершена при помощи $5^{\circ}/_{\circ}$ и $5^{\circ}/_{\circ}$ государственныхъ займовъ (5°/о банковые билеты 2-го выпуска, 5°/о выкупныя свид ^{5} тельства и $5^{1}/2^{0}/_{0}$ свид ^{5} тельства непрерывнаго дохода); эти займы давно конвертированы въ 4º/o, а между тъмъ выкупные платежи соотвътственно не были уменьшены и, вслъдствіе этого, безъ сомнанія, общая выкупная ссуда давно уже уплачена усиленными ежегодными взносами. Во-вторыхъ, для превращенія взиманія выкупныхъ платежей существують и весьма важныя экономическія причины. Изъ разныхъ оффиціальныхъ сборниковъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ, и изъ статистическихъ земскихъ матеріаловъ видно, что крестьянское хозяйство переживаеть тяжелое время, въ зависимости отъ разныхъ сложныхъ обстоятельствъ; для улучшенія экономическаго положенія крестьянъ необходимы разнообразныя мёропріятія. Въ какомъ запущеніи находится врестьянское хозяйство, свидітельствують многія данныя, не говоря уже о малоземельи, объ упадкъ скотоводства, объ

¹⁾ Приводимъ здёсь нёсколько словъ изъ этой рёчи. "Исполинскій рость народнихъ силъ, естественное послёдствіе совершившихся перемёнъ въ общественной жизни, усложняя административную дёятельность, предъявляеть къ ней все новия и новыя требованія и ставить на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія"... Далёе говорится, что "предстоить, по Монаршему предначертанію, обсудить мёри къ болёе правильному сочетанію дёятельности административной и общественной, большей опредёленности въ ихъ взаимнихъ отношеніяхъ и
болёе дёятельнаго участія мёстныхъ людей въ трудахъ мёстнаго управленія"
("Новое Время").

увеличеніи количества безлошадных хозяйствь, о рості сельскаго пролетаріата и о громадномъ проценті смертности населенія,—достаточно указать на то, что въ Россіи десятина приносить въ среднемъ (если брать среднюю всіхъ сортовъ хліба) 38,8 пудовъ, тогда какъ въ Бельгіи соотвітствующая цифра равна—128,5 пуд.; въ Англіи—123,4 пуд.; въ Японіи—115,7 пуд.; въ Соединенныхъ Штатахъ—83,2 пуд.; во Франціи—80,5 пуд., и въ Германіи—74,5 пуд. 10 можно ли оставаться въ такомъ положеніи, когда мы еще знаемъ, что крестьяне, чтобы какъ-нибудь жить, вынуждены сокращать потребленіе хліба, обрекая свои поколінія на вырожденіе, которое уже и началось, какъ повіствують свідінія о рекрутскихъ наборахъ 2). Одною изъ первыхъ міръ для облегченія труднаго положенія крестьянъ и должна быть, по нашему мнівнію, отміна выкупныхъ платежей.

Наконецъ, заканчивая обзоръ "доходныхъ статей" государственной росписи, мы должны остановить свое вниманіе на таможенныхъ сборахъ (216,2 милл. руб.). Въ связи съ высказанной выше мыслью о полезности широкаго распространенія въ народъ часпитія, нельзя не пожелать освобожденія отъ пошлинъ хотя бы болье низкихъ сортовъ

²⁾ Въ концѣ минувшаго года особенно много было характерныхъ извѣстій о рекрутскихъ наборахъ. Не только въ разныхъ губерніяхъ, но даже въ объихъ столицамъ пришлось считаться съ большимъ количествомъ негоднимъ къ службъ лицъ, по слабости организма, по малорослости, по разнымъ прирожденнымъ недостаткамъ, по развитію груди и прочимъ признакамъ, указывающимъ на вырожденіе. Для иллюстраціи сошлемся на одну корреспонденцію изъ кієвской губернів, напечатанную въ "С.-Пет. Въд." № 314. "Наблюдая новобранцевъ, приходится констатировать тотъ печальный факть, что народь у нась съ каждымъ годомъ мельчаеть, имъя недостаточный рость, размерь груди, невозмужалость и другіе физическіе недостатки. Въ особевности, по отзывама воинских присутствій, отличаются этим недостатками молодые люди призыва этого года". "Въ большинстве случаевъ, для пополненія комплекта подлежащихъ набору приходилось не только свидетельствовать всехъ, поддежащихъ призыву, но даже сделать позаимствованія изъ льготныхъ третьяго и второго разрядовъ"... "Недостаточный рость и невозмужалость происходять отъ медостаточного питанія". Кром'в того, при освид'втельствованіи новобранцевь, на ихъ твлв обнаружены цвлыя накипи грязи и паразитовъ". ... "Констатировано также много разнаго рода прилипчивыхъ болезней, въ роде чесотки и паршей". Замъчено отсутствие бань; это, въ связи съ скученностью населения и теснотою жидыхъ помещений, и способствуеть развитию названныхъ болезней. "Нашъ крестьянинъ, со всею своею неръдко многочисленною семъею, ютится въ одной хатенкъ, размеромъ не более 8 квадратныхъ аршинъ. Помимо семън, въ зимнее время, въ этой же хать помъщаются куры, утки, ягията, телята, поросята и разная другая живность. Можно судить, какой ощущается специфическій запахъ и какая масса вредныхъ испареній скопляется зимою въ хать южно-русскаго поселянина".

¹) "С.-Петерб. Вѣд.", 1902 г., № 252.

чан. Затымъ, переходя отъ частностей къ общему вопросу о нашей таможенной политикъ, направленной къ искусственному развитию у насъ фабрично-заводской промышленности, мы должны повторить не разъ высказанное нами мнёніе, что изм'вненіе таможенной политики представляется болье чыть своевременнымь. При установлении высокихъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, въ 1891 г., еще можно было, по новизнъ дъла, мечтать о томъ, что, благодаря имъ, Россія леть въ 20 можеть достичь такого промышленнаго процестанія, что будеть вывозить за границу одни фабрикаты и не отправить туда "ни зерна своего хліба, оставивь этоть заработокь неграмъ" 1). Прошло съ твхъ поръ одиннадцать лвтъ, и факты съ очевидностью доказали несостоятельность такихъ розовыхъ ожиданій; какъ прежде, такъ и теперь нашъ вывозъ за границу состоить не изъ фабрикатовъ, а изъ продуктовъ сельскаго хозяйства, преимущественно хлёбныхъ злаковъ. Въ минувшемъ году, нашъ международный торговый балансь склонился въ нашу пользу (по свёдёніямъ за 11 месяцевъ) на 300 милл. руб.; и этимъ въдь мы обязаны, главнымъ образомъ, хлебному зерну, которое предполагалось совсемъ не вывозить за границу! Далее, подъ вліяніемъ действія таможенныхъ пошлинъ, правда, отврылось, на первыхъ порахъ, много новыхъ фабрикъ и заводовъ, но значительная часть изъ нихъ, какъ показалъ промышленный кризисъ, была спекулятивно-грюндерскаго происхожденія; другіе же, болбе солидные, въ особенности желбзодблательные, вагонные, паровозные, рельсопрокатные, возникшие съ разсчетомъ на желъзнодорожное строительство и казенные заказы, несмотря на продолжающееся расширеніє желізно-дорожной сіти, въ конців концовъ тоже вынуждены были или совстви прекратить свою дъятельность, или же значительно сократить свое производство. Газеты переполнены фактами подобнаго характера; даже извъстный на югь заводъ Юза, одинь изъ старыхъ и солидныхъ, долженъ былъ недавно уменьшить свою армію рабочихъ на 75°/о, разсчитавъ изъ 20 тысячъ около 15 тыс. рабочихъ. Между тъмъ, казенные заказы, представляющіе, какъ извъстно, выгодныя и льготныя условія для заводчиковь, нельзя сказать, чтобы сократились по своимъ размфрамъ. Какъ сообщалось въ газетахъ, русскими заводами исполнено казенныхъ желѣзно-дорожныхъ завазовъ: въ 1900 г. на 91.400.000; въ первую половину 1902 г.--на 74.100.000 руб.; и на 1903 г. намечены следующие заказы: паровозовъ 1.670 на сумму 58.200.000 руб.; вагоновъ 22 тысячи — на 25.000.000 руб.; рельсовъ 19 милл. пуд. на 23.700.000 руб.; нтого въ

¹) "Толковый тарифъ", профессора Д. Менделѣева; изданіе 1891—1892 г.; въ 2-къ томакъ; см. стр. 129, т. І.

1903 г.— на сумму 106.900.000 милл. руб. 1). Что же, спрашивается, можно ожидать, когда намізченная желізно-дорожная сіть будеть закончена?! И затъмъ, какъ же объяснить, что теперь, при высокихъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинахъ и существующихъ еще крупныхъ казенныхъ заказахъ, наша крупная фабрично-заводская промышленность не можеть встать крвпко на свои ноги, а все хирветь и хирветь--- "завяла, не успвыши расцевсть". Намъ кажется достаточнымъ отвётить на поставленный вопросъ нёсколькими словами, опираясь на теоретическія соображенія и на факты. Для всякаго крупнаго капиталистическаго производства нужны соотвётственные рынки для сбыта товаровъ. Могутъ ли продукты нашего производства разсчитывать на ихъ сбыть за границей? Нётъ, потому что за границей, въ старо-промышленныхъ странахъ-товары эти производится и лучше, и дешевле; и одиннадцатильтній опыть вполны подтверждаеть правильность такого соображенія: русскіе фабрикаты совстви не вывозятся на инострапные рынки. Но, скажуть, у насъ есть свой, внутренній рынокъ для сбыта. Да, его существованія нельзя отрицать, но онъ очень ограниченъ и бъденъ для поддержанія крупнаго фабричнозаводскаго производства. Когда въ массъ населенія чувствуется недостатовъ даже въ пищъ, можеть ли это населеніе быть серьезнымъ потребителемъ разныхъ фабрикатовъ! Населеніе покупаеть на гроши, и неумолимые факты намъ говорятъ, въ подтверждение, что во многихъ губерніяхъ еще пашутъ деревяннымъ плугомъ и вздять въ телъгахъ на колесахъ безъ жельзныхъ шинъ, на деревянныхъ осяхъ.

При такихъ экономическихъ условіяхъ и нашей неподготовленности въ капиталистическому производству, какъ бы ни былъ повышенъ таможенный тарифъ — фабрично-заводская промышленность все-таки должна, въ концъ концовъ, въ особенности же съ прекращениемъ желёзно-дорожнаго строительства, въ ближайшемъ будущемъ еще боле совратить свое производство. Железная рука исторіи вынуждаеть насъ позаботиться прежде всего объ улучшеніи экономическаго положенія деревни; тогда явится "внутренній рыновъ", и сами собой, естественно, возникнуть необходимые для населенія фабрики и заводы. Для выхода же на этоть историческій путь экономическаго прогресса намъ необходимо измънцть общее направление нашей финансово-экономической политики. - Затёмъ, возвращаясь къ вопросу о таможевныхъ тарифахъ, мы полагаемъ, что наступилъ моменть для значительнаго пониженія ихъ; для этого существують, помимо общихъ финансово-экономическихъ соображеній, два серьезныхъ основанія. Первое касается необходимости оградить потребителей фабрично-заводской

^{1) &}quot;Курьеръ", 1902 г., № 231.

промышленности отъ высовихъ ценъ. Достаточно народъ и общество, въ качествъ потребителей, принесли жертвъ въ пользу развитія промышленности; дальнъйшіе опыты въ томъ же направленіи непосильны и безполезны. Подумайте, потребителямъ приходится ежегодно не только нести, въ томъ или другомъ видъ, бремя таможенныхъ пошлинъ (216 милл. руб.), но, въ добавокъ, еще переплачивать громадныя суммы при покупкъ продуктовъ русскаго фабрично-заводскаго производства; по сделаннымъ разсчетамъ, на однехъ хлопчато-бумажныхъ матеріяхъ народъ ежегодно теряеть около 200 милл. руб. А жельзо, машины, каменный уголь? Правда, ихъ цвна нъсколько понизилась за последнее время, благодаря кризису, но это нельзя принимать въ счеть, какъ исключительно ненормальное явленіе. Если же установившіяся низвія ціны нормальны, то ніть причины взимать таможенныя пошлины въ размерахъ установленныхъ покровительственныхъ ставокъ; надо, напротивъ, скорве закрвинть настоящія пвны, понизивъ тарифъ; иначе, кто воспретитъ промышленникамъ, по минованіи кризиса, вновь подчять ціны на товары, опираясь на покровительственный тарифъ! Понижение тарифа до неразорительныхъ для потребителей размёровъ не пошатнетъ солидныя производства, но несомивню будеть для нихъ полезно, такъ вакъ оградитъ ихъ отъ конкуррендіи могущихъ вновь возникнуть грюндерскихъ предпріятій и, вибств съ твиъ, толкнеть ихъ на путь совершенствованія производства, дающаго возможность изготовлять хорошій и дешевый товарь по ценамъ, близко приближающимся въ заграничнымъ. Однимъ словомъ, понижение таможеннаго тарифа безусловно необходимо, какъ въ интересахъ остающихся у насъ фабривъ и заводовъ, тавъ и для огражденія потребителей оть высовихь цёнь на товары.

Въ "Русскихъ Въдомостяхъ" было интересное сопоставление русскихъ цънъ съ таковыми же въ другихъ европейскихъ государствахъ; оказывается, мы переплачиваемъ сравнительно очень много; именно, мы платимъ дороже: за чай—на 300°/о; за табакъ—на 600°/о; за уголь—на 200°/о; за бумагу—на 700°/о; за сельско-хозяйственныя машины—на 160°/о; за полотно—на 200°/о. Извъстно также, что, напр., пудъ гвоздей въ Америкъ стоитъ—1 р.—1 р. 50 к., а у насъ—4 р.—8 р. Неужели это нормально? Пониженіе таможенныхъ пошлинъ должно быть болье или менъе значительно; полагаемъ, что было бы вполнъ справедливо уменьшить ихъ на 50°/о 1, а нъкоторыя изъ нихъ, нам-

 $^{^{1}}$) Пониженіе пошлинъ можно, конечно, обставить нѣкоторыми льготными условіями, въ родѣ, напр., разсрочки операціи года на три, объявивъ заблаговременно, что съ начала будущаго года таможенные тарифы уменьшатся на $15^{\circ}/\circ$, черезь годъ — еще на $15^{\circ}/\circ$ и, наконецъ, на третій годъ—на $20^{\circ}/\circ$, считая ежегодное процентное уменьшеніе пошлинъ отъ первоначальной тарифной ставки.

болѣе угнетающія сельско-хозяйственную промышленность, и совсѣмъ отмѣнить; въ совокупности предлагаемая реформа, на первый взглядъ, должна совратить государственные доходы приблизительно на 130 милл. рублей. Но, имѣя въ виду, что проектированныя измѣненія должны благотворно отозваться на благосостояніи народныхъ массъ, надо ожидать значительнаго увеличенія привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, а также повышенія потребленія предметовъ, облагаемыхъ косвенными налогами,—и въ результатѣ доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ далеко не сократится на всю указанную выше сумму, а остальной недочеть отчасти покроется усиленными поступленіями по другимъ косвеннымъ налогамъ. Отъ предполагаемаго пониженія таможеннаго тарифа собственно таможенный доходъ сократится приблизительно на 116 милл. руб., а косвенные налоги (питейные сборы— 356 милл. руб. и табачный акцизъ—44 милл.; всего—400 милл. руб.) повысятся не болѣе какъ на 100% т.-е. на 40 милл. рублей.

Подводя итогъ всёмъ проектированнымъ измёненіямъ въ доходахъ государственнаго бюджета, получимъ слёдующій примерный разсчеть:

Приращеніе доходовъ:	Сокращеніе доходовъ:
Отъ введенія подоход-	Отъ отмени:
наго налога 200.000,000 р.	а) выкупныхъ платежей 89.000.000 р.
Отъ увеличенія табач-	б) сахарнаго дохода 78.400.000 "
наго дохода и сбора	в) нефтяного дохода 29.000.000 "
съ питей 40.000.000 "	г) спичечнаго дохода 8.000.000 "
240.000.000 p.	д) отъ уменьшенія таможен-
	наго дохода 116.000.000 "
	320.000.000 p.

Конечно, сдѣланный разсчеть, какъ начертанный въ общихъ штрихахъ, не точенъ; въ дѣйствительности, можетъ быть, результаты будутъ болѣе благопріятны, но, во всякомъ случаѣ, уменьшеніе государственныхъ доходовъ на 80 милл. руб. не должно никого пугать; напротивъ, какъ мы объяснили выше, пониженіе податной тягости населенія представляется безусловно желательнымъ, какъ актъ государственной необходимости. Двухмилліардный бюджетъ не по силамъ нашимъ еще сравнительно слабымъ матеріальнымъ достаткамъ. Мы стоимъ на распутьи двухъ дорогъ: или надо, несмотря ни на что, идти далѣе и постараться найти третій милліардъ; или же, понявъ тщету своихъ непосильныхъ потугъ, вернуться назадъ и помириться съ болѣе скромнымъ государственнымъ бюджетомъ; послѣдній путь представляется намъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благонадежнымъ. Затьмъ, ръшившись на понижение государственныхъ доходовъ, нелья одновременно не отказаться отъ соотвътственнаго сокращенія государственных расходовъ. Для огражденія Россіи отъ непосильнаго государственнаго бюджета, прежде всего, необходимо принять твердое рышеніе—не расширять болже нашу жельзно-дорожную сыть; это поможетъ сократить государственные расходы на 190.000.000 милл. руб. Государство затратило уже милліарды на оборудованіе желізныхъ дорогъ; нътъ сомнънія, онъ представляють большое удобство, но нельзя ради нихъ игнорировать болъе существенныя нужды, какъ, напр., народное образованіе и другія не менъе важныя козяйственныя и культурныя задачи. Японія, благодаря широкимъ затратамъ на народное образованіе, въ какін-нибудь 30-40 леть превратилась изъ полу-дикой страны въ державу, союзомъ съ которой не брезгають первоклассныя государства, какъ Англія. Мы же, крича о невъжествъ нашего народа, на самомъ дълъ очень еще мало дълаемъ для пріобщенія его къ общечеловъческой цивилизаціи. Наступиль и XX въкъ, а у насъ еще не вездв есть школы грамоты, а въ существующихъ школахъ все дъло обыкновенно оканчивается тъмъ, что ученики, научившись коекакъ читать, писать и считать, по выходё изъ школы забывають и эту мудрость, вследствіе отсутствія въ деревняхъ хорошихъ библіотекъ, газеть и другихъ культурныхъ пособій: лекцій, театровъ, потребительныхъ и производительныхъ обществъ, сельскихъ банковъ и более или менъе интеллигентныхъ руководителей. Безъ духовнаго развитія немыслимо создать культурной націи; его нельзя замёнить развитіемь жельзно-дорожной съти; невъжда, безъ хорошей школы, останется навсегда невъждой, хотя бы и путешествоваль не иначе какъ въ удобныхъ вагонахъ! Наконецъ, дальнъйшая постройка желъзныхъ дорогъ намъ прямо не по средствамъ, а сообразовать свои расходы необходимо со средствами.

Еще въ 1881 году, до крутого поворота нашей финансово-экономической политики, выразившагося въ переходъ отъ заботъ о нуждахъ деревни къ искусственному развитию у насъ крупнаго производства, — мы довольствовались сравнительно небольшими расходами на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ; въ то время расходы не превышали 732,4 милл. рублей. Однако, намъ помнится, и тогда было не мало справедливыхъ жалобъ на тяжелое экономическое положеніе народа и на обремененіе крестьянъ высокими платежами; въ виду этого, и были отмънены соляной налогъ и подушная подать. Теперь мы тратимъ 2 милліарда, и, понятно, всъмъ тяжело живется, въ особенности людямъ земли, прикосновеннымъ къ сельско-хозяйственной промышленности, на которыхъ преимущественно и падаетъ главная часть податного обложенія.

Не споримъ, трудно въ настоящее время ограничиться суммами бюджета 1881 г., но если наша финансово-экономическая политика вернется въ старое русло, намѣченное въ эпоху великихъ преобразованій, если мы разъ навсегда откажемся отъ искусственнаго развитія у насъ капиталистическаго производства и перейдемъ къ заботамъ о нуждахъ деревни, то, не игнорируя ея неотложныхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены безъ государственной помощи, -- все-таки расходный государственный бюджетъ можетъ быть сокращенъ до весьма солидныхъ размѣровъ.

Кром'в непосредственных затрать, вызываемых промышленноторговой политивой, ложащейся тяжелымы бременемы на государственный бюджеть, изъ воторых особенно тяжкимы является расходы по постройк'в новых жел'взных дорогь,—эта политика ведеть механически къ усиленію других бюджетных расходовъ. Съ изм'вненіемъ финансово-экономической программы—расходы по этимъ статьямъ пойдуть сами собой на убыль, облегчивъ задачу пониженія государственныхъ расходовъ. Не заб'вгая впередъ, зам'втимъ, что государственный бюджеть 1881 г., какъ типичный при бывшей аграрной политикъ, можеть быть очень полезенъ при обсужденіи вопроса о составленіи новой примърной см'вты для будущей государственной росинси, и поэтому мы и составили сравнительную таблицу государственныхъ обыкновенныхъ расходовъ за 1881 и 1903 гг., въ милліонахъ рублей:

		1881 r.	1903 r.	Въ 1903 г. болъе:
Платежи по за	аймамъ	195,6	290,9	95,3
Высшія госуд.	учрежденія	2,1	3,2	1,1
Въдомство свя	твимаго синода	10,2	28,3	18,1
Министерство	императ. двора	10,3	15,8	5,5
,	иностр. дълъ	4,2	5,7	1,5
 7	военное	227,6	329,9	102,3
n	морское	30.4	115,6	85,2
77	землед. и гос. имущ.	20,3	49,0	28,7
77	виутреннихъ дѣлъ .	57,6	99,7	42 ,1
20	народи. просвъщенія	18,3	39,2	20,9
7	путей сообщенія	12,4	458,1 (39,2)	446,0 (26,8)
n	финансовъ	109,5	369,4 (180,2	) 259,9 (70,7)
,, ,,	юстиціи	30,2	49,3	19,1
Государственн	ый контроль	2,2	8,3	6,1
Главн. упр. гос	удар, коннозаводства.	0,9	2,0	1,1
	итого	732,4	1.865,4 1)	1.127,9

²) Мы не включаемъ въ расходъ сумму 15 мелл. руб., предназначенную на разные случайные расходы.

Томъ І. - Февраль, 1903.

Расходы по министерству путей сообщенія возросли отчасти отв включенія въ ихъ смѣты оборотныхъ расходовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, а по министерству финансовъ—отъ оборотныхъ расходовъ по винной казенной монополіи; за выключеніемъ ихъ, какъ показано въ ранѣе приведенной таблицѣ, за текущій годъ по министерству путей сообщенія расходы значатся всего въ суммѣ 39,2 милл. руб., а по министерству финансовъ—180,2 милл. руб. ¹); эти цифры, отмѣченныя въ скобкахъ, мы и будемъ принимать въ разсчетъ.

Прекращеніе постройки новыхъ желёзныхъ дорогь положить предълъ дальнъйшему увеличенію нашихъ платежей по государственныхъ займамъ, рость которыхъ главнымъ образомъ зависить, въ настоящее время, отъ желъзно-дорожнаго строительства; это послужить немалымь облегченіемь для платежныхь силь населенія. За последніе 22 года уплаты по займамъ, вмёсто того, чтобы сократиться, увеличились на 95 милл. руб.; избавиться отъ этого "наростанія" необходимо, разъ сознана опасность отъ чрезмърнаго расширенія государственныхъ расходовъ. Железныя дороги, какъ наклонная плоскость, могуть привести, наконець, къ окончательному крушенію экономическихъ устоевъ деревни, страдающей и при настоящемъ бюджеть отъ многообразныхъ формъ недомоганія; изъ приведенныхъ выше цифрь видно, что въ 1903 г. "на алгарь желёзно-дорожнаго строительства" приходится вынуть изъ народнаго кармана 307 милл. рублей. Отказавшись отъ дальнейшаго расширенія сёти желёзныхъ дорогь, расходъ на нихъ можно будеть финсировать въ суммъ 116 милл. руб., въ видъ накопившихся уплать по жельзно-дорожнымъ займамъ; довольно и этого!

Далъе, въ послъдней таблицъ, заслуживаютъ особаго вниманія расходы по министерствамъ военному, морскому, путей сообщенія, финансовъ и внутреннихъ дълъ, въ виду возможности крупнаго ихъ сокращенія, при новой финансовой политикъ.

Общая сумма ежегодныхъ расходовъ на оборону страны, по военному и морскому въдомствамъ, увеличилась съ 1881 по 1903 г. на 187,5 милл. руб.; изъ послъдней суммы, впрочемъ, слъдуетъ исключить около 9 милл. руб., представляющихъ расходы въ счеть смъти 1904 г., но внесенные въ роспись текущаго года; тогда сумма увеличенія расходовъ опредълится въ 178,5 милл. рублей.

При существующей у насъ дороговизнъ продуктовъ фабричеозаводскаго производства, въ зависимости отъ высокихъ таможенныхъ тарифовъ, уменьшение послъднихъ на 50°/о отразится весьма сильнытъ

¹⁾ Кром'в того, по смвтв министерства финансовъ исключено 16 милл. руб. расхода по гарантіи чистаго дохода частнихъ желізно-дорожнихъ обществъ; онъ отнесенъ въ общій счеть желізно-дорожнихъ расходовъ.

пониженіемъ ихъ цѣны; въ связи съ этимъ станутъ дешевле и предметы, закупаемые казной на обмундированіе и снаряженіе войскъ, на вооруженіе и заготовку боевыхъ снарядовъ и отчасти для разныхъ строительныхъ работъ; на пріобрѣтеніе ихъ тратится ежегодно около 150 милл. руб., и поэтому сокращеніе перечисленныхъ расходовъ можетъ выразиться въ десяткахъ милліоновъ рублей. Можно также нѣсколько уменьшить траты на перевооруженіе сухопутной армін (24,5 милл. руб.) и на постройку военныхъ судовъ и ихъ ремонтъ (42,4 милл. руб.), хотя бы до нормы минувшаго года; это составить экономію въ 24,5 милл. рублей. Найдутся и нѣкоторые другіе смѣтные расходы, которые, безъ ущерба для обороны, можно привести къ болье скромнымъ размѣрамъ.

Не вдаваясь въ разные детальные разсчеты, мы имъемъ полное основание надъяться на въроятность сокращения расходовъ по двумъ названнымъ министерствамъ,—въ особенности въ виду двухъ первыхъ условій,—не менъе, чъмъ на 75 милл. рублей ¹). Прибавляя къ этой суммъ указанные выше 9 милл. руб., подлежащіе исключенію изъ смъты 1903 г., общее пониженіе расхода, по сравненію съ росписью текущаго года, составить около 84 милл. рублей.

Въ смъту министерства путей сообщенія занесены расходы по эксплуатаціи казенныхъ желізныхъ дорогъ (319 милл. руб.), по усиленію и улучшенію желізных дорогь (60,2 милл. руб.) и на пріобрѣтеніе подвижного состава и жельзно-дорожныхъ принадлежностей для казенныхъ жельзныхъ дорогь (39,9 милл. руб.), всего на 419 милл. рублей. Оволо двухъ третей этой суммы расходуется на предметы фабрично-заводскаго производства (вагоны, паровозы, рельсы), на каменный уголь, коксъ и нефть; отъ уменьшенія расходовъ на пріобрътеніе всёхъ этихъ предметовъ, вслёдствіе проектированнаго пониженія таможенных пошлинь и упраздненія сбора сь нефти, -- расходы по эксплуатаціи и оборудованію вазенныхъ желівныхъ дорогь, по приблизительному вычисленію, совратится на 80 милл. рублей. Въ настоящее время, по смътъ на 1903 г., казенныя дороги, не считая экстреннаго дополнительнаго расхода по сибирской железной дорогъ (24,3 милл. руб.), дають валовой доходь въ 412,7 милл. руб., при расходъ въ 419,0 милл. руб., т.-е. приносять убытокъ 6,3 милл. руб.; при понижении таможеннаго тарифа въ предположенномъ размъръ, эти дороги въ первый же годъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могуть дать чистый доходъ въ размъръ около 75 милл. рублей.

¹⁾ Въ случай крайней необходимости, часть сухопутныхъ войскъ, содержимыхъ исключительно для поддержанія внутренняго порядка, слідуеть замінить боліве дешевою земскою стражею, призываемою къ оружію лишь въ экстренныхъ случанхъ, подобно тому, какъ созывается государственное ополченіе въ военное время.

Въ періодъ 1881—1903 гг. ежегодный расходъ по министерству внутреннихъ дёлъ постоянно, изъ года въ годъ, возросталъ, увеличившись въ текущему году на 42,1 милл. рублей. Это явленіе объясняется общимъ характеромъ внутренней политики за эти года, направленной въ значительному усиленію административнаго попечительства, вибсто дальнійшаго развитія містной общественной самодіятельности, положенной въ основаніе реформъ эпохи царствованія Александра II. Въ настоящее время, какъ видно изъ цитированной выше річи г. министра внутреннихъ діль, предполагается снова призвать общественные элементы въ ближайшему участію въ "містномъ управленіи". При этомъ, весьма естественно, сократятся функціи бюрократическаго элемента, а потому можно надіяться, что и расходы по министерству внутреннихъ діль значительно понизятся, примірно на половину суммы, представляющей собою наростаніе, вызванное названными обстоятельствами (42 милл. руб.), т.-е. на 20 милл. рублей.

Разсматривая смёту министерства финансовъ, въ которую включаются разнообразные расходы, имъющіе общегосударственное значеніе, мы не можемъ не зам'єтить, что расходъ собственно на администрацію быстро увеличивался за посліднее время; онъ повазань въ росписи на 1903 г. въ суммъ 59 милл. руб., причемъ, по сравненію даже со смётой прошлаго года, расходъ повышенъ на 3 милл. рублей. Разгадка этого роста расходовъ кроется въ необычайномъ развитів дълъ и переписки, вызванныхъ усиленными хлопотами по искусственному развитію торгово-промышленныхъ предпріятій, по расширенію жельзно-дорожной съти, по таможеннымъ операціямъ, по изысканію новыхъ источниковъ для покрытія все возростающихъ государственныхъ расходовъ, по взиманію сборовъ, налоговъ и недоимовъ и, отчасти, по заготовкамъ хлъба для населенія въ мъстностихъ, пострадавшихъ отъ недородовъ, весьма часто повторяющихся въ последнее десятильтіе. Съ измъненіемъ общей финансово-экономической политики всь эти хлопоты въ значительной части сделаются излишнии: взамънъ ихъ, придетси принимать мъры по улучшению экономическаго положенія деревни. Этотъ трудъ, въ виду того, что придется работать въ деревняхъ, собирая на мёстё необходимый статистическій матеріаль для выясненія существующихь дефектовь сельскаго хозяйства и тамъ же, на мъстъ, заботиться изо дня въдень объ ихъ устраненіи,-потребуеть затраты громадной энергіи, въ сто тысячь разь превосходящей трудъ, затрачиваемый нынъ министерствомъ финансовъ на перечисленныя выше заботы. Но вся работа эта, по самому существу своему, должна лечь на земства, на мъстныхъ дъятелей, которыхъ и предполагается призвать къ болбе широкому участію въ дълахъ мъстнаго управленія. Такимъ образомъ, при новыхъ обстоятельствахъ, административная дѣятельность министерства финансовъ должна войти въ прежнюю, болѣе спокойную норму, въ особенности если, рядомъ съ прекращеніемъ искусственнаго развитія фабрично-заводской промышленности и желѣзно-дорожнаго строительства, будутъ отмѣнены выкупные платежи, а также косвенные налоги: сахарный, нефтяной и спичечный. Это, несомнѣнно, дастъ возможность уменьшить расходы на администрацію приблизительно на одну треть, т.-е. на 20 милл. рублей.

Теперь, подводя итогъ, представимъ въ цифрахъ сравнение доходовъ и расходовъ по росписи текущаго года съ "предполагаемой росписью", возможной только при измѣнени нашей финансово-экономической политики въ намѣченномъ направлении:

доходы:	Въ 1903 г.	Предполагаемые:	
Прявые налоги	132,0	132,0	
Пошлини	98,0	98,0	
Сборъ съ питей	356,0	356,0	
Прочіе косвенные налоги	<i>376</i> ,0	144,0 ¹)	
Правительственныя регалів	62,0	62,0	
Казенное имущ. и капиталы	109,0	109,0	
Выкупные платежи	<i>89</i> ,0	0,0	
Подоходный налогъ ,	0,0	<i>200</i> ,0	
Возмѣщеніе госуд. расходовъ	68,0	68,0	
Случайные доходы	6,0	6,0	
Вилади въ госуд. банкъ на въчн. время (?).	2,5	2,5	
Доходы отъ казенныхъ железн. дорогъ .	0,0	75,0	
Отъ увеличенія табачнаго дохода и сбора			
съ пятей	0,0	<i>40</i> ,0	
Изъ сумиъ свободной наличности и го-			
сударственнаго займа	<i>172</i> ,0	0,0	
	1.470,5	1.292,5	
РАСХОДЫ:	Въ 1903 г.	Предполагаемие:	
Шлатежи по займамъ	291,0	291,0	
Выстія государственныя учрежденія	3,0	3,0	
Въдомство святъйшаго синода	28,0	28,0	

¹⁾ Въ государственной росписи подъ рубрикой "косвенные налоги" значится сумма около 406 милл. руб.; Изъ нея 29,5 милл. р.—сборъ съ не-казенныхъ питей отнесенъ въ общую сумму "сбора нитей", куда включены и всё доходы отъ казенныхъ питей, за вычетомъ расходовъ; затёмъ, въ приведенной суммё сахарный доходъ (78,4 милл. руб.), нефтяной доходъ (29 милл. руб.) и спичечный доходъ (7,9 милл. руб.) совершение не включены, а таможенный доходъ (216,2 милл. руб.) уменьшенъ на 116,2 милл. рублей.

Министерство императорскаго двора	16,0	16,0
" иностранных діль	6,0	6,0
" военное и морское	<i>445</i> ,0	<i>361</i> ,0
" финансовъ	<i>180</i> ,0	<i>160</i> ,0
" земледѣлія и госуд. имущ.	49,0	49,0
" внутреннихъ дълъ	100,0	<i>80</i> ,0
" путей сообщенія	39,0	39,0
" народнаго просвъщенія .	39, 0	39,0
" юстиціи	49,0 •	49,0
Глави. упр. госуд. коннозаводства	2,0	2,0
Государственный контроль	8,0	8,0
Случайные расходы	25,0 1)	25,0
Расходы на сооруж. новыхъ жел. дорогъ.	191,0	0,0
	1.471,0	1.156,0

Такимъ образомъ, оказывается, что, при измѣненіи финансово-экономической политики и съ возложеніемъ на мѣстныхъ людей нѣкоторыхъ функцій по участію въ мѣстномъ управленіи, явится возможность, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, сократить государственные
расходы на 300 милл. руб. и значительно облегчить наиболѣе бѣдные
классы населенія отмѣной выкупныхъ платежей, упраздненіемъ сахарнаго, нефтяного и спичечнаго косвенныхъ налоговъ и пониженіемъ
таможенныхъ тарифовъ; послѣдствіемъ этого будетъ не только облегченіе налоговой тягости населенія, но и удешевленіе для него міногообразныхъ предметовъ потребленія. Изъ составленнаго баланса видно,
что при этомъ доходы превысять расходы на 136 милл. руб.; оня
могутъ быть сполна затрачены на народное образованіе и на экономическую помощь деревнѣ 2).

Л. Бухъ.

²⁾ Въ нашихъ разсчетахъ о сокращении государственныхъ расходовъ им не коснулись миогихъ статей бюджета, но твиъ не менве можно предсказать, что предположенное нами уменьшение расходовъ названо будетъ слишкомъ оптимистичничъ, въ виду этого, для успокоения нессимистовъ, допустимъ, что превышение доходовъ надъ расходами будетъ не болве 100 милл. рублей; все-таки и этотъ избитокъ доходовъ, освобождая насъ въ будущемъ отъ покрытия государственныхъ расходовъзаймами, явится достаточнымъ источникомъ для оказания серьезной помощи сельско-хозяйственной промышленности и народному образованию, въ особенности если принять въ разсчетъ, что земства и города получатъ около 100 милл. рублей отъ подоходнаго налога.

¹⁾ Сюда включены изъ обыкновенныхъ расходовъ 15 милл. рублей и чрезвичайныхъ 10 милл. рублей (на вознагражденіе за право пропинаціи).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 февраля 1903.

Столътіе комитета министровъ и министерствъ. – Идея и ея осуществленіе. — Министерства и сенатъ. — Министры первыхъ восьми десятильтій XIX-го въка. — Средняя продолжительность управленія министерствомъ. — Ръчь министра внутреннихъ дълъ. — Новые проекты реакціонной печати. — Возраженіе изъ богородицкаго увзда.

Стольтіе комитета министровь и министерствь, отпразднованное въ концъ минувшаго декабря, прошло мало замъченнымъ-гораздо меньше замаченнымъ, чамъ столетіе государственнаго совета, исполнившееся весной 1901-го года. И это вполнъ понятно. Какъ бы далеко отъ совершенства ни было устройство государственнаго совъта, какъ бы многаго онъ ни оставляль желать въ виду новыхъ потребностей и взглядовъ, --- во всикомъ случай онъ более всехъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій представляеть собою идею законности и закономърности. Этой идей онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ; она же легла въ основу преобразованія, которому онъ подвергся въ 1810-мъ году. Общирное цалое, частью котораге, по мысли Сперанскаго, должень быль стать государственный совыть, осталось невоздвигнутымь, но назначение совъта вслъдствие этого не измънилось: онъ сохранилъ, но крайней мірь въ теоріи, ту роль, которую отводиль ему великій реформаторь. Совсвиъ инымъ является, съ этой точки эрвнія, положеніе комитета министровь и министерствъ. Первый, имфвшій сначала значеніе "образа доклада",—т.-е. пути, по которому важивищія дъла управленія восходять на Высочайшее усмотрініе, не нашель мъста въ планъ Сперанскаго и предназначался къ упразднению, но вижсто того значительно распространиль свою сферу действій и получиль совершенно особый характерь. Это не совъть министровь, существовавшій одно время (а юридически и теперь существующій) рядомъ съ комитетомъ; это не высшій административный судъ, котя ему и принадлежить, въ накоторыхъ случаяхъ, административно-карательная власть; это не законосовъщательная инстанція, съ опредъленными полномочіями—но вмёстё съ тёмъ это источникъ правиль, имѣющихъ силу закона ¹). Поставленный между государственнымъ совётомъ и правительствующимъ сенатомъ, комитетъ министровъ, въ силу закона или въ силу правтики, принимаетъ на себя функціи то одного, то другого изъ этихъ учрежденій.

Не менъе далеко отошли отъ своего первоначальнаго призванія и министерства. Предполагалось, что они будуть стоять подъ непосредственнымъ надзоромъ сената, который, въ первые годы послъ ихъ учрежденія, разсматриваль ихъ отчеты; но весьма скоро "всь принятыя въ ограниченію власти министровъ мёры сдёлались недъйствительными, и сенать лишился способа дъйствовать во всъхъ его частяхъ, кромъ судебной (выражение Трощинскаго). Предполагалось, что ни одинъ изъ министровъ не будеть докладывать Государю Императору помимо и безъ въдома остальныхъ; а на самомъ дълъ порядовъ установился прямо противоположный, только на короткое время нарушенный, при Александръ II-мъ, учрежденіемъ совъта министровъ. Предполагалось, что всъ дъйствія министерствь будуть основаны на существующихъ законахъ, а вопросы объ отмень, измъненіи или дополненіи ихъ, равно какъ объ изданіи новыхъ законовъ, непремвино будуть проходить черезъ государственный совъть; на самомъ дёлё въ обычай вошли не только отдёльныя распоряжены, идущія въ разр'язь съ закономъ, но и общія м'єры законодательнаго свойства, принимаемыя по докладу одного, двухъ или нъсколькихъ министровъ. Приведемъ этому одинъ примъръ, особенно характерный. Въ 1895 г. государственный совъть, по поводу одного частнаго дъла, разъясниль, что обнародованное въ 1881 г. положение объ усиленной и чрезвычайной охрань имъетъ цълью исключительно водворение спокойствія и искорененіе крамолы, а потому непримінимо нь лицамь, заподозрѣннымъ лишь въ сомнительной нравственности или въ совершеніи проступка, подлежащаго преследованію въ обыкновенномъ судебномъ порядкъ. Вмъстъ съ тъмъ государственный совъть нашель, что жалобы на неправильное, съ юридической точки эрвнія, примъненіе положенія объ усиленной охранъ должны быть приносимы не министру внутреннихъдълъ, а правительствующему сенату. Нъсколько мъсяцевъ спустя дъйствіе этого разъясненія было отмънено Высочайшимъ повеленіемъ, состоявшимся по довладу двухъ министровъ (постиціи и внутреннихъ діль): правительствующій сенать устранень оть разсмотрвнія жалобь на распоряженія администраціи, а поводомь для

¹⁾ Назовемъ, для примъра, "временныя" правила о печати 1883 и 1897 гг. и положение 4 июля 1894 г., установившее, въ отмъну закона 3 мая 1883 г., наказустмость штундистскихъ модитвенныхъ собраний.

такихъ распоряженій признано, наряду съ политической неблагонадежностью, и порочное поведеніе, если оно опасно для общественнаго спокойствія. Правда, министру внутреннихъ дѣлъ тогда же предоставленно было подвергнуть безотлагательному пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ; но съ тѣхъ поръ прошло болѣе семи лѣтъ—а о такомъ пересмотрѣ ничего не слышно. Положеніе вещей, затѣмъ, получается такое: двадиать слишкомъ лѣтъ дѣйствуютъ, подъ именемъ временныхъ, правила объ усиленной охранѣ, заключающія въ себѣ всѣ признаки закона, но прошедшія не черезъ государственный совѣтъ, а черезъ комитетъ министровъ—и дѣйствуютъ притомъ, съ 1895-го года, въ значительно растространенной и обостренной формѣ, данной имъ даже помимо комитета, по иниціативѣ двухъ министровъ 1).

Если положение министерствъ въ настоящее время мало соответствуеть ихъ первоначальной идей, то причину этому следуеть искать не только въ ненормальномъ распредёленіи функцій законосовёщательныхъ, наблюдательныхъ и исполнительныхъ, но и въ недостаткахъ механизма, выработаннаго практикою. Въ извёстныхъ предёлахъ правительствующій сенать и теперь сохраняеть свою доминирующую роль по отношению къ министерствамъ, разръшая жалобы, приносимыя на министровъ; но значеніе этой роли уменьшается съ одной стороны тъмъ, что составъ департаментовъ сената (перваго и второго), поставленныхъ надъ министерствами, не отличается устойчивостью, свойственною суду, хотя бы административному, и пополняется, отчасти, бывшими администраторами; съ другой стороны — медленностью производства, даже въ техъ случаяхъ, когда въ департаменте не произошло разногласія и діло не переходить въ общее собраніе сената. Особенно замътна эта медленность въ дълахъ земскихъ и городскихъ. Результата жалобъ, приносимыхъ земскими собраніями и городскими думами на постановленія губернскихъ по земскимъ и городскимъ д'іламъ присутствій, приходится ожидать, сплошь и рядомъ, по нёскольку лъть, въ теченіе которыхъ спорный вопросъ неръдко теряеть свою первоначальную важность. Необходимо было бы назначить предъльные сроки для окончанія подобныхъ дёль и признать опредёленія, постановленныя по большинству голосовъ, вступающими въ силу и при несогласіи министра, котораго они непосредственно касаются; необходимо было бы отдёлить дёла административно-судебныя отъ дёлъ чисто административныхъ (иными словами-дъла по жалобамъ на нарушеніе права отъ діль по жалобамъ на нарушеніе интереса); необ-

¹) Бол'є подробное осв'ященіе вопроса см. во Внутреннемъ Обозр'єнін. "В'єстника Европи" 1895 г. № 9 и 1896 г. № 2.

ходимо было бы распространить на сенаторовъ перваго и второго департаментовъ правило о судейской несменяемости въ такой же мере, въ какой оно действуеть для сенаторовь кассаціонныхь департаментовъ; необходимо было бы, наконецъ, открыть двери засъданій перваго и второго департаментовъ и приблизить производство всёхъ или по крайней мёрё нёкоторых подвёдомственных имъ дёлъ въ общему судебному процессу (напр. ввести докладъ дълъ самими сенаторами и представленіе словесныхъ объясненій сторонами или ихъ пов'вренными). Что первый департаменть сената, при счастливомъ личномъ составъ, даже теперь можеть занимать видное мъсто въ ряду высшихъ государственных учрежденій доказательством этому служить тоть промежутокъ времени, когда первенствующее влінніе принадлежало здѣсь В. А. Арцимовичу, а затѣмъ А. Д. Шумахеру. Не даромъ же В. А. Арцимовичъ удостоился чести вызывать, въ теченіе иногихъ леть, ожесточенныя нападенія "Московскихъ Въдомостей", руководимыхъ еще самимъ Катковымъ. Не случайно и то, что эти нападенія шли рука объ руку съ извъстной газетной кампаніей противъ государственнаго совъта, какъ противъ собранія "неизвъстныхъ народу генераловъ". Государственный совёть и правительствующій сенать-это, въ нашемь оффиціальномъ міръ, главные хранители и главные представители законности, если не всегда на самомъ дълъ, то, по меньшей мъръ, въ принципъ. Отсюда общность возбуждаемыхъ ими симпатій и антипатій; отсюда особый интересь нь ихъ діятельности, интересь, вотораго комитетъ министровъ не вызываетъ никогда, а министерстватолько въ періоды усиленной преобразовательной работы, если она ведется при непосредственномъ участіи соотв'єтствующихъ административныхъ вёломствъ.

Оговорка, только-что сдёланная нами, объясняется тёмъ, что не всегда преобразованія подготовлялись у насъ министерствами и въ министерствахъ. Не былъ министромъ Сперанскій, когда составляль, въ 1808—11 гг., свой извёстный планъ реформъ, получившій лишь частичное осуществленіе. Въ концё пятидесятыхъ годовъ министерство внутреннихъ дёлъ играло второстепенную, сравнительно съ редакціонными коммиссіями, роль въ выработкё положеній о крестьянахъ. Еще меньше, быть можеть, было активное участіе министерства юстиція въ составленіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864-го года. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ не былъ еще министромъ внутреннихъ дёлъ, когда въ головѣ его созрёлъ планъ дёйствій, разбитый катастрофой 1-го марта. Преобразованіе м'встнаго управленія и самоуправленія, задуманное въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, нам'вчалось Кахановскою коммиссіею совсёмъ не въ томъ направленіи, какое было дано ему н'ёсколько л'ёть спустя министерствомъ внутреннихъ дёлъ. Изъ

числа коминссій, состоявшихъ и состоящихъ въ послѣднее время при министерствѣ юстиціи, съ наибольшимъ успѣхомъ работали именно тѣ, которыя всего меньше были связаны съ министерствомъ. Ни къ одному изъ министерствъ, наконецъ, не пріурочено спеціально особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ сильно способствовавшее, благодаря созданнымъ имъ уѣзднымъ комитетамъ, подъему и оживленію нашей общественной жизни. Этотъ рядъ фактовъ кажется намъ довольно знаменательнымъ: онъ помогаетъ понять, почему исторія министерствъ—далеко не самый интересный отдѣлъ русской исторіи XIX-го вѣка.

Хотя столоначальники, которые, по извёстному выраженію, "управляють Россіей", безспорно имёли предшественниковь въ подъячихъ и приказныхъ московской Руси, въ ассесорахъ и секретаряхъ Петровскихъ коллегій, — темъ не мене министерства способствовали развитію у насъ административной централизаціи и канцелярскаго многописанія. Все болье и болье они стягивали къ себь дела со всехъ концовъ Россіи, и разсыпая надъ провинціей инструкціи, предписанія, циркуляры, уменьшали самодеятельность местных властей. Въ министерствахъ образовались очаги противодъйствія земскому и городскому самоуправленію, не укладывавшемуся въ обычныя бюрократическія рамки. Въ особенности колоссаленъ ростъ министерствъ сдълался въ последнее время, вследствие быстраго расширения сферы действий государственной власти. Дальше другихъ ушли на этой дорогѣ министерства финансовъ и внутреннихъ дълъ. Отличительная черта обоихъ--- врайне разнообразный составъ предметовъ, которыми они завъдують. Министерство внутреннихъ дъль соединяеть въ своихъ рукахъ государственную полицію — и высшій надворъ надъ органами самоуправленія, наблюденіе надъ печатью-и руководство полу-судебными учрежденіями, созданными 12-го іюля 1889-го года, ветеринарную часть-и дъла иностранныхъ исповъданій, охрану спеціально дворянскихъ интересовъ---и заботу о крестьянахъ. Оно является въ одно и то же время наследникомъ третьяго отделенія Собственной Е. И. В. ванцеляріи и преемникомъ министерства юстиціи (въ большей части того, что входило прежде въ кругъ въдомства судебно-мирового института) - т.-е. учрежденій примо противоположных по своему характеру. Совивщение задачь становится затруднительнымъ не только потому, что ихъ такъ много, но и потому, что между ними такъ мало внутренняго единства. То же самое можно сказать и о министерствъ финансовъ, соединяющемъ дъла чисто финансоваго свойства съ попеченіемъ о промышленности и торговлъ. Внъшнимъ признакомъ роста, переставшаго быть нормальнымъ, служить увеличение числа товарищей министра: въ министерствъ внутреннихъ дълъ, какъ и въ министерствъ финансовъ, ихъ теперь четыре, тогда какъ еще недавно быль только одинъ.

Списокъ министровъ, напечатанный въ газетахъ по поводу стольтія министерствь, бросаеть дополнительный світь на прошедшее учрежденія. Поразительно невелико въ немъ число лицъ (мы говоримъ, конечно, только объ умершихъ), которыя оставили прочный следъвъ народной памяти и заняли видное мъсто на страницахъ исторіи. Кто, напримъръ, изъ министровъ внутреннихъ дълъ наложилъ свою печать на эпоху, къ которой относится его управленіе-и вмёсть съ темъ пріобрѣль право на благодарность потомства? Несомнѣнно талантливь быль князь В. П. Кочубей, два раза занимавшій должность министра внутреннихъ дёлъ-но въ первый разъ (1803-7) управленіе его совпало съ заботами объ организаціи министерствъ и съ первыми наполеоновскими войнами, а во второй разъ (1819-25)-съ апогесть аракчеевщины. Въ дарованіяхъ не было недостатка и у Д. Н. Баудова (1832-39), но его дъятельность не ознаменована ни одною выдающеюся мітрой, потому что это вообще не было временемъ выдающихся міврь. Имя С. С. Ланского окружено світлымъ ореоломъ, такъ какъ при немъ состоялось освобождение крестьянъ---но, какъ мы уже имели случай заметить, не онъ играль руководящую роль въ великой реформъ. При П. А. Валуевъ (1861-68) проведены положение о земскихъ учрежденіяхъ (1864) и законъ о печати (1865)-но при немъ же они подверглись первымъ ограниченіямъ и уразкамъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ (1880-1) быль министромъ внутреннихъ дель не болъе девяти мъсяцевъ; начато и задумано имъ было очень многое, но довести до конца ничего не удалось. Графъ Д. А. Толстой, въ качествъ министра внутреннихъ дълъ (1882-89), какъ и раньше, въ качествъ министра народнаго просвъщенія (1866-1880), принадзежаль, безспорно, къ числу замитных государственныхъ деятелей; но до какой степени различны взгляды на значеніе и результаты его "замътной" дъятельности---это не требуеть поясненія. Какъ мало, съ другой стороны, успаль сдалать въ министерства внутреннихъ даль Н. А. Милютинъ-одинъ изъ тъхъ ръдкихъ государственныхъ людей, способности которыхъ сопривасаются съ геніальностью и характеръ стоить на одномъ уровив съ способностими! Можно свазать безъ преувеличенія, что все врестьянское дело получило бы совершенно другой обороть, еслибы С. С. Ланской и Н. А. Милютинъ, вследъ за обнародованіемъ положеній 19-го февраля, не соппли-одинъ навсегда, другой на время-съ политической сцены.

Изъ числа министровъ финансовъ репутацію дѣлового человѣва заслужили гр. Канкринъ и М. Х. Рейтернъ,—репутацію реформатора, осторожнаго, но послѣдовательнаго—Н. Х. Бунге. Между министрами

юстиціи выдается Д. Н. Замятнинь, благодаря тому, что при немь состоялась судебная реформа; но участіе его въ ней было не больше, чемъ участіе С. С. Ланского—въ врестьянской реформе. Чемъ быль Н. А. Милютинъ при С. С. Ланскомъ, тъмъ, до извъстной степени, быль Н. И. Стояновскій при Д. Н. Замятнині- и аналогія довершается темь, что и здёсь введеніе новыхъ порядковъ очень скоро перешло въ руки людей, менбе къ нимъ расположенныхъ. Изъчисла министровъ народнаго просвъщенія выдвигаются на первый планъесли имъть въ виду оговорку, сдъланную нами выше относительно гр. Д. А. Толстого-только гр. С. С. Уваровъ и А. В. Головнинъ; изъ министровъ путей сообщенія—только К. В. Чевкинъ и П. II. Мельниковъ; изъ министровъ государственныхъ имуществъ-одинъ гр. П. Д. Киселевъ; изъ военныхъ министровъ-одинъ гр. Д. А. Милютинъ; изъ морскихъ-одинъ великій князь Константинъ Николаевичъ; изъ министровъ иностранныхъ дълъ-одинъ кн. А. М. Горчаковъ. Объясняется это, быть можеть, отчасти темь, что главных дорогь въ министерскому посту въ XIX-мъ столетін-особенно въ первыхъ трехъ четвертихъ его-было только дей: медленное, но постоянное повышеніе по ісрархической лістниці, вслідствіе чего высшей ся ступени достигали неръдко чиновники, мало подготовленные къ широкой дъятельности (назовемъ, для примъра, министра народнаго просвъщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, министровъ финансовъ О. П. Вронченко и II. Ө. Брока, министра внутреннихъ дёлъ Л. С. Макова) – или военная служба, одно время открывавшая всѣ двери, но, конечно, не дававшая сама по себь ни опытности въ делахъ управленія, ни знаній. Въ первыя семьдесять-пять лътъ XIX-го въка министрами внутреннихъ дёль были, напримёрь, четыре военныхъ генерала (гр. А. А. Закревскій, гр. А. Г. Строгановъ, Д. Г. Бибиковъ и А. Е. Тимашевъ).

Нельзя сказать, чтобы особенно велико было среднее число лётъ, приходящееся на управленіе каждаго министра. Съ 1802 по 1899 г., напримёръ, смёнилось девятнадцать министровъ внутреннихъ дёлъ, т.-е. каждый изъ нихъ управлялъ министерствомъ, въ среднемъ, съ небольшимъ пять лётъ. Средняя продолжительность управленія министерствомъ финансовъ нёсколько больше—семь съ половиною лётъ (съ 1802 по 1892 г. смёнилось двёнадцать министровъ). Семь лётъ—средняя цифра управленія министерствомъ юстиціи; шесть съ половиною лётъ—средняя цифра управленія министерствомъ народнаго просвёщенія. Реальныя цифры вездё значительно уклоняются отъ среднихъ: низшія составляють два года, годъ или еще меньше (министры внутреннихъ дёлъ гр. Строгановъ, Бибиковъ, Маковъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, министръ финансовъ Абаза, министры народнаго просвёщенія гр. Пу-

тятинъ и бар. Николаи, министръ юстиціи кн. Урусовъ); высшія превосходять полтора или даже два десятильтія (министръ народнаго просвъщенія гр. Уваровъ, министръ финансовъ гр. Канкринъ, министръ юстиціи гр. Панинъ). Двадцатидвухльтнее министерство гр. Панина свидътельствуеть о томъ, что не всегда продолжительность управленія прямо пропорціональна его внутреннему достоинству.

Занончимъ бъглый очеркъ столътіи министерствъ историческою параллелью. Россія до-реформенная, а отчасти и по-реформенная, имъетъ много общаго съ Пруссіей первой половины XIX-го въда. Значеніе министровъ, и тамъ, и туть, одинаково велико-въ Пруссіи, можеть быть, даже нъсколько больше, потому что меньшую роль играли въ ней учрежденія, соотв'єтствующія нашимъ государствевному совъту и комитету министровъ. Какъ и у насъ, министрамъ въ Пруссіи тімъ трудніве было пріобрівсти и сохранить господствующее вліяніе, чёмъ шире они понимали свое призваніе, чёмъ рёшительные шли въ цъли. Судьба Штейна и Вильгельма Гумбольдта напоминаеть нъсколько судьбу Сперанскаго, съ тою, конечно, разницею, что потеря власти не была сопряжена для первыхъ съ преследованіями и лишеніями, какимъ подвергся послёдній. Тёмъ не менёе талантливыхъ государственныхъ людей въ последнія тридцать леть царствованія Фридриха-Вильгельма III-го всегда было немало, и имъ удавалось достигнуть сравнительно многаго. Гарденбергь-правда, нъсколько опустившійся и ослаб'явшій-держался на своемъ посту до самой смерти. Альтенштейнъ, окруженный преданными и даровитыми сотрудниками, около тридцати лътъ сряду управлялъ министерствомъ народнаго просвъщенія, положиль прочную основу свътской начальной школь и подняль на небывалую высоту прусскія гимназін и университеты. Мивистры финансовъ Мотцъ и Маассенъ, дъятельность которыхъ была прервана только смертью, создали знаменитый таможенный союзь, этоть первый красугольный камень германскаго единства. Военный министръ Бойенъ, одно время находившійся въ опаль, возвратился въ власти и окончательно укръпилъ военное устройство, призванное въ жизни его учителемъ Шарнгорстомъ. Много замъчательныхъ людей выдвинули на сцену и первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма IV-го (Эйхгорнъ, Савины, Водельшвингъ, Арнимъ, Флоттвель, Радовицъ)-и если они мало успъли сдълать для Пруссіи, то это объясняется тымь, что королю недоставало умынья ставить den rechten Mann an die rechte Stelle. Несомивино, во всякомъ случав, одно: несмотря на значительное сходство условій, уровень центральнаго государственнаго управленія быль въ Пруссіи гораздо выше, чыть въ Россіи.

Изъ ръчей, произнесенныхъ по поводу стольтія министерствъ, наибольшее внимание обратила на себя рёчь министра внутреннихъ дълъ. Она подтверждаеть еще разъ, что на очереди стоить рядъ важныхъ преобразованій. "Усиливая распорядительную власть на мъстахъ", -- свазалъ В. К. фонъ-Плеве, -- "необходимо упростить порядовъ ен дъйствія, дабы интересы и удобства населенія нолучили вящшее огражденіе. Въ ближайшемъ будущемъ предположены при министерствъ совъщанія, въ которыя будуть призваны лица мъстнаго управленія. Въ этихъ сов'ящаніяхъ предстоить обсудить міры нь болье правильному сочетанію діятельности административной и общественной, большей определенности въ ихъ взаимныхъ отношенияхъ и болфе двятельному участію містныхь людей въ трудахь містнаго управленія... Превыше всёхъ заботь нашего времени является возв'ященная Государемъ Императоромъ въ Курскъ задача упорядоченія крестьянскаго дёла, со всёми привходящими сюда сложными вопросами сельскаго быта. Было бы легкомысленнымь самомничнемь полагать, что съ этими вопросами министерство внутреннихъ дъль можеть справиться своими силами, но оно желало бы внести свои труды въ сокровищницу вспять творческих духовных силь страны". Дальше В. К. фонъ-Плеве выражаеть надежду, что "въ сужденіяхъ особаго совъщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности многія стороны крестьянскаго дела получать необходимое выяснение", и напоминаеть, что въ трудамъ по крестьянскому преобразованію рішено привлечь "дёятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ". Центромъ тяжести рвчи В. К. фонъ-Плеве должны быть признаны, безъ сомнънія, подчеркнутыя нами слова, особенно цінныя тъмъ, что они идутъ въ разръзъ съ модной теоріей административнаго всевъдънія и "ограниченности ума подданныхъ". Съ точки зрънія этой теоріи всь задачи, не исключая самыхъ сложныхъ и самыхъ важимхъ, признаются легворазрёшимыми для администрацін-и не только неразрѣшимыми, но даже неудобопонятными для обыкновенныхъ смертныхъ. Ея сторовникамъ не могло бы придти въ голову говорить о "творческихъ духовныхъ силахъ страны", какъ о сокровищницъ, однимъ изъ вкладовъ въ которую является административная работа. Часть, въ ихъ глазахъ, больше цёлаго; правительственная мысль устраняеть необходимость въ какой бы то ни было другой. Понятно, какимъ въскимъ отпоромъ этому взгляду служать слова министра внутреннихъ дълъ. Они объщають широкое участіе общественнаго элемента въ подготовкв преобразованів-участіе, обнямающее собою всю творческія силы страны. Условія осуществимости такого участія — вполив свободпое обсуждение очередныхъ вопросовъ въ печати и въ общественныхъ собраніяхь, и вийсти съ тимь приминеніе выборнаго начала, единственнаго, обезпечивающаго сколько-нибудь всестороннее выяснене дѣла. Представимъ себѣ, что "дѣятели, опытомъ жизни ознакомленные съ сельскимъ бытомъ", будутъ привлечены къ совѣщанію ярилашеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Совершенно неизбѣжно это приглашеніе коснется если не исключительно, то преимущественно такихъ лицъ, взгляды которыхъ болѣе или менѣе близки къ господствующимъ въ данную минуту—и въ результатѣ получится не увеличеніе суммы "творческихъ силъ", а ростъ одной изъ нихъ, и безъ того, по своему положенію, имѣющей перевѣсъ надъ всѣми другими. Припомнимъ, напримѣръ, что представляли собою тѣ "свѣдущіе люди"—губернаторы и губернскіе предводители дворянства, — которые были приглашены, въ восьмидесятыхъ годахъ, къ участію въ составленіи положеній о земскихъ учрежденіяхъ и о земскихъ начальникахъ.

Изъ того мъста ръчи министра внутреннихъ дълъ, которое касается творческихъ духовныхъ силъ страны, можно, какъ намъ кажется, вывести еще одно заключеніе. Подъ именемъ "діятелей, опытомъ жизни ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ", которые примуть участіе въ "упорядоченіи" крестьянскаго дела, разуменотся, очевидю, люди разныхъ званій и положеній, служащіе и неслужащіе, лишь би только они стояли близко къ деревенской жизни. Но что такое тв "лица мъстнаго управленія", которыя будуть призваны въ совъщавіе (или совъщанія) о преобразованіи губернскихъ учрежденій министерства внутреннихъ дълъ? Если бы задача этого преобразованія была чисто бюрократическая, еслибы имълись въ виду только перемъны во внёшнемъ устройстве и въ взаимныхъ отношеніяхъ присутственныхъ мъстъ, -- эксперты, приглашаемые къ участію въ работъ, безъ всяваю неудобства, могли бы быть лицами мъстнаго управленія въ тесномъ смыслы слова, т.-е. служащими въ мыстныхъ административныхъ учрежденіяхъ. На самомъ дель, однако, задача совещанія гораздо шире. Даже въ той своей части, которая прямо относится къ организаціи управленія, она направлена, между прочимъ, къ "вящшему огражденію интересовъ и удобствъ населенія" — а о сущности этихъ интересовъ и о способахъ ихъ охраны представители населенія могуть судить, безъ сомнънія, отнюдь не хуже, чъмъ представители администраців. Этого мало: совъщанию предстоить посудить мъры къ болье правильному сочетанию деятельности общественной и административной, большей опредъленности въ ихъ взаимныхъ отношенияхъ и болъе двятельному участію местных людей въ трудах местнаго управленія". Успѣшное достиженіе этой цѣли возможно только при дружныхъ усиліяхь всёхъ "творческихъ силъ страны". Мы думаемъ, поэтому, что подъ именемъ "лицъ мъстнаго управленія" слъдуеть понимать въ данномъ случав не только состоящихъ на государственной службъ,

не только занимающихъ исполнительныя должности по выбору земскихъ собраній и городскихъ думъ, но и вообще людей, соприкасающихся съ задачами управленія, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — напр., гласныхъ, земскихъ статистиковъ, земскихъ врачей, землевладъльцевъ, земледъльцевъ, а также теоретическихъ знатоковъ управленія и самоуправленія.

Какъ важенъ способъ обсужденія преобразованій, касающихся "болве правильнаго сочетанія діятельности административной и общественной "-объ этомъ можно судить по решенимъ вопроса, преллагаемымъ реакціонною печатью. "Московскія Відомости" (№ 9) желали бы ограничить роль мъстнаго общественнаго элемента совъщаніемь съ органами правительственной власти и предоставленіемъ м'встнымь людямь привилений и преимущество въ области мъстной государственной службы. Последняя мысль, по мненію газеты, "проведена полно и обстоятельно въ учрежденіи земскихъ начальниковъ" (!). Итакъ, стоитъ только присоединить къ земскимъ начальникамъ еще одну или нъсколько категорій чиновниковъ, большею частью (но далеко не всегда) назначаемыхъ изъ среды мъстныхъ дворянъ-землевладёльцевь, окружить губернатора нёсколькими, имъ самимъ (или его начальствомъ) приглашенцыми совътниками, мивніе которыхъ могло бы быть имъ, по усмотрвнію, принято или не принято-и въ весяхъ и градахъ водворилась бы тишина, процвёло бы ничёмъ не возмущаемое благоденствіе! Конечно, при этомъ пришлось бы положить конець существованію земскихъ и городскихъ учрежденій -но это нимало не смущаеть нашихъ прожектеровъ. Признавая, что "уничтожение выборныхъ общественныхъ самоуправлений явится у насъ не только коренной реформой, но цёлымъ государственнымъ переворотомъ, чуть не революціей", "Московскія Вѣдомости" (№ 16) успоконвають себя мыслью, что это была бы "революція не снизу. а сверху, созидательная, а не разрушительная", исправляющая ошибку, въ которую виало правительство шестидесятыхъ годовъ, совершивъ "революцію въ демократическомъ духв". Что собственно московская газета считаеть демократическою революціею-одно ли только Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864-го года, или, вивств съ нимъ, другія великія реформы того же времени (крестьянскую, университетскую, судебную, законъ о печати)-это остается неизвъстнымъ: но въ обоихъ случаяхъ измышление ихъ одинаково далеко оть истины. Революціей сверху можно называть только ломку во что бы то ни стало (въ роде Петровской), ломку, не принимающую въ разсчетъ ни степени развитія общества, ни его стремленій и желаній, ломку, не оставляющую, по крайней мірів въ данной области, камня на камнъ. Нашимъ противникамъ очень хорощо извъстно, что

Digitized by Google

этихъ условій реформы шестидесятыхъ годовъ въ себв не соединали; иначе за нихъ не стоялъ бы, въ моментъ ихъ совершенія, тогдашній редакторъ "Московскихъ Въдомостей" (М. Н. Катковъ), ужъ конечно не принадлежавшій къ числу "революціонеровъ" (хотя бы "сверху") или демократовъ .. "А общественное мивніе"?--вопрошаетъ, далье, газета. "Да оно все горой станеть за правительство, лишь только услышить отъ него призывъ къ твердой, раціонально-самодержавной политик Россіи, призывъ, выраженный въ ясныхъ словахъ, не подающихъ повода къ какимъ-либо лжетолкованіямъ". Хорошо было бы, нечего сказать, общественное мненіе, въ настроеніи котораго радикальная неремвна могла бы быть произведена несколькими "ясными словами"! Газета принимаеть, очевидно, часть за цёлое, небольшой кругь своихъ единомышленниковъ — за русское общество. Она упускаеть изъ виду, что параллельно съ внъшними рамками общества растетъ и его внутренняя зрёлость. Болёе чёмъ страшно было бы отказывать ему теперь даже въ томъ, чего оно-съ полнымъ основаніемъ-считалось достойнымъ нъсколько десятильтій тому назадъ.

Чтобы оцвнить вполив значение "революцін", предлагаемой "Московскими Въдомостями", необходимо ознакомиться съ ея "созидательною" стороною. Эта сторона выражена въ проектъ, составленномъ однимъ изъ сотрудниковъ московской газеты (г. Нилусомъ) и прочитанномъ имъ въ засъданіи мценскаго увзднаго комитета 1). Въ основъ проекта лежить, какъ и слъдовало ожидать, "помъстная дворянская власть", только еще больше приближенная въ населенію, поставленная надъ каждымъ отдъльнымъ церковнымъ приходомъ. "Сельскій начальникъ", назначенный и непремінно православный, причащающійся по меньшей мірь однажды вь годь, должень відать "всі стороны сельскаго существованія" (следовательно и судъ?), кроме развъ спеціально-техническихъ. Совъщаніе сельскихъ начальниковъ, подъ предсёдательствомъ убзднаго предводителя дворянства (также назначеннаго, а не выборнаго), должно заменить собою земское собраніе. Чтобы власть сельскаго начальника "не выродилась въ сатрапію", надлежить дать ей "коррективъ" въ непрестанномъ фактическомъ контролъ верховной власти (черезъ кого?) и въ совъщательномь приходскомъ совътъ, жалобы котораго на сельскаго начальника разрѣшались бы губернаторомъ. Чтобы новыя дворянскія должности не обратились въ чиновничество, вознаграждение сельскимъ начальникамъ должно быть назначено не въ видъ жалованыя, а въ видъ дохода съ участка земли (въ орловской губерніи-около 300 десятивъ),

¹⁾ Нужно полагать, что въ средъ комитета проектъ г. Нилуса не нашель поддержки; иначе о ней не преминули бы сообщить "Московскія Въдомости".

обстроеннаго за счеть казны и переходящаго къ наследникамъ, если они сохранять за собою званіе сельскаго начальника. Издержки на пріобрѣтеніе и обзаведеніе такихъ участковъ г. Нилусь опредъляеть для одной орловской губернін въ сорокь восемь милліоновь рублей. У кого уже есть земля, но заложенная въ дворянскомъ банкъ, тоть вознаграждается за службу въ званіи земскаго начальника соотвътственною скидкою въ банковыхъ платежахъ. Итакъ, громадныя пожертвованія государства въ интересахъ небольшой горсти людей и фактически неограниченная власть этой горсти надъ массой народавоть сущность проекта г. Нилуса, представляющаго собою, собственно, не что иное, какъ новую форму старыхъ вожделеній. Любопытно видёть, какъ г. Нилусъ старается оградить себя отъ упрека въ крепостничестве, неизбежно возбуждаемого его проектомъ, "Этоть упрекъ" — восилицаетъ онъ — "могутъ намъ бросить за глаза, за спиной нашей, только враги нашей самобытности, закрепощающие или частью уже закрепостившіе трудъ нашъ и нашего рабочаго своимъ капиталомъ, весьма часто иностраннаго, если не еврейскаго происхожденія". Не слишкомъ ли ужъ сильно г. Нилусъ разсчитываеть на наивность своихъ слушателей и читателей? Закръпощеніе капиталомъ весьма возможно и весьма антипатично, но развъ оно исключаетъ собою закръпощеніе властью? Развъ оба вида закръпощенія не соединяются иногда въ рукахъ помъщика - работодателя и вмъстъ съ темъ начальника?.. Изъ того, что разные виды крепостничества вступають иногда въ борьбу между собою, еще не слёдуеть, чтобы у нихъ не могло быть общихъ враговъ, преследующихъ принципъ завръпощенія, въ какой бы формъ и подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни проявлялся.

Въ одной изъ прошлогоднихъ общественныхъ хроникъ ¹) мы привели, со словъ корреспонденціи изъ богородицкаго уйзда (тульской губерніи), характерный фактъ административнаго вмёшательства въ хозяйственную жизнь деревни— оштрафованіе земскимъ начальникомъ крестьянъ, не соглашавшихся на передёлъ надёльной земли. Мы не назвали при этомъ ни деревни, ни земскаго начальника—но получили, тёмъ не менёе, возраженіе, съ которымъ считаемъ долгомъ ознакомить нашихъ читателей. Авторъ возраженія, бывшій земскій начальникъ Бырдинъ, излагаетъ, прежде всего, обстоятельства, въ силу которыхъ передёлъ земли былъ необходимъ въ интересахъ большинства крестьянъ. Ознакомившись съ этими обстоятельствами, земскій начальникъ предложилъ крестьянамъ, желавшимъ передёла,

¹) См. № 11 "Вѣстн. Европы" за 1902 г., стр. 445.

составить о томъ приговоръ, что и было сдёлано (не въ камерь земскаго начальника). При провъркъ приговора противники передъла кричали и шумбли, увбрия, вопреки документамъ, что земля принадлежить имъ подворно. Они были оштрафованы каждый по пяти рублей "за неприличное поведение и за азартное и упорное перетолковываніе положенія, въ противность очевиднымъ доказательствамъ". Имъ не объявляли, что штрафъ будеть сложенъ съ техъ, кто перемънить свое мивніе, но штрафъ дъйствительно быль сложень съ одного изъ нихъ, подписавшаго приговоръ и темъ самымъ искупившаго свою вину сознаніемъ своей неправоты. Во всякомъ случав несогласіе 14 крестьянъ изъ 51 не могло послужить препятствіемъ совершенію передёла. Съ несознавшихъ своей вины было взыскано по двъ овцы для покрытія штрафа, и не черезъ два дня, какъ сказано въ нашей хроникъ, а на другой же день. "Съ формальной точки зрънія"-пишеть, далье, авторь возраженія, -, следовало бы выпроводить изъ камеры большинство желающихъ передълиться, предоставивь ихъ въ полное распоряжение кулаковъ деревни; но каждый человъкь, въ томъ числъ и земскій начальникъ, никогда не можеть быть юридической машиной и, видя бъдственное положение цълой группы людей, обратившихся въ нему за помощью, не можетъ отказаться отъ простого человъческаго чувства-желанія придти на помощь". Признавая, вмёстё съ нами, что никакая хозяйственная дёятельность не можеть быть успъшна, когда козяннъ не обезпеченъ отъ давленія на его волю, авторъ возраженія находить, что эта мысль непримінима къ данному случаю, такъ какъ "вмѣшательство въ административное управленіе всего общества не есть вмішательство въ частное хозяйство, и частный хозяинъ будетъ вести свое хозяйство все такъ же. только на большемъ или меньшемъ участки земли". "Вистникъ Европы" --- читаемъ мы дальше, --- "осуждая навърное канцелярское, мертвое отношеніе къ дёлу и педантизмъ, здёсь хватается за нихъ, лишь бы доказать, что ст. 61 Полож. о Земск. начальникахъ не выдерживаеть критики, какъ дающая широкій просторъ для проявленія власти начальника надъ крестьянами; но это же самое можно доказать и другимъ, болъе правильнымъ путемъ". Въ заключение авторъ возражени просить о перепечаткъ его въ тъхъ изданіяхъ, которыя воспроизвели у себя сообщение "Въстника Европы".

Нетрудно замѣтить, что въ фактическую сторону дѣла, какъ она была изложена нами въ ноябрьской хроникѣ, авторъ возраженія никакихъ существенныхъ поправокъ не вноситъ. Что приговоръ о передѣлѣ былъ подписанъ не въ камерѣ земскаго начальника и что овци были проданы на другой же день, а не черезъ два дня—это, очевидно, совершенно безразлично. Подтверждается вполнѣ оштрафова-

ніе противниковъ переділа, не только за неприличное поведеніе, но и за "упорное перетолковыванье" законовъ и документовъ, т.-е., въ сущности, за митьніе, быть можеть неправильное, но во всякомъ случав не составляющее ни проступка, ни противодвиствія земскому начальнику. Подтверждается сложение штрафа съ подчинившагося приговору; подтверждается продажа овець у остальныхъ; не опровергается ни отсутствіе провёрки приговора на мість, ни передача обработанной и приготовленной къ посъву земли, безъ вознагражденія, изъ однъхъ рукъ въ другія. Остается неразъясненнымъ, почему, при наличности, съ самаго начала, большинства двухъ третей голосовъ, стоявшаго за передълъ, принимались экстренныя мъры къ уменьшенію числа несогласныхъ. Напрасно авторъ возраженія полагаеть, что съ формальной точки зрвнія, которой мы, по его мненію, держимся, следовало удалить изъ камеры сторонниковъ передела; ни формальныхъ, ни неформальныхъ основаній къ тому не было, потому что, составляя требуемое закономъ большинство, они имъли полное право приступить къ составленію приговора. Совершенно ошибочно, дал'ве, утвержденіе, что вмішательство земскаго начальника въ переділь земли есть вившательство въ административное управление всего общества, а не въ частное хозяйство. Передълъ-вопросъ не административный, а чисто-хозяйственный; касается онъ вовсе не общества, какъ административной единицы, а общины, какъ единицы хозяйственной (въ отдъльныхъ случаяхъ общество сливается съ общиной, но и тогда функціи ихъ совершенно различны). Владбеть ли крестьянинъ землею на правъ личной собственности или на правъ общиннаго владвнія - во всякомъ случав онъ владветь ею какъ жозянь. Никакая посторонняя власть не должна диктовать ему решенія, не должна косвенно понуждать его, арестомъ или штрафомъ, къ тому или другому образу дъйствій относительно его имущества. Согласіе или несогласіе на передъль должно быть свободно, какъ и всякое другое распоряжение имуществомъ. Принципіальное разногласіе между нами и авторомъ возраженія совершенно ясно: онъ думаеть, становясь на патріархальную точку зрінія, что патріархальная власть, ради хорошей цъли, можеть позволить себъ нъкоторое насиліе надъ чужою волей-а мы считаемъ такое насиліе во всякомъ случав опаснымъ и вреднымъ. Понятіе о хорошей цёли очень растяжимо, неправильное примънение его болъе чъмъ въроятно, а для патріархальныхъ отношеній, какъ и для патріархальной власти, среди условій нашего времени давно уже не остается мъста.

NHOCTPAHHOE OFO3PBHIE

1 февраля 1903.

Парламентскія пренія въ Германіи.—Инцидентъ съ депутатомъ Фольмаромъ.—Опповиціонныя рѣчи и отвѣты графа Бюлова.—Рѣчь Бебеля и президентскій кризись въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкая "міровая" политика.—Восточно-турецкія дѣла: британская нота о проливахъ и македонскій вопросъ.

Въ Германіи значительная часть общественнаго мнѣнія выражаетъ сильное неудовольствіе по поводу черезчуръ предпріимчивой и дорого стоющей "міровой" политики имперскаго правительства. Иниціатива въ такихъ предпріятіяхъ, какъ экспедиціи противъ Китая и Венецуэлы,—точно также, какъ и въ постоянныхъ требованіяхъ новыхъ кредитовъ на созданіе могущественнаго военнаго флота,—приписывается лично Вильгельму II, который вообще не привыкъ скрывать свои мысли и желанія. Увеличеніе государственныхъ расходовъ при хроническомъ промышленномъ кризисѣ привело къ дефициту въ обоихъ бюджетахъ — имперскомъ и прусскомъ, — на 118 милліоновъ марокъ въ первомъ, и на 72 милліона во второмъ; для покрытія этихъ недочетовъ предположено прибъгнуть къ займамъ—средству, крайне недопулярному въ Германіи.

Первыя засъданія имперскаго сейма въ началь новаго года отличались поэтому необыкновеннымъ оживленіемъ. Передовыми застрѣльщивами оппозиціи были, конечно, соціаль-демократы; но и представители центра и національ-либералы, --- не говоря уже о прогрессистахъ, - высвазывались отчасти противъ правительства, причемъ нъкоторые ораторы подвергали откровенной критикъ публичныя заявленія и рібчи самого Вильгельма II. Подобная критика давно уже пріобрѣла право гражданства въ нъмецкой печати, и она вовсе не считается несовивстимою съ исключительнымъ положениеть и авторитетомъ императора. Согласно общепринятой конституціонной теоріи, за всв политическія двиствія и річи монарха отвічають министры, и потому въ парламентв допускается обсуждение этихъ дъйствий и ръчей только въ формъ критическаго разбора и одънки министерской политики. Въ засъданіи 20 января, соціалисть фонъ-Фольмарь безпрепятственно говорилъ о телеграммъ къ баварскому принцу-регенту, имъвшей всъ признави вмъшательства во внутреннія дъла союзнаго государства; наканунь объ этой же телеграммы отзывался въ осудительномъ тонъ депутатъ центра Шедлеръ. Но когда фонъ-Фольмаръ коснулся заявленій императора по случаю смерти Круппа, онъ быль остановленъ президентомъ палаты, графомъ Баллестремомъ, на томъ основаніи, что Круппъ быль частнымъ челов'вкомъ и что выраженія чувствъ по поводу его кончины имали приватный характеръ. Фольмаръ объяснилъ, что хочетъ говорить не о Круппъ, а о двухъ ръчахъ, опубликованныхъ оффиціально и имфющихъ самостоятельное политическое значеніе. Президенть имперскаго сейма остался при своемъ ръшени, несмотря на шумные протесты. "Вы можете, — заявилъ онъ, -- обсуждать императорскія річи, касающіяся публичныхъ діль, но не такія, какъ по поводу Круппа". Фольмаръ отвътилъ, что онъ намъревался упомянуть лишь о той ръчи, которою "обругана была соціально-демократическая партія"; графъ Баллестремъ продолжаль отстаивать свою точку зрвнія, повторяя, что это было частное двло, не подлежащее обсуждению парламента. Произошель интересный діалогь, которому сопутствовали громкіе возгласы соціаль-демократовъ: тринадцать разъ депутатъ фонъ-Фольмаръ сповойно подтверждалъ свое право говорить о публичномъ оскорбленіи партіи, представляющей два милліона избирателей, и столько же разъ отвінчаль ему президенть, ссылаясь на свою дискреціонную власть. Фольмару было, однако, предоставлено окончить свою річь, и онъ успіль сказать нісколько ръзкихъ фразъ о тенденціяхъ, противоръчащихъ общественной морали и ведущихъ прямо къ бонапартизму. Имперскій ванцлеръ, графъ Бюловъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы не только опровергнуть предположенія Фольмара и его единомышленниковъ, но и изложить свои общія политическія идеи.

"Попытка представить императора врагомъ рабочаго класса, сказалъ, между прочимъ, канцлеръ, -- неосновательна исторически и психологически. Всв мы знаемь, что соціальное законодательство въ Германіи вызвано къ жизни императоромъ Вильгельмомъ І. Наша монархія сділала для трудящихся влиссовъ гораздо больше, чімъ сдівлано до сихъ поръ въ пользу рабочихъ въ какой-либо другой странъ... Императоръ проникнутъ сознаніемъ, что государство должно оказывать поддержку и покровительство хозяйственно-слабымъ элементамъ населенія, -- какъ промышленнымъ работникамъ, такъ и земледальческимъ. Вмъсть съ тъмъ, по убъждению императора, монархии, перешедшія отъ стараго къ новому государственному строю въ началъ истевшаго стольтія, достаточно сильны и дальновидны, чтобы смятчить или по возможности устранить темныя стороны и неблагопріятныя явленія, которыя, на ряду со многими светлыми сторонами, порождены современнымъ соціальнымъ развитіемъ. Его величество и союзныя правительства держатся того взгляда, что задача нашего столътія — завершеніе соціальнаго законодательства. Императоръ твердо

убъжденъ, что рабочіе должны быть равноправны съ другими классами и сословіями и что эта равноправность должна получить свое законодательное выражение. Если рабочие чувствують потребность въ какихъ-нибудь заявленіяхъ, то въ моихъ глазахъ только такія заявленія имівоть вісь, которыя проистекають изъ свободной воли рабочихъ. Такія заявленія я приветствую, какъ доказательство того, что значительная часть рабочихъ предана императору и имперіи; но я не придаю никакого значенія манифестаціямь, которыя вызываются внъшнимъ давленіемъ или чужимъ воздъйствіемъ. Депутать фонъ-Фольмаръ говорилъ о бонапартистскихъ тенденціяхъ. Я не знаю ни одного примъра, гдъ можно было бы усмотръть нарушение императоромъ имперской конституціи. Но, оставаясь въ рамкахъ конституціи, онъ имветь не только право, но и обязанность осуществлять въ полномъ объемъ предоставленныя ему конституцією полномочія. Къ чему всь эти толки объ абсолютизмъ, бонапартизмъ, цезаризмъ и т. п.? Слушая темные намеки депутата фонъ-Фольмара, я невольно спрашивалъ себя, не нахожусь ли я — вийсто германскаго рейкстага — гдй-нибудь въ Маровко или въ Китав? Укажите мнв коть одинъ случай, когда конституціонныя права німецкаго народа были бы въ чемъ-либо затронуты его величествомъ, нъмецкими государями или министрами. Мнъ вообще неизвъстны въ Германіи государи и министры, расположенные къ самовластію. Абсолютизмъ-не нѣмецкое слово и не нѣмецкое понятіе. Это- азіатскій продукть, и въ Германіи не будеть річи объ абсолютизмъ, пока наши общественныя условія развиваются въ дукъ порядка и законности, съ соблюдениемъ правъ короны, которыя столь же священны, какъ и права гражданъ... Право личной иниціативы императора не можеть и не должно быть сокращаемо никакимъ имперскимъ ванцлеромъ; это не соотвътствовало бы понятіямъ и интересамъ нъмецкаго народа. Нъмецкій народъ вовсе не хочеть имъть только тынь императора; нымецкій народь желаеть императора съ мясомъ и кровью. Что касается канцлера, то если онъ достоинъ этого званія, если онъ вообще человівть, а не старая баба, -- онъ не будеть покрывать собою ничего такого, чего не оправдываль бы передъ своею совъстью по чувству долга. Только исполнительнымъ органомъ, простымъ орудіемъ канцлеръ служить не можеть, - это было бы несогласно ни съ интересами нъмецкаго народа, ни съ желаніями его величества императора. Императоръ отлично переносить противорвчія; онъ совсвиъ не хотвль бы иметь канцлера, который быль бы неспособень возражать".

Рѣчь графа Бюлова не произвела большого впечатлѣнія, такъ какъ, въ сущности, она не сообщала ничего новаго нѣмецкой публикѣ; притомъ общее вниманіе возбуждено было инцидентомъ съ Фольмаромъ и обнаруженнымъ въ этомъ случав разладомъ между президентомъ имперскаго сейма и вліятельною частью оппозиціи. Графъ Баллестремъ, силезскій магнать, принадлежащій къ партіи ватолическаго центра, отличался до последняго времени замечательными безпристрастіеми и тактомъ, охрания права палаты и каждаго изъ ея членовъ съ неизмвнного энергіего и находчивостью. чёмъ пріобрёль популярность даже среди непримиримыхъ оппозиціонныхъ группъ; но на этотъ разъ даже умъренныя берлинскія газеты находили его поведеніе непонятнымъ. Трудно было объяснить себъ, почему оффиціально обнародованныя рвчи, направленныя отчасти противъ одной изъ парламентскихъ партій, имбють частный, интимный характерь и не должны подвергаться критикъ, тогда какъ телеграмма къ баварскому принцу-регенту, напечатанная не въ "Имперском в Указатель", а въ бюллетеняхъ частнаго телеграфиаго агентства, могла свободно обсуждаться въ парламенть. Образъ дъйствій президента оказался неожиданнымъ для правительства и не встретиль поддержки въ консервативномъ лагере. На следующій день, въ заседаніи 21-го января, известный вождь прогрессистовъ, Евгеній Рихтеръ, послі обстоятельнаго и дільнаго анализа онасныхъ бюджетныхъ увлеченій, заговорилъ и о политическихъ вопросахъ, затронутыхъ наканунъ фонъ-Фольмаромъ и графомъ Бюловомъ. "Прежде, - по его словамъ, - запрещалось вообще вносить въ пренія имя императора; но другія времена-другіе нравы. Другіе обычан навязываются намъ, потому что обстоятельства измёнились. Если ваявленія монарха, сдёланныя публично и имёющія самыя чувствительныя последствія, могуть быть повсюду обсуждаемы, но не въ рейхстагь, то это нельзя назвать иначе какъ конституціоннымь фарсомъ... Имперскій канцлеръ опять читаль намъ лекцію о формальной и нравственной ответственности. Правда, формальная ответственность мало чёмъ отличается отъ нравственной, когда нёть возможности примънить ее въ делу на практикъ. Но канцлеръ самъ призналъ себя отвътственнымъ; онъ подтвердилъ это тъмъ, что отвъчалъ на возраженія. Относительно телеграммы изъ Свинемюнде къ баварскому регенту выяснилось, что ванцлеръ ничего о ней не зналъ; еслибы онъ былъ спрошенъ предварительно, то, безъ сомнанія, онъ настоятельно отсовътоваль бы дълать такой неловкій шагь. Очень пріятно было слышать, - продолжаль Рихтерь, - что императорь охотно переносить противорвчія. Странно, однако, что все еще возможны публичныя заявленія, о которыхъ не предувъдомленъ имперскій канцлеръ. Тогда канцлеръ не имъетъ основанія говорить объ обоюдной доброй воль, ибо его воля въ данномъ случат совершенно отсутствовала. Но это песогласно съ конституціею и невозможно даже въ абсолютистскомъ государствѣ; это практика прежнихъ въковъ, когда подобные пріемы кабинетнаго

управленія иногда были вполить безвредны. Даже намъ часто становится трудно следить за текущими делами законодательства, а тугь монархъ долженъ быть вомпетентнымъ по всёмъ вопросамъ. Онъ долженъ знать и делать еще многое другое; онъ долженъ, какъ это у насъ уже принято издавна, понимать нёкоторыя подробности военнаю и морского дёла; онъ обязанъ заниматься всёми вообще законодательными вопросами. При такихъ условіяхъ монархъ, при самомъ искреннемъ желаніи, не можеть настолько углубиться въ какой-нибудь отдельный законопроекть, чтобы въ частностяхъ считать свое межне болве правильнымъ, чвмъ мивніе министровъ и депутатовъ. Къ тому же узвій кругь, которымъ ограничены личныя сношенія монарховь, отдаляеть ихъ оть широкихъ слоевъ народа. Неудивительно поэтому, что при нъкоторыхъ публикаціяхъ мы невольно хватаемся за голову и спрашиваемъ себя: какъ это могло случиться? Въроятно, никогда еще не было такъ трудно быть министромъ, какъ въ настоящее время; министры у насъ не находятся въ завидномъ положени". При этих словахъ Рихтера, какъ значится въ парламентскихъ отчетахъ, графъ Бюловъ одобрительно "киваетъ головой". Въ своемъ краткомъ отвъть имперскій канцлерь еще сильне прежняго подчеркнуль своеобразную и выдающуюся политическую роль Вильгельма II. "Государственный человъвъ въ конституціонномъ государствъ-сказаль графъ Бюловъ-обязавъ считаться съ индивидуальностью монарха. Задача ответственнаго министра существенно затрудняется сильною, ярко выраженною индивидуальностью, и потому я выразиль свое согласіе съ разсужденіями депутата Рихтера. Но такая сильная индивидуальность приносить пользу всему государству. За границею жаждуть появленія крупной индивидуальности. Императоръ свободенъ отъ предразсудновъ. Безъ всякаго византійства утверждаю я, что въ немъ нътъ ничего мелочнаго; вы можете приписывать ему что угодно, но филистеромъ нельзя его назвать. Критика должна, однако, направляться не противъ личности императора, а противъ меня. Еслибы существовалъ разладъ, я тотчасъ устраниль бы его своимъ выходомъ въ отставку. Что касается нашей иностранной политики, то мы никому не навязывали своего союза или дружбы: мы даромъ не дълаемъ никакихъ реальныхъ уступокъ. Мы ни у кого не заискиваемъ; мы не больше нуждаемся въ другихъ, чёмъ другіе въ насъ. Грубость не есть достоинство, и жесткость не есть твердость. Въчныя ругательства по адресу чужихъ націй не служать еще доказательствомъ върнаго національнаго чувства. Шовинизмъ-не то же самое, что любовь къ отечеству. Мы не должны принимать тонъ высокомърія и хвастливости, который мы ставили въ вину другимъ".

Наибольшій интересъ представляло засёданіе 22 января, когда на

сцену выступиль лучшій и популярньйшій ораторь современной Германіи, Августь Бебель. Онъ говориль въ теченіе трехъ часовъ, при напряженномъ вниманіи переполненной палаты. Онъ разбираль бюджеть, разко осуждаль вившиюю политику и разныя колоніальныя предпрінтія, послів чего приступиль нь защить соціаль-демократіи оть враждебныхъ публичныхъ отзывовъ императора, -- и хотя ораторъ не ственняся въ выраженіяхъ, онъ ни съ чьей стороны не вызваль протеста и ни разу не быль остановлень президентомъ, графомъ Баллестремомъ. Онъ не былъ остановленъ и тогда, когда указалъ на неправильность запрещенія, выпавшаго на долю Фольмара, и сталь разсуждать о різчахъ по поводу смерти Круппа. "Нападки императора, по словамъ Бебеля, --приносили только пользу соціаль-демократіи; каждан инператорская рвчь доставляеть этой партін лишнюю сотню тысячъ голосовъ". Бебель съ горечью упомянулъ и о словахъ юнаго кронпринца, который въ обращеніи къ явившейся ему депутаціи рабочихъ назвалъ соціаль-демократовъ "презрѣнными". Графъ Баллестремъ какъ будто измънилъ свою тактику и предпочелъ молчать до кония. Умъренный "Berliner Tageblatt" объясняеть это господствующимъ настроеніемъ имперскаго сейма и всего общественнаго мивнія. По существу, -- замъчаетъ газета, -- всъ сознавали въ палатъ, что Бебель быль правъ. "Монархъ, который въ столь резкихъ словахъ публично выступаеть противъ большой политической партіи, какъ это явлаеть императорь по отношению къ соціаль-демократіи, -- не долженъ удивляться тому, что эта партія защищается соотв'ятственнымъ образомъ. Если императоръ открыто высказываеть свое мевніе, то люди, которыхъ онъ обиделъ въ сильнейшихъ выраженіяхъ, проявили бы полное отсутствие человъческого достоинства, еслибы отнеслись къ этому спокойно". Все, что следовало отвечать на критику Бебеля, высказано было затемъ графомъ Бюловомъ. Канцлеръ заявилъ, что вамъчанія императора противъ соціаль-демократіи составляють только отголосовъ обычнаго отношенія соціаль-демократической печати въ императору и что последнему приходится лишь обороняться отъ непріязненныхъ выходокъ этой партіи. Графъ Бюловъ не оставиль безъ разъясненія ни одного изъ существенныхъ пунктовъ рѣчи Бебеля; онъ говориль по обыкновению плавно, иногда красиво и остроумно, но не могь изгладить эффекть того природнаго, угловатаго, всегда оригинальнаго и содержательнаго красноречія, которымь уметь приковать къ себъ слушателей знаменитый предводитель германской соціальдемократіи.

Неограниченная свобода ръчи, въ которой отказано было депутату Фольмару, возстановлена была для Бебеля: разгадка этой странности получилась только на слъдующій день, при началь засъданія 23 ян-

варя. Графъ Баллестремъ прислалъ письмо, въ которомъ объяснилъ, что не можеть оставаться президентомъ имперскаго сейма въ виду появленія въ "Крестовой Газеть" статьи, критикующей его способъ руководительства парламентскими преніями. "Такъ какъ нельзя предположить, что эта статья напечатана была безъ въдома консервативной партіи (органомъ которой служить "Крестовая Газета"), то,-писалъ графъ Баллестремъ, — я долженъ заключить, что въ указанной стать выражено мивніе всей партін; а консервативная партія есть одна изъ тъхъ большихъ партій, которыя провели мое избраніе на постъ президента рейхстага и которыя до сихъ поръ съ довърјемъ поддерживали мой способъ предсъдательствованія; поэтому означенная статья убъждаеть меня въ томъ, что я не пользуюсь уже довъріемъ въ той мёрё, какъ это необходимо для успёшнаго веденія дёль имперскаго сейма". Очевидно, графъ Баллестремъ не могъ откровенно признать, что совершиль врупную ошибку, и статья "Крестовой Газеты" появилась для него очень встати. Можно было только замытить, что статья напечатана была въ вечернемъ изданіи 21 января, еще наванунъ того засъданія, когда имперскій сеймъ, подъ предсъдательствомъ графа Баллестрема, внимательно и спокойно слушалъ Бебеля. По прочтеніи приведеннаго письма, удостовърено было представителими немецко-консервативной партін, что статья "Крестовой Газеты" появилась безъ въдома и участія партійной организаціи и что въ собраніяхъ этой партіи никогда не подвергались обсужденію или критивъ дъйствія президента рейхстага; съ другой стороны, отъ имени національ-либераловъ высказано было сомнаніе, можеть ли статья какой бы то ни было газеты послужить достаточнымъ мотивомъ къ ръшенію, принятому графомъ Баллестремомъ. Соціаль-демократы, въ свою очередь, напомнили, что "ихъ партія принадлежала къ числу техъ парламентскихъ группъ, которыя избрали и затъмъ поддерживали графа Баллестрема въ качествъ президента; въ настоящее же время графъ потеряль ихъ довъріе своимъ способомъ предсъдательствованія при последнихъ инцидентахъ". Известно уже, что графъ Баллестремъ былъ вновь выбранъ президентомъ и что онъ принялъ это избраніе; на этотъ разъ крайняя лівая подавала свои голоса противъ него, и его выборъ пріобрѣтаетъ какъ бы значеніе торжественной манифестаціи противъ соціаль-демократической партіи. Въ дійствительности, большинство имперскаго сейма едва ли руководствовалось партійными соображеніями при вторичномъ избраніи графа Баллестрема, и сами соціальдемократы не могли уже ничего имъть противъ президента, допустившаго свободное произнесение рѣчи Бебеля. Фактически такимъ образомъ достигнуто значительное расширеніе свободы парламентской критики въ Германіи, и повидимому это нисколько не озабочиваеть императора Вильгельма II, насколько можно судить по добродушному тону ръчей его канцлера.

Само собою разумъется, что парламентское обсуждение личной дъятельности Вильгельма И вызывалось не только отдёльными его речами и телеграммами, о которыхъ говорилось въ имперскомъ сеймъ, но и особенно его порывами къ предпріимчивой міровой политикъ, внушающей серьезный страхъ нёмецкому обществу послё недавнихъ опытовъ въ Китав и Венецуэлв. Вь этой области почти всв германскія партін солидарны между собою: консерваторы и либералы, какъ и соціаль-демократы, одинаково опасаются политических увлеченій, могущихъ вредно отразиться на общихъ интересахъ страны. Въ вороткое время Германія безъ всякой къ тому надобности возбудила противъ себя раздражение въ Соединенныхъ-Штатахъ своими неожиданными военными действіями въ американскихъ водахъ, —после того какъ возстановила противъ себя общественное митніе Англіи своими сложными китайскими комбинаціями. Многихъ пугаетъ стремленіе Вильгельма И къ отдаленнымъ колоніальнымъ пріобретеніямъ и экспедиціямъ, для которыхъ требовались бы все новые расходы на военный флотъ и которыя въ концъ концовъ могли бы впутать имперію въ конфликтъ съ великою американскою республикою. Венецуэла, конечно, не будеть для нёмецкихъ "бонапартистовъ" тёмъ, чёмъ сдёлалась Мексика для Наполеона III, и самая параллель съ бонапартизмомъ совершенно не оправдывается характеромъ высшаго государственнаго управленія въ Германіи. Но при податливомъ и уступчивомъ имперскомъ канцлеръ вившняя политика можетъ легко пріобръсть черты, зависящія исключительно отъ "сильной индивидуальности" и противоръчащія обычной осторожности и разсчетливости германской націи. Графу Бюлову не удалось успоконть публику своими пространными объяснительными ръчами; между тъмъ, съ точки зрвнія посторонняго наблюдателя, берлинская дипломатін вовсе не даеть матеріала къ упрекамъ въ фантазерствъ или легкомысліи. Можно сказать наоборотъ, что разсчетливый реализмъ, чуждый всякихъ шаблонныхъ соображеній о дружов и родствв, всецьло лежить въ основв новыйшей германской политики и вполнъ обезпечиваеть ее отъ ненужныхъ и рискованных замешательствь. Вильгельмъ И обнаруживаль до сихъ поръ необыкновенное искусство въ сближении съ тъми правительствами и народами, съ которыми необходимо или важно для Германіи поддерживать мирныя и дружественныя связи; достаточно обратить внимание на постоянную заботливую предупредительность нёмецкихъ оффиціальныхъ дъятелей относительно Франціи и французовъ. Нъмецкая дипломатія чрезвычайно дорожить не только чисто-вившнимъ, но и действительно прочнымъ миромъ съ соседними націями и государствами; ради этого она не щадить любезностей, которыя ее ни къ чему не обязывають, и старается оказывать кому следуеть те мелкіе знаки вниманія, которые иногда цінятся больше, чімь какія-либо политическія уступки. Графъ Бюловъ усвоилъ себъ въ этомъ отношеніи тавтику Вильгельма II; въ последнихъ своихъ речахъ онъ отзывался въ весьма сочувственномъ тонъ о бывшемъ французскомъ министръ торговли, соціалисть Мильерань, и объ одномъ изъ популярнъйшихъ французскихъ ораторовъ, соціалисть Жоресь. Публично восхвалять передовыхъ французскихъ дёятелей и говорить имъ громкіе комплименты-ничего не стоить германскому ванцлеру; а эти отзывы, переданные во всёхъ французскихъ газетахъ, невольно действують на массу французскихъ читателей въ духв примирительномъ и сочувственномъ. Германская дипломатін, руководимая Вильгельмомъ ІІ и его советниками, задается только тёми целями, которыя ей доступны безъ риска; и если она неръдко удивляла иностранцевъ, то только своею замівчательною ловкостью въ сношеніяхъ съ Англіею. Берлинсвому кабинету и именно Вильгельму II удалось совершить начто въ родъ политическаго чуда: нъмцы провели англичанъ на дальнемъ востовъ и ведуть ихъ за собою на дальній западъ, причемъ "коварный Альбіонъ" впервые оказался какъ бы пассивнымъ орудіемъ чужой политики. Германское правительство отлично знаеть, въ какой мъръ можно и следуеть интересоваться нападеніями англійских и американскихъ газеть; и оно всегда успреть остановиться, когда появятся признави нежелательной перемёны въ международныхъ національныхъ отношеніяхъ. Если на почвъ китайскихъ дълъ Германія не поссорилась съ Англіею, хотя разрушила ея планы на Шанхай и долину Ян-тзе-кіана, то почему нізмцы должны бояться возможныхъ споровь и столкновеній въ другихъ містахъ и по другимъ поводамъ? Нізмецкая дипломатія не только благополучно справилась съ китайскими разсчетами и неудовольствіями Англін, но еще съумбла вовлечь ее въ союзъ для совивстной экспедиціи противъ Венецуэлы; а пока этоть союзъ существуетъ, не можетъ быть и рѣчи о серьезномъ политическомъ разладъ съ Съверо-американскими Соединенными штатами. Между тъмъ для нъмцевъ открылся бы широкій путь къ активному вивлиательству въ дёла южно-американскихъ республикъ при британскомъ содействіи, и доктрина Монроэ, на которую такъ любять ссылаться американцы, не помѣшала бы постепенному образованію могущественныхъ европейскихъ колоній въ Южной Америкъ. Доктрина Монроз, часто выражаемая формулою: "Америка для американцевъ", потеряла въ сущности свой прежній смысль съ тёхъ поръ, какъ сами американцы выступили на поприще міровой имперіалистской политики и приняли делетово участіе въ международныхъ делахъ и предпрінтіяхъ другихъ частей свёта. Завоеваніемъ Филиппинскихъ острововъ и участіємъ въ военной экспедиціи противъ Китая Соединенные штаты лишили себя права возражать противъ иностранняго вмёшательства въ дёла Америки, ибо иначе выходило бы, что американцы имъютъ въ своемъ распоряженіи всё пять частей свёта, а европейскія державы—только четыре.

Какъ бы то ни было, Германія ничьмъ не рискуєть въ Венецуэль, какъ не рисковала и въ Китав, а некоторая доля предпріимчивости безусловно необходима для государства, желающаго играть извъстную роль въ мірь. Германская міровая политика выражается пока въ формахъ военно-морскихъ предпріятій, и это вполев естественно, при господствь милитаризма въ Германіи. Немецкіе патріоты убъждены, что современныя колоссальныя затраты на армію и флоть должны имъть по крайней мёрь некоторое подобіе оправданія въ видь кавихъ-нибудь реальныхъ пріобретеній и успеховъ въ отдаленныхъ кранхъ; этоть принципъ, вытекающій изъ соображеній разсчетливости, отчасти объясняеть неутомимую и плодотворную деятельность германской дипломатіи и ея агентовь въ разныхъ частяхъ сеёта.

Въ концѣ истекшаго года британскій посоль въ Константинополь обратился къ Портѣ съ формальнымъ протестомъ противъ разрѣшеннаго ею пропуска четырехъ русскихъ миноносокъ черезъ Дарданеллы въ Черное море, причемъ предупредилъ, что такое нарушеніе международныхъ трактатовъ даетъ право Англіи "требовать подобной же привилегіи и для своихъ военныхъ судовъ, въ случаѣ надобности". Этотъ протестъ, опирающійся на лондонскую конвенцію 1871 года, не былъ поддержанъ другими великими державами, участвовавшими въ подписаніи этой конвенціи, и, между прочимъ, предложеніе Англіи присоединиться къ протесту было категорически отклонено Германією, которая мотивировала свой отказъ указаніемъ на то, что поднятый вопросъ находится "внѣ сферы ея политики".

"Лондонскій "Тішев" сообщаеть объ этомь факть съ зам'ятнымь отт'янкомъ раздраженія. "Мы не должны были, — говорить газета, — ожидать другого образа д'яйствій отъ Германіи. Она никогда не пользовалась пріобр'ятеннымъ ею вліяніемъ на Порту для ц'ялей, представляющихъ общую важность для Европы (т.-е. для Англіи). Она никогда и ни при какихъ условіяхъ не сд'ялаетъ ничего такого, что можетъ ослабить ея хорошія отношенія съ восточнымъ сос'ядомъ, ради оказанія сод'яйствія нашей стран'я. Во вс'яхъ спорахъ съ Россіею мы несомн'янно будемъ им'ять Германію противъ насъ". Другими словами, Германія сл'ядуетъ внушеніямъ здраваго смысла и не соглашается

дълать непрінтности мирнымъ сосъдямъ только для того, чтобы доставить удовольствіе англичанамъ; она остается върною началамъ реальной политики, совмъщающей миролюбіе съ разсчетливостью.

Британская точка эрвнія, выразившаяся въ этомъ международномъ инциденть, кажется съ перваго взгляда неясною или странною. Русскія суда, военныя по типу постройки, но лишенныя всякаго вооруженія, прошли подъ торговымъ флагомъ черезъ Дарданеллы, съ особаго разръшенія Порты. Въ силу международной конвенціи 1871 года запрещается военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы во время мира съ Турцією. Можно ли прим'внять это запрещеніе къ судамъ, не имъющимъ самаго главнаго и существеннаго признака принадлежности къ военному флоту-вооруженія? Такъ какъ безоружные иностранные корабли не могли быть опасны для Порты, то закрывать имъ доступъ къ проливамъ не было повода, и интересы оттоманской имперіи ни въ какомъ случав не требовали распространенія установленнаго правила на суда, могущія только въ будущемъ сделаться военными. Оть доброй воли Порты зависить пропускать или не пропускать такого рода безоружныя суда военнаго типа подъ торговымъ флагомъ, и постороннія державы не им'вютъ основанія вижшиваться въ этоть вопросъ, не предусмотржный лондонской конвенцією 1871 года. Газета "Times" сміло отвергаеть мнимыя русскія претензін, основанныя, будто бы, на недобросовъстной вазунстикъ. По мевнію газеты, "если военныя суда одной державы получають доступъ въ проливамъ, то подобное же право должно быть предоставлено военнымъ судамъ всёхъ другихъ державъ". Это же право выговориль для Англіи британскій посланникь въ Константинополів въ своемъ упомянутомъ выше протеств. Мы не знаемъ, какой отвыть былъ данъ лондонскому кабинету заинтересованною дипломатіею; но въ сущности нельзя ничего имъть противъ предоставленія всёмъ иностраннымъ флотамъ права посылать суда черезъ проливы на такихъ же основаніяхъ, на какихъ пропущены были четыре русскія миноноски, т.-е. безъ всякаго вооруженія и подъ торговымъ флагомъ. Но, спрашивается, зачёмъ проходили бы эти суда черезъ Дарданеллы, когда имъ нъть вовсе надобности оставаться потомъ въ Черномъ моръ? "Times" глубокомысленно замічаеть, что пропускъ безоружныхъ военныхъ судовъ создаваль бы привилегію для Россіи, которая одна только имветь возможность придавать этимъ судамъ боевой характерь въ предълать Чернаго моря; для другихъ же державъ это ограниченное право пропуска было бы совершенно безполезно. Но "привилегія" Россіи заключается въ томъ, что она владъеть значительною частью Чернаго моря и его побережья, и следовательно русскія суда, хотя бы и военныя, могуть тамъ имъть свое законное мъстопребываніе; тогда какъ всякая иноземная эскадра могла бы появиться въ Черномъ морѣ только съ цѣлями враждебными Россіи. Удивительно, что англичане не хотять понимать это естественное различіе между Россіею и другими державами въ старинномъ вопросѣ о проливахъ, и наша дипломатія вакъ
будто стѣсняется прямо и точно объяснить свой реальный взглядъ по
этому вопросу, для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній. Къ Германіи англичане относятся совсѣмъ иначе, чѣмъ къ Россіи,—и мы на
это претендовать не можемъ...

Британская дипломатія занялась ядовитою и безприьною полемикою противъ Россіи по поводу Дарданеллъ какъ разъ въ такое время, когда Порта считала долгомъ приступить къ нъкоторымъ реформамъ въ Македоніи для удовлетворенія великихъ державъ. Назначена была особай висшая компансіведия вреденія, предволеженнями преобразованій, и во главь ен быль поставлень Ферида-пало, которато газеты заранъе провозгласили замъчательно честнымъ, энергичнымъ и образованнымъ человъкомъ. Заграничная печать была очень довольна назначеніемь Ферида-паши и возлагала на него большія надежды, - хотя св'ядущіе люди утверждали, что эти утішительныя свідінія и ожиданія сообщались газетамъ изъ заинтересованныхъ турецкихъ источнивовъ; въ дъйствительности, Феридъ-паша возвысился обычными средствами, устроиваль свои дёла съ благоразумною осторожностью, вывазываль патріотическую энергію и честность въ обличеніи своихъ соперниковъ передъ султаномъ и заслужилъ этимъ особенное довъріе и расположение последняго. Султанъ Абдулъ-Гамидъ любить окружать себя сановниками, усердно уличающими другь друга въ разныхъ злоупотребленіяхь; онъ видить въ этомъ надежный способъ ознакомленія съ разнообразными нуждами своей имперіи и съ достоинствами ея администраціи. Онъ часто міняеть своихь совітниковь и приближенныхъ, для провёрки получаемыхъ отъ нихъ свёдёній: и эта постоянная правтика сдёлалась для него не столько государственнымъ дёломъ, сколько развлеченіемъ. Многольтній опыть уб'йдиль султана, что никакія бъдствія не мъщають процевтать его имперіи и что всь смънявшіеся великіе визири одинаково приходили къ заключенію о безспорномъ благополучіи страны, вопреки скрытымъ кознямъ внёшнихъ и внутреннихъ враговъ; благополучіе подтверждалось при всякихъ вообще правительственных перемёнахъ, такъ что эти перемёны въ сущности безразличны для Турціи. По мивнію Абдуль-Гамида, царствованіе его было бы однить изъ счастливівшихъ, еслибы въ его дъла не вмешивались иностранныя державы; только это стеснительное вившательство заставляеть его придумывать реформы для измёнвиковъ-христіанъ, мечтающихъ о низверженіи турецкой власти. Султанъ такъ тонко изучить нравы и понятія европейскихъ дипломатовъ, что самые трудные политическіе кризисы проходять для него безъ опасныхъ послёдствій; онъ разсчитывалъ успоконть Европу прославленіемъ реформаторской программы Ферида-паши, а когда въ Европі повібрили въ Ферида-пашу, то султанъ назначиль его венкимъ визиремъ вмісто уволеннаго Санда-паши. Такимъ образомъ конмиссія реформъ для Македоніи лишилась своего президента, и діло практическаго проведенія реформъ опять отложено въ долгій ящих; а общественное мнізніе Европы удовлетворено сознаніемъ, что государственными ділами Турцій заправляють теперь такой чествий и передовой ділятель, какъ Феридъ-паша, говорящій на трехъ иностранныхъ языкахъ...

Boms me dypers mypeyriñ! Lopm

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЪНІЕ

1 февраля 1903.

I.

— Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній. І. Бальмонть. ІІ. Апухтинъ. ІІІ. М. Горькій. IV. Г. Мережковскій о Достоевскомъ и Толстомъ. Сиб. 1903.

Авторъ начинаетъ свою внижку (въ статъв, посвященной поэзіи ж. Бальмонта) следующими словами, которыя приложимы ко всему ряду литературныхъ явленій, которыя онъ предприняль изследовать, именно къ произведеніямъ конца въка:

"Общественныя явленія, очень сильно дающія себя чувствовать за посліднее время въ жизни какъ Запада, такъ и Россіи, и окрещиваемыя именемъ "конца віка", несмотря на уже вызванную ими пілую литературу изслідованій, памфлетовъ, эпиграммъ и панегириковъ, до сихъ поръ весьма мало выяснены. Остается нераскрытой самая сущность этихъ явленій, то, что объединяеть ихъ въ одно пілое, несмотря на все ихъ разнообразіе. Что такое "конецъ віжа", чувствуется, но не выяснена еще причина этой сіти явленій, ни ихъ глубина, ни общественное значеніе. Между тімъ они представляють собой весьма замітный элементь современной жизни и, въ качестві такового, заслуживають самаго глубоваго вниманія.

"Конецъ въка", — продолжаетъ авторъ, — "проникаетъ повсюду, въ литературу, въ политику (?), въ философію, въ науку (?), въ искусство, всюду вноситъ свою смутность мысли, отсутствіе принциповъ, эгоизмъ, доведенный до крайнихъ предъловъ, и дрябло пессимистическое отнственіе къ жизни. Упадочникъ" (такъ авторъ переводитъ терминъ: декадентъ), "въ какой бы сферъ дъятельности онъ ни являлся, всюду вноситъ извращеніе, разложеніе и смертъ. Отъ твореній упадочниковъ въетъ могильнымъ холодомъ, но они иногда такъ красивы (?), что невольно влекутъ къ себъ, иногда такъ талантливы, что могутъ про-

изводить сильное впечатлѣніе, даже на трезваго человѣка, пока онъ не успѣеть дать себѣ отчета въ ихъ сущности".

Такимъ образомъ, авторъ не заблуждается относительно общаго значенія декадентства: оно представляется ему извращеніемъ и разложеніемъ, — но вмёстё съ тёмъ въ нёкоторыхъ его произведеніяхъ онъ видитъ красоту и талантливость. Такова именно поэзія г. Бальмонта, на которой онъ прежде всего останавливается...

Относительно русскаго декадентства авторъ замѣчаетъ: "Наша русская дѣйствительность представляетъ собой крайне благопріятную почву для развитія упадочничества во всѣхъ его формахъ",— и авторъполагаетъ, что изученіе даже не особенно крупныхъ проявленій нашего декадентства можетъ пролить свѣтъ "на самую ихъ сущность и на вызвавшія ихъ общественныя условія". Именно это послѣднее и было бы особенно важно.

Г. Бальмонта авторъ считаетъ однимъ изъ "наиболве симпатичныхъ" и "несомнвно талантливыхъ" поэтовъ вонца ввка. Авторъ старается выяснить себв его "міровоззрвніе" или "настроеніе", — а намъ невольно припоминается сдѣланный недавно однимъ вритикомъ подборъ красотъ этой поэзіи, двйствительно поражавшій нельпостями. Самъ г. Коробка въ своихъ цитатахъ отмвчаетъ "впечатлвніе полнаговздора", "стихотворный абсурдъ" и тому подобное. Мы не понимаемъ, какъ можетъ считаться поэзіей путаная мысль, путаное чувство ради того только, что они одѣты въ изысканныя, искусственныя фразы. Самъ критикъ говорить однажды, что "въ стихотвореніяхъ г. Бальмонта скудость содержанія, а подчасъ прямая безсмыслица, маскируется краснвой формой"...

По мивнію автора, которое кажется намъ правильнымъ, нынвішвіе декаденты имвли своего предшественника, именно Апухтина. Онъ не имвль этой репутаціи, но авторъ съ одной стороны указываеть въ немъ общее съ декадентами, а съ другой—связь его съ предшественниками въ старой литературв; а именно, на его взглядъ, герои Апухтина, съ которыми самъ поэтъ отождествлялся, имвютъ дальняго предка въ Онвгинв, а ближайшаго просто—въ Обломовв. Въ объясненіе критикъ беретъ признанія въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Апухтина: "Изъ бумагъ прокурора", признанія, которыя считаетъ субъективными, и беретъ героя пов'єсти "Изъ дневника Павлика Дольскаго".

Апухтивъ, по словамъ критика, есть типичный поэть "празднаго человъчества". Критикъ опредъляеть это человъчество — отчасти по общимъ историческимъ соображеніямъ, отчасти по типическимъ образдамъ—Онъгину, Печорину, Обломову, Павлику Дольскому.

"Безъ ясныхъ принциповъ, безъ горячей любви къ чему-нибудь,

безъ истинной въры во что-нибудь, Павликъ, отъ природы одаренный богато, проводить всю свою жизнь какъ пустой фать. Въ этомъ трагизмъ его положенія, роднящій его уже не съ Ильей Ильичемъ Обломовымъ, а съ болве ранними "обломовцами" -- Онвгинымъ и Печоринымъ. Онъгинъ, еслибъ мы съ нимъ не разстались по волъ поэта, въ цвътущую пору его жизни, лътъ въ 40 былъ бы Павликомъ Дольскимъ. Въ его жизни, какъ въ жизни Павлика Дольскаго, нътъ ни цвли, ни содержанія; они оба не находять для себя нивавого двла по той простой причинъ, что не знають, во имя чего стануть они это дёло дёлать. Обломовцы-праздные люди, чуждые любви, къ человъчеству; ихъ интересы, какъ праздныхъ людей, расходятся съ интересами человъчества, они -- лишай, чужеядное растеніе, которое живеть тамъ, что лишаеть человачество части его соковъ. Еслибы эти сови нормально утилизировались человечествомъ, праздные люди погибли бы; они должны бы либо превратиться въ работниковъ, либо исчезнуть. Праздный человыкь можеть добровольно перестать быть таковымъ, отръшиться отъ праздности и слиться съ человъчествомъ, но на такое превращение онъ можеть пойти только во имя овладъвшей имъ идеи, принципа, во имя новой религіи, понимая это слово широко. Такое превращение для празднаго человъка гораздо трудиве, чемь можеть казаться. Если праздный человекь одарень богатою натурой, способной въ такому перерожденію, то для него слишкомъ много дорогого связано съ его праздностью. Не только Онъгинъ и Печоринъ, но и Павликъ Дольскій любять въ праздности не ее самое, но ея свободу, ея врасоту-возможность наслажденій, и не только низменныхъ, но и высовихъ, эстетичныхъ. Въ силу того, что праздному человъчеству всегда были доступнъе науки и искусства, что праздные люди обладали большимъ досугомъ и средствами, чтобы наслаждаться твореніемь и творить, многое прекрасное создано либо празднымъ человъкомъ, либо для него, и носить на себъ его отпечатокъ. Разстаться со всёмъ этимъ, разбить все то, чему, котя бы лёниво, но все-таки поклонялся, праздный человъкъ не можеть, какъ бы ни высока была его натура, если имъ не овладъла новая идея, новая, болъе жизнения, страстия въра. Не сдълавши же этого, праздный человать всегда будеть отколоть оть человачества, будеть брюзжать на него, и втайнъ, хотя бы по временамъ, презирать и ненавидъть его, какъ посягающаго на его кумиры. Праздный человъкъ говорилъ устами Пушкина, когда онъ обращался къ "черни":

> Подите прочь, какое дело Поэтому мирному до васъ"...

Въ общемъ, характеристика праздныхъ людей и генеалогія отъ-Онѣгина и Печорина, черезъ Обломова, до Павлика Дольскаго, т.-е. отъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка до восьмидесятыхъ, и далѣе донашего времени, т.-е. до декадентства, намъ кажутся очень вѣрными. Еще Добролюбовъ считалъ Печорина только разновидностью Обломова... Само собою разумѣется, что въ разные періоды общественнойжизни, популярныхъ понятій, нравовъ, типъ празднаго человѣка окрашивался различно, напр. въ прежнее время въ романтическую разочарованность, въ настоящее время въ ницшеанство и т. п.

Опредёляя такимъ образомъ общую почву, на которой развивались подобныя извращенія личной жизни праздныхъ людей, проникавшів наконець и въ литературу, въ видё отдёльныхъ эпизодовъ, и наконець въ видё цёлаго "ученія" и поэтической школы, какъ "символизмъ" и декадентство, авторъ задается вопросомъ—какія условія привели въ наше время къ особенному развитію этихъ явленій упадка, и приходитъ къ слёдующему объясненію, опять оригинальному и, бытьможетъ, не лишенному основанія.

А именно, авторъ думаетъ, что эти литературныя явленія находятся въ связи съ общественнымъ явленіемъ новъйшаго времени,—съ упадномъ значенія дворянства какъ сословія. Онъ такъ изображаетъ эту исторію.

"Павликъ Дольскій уже пережитокъ; это — Онъгинъ, нъсколькоизносившійся, одряхлівшій, среди пустой жизни забывшій и то, чему онъ учился "по немногу, чему нибудь и какъ нибудь", а главное дъло--- явившійся въ эпоху, не соотвітствующую его организаціи, далекоушедшую впередъ. Дъло въ томъ, что слой общества, къ которому принадлежать Онфгинъ и Павликъ, во времена перваго быль наиболфе образованнымъ и наиболъе вліятельнымъ слоемъ. Имъ опредълялась тогдашняя русская жизнь съ ен крепостнымъ строемъ. Павликъ Дольскій родился при иныхъ условіяхъ. Паденіе интеллектуальнаго уровня нашего высшаго дворянства, паденіе политическаго и экономическаго значенія этого класса съ освобожденіемъ крестьянъ, развитіе совершенно новыхъ формъ жизни, --- все это поставило высшее дворянство въ совершенно новыя условія; этотъ классъ какъ бы потеряль свой raison d'être и началъ атрофироваться. Это одно изъ проявленій современнаго намъ общеевропейскаго упадка ("декаданса") празднаго человъчества.

"Павликъ Дольскій носить на себѣ слѣды этой дегенераціи своего общественнаго слоя"... (стр. 41—42).

Авторъ не разъ повторяетъ изложенное здёсь объяснение (стр. 25—26, 55—56, 70), приводя новыя черты.

Быть можеть, решение о "падении" несколько преждевременно,

коти ніжоторыя черты историческаго явленія опреділены вірно. Можно замітить притомъ, что явленіе декадентства, съ которымъ авторъ связываетъ Апухтина, только одной стороной можетъ примыкать къ генеалогіи Онітина, Печорина и Обломова: другая сторона его не иміветь ничего общаго съ дегенераціей "слоя", и развилась сама по себів. Недавно одинъ изъ защитниковъ "символизма" (весьма параллельнаго съ декадентствомъ), — о которомъ скажемъ въ другой разъ, — въ числів причинъ литературнаго новорота, создавшаго символизмъ, указывалъ "безвременье" восьмидесятыхъ годовъ, но указывалъ неясно. Дійствительно, въ этомъ недавнемъ историческомъ прошломънашей общественности г. Коробка именно нашелъ бы, если бы понискалъ, не мало данныхъ, которыя помогли бы объяснить явленія декадентства, которыя трудно вывести изъ одной "дегенераціи слоя".

Другія статьи внижки г. Коробки тавже интересни. Онъ даеть свое объясненіе сочиненіямъ Максима Горькаго, не совсёмъ согласное со взглядами другихъ критиковъ, и именно находить у него чистогуманное стремленіе — раскрыть въ своихъ герояхъ, павшихъ и заброшенныхъ людяхъ, исканіе свёта и сознанія, "найти въ худшемъ лучшее". Въ статью о книгю г. Мережковскаго онъ умюеть указать странности его фантастическаго мистицизма, посмояться надъ "символическимъ Пушкинымъ", котораго г. Мережковскій разыскиваеть; не разъ критикъ вынужденъ видёть въ этихъ фантазіяхъ только — истеричный бредъ. — Д.

II.

- В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. 2-е изд. Спб., 1903.

Движеніе конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ впервые выдвинуло общественное значеніе школы, впервые правильно поставило вопросъ о взаимодъйствіи школы и общества. Съ самаго начала своего существованія организованная школа была у насъ учрежденіемъ исключительно правительственнымъ, правительственнымъ вдвойнѣ—и по своему происхожденію, и по своему назначенію, какъ справедливо замѣчаетъ П. Милюковъ ¹). Школа была необходима для нуждъ правительства, для приготовленія чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ и другихъ дѣятелей государственнаго механизма. Сообразно съ этой основной цѣлью школа и получала свою организацію, проникнутую тѣми же началами, какъ и другія отрасли управленія. Интересы личности и общества, котораго отчасти и не существовало, не могли

¹⁾ Очерки исторіи русск, культуры, ч. 2.

приниматься во вниманіе, и отдёльныя попытви, въ силу идеальныхъ стремленій отдёльныхъ лиць и представителей власти (Екатерины II и др.), неизбёжно сталкивались съ цёлями, поставленными шволё, при ен исключительно правительственномъ характерё.

Эпоха "великихъ реформъ" естественно должна была бы явиться началомъ новой эры и для школы. Последней поставлена была прежде всего новая грандіозная задача-образованіе народныхъ массъ, толькочто освобожденныхъ отъ ига рабства. Одновременно съ этимъ, разрозненные элементы интеллигенціи впервые почувствовали себя общественной силой, "обществомъ", которое можеть предъявлять школь (средней и высшей) свои запросы, диктуемые самостоятельными интересами и потребностями жизни. Соотвётственно этому общественному настроенію д'яйствовало тогда и правительство, поставившее на очередь наряду съ прочими преобразованіями и вопросъ объ учебной реформъ. Было допущено широкое обсуждение всъхъ предположеній министерства народнаго просвіщенія; общество воспользовалось этимъ, вовгорълись въ печати жестокіе споры о желательномъ типъ шволы; впервые педагогические вопросы стали достояниемъ общественнаго мевнія и общественнаго творчества. Эта волна создала русскую педагогію. Пироговъ, Ушинскій, бар. Корфъ, Викторъ Острогорскій, а также В. Я. Стоюнинъ, принадлежать всецьло той эпохъ. Уже тогда русская педагогія въ лиць ся передовыхъ представителей формулировала и развила тъ основные принципы, которые должны быть проводимы въ организацію школы народной, средней и высшей, для того, чтобы она удовлетворяла потребностямъ новаго періода русской

Кажется, что ни въ одной области, затронутой реформами 60-хъ годовъ, совпаденіе общественныхъ теченій и правительственныхъ мѣропріятій не было столь вратковременнымъ, какъ въ области народнаго образованія. Особенно это нужно сказать о средней шволѣ, которая уже въ 1871 г. получила свой знаменитый уставъ, связанный съ именемъ графа Д. А. Толстого. Все, что было выработано общественной мыслъю, было безжалостно отвергнуто; съ ней не считались въ теченіе тридцати лѣтъ. А результаты—извѣстны.

Теперь мы снова стоимъ передъ задачей преобразованія шволы; снова общество ждеть излеченія многихъ общественныхъ недуговь отъ этого преобразованія. Въ такой моменть дійствительно ум'єстно появленіе вновь педагогическихъ сочиненій В. Я. Стоюнина, въ которыхъ затронуты существеннійшіе общіе вопросы школьнаго діла, въ особенности въ приміненіи ихъ къ организаціи средней общеобразовательной школы. Знакомясь съ мыслями, высказанными еще въ 60-хъ годахъ представителями нашей педагогіи, прежде всего при-

ходится признать тоть факть, что общій ихъ идеи не только не устаріли, а какъ будто даже помолоділи, посвіжіли съ теченіємъ времени. Все развитіє нашего школьнаго діла за посліднія 40 літъ ярко освітило ихъ правильность и жизненность. Это и не удивительно. Всякая идея, имінощая характерь общественной задачи, соотвітствующей направленію общественнаго движенія, только тогда можеть считаться устарілой и подлежащей сдачі въ архивь, когда задача выполнена, воплощена въ жизнь. Разъ этого ніть, идеи "отцовь" могуть оказаться весьма новыми не только для "дітей", но и для внуковь. Въ области школьнаго діла, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ, намъ въ смыслі общихъ принциповъ не нужно ничего прибавлять къ капиталу, завіщанному намъ 60-ми годами. На долю дітей выпала задача реализовать его, а средства отчасти указаны у "отцовъ", отчасти должны быть найдены и дітьми 1).

Статьи В. Я. Стоюнина, соединенныя въ Сборнивѣ (онъ выходить уже 2-мъ изданіемъ) изъ разныхъ повременныхъ изданій, гдѣ онѣ номѣщены были,—чрезвычайно цѣнны съ той точки зрѣнія, о которой мы только-что говорили. Все въ нихъ ново, хотя все и старо. Воть статья, писанная въ 1860 году—болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, "Мысли о нашихъ гимназіяхъ". Въ ней В. Я. Стоюнинъ уже высказываетъ идею, которая красною нитью проходить черезъ всѣ его произведенія, а именно, что школьный вопросъ можеть быть разрѣшенъ только въ общей связи съ другими; что при подавленіи самодѣятельности общества, при игнорированіи правъ личности во всѣхъ сферахъ общественной жизни, всякіе самые превосходные проекты школьной организаціи не дадутъ никакихъ результатовъ.

Разсматривая недостатки дореформенных гимназій, В. Я. Стоюнинъ доказываеть, что при общихъ тогдашнихъ условіяхъ "... онъ (гимназіи) не могутъ дойти до совершенства, какого отъ нихъ требуютъ, если не устранятся препятствія, отъ нихъ не зависящія"...

Прежде чёмъ спорить о качествахъ, которыя должна дать своимъ питомцамъ гимназія, необходимо, по мнёнію Стоюнина, дать обществу возможность принять дёятельное участіе въ выработкі желательнаго типа школы. Средствомъ для этого является уничтоженіе путь, стёсняющихъ частную иниціативу.

¹⁾ Фактъ, характеризующій, какъ хоромо "дёти" сознають жизненность идей отцовь, произомель на кончившемся только на дняхъ учительскомъ съёздё въ Москве. Кто-то предложиль называть будущіе съёзды именемъ Ушинскаго. Это предложеніе вызвало всеобщій восторгь и настолько совпало съ общимъ желаніемъ, что, несмотря на то, что предложеніе не получило никакой санкцін, всё последующіе ораторы, какъ бы по безмольному соглашенію, обозначали собраніе какъ съёздъ вмени Ушинскаго.

"Позволеніе народу заводить у себя школы безь всяких формальностей и оффиціальных в испрашиваній въ наших глазах фактъ весьма важный. Эти школы быстро будуть распространяться, но непремѣнно сообразно съ общественными потребностами. Если общество призывается къ дѣятельности и если оно сознало свои недостатки и необходимость идти впередъ, какъ это дѣлается замѣтнымъ въ нашемъ обществѣ, то оно само должно воспитать и образовать себѣ дѣятелей. Принциповъ при воспитаніи можеть быть много, пусть только будеть свобода учреждать училища; тѣ, которыя будуть удовлетворять болѣе общественнымъ потребностямъ, болѣе будуть и наполняться, и такимъ образомъ выработается у насъ народное воспитаніе".

Эта важность свободы преподаванія для разръшенія вопроса о школъ-моменть, которому, къ сожальнію, слишкомъ мало придается значенія во всіхъ современныхъ проектахъ, -- развивается Стоюнинымъ въ другой статьъ: "О частной педагогической предпріимчивости", помъщенной въ 1865 г. въ "Современникъ". Любопытно, что здъсь у Стоюнина увъренность, звучащая въ цитированной выше статьъ, въ томъ, что правительство съ радостью будеть привътствовать школы, возникшія по частной иниціативь, исчезаеть. Напротивь, высвазывается здёсь уже опасеніе, что новыя свободныя училища могуть вызвать подозрѣніе администраціи. "Но что, если явится подозрѣніе на всѣ новыя училища и въ одинъ прекрасный день всѣ они будуть закрыты; что, если придется въ чужомъ пиру похмелье-потерять вапиталь и трудъ?.. Мы говоримъ только о томъ страхъ, который уже существуеть и который сильно мёшаеть развитію педагогической предпріимчивости, — и существуеть по недостатку закона, обезпечивающаго деятельность; явится определенный законъ и строгое его исполнение - уничтожатся и страхъ, и недовърие, и затъмъ открывается широкое поле для деятельности".

Въ этихъ стровахъ слышатся отголоски перемвны административныхъ настроеній въ отношеніи къ школь. Перемвна эта, какъ извъстно, дала себя знать уже въ началь 60-хъ годовъ, между прочимъ закрытіемъ первыхъ воскресныхъ школь, въ которыхъ принималь участіе и В. Я. Стоюнинъ.

Дальнъйшая судьба нашей школы еще болье подчеркнула значение общихъ условій. Въ эпоху неограниченнаго господства системы гр. Д. А. Толстого всъ выводы русской педагогіи 60-хъ годовъ были забыты, и человъку, искренно преданному дълу нечего да и въ значительной степени нельзя было и говорить о томъ, что происходило въ душной атмосферъ школьнаго міра. Въ статьъ: "Гдъ же гвъздилось зло", писанной въ 1875 г. ("Въстн. Европы", № 10), В. Я. Стоюнивъ, ука-

зывая на полное затишье и безмолвіе въ педагогической сферѣ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, писалъ: "Въ началѣ выказались и силы, раздались-было и голоса, но не надолго; скоро стали они замирать, и теперь въ правѣ спросить каждый: гдѣ же ты, русскій педагогь, неужели ты не найдешь себѣ дѣла, неужели ты напрасно ищешь его? Неужели ты уступиль свое мѣсто расплодившимся ремесленнижамъ, которые смазывають старую машину и по скрипу ея съ радостью заключають, что она не остановилась, а идетъ благополучно? Откликнется ли на это русскій педагогь? не слишкомъ ли онъ взволновался и изстрадался, глядя на болѣзни вѣка, подъ невзгодами жизни"? И съ грустью Стоюнивъ констатируеть, что нѣтъ въ окружающемъ благопріятныхъ условій даже для того, чтобы поднимать какіе-нибудь общіе педагогическіе вопросы.

Проблескъ надежды на возможность лучшаго будущаго для школы мелькнуль-было, когда послъ гр. Д. А. Толстого министромъ сталъ Сабуровъ, а вслъдъ за нимъ баронъ Николаи. Къ этому кратковременному періоду (1880—1882 г.г.) относится появленіе превосходной статьи В. Я. Стоюнина: "Замътки о русской школъ", иден которой заслуживали всегда особаго вниманія. Здёсь В. Я. Стоюнинъ снова возвращается къ своей часто высказываемой имъ основной мысли, что новое гражданское общество, вознившее послѣ эмансипаціи, требуеть соотвѣтствующаго типа школы. Основы, изъ которыхъ должно развиваться новое русское общество, сводятся по Стоюнину къ следующимъ: "свободный трудъ, общественное самоуправленіе, наука и гласность. Всв эти основы въ такой тесной связи между собою, что, подавивъ одну ихъ нихъ, вы непременно сделаете все другія безсильными для правильнаго развитія общественнаго организма, точно такъ, какъ, повредивъ какомунибудь отправленію животнаго организма, вы обезсилите всё другія его отправленія и лишите его здоровой жизни".

"Наша преобразованная школа, —пишеть далье Стоюнинь, —не стала на надлежащую твердую почву и не вошла въ обновленную русскую жизнь, какъ здоровая дъятельная сила. Она явилась особнякомъ, какимъ-то оторваннымъ отъ всего учрежденіемъ, точно растеніе, пересаженное въ другой климатъ; могла ли она не зачахнуть, если ей не дали силъ или, лучше сказать, если отъ нея устранили живительныя силы, необходимыя для развитія. Канцелярство придавило ее, какъ имъ же было придавлено и наше крестьянское самоуправленіе и во многомъ было испорчено наше земское дѣло". Только тогда наша средняя да и всѣхъ другихъ видовъ школа получитъ новую жизнь, когда общество приметъ живое участіе въ ней, когда администрація отважется отъ исключительной опеки надъ школой.

Вюрократизмъ убиваетъ живую школу, лишая ее воспитательнаго

значенія. Стремленіе канцеляріи примѣшивать къ педагогическить цѣлямъ политическія намѣренія можеть вносить въ школу только деморализацію какъ педагогическаго персонала, такъ и учащихся. Вырабатывается тогда взглядъ "на дѣтей и юношей не какъ на живыхъ людей, которые могуть правильно развиваться только по опредѣленшымъ неизмѣннымъ законамъ природы, а какъ на матеріалъ, надъ которымъ можно дѣлать какіе угодно эксперименты. Мчого ли выходить добра изъ этихъ опытовъ, указываетъ намъ исторія".

Правильная организація школы неизменно предполагаеть и находится въ тесневищей связи со свободой науки вообще.

"Исторія насъ убъждаєть, — говорить Стоюнинь, — что школа застывала и обращалась въ безжизненное учрежденіе тамъ, гдъ развитію пауки ставили преграды. Стъсненіе науки есть въ то же время стъсненіе свободнаго умственнаго труда, а свободный трудъ, между прочимъ, легъ у насъ въ основаніе гражданскаго общества и европейской жизни. Учить народъ и стъснять науку значить стоять на колеблющейся почвъ, на которой нельзя стоять твердо. Гибельныя слъдствія рано или поздно выкажутся. При опасеніи передъ наукою, самое обученіе народа окажется безжизненнымъ и безполезныхмъ. Итакъ, чтобы быть сильнымъ европейскимъ государствомъ, необходимо поднять народное образованіе, а для этого нужно, во-первыхъ, признать науку свободною и, во-вторыхъ, видъть въ школъ главное образовательное средство"...

Школѣ необходимы далѣе гарантіи для трудящихся въ ней. "У нея должны быть свои права, которыя бы защищали ее отъ провзвола личностей и которыя она сама могла бы защищать на основаніи законовъ, чтобы каждый трудящійся въ ней педагогъ не могъ чувствовать на себѣ постороннихъ давленій и не вынужденъ былъ поддѣлываться подъ нравъ какого-нибудь чиновнаго лица. Школа должна быть ограждена отъ всякихъ такихъ случайностей, и только судъ въ ея стѣнахъ или общій уголовный можетъ удалить изъ нея каждое служащее лицо".

Всё эти мысли Стоюнина, высказанныя двадцать лёть тому вазадъ, конечно, не только не потеряли своего значенія, а наобороть, важность ихъ ярко иллюстрировалась всей послёдующей жизнью нашей школы и проникла глубоко въ сознаніе широкихъ общественныхъ группъ 1). Поэтому-то и мы считали нужнымъ боле подробно оставовиться именно на этихъ воззрёніяхъ В. Я. Стоюнина.

¹⁾ А болье всего въ ть слои интеллигенціи, которые принимають участіє въ просвытительной діятельности земства. Интересны въ этомъ отношеніи работы в резолюціи только-что закончившагося събзда учительскихъ обществъ въ Москві.

Интересующіеся діломъ народнаго образованія, какъ въ цитированныхъ нами статьяхъ, такъ и въ другихъ, поміщенныхъ въ этомъ томів ("Мысли о нашихъ экзаменахъ"; "Недагогическія задачи Пирогова"; "Лучъ світа въ педагогическихъ потемкахъ") найдуть массу интересныхъ соображеній по общимъ вопросамъ объ отношеніи семьи и школы, о классицизмів и реальномъ образованіи, о значеніи разныхъ предметовъ преподаванія и по вопросамъ внутренней жизни школы. Богатня фактическія дапныя содержатся въ работахъ В. Я. Стоюнина о женскомъ образованіи въ его историческихъ изслідованіяхъ ("Наша семья и ен историческая судьба"; "Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ началі XIX віка"), посвященныхъ исторіи нашей школы. Вездів видно и глубокое знаніе предмета, высокое представленіе о задачахъ школы, о ен общественномъ значеніи, и горячая искренняя любовь къ молодежи, къ ен лучшимъ стремленіямъ.

В. Я. Стоюнинъ если не быль блестящимъ писателемъ, то тѣмъ пе менѣе его умное слово всегда дышеть силою убѣжденія и нравственнаго чувства, а потому и убѣдительностью. Литературныя его произведенія какъ-то дополняють и сливаются съ личностью учителя и человѣка, прекрасный образъ котораго нарисоваль въ своей вступительной статьѣ г. Сиповскій.

III.

— С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движение въ Россіи. Спб., 1903 г.

Авторь этой вниги по основнымъ своимъ возэрвніямъ принадлежить къ той фракціи нашей общественной мысли, которая связана съ именемъ "марксизма". Въ вопросв объ артеляхъ и артельныхъ начинави жделски эта заняла вполнъ опредъленное положение: взглядъ на артели, какъ на форму, заключающую въ себъ не только зародыши высшей формы экономической организаціи, но и действительное, спеціально Россіи свойственное средство разрѣшенія рабочаго вопросаподвергается ръзкой и възначительной степени основательной критикъ со стороны представителей этого направленія. Но, въ пылу полемики, вст кооперативныя начинанія заклеймлены были ими кличкой мелкобуржуазности, справедливыя замічанія смішались въ безформенную кучу съ полемическими красотами, и произошло смѣшеніе понятій. Книга г. Прокоповича совершенно свободна отъ этихъ аксессуаровъ первыхъ дебютовъ нашего марисизма. Представляя объективное изследованіе явленій, относящихся къ кооперативному движенію, она интересна и цына и съфактической, а въ особенности съ теоретической стороны,

навъ попытка систематизировать эти явленія и осивтить условія развитія и соціальное значеніе ихъ.

Основная мысль автора та, что кооперація принимаєть разнообразныя формы въ зависимости отъ экономичоской формаціи, свойственной той или иной эпохъ. Реальное содержаніе въ той или иной формъ кооперація берется изъ данныхъ экономическихъ отношеній, и кооперація сама по себъ не можетъ служить средствомъ борьбы съ тъм или иными экономическими категоріями: "она, являясь производнымъ явленіемъ, находится въ полной зависимости отъ производящаго явленія, т.-е. отъ даннаго экономическаго строя".

Русскія артели соответствують до-капиталистическому строю общества, въ той его стадіи, когда произошло уже сильное развитіе обмена. Въ такомъ состоянии общества трудъ является действительнымъ основаніемъ обміна; поэтому-то наши изслідователи и сочли трудовое начало специфическимъ признакомъ русской артели; но если произвести болье точную влассифивацію артели, то можно найти четыре типа, въ которыхъ проявление этого начала наблюдается въ различной степени: первый типь-это тоть, когда заработовь артели дълится ровно между членами соотвътственно затраченному важдымъ изъ нихъ труду; при такомъ типъ обыкновенно цвиность употребляемыхъ орудій производства совершенно ничтожна. Но въ артелять второго типа орудія производства и средства существованія уже принимають форму вапитала, и этому капиталу отдёляется особая прибыль, не находящая себъ оправданія въ трудовомъ началь. Въ аргеляхъ третьяго типа имфется уже не только вапиталь, но и вапиталисть "хозяинъ". Чаще всего такая артель является, когда хозяинъ, витсто того, чтобы нанимать отдельныхъ рабочихъ, нанимаеть пелую группу лицъ и предоставляетъ имъ вивсто платы опредвлениую долю изъ продукта промысла. Наконець, четвертый типъ артели-это такія, въ которыхъ уже представленъ не только вапиталь, но и наеманий трудь, причемъ нанимателемъ является сама артель. Чистая форма перваго типа артели можеть существовать только тамъ, гдв неть капиталистическихъ отношеній; чімъ больше посліднія развиваются, тімъ артельная организація приближается въ вапиталистическимъ предпріятіямь со всеми особенностями последнихъ. Г. Прокоповичъ не считаетъ въ числѣ признаковъ, характеризующихъ артель, круговую поруку обязательною. Артели, -- далве, по мивнію автора. -- и не представляють спеціальной особенности русской жизни. Онъ приводить рядъ данныхъ, которыя доказывають, что аналогичныя явленія существовали и отчасти существують и на Западв. Разсматривая вознивновение артелей, авторъ приходить къ заключенію, что народная масса организуеть артель тамъ, гдъ это по техническимъ и экономическимъ условіямъ цёлесообразно; интеллигенція же часто искусственно вводить эту форму тамъ, гдё она представляется неосуществимою. Вообще, экономическое развитіе при переходё изъ натуральной формы въ денежную, неизбёжно сметаеть артельную форму коопераціи.

Дальныйшая форма коопераціи, соотвытствующая развитому капиталистическому строю, является въ виде промысловыхъ товариществъ, въ которыхъ кустари и ремесленники объединяются капиталомъ, трудомъ и торгово-предпринимательской дёьтельностью. Авторъ внимательно разсматриваеть всв организаціи такого рода, существующія въ Россіи, и тоже сводить ихъ къ четыремъ типамъ: во-первыхъ, сырьевыя товарищества, занимающіяся оптовой закупкой для своихъ членовъ сырыхъ матеріаловъ, орудій и инструментовъ; во-вторыхъ, складочныя, организующія продажу произведенных членами продуктовь; въ-третьихъ, подсобныя, цёль которыхъ состоить въ совийстномъ пользованіи поміщеніями или орудіями производства, и въ-четвертыхъ, производительныя, охватывающія процессь производства въ его цъломъ. Какъ извёстно, именно промысловыя товарищества явились формой коопераціи, которая пріобрѣла наиболѣе сильныя симпатіи интеллигенціи, и авторъ подробно останавливается на исторіи попытовъ интеллигенцін, часто кончавшихся весьма трагически. Причинами, тормазящими развитіе этого вида коопераціи, являются безграмотность, невъжество населенія и недостатокъ коммерческой опытности. Тъ же причины тормазять развитие ссудо-сберегательныхъ товариществъ и потребительной коопераціи, для появленія которыхъ экономическую почву составляеть дальныйшее развитіе мынового и капиталистического хозяйства.

Основной выводъ автора тоть, -- что кооперація, представляя высовой цънности культурное явленіе, доступна только хозяйственно кръпкимъ элементамъ населенія; "крестьянамъ и рабочимъ, опустившимся ниже извъстнаго уровня, кооперація помочь не можеть; имъ нужна не самодъятельность, а государственная помощь и благотворительность". Въ своихъ итогахъ авторъ подробно останавливается также на правовыхъ и политическихъ условіяхъ развитія нашего кооперативнаго движенія, и находить, что нашь бюрократическій режимь находится въ ръзкомъ антагонизмъ съ началами коллективнаго самоопредвленія, частной формой котораго является кооперація. Отсюда цілый рядъ препятствій для созданія кооперацій, страшная подозрительность къ нимъ и боязнь, что онъ могутъ стать опасными организаціями. Но политически правовой моменть, по мнёнію автора, не играеть роли, безусловно уничтожающей возможность коопераціи. "Право, -- пишеть авторъ, -- не предшествуеть соціально - политической діятельности, а следуеть за ней. Оно пріобретается какъ следствіе экономическаго

развитія въ извъстномъ направленіи и практики соціаль-политическихъ организацій. Посредствующимъ звеномъ между экономическими отношеніями и правомъ является соціаль-политическая дъятельность. Она создаетъ право, а не создается имъ. Поэтому, вполиъ естественно существованіе соціаль-политическихъ организацій внъ права или въ непрерывной борьбъ съ неудовлетворительнымъ правомъ".

Намъ кажется, что авторъ слишкомъ малое значеніе придаеть этому моменту. Яркіе факты, приводимые имъ изъ исторіи попытокъ нашей интеллигенціи, свидѣтельствуютъ, что наши административных условія въ значительной степени отстали отъ развитія экономическихъ отношеній, и положеніе автора, будто съ измѣненіемъ условій экономическихъ неизбъжено пріобрѣтеніе новыхъ правъ и усовершенствованіе механизма развитія права,—справедливо, конечно, но съ тѣми оговорками, которыя такъ прекрасно выражены въ словахъ Гёте:

"Es erben sich Gesetz und Rechte, Wie eine ewige Krankheit fort; Sie schleppen von Geschlecht sich zum Geschlechte Und rücken sacht von Ort zu Ort...

а въдь такія бользни права долго могутъ существовать и отравлять жизнь не одному покольнію.

IV.

— Всеобщее образованіе въ Россіи. Сборникъ статей Л. Н. Блинова, Н. П. Боголёпова, Н. Ө. Бунакова, Н. М. Бичкова, В. Я. Муринова, Narrator'a, Ө. Ө-Ольденбурга, А. И. Шингарева и А. А. Штевенъ, вып. І, подъ редакціей князи Дм. Шаховского. Москва 1892.

"Составители сборника,—читаемъ мы въ предисловіи,—задались цълью освътить современное положеніе начальнаго образованія и внітивольной просвътительной діятельности въ Россіи, обративъ вниманіе на внясненіе тіхть задачь, какія должны быть намічены въ діять народнаго просвіщенія, и на опреділеніе того участія, какое въ немъ принимають общественныя силы. Настоятельную потребность въ коллективномъ трудів подобнаго рода едва ли можно оспаривать"... Дійствительно, пора подвести итоги грандіозной работі, выполненной земствомъ и интеллигенціей въ діять народнаго образованія, пора популяризовать результаты этой работы въ широкихъ читательскихъ кругахъ, выяснить общественное значеніе ея, указать дальнійшіе пути и необходимыя условія ея развитія. Поэтому всякій, кому дороги ин-

Digitized by Google

тересы дѣла народнаго просвѣщенія, долженъ привѣтствовать идею того коллективнаго труда, первый и весьма интересный выпускъ котораго лежить передъ нами. Осуществленіе этой идеи для частныхъ лицъ—дѣло, конечно, требующее и громадныхъ усилій, встрѣчающее часто и непреодолимыя препятствія. Тѣмъ болѣе чести тѣмъ дѣятелямъ, которые не останавливаются передъ этимъ. Они не должны смущаться, если первая попытка вышла и не вполнъ совершенною.

Редакція сборника, по нашему мийнію, вполий правильно поступила, привлекши въ участію въ труд'в преимущественно земскихъ работниковъ; именно они болъе всего и призваны къ выполнению подобнаго труда, обезпечивая соотвётствующій общій идейный духъ, освъдомленность и практичность. Эти качества чувствуются во всъхъ статьяхъ перваго выпуска, которыя въ общемъ весьма содержательны. Особенно богатый, прекрасно разработанный фактическій матеріаль содержить статья Н. М. Бычкова: "Расходы городовъ на народное образованіе". Авторъ поставиль себъ целью выяснить, какое участіе принимаеть городское общественное управление въ распространении народнаго образованія среди городского населенія. Редакція "Сборника" обратилась съ просьбой ко всёмъ городскимъ управленіямъ доставить нужные матеріалы; на призывъ этоть откливнулись изъ самыхъ развообразныхъ мъстностей Россіи лишь 163 города. Авторъ прежде всего детально разсматриваеть цифры смётных назначеній городовь на народное образование въ связи съ состояниемъ бюджетовъ. Въ среднемъ на просвъщение города наши тратять 75 коп. на душу населения (въ западной Европъ есть города, гдъ величина расхода на школы выражается цифрой четыре рубля на каждаго жителя), причемъ наша средняя цифра колеблется въ предълахъ отъ одной копъйки до трехъ рублей. Число городовъ съ расходомъ ниже средняго доходить до 3/4 общаго числа! Авторъ далъе статистически изслъдуетъ весьма интересный вопросъ: на какого рода учебныя заведенія и другія образовательныя учрежденія ассигнуются городскія средства; въ какой форм'в наши города участвують въ дъл народнаго образованія, т.-е. имъють ли города свои училища, или же только отпускають средства постороннимъ въдомствамъ; какіе виды училищъ существують въ городахъ, и т. д. Статья, исчерпывающая все стороны вопроса, дополняется рядомъ преврасно составленныхъ статистическихъ таблицъ.

Важное практическое значеніе имѣетъ статья Н. П. Боголѣпова: "Къ вопросу о составленіи проектовъ нормальной сѣти училищъ", дающая основанія къ разсчету данныхъ, которыя необходимы для рѣшенія вопроса, какъ и сколько нужно открыть въ какомъ-либо районѣ школъ, чтобы школьное обученіе сдѣлать доступнымъ всему населенію. Авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе въ этой статьѣ на вопросахъ о

Digitized by Google

нормальных школьных разстояніях и о нормальном числі дітей школьнаго возраста, въ общих чертах даеть также основанія для разсчета источниковъ средствъ, какія необходимы для осуществленія нормальной сти въ каждомъ отдёльномъ случать.

Положенію учительскаго персонала посвящены двѣ статьи Сборника. А. Блиновь въ своей работѣ: "Народный учитель въ Россіи", статистически изучаетъ составъ учительскаго персонала, главнымъ образомъ земскихъ школъ, по возрасту, полу, образовательному цензу, рисуетъ условія умственной жизни начальнаго учителя, его общественное положеніе и матеріальныя условія его вознагражденія. В. Муриновъ даетъ свѣдѣнія о попыткахъ русскихъ учительскихъ обществъ. Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ статьи г. Муринова, административная практика относится крайне неблагопріятно къ возникновенію подобныхъ обществъ, ставитъ имъ препятствія, и въ видѣ постояннаго съуженія дѣятельности существующихъ обществъ, и въ видѣ затруженій къ учрежденію новыхъ.

Двятельность земства тесно переплетается со всеми сторонами школьнаго дела. Земская медицина выдвинула вопросъ о школьной санитарін; во многихъ губерніяхъ произведены были изследованія гигіеническихъ условій школьнаго дёла и положены основанія санитарнаго надвора какъ за состояніемъ пом'вщеній, такъ и за здоровьемъ и заболъваемостью учащихся. Работы земства въ этомъ направленія н основные принципы желательной организаціи земскаго санитарнаю школьнаго надвора служать содержаніемъ интересной статьи Сборника, принадлежащей перу земскаго врача А. И. Шингарева. Съ другой областью діятельности земства въ сферів народнаго образованія знавомить насъ работа г. Муринова о земскихъ книжныхъ складахъ которые, все увеличиваясь въ числь, начинають выработывать такую организацію, при которой одною изъ самыхъ важныхъ задачъ ихъ признается распространеніе среди сельскаго населенія полезныхъ книгь. Земства, какъ извъстно, идуть еще дальше, и въ интересахъ народныхъ массъ принимаются и за издательское дело.

Спеціально педагогическихъ вопросовъ касаются статья Н. Ө. Бунакова: "О желательныхъ задаткахъ въ современной русской народной школь", и статья А. А. Штевенъ: "Чему учить въ народной школь". Г. Бунаковъ выступаетъ убъжденнымъ противникомъ тъхъ въяній, которыя стремятся придавать народной школь профессіопальный характеръ, которыя стараются путемъ мелочной регламентаціи, пропитанной подозрительностью, по возможности съузить и ограничить общеобразовательное значеніе школы. Народная, какъ и всякая общеобразовательная школа, по мивнію почтеннаго педагога, должна

ностоянно имъть въ виду человъческую личность съ ея достоинствомъ, съ ея общечеловъческими интересами, правами и обязанностями; по вадачамъ такая школа не можеть имъть ничего общаго со школой профессіональной. Въ земской школъ, созданной усиліями и жертвами лучшихъ русскихъ людей, есть задатки общеобразовательнаго характера: ихъ-то необходимо поддержать, упрочить и развить...

Противъ чрезмърной регламентаціи, убивающей живое дѣло обученія и сводящей его къ выполненію такъ-называемой "примърной", а по существу обязательной программы, высказывается и А. А. Штеленъ.

Въ Сборникъ помъщена еще статья Θ . Ольденбурга о законодательствъ и справочныхъ изданіяхъ по начальному народному образованію. Авторъ, разсматривая источники нашего законодательства по учебной части (томъ XI Свода законовъ, всякіе оффиціальные сборники распоряженій и циркуляровъ и частныя руководства), приходить къ заключенію, что жизнь требуетъ коренного пересмотра всего этого матеріала. "На очереди стоить выработка общаго плана организаціи народнаго образованія, надъ чёмъ трудились еще въ шестидесятыхъ годахъ и правительственныя учрежденія, и общественная мысль. Вопросъ остается прежній, только кореннымъ образомъ измѣнились условія, при которыхъ приходится давать на него отвѣтъ"...

Мы исчерпаемъ все содержаніе Сборника, если упомянемъ еще о статьё г. Narrator'a, заключающей въ себё краткій историческій очеркъ плодотворной д'вятельности петербургскаго комитета грамотности, который умеръ въ самомъ разгар'в кипучей тяжелой просв'втительной работы. Очеркъ этотъ прочтется съ большимъ интересомъ, тымъ болье, что большому печатному труду по исторіи комитета (онъ, кажется, былъ составленъ Д. Д. Протопоповымъ) не суждено было совс'вмъ увид'вть св'ета...

При всемъ, однако, интересъ, который представляють отдъльных статьи, Сборникъ (І-й вынускъ) оставляеть впечатлъніе пестроты, чего-то случайнаго; онъ не даеть ничего цъльнаго, не видно въ немъ системы. Для той важной цъли, которую поставили себъ составители, необходимо выработать такое расположеніе и группировку матеріала, чтобы получалось, дъйствительно, освъщеніе того, что редакція желаеть освътить. Каждый выпускъ долженъ, по нашему мнънію, дать рядъ статей по тому или иному основному вопросу народнаго образованія, статей, не случайно разработывающихъ какую-нибудь тему изъ серіи вопроса, а послъдовательно органически разсматривающихъ вопрось съ разныхъ сторонъ. Первый выпускъ, при всъхъ достоинствахъ матеріала, не удовлетворяеть этому требованію; можеть быть, это объясняется тъми обстоятельствами (пропажа части матеріаловъ,

невозможность пріурочить изданіе къ какому-нибудь постоянному литературному предпріятію или учрежденію), о которыхъ говорять въ предисловіи составители, сами же и признающіе недостатки своего перваго опыта. Остается только пожелать, чтобы этоть важный коллективный трудъ, предпринятый земскими людьми, не остановился на этомъ опыть, а продолжался бы сь той энергіей и настойчивостью, которыя приходится проявлять всёмъ нашимъ двятелямъ по народному образованію въ борьбе со всякаго рода препятствіями...

٧.

Волискій. Очерки о Чехові. Спб. 1908.

Унснить общій философскій смысль художественнаго творчества Чекова-разсмотрёть идейное содержание его литературной работы подъ однимъ строго опредвленнымъ угломъ зрвнія-такую задачу поставиль себъ авторъ этой интересно и красиво написанной книжки. Нравственная физіономія Чехова, по мивнію г. Волжскаго, складывается изъ двухъ коренныхъ его настроений: пессимистическаго идеализма, безнадежно протестующаго противь дъйствительности, и нантензма, рабски ей поклоняющагося. Первое-это десница Чехова, второе-его шуйца. Только потому, что въ душт Чехова живеть идеаль. онъ въ состояніи показать всю пошлость и безпретность жизни, всю страшную власть обыденщины, всю мизерность ея. Но этотъ идеаль гав-то настолько далекъ, онъ на такой страшной высотв, что въ лействительности нътъ даже и вакихъ-нибудь намековъ на возможность его осуществленія. Этоть идеаль подобень тімь яркимь звіздамь, которыя загораются надъ нами въ темныя ночи. Свётъ ихъ не гресть земли, не разсвиваеть царящей кругомъ темной милы, не приносить жизни и силы. "И никогда, никогда эти светящіяся точки не спустятся со своей высоты, не приблизятся въ міру... нивогда не сділають его жизни такою же красивой, яркой, сіяющей, какъ онъ сами... Свътящіяся точки навсегда останутся неприступными, инкогда не одолъють леденящаго дыханія действительности"... Такъ характеризуеть настроеніе пессимистическаго идеализма г. Волжскій, и отраженіе его онъ находить въ лучшихъ произведеніяхъ Чехова повсюду; гдв мятутся люди, измученные житейскими буднями, житейской пошлостью. Во всёхъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ расціниваеть действительность съ высоты своего идеала, и потому-то она такъ безцевтна, свра и скучна; онъ не признаеть этой действительности, указывая на ез пустоту и ничтожество, онъ борется въ этомъ смысле во имя идеала

では、日本のでは、

съ идоломъ дъйствительности... Но постоянно сохранять въ себъ это настроеніе Чеховъ неспособень; борьба безъ надежды на побъду, съ душой, полной сомньнія, оказывается ему иногда не подъ силу. Онъ хочеть забыться; тогда начинаеть звучать въ его произведеніяхъ настроеніе пантенстическаго оптимизма. "Если въ жизни не торжествуеть идеаль, то пусть хоть дъйствительность будеть идеаломъ, пусть все, все, даже жизнь съренькихъ людей, страданія "трехъ сестерь", все "перейдеть въ радость для тъхъ, кто будеть жить посль нась", пусть эта тусклая дъйствительность перейдеть въ идеаль, "какъ навозъ въ черноземъ"... Такъ это хочется Чехову, когда его властно захватываетъ настроеніе оптимистическаго пантензма, стремящагося во что бы то ни стало примириться съ жизнью, съ естественнымъ ходомъ вещей". Туть начинается шуйца Чехова, которая, однаво, не опасна потому, что авторскій оптимизмъ безсиленъ передъ той правдой жизни, неизмѣнымъ рыцаремъ которой Чеховъ является вездъ и всегда.

Такова основная точка эрвнія г. Волжскаго. Если согласиться, даже диодота обозначения вполна правильно подмаченнаго авторомъ общаго настроенія Чехова терминъ "идеализмъ", то відь это-идеализмъ совершенно своеобразный, по характеристикъ самого же г. Волжскаго... Онъ не есть идеализмъ борьбы, онъ никого окрылить не можеть, и мы думаемь, что глубоко-правдивая картина жизни, наресованная Чеховымъ, даетъ только мучительное ощущение гнемущей дъйствительности, которая и страшна потому, что въ ней мы не чувствуемъ путесодных вивядъ идеала. Намъ кажется поэтому совсемъ несоответствующимъ общему впечатленію отъ Чеховскихъ произведеній то, что имъ въ конечномъ счеть приписываеть г. Волжскій. "Страстное исканіе другой жизни "світлой, прекрасной, изящной жизни", жизни осмысленной, красивой и содержательной, властво возникаеть въ душъ. Эта изболъвшая душа читателя зоветь въ высь, къ свету, на волю, зоветь подняться высоко надъ плоскимъ міромъ чеховщины... Они (произведенія Чехова) будять желаніе лучшаго, жажду борьбы"... говорить г. Волжскій. Все это очень хорошо, но, важется намъ, въ возбуждении такихъ чувствъ самъ таланть Чехова неповиненъ, какъ художественный талантъ. Этимъ, понятно, не отрицается то, что, какъ удивительно-правдивое изображение жизни, продукты творчества могуть войти во всякія построенія, въ томъ числів и идеалистическія. Въ подкрыпленіе своего взгляда г. Волжскій даеть во многихъ мъстахъ весьма интересныя характеристики персонажей Чехова, освъщаетъ творчество его въ исторической перспективъ общественнаго настроенія эпохи восьмидесятыхъ годовъ, проводя параллель между Чеховымъ, Гаршинымъ и Надсономъ. — Г-анъ.

VI.

— Россія въ дорожномъ отношеніи. Т. І, ІІ, ІІІ. Составияъ инспекторъ по дорожной части при мин. внутр. дѣлъ, В. Ф. Мейенъ. Изданіе хозяйственнаго департамента мин. внутр. дѣлъ. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Это общирное (больше 2.000 стр.), роскошное и вытесть съ тыть относительно дешевое изданіе имъеть цълью дать практическимъ дъятелямъ по дорожной части свъдънія о существующихъ у насъ путихъ сообщеній, о различныхъ условіяхъ, вліяющихъ на ихъ состояніе, о законодательств'в, ихъ касающемся, и мірахъ для поддержанія грунтовыхъ дорогъ въ исправномъ состояніи. По содержанію, книга эта представляеть какъ бы второе изданіе вышедшаго два года назадъ другого труда автора ... Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношенім ... Это второе изданіе, однако, въ четыре-пять разъ больше перваго, и подобное его расширеніе обязано, главнымъ образомъ, включенію въ него свъденій о количествъ грузовъ вообще и главнъйшихъ въ частности, получаемыхъ каждой станціей жел. дороги и каждой пристанью и отправляемыхъ станціями и пристанями каждой г**уб**ерніи по пр**инад**лежности. При надлежащемъ его выполнении, проектъ группировки данныхъ статистики жельзно-дорожныхъ и водныхъ перевозовъ по губерніямъ, могь бы имёть значеніе не только для практическихь деятелей по дорожной части, но и для изследователя-экономиста. На основаніи такой группировки, да еще за цілыхъ пять літь, можно было бы обрисовать каждую губернію со стороны разм'вровь и характера ея грузового оборота, и составить такимъ образомъ извёстное понятіе о ея производств'в и потребленіи. "Россія въ дорожномъ отношеніи" могла бы служить, такимъ образомъ, дополненіемъ "Сводной статистики жел.-дор. перевозовъ", изданія департамента жел. дорожныхъ дълъ, и "Статист. сб. минист. пут. сообщеній", въ которыхъ пункты отправленія и назначенія грузовъ группируются по жельзнодорожнымъ линіямъ, прорезывающимъ несколько губерній, и этимъ до крайности затрудняется разработка свёдёній по привычныть для насъ административнымъ и географическимъ районамъ. Къ сожалению, составитель "Россіи въ дорожномъ отношеніи", повидимому, и не подозрѣвалъ существованія "Сводной статистики жел.-дор. перевозокъ", не назваль этого изданія въ перечні источниковь и пользовался для даннаго предмета дишь статистическими изданіями мин. пут. сообщ., въ которыхъ отдёльно показываются лишь следующіе желёзно-дорожные грузы: главные хльба, соль, нефть и ея продукты, дрова и строительные матеріалы. Благодаря этому обстоятельству, достаточная характеристика грузового оборота дается въ нашемъ изданіи лишь для тахъ станцій, которыя отправляють и получають по преимуществу названные грузы, и остаются безь всякой спеціальной характеристики тѣ многочисленные районы, которые не отправляють ни хлѣба, ни нефти, ни соли, пи дерева. Что указанный пробѣль въ изданіи имѣеть въ основѣ недостаточную освѣдомленность объ источникахъ желѣзно-дорожной статистики, а не сознательное устраненіе неупоминаемыхъ въ немъ грузовъ—это видно изъ того, что относительно пристаней приводятся свѣдѣнія и о рудѣ, и о льняномъ сѣмени, и о чугунѣ, и о другихъ грузахъ, которые выдѣляются изъ общей суммы перевозимыхъ товаровь въ "Стат. сб. мин. пут. сообщ.".

Недостаточная освёдомленность составителей въ томъ, что касается статистиви желёзно-дорожныхъ перевозовъ, и недостаточная редажціонная внимательность были причиной и того, что въ общей части изданія сообщаются совершенно неправильныя свідінія объ итогахъ железно-дорожныхъ перевозокъ. На стр. 91 значится, что по жельзнымъ дорогамъ "перевезено грузовъ" въ 1897 г. (беремъ для примъра этотъ годъ) 6.819 милліоновъ пудовъ, а на стр. 92 сумма отправленныхъ всеми дорогами грузовъ распределяется между пограничными и внутренними пунктами, причемъ на долю первыхъ падаетъ 451,4 милл. пуд., а на долю вторыхъ-2545,9 милл. пуд.; вмвств же это составить 2997,3 милл. пуд., т.-е. слишкомъ вдвое меньше, чъмъ показано раньше. Это противоръчіе находить себъ объясненіе въ томъ, что число 6:819 милл. не выражаеть количества отправленныхъ или "перевезенныхъ" грузовъ. Это число получено сложениемъ суммъ перевозовъ всёхъ отдёльныхъ желёзно-дорожныхъ линій, въ которыя вошли и отправленные дорогою грузы, и товары, прибывшіе на нее съ другихъ дорогъ (т.-е. сосчитанные уже въ сумив перевозокъ дороги, отправившей эти грузы, и грузы, прошедшіе по дорог'в транзитомъ (которые, следовательно, будуть уже усчитаны и дорогой отправительницей, и дорогой, получившей ихъ). Въ этомъ числъ, значить, одинь и тоть же конкретный грузь сосчитань столько разъ, сколько отдельныхъ железно-дорожныхъ линій пробежаль онъ отъ мъста отправленія до мъста разгрузки. Если завтра одна жельзнодорожная линія раздёлится между двумя новыми обществами, нёкоторые грузы будуть въ нашемъ числе показаны еще лишній разъ, и сумма перевозовъ какъ бы увеличится. При соединении двухъ самостоятельных линій въ одну-последуеть обратное. Такимъ образомъ, безъ малейшаго измененія самихъ железно-дорожныхъ перевозокъ, въ силу только ифкоторыхъ перемфиъ въ административномъ управленіи дорогь, будеть происходить изменение того числа, которое въ разсматриваемомъ изданіи приводится для характеристики размівровъ жельзно-дорожнаго движенія товаровь. Очевидно, что для такой характеристики это число не годится. Если имѣется въ виду характеризовать работу желѣзно-дорожныхъ станцій, которая бросаеть нѣкоторый свѣть и на работу подъвздныхъ грунтовыхъ дорогь, то слѣдовало привести свѣдѣнія о количествѣ отправляемыхъ всѣми станціями и получаемыхъ ими грузовъ. Если же дѣло идетъ о работѣ самихъ желѣзныхъ дорогъ, то характеризовать ее нужно количествомъ пудоверстъ товарнаго движенія.

Нашей желёзно-дорожной статистике, несмотря на сравнительную точность ея данныхь, вообще говоря, не счастливится. Такое же непониманіе ея цифрь, какое мы замечаемь въ разсматриваемомъ изданіи, можно наблюдать, напр., и въ составленной министерствомъ финансовъ для парижской выставки вниге: "Россія въ конце XIX века". По этому случаю нельзя не высказать удивленія, что оффиціальныя учрежденія, не стесненныя въ средствахъ, не могуть найти, для предпринимаемыхъ ими изследованій и описаній, лицъ, достаточно знакомыхъ съ матеріалами, касающимися даннаго предмета.

VII.

Өедорь Самаринь. О мірской надільной землі. Москва. 1902 г. Ц. 60 к.

Названная брошюра г. Самарина заключаеть разборъ мивнія Б. Н. Чичерина о юридической сторонъ общиннаго землевладьнія и была первоначально опубликована,—какъ и мивніе г. Чичерина,—въ газетъ "Спб. Въдомости". Отдъльное изданіе разбора вызвано тыть обстоятельствомъ, что вопросъ о нашей поземельной общинъ живо обсуждается теперь и въ печати, и въ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, и что противники названнаго института основываются, между прочимъ, на аргументаціи г. Чичерина. Авторитетность имени этого юриста-историка достаточно оправдываетъ, конечно, появленіе брошюры г. Самарина.

Возможность исключающихъ другъ друга взглядовъ на юридическую сторону вопроса объ общинъ обусловливается тъмъ, что Ноложеніе о крестьянахъ, регулирующее эту форму землевладънія, не представляетъ стройнаго законодательнаго акта, осуществляющаго одну опредъленную идею. Оно не могло имъть такого характера уже потому, что само было "результатомъ компромисса между различными направленіями и партіями, которыя участвовали въ разработкъ крестьянскаго вопроса и старались достигнуть практическаго осуществленія своихъ взглядовъ". Въ немъ нашли, поэтому, выраженіе "весьма различные, иногда другь другу кореннымъ образомъ противоръчащіе

понятія и взгляды" (Самаринъ, стр. 19). Къ этому мы могли бы еще прибавить всёмъ изв'єстную неточность терминологіи нашего гражданскаго законодательства, прим'яры которой встрічаются и въ положеніи о крестьянахъ (смішеніе терминовъ "общаго" и "общинаго"), и въ другихъ сборникахъ, въ статьяхъ, касающихся крестьянскаго быта.

Одно изъ противоръчій Положенія 19 февраля и послужило для г. Чичерина основаніемъ отрицать юридическую, такъ сказать, правомърность общиннаго землевладънія.

Дело въ томъ, что хотя ст. 160 Полож. о выкупе категорически утверждается, что выкупленная сельскимь обществомь земля "привнается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами", и хотя въ Положеніи о государственныхъ врестьянахъ не завлючается нивакихъ статей, которыя ограничивали бы это право общества въ пользу отдёльныхъ его членовъ и давали бы последнимъ возможность вакрепить за собой отведенные имъ обществомъ во временное пользование участви, ---но въ Положение 19 февраля попали двъ статьи, исходящия изъ другого представленія о мірской землів: ст. 165 о выкупів и ст. 36 Общаго Положенія. Согласно первой стать в (нын в отминенной), каждый домохозяннъ, не спрашивая согласія общества, можеть внести въ казначейство всю, причитающуюся на его участокъ, выкупную сумму, и потребовать затёмъ выдёла выкупленнаго имъ участка въ свое исключительное распоряжение. На основании ст. 36 Общ. Полож. "каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобратенной въ общественную собственность, быль ему выдалень нъ частную собственность участокъ, соразмърный съ долею его участва въ пріобретеніи сей земли" (въ случав неудобства такого выдёла обществу предоставляется удовлетворить крестьянина деньгами). Статья эта касается какъ земли, пріобрётенной обществомъ путемъ вольной покупки, такъ и угодій, выкупленныхъ имъ на основаніи Положенія о врестьянахъ, а практическое ся примънение сделается возможнымъ по окончаніи выкупа обществомъ бывшихъ пом'вщичьихъ крестьянъ отведенной имъ при освобожденіи земли.

Воть эта-то статья и служила г. Чичерину основаніемъ для его сужденія о юридическомъ характерѣ общиннаго землевладѣнія. Статьей этой, по его словамъ, "общинное владѣніе обрекалось на упраздненіе"; явилась же эта статья въ Положеніи 19 февраля не случайно, а какъ могическое заключеніе всей операціи выкупа крестьянами состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій. "Установляя выкупъ надѣловъ,—говоритъ г. Чичеринъ,—Положеніе далеко было отъ чудовищной мысли, что человѣка можно заставить (курсивъ нашъ) покупать землю не для себя, а для другихъ. Все право собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

весь гражданскій порядокъ, основанъ на томъ незыблемомъ правиль, что то, что человъкъ покупаетъ, принадлежитъ ему, а не другому. Если покупка совершается нъсколькими или многими лицами, то каждому принадлежитъ доля, соотвътствующая его взносу". Это, будто би, и выражается ст. 36 Общаго Положенія.

По поводу этого мевнія прежде всего заметимъ, что самъ г. Чичеринъ не доводить его до конца, и витсто предоставленія отдільному домохозянну полнаго права собственности на вывупленную имъ землю, онъ находить нужнымъ, въ ограждение его семьи, отчуждение имъ своего участка поставить въ зависимость отъ согласія уёздныхъ присутствій. "Въ этомъ предположеніи, - говорить г. Самаринъ, -- заключается лучшая критика основного взгляда" г. Чичерина. "Одно изъ двухъ: или земельная собственность должна быть основана исключительно на личномъ правъ, какъ доказываетъ г. Чичеринъ, когда рѣчь идеть объ общинъ-въ такомъ случав подворное владение также должно превратиться въ личную (а не семейную) собственность; -- или общинное владение иметь такое же право на существование, какъ и подворное" (стр. 49). Но самокритику г. Чичерина можне усмотрыть и не удаляясь отъ вышеприведенной выдержки изъ его статьи. Если законодатель, --- какъ полагаетъ г. Чичеринъ, --- смотрелъ на выкупную операцію какъ на простую покупку крестьянами пом'вщичьих в земель, и на этомъ основаніи считаль "чудовищной" мысль "заставить" человъка покупать не для себя, а для другихъ,--то какъ онъ могъ допустить при этомъ другую чудовишную мысль: заставить человыва покупать для себя землю. Заставить человъка дълать что-либо для другихъ несравненно менъе чудовищно (и постоянно практикуется въ самыхъ благоустроенныхъ обществахъ), чёмъ заставить его устроивать собственныя хозяйственныя дёла согласно предположеніямъ законодателя. Если же въ выкупной операціи г. Чичеринъ находить элементь принужденія, то этимъ самымъ-по справедливому замівчанію г. Самарина-онъ въ корив подрываеть мысль, "будто врестьяне пріобрым свою надъльную землю путемъ простой покупки" (стр. 12). И дъйствительно, отведена была крестьянамъ земля въ постоянное пользованіе не по добровольному ихъ соглашенію съ владельцами, а на основаніи закона; пом'вщикъ могь потребовать обязательнаго выкупа крестьянами отведенной имъ въ пользование земли, а по отношению къ помъщичьимъ крестьянамъ западнаго края, по отношению къ государственнымъ крестьянамъ и къ крестьянамъ, остававшимся въ обязательных отношениях въ помещивамъ въ 1882 г., обязательный выкупъ земли установленъ закономъ. Если для большей части крестьянъ выкупъ былъ произведенъ съ нарушениемъ перваго условія простой покупки-свободнаго согласія на нее со стороны покупателей

(и продавцовъ), - то по отношению ко всему крестьянскому населению не было осуществлено и другого условія подобныхъ сдёловъ: сообразованія покупной ціны съ дійствительной стоимостью покупаемой вещи. Ограничиваясь случаемъ помъщичьихъ крестьянъ, напомнимъ, что выкупная стоимость надёла опредёлялась капитализаціей оброковъ. О несоотвётствін же этихъ последнихъ стоимости земли достаточно свидетельствують следующія соображенія редакціонных коммиссій. "Если бы было принято за правило-при определеніи будущихъ отношеній крестьянь въ пом'вщикамъ-доискиваться повсем'встнаго уравненія цінности повинности съ цінностью надівла, то въ иныхъ местностяхъ, конечно ограниченныхъ, довелось бы, можетъ быть, увеличить тягости, лежащія на крестьянахь; въ большей же части случаевъ, наоборотъ, помъщики не выдержали бы крупнаго экономическаго кризиса" (стр. 13). "Все это повазываеть, заключаеть г. Самаринъ,---что выкупъ былъ вовсе не покупкою земли, а выкупомъ повинности, отбывавшейся крестьянами со земаи, но не за земаю (а за освобождение отъ обязательной работы на помъщиковъ или, минче говоря, въ вознаграждение последнихъ за утрату дарового труда. Такъ было по существу дёла; по форм'в же, дійствительно, выкупной операціи быль искусственно приданъ характерь покупки земли" (стр. 13).

Итакъ, --формулируетъ свою мысль г. Самаринъ, --исходное положеніе г. Чичерина следуеть считать неправильнымь: въ основаніи права крестьянъ на ихъ надъльную землю лежитъ не покупка, а надъленіе властью государства, и на выкупь нельзя смотръть съ точки зрвнія гражданскаго права, какъ на простую сделку купли-продажи. Поэтому, нельзя согласиться и съ выводомъ г. Чичерина, будто бы каждый врестьянинъ имъеть личное право собственности на извъстную долю надъльной земли" (стр. 17). Но такой выводъ окажется неправильнымъ, даже если, вивств съ г. Чичеринымъ, признать, что основаніемъ права крестьянъ на землю служить выкупъ, и приравнять последній въ простой покупкъ. Право личной собственности на опредъленную долю земли витекало бы изъ факта покупки лишь въ томъ случав, если бы община не составляла самостоятельнаго юридическаго леца или лишена была, въ качествъ такого лица, права владъть недвижимостью. Собирая разбросанныя тамъ и здёсь въ Положеніи о крестьянахъ статьи, касающіяси даннаго предмета, г. Самаринъ завлючаеть, что законъ разсматриваеть общину въ земельныхъ отношеніяхъ не какъ простую совокупность лиць, а какъ самостоятельную юридическую единицу. Статьей 98 Великорус. Полож. земля отводится "въ пользование сельского общество"; статьей 35 Полож. о выкупъ при общинномъ землевладъніи выкупной договоръ заключается сь ильным обществомо; статья 160 Полож. о выкупь выкупленную обществомъ землю признаетъ "собственностью всего общества", которою оно можеть распоряжаться по приговорамъ, постановленнымъ большинствомъ голосовъ (а не единичнымъ, какъ это бываетъ въ товариществахъ). Въ общемъ гражданскомъ уложении найдутся также статьи, утверждающія за сельскими обществами въ имущественныхъ отношеніяхъ характеръ юридическаго лица. Такова, напр., стр. 414 Св. Зак. т. Х, ч. І, относящая имущества сельских обществъ къ одной категорін съ имуществами земскихъ учрежденій, дворянскихъ и городскихъ обществъ. Эти ссылки автора можно бы пополнить указаніемъ другихъ статей закона, которыми за сельскими обществами признается право на мірскіе капиталы, хлібоные запасы, выморочныя имущества, право заключенія договоровъ и подрядовъ, право выступать на судъ и избирать для этого поверенныхъ и т. д. Словомъ, законодательное признаніе за сельскими обществами характера юридическихъ лицъ стоить, повидимому, внв сомивнія; а въ такомъ случав устраняется логическая необходимость заключенія о томь, что земля, выкупаемая обществомъ, составляеть общую (товарищескую), а не общественную или общинную собственность.

Доказывая эту мысль, г. Самаринъ, однако, упустилъ изъ виду случаи, когда община не совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ и не подходитъ последовательно къ учрежденію, признаваемому закономъ за юридическое лицо. Такая недомолвка закона была, однако, пополнена сенатскими рёменіями, разъяснившими, что подъ выраженіемъ "крестьянскія общества" (въ статьё 24, прим. 1, Общ. Пол.) следуетъ разумёть также общество крестьянъ отдёльнаго селенія, им'ємщаго особый земельный надёль, хотя бы это селеніе не составляло цёлаго сельскаго общества 1).

Вопросу общиннаго землевладёнія посвящена половина брошюры г. Самарина. Другая его половина разбираеть положеніе г. Чичерина, что вмёстё съ общиной должна отойти въ вёчность и надёльная крестьянская собственность, и по отношенію къ этой послёдней крестьяне не должны ничёмъ отличаться отъ частныхъ собственниковъ вообще. Такое заключеніе г. Чичеринъ основываеть на томъ соображеніи, что надёленіе врестьянъ землею иміло, будто бы, исключительной цёлью обезпечить исправное отбываніе повинностей, лежавшихъ въ прежнія времена на лиці, а не на имуществі. Г. Самаринъ опровергаеть этоть доводъ ссылкою на Положеніе о крестьянахъ, согласно которому земля предоставляется крестьянамъ прежде всего "для обезпеченія ихъ быта". Но авторъ могь бы почерпнуть аргументы и изъ прошлой аграрной политики русскаго государства.—В. В.

¹) "Русск. Вѣдом." 1902, № 187.

VIII.

— Николай Харузинъ. Этнографія. Лекцін, читанныя въ Импер. Москов. университеть, подъ редакцією В. Харузиной. Выпускъ И. Семья и родъ. Сиб. 1903.

Второй выпускъ "Этнографіи" покойнаго московскаго ученаго представляеть собою вторую часть читаннаго имъ полнаго курса лекцій, первый выпускъ котораго быль посвящень введенію общаго свойства м матеріальной культурів, а третій и четвертый, приготовляемые къ печати, обнимуть ученіе о развитіи собственности, первобытнаго государства и вітрованій. Біздная этнографическими трудами общаго характера, русская литература отведеть, несомивно, видное місто общирной работів Н. Н. Харузина, которая и сама по себів представляеть для русскихь читателей значительный интересь, какъ строго-научная обработка новійшихъ данныхъ, добытыхъ западно-европейской наукой, и талантливая популяризація ихъ въ формів простого и яснаго изложенія.

Труды русскихъ ученыхъ дали не мало ценныхъ выводовъ для теоретического обоснованія науки народов'єдівнія. Сочиненія М. М. Ковалевскаго, напримъръ, внесли крупный вкладъ въ европейскую науку, и имя его пользуется общепризнаннымъ авторитетомъ въ указанной области. Вполев понятно поэтому то вліяніе, которое оказывають его научные взгляды и методы изследованія на труды молодых в ученых в, въ особенности русскихъ, пока еще ръдко выходящихъ изъ границъ описательной этнографіи и становящихся на путь широкихъ этнологическихъ обобщеній. Вліяніе школы Ковалевскаго зам'ятно на труд'я Харузина, но оно умърнется въ немъ общирной эрудиціей, критическимъ чутьемъ и склонностью автора къ самостоятельнымъ, въ предвлахъ литературы предмета, обобщеніямь и выводамь. Посвящая настоящій выпускъ исторіи развитія семьи и рода, авторъ предпосылаеть ему главу о литературныхъ теченіяхъ по вопросу о первобытномъ человъческомъ общежитии. "Ни въ одной изъ областей, принадлежащихъ въдению этнографии, эта наука не произвела,-говорить онъ,-пожалуй, большаго переворота, чёмъ въ области изученія законовъ развитія семьи и брака". Поэтому разсмотрівніе вопроса о семь и родів на основаніи данныхъ этнографіи авторъ справедливо считаетъ однимъ изъ важивишихъ вопросовъ, решенію котораго посвящали свои силы не только этнографы, но и соціологи, экономисты, философы, юристы. За главой о литературныхъ теченіяхъ идеть последовательное изложеніе развитія семьи, начиная періодомъ такъ-назыв. promiscuity и кончая исторіей развитія брака.

Редактирована книга опытной рукой извёстной въ этнографической литературё писательницы В. Н. Харузиной; въ концё книги приложены указатели: 1) источниковъ, 2) алфавитный—именъ и предметовъ.

IX.

Новый и традиціонный духовные ораторы о.о. Григорій Петровъ и Іоаннъ Сергієвъ (кровштадтскій). Критическій (?) этодъ. Изданіе второе. Спб. 1902. 22 стр.

Брошюра эта по своимъ литературнымъ достоинствамъ едва ли заслуживала бы того, чтобы на ней останавливаться, еслибы вь ея содержаніи не было ніскольких черть, чрезвычайно характерных для нъкоторыхъ теченій нашей общественной жизни, -- теченій, не всегда поддающихся литературному опредёленію, но осизательно чувствуемых по своимъ серытымъ, такъ сказать подпочвеннымъ вляніямъ. Авторъ, съ похвальной скромностью укрывшій свое имя, сопоставляеть въ своемъ "этюдъ" (будемъ и мы называть его такъ, благо терминъ не заключаетъ намека на характеръ содержанія) -- двухъ выдающихся ораторовъ нашего времени и приходить къ тому выводу, что о. Петровъ въ своихъ ораторскихъ пріемахъ совершенно противыположенъ о. Сергіеву, и на этомъ основанім авторъ предъявляеть къ о. Петрову цёлый рядъ обвиненій, а именно: въ своихъ різчахь о. Петровъ "игнорируеть всякие авторитеты христіанской церкви", не произнося "такихъ, напр., словъ: угодникъ Божій, Пресвятая Богородица, рай, адъ, спасеніе, таинство, благодать и даже слово церковь ... "Собесвдованія его на нравственныя темы (по крайней міру прослушанныя нами), -- продолжаеть авторь "этюда", -- таковы, что подъ ним безъ всякаго затрудненія могь бы подписаться любой сектанть, еретикъ съ раціоналистическимъ направленіемъ, котя бы даже и самъ графъ Л. Н. Толстой". Не таковы "традиціонные" (?) ораторы, бесъды которыхъ ведутся "въ строго церковномъ дукъ, со ссылками на авторитеты, на отцовъ и учителей цервви", и притомъ съ такимъ успёхомъ, что одинъ изъ такихъ ораторовъ, по разсказу автора, "винуждень быль объясняться непосредственно съ градоначальникомъ", чтобы добиться полицейского наряда, -- "и тогда наряжень быль полицейскій резервъ", -- показатель для успаха духовной бесады весьма убъдительный!

Обвиненія, предъявленныя къ о. Григорію Петрову, могли бы показаться иному читателю весьма тяжелыми, еслибы оні опирались на какія-либо заслуживающія серьезнаго вниманія доказательства. Однако въ этомъ отношеніи названіе "этюда" критическимъ можеть быть до-

пущено развъ въ очень ироническомъ смыслъ. Критика, прежде всего, предполагаеть необходимость твердыхъ и убъдительныхъ основаній для сужденія, а затёмъ безпристрастное отношеніе къ предмету. Между тымъ, основанія, о которыхъ мы говоримъ, болюе чымъ шатки въ разсужденіи автора: онъ самъ сознается, что присутствоваль не на всёхъ бесёдахъ о. Петрова, да и на тёхъ, на которыхъ присутствоваль, едва ли, какъ можно предполагать, быль достаточно внимателенъ. Такое предположение читатель имъеть право сдълать на основаніи собственнаго же признанія автора по поводу впечатлівнія, произведеннаго на него бесъдой о. Петрова: "на одной изъ вечернихъ бесъдъ о. Петрова, - подлинныя слова автора, -- мы также (вакъ одинъ изъ присутствовавшихъ) почти заснули"... Что же касается авторскаго безпристрастія, то оно какъ нельзя болье характеризуется самой постановкой вопроса, какъ его формулируеть авторъ: "выдающійся ли ораторскій таланть о. Петровъ, или онъ раздутая рекламою "Кузьмичева трава"?" Кром'в высказанныхъ общихъ положеній, авторъ противопоставляеть некоторымъ толкованіямъ о. Петрова свои собственныя, между прочимъ-объ Іудъ предатель, о томъ, что побудило послъдняго предать Іисуса. "Ораторъ убъждалъ слушателей, что не сребролюбіе было мотивомъ для преданія Інсуса, а желаніе Іуды вмъ**шаться въ двло Божіе"...**

Авторъ считаетъ такое объяснение произвольнымъ, но дѣло не въ этомъ, спеціально богословскомъ, толкованіи, а въ томъ, что мотивы, руководившіе авторомъ "Этюда", въ высшей степени двусмысленны и точно также могутъ быть истолкованы далеко не въ его пользу.

Анонимный авторь не можеть не знать, въ самомъ дѣлѣ, что обвиненіе въ севтантствѣ, предъявленное къ православному священнику, есть весьма тяжкое обвиненіе, которое, не будучи доказано, превращается въ извѣть и донось. Тяжело наказуемое дѣйствующими законоположеніями, оно требуеть для своего доказательства особой глубины изслѣдованія и спеціальной эрудиціи, не говоря уже о необходимой добросовѣстности пріемовъ, какъ научной, такъ и нравственной, и вѣрѣ въ правоту предпринятаго дѣла. Предоставляемъ читателямъ судить, насколько отмѣченная брошюрка, вышедшая вторымъ изданіемъ, стало быть—находящая извѣстный кругъ читателей, удовлетворяеть этимъ требованіямъ и можеть претендовать сколько нибудь на серьезное значеніе.—Евг. Л.

X.

Указатель дъйствующихъ въ Имперіи акціонерныхъ предпріятій. Редакція и изданіе В. А. Дмитріева-Мамонова. Спб. 1903. XXXIX и 2007.

Эта внига, составленная по даннымъ отдела торговли, особенной канцелярін по вредитной части и департамента желізно-дорожных дъль, представляеть двоякій интересь-и какъ справочная для какдаго имъющаго отношение къ міру акцій, облигацій и учредительства, и для изследователя экономической жизни Россіи. Въ последнемъ отношения въ ней содержатся чрезвычайно интересные и поучительные матеріалы, языкомъ цифръ говорящіе краснорічнийе всяких апріорныхъ положеній и теоретическихъ выводовъ. Такъ, напр., число русскихъ акціонерныхъ предпріятій по времени своего открытія съ 1827 по 1858 г. не превышаетъ, въ среднемъ, двухъ въ годъ, въ 1858 году, во время общаго подъема силь въ странъ, сразу достигаеть дебнадцати и, постепенно падая. поднимается снова до этой цифри лишь въ 1870 и 1871 годахъ, и затёмъ двадцать лёть, то падая до девяти въ годъ, то поднимаясь до 38-ми, съ 1893 г. вдругъ начинаеть рости, достигая своего апогея въ 1898-1900 гг. (113, 163, 116 предпріятій въ годъ) и быстро падаеть въ два последнихъ года (65 и 54). Рядомъ съ этимъ замечается рость иностранныхъ предпріятій въ Россін. Съ 1870 и по 1893 г. тавихъ допущено въ д'вятельности въ Россін—42, а за одно послъднее десятильтіе — 199. Было бы, однаво, ошибочно завлючать, изъ этой картины роста авціонерных предпріятій, о прочности основаній для діятельности ихъ, и о токъ, что существованіе ихъ вызывается реальными потребностями страни. способными быть нечувствительными и къ временнымъ невзгодамъ рынка, и къ впечатлительности биржи. Программа указателя, содержащая въ себъ для каждаго предпріятія хронологическія, историческія и законодательныя свідівнія, указываеть, въ семи и восьми графахъ, размъръ различныхъ капиталовъ предпріятія, номинальную пыу акцій или паевъ, казенную ихъ оцінку, биржевую ціну и размірь дивиденда за последнія пять леть. Цифры эти, во многихъ случанхъ, повазывають, какъ много радужныхъ надеждъ, неосновательныхъ ожиданій и совершенно гадательныхъ предположеній сопровождало возникновеніе нікоторых из предпріятій и какъ многія, весьма солидныя изъ нихъ, должны считаться съ положениеть денежнаго рынка и отложить, быть можеть надолго, чаянія высокихь дивидендовъ.-- Z.

Въ теченіе января мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абаза, К. К.—Азбува для начальныхъ военныхъ школъ и для обученія взрослыхъ вообще. Изд. 10. Сиб. 903. Ц. 10 к.

Амфитеатросъ, А.—Сказочныя были. Старое въ новомъ. Спб. 903. Ц. 1 р. Андреесъ, Леонидъ.—Варгамотъ и Гарасъка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 15 коп. М. 903.

Беренсь, В.-Основанія теоретической механики. Кіевъ. 902.

--- Освованія физики. К. 902.

Богословскій, М.—Областная реформа Петра Великаго. Провинція, 1719—27. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Брандесь, Г.— Собраніе сочиненій. Т. Х: Молодая Германія. Съ дат, п. р. М. Лучнцкой. Кієвъ. 903. 12 томовъ—5 р.

Брешко-Брешковскій, Н. Н.—Въ царствъ красовъ. Повъсти и разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Вутурлина, С. А.—Кулнки Россійской Имперін. Иллюстрированное въ краскахъ руководство для охотниковъ и любителей птицъ. Вып. І. Тифл. 902.

Билопонскій, И. П.—Деревенскія впечативнія. Изъ запис земскаго статистива. Т. II. Спб. 903. Ц. 80 к.

Вартаньянць, В.—Гл. Успенскій и Н. В. Гоголь, и ихъ отношеніе къ крѣпостному праву. Критич. этюдь. Тифл. 902. Ц. 20 к.

Вересаев, В.-Разсказы. Т. III. Спб. 904. Ц. 1 р.

Веселовскій, Алексій.—Этюды и характеристики. М. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Волжскій.—Очерки о Чеховъ. Спб. 903. Ц. 80 к.

Гашо, Эд.—Первая кампанія францувовъ въ Италіи. 1795—1798 гг. Съ франц. подполя. Н. Платоновъ. Спб. 902. Ц. 2 р.

Гессевъ, Ю. И.—Еврен въ масонотвъ. Опытъ историческаго изслъдованія. Спб. 903. Ц. 40 к.

Глушкевичь, М. О.-Мелодін. Стихотворенія. Львовъ. 903.

Голубевь, В. А.—Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Вятка. 901. Ц. 50 к.

Гольденеейзеръ, А. С.—Вопросы вывненія и уголовной отвітственности въ позитивномъ освіщеніи. Спб. 902.

Горянновъ, С. М.—Руководство для консуловъ. Спб. 903. Стр. 791. Ц. 4 р. Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VIII. Начало русскаго государственнаго права, ч. ІІ: Органы управленія. Спб. 903. Ц. 3 рубля. За 9 томовъ по подпискъ—15 руб.; пересылка по почтовой стоимости.

Грушецкій, А.—Саранча. Ром. Спб. 903. Ц. 80 к.

Деветь, Хр.—Воспомянанія бурскаго генерала. Борьба буровь съ Англією. Съ годланд. Е. Н. Половцевой, съ введеніемь, примічаніями и дополненіями года. пастора Гиллота. Съ 123 илл. и нартами. Спб. 903. Ц. 3 р.

Де-Волланъ, Григ.—Въ странъ восходящаго солица. Очерви и замътен о Яповін. Съ рис. Сиб. 903.

Диштрієсь-Мамонось, В. А.—Указатель дійствующих въ Инперін акціонервых предпріятій. Спб. 903.

Доміеръ, В.—Геологическія изслѣдованія въ Южной Россіи въ 1881—84 годахъ. Съ картой. Т. № 1. Спб. 902.

Дподловъ, В. Л. - Лирические разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Томъ І.-Февраль, 1903.

Ермиловъ, В. Е.—Завъты Бълинскаго молодому поколънію. М. 903. Ц. 15 к. Жаке, Пьеръ.—Невзгоды и фиксированныя идеи. Съ франц. М. В. Лятвинова. Спб. 903. Ц. 3 р.

Жуков», Г. А.—Учебный проекціонный фонарь, великій пособникь учевія вь средней школь. Спб. 902.

Зудерманъ.—Да вдравствуетъ жизнь! Драма въ 5 акт. Съ нъм. О. И. П., п. р. А. Волывскаго. Спб. 902.

Зюкосъ, П. А.—Товарищъ. Азбука для обученія чтенія и письму. Спб. 903 Ц. 15 к.—Второй годъ обученія. Спб. 903. Ц. 55 к.—Третій годъ обученія. Спб. 903. Ц. 25.—Первая посдѣ азбуки книга для чтенія. Спб. 903. Ц. 25 к.

—— Книга для учителей. Методическія указанія въ учебной внигь "Товарнить. Сиб. 902. Ц. 30 к.

Ивановъ, Вячеславъ. — Кормчія ввѣзды. Книга Лирики. Спб. 903. Ц. 2 р. Катаевъ, Николай. — Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. Въ виду недавняго увлеченія утопическимъ фатализмомъ. М. 903. Ц. 80 к.

Ковалевскій, Н. Н. — Возростающее оскудівне деревни. Причины этого явленія и міры къ его устраненію. Докладъ Харьковскому губерискому Комитету о нуждахъ сельско-хоз. промышленности. Москва. 903. Стр. 85. На правихъ рукописи.

Коркунов, Н. М.—Исторія философін права. Пособіе въ декціямъ. Изд. 3-ье. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 в.

Короленко, Влад. Везъ языка. Разсказъ. Спб. 903. Ц. 75 к.

—— Очерки и разсказы. Kn. 3. Cnó. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Косичь, А. И.—Советы земледельну. Каз. 903. Ц. 5 к.

Брестоеская, М.-Исповедь Мытищева.-Вопль. М. 903. Ц. 1 р.

.Ланглуа, П. В.—Инввизиція, по нов'єщимъ изслідованіямъ. Перев. п. р. Н. Сперанскаго. М. 902. Ц. 45 к.

Лацарусь, Ч.—Этика юданзма. Съ яфм. Н. Брусиловскій и Г. Полинковскій, п. р. М. Моргулиса и А. Горифельда. Од. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лейденг, Э., д-ръ.—Какъ предохранить себя отъ чахотки? Од. 903. Ц. 15 к. Литеиновъ-Филинскій, В. П.—Организація и практика рабочихъ въ Германін и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Лоріа. А.—Соціологія, ся задача, направленіе и новъйшіе успъхи. Съ нъм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 903. 11. 60 к.

Маслово, Петръ.— Условія развитія сельскаго ховяйства въ Россіи. Опить анал.:за сельско-хозяйственныхъ отношеній: І. Общія условія развитія сельскаго хозяйства. П. Крестьянское хозяйство въ Россіи. Сиб. 903. Ц. 2 р. 75 к.

Мателев, А.—Жельзное дьло Россіи въ 1901 году. Годъ 8-й. Спб. 902. И. 5 р.

Мигулина, П. П.—Русскій сельско-хозяйственный банка. Ва вопросу о нуждаха нашей с.-хоз. промышленности. Харьк. 902. Ц. 50 к.

Немобинг, Г.—К. Р. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ В. Ка. Константина Константиновича и его факсимиле. Спб. 902.

Никитинь, А.—, Прощенный Демонъ". Поэма, и другія стихотвореній. М. 902. II. 50 к.

Никольскій. М. Э.—П'всни страсти Востока Юмористика, сатиры. Спб. 903.

Новомберіскій, Н.— Очерки по исторіи аптечнаго діла въ до-Петровскої Руси. Спб. 903. Ц. 40 к.

Нордау, Максь.—Собраніе сочиненій. Т. Х.: Битва трутней. Съ нѣм. п. р. В. Михайлова. Кієвъ, 903. Ц. за 12 том,—5 руб.

Обнинский, В.—Свазви. Свазви стараго гнома. М. 903. Ц. 75.

Ожению, Эл.—Собраніе сочиненій. Т. XI: Австралісць. Съ польск. п. р. С. Зелинскаго. Біевъ, 903. 12 томовъ—4 р.

Паносъ, А. В.—Домашнія Библіотеки. Опыть составленія систематическаго Увазатели книгь для самообразованія. Н.-Н. 903. Ц. 50 к.

Подоба, Ө. Г.-, Сердце и Школа". М. 903. Ц. 1 р.

Первова, П. Д.—Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Ворон. 902.

Перелешина, В. А.—О деятельности крестьянского поземельного банка въворонежской губернии съ 1885 по 1902 г. Воронежъ, 902.

Першие, П. И.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавкавскомъ краћ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ и поступленія акцизнаго по краю дохода за 1901 г. Тифл. 902.

Погориловъ, Валерій.—Матеріалы и оригиналы В'вдомостей 1702—1727 гг. -Съ приложеніемъ 6 фотограф. таблицъ. М. 903.

—— Въдомости времени Петра Великаго. Вып. 1-ый: 1703—1707 гг. Въ жамять 200-льтія первой русской газеты. Изя. Москов. Синод. типографіи. М. 903.

Пинибыниевскій, Станиславъ. Ром. въ 3 ч. Перев. съ вѣм. М. Н. Семенова. .М. 902. Ц. 2 р. 40 к.

Рахмиловичь, Е. Г.—Краткій курсь Статистики. Изд. 3-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Т. ІХ: 1) Аверрозсъ и Аверропамъ. :2) Отрывочныя зам'єтки. Кієвъ, 903. I2 том.—5 руб.

Риманз, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нём. изд. Б. Юрген-сонъ, п. р. Ю. Энгеля. М. 903. Вып. IX.

Росинскій, К.—Медкая вемская единица. Участковое вемство. Очерки и - опыты. Спб. 903. Ц. 1 р.

Розептеръ, П.—Среди народа. Ром. Ц. 40 к. Спб. 903.

Романовичъ-Славатинскій, А. В.—Голосъ стараго профессора по поводу университстскихъ вопросовъ. Вып. И. Кіевъ. 903.

Соловьест, А.—Государевъ Печатный дворъ и синодальная типографія въ Москвъ. Историческая справка. М. 903.

Соловьевъ, М.—Таблицы для опредёленія минераловъ. Съ 7 рис. Сиб. 902. Субботинъ, А. П. — Основы промышленнаго кредита въ Россіп. Сиб. 903. Ц. 80 к.

Сухановъ, Ст.—Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Біевъ. 903. Ц. 20 к.

Фармаковскій, В. И.—Статистическія свёдёнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи. Вып. III; Опыть сравнительнаго обозрёнія успёховь начальнаго народнаго образованія въ разн. м'ястностяхь Росс. Имперіп. Съ 10 графич. табл. въ особомъ приложеніп. Спб. 902.

Харузинъ, Н.—Этнографія. Лекцін, читанныя въ Москов. университеть. Изд. посмертное. Вып. И: Семья и родъ. Спб. 903. Ц. всего изданія по подпискъ—5 р., при продажь—7 руб.

Чериявський, Мывола.—Зори.—Збырникъ поэзій. У Кынви. 903. Цина 65 к. Чешихинь, Всев.—Волчокъ. Разсказъ для дётей съ рис. П. Яковлева. М. -903. Ц. 15 к.

Digitized by Google

Шендченко (Б. Быстровъ). — Сряточная христоматія. Литературно-музикально-этнографическій сборникъ для семьи и школы. Спб. 903. Ц. 1 р. 60 к. Шевченко, Т. Г.—Катерына. У Кыпви. 902. Цина 2 коп.

Шестовъ, Л.—Достоевскій и Нитше. Философія трагедін. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шаяпкинъ, П. А.—Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Съ портретомъ и 7 факсимиле. Спб. 903. П. 3 р.

Шнитилеръ, Артуръ.—Полное собраніе сочиненій. Т. 1. М. 903. П. 1 р. Штейніауеръ, И. С.—Общій курсъ Географіи, Ревинов'яд'яніе, Отечествов'яд'яніе, Землев'яд'яніе и Міров'яд'яніе. Для низшихъ учебныхъ заведеній. Спб. 901. П. 50 к.

Щербатосъ. кн. М. М.— Сочиненія. Исторія россійская отъ древитайшихъ временъ. Т. IV: ч. 1 и 2. П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Сиб. 903. Ц. 5 р.

Юмъ, Давидъ:—Изследованіе человеческаго разуменія. Съ англ. С. И. Церетели. Спб. 902. Ц. 1 р.

Нимирскій, А. И.—Мелкіе тексты и зам'ятки по старинной славянской и русской литератур'я. I—XX; XXI—XL. Спб. 99 и 902.

Эвиль-Рамовичь.—Индинидуальность и Прогрессъ. Этюды. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Энгельмейерэ, А.—По Русскому и Скандинавскому северу. Путевыя воспоминанія. Въ 4-хъ частяхъ. М. 902. Ц. 1 р.

Beylié, général, L.-L'Habitation Byzantine. Les anciennes maisons de Constantinople, Par. 903.

- Альманахъ "Изахматнаго Обоврѣнія" за 1902 г. "Черный Король". М. 903. Ц. 1 р.
- Двадцать-седьмой отчеть Комитета о сельскихъ ссудо-сберзгательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб. 902.
- Ежегодинкъ Императорскихъ театровъ. Ссзонъ 1900—1901. Изд. Дир. Имп. Театр., п. р. Л. А. Гельмерсена. Спб.
- Изв'єстія о состояніи сельскаго хозяйстви въ Полтавской губернін. Урожай 1902 г. № 10, съ 6 картограм. Полт. 902.
- Изданія Вятскаго Губерискаго Земства: 1) Избранныя сочиненія М. О. Лермонтова. Ц. 50 к.—2) Избранныя сочиненія Гоголя, т. І—ІІІ. Ц. за 3 т.—1 р. 50 к.—3) М. Загоскиня, Юрій Мвлославскій, ром. въ 3 ч. Ц. 40 к.—4) Гоголь, Ревнворъ, ком. Ц. 12 к.—5) Женитьба, ком. Гоголя. Ц. 10 к.—6) Н. В. Гоголь, біограф. очеркъ В. Острогорскаго. Ц. 8 к.—7.) Демонъ, поэма Лермонтова. Ц. 4 к.—8) Избранныя сочиненія Лермонтова. Ц. 5 к.—9) Одиссей, разск. В. Водовозова Ц. 5 к. 10) Мишри, Лермонтова. Ц. 3 к.—11) Бала, разск. Лермонтова. Ц. 5 к.—12) Бояринъ Орша, поэма Лермонтова. Ц. 4 к. 13) Пъсва про купца Калашникова, Лермонтова. Ц. 3 к. 14) Е. Некрасовой, Народная внига для чтепія. Ц. 40 к.—15) Сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Вып. 5: Женская доля. Ц. 10 к.—16) Какъ устроявать праздник древонасажденія въ школахъ сельскихъ, деревенскихъ и городскихъ, А Мевьшикова. Ц. 25 к.—17) О пищѣ, д-ра С. Вишиевскаго. Ц. 10 к.—18) Его же, 0 прилициявыхъ и заразныхъ болъвняхъ. Ц. 6 к. Вятка. 901—903 г.
- Изв'єстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губернін за 1902 г. Іюнь—августь. № 9. Полт. 902.

- Каталогъ виставки въ память 200-летія первыхъ русскихъ ведомостей.
   М. 903.
  - Къ столетію Комитета министровь. 1902-1902:
- I. Наша желевнодорожная политика, по до кументамъ Архива въ Комятете министровъ. Исторический очерки, составл. Н. Кислинскимъ и кп. П. Чегодаерымъ, п. глави. р. с.-секр. Куломвина. Т. III и IV. Спб. 902.
- II. Историческій обзоръ д'янтельности Комитета министровъ. Т. III, ч. 1 и 2; т. IV. Состав. С. Середонивъ и И. Тхоржевскій. Спб. 902.
- III. Комитетъ министровъ въ первыя восемь изтъ царствованія Государя Императора Николая Александровича (1894 г. 21 окт.—1902 г. 8 севт.). Сост. Н. И. Вунчъ, п. гл. р. с. секр. Кудомяна. Спб. 902.
- Крестьянскіе промыслы Каргопольскаго уѣзда, Олонедкой губервін.
   Вып. І: Профессіональных таблицы и описанія отдѣльныхъ промысловь. Петровав. 902.
- Литературный Збирныкь, зложеный на спомынъ Олександра Кониського (1836—1900). У Кынви. 903. Цина 2 р.
- Матеріалы для оценки земель Херсонской губернів по закону 8 іюня 1893 года. Херс. 902. Вып. І—V.
  - Народная читальня. Январь 1903 года. 12 кн. въ годъ-ц. 2 руб.
  - Отчеть Пермскаго научно-промышленнаго музея за 1901 г. Пермь. 902.
- Отчеть по лёсному управлению Министерства Земледёмія и Государственныхъ вмуществъ. Спб. 902.
- Современные армянскіе поэты, п. р. Л. Уманца и А. Дервишъ. М. 903.
   Ц 1 р.
  - Статистика по казенной продажь питей за 1900 годъ. Спб. 902.
- Статистико-Экономическій обзоръ по Елисаветградскому уёзду Херсонской губерніи за 1901 годъ. Елисаветгр. 902.
- Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства за 1902 г. Годъ VI. Полт. 902.
- Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношении, по отвътамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV и V. Сиб. 902.

О МЕТОДЪ ИЗЛОЖЕНІЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Ближайшія задачи взученія древне-русской книжности. Сообщеніе Н. Никольскаго. Спб. 1902 (изданіе Имп. Общества дюбителей древней письменности).
- В. М. Истринъ. "Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII въковъ" (по поводу книги П. В. Владимірова), Журн. мин. просвъщенія, 1902, мартъ, августъ.

Для тёхъ, кому близки вопросы изученія древней русской литературы или "письменности", будуть очень интересны двѣ работы, названія которыхь здѣсь приведены. Оба автора—весьма компетентные изслѣдователи старой русской литературы; г. Истринъ извѣстенъсбстоятельными изслѣдованіями нѣсколькихъ памятниковъ древней литературы; г. Никольскій поставиль себѣ широкую задачу выяснить, сколько возможно, весь наличный составъ древней литературы по рукописямъ, и особенно привести въ извѣстность тѣ, какія до сихъ поръскрывались отъ изслѣдованія въ монастырскихъ и иныхъ книгохраннлищахъ. Обратимся сначала именно къ его трактату.

Авторъ начинаетъ съ того, что "съ правильнимъ движениемъ научной мысли несовивстимы поспвшныя обобщения, основанныя на недостаточныхъ и мало изученныхъ первоисточникахъ. Ошибочное наблюдение, полученное такимъ путемъ, можетъ задержать на продолжительное время поступательный ходъ науки по ея прямому (?) направлению. Строго научная методика требуетъ поэтому, чтобы выводъ не отдѣлялся посредствующими скачками отъ посылокъ, изъ которыхъонъ выходитъ"... Таковы были,—не говоря е болѣе раннихъ неудачныхъ очеркахъ Греча и Максимовича,—, преждевременныя обобщения, сдѣланныя еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка", которыя до сихъ поръ отражаются на исторіографіи древней русской литературы-

Остановимся пока на этихъ общихъ положеніяхъ. Прежде всего намъ думается, что авторъ неточно представляеть себъ правильное движеніе научной мысли" въ ея дъйствительномъ историческомъ ходъ. Въ дъйствительности, очень трудно сказать, гдъ начиналась "научная мысль" объ исторіи русской литературы, и древней, и новой. Извъстно, что въ самой европейской наукъ понятіе о "научной исторіи литературы развилось въ сущности очень недавно. Первые, нъсколько опредъленные въ научномъ смыслъ опыты "исторіи лите-

ратуры" авляются не далье вакь въ началь XIX стольтія; до тъхъ поръ эта "наука" заключалась просто въ спискахъ писателей съ указаніемъ сочиненій и съ біографіями, или безъ нихъ; другими словами, это были простые, болбе или менве подробные историческіе словари или каталоги. Мысль о какой-либо исторической последовательности явленій, объ ихъ внутреннемъ смыслів и т. п., возникла только позднае, подъ разными вліяніями, напр. отъ опытовъ классической филологіи, отъ наблюденій стиля, отъ общей исторической науки, которая внесла понятіе развитія, національной особенности и т. д., -- тавъ что въ изученіе "исторіи литературы" вступали наконецъ точки зрвнія, развившіяся, собственно, внв и независимо оть нея. Не знаемъ, было ли это "правильно" на взглядъ г. Никольскаго, но таковъ быль факть. То, что г. Н. считаеть "правильнымъ движеніемъ научной мысли", на дълъ не существовало, и "научная мысль" развивалась только медленно и-изъ разныхъ источниковъ. Относительно русской литературы или "письменности" діло стояло такъ же. Первымъ проявленіемъ историко-литературнаго интереса быль простой каталогь, "Оглавленіе книгь, кто ихъ сложиль", составленное ученымъ внижнивомъ конца XVII столетія; въ начале XVIII-го века явилось, ничёмъ не подготовленное, разыскание объ одномъ частномъ вопросъ старой церковной литературы, ученаго нъща Коля, на латинскомъ языкъ; далъе, опять каталогь-Дамаскина Семенова-Руднева; затвиъ, "Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" Новикова; въ концъ ХУШ-го стольтія, опять независимо отъ какогонибудь "движенія научной мысли" въ русской литературь, начинается ученая дізтельность знаменитаго Добровскаго и изслідованія о начаткахъ церковно-славянской литературы; въ началь XIX-го стольтія, опять "словари" писателей, митр. Евгенія, опять каталогь, Сопивова, съ выписками изъ старыхъ книгъ... Въ конце XVIII-го века начинается изданіе літописей и иныхъ намятинковъ и толкованіе ихъ, не столько въ историко-литературномъ, сколько въ чисто историческомъ отношеніи. Въ то же время, совершенно случайно, отыскиваются памятники литературнаго характера, какъ "Духовная" Владимира Мономаха, какъ самое Слово о полку Игоревъ. Въ XIX-мъ столътіи меценатство гр. Руминцова дветь новый толчокъ изследованіямъ древней письменности въ интересахъ, такъ сказать, археологическихъ. Дальше, идетъ цълый ридъ ваталоговъ рукописныхъ собраній, представлявшихъ собою плодъ частнаго любительства, и эти каталоги (собраній гр. О. А. Толстого, гр. Румяндова, купца Царскаго и др.), составлявшіеся учеными людьми, въ первый разъ открывали составъ древней "письменности". Отврывалась, въ первый разъ, такая масса рукописей, что, очевидно, обстоятельное изучение ихъ должно было потребовать труда нъскольне кончено; притомъ, можно было ожидать, и даже было впередъ извъстно, что памятники, занесенные въ эти каталоги, далеко не заключають въ себъ всей массы древней письменности,—и въ самомъ дълъ уже въ новъйшее время, и почти на нашихъ глазахъ, составлянись такія замъчательныя собранія кавъ "древлехранилище" Погодина, кавъ огромная рукописная библіотека гр. А. С. Уварова, богатое собраніе Общества любителей древней письменности, московскаго Румянцовскаго музея, собранія Хлудова, Вахрамъева, Титова и т. д. Продолжають являться каталоги этихъ собраній, или даже подробныя, ученымъ образомъ составленныя описанія, первымъ примъромъ которыхъ было знаменитое описаніе стараго "Румянцовскаго Музеума", Востокова. Идуть наконецъ безчисленныя изданія самыхъ памятня-ковъ"...

Ежели последовать взгляду г. Никольскаго на "правильное движеніе научной мысли", то не только теперь, но еще долго нечего будеть и помышлять о составленіи исторіи древней русской письменности, -- до техъ поръ, пока все до единой рукописи не будуть разысканы и обследованы. И опять, на деле было совсемъ иное. Уже въ началѣ XIX стольтія, въ эпоху каталоговъ и словарей, когда не было и тёни современнаго богатства клижной старины, возниваеть мысль объ "исторіи русской словесности", въ томъ числів и древней. Въ двадцатыхъ годахъ является опыть такой исторіи, составленный человъкомъ безъ ученой подготовки, школьнымъ грамотъемъ, Гречемъ; и поздење, другой, составленный бывшимъ ботаникомъ, филологомъсамоучкой, Максимовичемъ, -- пока наконецъ въ пятидесятыхъ годахъ явилась книга Шевырева, оставшаяся невонченной. Тъ первые опыты г. Никольскій строго осудиль; осуждаль, кажется, и некоторые воследующіе опыты, какъ не отвечающіе "правильному движенію научной мысли"; намъ важется, однако, что онъ не вникнуль достаточно въ условія ихъ появленія. Мы думаемъ, напротивъ, что эти опыты совершенно отвічали "правильному движенію".

Дѣло въ слѣдующемъ. Какъ мы замѣтили, въ дѣйствительности развитіе науки у насъ, какъ и вездѣ, вовсе не шло такимъ послѣдовательнымъ путемъ, какъ предполагаетъ г. Никольскій. Вездѣ наука начиналась актомъ простой любознательности, простымъ собираніемъ фактовъ, и только съ теченіемъ времени являлось стремленіе къ объединенію и обобщенію. Въ началѣ, конечно, не могло быть мысли о цѣломъ составѣ науки и тѣхъ требованіяхъ разработки и критики отдѣльныхъ ея вопросовъ,—требованіяхъ, которыя въ болѣе зрѣломъ періодѣ науки вызываются этимъ представленіемъ объ ея цѣломъ. При извѣстномъ накопленіи фактовъ естественно возникаетъ мысль объ

ихъ соединении и обобщении — хотя бы съ той элементарной цълью, чтобы облегчить ихъ усвоение для новыхъ начинающихъ ученыхъ или просто для любознательныхъ людей. Факты продолжаютъ собираться и потомъ, и всявлствіе того, посяв важдаго момента объединенія, оно вскорѣ должно оказываться неполнымъ. По взгляду г. Никольскаго будеть выходить, что это "движение научной мысли" будеть неправильнымъ, -- но на дълъ оно будетъ совершенно естественно и правильно, потому что каждому времени естественно желать, чтобы о томъ или другомъ предметъ науки было собрано все, что сдълано въ ней по данную минуту (это необходимо и для школы), а съ другой стороны, самимъ изследователямъ важно осмотреться въ наличномъ матеріал'в науки, чтобы восполнить фактическіе проб'ялы или исправить неточныя объясненія. Что касается "правильнаго движенія", мы видъли, что въ тесномъ смысле оно не бывало "правильнымъ" потому уже, что на постановив "исторіи литературы" не однажды прямо отражались вліянія другихъ отраслей науки, а также и случайныя, т.-е. оть хода самой науки совсёмь независвымія, открытія, именю открытія невёдомых раньше памятниковь, имёющихь, однако, великое историческое значеніе, какъ "Слово о полку Игоревъ". — Наконецъ, если при недостаточной разработив источнивовь первыя обобщенія пользовались гипотезами, -- и въ этомъ не было особенной беды. Гипотеза, во-первыхъ, означаетъ то, что въ данную минуту въ наукв еще нъть достаточнаго объясненія техь или другихь фактовь, и гипотеза отстранится, когда найдены будуть эти объясненія; и во-вторыхъ, гипотеза вовсе не противоръчить "правильному движению научной мысли",--извъстно, напротивъ, что въ исторіи науки гипотеза неръдко имъла очень важную роль: она или бывала прямо отгадкой вопроса, или приближала его ръшеніе.

Въ чемъ же авторъ находить недостатокъ прежнихъ исторій древней литературы?

Авторъ указываеть, во-первыхъ, следующее.

Упомянувъ, что исторія новъйшей, посль-Петровской, литературы научаеть исключительно свётскую словесность, стремящуюся нь художественному действію, г. Никольскій замечаеть, что "въ предшествующія стольтія мы почти не встрівчаемь ближайших предвовь беллетристики XVIII и XIX въковъ", - кромъ Слова о полку Игоревъ и нъсколькихъ сказаній, все остальное принадлежить письменности церковной. Эта последняя развивалась и въ после-Петровское время, но нев общихъ курсовъ литературы обыкновенно исключается. "Получается любопытная странность: въ исторіи изящной словесности за ея два недавнихъ стольтія прикрыпляется спереди исторія церковной письменности за семь предшествующихъ въковъ, несмотря на то, что первая не была связана съ последнею причинною зависимостью. Изученіе же исторіи церковной письменности, существовавшей на Руси непрерывно съ XI века до нашихъ дней, разрубается съ такимъ же непонятнымъ произволомъ: до-реформенная" (т.-е. до-Петровская) "церковная письменность изучается съ точки врёнія историка позднёйшей литературы, а послё-реформенная" (послё-Петровская) "выбрасывается изъ области литературнаго изученія".

Въ этой "любопытной странности" заключаются немалыя недоразумёнія. Въ новейшихъ изложеніяхъ исторіи русской литературы отношеніе двухъ ся главныхъ періодовъ болье или менье ставится уже въ "причинную зависимость", центръ тяжести которой находится въ Петровской реформь. Эта реформа—въ общемъ счеть-положила ръзкую грань во всемъ ходъ русской жизни стараго и новаго періода; естественно, что эта грань отразилась въ характеръ литературы. Новъйшія изученія приходять, однако, къ весьма прочному убъжденію, что между двумя періодами русской жизни---, до-реформеннымъ" и "послъ-реформеннымъ" была именно "причиная зависимостъ", что реформа была вовсе не однимъ произволомъ Петра, а напротивъ весьма логическимъ результатомъ предшествовавшей исторіи (второй періодъ быль логическимъ восполненіемъ односторовности перваго); вмість съ тімь и послі-реформенная литература, конечно въ болѣе сдабыхъ начаткахъ, подготовлялась уже раньше Петра, особенно съ половины семнадцатаго въка. Но если, не говоря о новъйшихъ изученіяхъ, обратиться даже въ болье раннимъ изложеніямъ исторіи русской литературы, которыя установились послів книги Шевырева и которыя повидимому имъть въ виду г. Никольскій, -- то и здъсь не было никакой особенной "любопытной странности". Къ исторін новой "изящной словесности" прикріплялась "спереди" исторія письменности церковной весьма естественно потому, что она и дъйствительно стояла "спереди" въ самой исторіи; въ первые въка нашей письменности именно и господствовала, почти исключительно, письменность церковная, и историки могли назвать только очень немногое, что можно было причислить къ "изящной" светской литературь,памятники поэтического характера, и опять по преимуществу въ церковной окраскъ, впервые началъ объяснять Буслаевъ. Далъе, авторъ ставить въ вину историкамъ литературы, что до-реформенную нисьменность они изучали "сь точки зрвнія историка позднейшей литературы",---упрекъ намъ не совсъмъ понятенъ: каковы бы ни были памятники, точка зрвнія историка всегда одна-онъ ищеть памятниковъ литературы, т.-е. умственнаго и поэтическаго творчества, и опредёляеть характерь творчества и отражение въ немъ исторической дъйствительности, или, наконецъ, не находя памятниковъ чисто поэтическихъ, указываетъ, что служило имъ заменой, въ чемъ сказывались умственные и нравственные интересы. Въ литературъ послереформенной, въ результатъ большаго распространения образованности, стало именно возростать стремление въ "изящному" творчеству, что историкъ ставитъ его основнымъ предметомъ своихъ изысканий; что при этомъ церковная литература отступала на второй планъ, было естественно, —это была спеціальная область и она имъла спеціальныхъ историковъ, напр. митр. Евгенія, архіенископа Филарета, и пр. "Непонятнаго произвола" здёсь не было, а было два весьма несходныхъ періода всей самой литературы.

Вследъ затемъ самъ авторъ утверждаеть это самое: "Церковная письменность до-реформенной эпохи не была связана нераздёльно съ послѣ-Петровскою изящною словесностью ни по задачамъ, ни по содержанію, ни по формъ, ни по литературному стилю, ни по своей, такъ сказать, природъ, и потому должна имъть въ общей исторіи русской письменности свой отдёльный кругь самостоятельныхъ задачъ обработки". Такъ это и делалось: следовательно, "непонятнаго произвола" не было. Но авторъ повидимому недоволенъ тамъ, какъ эта разработка производилась. Изследователи, по его словамъ, въ своихъ изысканіяхь о древней письменности дівлають ту ошибку, что "теряють изъ виду составь и значеніе того матеріала, который ва настоящее время мы имбемъ для изысканій въ области до-Петровской письменности духовной и светской". А именно, авторъ находить, что если мы имъли въ древнихъ памятникахъ матеріалы для исторіи богослужебныхъ книгъ и проповъдничества, "это не значить, что мы нивли необходимые источники и для исторін всей вообще литературы и въ правъ дълать выводы о ся развитіи сь точки зрънія поздилишаго понятія о словесности"... Мы уже замічали выше неточность и неправильность другого подобнаго выраженія, заключающаго въ себъ родъ укора: всявая исторія литературы, съ выработаннымъ ею "понятіемь о словесности", есть позднівищая исторія русской литературы. какъ она создается на научной почвѣ,--она есть "позднѣйшая" и относительно Луки Жидяты, и относительно Пушкина. Если авторь хотълъ сказать, что исторія литературы должна обращать вниманіе на особенности въка, то это есть такое основное, элементарное условіе всякой исторической науки, что выставлять его какъ нъчто новое совершенно напрасно: можно было бы говорить только о томъ, гдв и въ чемъ историви, по мивнію автора, ошибались относительно духа въка, не умъли его уловить и опредълить... Дальше увидимъ, что новое изследование этого вопроса у г. Никольскаго въ существе не даеть почти ничего такого, что бы не было извъстно и ранъе.

Вслёдъ за приведенными словами г. Никольскій говорить: ..., Съ

другой стороны, тоть же матеріаль еще недостаточень для выводовь объ общемь движеніи древней литературы, такъ какъ до сихъ поръ не изучено состояніе мѣстнаго просвѣщенія въ отдѣльныхъ средоточіяхъ книжности стараго времени. Между тѣмъ, при отсутствіи внигопечатанія и при разъединенности умственныхъ центровъ, не всѣ литературные факты могли занимать въ дѣйствительности то самое хронологическое мѣсто въ ихъ цѣпи, какое имъ присвоиваютъ историки на основаніи хронологическихъ сопоставленій. Точной исторіи общерусской древней словесности должны предшествовать очерки развитія областной письменности: иначе будетъ устанавливаться преемственная связь между сочиненіями тамъ, гдѣ могло и не быть никакихъ слѣдовъ ея. А такихъ очерковъ мы пока не имѣемъ... Должна быть видоняженна и самая точка зрѣнія на изучаемый матеріалъ".

Нельзя сказать, чтобы историки литературы, даже давніе, не обращали вниманія на эти м'ястныя черты древней письменности; еще л'ять пятьдесять тому назадъ такія містныя черты указываль Буслаевь, противополагая Новгородъ и Москву, отмечая местныя легенды; Соловьевь въ своей "Исторіи" характеризоваль літопись южную и сіверную, и т. п. Изложеніе историковъ, которые ставять болье или менте общій, широкій вопрось, обыкновенно можеть опираться только иа предварительныя частныя изследованія, - а если ихъ не было? Но ихъ не было потому, что вообще чрезвычайно скудны указанія о древнемъ русскомъ просвъщении. Съ другой стороны, несомивни факты, указывающіе, несмотря на празъединенность умственныхъ це нтровъ", во-первыхъ большую однородность произведеній, во-вторыхъ — большую степень книжнаго общенія: памятники кіевскіе ра сходились на съверъ и съверо-востовъ; лътопись Нестора (или ем у приписываемая, все равно) проникала и въ другіе пункты древняго летописанія; Кирилль Туровскій быль известень не только въ Туровъ; матеріалъ Кіево-Печерскаго Патерика подготовлялся на сверо-востокъ прежними печерскими дъятелями; древнія легенды, хотя привязанныя къ данному мъсту, становились обще-русскими и т. д.; подобнымъ образомъ кієвскій богатырскій эпось переходиль на съверъ. Вообще произведенія значительнаго содержанія получали обширное распространение и, несмотря на "разъединенность умственныхъ центровъ", могли справедливо быть поставляемы историками въ хронологическую цёпь.

Затвиъ, отъ вопроса о мъстныхъ "средоточіяхъ книжности" и о необходимости "измънить самую точку зрънія" авторъ переходить къ самому матеріалу древней письменности. "Всмотримся, какими въ самомъ дълъ источниками располагаемъ мы для исторіи письменности до-Петровскихъ стольтій или, точнъе, до половины XVII въка?"

Въ данную минуту мы имъемъ эти источники въ видъ архивныхъ документовъ и библіотечныхъ рукописей: первые—чисто дълового со-держанія—къ литературъ обыкновенно не имъютъ отношенія; что представляють вторыя? "Въ дъйствительности,—говоритъ г. Никольскій,—и эта часть матеріала недостаточна для наблюденій надъ нашею старинною литературою во всемъ ея объемъ, такъ какъ въ настоящее время мы располагаемъ только тъми книжными рукописями, которыя сохранили монастырскія и церковныя библіотеки московской Руси, не допускавшін въ свою среду того, что выходило за предълы ихъ прямого назначенія. Если въ пастоящее время было бы ошибкою писать обзоръ современной литературы, ограничиваясь тъмъ, что стоить на полкахъ церковныхъ библіотекъ, точно такъ же (?) было бы несправедливо предполагать, что древне-русская церковно-монастырская библіотека охватила собою всѣ разряды памятниковъ литературнаго творчества".

Авторь опять взяль черезъ край; онъ сравниваеть вещи несоизм'вримыя, — въ древней Руси существовала почти только монастырская библіотека, собиравшая только церковно-назидательную письменность (элементь св'ятскій быль крайне тысный); новышая библіотека представляеть громадное большинство литературы чисто св'ятской, поэтической и научной.

Что же представляла собой старая церковно-монастырская библіотека?

До насъ не дошли въ цельномъ виде ни одна изъ библіотекъ домонгольскаго періода, объясняеть г. Никольскій, но мы имфемъ не мало данныхъ для исторіи библіотекъ на московскомъ съверъ. "Одна изъ характерныхъ подробностей развития просвъщения состояла адёсь въ томъ, -- замъчаетъ авторъ, -- что почти каждое культурное явленіе возникало подъ влінність насущных потребностей быта. Монастырскія и церковныя библіотеки не составляли въ этомъ отношеніи исключенія"... Проще было бы сказать, что это были библіотеки монастырскія и церковныя. И авторъ объясняеть затімь, что составь библіотекъ определялся потребностями церковными и монастырскими. Тавимъ образомъ, прежде всего такая библіотека пріобретала вниги богослужебныя. Затёмъ дерковные уставы требовали, чтобы въ церквахъ читались назидательныя творенія церковныхъ учителей; отсюда вторая ступень библіотеки-пріобрътеніе церковныхъ же, такъ-называемыхъ "четьихъ" внигъ. Наконецъ по монастырскимъ уставамъ предполагался еще третій типъ библіотечныхъ внигь-велейныя, "служившія цёлямъ внебогослужебнаго назиданія и справочнымъ".

..."Въ древности, — объясняетъ еще разъ г. Никольскій, — существовала опредъленная норма, которою нивеллировался обычный со-

ставъ рукописей духовной библіотеки, и эта норма заключалась въ богослужебно-назидательномъ и церковно-законодательномъ назначени памятника. Очевидно, что рукописи монастырскихъ и церковныхъ библютекъ отвъчали практическимъ потребностямъ мъстныхъ общинъ, а ничуть не служили зависимымъ (?) отраженіемъ древне-русскаго литературнаго дѣла во всемь его разностороннемъ объемъ". Въ старыхъ изложеніяхъ исторіи русской литературы говорилось проще— но то же самое,—что древняя письменность была почти исключительно церковная, что горизонтъ старыхъ книжниковъ (отвъчавшихъ "практическимъ потребностямъ мъстныхъ общинъ") обыкновенно былъ очень тѣсный и не превышалъ горизонта "мъстныхъ общинъ"; что въ связи съ этимъ было вообще слабое развитіе школы и науки, а также гоненіе противъ народной поэвіи,—а съ этимъ послъднимъ связано безъ сомнѣній и слабое развитіе, если не полное отсутствіе, свътской поэтической литературы.

Повторяя опять свое мевніе о томъ, что "уцвавшія (въ монастыряхъ) рукописи недостаточны для исторіи древне-русской литературы во всемъ ея объемъ",—съ чвмъ никто и не споритъ,—авторъ, на основаніи Слова о полку Игоревв, Слова Даніила Заточника и пр., утверждаетъ, что "въ начальные ввка русской жизни кромъ церковно-учительной книжности существовала и развивалась и свътская литература, достигнувшая въ южной Руси значительнаго разцвъта". Но мы объ этомъ "развитіи" и разцвътъ знаемъ очень мало. "Еслибы Слово о полку Игоревъ было одиночнымъ для своей эпохи, то оно было бы, конечно, историческою несообразностью". Къ сожальнію, однако, видъ такой несообразности остался за Словомъ въ теченіе многихъ въковъ—до тъхъ поръ, когда оно было открыто изъ-подъспуда въ концъ XVIII въка и явилось по крайней мъръ для отдаленнаго потомства отголоскомъ древней жизни и поэзіи...

Сообщивъ затъмъ нъсколько эпизодовъ изъ исторіи монастырскихъ библіотекъ, авторъ дѣлаеть нъсколько выводовъ, отчасти повторяющихъ ранъе сдѣланныя замѣчанія. Напримъръ: "Источники, которыми пользуется въ настоящее время исторіографія до-Петровской словесности, суть непосредственные источники для исторіи церковно-монастырской библіотечной книжности, развивавшейся не подъ вліяніемъ литературнымъ (?), а подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ условій быта, и до сихъ поръ неоцѣненной правильно ни со стороны своего происхожденія и назначенія, ни со стороны своего состава и судьбы. Когда значеніе этой письменности будетъ достаточно освѣщено съ точки зрѣнія иерковной исторіи, тогда только можно будетъ мечтать (?) о тѣхъ обобщеніяхъ по исторіи древне-русской свѣтской литературы, которыя должны будуть занять мѣсто вступительной главы къ исторіи

поздивищей изящной словесности",—и захвить авторъ съ сожалвніемъ говорить о недостаточномъ донынв изученіи "древне-русскаго библіотечнаго двла".

Мы просто не понимаемъ, что хочетъ сказать авторъ. Онъ требуетъ прежде всего освъщенія древней письменности съ точки зрѣнія иерковной исторіи; но это освъщеніе издавна было цѣлью нашихъ церковныхъ историковъ, и никакъ нельзя сказать, чтобы были безуспѣшны труды митр. Евгенія, арх. Филарета, митр. Макарія, Горскаго, г. Голубинскаго и др.,—многіе изъ этихъ трудовъ были по истинѣ монументальные. Между прочимъ, всѣми этими историками церкви сдѣланы были важныя открытія и спеціально въ дѣлѣ старой письменности.

Въ какомъ смыслъ авторъ старается отгородить "книжность" отъ "литературныхъ вліяній", опять не понимаемъ.

Что нужно докончить изследование библютекъ, разыскать памятники, остающеся доныне неизвестными, это не требуеть доказательствъ. Русская наука увидела это съ своихъ первыхъ шаговъ, лётъ деёсти тому назадъ, и работаетъ надъ этимъ и до сихъ поръ. И въ этомъ положении находится не одна русская наука. Когда къ наукъ западно-европейской возникъ вопросъ объ изучении среднихъ въковъ, —точно также приходилось разыскивать старыя рукописи и извлекать изъ нихъ давно забытые памятники, опредълять ихъ и т. д. Словомъ, это общій опыть научныхъ изследователей, приступавшихъ къ изученію старой забытой, а также и много затерявшей литературы.

Наконецъ, авторъ приводить нѣсколько примъровъ, гдѣ разысканіе неизвъстныхъ ранѣе рукописей заставляеть измѣнять прежнія мнѣнія объ авторствѣ, времени и т. п. нѣкоторыхъ произведеній старой письменности (именно онъ исправляеть прежнія мнѣнія о Лукѣ Жидятѣ, мнихѣ Іаковѣ),—и рѣшаетъ: "Итакъ, для составленія научной исторіи древне-русской литературы не наступило еще время. Научное право на существованіе (!) принадлежитъ пока церковноисторическому изученію духовно-учительной книжности въ ея происхожденіи, составѣ и генеалогіи отдѣльныхъ списковъ и произведеній".

Мы зам'вчали уже, что не таковъ бываетъ ходъ научнаго изсл'вдованія. Кром'в того, что каждое покол'вніе въ жизни общества им'ветъ право искать сознательнаго представленія объ историческомъ прошломъ своего народа, и челов'якъ науки им'ветъ всякое научное право стремиться удовлетворять этой нравственной потребности знанія прошлаго, насколько это знаніе достигнутю въ данную минуту,—это стремленіе въ обобщенію есть необходимое звено въ развитіи самой научной мысли: обобщеніе не только указываетъ достигнутые результаты, но указываеть и предстоящія задачи. Страхъ передъ гипотезой вовсе не есть особая научная добродѣтель, а часто только ограниченіе горизонта изслѣдованія. Гипотеза, сопровождаемая аргументами, нерѣдко бываетъ прамо предвосхищеннымъ рѣшеніемъ и только содѣйствуеть "правильному движенію научной мысли"; или же она освѣщаетъ извѣстную сторону вопроса и требуетъ вниманія къ неяснымъ пунктамъ изслѣдованія.

Что касается последнихъ упомянутыхъ историко-литературныхъ указаній г. Никольскаго (о Лукъ Жидять, мнихъ Іаковь), "соверщенно несходныхъ съ выводами современной исторіографія такъ называемой древне-русской литературы", эти указанія, конечно, будуть любопытны спеціалистамъ, какъ новая библіографическая подробность: но для "исторіографіи" древней русской литературы эти указанія будуть иметь только второстепенное значение. Какъ бы ни назывался писатель, Іаковъ мникъ или иначе, это не такъ важно, какъ самое произведеніе, за которымъ остается его историко-литературное значеніе. Н'якогла велись горячіе споры о самомъ Нестор'я, быль ли онъ авторомъ начальной летописи; большинство ученыхъ отвергли это авторство, но произведение "Начальнаго летописца", какимъ бы именемъ онъ ни назывался, осталось крупнымъ явленіемъ древней письменности-съ тъмъ же значеніемъ, какое давалось "Нестору". Г. Никольскій не отличаеть частных ь деталей отъ целаго историческаго явленія, и библіографію считаеть за исторію литературы.

Наконецъ, съ точки зрѣнія "древне-русскаго монастырскаго книжнаго дёла", г. Никольскій дёлаеть вылазку противъ Петровской реформы. Указавъ тв ущербы, какіе понесены были монастырскими библіотеками въ старыя времена отъ нашествій иноплеменныхъ, пожаровъ и т. п., авторъ продолжаеть: "Но сила стихійныхъ несчастій не была все-таки соединена съ такими крупными последствіями, какія обнаружились въ послъ-Петровское время неуважительнаго отношенія въ старинъ. Слишкомъ крутъ быль переломъ, произведенный западноевропейскою цивилизаціей въ русской жизни, которая стала въ антагонизмъ съ результатами до-Петровской культуры. Заморское (?) образованіе не им'йло связи со старою русскою книжностью и уже потому презрительно обезцівнивало просвітительный смысль прежнихь рукописныхъ собраній. Прирость ихъ и обогащеніе памятниками прекратились: новый шрифтъ (!) и новое направленіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ потянулись на сторону католической и протестантской науки. Старое уставное чтеніе было заміщено предиками, составленными по правиламъ католическихъ и протестантскихъ риторивъ. Всъ эти свято-отеческія творенія, похвальныя слова, греческія и русскія житія, на переписку (!) которыхъ было потрачено столько труда, были

оттвенены устною проповёдью, въ которой увидёли панацею отъ всевозможныхъ (!) порововъ (?). Такимъ образоми древне-русская библіотека и книга въ послъ-Петровскую эпоху отжили свое былое значеніе: рукопись превратилась въ памятникъ археографіи... но утратила свой прежній смысль религіозно-воспитательнаго средства"... Очень странно читать все это. Спеціалисть по древне-русскому внижному ділу слишкомъ преувеличилъ свои археографическія пристрастія и къ великому ущербу, даже въ прямому нарушению, исторической правды. Авторъ съ явною укоризной называетъ новое образование "заморскимъ", хотя въ Германію, въ Италію и самую Голландію вздили сухимъ путемъ. Новое образование было не только послъ-Петровское, но и до-Петровское, и первой ступеных его быль Кіевъ и западная Русь. Греческія и русскія житія началь печатать Димитрій Ростовскій по идев, возникшей независимо отъ Цетровской реформы, какъ не отъ реформы онъ получилъ свое образованіе. Авторъ ділаетъ удареніе на "католической" и "протестантской" наукъ, но смъшно придавать эти, опять укоризненные, эпитеты къ твиъ наукамъ, какія поощряла реформакъ "пыфири", физикъ, геодезіи, географіи, навигацкой наукъ. И такъ далве. Все историческое изложение врайне преувеличено и натянуто; подъ стать этому выражается авторъ о разгромъ древне-русскихъ (церковныхъ и монастырскихъ) библютекъ въ просвъщенный періодъ послѣ-Петровской цивилизаціи". "Разгромъ" состоялъ, вѣроятно, въ томъ, что, по собственнымъ словамъ автора, "съ XVIII-го въка до-Петровскія библіотеки порвали свою давнишнюю связь съ текущею религіозною жизнью, рукописи оказались для церквей и монастырей излишними вещами. Онъ отрываются отъ своего мъста храненія, кочують чрезъ частныя руки до тёхъ поръ, пока не гибнуть или находять себъ осъдлость въ какомъ-либо учено-общественномъ древлехранилищъ". - "Разгромомъ" называется обыкновенно какое-либо вражеское разграбленіе и истребленіе, и такое дѣяніе, по мнѣнію г. Никольскаго, совершено было надъ древне-русскими библіотеками посл'ь-Петровской цивилизаціей, а въ этихъ библіотекахъ заключалось "религіозно-воспитательное средство". Выходить нёчто фатальное,—чего на дълъ, однако, не было. Библіотеки теряли свое значеніе сами собой: рукопись просто замънялась печатной церковной книгой, и эти книги всегда печатала (со второй половины XVI въка и донынъ) сама церковная власть. Если книги "отрывались отъ своего мъста храненія", то въ этомъ прежде всего виноваты были сами церковные и монастырскіе блюстители, ихъ небрежность или невъжество; извізстенъ разсказъ митр. Евгенія о томъ, какъ власти одного новгородскаго монастыря для большаго "порядка" велёли убрать изъ библіо-

Digitized by Google

теки старый хламъ и выбросить въ рѣку: къ счастю, самъ митрополить встрътился по дорогъ съ возомъ и въ "хламъ" увидълъ, и усивлъ спасти, древнія пергаменныя рукописи! Неужели въ этомъ невъжествъ монастырскихъ властей виновата опять "послъ-Петровская цивилизація"?

Настоящее уважене къ этому наслѣдію старины стало оказываться именно съ тѣхъ поръ, какъ "послѣ-Петровская цивилизація" принесла начатки науки. Въ XVIII вѣкъ брали изъ монастырей старые лѣтописцы, и въ первый разъ начато было изданіе лѣтописей, которое стало первымъ началомъ нашей научной исторіографіи. Если такъ или иначе монастырскія рукописи попадали въ учено-общественныя книгохранилища, можно было только радоваться: въ прежнихъ хранилищахъ эта старина рисковала окончательно погибнуть отъ невъжества и небреженіи; здѣсь она сберегалась для научнаго и нравственнаго назиданія потомства...

Статья г. Истрина заключаеть не мало полезныхъ указаній по отдёльнымъ частнымъ вопросамъ древней русской литературы; мы остановимся на одномъ общемъ пунктв, гдв авторъ, оспариваетъ мон слова объ "отсутствін хронологін" въ нашей старой письменности. Въ предисловін на своей книгв я указываль, что изложеніе исторін нашей старой письменности не можеть не принять во вниманіе нъкоторыхъ ся особенностей: такъ, "вследствіе условій, въ которыхъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаеть хронологін: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цълыхъ въковъ, иногда съ XI-XII-го до XVII-го и даже XIX-го стольтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія, —напротивъ, новые примывали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолжение, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ". Фактъ, я думаю, не подлежить сомевнію; я назваль его отсутствіемь хронологіи,--и не имъль бы ничего противъ, еслибы найдено было другое, болъе точное опредвленіе. Г. Истринъ возражаеть противъ "отсутствія хронологін" темъ, что въ самыхъ памятникахъ съ теченіемъ времени совершались перемъны, указывающія на измъненіе взглядовъ и настроеній, приводить въ прим'тръ "Александрію", гдт старая ея форма смънилась потомъ сербской редакціей этого памятника съ другимъ характеромъ, и т. д. Но это не измѣняетъ моего положенія, или измѣняеть его только въ деталяхъ: объ редакціи у меня были указаны, но опять нъсколько въковъ господствовала одна редакція, потомъ нъсколько въковъ другая, -- но сущность явленія оставалась та же. Разумбется само собою, что гдв есть хронологическія данныя, онв

сохраняють всю свою важность для историка, и извёстные факты имъють очевидную хронологію, когда самое содержаніе связано съ эпохой, когда дъятелемъ литературы является опредъленное лицо съ исторической біографіей и характеромъ, -- является Іосифъ Волоцкій, Ниль Сорскій, Мансимъ Гревъ и т. д. Но для массы литературы учительной, исторической, житійной, паложнической и т. д. остается это отсутствіе хронологін; оно характерно въ томъ отношенін, что обозначаєть недостатовъ литературнаго движенія. Тамъ, гдъ есть это движеніе, тамъ трудно представить, чтобы изв'єстный памятнивъ сберегаль свой интересь и значение въ течение цълыхъ въковъ; чтобы не смънялись ступени вкуса, литературнаго опыта, какія обыкновенно дълаютъ предъидущую литературу устарълой и удаляють ее изъ настоящаго употребленія. Къ этому присоединяется очень распространенная въ старину безъименность, особливо учительныхъ твореній или странные псевдонимы, когда, напр., поученіе очевидно русскаго писателя являлось съ именемъ Златоуста и т. п. Присоединяется наконецъ еще одна распространенная черта старой письменностинеподвижность или малая подвижность стиля, нъкогда образовавшагося на церковно-учительной литературъ.

Жизнь древней Руси и после-Петровская общественная жизнь представляють множество различій, и такія же различія сказались въ литературь двухъ періодовъ. Въ старой "письменности" отражалось патріархальное настроеніе съ господствующею церковно-учительной книгой, и любители этой старины особенно дорожать темъ, что внига была рукописная; наука въ этомъ патріархальномъ настроеніи совсёмъ отсутствовала. Новый періодъ создаваль иную литературу; церковное учительство, конечно, продолжалось-по печатнымъ книгамъ (хотя и рукописаніе еще производилось); то въ ціломъ произошель большой перевороть. Съ нашей нынъшней, исторической, точки зрвнія, успъхи литературы XVIII въка были весьма медленные и умъренные; они представляются намъ ученическими, -- но старый патріархальный періодъ быль законченъ. У русскаго общества сравнительно съ прежнимъ, вслъдствіе реформы, чрезвычайно расширился собственный опыть: возникла любознательность; проникаеть впервые настоящая, а не только семинарско-схоластическая наука; начинается прямое, а не черезъ польскіе обрывки, знакомство съ европейской литературой.---и начинаются попытки собственной работы въ новомъ направленіи. Черезъ два-три десятильтія посль реформы развилась двятельность Ломоносова. Въ послъдній годъ XVIII въка родился Пушкинъ.

Новая литература не имъла уже общаго со старой: горизонтъ ея, умственный и поэтическій, былъ несравненно шире и постоянно раз-

вивался въ стремленіи къ общественному и народному сознанію; языкомъ ея быль уже не школьно-церковническій, а выработавшійся языкь дійствительной жизни.

Новая литература перестала уже быть безличной и безъименной; книжникъ становится писателемъ; письменность — литературой; въ исторіи са складывались опредъленные періоды — въ ростъ содержанія и въ совершенствованіи языка; она пріобрътала уже ярко опредъленную и фактами, и самимъ внутреннимъ смысломъ хронологію.

А. Пынинь.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptman. Der arme Heinrich. Eine deutsche Sage. Crp. 172. Berlin, 1902 (S. Fischer, Verlag).

Новая драма Гергарта Гаунтмана, "Бъдный Генрихъ", примываеть въ разряду наиболее соответствующихъ его таланту фантастическихъ произведеній. Гауптманъ прежде всего поэть, увлекающій художественностью сказочнаго вымысла, нёжной прасотой образовь и умёньемь ввладывать глубовій гуманный смысль въ изображеніе простыхь до наивности чувствъ. Изъ его прежнихъ драмъ наибольшій усибхъ имьли "Ганнеле" и "Потонувшій Колоколь" — сказки, представляющія собой какъ бы апоосовъ любви къ людямъ и жалости къ ихъ страданіямъ. Въ двухъ написанныхъ имъ за последнее время пьесахъ, "Шлувъ и Яу" и "Красный пътухъ", Гауптманъ увлонился въ сторону фарса и бытовой комедіи, и хотя об'в эти пьосы талантливы, какъ все, что выходить изъ-подъ пера Гауптмана, онб все-таки нёсколько разочаровали почитателей поэта своей поверхностностью и незначительностью. Съ темъ большимъ удовольствиемъ можно приветствовать появленіе новой драмы, въ которой Гауптманъ стоить на прежней высоть; по художественности образовь и языка, также какь по углубленности содержанія, она не уступаеть лучшимь изь его прежнихь пьесъ. Гауптманъ очень націоналенъ въ своемъ творчествъ, и поэтому ничто ему такъ не удается, какъ проникновение въ духъ народныхъ свазаній. Въ "Ганнеле" и въ "Потонувшемъ Колоколъ" сюжеты созданы имъ самимъ, но тавъ близки въ народному духу, что кажутся почерпнутыми изъ старинныхъ сказокъ. Въ "Бъдномъ Генрикъ" Гауптианъ разработываеть старинное нѣмецкое преданіе, и эта связь съ національнымъ прошлымъ придаеть особую поэтичность его драмв.

Сюжеть "Бъднаго Генрика" взять изъ старой легенды, лучше всего разработанной швабскимъ поэтомъ XII въка, Гартманомъ фонъ-Ауэ, въ эпической поэмъ "Der arme Heinrich". Гартманъ разсказываеть въ ней о графъ Генрикъ фонъ-Ауэ, который заболълъ проказой и былъ спасенъ бъдной дъвушкой, дочерью своего мызника; она узнаеть о томъ, что въ Салерно есть врачъ, который можетъ исцъ-

лить прокаженнаго кровью невинной дівушки, и рішается пожертвовать своей жизнью для спасенія графа. Исціленіе совершается, но безъ вровавой жертви. Въ тоть моменть, когда девушка уже лежить. привязанная къ столу оператора, Генрихъ врывается въ комнату, чтобы помъщать совершению богопротивнаго дъла. Онъ понимаеть въ эту минуту, что болёзнь была ниспослана ему въ навазаніе за его гордыню, за то, что онъ жаждаль побъдь и докогался власти надъ людьми, забывъ о Богь, и что, взявъ еще большій грыхъ на душу, онъ не отвратить небесной вары, вакою считалась проваза въ средніе въка. Онъ смиряется въ эту минуту передъ небеснымъ навазаніемъ, и въ этомъ-его спасеніе. Расваявшійся грішнивъ испілиется, и жертва, которую готова принести дівушка, оказываеть свое спасительное действіе, прежде чёмъ она совершена въ действительности. Йоэма заканчивается женитьбой графа на его избавительникъ. Гауптианъ вносить драматическій элементь въ наивную легенду. изображан борьбу, которан происходить въ душе Генрика и спасшей его девушки; чудо испеленія становится въ драме конечнымь торжествомъ двухъ людей, познавшихъ величайшіе соблазны и пришедшихъ въ свъту послъ тижелыхъ испытаній. Основная идея драмыочень человъчная, примирительная и свътлая: графъ Генрикъ, ставшій "обднымъ Генрикомъ", и юная Оттогебе, дочь мызника, разными путями искали побъды духа: онъ считалъ себя первымъ изъ людей и не смирялся даже передъ Богомъ; она поглощена жаждой безстрастнаго подвига, и не допусваеть надъ собой власти земныхъ чувствъ. Но оба они въ своей разной гордынъ пришли къ бездиъ отчалнія, н только тогда, когда въ нихъ торжествуетъ любовь, когда жажда подвига, также какъ соблавнъ себялюбивой гордости и власти, смъняется страстнымъ желаніемъ не самому восторжествовать, а спасти жизнь другому-только тогда происходить чудо, т.-е. оба возрождаются для свытлой вемной жизни. Гауптманъ проповыдуеть въ "Быдномъ Генрихъ" спасительность живой любви въ человъку, и показываеть, что вив ея, какъ бы ни были высоки порывы духа, ивть спасенія, а есть только смятеніе, борьба и отчанніе.

Поэтичное старое преданіе возсоздано съ большой пластичностью и простотой въ драм'в Гауптмана. Блестащій графъ, Генрихъ фонъАуэ, прівзжаєть неожиданно въ своему фермеру Готфриду и заявляєть
ему, что, можеть быть, надолго поселится у него. Готфридъ и его
жена Бригитта — рады графу, котораго знали и любили, когда онъ
былъ еще ребенкомъ, но ихъ безпокоить мрачный и больной видъ
гостя, его замкнутость и влеченіе къ одиночеству. Они не понимають,
почему онъ хочеть пром'внять блескъ придворной жизни на тишину
л'ясовъ. Поселившись на мызв, графъ изб'вгаеть даже своихъ хозяєвь,

бродить угрюмый по полямъ, и оживляется только въ обществъ маленькой дочери фермера, съ которой онъ любилъ играть, еще когда она была совсёмъ ребенкомъ; тогда онъ назвалъ ее въ шутку своей "маленькой супругой" ("Klein Gemahl"). Онъ теперь продолжаеть звать ее по-прежнему. Оттогебе относится въ Генриху съ наивнымъ обожаніемъ и загорается радостью отъ каждаго его прив'етливаго слова. Въ ней просыпается женщина; она полусознательно старается пріуврасить себя, чтобы понравиться графу, красиветь и убъгаеть, когда отецъ обращаеть внимание на необычайную праздничность ел наряда. Оттогебе-странный ребеновы, пугающій родителей своимы чрезмірно страстнымь религіознымь чувствомь. Сь прівздомь графа Оттогебе становится еще болбе возбужденною. До нея доходять слухи о несчастін, постигшемъ Генриха, о страшныхъ болізняхъ, о проказъ, каръ Господней, не минующей и могущественныхъ владыкъ. Она ничего не знаеть въ точности, но въ душт готовится къ невъдомому подвигу, и жаждеть отдать жизнь для того, кого полюбила, сама не зная, какою любовью. Бригитту пугаеть экзальтація дочери; она не понимаеть ся безсвязныхъ словъ о жертвъ Исаака, ся разсказовъ о томъ, что, по словамъ одного изъ служащихъ графа, въ Сициліи есть врачь, который берется вылечить оть проказы, помазавъ больного кровью чистой девушки. Бригитта советуется съ духовникомъ своей дочери, патеромъ Бенедиктомъ. Онъ говорить ей, что Оттогебе важется ему Божіей избранницей, что нельзя поэтому осуждать ее за ея равнодушіе въ мірскимъ діламъ, за ея кажущіяся странности;--нужно примириться съ темъ, что она станеть Христовой невъстой. Бригитта согласна и на это, -- но душу ея тревожить ожиданіе болье страшных событій. Она и ея мужь видять, что сь графомъ творится неладное; даже върные слуги повидають его, и онъ самъ говорить своимъ хозяевамъ, что скоро уйдеть отъ нихъ. Къ Генриху прівзжаеть вызванный имъ управитель его замка, Гартманъ фонъ-Ауэ (автора поэмы "Біздный Генрихъ" Гауптанъ вводить такимъ образомъ въ свою драму, какъ подданнаго графа Генриха, какимъ онъ въ дъйствительности и былъ). На разспросы Гартмана и на его уговоры вернуться въ замокъ, гдв присутствіе скрывшагося графа стало необходимымъ, Генрихъ объясняетъ своему управителю и другу, что онъ никогда не вернется, что его путешестіе въ Святую землю и его пребываніе при иностранных дворахъ кончилось трагически. Онъ намежаеть ему о своей болёзни, не сознавалсь въ винё, навлекшей на него кару Господню. Ръчи его полны гордыни; онъ въ мысляхъ вознесся надъ всёми людьми и слишкомъ повёриль въ свое могущество, за что теперь и долженъ нести навазаніе, видіть, какъ всъ его покидаютъ, какъ онъ становится предметомъ ужаса и

отвращенія. Въ немъ просыпается ненависть къ людямъ и желаніе уйти отъ нихъ въ пустыню, потому что онъ не смогь подчинить ихъ себъ. Теперь всъ уже знають, что онъ сталъ равенъ самымъ жалкимъ нищимъ, и всъ отворачиваются отъ него. Онъ не смиряется, а говорить о своемъ несчастіи съ озлобленной гордостью, и надаетъ въ изнеможеніи отъ охватившаго его отчаянія. Къ нему склоняется Оттогебе, говоря, что она призвана спасти и очистить его.

Графъ Генрихъ превратился въ "бъднаго Генриха", живетъ въ лъсу, одичалый и одинокій, и роеть себъ могилу. Къ нему приходять люди, приходить покинувшій его слуга, чтобы узнать о тожь, какъ онъ живеть, но Генрихъ прогоняеть его только темъ, что грозить дотронуться до него. Съ этого момента начинается параллельная драма въ его душъ и въ душъ Оттогебе. Генрихъ все болъе ожесточается, презираеть людей, которые хотять оказать ему милосердіе, встрівчаеть настора, являющагося вы нему съ пищей и питьемы, надменными ругательствами. Онъ гордъ своимъ одиночествомъ, считаеть себя властелиномъ всего пространства, которое можеть охватить его взоръ, потому что никто не осмелится приблизиться къ нему, к всв его боятся болве, чвиъ прежде. Овъ говоритъ, что добровольно избралъ свою новую долю: ему надобло жить въ нышности и быть рабомъ своихъ слугъ и друзей, не имъть возможности ничего дълать самому, такъ какъ всё его желанія предупреждались услужливостью другихъ; ему надобло постоянно стоять на вершинъ и всегда нагибаться, чтобы съ квиъ-нибудь говорить. Онъ захотвлъ свободы; когда рабъ мечтаеть о свободъ, его тянетъ вверхъ; когда же господинъ хочетъ свободы и единенія съ вселенной, онъ долженъ опуститься какъ можно ниже-воть почему онъ живеть въ пустынъ и роеть себъ могилу. Въ своемъ дерзновении Генрихъ богохульствуетъ и все болве питаеть въ себъ злобу. Патеръ Бенедикть пришель къ нему въ сопровожденіи фермера Готфрида, и оба они умоляють Генриха помочь имъ спасти Оттогебе, которая обезумъла отъ желанія принести себя въ жертву и спасти своей кровью больного графа. Пусть онъ вернется на ферму и живеть тамъ, пусть отговорить ее оть безумной мысли, которую отецъ дъвушки считаеть навождениеть сатаны. Бенедикть останавливаеть слишкомь быстрыя заключенія отца. Онъ считаеть, напротивъ того, что въ душт Оттогебе происходить святая борьба, которая, быть можеть, приведеть къ добру. Генрихъ говорить въ отвёть злыя рёчи. Онъ самъ считаетъ разсказы объ испеления провыю баснями, и къ тому же объявляеть себя безгрешнымъ и не нуждающимся въ исцеленіи. Онъ говорить, что девушка была у него въ лъсу, умоляла принять ея жертву, но онъ не поддался искушенію. На него обрушилось самое сильное проклятіе, и онъ все-таки не

поддался ему, не унивился духомъ — такъ ужъ онъ не поддастся и меньшему соблазну, не захочеть спасенія отъ ребенка. Онъ готовится къ одинокой смерти, силенъ своей злобой, и потому прогоняеть пришельцевь, нарушившихъ его одиночество, продолжая рыть свою могилу.

Въ то время какъ "бъдный Генрихъ" все болье приближается къ бездив отчания, укрвиляясь въ своей гордынв, -- въ душв Оттогебе происходить иная борьба. Она удалилась въ лесную часовню, где живеть Бенедикть, и тамъ истяваеть себя молитвенными бленіями и постомъ, чтобы спастись отъ искушеній сатаны. Ей самой кажется, что въ ней говорить грешная земная любовь въ Генриху, и что если это такъ, то она не спасеть ни его души, ни своей. Бенедикть уговариваеть ее не истязать такъ упорно свое твло: если она хочеть посвятить себя Богу, то должна щадить свою жизнь. Но Оттогебе говорить, что только среди истязаній она можеть дышать-такъ велико смятеніе ея души. Ей, однако, путь къ свъту открывается ранъе, чёмъ Генрику. Она чувствуеть чистоту своихъ помысловь и разскавываеть духовнику о виденіи, которое имела ночью; после него она вполив уввровала въ необходимость и спасительность своей жертвы. Она видъла себя среди бури, отъ которой нътъ спасенія; ея обнаженный трупъ съ торчащимъ въ груди ножомъ влекли за собой демоны; она чувствовала, какъ ею овладеваетъ соблазнъ греха и тянетъ ее въ бездну. Но чистота ея побъдила въ борьбъ, адскія видънія исчезли, и въ небу медленно поднялись два тихихъ, странныхъ солнца, и, поднимаясь все выше и выше, исчезли въ сіяніи. Она видить въ этомъ внакъ побъды: земная любовь, прошедшая чрезъ искушенія и освященная чистотой помысловь, торжествуеть и становится священной и спасительной. Оттогебе готова къ жертвъ; она знаетъ, что Генрихъ придетъ за ней, и что ей дано будетъ спасти его. Дъйствительно. Генрихъ является. Его отчанніе достигло высшихъ предвловъ; онъ уже не находить утвшенія въ самомъ себв, и ищеть дввушку, которую прежде такъ гордо отвергалъ. Онъ бродить сначала вокругъ дома фермера, но, узнавъ, что Оттогебе въ лъсу у патера, приходитъ туда. Онъ входить въ часовню не со смиренной молитвой, а съ нечестивыми провлятіями на устахъ. Его обращеніе въ Богу-одно изъ самыхъ сильныхъ мъстъ въ драмъ; это какъ бы моленіе о мракъ, мучительный вопль въ Богу, просьба о томъ, чтобы Богъ забылъ о немъ, не считалъ его однимъ изъ камней зданія, скрвиленнаго кровью. Генрикъ не хочеть спасенія, а только полнаго мрака. Но, все же, въ этой погибающей душь есть лучь свыта — Генрихь ищеть Оттогебе, и вопреки своему отчаннію ждеть оть нея спасенія, хотя не върить въ сказки о сицилійскомъ врачь. Узнавъ Генрика въ одичаломъ пришельцё, патеръ Бенедикть уб'єждаеть его смириться и раскаяться; онъ говорить, что д'євушка не у него, что она ушла изъ міра. Генрихь думаеть, что она умерла, и отчанніе его возростаєть, но въ эту минуту появляется Оттогебе, и видъ ея проливаеть первый лучь св'єта въ душу Генриха. Она увлекаеть его за собой къ спасенію.

Въ последнемъ действин драмы спасение Генрика представлено уже совершившимся. Онъ возвращается, после долгаго отсутствія, въ свой родовой замовъ, созвавъ туда всёхъ своихъ вёрныхъ слугъ и приказавъ патеру Бенедикту украсить алтарь въ дворцовой часовив для торжества бракосочетанія. Онъ вернулся съ Оттогебе, и разсказываеть Гартману и патеру о томъ, накъ совершилось чудо. Его исцълила не кровь молодой чистой дівушки, а ея чистая любовь. Увидавь ее въ лесной часовие, онъ почувствоваль первое нривосновение благодати, испалился отъ злобы, ненависти въ людямъ, отъ желанія вернуться въ міръ, хоти бы для этого пришлось совершить убійство невинной девушки. Второй лучь благодати осветиль его, когда, увлекаемый Оттогебе, онъ двинулся съ нею въ путь и полюбилъ ее. Эта любовь јеще не исцванла его отъ болвзии, но наполнила его душу смиреніемъ, готовностью перенести кару, ниспосланную ему небомъ; въ его себялюбивой душъ проснулась безконечная преданность къ другому существу, страстное желаніе жить только для Оттогебе или умереть вивств съ нею. Онъ сталъ уговаривать ее отвазаться отъ задуманной ею жертвы, принять которую онъ прежде не колебался, ослъпленный гордыней. Но Оттогебе не внимала его уговорамъ и властно влежла его на югь, въ Сицилію, къ салерискому врачу. Непоколебимая, блёдная отъ мукъ и счастья, она казалась ему серафимомъ и наполняла его душу блаженной належдой. Ее влекло въ смерти, и онъ, покорно следуя за нею, тоже жаждаль только умереть вместь съ нею. Они пришли въ врачу. Изумленный готовностью девушки въ жортев, врачь сталь пугать ее, показаль ей орудія пытки, ожидающей ее; но все это не поколебало ея рышенія; и врачь заперся съ нею въ комнать, чтобы совершить жертвоприношение. Тогда, по словамъ Генриха, его коснулся третій лучъ благодати. Въ какомъ-то изступленіи, чувствуя, что душа его въ огнъ, онъ выломаль дверь и вошель въ комнату, гдё увидёль дёвушку привлзанною къ скамьй. При видъ ея, въ душу его влилось могущественное чувство всепобъдной любви и жалости въ дъвушев, готовой пролить за него кровь. Въ эту минуту онъ окончательно смирился дукомъ---Богъ открылся ему въ силъ любви. Онъ вырваль девушку изърукъ палача-и исцелился. Свершилось чудо-не матеріальное, не исправніе тала цаной пролитой за него крови, а чудо внутренняго просвытленія. Генрахъ возвращается въ свой замокъ во всемъ блескв прежняго могущества. но съ просвътленной и смирившейся душою. Онъ привезъ съ собой Оттогебе, чтобы вънчать ее какъ свою законную супругу. Но Оттогебе не отдаеть себъ яснаго отчета въ томъ, что случилось. Душа ен еще полна смятенія. Ей кажется, что она очутилась во власти ада, что Господь не приняль ея жертвы, и она обвиняеть себя, думаеть, что ел побужденія не были достаточно чисты, что не желаніе спасти душу Генрика, а только гръшная любовь къ нему влекли ее на жертву, и что поэтому ее отвергнуль Господь. Но понемногу тумань, окутавшій ея душу, разсывается; она засыпаеть, и во сні находить на нее просвътленіе. Генрихъ собираеть вокругь спящей своихъ рыцарей, разсвазываеть о своемъ просвитлении своему другу и вассалу Гартману, и когда пажи вносять двв короны, онъ одну изъ нихъ надъваеть на голову Оттогебе, говоря, что Господь "во сив ввичаеть своихъ избранниковъ". Оттогебе просыпается и смиренно принимаетъ ниспосланное ей Богомъ земное блаженство. Генрихъ говорилъ объ ожидающемъ ихъ въ будущемъ счастьй, какъ о возрождении послъ смерти къ лучшей жизни. Теперь онъ снова можеть быть властелиномъ своихъ вемель, не навлекая на себя вары за гордыню, потому что онъ позналь до дна и горечь паденія, и радость смиренія, и блаженство возрожденія въ любви.

Таково содержаніе драмы, идея которой въ сущности та же, что и въ "Потонувшемъ колоколъ". Уже тамъ Гауптманъ говорилъ о "притяженін земли", доказываль безплодность влеченій къ одинокимь вершинамъ, такъ какъ нельзя забыть слезъ, проливаемыхъ въ долинахъ, какъ бы высоко ни подниматься изъ желанія забыть о нихъ. Тотъ же протесть противь одинокаго подвига и противъ гордыни духа, чуждающагося земныхъ чувствъ, слишится и въ "Бъдномъ Генрихв". Пока Генрихъ искалъ вершинъ земной власти и не смирялся передъ Богомъ, пока Оттогебе была тоже горда — только въ иномъ смыслъ, жаждала святости и презирала земныя чувства, т.-е. пока она боялась дюбить Генриха, оба они терзались и были близки въ отчанию. Смирившись, познавъ всю полноту любви въ земномъ чувствъ, они возвысились духомъ. Эта мысль воплощена Гауптманомъ въ обаятельнопрекрасных образахъ старинной легенды. Оттогебе-духовная сестра Ганнеле и Раутенделейнъ, вполнъ земное существо, но безконечно чистое и пламенное, сильное и нъжное. Трагическая фигура Генриха, съ его порывами демоническаго дерзновенія, вырисовывается чрезвычайно сильно и жизненно, также какъ и остальныя лица драмы. Художественная красота драмы обусловливается главнымъ образомъ сосредоточенной силой и сжатостью, а также лирическими красотами стиха, сохраняющаго аромать старины.

II.

Jean Lombard. Byzance. Paris, 1902, crp. 403. (Librairie Paul Ollendorf).

Въ минувшемъ году, въ Парижѣ вышли въ свѣтъ два историческихъ романа: "Византія" (Вугапсе) и "Агонія" (Agonie). Жана Ломбара, первый съ предисловіемъ Поля Маргерита, второй—съ предисловіемъ Октава Мирбо. Оба эти авторитетные писатели рекомендуютъ романы Ломбара особому вниманію публики; впечатлѣніе, которое получается отъ чтенія романовъ, подтверждаетъ лестные отзывы авторовъ предисловій.

Жанъ Ломбаръ умеръ еще молодымъ, до появленія своихъ историческихъ романовъ, такъ что его имя пріобрѣло извѣстность уже послѣ его смерти. Онъ много писалъ при жизни, но большинство его произведеній, появлявшихся часто подъ псевдонимами, разбросано по разнымъ изданіямъ, а отдѣльныя книги тоже не проникли при жизни автора въ большую публику; только теперь, послѣ смерти Ломбара, его сочиненія изданы снова и даютъ представленіе о его несомнѣню выдающемся, хотя не всегда ровномъ, художественномъ талантѣ.

Жанъ Ломбаръ-южанинъ, уроженецъ Марселя; прежде чвиъ стать писателемъ, онъ былъ рабочимъ, ювелирнымъ подмастерьемъ. Въ ранней молодости онъ увлекся политикой, и сталь однимъ изъ видныхъ представителей рабочей партіи; онъ высказываль очень крайніе взгляды на рабочихъ собраніяхъ и въ статьяхъ, которыя писаль въ разныхъ соціалистическихъ органахъ. Его первая поэма, "Adel, la Revolte future", пронивнута пламеннымъ сочувствиемъ въ страданіямъ пролетаріата, а тавже мечтами о воцареніи справедливости и счастья на земль. Очень энергичный и трудолюбивый, Ломбаръ издаваль газеты въ Марселъ, участвовалъ въ существующихъ на югь органахъ рабочей партіи, писаль романы, стихи, историческія и литературныя статьи, неустанно работаль; въжизни онъ быль неудачникомъ и постоянно боролся съ нуждой. Нивакого школьнаго образованія Ломбаръ не получиль, но самъ много работаль, читаль и пріобраль большую историческую эрудицію, сказывающуюся въ особенности въ названныхъ выше двухъ романахъ, "Византія" и "Агонія". Странно даже представить себъ, что ихъ авторъ-простой рабочій, занятый къ тому же практической общественною деятельностью; -- эти романы предполагають многольтнее изучение исторіи, вськь подробностей древняго быта, знаніе археологіи, искусства, исторіи цервви. Историческимъ романамъ Ломбара предшествовали несколько другихъ книгъ, въ томъ

числѣ біографическій очеркъ жизни генерала Мирёра ("Un volontaire de 92") и романъ "Loïs Majourès", въ которомъ описываются политическіе нравы южной Францін, выборы, устройство врестьянской общины. Въ этомъ романъ сказывается большая наблюдательность и выясняются общественные идеалы автора. Исихологія героя, мечтающаго о соціальных реформах и нравственном перерожденім общества, переживающаго много разочарованій въ общественной діятельности и въ личной жизни, очерчена съ большимъ психологическимъ пониманіемъ. Общій тонъ романа крайне пессимистическій. Поэма "Адель" напоминаетъ "Laon and Cythna" Шелли своими пламенными строфами о грядущемъ воцареніи свободы, равенства и братства. Герой поэмы, Адель, призываеть къ себъ армію порабощенныхъ капитализмомъ рабочихъ, и при помощи ихъ уничтожаеть огнемъ "нечестивую Гоморру", т.-е. существующій общественный строй, чтобы водворить справедливость и счастье на земль. Въ этой поэмь сказывается основная черта таланта Ломбара-его уменье рисовать шировія картины народныхъ массъ въ движеніи. Красочность и богатство образовъ, яркость и разнообразіе формъ составляють также главное достопиство двухъ историческихъ романовъ Ломбара. Въ нихъ рѣчь идеть о далекомъ прошломъ, о времени иконоборчества и объ эпохъ упадка римской имперіи, но въ изображении древняго міра, безумной роскоши и порочности высшихъ классовъ, страданій и нужды народныхъ массь, чувствуется современный проповідникъ общественныхъ идеаловъ, съ особой остротой воспринимающій всякія проявленія жизненнаго зла. Ломбара привдекають въ исторіи періоды смуть и паденія нравовь, потому что въ никъ онъ видить какъ бы уровъ обществу, мирящемуся съ несправедливостью и доживающему такимъ образомъ до чудовищнаго паденія, урокъ рабамъ, не умініцимъ во-время отстоять себя, а также и ногибающимъ отъ пресыщенія и пороковъ угнетателямъ народа. Ломбаръ видить въ историческомъ прошломъ проявление тахъ же разрушительныхъ силъ, которыя совдають печальныя явленія современной действительности, и потому далекь въ своихъ романахъ отъ сповойнаго историческаго тона. Изложение событий у него, напротивъ того, очень страстное; онъ сгущаеть краски, выдвигаеть съ особой настойчивостью уродливое и чудовищное въ нравахъ изучаемыхъ энохъ. Стиль его описаній-різькій до крайности; чувствуется даже вавъ бы преднамъренное выискиваніе отталкивающихъ подробностейвъ особенности во второмъ романъ, "Агонія". Творческая фантазія Ломбара проявляется наиболже ярко въ созиданіи стихійныхъ картинъ. Византія съ ея пестрымъ, полу-азіатскимъ, полу-европейскимъ населеніемъ, въ свътлые и спокойные дни, когда народъ толпится на базарахъ, наполняетъ улицы, церкви и цирки, а также видъ ся въ бурные моменты народныхъ смятеній, когда улицы заливаются кровью враждующихъ партій, изображены Ломбаромъ въ рядв яркихъ и мощно написанныхъ фресковъ. Мъняющіяся картины народныхъ волненій, а тавже лирическія и драматическія сцены, въ которыхъ проявляются сложныя, иногда нёжныя, иногда дикія страсти восточныхъ людей. получають большую рельефность и яркость на фонт пестраго города, съ его безчисленными своеобразными архитектурными памятниками. Ломбаръ ни на минуту не отвлевается отъ декораціи, среди которой происходить дъйствіе его романа, и описаніе событій переплетается съ изображеніями древней Византін, возсозданной во всемъ блескі ея восточнаго колорита, во всей пышности ся природы и красотв памятниковъ искусства, церквей, дворцовъ и цирковъ. Ломбаръ-уроженецъ Марселя, и жизнь въ этомъ городъ, гдъ непрерывно движется въ гавани пестрая, разноплеменная толиа, гдв чувствуется близость Востова, подготовили Ломбара въ пониманію древней Византін. Умфніе Ломбара живописать толпу, движеніе и волненія массь, а также превращать городъ какъ бы въ живое существо, вліяющее на чувства обитателей, отражающее на себв ихъ психологію, свидетельствуеть о вліянін Зола на молодого писателя. Ломбаръ вносить его художественные пріемы въ область историческаго романа. Онъ отивчаеть вліяніе среды на событія, накопляєть фактическія, предметныя подробности, почерпнутыя изъ точнаго, всесторонняго изученія археологическаго матеріала. Только по явыку своему Ломбаръ отличается отъ натуралистической прозы Зола, съ ен наифренной грубостью и безъискусственностью. Ломбаръ, напротивъ того, утонченный стилисть, и приближается въ этомъ отношеніи къ новійшимъ францувскимъ писателямъ. При всей своей колоритности, языкъ Ломбара--искусственный, нъсколько манерный, иногда туманный, вследствие разныхъ особенностей въ построеніи фразь. Эта чрезмірная оригинальность стиля составляеть слабую сторону его романовь, затемная отчасти изложеніе; но въ нъкоторыхъ отдъльныхъ описаніяхъ и сценахъ язывъ его достигаеть большой художественности и повзіи.

Романъ "Византія" относится къ VIII-му въку, ко времени царствованія Константина V-го, извъстнаго своимъ иконоборчествомъ. Безпристрастные историки восхваляють этого императора, какъ носителя культуры, который боролся противъ чрезмърнаго, доходившаго почти до язычества, поклоненія иконамъ; но церковная литература относится къ нему враждебно. Ему присвоено названіе "Копронима" (нечистаго) за то, что онъ, будто бы, во время крещенія осквернилъ купель нечистотами; его представляють тиранномъ, мучителемъ и гонителемъ въры. Ломбаръ отчасти склоняется къ этому взгладу. Самого Константина онъ не считаеть безжалостнымъ тиранномъ; напро-

тивъ того, въ его романъ императоръ старается не допускать жестоностей, которыя творятся оть его имени; онь чувствуеть жалость въ своимъ жертвамъ и, по возможности, щадитъ ихъ, темъ более, что предчувствуеть конечное торжество иконопочитателей. Но, обълзя до нъкоторой степени личность императора, Ломбаръ считаеть его гоненія на иконы величайшимъ насиліємъ надъ чувствами народа. Всъ совътчики Константина, патріархъ, все духовенство св. Софіи и вся дворцовая партія изображены въ романв въ чрезвычайно непривлекательномъ видь; все это- жестокосердые, кормствие, пресладующие только личные интересы люди. Ломбара не интересуеть принципіальная сторона вопроса; онъ не разбирается въ томъ, что болье соотвътствуетъ духу христіанскаго ученія-чрезміврное поклоненіе иконамъ или уничтожение ихъ. Овъ видитъ только съ одной стороны могущественнаго властителя, вогорый преследуеть жестовими мерами людей, върныхъ своимъ религіознымъ традиціямъ, а съ другой — народъ, гибнущій оть преследованій и готовый на мученичество во имя въры, и его демовратическія симпатіи принадлежать последнему.

Изображая борьбу нконопочитателей съ нконоборцами, Ломбаръ всецъло свлоняется на сторону первыхъ. Центральнымъ событіемъ въ романъ является заговоръ иконопочитателей противъ Константина, съ цёлью свергнуть съ престола нечестиваго императора-иконоборца н облечь царской властью найденнаго ими защитенка иконъ. Они свлоняють на свою сторону народную партію "зеленыхь" и вступають въ кровопролитную борьбу съ защитниками императора-, синими". Во главъ заговора стоитъ священникъ Гибреасъ, проповъдующій мистическое христіанство. Заговорщики нашли нужнаго имъ кандидата на престоль въ лицъ Управды, мальчика славянскаго происхожденія, приходящагося внукомъ Юстиніану. Управда вмівств со своей сестрой Виглиницей жили раньше въ маленькой деревушкъ, въ полномъ одиночествъ и обдности. Никто не зналъ о царственномъ происхожденіи Управды, и когда в'ясть объ этомъ дошла до Византін, ивонопочитатели решили привести Управду въ Византію и начать борьбу съ цѣлью возвести его на принадлежащій ему по праву престоль. "Зеление" берутся защищать новаго претендента, и на играхъ въ ипподромъ одерживаютъ побъду надъ "синими", считая этотъ усивкъ корошимъ предзнаменованіемъ для затівяннаго заговора. Управла. восторженный, нажный и чуждый властолюбія юноша, съ упоеніемъ внимаеть поученіямь Гибреаса, его пророчествамь о конечномь торжествъ добра надъ царящимъ въ міръ зломъ и тиранніей, воплощенной, по словамъ проповъдника, въ лицъ императора Константина. Но онъ не чувствуетъ призванія къ державной власти, и предпочель бы служение церкви, --- онъ только нассивно покоряется на-

вязываемой ему роли будущаго императора, такъ какъ самъ не питаетъ никакой ненависти противъ императора Константина. Но чуждое ему честолюбіе тамъ сильнае воплощено въ его сестра Виглиницъ; она сосредоточиваетъ всю свою экергію на томъ, чтобы доставить престоль брату, скорбя въ душв о его слабости. Чтобы усилить права Управды на престоль, заговорщики рышають женить его на дъвушев тоже царственнаго происхожденія — на Евстовін, дочерв одного изъ пати братьевъ, потомковъ Осодосія, оследленныхъ тиранномъ Филиппикомъ за то, что они предъявляли притазанія на престоль. Слепые братья живуть въ своемъ дворце и продолжають считать себя законными претендентами. Узнавь о заговорь, они считають Управду узурпаторомъ и противятся его браку съ Евстокіей. Но ее уводять тайкомъ изъ ихъ дворца, и она живетъ съ Виглиницей у приверженцевъ Управды. Ее объявляють невестой будущаго императора-бракъ ихъ долженъ состояться, когда Управда вступить на престолъ. Управдъ нравится молодая гречанка, тоже мистически настроенная и охотно внимающая словамъ священника, который проповълуеть о градущемъ царствъ добра и превозносить поклоненіе иконамъ. Но Евстокія все-же более думаеть о мірской власти, чемъ Управда; видя равнодушіе своего жениха нь государственнымь интересамъ, она надъется пріобръсти вліяніе на него, и въ будущемъ управлять царствомъ отъ его имени, чтобы такимъ образомъ исполнить долгь, возложенный на нихъ ихъ царственнымъ происхождениемъ. Сестра Управды, Виглиница, ревниво относится въ невъсть брата, чувствуя въ ней такую же честолюбивую натуру, какъ ся собственная. Она считаеть, что имъеть столько же правъ на престоль, какъ и брать, и даже болье, потому что онъ слишкомъ слабъ и слишкомъ далекь оть земныхь интересовь; ей нестериима мысль, что престоль перейдеть въ потомкамъ Евстокіи, и она мечтаеть найти себѣ достойнаго супруга; будь у нея сынъ-у него было бы, по ея глубокому убъжденію, больше правъ на престоль, чёмъ у сина Управды и Евстокіи. Виглиница ищетъ себі избранника среди вождей партів Управды. Ей приходится по сердцу предводитель партін "зеленыхъ", Солибась, одержавшій поб'єду надъ "синими" въ ипподром'є. Но въ уличномъ столеновении съ "синими", после того какъ начинаютъ распространяться слухи о заговорь, Солибась захвачень въ шлынь дворцовой стражей и подвергнуть страшной пыткв; палачь отсываеть ему руку и ногу, выкалываеть ему глазь, и вътакомъ виде его бросають въ мрачную, сырую темницу. Только черезъгодъ онъ выходить оттуда жалвимъ налъкой, неспособнымъ служить своему дълу, т.-е. бороться за вопареніе Управды.

Заговоръ отерывается благодаря слёпымъ братьямъ, настолько

возмущеннымъ появленіемъ Управды, переходомъ на ихъ сторону "зеленыхъ" и исчезновеніемъ Евстокіи, что они громко говорять на улицахъ о новой затыв икононочитателей и выдають такимъ образомъ тайну заговора соглядатаямъ императора. Ихъ захватываеть дворцовая стража, и они сами, изъ мести, выдають все, что знають о заговорь, начальнику императорского дворца. Они терпять наказаніе за свое предательство, потому что, съ цёлью вывёдать отъ нихъ больше свъдъній, ихъ мучать въ тюрьмъ-совершенно напрасно, потому что они не посвящены въ подробности. Самъ императоръ-противъ излишнихъ жестовостей, но его приближенные, въ особенности ванимающіе высшія дворцовыя должности евнухи, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы дать волю своимъ жестовимъ инстинктамъ. Братьевъ спасаеть Евстокія, которая попадаеть во дворець, спасаясь оть преследованій выслеживающих ее "синихь". Она выводить слепыхь изъ темницы, и они возвращаются въ свой дворецъ, где ихъ уже оставляють въ поков, такъ какъ они, въ сущности, безвредны. Но существованіе заговора становится мзвёстнымъ; патріархъ и все духовенство св. Софін сильно волнуются и настанвають на врутыхъ мърахъ. Устроивается совъщание духовенства съ императоромъ, котораго заставляють, противъ его желанія, издать указь, запрещающій почитаніе иконъ подъ страхомъ жестокихъ наказаній. Всё представители иконоборчества, въ особенности натріархъ, изображены въ романъ въ самомъ непривлекательномъ видъ. Они-достойные братья дворцовыхъ евнуховъ, жестовіе и раболівные люди, находящіе наслажденіе только въ томъ, чтобы творить зло. Ихъ ученіе основано на лицеміврін, на полномъ отсутствін любви въ людямъ. Авторъ романа видить въ нихъ только притеснителей и мучителей народа. Нравственная высота христіанства, мистическая жажда добра и живан любовь къ страдающему человъчеству воплощены въ его романъ въ представителяхъ икопопочитанія, въ сторонникахъ Управды, защищающихъ интересы вародной массы.

Послѣ обнародованія указа начинается мрачное, смутное время; самъ миператоръ сдерживаеть своихъ сторонниковъ, чувствуя, что губить интересы своей династіи, выводя изъ терпѣнія народъ. Но его подчиненные не знають мѣры—они хотять потушить смуту, уничтожить заговорь, погубить Управду, не думая о дальнѣйшемъ. Послѣ первоначальныхъ удачъ, "зеленые" начинаютъ претерпѣвать пораженія. Захвачены главные дѣятели заговора, и тоже подвергаются искалѣчиваніямъ и долгому заточенію въ тюрьмѣ, изъ которой выходять обезсиленные, неспособные къ дальнѣйшей борьбѣ. Дворцовой партіи удается схватить и самого Управду. Императоръ не позволяеть казнить его, а требуетъ только, чтобы его ослѣпили—слѣпого соперника онъ не боится. Послѣ пытки ослѣплеп-

Digitized by Google

наго юношу уносять его друзья къ себъ; за нимъ ухаживають сестра и невъста; онъ выздоравливаетъ, но чувствуетъ себя безконечно несчастнымъ. Его партія різшаєть немедленно обвінчать его съ Евстокіей, для того, чтобы если ему не удастся самому вступить на престоль, онъ смогь бы передать свои права своему потомству. Торжественно печальный обрядъ совершается, и жизнь слепого юноши озаряется присутствіемъ любящей жены, въ которой овъ привязывается со всей нѣжностью своей измученной молодой души. Виглиница сначала возмущается этимъ бракомъ, въ особенности вогда Евстокія готовится стать матерью. Виглиница страстно мечтаеть сама быть матерыю императора, но всё тё, кого она могла бы избрать себё въ супруги, теперь, претерпъвъ мучительство со стороны императорской партіи, не считають себя достойными сл. Она все-же идеть на унизительные компромиссы, чтобы достигнуть своей цёли, и, только потерявь надежду на материнство, расканвается въ своихъ интригахъ противъ брата и становится энергичной защитищей его жены и ожидаемаго ребенка. Но всъ старанія приверженцевъ Управды не могуть спасти его. Его и его жену скрывають въ церкви, считающейся святымъ убъжищемъ, но разсвиръпъвшая императорская партія разрушаеть всё запреты, вламывается въ церковь, и всё погибають въ общей різні. Заговорь уничтожень, императорская партія торжествуеть, и народъ снова во власти произвола. Но Управда умираеть со словами пламенной въры въ грядущее торжество истины и добра.

Таково содержаніе романа, въ которомъ на фонѣ историческихъ событій изображено растленіе нравовъ и страданія нареда, не ум'вющаго отстоять свои права. Романъ проникнуть крайнимъ демократизмомъ, страстнымъ сочувствіемъ къ страданіямъ народа и ненавистью къ угнетателямъ его. Второй романъ Ломбара, "Агонія", относящійся ко времени паденія Рима, изображаеть царствованіе Геліогабала, распроотранившаго разныя темныя восточныя ученія, которыя способствовали окончательному чудовищному растленію нравовъ. Въ описаніяхъ Рима, погибающаго оть разнузданности низменныхъ страстей, оть чудовищныхъ пороковъ, чувствуется горячая любовь къ страдающему человечеству, желаніе вдохнуть любовь къ свободё и противопоставить здоровую энергію рабочихъ массъ растленію его гонителей, утопающихъ въ роскоши, опьяненныхъ властью и забывшихъ человеческое достоинство.

III.

E. J. Dillon. Maxim Gorky. Crp. 383. London, 1902 (Isbister a. Co).

Въ концъ минувшаго года вышла на англійскомъ языкъ книга, посвященная разбору сочиненій Максима Горькаго; въ нее вилючены также переводы некоторых характерных разсказовь Горькаго. Авторъ книги - Э. Диллонъ, известный знатокъ русской жизни, бывшій профессоръ харьковскаго университета, писавшій по-русски научныя статьи и беллетристические очерки. Диллонъ - ученый ориенталисть, авторъ работь по сравнительному языкознанію, а также талантливый публицисть. Новая внига его о Горькомъ особенно интересна темъ, что въ ней соединяется столь редкое у иностранцевъ знаніе и нониманіе русской жизни съ безпристрастностью вритива, смотрящаго со стороны на изучаемыя имъ явленія. Въ заграничныхъ отзывахъ о прославленномъ на весь міръ русскомъ писатель чувствуется большей частью безпочвенность сужденій, увлеченіе его экзотичностью, отсутствіе болже глубоваго пониманія и значенія Горькаго, и причинъ его успаха. Диллонъ въ этомъ отношении составляетъ радкое исилюченіе; онъ не уступаєть въ пониманіи условій русской дійствительности любому русскому писателю. Но, зная Россію какъ русскій, онъ судить о явленіяхь русской жизни, и въ частности о разбираемомъ имъ русскомъ писатель, какъ иностранецъ,--и въ этомъ заключается главный интересь его вниги. Задача Диллона заключается въ томъ, чтобы выяснить англійскимь читателямь условія, вліявшія на развитіе Максима Горькаго, на его міросозерцаніе, и тімь самымь освізтить художественное значение Горькаго, также какъ и слабыя стороны его произведеній.

Значительная часть книги Диллона отведена біографіи Горькаго, потому что, но его словамъ, "популярность этого писателя въ значительной степени обусловливается романтичностью его судьбы". Диллонъ отмъчаетъ при этомъ фактъ, характерный, по его митнію, для исторіи русской культуры,—онъ говоритъ, что въ Россіи восхожденіе по общественной лъстницъ гораздо легче дается талантливымъ натурамъ изъ народа, чъмъ гдъ бы то ни было, такъ какъ всякій, кто стучится въ двери во имя науки и искусства, встръчаетъ въ русскомъ обществъ самое горячее сочувствіе. Онъ приводитъ въ примъръ Ломоносова, и наиболье яркое доказательство "подвижности общественныхъ перегородокъ" видитъ въ судьбъ Горькаго, столь быстро занявшаго одно изъ первыхъ мъстъ въ современной русской литературъ. Намъ кажется, что тутъ дъло не въ исключительной чуткости

русскаго общества въ талантамъ, а въ томъ, что исключительно одаренныя натуры, въ какой бы средъ онъ ни появлялись, всегда пробивають себъ путь. И англійскій поэть Бёрнсь, и Беранже, и французскій художникъ Миллэ, были выходцами изъ народа; на протяженіи исторіи культурнаго человічества можно найти множество приміровъ побъды выдающихся натуръ надъ условіями среды. Но Дилловъ несомевнно правъ, говоря, что та озлобленность противъ интеллигенцін, которан чувствуется въ произведенінхъ Горькаго, вызвана обстоятельствами его жизни, мрачными впечатленіями детства и юности, проведенной среди обездоленныхъ тружениковъ и погибшихъ людей. Для Диллона темнымъ пунктомъ въ литературной деятельности Горькаго является его классовая ненависть, которую, какъ онъ говорить, никакъ нельзя оправдать, когда она направлена противъ самой культурной и прогрессивной части общества. Но, признавая тананть и значеніе Горькаго, онь задается півлью объяснить ненависть его къ интеллигенціи, и съ этой цёлью очень живо и художественно разсказываеть судьбу Горькаго, оттыняя всв испытанныя имъ страданія и лишенія; онъ старается возбудить въ нему симпатім и сочувствіе англійскихъ читателей, чтобы оправдать такимъ образомъ панегириста босячества. Такое отношеніе англійскаго критика въ Горькому очень любопытно. У насъ Горькаго прославляють за то, что онъ "открыль" новую культурную силу, противопоставивъ идеаламъ интеллигентнаго класса свободолюбіе и нравственное превосходство самобытныхъ натуръ изъ рабочей среды. Англійскій критикъ, напротивъ того, считаеть этоть протесть противъ культуры во имя свободы личности темной стороной дентельности даровитаго писателя. Чтобы примирить съ нею культурное человъчество, онъ ищеть оправданія Горькому въ его личной судьбів, въ томъ, что въ юности ему приходилось сталкиваться только съ такими же пасынками культуры, какъ онъ самъ. Біографію Горькаго Диллонъ разсказываеть очень обстоятельно, пользуясь всёми имеющимися въ русской печати источниками, а также и отивчая автобіографическія подробности въ произведеніяхъ Горькаго. Онъ переплетаетъ свой разсказъ съ переводомъ отрывковъ изъ сочиненій Горькаго, и ділаеть это очень искусно, такъ что въ общемъ получается живой и цёльный образь писателя. Имъя въ виду англійскую публику, Дилловъ поясняеть нъкоторыя условія русской общественной жизни, обнаруживая всестороннее пониманіе ея. Очень интересна въ его книгъ глава о причинахъ успъха Горькаго. Диллонъ приписываеть этотъ успъхъ не столько художественному значенію Горькаго, какъ его міросозерцанію, въ которомъ всё общественныя партіи находять отражепіе своихъ взглядовъ и идеаловъ. Дилловъ очень върно разъясняетъ

отношеніе русскаго интеллигентнаго общества къ литературі, въ которой оно ищеть главнымь образомъ отвіта на общественным злобы дня, гораздо менте интересуясь чисто художественнымъ содержаніемъ литературныхъ произведеній. Для западно-европейскихъ читателей, въ особенности для англичанъ, такой взглядъ на литературу кажется по меньшей мітрі страннымъ; понимая это, Диллонъ старается выяснить причины такого преобладанія общественныхъ запросовъ надъ всімъ остальнымъ въ Россіи, и по поводу Горькаго даетъ интересныя характеристики нашихъ идейныхъ и общественныхъ теченій.

Оценивая Горькаго какъ писателя, Диллонъ отдаетъ должное его стихійному таланту, но упрекаеть его въ излишней субъективности, въ томъ, что всв его герои отражаютъ только его собственныя титаническія чувства, его мятежную жажду свободы, и менте всего соответствують действительности. Онъ считаеть Горькаго не реалистомъ, а чистымъ романтикомъ, прославляющимъ красоту необузданныхъ, властныхъ натуръ. Целая глава вниги Диллона посвящена выясненію того, что составляеть характерную черту героевъ Горькаго, т.-е. ихъ тоски, ихъ мистической жажды безпредёльнаго, стремленія познать щёль жизни и решать вопросы совести. Эту тоску англійскій критикъ считаеть особенностью русскаго темперамента, и потому находить нужнымъ объяснить ее англійскимъ читателямъ, какъ чуждое и мало понятное имъ явленіе. Диллонъ показываеть на удачно выбранныхъ примерахъ, какъ ярко Горькій воплотиль это чувство въ своихъ герояхъ, и бакое глубокое содержание заключается въ недовольствъ простого русскаго человъка будничной дъйствительностью.

Боле всего Диллонъ вооружается противъ этики Горькаго; всёхъ его босявовъ и "бывшихъ людей" онъ считаетъ безнравственными проповъдниками эгоистической жестокой морали въ духъ ницшеанскаго сверхчеловъва. Онъ не видить ничего возвышеннаго въ "сверхъ-босякв" (over-tramp) и темъ болбе въ погибшихъ людяхъ Горькаго, способныхъ въ безграничной жестокости, обуреваемыхъ только жаждой сильныхъ ощущеній. Диллонъ высоко ставить таланть Горькаго въ изображеніи этихъ оригинальныхъ натуръ, но съ прославленіемъ ихъ онъ не можеть согласиться; онъ настолько върить въ любвеобильность славянской натуры, что считаеть героевъ Горькаго выдуманными, отражающими только чувства и настроенія озлобленнаго писателя. Въ этомъ, по его мивнію, коренной недостатокъ Горькаго, представляющаго психологію русскаго народа въ извращенномъ видъ. "Еслибы, — говорить Диллонъ, — Горькій отділался оть пагубнаго для исвусства субъективизма, - а въ последнее время онъ какъ будто бы идеть въ этому,--онъ можеть быть действительно сталь бы законнымъ преемникомъ великаго автора "Анны Карениной"". Изъ этихъ словъ видно, что англійскій критикъ менёе всего умаляеть значеніе Горькаго. Напротивъ того, онъ заходить гораздо дальше въ своихъ похвалахъ, чёмъ это дёлають русскіе критики, хотя, —говоря съ точки зрёнія гордаго своей культурой англичанина, —онъ и отвергаеть то, что въ Россіи болёе всего прославило Горькаго, —т.-е. его бодрое міросозерцаніе, его протесть и противъ буржувзной морали, и противъ интеллигенціи. Диллонъ критикуєть также неровность, отрывочность произведеній Горькаго, отсутствіе цёльности въ его большихъ повёстяхъ, какъ напр. въ "Өомё Гордёевё" и въ повёсти "Трое", т.-е. то, что онъ называеть крайнимъ импрессіонизмомъ Горькаго. Но онъ отмёчаеть блескъ и силу отдёльныхъ характеристикъ, полныхъ кипучей жизни сценъ, и прославляеть стихійность писательскаго темперамента Горькаго, покоряющаго своей стремительностью, богатствомъ фантазім и красокъ, своей безудержностью и широтою.

Въ общемъ книга Диллона даетъ полное и върное представление о Горькомъ, и среди всего, что о немъ пишется за границей въ такомъ количествъ, это — ръдкая, быть можетъ единственная, написанная съ полнымъ пониманиемъ, оцънка русскаго писателя иностранцемъ.—3. В.

изъ общественной хроники.

1 февраля 1903.

Московскій съёздъ учительских обществъ взаимономощи. — Вереница маленьких обвинительных актовъ противъ самоуправленія. — Процессъ кронитадтскаго нолиціймейстера. — Рядъ недоразумѣній. — Земство, область Войска донского и не-земскія губернів — Губернскіе комитеты о нуждах сельско-хозяйственной промышленности.

Въ Москвъ происходили, въ концъ декабря и началъ января, засъданія перваго събзда представителей учительских обществъ взаимопомощи. Интересъ, возбужденный имъ въ московскомъ обществъ, былъ очень великъ; масса слушателей следила съ величайшимъ вниманіемъ за преніями секцій и общаго собранія. Между учащими въ начальныхъ школахъ, составлявшими большинство членовъ събзда, оказалось немало талантливыхъ ораторовъ; особенно хорошо говорили, по общему отзыву, многія изъ учительниць. Само собою разумвется, что широкое, сравнительно свободное обсуждение вопросовъ, касающихся начальной школы, положение которой слишкомъ тесно связано съ положеніемъ учащихъ, чтобы последнее могло быть разсматриваемо отдъльно отъ перваго, - не могло поправиться газетнымъ охранителямъ "тиши и глади", не умъющимъ или не желающимъ отличать критику -- отъ дерзости, стремленіе къ лучшему-- отъ колебанія основъ. "Московскія Відомости" (ЖЖ 17-20) посвятили съйзду цілый рядъ статей, обвиния его чуть не въ государственныхъ преступленіяхъ. "Безпорядочная толпа", въ воторой участники съйзда смёшивались съ посторонними постителями, оказывается виновной, прежде всего, въ неуваженіи къ попечителю московскаго учебнаго округа. Въ своей заключительной рівчи г. попечитель упомянуль, между прочимь, о "непопулярной, можеть быть, неблагодарной, но крайпе необходимой для обузданія отрицательных элементовь роли наблюдателей надъ съёздомъ". "Насколько наблюдение было необходимо", - прибавилъ онъ, -"видно изъ настоящаго отношенія къ моей рѣчи нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ". Знаки неодобренія, на которые здёсь намекаеть г. попечитель, реакціонная печать старается приписать крайнимъ, чуть не революціоннымъ элементамъ, игравшимъ на съёздё, будто бы, господствующую роль. Совершенно другое объяснение даетъ этому обстоятельству корреспонденть С.-Петербургскихъ Въдомостей" (№ 9), свободныхъ отъ подозрвнія въ какихъ бы то ни было измахъ. По его словамъ, московское общество (а не събхавшіеся отовсюду участники събзда), живо интересуясь събздомъ, "находило, что учителей слишкомъ третируютъ, котбло бы видъть по отношенію къ нимъ больше человъчности и деликатности—и воть это-то настроеніе публики и проявилось въ торжественномъ (заключительномъ) засъданіи. Можно ли разсматривать его какъ протесть отримательныхъ элементовъ противъ правительства? Нътъ, и тысячу разъ нътъ: это было неодобреніе московской знати и консервативныйщаю московскаго общества по отношенію къ бюрократу 1), дъйствія котораго—худо ли, хорошо ли, —этому самому обществу не понравились". Настанвать на своемъ толкованіи корреспонденть считаеть нужнымъ для того, "дабы не могли оказаться въ отвъть очень маленькіе и очень беззащитные люди". Первый извъть противъ събзда падаеть, такимъ образомъ, самъ собою.

Второй и главный обвинительный пункть заключается въ томъ, что съёздъ, выйдя за предёлы своей роли, вившался въ область законодательства и управленія и выразиль, при этомь, анти-правительственныя чувства. Зам'ятимъ, прежде всего, съ помощью вакихъ пріемовъ "Московскія Відомости" группирують матеріаль для своихъ обвиненій. Коммиссія, выбранная одною изъ секцій, разсмотрівла вопросъ о правовомъ положении учащихъ и формулировала свое заключение въ тридцати-двухъ пунктахъ, изъ которыхъ распорядительнымъ комитетомъ съйзда допущено было въ обсуждению только четырнадцать; но съвздъ, находя, что всв пункты тесно связаны между собою, не призналь возможнымъ касаться невоторыхъ изъ нихъ отдельно отъ другихъ, и заключение коммиссии осталось вовсе неразсмотръннымъ ²). Что же делаеть авторь статей о съезде въ "Московскихъ Ведомостяхъ"? Не упоминая ни однимъ словомъ о судьбъ заключеній коммиссіи, онъ выдергиваеть изъ нихъ различные пункты, выставляя ихъ то какъ предложенія коммиссіи, то какъ рішенія съізда. Общее впечатленіе-для читателей, незнавомыхъ съ деломъ изъ другихъ источниковъ, --- получается такое, что речь идетъ, въ конце концовъ, о постановленіяхъ съёзда, тогда какъ ихъ по данной группе вопросовъ на самомъ дълъ не состоялось вовсе.

Посмотримъ теперь на нѣкоторыя дѣйствительно состоявшіяся пестановленія съѣзда, возбуждающія въ московской газетѣ негодованіе и ужасъ. Совершенно понятно, что съѣздъ, глубоко заинтересованный въ судьбѣ народной школы, не могъ не высказаться за распростра-

²) Мы далеки отъ мысли, что въ заключеніяхъ коммиссіи было что-нибудь противозаконное, опасное или вредное; мы не разсматриваемъ ихъ по существу только потому, что они не вошли въ составъ работы, исполненной събздомъ.

¹⁾ Мы вездъ сохраняемъ курсивъ подлинника.

неніе земскихъ учрежденій, столь много сдёлавшихъ для начальнаго обученія, за расширеніе источниковь земскаго обложенія, за мелкую земскую единицу, какъ лучшую рамку для народной школы, за увеличение средствъ, предоставляемыхъ государствомъ на нужды народнаго образованія. Непозволительными всё эти резолюціи съёзда, --облеченныя, конечно, въ форму ходатайствъ и состоявшіяся съ въдома и безъ противодействія наблюдателей, -- могуть казаться только тёмь, по межнію которыхъ права маленькихъ людей исчерпываются формулой: "вланяться и благодарить". По предложенію А. А. Стаховича (елецкаго увзднаго предводителя дворянства) была принята следующая резолюція: "съёздъ нвъ работь своихъ выясниль, что Положеніе 1874 г. не соблюдается въ точности, и циркуляры нерадко противорачать этому закону". Эту резолюцію обвинитель-доброволець находить "весьма похожей на замъчаніе начальника по адресу подчиненнаго". Ничего подобнаго въ ней нътъ; это-просто констатирование факта (въ подлинныхъ протоколахъ, безъ сомебнія, достаточно мотивированное), никому ничего не ставящее въ вину. Несогласіе между закономъ и разъясняющими его инструкціями бываеть иногда безсознательнымъ, невольнымъ: обнаружить его, - значить поддержать авторитеть закона, а следовательно и авторитеть руководящейся закономъ власти... На събздв указаны были случаи запрещенія простыхъ товарищескихъ вечериновъ, устраивавшихся учителями; "Московскія Відомости" усматривають въ этомъ жалобу подчиненныхъ на начальство, между тымь какъ на самомъ дёлё рёчь шла не объ отдъльныхъ злоупотребленіяхъ, а о предупрежденіи ихъ на будущее время, установленіемъ болье точныхъ границъ надзора надъ частною жизнью учащихъ... Анти-правительственныя чувства съвзда усердная не по разуму газета видить въ томъ, что имъ отвлонено было предложение о даровании некоторымъ категориямъ народных учителей правъ государственной службы. Выраженное при этомь опасеніе, что мундирь создасть искусственную преграду между учителемъ и сельскимъ населеніемъ, возводится "Московскими Въдомостями" на степень "отдёлыванья" государственной службы и оскорбленія чиновъ министерства народнаго просвіщенія, присутствовавшихь на събадъ въ установленной форменной одеждъ. Не проще ли было бы припомнить, что крестьяне несомивно чувствують еще до сихъ поръ страхъ передъ мундиромъ-а источникомъ вліянія народнаго учителя на учащихся и вообще на деревню меньше всего долженъ служить именно страхъ, не располагающій въ довірію. Не бізда, если однажды въ годъ начальную школу посётить инспекторъ, одётый въ вице-мундиръ-но большимъ шагомъ назадъ въ развити начальной школы было бы обращеніе народнаго учителя въ чиповника, съ вибшними аттрибутами этого званія.

Въ передовой статью, посвященной събзду, "Московскія Въдомости" вывели изъ его "возмутительной" дізательности слідующее практическое заключеніе: въ общества взаимопомощи учащимъ не следуеть допускать элементь благотворительности, потому что вийстй съ нимъ въ составъ обществъ входять постороннія лица, смущающія учителей и ведущія ихъ на опасную дорогу. Что одной взаимопомощыю нельзя улучшить участь такихъ бедняковъ, какъ громадное большинство учащихъ въ начальныхъ школахъ--- до этого московской газетъ, конечно, нътъ дъла: ой нужно только съузить и обезсилить общества, составляемыя учащими и для учащихъ. Въ видахъ соблюденія приличій, устраненіе благотворительности мотивируется, впрочемъ, еще однимъ добавочнымъ аргументомъ: указаніемъ на унизительный характеръ благотворительной помощи. "Какъ ни разсматривать" — читаемъ мы въ № 20 "Московскихъ Въдомостей", — "положение учителя начальной школы, какъ просто ли профессіональнаго работника, или какъ-что, конечно, правильне -- одного изъ деятелей на поприще государственной службы, во всякомъ случай странно учреждать для воспособленія ему благотворительныя общества. Почему не учреждается, напримъръ, благотворительное общество для воспособленія офицерамъ? Конечно, не только потому, что эта профессія поставлена въ матеріальномъ отношенім въ лучшія, чёмъ учителя, условія, но также и потому, что деятельность такого общества была бы оскорбительна для достоинства каждаго офицера. Не только государственный служащій, но даже и всякій простой работникъ, не лишенный способности въ труду, не пожелаеть пользоваться даяніями какихъ бы то ни было благотворителей. Почему же сделано исключение для начальных учителей? Почему признается, что оказаніе имъ поддержки отъ щедроть благотворителей не унижаетъ ихъ человъческаго достоинства"? Въ основаніи этой тирады лежать, прежде всего, фактическія ошибки. Если приравнивать народныхъ учителей въ чиновникамъ (что совершенно неправильно), то следуетъ припомнить, что при министерствъ юстиціи уже довольно давно существуеть благотворительное общество судебнаго въдомства, помогающее бывшимъ и настоящимъ его труженивамъ. Если приравнивать народныхъ учителей къ профессіональнымъ работникамъ, то необходимо имъть въ виду, что для самыхъ различныхъ категорій такихъ работниковъ, начиная съ ремесленниковъ и кончая врачами или литераторами, организована, въ разныхъ формахъ, благотворительная помощь. Говоря о литературномъ фондъ, мы много разъ имъли случай объяснять, почему такая помощь, если она поставлена правильно, не можеть считаться унизительною. Каждый работникъ, при извёстныхъ условіяхъ, имбетъ на нее правственное право; въ основаніи каждаго рёшенія благотворительнаго общества лежить признаніе этого права, а вовсе не снисхожденіе, не милость, не капривъ благотворителя. Никакимъ софизмамъ, поэтому, не удастся доказать, что учащимъ должны и могутъ номогать только одни учащіе. Трудъ учащихъ въ начальной школівтакъ тажелъ и вийстів съ тімъ такъ важенъ, что въ долгу передъними состоить все русское общество.

Постоянно волнуемая страстною ненавистью ко всему самостоятельному и свободному, московская реакціонная газета открыла у себя, съ конца прошлаго года, особый отдёль, озаглавленный: "Наше общественное управленіе". Почти ежедневно появляется здісь перечень прегрышеній, совершенных земствами и городами-или, върные, перечень фактовъ, въ которыхъ, подъ вліявіемъ предвзятой мысли, можно усмотръть въчто похожее на прегръщение. Совсъмъ другое впечативніе производять эти факты, если разсматривать ихъ не сквозь очки узкой и злобной тенденцій. Мы имели терпеніе прочесть больтую часть маленькихъ обвинительныхъ актовъ, сооружаемыхъ, очевидно, въ разсчетв на то, что-gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo-и пришли къ убъждению, что, слабыя сами по себъ, капли "Московскихъ Въдомостей" не становятся болье сильными отъ частаго паденія. О томъ, какъ составляются эти капли, можно судить по нёсколькимъ примерамъ. Открытію решительной камианіи противъ всего земскаго самоуправленія предшествовало авангардное нападеніе на одно изъ земствъ, особенно ненавистныхъ газетнымъ реакціонерамъна земство тверское. Появился рядъ статей подъ общимъ именемъ: "Прогрессиеное земство" ("Московскія В'йдомости" 1902-го года Ж.Ж. 273, 278, 294). Въ самомъ ихъ началѣ были приведены слъдующія слова, сказанныя однимъ изт гласныхъ при обсужденіи вопроса о мелкой земской единицъ: "чтобы разрушить народную темноту, земство должно отклонеть народъ от той колокольни, отъ того забора, нъ которому прикованы его интересы, и показать ему болье широкіе горизонты". Поставивъ въ скобкахъ, после подчеркнутыхъ нами словъ, вопросъ: "только ли отъ колокольни"?--благосклонный комментатеръ приписываеть гласному желаніе "оторвать народъ отъ всего, съ чёмъ онъ въками свикся, чъмъ до сихъ поръбыла прасна его жизнь", т.-е., говоря ясиве, оторвать его отъ церкви, которую (въ силу риторической фигуры: pars pro toto) изображаеть собою, будто бы, колокольня. Между тымь, въ преніяхь тверского вемства колокольня играла совершенно иную роль; выраженіе: "интересы колокольни" укотреблялось, по французскому образцу (intérêts du clocher), въ смыслъ узкомъстныхъ интересовъ, не идущихъ дальше того пространства, на которомъ видна сельская колокольня. Ничего другого не понималъ подъ "интересами колокольни" гласный В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, если не ошибаемся, первый, заговорившій о нихъ во время преній о мелкой земской единицъ; ничего другого, несомнънно, не имълъ въ виду и тотъ гласный (А. Н. Дьяковъ), слова котораго приведены "Московскими Въдомостями". Чтобы превратить невиннъйшій оборотъ ръчи въ посягательство на связь народа съ церковью, нужно, по истинъ, искусство особаго рода.

Основная нота, сразу взятая въ "Прогрессивномъ земствъ", звучитъ во всемъ отдёле: "Наше общественное самоуправленіе". Сообщается, напримірь, что орловское губериское земское собраніе единогласно постановило ходатайствовать о пріостановив введенія новаго ветеринарнаго закона и о пересмотръ его при участім земскихъ представителей-и туть же делается выводь: "земства, повидимому, все още не теряють надежды играть законодательную роль". Простая справедливость требовала бы здёсь, во-первыхъ, указанія на то, что ходатайства, аналогичныя съ орловскимъ, возбуждены и многими другими земствами, и даже сельско-хозяйственными обществами, что невольно наводить на мысль о серьезныхъ недостаткахъ новаго закона; во-вторыхъ, напоминанія о томъ, что именно путемъ подобныхъ ходатайствъ было предотвращено, лътъ восемь тому назадъ, введение въ дъйствіе новаго устава лечебныхъ заведеній... Московское губериское земство постановило ходатайствовать о передачь фабричной медицины въ въдъніе земства, съ замъной натуральной повинности, которую несуть фабриканты, денежною, "Московскія Відомости" возражають, что фабриканты безъ того уже платить земскіе налоги, въ огромномъ размъръ (?), и за эти деньги имъють право пользоваться земской медициной. Что это, незнаніе или недобросовъстность? Обязанность овазывать медицинскую помощь своимъ рабочимъ лежить на фабрикантахъ совершенно независимо отъ уплаты земскихъ сборовъ; нередача фабричной медицины въ руки земства повлекла бы за собою не установленіе новаго сбора съ фабривантовъ, а только реорганизацію его на раціональных началахъ. Всемъ извёстно, что въ настоящее время больницы и пріемные покои при фабрикаль существують иногда только на бумагь или оставляють желать слинкомъ многаго... Моршанское убздное земство воспользовалось призывомъ новобранцевъ для производства повёрочнаго испытанія темь изь нихь, которые овончили курсь въ начальной школь. Никакой другой дели оно при этомъ, очевидно, не имъло, кромъ удостовъренія, существуеть ли, и если существуеть, то въ какой мърв, такъ-называемый рецидивъ безграмотности; между твмъ, "Московскія Въдомости" иронически приписывають эемству намерение "черезь годь или два, въ видахъ контроля надъ дъйствіями военнаго министерства, произвести испытаніе новобранцевъ въ боевой подготовкъ ... Въ одномъ изъ отрывковъ обвинительнаго авта приведено нъсколько неблагопріятныхъ для земства отметокъ, сделанныхъ императоромъ Александромъ III-мъ при чтенім губернаторскихъ отчетовъ---но ни словомъ не упомянуто о томъ, что темъ же государемъ были делаемы отметки и противоположнаго характера (напр. одобреніе діятельности тамбовскаго губерискаго земства по охраненію народнаго здоровья)... Значительная часть обвинительныхъ пунктовъ касается такихъ сторонъ деятельности земства, которыя заслуживають политивають одобренія. Вы пассивъ земскихъ собраній ставятся ходатайства, вполив оправдываемыя обстоятельствами-ставятся только потому, что они идуть въ разръзъ съ обычными стремленіями реакціонной печати. Новгородское губериское вемство, напримъръ, ходатайствуетъ о предоставлени сельсвимъ обществамъ выбирать на волостныхъ сходахъ земсвихъ гласныхъ, а не кандидатовъ, часть которыхъ утверждается въ званія гласныхъ начальникомъ губернін. "Двойной выборъ крестьянъ и администрацін"-изрекаеть московская газета-, даеть земскимъ собраніямъ наилучшихъ представителей интересовъ сельскаго населенія". Кто сколько-нибудь знакомъ съ деятельностью убядныхъ земскихъ собраній, для того не можеть быть сомивнія въ томь, что это изреченіе прямо противоположно истинъ... Но вотъ что особенно важно: между 45 просмотрънными нами рубривами отдъла: "Наше общественное самоуправленіе" 1) мы нашли всего 9, относящихся въ заоупотреблеміямь (дійствительнымь или мнимымь---это другой вопрось) земскаго и городского самоуправленія, причемъ на долю перваго приходится только два указанія, на долю второго—семь. Небольшой же результать дали усилія противниковъ самоуправленія, чуть не съ помощью микроскопа разыскивающихъ въ немъ "черные пункты"! Избытокъ усердія поставиль ихъ, однажды, въ весьма неловкое положеніе. Съ торжествующимъ видомъ заимствовали они изъ "Черноморскаго Побережья" извёстіе о томъ, что гласные темрюкской (Кубанской области) городской думы обратились въ начальнику области, по телеграфу, съ жалобой на "глумленіе и издівательства" городского головы Асмолова. Въ этой жалобъ усмотрънъ быль факть, выходящій изъ ряда обывновенных даже для привывшихъ въ капризамъ нашихъ самоуправленій". Что же, однако, оказывается на самомъ дълъ? Г. Асмоловъ

¹) Въ №№ 354, 355, 357, 358, 359, 360 за 1902 г. и №№ 1, 6, 7, 9, 13, 15, 16, 17, 18 и 20 за 1903 г.

четыре раза быль забаллотировань темрюкскою думою и назначень на пость головы областною властью ¹)! И это напечатано, повидимому, вы томъ самомъ № "Черноморскаго Побережья", изъ котораго "Московскія Вѣдомости" взяли только то, что имъ показалось подходящимъ для ихъ обвинительной фабрики! "Капризами", въ данномъ случаѣ, занимается лицо, назначенное не только помимо самоуправляющагося учрежденія, но прямо вопреки его неоднократно выраженному взгляду.

Крайняя скудость обвинительнаго матеріала, которымъ орудують наши "земствофобы", тёмъ болёе знаменательна, что ни къ собиранію, ни къ оглашенію обвиненій противъ земства нёть никакихъ внёшнихъ препятствій. Дёятельность земсвихъ учрежденій происходить на виду у всёхъ и вполнё доступна для критики. Не можетъ быть, конечно, чтобы она вездё и всегда была свободна отъ недостатковъ; но меньше ли ихъ въ учрежденіяхъ другого рода, не имѣющихъ ничего общаго съ выборнымъ началомъ? Отвётить на этотъ вопросъ нелегко, потому что административныя власти дёйствуютъ, въ большинстве случаевъ, подъ охраной тайны, нарушать которую далеко не безопасно. Вёдь нельзя же представить себе, напримеръ, чтобы какая-нибудь газета, по образцу "Московскихъ Вёдомостей", открыла у себя особый отдёлъ: "Наше мёстное управленіе"—и наполняла его фактами отрицательнаго свойства, почерпнутыми хотя бы изъ дёнтельности земскихъ начальниковъ и уёздныхъ съёздовъ...

Какъ мало гарантій представляеть назначеніе и съ какими затрудненіями сопражено привлеченіе къ отвётствонности назначенныхъ должностныхъ лицъ-объ этомъ даетъ наглядное понятіе процессъ кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, къ разсмотрінію котораго приступило, 14-го января, особое присутствие с.-петербургской судебной палаты. Не касаясь, конечно, неразръшеннаго еще вопроса о виновности или невиновности подсудимаго въ взводимыхъ на него преступленіяхъ (лихоимствъ, превышеніи власти и подлогахъ по службі), подчервнемъ только слідующіе безспорные факты. Съ 1887 по 1892 г. Шафровъ состоялъ на службъ въ московской полиціи и оставилъ ее помимо своего желанія. Это не пом'єщало опредбленію его въ штатъ петербургской полиціи, откуда онъ быль удаленъ въ 1894 г.—и все-таки, въ 1896 г., получиль место кронштадтскаго полиціймейстера. Когда, въ концъ 1899-го года, до прокурорскаго надзора дошли свъдънія о служебныхъ злоупотребленіяхъ Шафрова, прокуроръ спб. судебной палаты обратился къ кронштадтскому военному губернатору съ просьбою распорядиться производствомъ предварительнаго следствія, съ временнымъ устраненіемъ Шафрова отъ долж-

¹) Смотри № 3 газеты "Право".

ности полиціймейстера. Губерпаторъ отвіталь прокурору, что находить обвиненія противъ Шафрова недостаточными, и поручиль ихъ провърку особой административной коммиссіи изъ трехъ членовъ. Убъдясь, затъмъ, въ неосновательности обвиненій, губернаторъ окончательно отказался отъ возбужденія преследованія противъ Шафрова. Разногласіе между прокуроромъ и губернаторомъ было внесено на разсмотрвніе правительствующаго сената, который, признавъ назначение административного разследования о действияхъ Шафрова неправильнымъ, 22-го мая 1900-го года опредълиль произвести объ этихъ дъйствіяхъ предварительное следствіе, съ устраненіемъ Шафрова отъ занимаемой имъ должности. Все это-характерная илиюстрація къ любимой тем'в реакціонныхъ газетъ, по мнівнію которыхъ реально отв'ятственными являются у насъ только должностныя лица, не выбранныя, а назначенныя и состоящія въ строгомъ подчинении у своего начальства... Къ существу дъла Шафрова мы вероятно еще возвратимся, когда окончится судебное производство; теперь напомнимъ только, что много авалогичнаго съ этимъ дъломъ, по способу возбужденія, представляетъ процессъ другого кронштадтского полиціймейстера, Головачева, судившогося за преступленія должности семнадцать лёть тому назадъ. Воть что мы писали тогда въ нашей общественной хронивъ (1885 г. № 11, стр. 461): "Гораздо раньше возбужденія предварительнаго слёдствія надъ Головачевымъ дъйствія его составляли предметь многочисленныхъ жалобъ со стороны частныхъ лицъ-но доверіе начальства въ распорядительному и усердному чиновнику оставалось непоколебимымъ. Оно не пошатнулось даже тогда, когда произведено было первое оффиціальное дознаніе, кое-что обнаружившее и заставившее предполагать еще гораздо большее. Начальство Головачева принимаеть меры въ дополненію этого дознанія-- и Головачевъ опять оказывается чистымъ и правымъ. Нужно было второе предписаніе министра внутреннихъ дёль (гр. Игнатьева), чтобы положить начало предварительному следствію --- но и послѣ того Головачевъ продолжаль исправлять должность полиціймейстера, хотя это неизбіжно должно было затруднять задачу следователя. Решительный повороть въ судьбе Головачева совершился только тогда, когда разследование его действий перешло въ руки судебнаго въдомства". Сходство обоихъ случаевъ по истинъ поразительное: для его полноты недостаеть только вившательства въ дъло Шафрова со стороны министерства внутреннихъ дълъ. На этотъ разъ заслуга направленія діла къ судебному разслідованію принадлежить всецвло судебному ввдоиству.

Газетныя нападенія на земскія собранія и городскія думы представляють собою скорве тревожный признакь времени, чвиъ реальную опасность. Гораздо серьезнве, конечно, недоразумвнія, возникающія между высшими представителями мъстной администраців и органами самоуправленія-недоразумінія, усердно раздуваемыя реакціонною печатью. Бессарабское губернское земское собраніе отклонило докладъ объ устройствъ опытнаго поля, составленный губерискою управою на основании записки уполномоченнаго министерства земледелія. Если верить корреспонденціи "С.-Петербургскихъ Ведомостей" (№ 13), бессарабскій губернаторь предложиль губернской управъ представить этотъ же самый докладъ, для новаго обсужденыя, будущему очередному губернскому собранію, "такъ накъ докладъ, въ основу котораго легла записка представителя -- безусловно компетентнаго въ возбужденномъ вопросъ-не можеть не быть принятымъ". Одинаково спорнымъ кажется намъ и право губернатора требовать отъ губернской управы вторичнаго внесенія доклада, однажды отклоневнаго собраніемъ, и существованіе такихъ докладовъ, которые не могуть не быть приняты (если только они не касаются обязательных для земства расходовъ). Настанвать на принятіи довлада въ томъ самомъ видь, въ вакомъ онъ быль представленъ, въ настоящемъ случав тъмъ болве не было основанія, что собраніе не вовсе отказалось отъ устройства опытныхъ полей, а только наметило другой путь для ихъ осуществленія. Неясно для нась и то, почему уполномоченный министерства земледелія признается более компетентнымъ, чемъ целое собраніе, т.-е. чемъ представители населенія, для котораго и на счеть котораго проектируется данная міра.

Калужскій губернаторь, въ річи при открытіи губернскаго земскаго собранія, указаль на неправильность порядка, въ силу котораго самое маловажное хозяйственное распоряженіе по хлюстинскимь благотворительнымъ заведеніямъ губернскаго земства (напр. устройство форточки) непремінно должно быть проведено черезъ губернскую управу. Предсідатель губернской управы разъясниль собранію, что мелкія поділки, въ роді упомянутой губернаторомъ, приводятся въ исполненіе по единоличному требованію члена управы, завідующаго благотворительными заведеніями; на разрішеніе управы въ коллегіальномъ ея составі вносятся только вопросы о производстві сверхсмітныхъ расходовь—и другой порядокъ въ этомъ отношеніи допущень быть не можеть. Разногласіе между губернаторомъ и управой сводится, такимъ образомъ, къ фактамъ, выясненіе которыхъ легко могло быть достигнуто до открытія собранія.

Таврическій губернаторъ обратился въ симферопольскую городскую

думу съ предложениемъ, въ которомъ, указавъ на недостатокъ планомърности и продуктивности въ дъятельности городского общественнаго управленія, намітиль рядь мірь, сь помощью которых могли бы быть достигнуты болье удовлетворительные результаты: увеличеніе числа членовъ управы, пересмотръ и дополненіе инструкцій, данныхъ исполнительнымъ коммиссіямъ, усиленіе иниціативы и личной роли предсёдательствующаго, составленіе списка назрівшихъ городскихъ нуждъ и, наконецъ, если городская управа признаетъ это нужнымъ, командирование въ помощь ей при составлени вышеупомянутыхъ списка и инструкцій непременнаго члена губ. по земскимъ и городскимъ дъламъ присутствія. Разсмотрѣвъ предложеніе губернатора, дума нашла, что избраніе третьяго члена гор. управы уже предрвшено думой; инструкціи коммиссіямъ пересмотра не требують; власть предсъдательствующаго опредълена закономъ и слишкомъ широкое примънение ея стъснило бы свободу преній; списокъ городскихъ нуждъ составляется ежегодно; въ привлечении посторонняго лица къ работамъ городской управы надобности не предстоить. Правильны ли, по существу, заключенія городской думы-этого мы рівшить не беремся; но едва ли можетъ быть сомнвние въ томъ, что они совершенно законны. Губернаторъ ничего не требоваль отъ думы въ силу предоставленной ему закономъ власти, а только давалъ ей совъты, которые она, конечно, вольна было принять или отклонить. Между тёмъ, въ газетный списокъ греховъ самоуправленія, о которомъ мы говорили выше, внесенъ такой пунктъ ("Москов. Въд." № 7): "симферопольская дума, желая стать на высоту якобы охраненія идеи самоуправленія, показала себя поборницей самоуправства". Съ этой точки зрѣнія отъ упрека въ самоуправствѣ свободенъ только тотъ, для кого желаніе начальства равносильно приказу, совъть, идущій сверху-равносиленъ требованію. Непрошенные сторонники таврическаго губернатора идуть, въ данномъ случат, дальше чтить онъ самъ: его предложение дум'в написано вовсе не въ тон'в предписания.

Харьковскій губернаторь, при открытіи губ. земскаго собранія, произнесь річь, въ которой, подчеркнувь разные недочеты земскаго козяйства, сказаль, между прочимь: "я знаю много земствь, но такихь земскихь учрежденій, какь у вась, я не видаль". Обсужденіе річи губернатора собраніе поручило коммиссіямь ревизіонной и редакціонной, вмість съ предсідателями земскихь управь. Соединенныя коммиссіи нашли, что ни по букві, ни по духу законовь губернатору не предоставлено права высказывать огульное, въ оскорбительной формі, осужденіе діятельности земства. По поводу этого заключенія возникли бурныя пренія, часть которыхь, по распоряженію предсів-

Томъ І.—Февраль, 1903.

дателя, происходила при закрытыхъ дверяхъ. Собраніе, большинствомъ всёхъ голосовъ противъ 12, постановило: 1) принести сенату жалобу на то, что губернаторъ рѣзко, оскорбительно для собранія осудиль земскія учрежденія губерніи, безь указанія на какіе-нибудь недостатки, которые могли бы быть исправлены губерискимъ земствомъ, и 2) довести до свёдёнія министра внутреннихъ дёль, что такія оскорбительныя річи губернатора волнують собраніе и лишають его тего спокойствія, которое необходимо при рішеній серьезныхъ діль, ввёренных земским учрежденіямь". Что подчеркнутыя нами слова губернатора могли показаться обидными для собранія-то едва ли подлежить какому-либо сомевнію. Окончательная ихъ оцінка принадлежить правительствующему сенату, до решенія котораго не должно было бы, повидимому, быть мѣста для повторенія и продолженія оскорбленій. Иначе посмотрѣли на дѣло мѣстныя "Губернскія Вѣдомости". По словать оффиціальной газеты, "правда, сказанная г. губернаторомъ харьковскимъ земцамъ, очень горька; но въ ней они могутъ винить только себя. Лично для кн. И. М. Оболенского совершенно безразлично, какъ отнеслось губериское собраніе къ сказанной имъ правді; но съ общественной точки зрвнія постановленіе губ. собранія весьма прискорбно. Земцы не съумъли спокойно и дъловито отнестись въ даннымъ имъ оть губернатора указаніямь 1)... Неосновательная и чрезмірная щепетильность едва ли составляеть качество достойное похвалы въ серьезныхъ общественныхъ дёлахъ". Въ лётописи земскихъ учрежденій реприманды, объявляемые земству "Губернскими Відомостями". являются чёмъ-то еще болёе неслыханнымъ и непормальнымъ, нежели огульное осуждение земской деятельности въ речи губернатора при открытіи собранія.

Къ великой радости для всёхъ, высоко цёнящихъ принципъ самоуправленія, на земскомъ горизонтё виднёются не однё только тучи. Чрезвычайно отрадное впечатлёніе производить напечатанное въ "Русскомъ Инвалиде" оффиціальное сообщеніе: "Къ вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ Области Войска донского" 2). Выработанный особой коммиссіей проектъ положенія о донскомъ земскомъ

²) Подробное наложеніе его см. въ статьт проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, напечатанной въ № 4 газеты "Право".

¹⁾ Развѣ можно назвать указаніемъ выраженіе субъективнаго убѣжденія, что карьковское земство хуже многихъ другихъ, и развѣ мыслимо "дѣловитое" отношеніе къ такому "указанію"?

управленіи съ основ'є своей вполн'є согласень съ земскимъ Положеніемъ 1890-го года; изміненія предположены лишь въ деталяхъ, не измъняющихъ выборнаго характера земства. Для разсмотрвнія проекта образовано было особое совъщание при главномъ управлении казачьихъ войскъ. Засъданія совъщанія были отложены, по просьбъ бывшаго министра внутреннихъ дълъ, до окончанія разсмотрънія въ государственномъ совътъ проекта введенія земскихъ учрежденій въ 13 не-земскихъ губерніяхъ. Въ настоящее время, по словамъ сообщенія, признано возможнымъ не откладывать более начало работь совещания. Это повволяеть думать, что измёнился или измёняется взглядь на дальнёйшій ходъ земской реформы. Область Войска донского граничить съ двумя изъчисла 13 губерній, въ которыхъ предполагалось ввести земское управленіе, но не земскія учрежденія въ общепринятомъ смыслѣ слова. Эти губернін — ставропольская и астраханская. Окруженный ими съ двухъ сторонъ, сальскій округь области Войска донского сходенъ съ ними и по характеру мъстности (степной, мало пригодной къ клебопатеству), и по составу населенія (много кочевниковъ), и по его занятіямъ (преимущественно скотоводствомъ). Одновременное введеніе въ сальскомъ округъ настоящаго, въ губерніяхъ ставропольской и астражанской-такъ называемаго земскаго управленія было бы явною аномаліей ¹)... Съ другой стороны, все больше и больше слышится компетентныхъ голосовъ, стоящихъ за широкіе распространеніе круга действій выборных в земских в учрежденій. Такъ напримірь, подольскій губернскій комитеть единогласно призналь, что какь бы превосходны ни были мёропріятія, направленныя къ подъему сельско-хозяйственной промышленности, они не приведуть къ желательнымъ последствіямъ, если попадуть въ исключительное въдъніе бюрократическихъ органовъ управленія. Только при условіи самодівятельности общества и введенія въ юго-западномъ край, наравий со всей Россіей, земскаго самоуправленія по Положенію 1864-го года, возможно, по мивнію комитета, наилучшимъ образомъ осуществить и провести въ жизнь выработанныя комитетомъ мёры.—Такія единогласныя заключенія, подтверждаемыя иногими другими, слишкомъ въски, чтобы быть оставленными безъ вниманія. Частныя поправки не могуть устранить коренного недостатка проекта, намъчающаго для тринадцати не-земскихъ губерній учрежденія, земскія только по имени: они не могуть вдохнуть въ управление ту живительную силу, которая свойственна только самоупра-

¹⁾ Припомнимъ, по этому поводу, что при И. Л. Горемывниъ предполагалось ввести въ 13 не-земскихъ губерніяхъ земскія учрежденія хотя и значительно отступающія отъ обыкновенныхъ, но основанным на выборномъ началъ.

вленію... Весьма характерно, что за введеніе земства высказался и барнаульскій (томской губерніи) убіздный комитеть, пришедшій къ заключенію, что въ Сибири имбются уже на лицо элементы, достаточные для земской дбятельности. Въ виду того, что подъ словомъ земство можно подразумбвать весьма различныя вещи, подчась очень нежелательныя, барнаульскій комитеть оговорился, что онъ называеть земствомъ выборное земское самоуправленіе, самооблагающееся, вполнть самостоятельно распредбляющее свои средства и распоряжающееся ими.

О занятіяхъ губернскихъ комитетовъ изв'єстно, пока, еще немного. Свою задачу они, повидимому, понимають неодинавово. Навоторые изъ нихъ (напр., саратовскій, самарскій, костромской, смоленскій) входять въ разсмотрение всехъ постановлений уездныхъ комитетовъ; въ другихъ, предсёдателемъ (т.-е. губернаторомъ) производится сортировка, и на обсуждение губерискаго комитета вносятся не всё вопросы, поставленные убздными комитетами. Мы видъли уже раньше, что такъ поступилъ лифляндскій губернаторъ; теперь мы узнаемъ, что тамбовскій губернаторь отказаль даже вь простомь оглашеніи некоторыхъ постановленій увздныхъ комитетовъ 1). Последствіемъ этого отказа было заявленіе шестнадцати членовь комитета (трехь увздныхь предводителей дворянства, предсёдателя и четырехъ членовъ губ. земской управы, пяти предсъдателей убядныхъ управъ и трехъ губ. гласныхъ), что они не считаютъ возможнымъ принимать дальнайшее участіе въ занятіяхъ комитета. "Матеріаль, предложенный комитету" -- сказано въ заявленіи, -- "составляеть не сводъ мотивированныхъ постановленій увздныхъ комитетовъ, а лишь весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невърно составленную выборку изъ журналовъ означенных комитетовъ, притомъ большею частью по частнымъ вопросамъ. Въ этой выборкъ вовсе не упоминается объ условіяхъ жизни мъстнаго населенія, въ которыхъ уъздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности и которыя они, руководствуясь циркуляромъ председателя особаго совещанія на имя председателей губернскихъ и убздныхъ комитетовъ, подвергали обстоятельному разсмотрвнію". Губернскій предводитель дворянства, кн. Челокаевь, отдільнымъ письмомъ уведомиль председателя губ. комитета, что онъ считаеть

¹) См. корреспонденцію изъ Тамбова въ № 17 "Русскихъ Вѣдомостей".

безполезнымъ принимать участіе въ комитеть. Следующее заседаніе комитета состоялось при участіи только 14 членовъ: одного уёзднаго предводителя дворянства, двухъ предсёдателей уёздныхъ земскихъ управъ и 11 чиновниковъ. Нетрудно представить себъ, въ какія условія была бы поставлена деятельность особаго совещанія, еслибы примёру, данному въ Тамбовъ, последовали предсёдатели многихъ другихъ губернскихъ комитетовъ...

извъщенія

Отъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августвищей Предсвательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ въ геліо-гравюрахъ (на міди), съ художественнымъ воспроизведеніемъ картинъ изъ коллекцій Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III.

Открытыя письма будуть выходить последовательно серіями по 20 штукть въ каждой, попеременно копій съ картинъ Музея и Эрмитажа. Цена каждой серіи, 20 разныхъ открытыхъ писемъ—2 рубля, или по 10 к. за письмо.

Адресныя стороны отврытыхъ писемъ снабжены штемпелемъ: "Въ пользу школъ Императ. Женск. Патріот. Общ.", а также украшены художественными виньетками.

Подписка на серіи открытыхъ писемъ принимается у почетнаго старшины Фридриха Борисовича Бернштейна: Спб., Фонтанка, 134, гдв и можно получать справки по сему изданію.

Отъ Редавции.

Въ январьской вниге замечени нижеследующія опечатки:

Стран.: Строч.		Напечатано:	Сањдуетъ:		
230	11 св.	Гримени	Гримани		
261	21 сн.	попами	nauamu		
274	9 ;	венде-линіи	венде-ликін		

Издатель и ответственный редакторы: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

COJEPHAHIE HEPBAFO TOMA

Январь. — Февраль. 1903.

Книга первая. — Январь.

Римъ и римская "ргангін".—Очеркъ.—І-VI.—О. Ф. ЗЪЛИНСКАГО	5 38
По великой Сивирской жильзной дорогь.—Путевыя замістки.— І. Оть Москвы	90
до Кургана. — II. Отъ Кургана до Омска. — III. Омскъ и Бараба. —	
IV. Красноярскъ.—ЭД. ЦИММЕРМАНА	107
Моя жизнь и академическая дъятельность. — 1832-1884 гг. — Воспоминанія и	
замътки.—I-III.—А. В. РОМАНОВИЧА СЛАВАТИНСКАГО	138
Стихотворины. — І. При свётё вечернемъ. — ІІ * — А. М. ЖЕМЧУЖНИ-	
KOBA	198
Житейские толчки.—Разсказъ.—НАТ. СТАХЕВИЧЪ	200
КОВА	
ROBA. IEРНЪ Уль. — Эскизъ. — Jörn Uhl, Rom. v. G. Frenssen. — I-VIII. — Съ нѣм.	216
1ёрнь Уль. — Эскизъ. — Jörn Uhl, Rom. v. G. Frenssen. — I-VIII. — Съ нъм.	
П—НЫ С-ВОЙ	276
Хроника Внутренние Овозрание Истекшій 1902-ой года Интересь ва обще-	
ствъ въ работамъ увзднихъ комитетовъ — Первие шаги губерискихъ	
комитетовъ. — Вопросъ о мъстимкъ наръчіякъ. — Мъры по поводу недо-	
рода 1902-го года.—Новый ветеринарный законъ. — Оригинальная про-	
мышленная школа. — По вопросу о мелкой земской единиць. — Москов-	0.40
ское губериское земское собраніе	342
Недочеты сословных программъ. —С. С. Бехтвевъ, Хозяйственные итоги истек-	o KO
шаго сорокальтія и міры къ хозяйственному подъему. — В. В	35 9
Иностранное Овозръніе. — Международная политика въ Европъ за истекшій годъ. — Македонскій вопросъ и "Правительственное сообщеніе". — Наша	
диционатія въ области балканскихъ дель. — Внутреннія дела въ Гер-	
маніи, Австрін, Англін и Францін.—Венецуэльскій конфликтъ	377
Литературное Овозрание.— I. Медкая земская единица. Сборника статей. —	• • • •
II. Ипотечные банки и рость большихь городовь Германіи, М. Я. Гер-	
ценштейна. — III. Г. Гауптманъ, Собраніе сочиненій, съ нъм. пер. К.	
Бальмонта. — Г-анъ. — IV. Альбомъ виставки 1852—1902 г., въ на-	
мять Гоголя и Жуковскаго.—Гоголь на родинъ. — V. Православное ду-	
ховенство, очерки, повъсти и разсказы, Н. И. Соловьева.—Д.—VI.	
Образовательная Библіотека, серія V, 2: Проф. Погодинъ-Религія Зо-	
роастра; проф. Джаксонъ-Жизнь Зороастра. — Z. — Новыя книги и бро-	
норы	390
	414
Изъ Овщественной Хроники. — Чествование памяти Некрасова. — Своеобразный	
взглядъ на свободу печати. — Замъчательния слова, сохраняющія свое	
значеніе по прошествін почти полувака.— Пресмственность идсализма въ русских университетахъ.—Стольтіє юрьевскаго (деритскаго) уни-	
верситета.—Півольний вопрось въ разнихъ концахъ Россіи.—По поводу	
проекта Городового Положенія для г. Петербурга	423
Извъщентя. — Отъ Общества вспоможентя учащемъ и учившимъ въ народныхъ	120
учелищахъ Сиб. Учебнаго Округа, памяти М. Н. Капустина, бывшаго	
Попечителя Округа	439
Попечителя Округа	
нингемъ, В., Западная цивилизація съ экономической точки зрвнія. — Би-	
рюковичь, В., Справочныя свёдёнія о дёнтельности земствъ по сель-	
скому хозяйству. — Веселовскій, Юр., Друзья и защитники животныхъ	
въ соврем. франц. беллетристивъ — Андреевскій, С. А., Литератур-	
ные очерки.	
Овъявленія.—IV; І-XVI стр.	

CTP.

Книга вторан. — Февраль.

	CTP.
Римъ и римская религія.—VII-XII.—Окончаніе.—О. ЗЪЛИНСКАГО По великой Сивирской жельзной дорогь.—V-IX.—Окончаніе.—ЭД. ЦИММЕР-	441
MAHA	486
МАНА. На развалинахъ.—Романъ.—Часть первая: I-XIII.—Л. ОБОЛЕНСКАГО	519
Моя жизнь и академическая дъятильность. — 1832-1884 г.— IV-V.—А. РОМА-	
HOBNYA-CJABATUHCKATO	606
Владеміръ Сергьевичъ Соловьевъ.—І-У.—А. Ө. КОНИ	651
Ієрнъ Уль. — Эскизъ по роману Г. Френссена. — ІХ-ХУ. — Съ нѣм. П—НЫ С—ВОЙ	690
Научныя илаюзіи.—Туганть-Барановскій, Очерки изъ новъйшей исторін поли-	•••
тической экономін. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	750
Стихотворенія.—І. Дубъ.—ІІ. Сонъ и пробужденіе.—В. П. МАРКОВА	771
Хроника.—Государственная росинсь на 1903-ій годъ.—Л. К. БУХА	775
Внутренные Обозрание. — Столетие комитета министровы и министерствы. — Идел	
и ел осуществленіе. — Министерства и сенать. — Министры первыхъ	
восьми десятильтій XIX-го выка.—Срединя продолжительность управле-	
нія министерствомъ. — Річь министра внутреннихъ діль. — Новые	
проекты реакціонной печати. Возраженіе изъ богородицкаго укада	799
Иностраннов Овозранів. — Парламентскія пренія въ Германіи. — Инциденть съ	
депутатомъ Фольмаромъ Оппозиціонныя ръчи и отвъты графа Бюлова	
Ръчь Бебеля и президентскій кризись въ имперскомъ сеймъ. — Нъмец-	
кая "міровая" политика. — Восточно-турецкія дёла: британская нота о	
проливахъ и македонский вопросъ	814
Литературное Овозрънів. — І. Н. Коробка, Очерки литературныхъ настроеній.	
—Д.—II. В. Я. Стоюнив, Педагогическія сочиненія.— III. С. Проко-	
повичь, Кооперативное движение въ России. — IV. Всеобщее образова-	
ніе въ Россіи, сборникъ статей. — V. Волжскій, Очерки о Чеховъ.—	
Г-анъ.—VI. В. Мейенъ, Россія въ дорожномъ отношеніи.—VII. О. Са-	
маринъ, О мірской надъльной земль.—В. В.—VIII. Н. Харузинъ, Этно-	
графія.—ІХ. Новый и градиціонный духовные ораторы, о.о. Петровъ и	
Іоаннъ Сергіевъ. — Евг. Л. — Х. В. Динтріевъ-Маноновъ, Указатель	005
акціонерных в предпріятій въ Имперін.— Z Новыя книги и брошюры.	827
О метода изложения исторіи русской литературы.—А. Н. Иминива	862
Новости Иностранной Литератури. — I. G. Hauptmann, Der arme Heinrich.—	877
II. J. Lombard, Byzance.—III. E. Dillon, Maxime Gorky.—3. B.	011
Изъ Овщвотвинной Хроники. — Московскій събадь учительских обществъ взаимопомощи. — Вереница маленьких обвинительных актовъ противъ	
самоуправленія. — Процессь кронштадтскаго полиціймейстера. — Радъ	
недоразумѣній. — Земство, область Войска донского и не-земскія губер- ніи. — Губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промы-	
	895
шленности	910
Вивлютрафический Листовъ. — "В'вдомости" времени Петра Вел., вып. 1.—Изъ	910
невзданных бумагь Пушквиа, изд. И. Шляпкина.—Сочиненія ки. М. М.	
Щербатова, т. IV: ч. 2 и 3.—Учебная книга древней исторів, Н. Ка-	
рвева. — Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова.	
Пексииръ,	
Овъявленія. — I-IV: I-XII стр.	

ВИБЛЮГРАФ ИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

1703-1707 r. Hoga peganniem B, Heroptaosa. M. 908. Crp. 406 in 4°.

Ва половина депабра 1702 г., была мадана указа о початаван "Вадомостей", а 2 живара 1703 года минела и первый иха пумера, пода редакціон самого Петра Великаго. При немъ и пость его смерти опъ издавались то нь Моский; то въ Петербурга, до 1877 года, когда были поредани окончательно въ въдъще Авадеми Наукь, которая продолжаеть ихъ изданіе м до пистониято эремения водь инсенень "С.-Петер-бургских» Вёдомостей". Благодари превосход-ному наполнению падалия посколского сиподальное типографією, этоть патересний наматинкъ Петромской эпохи далается на верхий разг-доступена публика. Тепота напечатана библейшить прифтомъ ориеннали; жикъ "Відомостой" уже значительно отличается оть первовно-славлискаго иника, приближалсь съ народному. Содержаніе перваго пумера, какъ в послідующихъ, составляеть радь пратвихъ инфетій отовенду: сначила городскія москомскія, а затімъ слі-дують имогородния и имострациям. За слобщепісять о тислі отлитихъ на Москай міднихъ гоубаць" и мартировь", въ самонь первона пуніра, ота 2 минера 1703 г., говорится: "Повельникь его величества московскіх яволи умножнотся и 45 человбих слушають философію в уже діалектику окончили.— На математической штурманской висах триста челожка учатся в добрй науку пріемажеть.—На Москев, поября св 24 числа по 24 делабря, родилось пущеска и женека полу 280 человіка". Далке свідують изабетія пль Персів, изь Китая и иногородняя. "Наъ Оломпа пипута: города Оломпа попъ Иванъ Окулова, собраза пантивнова възната са тисичю человіка, ходиль за рубежь на свейскую границу в разбиль свейскія (вереименовиваются) застави. А на теха заставать инсдовь побиль мингон число и палах рейтирское знави, бира-баны, и шилга, фузей и допидей допольно", и т. х Релика кончастся приведением числи убитихъ у инверовъ и сожменихъ Окуловияъ зпить и двороль; "а изь вонова пойска только рамено солдать два челоквиа".

Изъ пенеданняет приметь А. С. Пущения. Съ портретокъ и 7 факсимиле. Илх. И. А. Шланвиять, проф. Свб. унив. Свб. 900. П. 3 р.

Изданіе сочиненія Пункина ІІ. В. Анкенконами, въ 1855 голу, было въ свое время из-лями собитееть; но въ него вомао залеко ещо ин всо изъ масен бумата васта, которые надо-лились та рукаха Аниенкова Весьма завин-тельное ихъ часто продолжало храниться въ особомъ линкъ, которий, по смерти И. И. Анпоиквая (1881 г.) и его брата И. В. (1887 г.), достился на собетеннюсть приф. И. А. Шлянвини, и писъ маходить па собть. Издатель раздванах этогь интересный и инtert драгоканый магеріаль на три отліка на перації-пошли согранизавася на притивальсь каного поэта его стихотворскіх, процаписскіх статав и замітки, и стихотворскій, уділівній на копівка Андониона; во иторома-пом'ящени черновые пистана Пункции ил развидил лицевы; эттретьемъ-подлинныя письма развиль зань къ Пушкану, совершенно невзайствая, примущо-

"Включести" времени Петра Вединато. Вын. 1: ; ствении 30-кк годонь, исего 96 авсемь. Выпервомъ отдът - программа "Исторія сала Горохина" ппервые налистся въ печати.

> Сочиния жилля М. М. Шкгиатова. Исторія россійсява ега дринийших» времень Т. IV; ч. 2 и З. Подз. ред. И. И. Хрущова и А. Г. Воронова. Стр. 1089. Сиб. 903. Ц. в р.

Въ новомъ випуска четвертато этома вторан его часть содержить нь себь встории Россія ота начала княжения велинаго виния Изана Вагильенича до парствованія пара Іоанна Па-сильенича, съ приложеність алфанитивго из ней указателя и спихропистической таблици; часть третьи содержить исплючительно винисля по-дрежних грамога, дитируемих» на тегоергонъ voich. Ofth части навечитани по периому вкадемическому изданію 1783 и 1784 гг.

Учения винга денний истории, И. Карфева, Съ петорическими партами. Свб. 900. Пол. 2-и. Стр. 307. Ц. 1 р. 20 и.

Учебника по древней исторія составлена Авторома на тіха же свянка общихь началиха, которыя легла въ основаніе его же учебникова ин средненіванной и накой исторіи, и посому и дась, крома текста, имаются приложения и карти, предпазначения из усму, этоби облег-чить трукь учащихся при усповній ими необкодиних водробностей сеографія превыко віра. Гозно также и въ настоящемъ руководстве по дренией исторія составитель его строго раздізать воложение событій внутревних в отв. можду-

Биклютика вкликихъ писатилий, подъ редакцією С. А. Венгерова. Шекспиръ. Съ напестраціями. Под. Броктауля-Ефрона. Т. І. Стр. IV+572. Т. II. Стр. 577. Спб. 902.

Посль собранія сочиненій Шихлера, законченнаго ведаляю из четырека томака, редалція "Библіотеки пеликих» писателей" приступила чь жазавія Шексовра по той же вирокой програмив, из существующих и отчасти въ по-никъ переводаха, съ объяснительники предисловіжив на каждой вьест и съ историко-литературиния враибчанізми, сь васьою идпострацій. Въ первомъ том'ї напечатано посомь влесъ —из тома числе "Ромео и Джульетта", на пе-реводе Аполлона Григорьева, "Венеціанскій пупець" из переводі, П. И. Вейнберга, "Сонч въ Иканову почь" и другів, съ придисловіями проф. Всев, Миллера, О. Ф. Экаписваго, Н. И. Данг-певича, Л. Ю. Шевелевича, О. Д. Батленкова, П. О. Моропова и Зии, Вентеропой, Второй TOWN TAXABLETT OF COOK MOON: ROPORT AROSE.". "Ричирда II" на положа перелода H. A. Xosomoscuaro (ca gueracaoniewa R. E. Apcendesa). "Генриль IV» из перевода Зии. Непгеровий и Н. Минекато. "Конень всему жку въневъ", "Много шуму изъ пачето", "Генралъ V" въ переводі Анни Гансень, "Видлорекія прохазиния" в "Дейналення поста, "В пачето пачетряцій помещения съ обоихо говахь 10 гелогранича и фотогранирь, 20 автогнай на отделения зночата и 389 рисункова на текста (въ томачисть-старивние орнаменты патаниямих страотпр., частания и т. и.). Изданіе, оп салой виботности, роскотное.

овъявление о подпискъ

въ 1903 г.

(Тридцать-восьмой годъ)

"ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемисячный журкали истории, политики, литературы.

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мъслия, 12 кингъ мъ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обывновеннаго журнальнаго формата.

подписная цвил.

На тока	По возугоділям:		По четвертина года:			
Вызадоставия, на Кон- тора муриала 15 р. 50 к.	Яньара 7 р. 75 п.	Teas. 7 p. 70 K.	3 р. 90 к.	В р. 90 п.	S p. 90 K.	5 p. 50 s.
CTAMEON	8	8	4	4	4,-,	4
Въ Москва и друг. го- родихъ, съ перес17 " — "				4		
За гравицей, ва госуд. почтов, союма 19 " — "	10	9	6	B , -+	5, -,	*

Отдёльная кинга журнаха, съ доставною и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примъчание. — Вибего разерочни годовой подписки на журнать, подписка на возугодами: на викарћ и імат, и по четвертима года: на викарћ, пиръза, імат и октибръ, принимается — беза павышения годовой півы поливски.

Кинжимо нагазилы, при гододой подписка, гользуются обычнов уступны.

HOAHHCKA

принимается на года, полгода и четверть года;

BL HETEPEFPTE:

BP MOCERT

 жъ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
 жъ отдъленіяхъ Конторы: при книжпыхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просв., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

B'B KIEB'B:

ть кинжи. магия. Н. И. Оглоблина, Крешатиев. 33. въ кинжномъ вагалині И. И. Карбаснікова, на Моховой, и въ Конторії И. Печковской, въ Петровскихъ дивіяхъ.

въ одессъ:

въ виняю, магаз, "Образование",
 Рише певская, 12.

B'b BAPIHABE.

— въ книжи. мараз. "C.-Петербургскій Кинжи. Складъ" Н. П. Карбасиннова.

Примичание.—1) Почновий адресь должена надачить на семе имя, отчество, такпро съ голима обоснателнени, губернів, узада и містомительства, и съ циналівня бина била била почнови разрому почтивно упрежденія, гда (NH) допускаєтня.—3) Перемина адреса должна била самот упрежденія за самона містомительстві подписина.—3) Перемина адреса должна била сообщем Конторі мурнала своюрененню, съ указанісна преданию діреса, при чему городсків пала місторі мурнала своюрененню, съ указанісна преданию діреса, при чему городсків пала місторі пала видопраціє, должацивнить 1 руб., и впогороднию, пересада за городскі пала на почность доставни доставника перехада за городскі пала на почность доставни доставних містахь, и сообщено объявленню отвемина почна била сділаца на помученію слідующей пала мурнала.—4) Билеми на полученіе мурнала писмадалится Конторою только тіма на писториних или писторим подписной курскі 14 доставним инругами.

Надатель и ответственный реалитора М. М. Стасивленичъ.

РИДАКЦІЯ "ВЪСТИНКА ЕВРОПЫ";

ГЛАВНАЯ КОПТОРА ЖУРИЗЛА:

Спб., Газериан, 20.

Buco Steeply GOODS

экспедиція журнала:

Вас. Остр., Академич. пер., 7.